

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЛНА

(1918–1923)

ПРИЛИВ

А.В. ШУБИН

Институт всеобщей истории

А.В. Шубин

Мировая
революционная волна
(1918–1923). Прилив

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ш95

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям*

Шубин А.В.
Ш95   Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. — М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2020. — 773 с. — (Мир между войнами. Версальская система (1919–1940)).

ISBN 978-5-8291-3840-0 (Академический проект)
ISBN 978-5-919840-38-1 (Фонд «Мир»)

Автор, опираясь на обширную литературу и источниковую базу, в том числе на архивные материалы, предлагает читателю комплексное исследование ситуации в мире в первые годы после завершения Первой мировой войны. Вниманию читателей предлагается сравнительный анализ германской и российской революций, описание конструирования Версальско-Вашингтонской системы и выяснение истоков ее непрочности, обзор и типология волны социальных и межнациональных потрясений, охвативших Азию, Америку и Европу в 1918–1923 гг. В центре внимания автора — столкновение сторонников и противников Советской власти в Центральной и Восточной Европе, дискуссии участников Коминтерна и причины перехода революционной волны от прилива к отливу в середине 1920 г. Книга о приливе Мировой революционной волны является первой в серии «Мир между войнами. Версальская система (1919–1940)», над которой работает автор.

Книга ориентирована на историков, политологов, философов и культурологов, но будет, безусловно, полезна читателям, интересующимся социально-политической историей XX столетия.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-3840-0
ISBN 978-5-919840-38-1

© Шубин А.В., 2020
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2020
© Фонд «Мир», 2020

Межвоенный период мировой истории XX в. еще долго будет притягивать внимание людей XXI в. не только своим драматизмом и поучительностью, но и тем, что в те два десятилетия уходят корни нашей нынешней жизни. Конечно, потом была мировая война, бурные 60-е и распад «системы социализма». Но они скорее дополняли, чем отрицали тот мир технологичных городов, национальных интересов и идейных стратегий, который в 20–30-е гг. стал доминировать на планете. В последние десятилетия много говорилось об успехах глобализации и информатизации, но и в фейсбуках люди яростно спорят не о каких-то новых идеях, возникших в XXI в., а о Ленине, Сталине, Гитлере, Бандере, Рузвельте, Черчилле, Ганди, Мао... Даже такие имена-символы, как Че Гевара, Альенде, Дэн Сяопин, Кинг, Рейган, Тэтчер и Горбачёв, — явные последователи гигантов исторической практики и мысли межвоенного периода. А те, кто провидел черты нашего времени еще раньше — от Мора и Локка до Прудона, Маркса и Ницше, — скорее, мыслители, чем практики. Они родились раньше эпохи начала XX в., открывшей возможность опробовать на практике любые сколько-нибудь влиятельные социальные идеи.

Дело, конечно, не в именах-символах: за историческими фигурами стоят могучие исторические процессы. Одним повезло с самореализацией, а другим не повезло с судьбой, пришедшейся на время гигантских и трагических потрясений, потому что в это время человечество вступило в решающую фазу перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому, как мы его иногда называем — «современному» («модерному»), откуда и слово «модернизация». Эта модернизация время от времени сопровождалась потрясениями, охватывающими группы стран. В 1848 г. вспыхнули Западная Европа и Южная Америка, в 50-е гг. — Китай и Индия. Регионы мира уже были взаимосвязаны, но пока не настолько тесно, чтобы их история стала развиваться в унисон. Это был вопрос времени.

Судьбы народов синхронизировала угроза большой войны, а затем и сама война. Но и после ее завершения единство мировой истории сохранилось. История по-настоящему стала мировой, взаи-

мосвязанной в режиме реального времени, когда от новостей из Центральной Азии всерьез зависели повороты судьбы многих стран Европы, а новости из Парижа и Москвы волновали жителей Бомбея и Шанхая. Народы Тропической Африки и Южной Америки тоже втягивались в эти повороты судьбы планеты.

Эпоха, начавшаяся Первой мировой войной и закончившаяся Второй, — не первый случай великих потрясений евро-азиатского масштаба. Но он ближе к нам по времени, он создавал наше время, которое еще не сменилось новым переломом такого же уровня. Государственные и политические деятели неслучайно ссорятся из-за оценок событий 1914–1945 гг. Тот, кого волнуют проблемы мирового значения, еще говорит рожденным тогда терминологическим языком. Межвоенный период — это неушедшее прошлое, от которого еще зависят настоящее и будущее.

Мир на войне (вместо введения)

Тенденции, которые определяли развитие мира после Первой мировой войны, наметились задолго до нее. К концу XIX в. государства Запада управляли большей частью территории планеты. Старый Свет (Европа, Азия и Африка) был поделен между ними. Формальную независимость в Азии и Африке сохраняли лишь несколько стран. Но и они находились в сильной экономической и политической зависимости от государств Европы и США, которые контролировали также формально независимые страны Латинской Америки. От стран Запада экономически зависели и некоторые державы, претендовавшие на политическое полноправие, такие как Российская и Османская империи.

Оборотной стороной мировой интеграции стала глобальная иерархия народов. «Наличность “обетованных земель капитализма”, стран, где капитализм пользуется монопольным положением в мировой борьбе за хозяйственную мощь, предполагает наличность и других стран, стран-данниц»¹, — писал идеолог народников Виктор Чернов, предвосхищая современные термины «ядро» и «периферия» мировой экономической системы. В периферийных «странах-данницах» соотношение благоприятных и разрушительных сторон капитализма гораздо хуже.

Метрополии господствовали над колониями, сильные державы — над слабыми. Правители делили народы, включая их полностью или кусками в свои империи. Национальная консолидация середины XIX в., связанная с формированием индустриальных отношений, с их нуждой в стандартизации культуры хотя бы на национальном уровне, к концу XIX в. трансформировалась в глобальную борьбу за то, какая группа наций будет определять мировые стандарты. Индустриализм перерос национальные рамки географически, но он становился все более огосударственным (что соответствовало и тенденции социального государства), причем не только в регулировании социальных отношений, но и в расчистке пространства для хозяйствования. Выход, найденный в разделе мира на колонии и сферы влияния, оказался недолговечным. Корпорациям, связанным с различными национальными государствами, было тесно на своей части мира. Растущие индустриальные национальные и транснациональные организации готовились к решающей схватке за мировое господство,

---

¹ Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. С. 113.

за право небольшой группы государств определять стандарты нового мирового порядка.

Индустриальное общество, развивавшееся в форме капитализма и разрушавшее устои аграрного традиционного общества по всему свету, в своем развитии вошло в новую фазу. Эта фаза получила название «империализм».

Слово «империализм» сначала воспринималось как синоним агрессивной экспансии империй, но постепенно превратилось в характеристику нового этапа развития капитализма. В 1902 г. Джон Гобсон опубликовал книгу под этим названием («Империализм»). Он считал, что «экономическая сущность империализма коренится в желании сильных и хорошо организованных промышленных и финансовых групп развить и обеспечить себе за счет государства и при помощи государства особые рынки для избыточной массы своих товаров и капиталов»¹. Внешняя экспансия нужна не всему обществу, которому вроде бы должно служить государство, а наиболее влиятельным группировкам бизнеса. «Незаконность употребления народных средств на защиту и поощрение частных интересов следовало бы хорошенько усвоить»², — возмущается Гобсон. Подчинение государственной политики интересам крупного капитала разрушает обычную рыночную систему и несет ущерб всему остальному обществу: «Эта политика требует огромного увеличения государственных расходов. Если бы этим группам пришлось бы платить издержки из своего кармана в виде налога на доходы или на земельную собственность, то игра не стоила бы свеч, во всяком случае — поскольку дело касается товарных рынков»³.

Империализм связан не только с колониальной экспансией, а с внешней экспансией вообще: «Установившийся с недавних пор обычай помещения капиталов в чужих странах в настоящее время настолько развился, что состоятельные и политически могущественные классы Великобритании получают все большую и большую часть своих доходов от капиталов, помещенных за пределами Британской империи»⁴. А для контроля за вложениями капитала необходимо глобальное военное присутствие. Военные расходы требуют средств, которые не дают обычные налоги. Отсрочить платеж и постепенно получить со всего населения с процентами — вот выход. «Возникновение государственных долгов есть нормальное и наиболее знаменательное явление империализма». Туда вклады-

¹ Гобсон Дж. Империализм. А.: Прибой, 1927. С. 99.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 278.

ваются излишние накопления и позднее дают доход, гарантированный государством¹.

Гобсон показал связь внешней экспансии с целым комплексом внутренних явлений в империалистических метрополиях: «Анализ империализма и его естественных пособников, — милитаризма, олигархии, бюрократии, протекционизма, концентрации капитала и жестоких экономических кризисов, — характеризует его как величайшую опасность для современных национальных государств»². Таким образом, работа Гобсона не только обличала внешнюю экспансию, но и открывала эпоху обсуждения возникшей в развитых странах социальной системы, основанной на связи концентрации капитала, милитаризма, бюрократизации и внешнеполитической экспансии.

Гобсон убеждал читателей, что политика империализма несет угрозу странам-империалистам: «Не может быть сомнения, что эта политика есть прямой путь к разорению»³. История не очень-то подтвердила этот вывод. Хотя издержки империалистической экспансии велики, но господство над колониями и возможность навязывать отстающим странам свои экономические условия приносили значительные доходы предпринимателям ведущих держав.

Выгода была такова, что можно было и поделиться ею с пролетариями своих стран. Под давлением социалистов и рабочего движения в ряде стран (Великобритания, США, Германия и др.) было принято социальное законодательство, которое узаконило деятельность профсоюзов, право на стачку, страхование рабочих на случай болезней и травм. По примеру Запада проведение умеренных социальных реформ стало правилом хорошего тона и в тех странах, где не было сильного рабочего движения, например, в России.

Рабочее движение ограничивало возможности капиталистов получать сверхприбыли за счет усиления эксплуатации организованных рабочих. У капитала оставались две возможности для увеличения своих прибылей — внешняя экспансия и совершенствование производственных технологий. Это заставляет капитал искать внешние рынки и выбрасывать во внешний мир излишки капитала и рабочей силы.

Неонародник Виктор Чернов заключал: «Тот факт, что всякий национальный пролетариат становился непосредственно наследником именно своего национального капитализма, при наличии национальных капитализмов, занимавших на мировом рынке привилегированное положение, делал самих пролетариев чересчур заинтересо-

¹ Гобсон Дж. Империализм. С. 100.

² Там же. С. 281.

³ Там же. С. 280.

ванными в наследстве, в состав которого входили эти привилегии»¹. Но Гобсон вслед за Марксом обратил внимание на то, что за фасадом успехов капитализма сохраняются массовое недопотребление и другие острые социальные проблемы. Предвосхитив выводы экономиста Джона Кейнса, прославившегося после Первой мировой войны, Гобсон видел решение проблемы в стимулировании внутреннего спроса. Он противопоставлял империализму демократию, контроль народа над правительством и социальные реформы, направленные на решение внутренних проблем².

Тенденции, которые Гобсон анализировал в их зрелой фазе, стали проявляться в последней трети XIX в. и на своих ранних стадиях были подмечены еще в 1873 г. острым глазом Михаила Бакунина: «Окончательное осуществление противународной идеи новейшего государства, имеющего единою целью устройство самой широкой эксплуатации народного труда в пользу капитала, сосредоточенного в весьма немногих руках...» По убеждению Бакунина, это означает торжество «банократии под могущественным покровительством фискально-бюрократической и полицейской власти...». «Новейшее государство по своему существу и цели есть необходимо военное государство, а военное государство с тою же необходимостью становится государством завоевательным... И точно так же, как капитальное (капиталистическое. — А. Ш.) производство и банковская спекуляция, поглощающая в себе под конец даже это самое производство, точно так же, как они под страхом банкротства должны беспрестанно расширять пределы свои в ущерб поедаемым ими небольшим спекуляциям и производствам, должны стремиться стать единственными, универсальными, всемирными; точно также новейшее государство, по необходимости военное, носит в себе неотвратимое стремление стать государством всемирным...»³ Эта характеристика — приговор целой эпохе бурного становления капитализма в первой половине XIX в., его неустойчивости, возможности революционных прорывов в будущее. Бакунин утверждал, что впереди — длительный (10–50 лет) период господства диктатур, который завершится, вероятно, мировой войной, открывшей новую эру революций⁴. Так и случится, даже сроки точны.

После Гобсона тематика империализма была подхвачена марксистами, ведь экономика — их конек. Рудольф Гильфердинг, развивая

¹ Чернов В.М. Конструктивный социализм. С. 112.

² Гобсон Дж. Империализм. С. 281.

³ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М.: Правда, 1989. С. 302.

⁴ Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. М.; Л.: Издательство Коммунистической академии, 1927. Т. 4. С. 402–403.

идеи Маркса и Гобсона, в «Финансовом капитале» (1910), а вслед за ним Роза Люксембург в «Накоплении капитала» (1913) и Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) показали, что капитализм вошел в новый монополистический этап, что концентрация финансовых капиталов связана с производственной концентрацией. Монополизация создает предпосылки для централизованного рационального управления экономикой, о которой мечтают марксисты. А значит, что империализм — это последняя фаза развития капитализма¹. А если не социализм, то катастрофа и деградация человечества.

Ленин настаивал, что империализм является «загнивающим» капитализмом, тормозящим развитие экономики (у коммунизма оно получится гораздо лучше). Однако в действительности империализм создавал «социальный заказ» на новый комплексный научно-технологический переход (такие изменения можно назвать научно-техническими революциями). Экономика переходила с пара на двигатель внутреннего сгорания, внедрялись электричество, радиосвязь, что меняло скорость транспорта и общения. Появились первые автомобили, первые кинофильмы, первые самолеты. В авангарде технического прогресса шли и изобретатели средств уничтожения людей. Разрабатывались и испытывались первые пулеметы, бронеавтомобили и подводные лодки. Все это получало щедрое финансирование. Подобные средства мировые державы могли использовать как друг против друга, так и против выступлений недовольных масс.

С конца XIX в. в воздухе витала угроза войны в Европе, которая могла стать мировой хотя бы потому, что в этой части света располагались основные метрополии колониальных империй. «Обделенными» чувствовали себя Германия, Австро-Венгрия и Италия, владения которых заметно уступали территориям Великобритании, Франции и России. В то же время и «необделенные» государства надеялись многое приобрести в результате войны. В частности, французы болезненно переживали захват немцами Эльзаса и Лотарингии в 1870–1871 гг. В 1882–1907 гг. в Европе сложились два враждебных военно-политических блока: Антанта («Сердечное согласие») и Тройственный союз. В Антанту входили Великобритания, Франция и Россия, в Тройственный союз — Германия, Австро-Венгрия и Италия.

Наиболее острыми в конце XIX — начале XX в. выглядели противоречия между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой. Российская дипломатия маневрировала

¹ Подробнее см.: Люксембург Р. Накопление капитала. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934; Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.

между двумя лагерями. Германия, Австро-Венгрия и Россия вступили в борьбу за влияние на Балканском полуострове. Германия рассчитывала использовать проложенную ею железную дорогу через Балканы для экспансии на Ближний Восток, оставшийся еще не поделенным между европейцами. Австро-Венгрия стремилась расширить свои балканские владения. Россия традиционно считалась защитницей славянских народов, особенно сербов, и в свою очередь надеялась выйти через их земли в бассейн Средиземного моря. Таким образом, Балканы стали взрывоопасным регионом, но здешние войны 1912–1913 гг. остались локальными, не переросли в мировой конфликт.

Мир был поделен, в повестку дня вставал его передел, чреватый глобальной войной. Мировая экспансия нескольких государств вела к накоплению конфликтов между ними по всему свету, складыванию коалиций, которые рано или поздно должны были столкнуться. В любом учебнике, посвященном этому периоду, можно прочитать, как подобные противоречия вели к войне. Получается фаталистическая картина европейского марша к бойне. При таких социальных процессах и внешнеполитических раскладах широкомасштабная война в Европе становилась весьма вероятной.

Мало кто ждал, что война окажется настолько кровавой и окажет настолько грандиозное воздействие на социально-экономическое развитие. У человечества еще не было такого страха перед глобальными войнами, который помог предотвратить перерастание холодной войны второй половины XX в. в горячую. Но ведь не было и оружия, подобного атомному, грозящего тотальным уничтожением.

Но была ли эта война неотвратима? Ведь с конца XIX в. ее не раз удавалось избежать. Получается, что история могла пройти мимо такого кровопролития и его последствий, олицетворяемых Лениным, Сталиным и Гитлером. Без мировой войны они, скорее всего, остались бы просто малоизвестными деятелями. Каким же мог быть мир без мировой войны?

* * *

Люди всматриваются в будущее. Что ждет нас в ближайшие годы? Проблемы во всем мире нарастают. Или само рассосется? Какой будет середина XXI в.? Точно так же люди всматривались в будущее и в начале XX в.

Уже тогда было ясно, что «век девятнадцатый железный» продолжится с тем же металлическим скрежетом и блеском. Как и сейчас, большие надежды возлагались на технологии. Электрический

свет, двигатель внутреннего сгорания, путешествия по воздуху, радиосвязь — что еще нужно для счастья человечества? Впрочем, гуманизаторы предупреждали технократов: сама по себе техника не меняет человеческих отношений, а может служить и добру, и злу. А вот социальные тенденции более чем тревожны. Народники обращали внимание на деструктивные стороны капиталистического прогресса, на создание и приумножение им «противопоставленной обществу, озлобленной, физически и духовно сиротской и выбитой из колеи стихии “охлоса” — капиталистической резервной армии труда...»¹. Леворадикальные идеологи, такие как Михаил Бакунин и затем Владимир Ленин, видели в этой стихии шанс социального взрыва, который протолкнет человечество в будущее со скоростью пушечного ядра. Другие теоретики посткапиталистического общества, такие как Николай Михайловский, Виктор Чернов, Эдуард Бернштейн и Карл Каутский, видели в этих взрывоопасных тенденциях угрозу социалистическому конструированию нового общества, более совершенного, чем капитализм. А вот кризис капитализма, приближение пределов его развития, стал темой почти всеобщего обсуждения.

Много шума наделала вышедшая в 1895 г. антиутопия фантаста Герберта Уэллса «Машина времени», где в будущем социальные различия перерастут в биологические, и одичавшие трудящиеся будут не только откармливать отупевшую элиту, но и питаться ее представителями. Это был сильный вызов капиталистической перспективе, на который она до сих пор, судя по экранизациям книги Уэллса, ответ не нашла.

Вслед за Бакуниным некоторые авторы предрекали, что если процесс монополизации капитализма продолжится до максимума, то все мировые корпорации могут слиться в одну и образовать мировое государство, противостоящее трудящимся и обладающее колоссальной силой подавления. Писатель Джек Лондон в 1908 г. выпускает антиутопию «Железная пята», в котором государство сращивается с трестами (в итоге — единым трестом) и устанавливает диктатуру олигархии, подавляющую сопротивление трудящихся.

Два Карла, Каутский и Либкнехт, писали, что сращивание капиталов также может привести к слиянию монополий и соответствующему объединению капиталистических государств («ультраимпериализм»), Рудольф Гильфердинг рассматривал ситуацию как «всеобщий картель», считая, впрочем, что такая предельная точка вряд ли будет достигнута сама собой. Николай Бухарин утверждал,

¹ Чернов В.М. К обоснованию партийной программы. Пг.: Типография Ю.Я. Римана, 1918. С. 19.

что может произойти сращивание мирового треста с мировым государством, и в результате образуется сверхэксплуататор — государственный капитализм: «Отдельные сферы концентрационного и организационного процесса подгоняют одна другую и создают сильнейшую тенденцию к превращению всего национального хозяйства в одно гигантское комбинированное предприятие под началом финансовых королей, монополизирующее национальный рынок и являющееся предпосылкой организованного социалистического хозяйства»¹. Марксист просто обязан считать подобные процессы предпосылкой для глобального социализма. Но никаких доказательств этого Бухарин не привел. В реальности империализм мог вести не только к социализму, но и к капиталистической глобализации и государственно-индустриальной системе тотального господства, позднее известной как тоталитаризм. Такие теоретики, как Ленин и Люксембург, надеялись, что империализм разрушится до этой предельной фазы — слишком сильны внутренние противоречия. И тогда инициативу перехватят рабочий класс и его социал-демократические вожди.

В конце XIX — начале XX в. популярность набирала социалистическая идея, которая предлагала, пока не поздно, заменить капитализм более совершенным общественным строем (социализмом или коммунизмом), который позволит преодолеть неравноправие, классовый конфликт и угнетение². Но как это сделать? Большинство теоретиков того времени, зачарованные успехами городского промышленного прогресса, считали, что нужно просто оседлать тенденцию, которая вела к «железной пяте», и поставить ее на службу всем людям.

Эдвард Беллами в 1888 г. выпустил утопический роман «Взгляд назад» (в русском переводе — «Через сто лет»), где пророчил весьма вероятную для того времени перспективу: «Промышленность и торговля были изъяты из рук группы неответственных корпораций и синдикатов частных лиц, действовавших по своему капризу и в своих личных выгодах, и вверены одному синдикату, явившемуся представителем нации, который должен руководить делом в общих интересах и для пользы всех»³. Беллами верит в торжество общего интереса, который вычисляется рационально и на пользу которому

¹ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 53.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 355–458.

³ Утопия XIX века. Проекты рая. Э. Баллами, У. Моррис, Э. Бульвер-Литтон. М.: АСТ, 2019. С. 176.

трудятся все в своего рода промышленных армиях, благодаря чему и наслаждаются жизнью.

Подробные перспективы рисовали и марксистские теоретики. Авторитетнейший идеолог марксизма и Второго интернационала Карл Каутский нарисовал картину будущего общества в книге «Пролетариат и общественный строй». Конструктивная часть этой работы называлась «Государство будущего» (примечательно, что не «Общество будущего» — в марксизме все больше начинал преобладать этатизм). Из нее любой желающий должен был узнать, как будет выглядеть общество, которое возникнет после победы пролетариата во главе с социал-демократами. Это общество Каутский называет социализм или коммунизм, отождествляя оба понятия¹.

Капитализм тормозит экономическое развитие, медленно поглощает мелкое производство и не может занять работой всех рабочих². Социализм обеспечит беспрепятственную концентрацию ресурсов, позволит привлечь больше работников и распределить рабочую силу более рационально, в соответствии с планом. Будет сохранена зарплата. Получается, что работники станут просто наймитами государственного центра, который, по мнению Каутского, представляет всех трудящихся.

По Каутскому, социалистическое общество «есть единое, гигантское промышленное предприятие»³. Социал-демократия не может «устранить зависимость работника от хозяйственного целого, в котором он образует одно из колес...»⁴. Зато теперь это будут равноправные, товарищеские колеса (как говорили в XX в. — «винтики»). Или равно-бесправные?

Каутский считает, что социализм несовместим с торговлей: «Социалистическое же производство нуждается не столько в национализации торговли, сколько в ее замене организацией товарооборота между коллективами производителей и потребителей»⁵. Такие же идеи затем будет отстаивать и Ленин, выстраивая политику «военного коммунизма».

Интересное развитие идей Каутского предложил экономист Карл Баллод, который под псевдонимом Атлантикус выпустил в 1898 г. книгу «Государство будущего». В ней он провел конкретные подсчеты, которые, с его точки зрения, доказывали, что в Германии есть

¹ Каутский К. Пролетариат и общественный строй. Одесса: Буревестник, 1905. С. 86.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 304.

все, необходимое для социализма. Таким образом, получалась конкретная модель «социализма в одной стране». Читая этот прогноз, продиктованный наилучшими намерениями автора, иногда останавливаясь в изумлении — насколько описанное напоминает СССР.

Можно, конечно, возразить, что Каутский и другие идеологи Второго интернационала не несут ответственности за вычисления профессора Баллода. Но, с другой стороны, Атлантикус взял на себя бремя конкретного обоснования модели социал-демократии. В 1898 г. он ни в чем не возразил концепции Каутского. В книге Баллода предпринята наиболее последовательная и конкретная попытка соединения социал-демократической идеологии того времени с реальностью. Если модель Баллода не годится, то ничего более конкретного в обоснование конструктивной модели социал-демократии все равно сделано не было.

Баллод исходит из того, что «нет необходимости, чтобы весь земной шар одновременно перешел к социализму»¹. Из этого следует, что социализм можно строить первоначально в рамках одной страны... и ее колоний. Вывод о единстве метрополии и колоний продиктован экономическими соображениями — где-то необходимо брать сырье, а Баллод предпочитает свести внешний обмен к минимуму, чтобы все экономические процессы были подвержены планированию из единого центра. Конечно, колонии будут называться иначе, это будут своего рода союзные республики, которые постепенно станут подвергаться просвещению и втягиваться в наиболее передовые экономические отношения. Как социал-демократ Баллод является противником колониального угнетения. Но как экономист он выступает за сохранение сложившихся хозяйственных связей. Тем более что при социализме они ведь уже не будут основаны на угнетении. Впрочем, даже если Германия потеряет колонии, проект Баллода не рухнет — в варианте своей работы, написанном в 1919 г., он включает в свои расчеты практически только ресурсы собственно Германии.

Баллод пытался выяснить, каково максимально рациональное использование имеющихся производительных сил и ресурсов, и видел его в «централистической организации» крупного производства, организованного как единый организм народного хозяйства². Баллод фанатично верит в крупное производство, он выясняет, сколько еще крупных предприятий нужно основать, чтобы все производство было сосредоточено именно в крупных предприятиях — что должно привести к резкому подъему общей производительности труда.

¹ Баллод К. Государство будущего. М.: Всероссийский центральный союз потребительских обществ, 1921. С. 157.

² Там же. С. 3, 6.

Население, отбывшее трудовую повинность, по Баллоду, должно размещаться в городах-садах, состоящих из семейных вилл. Здесь есть электричество, газовое отопление, трамвайное сообщение. Эта попытка представить себе, как будет происходить стирание различия между городом и деревней, еще не могла быть последовательной из-за неразвитости технических средств. Жизнь на виллах доступна «пенсионерам», а работники должны находиться близ крупных предприятий, на которых отбывают трудовую повинность.

«Социалистическое» государство Баллода не лишено и элиты. Со школьной скамьи экзаменационным путем производится отбор талантов в управленческую и научную элиту (как не вспомнить многовековую систему комплектования элиты Китая и Кореи с помощью экзаменов). Работа управленцев и ученых оплачивается очень высоко. Баллод подробно прописывает номенклатуру должностей, количество чиновников, которые должны оплачиваться очень высоко, высоко и т. д. Но в любом случае зарплаты чиновников должны в несколько раз превышать доходы простых тружеников. По мере развития общества управленческие функции будут доведены до автоматизма, и количество чиновников значительно упадет.

Но для бюрократии — непочатый край работы. Все нужно согласовать: интересы производителей и потребителей, отраслей и территорий.

Баллод категорически отстаивает централизованное распределение основной массы продуктов. Рынок при социализме заменяется распределением со складов. Баллод тщательно увязывает отрасли, считает кирпичи, доски и даже рояли, которые сможет произвести промышленность. Слабая сторона этих вычислений — отсутствие качественных показателей. Ведь рояли бывают очень разного качества, и те, кому они нужны, хотели бы получить рояль получше. Эта же проблема позднее болезненно скажется в советском планировании¹.

Однако если можно провести такие вычисления для столь сложной экономики, как германская, то ничего не мешает распространить такой подход и на весь мир. Ведь как только другие развитые страны вдохновятся рациональностью германского социалистического примера и пойдут по тому же пути, никакого смысла в государственных перегородках не будет. Ведь даже при капитализме ресурсы перемещаются между странами Европы, а если в них продукция будет распределяться рационально, то искусственные препятствия снимутся и возникнет мировое социалистическое хозяйство.

¹ См.: Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С. 109, 120–121.

Лишь редкие авторы из консервативных, социалистических и анархических кругов высказывали мнение о том, что цивилизация слишком далеко зашла по пути индустриального развития и урбанизации, и в интересах свободы человека возвращение к сельскому образу жизни и ремесленному производству. Однако адепты такого пути, подобные художнику и литератору левых взглядов Уильяму Моррису, звавшему в счастливый коммунистический «деревенский мир, оживленный сметкой и подвижностью городского населения»¹, не объясняли, как при падении производительности труда, неизбежном в случае отказа от массового применения машин, можно будет прокормить и обеспечить вещами население, многократно разросшееся по сравнению со Средневековьем. Большинство авторов связывало преодоление социальных язв с ростом производства материальных благ, чему должно было содействовать рациональное упорядочение всей экономики.

Концентрация производства и капитала росла, и это, казалось, облегчало грядущий переход к рационально организованному обществу. Социал-демократы, которые тогда были течением, сочетавшим политическую практику с авторитетом школы социально-экономических исследований, авторитетно утверждали, что пролетариат Западной Европы, прежде всего Германии, становился все более зрелым. Это значит, что вскоре он во главе с социал-демократией возьмет власть в нескольких наиболее развитых странах и станет руководить миром, направляя по опробованному пути прогресса менее развитые народы (колониальная система создала практическую модель такого будущего). Крестьянская периферия мира была обречена на индустриальную переделку.

Указывая на рост уровня жизни в капиталистических метрополисах, социал-демократический теоретик Эдуард Бернштейн настаивал, что эволюция капитализма ведет к улучшению положения работников и развитию элементов, которые считались эксклюзивными признаками социализма. Следовательно, достичь целей социал-демократии можно без всякой революции. Укрепление капитализма — это и есть путь к социализму. Как писал Чернов, для марксистов в начале XX в. «социалистический переворот представлялся детищем экономического полнокровия»². Марксистская школа воспевала «положительную “объективную историческую миссию” капитализма, видела в нем великого “собирателя” рабочих в крупных центрах, воспитателя их в трудовой дисциплине»³.

¹ Утопия XIX века. Проекты рая. С. 455.

² Чернов В.М. К обоснованию партийной программы. С. 18.

³ Там же. С. 19.

Каутский, хотя и критиковал Бернштейна за слишком оптимистическое отношение к капитализму, надеялся, что «пролетарская революция в противоположность буржуазной будет проведена “мирными” средствами экономического, законодательного и морального характера, а не средствами физического насилия»¹. Ведь социальное потрясение ведет к падению производства, а социализм должен базироваться на более развитом производстве, чем капитализм. Каутского не смущает, что то же можно сказать и о соотношении феодализма и капитализма, но Великая Французская революция привела к экономическим разрушениям. Однако Каутский обходит этот исторический опыт, надеясь на мирный переворот не как на шанс, а как на обязательное условие успеха социализма. «И когда говорилось о пролетариате как о могильщике и вместе наследнике капитализма, то предполагалось, что у него будет богатое, а не расстроенное вконец наследство, невольно вызывающее “насмешку горькую обманутого сына над промотавшимся отцом”»², — комментирует Чернов. Для большинства германских социал-демократов переход от капитализма к социализму не должен привести к сбоям экономической эволюции. Получается какая-то сугубо верхушечная революция, еле заметный переворот. А между тем речь идет, по Марксу, о наиболее глубинном преобразовании в истории человечества.

Казалось, капитализм создал для этого прекрасные предпосылки. Мир никогда прежде не был таким единым — ведь Европа и США возглавили человечество и стали подчинять его единым правилам экономического и политического поведения. Сорвать поступательное движение прогресса от капиталистического хаоса к социалистической организованности через империалистическую полуорганизованность может только большая война. Она антигуманна, разрушает производительные силы, раскалывает рабочий класс и социалистическое движение по национальным границам. Отсюда тесная связь борьбы социалистов за революцию с борьбой против войны. Второй интернационал поддержал пацифистские движения и придал им невиданную массовость. Авторитетом социал-демократических партий он давил на общественность и власти, убеждая их, что войну нельзя допустить. На конгрессах Интернационала социалисты Германии и Франции, России и Австро-Венгрии братски обнимали друг друга и обсуждали, как они ответят на объявление войны всеобщей стачкой, чтобы не дать разорвать братские связи пролетариев разных

¹ *Каутский К.* Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М.: Антидор, 2002. С. 53.

² *Чернов В.М.* К обоснованию партийной программы. С. 18.

стран. Почти все это братство развеется как дым с первыми залпами большой войны.

Государственные руководители тоже уверяли своих граждан и подданных, что сделают все, чтобы большая война не случилась. В 1899 и 1907 гг. на Гаагских конференциях обсуждались ограничения гонки вооружений, но договориться удалось о правилах ведения войны и порядке переговоров, которые могли бы дать миру шанс. В 1911 г. во время Второго Марокканского кризиса (так называемый «Прыжок “Пантеры”») это показало свою эффективность — Германия и Франция отошли от края войны. В 1912–1913 гг. Россия воздержалась от вмешательства в локальные Балканские войны. Долгие годы нарастание противоречий между коалициями не приводило к войне и даже могло восприниматься как фактор ее сдерживания. Италия, которая длительное время считалась союзницей Германии, в 1914 г. в войну не вступила. Так что даже членство в союзе не делало вступление в войну гарантированным. Несмотря на мощные тенденции, которые способствовали развитию империализма и военных конфликтов на его почве, историческая ситуация была довольно гибкой, и война в каждый отрезок времени предопределена не была.

Если бы удалось пройти по краю пропасти и избежать большой войны в Европе, которую принято называть мировой, мир все равно бы шел по пути экономической концентрации, усиления государственного регулирования и планирования экономики, роста бюрократии, технического «перевооружения» всех сторон жизни (возможно, несколько медленнее), социально-политической поляризации через усиление правых шовинистических сил, с одной стороны, и левых, опирающихся на рабочее движение, — с другой. А значит, революционные потрясения все равно стояли на повестке дня. Война их отложила. Но ее тяготы затем и ускорили мировой революционный подъем. Вероятно, без войны развитие мира было бы более эволюционным, по крайней мере, до серьезного мирового экономического кризиса. А он, как показала история 20-х гг., был неизбежен. Мировая революционная волна возникла бы так или иначе, но мировая война придала этому явлению более милитаризованный характер. Война дала оружие в руки миллионов трудящихся, научила с ним обращаться и приучила прибегать к его помощи.

* * *

У войны может быть множество причин, и она может не состояться, если весомость этих причин не достигнет критической отметки. Почти до последнего момента войну можно предотвратить, найти выход и компромисс. Затем кризис может миновать, союзы — пере-

группироваться, новые ситуации — возникнуть. Общий конфликт может распасться на локальные. Если...

Если не возникнет последняя капля — небольшая гирька, называемая *casus belli*. Европейские государства создали такую систему международных отношений, в которой способом поддержания мира было балансирование на грани войны. Вероятность войны возрастала в ней постоянно, но пока на чашу весов не упала последняя гирька — маленькая причина, называемая «поводом к войне», — возрастающая угроза оставалась бы лишь потенциальной.

Как известно, летом 1914 г. цепную реакцию военно-политической катастрофы вызвал теракт боснийско-сербских националистов, которые убили наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда Габсбурга и его жену. В те годы происходило множество разнообразных терактов, но этот попал в самую точку, спровоцировав конфликт Австро-Венгрии и Сербии, который привел в движение дипломатов и армии по всей Европе. Началась война, которая сначала до максимума усилила империалистические тенденции и тем самым подвела участников к грани краха. Но на это требовалось время. А в 1914 г. оптимистические настроения по поводу перспектив войны переросли в шовинистическую эйфорию победы над врагом, который только и мешает прогрессу в каждой из стран-участниц.

О Первой мировой войне написаны многие тонны книг и статей. Но поскольку эта война непосредственно связана с формированием предпосылок мировой революционной волны 1918–1923 гг., здесь необходимо коротко напомнить о том, как развивалась эта война.

Убийство Франца Фердинанда обострило австро-венгерско-сербский конфликт. Австро-Венгрия при поддержке Германии 28 июля 1914 г. объявила войну Сербии. Россия, выступавшая гарантом сербской независимости, в ответ объявила мобилизацию, но вместе с тем продолжала вести переговоры о предотвращении войны. 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, а затем Франции. Великобритания (их союзник по Антанте) объявила войну Германии. От вступления в войну воздержалась союзница Германии и Австро-Венгрии — Италия, а на стороне Антанты выступила Япония. Большинство населения поддержало свои правительства, и в Европе поднялась волна шовинизма. От «рабочей солидарности» не осталось и следа. Социал-демократы, избранные в парламенты своих стран под обещания бороться против угрозы войны, теперь дружно голосовали за военные кредиты и обличали варварство народов-противников. Исключение составляли единицы, такие как Карл Либкнехт в Германии и большевистские депутаты в России.

Страны Антанты рассчитывали парализовать германскую экономику с помощью морской блокады и разгромить противника, нанеся ему удары с двух сторон — из Франции и из России. Германский Генеральный штаб, учитывая эту опасность, планировал разгром Франции до окончания мобилизации в огромной Российской империи. По этому плану германская армия должна была обойти французский фронт по территории Бельгии, находившейся вне военных союзов. Нарушая границы нейтрального государства, Германия тем самым перечеркивала международные договоры и соглашения.

В августе 1914 г. в движение пришли невиданные по численности армии — более 6 млн человек на стороне Антанты и более 3,5 млн человек на стороне блока Центральных держав. Германия должна была спешить. Уже в сентябре ее армия перешла реку Марну и оказалась в пределах прямой видимости от Парижа. Французы с трудом сдерживали натиск врага.

В этот момент, не дожидаясь окончания мобилизации, Россия начала наступление и одержала победу под Гумбинненом. Германский Генеральный штаб, спасая положение, был вынужден срочно перебросить на Восточный фронт часть своих сил. Французам удалось удержать свои позиции, наступление на Париж захлебнулось, но немцы сумели нанести тяжелое поражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии.

Зато южнее, в Галиции, русские успешно наступали на позиции австрийцев. Немцам пришлось спасать союзников, перебрасывая свои части и туда. Избежать войны на два фронта не удалось. Одновременно Антанта захватила ряд германских колоний и установила морскую блокаду Германии. Немцы поначалу даже не пытались прорвать ее ввиду значительного превосходства британского флота.

Единственным утешением для Германии к концу 1914 г. стало вступление с ноября в войну на ее стороне Османской империи. Впрочем, последняя тут же стала терпеть поражения от русского оружия на Кавказе. России сочувствовало армянское население. Турецкие власти, мстя за свои неудачи ни в чем не повинным жителям, весной 1915 г. устроили геноцид армян. Сотни тысяч людей безжалостно уничтожались и выселялись на территории, непригодные для проживания, где они гибли от голода и болезней. Армяне подняли восстание против турок, им на помощь пришла русская армия.

Весной–летом 1915 г. Германия и Австро-Венгрия попытались прекратить губительную для себя войну на два фронта, ударив по России. Пользуясь затишьем на Западе, их войска прорвали Восточный фронт. Выяснилось, что экономика России не готова к ведению вой-

ны. Из-за этого российская армия с большими потерями вынуждена была оставить Польшу, Галицию и Литву. Однако Германии и ее союзникам не удалось ликвидировать русскую угрозу.

В 1915 г. фронт стабилизировался. Выяснилось, что средства наступления в начале XX в. были слабее средств обороны. Армии зарывались в землю, выкапывая многокилометровые линии траншей, защищенные минными полями, колючей проволокой, пулеметным и артиллерийским огнем. Прорвать такой фронт было очень трудно — это требовало многочисленных жертв.

В феврале 1916 г. немцы начали штурм французской крепости Верден. Потеряв, по некоторым данным, до 600 тысяч человек, они продвинулись вперед всего на 7 километров. В июле Антанта предприняла столь же бессмысленное наступление на Сомме. Пройдя 10 километров, союзники лишились 900 тысяч человек. Фронт был изрыт окопами и завален трупами. Восточный театр военных действий, на котором сражалась Россия, был более подвижен. Германская армия теснила российскую, а российская — австро-венгерскую. Но и Восточный фронт закопался в траншеи, которые на обширных пространствах не двигались годами.

Серьезно изменить ситуацию на фронте могло вступление в войну новых стран. В октябре 1915 г. Болгария решила нанести удар по своему старому противнику — Сербии и таким образом выступить на стороне Германии. Со вступлением в войну Болгарии оформился Четверной союз: Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария. Италия, бывший союзник Германии, в мае 1915 г. присоединилась к Антанте, надеясь захватить Южный Тироль (Трентино) и часть Адриатического побережья Балкан. Но итальянцы терпели поражения от австрийцев. В марте 1916 г. тесно связанная с Великобританией Португалия вступила в войну и направила в помощь Антанте контингент своих войск. В августе 1916 г. на стороне Антанты выступила Румыния. Ее войска вскоре были разгромлены, столица оккупирована противником, а российской армии пришлось растянуть свой фронт на юг, чтобы прикрывать восточную часть Румынии.

Отношение к войне раскололо Грецию. На этих событиях мы остановимся чуть подробнее, так как они серьезно повлияли на послевоенную международную ситуацию. Либералы во главе с Элефтериосом Венизелосом выступали за участие в войне на стороне Антанты, чтобы затем за счет Турции сделать Эгейское море внутренним морем Греции и, может быть, восстановить над Константинополем власть греков, потерянную в 1453 г. («великогреческая идея»). Король Константин I не желал воевать с Германией и Австро-Венгрией. В 1915 г. Венизелос провел в парламенте решение о вступлении

страны в войну и предоставил войскам Антанты плацдарм против османских войск. Тогда король отстранил от власти правительство и распустил парламент. Но в 1916 г. войска Антанты все равно высадились в Салониках, и либералы захватили там власть. Венизелос провозгласил в этом городе правительство, которое Антанта признала законным и блокировала территорию, подконтрольную королю. В июне 1917 г. под угрозой гражданской войны и бомбардировки Афин флотом Антанты Константин отрекся от престола. На трон был посажен его сын Александр I. Венизелос утвердился в Афинах, и в июле 1917 г. Греция вступила в войну на стороне стран «Сердечного согласия». Греция была нужна Антанте, чтобы создать сильный плацдарм в районе Салоник, угрожавший Османской империи, Болгарии и австро-венгерским позициям на Балканах.

В августе 1917 г. в войну на стороне Антанты вступил Китай. К этому времени бои в Тихоокеанском бассейне уже завершились, так что этот акт центральных китайских властей, слабо контролировавших всю свою страну, был скорее символическим. Китай мог немного помочь России рабочей силой. Крупнейшим фактором, повлиявшим на шансы сторон победить в 1917 г., стала рокировка: вступление в войну США и выход из войны России.

* * *

Становилось очевидным, что войну выиграет не фронт, а тыл. Началась борьба на истощение.

Стремясь удовлетворить запросы фронта, большинство предприятий воюющих стран переключилось на производство военной продукции. Наряду с перебоями в поставках сырья и продовольствия это привело к дефициту товаров повседневного спроса.

В Западной Европе вводилось государственное регулирование производства и распределения. Население снабжалось продовольствием по карточкам, предприятия получали планы производства и нормы потребления ресурсов. Карточная система не позволяла удовлетворить потребности людей, часть продуктов продавалась нелегально — на черном рынке. Миллионы людей были обречены на полуголодное существование. Особенно тяжелое положение из-за блокады сложилось в Германии во время так называемой «брюквенной зимы» 1916/1917 гг., названной в честь овоща, который заменил немцам остальные продукты питания. Население Германии и Австро-Венгрии пока подчинялось дисциплине, но было не ясно, насколько еще хватит терпения.

Тяготы войны делали ее все менее популярной. Если в 1914 г. известие о начале конфликта сопровождалось восторженными патрио-

тическими манифестациями, то через три года крови, грязи и окопного застоя миллионы людей проклинали зачинщиков бойни, ругали свои власти и мечтали о мире как о манне небесной. Это вернуло надежду на популярность меньшинству социал-демократического движения, которое с самого начала отказывало в поддержке своим государствам в глобальной войне, бессмысленной с точки зрения интересов трудящихся. Левые социалисты, собравшиеся в сентябре 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд, выступили за мир без аннексий и контрибуций, то есть за прекращение войны вничью. Но чтобы страдания народов не прошли даром, предлагалось изменить границы демократическим путем, с помощью голосования граждан, предоставив народам право на самоопределение. Предполагалось, что в одном государстве удобнее жить людям, говорящим на одном языке, и этот принцип стал трактоваться националистически — как право наций на самоопределение. Такая трактовка, уже не требовавшая обязательных референдумов, а опиравшаяся на исследования этнографов, получила распространение как среди социалистов, так и среди либералов. Соблазнительно было найти опору послевоенного порядка в набиравших силу национальных движениях.

В войне на истощение преимущество было у стран Антанты (прежде всего — Англии и Франции) с их огромными колониями и мощным британским флотом, блокировавшим германское побережье. Сконцентрировав свои силы, немцы попытались ответить блокадой на блокаду. С помощью подводных лодок они атаковали торговые суда противника. 31 мая — 1 июня 1916 г. у полуострова Ютландия произошло крупнейшее в истории войны морское сражение, в котором участвовали флоты Германии и Великобритании. Несмотря на его ожесточенность, ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Германия перешла к неограниченной подводной войне, от которой страдали и американцы. 6 апреля 1917 г. это способствовало вступлению в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов с их огромным экономическим потенциалом. Однако это была не единственная причина. Американские граждане два года гибли в пучинах Атлантики от торпед германских подводных лодок, но общественное мнение США противилось вступлению в союз с российским самодержавием.

Тяготы войны превратили ее в своего рода «танцевальный марафон», участники которого один за другим падают от изнеможения. В данном случае падали режимы. В марте 1917 г. началась Великая российская революция 1917–1922 гг. и пал монархический строй России. После того как Россия провозгласила демократию, американское общественное мнение уже не противилось вступлению в войну — ведь теперь против авторитарных государств воевал блок

«демократических». Президент Вудро Вильсон сумел убедить парламентариев, что самое время положить на чашу Антанты американскую военную и экономическую мощь. Вслед за США войну Германии объявили несколько латиноамериканских государств, что было скорее символическим актом. А вот США решили дебютировать в качестве державы, от которой зависит судьба всего мира.

Но в ноябре 1917 г. революция в России поглотила социал-либеральное Временное правительство, и пришедшие к власти большевики взяли курс на скорейшее прекращение войны. Мы еще вернемся к драматичной истории заключения 3 марта 1918 г. сепаратного Брестского мира, который оказался крайне тяжелым для России, вывел из войны также Румынию и дал Четверному союзу некоторое облегчение как продовольственного, так и военного положения. Однако Брестский мир не компенсировал Центральным державам факторов морской блокады и вступления в войну США.

У Германии оставался один шанс на победу: бросить все силы на Западный фронт и разгромить противника до того, как рухнет истощенная германская экономика. В марте–июле 1918 г. Германия предприняла ряд наступлений на Западе, которые истощили силы и израсходовали боеприпасы, однако достигнуть решающего успеха немцам не удалось. В августе союзники перешли в контрнаступление по всему фронту. Обескровленная германская армия стала откатываться. Вот-вот могла начаться военная катастрофа. А тут еще стало известно о неспособности к сопротивлению союзников Германии. В сентябре была разгромлена Болгария. Это означало, что группировка войск Антанты на Балканах вот-вот атакует Австро-Венгрию с юга. И у Германии уже нет сил, чтобы снова спасти своего лоскутного союзника.

* * *

Первая мировая война стала невиданным ранее военным столкновением. На фронт было мобилизовано более 65 млн человек, из которых 10 млн погибли. Погибло и почти столько же мирных жителей. Официально в войне принимали участие 34 государства с населением около миллиарда человек (67 % от населения планеты). Но степень участия в войне жителей разных континентов очень сильно различалась. Франция привлекла более миллиона уроженцев своих африканских колоний. Более миллиона солдат потеряли Франция, Германия, Россия, Австро-Венгрия и Великобритания с ее доминионами. Вклад латиноамериканских государств оказался в целом символическим. Если для Европы эта война стала важнейшим политическим рубежом, то для Южной Америки — скорее эпизодом. А вот

последствия мировой войны серьезно «качнут» и это пространство до самой Патагонии.

Гибель человека в результате насилия, да еще осененного авторитетом государства и продиктованного эгоистичными имущественными интересами — чудовищная трагедия. Но оценить масштаб этой военной катастрофы можно в сравнении.

Я пишу эти строки в дни, когда у всех на устах слово «пандемия». Во время Первой мировой войны и сразу после нее мир тоже накрыли пандемии. И если эпидемию тифа еще можно вывести из голода и неустроенности военных и послевоенных лет, то «испанка» выглядит как настоящий «бич Божий» — явившийся из ниоткуда и исчезнувший внезапно. В 1918–1920 гг. от нее погибли десятки миллионов человек.

«Испанка» охватила далеко не только страны, пострадавшие от войны и недоедания. Ее происхождение неясно из-за недостатка исторических источников по этому вопросу, но очевидно, что «испанка» бушевала в Испании, которая в войне не участвовала. А еще она прошла по Америке, территорию которой война тоже не затронула. Видные политики тогда не прятались в самоизоляции, а шли к народу — таков был дух времени. И болезнь погубила столь различных деятелей, как Макс Вебер и Яков Свердлов.

«Испанка» не была вызвана войной. Но у нее были общие причины с мировой войной — устройство общества: глобальная экономика, мировые коммуникации, индустриальный технократизм в планетарном масштабе. В доиндустриальную и раннеиндустриальную эпохи эпидемия не успевала распространиться на весь мир, пока не теряла силу по естественным причинам. Процессы развивались медленно, люди перемещались небольшими массами. Известны страшные средневековые эпидемии, в которых тоже просматривается социальная подоплека (перенаселение, антисанитария), но Новое время потеснило по крайней мере антисанитарию, а благодаря прогрессу медицинской науки эпидемии старого типа стали уходить. Но возникла новая социальная реальность — перенаселенные мегаполисы, связанные коммуникациями, доставляющими людей в любую точку планеты за несколько дней. И грянула «испанка» — воистину новая (в социальном отношении) вирусная инфекция. Она выкосила миллионы людей, но изменила мир меньше, чем войны и революции того времени. И это очень важно для понимания значения войн и революций. Мировая война и последовавшие за ней, во многом отрицавшие ее революции и волнения несли не только бедствия, но и перемены жизни, социального уклада. А пандемия, убившая, вероятно, больше людей, существенных социальных последствий не принесла. Массам активных людей было тогда не до

нее. Их влекли мечты о будущем, порывавшем с настоящим, которое мировая война сделала невыносимым.

Пандемия порождает одно ожидание — что однажды она уйдет. Война — что принесет победу или хотя бы освобождение от военных тягот, другую жизнь. Завершение войны — сильный стимул для продолжения борьбы: не на полях сражений — так на трибунах. Для победителей смысл послевоенной борьбы — чтобы не «украли победу», чтобы кровь лилась «не зря». Для проигравших — чтобы смягчить последствия поражения и подготовить позиции для реванша. Но были и третьи, и их становилось все больше. Они стремились коренным образом перестроить мир, который привел к подобной войне. Лучше менять жизнь без войны, но войны — страшное доказательство необходимости изменения жизни.

Сколько сказано о том, что война — это зло. Но на дворе 2021 г. И что же мы видим? Счастье на лицах в одной стране — и горе в другой. Одна страна побилла другую и празднует очередной День Победы. А по другую сторону демаркации — уныние и мечты о возмездии. Лучше жить без войн, как и без наркомании или бандитизма. Но войны — рубежи истории и клей для скреп, для консолидирующих мифов. Мы едины, ибо помним победы, но нас разделяет память о причинах поражений.

Война — результат тупиков, в которые загоняют себя народы. Иногда — кровавый выход из них. Лучше найти выход без крови. Но человек хрупок, и давка в тупике в любом случае чревата кровью. Есть другая возможность выйти и даже не попасть в тупик — социальные преобразования. Запоздали с реформами — тогда или гниение, или революция. Война — результат запаздывания развития, болезненного загнивания отношений между народами и внутри их. Но будет ли революционный рывок вперед спасительным средством?

Мировая война показала свою бессмысленность с точки зрения тех целей, которые ставили «отцы народов» в ее начале. Перемещение границ не стоило таких чудовищных жертв (масштабы жертв Второй мировой еще невозможно было представить, как мы не можем сейчас представить масштабы будущих катаклизмов, которые настанут, если не решить проблемы, назревшие в начале XXI в.). Но война не была полностью бессмысленной. Ее смысл заключался в том, что она вынесла приговор старому миру. Возвращаться к состоянию, которое привело к такой войне, было нельзя. Мир нужно было менять. Это значение войны осознавалось и правыми, и левыми. Никогда больше! Так делались первые шаги от Первой мировой (еще в большей степени европейской) войны в неизвестность. В этой неизвестности таились революции, экономическое процветание и падение, а в финале — но-

вая мировая война, еще большая по размаху. Был ли этот путь от войны к войне неизбежным, или же человечество все-таки имело шанс на лучшую долю? Мы еще не раз вернемся к этому вопросу.

Осенью 1918 г. казалось, что приближается мир. Но с заключением перемирия и началом мирных переговоров он не наступил. Первая мировая война закончилась, но она переросла в мировую дестабилизацию, сопровождавшуюся несколькими крупными революциями, войнами, восстаниями, волнениями, массовыми стачками и столкновениями, которые продолжались в 1918–1923 гг. Это явление, охватившее множество стран, мы будем называть мировой революционной волной. Еще Антонио Грамши употребил понятие «революционная волна» применительно к событиям 1919 г.¹ Это понятие применяется и в современной научной литературе². Как синоним мы будем употреблять также термин «мировой революционный подъем».

Во многом мировая революционная волна возникла в результате мировой войны, что обычно связывают с естественной послевоенной дестабилизацией и крушением империй, не выдержавших военной нагрузки. Но это была не единственная причина. Завершение войны возродило надежды на справедливое переустройство мира, которые существовали до нее. Это были идеи мировой революции и мировой конституции, которые теперь приобрели огромную популярность как ответ на мировую бойню, на несовершенство мира, приведшее к ней. Если мир капитализма, империализма, находящийся в руках аристократии, плутократии и военщины, привел к ужасам мировой войны, то такого мира не жалко, и да здравствует мировая революция!

Вскоре, правда, выяснится, что мировой революционный пожар несет с собой немалые издержки и свои трагедии. И раз так, нужно построить более прочное социальное здание, сохраняющее многие черты довоенного. Столкновение этих двух подходов определит драматургию бурных послевоенных лет.

История мира в эти годы — океан фактов и ситуаций. Этот массив информации придется разделить на два тома. Первый будет посвящен преимущественно приливу мировой революционной волны — событиям с осени 1918 г. до середины 1920 г. Однако в тех случаях, когда это полезно для логики изложения, события будут описываться до конца волны, с разной степенью подробности.

¹ Грамши А. Избранные произведения в трех томах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 1. С. 310.

² Шубин А.В. Коминтерн и мировая революционная волна 1917–1923 гг. // История. 2018. № 7; Дамье В.В. Революции 1918–1919 гг. и всемирная революционная волна // Время Коминтерна. Материалы международных научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала. М.: ГПИБ России, 2020. С. 80.

У исследуемого явления имелся свой эпицентр — Великая российская революция, начавшаяся в 1917 г. и к середине 1918 г. свалившаяся в воронку широкомасштабной Гражданской войны¹. В представленной книге я не планирую подробно разбирать события Гражданской войны на территории собственно России. Эта тема достойна отдельного издания, здесь же нам важен мировой контекст российской революции, продвижение советского проекта во все стороны от его ядра, столкновение этой силы с национальными почвами и противодействием другого центра преобразования мира — Парижской конференции, в которой собрались архитекторы Версальской системы, обновленного мирового порядка. Мы будем более внимательны к судьбе тех регионов, где сталкивались эти две идейно-политические силы — особенно на пространстве от Балтийского моря до Средиземного и от Рейна до Каспия. Впрочем, и некоторые события, удаленные на тысячи километров от этого региона, достойны описания, а иногда и своего увеличительного стекла. Особенно если есть возможность не просто опереться на обобщенные достижения коллег, но и сказать что-то новое о деталях и сути событий. Впрочем, основная задача заключается в том, чтобы присмотреться с лупой к интересным деталям, а затем взлететь на расстояние, с которого видна вся планета, охваченная революционными огнями. Это было время ярких, наполненных человеческой энергией социальных и национальных проектов, столкновение и синтез которых определял судьбы народов на десятилетия вперед, а в некоторых отношениях и до нашего времени.

---

¹ Подробнее см.: *Шубин А.В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина-медиа, 2014; *Он же.* Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2018; *Он же.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. СПб.: Питер, 2017; *Он же.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2018.

Глава 1. Младшая сестра Великой русской революции (Германия в 1918– 1920 гг.)

Революционный подъем стал мировым, когда к русской революции в ноябре 1918 г. присоединилась германская. Их сходство бросалось в глаза, что удивительно, если учесть большие различия в состоянии русского и германского обществ к началу мировой войны. Но разрешая эту загадку сходства различий, можно сделать важные выводы о характере и механизме революций.

Сослагательное наклонение истории и сравнительно-исторические исследования

Фраза «История не знает сослагательного наклонения», которая произносится, как правило, с многозначительным «как известно», отдает тему исторических альтернатив на откуп трибунам. Эта фраза — лозунг фаталистов, и я готов противопоставить ей прямо противоположную: «История ЗНАЕТ сослагательное наклонение». Исследователь-историк не может игнорировать возможности иного течения событий, нельзя адекватно и всесторонне оценить событие и его последствия, если не поинтересоваться также реальными альтернативами. Но научный анализ альтернатив должен быть лишен публицистической заливчатости, идеологической однолинейности, когда писатели смело отметают любые исторические закономерности, чтобы прочертить линию от реальных событий к желаемому идеалу или жуткой катастрофической картине. Исторические альтернативы, как правило, неоднозначны. Это — возможное развитие, и его возможность тоже необходимо доказывать.

Можно ли говорить об исторических альтернативах без фантазии, не выдумывая, а констатируя наличие фактической возможности различных вариантов развития? Важнейшим способом доказательства такой возможности иного течения событий является рассмотрение альтернативных вариантов, которые реализовались на самом деле в других, но близких, аналогичных обстоятельствах. Таким образом, «альтернативная» история тесно связана с исследо-

ванием исторических аналогий. Аналогия, однако, не является доказательством, ибо обстоятельства не совпадают. Прежде чем сделать какие-то выводы из аналогии, нужно систематизировать общее и особенное в тех явлениях, которые вы сравниваете. А изучение общего и особенного — солидная тематика сравнительных исторических исследований.

Чтобы не выглядеть в дальнейшем слишком публицистичным и голословным, необходимо «на берегу» оговорить методологические основы научного сравнения исторических ситуаций и выявления аналогий и альтернатив исторического развития. Это потребует некоторых абстрактных рассуждений, с помощью которых мы затем проведем сравнение двух революций.

Сопоставляя пути, которыми шли разные народы, исследователь может констатировать наличие общего и различного. Если такой материал можно систематизировать, то справедливо говорить, например, об общности и конкретных различиях «русского» и «германского пути». Но систематизация такого материала — сложная задача, ибо, в принципе, все что угодно можно сравнить между собой и найти некоторые черты сходства и различия. Научное сравнение должно идти по определенным правилам и опираться на большое количество совпадений сущностных (системообразующих) факторов. Только в этом случае отмечаемые в ходе сравнительного анализа различия о чем-то говорят. Иначе мы будем иметь дело лишь с хаосом фактов, по-разному напоминающих друг друга.

При сравнении развития разных стран полезно построить систему координат, на которой следует «размещать» сравниваемый материал. Она может опираться на разные параметры — стадияльные, цивилизационные и др. Но они должны быть четко определены и связаны между собой, например, как параллели и меридианы в географии. События XIX–XX вв. можно характеризовать с помощью нескольких основных параметров — стадии социального развития (индустриальной модернизации, урбанизации), особенностей культуры и исторической традиции народов, вовлеченных в данную ситуацию, глобальных идейно-политических воздействий и международных факторов. Большую роль играют взаимоотношения элиты и масс, характер которых во многом определяется политическим режимом.

В итоге образуется сложная, многомерная «шахматная доска», на которой могут разыгрываться различные, но типичные «партии». Рассмотрев тот ход «игры», который имел место в истории данной страны в данное время, можно определить и нереализованные в данном событии возможности, «ходы». И такие «ходы» можно обнару-

жить на подобной «шахматной доске» в другой стране или в той же стране на ином этапе ее развития.

Сравнительно-историческое исследование выявляет общее и особенное на нескольких уровнях. Сначала необходимо сравнить основу ситуаций, параметры, которые ограничивают свободу воли исторических субъектов. А вот когда эти «рамки игры» выяснены, можно сравнить результаты разного поведения в ситуациях, которые являются общими по важнейшим параметрам. Такие ситуации мы далее будем называть аналогичными, так как их совпадение неполное и различия особо оговорены.

Для более детального сравнения можно выделять в социальных, властных, ментальных структурах узкие функциональные ниши по совокупности параметров. Например, руководство отраслевого ведомства, отвечающего за работу транспорта. Такая группа людей или человек есть в любой стране на любом этапе ее истории, в котором существует развитая бюрократия. Своя ниша может быть и у события, ситуации, например, судебный процесс над известным деятелем культуры. Затем могут производиться сравнения данной ниши как с аналогами в других странах аналогичной стадии развития, так и в рамках одной страны на разных стадиях развития. Общее при этом можно выносить за скобки, а различия систематизировать.

Функциональная ниша исторической личности или события может быть занята разными людьми или событиями, сменяющими друг друга. Например, во время российской революции в 1917 г. произошло два кризиса власти: апрельский и июльский (иногда также выделяют июньский, который не вылился в столкновения). А во время германской революции в 1918–1919 гг. — четыре аналогичных кризиса: 6 и 24 декабря 1918 г., в январе и марте 1919 г. Последний при этом занимает отчасти нишу июльского кризиса, а отчасти — нереализовавшейся альтернативы преждевременного выступления большевиков в сентябре 1917 г.

Ниши могут менять свое положение относительно друг друга, что может быть выяснено при сравнении. Например, во время российской революции попытка правого военного переворота имела место в августе 1917 г., за два с половиной месяца до выборов в Учредительное собрание. А в Германии — в марте 1920 г., более чем через год после выборов в Учредительное собрание. Притом что оба «путча» похожи по своему механизму, их различное положение в последовательности событий многое объясняет в различии хода и исхода двух революций.

Сама историческая ситуация имеет свою структуру, в которой участники занимают определенную функциональную нишу («игра-

ют роль»). Соотношение и границы ниш зависят от общих обстоятельств — социальной структуры, долгосрочных инерционных этнокультурных процессов, глобального контекста. Но чем конкретно эта ниша будет заполнена — зависит от субъективных качеств личностей. В исторических ситуациях важную роль играют лидеры, которых поддерживают и на решения которых ориентируются большие группы участников событий. Попадание личности в нишу лидера во многом обусловлено объективными факторами (системой вертикальной мобильности, принятыми в элите культурными стереотипами и идеологическими нормами, соотношением социальных запросов «масс» со взглядами, способностями и образом потенциального лидера и др.). Но все же многое зависит и от субъективной борьбы за лидерство. А от того, кто ее выиграет, зависят важные исторические решения, влияющие на выбор реализованного пути из нескольких возможностей (альтернатив).

Таким образом, сравнительно-историческое исследование может проводиться в следующем порядке:

1. Выявить место события (ситуации) в череде стадий социального развития, исторических процессов (например, индустриальной модернизации) и определить, какие черты ситуации определяются стадией, на которой она расположена.

2. Выявить черты ситуации, которые определяются этнокультурными традициями страны, общими для ее истории на более длительном протяжении, чем стадия модернизации.

3. Выявить черты ситуации, которые определяются глобальными процессами данной эпохи.

4. Определив эти неуникальные черты ситуации, можно вынести их за скобки и определить, что в ситуации уникально, что зависело от действий личностей, от «субъективного фактора».

5. Сравнив результаты действия субъективных факторов в аналогичных ситуациях, можно рассмотреть сценарии, не реализовавшиеся в них, которые могли реализоваться в данной ситуации при конкретных условиях. При этом исторические субъекты могут полностью или частично «играть роль» деятелей иных аналогичных исторических ситуаций, которые нам известны в других странах или эпохах данной страны.

Чтобы понять, что при выборе исторического пути в принципе возможно, а что нет, и каковы могут быть последствия этого выбора, полезно найти ситуации, которые при всех различиях путей народов сложились и развивались близким образом, со множеством общих черт, с одинаковыми функциональными нишами, хотя и разным их субъективным наполнением.

Важным подспорьем в такой работе является история революций. Давно замечено, что даже в очень разных странах революции развиваются по сценариям, имеющим много общего между собой. Например, рассуждая о перспективах российской революции 1905–1907 гг., революционеры обращались к опыту французских революций и стремились выработать свою тактику, опираясь на аналогии с ними¹.

При сравнении российской и начавшейся через полтора года после нее германской революций бросаются в глаза два обстоятельства: множество аналогий в структуре ситуаций, но иногда разная последовательность этих ситуаций, как будто их переставили подобно кубикам. Уже участники и современники двух революций ссылались на российский опыт при оценке германской ситуации. Возможно и обратное — оценка альтернативных возможностей российской революции, если бы события пошли «по германскому пути», выяснение объективных и субъективных причин различий в траекториях двух революций.

Присмотревшись к общему и особенному революций в России и Германии, начавшихся на излете Первой мировой войны, мы сможем лучше понять возможные развилки событий, а также то, что роднит и разделяет пути России и Германии на гораздо большем протяжении, чем 1917–1923 гг.

Германия — не Россия

Германская революция, начавшаяся в ноябре 1918 г. и потому иногда именуемая Ноябрьской, оказалась младшей сестрой российской революции, начавшейся в марте 1917 г., и по времени рождения, и по глубине перемен. Германская революция оказалась скромнее, умереннее и аккуратнее, в чем сразу можно усмотреть различие национальных темпераментов, которое является отдельной научной проблемой, где каждый тезис требует обширной аргументации. Здесь достаточно вспомнить ставшее притчей во языцех различие немецкой организованности и русского разгильдяйства (по поводу которого, кстати, история двух революций предоставляет аргументы не только в подтверждение, но и в опровержение этого расхожего представления).

Но есть здесь и важная проблема социального прогнозирования того времени. Марксистская мысль ожидала, что для глубокого социального переворота — перехода от капитализма к принципиально

¹ См.: Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. С. 570–573.

новому обществу — требуются предпосылки: чем более развитым является капитализм, то есть прежде всего индустриальная экономика, тем более готова страна к системным качественным социальным изменениям. Очевидно, что с этой точки зрения Германия была готова к переменам гораздо лучше России. На практике развитость капитализма обернулась его большей прочностью. И этот фактор работал против революционного разрушения, однако в пользу революционного созидания. Казалось бы, здесь мы имеем фундаментальное различие, которое исключает общность путей развития двух революций.

У Германии и России была разная степень индустриальной модернизации. Германия завершала процесс перехода к индустриальному городскому обществу, который в России был в самом разгаре.

Уже в 1895 г. из каждых 100 работающих людей 37 были заняты в сельском хозяйстве и 48 — в промышленности и торговле. То есть в конце XIX в. Германия (как и Великобритания и Франция) подошла к финальной фазе индустриального перехода — созданию устойчивого городского общества.

По расчетам В. Зомбарта, к декабрю 1900 г. население Германии составляло 56,3 млн человек; из них 2,25–2,5 млн (4–5 %) представляли буржуазию, а пролетариев и полупролетариев было свыше 35 млн человек (67,5 %)¹.

В России количество крестьян, по переписи 1897 г., составляло более 97 млн человек. Число промышленных рабочих в 1900 г. составляло 2,3 млн человек и к 1913 г. выросло до более чем 3 млн². С учетом сельских батраков и поденщиков пролетарские и полупролетарские слои в начале века превышали 10 млн, а в 1913 г. — 17 млн человек³. Только десятая часть рабочих не имела связей с селом, остальные же обладали землей и даже вели свое сельское хозяйство⁴. Так что социальная ситуация в городе была тесно связана с положением в деревне.

Хотя Россия уже давно ступила на путь индустриального перехода, урбанизация страны была скромной. В 1897 г. жители городов составляли 13,4 % населения России. Однако многие населенные пункты, на практике уже ставшие городами, не имели статуса города, поэтому горожан было несколько больше.

¹ См.: Германская история в новое и новейшее время. М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 356.

² Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М.: Мосгорархив, 1996. С. 49.

³ Мифонов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. С. 526.

⁴ Там же. С. 528.

В России лишь приблизительно $\frac{1}{8}$ часть помещичьих хозяйств шла по пути создания капиталистического производства, который Ленин довольно метко назвал «прусским» путем. А. Н. Литошенко считал, что «не паразитарные», то есть капиталистические помещичьи хозяйства, имели только 8 млн десятин, при том что крупные хозяйства размером свыше 500 десятин имели 62 млн¹. В Германии, где сельское хозяйство было организовано в большей степени капиталистически, не имелось такого избытка сельской рабочей силы, как в России, и стремление крестьянства к разделу помещичьих земель не выглядело очевидным. Это являлось существенным различием, если вспомнить о важной роли крестьянства в российских революциях.

В то же время индустриальный сектор перенимал передовые для того времени организационные формы, включая монополизацию и профсоюзное движение. В России оппозиционные элиты стремились к ускорению индустриальной модернизации, а в Германии — скорее к стабилизации индустриального общества на новой основе — с использованием политического плюрализма и механизмов государственного регулирования и социального государства (иногда объявляемых социализмом).

* * *

У двух сестер было два родителя — мировая война и довоенный социальный кризис.

И российская, и германская революции были отчасти порождены войной. Экономика обеих стран с большим трудом выдерживала военную нагрузку. Уже в 1916 г., до начала революции в России, началось падение производства в ряде промышленных отраслей. Так, производительность горнорабочих Донбасса снизилась с 960 млн пудов в месяц в первой половине 1914 г. до 474 млн пудов в начале 1917 г. Выплавка чугуна на юге России уменьшилась с 16,4 млн пудов в октябре 1916 г. до 9,6 млн пудов в феврале 1917 г. Что характерно, после начала революции в мае 1917 г. она выросла до 13 млн пудов². Сокращалось производство потребительской продукции, так как промышленные мощности были загружены военными заказами. Производство предметов первой необходимости упало на 11,2% по сравнению с 1913 г.³

¹ Литошенко А. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 16; Корелин А. П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: история и современность. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 242.

² Ауэрбах В. А. Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. М.: Терра, 1992. Т. 14. С. 28.

³ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990. С. 13.

Не выдерживал нагрузки транспорт. В 1913–1916 гг. погрузка выросла с 58 тыс. до 91,1 тыс. вагонов в день. Рост производства вагонов отставал, хотя тоже увеличивался (в 1913–1915 гг. — с 13 801 до 23 486)¹. Нехватка вагонов вела к проблемам с поставками сырья для промышленности и продовольствия в города и на фронт.

В конце 1916 г. подвоз продовольствия для армии составлял 61 % от нормы, а в феврале 1917 г. — 42 %². При этом после тяжелых потерь 1915–1916 гг. в армию поступали массы новобранцев, не подготовленных к армейской жизни. Тыловые гарнизоны, где шла болезненная переделка психологии новобранцев перед отправкой на фронт, и тесные флотские каюты превратились в настоящие социальные бомбы, а солдаты, воевавшие с 1914 г., уже в крайней степени устали от окопов. К 1917 г. из российской армии дезертировало более миллиона солдат. В начале 1916 г. «цензоры констатировали резкий рост антивоенных настроений в солдатской массе, желание мира во что бы то ни стало»³. Во всем этом кроются причины разложения армии в 1917 г. в куда большей степени, чем в пресловутой большевистской агитации. Гигантские военные потери деморализующе действовали на население России.

Продовольственное потребление фронта пошатнуло продовольственный рынок, а рост военного производства — рынок потребительских товаров. Город теперь тоже работал на оборону. Военные расходы подстегнули инфляцию. Приходилось печатать деньги больше обеспечения, провоцируя рост цен. К 1917 г. они выросли более чем в два раза⁴. Это дестабилизировало экономическую систему и усиливало социальную напряженность в городах.

29 ноября 1916 г. в России была введена продовольственная разверстка, то есть обязательные нормы сдачи хлеба по твердым ценам для регионов. Но эффективно проводить эту политику российский государственный аппарат не смог. Правительство не имело организационной структуры для изъятия хлеба, а хлеботорговцы не торопились продавать его по твердым ценам. Не было и аппарата распределения заготовленного хлеба. Чиновники ревниво боролись с земцами и городским самоуправлением, вместо того чтобы опираться на них.

¹ Кюнз П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М.: РГГУ, 2012. С. 43.

² Соколов Б.В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ, 1997. С. 38.

³ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 61.

⁴ Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. С. 38.

Изрядную долю дезорганизации вносила милитаризация управления в прифронтовых губерниях.

По подсчетам И. П. Лейберова, зарплата петроградских рабочих в 1913–1916 гг. упала на 5–10%, а в феврале 1917 г. составила лишь 75–80% от уровня 1913 г.¹ Для низкооплачиваемых слоев рабочих дороговизна была настоящим бедствием. В условиях инфляции рабочие не могли накопить средства на черный день, что ставило семью на грань катастрофы в случае увольнения работника. К тому же, по данным Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), рабочий день, как правило, был удлинен до 12 часов, а то и больше (плюс обязательные воскресные работы). Рабочая неделя выросла на 50%. Перенапряжение вело к росту заболеваний. Все это усугубило ситуацию в городах². Уже в октябре 1916 г. произошли серьезные волнения столичных рабочих. В силу дезорганизации транспорта и неудачи продовольственной политики начались перебои с поставками хлеба в крупные города.

Таким образом, и в силу долгосрочных системных причин, и в силу обстоятельств мировой войны избежать революции было практически невозможно. Если такой минимальный шанс и существовал, российская власть им не воспользовалась, свела его на нет.

Российские рабочие в марте 1917 г. вышли на улицы в связи с продовольственным кризисом. Перед революцией в России шла дискуссия о возможности введения карточной системы, но система управления Российской империи оказалась к этому не готова. В Германии еще со времен Бисмарка складывался «государственный социализм», то есть система государственного регулирования социальных отношений. Так что государственный аппарат был лучше подготовлен к решению социальных задач. В 1915 г. были введены карточки, распределение продовольствия позволило пережить тяжелую зиму 1916/1917 гг., а затем Германии и Австро-Венгрии помогло продовольствие, вывезенное с Украины после Брестского мира. Однако говоря о положительной стороне такой системы в сравнении с дезорганизацией продовольственного снабжения крупных российских городов в начале 1917 г., необходимо помнить, что и в Германии карточки называли «организованный голод». Голодная «брюквенная зима» 1916/1917 гг. резко усилила социальную напряженность.

¹ Лейберов И. П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М.: Мысль, 1979. С. 20.

² Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. М.: Правовая культура, 1995. Т. 4. С. 300.

При этом Германия наращивала огосударствление экономики, которое было превзойдено Россией только при большевиках. Еще в 1916 г. в Германии была введена милитаризация труда, трудовая повинность. Государственное регулирование производства — военного и связанного с войной — тоже наращивалось в 1915–1916 гг. Но и в России, и в Германии экономика не выдерживала военной нагрузки, что проявилось в России в 1916 г., а в Германии в 1917–1918 гг. Как и в России, началось падение добычи угля и производства чугуна, что было критично в условиях войны. В Германии в 1913–1918 гг. промышленное производство упало на 43 %¹.

Потребление хлеба в Германии за время войны уменьшилось более чем в 2 раза, а мяса — более чем в 4. В Англии, которая не имела собственной продовольственной базы и ввозила продукты, потребление хлеба упало на 22 %, а мяса — на 29 %². Дело было не в социальной системе, а в военной стратегии, в контроле над коммуникациями и блокаде Германии, которую она не смогла прорвать и ответить такой же британцам. Но Россия имела продовольственную базу, и провал продовольственной политики Российской империи носил социальный, а не чисто военный характер.

Таким образом, несмотря на различие уровней модернизации двух стран, объемов производства сельскохозяйственной продукции, реакции государства на военные трудности и причин этих трудностей, война действовала как великий уравниватель, разделяя страны на тех, кто выдерживает военную нагрузку, и на тех, кто нет. Россия и Германия оказались среди последних.

В апреле 1917 г. и январе 1918 г. в Вене и Будапеште, а затем в нескольких городах Германии, включая Берлин, прошли стачки и волнения (здесь уместно вспомнить об осенних волнениях 1916 г. в Петрограде). В Берлине в ходе апрельской стачки возникло полуподпольное организационное ядро забастовщиков — Комитет фабричных старост во главе с Эмилем Бартом, Рихардом Мюллером, Георгом Ледебуром, Эрнстом Деймигом и др. Там лидировали члены левосоциалистической Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). В России в начале 1917 г. аналогичное ядро рабочего протеста также существовало, и даже легально — в лице Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, где лидировали социал-демократы (меньшевики). В январе 1917 г. самодержавие попыталось его разгромить, но «закваска» рабочей само-

¹ Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. С. 212.

² Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 232–236, 247.

организации оставалась в лице остатков рабочей группы, профсоюзного и социалистического актива еще со времен революции 1905 г.

* * *

Разрыв в степени модернизации определял различие политических спектров. В Германии не было перспективы для создания сильных левых крестьянских партий и для аграрного социализма, зато существовала влиятельная Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), опиравшаяся на поддержку большинства рабочих. Иногда она именовалась Социал-демократическая партия большинства, используя тот же ход, что и большевики, — слово «большинство» придает дополнительный авторитет. Отсутствие характерного для России разделения социалистов на представителей рабочих и крестьян позволяло СДПГ занимать нишу, которую в России делили Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) и Партия социалистов-революционеров (ПСР). Однако произошедший в России в 1912–1917 гг. раскол социалистов на левое и правое течения не минул Германию, где из СДПГ в апреле 1917 г. выделилась Независимая СДПГ (НСДПГ). Лидерами НСДПГ стали бывший сопредседатель СДПГ Гуго Гаазе и ведущий идеолог германской социал-демократии Карл Каутский. Лидерами СДПГ стали Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман.

В 1917 г. различие в левом политическом спектре России и Германии практически стерлось. В России разделение РСДРП и ПСР совершенно заместилось различием правых, центристских и левых социалистов, когда представители соответствующих крыльев эсдеков и эсеров действовали вместе, противостоя своим товарищам по партии из других фракций. В Германии СДПГ занимала нишу социалистов-оборонцев, а НСДПГ — «циммервальдийцев», сторонников мира без аннексий и контрибуций, то есть большевиков, левых меньшевиков, эсеров центра и левых.

Правое крыло НСДПГ было настроено к большевизму критически (как и российские меньшевики-интернационалисты). Если до октября 1917 г. большевистский проект представлялся социал-демократам слишком анархическим, то практика Советской власти оказалась, напротив, слишком авторитарной. Каутский настаивал: «Демократия и социализм различаются не тем, что первая — средство, а второй — цель; оба они — средство для одной и той же цели... Социализм как средство освобождения пролетариата без демократии немислим»¹. Каутский, которому доставалось от Ленина в «Госу-

¹ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М., 2002. С. 39.

дарстве и революции» за излишний этатизм и эволюционизм, теперь критиковал большевиков с демократических позиций. В центре его критики был террор — не меньшее варварство, чем война. Критика Каутского мало отличалась от тех аргументов, которые выдвигали против большевиков меньшевики, даже такие левые, как Юлий Мартов, назвавший созданную большевиками систему «парагвайским коммунизмом»¹, сравнив, таким образом, их политику с казарменной системой, созданной иезуитами в Парагвае в колониальные времена.

Каутский был одним из идеологов НСДПГ, то есть левого крыла германской социал-демократии. И если в борьбе за левосоциалистические умы концепция «Государства и революции», Советов как самоорганизации масс, была весьма привлекательна, то авторитарный радикализм большевиков разочаровывал их потенциальных союзников. Каутский уже не относился к референтной группе Ленина. Председатель Совнаркома резко раскритиковал, можно сказать, разругал германского оппонента в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Но критика Советской власти с демократических позиций была очень опасна в борьбе за умы левых социалистов в Европе, которая с завершением войны приобретала решающее значение для распространения советской революции на Запад.

Идеологически нишу большевиков в Германии занимал возникший в составе НСДПГ 11 ноября 1918 г. Союз Спартака, лидерами которого были Карл Либкнехт и Роза Люксембург (группа «Спартак» существовала в НСДПГ и раньше, но без отдельной организации). До осени 1918 г. его лидеры находились в тюрьме. Либкнехт прославился голосованием в рейхстаге против военных кредитов 2 декабря 1914 г., что напоминало позицию Ленина и большевистских депутатов Государственной думы. Но необходимо признать, что Либкнехт был гораздо слабее Ленина как организатор.

Либкнехт вышел из заключения 23 октября 1918 г., а Люксембург — 9 ноября. По «российскому календарю» это конец февраля 1917 г. (события российской истории до 14 февраля 1918 г. датируются по юлианскому календарю, если не указано иное).

Сравнивая российских и германских коммунистов в 1918–1919 гг., нужно учитывать, что взгляды лидеров Союза Спартака и затем Коммунистической партии Германии нельзя назвать ленинскими.

Люксембург, как человек творческий, высказывала идеи, пересекавшиеся как с умеренными большевиками (защита Учредительного собрания), так и с синдикалистским крылом коммунистов (ставка

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 548–549.

на рабочую стачечную стихию). Роза, таким образом, символизирует (и в XXI в.) коммунистическую неортодоксию, которая в СССР осуждалась как «люксембургские ошибки».

В отличие от России 1917 г., для которой практика большевистского «военного коммунизма» еще была неизвестным будущим и проступала лишь в некоторых статьях Ленина и его соратников, германские политики уже знали об авторитарных негативных сторонах коммунистической практики в Советской России и могли использовать этот опыт в своей борьбе. Для правых социал-демократов все было ясно. Фридрих Эберт говорил: «Кто пережил события в России, тот не может в интересах пролетариата желать, чтобы подобное развитие дел началось у нас»¹. Правое крыло НСДПГ во главе с Каутским также было настроено к большевизму критически, но центр и левые были готовы искать в нем положительные стороны, которые можно применить в Германии — прежде всего речь шла о Советах. Однако Люксембург не была апологетом Советов при любых условиях (и это роднило ее с Лениным): «Революция проживет и без Советов, Советы же без революции мертвы»². Для Люксембург было важно, насколько Советы являются проводниками воли общественно активных рабочих масс. Для Ленина — насколько они следуют политике партии коммунистов как выразительницы «интересов пролетариата».

Германские коммунисты относились к советской практике как к опыту товарищей. Но и они были далеки от апологии, доказывая, что в Германии успехи коммунистов не будут связаны с такими же эксцессами, как в России.

Еще находясь в заключении до начала германской революции, Роза Люксембург писала о «гигантских задачах, к которым большевики подошли с мужеством и решимостью»³. Вместе с тем она была настроена к большевистской модели весьма критически: «Основная ошибка Ленина — Троцкого состоит именно в том, что они, как и Каутский, противопоставляют диктатуру демократии»⁴.

Если в 1914 г. интернационализм и пацифизм крайне левых воспринимались в обществе как предательство, то через несколько лет военные тяготы подорвали державный патриотизм и способствовали росту популярности левых интернационалистов, призывавших

¹ Цит. по: Царуски Ю. От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» // Германия и русская революция. 1917–1924. Т. 5. Ч. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 112.

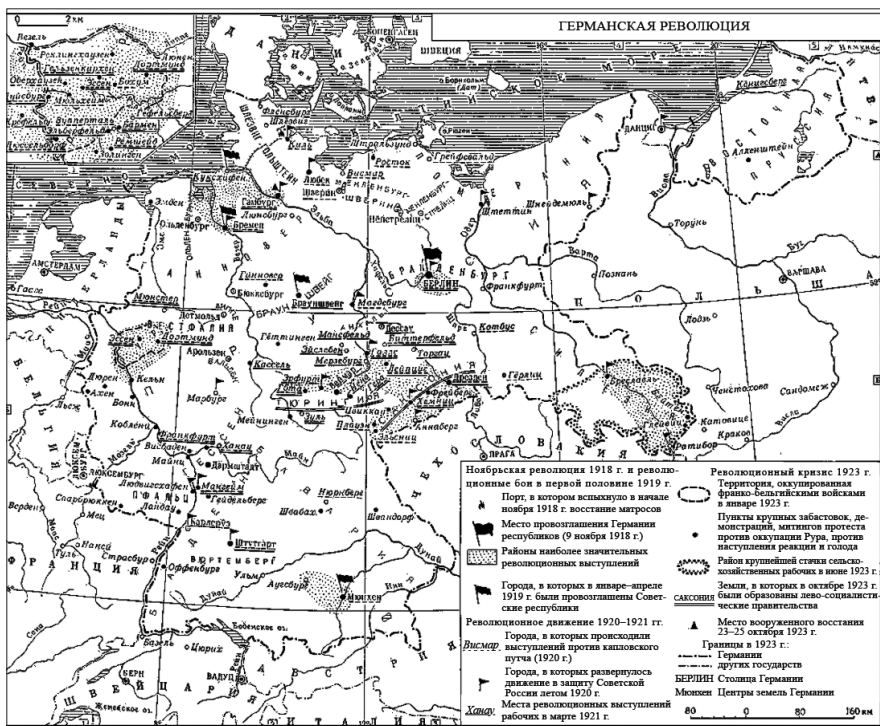
² Цит. по: Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983. С. 124.

³ Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1991. С. 327.

⁴ Там же. С. 330.

к немедленному прекращению «бойни». Война дискредитировала офицерство и милитаризм вообще. Революции, начавшиеся в 1917–1918 гг., носили не просто демократический, но и выраженный пацифистский характер.

Ноябрь как Февраль

В России революция разразилась в связи с военными тяготами, но без военного поражения. В Германии и Австро-Венгрии революция началась в связи с военным поражением, которое зримо приближалось.

В этих условиях часть старой элиты стремилась снять с себя ответственность за поражение, переложив его на оппозиционные партии. А оппозиционные элиты были согласны принять на себя часть ответственности в обмен на либерализацию режима, а при благоприятных обстоятельствах — и на свержение монархии, которая унесет за собой в небытие ответственность за войну и поражение. Военный кризис, таким образом, стимулировал элитный раскол. Он, впрочем, был аналогичен элитному конфликту в России, который возник без поражения. Российские либералы и правая часть социалистов надея-

лись на то, что без самодержавия удастся более успешно вести войну, а левые социалисты — успешно вывести страну из войны. Панацеей считалось правительство, ответственное перед парламентскими партиями. Николай II до начала революции был категорическим противником ответственного перед парламентом правительства, что стало одной из причин начала революции. Альтернативой его консервативному курсу была превентивная либерализация. Могла ли она предотвратить революцию? Германский опыт показывает, что это маловероятно: превентивная либерализация не спасла Германию от революции. Отказ допустить к власти оппозиционных деятелей стоит в конце списка причин революции. И Николай II, и Вильгельм II за долгие годы правления успели сформировать к себе глубокую неприязнь либеральных кругов, которую нельзя было снять уступками, сделанными под давлением обстоятельств в последний момент.

Вариант упреждающей либерализации был осуществлен в Германии, когда наметилось поражение в войне. 8 августа союзники прорвали фронт при Амьене. Хотя дыру удалось закрыть, войска Антанты уже не теряли инициативу. В середине сентября рухнул фронт на Балканах, и эту брешь уже заткнуть не удалось. Блок Центральных держав погружался в пучину, подобно «Титанику» с пробитым бортом, — поражение стало вопросом времени. 29 сентября капитулировала Болгария, Австро-Венгрия оказалась под угрозой с юга. 3 ноября капитулировала и она.

Уже 28 сентября германский генерал-квартирмейстер (заместитель начальника Генерального штаба) Эрих Людендорф обсудил ситуацию с начальником Генштаба Паулем фон Гинденбургом, и они пришли к выводу, что нужно срочно добиваться перемирия ценой очищения Германией оккупированных ею территорий¹. 29 сентября военные «диктаторы» посовещались со статс-секретарем по иностранным делам Паулем фон Гинтце, который добавил к стратегическим соображениям генералов политическую нотку: «При создавшихся внутренних условиях в Берлине предстояло полное изменение режима и образование парламентского министерства. Он говорил также о возможности революции»². Чем не повестка бесед в политической элите России конца 1916 — начала 1917 г.?

Демократизация могла способствовать благосклонному отношению к Германии со стороны идеалиста-либерала президента США Вудро Вильсона — как демократизация России весной 1917 г. облег-

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: Вече, 2014. С. 651–652.

² Там же. С. 652.

чила для американского лидера обеспечение поддержки общественным мнением вступления в войну на стороне Антанты.

Гинденбург, Людендорф и Гинтце явились пред очи императора Вильгельма II, который подписал подготовленный Гинтце манифест о введении ответственного перед парламентом правительства, — мечты парламентского Прогрессивного блока в России 1915–1916 гг. Одновременно Вильгельм согласился обратиться к Вильсону с предложением о перемирии.

1 октября Людендорф объяснял свои мотивы офицерам штаба: «В любой день наш Западный фронт может быть прорван... Тогда наша западная армия, потеряв выдержку и полностью разложившись, начнет неудержимо откатываться назад, через Рейн, и принесет с собой в Германию революцию... Поэтому Верховное командование сухопутных сил потребовало от Его Величества и канцлера немедленно обратиться к американскому президенту Вильсону о перемирии, имеющем целью последующее заключение мира на основе сформулированных им 14 пунктов...»¹

3 октября было сформировано правительство принца Макса Баденского, имевшего репутацию либерала. В правительство вошли представители парламентских партий, включая социал-демократов. На первом заседании Гинденбург передал главе правительства меморандум: «Верховное командование настаивает на поставленных им в понедельник 29 сентября с. г. требованиях о немедленном обращении к нашим врагам с предложением мира». Меморандум признавал, что «нет более шансов принудить противника к миру»². Под «принуждением к миру» имелась в виду военная победа и заключение мира на выгодных для Германии условиях. Генерал-фельдмаршал оговаривался, что речь может идти о «достойных условиях», но раз уж «нет более шансов», то эта оговорка, призванная защитить престиж генералов, проигравших войну, не имела под собой достаточного силового подкрепления. Эту игру принял и новый глава правительства. Выступая 5 октября в рейхстаге, принц Макс говорил, что Германия готова продолжать войну, если условия Антанты будут неприемлемыми.

5 октября правительство Макса Баденского обратилось к президенту США Вильсону с предложением о перемирии и просьбой о посредничестве. В ответе 9 октября Вильсон в качестве предварительного условия потребовал очищения оккупированных Германией территорий. «К этому требованию мы были готовы»³, — комментировал Людендорф.

¹ Цит. по: Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 53.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. С. 659–660.

³ Там же. С. 665.

9 октября Вильсон ответил, что канцлер должен заверить президента: он говорит от имени германского народа, а не тех, кто развязал войну (то есть от имени парламента, а не кайзера), принимает «14 пунктов» как основу мира и согласен на очистку германскими войсками оккупированных территорий¹.

Демократические намеки Вильсона вызвали возмущение кайзера. «Вы видите, — закричал он в ярости, обращаясь к своему адъютанту Ниману, — они стремятся к уничтожению династии, к ниспровержению монархии!»²

12 октября была отправлена вторая германская нота, полная согласия с требованиями Вильсона. В ней предлагалось прекратить военные действия и начать согласование технических деталей. Но с той стороны торговаться не хотели, а только ужесточали условия, пока продолжалось продвижение союзников с запада и юга. 14 октября Вильсон потребовал прекращения подводной войны. 20 октября Германия согласилась. При этом командование флота действовало самостоятельно от правительства. 16 октября был потоплен ирландский пароход «Лейнстер», погибло 176 человек, что серьезно затруднило переговоры и позволило противникам Германии ужесточить условия.

Людендорф признает, что корни уступчивости правительства крылись в военной слабости: «Только военный министр работал, чтобы изготовить укомплектование. Но в этой области ничего не удалось достигнуть, так как часть запасных отказывалась ехать на фронт. Правительство уступило»³. Тотальная война провалилась, приходилось сдаваться. 23 октября Вильсон настаивал, что условия перемирия должны исключать возможность возобновления войны Германией. 24 октября Верховное командование Германии формально выступило за продолжение войны, в принципе понимая, что это приведет к быстрому поражению. Но нужно было формировать будущую легенду об «ударе в спину», об ответственности левых политиков за поражение, до которого Германию довели генералы и император с его чиновниками. 26 октября Людендорф был отправлен в отставку. 27 октября правительство согласилось на условия Вильсона.

22–26 октября были приняты законы о расширении полномочий рейхстага после войны. Канцлер становился ответственным перед парламентом. Комментируя начавшиеся реформы, Эберт говорил

¹ Архив полковника Хауза. Избранное / Комментарий Ч. Сеймура. М.: АСТ; Астрель, 2004. С. 367.

² Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М.: Московский рабочий, 1991. С. 222.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. С. 687.

в рейхстаге: «Это день рождения немецкой демократии... Для народа и рейха демократизация стала жизненной необходимостью. Здесь уместно известное изречение: “Если народы двигаются вперед, а их конституции стоят на месте, то происходят революции”. Пусть власть имущие классы Германии будут рады, если народное немецкое государство пробьет себе дорогу политическими средствами. Посмотрите на Россию, это предостережение Вам»¹. Эберт надеялся, что превентивная либерализация поможет предотвратить революцию. В этом отношении он совершил грубую теоретическую ошибку, игнорируя социальные факторы и подменяя их правовыми. Он мыслил не как социал-демократ, а как либерал. Но такая позиция оказалась удачной с точки зрения политического маневрирования в условиях начала революции.

«В этой речи Эберта было мало от социализма, хотя он позволял себе напомнить, что целью социал-демократов на перспективу является “устранение классовых противоречий” и “ликвидация экономической эксплуатации”, ближайшей целью он видел демократизацию конституции в рамках “существующего экономического строя”... Речь Эберта в рейхстаге позволяла распознать аналитическое остроумие и программный посыл, она подкупала не риторикой, а широким и трезвым видением проблем»², — пишет апологет Эберта историк Х. Мёллер. Да, действительно, Эберт не был оратором с блестящей риторикой, для этого в СДПГ были свои мастера жанра. Но и широким его видение проблем назвать было бы несправедливо. Из всех стоящих перед Германией проблем Эберт выбирает конституцию, забывая (а социал-демократ, в отличие от либерала, обязан это знать), что конституции соблюдаются лишь тогда, когда они опираются на расстановку социальных сил. Изменение конституции является важным фактором, но если оно не сопровождается социально-экономическими преобразованиями и изменением баланса сил, конституция будет в значительной степени игнорироваться, а политическая система — двигаться либо к революции, либо к авторитаризму. Что и произошло затем с созданной при активном участии Эберта Веймарской Германией, и не только с ней. Позиция Эберта была трезвой и удачной прежде всего с точки зрения сохранения и укрепления его власти. Он оказался в пространстве соприкосновения социалистов и несоциалистических сил, что позволяло ему опираться и на более левые, и на более правые круги. Однако в условиях революции это рискованная игра. Именно на такую позицию политического центра

¹ Цит. по: Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. М.: РОССПЭН, 2010. С. 11.

² Там же. С. 11–12.

ставил Александр Керенский, и результат оказался катастрофическим. Важно понять, почему ставка Эберта на эту позицию выиграла.

В отличие от Керенского Эберту и Шейдеману удавалось систематически поддерживать организационные связи со своей партией и ее массовой профсоюзной базой. СДПГ была партией с долгой историей, многолетним развитием в условиях легальности, что способствовало большей устойчивости, чем у российских эсеров, к которым примкнул Керенский. Партия эсеров испытала резкий рост в марте 1917 г. (к мартовским эсерам принадлежал и сам Керенский), который физически не мог быть немедленно закреплен устойчивыми организационными структурами (даже большевикам это сначала не очень удавалось). В партии Керенский был чужаком, «старая гвардия» раздиралась острыми противоречиями в отношении его политики. Однако дело было не только в самом Керенском и его партии. Революции вели к быстрой поляризации общества, и даже при другой политической конъюнктуре перегруппировки были неизбежны. Эберту очень помогло то, что размежевание в германской социал-демократии произошло быстрее, чем в российской партии эсеров: уже в 1917 г. до начала революции СДПГ освободилась от сторонников более радикального социалистического курса. Мучительные размежевания унаследовала НСДПГ, а Эберт опирался на политическую структуру, которая уже стабилизировалась до начала революции. Это был важный, благоприятный для Эберта, Шейдемана и их соратников политический фактор, хотя и недостаточный для победы в революции.

В условиях нарастания социально-экономических проблем росло число обездоленных, в отчаянии поддерживавших наиболее радикальные социальные предложения крайне левых. Исторический ветер дул им в спину, но многое зависело от качества корабля, паруса которого он наполнял. Речь идет о Союзе Спартака и о левом крыле НСДПГ в целом.

Радикалы стремились использовать ситуацию для свержения монархии. 23 ноября Николай Бухарин рассказывал на заседании Моссовета: «Так этот самый Барт, который теперь вступил в это подлое предательское правительство Шейдемана—Гаазе, этот самый Барт говорил мне: “Дорогой Бухарин, мы не будем делать этих глупостей, как делали вы, русские, мы не будем так мягки, мы перевешаем всех контрреволюционеров, перевешаем их столько, на сколько у нас хватит веревок”»¹. Но в ноябре 1918 г. в Германии не было особой необходимости «вешать контрреволюционеров» — царила атмосфера, подобная марту 1917 г. в России. А когда настал час острых столкно-

¹ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

ваний, то социал-демократы со всей решительностью возглавили разгром коммунистов. Бухарин продолжал рассказывать о настроениях германских товарищей еще до свержения кайзера Вильгельма II: «Товарищ Либкнехт оказался даже левее нас». Он хочет «устроить с места в карьер вооруженное восстание в Берлине». Либкнехт объяснял советским представителям: «Не важно, пускай мы будем разбиты, но в Германии рабочий настолько не привык стрелять на улице и настолько не привык, чтобы в них стреляли, что ему чрезвычайно полезно пострелять»¹. Либкнехт размышлял о том, как восставшие пролетарии будут расстреливать шутцманов. Советские представители с трудом уговорили Либкнехта ограничиться для начала организацией рабочей и солдатской демонстрации и посмотреть, сколько народа выйдет. Если много — можно попытаться захватить важные объекты столицы. «Если не будет достаточного количества рабочих масс на улице, тогда решили ограничиться простой мирной демонстрацией, и в случае, если полиция будет пытаться загородить пути, то пострелять немножко в полицейских»². Однако Берлинский рабочий центр со счетом 22 против 19 решил отложить столь опасную демонстрацию. Ведь в случае столкновения с полицией рабочие организации могли быть разгромлены и подвергнуться жестоким репрессиям. И это — накануне назревавшей революции. Готовность Либкнехта к решительным, хотя и неподготовленным действиям приведет в январе 1919 г. к его гибели и тяжелому поражению германских коммунистов.

Либкнехт был выпущен из заключения в ходе превентивной либерализации и тут же приступил к радикальной агитации. Даже если бы его оставили в тюрьме до самой революции, как Люксембург, это мало что меняло. Леваки в НСДПГ, например старосты, также были настроены весьма радикально. Они критиковали Либкнехта за стремление к «революционной гимнастике», то есть периодических массовых выступлений без надежды на решающий успех, но тоже готовили восстание против империи³.

Чтобы изолировать немецких радикалов от советской помощи, 6 ноября власти выслали из Берлина посольство РСФСР.

Но даже голодные массы и даже по призыву авторитетных радикалов не решились бы пойти на свержение только что возникшего либерального правительства, которое обещало договориться о перемирии. Консолидация элиты перед лицом военной опасности сама по себе стабилизировала ситуацию хотя бы на короткое время. Но эта консо-

¹ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. Р-2562. Оп. 3. Д. 1. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

³ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 219 (комментарии Я. С. Драбкина).

лидация в Германии после создания правительства принца Макса не произошла. Ведь на кону была военная капитуляция, что даже после демарша Людендорфа не было приемлемо для всей консервативно-националистической военизированной германской элиты.

Предпосылки революции складываются в общественной толще, где растет массовое раздражение социальными проблемами, произволом власти и, как это было в Европе в 1916–1918 гг., — бессмысленностью войны. Но перерастет ли этот кризис в революцию, зависит от поведения власти и других элит, как правило, от действий охранителей, которые пытаются предотвратить перемены и тем самым лишают массы надежд на улучшение ситуации. В России такой реакционный импульс исходил от Николая II и его консервативного окружения, в Германии — от части военщины, которая стала действовать вразрез с миротворческими усилиями Макса Баденского. Не поставив его в известность, начальник Военно-морского управления адмирал Рейнхард Шеер отдал приказ о выходе в море, чтобы дать последний бой британскому флоту. При имевшемся соотношении сил это значило, что с флот должен с честью погибнуть.

С 28 октября командование стало сосредоточивать корабли трех эскадр Остзейского и Нордзейского флотов на рейде Шиллинг у выхода из бухты Яде, вблизи Вильгельмсхафена. Был дан сигнал боевой тревоги и приказ о выходе в море 30 октября. Это решение, по остроумному замечанию автора прогремевшей в 60-е гг. и переизданной в 80-е гг. в СССР левосоциалистической версии истории революции С. Хаффнера, имело «по своей сути характер бунта. Оно было принято за спиной нового правительства и хранилось от него в глубочайшей тайне»¹. Таким образом, империалистически настроенное морское командование могло похоронить миротворческие попытки принца Макса.

28 октября начались волнения моряков, которые отказались выполнять такой приказ. На кораблях «Тюрингия» и «Гельголанд» 30 октября были подняты красные флаги. Когда командующий Флотом открытого моря адмирал Франц фон Хиппер пригрозил торпедировать «Тюрингию», матросы «Гельголанда» навели на торпедный катер и подводную лодку свои орудия. Командованию пришлось отменить операцию, 31 октября эскадра вернулась в Киль. Но последовали репрессии против бунтовщиков, были арестованы «зачинщики», которым угрожала смертная казнь².

¹ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 67.

² Если не указано другое, события германской революции излагаются по: Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958; Он же. Ноябрьская революция в Герма-

Их товарищи принялись митинговать. 3 ноября матросы собрались на митинг в Киле. К ним присоединились портовые рабочие и солдаты гарнизона. Митингующие требовали освобождения арестованных и по призыву независимцев моряка Карла Артельта и рабочего Лотара Поппа двинулись к военной тюрьме. Демонстранты были обстреляны патрулем флотских унтер-офицеров. 8 человек было убито, 29 ранено.

4 ноября на большинстве кораблей были подняты красные флаги. На стоявшем в доке броненосце «Кёниг» произошла перестрелка между офицерами и матросами, был убит комендант. На собрании в Доме профсоюзов по инициативе Артельта был создан солдатский Совет, а затем и рабочий Совет, который объединился с солдатским. Таким образом, лидеры рабочих и солдат восприняли российский опыт.

Завязка революционных событий очень напоминает вовлечение войск в революционную активность: неповиновение некоторых солдат преступным решениям, аресты, желание выручить пострадавших, братание солдат (в германском случае сначала матросов) и рабочих, стрельба военных в толпу, только разжигающая страсти. Принципиальное различие: в России инициатива принадлежала рабочим, в Германии — матросам.

Солдатский Совет принял воззвание, где говорилось: «Товарищи! Наш решающий час настал. Власть в наших руках. Слушайте нас!.. Никаких необдуманных действий! Момент требует спокойствия и железных нервов...» Кильский Совет выдвинул 14 пунктов требований, включая признание Кильского рабочего и солдатского Совета, освобождения арестованных моряков и политзаключенных, свободы печати и собраний, ограничения власти офицеров. Позднее Кильский Совет выдвинул лозунг «свободной, социальной народной республики»¹. Вооруженные матросы взяли город под контроль. К ним присоединились солдаты гарнизона и получившие оружие рабочие. Арестованные были освобождены.

Вечером 4 ноября в Киль прибыл депутат от СДПГ Густав Носке. Восставшие матросы, солдаты и рабочие увидели в связи с рейхстагом шанс на легитимизацию и предотвращение расправы (ведь восстание в Киле было пока еще локальным). Носке был избран председателем Совета и взял ситуацию в Киле под контроль. Но восставшие уже рассылали делегации по балтийскому побережью, где получали массовую поддержку. Тут же создавались Советы. Иногда для этого

нии. М.: Наука, 1967; *Он же*. Становление Веймарской республики. М.: Наука, 1978; Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии; Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности?

¹ Драйкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 69.

хватало известий о начавшемся движении — социальная почва Германии достаточно просохла для революционного пожара, во всяком случае на поверхности.

7 ноября революция распространилась на Мюнхен. Демонстранты и восставшие солдаты заняли правительственные учреждения. В ночь на 8 ноября был создан Совет рабочих депутатов во главе с членом НСДПГ Куртом Эйсером, который провозгласил Баварию республикой. Это был первый акт провозглашения республики. События в Мюнхене повлияли на позицию руководства СДПГ в Берлине, которое пришло к выводу о возможности перехода всей власти к социал-демократам¹.

Курт Эйсер был не просто демократом, а ультрадемократом. Как писал его биограф Ф. Шаде, «он хотел, чтобы все руководилось самими рабочими», чтобы «исключить противоречие между волей масс и руководством партии»². Нетрудно заметить, что взгляды Эйснера были предельно близки к идеям Люксембург. Разница между спартаковцами и левыми независимцами была невелика.

Эйсер говорил: «Если бы Германия была республикой, и К. Либкнехт стоял во главе ее, мир мог быть заключен в 24 часа»³. В таком контексте речь идет не о мире, а о союзе на востоке для противостояния западному империализму.

Важную роль в изменении ситуации в верхах играли парламентские лидеры — такие как председатель Государственной думы Михаил Родзянко, лидер кадетов Павел Милюков, социалисты Александр Керенский и Николай Чхеидзе в России и социал-демократы Эберт, Шейдеман и их соратники в Германии. Фридрих Эберт 7 ноября заявил Макс Баденскому: «Если кайзер не отречется, социальная революция станет неизбежной. Но я не желаю ее, я ненавижу ее как грех»⁴. Если Родзянко действительно боялся революции, то Эберт в этот момент возможно просто хотел найти с принцем общий язык, запугивая его уже начавшейся революцией. Он вовсе не был монархистом и добивался ликвидации монархии. Революция, устанавливающая республику, не была ему ненавистна, но он боялся стихийного углубления революции, ее выхода из-под контроля партийно-парламентской организации. В это время Эберт больше, чем революции, боялся, что «все люди перебегут от нас к “независимым”»⁵.

¹ Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. С. 19.

² Schade F. Kurt Eisner und die bayerische Sozialdemokratie. Bonn, 1961. S. 46.

³ Cit.: Wiesemann F. Kurt Eisner // Bayern im Umbruch. München, 1969. S. 404.

⁴ Цит. по: Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 82.

⁵ Там же.

На российских генералов произвело впечатление мнение Родзянко, который противопоставил Думу и анархию (под которой понимался хаос), а не Думу и Совет. О том, что левые силы способны самоорганизоваться и противостоять партии порядка, генералы не могли и помыслить. Альтернатива виделась им совсем иначе: либо отречение, либо затягивание бунта¹.

В Германии либерально-аристократические элиты также надеялись взять массы под контроль с помощью парламентариев. Но для достижения цели следовало пожертвовать непопулярным государем, а когда этого оказалось недостаточно — то и монархией. Главное было сохранить священное право частной собственности, которое и при республике обеспечивало аристократии и крупному капиталу «все, что нажито непосильным трудом».

* * *

Восстание на побережье еще могло быть подавлено, пока правительство контролировало Берлин. Как и в Петрограде в феврале 1917 г., власти Германии 8 ноября пошли на аресты левого актива, что только радикализировало выступления. Революционные старосты провозгласили себя исполкомом Совета рабочих депутатов и призвали рабочих к стачке и демонстрации в Берлине под лозунгами свержения монархии.

Получив утром 9 ноября боеприпасы для противостояния предстоящим демонстрациям, солдаты 4-го егерского полка берлинского гарнизона засомневались, хорошо ли это, и выслали делегацию для разъяснений в социал-демократическую газету «Форвертс», откуда вернулись с представителем партии Отто Вельсом. По настоянию солдат ему дали выступить перед войсками. После его выступления против гражданской войны и за демократию полк перешел под контроль Вельса. Это положило начало цепной реакции выхода гарнизона из-под контроля правительства.

Когда массы рабочих двинулись в центр Берлина, солдаты переходили на стороны демонстрантов. Полиция разбегалась.

Рейхсканцлер Макс Баденский передал власть лидеру социал-демократов Фридриху Эберту, объявил об отречении императора (которого на этот момент еще не было) и объявил о предстоящих выборах в Учредительное германское национальное собрание.

Эберт обдумывал провозглашение Макса регентом, но его товарищ по партии Шейдеман заявил с балкона Рейхстага перед восторженной толпой: «Император отрекся от престола. Он и его друзья

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. С. 50–52.

исчезли, люди победили их по всей линии. Принц Макс Баденский передал правительственную власть Эберту. Наш друг сформирует рабочее правительство, в котором будут участвовать все социалистические партии. Новое правительство не должно знать покоя своей работе ради мира и заботы о труде и хлебе. Рабочие и солдаты, помните об историческом значении этого дня: случилось неслыханное. Впереди нас ждет большая и праведная работа. Все для людей. Все через людей. Ничего не должно опозорить рабочего движения. Будьте едины, верны и дисциплинированы. Старая и гнилая монархия рухнула. Да здравствует новое! Да здравствует немецкая республика!»¹

Позднее перед массой людей, собравшихся у императорского дворца, выступил Либкнехт, который провозгласил Германию сразу свободной социалистической республикой, «в которой больше не будет слуг, в которой каждый честный рабочий будет получать честную зарплату за свой труд»². Началось соревнование двух проектов будущего устройства Германии. В России такого радикального лидера не нашлось — приехавший через месяц после начала революции Ленин провозгласил всего лишь курс на пролетарскую революцию. Либкнехт опережал по части радикализма самого Ленина, отрываясь от настроения масс. Но он апеллировал к мировым задачам, к мировой революции, центром которой стала Россия. Либкнехт потребовал восстановления дипломатических отношений с Россией³. Хотя официально Германия не стала социалистической республикой, это название часто употреблялось лидерами Советов⁴.

* * *

И в России, и в Германии парламентские лидеры и либеральные аристократы (включая Макса Баденского и российских великих князей) просили императора отречься от престола, и тот пытался сначала спасти положение частичными уступками. Судя по воспоминаниям дворцового коменданта Владимира Воейкова, 1 марта 1917 г. Николай II сообщил ему о готовности пойти на уступки и сформировать ответственное министерство⁵. Он не понимал, что на повестке уже стоит вопрос как минимум об отречении.

¹ Cit.: *Jessen-Klingenberg*. Die Ausrufung der Republik durch Philipp Scheidemann am 9. November 1918, in: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* 19/1968. P. 649.

² Цит. по: *Мёллер Х.* Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. С. 20.

³ *Драбкин Я.С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 84–85.

⁴ *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 31.

⁵ *Воейков В.Н.* Дворцовый комендант Государя Императора. С царем и без царя. СПб., 1993. С. 169.

Вильгельм II использовал особенности Германской империи. 9 ноября 1918 г. в 14 часов он сообщил канцлеру: «Для того, чтобы избежать кровопролития, Его Величество готовы отречься от титула германского императора, но не короля Пруссии»¹. Это была уступка, которая облегчала переговоры о перемирии с Антантой, но не удовлетворяла революционные массы, так как Вильгельм планировал сохранить свою власть на большей части Германии и ключевое место во внутренней политике империи. Но еще двумя часами ранее Макс Баденский объявил об отречении кайзера, чтобы таким образом разрядить ситуацию в столице.

И в Германии, и в России уступки оказались запоздалыми. В обоих случаях идею отречения поддержал генералитет. В России — начальник штаба Верховного главнокомандования Михаил Алексеев и командующие фронтами, а в Германии — большинство совещания 39 генералов в ставке 8 ноября. Новый заместитель Гинденбурга Вильгельм Грёнер подвел итог: «Войска под командованием своих командиров и генералов спокойно и в боевом порядке вернутся маршем на родину, но не по приказу Его Величества, потому что больше не подчиняются Его Величеству»². В России аналогичную миссию объяснить императору суть положения взял на себя генерал Николай Рузский.

Интересный историографический факт — авторы, сожалеющие о падении монархии и занятые поиском благотворных альтернатив ее спасения, придают особое значение железнодорожным перемещениям государей.

В.А. Никонов считает, что, если бы император не уехал из столицы, «история могла бы пойти иначе»³. Хотя по большому счету какая разница, где Николай II оказался бы под фактическим арестом — в Пскове, Петрограде или Царском селе? По мнению С.С. Ольденбурга, «отъезд из Ставки оказался роковым»⁴ для Николая II. Мол, если бы царь остался в Ставке, все сложилось бы иначе. И с чего бы так? Генералы готовились предъявить царю ультиматум об отречении, и не все ли равно, где они сделали это — в Пскове или в Могилеве?

Биограф Вильгельма II Э. Людвиг выдвинул такую конспирологическую версию: «Рост взаимопонимания между кайзером и бюргерством и уступчивость кайзера побудила генералов прибегнуть к его увозу. Иначе как увозом, трудно назвать отъезд кайзера из Берлина

¹ Цит. по: Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. С. 17.

² Там же. С. 23.

³ Никонов В.А. Крушение России. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 599.

⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, С. 627.

в сопровождении его генерал-адъютанта... Если кайзеру суждено было стать пленником ставки, почему бы ему было не стать пленником правительства... Но кайзеру уже успели внушить недоверие к «южногерманским планам» принца. На все уговоры канцлера он отвечал с горечью, что здесь, мол, он никому не нужен, а на фронте ему, после ухода Людендорфа, необходимо навести порядок. Этот отъезд был для него роковым. В столице, медленно, но верно подвигавшейся навстречу революции, решили, что кайзер отправился искать защиты против Берлина у войск. Некоторые писали, что он бежал, как Людовик XVI... На самом деле... это был фактически арест верховного главнокомандующего, произведенный его генералами»¹.

Эта картина, конечно, не имеет ничего общего с насильственным «увозом» — кайзер принимал решение сам. Монархический автор, фактически используя в качестве кальки незадачу, случившуюся с Николаем II, как бы забывает, что либеральные уступки кайзера как раз и были сделаны по инициативе генералитета, так что «увоз» кайзера был бы нужен, если бы кайзер сопротивлялся уступкам. Он действительно был непредсказуем в своем поведении, мог и передумать, так что генералам было удобнее держать его при себе (здесь есть сходство с событиями в России). Но ничего насильственного в отъезде кайзера из Берлина не было — у Вильгельма II были все основания опасаться берлинцев и в условиях возможного революционного взрыва держаться поближе к границе нейтральной страны под охраной войск — урок судьбы Николая II пошел впрок. Да и «бегство в Варенн» на этот раз прошло удачно, в отличие от незадачливого Людовика XVI. Конечно, если бы Вильгельм не покинул Берлин, остаться на свободе и в конечном итоге уцелеть у него было бы меньше шансов. Но если не личный, то политический результат получился таким же, как в России в 1917 г. — вскоре для монарха не оказалось места в своей стране, где бы ему подчинялись.

Узнав о том, что его «отрекли», Вильгельм заявил: «Измена, подлое возмутительное предательство!»² Чем не знаменитая фраза Николая Романова «Кругом измена, и трусость, и обман». Побушевав, кайзер с учетом судьбы «кузена Ники» решил не рисковать и утром 10 ноября отправился в нейтральные Нидерланды. Решение нужно было принимать срочно — уже 11 ноября предстояло перемирие с Антантой, и неизвестно, какое условие она могла выставить относительно ареста «виновников войны». От престола Вильгельм отрекся лишь 28 ноября.

¹ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). С. 223–224.

² Цит. по: Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 93.

К концу ноября революция смела многочисленные монархии, которые по традиции сохранялись в составе Германской империи, составляя наряду с пруссаками силу германской аристократии. Также и в России в первые дни марта революция охватила крупнейшие города страны, и власть на местах сменилась как по мановению руки. Такова сила назревшей революции — население приняло ее спокойно, а его активная часть в большинстве своем с восторгом.

Между начальными этапами российской и германской революций (именуемыми соответственно Февральской и Ноябрьской) существует поразительное, но закономерное сходство. Стихийное начало массового движения солдат, матросов и рабочих, создание Советов, реакция элит. Германское восстание развивалось по алгоритму, подобному событиям в Петрограде 26–28 февраля 1917 г. Нежелание солдат и матросов воевать стало главной причиной выступления. Свержение власти офицерства, братание восставших с рабочими и теми войсками, которые высылаются на подавление, стремление найти поддержку у депутатов — все роднит русский Февраль и немецкий Ноябрь.

Имелись и важные отличия. Во-первых, расправы над офицерством в России, особенно на флоте, были более массовыми и жестокими. Причины этого можно усмотреть в различии уровней модернизации — человек, выросший в деревне, воспринимал казарменную дисциплину как чудовищную несправедливость и издевательство. Рабочий, приученный к фабричным порядкам, мог принять ее легче. Но в силу общей грамотности вчерашние рабочие лучше понимают широкий контекст ситуации, не перекладывая всю ответственность за свои беды на непосредственных начальников. Во-вторых, в России и Германии были общие компоненты, обеспечившие победу революции, но появлялись они в разном порядке. В России сначала рабочие волнения, затем восстание солдат (включая матросов) и действия либеральной элиты и парламентариев. В Германии имела место попытка опережающей либерализации, затем произошло выступление матросов и солдат, после чего подключились рабочие массы. В России события начались в столице, и затем перекинулись на другие города и военно-морские базы. В Германии — восстание началось на военно-морской базе и затем перекинулось на другие города, включая столицу, где события, также как и в России, имели решающее значение. При всей важности этих различий они имеют скорее субъективный и тактический характер, а вот общность самого набора факторов говорит о его объективном характере. 9 ноября 1918 г. маршрут германской революции практически совпал с российским.

В бурный день 9 ноября Берлин прошел путь, аналогичный событиям в Петрограде 27 февраля — 2 марта 1917 г.: массовые манифе-

станции рабочих и левой интеллигенции братаются с войсками, монархия, казавшаяся незыблемой, рушится, образуется Совет.

Технология образования Совета в Берлине была вполне «петроградская», хотя организаторы Совета в Берлине не знали, как точно обстояло дело в Петрограде. Сначала небольшая организованная группа рабочих активистов, связанных с левосоциалистическими политиками, создает Временный исполком Совета рабочих депутатов. Это популярная организационная форма — в России с 1905 г., а в Германии — после начала революции в России в 1917 г. Но провозгласить себя Советом недостаточно, ибо сила Совета заключается в связях с большинством предприятий города и по возможности с войсками гарнизона. Где собрать представителей рабочих и солдат? И в Петрограде, и в Берлине центром притяжения революционных рабочих и солдатских масс было здание парламента, который придавал движению некоторую легитимность. Это было важно, ведь неясно было, чем дело кончится, и не явится ли в столицу армия карателей. Однако допуск в здание парламента для революционеров становится практически свободным — здесь и прошло первое массовое заседание обоих Советов. Собрание в здании Государственной думы 27 февраля 1917 г. постановило провести выборы в Совет рабочих депутатов на предприятиях, собрание в здании Рейхстага вечером 9 ноября 1918 г. постановило провести выборы на предприятиях 10 ноября. Организаторы обоих Советов привлекли к делу солдат, и это тоже было естественно и необходимо, чтобы Совет получил реальное влияние. Выборы проводились при активном участии структур социалистических политических организаций. В Германии это было сделать даже легче, так как СДПГ и НСДПГ имели сеть ячеек на предприятиях. Избранный Берлинский Совет собрался в цирке Буша 10 ноября. Его решения были радикальнее, чем в России. Социал-демократы признали, что «политическая власть находится в руках Советов»¹, то есть они могли определить формат правительства.

Левые радикалы, создававшие Берлинский Совет, в ходе более представительного собрания 10 ноября были потеснены — избранный собранием Исполком Советов (Исполнительный Совет) включил по 6 представителей от СДПГ и НСДПГ и 12 представителей солдат. Во главе исполкома встал член НСДПГ, один из лидеров революционных старост Рихард Мюллер, но первоначально расстановка сил была в пользу правых социал-демократов. Несмотря на некоторое поправление, Совет выступил за «социалистическую республику»,

¹ Цит. по: *Драбкин Я.С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 90–91.

считал Советы носителями политической власти и прямо указывал на преемственность германской и российской революций, когда «русские рабочие и солдаты... пошли в авангарде по пути революции», а «германские рабочие и солдаты последовали за ними»¹.

Исполком был провозглашен не только временным центром Советов, но и временным высшим органом власти в Германии, то есть временным парламентом: «Все местные, земельные, имперские и военные власти продолжают свою деятельность. Все распоряжения этих властей отдаются по распоряжению Исполнительного комитета»², — говорилось в его заявлении 11 ноября. За этим грозным вступлением не последовало продолжения, обещанные распоряжения не издавались. Власть, как и в России в 1917 г., фактически сосредоточилась в руках нового правительства.

23 ноября 1918 г. было принято постановление: «Исполнительный совет рабочих и солдатских депутатов Большого Берлина по согласованию с народными уполномоченными Рейха и Пруссии передал им исполнительную правительственную власть. Однако он оставил за собой самые широкие права по контролю над правительством»³. И Государственная дума, и Рейхстаг потеряли полномочия как избранные по прежним, недемократическим правилам. Новым парламентом должно было стать демократически избранное Учредительное собрание. В России в 1917 г. высказывались предложения создать до выборов временный парламент на основе Советов. Германский опыт подтверждает, что осуществление этой идеи могло способствовать большей устойчивости правительства.

Заседание в цирке Буша выступило не только за созыв Учредительного собрания, что соответствовало российской повестке 1917 г., но и за создание правительства социалистов — СДПГ и НСДПГ на паритетной основе.

Это — важная «развилка» в маршрутах двух революций. Она вполне закономерна: в России социалисты не имели того влияния и организационной структуры, которые позволили бы им взять на себя управление страной. В Германии процесс модернизации и развития многопартийности прошел дальше, социал-демократы были одной из сильнейших политических сил, и объективных препятствий для создания социалистического правительства не было. Однако это серьезное различие в развитии двух революций разводит их маршруты в разные стороны ненадолго. В 1917 г. влияние российских социа-

¹ Дабкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 92.

² Цит. по: Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 342.

³ Цит. по: Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. С. 33.

листов растет, в мае социалистические партии входят во Временное правительство, затем в июле позиции социалистов усиливаются в правительстве Керенского, и в сентябре обсуждается возможность создания однородного социалистического правительства (ОСП) без либералов («однородное демократическое правительство» без «капиталистов»). С этой альтернативой при обсуждении ситуации 1917 г. «в сослагательном наклонении» связываются надежды на проведение социальных реформ и консолидацию широких масс, которое предотвратило бы приход к власти большевиков и позволило бы успешно провести Учредительное собрание.

События германской революции позволяют усилить это обсуждение объективными аргументами. Здесь сразу, под одобрительные возгласы делегатов в цирке Буша, было создано ОСП — Совет народных уполномоченных (СНУ) во главе с правым социалистом Эбертом и левым социалистом Гаазе. При этом нужно учитывать, что аппарат министерств в основном остался прежним. В дальнейшем германская революция шла навстречу российской. В декабре 1918 г. НСДПГ покинула правительство, то есть кабинет стал менее устойчивым и более правым. В этом отношении Эберт занял нишу Керенского. Эберту, однако, в отличие от Керенского, удалось довести страну до Учредительного собрания, после чего была создана либерально-социалистическая коалиция, то есть такая конфигурация власти, которая существовала в России в мае–октябре 1917 г., а также на востоке России — в октябре–ноябре 1918 г.

Применение политической технологии ОСП стало не единственной причиной предотвращения коммунистической альтернативы в Германии и проведения социальных реформ без широкомасштабной гражданской войны, но трудно отрицать, что быстрый приход к власти социалистов стал одной из таких причин.

Карлу Либкнехту его товарищи по НСДПГ тоже предлагали войти в правительство. Он готов был сделать этот шаг при условии передачи всей власти Советам и отстранения от власти буржуазных элементов¹. Его непримиримость к соглашательству в начале революции сродни позиции Ленина после его возвращения на родину, которая своим радикализмом шокировала даже большевистских лидеров. Однако в дальнейшем российские и германские коммунисты действовали по-разному. Так же, как успех Ленина в значительной степени объясняется провалами его противников, так и среди причин успеха Эберта можно назвать слабость коммунистов.

¹ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 220 (комментарии Я.С. Дробкина).

Поддерживая ценности спонтанного движения масс, которые разделяла и Роза Люксембург, германский автор 60-х гг. С. Хаффнер «приговаривает к поражению» революцию уже с первых ее дней: «Суббота 9 ноября была апогеем спонтанной, никем не руководимой революции, начавшейся в понедельник в Киле. Воскресенье 10 ноября стало началом ее крушения. И как ни парадоксально, события, означавшие поражение революции, внешне выглядели как величайший и окончательный ее триумф»¹. Так часто бывает: если кому-то не нравится ход и исход крупного исторического явления, он «хоронит» его с истоков, обнаруживая отклонения реального хода событий от собственного идеала. Хаффнер здесь — адвокат люксембургского взгляда на революцию как движения масс снизу, не руководимого, а руководящего революционерами. Но реальная революция никогда не была такой дистиллирована спонтанной. К 10 ноября обстановка в Киле уже стабилизировалась под руководством социал-демократа Носке, который для Хаффнера является записным контрреволюционером из-за его роли в подавлении радикальных выступлений 1919 г. Как и российская революция, ее немецкая «сестра» все время была сочетанием спонтанности и организованности, массового напора снизу и борьбы организованных структур за то, в каком направлении станет работать эта энергия.

Советы покрывали страну густой сетью и учились вырабатывать решения. И в Петрограде, и в Берлине Совет работал под руководством левых политиков, которые могли не быть рабочими или солдатами. Однако политики должны были формулировать проекты решений так, чтобы их поддерживали депутаты Совета².

В Германии создавались и Советы чиновников, лиц свободных профессий и др. В Советы могли входить и не социалисты, составлявшие там, впрочем, меньшинство. Как и в России, Советы были массовыми организациями. На заседания мюнхенского Совета собиралось около 2000 человек³.

Советы действовали от имени трудящихся и солдат, а исполкомы и их президиумы — от имени Советов. Первоначальное хаотическое состояние создавало возможности для манипуляции мнением радикальных, но неопытных депутатов, но демократическая процедура постепенно отлаживалась, а члены Советов учились политике. Сначала депутаты Совета в основном доверяли многоопытным деятелям социа-

¹ Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности? С. 107.

² См.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. С. 92–94.

³ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии: историческая драма 1919 года в шести главах, пяти картинах и двадцати документах. М.: Новый хронограф, 2014. С. 53.

листического движения. Поскольку большинство депутатов Петросовета, а затем и всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов (ЦИК) шло за социалистами, их лидеры сочли возможным неофициально договариваться о действиях единым фронтом¹.

Однако проводить заранее выработанные решения социалистические руководители могли тогда, когда их проекты были популярны среди рабочих и солдат. Как только правые социалисты закладывали непопулярный курс, соотношение сил в Советах менялось не в их пользу. Понимая неустойчивость своего доминирования в Советах и учитывая российский опыт, лидеры СДПГ стремились как можно скорее избавиться от Советов.

Наряду с Советами большое влияние и мобилизационную способность в Германии имели профсоюзы. В силу большей степени модернизации и более длительного легального развития профсоюзы играли большую роль в германской революции, чем в российской, где, впрочем, тоже были заметны. Первоначально профсоюзные лидеры взяли курс на социальное партнерство, чему способствовала романтическая атмосфера начала революции, когда «единый народ» сверг монархию. 15 ноября профсоюзные лидеры Германии во главе с Карлом Легином и представители бизнеса во главе с Карлом Фридрихом фон Стиннесом подписали соглашение о введении 8-часового рабочего дня и организации системы органов социального арбитража в центре и на предприятиях, которые должны были предотвращать забастовки при условии соблюдения коллективных договоров. Эти меры в целом соответствовали и социальной политике российского Временного правительства в 1917 г.

12 ноября правительство выступило с изложением своей «социалистической программы»: оно сняло осадное положение, провозгласило демократические свободы, немедленно разрешило свободную деятельность профсоюзов, забастовки и ввело 8-часовой рабочий день. Планировалось введение пособий по безработице и развитие социального страхования. Эти меры соответствовали и политике российского Временного правительства.

Офицерство сохраняло командные полномочия, солдатские Советы получали совещательные полномочия в вопросах отношений солдат и офицеров, солдатского быта. Этот подход в целом соответствовал политике российского военного министра Александра Гучкова весной 1917 г. Он распространил на всю армию демократические принципы приказов № 1 и № 2 Петроградского Совета о предоставлении солдатам гражданских прав.

---

¹ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 76–77.

Это было сделано в приказах № 114 и № 213 военного министра. А что ему было возразить Петроградскому Совету? Что нужно грубо обращаться с солдатами или что вся страна получает гражданские права, а солдаты будут лишены их вне службы? Гучков действовал, считая, что «главной целью является успокоение армии и народа мирным способом, а не применением репрессий»¹.

В России была создана сеть армейских комитетов, в Германии — «советов доверенных» (солдатских Советов).

На I всегерманском съезде Советов в декабре 1918 г. были приняты «7 гамбургских пунктов», которые передавали власть в гарнизонах Советам по согласованию с верховным командованием. Советов должны были нести ответственность за дисциплину в частях, командная власть офицеров должна была отменяться вне службы, офицеры должны были выбираться. Однако этот проект, даже более радикальный, чем российский «Приказ № 1» Петроградского Совета (где не предусматривалась выборность офицеров), не был признан командованием и выполнялся далеко не везде.

19 января 1919 г. правительство совместно с представителями командования и Центрального Совета приняло распоряжение о «Временном урегулировании командной власти и положении солдатских Советов в армии мирного времени». Оно запрещало Советам вмешиваться в назначение офицеров и военные приказы. Большинство окружных Советов не признали этого решения и продолжали претендовать на контроль за войсками, которые еще не были демобилизованы. Они, собственно, и были гарантами демобилизации и потому поддерживались солдатами. В России в 1917 г. солдатская масса тоже стремилась к демобилизации, но в первые месяцы революции доверяла правительству. По крайней мере в период правления Временного правительства она сохраняла боеспособность настолько, что это позволяло удерживать фронт.

Германская армия распадалась, так как кончилась война, а порядок демобилизации не был определен. Массы солдат рвались домой к Рождеству и не видели смысла оставаться в казармах. В 1917 г. российское Временное правительство попыталось ответить на разложение старой армии созданием, начиная с 13 июля 1917 г. идейно мотивированных патриотических «ударных» частей. Они в основном находились на фронте и не смогли защитить правительство, но многие их участники затем влились в белое движение.

В Германии 12 декабря 1918 г. правительство приступило к созданию добровольческих корпусов (фрайкоров). Корпуса не должны

---

¹ Катков Г.М. Дело Корнилова. М.: Русский путь, 2002. С. 15.

были находиться на фронте, который фактически исчез. Они помогли Эберту и его соратникам удержаться у власти.

Большинство социал-демократов надеялись, что основные вопросы революции мирно разрешит Учредительное собрание (такие же надежды преобладали в России в первые месяцы революции). Левые независимцы (включая спартаковцев) выступали за переход власти к съезду Советов, который должен был собраться в декабре. Но правое крыло НСДПГ во главе с Каутским и Гильфердингом, напротив, выступали против «диктатуры Советов»¹. Даже весьма левый баварский лидер НСДПГ Эйсер утверждал: «Мы не верим, что, идя русским путем, можно достичь нашей цели — демократии и социалистического общества»².

В то же время и среди правых политиков возник благожелательный интерес к советской практике. Так, один из создателей германского «военного социализма» времен войны, предприниматель и деятель Немецкой демократической партии Вальтер Ратенау благожелательно отзывался об «огосударствлении» общества, сочетании организованности и «народных представительств» в России. Ратенау вступил в общение с баварскими левыми на тему плановой экономики, посетил в тюрьме советского эмиссара Карла Радека. Не удивительно, что Ратенау принял участие в налаживании советско-германских экономических связей в 1920–1922 гг. и стал одним из отцов советско-германского Раппальского договора 1922 г.³

Помимо успехов социал-демократии важным фактором неудачи коммунистического проекта в Германии стала слабость Коммунистической партии Германии, образовавшейся на Учредительном съезде 29 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г., то есть уже к концу второго месяца революции. Такое «запаздывание» выделения компартии из социал-демократического движения позволяло советским историкам объяснять слабость КПГ ее молодостью. Мол, не успела достичь того же влияния и организационной силы, что и большевики к 1917 г. Однако не все так просто. Союз Спартака в начале революции был весьма известен, имел популярных вождей и при условии известных организационных способностей лидеров мог быстро нарастить численность и развернуть оргструктуру. Либкнехту была предоставлена возможность выступить в цирке Буша четвертым (после лидера «старост» Барта, лидера СДПГ Эберта и НСДПГ Гаазе). Либкнехта как известного вождя приглашали в правительство, но он выдвинул слишком радикальные условия своего вхождения в кабинет. Лидера

¹ Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 131–133.

² Цит. по: Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 51.

³ Кёнен Г. «Переселение народов снизу». Вальтер Ратенау о России и Советском Союзе // Германия и русская революция. 1917–1924. С. 251–260.

петроградских большевиков Александра Шляпникова никто в правительство не звал, большевики составляли небольшое меньшинство в Петроградском Совете и его руководящих органах. На местах в ряде российских регионов большевистские и меньшевистские организации еще не разделились. Политически большевики до апреля 1917 г. тоже не противопоставили себя социал-демократии, их лидеры Лев Каменев, Иосиф Сталин и Николай Муралов взяли курс на сотрудничество с Временным правительством на определенных условиях, на участие в социалистическом фронте в виде его левого крыла. Таковую же политику проводил и Союз Спартака в составе НСДПГ.

Перелом в политике большевиков произошел примерно на том же этапе, что и у спартаковцев — более чем через месяц после начала революции. Этот перелом связан с прибытием в Россию Ленина 4 апреля и VII конференцией РСДРП(б) 24–29 апреля 1917 г., на которой победил ленинский курс на «пролетарскую революцию» и конфронтацию с Временным правительством. Это резко отделило большевиков от правых и центристских социал-демократов. Но сотрудничество большевиков с левыми социал-демократами сохранилось, а их часть («межрайонцы») позднее присоединились к большевикам. Так что выделение коммунистов из социал-демократического движения, да и то относительное, произошло не к началу революции, а в ходе ее развития.

Говоря о «молодости» коммунистической партии Германии, нужно учитывать, что партия большевиков в 1912 г., когда произошел организационный раскол с меньшевиками, и в середине 1917 г. — это очень разные организации, созданные под разные задачи. Раскол 1912 г. был не первым, и предыдущие расколы завершались объединением РСДРП.

Союз Спартака был малочисленен, и возникшая на его основе КПГ отделилась от более крупной партии, в то время как большевики, напротив, уже через полгода революции смогли присоединить к себе влиятельную часть левых социалистов («межрайонцев», включая Льва Троцкого, Анатолия Луначарского и др.). Но и свои «независимцы» в России оставались — левое крыло меньшевиков (Юлий Мартов и др.) и левые эсеры. И после образования КПГ в НСДПГ оставалось много сторонников власти Советов и социалистических преобразований.

В октябре 1920 г. большинство НСДПГ перешло к коммунистам, и КПГ выросла более чем в 5 раз. Если бы такое объединение произошло раньше, и КПГ была бы сильнее, могла бы она успешнее действовать во время решающего силового противостояния первой половины 1919 г.? В 1917 г. большевики сумели поглотить «межрайонцев», что способствовало их успеху. Победам Советской власти также

способствовал союз большевиков с левыми эсерами. В Германии не только коммунисты, но и значительная часть независимцев боролась за власть Советов в регионах уже в 1919 г. Если бы они при этом уже считались коммунистами, это мало бы что меняло.

В КПП и НСДПГ не было такого эффективного руководства, как у большевиков. И почва радикальной социальной революции в виде массового недовольства, отхода масс от социал-демократии в городах была слабее, чем в России. В то же время и в России трудящиеся в целом, включая крестьянство, в большинстве своем даже осенью 1917 г. оставались на стороне социалистов — прежде всего эсеров. Так что, при существенном различии в глубине индустриального перехода, политические различия были не так уж велики. В различиях маршрутов российской и германской революций было много субъективного. Ход борьбы зависел от того, кому удалось закрепить за собой контроль над столицей, удастся ли сохранить Учредительное собрание, на каком этапе революции удастся провести выборы и даже от того, как партии умеют сохранять своих лидеров.

И все же при всех различиях, которые мы фиксируем, логика революционного развития возвращала маршруты революций все к новым пересечениям и параллелям.

Помимо субъективного фактора у смены курса были и объективные обстоятельства, которые повторились в Германии. Шляпников выступал за переход власти к Советам в первые дни революции — как спартаковцы в Германии. Но в первый месяц революции обстановка способствовала росту влияния умеренных большевиков, сторонников сближения с остальной социал-демократией. Для победы ленинской позиции в партии большевиков потребовался опыт мартовской эйфории и ее постепенного угасания, нарастания разочарования Временным правительством среди левых масс. Не случайно одновременно с победой ленинской линии в партии произошел апрельский кризис власти — первый раскол общедемократического фронта. Аналогично и выделение КПП из НСДПГ произошло сразу после декабрьского кризиса в Берлине.

Существенное различие между РСДРП(б) и КПП заключалось не в «молодости» КПП, а в организационных способностях лидеров и их идеях. В этом отношении субъективный фактор Ленина важен, но и в его отсутствие партия успешно действовала. За предыдущие годы развития в качестве левого крыла российской социал-демократии Ленин сумел собрать сильное организационное ядро своей политической структуры. Либкнехт и Люксембург мало занимались организационной работой, Союз Спартака был пропагандистским объединением, а не структурой с индивидуальным членством.

Спартакосцы не имели в своих рядах таких организаторов, как лидеры большевиков. Но и это — один из факторов поражения германских коммунистов, не столь уж фатальный. Большевики до осени 1917 г. имели и успехи, и неудачи, и их победа вовсе не была предопределена. Успех большевиков — наполовину результат неудач их политических противников. Как уже говорилось, на более позднем этапе революции КПП была существенно пополнена в ходе раскола НСДАП в 1920 г. Тогда в партию пришли и хорошие организаторы, включая Эрнста Тельмана. Но к этому времени партия уже потеряла таких политиков национального уровня, теоретиков и ораторов, как Либкнехт и Люксембург.

Был ли у КПП шанс на победу в случае решения этих субъективных проблем лидерства и организации? Мы вернемся к этому вопросу, анализируя шансы политических сил в 1919–1923 гг.

Если организационные способности германских коммунистов были сравнительно слабыми, то идейно-теоретический авторитет Люксембург и Либкнехта был велик. Их понимание стратегии революции по-прежнему расходилось с ленинской. Люксембург настаивала, и эта мысль была зафиксирована в программе КПП, что коммунисты не должны брать власть «иначе, как в результате ясной, недвусмысленной воли огромного большинства пролетарской массы во всей Германии». Казалось бы, это должно было предостеречь коммунистов от путчизма и вооруженных авантур. Однако на деле, как мы увидим, они все время в них вовлекались, чему соответствовал настрой Либкнехта и других активистов, которые не хотели сидеть сложа руки, если радикальные массы выходили на улицы. Самая радикальная партия Германии просто обязана была поддерживать борьбу радикальных масс за власть Советов. Но поддерживая происходящие тут и там вспышки подобного рода, «берясь за оружие» (говоря словами Ленина 1905 г.), коммунистическая партия отрывалась от большинства рабочих, вовсе не стремившихся идти по российскому пути в вопросе о власти.

Для Люксембург было неприемлемо создание социализма путем государственных преобразований, сверху, которое отождествлялось не столько с Советской Россией, сколько с «парламентским кретинизмом» социал-демократов. Ее надежды были связаны с забастовочной борьбой, когда рабочие будут формировать социализм снизу: «В нынешней революции только что возникшие забастовки — это не “профсоюзные” конфликты из-за пустяков, из-за той или иной ставки заработной платы. Они — естественный ответ масс на мощное потрясение, которое испытали капиталистические отношения в результате краха германского империализма... Они открывают пери-

од непосредственной активности широчайших масс, той активности, к которой могут служить лишь аккомпанементом декреты о социализации и меры каких-либо представительных органов и правительства»¹. То есть Люксембург не настроена против государственных преобразований (в отличие от синдикалистов), но взгляд на методы достижения целей у нее вполне синдикалистский — забастовки, которые ставят государство под полный контроль рабочих, диктующих государственным деятелям свою волю и свое понимание социализации. Недаром Люксембург так восхищалась опытом российской октябрьской стачки 1905 г.

Конкретизируя идею захвата власти снизу, Люксембург на съезде КПП в декабре 1918 г. призывала Советы захватывать власть на местах, чтобы свержение правительства «стало заключительным актом»². Это противоположная стратегия по сравнению с опытом большевиков, которые сначала захватили власть в столице, а потом на местах. Похоже, после январского поражения в Берлине Люксембург пересмотрела этот взгляд.

В написанном Люксембург в первой половине декабря программном документе «Чего хочет Союз Спартака?», который затем лег в основу программы КПП, предлагался апокалиптический взгляд на ситуацию: «Мировая война поставила общество перед альтернативой: либо дальнейшее существование капитализма, новые войны и скорая гибель в хаосе и анархии, либо ликвидация капиталистической эксплуатации».

С исходом мировой войны буржуазное классовое господство потеряло право на существование. Оно более не в состоянии вывести общество из страшного экономического краха, оставленного империалистической оргией... Из всей этой кровавой сумятицы и зияющей пропасти нет иного пути, иного выхода, иного спасения, кроме социализма... Социализм в этот час — единственный якорь спасения человечества. Над рушащимися стенами капиталистического общества вспыхивают грозным предзнаменованием слова «Манифеста Коммунистической партии»: *«Социализм или гибель в варварстве!»*»³. Такой черно-белый взгляд может быть и неплох для подобных манифестов, но он ориентировал коммунистов на немедленный последний и решительный бой, в то время как Ленин двигался к власти более осторожно, накапливая силы и выбирая момент для решающего удара.

Поставив на старте революции социалистические задачи, Люксембург поступила смелее Ленина, который на втором месяце революции

¹ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 340.

² Там же. С. 376.

³ Там же. С. 344–345.

в своих «Апрельских тезисах» отмежевался не только от требования «введения социализма», но и от идеи перехода к социалистической революции¹. Необходимы были лишь «шаги к социализму»².

Люксембург с точки зрения марксизма имеет право ставить более смелые задачи, чем Ленин, — ведь Германия в гораздо большей степени готова к социализму, чем Россия.

В работе «Чего хочет Союз Спартака?» Люксембург пытается объяснить читателям, что такое социализм, за который она выступает: «Суть социалистического общества состоит в том, что огромная трудящаяся масса перестает быть массой, которой правят, а, наоборот, сама живет всей полнотой политической и экономической жизни и руководит ею в духе сознательного самоопределения»³. Этот взгляд также близок к анархизму, как и «Государство и революция» Ленина. Но для программного документа, с помощью которого партия должна объяснить, что она будет делать в случае успеха, работа Люксембург очень абстрактна: «Место труда по найму и классового господства должен занять кооперированный труд. Средства труда должны перестать быть монополией одного класса, они должны стать общим достоянием всех. Никаких больше эксплуататоров и эксплуатируемых! Регулирование производства и распределение продукции в интересах всего общества. Ликвидация как нынешнего способа производства, эксплуатации и грабежа, так и нынешней торговли, основанной на обмане.

Вместо работодателей и наемных рабов — свободные товарищи по труду! Труд, который больше не будет ни для кого мучением, ибо он — долг каждого! Человеческое существование — каждому, кто выполняет свой долг перед обществом. Голод — больше не проклятие тем, кто трудится, а наказание тунеядцам!»⁴

Кто наложит на тунеядцев такое наказание голодом, Люксембург не объясняет, а это важно. Либо это станет результатом естественного хода вещей, когда благосостояние людей зависит от результатов их труда, то есть сохраняются рыночные отношения при социализме, либо какие-то принуждающие структуры будут морить голодом тех, кого сочтут тунеядцами.

Территориальные представительные органы должны быть заменены Советами рабочих и солдат. В ходе забастовок и создания Советов всех уровней, включая производственные, «рабочие смогут взять в свои руки контроль над производством и в конечном счете

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 142.

² Там же. С. 168.

³ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 346.

⁴ Там же. С. 345.

фактическое руководство». Это обеспечит «наивысшую производительность труда» и дисциплину. В несвойственной марксистам манере Люксембург называет этот взгляд «высшим идеализмом»¹. Действительно, надежды на быстрый рост производительности труда и дисциплины выглядели идеалистично.

Выделение леворадикального крыла в ходе революции — объективный процесс, на это есть запрос, социально-политическая ниша, которая растёт по мере ухудшения социально-экономической ситуации и разочарования в политике новых властей. А вот насколько влиятельным окажется это крыло — зависит не только от количественного роста радикальных масс, но и от субъективных качеств радикальных лидеров, не только коммунистов, но и, например, анархистов. Так, например, петроградские анархисты были организационно слабы в сравнении с левыми партиями. А вот в небольшом городке Гуляйполе анархисты во главе с Нестором Махно смогли создать организационное ядро движения, которое затем стало весомым фактором в Гражданской войне в России и на Украине.

Насколько судьба российской революции зависела от личных качеств Ленина, настолько судьба германской — от субъективного фактора личности Эберта. По политическому стилю он больше похож на Сталина 20-х гг., чем на Ленина. Фридрих Эберт, начинавший как оппозиционный активист, превратился в эффективного партаппаратчика. В силу более длительного существования, да ещё легального, СДПГ прошла тот же, что и большевики за четверть века, путь превращения преимущественно идейной в преимущественно бюрократическую организацию — но уже до начала революции.

Место Эберта в партийном разделении труда было связано прежде всего с организационными и представительскими задачами. Идеология, стратегия волновали его мало. Он предпочитал решать проблемы по мере их поступления. Пределом его мечтаний до 1918 г. был вовсе не какой-то социализм, а свободные выборы, которые, как казалось, принесут СДПГ полную победу. После свержения монархии дальнейшее развитие революции в сторону социалистических задач воспринималось им как катастрофическое отклонение от правильного политического процесса. Социал-демократия и так получила слишком много, достигнут предел политических мечтаний, и теперь следует только стабилизировать государственную структуру.

Важным фактором стабилизации власти Эберта считается его «пакт» с Грёнером, о котором они договорились по телефону 10 ноября: «Союз между Верховным военным командованием и Эбер-

¹ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 346–347.

том стал, таким образом, первым решающим политическим актом по стабилизации власти в республике. Мотивы неравных партнеров по союзу ясны: на тот момент у рейхсканцлера не было реальной опоры во власти; более или менее беззащитный, он был бы отдан на произвол как контрреволюционных поползновений справа (например, со стороны военных), так и леворадикальных попыток переворота со стороны марксистского Союза Спартака или так называемых вожakov революции»¹, — пишет Х. Мёллер так, будто 10 ноября не было вообще никакой революции и все революционные силы сводились к кучке заговорщиков. В реальности же массы берлинских рабочих, лояльных СДПГ и НСДПГ, только что показали, кто здесь власть. И войска не стали оказывать сопротивление этим массам. Если анализировать ситуацию в контексте революции, то союз действительно был неравным, но соотношение сил было обратным, по сравнению с представлениями Х. Мёллера. Эберт вместе с Гаазе имел главную на тот момент опору — на массовые организации, контролировавшие улицу и способные занять любое правительственное здание в Берлине. Грёнер же возглавлять распадающуюся армию, которая, даже по его признанию, не была способна вступить в бой с революционными массами. Так что пока правым силам оставалось только мечтать о «контрреволюционных поползновениях», у радикалов не было никаких возможностей и планов свергать правительство, в котором НСДПГ имела половину голосов. Чтобы изменить эту ситуацию, Грёнеру нужно было еще долго работать. Его бессилие (в отличие от Эберта) показали и декабрьские события в Берлине. Союз Эберта и Грёнера вовсе не был первым актом по стабилизации власти, которая уже стабилизировалась, опираясь на левые партии. Это была заготовка на будущее, когда — как и в любой революции — начнется поляризация социально-политических сил и понадобятся силовые ресурсы для победы над противниками.

Опыт российской революции подтверждает, что сам по себе союз нового государственного и военного руководств еще не гарантирует стабилизации. У военного министра, а затем премьер-министра Александра Керенского и главнокомандующего русской армией Алексея Брусилова тоже были хорошие отношения. Но многое зависит от того, как правительство справляется с социальными проблемами, а командование — с преобразованием армии.

Важнейшие первоочередные проблемы германской революции — и об организации власти, и о силовых структурах, должен был раз-

¹ Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. С. 25.

решить I Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов, который прошел 16–17 декабря. Как и в России, на нем преобладали умеренные социал-демократы. Из 485 голосов они имели 87 мандатов, НСДПГ — 87 (в том числе 10 «спартаковцев»). 25 делегатов принадлежали к несоциалистическим партиям, 27 представляли солдат без партийной принадлежности.

Оказавшись в таком меньшинстве, «спартаковцы» стали давить на волю съезда с помощью массовых манифестаций, требуя передачи власти Советам. Аналогичную тактику пытались применять большевики, что привело к июньскому кризису 1917 г.: опасаясь, что демонстрации перерастут в вооруженные столкновения, Всероссийский съезд Советов запретил большевистскую демонстрацию и Ленин, к неудовольствию радикальных большевиков, подчинился. Это сыграло свою роль в вовлечении большевиков в события июльского кризиса: большевики должны были подтверждать свою роль лидеров радикальных масс даже с риском для партии, иначе радикально настроенные массы могли качнуться в сторону анархистов. В Германии таких тактических поворотов ситуации не было, но общее развитие шло в ту же сторону — вскоре после съезда произойдет новый политический кризис.

Важное различие двух революций — первоначально в Германии все происходило быстрее — и созыв съезда Советов (через 1,5 месяца после начала революции против 2,5–4 месяцев в России), и выборы в Учредительное собрание. Что естественно, учитывая организованность рабочего движения и длительную традицию выборов. И это было важным фактором успеха Фридриха Эберта и его соратников, так как время работало на радикалов.

Всегерманский съезд избрал Центральный Совет (ЦС), аналог российского Центрального исполнительного комитета, и оставил за ним функции контроля над правительством, которое, как и в России в 1917 г., имело всю полноту власти до созыва Учредительного собрания. Независимцы потребовали при выборах ЦС паритета с СДПГ и, не получив его, отказались от участия в ЦС. Первоначально ЦС был весьма влиятелен и даже заседал совместно с правительством, тем более что участники обоих органов были однопартийцами.

Съезд назначил выборы в Национальное собрание на 19 января 1919 г. и отклонил предложенный независимцами проект сделать Советы основой конституции.

* * *

Понимание членами Советов предстоящих социальных преобразований было весьма различным, но укладывалось в спектр от государственного регулирования до рабочего самоуправления с разными

их сочетаниями. Это разнообразие выражалось понятием «социализация», которое не отождествлялось с национализацией. Социализация могла означать отчуждение предприятий у предпринимателей в пользу государства или коллективов либо государственное регулирование частной собственности и рабочий контроль со стороны фабричных Советов (аналог российских фабзавкомов). Суть социализации заключалась не в изменении собственности, а в распространении демократии на предприятия¹.

И в России в 1917 г., и в Германии в 1918 г. широкие массы трудящихся требовали как можно скорее начать социальные преобразования. Затычка с этими преобразованиями стала одним из важнейших факторов падения авторитета Временного правительства. До прихода большевиков к власти российские социалисты тоже обсуждали возможность некапиталистических мер по спасению промышленности, и тоже с минимальными результатами².

Если в Германии существует развитый капитализм, то пора сделать следующий шаг — начать переход к социализму. Но в Германии живут и самые солидные теоретики социализма, так что нужно дать им возможность разработать оптимальный план движения к социализму. Германская революция не стала затягивать с созывом Учредительного собрания, но вот разработка планов социализации стала примером затягивания и потопления темы в разговорах (вполне в духе российского Временного правительства). И это неудивительно, ведь Эберт и его соратники не желали ссориться с капиталом. Их социальная стратегия заключалась в партнерстве и балансе между трудом и капиталом, а не в подавлении капитала. Однако НСДПГ активно выступала за социализацию, и отказ пойти ей навстречу мог бы привести к переходу широких радикальных масс от СДПГ к НСДПГ.

Возможность социализации изучала созданная 21 ноября правительственная комиссия, в которую вошли председатель Карл Каутский, видные социал-демократические экономисты Рудольф Гильфердинг, Карл Баллод, профсоюзный лидер Отто Гуэ и др.

9 декабря комиссия высказалась за постепенный переход к социализации тех отраслей, которые будут признаны «созревшими» для этого, и отчуждение собственности у капиталистов за вознаграждение. При этом Каутский предостерегал от того пути к социализму, который практиковался в России: «Слома голову объявить все национализированным... это значит взнуздать лошадь за хвост, значит создать переходную стадию, при которой капиталистическое

¹ См.: *Oertzen P. Betriebsräte in der Novemberrevolution*. Dusseldorf, 1963. S. 100–112, 124, 128, 130.

² Подробнее см.: *Шубин А.В. Революционный 1917 год*. С. 131–133.

производство уже, а социалистическое еще невозможно, стадию, в которой вообще невозможно разумное производство»¹. Казалось бы, развал промышленности в России подтверждал эту мысль. Но он начался еще как развал капиталистической промышленности. И по окончании Гражданской войны в России выяснится, что промышленность может работать под руководством не только капиталистов или общества (как мыслился Каутскому социализм), но и под руководством бюрократии. И это бюрократическое управление, раз оно не является капиталистическим, в России станут называть социализмом.

В январе 1919 г. германская комиссия по социализации предложила правительству принять Декларацию о национализации минеральных ресурсов с обещанием компенсации собственникам. Основой для упорядочения производства должны были стать созданные во время войны государственные структуры, которые предлагалось сохранить, несмотря на требования части предпринимателей во главе с Гуго Стиннесом упразднить это наследие милитаризма².

10 января декларацию комиссии обсуждали правительства Германии и Пруссии. Фридрих Эберт был против перехода предприятий в собственность государства, так как в этом случае на них может претендовать Антанта в качестве оплаты репараций. Карл Каутский пытался убедить собравшихся, будто «в Рурской области рабочие говорят, что хотят работать не на капиталистов, а только на государство»³.

23 января статс-секретарь Министерства экономики Август Мюллер выступил против лозунга социализации, который порождает несбыточные надежды, и поддержал государственное регулирование производства и сбыта топлива и энергии. Одно другому принципиально не противоречило. Хотя Каутский почти отождествлял социализацию и передачу предприятий в государственную собственность, суть социализации, как она понималась снизу, заключалась в передаче управления в руки органов, избираемых производителями, прежде всего Советов. Такая производственная демократия могла вводиться при разных формах собственности. Так же как и отраслевое регулирование промышленности, что тоже входило в понятие социализации, то есть усиления общественного контроля над экономикой.

15 февраля комиссия согласовала проект социализации угольной промышленности. Предполагалось объединить государственные и частные предприятия в Германское угольное общество во

¹ Цит. по: *Драбкин Я.С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 152.

² *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 115.

³ Там же. С. 117.

главе с Угольным советом, в который должно было войти около 100 представителей рабочих, потребителей, администрации и государства¹. Уже не ставилась задача отчуждения собственности у капиталистов.

Рамочный закон о социализации, принятый в марте, предполагал возможность перехода к ней в созревших для обобществления отраслях (горнопромышленной, энергетической) за вознаграждение собственникам. Сразу предполагалось перейти только к регулированию угольной, калийной и электроэнергетической отраслей. В них должны были регулироваться цены, зарплаты, объемы добычи, условия труда. Для такого регулирования создавался Имперский угольный совет с участием работников, предпринимателей, потребителей и правительства.

1 марта правительство приняло воззвание «Социализация марширует!», где обещало создать «конституционную фабрику» (как и конституционное государство), но подавлять «дикие попытки социализации»². Таким образом, идеологический акцент делался не на огосударствление производства, как в России, а на его демократизацию.

Комиссия работала до 7 апреля, хотя ее левое крыло угрожало правительству отставкой в феврале и согласилось на продолжение работы только в ответ на важную уступку — Министерство экономики во главе с Рудольфом Висселем подготовило с учетом предложений комиссии проекты законов о социализации и регулировании угольной промышленности. Они были основаны на идеях государственного регулирования экономики с сохранением частной собственности даже на крупные производства, а также социального партнерства, стороной которого предстояло стать Советам. 13 марта законы были приняты. Тогда комиссия попробовала развить успех, опубликовав проект «коммунализации хозяйственных предприятий»³. Публикация вызвала конфликт с Висселем, в результате которого комиссия перестала существовать.

Конструктивные результаты работы комиссии по социализации и более позднее законодательство о социализации стало результатом массового движения рабочих за социализацию, то есть за преодоление капиталистических отношений. Это движение в его максималистских проявлениях и законодательство о социализации и Советах — две планки, определяющие социальную глубину германской революции.

---

¹ Дрaбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 120.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 131.

Январь как июль

События в Германии в ноябре 1918 — январе 1919 г. со своими особенностями развивались по сценарию, близкому к российской революции в первой половине 1917 г. Обе революции начинались со стихийных массовых выступлений, вызванных военными (послевоенными) трудностями, приводили к возникновению Советов, на первом этапе получали поддержку части статусной политической элиты, озабоченной прежде всего внешнеполитическими проблемами, в дальнейшем шли по пути радикализации до решительного столкновения сторонников социальной стабилизации и скорейшей социалистической революции.

Универсальный механизм развития революции после свержения старого режима — поляризация социально-политических сил, периодически приводящая к острым социально-политическим конфликтам (кризисам), которые обычно сопровождаются насилием или высокой вероятностью его применения. Это естественно, ведь после первой эйфории победы над общим врагом начинается конкуренция разных проектов дальнейшего развития страны, которая продолжается до легитимизации нового режима. А в условиях резкого ослабления старых репрессивных структур и постепенного, далеко не завершенного выстраивания новых, каждая из противоборствующих политических структур опирается на свои силовые ресурсы и поддержку масс на улицах и предприятиях.

В России 1917 г. такими кризисами стали апрельский, июньский, июльский и августовское выступление генерала Корнилова. В Германии аналог корниловского выступления приходится на более поздний период после созыва Учредительного (национального) собрания. Другие германские кризисы, аналогичные российским событиям апреля—июля 1917 г., происходили в декабре 1918 — марте 1919 г.

6 декабря 1918 г. группа военных попыталась провозгласить Эберта президентом, арестовала Исполком берлинского Совета и напала на редакцию коммунистической газеты «Роте Фане». На защиту Совета вышли массы рабочих, войска открыли по ним огонь. Выступление провалилось, но погибло 16 митингующих. Одновременно командование попыталось осуществить план по вводу войск в Берлин, чтобы стабилизировать новую власть. Но солдаты в массе своей не собирались воевать с берлинцами и вообще мечтали о демобилизации.

Эта политическая ситуация отсылает нас к апрельскому кризису 1917 г. в Петрограде. Принципиальным событием, определившим его исход, стал отказ войск подчиниться приказу Лавра Корнилова, направ-

ленному на подавление массовых выступлений. Это стало и проблемой для Грёнера, у которого власть над армией утекала между пальцев. Но Грёнер продолжил тесно сотрудничать с правительством в создании новой армии вместо старой, — как раз та работа, которая хуже удалась Керенскому и Корнилову, в том числе из-за их разногласий.

На Рождество 1918 г. в Берлине произошел более серьезный конфликт, который аналогичен уже завязке июльского кризиса 1917 г. в России. В Петрограде кризис возник в связи с недовольством радикальных столичных частей, прежде всего 1-го пулеметного полка и матросов Кронштадта. В Берлине аналогичную роль сыграла Народная морская дивизия, костяк которой составляли революционно настроенные матросы, прибывшие в Берлин в первые дни революции. Они охраняли императорский дворец и базировались поблизости от него в Манеже. Правительство и комендант Берлина, член СДПГ Отто Вельс, пытались вытеснить дивизию из дворца, обвиняя матросов в хищении ценностей. Матросы обвинений не признавали и требовали от правительства своевременной выплаты обещанного рождественского жалованья¹. Х. Мёллер утверждает, что «выплата последовала, но помещения так и не были освобождены», и тут же, в противоречии с предыдущим утверждением, признает, что Вельс отказался выплачивать 80 тысяч из 125 тысяч марок, пока матросы не уйдут из замка². То есть выплата пока не состоялась.

Такой «меркантильный» конфликт в напряженной политической обстановке быстро обрастал политическими мотивациями. Матросы считали, что обвинения против них вызваны стремлением правительства избавиться от «гвардии революции», но не могли не согласиться оставить дворец. 23 декабря в здании рейхсканцелярии матросы во главе с Генрихом Дорренбахом передали министру Эмилю Барту ключи от дворца (как выяснилось, матросы при этом продолжали в нем оставаться). «Барт позвонил Вельсу и сказал, что ключи у него и надо выплатить матросам жалованье. Вельс отказался, сказав, что подчиняется только Эберту. Тогда Барт послал матросов к Эберту...»³ Если Вельс отказался подчиняться Барту, то это было грубое нарушение субординации — Эберт не был ни военным министром, ни единоличным главой правительства. Возмущение Барта понятно, как и возмущение матросов, которые считали себя обманутыми.

Не найдя Эберта в рейхсканцелярии, матросы блокировали здание правительственной резиденции и отправились к комендатуре, где произошли вооруженные столкновения. Вельс был схвачен матросами

¹ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 132.

² Мёллер Х. Веймарская республика. С. 38.

³ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 133.

ми, которые как раз его и считали виновным в невыплате жалованья. Побитого Вельса и его заместителей арестовали и отвели в Манеж. К зданию рейхсканцелярии подошли войска, верные правительству. Чтобы избежать побоища, Эберт договорился с матросами об отводе войск. Матросы отходили к Манежу, а правительственные войска — в места дислокации в пригороды. Однако матросы, требуя денег, не освобождали Вельса. 24 декабря Эберт двинул на дворец и Манеж гвардейскую дивизию, прибывшую с Западного фронта.

Х. Мёллер излагает версию событий сторонников Эберта: «Однако затем, между часом и двумя ночи, комендант матросов Фритц Радтке сообщил, что его люди в конюшнях ему больше не починаются и он не может гарантировать жизнь Отто Вельсу». Министры от СДПГ приказали военному министру Пруссии генералу Генриху Шойху атаковать Манеж и освободить Вельса. Правда, сам министр утверждал, что приказ был мотивирован совсем иначе: «Беспощадно военными средствами сломить сопротивление матросов, дабы сохранить авторитет правительства»¹. С. Хаффнер комментирует версию Эберта: «Как говорил на следующий день сам Эберт, ему позвонили ночью из манежа и сообщили, что жизнь Вельса в опасности. Но это звучит крайне неубедительно: если жизни Вельса действительно грозила опасность, то штурм здания, в котором он находился, означал бы для него верную смерть. К тому же, по свидетельству Шейдемана, перед рассветом, часа в три ночи (то есть час спустя после того, как Эберт отдал приказ атаковать Манеж, но все же задолго до утренней атаки), Вельс собственной персоной объявился в имперской канцелярии, правда изрядно помятый, но целый и невредимый»².

Эберту нужен был повод для подавления неконтролируемой преторианской гвардии революции, и арест Вельса был как нельзя более удачным поводом.

Применив артиллерию, проправительственные войска ворвались во дворец. Но тут к нему подошли массы рабочих, которые стали браться с солдатами и убеждать их прекратить огонь. Войска спешно отошли в места дислокации.

Морская дивизия оставила дворец и была включена в состав республиканской охраны, которой командовал независимец полицей-президент Берлина Эмиль Эйхгорн. На этом конфликт, унесший 60 жизней, был завершен. Это решение было компромиссным, ни одна сторона не победила, так что новое столкновение вскоре было неизбежно. Если в России в 1917 г. произошло два столкновения та-

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 38.

² Хаффнер С. Революция в Германии. С. 136.

кого типа (в апреле и июле), то в Германии их было больше — два в декабре 1918 г., в январе и марте 1919 г. Но все они связаны общей драматургией — борьбой за соотношение сил в столице, попыткой левых сохранить свои силовые ресурсы и благодаря этому добиться максимально полного закрепления Советов в политической системе. В отличие радикальных большевиков во главе с Лениным независимцы не стремились получить полноту власти. Подобно российским умеренным большевикам, левым эсерам и левым меньшевикам, они исходили из того, что в стране нет предпосылок для немедленного перехода к социалистическим отношениям, но можно начать такой переход постепенно, с помощью Советов и социализации. Такой подход отличался как от позиции коммунистов, так и правых социалистов, которые считали социалистические задачи вовсе несвоевременными и поддерживали парламентскую демократию против Советов.

Свою роль играли и эгоистические мотивы солдат столичного гарнизона (нежелание идти на фронт в Петрограде и стремление получить оплату в Берлине), а также стремление части министров избавиться от преторианцев революции.

Косвенным итогом декабрьских столкновений стала сдвигка власти в сторону лидерства правых социалистов. Аналогично в России после апрельского кризиса возникла либерально-социалистическая коалиция во главе с князем Георгием Львовым, а после июльского — социалистически-либеральная во главе с Александром Керенским.

Решение об атаке Эберт принял без консультаций с коллегами из НСДПГ, что стало для них последней каплей — после рождественских столкновений, за которые они не желали нести ответственность, уполномоченные от НСДПГ покинули правительство 29 декабря. Их место заняли члены СДПГ Виссель и Носке.

Вектор политической эволюции, таким образом, был противоположен российскому, но привел в аналогичную точку — идейно-политически Эберт занимал ту же нишу, что и Керенский.

Я. С. Дабкин писал, что «к середине декабря стали проявляться и существенные различия обеих революций: 1) правое социал-демократическое большинство на Всегерманском съезде Советов отвергло взятие власти Советами и назначило выборы в национальное собрание; 2) Берлинская конференция НСДПГ отклонила предложение Розы Люксембург: не подражая большевикам, усвоить “зрелый плод их опыта”; 3) “Rote Fahne” опубликовала написанное Розой Люксембург программное заявление “Чего хочет Союз Спартака?” Оно предупреждало рабочих: “Буржуазия готовится к гражданской

войне»¹. Но в принципиальном отношении все эти «различия» вполне укладываются в ситуацию в России до июля 1917 г. I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов поддерживал созыв Учредительного собрания, там было социалистическое, а не коммунистическое большинство. С программой Ленина не соглашалось даже левое крыло меньшевиков, да и в его партии по этому поводу высказывались такие влиятельные скептики, как Лев Каменев. Большевики обвиняли буржуазию в подготовке контрреволюционных действий, которые приведут к гражданской войне.

* * *

Решающие столкновения этого периода развития революции произошли в Берлине 5–12 января 1919 г.

По мнению С. Хаффнера, «судьба германской революции решилась в Берлине в течение недели с 5 по 12 января 1919 г., вошедшей в историю как «спартаковская неделя». Но название это неверно. События тех январских дней были отнюдь не коммунистическим восстанием против социал-демократического правительства. То была попытка берлинских рабочих масс вновь и таким же способом добиться того, что они завоевали 9–10 ноября и уже успели наполовину растерять. 5 января было повторением 9 ноября (имеется в виду начало Ноябрьской революции 1918 г. — А. III.). Но то, что в ноябре удалось, по крайней мере внешне, в январе потерпело полное крушение. Поражение лишь отчасти объяснялось тем, что руководство, которое и на этот раз осуществляли «революционные старосты», было еще более неорганизованным и беспомощным, чем в ноябре. Главная причина — в другом: Эберт почувствовал себя достаточно сильным, чтобы отважиться на то, что не осмелился сделать тогда, — расстрелять революцию»².

Как мы видели, в своем стремлении стабилизировать власть Эберт и раньше мог отдать приказ открыть огонь. Он стремился не «расстрелять революцию», а поскорее закончить ее Учредительным собранием, выборы в которое должны были вот-вот состояться.

Отсутствие социальных преобразований в тех условиях вело к социальным потрясениям так же, как и в России в 1917 г. Исход этих потрясений зависел от контроля за силовыми структурами.

---

¹ Дробкин Я.С. Роза Люксембург в треугольнике стран и культур // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели). Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 32.

² Хаффнер С. Революция в Германии. С. 142–143.

Декабрьский и январский кризисы в Берлине были тесно связаны цепочкой причинно-следственных связей — как июньский и июльский в Петрограде в 1917 г. После того, как в ответ на действия министров от СДПГ в ходе рождественских столкновений министры от НСДПГ вышли из СНУ 29 декабря. 3 января их примеру последовали независимцы в правительстве Пруссии. Это развязало руки правым социал-демократам в новом прусском правительстве, и они потребовали отставки полицей-президента Берлина, независимца Эйхгорна. 4 января соответствующее решение было принято СНУ. Оно стало сигналом для коммунистов и левых социалистов: правительство устанавливает более жесткий контроль за силовыми структурами в Берлине, потому что стремится подавить революционные массы столицы силой. Лидеры берлинской организации НСДПГ и КППГ планировали провести просто демонстрацию протеста, но бедствующие рабочие ждали только повода, и народ заполнил улицы.

ЦК КППГ, как в 1917 г. ЦК РСДРП(б), считали момент для выступления неудачным, но радикализация масс толкала коммунистов к решительным действиям — ведь иначе можно было потерять авторитет среди этих масс.

Получив массовую поддержку, Эйхгорн отказался сдать дела. Демонстрация, в составе которой были вооруженные рабочие и солдаты, прошла по центру Берлина, после чего массы скопились у полицей-президиума. Часть вооруженных демонстрантов захватила газетный квартал, где находились типографии, включая социал-демократическую «Форвертс» (это здание было захвачено левацкими демонстрантами уже в конце декабря в качестве протеста против нападков на матросов). Там была отпечатана листовка: «Рабочие! Товарищи! Солдаты! Пробил час, когда нужно довести революцию до победоносного конца. Либо мы установим диктатуру пролетариата, либо мы станем свидетелями того, как Эберт–Шейдеман, палачи революции, окончательно задушат ее... Они хотят устроить кровавую баню; лакеи капитала хотят ради капиталистических интересов пролить кровь рабочих. Этого не должно быть. Мы должны это предупредить.

Революционные рабочие Большого Берлина»¹.

Началось формирование вооруженных групп. Был создан Революционный комитет действия (РКД), в который вошли «революционные старосты», члены НСДПГ и КППГ. Утром 6 января РКД принял воззвание: «Товарищи! Рабочие! Солдаты! С огромной мощью выра-

¹ Цит. по: Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 204.

зили вы в воскресенье свою решимость сорвать злобное покушение запятнанного кровью правительства Эберта–Шейдемана. Дело идет теперь о большем! Всем контрреволюционным махинациям должен быть положен конец... Вперед на борьбу за власть революционного пролетариата! Долой правительство Эберта–Шейдемана!»¹

Была объявлена всеобщая стачка и новая демонстрация.

Однако договориться о единой линии поведения членам комитета не удалось. Год спустя коммунисты вспоминали о событиях 6 января 1919 г.: «Но тут произошло неслыханное. Массы стояли с 9 часов утра на холоде, в тумане. А где-то сидели вожди и совещались. Туман поднялся, массы продолжали стоять. А вожди совещались. Наступил полдень, к холоду прибавился голод. А вожди совещались. Массы лихорадило от возбуждения: они хотели действия, хотя бы слова, которое утолило бы их возбуждение. Но никто не знал его. Потому что вожди совещались. Туман спустился снова, наступили, сумерки. Печальные разошлись массы по домам: они хотели большого, но не сделали ничего. Так как вожди совещались... Они совещались, совещались, совещались...»² Эта картина аналогична митингованию сторонников радикальных масс у Таврического дворца в Петрограде 4 июля 1917 г. И в Петрограде, и Берлине события застали коммунистов врасплох, и пока они искали выход из кризиса, инициатива была потеряна.

РКД заседал в Манеже, где дислоцировалась Народная морская дивизия. Дорренбах уверял Революционный комитет действия, что матросы его поддержат. Но командир преувеличил пыл своих бойцов. Декабрьское выступление было вызвано прежде всего желанием получить жалованье, а не переустроить систему власти. 7 января солдатский комитет дивизии объявил о нейтралитете и попросил РКД покинуть Манеж. Пришлось перебраться к Эйхгорну в полицей-президиум. Другим центром революционеров была находившаяся на Александерплац ратуша.

Тем временем массы сторонников СДПГ собрались в правительственном квартале.

Эберт потребовал освободить газетный квартал, РКД обсуждал это требование и отказался³, показав себя врагом свободы прессы.

Некоторые части гарнизона колебались, но РКД все никак не мог выработать политическую платформу, — по поводу чего, собственно, ведется борьба, чем заменить правительство Эберта?

¹ Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 205.

² Там же. С. 207.

³ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 147.

После беседы с делегатами радикальных солдат Карл Либкнехт и его соратник по КПП Пауль Шольце подписали документ о переходе власти к РКД¹, поставив своих товарищей перед фактом.

Большинство ЦК КПП считало, что в сложившихся условиях брать власть нельзя. Страна не примет такой переворот в пользу «спартаковцев». Люксембург считала, что самое правильное в этих условиях будет отступить, добившись лишь тактических уступок: перевыборов Совета, назначения компромиссного полицей-президента, допуска коммунистов к запасам бумаги (что было важно для выпуска «Роте Фане» и объясняло, почему революционеры не отдают газетный квартал)². Однако ЦК КПП не мог провести свою позицию в жизнь. Как писал прибывший в Берлин эмиссар из Москвы Карл Радек, «положение затруднялось еще тем обстоятельством, что Либкнехт, который в течение целых дней вел все дело с Ледебуром и с революционными старостами без контакта с правлением партии, позволил своему темпераменту увлечь себя слишком далеко и подписал заявление о низвержении правительства и создании нового — все это без ведома Централа — и, конечно, сам себя связал этими шагами. Когда Централ вступил с ним снова в связь, начались дразги по вопросам о компетенции, причем Роза и Лео (Йогихес. — *Прим. ред.*) не противопоставили ему ясной и твердой воли для прекращения безнадежной борьбы. Между тем масса разошлась, и несколько тысяч людей из Красного Солдатского Союза и спартаковской организации сидели осажденными в редакциях газет и ждали помощи извне, которая не являлась»³.

Такую умеренную, «оппортунистичную» позицию Радек будет занимать и в дальнейшем, что контрастирует с его левокоммунистической репутацией. Но крепкий задним умом, Радек не учитывает, что предложение разгоряченным массам мирно разойтись и ждать итогов переговоров могло самым бедственным образом сказаться на репутации партии. События (как и в России в июне–июле 1917 г.) имели свою инерцию, альтернативой которой была потеря влияния на радикальные массы. Этот выбор между радикальностью и оппортунизмом предстоял коммунистам еще не раз.

Коммунисты и их союзники попали в январе 1919 г. в такую же ловушку, как и большевики и «межрайонцы» в июле 1917 г. Кризис, начавшийся внезапно и помимо их воли, застал их врасплох, им пришлось возглавить движение масс, но брать власть они не были готовы. Такая попытка будет быстро подавлена. А реалистичной про-

¹ Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 206.

² Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М.: Наука, 1998. С. 91.

³ Там же. С. 92.

граммы для начавшегося движения у них не было. В этих условиях Ленин и его товарищи действовали более осторожно и принципиально, требуя перехода власти к многопартийным Советам. Проблема была в том, что социалисты, преобладавшие в Петросовете и ЦИК, не хотели брать власть. Это загоняло большевиков в политический тупик¹. Либкнехт, по-вождистски оторвавшись от своей партии, действовал авантюристично. Впрочем, осторожность Ленина, оказавшегося в сходной ситуации, не спасла его от крупного, хотя и не окончательного поражения.

В Берлине в январе 1919 г. ситуация тоже была неустойчивой. Как вспоминал Носке, 6 января «члены правительства собрались вместе с центральным советом для обсуждения положения дел. Почти все редакции газет и телеграфное агентство Вольфа были заняты спартаковцами и независимыми. В данный момент против этого ничего нельзя было предпринять. Вызвать полицейский отряд Эйхгорна мы, конечно, не могли. Комендатура же объявила нам, что и она не в состоянии помочь нам с республиканскими солдатами, так как те не хотят ей повиноваться. Что касается войск в казармах, то о них и речи не могло быть. Я сказал, что настал момент действовать с оружием в руках, и мне никто не возражал... Я потребовал принять, наконец, какое-нибудь решение: Кто-то спросил меня: “Не возьмешься ли ты за дело?”»² Тогда-то Носке и произнес свою знаменитую фразу: «Кто-то из нас должен же, наконец, взять на себя роль кровавый собаки. Я не боюсь ответственности». Носке был назначен главным командующим и затем военным министром, и стал готовить военные силы для разгрома спартаковцев.

6–7 января 1919 г. Берлин очень напоминал Петроград 3–4 июля 1917 г. По городу ездили автомобили с вооруженными людьми, в разных местах вспыхивали перестрелки. Радикалы захватили несколько объектов города, но от этих хаотических атак правительственным силам в основном удавалось отбиться. Все это можно было квалифицировать как вооруженное восстание (мятеж). Но плана переворота у берлинских революционеров не было, выражаясь словами Ленина, они «играли в восстание».

Аналогия между июльскими событиями 1917 г. в Петрограде и январскими событиями 1919 г. в Берлине была отмечена по свежим следам событий, причем на высоком уровне: в феврале 1919 г. Яков Свердлов направил германским коммунистам письмо «Немецкий

¹ См.: Рабинович А. Кровавые дни. М.: Республика, 1992.

² Носке Г. Записки о Германской революции // Вильгельм II. События и люди, 1878–1918. Минск: Харвест, 2003. С. 300–301.

январь и русский июль», в котором также фиксировал внимание на борьбе за силовые структуры как причине столкновения¹.

7 января проправительственные «отряды самообороны» и части гарнизона перешли в контрнаступление. Их резервом являлись находившиеся за городом Добровольческие корпуса.

Вечером 6 января НСДПГ добились согласия РКД на переговоры с правительством.

Компромисс мог бы свестись прежде всего к оставлению Эйхгорна на посту или назначению другой, согласованной обеими сторонами кандидатуры. Но правительство требовало капитуляции радикалов. Тогда РКД 9 января выпустил воззвание, где призвал рабочих к забастовке и оружию, которое следовало применить против правительства Эберта. Но ради чего — это все еще оставалось загадкой. РКД был раздражен действиями правительства, но принципиальной альтернативы ему Либкнехт и его товарищи найти не смогли. Неудивительно, что большинство РКД стремилось вернуться к переговорам с правительством. Поняв это, 10 января коммунисты вышли из РКД, лишь усилив свою политическую изоляцию.

Тем временем 10 января проправительственные войска взяли ратушу, 11 января — газетный квартал, 12 января — полицей-президиум. Отличились фрайкоры под командованием Людвиг Меркера и Вильгельма Рейнхарда (будущего обергруппенфюрера СС). Производились расстрелы пленных. Братоубийство в цивилизованной Германии быстро приобрело варварские формы. По официальным данным, погибло 156 человек. 13 января НСДПГ и революционные старосты призвали к прекращению забастовки.

Подводя итоги январским боям, Роза Люксембург высказала мысль, прямо противоположную тому, что говорила на съезде: «Основная проблема революции — ...это свержение правительства Эберта–Шейдемана, как первого препятствия для победы социализма...»² Теперь свержение правительства должно стать не финалом борьбы Советов за власть, а первоочередной задачей (как это видел и Ленин, после июльских дней, во второй половине 1917 г.).

15 января к зачистке Берлина присоединились фрайкоры и гвардейская дивизия. Вечером служившие в них офицеры захватили Либкнехта и Люксембург. Оба находились в подполье, но их удалось выследить. Арестованному вместе с ними Вильгельму Пику повезло бежать. Лидеры КППГ были допрошены капитаном Вальдемаром Пабстом. Затем зверски избитых политиков увезли убивать.

¹ См.: Новая и новейшая история. 1957. № 5.

² Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 380.

Карл Либкнехт был застрелен «при попытке к бегству», а Розу Люксембург лейтенант Курт Фогель застрелил безо всяких условностей, за что потом был осужден на 2 года и 4 месяца заключения.

Убийство Либкнехта и Люксембург лишило коммунистов авторитетного руководства и популярных вождей, что резко ослабило леворадикальное движение (в отличие от июля 1917 г. в России, когда большевизм сохранил своих лидеров). Между коммунистами и правыми социал-демократами пролегла кровавая черта.

В то же время, как и большевики в июле 1917 г., левые силы Германии были дезорганизованы, но не уничтожены. Большевикам после июля быстро удалось восстановить и даже преумножить свои силы. КПГ в 1920 г. не просто восстановит силы, но и присоединит к себе большинство организаций НСДПГ.

В год 50-летия революции, который пришелся на пик «бурных 60-х», социал-демократическая мысль и историография в частности стояли уже скорее на позициях НСДПГ, чем СДПГ. Так, четвертый канцлер ФРГ Вилли Брандт назвал взгляды Розы Люксембург «образцом демократического социализма». К.Д. Брахер выступил с серией статей о событиях 1918–1919 гг. под названием «Враг стоял справа», где в качестве причины слабости Веймарской республики называл «обрыв революции», «прежде чем была исчерпана возможность глубоких преобразований общественной структуры власти». Г. Вебер критиковал лидеров СДПГ за то, что они отказались от «третьего пути» на основе социализации и делал вывод: «Синтез парламентской и советской демократии был бы оптимальным решением», «гарантией фундаментальной демократизации». Один из идеологов СДПГ Х. Поттхофф также приходил к выводу: «Парламентско-демократическая республика смогла бы иметь лишь тогда прочный базис, если бы демократизация не остановилась бы перед воротами казарм, фабрик, институтами управления». Х. Арендт отметила, что гибель Либкнехта и Люксембург обусловила непреодолимость раскола в рабочем движении¹. Это писали авторы, которые уже знали, куда приведет Веймарская республика, которая в результате поражения идей советской самоорганизации не смогла противопоставить социальную, низовую демократию наступлению нацизма. Впрочем, осознание подобного рода недолго продержалось в социал-демократической элите. Когда «бурные 60-е» отгремели, германская социал-демократия идейно вернулась в благопристойное русло социал-либерализма.

¹ Орлова М.И. Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 132–134.

Но в январе 1919 г. ничего еще не было решено окончательно, как и после июльских событий 1917 г. в Петрограде. Ведь корни массового недовольства не только не исчезли, но и разрастались. В Германии было около миллиона безработных, в столице их количество с середины января до середины февраля выросло с 189 до 271 тысячи¹. Отмена с 24 января государственных доплат в случае введения сокращенного рабочего дня с соответствующим сокращением зарплаты — все это сохранило социальную бомбу, которая снова могла взорваться.

Большевикам в 1917 г. удалось эффективно использовать аналогичное недовольство для восстановления своих сил и подрыва Временного правительства. У коммунистов и левых социалистов Германии тоже еще были шансы на успех, но у более правых сил появился важный козырь — Учредительное собрание.

Часть радикального гарнизона осталась в Берлине — ведь из-под удара «ускользнула» Народная морская дивизия. Ее судьбу решили мартовские бои — продолжение январских.

Мартовские бои 1919 г. в Берлине тоже развивались в социально-политических рамках, соответствующих ситуации середины 1917 г. в Петрограде. Как известно, большевики воздержались от нового выступления против Временного правительства после июльского поражения — вплоть до хорошо подготовленного и успешного переворота в октябре. Но возможность выступления обсуждалась в сентябре. 14 сентября, накануне Демократического совещания, Ленин поставил альтернативу — либо принятие этим совещанием программы большевиков, «либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет»². И здесь же «для иллюстрации» Ленин накидал конкретный план переворота, включающий даже захват здания, в котором проходило Демократическое совещание. Если бы план Ленина был принят, в той ситуации вполне мог получиться новый «фальшстарт».

Как и в России осенью 1917 г., в Германии весной 1919 г. происходил рост влияния коммунистов в Советах — не до российского уровня, но все же. 99 депутатов берлинского Совета, где сначала коммунистов не было, перешли в КПП (у НСДПГ осталось 305, у социал-демократов — 271, несоциалистические партии поддерживали 95)³. Но и НСДПГ часто действовала вместе с коммунистами. Значительная часть этой партии уже ориентировалась на КПП, до 1920 г. оставаясь в НСДПГ по тактическим соображениям (то есть по рос-

¹ Дробкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 76.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 247.

³ Ленчнер С.И. Берлинский Совет в период мартовских революционных боев 1919 г. в Берлине // Германское рабочее движение в новейшее время. Сборник статей и материалов. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 17.

сийскому идеологическому спектру были «межрайонцами», а не меньшевиками-интернационалистами, к каковому было идейно близко умеренное крыло НСДПГ). На своем II съезде 2–6 марта 1919 г. НСДПГ выступила за диктатуру пролетариата и включение Советов в новую Конституцию Германии.

Мартовские события в Берлине во многом были связаны с радикализацией войск, что повышало шансы радикалов на успех. Солдатские Советы протестовали против урезания их прав министром Носке. Волнения в столице не были изолированными. В ряде регионов Германии еще в феврале развернулись мощные забастовки, оправдывая надежды покойной Розы.

Пленум рабочих и солдатских Советов Большого Берлина 3 марта обсуждал созыв II съезда Советов. Аналогия с российским II съездом давала надежды радикалам на перелом настроений Советов в их пользу. Созыв съезда стал революционным лозунгом. Пленум проходил под давлением рабочих делегаций с радикальными требованиями, которые компенсировали недостаток голосов у независимцев и коммунистов. Даже левый председатель Совета Мюллер в конце концов отказался пускать их на трибуну, чтобы дать высказаться депутатам. Но и те были настроены радикально и объявили всеобщую забастовку в знак солидарности с бастовавшими под политическими лозунгами горняками¹. Руководство забастовкой брал на себя исполком берлинского Совета. Требованиями стачки были признание полномочий Советов, «гамбургских пунктов» в армии, признание отрядов «рабочей обороны», роспуск фрайкоров. Социально-политические требования оставались в центре борьбы, так как обездоленные массы уже поняли, что без политических перемен и силовых ресурсов не удастся добиться улучшения экономического положения.

Уже 3 марта в напряженной обстановке стачки начались вооруженные столкновения между рабочими отрядами и силами, лояльными правительству. Социал-демократы протестовали против вооруженного насилия, угрожая отказать стачке в поддержке. Коммунисты заявили, что согласуют свои действия с исполкомом только на уровне информационных связей и не подчиняются его руководству. Радикальные рабочие нападали на полицейские участки и вооружались. В районе Фридрихштрассе они провозгласили советскую республику. Происходили грабежи магазинов. Забастовочный комитет заявил: «Как во всех крупных массовых движениях, и в настоящей политической всеобщей забастовке к стопам честного и сознательного рабоче-

¹ *Ленчнер С.И.* Берлинский Совет в период мартовских революционных боев 1919 г. в Берлине. С. 17.

го класса прилипли всевозможные нечистоплотные элементы. Подобно тому как на полях военных сражений открывается широкое поле для гиен, так и освободительные народные движения не свободны от гиен революции. К сожалению, в понедельник вечером всякого рода негодяи опозорили и нанесли вред революции, учинив грабежи и бесчинство»¹. В Берлине было введено чрезвычайное положение, Носке учредил чрезвычайные военные суды. Правительственные силы разгромили редакцию коммунистического органа «Роте Фане»².

4 марта Совет направил делегацию в Веймар, куда в связи с работой Учредительного собрания переместилось правительство. Делегация должна была изложить требования забастовки, что открывало путь к переговорам.

Тем временем правительственные войска обстреляли из пулемета толпу в районе Александерплац, что подлило масла в огонь. Было разгромлено 32 полицейских участка.

В тот же день, 4 марта, в Берлин вошли фрайкоры. Поводом для стрельбы по толпе стало избиение двух офицеров на Александерплац, после чего в толпу врезались бронированные грузовики, расстреливая из пулеметов и правых, и виноватых. По данным Носке, было убито шесть человек, включая двух женщин, и множество людей ранено. Затем толпы убивали солдат на улицах Берлина³. И тут радикальные левые получили важное подспорье, которого были лишены в январе: на их стороне выступила часть войск Республиканской солдатской охраны, ядро которой составляла Народная морская дивизия. Эти силы контролировали правительственный квартал (правда, в то время в значительной степени опустевший из-за переезда правительства в Веймар). Произошли столкновения между солдатами охраны и фрайкоров, а затем восставшие стали штурмовать полицей-президиум.

Вооруженные столкновения в Берлине 3–10 марта 1919 г. по масштабу конфронтации превзошли июльский кризис 1917 г. в Петрограде и напоминали о боях в Москве осенью 1917 г. Таким могло быть вооруженное восстание, если бы большевики решились на него в сентябре 1917 г., как хотел Ленин.

Расстановка сил являлась для восставших проигрышной. Влияние радикальных сил в других регионах Германии оказывалось недостаточным. Забастовочная волна в Руре и Средней Германии пошла на спад и к 6 марта иссякла окончательно. Опираясь на почти тройное

¹ Цит. по: Носке Г. Записки о Германской революции. С. 343.

² Ленчинер С.И. Берлинский Совет в период мартовских революционных боев в 1919 г. в Берлине. С. 20–23.

³ Носке Г. Записки о Германской революции. С. 344, 347.

превосходство в силах, используя даже танки, в этот день проправили войска овладели Манежем, где дислоцировались матросы, и районом Александерплац.

Обе социал-демократические партии стремились провести стачку, а не восстание, и стали готовить ее завершение. Тем более что Шейдеман сообщил делегации берлинского Совета о готовности поддержать включение в конституцию положения о рабочих Советах. 7 марта, явно под влиянием последних событий, Национальное собрание внесло на рассмотрение парламента законы о социализации и регулировании угольной промышленности. В этот же день берлинский Совет сформулировал условия прекращения стачки: отказ от репрессий в отношении участников стачки, освобождение арестованных за участие в ней, вывод войск с предприятий и вывод фрайкоров из Берлина, отмена военного положения и военных судов¹. Носке обещал воздержаться от репрессий. Фракция СДПГ Совета призывала рабочих немедленно приступить к работе.

Тем временем войска продолжали наступать от Александерплац на восток к Лихтенбергу, тесня отряды левых радикалов. Мюллер заявил, что вооруженные столкновения не имеют отношения к забастовке. 8 марта с небольшим перевесом голосов пленум Совета принял решение о прекращении стачки. На тех предприятиях, которые заняли войска, 7 марта после их вывода работа возобновлялась. Совет также обещал добиваться освобождения арестованных за участие в стачке. Но требование вывода фрайкоров оставалось невыполненным. Рабочие Лихтенберга заявили, что будут бастовать, пока фрайкоры не покинут восток Берлина.

Коммунисты в знак протеста против решения о прекращении стачки вышли из исполкома берлинского Совета. Бои продолжались, и 9 марта Носке отдал приказ о расстреле застигнутых с оружием в руках. Это решение уже не относилось к участникам стачки — она ведь прекратилась, а вызванное ею восстание — еще нет. 10 марта был схвачен и убит без суда редактор «Роте Фане» Лео Йогихес. Но несмотря на белый террор, коммунисты имели возможность действовать легально и даже вернулись 12 марта в исполком. В этот день войска попытались разогнать Совет, здание, где проходило заседание, было блокировано. Депутаты в ожидании ареста продолжали работать. Носке, который в это время вел переговоры с представителями Совета, приказал отвести войска.

Всего в мартовских боях погибло более 1200 человек.

¹ *Ленчнер С.И.* Берлинский Совет в период мартовских революционных боев в 1919 г. в Берлине. С. 33.

9 марта Носке принял решение и о роспуске морской дивизии — впервые с начала революции правительство установило полный контроль над силовыми структурами столицы. После этого и II съезд Советов, открывшийся 8 апреля, оказался для правительства неопасным. Съезд избирали не только рабочие, но и крестьяне и «мелкобуржуазные» слои с доходами до 10 тыс. марок. Это вызвало возмущение КПП¹, хотя в России Советы не были чисто рабочими, преимущество на выборах в них имели солдаты, а на селе создавались Советы крестьянских депутатов. И все эти Советы формировали высшие органы власти. Так же и в Германии: из 261 делегата II съезда Советов в этой стране 146 были членами СДПГ, 56 — НСДПГ, солдаты — 26, либералы — 13, крестьяне — 10, КПП — 1, австрийская делегация — 9. С докладом «Строение Германии и система Советов» выступил социал-демократ Макс Коэн. Он призвал создать в системе власти «палату производителей» на основе Советов. Это мнение было более характерно для умеренного крыла НСДПГ, что говорило о сближении с ним левого крыла СДПГ. Выступавший от НСДПГ Эрнст Деймиг говорил почти как коммунист, призывал к власти Советов, но считал, что сейчас правительство обязано поддерживать Советы финансово.

Деймиг от имени НСДПГ выдвинул проект системы Советов от фабзавкомов до высших органов, облеченных властью в области экономики — Центральный Совет и Совет народного хозяйства. Советская историография проводила параллель между этим планом и анархо-синдикалистским уклоном «Рабочей оппозиции» в РКП(б)².

В итоге победила позиция левого крыла СДПГ: «Основой социалистической республики должна быть социалистическая демократия», и пока Советы должны выполнять свои прежние функции, а после принятия конституции получить экономические, а не политические полномочия³.

Съезд избрал Центральный Совет Германской социалистической республики, который просуществовал до 4 сентября, когда был разогнан.

Это был совсем другой исход событий, чем в России в середине 1917 г. Развилка в путях двух революций, наметившаяся в январе 1919 г., была закреплена. Однако пути двух «сестер» разошлись не окончательно и во многих отношениях еще будут переплетаться.

¹ Дрaбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 155.

² Орлова М.И. Германская революция 1918–1919 гг. С. 115.

³ Дрaбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 157–159.

Конституция и революция

Одной из наиболее обсуждаемых альтернатив российской революции является «неразгон» Учредительного собрания. Его роспуск в январе 1918 г. стал важным шагом к срыву политического диалога и замены силы слова на силу оружия, после чего исчезли общероссийский авторитет и площадка принятия общих решений. Это стало важным поворотом на авторитарную «колею» российской революции. Также — что не менее важно — оппозиция получила популярный все-российский лозунг, на время консолидировавший ее в непримиримом противостоянии коммунистическому режиму и идее власти Советов.

Механизм обратной связи между властью и обществом разрушался глубже — не только на центральном, но и на местном уровне. Разгон Учредительного собрания лишил национальные движения надежд на легитимную защиту их прав от леворадикального российского центра. Естественным результатом стало стремление национальных лидеров отгородиться от разбушевавшегося в России социального смерча с помощью провозглашения независимости. Все это вело к расколу страны и широкомасштабной гражданской войне на территории бывшей Российской империи. Последствия этой войны, в свою очередь, стали одной из важнейших предпосылок тоталитарной перспективы отечественной истории.

Можно ли было этого избежать, и если да, то как? Начнем с того, что германская история первой трети XX в., как известно, тоже имела тоталитарную перспективу. Сходства и различия сталинского и гитлеровского режимов — отдельная большая тема, но очевидно, что к близости государственно-политических форм СССР и Германия шли с конца 20-х гг. от весьма далеких политических маршрутов, и эта очевидная разница СССР и Веймарской республики была обусловлена совершенно разным исходом двух революций. Учитывая, что у них был аналогичный старт, важно зафиксировать развилки, на которых расхождение стало необратимым или почти необратимым (30-е гг. показали, что при любых расхождениях маршрутов истории они могут затем идти параллельно или даже снова сближаться). При всем сходстве в России в феврале–июле 1917 г. и в Германии в ноябре 1918 — январе 1919 г., важные различия начинают разводить маршруты революций с января 1919 г. по «германскому календарю». Но по большому счету эти различия еще вполне обратимы и представляют собой различное субъективное исполнение общей драматургии. Иное дело — разогнано или сохранено Учредительное собрание, которое легитимирует парламентскую систему, придавая ей дополнительную прочность перед

лицом социальных вызовов. Веймарская конституция определила направление развития Германии на десятилетия. Что обеспечило успех Веймарского собрания 1919 г. в отличие от Петроградского в 1918 г.?

Политический спектр Германии после свержения монархии был несколько правее, чем в России, а влиятельные правые партии — многообразнее. Германский спектр, в принципе, был обычен для капиталистического общества, и особенным, нетипично сдвинутым влево был именно политический спектр России, где правые политические силы сконцентрировались в Конституционно-демократической партии (кадетов). Более правые силы — октябристы, русские националисты и черносотенцы — стремительно потеряли влияние в самом начале революции.

Это различие, лишь усугублявшееся со временем запаздывания выборов в России, делало скорейшие выборы в Германии более выгодным для правых сил.

В ноябре–декабре 1918 г. шла дискуссия о сроке выборов. НСДПГ настаивала, что они должны пройти весной, СДПГ стремилась к более раннему сроку. Сначала договорились о компромиссе — 16 февраля¹. Но затем, опираясь на свое большинство на съезде Советов, Эберту и его сторонникам вообще удалось сдвинуть срок на 19 января 1919 г.

В преддверии выборов трансформировался политический спектр Германии, требовавший обновления после крушения монархии. На основе Немецко-консервативной партии 24 ноября возникла Немецко-национальная народная партия (НННП). Их положение в идейном спектре соответствовало русским националистам и черносотенцам.

15 декабря Национал-либеральная партия преобразовалась в Немецкую народную партию (ННП). Ее лидером был Густав Штретземан, а политический курс был аналогичен курсу российских кадетов центра и правых.

Партия католического центра преобразовалась в Христианско-демократическую народную партию (ХДНП). Ее также называли Партия центра. Эта умеренно-консервативная партия в обстановке революции занимала нишу российских октябристов. Но не только. Особенность это правой партии заключалась в ее федерализме, отстаивании привилегий традиционно сложившихся регионов. В России федералисты в национальных «окраинах» были, как правило, левыми.

Немецкая демократическая партия (НДП), возникшая 20 ноября, выступала за парламентскую демократию, в идейном спектре России соответствуя левым кадетам. Сначала демократы даже соглашались

---

¹ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 122.

с социализацией, но ко времени выборов отказались от этого и перешли на позиции защиты частной собственности.

Учитывая важность позиции коммунистов в мировом революционном контексте, необходимо подробнее остановиться на позиции их идеолога Розы Люксембург. КПГ бойкотировала выборы, хотя Люксембург была против этого. Еще до начала революции в Германии она осудила разгон большевиками Учредительного собрания: «Это факт, что Ленин и его товарищи до своей Октябрьской победы энергично требовали созыва Учредительного собрания... И вот после таких объявлений первый шаг Ленина после Октябрьской революции — разгон того самого Учредительного собрания, вход в которое она должна была открыть». Люксембург готова принять аргументы Ленина и Троцкого о том, что Учредительное собрание отражало старое состояние России и совершает при этом важную ошибку, думая, что собрание избрано до Октябрьского переворота. Но из этой «устарелости» она делает совсем другой вывод, нежели лидеры большевиков: «Поскольку Учредительное собрание было избрано задолго до решающего поворотного момента, до Октябрьского переворота, и его состав отражал картину прошлого состояния, а не нового положения вещей, то сам собой напрашивается вывод: распустив это устаревшее, т. е. мертворожденное Учредительное собрание, немедленно объявить выборы нового Учредительного собрания!»¹ Плох не сам принцип выборов, а момент, отставший, по мнению Люксембург (фактически ошибочному), от наивысшего, октябрьского подъема революции. В условиях революции парламент будет находиться под давлением масс, которое позволит снять его недостатки и приумножить демократические достоинства: «Именно революция создает своим пылающим жаром ту тонкую, вибрирующую, восприимчивую политическую атмосферу, в которой волны народного настроения, удары пульса народной жизни немедленно самым чудесным образом воздействуют на представительные учреждения»².

Большевики понимали, что если их прокатили избиратели в ноябре 1917 г., то тем более прокатят в январе 1918 г. Так что объявлять новые прямые выборы они не собирались. Понимала ли это Люксембург? В отличие от большевиков, для нее приход к власти коммунистов мог произойти только при условии, что их поддерживает большинство рабочих. Но в России рабочие составляли меньшую часть трудящихся, а крестьянское большинство не собиралось голосовать за большевиков. А по марксистской классике, из этого следовало,

¹ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 322.

² Там же. С. 323–324.

что Россия не готова для прихода к власти пролетарской партии. Ленин очень рассчитывал, что эту проблему разрешит мировая революция, помощь более передовых стран и прежде всего — революционной Германии. Но тогда Ленин и не должен претендовать на применение большевистского опыта в более передовых странах и в той же Германии, где соотношение пролетариата и крестьянства иное. Люксембург критиковала стремление Ленина представить «в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне»¹. Соответственно, модель мирового коммунистического движения и социалистического общества, стартовавших в России, должна вырабатываться не в России: «В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально»².

В своей критике Люксембург оказывается принципиально близка к Каутскому и другим лидерам НСДПГ — нет социализма без демократии: «Найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, — активную, беспрепятственную энергичную политическую жизнь широчайших народных масс»³. Это была квинт-эссенция отношения левых демократических социалистов к большевизму. С одной стороны, их подкупала решительность и новизна происходящего в России, модель Советов казалась выражением непосредственной воли «рабочего класса и беднейшего крестьянства». С другой стороны, большевики пока демонстрировали подавление демократии, выраженное террором и разгоном Учредительного собрания (о разгонах Советов большевиками было пока мало известно за рубежом). Распространять большевистский опыт следовало осторожно — без его авторитарной составляющей, истоки которой можно было объяснить отсталостью России.

Покритиковав Ленина за разгон Учредительного собрания, Люксембург через несколько месяцев тоже выступила против идеи собрания в Германии: «Либо Национальное собрание, либо вся власть рабочим и солдатским Советам, или отказ от социализма, или острейшая классовая борьба во всеоружии пролетариата против буржуа-

¹ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 332.

² Там же. С. 333.

³ Там же. С. 324.

зии. Вот в чем дилемма»¹. Значит ли это, что она пересмотрела свою позицию?

В июле 1921 г. Ленин обсуждал угрозу публикации рукописи Розы с ее старой подругой и членом КППГ Кларой Цеткин. В случае публикации Цеткин обещала сообщить в печати, что Люксембург «сама признала эти взгляды ее ошибочными. Признала после выхода из тюрьмы недостаточную свою осведомленность». Но самой Кларе Роза этого прямо не говорила, Клара ссылается на свой разговор с гражданским супругом Розы Лео Йогихесом за два дня до его гибели². Признаться, такой пересказ пересказа явно заинтересованной Цеткин — не самое надежное свидетельство.

Историк Я.С. Драбкин писал: «Еще три месяца назад, работая над “Рукописью”, Роза Люксембург размышляла о том, нельзя ли соединить Советы с Учредительным собранием. Ход событий в Германии заставил ее пересмотреть это представление»³. Но ведь здесь речь идет о разных этапах революции. До начала революции в Германии Люксембург писала о судьбе Учредительного собрания после прихода коммунистов к власти, когда они должны построить целостную политическую модель, ведущую к социализму. Люксембург требует от Ленина новых выборов после установления власти Советов. В Германии начала 1919 г. у коммунистов не было поддержки большинства рабочего класса, даже организованного в Советы. Для Люксембург это значило, что и приходить к власти пока не имеет смысла. Вот если настроения рабочих в скором времени переменятся (на что она очень рассчитывала), то нужно будет разогнать это старое Учредительное собрание, которое отражает «прежнее положение», и немедленно объявить выборы в новое, отражающее настроения поддерживающего коммунистов рабочего класса. Ведь именно это она советовала Ленину. Но из слов Люксембург прямо не следует, что и германские коммунисты, доведись им разогнать собрание, пойдут на созыв нового. Она уже разочарована в парламентаризме: «То, что доселе считалось равноправием и демократией, — парламент, Национальное собрание, равный избирательный бюллетень, — все это было ложью и обманом»⁴. Похоже, в обстановке обострения революционной борьбы Люксембург «заразилась» ленинским отрицанием парламентаризма. Она видела основание для отказа от него (как

¹ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 352.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 75.

³ Драбкин Я.С. Роза Люксембург в треугольнике стран и культур // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели). Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 31.

⁴ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 354.

и большевики) в том, что между буржуазией и пролетариатом уже нет поля для дискуссии (для чего нужна парламентская площадка): «Буржуазный парламентаризм, как и буржуазное общество, чьей высшей политической целью он является, утратили право на существование. Теперь на арену выходит классовая борьба в своем неприкрытом обнаженном виде. Капиталу и труду больше нечего сказать, им остается только захватить друг друга в железные объятия и в решающей схватке решить, кто из них будет повержен наземь»¹. Эта картина была иллюзорной, значительная часть рабочего класса была настроена на соглашение с работодателями, да и в среде буржуазии были сторонники уступок социальному государству, планированию и другим социал-демократическим мерам. Это давало широкую поддержку парламентской идее. Даже по логике Люксембург, после решающей схватки пролетариату будет, что сказать другим трудящимся классам. А это создает почву для социалистического парламентаризма. Неслучайно Люксембург считала необходимым участвовать в предстоящих выборах, чтобы использовать парламентскую трибуну для агитации и взятия «крепости» изнутри². Эта позиция не была поддержана на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии (КПП), где возобладали бойкотисты, самым заметным из которых был Отто Рюле. На самом съезде Люксембург была настроена в отношении собрания не столь негативно, скорее ситуативно: «Мы хотим ориентировать на разные возможности, в том числе и на революционное использование Национального собрания, если оно соберется»³.

Выборы в Учредительное собрание германской нации прошли 19 января, то есть через два с половиной месяца после начала революции. По «российскому календарю» это середина мая. И это, пожалуй, критическое различие двух ситуаций.

Либеральное правительство Львова нацеливало страну на длительную подготовку выборов, ссылаясь на то, что всеобщие выборы еще не проводились, и все нужно подготовить идеально. Правительство Керенского назначило их на 17 сентября 1917 г., что по «германскому календарю» означало бы май 1919 г. (когда в Германии уже шла гражданская война). Впрочем, как практически любые выборы, проводимые впервые в новом формате, выборы во Всероссийское учредительное собрание не были идеальными. Политический смысл затягивания заключался в надежде либералов и умеренных социалистов, что со временем революционные страсти утихнут и граждане

¹ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 354.

² Там же. С. 355.

³ Там же. С. 372.

поддержат благонамеренный демократический политический центр. Это была ошибка, что подтверждает и сравнение с германской революцией. Со временем, по мере ухудшения социальной ситуации, настроения широких масс радикализировались. Если бы выборы в России состоялись в мае, кадеты и меньшевики получили бы больше голосов, а большевики могли бы претендовать на считанные места. Результаты выборов в России в середине мая были бы гораздо умереннее, чем в ноябре 1917 г., хотя вероятнее всего — более левыми, чем в Германии в январе 1919 г.

У противников скорейших выборов в Германии не было аргумента о необходимости их тщательной подготовки — в рейхе был накоплен гораздо больший опыт проведения выборов, в том числе прямых и относительно равных. Дискуссия о сроках референдума велась в Германии в ноябре–декабре 1918 г. Центристы настаивали на скорейших выборах, а критика быстрой подготовки велась слева. Президиум НСДПГ писал в президиум СДПГ: «Вопрос об учредительном собрании станет актуальным лишь при упрочении возникшего в результате революции положения дел, а потому должен быть прояснен позже»¹. Трудно спорить с тем, что после столь радикального изменения политической системы, которое началось в ноябре 1918 г., избирателям нужно было дать время сориентироваться, понять, как их интересы соотносятся с этими переменами. В то же время Х. Мёллер приписывает НСДПГ более коварные планы: «Это, без сомнения, доказывает, что, прежде чем добиться демократического волеизъявления, НСДПГ намеревалась принять все фундаментальные решения самостоятельно»². Правда, никаких доказательств наличия этого коварного плана германский историк не приводит, а затем, словно забыв о своей атаке на НСДПГ, сообщает, что основные параметры конституции были до дебатов в Национальном собрании кулуарно согласованы Эбертом и его соратниками с лидерами региональных властей и заложены во временной конституции. Это подается уже не как антидемократизм, а как государственная мудрость и конструктивная преемственность³.

В этих условиях, позиция НСДПГ была наиболее демократической — ведь демократия предполагает голосование после всестороннего обсуждения. В то же время российский опыт показывал, что затягивать с принятием важнейших решений было опасно для демократии. Поэтому сначала оптимальный срок выборов был назначен на февраль. Перенос голосования на январь, осуществленный I съез-

¹ Цит. по: Мёллер Х. Веймарская республика. С. 35.

² Там же.

³ Там же. С. 97–98.

дом Советов по настоянию СДПГ, лишал избирателей целого месяца на обсуждение и определение своей позиции, от которой зависел вектор движения Германии на последующее десятилетие и дальше. Такую торопливость трудно признать демократичной, как и другую противоположность — затягивание выборов в России.

На выборах 19 января партии получили следующие результаты: НННП — 10,5 %; ННП — 4 %; ХДНП — 20 %; НДП — 18,5 %; СДПГ — 38 %; НСДПГ — 8 %. Поскольку КПГ бойкотировала референдум, часть ее электората отошла к НСДПГ.

Выборы подтвердили, что НСДПГ пользуется наибольшей поддержкой в «разгоряченных» городах Центральной Германии — Лейпциге, Берлине. То есть по мере углубления революции ее электорат мог расти.

Если бы в России выборы дали такой результат, это бы значило, что черносотенцы и русские националисты получили более десятой части голосов: октябристы и националисты окраин — пятую часть, кадеты — почти четверть, эсеры, меньшевики и большевики — несколько меньше половины, но при огромном перевесе правых социалистов над левыми и коммунистами. Такие результаты выборов обеспечивали поддержку политике, которая проводилась правыми социалистами и левыми либералами. А это курс Керенского в 1917 г. и Эберта в 1919 г. Если бы выборы во Всероссийское учредительное собрание состоялись в мае, ему предстояло бы работать несколько месяцев, сталкиваясь с такими вызовами, как июльский кризис, а возможно также корниловское выступление и Октябрьский переворот или его попытка. Альтернативный вариант российской истории с выборами в мае 1917 г. не снимал, а откладывал угрозу разгона собрания, но все же давал Временному правительству дополнительный ресурс прочности.

Принципиально важно было, чьи силовые структуры контролируют столицу. Судьба Всероссийского учредительного собрания была бы во многом решена, потому что большевистские отряды контролировали Петроград. Эберт и Носке накануне выборов нанесли удар по спартаковцам в Берлине, но как показало мартовское восстание — не окончательный.

Эберт позаботился, чтобы собрание было надежно защищено. Оно собралось не в нестабильном Берлине, а в Веймаре под надежной военной охраной. Российский урок пошел впрок.

Впрочем, Веймар был расположен в Тюрингии, которая в феврале 1919 г. была охвачена волнениями и стала одним из очагов гражданской войны. Судьба Всероссийского учредительного собрания также решалась во время скоротечной гражданской войны осени 1917 — весны 1918 г. Большевики смогли добиться, чтобы уехавшие

из Петрограда депутаты не сумели сразу собраться где-то еще. Эберт и его соратники, напротив, смогли обеспечить условия для относительно спокойной работы.

Германское Национальное (учредительное) собрание приступило к работе 6 февраля 1919 г. Центральный совет торжественно передал свои формальные верховные властные полномочия собранию. Оно воспользовалось ими, приняв закон «О временной государственной власти», то есть временной конституции. По ней президент и собрание действовали вместе с Комитетом государств, состоящим из представителей бывших монархий и городов, входящих в империю, то есть исторических регионов. Правительство могло вносить проекты в собрание после утверждения комитетом, и законы тоже могли приниматься в соглашении с ним. Такой путь легитимизации новой власти оказался довольно удачным — новые лидеры исторических регионов поняли, что их интересы будут учтены. Это снижало угрозу сепаратизма и распада рейха, давало центральной власти дополнительную опору на местах. Быстрое принятие временной конституции убедило значительную часть немцев, что в Германии снова есть законная власть. Впрочем, революция на этом не закончилась, так как другая часть населения требовала не просто законного порядка, но и социальных преобразований. Собрание должно было предложить их основные параметры.

Эберт и его соратники вообще были менее щепетильны в отношении чистоты демократических норм, чем российские центристы, группировавшиеся вокруг Керенского. Эберт быстро провел временную конституцию, которая во многом предопределила и черты постоянной Веймарской конституции: «Принятая очень быстро и включавшая в себя лишь десять параграфов, переходная Конституция в значительной мере обозначила основные черты окончательной Конституции Веймарского рейха»¹.

Веймарская конституция имела сильный и, как оказалось, фатальный для нее «перекос» в пользу президентской власти. Эта особенность была заложена уже во временной конституции и была обусловлена необходимостью срочно укрепить власть лидера государства. 11 февраля Фридрих Эберт 277 голосами из 379 был избран временным президентом Германии. В своей речи он заявил: «Я хочу и буду действовать как уполномоченный всего немецкого народа, а не как руководитель отдельной партии... Но я также осознаю, что я сын рабочего сословия... вырос в мире идей социализма, и что я не намерен когда-либо отречься ни от

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 98.

моего происхождения, ни от моих убеждений»¹. То же самое мог бы сказать и Керенский, если бы Учредительное собрание собралось до Октябрьского переворота.

13 февраля 1919 г. была создана коалиция, вполне соответствовавшая политической конструкции Временного правительства в России в мае–октябре 1917 г., особенно после июля. В правительство Шейдемана вошли семь представителей СДПГ, три демократа, три христианских демократа и один беспартийный — министр иностранных дел, кайзеровский дипломат граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау.

Конституцию, аналогичную Веймарской, Россия получила только в 1993 г. В основе конституций такого рода лежит довольно обычная для XX в. конструкция — определение баланса ветвей власти, определение территориального устройства, набор гражданских и социальных прав. Дискуссия о конституции тоже была довольно типичной. В ее центре были следующие основные проблемы: соотношение власти главы государства и парламента, порядок формирования правительства, соотношение полномочий общегосударственного центра и регионов, основы социальной организации, осуществление гражданских прав. Отклонение от этой «универсальной» конституционной повестки касались двух важных проблем: граница регионов и места Советов в политической организации. Первый вопрос был связан с глубиной преодоления старого, а второй — со степенью институционализации нового, возникшего в ходе революции.

Этнорегиональная (национальная) проблема в Германии имела свою специфику по сравнению с многонациональными империями Австро-Венгрии и России. Там существовали ясные различия между этносами, преобладающими в центре (в Австро-Венгрии — даже двух центрах) и на «национальных окраинах». В России на большей части территории преобладало славянское население трех народов, различия в культуре которых (и внутри которых) были заметны, но национальная идентичность еще не сформировалась. Аналогично и в Германии существовало не только различие между немецким и не немецким (например, польским) населением, но и различия между немцами Пруссии и немцами Южной Германии. Все они считали себя немцами — как и жители Австрии, которые сегодня являются не германцами, а австрийцами. В отличие от России, чье единство еще только подвергалось сомнению лидерами национальных движений, Германия и к 1918 г. по своему государственному устройству не была вполне единой, ибо в 1871 г. в империю объединились самостоятельные государства, которые продолжили свое существование в ее со-

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 44.

ставе. Германская империя состояла из традиционных автономных государств — до недавнего времени монархий и вольных городов, а теперь — республик. И было неясно, будут ли они сохраняться, станут ли они бороться за независимость (подобно «национальным» регионам распадающихся Российской и Австро-Венгерской империй), или можно полностью переформатировать территориальное устройство Германии, разделив Пруссию на несколько регионов и укрупнив слишком мелкие исторические образования. Как пишет историк Х. Мёллер, «во время революции, наряду с сепаратистскими и направленными против гегемонистской политики Пруссии автономистскими настроениями и устремлениями, в прусских провинциях сложилось мнение, что со свержением монархии в отдельных государствах/землях утеряли силу и их соглашения с Пруссией, и территориальные немецкие государства стали суверенными, согласно международному праву»¹. Эти настроения, разумеется, были распространены не только в Пруссии, но и в самих государствах, составлявших рейх, ставший империей без императора. Из этого могло следовать несколько сценариев: распад или раскол Германии, сохранение исторических государств в новом республиканском государстве либо ликвидация старых внутренних границ и создание нового территориального деления с регионами (вполне возможно — тоже автономными) с примерно одинаковым количеством населения и по возможности территории. Последний путь представлялся наиболее логичным, немцы Германии сегодня считают себя в первую очередь немцами, а потом уже баварцами, пруссаками, вюртембержцами и т. п. Но в начале века это было не вполне так, и историко-культурные различия немцев были все еще слишком сильны, чтобы легко перекраивать границы, разделяя большую Пруссию и объединяя мелкие государства центра и юга Германии. В своих программных документах влиятельная Партия центра провозглашала: «Сохранение федеративно-государственного характера устройства рейха во имя защиты самобытности немецких народов»². Народов, а не народа. В этом отношении в начале революции отличия между разными немцами были настолько же важны, как и отличия между разными славянами в России 1917 г.

Проблема выбора между автономией и унитаризмом стояла в Германии не менее остро, чем в России. Автономия важна не сама по себе, она позволяет регионам защититься от политики центра, от его произвола. Но каково содержание этой политики? В 1917 г. ав-

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 96.

² Там же. С. 110.

тономные государственные образования в составе Российского государства возникали ради защиты этнокультурных особенностей. Но автономия и государственная самостоятельность могли стать защитой от любой политики центра, то есть прикрытием социально-политических интересов. Совнарком легко признавал самостоятельность национальных образований, в которых руководили коммунисты, и отрицал даже автономию «буржуазных», то есть не руководимых коммунистами образований. Для Ленина региональная самостоятельность была приемлема постольку, поскольку она не препятствовала социальной трансформации. В Германии традиционные административно-государственные перегородки, унаследованные от Средневековья, тоже могли помешать дальнейшей модернизации страны — как по либеральному, так и по социалистическому пути. Отношение модернизационных проектов и культурно обусловленного регионализма было общей проблемой двух революций, хотя и со своими особенностями.

Это противоречие автономии и центра можно было бы снять двумя путями — с помощью унитаризма (отрицания самостоятельных прав регионов) и демократического федерализма — создания центра из представителей регионов. Первый путь был чреват сопротивлением регионов вплоть до вооруженного сепаратизма. Второй путь лишил центральную власть инициативы.

29 марта собравшаяся в Штутгарте конференция южногерманских государств протестовала против «преувеличения идеи единства». 28 мая Шейдеману удалось собрать конференцию правительств государств и лидеров коалиционных партий, на которой был принят «компромисс между империей и землями», который лег в основу конституционного решения вопроса — изменение территориального устройства могло производиться только с согласия всех заинтересованных земель.

Первоначальный проект конституции еще с ноября разрабатывался под руководством статс-секретаря МВД Гуго Прейсса. Ему нравилась американская конституция, а государства, входившие в германскую империю, он считал анахронизмом. По мнению Прейсса, предвосхищавшего будущую конституцию ФРГ, нужно было переделить Германию на 14 приблизительно равных по территории и населению регионов. Это предполагало раздел Пруссии и объединение вместе маленьких исторических государств.

Против раздела Пруссии выступили ее социал-демократические лидеры¹. Для них традиционализм оказался важнее, чем модернизация государственной системы Германии.

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 107.

Интересы регионов должна была представлять верхняя палата парламента (эта идея попала и в нынешнюю российскую конституцию). Прейсс был противником сильной президентской власти и считал, что президент должен избираться парламентом. Именно так и был выбран первый президент Фридрих Эберт.

Поддерживавший идею передела Германии влиятельный социолог Макс Вебер в то же время выступил за сильного президента, избираемого народом.

Эберт со своей стороны предложил дополнить проект перечнем гражданских прав. Доработанный таким образом проект был опубликован как правительственный 20 января — сразу после выборов.

Однако результаты выборов ставили под сомнение проходимость такого проекта. Партия центра встала на защиту традиционных государств, НСДПГ выступила за включение в конституцию Советов. Когда 18 февраля проект поступил на обсуждение Комитета государств, там предсказуемо забраковали идею территориального передела этих государств без их согласия. В итоге укрупнение произошло только в Тюрингии в 1920 г., а также в 1929 г. крохотная земля Вальдек вошла в Пруссии.

23 февраля «согласованный проект» поступил на обсуждение собрания и 5 марта попал в комиссию во главе с демократом Конрадом Гаусманом. Там текст с многочисленными поправками был систематизирован в двух частях: 1) Структура и задачи империи; 2) Основные права и основные обязанности немцев. В июле этот проект обсуждало собрание. В итоге был сформулирован компромисс СДПГ и демократов, против которого выступали националисты и НСДПГ. Первым удалось добиться усиления полномочий президента, а вторым — интеграции в конституцию Советов и социальных гарантий.

Советы пользовались популярностью как идея производственного самоуправления и усиления влияния рабочего класса на власть. Поскольку идея организации власти в форме Советов как прямой демократии работников противостояла парламентаризму, она подвергается анафеме сторонников передачи власти партийно-парламентским элитам. «Не подлежит никакому сомнению, что система политических советов, несмотря на так называемые элементы прямой демократии, уже в силу классового ограничения избирательного права не имеет ничего общего с демократией»¹, — возмущается либеральный историк Х. Мёллер. Конечно, если ты либерал, считающий

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 29.

демократией право граждан раз в несколько лет выбирать носителя власти из нескольких кандидатов, подобранных и финансируемых элитами, то система Советов не имеет с этой элитократической «демократией» ничего общего. И дело не в «классовом ограничении избирательных прав» для небольшого меньшинства (в Германии ведь существовали не только рабочие, солдатские и крестьянские Советы, но и Советы служащих, так что участвовать в выборах в Советы мог практически любой желающий), а именно в тех самых «элементах прямой демократии». Независимцы стремились соединить их с парламентской системой, чтобы уравновесить недостатки двух демократических механизмов и соединить их достоинства. Х. Мёллер пишет об этом: «Что-то совершенно непонятное представляла собой концепция “третьего пути”, которую отстаивал Гуго Гаазе, хотя он признавал политический парламент, основанный на демократическом избирательном праве, в качестве репрезентативного органа, его компетенцию он хотел ограничить за счет второй палаты, что-то вроде парламента советов, который должен был представлять только трудящуюся часть населения... Возникает вопрос, по какому праву другие социальные слои должны были терпеть ограничения со стороны дополнительного, облеченного политической компетенцией представительства чьих-то интересов»¹. Если бы идея Гаазе и Эйснера была более понятна Х. Мёллеру, он бы, конечно, не стал настаивать, что «русская модель пролетарской советской диктатуры» «служила образцом для НСДПГ»². Предложения НСДПГ соединяли парламентаризм не с партийной диктатурой, а с синдикализмом. Кое-что в этой концепции все же должно быть понятно либеральному историку. Ведь еще совсем недавно население Пруссии голосовало по четырехклассной системе. И даже такое голосование, предоставляющее привилегии меньшинству населения, считается пусть и неполной, но демократией. По сравнению с этой системой проект НСДПГ был большим шагом в демократическом направлении, так как предоставлял некоторые, весьма незначительные привилегии большинству населения, чтобы уравновесить власть денег, неизбежную при парламентаризме в капиталистическом обществе (за счет финансирования предвыборных кампаний и прессы, играющей решающую роль в прохождении кандидата в парламент). Также Х. Мёллер вполне может понять и даже принять порядок, при котором граждане имеют неравные избирательные права. Ведь норма представительства в нижней и верхней палате в Веймарской республике различались.

---

¹ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 30.

² Там же. С. 111.

Автор первого проекта Веймарской конституции, либерал Прейсс, лучше разобрался в идее независимцев и потому не обвинял их в попытке лишить кого-то прав. Его не устраивало другое: «Идея образовывать наряду с палатой народных представителей еще и другую палату, которая состояла бы из представителей советов рабочих, советов буржуазии, советов крестьян и т. д. — а это любимая идея Эйснера — уж очень близка идее профессиональных представительств, а потому является своего рода реакционным устремлением, которое не является созвучным времени, в котором мы живем»¹.

Если выйти за рамки либеральной идеологии, отождествляющей демократию с прямым голосованием за одного из кандидатов, поддержанных социальными элитами, то станет ясно, насколько идея профессионального представительства была созвучна времени первой трети XX в. Ведь это время подъема синдикализма, с одной стороны, и корпоративизма — с другой. Вскоре корпоративизм победит в Италии, а позднее — и в самой Германии. Но германские и итальянские фашисты будут насмерть сражаться в Испании со сторонниками синдикализма и власти Советов — при беспомощности либералов. Либеральная идея оказалась не созвучна времени, когда исход исторических конфликтов определяли организованные массы — в том числе организованные по профессионально-классовому принципу. Эйснер, Гаазе и другие независимцы стремились подкрепить силой Советов демократический принцип. Эйснер, будучи лидером Баварии, сумел подняться над баварским эгоизмом, не настаивая на создании особого представительства именно для баварских властей. Но либералы отвергли это решение, считая его не спасительным, а губительным для парламентаризма. Они, впрочем, вовсе не были против создания верхней палаты, но для защиты не классовых, а регионально-традиционалистских интересов «исторических государств», а точнее — их элит. Это с гораздо большим основанием можно назвать «реакционным устремлением». Отсутствие опоры в массовой организации работников ослабляло политическую конструкцию Веймарской республики.

Разъясняя суть позиции идеологов НСДАП, Гильфердинг утверждал: «Не система Советов или демократия, а Советская система и демократия — должен гласить наш лозунг». Советы рассматривались как «необходимый противовес против капиталистической фальсификации демократии»².

¹ Цит. по: Мёллер Х. Веймарская республика. С. 74.

² Цит. по: Дробкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 49.

То, что действительно трудно понять без знания социалистической теории — это смысл создания палаты Советов, который был тесно связан с идеей социализации. Противники Советов боролись не просто за парламентскую элитократию, но и за капиталистическую систему, которой противостояла идея социализации, тесно связанная с организацией власти через Советы. Органы, создаваемые трудовыми коллективами, должны были защищать социальные права, регулировать экономику и контролировать власть.

Сторонники социализации и Советов надеялись устранить разделение на чисто политическую власть и экономическое управление, сделав производственную демократию базисом общегосударственной.

НСДПГ предложила включить в конституцию положение: «Если центральный орган рабочих и солдатских Советов в течение двух недель заявит протест против принятого Национальным собранием в третьем чтении закона или постановления, то закон и постановление пока не вступает в силу, а окончательное решение должно быть принято путем народного голосования»¹. Политический парламент ставился под контроль органа Советов, формируемого трудовыми коллективами предприятий и их объединениями (но не предпринимателями).

Аналогичные идеи обсуждались и в России в спектре от социалистов центра до правых большевиков. Эта идея не получила поддержки со стороны социал-либеральных правительственных сил, что в обоих случаях способствовало нарастанию вооруженного противоборства между радикальными левыми и сторонниками Учредительного собрания.

Идея сохранения властных полномочий за Советами была настолько популярна в Германии, что даже СДПГ выступила за их укоренение в конституции хотя бы в качестве экономических структур, ограничивающих власть капитала.

Выступая 31 января на расширенном собрании Советов Большого Берлина, представитель Центрального совета Макс Коэн говорил: «Политическая роль Советов исчерпана, они уступили место национальному собранию, которое призвано дать Германии конституцию, но в экономической жизни рабочие Советы должны сохраниться»². Впрочем, Деймиг и другие независимцы настаивали на сохранении политических функций Советов и после принятия конституции. За эту позицию проголосовало большинство собравшихся. Но у правительства и большинства Национального собрания была другая позиция.

¹ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 48.

² Там же. С. 26.

20 марта стал обсуждаться правительственный законопроект «Об укоренении Советов в конституции». 6 апреля он был опубликован как основа для ст. 34 Конституции. Советы в этом проекте планировалось сделать представителями рабочих в социальном партнерстве, органами которого должны были стать экономические Советы.

31 июля 1919 г. при итоговом голосовании проект конституции набрал 262 голоса при 75 против и 80 не участвовавших в голосовании. Не голосовала, например, четверть фракции СДПГ, что говорит о недовольстве прежде всего ее левого крыла. 11 августа конституция была подписана президентом Эбертом и 14 августа вступила в силу.

Главой государства с широкими полномочиями становился избираемый на семь лет президент. Правительство нового государства должен был формировать канцлер, назначаемый президентом. Но действия правительства должны были получать одобрение рейхстага (парламента). Эта система, основанная на принципе равновесия властей, могла легко привести к параличу власти, если между президентом и парламентским большинством произойдет конфликт. Однако ст. 48 предоставляла президенту широчайшие полномочия на случай кризиса, что было чревато скатыванием в диктатуру. Президент по своим полномочиям превзошел даже кайзера Вильгельма. Он мог назначать правительство, распускать рейхстаг в ответ на вотум недоверия правительству, вводить войска в регионы (союзная экзекуция), принимать декреты, которые лишь задним числом утверждались или отклонялись рейхстагом, и приостанавливать действие гражданских прав. Эта статья активно использовалась в преддверии и во время установления диктатуры Гитлера. По конституции, только двумя третями голосов рейхстаг мог поставить на референдум вопрос о досрочном прекращении полномочий президента или привлечь его к суду. Против таких широких полномочий президента выступали независимцы, но голосов у них было слишком мало.

Веймарской конституцией предусматривались референдумы, в том числе в результате «народной инициативы» 10 % избирателей.

Конституция закрепляла демократические свободы — слова, собраний, забастовок и др. Но в случае угрозы «общественной безопасности» президент своим указом мог приостановить действие этих прав. Впоследствии это положение конституции также облегчит приход к власти нацистов. Конституцию можно было пересмотреть двумя третями голосов рейхстага, что и было сделано нацистами в 1933 г. (правда, после антиконституционного исключения из парламента части депутатов).

Германия стала федеративной республикой. Широкая автономия предоставлялась землям, из которых состояла еще Германская им-

перия. Но национально-региональный вопрос не был снят с принятием конституции, и сепаратизм продолжал сотрясать здание рейха в 1919–1924 гг. Это было вызвано двумя основными обстоятельствами: во-первых, социальные движения по-разному происходили в разных немецких регионах (включая Австрию) с их социально-культурными особенностями. Во-вторых, на национально-региональную ситуацию сильное давление оказывал внешний фактор (как и в России в 1918 г.). Антанта поощряла сепаратизм в Западной Германии, препятствовала объединению Австрии с рейхом. В то же время Бавария воспринимала себя как самостоятельный регион со своей политикой как в отношении Антанты, так и Советской России.

Конституция испытала на себе влияние обстановки социальной революции, в ходе которой принималась. Статья 153 предусматривала возможность отчуждения собственности по закону. Статья 156 предусматривала возможность социализации, то есть перевода «в общественную собственность пригодных для обобществления частных хозяйственных предприятий»¹. Под обобществлением понимались участие государства в управлении и принудительное синдицирование (то есть те меры государственного регулирования, которые будут активно применяться в Западной Европе и США в 30-е гг.). Анонсировалась и аграрная реформа. Правда, министр сельского хозяйства Пруссии, член НСДПГ Адольф Гофер напомнил, что раздел поместий между крестьянами «противоположен нашему социалистическому идеалу»², который требует создания крупных социалистических хозяйств. Большевики в России сначала выступали за раздел поместий между крестьянами (перехватив это требование у эсеров), но уже в 1919 г. на территориях, которые переходили под советский контроль, коммунисты выступали за сохранение поместий как государственного достояния. 11 августа 1919 г. в Германии был принят закон о поселениях, по которому было создано около 50 тыс. хозяйств на землях, выкупленных у юнкерства. Конституция запрещала ростовщичество, что было странно для страны с развитой банковской системой.

Статья 165 закрепляла механизм социального партнерства, включавший Советы. По инициативе депутата СДПГ Гуго Зинцгеймера в ст. 165 было включено положение об Экономическом Совете как институте социального партнерства, опирающемся на производственные Советы и организации предпринимателей. Экономический Совет имел право законодательной инициативы и право высказывать официальное мнение по поводу законопроектов в трудовой сфере.

¹ Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 63, 70.

² Там же. С. 122.

6 апреля был опубликован правительственный законопроект о Советах. Докладчик Зинцгеймер говорил: «Люди сосредотачивают все свои надежды на одном пункте и верят, что осуществление идеи Советов может избавить их от внешних и внутренних бед... Производственные рабочие Советы существуют, и никакая сила не сможет их устранить»¹. Чем разгонять их, можно было определить их полномочия.

Гааге добивался большего — предоставления Советам прав на участие в управлении предприятиями и проведении социализации, а Центральному рабочему Совету — контрольные функции в отношении правительства, то есть политические полномочия². Но правые социал-демократы и более правые партии с этим не согласились.

Производственные Советы действовали на предприятиях как органы контроля. Создавались окружные и имперский рабочий Совет. Они должны были сотрудничать в экономических Советах с предпринимателями и участвовать в проведении социализации. На деле попытка создать высший Экономический Совет была предпринята только 4 мая 1920 г., но он был не избран, а назначен как временный и вскоре распался из-за противоречий предпринимателей и рабочих представителей и неопределенности полномочий этой структуры.

В новой Германии Советы должны были иметь исключительно экономические, а не политические полномочия. Их объединения должны были соединяться с органами предпринимателей в паритетные арбитражные «экономические Советы». Это было существенное, но не полное отступление от идей НСДПГ. Советы лишались политической власти, но сохраняли часть экономической. В случае продолжения социализации (то есть уменьшения полномочий частных собственников или их устранения) роль Советов могла вырасти. Собственно, судьба Советов в Германии напрямую зависела от перспектив социализации, они были надстройкой над социализацией.

Без социализации Советы сталкивались с профсоюзами, которые в диалоге и конфликте с капиталистами определяли зарплату и условия труда. Это, значит, не дело Советов. А что тогда? Контроль за соблюдением соглашений и переговоры с предпринимателями в рамках экономических Советов, вопросы развития и совершенствования производства. Без социализации экономические Советы быстро захирели. Включение Советов в конституцию было уступкой массовым настроениям, которая не была рассчитана на реальное воплощение. Отсюда — продолжение массовой борьбы за Советы и социализа-

¹ Цит. по: *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 305–306.

² Там же. С. 307.

цию после принятия конституции. Конституционные полумеры не обманули сторонников антикапиталистических преобразований.

Умеренные партии надеялись, что принятие конституции оставит революцию, но этого не произошло. Конституция не могла улучшить социально-экономического положения в стране, и поэтому революция продолжалась. Однако принятие конституции обеспечило новой системе власти значительный запас стабильности в борьбе с попытками свержения Веймарской республики как слева, так и справа. В России такого ресурса не было ни у Временного правительства, ни у Совнаркома, что после разгона Учредительного собрания вело к выяснению вопроса о власти силовым путем. Но опыт германской революции показывает, что созыв Учредительного собрания еще не спасает от гражданской войны. Вопрос в ее масштабе. Пока существует надежда на Учредительное собрание, масштаб войны меньше, так как широкие массы выжидают его итогов. А если конституция принята — часть масс отходит от активной борьбы. Но не все.

Скоротечная гражданская война и южная самостоятельность

Россия в феврале 1917 — январе 1918 г. и Германия в ноябре 1918 — январе 1919 г. идут очень близкими путями, демонстрируя множество важных общих черт. Затем пути расходятся, но становятся параллельными на некотором расстоянии (то есть общие черты остаются и потом иногда даже нарастают, как это произойдет во время Капповского путча). С весны 1919 г. Германия предоставляет материал на тему, как могла развиваться Россия при сохранении власти Керенского или его преемника с тем же политическим курсом — без Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания. Но нельзя забывать о гораздо большей остроте аграрного вопроса в России, что, в отличие от Германии, дестабилизировало ситуацию в сельской местности при любых режимах. Впрочем, вероятно, успех эсеров мог способствовать некоторому успокоению крестьян. Но в остальном умеренные социалисты, опирающиеся на союз с более правыми силами, должны были бы решать те же проблемы, что и Ленин — дестабилизация товарного рынка, голодающее население в городах, рост сепаратизма, заключение невыгодного мирного договора. С этими проблемами столкнулся и Эберт. И советский, и веймарский режимы в начале своего существования столкнулись с локальными очагами вооруженного сопротивления своей власти. При всем различии двух режимов, форма гражданской войны в двух странах на этом этапе оказалась общей —

серия локальных конфликтов, где центральное правительство имеет преимущество, перебрасывая силы от одного очага к другому.

Очагами сопротивления режиму Эберта были промышленные регионы с бедствующими рабочими, верящими в радикальные идеи социального преобразования (то есть как раз та социальная почва, которая способствовала первоначальным успехам большевиков). В этих условиях большим успехом Эберта и его соратников была победа в столице, где, как мы видели, радикальные рабочие тоже не сидели сложа руки. Подавив левых радикалов в центре, Эберт и Носке получили то же стратегическое преимущество, что и сторонники Советской власти в России после захвата Петрограда и Москвы.

Другая параллель, которая должна быть здесь упомянута, — серия революционных восстаний и попытки установления власти Советов в России в 1905–1907 гг., которые подавлялись одна за другой правительственными властями. Возникали Советы, но им не удавалось захватить власть в стране в целом. Но в остальном параллели заканчиваются — ведь характер господствующего режима в Германии в 1919 г. качественно отличается от ситуации в России в 1905 г. и возвращает нас к параллелям с 1917–1918 гг.

И в России в 1917 г., и в Германии в 1919 г. часть местных социумов была более радикальна, чем «средний уровень» по стране. В России еще до падения Временного правительства власть в свои руки пытались взять Советы Кронштадта, Ташкента, Гуляйполя. В Германии тоже возникали местные советские республики: в Бремене, Куксгафене, Мангейме и Мюнхене.

Эти локальные советские республики держались недолго. Бременская социалистическая республика была провозглашена 10 января 1919 г., в Совете остались на паритетных началах НСДПГ и КППГ. Лидеры Бременской республики были готовы на переговоры с центральными властями, но правительство предпочло военное подавление. 4–5 февраля войска взяли Бремен. Однако затем социал-демократы здесь пошли на компромисс — войска были выведены из города под угрозой продолжения забастовки, которая в знак солидарности с Бременом развернулась и в других регионах.

В начале 1919 г. радикальные Советы выступали за повсеместное установление власти Советов и вмешивались в управление городами в Хемнице, Галле, Лейпциге и др.

13 января 1919 г. Советы Рура решили приступить к социализации снизу, начать выборы Советов на уровне цеха, предприятия, района и отрасли, для чего создали «комиссию девяти». Ее представители выехали в Берлин, чтобы договориться с комиссией по социализации. Но Каутский объяснил делегатам радикальных рабочих, что меры по

социализации могут вводиться только в общегосударственном масштабе. Правительство стремилось заменить Советы паритетными комиссиями из представителей работников и предпринимателей. Если социализм вводить рано и предприниматели сохраняют контроль над предприятиями — это логично. Но большинство шахтеров считали, что их предприятия должны быть изъяты у собственников, которые довели рабочих до полуголодного положения.

Солдатский Совет 7-го армейского корпуса в Мюнстере поддержал рабочих и отказывался подчиняться приказу Носке от 19 января о восстановлении полномочий офицеров во всей полноте. В обращении Совета к рабочим говорилось: «Не давайте склонить себя стрелять в бастующих рабочих, в товарищей по классу, борющихся за свои политические права. Помните, что задачи революции еще не решены, и не позволяйте превратить себя в войска врагов революции. Решительно смещайте своих командиров, если они дают приказ о контрреволюционных действиях»¹.

Но в регионе действовали фрайкоры, солдаты которых уже не были просто солдатской массой с разными взглядами: добровольцы имели взгляды не левее Эберта, и забастовщики для них были спартаковцами — врагами. Волонтеры Оскара фон Ваттера с боем вошли в Мюнстер и 11 февраля арестовали там солдатский Совет 7-го армейского корпуса. Конференция Советов в Эссене под угрозой забастовки потребовала от правительства вывести войска генерала фон Ваттера из Мюнстера и освободить арестованных. Фрайкор стал продвигаться вглубь Рура. 16 февраля была объявлена всеобщая забастовка, но остановилось меньше половины шахт. При этом бастовали предприятия и за пределами Рура, в том числе в Дюссельдорфе. Пока шла стачка, фрайкоры зачищали от спартаковцев город за городом. 21 февраля красные отряды потерпели поражение, и забастовка была закончена. Но вооруженные столкновения продолжались до 28 февраля, когда фрайкоры установили контроль над Дюссельдорфом.

Тем временем вспыхнула аналогичная борьба в Средней Германии, где рабочие тоже требовали социализации и признания прав производственных Советов. 24 февраля — 6 марта развернулась всеобщая стачка под лозунгом «демократизации предприятий»². Она оказалась болезненной для Берлина и Веймара — вплоть до отключения энергоснабжения. Войска металась между Тюрингией и Саксонией. Бои шли в Галле. Весной–летом 1919 г. фрайкор генерала Меркера выписывал причудливый маршрут, сравнимый по извили-

¹ Цит. по: *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 78.

² *Ленчнер С.И.* Берлинский Совет в период мартовских революционных боев 1919 г. в Берлине. С. 13.

стои с походами восстановителей порядка во время смуты 1525 г.: Галле—Магдебург—Брауншвейг—Лейпциг—Эрфурт.

8 марта забастовала Верхняя Силезия. В апреле местные рабочие уже брали предприятия в свои руки. Одновременно вспыхнул «германский Донбасс» — Рур.

5 марта конференция радикальных рабочих Рура высказала несогласие с законом о социализации, требуя отчуждения предприятий у предпринимателей и передачи их в управление горнякам. 30 марта более представительная конференция в Эссене создала Всеобщий союз горнорабочих, избрала Центральный шахтерский Совет и объявила с 1 апреля всеобщую стачку. Конференция потребовала 6-часового рабочего дня с сохранением зарплаты, ее повышения, признания Советов, освобождения политзаключенных, роспуска фрайкоров, разоружения полиции, создания вооруженной рабочей охраны, установления отношений с советскими Россией и Венгрией. Очевидно конференция находилась под влиянием КПП и левого крыла НСДПГ. Забастовка охватила почти все шахты и часть предприятий соседних регионов. Одновременно забастовали рабочие Вюртемберга, где произошло восстание в Штутгарте. Забастовка распространилась на Мекленбург и Брауншвейг, где ненадолго была провозглашена Советская власть.

Забастовку «гасили» с двух сторон. Фрайкоры двигались по региону, арестовывая зачинщиков и вступая в бои с рабочими отрядами, а министр труда Густав Бауэр обещал ввести 7-часовой рабочий день. 9 апреля был арестован Центральный шахтерский Совет, а 15 апреля — делегаты конференции забастовщиков. Из забастовки стали выходить предприятия, и к концу месяца она прекратилась.

Забастовки и вооруженные столкновения вспыхивали то тут, то там также в мае—июне. Но силы фрайкоров нарастали: совокупная численность 68 корпусов и других добровольческих отрядов достигла 400 тысяч — в четыре раза больше, чем позволит Германии Версальский мир¹. Однако в Руре, Тюрингии и Саксонии оставались массовые организации рабочих, которые готовились к возобновлению вооруженной борьбы.

* * *

Важную роль в событиях Великой российской революции играл регион, который тогда обычно называли Югом России. Речь идет об Украине. В Германии был свой специфический южный регион (не считая Австрии) — Бавария.

¹ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 171.

История Баварской Советской республики позволяет обратиться к сравнению отношений центра государства с крупными местными регионами. Для России наибольшее значение имели отношения с Украиной, которая одной частью населения воспринималась как органическая часть «большой России» (города говорят по-русски, в деревне тоже живет этнически близкое к русским население, в ряде регионов перемешанное с русскими). Бавария была населена немцами, но заметно отличавшимися от северогерманских «пруссак». Глубина различий между германскими регионами — не тема нашего исследования, но общим местом является наличие культурных, лингвистических и религиозных отличий между германскими регионами. И Украина, и Бавария в отношении столиц империй играли близкую роль автономного «строптивного» южного региона с этнокультурными особенностями населения и различиями исторического пути. В отличие от Украины Бавария, как и другие южногерманские государства, даже сохраняла историческую автономную государственность. В ходе революции развернулась дискуссия вокруг вопроса, следует ли сохранять уже в виде республик бывшие монархии и вольные города наряду с Пруссией (аналогичной Великобританией). Россия решала вопрос о статусе «национальных окраин», а Германия — исторических германоязычных государств, входивших в рейх.

Хотя в Баварии, как и на Украине, были влиятельные автономистские силы, она стала крупнейшим очагом советского течения в революции (на Украине в 1917 г. сторонники широкой автономии в составе России укрепились в столице региона, а сторонники советизации отступили на его восток). Лидер мюнхенского Совета Курт Эйсер выступал за сочетание советских и парламентских принципов ради сохранения демократии, опирающейся на самоорганизацию рабочих. Эта концепция, близкая дореволюционным взглядам недавно погибшей Люксембург, позволяла политически обеспечить мирное проведение социальных преобразований, поддержанных организованными рабочими. Близкие взгляды в 1919 г. отстаивал и председатель Директории Украинской народной республики (УНР) Владимир Винниченко (в 1917–1918 гг. — глава правительства УНР).

Несмотря на различие политических имиджей, у Эйсера и Винниченко много общего. Оба — левые социалисты, выступавшие сначала за автономию своих регионов. После Октябрьского переворота УНР стала все сильнее дистанцироваться от большевистского российского центра, смогла нанести поражение местным коммунистам. Тем не менее среди лидеров УНР до весны 1919 г. преобладали социалисты.

В Баварии социалисты и автономисты, такие как влиятельный правый политик Густав фон Кар, действовали раздельно, и сепаратизм был слабее.

Мюнхенских советских и сепаратистских лидеров и киевских националистов роднили надежды на то, что с помощью самостоятельной внешней политики можно избавить свой регион (страну) от тяжелых последствий мирного договора. «Правительству, которое взяло на себя все обязательства, вытекающие из прошлого, — сказал Эйсер с явным намеком на Берлин, — грозит ужасный по своим последствиям мирный договор», — цитирует С. Хаффнер и комментирует: «В отличие от Эберта Эйсер с первого же дня ясно оценивал международное положение побежденной Германии и имел четкую внешнеполитическую концепцию. Он видел опасность продиктованного Германии мирного договора и пытался предупредить ее путем впечатляющей демонстрации разрыва со старым внутри страны и путем прямых контактов с внешним миром — с западными державами, особенно с Америкой; в отношении же России у него никаких планов не было. Впоследствии эта политика Эйснера не нашла отклика в Берлине. Как раз в области внешней политики берлинское правительство выступало за полную преемственность кайзеровского курса и считало решительный отказ Эйснера от политики, приведшей к войне 1914 года, проявлением антипатриотизма. Тем горше было протрезвление, когда победители в Версале начали обращаться с “новой” Германией Эберта так же, как если бы она оставалась все той же проигравшей войну кайзеровской империей»¹.

Если Эйсер еще не видел перспектив в союзе с Советской Россией против Антанты, то после того, как по такому пути пошла Венгрия, в Мюнхене тоже стали обдумывать возможность поугатать Антанту советским жупелом и таким образом снять с Баварии часть тяжести общегерманского поражения.

Революции на Украине в 1917–1918 гг. и в Баварии, как и в Берлине в 1918–1919 гг., развивались через ряд столкновений местной власти (весьма левой) с еще более радикальными группами — местными анархистами и коммунистами. В Мюнхене такие кризисы произошли 7 и 10 января 1919 г. Как и в Берлине, Киеве или Харькове, большую роль в событиях играла преторианская гвардия революции — солдаты. Об их нерадостном положении писал вступивший в компартию Германии лейтенант Эрих Волленберг: «Большая часть команды, особенно крестьяне, были отпущены. Страшный призрак длительной безработицы заставлял оставшихся противиться

¹ Хаффнер С. Революция в Германии. С. 178.

ропуску армии, и одной из причин падения правительства Гофмана была его попытка демобилизовать солдат»¹. Здесь мы видим различие в ситуациях в России и Германии: российские солдаты в 1917 г. не желали идти на фронт и стремились в тыл, а германские гарнизоны — уже нет, потому что фронт исчез. Но политический итог оказался тем же: тыловые гарнизоны не хотели покидать города и стремились играть там политическую роль, считая себя гарантами революции.

В Мюнхене представители воинских частей собрались в Центральном солдатском Совете во главе с выходцем из России, бывшим эсером, а затем коммунистом и солдатом германской армии Максом Левиным. Другим выходцем из России, тоже бывшим эсером, а ныне видным коммунистом был эмиссар ЦК КПГ Евгений Левине.

В январе 1919 г. на выборах в ландтаг победили социал-демократы и более правая Народная партия. НСДПГ Эйснера проиграла. Это было прежде всего результатом голосования провинции. В Мюнхене была популярна идея провозглашения Советской власти и передачи власти мюнхенскому Совету.

19 февраля произошел новый кризис, который задержал передачу власти. Спартакowцы захватили ратушу, требуя отставки бургомистра за провал снабжения города. Тогда произошло выступление вооруженного «Союза защиты ландтага», которое было отбито силами, лояльными Совету.

Сохранялась возможность компромисса между земельным правительством и более радикальными лидерами мюнхенского Совета. Но сбалансированный ход революции на юге Германии был сорван 21 февраля 1919 г. убийством Эйснера, направлявшегося на открытие ландтага. «Большинство историков считает, что Курт Эйснер шел на заседание, чтобы сложить перед ним свои полномочия — это означало бы мирное завершение революционной эпохи»², — пишет историк А.Ю. Ватлин. При всей важности субъективного фактора в истории трудно поверить, что революция прекратилась бы по кивку головы одного человека, склонившего ее перед парламентом. Эйснер не был хозяином революции, он был выдвигенцем радикальных масс солдат, рабочих и безработных, искавших повода для драки, за которой, как казалось, последует спасение от невыносимых условий жизни. Так что продолжение революции в Баварии было столь же неизбежно, как и в остальной Германии, где она разворачивалась еще долго.

¹ Цит. по: *Ватлин А.Ю.* Советское эхо в Баварии. С. 38.

² Там же. С. 31.

Убийство Эйснера дало повод для нового столкновения, леваки открыли истерическую стрельбу в ландтаге, но в феврале с кризисом революции удалось справиться.

22 февраля появился Центральный Совет Баварской республики, в который вошли представители СДПГ, НСДПГ, КППГ и Крестьянского союза (он был довольно левым, выступал за обобществление земель, подобно российским и украинским эсерам¹). Совет взял власть в Мюнхене и начал действовать решительно — провозгласил всеобщую забастовку, чрезвычайное положение, цензуру бульварной прессы и сдачу оружия буржуазией. Рабочие вооружались. Но процесс находился под контролем СДПГ, которой было важно преодолеть кризис и вернуть власть ландтагу.

25 февраля открылся съезд Советов Баварии, который подтвердил, что власть должна перейти к ландтагу, хотя 70 из 234 депутатов выступили за провозглашение власти Советов. Таким образом, как и в России до осени 1917 г., Советы в Баварии не выступали за власть Советов. Но ухудшение социальной ситуации и неопределенность в положении солдат могла привести к «большевизации», то есть радикализации столичного Совета (как произошло в России и на Украине с Советами Петрограда, Москвы и Киева).

В этих объективных условиях, способствовавших радикализации, ситуация в Баварии определялась и примечательными субъективными обстоятельствами. 17 марта был созван ландтаг Баварии, который сформировал правительство члена СДПГ Иоганна Гофмана с участием НСДПГ и Крестьянского союза. Правые, с успехом выступившие на выборах в провинции, не стремились войти в правительство, отлично понимая, что с возбужденными мюнхенскими массами смогут лучше договориться социал-демократы, а Гофман понимал, что это лучше делать вместе с НСДПГ. Новое заседание ландтага было назначено только на 8 апреля.

Ситуация в Германии в целом также способствовала радикализации обстановки в Мюнхене. «Поражение революционных выступлений в других частях Германии привело к тому, что в Баварию, стремясь избежать преследований полиции, стали стекаться их активные участники»², — пишет историк А. Ю. Ватлин. В 1920 г. эта картина повторится после поражения капповского путча, но уже с правыми активистами. В 1920–1923 гг. Бавария станет чем-то вроде Украины середины 1918 г., куда бежали от большевиков правые политики. Но весной 1919 г. приезжие толкали мюнхенскую политику влево.

¹ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. С. 348.

² Там же. С. 45.

Гофман тем временем планировал на предстоящем 8 апреля заседании ландтага провести перестановки в правительстве, что не сулило НСДПГ ничего хорошего. Правительство Гофмана и раньше не приобрело популярности в Мюнхене, а теперь и вовсе могло превратиться в «оплот контрреволюции», то есть во власть, которая не хочет слышать о нуждах городских низов и гарнизона. В этих условиях в мюнхенском Совете и фабзавкомах была популярна идея провозглашения Советской власти, которая займется спасением горожан — может быть, за счет более консервативной баварской провинции. Впрочем, радикалы могли рассчитывать на поддержку баварских городов: в Аугсбурге против Гофмана началась забастовка.

4 апреля военный министр Баварии Эрнст Шнеппенгорст и комендант Мюнхена Оскар Дюрр собрали совещание представителей СДПГ, НСДПГ, Крестьянского союза и анархистов, на котором предложили провозгласить Советскую республику. Представители Совета удивились: почему не приглашены коммунисты, которые все время выступают за Советскую власть? На совещание позвали лидера местной КПП Евгения Левине, который не согласился с этой идеей: «Мы, коммунисты, не питаем никакого доверия к Советской республике, создателями которой выступают социал-демократические министры Шнеппенгорст и Дюрр, все время всеми средствами боровшиеся против идеи Советов»¹. Представители КПП ушли, а оставшиеся обвинили их в сектантстве и предательстве интересов рабочего класса.

Мотивы Шнеппенгорста и Дюрра остались неясными — ведь после того, как провозглашение Советской власти привело к гражданской войне в Баварии, где эти военные социал-демократы оказались на антисоветской стороне, они не могли быть вполне откровенны в своих воспоминаниях. Коммунисты впоследствии считали, что все это было провокацией социал-демократов, чтобы спровоцировать левых и разгромить их. Но обстановка в Мюнхене действительно ухудшалась, и Гофман не исключал возможность «дать дорогу» своим однопартийцам, которые надеялись стабилизировать ситуацию с помощью популярных советских лозунгов и единства левых сил, преобладавших в столице (провинция голосовала иначе, но ее население не было столь же политически активно, как мюнхенцы)².

21 марта 1919 г. на условиях союза левых социал-демократов и коммунистов была провозглашена Советская власть в Венгрии.

¹ Цит. по: Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 164.

² Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 87.

Важнейшим мотивом этого решения стало нежелание принимать условия Антанты. Провозглашение Советской власти в Баварии являлось бы формой выхода из Германии с ее проблемами. Но это был бы не обычный сепаратизм, а окрашенный в радикальные идейные цвета, что могло бы успокоить отчаявшиеся массы. Это позволяло выиграть время и подружиться с Венгрией.

Однако провозглашение Советской власти очевидно требовало и социальных преобразований, которых так ждали радикальные массы. Возможно, военные социал-демократы были готовы к ним приступить с военно-социалистической прямоотой. Но дальше что-то пошло не так. По плану участников совещания 4–5 апреля нужно было заручиться поддержкой военных частей и городов остальной Баварии. Участники совещания разъехались по региону. Шнеппенгорст ехал с анархистом Эрихом Мюзамом. В разных городах Баварии проходили митинги в поддержку провозглашения Советской власти, что создавало впечатление всебаварской поддержки этой идеи. В мюнхенской пивной «Хофбройхаус» собралась конференция фабзавкомов и профсоюзов, обсуждавшая скорейшее провозглашение Баварской советской республики.

Тем временем Гофман заявил, что он все равно соберет ландтаг, и стал созывать своих сторонников в Бамберг, которому предстояло стать «Версалем» Баварской коммуны. По мнению историка А. Ю. Ватлина, «низложение законно избранного правительства было сущим подарком для Гофмана — теперь он оказывался обороняющейся стороной, вынужденной заниматься восстановлением конституционного порядка»¹. А обострившимися социальными проблемами Мюнхена и ненадежного гарнизона пусть теперь занимаются коммунары — какой с него спрос?

Казалось бы, события в Киеве, где большевики проиграли в конце 1917 г., и в Мюнхене, где была провозглашена Советская власть, противонаправлены. Но если вспомнить о симметричной противонаправленности событий в столицах России и Германии, можно взглянуть на дело иначе. При всей специфичности обстоятельств, которые привели к политическому расколу Баварии в 1919 г. и Украины в ноябре–декабре 1917 г.², между ними есть важное сходство, имеющее объективную подоплеку: в обоих случаях уехать пришлось однопартийцам тех, кто победил в центре — украинским большевикам и баварским лидерам СДПГ. Киев и Мюнхен остались под контролем тех, кто был готов играть роль противовеса столицам. Сторонни-

¹ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. С. 89.

² Шубин А. В. Старт Страны Советов. С. 301–318.

ки Петрограда и Берлина «окопались» соответственно в Харькове и Бамберге, ожидая вооруженной поддержки центра, которая не замедлила явиться.

* * *

Поскольку в Мюнхене была провозглашена Советская власть, мы должны сравнить баварский опыт с классическим российским опытом. Однако мы не должны забывать и о том, чему учит нас параллель между Баварией и Украиной: истоки советского эксперимента в Мюнхене кроются не только в романтическом радикализме мюнхенской интеллигенции и социальных бедствиях городских низов (характерных и для других крупных городов Германии), но и в баварской «самостийности» — противостоянии с Северной Германией, где победили центристы. Мюнхенцы в ответ на это были готовы испробовать иной путь.

Вечером 6 апреля собрался Центральный совет Баварии. Заседание вел аугсбургский социалист Эрнст Никиш, который считал, что нужно еще время, чтобы разобраться в настроениях баварцев. Но большинство делегатов считали, что все уже ясно, правительство Гофмана распалось и нужно провозглашать Баварскую советскую республику (БСР). Что и было сделано в ночь на 7 апреля. Никиш уступил председательство лидеру НСДПГ Эрнсту Толлеру. Анархист Густав Ландауэр написал воззвание о провозглашении Баварской советской республики, которое было принято Советом. В нем говорилось, что «революционный рабочий класс и крестьянство Баварии, в том числе и наши носящие солдатский мундир братья, не раздираемые больше никакими партийными разногласиями, объединились на том, чтобы отныне положить предел всяческой эксплуатации и порабощению». Эта прекраснодушная вера в единство трудящихся была далека от действительности — провозглашение БСР не поддержали даже коммунисты. Цели этого акта формулировались весьма радикально: «Диктатура пролетариата, ставшая действительностью, имеет целью осуществление истинно социалистического строя, в котором каждый трудящийся принимает участие в общественной жизни и организации справедливого социалистически-коммунистического хозяйства». Заявив о роспуске ландтага и следовании примеру России и Венгрии, декларация предоставила чрезвычайные полномочия народным уполномоченным, программа которых была неясна¹.

Присутствовавшие на заседании независимцы и анархисты распределили между собой посты народных уполномоченных. Воен-

¹ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 117.

ный министр Шнеппенгорст, которого известие о несогласованном провозглашении Советской власти застало за пределами Мюнхена, туда уже не вернулся. Военные дела были переданы популярному коммунисту Вильгельму Рейхарту (он тут же был исключен из КППГ). Коммунисты воздержались от участия в руководстве БСР, а симпатизировавшие этой идее социал-демократические лидеры находились вне Мюнхена. На центральной площади Карлсплац собралась ликующая толпа в несколько тысяч человек. Новая страница истории переворачивалась с той же эйфорией и надеждами, как и свержение монархии.

Городские Советы заявили о взятии власти в Вюрцбурге, Регенсбурге, Ансбахе, Пассау, Швейнфурте, Хофе.

В первой БСР лидировали радикальные литераторы — члены НСДПГ (Эрнст Толлер и др.) и анархисты Эрих Мюзам, Густав Ландауэр и др.

Анархо-социалистическое правительство БСР ввело рабочий контроль на производстве, начало переселение рабочих в пустующие «буржуазные» квартиры, ввело революционный трибунал, осадное положение и комендантский час, освободило военнопленных, часть которых пополнила Баварскую Красную армию. Проводилось вооружение рабочих через профсоюзы и левые партии. Банки были первое время закрыты, но с гарантией сохранения вкладов. 10 апреля они открылись. Продовольствие требовалось взять на учет и распределять целенаправленно. Экономическая жизнь замерла в ожидании того, какой будет политика нового Совета народных уполномоченных (СНУ). Но позже постепенно начала оттаивать. Старый государственный аппарат и полиция сохранялись и служили новому правительству.

Коммунисты воздерживались от участия в первой БСР по двум причинам. Во-первых, после поражений разрозненных спартаковских выступлений января–марта лидер КППГ Пауль Леви требовал «научиться идти в ногу»¹ — коммунисты должны накопить силы, чтобы прийти к власти одновременно в разных частях Германии. «Революционная гимнастика» и разнородные выступления, расшатывающие режим (в духе идей Либкнехта и Люксембург), себя не оправдали, они подрывали не столько режим, сколько революционные силы, растрачивая их энергию. Но КППГ не шла в ногу даже в Баварии — за исключением Мюнхена и Нюрнберга баварские коммунисты поддерживали провозглашение БСР², с чем не могли не считаться Левин и Ле-

¹ Цит. по: *Ватлин А.Ю.* Советское эхо в Баварии. С. 95.

² Там же.

вине. Во-вторых, коммунисты считали, что советская республика может действовать только под руководством коммунистов. А раз это не так, то и Советская власть не настоящая.

Они стали ждать, пока первая БСР провалится, чтобы затем сделать Мюнхен очагом «правильной» Советской власти и борьбы за всегерманскую Советскую власть. Для этого коммунисты надеялись создать новые советские структуры. Историк А.Ю. Ватлин комментирует: «Новому органу рабочего представительства отводилась роль ледокола, прокладывающего путь к победе коммунистов. Их стратегия установления собственной диктатуры под лозунгом “Вся власть Советам!” повторяла русский сценарий. Единственным отличием было то, что баварцы предпочли создать собственные Советы, а не завоевывать уже существующие»¹. Но и в этом не было принципиального различия. В июле 1917 г. Ленин тоже отказался от завоевания власти через существующие Советы: «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим»². Тактика баварских коммунистов весной 1919 г. соответствует прежде всего тактическим поискам большевиков в июле–августе 1917 г. Тогда обсуждался широкий спектр вариантов от однородного социалистического правительства до захвата власти новыми структурами, всецело находящимися под контролем коммунистов. Мюнхенские коммунисты предпочли этот второй путь, соответствовавший представлениям Ленина второй половины лета 1917 г.

9 апреля 1919 г. коммунисты с помощью своих сторонников на предприятиях создали Совет двадцати, который потребовал от Центрального Совета передать ему власть, чтобы более решительно действовать против предстоящего наступления сил Гофмана и фрайкоров. Явившиеся на переговоры лидеры Центросовета Эрнст Толлер и Густав Клингельхофер были арестованы. Коммунистические отряды стали захватывать полицейские участки³.

Нет, Левине и Левин не собирались идти в ногу с Леви и остальной КПГ. Не вышло в Берлине — почему бы не попробовать в Мюнхене? Ленин в сентябре 1917 г. тоже подумывал, не начать ли в Москве, а не в Петрограде.

¹ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 98.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 12–13.

³ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 110–111.

Но попытка коммунистов взять власть 9 апреля не учитывала соотношения сил — подобно ленинским планам захватить Александринку в сентябре 1917 г. Однако и лидеры БСР не хотели громить коммунистов, понимая, что нельзя строить Советскую власть и отталкивать наиболее радикальную часть рабочих.

Сторонники СНУ освободили Толлера, большинство предприятий не поддержало коммунистический путч. Коммунистам пришлось отступить, объясняя свои действия стремлением укрепить оборону против контрреволюции. Толлер и его товарищи приняли такое объяснение, надеясь затем все же вовлечь коммунистов в единый фронт на положении равноправных партнеров, а не господствующих лидеров БСР. Толлер согласился с необходимостью новых выборов Совета и подчеркнул, что разногласия с коммунистами не являются принципиальными.

Последователи Толлера предпочитали модель власти, которая в России была известна как однородное социалистическое правительство. Коммунисты согласились распустить свой Совет двадцати и направить в Центральный Совет собственных наблюдателей. Это стало шагом к широкой левой коалиции в Мюнхене. Но коммунисты продолжали вести себя независимо от СНУ и не распускали собрание радикальных «революционных старост» и солдат¹.

«Догматическое следование примеру русского Октября не позволило коммунистам выработать позитивную тактику в дни существования первой БСР, пойти на полноценное сотрудничество с потенциальными союзниками»², — считает А. Ю. Ватлин. Но события 9 апреля показывают, что баварские коммунисты не то что не следовали русскому опыту «догматически» — они не следовали ему вообще. В октябре 1917 г. большевики (вопреки июльско-августовской позиции Ленина) сделали ставку на взятие власти от имени съезда Советов, где сумели получить преобладание как раз благодаря союзу с левым крылом эсеров. Путчистская попытка мюнхенских коммунистов отражает тактику, которая была близка Ленину, но на практике не проявилась. Октябрьский переворот был хорошо подготовлен и рассчитан.

В ночь на 13 апреля сторонники правительства Гофмана во главе с Альфредом Зейферицем и комендантом Отто Дюрром попытались свергнуть БСР. Дюрр, как мы помним, неделю назад обсуждал необходимость провозглашения Советской власти, теперь же он был разочарован результатами ее деятельности.

Сначала были арестованы некоторые лидеры БСР (Мюзам и др.), но когда «парламентаристы» стали разгонять собрания рабочих в пивных,

¹ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. С. 113.

² Там же. С. 115.

они получили вооруженный отпор. Сторонники Советской власти пошли в контрнаступление, выбили путчистов из здания вокзала и, развивая успех, заняли правительственные здания. Чтобы не продолжать кровопролитие, стороны обратились за арбитражем к собранию фабзавкомов в главной пивной «Хофбройхаус», которая в Мюнхене сыграла роль II съезда Советов в Петрограде. По мере поступлений сведений об успехах левых отрядов над правыми инициатива на собрании перешла от сторонников компромисса с Гофманом к коммунистам¹. В отличие от большевиков, которые 25–26 октября 1917 г. планомерно захватывали власть в Петрограде, прикрываясь съездом Советов, мюнхенских коммунистов события 13 апреля 1919 г. застигли врасплох.

Удар справа в Мюнхене разрушил и дискредитировал недееспособное правительство первой БСР, что открывало дорогу либо к новой левой коалиции, либо к доминированию коммунистов. В этих условиях по предложению советского эmissара Александра Абрамовича, которое он обосновывал опытом большевиков лета 1917 г., коммунисты приняли такое решение: «Коммунистическая партия, являясь единственным действительным руководителем трудящихся масс, никогда не оставляет пролетариат без руководства». И если восстание неизбежно, даже если оно практически обречено на неудачу, компартия «пойдет во главе движения, используя его для того, чтобы на практическом уроке показать пролетариату, что такое коммунистическая революция»². Если в Мюнхене эти события были эквивалентны Октябрьскому перевороту (приход к власти коммунистов), то в масштабах Германии это было другое явление — локальный захват власти под влиянием ситуации — например, в Ташкенте в сентябре 1917 г.

К власти пришел созданный собранием фабзавкомов Комитет действия из 15 человек — аналог Совнаркома, сменивший анархо-социалистическую коалицию. Комитет создал Исполком во главе с Левине и комиссии, контролировавшие работу ведомств, оставшихся со времен монархии. Сохранялось правительство (СНУ), но при народных уполномоченных учреждались комиссары от Комитета.

Комитет действия выпустил воззвание, в котором говорилось: «Революционные рабочие взяли теперь в свои руки судьбы революции. Они превратили мнимое господство в действительное господство пролетариата»³. В действительности обе БСР были созданы с согласия фабзавкомов и представляли собой власть левых радикалов, действовавших от имени рабочего класса и на него опиравшихся.

¹ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. С. 127–137.

² Цит. по: Там же. С. 124.

³ Там же. С. 203.

А. Ю. Ватлин считает, что «Первая советская республика была свергнутой не мятежниками справа, а радикалами слева»¹. Но уместно ли здесь слово «свержение»? Собрание фабзавкомов было источником власти в условиях советской демократии. Оно проголосовало за новую конструкцию власти, никого не арестовывая и не выгоняя из помещений. Лидеры первой БСР подчинились решению собрания рабочих представителей, с ним согласились и делегаты солдатских Советов 14 апреля.

В новом режиме лидировали коммунисты, но 16 апреля в Комитет действия были включены и члены НСДПГ (Толлер, Клингельхофер). Этот период соответствовал времени становления российской Советской власти конца 1917 — начала 1918 г., когда большевики действовали в коалиции с левыми эсерами, а ВЦИК сохранял полномочия постоянного контроля за Совнаркомом.

Многое роднило вторую БСР с Советской властью в России и на окраинах бывшей Российской империи до весны 1918 г.: кадровый голод, высокая вертикальная мобильность, выносившая наверх талантливых самоучек, романтиков и уголовников, обилие мандатов и справок, которые требуются для решения любого дела и которые выписываются любым учреждением, попытки методом тыка решить сложные проблемы, которые в этой стране пока не решал никто, произвол «человека с ружьем», недовольство «местных» засильем эмиссаров центра².

Коммунисты объявили о конфискации крупных предприятий и банков. Они во многом продолжали политику первой БСР, но более решительно, угрожая за неповиновение расстрелом. Цензура сменилась запретом на выход газет. Но подтвердив установленный ранее рабочий контроль и заявив о перспективе национализации и плановой организа-

¹ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. С. 138.

² См. там же. С. 158–162. А. Ю. Ватлин считает, что «только создание Красной армии и запрет буржуазной прессы можно рассматривать в качестве явных заимствований из арсенала большевистской диктатуры» (с. 200). Но общих черт между начальными этапами Советской власти в России и Баварии гораздо больше. Эти общие черты связаны не с заимствованием, а с общей логикой революционных событий. В этом отношении и создание Красной армии трудно считать «заимствованием» — любая власть в условиях революции пытается обзавестись вооруженной силой. Для того чтобы понять необходимость собственной армии, не нужно оглядываться на опыт России. Нельзя согласиться и с тем, что «логика развития событий в Мюнхене шла вразрез с ленинской схемой завоевания влияния за счет дискредитации политических союзников, силового захвата власти в центре, формирования жесткой партийной диктатуры и продвижения ее на окраины страны» (Там же. С. 201). Прежде всего потому, что у Ленина не было такой «схемы», и развитие событий в России в ноябре–декабре 1917 г. шло совсем иначе — в сотрудничестве с левыми эсерами, с предоставлением широкой автономии местным Советам и региональным властям, без жесткой диктатуры партийных структур, которые в это время еще не были толком выстроены (подробнее см.: Шубин А. В. Старт Страны Советов. С. 54–167).

ции промышленности, приступать к этим мерам коммунисты не спешили — их больше волновала война, а не строительство социализма.

27 апреля Ленин обратился с приветствием к Баварской советской республике. Хотя в это время республика уже агонизировала, интересно, как наставления Ленина соотносились с ее реальной практикой, на которую они не повлияли. Ленин писал: «Очень просим вас сообщать чаще и конкретнее, какие меры вы провели для борьбы с буржуазными палачами Шейдеманами и К°, создали ли Советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земледельческие хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух- или трехчасовыми занятиями для управления государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны и для идейной пропаганды в окрестных деревнях? Самое спешное и широкое проведение таких и подобных мер при самодеятельности рабочих, батрацких и особо от них мелкокрестьянских Советов должно укрепить ваше положение. Необходимо обложить буржуазию чрезвычайным налогом и дать рабочим, батракам и мелким крестьянам сразу и во что бы то ни стало фактическое улучшение их положения»¹. Таково было ленинское представление о том, с чего должна была начаться пролетарская революция в странах Западной Европы, более развитых, чем Россия. Многие из этого набора баварские советские лидеры действительно сделали, хотя гипотеза Ленина о том, что это должно укрепить их положение, осталась неподтвержденной. Реализовать весь этот набор за короткий срок было сложно в силу его некоторой противоречивости. Если рабочие будут 6 часов трудиться и потом еще учиться управлять государством, то как их мобилизовать на оборону и агитацию в деревнях? Да и хороша ли будет их агитация до обучения?

А.Ю. Ватлин комментирует эти предложения: «Утопичность и популизм подобных предложений (например, “введение 6-часового рабочего дня с двух- или трехчасовыми занятиями по управлению го-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 321–322.

сударством”) резко контрастировали с опытом самих большевиков, которые демонстрировали в России железную волю, заставляя подвластное им население напрягать последние силы для достижения победы в Гражданской войне»¹. Однако нельзя смешивать большевистский опыт 1919 г. с опытом первых месяцев их правления, когда они такой «железной воли» не демонстрировали, а, напротив, стимулировали самоорганизацию на местах. Так что Ленин в своих советах был вполне искренен и исходил из необходимости адаптировать опыт большевиков к западноевропейской ситуации.

Основной посыл Ленина — быстро улучшить положение рабочих и таким образом стимулировать их защищать Советскую власть. Но даже если такие меры принесут быстрое улучшение, за ними вскоре последует ухудшение (до которого Баварская республика не дожила в силу кратковременности существования). Но в некоторых отношениях и ухудшение произошло сразу — ведь при мобилизации рабочих страдало производство.

И Ленин, и Левин, и Левине рассматривали БСР в контексте общеевропейской борьбы. В случае победы в Баварии советский очаг мог установить через левеющую Австрию контакт с Советской Венгрией, которая вот-вот могла получить поддержку Красной армии в общей войне с Антантой — Красная армия Украины и России готовила удар по Румынии, атаковавшей Венгрию. Так что лидерам БСР было не до конструктивных мероприятий — вот-вот Советская Бавария может оказаться на острие столкновения с мировым империализмом.

Была объявлена стачка ради мобилизации пролетариата, что парализовало производство. Магазины продолжали работать, продавая накопленные запасы. Зато рабочие были вооружены и превратились в армию, на которую опирался новый режим. Полиция была распущена. Рабочим разрешалось занимать излишки жилплощади, но до практического воплощения этой меры не дошло. Карточная система действовала еще с войны, но ее наполняемость снижалась, так как стимулов для подвоза продовольствия в Мюнхен у крестьян не было. Это вполне соответствовало ситуации первых месяцев Советской власти.

Нарком финансов, независимец Эмиль Мэннер на заседании фабзавкомов требовал прекращения стачки, которая дезорганизовала социально-экономическую жизнь столицы Баварии. 22 апреля стачка была завершена, что было отмечено праздником с парадом Красной армии.

Магазинам было велено работать и торговать по фиксированным ценам, что обострило дефицит. Проводились реквизиции, «улов» которых свозился в «сборные пункты», образованные в школах и гим-

¹ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 199–200.

назиях. Там собирались рабочие и левые активисты. В этих штабах можно было поесть и обсудить политическую ситуацию. В условиях паралича производства самоснабжением за счет обывателей занимались и солдатские патрули, и республиканские ведомства. Подобного рода реквизиции проводились и на заре Советской власти как большевиками, так и анархистами.

Банки были национализированы, часть сейфов вскрыта и ценности национализированы. Вкладчики могли получить до 100 марок в день. Фабзавкомы получили право рабочего контроля, но фабрики все равно не работали. Рабочие, поступившие на государственную службу или в Красную армию, должны были продолжать получать зарплату. Был введен государственный контроль за распределением продовольствия.

Как и в России, в Мюнхене действовали репрессивные структуры — прежде всего военная контрразведка и ЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Баварским Дзержинским был Макс Штробль. ЧК разгромила праворадикальную организацию «Туле», семь членов которой были расстреляны 30 апреля, накануне падения БСР.

Красная армия достигла численности 10–15 тыс. солдат. Они были новобранцами, гарнизон оставался в казармах и в гражданской войне не участвовал. Эта проблема старой армии, которая вела себя относительно пассивно в политическом столкновении, характерна и для России в начале 1918 г.

Военное ведомство еще со времен первой БСР осталось за умеренным коммунистом Рейхартом. Командующим стал матрос-коммунист Рудольф Эгельхофер, эдакий баварский Дыбенко. Хотя дыбенковская «партизанщина» провалилась в марте 1918 г., подобные идеи сохраняли влияние в Советской России и в 1919 г. А.Ю. Ватлин пишет об этой «переключке»: «Взгляды Эгельхофера и его окружения в известной мере переключались с платформой “военной оппозиции”, осужденной на Восьмом съезде РКП(б) в марте 1919 г.»¹. Эгельхофер формально был комендантом Мюнхена. Но фактически эти обязанности взял на себя его заместитель — независимец Вильгельм Вайнбергер. Он вступил в конфликт с коммунистами и накануне падения республики был смещен 24 апреля, на следующий день арестован по решению ЧК и 27 апреля убит «при попытке к бегству». Однако его преемник Макс Мерер, связанный с Рейхартом, продолжил наведение порядка в городе и добился значительного снижения уровня произвола вооруженных радикалов².

Фронт Красной армии располагался под Дахау. 16 апреля после короткого столкновения «красные» во главе с Толлером заняли этот

¹ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 173.

² Там же. С. 192–193.

город. Толлер подвергался критике коммунистов за соглашательство, так как контактировал с «белыми», чтобы избежать излишнего кровопролития. Как и в первые месяцы Советской власти в России и на Украине, гражданская война шла вяло.

В начавшейся войне провинция вела себя относительно нейтрально. Южная Бавария сохраняла лояльность Мюнхену, но была пассивна. Комитет действия обещал провести обобществление крупных земельных владений, но это не вдохновляло крестьян. Отряды из Мюнхена бродили по городам и весям, устанавливая Советскую власть, носителями которой как правило были прежние чиновники и левые интеллектуалы. В некоторых городках Советскую власть провозглашали местные активисты. Как пишет А.Ю. Ватлин, проанализировав ход событий в Штарнберге, «революционная волна, добравшаяся на места, пробудила от спячки и потенциально активную часть социальных низов, и служителей “старого порядка”», которые «сделали ставку на локальный патриотизм и солидарное противостояние “пришлым”»¹.

Радикальные коммунисты стремились развернуть красный террор, но независимцы и умеренные коммунисты сдерживали эти намерения. Лишь во время агонии БСР 30 апреля были расстреляны 10 человек — в большинстве своем члены праворадикального общества «Туле» (собрание фабзавкомов выразило протест по поводу этого акта). Толлер освободил еще 6 заключенных, чтобы не подвергнуть их опасности бессудной расправы. В Советской России смертная казнь была восстановлена во время германского наступления на Петроград в феврале 1918 г. — на четвертом месяце Советской власти. Но до лета 1918 г. средством смертной казни пользовались осторожно. Так что и в этом Советская Бавария действовала примерно так же, как и Советская Россия в первые месяцы существования.

26 апреля независимцы вышли из Комитета действия, протестуя против навязывания Баварии «русского пути» революции. Что имелось в виду? Разногласия на поверку не имели национальной окраски. Независимцы выступали против конфискации банковских ячеек (что, по их мнению, привело в большей степени к раздражению мюнхенцев, чем дало реальные средства) и против наращивания репрессий. Левине поставил вопрос о доверии перед собранием фабзавкомов. Не получив большинства, коммунисты подали в отставку. Рабочие были разочарованы их политикой. Власть перешла к независимцам, по инициативе которых 28 апреля был избран новый Комитет действия во главе с Луитпольдом Вальдом — сплошь из рабочих. «Все это выглядело так, как будто лидеры КПП и НСДПГ спрятались за широкими

¹ Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 281.

пролетарскими спинами»¹, — комментирует А. Ю. Ватлин. Но рабочие действительно были недовольны партиями. Правда, образовавшаяся власть рабочих плохо представляла, что дальше делать. Для выработки стратегии нужна интеллигенция, а для проведения текущей политики и управления — опытные организаторы. Толлер сохранял влияние на членов комитета, а коммунисты — на командование Красной армией.

В этот момент было уже не важно, какая конкретно политика проводится внутри Мюнхена — главной задачей было остановить наступление антисоветских войск. Пруссия и другие государства в государстве послали войска в Баварию. 20–22 апреля они взяли Аугсбург. Учитывая явный перевес сил противника, независимцы стремились договориться с правительством Гофмана о примирении. Но тот отверг предложение о перемирии.

Против БСР действовали 2-я гвардейская пехотная дивизия, пять фрайкоров, вюртембергские части особого назначения, 2-я военноморская бригада и другие силы под командованием генерала Бурхарда фон Офена общей численностью около 20 тыс. солдат². Наступление началось 26 апреля и проходило успешно — Красная армия была окружена и расчленена. Толлер пытался сопротивляться у Дахау, но после стычки 30 апреля под Розенхаймом преимущество белых стало очевидным. Эгельхофер оказался неважным командиром и потерял управление войсками.

К 30 апреля баварские и вюртембергские антисоветские войска подошли к пригородам Мюнхена. На севере красные удерживали Дахау — здесь были сосредоточены их основные силы. Однако утром 30 апреля Клингельгофер понял, что красных обошли со всех сторон, и приказал отходить к Мюнхену.

Бои в Мюнхене носили очаговый характер, причем уже 1 мая штурмующие прорвались в самый центр города, дезорганизовав сопротивление.

На окраинах бои продолжались до 5 мая. В рабочих районах «зачистка» шла с использованием артиллерии и танков. Солдаты и местные противники красных прочесывали дом за домом.

Потери антисоветских сил составили 58 погибших, красных — 433 плюс 77 расстрелянных немцев и 58 русских военнопленных, записавшихся в Баварскую Красную армию. Схвачено было 395 человек. По другим данным, в боях погибло 38 белых и 93 красных, но всего погибло 557 человек; 186 человек было расстреляно в ходе штурма, в том числе 42 красноармейца³.

¹ Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. С. 288–289.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 309.

12 мая был арестован Евгений Левине. На суде он заявил: «Я хорошо знаю, что все мы, коммунисты, являемся смертниками в отпуске. Мне неизвестно, продлите ли вы мне еще мой отпуск или мне придется присоединиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вы можете меня убить, но мои идеи будут продолжать жить!» 5 июня Левине был расстрелян¹.

Победители профильтровали через тюрьмы и «сборные пункты» (теперь так назывались места временного ареста) около 100 тыс. человек — $\frac{1}{6}$ часть населения. 1800 человек остались под арестом. Более 2200 человек были осуждены на сроки в среднем около трех лет. Более 10 человек были казнены (в том числе Левине и 6 участников расстрела 30 апреля)². Последние осужденные на заключение вышли на свободу в 1927 г. Некоторые из них потом сгинули в нацистских лагерях и ГУЛАГе.

* * *

Красная Бавария пала, но германская революция не закончилась. Для советских авторов БСР была ее высшей точкой и финалом. Но основные итоги революции были закреплены с принятием конституции в августе 1919 г., то есть уже после гибели БСР. Впрочем, как мы увидим, революция на этом тоже не завершилась.

В июне 1919 г. прошли выборы в городской совет Мюнхена. НСДАП получила 77 300 голосов против 45 500 у СДПГ³ — независимцы сохраняли популярность и были допущены в органы власти.

Бавария была не единственным регионом, над которым теряли контроль веймарские власти. 1 июня в Кёльне была провозглашена Рейнская республика, а затем независимость провозгласил Пфальц. Рейнский президент Адам Дортен потребовал участия в Парижской конференции. Как и при провозглашении независимых государств на территории бывшей Российской империи не обходилось без поддержки Германии и ее союзников, так и в 1919 г. сепаратизм в Западной Германии опирался на помощь Антанты. Но в обоих случаях были и местные корни этих движений — начиная от важности для населения региональных культурных особенностей и заканчивая желанием просто отгородиться с помощью независимости от тяжелейших проблем, с которыми столкнулась бывшая империя. Впрочем, менее чем через месяц после провозглашения независимости Украины в 1918 г. Красная армия при поддержке части населения региона уже вошла в Киев. Веймарские власти в 1919 г. тоже действовали энергично.

¹ Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 326–327.

² Ватлин А.Ю. Советское эхо в Баварии. С. 331, 341.

³ Там же. С. 327.

«Парад независимостей» 1918 г. был обеспечен оккупацией внешним противником этих «окраин» России. Аналогично и в Германии рассматривалась перспектива такой оккупации, если Веймарская республика не сможет договориться с Антантой. И в случае такой оккупации, как говорил один из местных депутатов, «не следует обманываться: Рейнская область будет для Германии потеряна»¹.

Одновременно из-под контроля Берлина и Веймара выходили индустриальные регионы, где рабочие требовали таких социальных преобразований, которые не были санкционированы столицей. Принятие Веймарской конституции не решило этих проблем. Революция в Германии продолжилась и после середины 1919 г.

Германская корниловщина и махновщина

Советский историк Я.С. Драбкин критиковал тех марксистских авторов, которые заканчивали историю революции зимой 1919 г., «вынося за рамки Ноябрьской революции» более поздние «революционные бои». Драбкин настаивал, «что события весны–лета 1919 г. составляют, хотя и особую, но неотъемлемую часть единого процесса германской революции 1918–1919 гг.»². С этим трудно не согласиться, за исключением одной цифры. Почему же тогда нужно заканчивать революцию 1919 г.? Куда отнести «революционные бои» 1920–1921 гг.? Да и до 1923 г. новый социальный порядок не стабилизировался настолько, чтобы можно было с уверенностью говорить о смене революционного периода более стабильным.

Историк Х. Мёллер считает, что и после 1919 г. революция не была завершена³. На мой взгляд, это совершенно верно: Германию еще долго сотрясали социально-политические потрясения, которые свидетельствовали о продолжении революции. А события 1920 г. в Германии при сравнении с историей революции в России демонстрируют многочисленные соответствия с событиями 1917–1921 гг.

После поражения левых сил в Германии, в 1919 г. политический маятник, как и в России в июле–августе 1917 г., двигался вправо. Этому способствовали многочисленные правые общества, которые занимались агитацией и вербовкой во фрайкоры: Германский офицерский союз, Национальный союз немецких офицеров, Союз солдат-фронтовиков «Стальной шлем», «Младотевтонский орден» и др. В России летом 1917 г. были аналогичные организации: Военная лига, Союз офицеров армии и флота, Союз казачьих войск, Союз Георгиевских кавалеров и др.

¹ Цит. по: Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 262.

² Там же. С. 4.

³ Мёллер Х. Веймарская республика. С. 72.

В середине 1919 г. острота революционного кризиса в Германии стала притупляться: была принята конституция, заключен Версальский мир, подавлены очаги борьбы за власть Советов, начался недолгий промышленный подъем, который продолжался до 1920 г.

Число получающих пособие безработных в феврале—июне упало с более миллиона до 620 тыс.¹ В марте—августе 1919 г. в Германию (преимущественно в кредит) было поставлено около миллиона тонн продовольствия (прежде всего американского). В 1913 г. Германия ввезла 30 млн тонн, так что это было небольшое подспорье². Но в условиях голода и миллион тонн помог немного разрядить ситуацию. Часть продовольствия раздавалась по карточкам, часть продавалась по дотационным ценам. После заключения Версальского мира в Германию пошли товары из-за рубежа, что привело к снижению цен. Все это на время стабилизировало социальную ситуацию.

Спад революционного движения во второй половине 1919 г. выразился в ликвидации территориальных Советов. Правительство прекратило их финансирование, а СДПГ отзывала из них своих представителей, после чего Советы автоматически теряли право представлять большинство рабочего класса. 6 ноября был распущен исполком Совета Большого Берлина. Но производственные Советы продолжили работать и собирать территориальные конференции.

9 августа 1919 г. правительство внесло в парламент законопроект о производственных Советах. 13 января 1920 г. войска расстреляли массовую демонстрацию, которая шла к рейхстагу в день его обсуждения. Погибло 42 человека. 4 февраля закон был принят и оставлял Советам минимальные права в качестве части системы социального партнерства.

Таким образом, уже в начале 1920 г. обстановка снова накалилась. 13 января 1920 г. президент Эберт ввел чрезвычайное положение, власть на местах переходила к командующим военных округов. Командующий 1-й и 3-й группами рейхсвера Вальтер фон Лютвиц контролировал Пруссию и центральную часть Германии. И этот генерал совсем не был лоялен правительству. Орудием Лютвица стала 2-я морская бригада во главе с капитан-лейтенантом Германом Эрхардом, дислоцированная в Дёбернице под Берлином. Настроение в бригаде определялось тем, что эта добровольческая часть, отличившаяся при подавлении БСР, теперь подлежала расформированию. Лютвиц и Эрхард решили покончить с Веймарской республикой.

Политическую надстройку заговора должен был создать Вольфганг Капп — восточнопрусский правый политик, монархист, один из

¹ Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. С. 334.

² Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 196–197.

основателей Немецкой отечественной партии, не пережившей свержение монархии. Но Капп сохранил обширные связи в правых политических кругах и бизнесе.

10 марта Лютович потребовал от Эберта и Носке прекратить разоружение частей и назначить новые выборы парламента и президента, передав на время власть новому правительству министров-специалистов. 11 марта генерал был смещен с поста. 12 марта бригада Эрхардта вышла из повиновения. К месту ее дислокации направляли авторитетных парламентариев, но уговорить командование бригады подчиниться не удалось.

13 марта 1920 г. бригада Эрхардта вошла в Берлин. На касках у морпехов краской была выведена свастика, считавшаяся древним символом победы. Войска рейхсвера не оказали им никакого сопротивления. Заслуженный генерал Йоханнес фон Сект заявил, что раскола армии допускать нельзя. Эберт и левая часть правительства Бауэра бежали из Берлина в Штутгарт. Капп объявил себя рейхсканцлером Германии и премьер-министром Пруссии, Лютовича назначил министром рейхсвера. Для организаторов забастовок вводилась смертная казнь.

Ну чем не завязка Корниловского выступления, где Лютович играет роль Корнилова, Капп и его команда — политического окружения генерала, а Эрхардт — Краснова, двигавшегося на Петроград в августе 1917 г.² Только российские левые силы в спектре от коммунистов до Керенского оказались эффективнее германских и не дали путчистам войти в столицу (этому способствовала и политическая суета вокруг Корнилова, которая демаскировала подготовку переворота)¹.

В обращении Исполкома Коминтерна (ИККИ) по поводу мартовских событий 1920 г. в Германии проводится прямая параллель между ними и Корниловским выступлением — уж очень она напрашивается: «Как выступление черносотенного царского генерала Корнилова в сентябре 1917 года ускорило наступление Октябрьской пролетарской революции в России, так и выступление адмирала фон Тирпица и генерала фон Лютовича ускорит неизбежное: диктатуру рабочего класса в Германии»². Не ускорило. Место выступления Лютовича — Каппа в структуре германской революции оказалось иным, чем место выступления Корнилова в революции российской. Возник эффект раздвоения аналогий, который свидетельствует о возможности проявления этапов революции в разном порядке.

¹ См.: Шубин А.В. Революционный 1917 год. С. 212–242.

² Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 160.

Командование округов и фрайкоров либо признало переворот, либо заняло нейтральную позицию. Были свергнуты и заменены сторонниками Каппа правительства Пруссии, Баварии (тот самый Гофман, который победил БСР), Мекленбург-Шверина и Саксен-Веймара. Казалось, траектория германской истории еще сильнее отклонилась от российского финала, и революция пришла к своему окончанию.

Но нет — несмотря на занятие мятежными войсками столицы, завершение попытки переворота оказалось таким же, как в России в августе 1917 г. Левая общественность объединилась и действовала очень энергично, опираясь на рабочие организации.

В одобренном канцлером Густавом Бауэром заявлении говорилось: «Рабочие! Товарищи! Не для того мы совершали революцию, чтобы сейчас вновь подчиниться кровавому режиму ландскнехтов... Пролетарий не должен служить военной диктатуре! Всеобщая забастовка везде и повсюду! Пролетарии, соединяйтесь! Долой контрреволюцию!»¹ В организацию забастовки включились крупнейшие профсоюзы.

Опыт августа–сентября 1917 г. в России показывал коммунистам, что получить оружие и нарастить популярность можно было, лишь участвуя в общей борьбе с путчем. Но после кровавого подавления их выступлений и советских республик в 1919 г. коммунисты не желали поддерживать Эберта. 13 марта ЦК Компартии Германии принял текст листовки, в которой говорилось: «В момент, когда оно тонет, это общество банкротов вызывает рабочих на всеобщую забастовку за “спасение республики”... Революционный пролетариат знает, что ему придется бороться против военной диктатуры не на жизнь, а на смерть. Но он не ударит пальцем о палец для позорно поверженного правительства убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Он не пошевелит пальцем для демократической республики, которая была лишь маской диктатуры буржуазии»².

При обсуждении текста листовки присутствовала только часть ЦК, идея воздержаться от участия в проправительственной забастовке вызвала протесты со стороны коммунистического актива. Уже 14 марта ЦК поправил ошибку и призвал к ужесточению забастовки и избранию рабочих Советов. Но колебания КПГ не способствовали

¹ Цит. по: Хаффнер С. Революция в Германии. С. 196–197.

² Deutschland, Russland, Komintern — Dokumente (1918–1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918–1943): After the Archival Revolution: Newly disclosed sources about the history of the German Communist Party (KPD) and Russo-German relations Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Edited by: Hermann Weber, Jakob Drabkin and Bernhard H. Bayerlein, Zusammenge stellt von: Bernhard H. Bayerlein and Gleb Albert. De Gruyter Oldenbourg, 2015. S. 100.

росту ее влияния на массы забастовщиков¹. НСДПГ сначала тоже отказалась поддерживать беглое правительство, но потом включилось в общую борьбу против путча.

ИККИ продолжал аналогию с Корниловым: «Германские рабочие восстанут с оружием в руках. Восстанут, разумеется, не для того, чтобы защищать Эберта и Носке, как в сентябре 1917 года рабочие восстали против Корнилова не для того, чтобы защищать Керенского и Церетели, а для того, чтобы подготавливать завоевание советской власти». ИККИ призывал:

«1. Вооружайтесь! Везде, где вы только сможете достать оружие, берите его в свои руки.

2. Стройте Советы! Обстановка, которая создается теперь, вдохнет новую жизнь в Советы, которые пытались погубить Носке и его шайка.

3. Готовьте генеральное наступление под знаменем коммунистов и тех, кто не на словах, а на деле поддерживает их!»²

Таким образом, руководство Коминтерна пыталось представить поражение сторонников Советской власти в гражданской войне 1919 г. как своего рода «июльские дни» 1917 г. С одной стороны, это натяжка — слишком разный масштаб событий. Бои 1919 г. — это скоротечная гражданская война в масштабах страны — как в России в конце 1917 — начале 1918 г. Но, с другой стороны, эти события предшествуют Корниловскому выступлению, и по этому параметру соответствуют событиям июля 1917 г., которые в России в гражданскую войну не вылились. Но могли бы вылиться, если бы большевики тогда попытались взять власть.

К 15 марта забастовка охватила страну. В ней участвовали и социал-демократы, и коммунисты, и демократы. Указания Каппа не выполнялись даже берлинскими чиновниками.

Рабочие не просто бастовали. В крупных городах Рурской области возникли местные Советы, которые взяли власть в свои руки. В них преобладали члены НСДПГ, КПП и анархо-синдикалистского Свободного рабочего союза Германии (ФАУД). 20 марта в Эссене был образован Центральный рабочий Совет. Поскольку речь шла об отпоре антиправительственному путчу, красногвардейцы получили оружие. Так возникла Красная армия Рура (КАР) численностью около 100 тыс. человек. В создании КАР активно участвовали активисты НСДПГ, КПП и ФАУД. В Мюльхайме и Дуйсбурге преобладали анархо-синдикалисты. Более радикальные организации доминировали на

¹ Deutschland, Russland, Komintern — Dokumente (1918–1943). S. 100.

² Коминтерн и идея мировой революции. С. 161.

западе Рура, а НСДПГ — на востоке и юге. КАР формировалась по тому же принципу, что в 1919 г. махновская армия на Украине: населенные пункты формировали роты из своих жителей, командиры избирались, местные Советы и комитеты действия снабжали бойцов оружием и продовольствием. Махно с такой «вольной» армией в 1918–1921 гг. успешно воевал. В Руре своего Махно и эффективных полководцев не нашлось. Координация отрядов была слабой, КАР держалась своего района и лишь реагировала на действия противника. Это очень похоже на действия большинства повстанческих движений в России, что обрекало на поражение и крестьянские армии в России, и рабочую армию в Германии.

15 марта развернулись вооруженные столкновения между рабочими отрядами и фрайкорами, которые в это время действовали на стороне переворота. 17 марта фрайкор потерпел поражение в Дортмунде. Атака красных на крепость в Везеле была неудачной.

В разных частях страны происходили столкновения сторонников и противников «новой власти». Северо-запад Германии в основном контролировался противниками переворота. Столица была парализована. Вот-вот могла вспыхнуть общегерманская кровавая смута. В Испании в 1936 г. такой переворот вызвал раскол страны и ширококомасштабную гражданскую войну. В 1920 г. германские мятежники не решились принять подобный исторический вызов. Как и Корнилов в сентябре 1917 г.

17 марта Капп и Лютвиц бежали из Берлина. Оставшись без высшего руководства, бригада продолжала бунтовать, добиваясь теперь материальных целей — выплаты обещанной Каппом надбавки. Новый начальник управления сухопутных сил рейхсвера Йоханнес фон Сект согласился ее выплатить, и бригада ушла из Берлина, смирившись с предстоящим роспуском. В августе все участники путча, кроме организаторов и лидеров, были амнистированы.

18 марта профсоюзы, поддерживающие всеобщую забастовку, договорились о совместной программе из девяти пунктов с обширными требованиями, включая социализацию компаний и экспроприацию крупных сельхозпроизводителей, а также кадровые перестановки. В противном случае они хотели продолжить забастовку. После переговоров с правительственными партиями 20 марта был достигнут компромисс: основные требования программы из девяти пунктов были приняты в урезанном виде. 23 марта работа возобновилась. Таким образом, Капповский путч, как и Корниловский, способствовал углублению революции.

Следуя логике российской революции, лидеры Коминтерна ждали углубления революции (в их понимании — «революционной

ситуации») после провала реакционного путча. Николай Бухарин считал, что немецкий пролетариат хочет сделать «твердый шаг к рабочей диктатуре»¹.

17 марта были организованы перевыборы в Советы предприятий в Берлине, 23 марта около тысячи делегатов этих Советов собрались на Генеральную ассамблею, которая стала новым изданием берлинского Совета. Большинство принадлежало к НСДПГ и КПГ, присутствовали и представители СДПГ. Хотя ассамблея и постановила прекратить на время всеобщую забастовку, согласившись с решением профсоюзного руководства, позднее она собиралась и грозила возобновлением стачки, если в Рурской области не прекратится продвижение правительственных войск.

Коммунисты продолжали следовать российскому примеру и в оценке ситуации после путча. В сентябре 1917 г. даже Ленин соглашался на создание многопартийного социалистического правительства. 23 марта ЦК КПГ опубликовал заявление, в котором говорилось: «КПГ видит в образовании социалистического правительства, исключающего буржуазно-капиталистические партии, желаемое состояние для самоутверждения пролетарских масс и их созревания к осуществлению пролетарской диктатуры. Она будет лояльной оппозицией правительству до тех пор, пока это правительство предоставляет гарантии политической деятельности рабочего, пока не будет препятствий для борьбы с буржуазной контрреволюцией всеми доступными средствами и социальному и организационному укреплению рабочей силы. Под лояльной оппозицией мы понимаем: никакой подготовки к насильственному перевороту, при само собой разумеющейся свободе политической агитации партии ради ее целей и лозунгов»².

В Германии политический сдвиг влево после путча не был продолжительным. Социал-либеральная коалиция считала себя в своем праве в соответствии с конституцией. Эберт не оттолкнул от себя правое офицерство, сразу же бросив его против революционных очагов, что вполне соответствовало настроениям этой части военных. Не возникла такая же рознь, как между правым офицерством и Керенским после провала выступления Корнилова. Под Керенским осенью 1917 г. разверзлась пустота, а положение Эберта было уже по нескольким причинам гораздо прочнее — и с точки зрения силы, и с точки зрения права.

Но и коммунисты в 1920 г. оправились от поражений, приобрели влияние в Советах и профсоюзах (своего рода «большевизация»). КПГ консолидировалась с большинством организаций НСДПГ

¹ Девятый съезд РКП (б). Март–апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 9–10.

² Deutschland, Russland, Komintern — Dokumente (1918–1943). S. 101.

в Объединенную КПП (ОКПП), что значительно усилило коммунистов. Все это соответствовало восстановлению сил большевиков перед Октябрьским переворотом. Так что и у германских коммунистов не было пока оснований отказываться от осуществления «Германского Октября».

Утвердив у власти новое коалиционное правительство социал-демократа Германа Мюллера с участием СДПГ, демократов и Партии центра (скомпрометированный путчем Носке в кабинет не вошел), Эберт стал готовить ликвидацию рурской «махновщины». Но сначала социал-демократы попытались договориться.

23–24 марта в Билефельде прошли переговоры между представителями правительства Отто Брауном (СДПГ) и Йоханнесом Гисбертсом (Центр) с представителями Советов, профсоюзов и местных властей Рура. Посредническую роль взял на себя прусский государственный комиссар по Рурской области социал-демократ Карл Зеверинг. Стороны договорились об амнистии за незаконные действия в связи с сопротивлением путчу, об отказе от ввода в Рур фрайкоров и создании сил охраны под контролем местных властей, о формировании правительств Германии и Пруссии по согласованию с профсоюзами, чистке государственных структур от контрреволюционеров и разоружении участников путча.

Билефельдское соглашение предусматривало социализацию на основе решений Комиссии по социализации с участием профсоюзов, учет и в перспективе при необходимости экспроприацию продуктов питания, усиление контроля над ростовщицеством и злоупотреблениями в городе и деревне. Центральный совет Эссена и часть коммунистов считали уступки властей недостаточными и требовали новых переговоров, а часть Советов вообще не собирались договариваться с правительством. Большинство командиров КАР тоже были настроены бескомпромиссно. Командующий правительственными войсками генерал Оскар фон Ваттер ультимативно требовал разоружения КАР. Возобновилась всеобщая забастовка, в которой участвовали более 300 000 шахтеров (около 75 % рабочей силы). Рабочие взяли под контроль Дюссельдорф и Эльберфельд. Правительство тоже было недовольно этим соглашением и после его срыва вздохнуло с облегчением.

Войска под командованием генерала фон Ваттера вошли в Рур. 1 апреля бригада полковника Франца фон Эппа столкнулась с Красной армией Рура под Пелкумом. Победа осталась за профессионалами. Красная армия вела себя пассивно и была разбита. Защищая один населенный пункт за другим, проводя аресты и расстрелы, рейхсвер 6 апреля вступил в Дортмунд.

Спустя ровно два месяца выборы 6 июня 1920 г. показали падение авторитета правящей коалиции с 76,2 до 43,5 % голосов. Поддержку избирателей получили более правые и более левые партии. Центристам пришлось идти на союз с более правой ННП (возможности сдвигаться влево не было — там остались коммунисты). Таким образом, после аналога Корниловского выступления политический маятник продолжал двигаться вправо, пусть и не так далеко, как хотелось бы организаторам переворота. Впрочем, и в России в сентябре 1917 г. после надежд на создание однородного правительства социалистов все равно была восстановлена либерально-социалистическая коалиция Керенского, что в обстановке углубления социально-экономического и внешнеполитического кризисов способствовало дальнейшей дестабилизации власти.

Несмотря на очень существенное расхождение траекторий российской и германской революций в 1920 г., сохранялись и важные параллели — очаговое вооруженное сопротивление режиму, ухудшение социально-экономического положения, угроза вторжения, нестабильность правительств. Это создавало как подобия с развитием российской революции в период малых гражданских войн конца 1917 — начала 1918 г. и конца 1920 — начала 1921 г., так и для нового схождения траекторий, то есть коммунистического переворота. Пройдя историческую петлю достаточно удаленных параллелей советского и веймарского режимов, в 1921 и 1923 гг. Германия снова оказалась перед вызовом коммунистического переворота, словно вернувшись к российскому Октябрю 1917 г.

* * *

Сюжеты мировой революционной волны подтверждают, что революции и предреволюционные ситуации имеют много общего, несмотря на все стадийные и национальные различия. Революционная логика накладывается на эти различия, а не отменяется ими.

Возмущение населения «несправедливостью» политики режима выливается в массовый протест (включая политические стачки и иногда кратковременные локальные вооруженные выступления), который не может быть подавлен силовыми структурами (в том числе благодаря расколу этих структур и элит). Возникает первая развилка — режим, маневрируя и частично уступая, консолидируя свою силовую поддержку, сумел устоять — или оказался свергнут. Первый вариант характерен для некоторых революционных ситуаций, не превратившихся в революцию (как в Италии в 1919–1922 гг.) или для революций вроде российской 1905–1907 гг.

Второй вариант, более распространенный в истории революций, практически во всех случаях сначала вызывает массовую эйфорию, которая дает шанс новому режиму на легитимацию. Но также довольно

типично непонимание вождями первого этапа революции, что только решение основных проблем, ее вызвавших, может принести успокоение, и любое затягивание с преобразованиями будет углублять революционный кризис и затягивать революцию. Происходит поляризация социально-политических сил, конфликты между ними («кризисы власти»), которые могут привести либо к стабилизации центра в результате успешных преобразований с опорой на «народное представительство», либо к «контрреволюционному» (то есть направленному на остановку революции с помощью диктатуры) перевороту, либо к свержению первого революционного режима в пользу более радикального, как правило — коалиционного. Дальнейшее зависит от того, насколько один из трех режимов — первый революционный («центристский»), «контрреволюционный» («правый») и радикальный («левый») — могут справиться с развитием социально-экономического, национально-регионального и внешнеполитического кризисов. Шансы на успех зависят как от удачного выбора модели реформ, так и от собственной логики социально-экономического кризиса, зависящего к тому же от мировой конъюнктуры. Выигрывает тот режим, чьи преобразования подучат поддержку наиболее широкой и боеспособной в силовом противостоянии социальной коалиции (одно не гарантирует другое, тут тоже важно оптимальное сочетание). Но это не единственное условие. Любые преобразования сначала дезорганизуют экономику и выбивают массы людей из привычной колеи жизни. Вызывая недовольство, режим затем выигрывает, если успевает пройти экономическое «дно» и оказаться на послереволюционном или позднеореволюционном подъеме экономической конъюнктуры, вызванной самими преобразованиями и мировым контекстом. Также удаче способствует приход к власти в самом начале экономического подъема. Если и после радикальных преобразований экономический кризис и социальный раскол примерно равных по силе частей общества сохраняется долго, ситуация начинает сдвигаться к широкомасштабной гражданской войне, которая еще сильнее разрушает социально-экономическую структуру, углубляя то «дно», которое нужно достичь, чтобы общество начало «регенерироваться» после военных разрушений и архаизации. Вспышки гражданской войны (скоротечная, локальная, малая гражданская война) могут происходить уже на этапе поляризации и кризисов власти и, как показывает опыт гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., уже на этом этапе сорваться в широкомасштабную гражданскую войну в результате равновесия радикальных правых и левых сил, а также внешнего вмешательства. Но в этом случае гражданская война «подтягивает» ситуацию на следующий этап — к леворадикальному коалиционному режиму, с одной стороны, и правой диктатуре — с другой. Леворадикальный режим в лю-

бом случае имеет тенденцию к политической монополизации, преодолению коалиционности, так как в условиях нарастающих острых проблем неизбежно различие подходов в руководстве и борьба между союзными партиями, а радикальность режима не способствует культуре диалога и согласования противоречий. Обстановка гражданской войны, значительно снижающая ценность человеческой жизни, также способствует возникновению и вспышкам террора.

Радикализация и затягивание революции, особенно в форме гражданской войны, вызывает усталость населения, которое в финале революции в большинстве своем готово уже признать любого победителя, лишь бы вернуться к «нормальной жизни». Это — частный случай снижения революционного потенциала общества, которое происходит по двум причинам: удовлетворение надежд и крушение надежд. Та часть общества, которая что-то получила от революции, уже не хочет ее продолжения. А та часть общества, которая не получила того, чего ожидала, убеждается в невозможности, иллюзорности этих надежд, по крайней мере в сложившихся условиях, и также в том, что издержки борьбы существенно превышают результат (социально-психологический механизм, аналогичный разочарованию в затянувшейся войне). Но революция и война вырабатывают слой профессиональных борцов, который уже не может вернуться к нормальной жизни, если не служит победившему режиму. Эти «изгои» могут продолжать борьбу еще долго (в некоторых странах — десятки лет, особенно при некоторой внешней поддержке). Это затрудняет, затягивает, но не может само по себе остановить завершение революции. Также при общей усталости населения от революции могут существовать локальные сплоченные силы, которые продолжают бороться за свои цели уже после того, как большинство общества стремится к завершению революции. Поэтому борьба в локальных очагах, в том числе малая гражданская война, как правило «на окраинах», может продолжаться дольше, чем в центре. В связи с этим довольно характерно, хотя и необязательно, разрешение национально-государственного вопроса в последнюю очередь. В любом случае основные социально-экономические и национально-государственные проблемы должны получить такие правила дальнейшего разрешения, по которым готово добровольно играть большинство населения. Такая финальная легитимация может произойти и путем компромиссов, и путем силового подавления несогласной части общества (как правило, имеет место сочетание). Легитимироваться может и «революционный», и «контрреволюционный» режим, но нужно иметь в виду, что это различие условно и обычно зависит от самоидентификации его лидеров. Любой «революционный» режим, подавляя альтернативы ему и добиваясь легитимации, играет контрреволюционную роль, то есть доби-

вается завершения революции. Почти любой «контрреволюционный» режим должен определить новые, отличные от дореволюционных, правила игры, создать новые институты и провести или санкционировать проведенные в ходе революции преобразования. Поэтому он имеет определенную степень революционности, фактически играет революционную роль.

Из сказанного следует, что элементы революции довольно типичны, их можно классифицировать. Их последовательность может быть различной, но не произвольной (в некоторых случаях можно обойти или переставить стадии развития революции, а в некоторых нельзя перепрыгнуть от одной к другой). С известной долей обобщения можно выделить такие фазы:

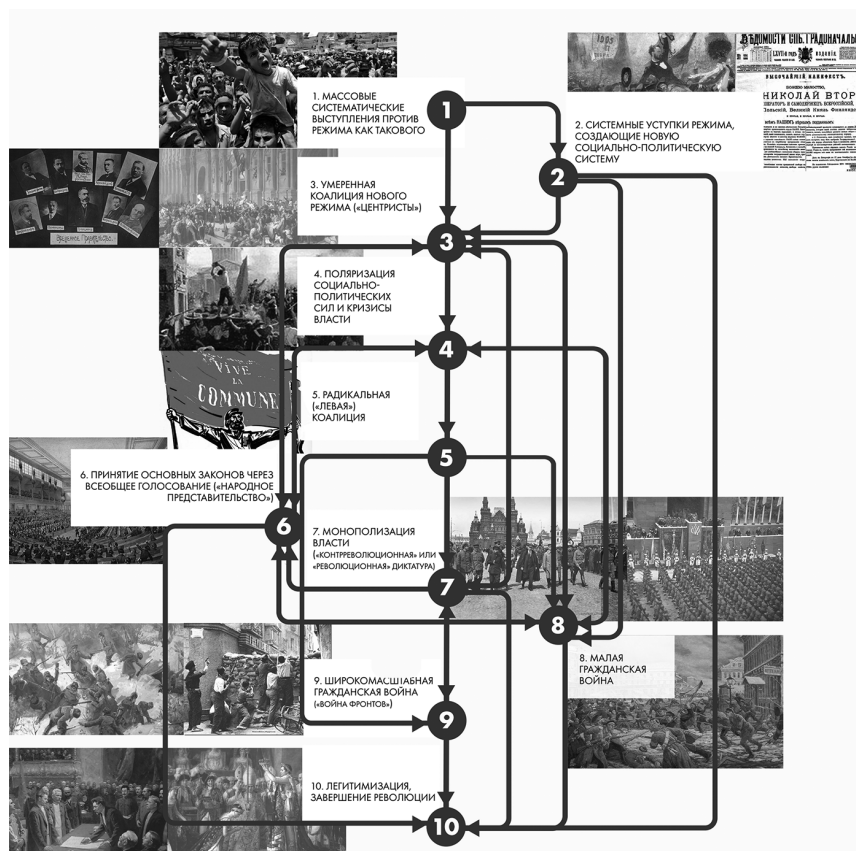

Схема А. Шубина, дизайн А. Рассудовой. Другие иллюстрации цитируются по: Советская историческая энциклопедия; Всемирная история. Т. VIII

1. Массовые систематические выступления против режима как такового.

2. Системные уступки режима, создающие новую социально-политическую систему.

3. Умеренная коалиция нового режима («центристы»).

4. Поляризация социально-политических сил и кризисы власти.

5. Радикальная («левая») коалиция.

6. Принятие основных законов через всеобщее голосование («народное представительство»).

7. Монополизация власти («контрреволюционная» или «революционная» диктатура).

8. Малая гражданская война.

9. Широкомасштабная гражданская война («война фронтов»).

10. Легитимизация, завершение революции.

Динамику революции, таким образом, можно довольно полно охарактеризовать последовательностью цифр (для удобства цифра 10 будет заменена на 0). Великая российская революция: 134587980. Если в скобках дать кратковременные попытки, не имевшие успеха (Корниловский переворот, созыв Учредительного собрания и попытки его восстановления после начала широкомасштабной гражданской войны, локальные режимы, не утвердившиеся в центре страны), то получится более сложная формула: 134(7*)5(6)879(3)(5)(6)(7*)80. Для различения «левых» и «правых» авторитарных режимов «правые» помечаются звездочкой. Германская революция 1918–1923 гг.: 1346830. Более сложная формула (2)13468(5)(7)3(7*)83(5)(7*)0 — учитывает «превентивную либерализацию» Макса Баденского, Баварскую советскую республику, правые и левые путчи. С помощью этих формул можно в самом кратком виде рассмотреть общее и различное в течении двух революций-«сестер».

Причины параллелей в развитии двух стран с таким разным уровнем модернизации кроются не только ли в общих закономерностях революционного процесса. Как мы видели выше, в пользу сближения их исторических путей действовали и другие факторы:

1. Мировой кризис — сначала воздействие войны на глобальную экономику мировой войны, а затем послевоенной социально-экономической перестройки после войны — бил по всем странам, вовлеченным в глобальную экономику.

2. Общность европейской городской культуры в странах с разными уровнями урбанизации все равно сохранялась. Городские очаги в России существовали в крестьянском море (на которое, впрочем, уже очень сильно воздействовали и от которого получали ответные импульсы), а в Германии имели больший демографический вес.

Но уклад жизни в городах России и Германии хотя и отличался, но уже не так сильно, как социальная структура двух стран в целом. Городская жизнь в России уже была достаточно автономна от традиционного аграрного уклада. Общеευропейские культурно-технологические веяния, в том числе и германского происхождения, проникали в жизнь российских городов и могли не только потребляться, но и воспроизводиться. И германские, и российские города были не просто административно-культурными, но уже промышленными центрами, что могло давать сходные реакции их населения на кризисные ситуации, подобные войне и падению уровня жизни.

3. Циркуляция идей в Европе. Различие социально-культурной почвы разных стран Европы не помешало возникновению единого европейского поля идей. Сначала восточные страны Европы учились у Запада, но со второй половины XIX в. стали уже на равных конкурировать в этом пространстве. После публикаций и участия в европейских дискуссиях Герцена, Бакунина, Толстого, Кропоткина, Плеханова и других авторов и деятелей западноевропейская мысль уже привыкла воспринимать русских как достойных внимания мыслителей. Революция 1905 г. была воспринята революционными мыслителями, такими как Люксембург, как источник опыта, важного для Запада. И хотя Россия смотрела на Западную Европу как пример успешного прогресса, интеллектуалы, а затем и общественно активные массы стали смотреть на Россию как на страну, которая может тоже показывать примеры «иногo прогресса», раз западный прогресс зашел в тупик.

Рассмотренные нами субъективные различия, развилки в маршрутах революций, имели объективную подоснову, но она определяла не все. Объективные различия исторических путей Германии и России к 1914 г., были уравновешены другими, также долгосрочными тенденциями, и это равновесие давало широкие возможности субъективному фактору. Выборы в Учредительное собрание в Германии могли быть проведены быстро, потому что электоральные практики были лучше отработаны. Но в России такие практики тоже уже существовали, и при известной политической воле выборы можно было провести быстрее. Они не были бы идеальными, как мечталось, но в обстановке революционного энтузиазма небольшие правовые и технические нарушения прощаются. Лидеры СДПГ имели более прочные связи с рабочими, что определялось более зрелой модернизацией и, соответственно, более длительной историей социал-демократии. Но и в России большевистская политическая машина демонстрировала чудеса организованности. Возможно, немцы в среднем более организованные люди, чем жители России, но российские большевики были, очевидно, организованнее германских.

Германская революция «прорвала фронт империализма». Революционный пожар полыхал в самом центре Европы, российская революция уже не была изолированным явлением, популярность идеи Советов и социализации делали Советскую Россию землей обетованной для миллионов людей, выходящих из военной обстановки раздраженными и обездоленными. Коммунисты не победили в Германии, но сам факт революции в Германии очень помог Советской России, которая начала продвижение на Запад с помощью идей и войск. Европа была дестабилизирована падением нескольких проигравших войну режимов, борьбой за территории новых национальных государств, послевоенными ожиданиями, экономической дестабилизацией, революционной агитацией, упавшей на подготовленную почву. Лидеры держав-победительниц пытались справиться с этой ситуацией, изменив мир по-своему. Перспективы той мировой революции, о которой мечтали в Москве, зависели от успешности мировой реформы, которую обсуждали в Париже.

Глава 2. Архитектура мира

Важнейшим событием, открывавшим послевоенную (как оказалось — межвоенную) эпоху, была Парижская конференция, увенчавшаяся серией мирных договоров, главным из которых по праву считается Версальский. Так создавалась Версальская система международных отношений в Европе, просуществовавшая до конца 30-х гг. и во многом обусловившая начало Второй мировой войны. Парижская конференция обычно воспринимается как антипод революционной волны. Но мы увидим, что обещания архитекторов мира и их дальнейшее невыполнение были важной причиной охватившей мир нестабильности — наряду с социально-экономической послевоенной перестройкой и агитацией коммунистов, тоже во многом расходящейся с их реальной практикой.

От Бреста до Парижа

В декабре 1918 г. президент США впервые в истории пересек Атлантический океан, чтобы принять участие в Парижской конференции. Вудро Вильсон был полон энергии и надежд на создание новой архитектуры мира. 13 декабря он прибыл в Брест. На следующий день он был в Париже — путь от французского Бреста до французской столицы недалек. Вероятно, Вильсон не заметил скрытого символизма: путь к Парижской конференции вел от другого Бреста — Литовского. И этот путь от Бреста до Парижа был куда дольше — длиною в год. Брестские переговоры 1917–1918 гг. были предшественниками Парижской конференции, Брестский мир — предшественником Версальского, Брестская система — предшественницей Версальской. Брестская система рухнула очень быстро — всего через полгода после рождения. Она оказалась очень хрупкой, и этот урок не был извлечен архитекторами Версальской системы. Им представлялось, что они делают нечто совершенно иное, в то время как между Брестскими и Парижскими переговорами было много параллелей. Та ситуация, в которую попала Германия, оказалась своего рода мстью судьбы за ту политику, которую Германия проводила в отношении России в Бресте в 1918 г.

Обе конференции начинались с благородных обещаний, с провозглашения общих принципов самоопределения народов. Принципы Бреста, где в итоге был подписан «похабный и грабительский» мир, звучали еще благороднее — мир без аннексий и контрибуций.

В Париже сразу прозвучало: «Боши заплатят за все». Но президент Вильсон надеялся, что заплатят все же не так много, как хотят французы, зато удастся реализовать вечные принципы, выдвинутые им на авансцену мировой политики в январе 1918 г. Вильсон формировал свою программу мира в конкуренции с большевиками, провозгласившими их в ноябре 1917 г. в своем Декрете о мире радикальнее и последовательнее. Именно тогда власти одного из воюющих государств выступили за немедленное заключение демократического мира без аннексий и контрибуций.

2 ноября Ленин и Сталин подписали Декларацию прав народов России, где провозглашалось право народов на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

9(22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест-Литовске. Большевики затягивали переговоры, надеясь, что в Германии и Австро-Венгрии, уставших от войны, тоже вот-вот начнутся революции. Предложения советского правительства приобрели мировую популярность. Однако государства Антанты не признали его и не присоединились к переговорам, надеясь, что им удастся одержать победу над Германией.

До января 1918 г. и российская сторона, и ее «контрпартнеры» публично соревновались в благородстве, утверждая, что готовы обеспечить самоопределение народов. Но Германия собиралась сделать это под своим контролем к западу от линии фронта¹.

Народы, уставшие от войны, обратили взоры на восток Европы, что было вызовом для лидеров Запада.

18 декабря 1917 г. советник президента США Эдуард Хауз, вернувшийся из Европы, доложил Вильсону о неудаче его попытки убедить союзников «объединиться для формулирования ясной декларации о целях войны»², и президент решил действовать сам, опережая своих союзников и по возможности перехватывая инициативу у большевиков, пацифистская программа которых приобретала мировую популярность.

Поскольку Хауз сообщил Ллойд Джорджу, что Вильсон будет вынужден выступить с формулировкой целей войны самостоятельно, британский премьер тоже решил не затягивать с этим делом. Он выступил с формулировкой целей войны накануне речи Вильсона, но в менее торжественной обстановке, воспользовавшись для этого съездом тред-юнионов.

¹ Подробнее о Брестских переговорах см.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. М.: Питер, 2017. С. 372–427.

² Архив полковника Хауза. Избранное / Комментар. Ч. Сеймура. М.: АСТ; Астрель, 2004. С. 198.

Ллойд Джордж противопоставил программу мира Антанты и США прежней авторитарной дипломатии, которую вели в XIX в. империи: «Времена Венского конгресса давно прошли. Мы не можем дальше подвергать будущее европейской цивилизации случайным решениям нескольких ведущих переговоров дипломатов, стремящихся посредством шантажа или дипломатии обеспечить интересы той или иной династии или державы. Организация новой Европы должна быть основана на началах разума и справедливости, которые дадут уверенность в устойчивости мира. Поэтому мы считаем, что управление с согласия управляемых должно быть основой всякой реорганизации территорий в этой войне»¹. Скоро времена Венского конгресса вернутся, но, конечно, с поправками. Три человека будут решать судьбы мира, все же оглядываясь на принципы, провозглашенные ими в начале 1918 г.

Ллойд Джордж на всякий случай отмежевывается от радикальных подходов большевиков: «Пустая болтовня о лозунгах мира “без аннексий и контрибуций” или о “праве на самоопределение” бесполезна». Но все же «равенство в правах больших и малых наций является основным законом мира, во имя которого борются в этой войне Англия и ее союзники». Ллойд Джордж требует возмещения ущерба, вызванного нарушением международного права. «Отвод армий с чужих территорий и уплата репараций за причиненный ущерб являются основным условием для постоянного мира»².

Поскольку победа еще не достигнута, британский премьер успокаивает противника: «Мы не воюем также во имя разрушения Австро-Венгрии или лишения Турции ее столицы или ее богатых и прославленных владений в Малой Азии и во Фракии, где живет население по преимуществу турецкого происхождения». Но в случае победы Антанты предстоит «территориальное переустройство на основе самоопределения народов или согласия управляемых». Германия должна вернуть Эльзас и Лотарингию. Будет восстановлена независимость Польши, предоставлено самоуправление другим народам, входящим в империю противника³.

Есть в речи Ллойда Джорджа и идея организации, которая позднее получит известность как Лига Наций: «Мы должны путем создания определенной международной организации добиваться ограничения бремени вооружений и уменьшения вероятности войны». «По этим и другим подобным причинам мы полагаем, что та или иная междуна-

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. Т. 5. С. 58.

² Там же. С. 57–58.

³ Там же. С. 56–60.

родная организация должна сделать великую попытку создать средство против войны, средство улаживать международные конфликты мирным путем»¹.

8 января 1918 г. президент США Вильсон выступил с программой послевоенного урегулирования, известной как «14 пунктов». В ней он фактически повторил уже выдвинутые на государственном уровне большевиками идеи открытости дипломатии, права наций на самоопределение (но для тех народов, территории которых находились в руках государств Центрального блока и отчасти России). В то же время Вильсон придерживался принципа территориальной целостности, так что самоопределение предполагало прежде всего автономию, если не считать предложенного им воссоздания Польши с выходом к морю. Выход к морю также должна была получить Сербия. Еще Вильсон выступил за свободу торговли и устранение таможенных барьеров, свободу мореплавания (включая Дарданеллы), международное разоружение, пересмотр колониальных прав с учетом мнения населения колоний. России американский лидер в абстрактной форме обещал освобождение ее территории от немцев и «всяческую поддержку».

Вильсон потребовал от Центральных держав освободить оккупированные территории. Симметричного требования к Антанте он не выдвигал, подразумевая, что в Европе чужие территории занимали войска Четверного союза. Но в других частях света союзники США оккупировали германские и османские владения.

Вильсон требовал вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, положить национальный принцип в основу определения новых границ Италии.

Последний из «14 пунктов» формулировался обтекаемо: «Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статуты в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств»². Это объединение войдет в историю как Лига Наций.

Так начиналось соперничество миропроектов, которое и сейчас вызывает полемику. По мнению А.О. Чубарьяна, «президент США, выступая с долгосрочной программой, вряд ли имел в виду противопоставить ее намерениям малоизвестных ему деятелей, пришедших к власти в России»³. По мнению американских исследователей Д. Дэвиса и Ю. Трани, именно большевистский вызов заставил Вильсона сформулировать свою программу мира: «Требование большевиков

¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. С. 61–62.

² Системная история международных отношений: В 4 т. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов. М.: Московский рабочий, 2000. С. 27–28.

³ Чубарьян А.О. XX век: взгляд историка. М.: Наука, 2009. С. 196.

к союзникам четко объявить о своих военных целях вынудило президента Вильсона сделать заявление... Безусловно, это был ответ Троцкому, который потребовал от союзных держав продемонстрировать всему миру, что их военные цели хоть в чем-то отличны от алчных намерений, видных в секретных договорах из царских архивов, незадолго до того преданных огласке»¹. В своей речи, обосновывающей «14 пунктов», Вильсон прямо сослался на российские инициативы в Бресте, которые охарактеризовал как «абсолютно четко сформулированные принципы, на которых они заключили бы мир» и «столь же определенную программу выполнения этих принципов». В брестской драме Вильсон встал на сторону большевиков, осуждая германскую неуступчивость: «Российские представители были искренними и серьезными в своих намерениях. Они не способны принять подобные предложения захвата и владычества»².

Историк В.В. Согрин возражает: «Разделяемое многими историками, из них практически всеми российскими, мнение о том, что вильсоновская программа мироустройства была либеральным ответом на ленинскую программу мира, является, по меньшей мере, спорной»³. Однако сам В.В. Согрин в этом споре свидетельствует скорее в пользу того «спорного мнения», которое вызвало его недовольство (хотя, как видно из цитаты А.О. Чубарьяна, среди российских специалистов оно не является общепринятым). В.В. Согрин пишет: «Идеологически Вильсон попытался нейтрализовать Ленина при помощи “14 пунктов”, оглашенных в Конгрессе США 8 января 1918 г.»⁴. То есть да, речь Вильсона была ответом Ленину, внешнюю политику которого нужно было «нейтрализовать».

Комментатор материалов архива ключевого внешнеполитического советника президента полковника Хауза Ч. Сеймур пишет о подготовке «14 пунктов»: «Большевики уже вели переговоры о сепаратном мире, и было невозможно не дать своего рода ответа на их требование обоснованного заявления, почему война должна продолжаться. Нельзя было позволить Германии разыграть роль жертвы империалистических вожделений союзников... 13 декабря газета “Манчестер гардиан” опубликовала тексты тайных договоров, переданные ей большевиками, разоблачая, таким образом, характер союзных домогательств 1915 г.»⁵.

¹ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 201.

² Там же. С. 211.

³ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь Мир, 2015. С. 124.

⁴ Там же.

⁵ Архив полковника Хауза. С. 199.

Хауз писал о совещании 4 января 1918 г.: «Президент решил, что он будет строить свою речь, имея в виду три специальные цели. Во-первых, ответ на требование большевиков относительно объяснения целей войны...»¹ Вполне очевидное доказательство, что «14 пунктов» были прежде всего ответом на большевистский вызов. Другими адресатами «пунктов» были германские социалисты и лидеры Антанты, от которых требовалась «ревизия в либеральном духе военных целей в том виде, как они выражены в тайных договорах»². Об аннексионистских условиях этих договоров мир тоже узнал от большевиков.

По мнению историка В.А. Малькова, «и Вильсон, и Ленин фактически употребляли одну и ту же лексику в изложении главного тезиса — установление после войны новых отношений мирного партнерства между всеми странами без дискриминаций, на основе честного сотрудничества и учета мнения каждого по спорным вопросам должно стать императивном сообщества народов»³. В.А. Мальков апеллирует к речи Вильсона 2 апреля 1917 г., обеспечивая Вильсону приоритет. Но международная программа большевиков была заявлена задолго до их прихода к власти — на Штутгартском конгрессе Интернационала в 1907 г. и на конференциях интернационалистов в Циммервальде и Кинтале в 1915–1916 гг. Но В.А. Мальков достаточно опытный историк, чтобы понимать: «Вопрос о приоритете не является принципиальным и может быть оспорен и той, и другой стороной»⁴.

«14 пунктов» были благосклонно восприняты Лениным и напечатаны в «Известиях». Но в беседе с представителем Комитета общественной информации и фактически эмиссаром президента США Эдгаром Сиссоном Ленин говорил о пунктах: «Все это очень хорошо, но почему не официальное признание и когда оно будет?»⁵ Близость взглядов на послевоенный мир еще не означала согласия по поводу ближайших шагов. Советское правительство стремилось к скорейшему миру, президент США — к победе над Германией.

Можно согласиться с В.А. Мальковым, что «неверно видеть в знаменитых “14 пунктах” только лишь реакцию на ленинский Декрет о мире, призванную ослабить пропагандистский эффект мирной инициативы большевиков»⁶. Но и рассматривать выдвижение этих пунктов в отрыве от революции в России было бы неверно.

¹ Архив полковника Хауза. С. 203.

² Там же.

³ Мальков В.А. Россия и США в XX веке. М.: Наука, 2009. С. 123.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Цит. по: Романов В.В. Вильсонизм в оценках Г.В. Чичерина // Чичеринские чтения. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.И. Державина, 2003. С. 54.

⁶ Мальков В.А. Россия и США в XX веке. С. 128.

Взгляды Вильсона и Ленина не вытекали друг из друга и не имели даже общего источника. Ленин задолго до прихода к власти выступал против империализма, колониализма, аннексий и контрибуций. Вильсон в своей внешней политике сначала упирал на международный арбитраж, но затем стал конкретизировать свою позицию — возможно, с учетом европейской социалистической мысли, но без прямых ссылок на Циммервальд.

22 января 1917 г., готовясь к вступлению США в войну, Вильсон выступил с речью об условиях мира, которая понравилась левой (и леволиберальной, и левосоциалистической) общественности, так как в ней содержалась уже популярная идея «мира без победы», то есть без аннексий и контрибуций. Правда, вытекала она не из довоенных идей Второго интернационала и либерально-пацифистской традиции, как в Европе, а из «доктрины Монро», которая служила обоснованием американского интервенционизма и монопольного господства в Латинской Америке. Если бы в Европе были лучше знакомы с этой доктриной, это могло бы насторожить ту часть европейского общественного мнения, которая с восторгом поддерживала благородную позицию американского президента. Он придал «доктрине Монро» универсальное либеральное значение как манифеста, направленного против европейского колониализма и монархического авторитаризма, как «американские принципы», которые стали «принципами и политикой передовых людей везде, любой передовой нации, любого просвещенного сообщества»¹. Республиканский авторитаризм был распространен и в Западном полушарии, но Вильсон делал акцент на республиканизме и выборах как гарантии демократии. В январской речи еще не было конкретных положений, изложенных в «14 пунктах» год спустя, уже после интернационального импульса Российской революции.

При подготовке «14 пунктов» Вильсон опирался на предложение созданного Хаузом мозгового центра «Инквайри» («Исследование») и обобщение предложений союзников об условиях мира. Согласившись с международными пацифистскими кругами, Вильсон стал поборником создания мировой конституции и укрепления международного права. Казалось, что это позволит избежать войн и почти без применения силы обеспечит интересы США и других великих держав. Этот взгляд опирался на философию эпохи Просвещения, искавшей решения мировых проблем в праве. Если авторы конституционных концепций конструировали идеальную государственную машину для стран, то такие теоретики, как Гуго Гроций и Иммануил

¹ Documents of American History. Ed. By H. Commager. N.Y., 1962. P. 127–128.

Кант, разрабатывали правовые принципы, которые позволят избежать войн во всем мире.

Приоритет Вильсона можно признать в том, что он был первым государственным лидером, который ясно выступил за «мир вничью». Если прежде это была лишь популярная идея, то в январе 1917 г. ее уже отстаивал лидер крупного государства, готового вступить в бой. Вильсон хотел, чтобы это выглядело как бой за принципы. Но после вступления США в войну он часто отступал от них, заботясь об интересах своей коалиции. У Ленина, старого интернационалиста и циммервальдийца, эти принципы в конце 1917 г. были выражены гораздо последовательнее и яснее, чем у Вильсона. Но в начале 1918 г. Ленину пришлось отступить от них под угрозой силы.

5(18) января 1918 г. германский генерал Макс Гофман предъявил в Бресте советской делегации карту, на которой была обозначена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. К западу от нее Германия обещала провести «самоопределение» Польши, Литвы и Курляндии под своим контролем, планируя создать марионеточные государства. Россия же должна была отказаться от всех своих прав на эти территории.

Ленин считал, что можно пойти на любой мир, лишь бы начать строить социализм. Тогда пример России обеспечит мировую популярность коммунистических идей, и начнется мировая революция, которая сметет германский империализм. «Левые коммунисты» во главе с Николаем Бухариным и левые эсеры считали, что капитуляция перед империализмом исключает успешное решение социалистических задач. Россия попадет в зависимость от Германии — ведь ей достанется часть ресурсов, без которых нельзя поднять хозяйство из разрухи. Левые эсеры понимали также, что выполнение немецких условий углубит продовольственный кризис, и расплачиваться придется крестьянству, интересы которого левые эсеры представляли в рабоче-крестьянском союзе. Немецкий ультиматум уязвлял и патриотические чувства населения России, и принципы революционеров.

Нарком по иностранным делам Лев Троцкий пытался сблизить позиции левых и правых большевиков с помощью рискованной внешнеполитической игры. Если развал армии неизбежен, ее нужно распустить, получив поддержку вчерашних солдат в дальнейшей политической борьбе в России. Положение Германии и Австро-Венгрии также тяжело — они не в состоянии вести длительное наступление¹.

---

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 406–412.

Важную роль в этой борьбе сыграло сближение Центральных держав с Центральной радой Украинской народной республики (УНР), что значительно ослабило внешнеполитические позиции России после ожесточенных споров в советском руководстве, срыва Брестских переговоров Троцким и последующего австро-германского настроения.

В Брест-Литовске 3 марта 1918 г. был заключен мир, по которому Россия отказывалась от прав на Финляндию, Украину, Прибалтику и часть Закавказья¹.

Украина по приглашению Центральной рады была оккупирована германскими войсками. Они не остановились даже на границе той территории, которую Центральная рада провозгласила частью Украины, и вторглись в пределы собственно Российской республики, заняв Ростов-на-Дону. Оккупация нарушала связи центра России с хлебными районами, обостряя продовольственную проблему. Германия и Австро-Венгрия смогли вывезти с Украины значительные объемы продовольствия. Это помогло несколько стабилизировать ситуацию в Германии и Австро-Венгрии до осени 1918 г.

После дополнительного соглашения 26 августа 1918 г. Советская Россия начала выплачивать Германии средства, которые были не столько контрибуцией, сколько компенсацией — в том числе за послевоенную национализацию германской собственности².

Заклучив Брестский мир вынужденно, большевики были готовы разорвать его в любой момент, как только Германия ослабнет. А ослабнув и потерпев поражение, Германия окажется в положении, аналогичном тому, в которое перед этим сама поставила Россию. Выстроенная на востоке Европы система прогерманских государств рухнет, и регион станет ареной многосторонней вооруженной борьбы (см. главы 6–8).

* * *

Когда 26 сентября 1918 г. Болгария обратилась с просьбой о перемирии к командованию войск Антанты, стало ясно, что война идет к концу. Капитуляция Болгарии означала, что в обороне Центральных держав (Четверного союза) на юге Европы образуется большая брешь. Германия могла удерживать позиции на Западном фронте, но теперь она уже не могла сражаться на два фронта — ее силы были напряжены до предела.

¹ Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 386–436.

² Подробнее см.: Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2018. С. 112–115.

Памятуя о благородных принципах «14 пунктов», болгарские представители обратились за посредничеством к Вильсону, но, пока он размышлял над формулировкой ответа, 30 сентября их страна капитулировала. Это было не последнее обращение к Вильсону за посредничеством.

27 сентября Вильсон выступил с уточнениями принципов, которые готов был положить в основу мирных переговоров: 1) отказ от двойных стандартов в отношении победителей и побежденных; 2) недопустимость основывать будущие соглашения на специальных интересах одной или нескольких наций; 3) запрет сепаратных союзов в рамках Лиги Наций; 4) отказ от корыстных экономических союзов, экономического бойкота и дискриминации; 5) публикация международных договоров и соглашений¹.

Эти благородные принципы были с большим оптимизмом восприняты в лагере Четверного блока. На таких основаниях можно было бы заключить перемирие хоть сейчас. Вильсон с энтузиазмом говорил о будущем мире: «Конституция Лиги Наций, такая, какою я ее себе мыслю, а также ясное определение целей Лиги, должны составить часть, а в некотором смысле наиболее существенную часть самого мирного соглашения»². Но когда перемирие уже будет заключено, Вильсон не станет последовательно отстаивать такие принципы.

5 октября из Берлина была направлена нота Вильсону с просьбой о заключении перемирия и затем мира на основе «14 пунктов». Такая просьба ставила президента в неудобное положение. Враг обращался исключительно к нему, а не ко всем союзникам. Ответив сразу, Вильсон вступал бы в сепаратные переговоры — возможно, на то и был расчет, чтобы расколоть единый фронт США и Антанты. Но и упускать шанс стать демиургом мира Вильсону не хотелось. Если европейские империалисты не могут договориться между собой, может быть, ему, апологету справедливого мира и либерального мироустройства, удастся уже сейчас заложить тот фундамент соглашения, который определит ход будущей мирной конференции? Пока Вильсон согласовывал бы через океан ситуацию с союзниками, немцы могли передумать (политическая ситуация в Германии была переменчива), а с учетом возможных жестких требований Антанты перемирие тем более могло сорваться. Шанс прекратить войну прямо сейчас был весьма соблазнителен.

И Вильсон ответил 9 октября, причем довольно мягко: канцлер должен был заверить, что говорит от имени германского народа, а не

¹ Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Международные отношения, 1989. С. 199.

² Архив полковника Хауза. С. 357.

тех, кто развязал войну (то есть от имени парламента, а не кайзера), что он принимает «14 пунктов» как основу мира и согласен на очистку германскими войсками оккупированных территорий¹.

12 октября Германия с энтузиазмом приняла все условия Вильсона. Но как только президент начал согласовывать дальнейшие действия с Антантой — ситуация для Германии стала резко ухудшаться.

Между тем 7 октября Австро-Венгрия, а 14 октября Османская империя обратились к противнику с просьбой о перемирии.

14 октября Вильсон выступил уже более сурово, потребовав от Германии прекратить морскую войну и военные действия на суше до переговоров и признать военное превосходство союзников.

Когда Германия согласилась на эвакуацию войск с оккупированных территорий и прекращение подводной войны, 23 октября Вильсон довел свою переписку с Германией до союзников, которые теперь имели все возможности ужесточить условия. Вильсон лишь сообщал союзникам, что Германия согласна на перемирие, но не гарантировал немцам, что их условия будут приняты.

При этом руководители союзников не были уверены, обречена ли Германия на капитуляцию уже сейчас или может некоторое время сопротивляться в 1919 г.

Обсуждение условий перемирия в Верховном совете Антанты напоминало будущие порядки на Парижской конференции — решения принимали лидеры Великобритании (премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж), Франции (премьер-министр Жорж Клемансо) и США (президента замещал его личный представитель Эдуард Хауз) с участием Италии по возможности. Союзников помельче слушали, если вопрос касался их непосредственно². Было решено, что условия перемирия должны исключать возможность возобновления военных действий Германией после его подписания. Окончательные условия должны были сформулировать военные во главе с маршалом Фердинандом Фошем, командовавшим войсками союзников в Европе. Обсуждая этот вопрос 25 октября, генералы высказали опасения, что немцы могут под прикрытием перемирия отступить на свою территорию, где будут способны возобновить сопротивление, если условия мира им не понравятся. Нужно было это предотвратить до начала мирных переговоров.

27 октября в германском ответе Вильсону сообщалось, что в Берлине теперь создано демократическое правительство, то есть виновники войны вроде бы отстранены от власти.

---

¹ Архив полковника Хауза. С. 367.

² Там же. С. 384–387.

29 октября Ллойд Джордж, Клемансо, Хауз и их сотрудники обсуждали условия перемирия и решили, что Германия должна частично разоружиться, включая сдачу флота.

Министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур заметил: «...Не думаю, чтобы Германия согласилась на эти требования. Они жестче, чем те, которые были предъявлены Франции в 1871 г.; придется уж вам в бою побить их крепче, чем они побиты теперь»¹. Но Фош требовал, чтобы немцы отошли за Рейн и предоставили союзникам плацдармы. Только это предотвратит возможность возродить войну на новом рубеже.

Клемансо высказал опасение, что, «заключив перемирие, будет уже трудно заставить армию воевать снова»². Это обстоятельство тяготело над внешней политикой победителей вплоть до 1923 г. По мнению Фоша, германская армия вполне способна сопротивляться, зацепившись за Рейн. Ллойд Джордж отметил, что «изучение нот, которыми обменялись президент Вильсон и Германия показывает, что перемирие было предложено исходя из того, что мир будет заключен на условиях, изложенных в речах президента Вильсона». Нужно обсудить, приемлемы ли они. Собственно, Ллойд Джордж имел только одно возражение против «14 пунктов» — это принцип свободы морей³.

Вильсон понимал, что «14 пунктов» следовало серьезно пересмотреть, чтобы они могли теперь оказаться приемлемыми для лидеров Антанты, особенно для Клемансо. Такой пересмотр означал обман Германии, но она была рада обманываться, так как уже не могла сопротивляться.

Но Вильсон исходил из того, что «14 пунктов» были условиями, рассчитанными на компромисс, а не на победу одной из сторон. Раз Германия и ее союзники проиграли войну, то и победители считали себя вправе ужесточить условия. В новой ситуации уже в конце октября Вильсон с участием Хауза и сотрудника администрации Уолтера Липпмана подготовил комментарии к «14 пунктам». В них Вильсон давал своим союзникам понять, что он не против ни тайной дипломатии, ни торговых пошлин, а лишь за универсализацию правил мировой торговли и союзничества, поскольку теперь над миром будет царить Лига Наций как универсальный союз и регулятор. Уточнялись и позиции США по территориальной перекройке, которой в скором времени предстояло заняться за счет проигравших. Раздел владений Османской империи Вильсон уже планировал с уче-

¹ Архив полковника Хауза. С. 404.

² Там же. С. 409.

³ *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 1. С. 73.

том секретных договоров Франции и Великобритании, даже если они противоречили настроениям местного населения¹.

Ллойд Джордж, впрочем, не считал себя связанным даже таким образом прокомментированными «14 пунктами», хотя и демонстрировал расположение к идеализму Вильсона, который можно было противопоставить империализму Клемансо. Во Франции считалось само собой разумеющимся, что после всего этого кровопролития и разрушений в северо-восточной части страны «боши заплатят за все». Клемансо при обсуждении условий перемирия поставил вопрос ребром, обратившись к Ллойд Джорджу: «Спрашивал ли вас когда-нибудь президент Вильсон, принимаете ли вы “Четырнадцать пунктов”»? Меня ни разу не спрашивали². Но поскольку немцы апеллировали к «пунктам», то лидеры союзников принялись обсуждать их уже 29 октября. Хауз пригрозил, что если «пункты» не будут приняты за основу, Вильсону придется сообщить Германии о том, что ее предложение отвергнуто Антантой, а США затем могут пойти даже на сепаратный мир³. Это была серьезная угроза. Британия не желала соглашаться со свободой морской торговли во время войны — ведь возможность устроить противнику морскую блокаду было ее важным козырем. Бельгия с ее обширными колониями поддерживала право на протекционизм. Однако в ходе напряженных дискуссий было решено все же остановиться на «14 пунктах» с оговорками, которых было немного, но которые позволяли обойти и без того обтекаемые формулировки президента по вопросам об общих принципах дальнейшего мироустройства, если империалистические интересы оказались бы несовместимыми с либеральным идеализмом.

Вопрос о свободе морей был отложен, хотя у США оставался важный козырь — финансовое превосходство над Великобританией. Если свободы морей не будет, то США бросят вызов «владычице морей» в гонке вооружений и превзойдут ее флот. Деньгами задавят.

Вильсон настаивал на принципе свободы морей. За исключением морского разногласия Ллойд Джордж, в принципе, сочувствовал идеям Вильсона, но из прагматических соображений. Германию нужно было наказать, но не разорять и подавлять полностью, а скорее вернуть в круг ведущих держав. Ради безопасности Туманного Альбиона на континенте должен существовать противовес Франции. К тому же британские лидеры опасались, что, если разорить Германию слишком высокими репарациями, она через некоторое время вообще не сможет платить. Либо если она обеспечит гигант-

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. С. 434–438.

² Цит. по: Архив полковника Хауза. С. 442.

³ Там же. С. 445.

ские даровые поставки в счет репараций — это разорит промышленность союзников. 26 ноября Ллойд Джордж высказал в кругу коллег сомнения, стоит ли требовать с Германии большие репарации. Комиссия казначейства Великобритании во главе с Джоном Кейнсом сообщила, что в течение 30 лет Германия сможет выплатить 2 миллиарда фунтов стерлингов. Комиссия военного кабинета предлагала 1,2 миллиарда¹. Франция требовала в сто раз больше.

Долги государств Антанты в результате войны составили около 10 миллиардов долларов². И США становились главным кредитором. Соглашаясь с тем, что нельзя требовать от Германии слишком многого, Соединенные Штаты не собирались списывать долги своим братьям по оружию. Таким образом, в итоге войны пресс финансовых платежей накладывался не только на Германию и ее союзников, но практически на всю Западную Европу.

* * *

Время меж тем работало на Антанту. «30 октября 1918 г. Габсбурги объявили о военной капитуляции перед Италией. Принятие капитуляции стало осуществляться, минуя Вашингтон. Это был первый случай, когда Париж, Лондон и Рим перекрыли сепаратный путь президента и, быстро сговорившись, послали в Вену не согласованные с президентом Вильсоном условия»³, — пишет историк А.И. Уткин. Так Антанта «отомстила» Вильсону, который без ее ведома запустил процесс переговоров с Германией.

На Австро-Венгрии опробовали требования к Германии — нужно было сдать оккупированные территории и флот. 3 ноября перемирие было заключено.

Австро-Венгрия распадалась на глазах — ведь выход из ее состава давал народам «лоскутной монархии» шанс не отвечать за поражение. К тому же ослабление имперской власти, дискредитированной поражением, открывал дорогу самым смелым национальным устремлениям. 17 октября венгерский парламент разорвал унию с Австрией. Но пока это был политический акт, австро-венгерская администрация сохранялась. 31 октября по призыву депутата графа Михая Каройи массы сторонников независимости, в том числе солдат, заполнили центр Будапешта. 5 ноября венгерский парламент низложил австрийского императора с венгерского трона. В январе 1919 г. Венгрия стала республикой.

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 22, 24.

² История дипломатии. Т. 3. М.; Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. С. 19.

³ Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 206.

28 октября 1918 г. в ходе манифестаций в Праге власть перешла к представителям Чехословацкого национального совета, провозгласившего независимое государство — Чехословацкую республику.

29 октября Народное вече в Загребе провозгласило Государство словенцев, хорватов и сербов на южнославянских землях Австро-Венгрии. 24 ноября это вече приняло решение об объединении с Сербией, и 1 декабря было провозглашено Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС).

Создатели польского и западно-украинского государств вступили в борьбу за Галицию.

11 ноября австро-венгерский кайзер Карл I подписал Манифест об «отказе от участия в государственной деятельности». 12 ноября Временное Национальное собрание Австрии приняло закон об установлении республиканской формы правления и объявила «Немецкую Австрию» составной частью Германской республики.

После выхода из войны Австро-Венгрии положение Германии становилось еще тяжелее — пройдя через австро-венгерские территории, союзники могли выйти к Германии с юга.

* * *

К 4 ноября Верховный военный совет Антанты с участием Хауза согласовал условия, на которых можно было заключить перемирие с Германией. 5 ноября Вильсон сообщил немцам, что они могут получить ответ у маршала Фоша. 8 ноября в поезде Фоша в Компьенском лесу французский командующий и представлявший союзные флоты Росслин Уэмисс встретились с германской делегацией во главе с Маттиасом Эрцбергером. Германская делегация взяла условия союзников на изучение в Берлине, который на следующий день охватила революция. Дамоклов меч революции висел над переговорами: немцы просили учесть необходимость ее подавления при согласовании условий эвакуации войск и их разоружения. И главное, как писал Клемансо Хаузу, «в заключение они просили, чтобы мы их кормили, заявив, что иначе они перемрут с голоду»¹.

10 ноября сменившееся в Берлине правительство сообщило по радио, что принимает условия перемирия, и утром 11 ноября делегация во главе с Эрцбергером подписала их в том же вагоне, который затем остался здесь на вечную стоянку как историческая достопримечательность (22 июня 1940 г. вагоном воспользовался Гитлер, чтобы принять здесь капитуляцию Франции).

¹ Архив полковника Хауза. С. 423.

По условиям перемирия военные действия прекращались, Германия должна была вывести войска с оккупированных территорий (в том числе в бывшей Российской империи, но в сроки, указанные победителями), отвести свои армии за Рейн, предоставив союзникам 30-километровые плацдармы на его восточном берегу в Майнце, Кобленце и Кёльне, расторгнуть Брестский мир с Россией и Бухарестский — с Румынией.

Германия обязывалась сдать в исправном состоянии 5000 орудий, 25 000 пулеметов, 3000 минометов и мортир, 1700 самолетов, 5000 локомотивов и 150 000 вагонов.

Германскому флоту «вырывали зубы». В течение двух недель Германия должна была передать победителям подводные лодки и направить в нейтральные порты для интернирования 10 линкоров, 6 линейных крейсеров, 8 крейсеров и 50 эсминцев. 12 ноября морской совет Антанты решил, что германские корабли будут интернированы не в нейтральных портах, а в Великобритании, то есть фактически захвачены. Их отправили в Скапа-Флоу, где корабли находились до июня 1919 г., когда были затоплены германскими моряками в преддверии подписания Версальского мира.

Сохранялась торговая блокада Германии, чтобы она не могла использовать паузу для подготовки к военным действиям. И это — в условиях полуголодного существования немцев.

В декабре германская армия отошла за Рейн. Фош опасался, что с этих позиций немцы могут возобновить войну на более выгодных для себя стратегических условиях. У германского генерала Гофмана эти опасения вызвали грустную иронию: «Антанта все еще полагает, что у нас сохраняется крепкая армия и что мы играем с ними комедию»¹.

Мировая война формально закончилась. Где-то на востоке Европы, в России бушевали сражения гражданской войны. Но западнее нее народы вздохнули с облегчением. В государствах-победителях царил эйфория. Да и у проигравших стран, в которых еще только начинались революции, тоже было немало радужных надежд. И все взоры были обращены к Парижу, где теперь предстояло собраться мирной конференции.

Принципы и силы

Парижской мирной конференции и Версальскому договору повезло с историографией и источниками. Участники переговоров

¹ Гофман М. Записки и дневники. Л.: Красная газета, 1929. С. 262.

оставили множество мемуаров, историки подробнейшим образом разобрали ход заседаний и их результаты. Это избавляет нас от необходимости их скрупулезного анализа. Для нас сейчас важно проследить, каким образом Парижская конференция не только стабилизировала, но и революционизировала мир.

Архитекторам нового мирового порядка предстояло совмещать универсальные либеральные принципы с «реал-политик», основанной на соотношении военных сил и экономических интересов, иногда откровенно хищнических. Однако выстраивая компромисс между этими подходами, приходилось оглядываться и на советскую агитацию, все глубже проникавшую в Европу с ее востока и встречающую одобрение у части общественности Запада.

Париж стал столицей тех сил, которые противостояли «мировой революции» и формировали мировой порядок. Это столкновение новых версальцев с новыми коммунарами взрастило до мировых масштабов трагическое семя 1871 г., когда версальцы и коммунары сражались в пригородах Парижа и на его улицах. Теперь Париж противостоял идее мировой Коммуны, противостоял Москве. Советская историография подчеркивала это противостояние как титаническую битву двух мировых сил, Москвы и Парижа, революции и контрреволюции, которое представлялось как главная ось истории этого периода. С антикоммунистической точки зрения Париж видится как цитадель и оплот мирового порядка. В действительности ситуация была много сложнее, и Париж также распространял вокруг себя импульсы, которые вели к массовым выступлениям, спровоцированным вовсе не Москвой. Идеи, звучавшие на конференции в Париже, тоже будоражили умы и поднимали народы на борьбу за национальное равноправие — пусть и в противоречии с практикой архитекторов нового мироустройства. Так же, как и практика коммунистического режима далеко не всегда соответствовала светлым идеям, исходившим из Москвы и вдохновлявшим миллионы людей на борьбу за социальное равноправие.

Представители держав-победительниц ехали в Париж с планами переделки мира, которые вырабатывались задолго до победы.

12 апреля 1917 г. британское правительство создало Комитет по выработке условий мира. Два его подкомитета — территориальный и экономический — возглавили лорды Джордж Кёрзон и Альфред Милнер. В подготовке условий принимали участие и другие институты — Комитет имперской обороны, Русский и Восточный комитеты, Исторический отдел МИД. МИД привлек к работе более 80 историков и других экспертов, которые подготовили 174 «Книги мира» с подробной исторической, правовой и этнографической

информацией о регионах, о которых могла пойти речь на мирной конференции¹.

Французское правительство создало три комиссии во главе с историком Эрнестом Лависсом, сенатором Жаном Морелем и видным политиком Леоном Буржуа, которые должны были исследовать исторические, экономические, этнические обстоятельства завершившейся войны.

Команды трех ведущих держав-победительниц готовились не только к сложным дискуссиям по территориальным и финансовым вопросам, но и к созданию своего рода мировой конституции — Устава Лиги Наций. Ее устройство стало вырабатываться еще до победы — после январских выступлений Ллойд Джорджа и Вильсона.

Проект руководителя британского Комитета по выработке условий мира лорда Уолтера Филлимора предлагал в качестве механизма по принуждению к миру создать Конференцию союзнических государств, на которой каждый участник, кроме сторон конфликта, обладал бы правом вето². Британцы предлагали соединить Лигу с рядом международных организаций вроде Красного Креста и Бюро труда, а также создать Совет, который будет вести оперативное управление делами Лиги³.

Вильсон не хотел упускать из своих рук «авторское право» на основную проект Лиги Наций и поручил Хаузу составить по итогам их бесед американский проект. Хауз с помощью команды «Инквайри» подготовил его к 16 июля 1918 г. Источниками американского проекта Лиги Наций сначала были предложения Американской лиги по принуждению к миру и проект лорда Филлимора.

Хауз по поручению президента согласовывал проект Лиги с представителем Великобритании Робертом Сесилом. Британский проект Устава Лиги, представленный Хаузу 30 ноября, предполагал создание Совета Лиги⁴.

Обсуждение устройства Лиги теперь шло не только в кабинетах, но и в прессе. При этом французская пресса особенно жарко протестовала против включения в будущую Лигу Германии и ее союзников.

¹ Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. 1919–1922 гг. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.И. Державина, 2009. С. 91.

² Романов В.В. США на Парижской мирной конференции: вильсоновская концепция Лиги наций и ее реализация // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.И. Державина, 2009. С. 105–106.

³ Архив полковника Хауза. С. 345.

⁴ Там же. С. 539.

Но Лига Наций могла быть устойчивой и авторитетной только при условии, если бы воспринималась большинством населения мира как справедливый институт. Если следовать принципам либеральной демократии, то жители планеты должны быть равноправны. Однако такое равноправие наталкивалось на циничные рассуждения в стиле «реал-политик». Хауз, который на мирной конференции впоследствии отстаивал права малых стран, писал в июле 1918 г.: «Настоящая война показала, что малые государства вроде Голландии, Дании и Швейцарии, не станут участвовать во всеобщей войне, если они только не будут вынуждены вступить в нее под давлением обстоятельств. Зачем же в таком случае предоставлять им руководящую роль по отношению к государствам, которым пришлось бы поставлять не только финансовые средства, но и физическую силу, необходимую для поддержания мира и порядка»¹. Власть — сильным. Но казалось, что эти рассуждения имеют смысл, только если вслед за Первой мировой войной последует вторая, где придется отстаивать принципы Лиги. Но ведь как раз Лига и ее демократические принципы должны оградить мир от повторения войн. Принцип силы должен уступить принципам права и равноправия.

Помимо благородных рассуждений о равноправии и ответственности были и более актуальные мотивы — от имени Лиги Наций предстояло переделить владения проигравших. Малым странам вроде Швейцарии и Мексики в основном предстояло смотреть на это со стороны. Но для тех стран, которые стремились к независимости, место в Лиге казалось вожаемым свидетельством о национальной полноценности. Так перспектива создания Лиги стала мощным фактором, стимулировавшим национально-освободительные движения.

* * *

Многие советники от верного Хауза до часто оппонировавшего президенту госсекретаря Роберта Лансинга советовали Вильсону остаться дома и сосредоточиться на укреплении внутривластного положения администрации. Но личное присутствие Вильсона в Париже — и как идеолога нового либерального мирового порядка, и как главы государства (даже не премьер-министра), существенно усиливало его воздействие на выработку условий мира. Дистанционное воздействие было бы слабее. «Когда президент Вильсон покидал Вашингтон, он пользовался таким престижем и таким нравственным влиянием во всем мире, каким не пользовался ни

¹ Архив полковника Хауза. С. 320.

один человек в прошлом»¹, — писал английский экономист Джон Мейнард Кейнс.

Совещаясь на борту корабля со своими сотрудниками, Вильсон сказал, что «на мирной конференции мы будем единственными незаинтересованными людьми и что люди, с которыми нам придется иметь дело, не представляют своих собственных народов». Уинстон Черчилль, который во время Парижской конференции был военным министром Великобритании, комментирует, что это мнение президента «свидетельствовало о несомненном непонимании президентом обстановки» — ведь он не опирался на большинство в конгрессе и сенате, в то время как Ллойд Джордж и Клемансо имели парламентскую поддержку и у них за спиной стояло активное одобрение избирателями именно максимальных требований к поверженному врагу². В декабре 1918 г. Ллойд Джордж, выступивший с резко антигерманскими лозунгами, с требованием повесить кайзера и заставить Германию заплатить за все, успешно выступил на выборах. А вот демократы в США потерпели неудачу на выборах в сенат, что затем катастрофически скажется на итогах внешней политики Вильсона.

Давление шовинистически настроенных масс будет играть важную роль и в ходе конференции, и по ее итогам. Оно будет затруднять уступки либеральным принципам со стороны Ллойда Джорджа, диктовать агрессивный шовинизм Клемансо и в конце концов обрушит политические построения Вильсона. Но пока отрывающийся от своей политической почвы Вильсон оказывался очень сильной фигурой в Европе, где никто, кроме него, не мог претендовать на роль арбитра.

Когда Вильсон сошел с корабля в Бресте, он увидел огромный транспарант, где было написано: «Слава Вильсону Справедливому!»³ 14 декабря Вильсон прибыл в Париж. Во Франции президента принимали восторженно, как нового политического мессию, но его партнеры по переговорам были недовольны личным участием президента. Его идеи представлялись утопичными. С ним будет нелегко договариваться. Вильсон не привык говорить с политиками на равных — ведь в США он был первым лицом.

Приветствуя Вильсона, президент Франции Раймон Пуанкаре заявил: «Какие бы предупредительные меры мы ни приняли, никто, увы, не сможет утверждать, что мы спасаем человечество от буду-

¹ Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора // Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 482.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 75–76.

³ История дипломатии. Т. 3. С. 28.

щих войн!» Но Вильсон возразил коллеге: «С самого начала мысли народа Соединенных Штатов были обращены на нечто большее, чем просто победа в этой войне. Война должна была быть выиграна так, чтобы обеспечить мир в мире»¹.

После беседы с Вильсоном Ллойд Джордж сделал заключение о внимании, которое президент уделяет идее Лиги Наций: «У нас создалось впечатление, что это единственный вопрос, который действительно занимает его внимание»².

В Париже Вильсон ознакомился с вышедшей 16 декабря 1918 г. брошюрой представителя Южно-Африканского союза (ЮАС) Яна Смэтса «Лига Наций: практическое предложение». Говоря о разном уровне развития территорий бывшей Османской империи, Смэтс предлагал установить над ними мандат Лиги Наций, который можно делегировать странам-победительницам для подготовки самоопределения этих стран (африканские колонии Смэтс считал возможным просто аннексировать). Эта идея понравилась президенту.

В Париже Вильсон внес ряд изменений в свой проект «мировой конституции». «Среди них наиболее важными были следующие:

1. Новый организационный строй Лиги: наряду с общей конференцией всех членов вводился и немногочисленный совещательный орган, в который бы входили крупные государства и несколько малых стран.

2. Положение об ограничении вооружений дополнялось параграфом об отмене воинской повинности.

3. Система мандатов, предложенная Смэтсом в качестве принципа управления германскими колониями»³, — суммирует историк В.В. Романов.

По мнению Ч. Сеймура, Вильсон заимствовал у Смэтса ряд идей, но не сам принцип. Еще направляясь в Европу на корабле «Джордж Вашингтон», Вильсон заявил 10 декабря, что отвоеванные у неприятеля территории должны стать собственностью Лиги Наций: «Ничто так не стабилизирует всякую организацию, как владение имуществом»⁴.

Судьба османского и германского «наследства» живо обсуждалась в это время в Великобритании и Франции. Левые круги требовали введения международной администрации в бывших колониях,

¹ Цит. по: Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 230.

² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 1. С. 16.

³ Романов В.В. США на Парижской мирной конференции: вильсоновская концепция Лиги наций и ее реализация. С. 107.

⁴ Архив полковника Хауза. С. 345.

а руководители Великобритании, Франции и Италии искали приличного предложения для раздела колоний Германии. Секретарь по делам колоний Британской империи лорд Альфред Милнер 20 декабря 1918 г. предложил аналогию с Египтом, который формально не был колонией, управлялся Британией на определенных условиях и получал от Великобритании большие преференции¹ (вскоре, правда, в Египте начнется восстание против добрейших англичан).

11 января 1919 г. Ллойд Джордж прибыл в Париж. Можно было начинать конференцию.

* * *

Парижская мирная конференция в истории дипломатии занимает срединное положение между Венским конгрессом и конференциями «Большой тройки» периода Второй мировой войны.

До Венского конгресса 1814–1815 гг. ведущие политики не собирались вместе для определения основных параметров мироустройства. Великая Французская революция и порожденные ею потрясения наполеоновских войн изменили лицо Европы. Но имперская Франция, сражавшаяся с многочисленными европейскими государствами, пала под их ударами. Предстояла реставрация, которая, однако, не могла быть простым возвращением к дореволюционному состоянию. Чтобы определить условия послевоенного мира, в Вену съехались не только дипломаты, как это было, скажем, по итогам Тридцатилетней войны, когда создавалась Вестфальская система, но главы правительств и государств. С тех пор традиция столь масштабных встреч на высшем уровне становилась естественным способом определения международных правил игры. За Версальской системой в 1945 г. придет Ялтинско-Потсдамская, сформированная на переговорах трех лидеров и сопровождавших их делегаций. В Париже 1919 г., как и в Вене 1814 г., собрались представители множества государств. Но так же, как и в Вене, решения принимались самыми могущественными политиками. Уинстон Черчилль европоцентрично рассуждал о различии Венского и Парижского конгрессов: «В 1814 г. победоносные союзники фактически владели всей Европой. Они имели физическую возможность навязать свою волю всему миру»². В 1814 г. они не могли навязать свою волю не то что миру, но хотя бы

¹ Ходнев А.С. Происхождение мандатной системы Лиги наций // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.И. Державина, 2009. С. 165.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 71.

США: вторжение Великобритании в бывшую колонию закончилось безуспешно. Вряд ли в это время победители Наполеона могли навязать свою волю, скажем, Китаю или Японии. Только через 100 лет Европа с участием США и Японии поделила мир на колонии и сферы влияния. В 1919 г., по мнению Черчилля, на этот раз справедливому, «обширные области и чрезвычайно важные факторы оставались вне их контроля». В 1814 г. судьбы Европы решали аристократы в спокойных беседах, в 1919 г. «вопросы решали народные трибуны и лидеры народных масс, добравшиеся в грубой сумятице партийной борьбы до головокружительных высот власти и победы и с опаской балансировавшие на ненадежном и изменчивом основании, которое представляет собою сила общественного мнения»¹. Черчиллю и самому доведется определять судьбы мира на следующем переломном рубеже истории. Круг лидеров масс, которые станут его партнерами, сократится до двух — Иосиф Сталин, который в 1919 г. носился по фронтам Гражданской войны, в перерывах формируя национально-государственное устройство на пространстве распавшейся империи, и Франклин Делано Рузвельт, роль которого в 1919 г. была скромнее, чем у его будущих партнеров, — он был всего лишь помощником морского министра.

Конференции «Большой тройки» в 1943–1945 гг. были циничнее и откровеннее — решения принимались тремя самыми могущественными людьми, возглавлявшими победоносную коалицию, которая действительно впервые в истории могла навязать свою волю всему миру. И этот механизм мирового триумвирата 1945 г. был заложен уже Парижской конференцией.

В отличие от Парижа и Потсдама, в Вену на правах участника была допущена проигравшая Франция. Правда, это была антинаполеоновская Франция. Устами переобувшегося в воздухе бывшего наполеоновского, а теперь королевского министра Талейрана она взывала к принципам легитимизма, так же как раньше — к принципам либерализма. А победители, перекраивая Европу, уже вступали в противоречия, с помощью которых ловкий Талейран начинал играть роль посредника, отстаивая и для Франции достойное место в послевоенной Европе.

Это был обнадеживающий опыт для Германии в 1919 г., ведь теперь это была не кайзеровская Германия, а вполне демократическая — как США и Франция. И противоречия между державами-победительницами тоже были налицо. Так что Веймарская республика надеялась получить место за Парижским столом, дабы изложить свои аргументы, призвать к милости к павшим и поддержать принци-

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 71.

пиальную политику президента Вильсона, с которой немцы официально согласились уже осенью 1918 г. Ведь даже большевикам Германия и ее союзники дали высказаться в Бресте, прежде чем последовали жесткие и унижительные требования.

Горе побежденным — победители не дали немцам места за столом переговоров.

12 января 1919 г. в здании МИД Франции на набережной Кэ д'Орсе под председательством министра иностранных дел Франции Стефана Пишона собрались полномочные представители пяти держав-победительниц, чтобы обсудить порядок работы конференции. Важнейший вопрос: кто будет принимать основные решения — равноправные государства-участники либо пять сильнейших держав. Либо возможно какое-то сочетание демократических принципов и «реал-политик», то есть политики, основанной на соотношении сил. Опыт Венского конгресса склонял к «реал-политик», но мир, где массы пришли в движение, ожидал хотя бы формального соблюдения демократических приличий.

Клемансо настаивал: «Я до сих пор постоянно держался того мнения, что между нами существует соглашение, в силу которого пять великих держав сами разрешают важные вопросы, прежде чем входят в зал заседаний конференции... В случае новой войны Германия бросит все свои силы не на Кубу и Гондурас, а на Францию... Обсуждение второстепенных вопросов должно быть до заседания конференции предоставлено комиссиям и комитетам»¹. Но ведь конференция планировала решать вопросы, касающиеся не только Германии и Франции, но всего мира, включая Кубу и Гондурас. Да и свой вклад в победу над Германией внесли такие малые страны, как Бельгия и Португалия. Их мнение следовало хотя бы как-то учитывать и выслушивать. Дополнительное замешательство внес Ллойд Джордж, который потребовал участия британских доминионов. Клемансо был в недоумении — не хочет ли Ллойд Джордж допустить сюда еще и французский Индокитай или Западную Африку? Но британскому премьеру удалось убедить коллег в том, что участвовавшие в войне британские доминионы имеют гораздо более высокую степень самостоятельности, чем французские колонии, и у них есть специфические интересы. Надо сказать, что участники конференции не раз смогли в этом убедиться.

В итоге договорились, что государства будут разделены на четыре категории:

¹ Беккер Р.С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 204–205.

1. Пять воевавших держав-победительниц, имеющих интересы общего характера.

2. Воевавшие государства, имеющие интересы частного характера (к ним были отнесены также Чехословакия, британские доминионы и Индия).

3. Государства, разорвавшие отношения с Германией до перемирия.

4. Нейтральные государства и государства, находящиеся в процессе образования.

Представители первой категории могли участвовать во всех заседаниях (Япония не всегда пользовалась этим правом, так как ее интересы относились пока только к Тихоокеанскому бассейну). Вторая и третья категории давали право участвовать в обсуждении вопросов, которые касались этих государств. Последняя категория позволяла высказываться после приглашения одной из великих держав по вопросам, касающимся этих стран. Первая категория получала по пять полномочных делегатов, две следующие — от одного до трех. Это — для пленарного заседания. Но предварительно важнейшие вопросы должны были обсуждаться в Совете десяти из представителей премьер-министров (для США — президента) и министров иностранных дел пяти великих держав.

Всего со стороны победителей участвовало 27 государств. На конференцию съехались тысячи делегатов и их сотрудников. Только американскую делегацию обслуживали около 1300 сотрудников и экспертов¹.

* * *

18 января 1919 г. на Кэ д'Орсе торжественно открылась Парижская мирная конференция. Пуанкаре произнес краткую вступительную речь, Клемансо был избран председателем конференции.

Он настаивал, что переговоры должны быть секретными, лишь тогда «можно продвигаться вперед, не бояться изменить свое мнение, когда это требуется, и говорить прямо, не заботясь о дипломатических условностях»². Это противоречило принципу открытой дипломатии, который провозгласил Вильсон. Однако президенту пришлось сначала смириться с тем, что переговоры будут тайными, а потом он вошел во вкус и даже протестовал против нарушения кулуарности.

На полях Парижской конференции готовились и договоры с союзниками Германии, обсуждались судьбы народов бывшей Российской империи и устройство мира после войны — прежде всего

¹ История дипломатии. Т. 3. С. 22.

² Цит. по: *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. М.: Мысль, 1983. С. 242.

в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке. Для предварительного изучения и обсуждения частных проблем было создано 58 комиссий. Пленарных сессий было шесть.

Совет десяти, хотя и заседал почти ежедневно, а иногда даже дважды в день, вскоре погряз в десятках разнообразных проблем, которые сыпались на него со стороны прибывших в Париж представителей малых стран. Лидеры победоносной коалиции выслушивали их, но мысли Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа были заняты другим. Первый обдумывал устройство Лиги Наций, два последних должны были решить сложнейшие проблемы репараций и раздела наследства побежденных. Споры кипели по поводу разоружения, создания вооруженных сил и суда Лиги, мандатной системы (британские доминионы считали, что они могут просто аннексировать завоеванные германские владения), декларирования равноправия рас (на чем настаивали японцы и что было недопустимо для расистских элит США и Австралии). Чтобы покончить с этим беспорядочным обсуждением, второстепенные вопросы один за другим отправлялись в комиссии. 8 февраля было решено создать Экономический совет, куда передать финансовые проблемы, не имеющие отношения к территориям и военной проблематике.

Вильсон настаивал, что Лига Наций будет раздавать территории, как свои мандаты. А это откладывало «самое вкусное» на период после созыва Ассамблеи Лиги. Разразилась острая дискуссия, в которой Клемансо апеллировал к тайным договорам, правомерность которых Вильсон не признавал, а австралийский премьер-министр Уильям Хьюз упрекал США в том, что они не понесли в войне даже таких потерь, как Австралия. 28 января Хьюз опубликовал о позиции Вильсона критическую статью. Американский президент, призывавший к публичной дипломатии, но сам предпочитавший договариваться в секрете от публики, был возмущен.

Миссию примирения взяли на себя южноафриканцы. 30 января Совет десяти принял подготовленную Яном Смэтсом резолюцию о трех типах мандантов. Мандаты первой группы предполагали широкую автономию и выбор мандатария с учетом пожеланий населения. Две другие группы были куда ближе к обычной колонии, так что доминионы, стремившиеся к их фактической аннексии, могли быть спокойны. Мандаты при этом не были распределены, что оставляло без решения прежде всего проблему Ближнего Востока. Несмотря на предложение итальянского премьер-министра Витторио Орландо распределить «предварительные мандаты», Вильсон продолжал настаивать: сначала Устав Лиги Наций — потом дележка пирога. Но против самой дележки от имени Лиги он не возражал.

Таким образом, Вильсон добился, что на первый план вышло обсуждение «мировой конституции» — Устава Лиги Наций.

Конституция мира

В каждой стране Европы и многих странах Азии были свои вопросы послевоенного мироустройства, которые волновали их больше или меньше. Но идея создания надгосударственной мировой организации затрагивала всех. Неужели мудрые вожди победной коалиции октроируют народам конституцию мира, которая установит вечный мир?

Основой обсуждения на конференции стали второй британский проект, подготовленный к 19 января, и второй американский, заверченный 20 января. Британцы настаивали на введении международного суда, который сможет определять, например, кто является агрессором. Вильсон опасался введения такого института, который противоречил суверенитету американского права, — в США могли не ратифицировать вступление в организацию с собственным судом. Но как тогда избавить будущие решения Лиги Наций от произвольности?

22 января Совет десяти по предложению Вильсона принял решение учредить Лигу Наций и включить ее устав в текст мирного договора. Для выработки устава была создана комиссия во главе с Вильсоном и с участием Сесилия, Буржуа, Орландо и др.¹

Учреждение Лиги должно было стать частью мирного договора. У нее будет постоянно действующая структура, в нее предстоит принимать все цивилизованные государства, на которые «можно положиться в содействии целям Лиги» (то есть со временем — и Германии)². Таким образом, рамки «конституции мира» были определены. Началось обсуждение деталей.

Британский представитель лорд Роберт Сесиль считал, что руководство Лигой должно оставаться в руках великих держав. Вильсон же, учитывая демократические настроения в мире, настаивал на привлечении малых государств при сохранении решающего голоса за великими. В итоге возобладала точка зрения Вильсона — в Совет Лиги наряду с пятью великими державами допускались четыре малые. Но неравноправие государств «двух сортов» все равно слишком бросалось в глаза.

Если Вильсон рассчитывал на силу морали и права, то прагматичные французы напоминали, что без поддержки вооруженной силы авторитет Лиги вряд ли будет весомым. Лиге нужна своя армия. В ре-

¹ Романов В.В. США на Парижской мирной конференции: вильсоновская концепция Лиги наций и ее реализация. С. 104.

² Архив полковника Хауза. С. 544.

альной ситуации костяк этой армии могли составить те же французы с добавлением других контингентов (как основу войск ООН в Корее в 1950–1953 гг. составляли американцы). Но в 1919 г. США к созданию международной армии еще не были готовы. Это значило сделать Францию международным жандармом, от которого и Америка может получить дубинкой. 11 февраля Вильсон выступил против такого мирового милитаризма, тем более что Конституция США не позволяет контролировать извне американские вооруженные силы.

Представляя 14 февраля итоговый проект Устава Лиги на пленарном заседании конференции, Вильсон с гордостью говорил: «Вооруженное воздействие отодвинуто в этом проекте на задний план, но на заднем плане оно имеется и, если моральный авторитет мира окажется недостаточным, то будет действовать физическая сила. Но она является нашим последним средством, ибо этот союз следует рассматривать как орудие мира, а не как Лигу войны»¹. Сегодня мы знаем, что физическая сила Лиги не сработала. Было ли это фатально? Пункт 16 Устава Лиги Наций предполагал, что, если Лига признает какое-либо государство агрессором, ее члены могут применить силу. Дьявол крылся в деталях механизма применения этой силы.

Почему же так вышло, что в 30-е гг. Лига Наций отвечала на угрозы миру бесконечными дискуссиями, не принесящими практического результата? Почему не сработали механизмы принуждения к миру? Потому что Лига задумывалась как союз победителей, которые готовы будут применить силу для отражения реваншизма побежденных. А когда этот реваншизм набрал силу, гаранты Лиги, получившие привилегии в обмен на ответственность, не захотели нести груз этой ответственности и парализовали дееспособность Лиги.

* * *

14 февраля 1919 г. проект Устава был представлен комиссией пленарному заседанию конференции, которое без дальнейшего обсуждения его приняло. 15 февраля Вильсон отправился в США, чувствуя себя победителем.

После оглашения Вильсоном проекта Устава Лиги в работе конференции наступила пауза: Вильсон и Ллойд Джордж должны были на время вернуться в свои страны, а Клемансо 18 февраля был ранен анархистом.

Когда Вильсон 24 февраля вернулся в США после своей первой поездки в Европу, его встречали как триумфатора и апостола мира.

¹ Романов В.В. США на Парижской мирной конференции: вильсоновская концепция Лиги наций и ее реализация. С. 108.

Но 28 февраля сенатор-республиканец Генри Лодж начал атаку на проект Устава Лиги. Он доказывал, что для безопасности США достаточно доктрины Монро, а Лига Наций представляет собой мировое правительство, подчиняющее США и вовлекающее их в разрешение европейских конфликтов, за что придется платить кровью. 4 марта Лодж спровоцировал досрочное голосование в сенате, к которому демократы готовы не были. Так, сенат США провалил проект Устава Лиги Наций. Сенаторы потребовали убрать из устава все, что ограничивало внутривластительский суверенитет США, и включить в устав признание доктрины Монро.

Вернувшись в Париж 14 марта, Вильсон возглавил работу комиссии по Уставу Лиги Наций и принялся уламывать европейцев, которых сначала возмутил демарш американских сенаторов, противопоставивших свою волю компромиссу, достигнутому «представителями всего мира».

22–26 марта комиссия согласилась с частью доводов, но с доктриной Монро возникли сложности, ведь ее принятие означало раздел мира на сферы влияния, в котором США получают Западное полушарие. 10 апреля Вильсон произнес яркую речь в защиту доктрины Монро как предшественника нынешних принципов Лиги: «Теперь, когда составляется документ, являющийся логическим распространением принципов доктрины Монро на весь мир, должны ли Соединенные Штаты быть наказаны за то, что они уже давно усвоили эту политику?»¹ Получалось, что идеи Лиги вытекали из принципов демократии, которые впервые утвердились на Американском континенте и теперь лишь получили развитие в Уставе Лиги. Это не устраивало французов, считавших и свою страну колыбелью демократии. Но Франция была заинтересована в привлечении США в Лигу как гаранта безопасности французских границ от германского реваншизма. А без упоминания доктрины Монро ратификация Устава Лиги американским сенатом была невозможна. Вильсон, следуя совету республиканского экс-президента Уильяма Тафта, предложил такую обтекаемую формулировку: «Ничто в этом Уставе не должно влиять на законность международных обязательств, вроде договоров об арбитраже или региональных соглашений, обеспечивающих сохранение мира, подобных доктрине Монро»².

Французы не согласились и с этим, но затем предпочли не поднимать шума. Японская поправка о равенстве наций и «справедливом обращении с их соотечественниками» прошла большинством, но не

¹ Цит. по: Архив полковника Хауза. С. 662.

² Там же. С. 661.

единогласно (американцы воздержались, британцы с оглядкой на Австралию были против) — и не была принята¹. Расизм, который в это время был неотъемлемой чертой политики и образа жизни США, Австралии и ЮАС, победил. Люди с желтым цветом кожи по-прежнему оставались в США и Австралии ущемленными в правах, хотя японцы и заседали в Совете десяти. Это не добавляло дружелюбия по разные стороны Тихого океана.

28 апреля пленум конференции утвердил Устав Лиги Наций, одобренный в комиссии. Представители Франции и Японии решили обменять свои уступки на те решения конгресса, которые были для них поважнее, чем устав организации, в дееспособности которой они сомневались.

Устав Лиги Наций состоял из 26 статей и был частью итогового договора конференции, подписанного позднее в Версале. Преамбула Устава декларировала обязательства не прибегать к войне, гласность международных отношений, строгое соблюдение международного права. Говорилось о «справедливости» и «чести». Бумага все стерпит.

Лигу учреждали государства — победители Германии, к которым были отнесены и те государства, которые разорвали отношения с Германией до перемирия, а также новообразованные независимые государства Польша, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакия и Хиджаз. К подписанию устава приглашались нейтральные государства, доминионы и колонии, которые «управляются свободно». Для принятия в Лигу таких членов и не перечисленных в договоре новых государств требовалось две трети голосов Лиги. О выходе из Лиги следовало предупредить за два года (ст. 1).

Деятельность Лиги осуществлялась Ассамблеей и Советом, при которых создавался постоянный Секретариат (ст. 2). Ассамблея состояла из представителей членов Лиги, собиралась регулярно (возможны были и чрезвычайные сессии), формально ведала всеми вопросами, которые входили в сферу компетенции Лиги. На Ассамблее государства были равноправны, имели право прислать на форум до трех делегатов и имели по одному голосу (ст. 3). Это была главная мировая площадка обсуждения международных проблем. Но там не принимались решения.

Решения в Лиге принимались ее Советом, который состоял из представителей пяти постоянных членов (главных держав-победительниц) и еще четырех государств по выбору Ассамблеи. Но в дальнейшем Совет мог кооптировать постоянных членов и менять число переменных. Это был задел на будущее, когда мир выйдет из после-

---

¹ Архив полковника Хауза. С. 663–664.

военного раскола на победителей и проигравших. Действительно, в 1926 г. постоянным членом Совета станет Германия, но в 1919 г. об этом нельзя было даже говорить. В 1922 г. число переменных членов увеличили до шести, после чего они составили большинство, а в 1926 г. — до девяти. Совет собирался раз в год или чаще, и на его заседания приглашались представители государств, интересы которых затрагивает тема обсуждения (ст. 4).

Члены Совета и Ассамблеи должны были стремиться к единогласию, что, конечно, очень затрудняло принятие решения. Процедурные вопросы можно было решать большинством голосов, включая назначение комиссий (ст. 5), что было важно, так как именно в комиссиях вырабатывались проекты решений по вопросам, по которым не было единогласия. Текущие дела Лиги, не требующие принятия политических решений, вел расположенный в Женеве Секретариат во главе с Генеральным секретарем. Там же, как правило, должны были собираться другие структуры Лиги (ст. 6–7). Также учреждалась постоянная комиссия для обеспечения приема в Лигу и обсуждения разоружения (ст. 9). Сначала два эти вопроса увязывались, так как считалось, что условием приема в Лигу должна быть готовность разоружаться. Если удастся договориться о предельных уровнях вооружений, то превышать их можно будет только с разрешения Совета (ст. 8). Это положение оказалось не актуальным, так как об ограничении сухопутных вооружений не договорились, а ограничение морских проводилось вне рамок Лиги по Вашингтонскому договору 1922 г., о чем речь пойдет ниже.

Статья 10 обязывала членов Лиги уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае военного нападения одного государства на другое или угрозы такого нападения Генеральный секретарь должен был немедленно созвать Совет по требованию любого члена Лиги. Кроме того, всякий член Лиги мог обратить внимание Ассамблеи или Совета на всякое обстоятельство, грозящее поколебать мир или доброе согласие между нациями, от которого этот мир зависит (ст. 11).

Если между членами Лиги возникал конфликт, который мог привести к войне, они обязывались прибегнуть к третейскому разбирательству, либо судебному разрешению, либо рассмотрению Совета. Они также обязывались не прибегать к войне до истечения трехмесячного срока после решения третейских судей, судебного постановления или доклада Совета, на составление которого отводилось полгода (ст. 12).

Таким образом, решалась проблема «суда Лиги» — он был возможен, но не обязателен. Рассудить конфликтующие стороны мож-

но было тремя способами в зависимости от особенностей законодательства конфликтующих сторон.

Функции суда по вопросам международного права предоставлялись Постоянной палате международного правосудия (ППМП) или другому трибуналу, о котором договорятся конфликтующие стороны.

Члены Лиги обязывались выполнять вынесенные решения и не прибегать к войне против члена Лиги, который действует в соответствии с ними (ст. 13–14).

Если судебное и третейское решение не помогло, то конфликтующие стороны должны сообщить Генеральному секретарю свои аргументы, которые могут быть опубликованы.

Обсудив эти аргументы, Совет должен принять решение об условиях урегулирования конфликта.

Если после определения этих условий урегулирование не состоялось, то Совет публикует их (лучше по единогласному решению, но можно и большинством голосов).

Если доклад Совета принят единогласно (без учета сторон конфликта), то члены Лиги обязывались не прибегать к войне против тех государств, которые действовали в соответствии с выводами доклада.

Если же единогласие не достигнуто, то у сторон были развязаны руки (ст. 15). То есть в этом пункте создатели Лиги создавали брешь в воздвигаемой ими стене против войн.

Впрочем, если Совет не справился с проблемой, то он мог передать ее на разбирательство Ассамблеи. Доклад Ассамблеи было согласовать еще сложнее. С ним должны были согласиться все члены Совета и большинство членов Лиги (ст. 15). Но это значило, что перенос вопроса в Ассамблею имел мало смысла, если члены Советов не договорились.

Но вот если член Лиги прибег к войне вопреки докладу Совета — это другое дело, тогда он рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. Тогда государства Лиги должны немедленно порвать с агрессором все торговые или финансовые отношения, запретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего устав, и пресечь финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги или нет. Это весьма серьезные санкции, если бы они выполнялись.

Для поддержания уважения к обязательствам Лиги ее Совет должен был запросить военную поддержку у заинтересованных правительств. При этом члены Лиги в этой ситуации должны были оказы-

вать друг другу экономическую поддержку и облегчать проход через их территорию сил всякого члена Лиги, участвующего в общем действии, для поддержания уважения к обязательствам Лиги (ст. 16). Эти обязательства станут актуальными во второй половине 30-х гг. и... не будут выполнены.

Статья 16 также определяла, что государство, виновное в нарушении одного из обязательств, вытекающих из устава, может быть исключено из Лиги, но только единогласным решением всех остальных членов Лиги. Такое произойдет один раз два десятилетия спустя, на закате короткой жизни Лиги Наций.

Арбитраж Лиги предлагался и государствам, не входящим в Лигу. Причем Совет начинает процедуру изучения конфликта еще до получения согласия конфликтующего государства, не входящего в Лигу (ст. 17). Конечно, конфликтующее государство может не согласиться подчиниться Лиге, но если при этом оно нападет на члена Лиги, то вступает в силу ст. 16. То есть в отношении внешних сил Лига играла роль военного союза. Устав предоставлял Совету право принимать меры к преодолению конфликта даже тех государств, которые не были членами Лиги и не принимали ее арбитража (ст. 17).

Члены Лиги обязаны регистрировать в Секретариате свои договоры, без чего они не вступали в силу (ст. 18). Это должно было исключить тайные соглашения, существование которых осложнило и ход Парижской конференции.

Члены Лиги обязаны были прекратить действия всех договоренностей, противоречащих уставу (ст. 19). Особо оговаривалось, что это не относится к соглашениям, ограниченным пределами известных районов, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира (ст. 21).

Статья 22 Устава регулировала судьбу территорий, которые в итоге войны перестали находиться под суверенитетом Германии и Османской империи, и при этом населены народами, «еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира». Лидеры держав-победительниц самодовольно заявляли, что лучше всего доверить опеку над этими народами «передовым нациям», которые согласны ее принять. Эту опеку они должны осуществлять от имени Лиги по ее мандату. Характер такого мандата должен зависеть от степени развития народа и других обстоятельств, которые сочтет нужным принять во внимание мандатарий. Но он должен ежегодно отчитываться перед Лигой о том, как идут дела в мандате (ст. 22).

В статье 23 оговаривалось, что члены Лиги приложат усилия к обеспечению и сохранению справедливых и гуманных условий труда.

Все международные бюро, как ранее учрежденные, так и новые, будут, при условии согласия сторон, поставлены под руководство Лиги. Лига, таким образом, становилась руководителем всех межгосударственных организаций. Члены Лиги также обязывались содействовать деятельности национальных организаций Красного Креста.

Статья 26 устанавливала, что поправки к уставу будут вступать в силу после их ратификации всеми членами Совета и большинством всех членов Лиги.

Эта «мировая конституция» выглядела довольно прочной и продуманной — максимум, чего либеральный пацифизм мог достичь в условиях сопротивления со стороны французского шовинизма, британского империализма и американского изоляционизма. Но мы знаем о бесславном крушении Лиги Наций в конце 30-х гг. Это знание позволяет нам с уверенностью вынести Лиге приговор истории о ее мертворожденности. Опыт более сильной организации ООН, чьи создатели учли опыт Лиги, но которая не предотвратила войн, в том числе затяжных и крупных, вроде бы подтверждает этот приговор. Но, с другой стороны, члены Лиги действительно не воевали друг с другом в течение 15 лет. Так что Лига Наций все же выступала фактором мира, хотя и несовершенным. При определенных условиях она могла трансформироваться в то, чем сегодня является ООН. Но ее конструкция оказалась недостаточно прочной, чтобы выдержать вызовы мирового кризиса капитализма 30-х гг. и его последствий.

Завершение обсуждения Устава Лиги позволило перенести основное внимание участников конференции на военно-политические отношения с Германией. Заключение мира с ней становилось все более неотлагательным. Состояние «ни мира, ни войны» не позволяло демобилизовать армии союзников, создавало неопределенность, которая еще сильнее расшатывала политическую ситуацию в центре Европы.

Архитекторы

После отъезда Вильсона в феврале за него в Париже остался Хауз, а за Ллойд Джорджа — министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур. Клемансо, хотя и оставался в Париже, тоже «выпал из игры», так как продолжал лечиться после покушения. В результате комиссиями руководили Бальфур и Хауз, текущую работу вел Бальфур, который поставил жесткие сроки — закончить подготовительные работы к 8 марта, когда снова соберутся ведущие лидеры.

1 марта Клемансо вернулся к работе. 6 марта в Париж вернулся Ллойд Джордж, а 14 марта — Вильсон. Они начали кулуарные беседы с участием секретаря британского кабинета Мориса Хэнки

в качестве секретаря переговоров. В этих беседах получил право участвовать и Орlando как член образовавшегося в 20-х числах марта Совета четырех, или «Большой четверки». В силу соотношения реального влияния держав и незнания Орlando английского языка¹ «четверка» фактически превратилась в «Большую тройку» или «триумвират». Представителей Японии приглашали лишь в тех случаях, когда обсуждались вопросы, непосредственно ее касающиеся. Заседания обычно проходили в резиденции Вильсона, реже — у Ллойда Джорджа, иногда — в Военном министерстве на улице Сен-Доминик или в Министерстве иностранных дел.

Все три лидера практически игнорировали свои официальные внешнеполитические структуры и часто ставили их руководителей перед фактом принятых решений.

Вильсон, который сначала демонстрировал приверженность более демократичной дипломатии, теперь вписался в этот закрытый клуб. Черчилль комментирует это грехопадение: «Если бы эти совещания начали проходить в декабре или хотя бы в январе, то весь ход занятий мирной конференции протекал бы гладко и связно. Но президент начал с того, что он отказался от очевидного и наиболее простого порядка работ и только через много дней, когда все вопросы запутались, с радостью согласился на предложенный ранее способ»².

Ход переговоров во многом определялся характерами членов «триумвирата». Лансинг писал о Клемансо: «Он напоминает старого китайского мандарина: темный цвет лица, выдающиеся скулы, большой лоб, выпуклые брови, острый взгляд, длинные опущенные седые усы, короткая шея, широкие округлые плечи, коренастая фигура... Поразительный тип человека, в котором ощущаются огромная сила интеллекта, самообладание, холодная, непреклонная воля... Он с восточным стоицизмом наблюдал за ходом событий, стремясь нигде не упустить интересы Франции, которым были посвящены все его помыслы и вся его энергия»³.

Биограф Клемансо Д.П. Прицкер так характеризовал манеры французского премьера на конференции: «На заседаниях Совета четырех Клемансо держался, как правило, спокойно, говорил гораздо меньше, чем Вильсон и Ллойд Джордж, предпочитал, чтобы требования Франции, которые, как он предвидел, вызовут сопротивление партнеров, формулировали другие французские представители, и приглашал для этого на заседания то Фоша, то Лушера, возглавлявшего комис-

¹ Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. С. 478.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 89.

³ Цит. по: Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. С. 242–243.

сию по репарациям, то Тардье, то Клотца. Лишь изредка, выслушав не понравившееся ему выступление американского президента или британского премьера, он взрывался, произносил резкую речь под девизом: “Нет уж, этого я допустить не могу” — и вновь замолкал. Зато на пленарных заседаниях, которые созывались очень редко, он давал волю своим диктаторским замашкам... Во время выступлений представителей малых стран он то дремал, то грубо обрывал ораторов и прекращал обсуждение. Лансинг отмечал, что на этих заседаниях “царил неприкрытый деспотизм Клемансо”¹. По словам Кейнса, в глазах Клемансо «германец не понимает и не способен понимать ничего, кроме утрашения... германцу необходимо приказывать»².

Всем своим поведением Клемансо противостоял тем принципам, которые надеялся положить в основу международных отношений Вильсон и которые были популярны в мире, в том числе и благодаря агитации большевиков. По всему миру массовые движения выступали за демократическое мироустройство, но Клемансо сделал все, чтобы итоги Парижской конференции ассоциировались с империализмом. Версальская система в итоге оказалась непопулярной, что стало одной из причин ее неустойчивости. Но жесткая позиция Клемансо и затем его преемника Александра Мильерана определялась преобладающими настроениями французов, которые требовали компенсации за ущерб и гарантий безопасности от германского реванша. Несмотря на шовинистическую волну в Великобритании, эти проблемы там не стояли так остро.

Ллойд Джордж, надеясь на свое обаяние, балансировал между Клемансо и Вильсоном, поддерживая принципы американского президента ровно в той степени, в которой они не противоречили интересам Британской империи. Поскольку эти интересы в основном были довольно быстро удовлетворены (ибо те территории, на которые претендовала Британия и ее доминионы, были оккупированы их войсками), Ллойд Джордж много времени уделял тому, чтобы получилось такое сочетание идеализма и прагматизма, которое сделает устойчивой новую систему международных отношений. Ведь Великобритания получила столько в этом новом мире, что перемены могли только ухудшить ее положение. Отсюда — гибкая позиция Ллойд Джорджа в отношении большевиков, без компромисса с которыми нельзя было стабилизировать ситуацию на востоке Европы. Ллойд Джордж был готов маневрировать и в турецком вопросе, ко-

¹ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. С. 243.

² Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. С. 479.

торый все никак не хотел вписываться в рамки, продиктованные державами.

Вильсон тоже стремился занять сильную позицию арбитра между Великобританией и Францией, что иногда вызывало раздражение и Клемансо, и Ллойд Джорджа. По наблюдению Ллойд Джорджа, «вначале настроенный идеалистически, президент вполне серьезно считал себя миссионером, который должен спасти бедных европейских язычников от векового поклонения ложным и жестоким богам»¹. «Его способ мыслить носил теологический, а не интеллектуальный характер...»² — писал Кейнс о Вильсоне.

Историк А.И. Уткин так описывает поведение американского президента: «Там, где европейцы обходили детали и ставили финальную точку, Вильсон только лишь развертывал свою аргументацию. По каждому вопросу Вильсон выступал как судья: он определял две полярные позиции и обрисовывал картину спора, не давая заключения, а на настойчивые призывы изложить свою точку зрения предлагал отдать вопрос на изучение экспертам. Такой подход резко контрастировал с английским — у Ллойд Джорджа на все вопросы были уже готовые ответы»³. И у Клемансо такие ответы тоже были. Да и Вильсон нередко твердо отстаивал ту или иную позицию. Такое поведение Вильсона было вызвано не отсутствием позиций, а желанием быть арбитром Европы. В иных ситуациях эту роль примерял и Ллойд Джордж, который действовал без излишнего морализма и занудства Вильсона, — и это получалось тоньше. Борьба за эту господствующую политическую позицию арбитра Европы, развернувшаяся на Парижском конгрессе, продолжалась практически весь межвоенный период — уже с другими игроками.

В.В. Согрин считает, что «лидеры Англии и Франции с претензиями Вильсона категорически не соглашались. Они так и не приняли вильсоновской программы “мира без победы”, без аннексий и контрибуций, как и притязаний США на гегемонию в послевоенном мире»⁴. Конечно, лидеры Великобритании и Франции не собирались признавать претензии на американское лидерство — у США для этого были еще слабоватые вооруженные силы, а идейно Европа была слишком разнообразна, чтобы следовать за вильсоновским социал-либерализмом (тем более что он был вторичен в отношении европейского). А вот от программы «мира без победы» Вильсон уже и сам отказал-

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 196.

² Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. С. 484.

³ Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 248.

⁴ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 126.

ся. Он и Ллойд Джордж были готовы сдерживать ультрапобедные требования Клемансо, но не более того.

Вильсон выглядит в этой истории как идеалист, либеральный утопист. Но в его планах была и прагматическая составляющая. США серьезно инвестировали в европейскую войну, но они не могли получить в Европе территориальных приращений. Ради чего все это, как гарантировать, что инвестиции принесут прибыль?

Экономист Джон Кейнс, участвовавший в переговорах, иронизировал над идеализмом Вильсона, которого шаг за шагом уводили от принципов искушенные европейские политики: «Четырнадцать пунктов, вполне сохраняя букву, превратились в документ, обреченный на истолкование с помощью примечаний, предназначенный стать орудием самообмана; с помощью такого же орудия духовные предки Президента убеждали себя, что их образ жизни точно согласовался с каждой буквой Пятикнижия»¹. Кейнс в своих остроумных заметках на самом деле выгораживает высмеянного им президента — ведь политику толкований Вильсон начал не в ходе, а до начала конференции, написав примечания, меняющие содержание 14 пунктов еще в октябре 1918 г. Так что реальный Вильсон был циничнее своего идеалистического имиджа.

Три человека, решавшие судьбы мира, выглядели владыками с безграничной властью. Но в действительности их возможности были существенно ограничены: алчными ожиданиями избирателей, своими благородными публичными речами, непослушанием русских, турок, арабов и других народов, отказавшихся признавать империалистический диктат, и, наконец, друг другом, ибо их стремления были во многом противонаправлены, как лебедь, рак и щука. В итоге их стратегические стремления мало изменили те основные обстоятельства, которые возникли еще до начала конференции: потерпевшие поражение страны должны пострадать и будут стремиться к реваншу, две империи распались, и Османская будет разделена, а на место борьбы империй приходит борьба масс, вдохновленных социальными и национальными идеями. Тактическое противоборство «Большой тройки» разворачивалось в рамках этих принципиальных факторов.

* * *

Франция настаивала на необратимом сокрушении германской мощи, претендовала на максимальные репарации, Саарский бассейн и требовала отторжения от Германии левобережья Рейна (воз-

¹ Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. С. 489.

можно — с помощью создания тут отдельного государства). Эти требования были изложены в записке помощника Клемансо Андре Тардьё¹.

Ллойд Джордж и Вильсон не соглашались. Они также считали, что можно уже прекратить экономическую блокаду Германии, а то там вот-вот произойдет революция советского типа. Устами своих руководителей США и Великобритании предлагали Франции гарантии ее границ. Если Германия на них покусится, США и Великобритания вступят с Германией в войну. 17 марта Клемансо, хотя и не сразу, одобрил план гарантий, но при условии демилитаризации или оккупации левого берега Рейна и 50-километровой зоны на правом. Но Клемансо дал понять, что это — предел его уступок.

К 17 марта были согласованы основные условия мира, касающиеся разоружения Германии. Обсуждался вопрос их немедленного подписания в качестве прелиминарного мира, но от этой идеи отказались, так как затем добиться от Германии согласия на остальные пункты будет очень сложно. А ведь впереди было самое сладкое — территориальный передел и вопрос о репарациях. Вильсон стал брать под защиту Германию — условия не могут быть слишком тяжелыми, они должны быть выполнимыми. Как по команде, развернулась критика идеализма Вильсона в европейской прессе, что было неприятным сюрпризом для президента США, привыкшего к восхвалению в Европе. Клемансо и Орландо теряли терпение — почему Вильсон, получивший свой Устав Лиги, продолжает применять свои абстрактные принципы к хитросплетениям европейской политической географии, в которой плохо разбирается? Но континентальные хищники столкнулись с либеральной атлантической солидарностью США и Великобритании.

Британские контрпредложения французам Ллойд Джордж изложил 25 марта в своем «Меморандуме из Фонтенбло». Этот документ, официально называвшийся «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий», был выработан во время поездки британского премьера и его ближайших советников в исторические места, где когда-то Наполеон отрекся от власти — своеобразный щелчок по французскому самолюбию.

Ллойд Джордж предваряет конкретные предложения общим рассуждением, которое окажется пророческим (впрочем, так считал не он один): «Сравнительно легко кое-как наладить мир, который будет длиться тридцать лет.

¹ Тардьё А. Мир. М.: Госполитиздат, 1943. С. 131–143, 213–221.

Очень трудно, однако, разработать такие условия мира, которые не вызовут новой борьбы, когда люди, знающие по личному опыту, что такое война, уйдут из жизни. История показала, что мир, который победившая нация приветствовала как триумф дипломатического искусства, государственной мудрости, даже как триумф благоразумия, оказывался в конечном счете недальновидным и чреватым серьезными опасностями для победителя»¹. Имелся в виду мир 1871 г., навязанный Франции Германией. Впрочем, Версальская система просуществует и того меньше — всего 20 лет.

Ллойд Джордж выступил против французских территориальных претензий к Германии, выходящих за пределы Эльзаса и Лотарингии, ограничившись обещанием военной помощи в случае возобновления германской агрессии. Британский премьер считал, что, прежде чем Германия начнет выплачивать репарации, ей нужно дать отсрочку, чтобы она могла восстановить свою экономику. По мнению Ллойда Джорджа, нельзя «навязывать Германии постоянное ограничение вооружений, если мы не намерены равным образом ограничивать наши собственные вооружения»². Британский лидер думал о будущем — если Франция станет самым мощным в военном отношении государством континента, не будет ли она нести угрозу Великобритании?

Репарации не должны были разорить Германию. За военные преступления должен был отвечать не весь немецкий народ, а конкретные виновники — кайзер и его генералы³. Ллойд Джордж настаивал, что платежами можно обложить только то поколение немцев, которое участвовало в войне. Половину платежей британский премьер предлагал отдать Франции, 30 % — Британии и 20 % — остальным.

Ллойд Джордж пытался убедить своих партнеров, и прежде всего Клемансо, что в отличие от 1815 г. «революционный дух» еще не «исчерпал свою энергию». А теперь «дух революции привел в движение всю Россию», и «величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия». Из этого следовал вывод, который ясно указывал на основную ось современной борьбы: «Если мы будем благоразумны, мы предложим Германии такой мир,

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 347.

² Там же. С. 352.

³ Там же. С. 352–357.

который, будучи справедливым, покажется всем мыслящим людям предпочтительней, чем другая альтернатива — большевизм»¹.

Ллойд Джордж настаивал (и в этом с ним был согласен Вильсон), что нельзя создавать условия для германского реваншизма. Нельзя отторгать от Германии территории с очевидно немецким населением «в больших пределах, чем это необходимо» (это касалось не только французских, но и польских требований), нельзя накладывать контрибуцию, которая не даст немецкой экономике подняться (тем более что это исключит и фактическую выплату контрибуции). Франция имеет право вернуть Эльзас и Лотарингию, а также право на эксплуатацию Саара в течение 10 лет. Также Ллойд Джордж высказывался за незначительное сокращение германской территории в пользу Бельгии и Дании (которой возвращался стратегически важный Шлезвиг). Документ подтверждал гарантии безопасности Франции со стороны Британии и США. Лига Наций должна стать реальной и авторитетной силой, и потому Германия должна вскоре войти в нее, чтобы не возродились союзы тех, кто оказался вне Лиги.

Клемансо был возмущен меморандумом Ллойда Джорджа. Британия и США получили все, что хотели, — Устав Лиги, господство на море, колониальные приращения, а Франция — ни безопасности на будущее, ни достаточной компенсации за разрушения ее северной части. Ллойд Джордж не остался в долгу, напомнив о колониальных приращениях и львиной доле в контрибуции для Франции. Впрочем, если Клемансо не хочет, Ллойд Джордж может взять свои предложения назад. А заодно и уступить в вопросе о разделе колоний и территорий Османской империи².

Вильсон поддерживал опасения Ллойда Джорджа: «Прежней Германии больше нет... Ради мира во всем мире нам не следует вводить Германию в искушение броситься в объятия большевизма... Мне кажется важным, чтобы немецкая общественность была информирована о нашем желании предоставить полномочным германским представителям возможность дискуссии», чтобы избежать «даже видимости договора, навязанного как в Бресте»³. В итоге Версальский договор был навязан грубее, чем в Бресте.

28 марта наступил кризис отношений внутри «триумvirата». Клемансо в резкой форме объявил Вильсону, что не может подписать мир, в котором не будет передачи Саара Франции. Клемансо и Вильсон угрожали друг другу покинуть конференцию. К 7 апреля

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 349–350.

² Там же. С. 361–362.

³ Цит. по: Дробикин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 205, 207.

споры достигли такого напряжения, что Вильсон даже готовил демонстративный отъезд из Парижа.

14 апреля Клемансо сообщил через Хауза президенту США, что согласен на включение доктрины Монро в Устав Лиги Наций. За это американцы должны, в свою очередь, пойти на уступки: передать Франции мандат на Саарскую область, разрешить англо-французским войскам оккупировать левый берег Рейна на 15 лет в качестве гарантии выполнения Германией условий мирного договора, демилитаризировать Рейнские провинции, так же как и зону шириной 50 километров на правом берегу Рейна.

Вильсон обрадовался предложению Клемансо и согласился пересмотреть свое категорическое «нет» по саарскому и рейнскому вопросам. Когда Хауз сообщил Клемансо об ответе Вильсона, тот от радости заключил полковника в объятия¹. 16 апреля французские газеты, ругавшие Вильсона, вышли с хвалебными статьями о нем².

Освобождать Германию от оккупации планировалось по мере уплаты репараций. Предполагалось пять лет оккупировать зону с центром в Кёльне, 10 — в Кобленце и 15 лет — в Майнце. Когда Ллойд Джордж попытался сократить сроки оккупации, Клемансо пригрозил своей отставкой.

Не желая оставаться в изоляции, 22 апреля Ллойд Джордж заявил, что присоединяется к позиции Вильсона по рейнскому и саарскому вопросам. Теперь «триумвират» выступил единым фронтом: когда 28 апреля на пленарном заседании по Уставу Лиги Наций после доклада Вильсона Буржуа и бельгийский министр иностранных дел Поль Иманс начали было дебаты, Клемансо их оборвал и заявил, что предложение президента США ввиду отсутствия возражений принимается единогласно³.

Таким образом, к маю основные разногласия по мирному договору были урегулированы. Но один вопрос необратимо запаздывал: какой будет контрибуция с Германии. Еще до конференции комиссия под председательством австралийского премьера Уильяма Хьюза определила размер репараций в 24 млрд фунтов (480 млрд золотых марок). Сюда включались как прямые, так и косвенные убытки из-за войны. Ллойд Джордж назвал эту цифру «дикой и фантастической химерой». Франция требовала только на восстановление разрушений 3 млрд фунтов (60 млрд марок). Американские эксперты предлагали отказаться от компенсации косвенных убытков и остановиться на 22–25 млрд марок, иначе разоренная Германия вообще не сможет

¹ История дипломатии. Т. 3. С. 40.

² Архив полковника Хауза. С. 649.

³ История дипломатии. Т. 3. С. 41.

ничего заплатить¹. Но при этом США не собирались прощать военные долги своим союзникам, которые как раз рассчитывали заплатить их с помощью Германии.

Стороны торговались и о процентном соотношении выплат победителям в рамках 50–58 % для Франции и 25–30 % для Британии.

5 апреля были согласованы предварительные условия репараций — договорились требовать компенсации только прямых убытков от войны.

9 июня Вильсон, ссылаясь на выводы американских экспертов, поставил вопрос о том, что необходимо дать Германии возможность как можно скорее восстановить свой экономический потенциал, а для этого нужно снизить размеры репараций. Тут Клемансо взорвался: «Речь идет о мире, опрокинутом вверх дном, — немцы диктуют нам условия. Нет уж, на это я согласиться не могу»².

В конце концов, Совет четырех достиг компромисса и по этому вопросу: было решено общую сумму репараций в текст договора пока не включать, поручить установить ее специальной репарационной комиссии, а Германию заставить подписать договор без указания суммы, с тем, что она будет определена победителями позднее.

* * *

Когда победители уже готовились предъявить условия мира Германии, между ними вспыхнул острый конфликт по формуле «три минус два». «Триумвират» согласовал те вопросы, которые были важны для него. Но две другие державы, которых записали в великие — Италия и Япония, — слишком долго ждали удовлетворения своих требований и теперь грозили уехать, если они не получат вожделенного.

Советский историк И.И. Минц образно характеризовал роль Италии на конгрессе: «Верная своему характеру “международного шакала”, Италия вертелась вокруг стола великих держав, выжидая куски добычи, которые наметила себе в награду за измену Тройственному союзу»³. Но «шакал» ждал слишком долго и упустил время.

Итальянская делегация 24 апреля покинула Париж с видом гордого протеста, но это мало кого взволновало: мир с Германией можно было подписать и без Италии, которая воевала прежде всего с развалившейся Австро-Венгрией. Теперь Италия не граничила ни с одним государством, с которым сражалась в этой войне, так что подпишет ли она какой-то мир — было не так важно.

¹ История дипломатии. Т. 3. С. 39–40.

² *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. С. 252.

³ История дипломатии. Т. 3. С. 21.

Италия была самой слабой державой, которую пустили в «первый ряд» Парижского конгресса. Она была безнадежным должником США. Ее войска без больших успехов увязли в военных действиях за морями — в Албании и Ливии. Последняя была формально захвачена у Османской империи еще в 1912 г., но оказалась «чемоданом без ручки» — и тащить тяжело, и бросить жалко. 16 ноября 1918 г. в Триполи была провозглашена первая на арабском Востоке республика. Это было еще одно следствие падения монархий в Европе — республиканский пример показался привлекательным для шейхов и городских лидеров Западной Ливии. Республиканцы и колонизаторы в Ливии вели периодически затухавшую войну все 20-е гг. В апреле 1919 г. было заключено перемирие, но об умиротворении Ливии пока не могло идти и речи. Кроме заморских проблем Италию раздирали острый социально-политический кризис (см. гл. 3 и 9).

Итальянские лидеры ничего не могли противопоставить воле «триумвирата» и не хотели в итоге оказаться в полной изоляции в Европе, а «триумвиры», в принципе, готовы были как-то договариваться, чтобы Италия не оказалась вне Лиги Наций. Так что вскоре Орlando без лишнего шума вернулся в Париж, чтобы бороться за расширение границ Апеннинского королевства за пределами Апеннинского полуострова.

Вторая коллизия в стиле «горе победителям» возникла в связи с Китаем. Он считался участником войны, хотя и весьма слабым, скорее формальным. Китайцы помогали Антанте скорее рабочей силой (причем России, которая вышла из войны до ее завершения), чем войсками, сам Китай был раздроблен. А вот Япония воевала реально. Взяв германский опорный пункт в Китае Циндао, японцы требовали этот трофей себе, а Китай считал Циндао и оккупированный японцами Шаньдунский полуостров, где он расположен, частью своей территории, которую Германия только арендовала. Японо-китайский конфликт ставил лидеров Парижской конференции в неудобное положение. Принципы требовали возвращения Циндао Китаю вместе со всеми германскими привилегиями. Но Япония не собиралась уступать то, что было добыто кровью ее воинов.

В конце апреля, как только стало известно об отъезде Орlando, Япония выступила с категорическим требованием решить шаньдунский вопрос. В случае отъезда представителей сразу двух государств пятёрки конференция могла потерять свою легитимность. В итоге при поддержке Ллойда Джорджа Япония добила своего: китайская провинция Шаньдун с портом Циндао «временно» переходила под контроль Японии. Китайская делегация заявила, что не подпишет такой договор.

Встав на сторону Японии как более сильного игрока, лидеры конференции оттолкнули слабый Китай. Казалось, от Китая можно было отмахнуться. Но презрение империалистических держав вызвало мощную волну протеста в Китае. Это вкупе с домашними неудачами Вильсона в деле ратификации договора привело к тому, что определение итогов войны в этом регионе затянулось до 1922 г.

Здесь, как и в других случаях, проявилась сама суть Парижской конференции, которая была столкновением права силы и силы права. В войне победила сила, но предотвратить новую войну должно было право. А соблюдение права может гарантировать сила, без которой право бессильно. Соблюдение мирового права может гарантировать сила держав, которые лучше всего вооружены. А они предоставляют свою силу не бесплатно, а за удовлетворение своих интересов. Но это противоречит принципам права, демонстрируя двойные стандарты, подрывающие авторитет права. Эти двойные стандарты подрывали жизнеспособность Версальской системы, ставшей результатом непоследовательного проведения правовых принципов и компромиссом интересов, основанных на силе.

* * *

18 апреля Клемансо от имени Высшего совета союзных и ассоциированных держав пригласил германских представителей прибыть для ознакомления с условиями мира. 7 мая он торжественно обратился к германской делегации во главе с министром иностранных дел Ульрихом фон Брокдорфом-Ранцау: «Час расплаты наступил. Вы просили нас о мире. Мы намерены дать его вам. Мы вручаем вам книгу мира...»¹ В ответ Брокдорф-Ранцау произнес речь сидя, признал факт поражения, но огрызнулся: «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Подобное признание в наших устах было бы ложью»².

Основы германской позиции были выработаны на совещаниях у Фридриха Эберта 21–22 марта. Ключевая идея заключалась в том, что теперь существует новая Германия, родственная по своим принципам США и готовая следовать «14 пунктам» Вильсона. Как в свое время большевики надеялись вести переговоры с позиций благородных принципов и тем склонить на свою сторону мировое общественное мнение, так теперь Германия надеялась выступить в роли полюса демократии, чтобы смягчить последствия поражения.

¹ Цит. по: *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 231.

² Там же. С. 232.

Смирившись с предстоящей потерей Эльзаса, Лотарингии и некоторых территорий на востоке и севере, Германия настаивала на референдумах, чтобы территориальные перемены происходили демократически (характерно, что во внутреннем территориальном устройстве рейха такой демократический принцип германским руководством не принимался). Рейнланд, Пфальц и Саар Германия не собиралась уступать ни при каких обстоятельствах. Признавая, что войной нанесен ущерб оккупированным территориям и торговым флотам, Германия обязывалась своими силами восстановить разрушенное и готова была обсудить взаимные претензии (с тем, чтобы согласиться на 20–25 млрд марок ущерба). В этом ущербе можно было бы зачесть стоимость отторгаемых от Германии территорий и колоний, но что-то компенсировать и поставками. Германия стремилась вступить в Лигу Наций, но сам ее устав хотелось бы демократизировать, убрав из него неравноправие держав. Германия готова была приветствовать разоружение, но не только Германии, а всех государств¹.

В условиях 1919 г. принятие таких условий было нереальным. Но, как и многие утопии, эта программа была моделью на будущее, и шаг за шагом частично осуществлялась германской внешней политикой в последующие годы.

В качестве резервного аргумента германское руководство рассматривало и «русский вопрос», надеясь либо заинтересовать Антанту планами совместного похода на Москву и Петроград (а тогда Германии понадобится армия), либо шантажировать сближением с Россией против держав-победительниц².

Изучив составленную победителями «книгу мира», германская делегация отправила 9 мая ответную ноту, в которой пыталась апеллировать к «14 пунктам» Вильсона и доказать невозможность выполнения предложенных условий. Но «14 пунктов» были провозглашены до поражения Германии. В начале 1918 г. Германия не приняла этого компромисса, рассчитывая в том числе и на результаты своей победы над Россией. Заключив грабительский Брестский мир, Германия лишила себя возможности апеллировать к моральным категориям. Теперь она стояла перед лицом силового диктата — как и Россия год назад.

Далее развернулась драма, напоминавшая дебаты в Советской России по поводу условий Брестского мира, но с несколько иной драматургией. В Германии не было Ленина с его циничной готовностью отстаивать капитуляцию с самого начала дебатов. Парламент-

¹ *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 209–210.

² Там же. С. 223–224.

ская система требовала спектакля по канонам учебника психиатрии: отрицание—гнев—торг—депрессия—принятие.

Сначала нужно было заявить громкое несогласие — для этого национальное собрание приехало из Веймара в Берлин и 12 мая постановило отклонить условия. Шейдеман даже заявил: «Какая рука не отсохнет, будучи вынуждена наложить на себя и на нас такие оковы?»¹

КПП и левое крыло НСДПГ мечтали о революционной войне в союзе с Россией, об этом задумывались и некоторые правые политики. Но, как и левые эсеры и левые коммунисты в России в 1918 г., они не смогли убедить в своей правоте тех, кто держал в руках реальные рычаги власти. В отличие от левых коммунистов и левых эсеров в 1918 г. у германских противников подписания мира в 1919 г. не было надежды на революцию в стане победителей.

Соппротивление было возможно только в союзе со всеми проигравшими, включая и выпавшую из Антанты Россию. Возможной формой такого союза, как показала Венгрия и Бавария, может стать формальное провозглашение Советской власти. Даже социал-демократическая «Форвертс» пером своего редактора Фридриха Штампфера стала намекать на возможность такого исхода, если союзники будут неуступчивы: «Со времени событий в Венгрии у нас на всех углах и перекрестках говорят: в Германии это тоже еще предстоит... Это — крайнее средство, с которым Антанта должна считаться, навязывая нам мир»², — писал он 24 марта, через два дня после провозглашения Советской Венгрии.

Однако для революционной войны против Антанты нужна была решимость широких масс сражаться, а таковой не было. Ибо не было ясного понимания — а ради чего снова еще несколько лет проливать кровь? Никто не хотел умирать — как и в России осенью 1917 г. К маю 1918 г. в России возникнут условия для новой, широкомасштабной гражданской войны, которая одновременно станет и войной против интервенции и национал-сепаратистов. В этой схватке не на жизнь, а на смерть у Ленина и его партии расширились возможности мобилизации масс на фронт. Но в начале 1918 г. таких мобилизационных возможностей у Ленина не было — солдатская масса уходила из окопов в тыл. А Ленин мечтал о мирной передышке, о конструктивных социальных преобразованиях и ради этого был готов подписать даже грабительский Брестский мир. Поставив приоритетом стабилизацию Веймарской республики, Эберт и его соратники тоже лишили себя возможности вернуть Германию на войну.

¹ Цит. по: *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. С. 235.

² Там же. С. 340.

13 мая Эберт попытался поднять знамя новой международной морали, которое стало выскользать из рук Вильсона. В интервью «Ассошиэйтед пресс» германский президент пытался доказать, что нынешняя Германия совсем не та, что вела войну. Ведь немецкий народ «разрушил у себя дома господство насилия и несправедливости» и покончил с милитаризмом. Советский историк Я.С. Драбкин справедливо назвал эти доводы «фальшивыми»¹. Ведь это говорилось всего через несколько дней после кровавых боев и террора в Баварии. Но Эберт надеялся шантажировать Вильсона тем, что он утерит роль морального лидера, завоеванную им после выступления с «14 пунктами»: «Если американская демократия поддержит этот мир, она станет сотоварищем политических вымогателей» и «повергнет в прах идеалы истинной демократии»². По сути, Эберт был прав, но он не учел, что за пределами Германии у его проповеди в стиле Вильсона не было слушателей. Широкие массы в странах-победительницах либо были охвачены шовинистическими настроениями, и для них Эберт был лишь изворотливым представителем злобного поверженного народа-врага, либо находились под влиянием советской идеи с ее интернационализмом. Но для этих вторых Эберт был кровавым контрреволюционером. Так что Вильсон мог продолжать почивать на лаврах морального лидера либеральных миротворцев, даже предавая собственные принципы. В Совете четырех Вильсон с раздражением заявил: «У немцев сложилось впечатление, будто я готов содействовать компромиссу. Что же мне делать, чтобы убедить их, что я считаю мирные условия, которые мы подготовили, справедливыми и что я не имею намерения им благоприятствовать?»³

29 мая были сформулированы контрпредложения Германии. Она согласна вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, но при условии проведения плебисцита о его дальнейшей принадлежности, передать Польше территорию с бесспорно преобладающим польским населением, а Дании — часть Шлезвига. Референдум о соединении с Германией хотелось бы провести в Австрии и Судетах, где его успех был весьма вероятен. Германия надеялась сразу войти в Лигу Наций и, раз уж ее колонии переходили под мандат Лиги, должна была получить свою долю прав на управление ими. Германия согласна ограничить численность своей армии 100 тыс. человек, но не считала справедливыми репарации. Однако она была готова в течение 30 лет компенсировать ущерб на 100 млрд золотых марок с помощью поставок про-

¹ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 245.

² Там же.

³ Там же. С. 246.

дукции. Такие условия не были бы унижительными и не требовали бы реванша. Лига Наций обрела бы опору во всех странах Европы.

Ллойд Джордж попытался хотя бы отчасти поддержать германские предложения, но Вильсон считал, что в ходе дискуссий с Клемансо и так удалось добиться максимальных уступок для Германии, и уступать дальше нельзя — Франция на это не пойдет. Ллойд Джордж согласился с этим. Представители ЮАС Ян Сметс и Луис Бота выступили за уступки немцам в соответствии с либеральными принципами, но под нажимом Лондона подчинились общебританской дисциплине¹.

Союзники согласились внести в проект договора незначительные поправки. В частности, в Восточной Силезии, которая должна была отойти к Польше, было решено провести плебисцит. В сопроводительной ноте, переданной германской делегации, Клемансо писал, что договор «должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня», без всяких поправок, в течение пяти дней².

16 июня Германии был представлен проект, который мало отличался от варианта 7 мая. 20 июня Филипп Шейдеман ушел в отставку с поста главы правительства. Но Фридрих Эберт не собирался доводить дело до военной экзекуции со стороны победивших империалистов, как это случилось с Россией в 1918 г. и произойдет еще в Германии в 1923 г.

У победителей в ситуации 1919 г. были сильные козыри: их армия была все еще отоброшизована и могла в любой момент начать наступление не только с запада, но и с юга (этот фактор исчезнет в 1923 г., как и американская армия в Европе). Германия в ситуации 1919 г. могла распасться, чему способствовали и внешние силы, и внутренние споры (в этом была прямая параллель с Брестской историей 1918 г.). Клемансо заявил: «Если Германия распадется, я не сделаю ничего, чтобы этому помешать»³. Маршал Фош готовил военное наступление, рассекающее Германию. Военный министр Пруссии Вальтер Рейнхардт и публицист Георг Кляйнов призывали к продолжению сопротивления с опорой на Восточную Пруссию, которая, создав самостоятельную территорию «Остмарк», не признает мира и сможет развернуть наступление на поляков (как не вспомнить планы левых эсеров и левых коммунистов продолжать войну с империализмом после брестского ультиматума — либо на востоке России, либо на Украине).

¹ Архив полковника Хауза. С. 696.

² Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. С. 255.

³ Цит. по: Дрaбкин Я. С. Становление Веймарской республики. С. 248.

Как и ЦК РКП(б) в 1918 г., в 1919 г. правительство Германии раскололось по вопросу о подписании мира. Против были либералы и Шейдеман. Во всяком случае на словах. Бауэр вслед за Ратенау не исключал, что власти должны самораспуститься и предложить Антанте попытаться самим управлять Германией. Что-то вроде «ни мира, ни войны», а правительство распустить. Носке напоминал, что в случае неподписания мира и распада существующей системы власти снова поднимут голову сторонники Советов и «Гамбург немедленно объявит себя Советской республикой»¹. Вопрос о мире, как и в России в 1918 г., был вопросом о власти.

Не договорившись в правительстве, лидеры республики перенесли обсуждение во фракции парламента и в Комитет государств. 21 июня было сформировано правительство Бауэра, который считал подписание мира неизбежным. У памятника Фридриху II патриотическая общественность жгла захваченные в 1870 г. французские знамена, чтобы не возвращать их Франции по условиям договора.

22 июня Национальное собрание 237 голосами против 138 при пяти воздержавшихся согласилось на подписание договора с оговорками. В это время германские моряки затопили флот, интернированный в Скапа-Флоу (здесь уместно вспомнить о затоплении Черноморского флота и планах взрыва кораблей Балтийского в 1918 г.). Германское правительство обратилось к Парижской мирной конференции с просьбой исключить из текста договора только утверждение об ответственности Германии за развязывание мировой войны. Уж если не получается отстоять территорию, то хотя бы честь немецкого народа. Раздраженный Клемансо выдвинул ультиматум: безоговорочное согласие на подписание за 24 часа. Национальное собрание Германии подчинилось.

Подписание мира в Версале было обставлено как триумф, день победы. Полковник Хауз писал о 28 июня: «Тысячи людей стояли шпалерами по дороге от Парижа до Версаля... Много кавалерии с развевающимися знаменами, по сторонам парадной лестницы... выстроились егеря вплоть до Зеркального зала, где состоялась церемония подписания...

После того как немцы подписали договор, а вслед за ними подписали великие союзные державы, стали палить пушки. Я испытывал симпатию к немцам, которые вели себя поистине стоически... Все дело было тщательно инсценировано, и притом максимально унижительно для противника.

---

¹ Дробкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 275.

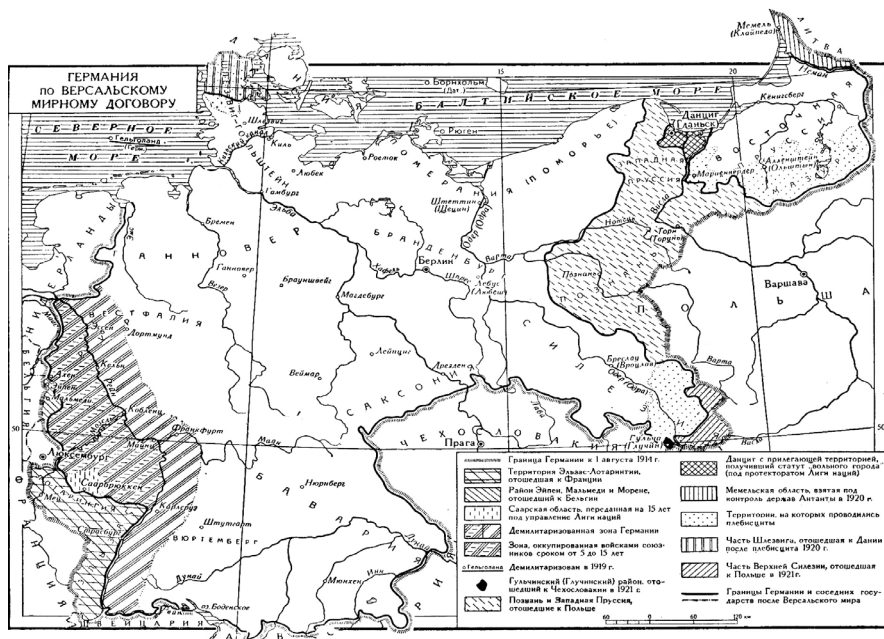
После подписания мы вышли на террасу, чтобы посмотреть на фонтаны, которые забили впервые со времени начала войны. В воздухе реяли самолеты, орудия гремели, и тысячные толпы, окружавшие Версаль, составляли блистательное и памятное зрелище»¹.

Мир был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца, в том самом зале, где 18 января 1871 г. Бисмарк провозгласил Германскую империю. Председествовавший на заседании Клемансо приказал ввести в зал членов немецкой делегации — нового министра иностранных дел социал-демократа Германа Мюллера и министра транспорта центриста Йоханнеса Белля, которые поставили под текстом договора свои подписи.

Мир был ратифицирован Германией 9 июля. От первого ультиматума до ратификации прошло два месяца (формально мир вступил в силу 10 января 1920 г.).

По Версальскому договору, включавшему 440 статей, Германия потеряла примерно восьмую часть территории и десятую часть населения: Эльзас и Лотарингия возвращались Франции, небольшая территория округов Эйпен-Мальмеди и Морене отходила Бельгии, Чехословакия получала части округов Ратибор и Леобшютц, а обширные территории Познани и Западной Пруссии с морским побережьем признавались за Польшей. Гарантировалась независимость Польши и Чехословакии. Данциг объявлялся вольным городом под защитой Лиги Наций с особыми правами Польши. Под контроль Антанты переходил Мемель (Клайпеда), на который претендовала Литва (она возьмет город силой в 1923 г.). Саар передавался под управление Лиги Наций с плебисцитом через 15 лет. Франция получала в собственность угольные копи Саара. Вокруг Рейна, включая и его правый берег, учреждалась обширная демилитаризованная зона. Левый берег оккупировался Антантой на 15 лет. Остров Гельголанд также был демилитаризован. Судьбу некоторых спорных территорий должен был решить референдум. В 1920 г. таким образом был разделен Шлезвиг (его большая часть отошла к Дании), в 1921 г. — Верхняя Силезия (меньшая часть которой отошла к Польше и совсем небольшая — Чехословакии). После референдума Германии удалось сохранить за собой всю Восточную Пруссию. Но этот регион был на суше территориально разделен польским выходом к морю, что создавало транспортные неудобства для немцев. Аншлюс Австрии был запрещен. Колонии Германии передавались под опеку Лиги Наций. Африканские колонии были поделены между Великобританией, Францией и ЮАС, а тихоокеанские — между Японией, Австралией

¹ Архив полковника Хауза. С. 711.

и Новой Зеландией. Впрочем, они передавались в управление метрополиям в качестве мандата Лиги Наций.

Германское владение в Китае — Циндао — получала Япония, хотя Китай и являлся союзником Антанты.

Германия получала право иметь добровольческий рейхсвер в 100 тыс. военнослужащих. Она не имела права на подводные лодки, военную и морскую авиацию, бронетехнику и боевые отравляющие вещества. Размеры германского флота ограничивались шестью устаревшими линкорами, шестью старыми крейсерами и 12 эсминцами.

Германия обязывалась выплатить репарации, размер которых будет определен Межсоюзнической комиссией к 1 мая 1921 г. Для начала Германия должна была выплатить 20 млрд золотых марок. Гарантией уплаты репараций стала оккупация левого берега Рейна.

Уже в 1919 г. было ясно, что Германия не сможет выплатить средства, которые хотят получить союзники. С резкой критикой репарационных требований выступил Джон Мейнард Кейнс, книга которого «Экономические последствия Версальского мирного договора» стала сенсацией и бестселлером. На нее ссылались такие видные и разные противники Версальской системы, как Лодж и Ленин. Проведя статистический анализ условий договора, Кейнс провозгласил: «Моя цель показать буквальные результаты выполнения мирного

договора, а именно — его невыполнимость»¹. И дело не только в репарациях. Отрезая Германию от угля и железа, договор дезорганизует ее экономику, от которой зависит экономика Европы в целом². Он воздвигает преграды «между углем и железом», создавая новые экономические издержки³. Кейнс подводит итог: «Ни религия, ни обычное нравственное чувство не дают права взваливать на плечи детей их врагов ответственность за преступления, совершенные их отцами или их правителями»⁴. Дети подрастут с ощущением мировой несправедливости и сочтут себя вправе совершать свои преступления.

Кейнс противопоставил «вильсоновской догме» национальных и расовых различий экономические и культурные узы⁵. Но проблема была в том, что экономические и культурные узы формировались довоенными границами, в том числе в уже распавшихся государствах. Восстанавливать эти узы можно было либо путем восстановления старых имперских границ, либо путем преодоления европейских границ вообще. Вторая идея станет воплощаться только после Второй мировой войны. А от национальной идеи архитекторы Версальской системы не могли отказаться — национализм был лучшим лекарством от социальной борьбы, нараставшей по всему миру.

Обсуждая ситуацию в «четверке», Вильсон с грустью предположил: «Я боюсь, что к исходу десяти лет выяснится: созданная нами система не функционирует...»⁶ Это выяснится несколько позднее, но в главном Вильсон был прав — они создавали нестабильную систему.

Черчилль чрезвычайно высоко оценивал Версальский договор через несколько лет после его подписания: «Даже на том небольшом расстоянии, которое нас отделяет от Парижской конференции, мы все же можем судить о размерах этих колоссальных “вершин” и о том, как они доминируют над всем громадным пространством гористой территории, которую представляет собой история Европы»⁷. Пройдет еще несколько лет, и Черчилль сможет увидеть, как сии «колоссальные вершины» обрушатся в прах, увлекая Европу в пропасть. Окончательное крушение Версальской системы произойдет в 1939 г., но рушиться она стала практически сразу, и вся ее история — это процесс эрозии и разрушения, многочисленных ремонтов, как ока-

¹ Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. С. 513.

² Там же. С. 514.

³ Там же. С. 582.

⁴ Там же. С. 477.

⁵ Кейнс Дж.М. Пересмотр Версальского мирного договора (1921) // Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. С. 627.

⁶ Цит. по: Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. С. 248.

⁷ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 134.

залось — неудачных. Впрочем, настоящие испытания для системы начались после 1933 г., а первые испытания она к 1924 г. пережила удовлетворительно.

После Версаля: перекосы и достройка

После подписания Версальского договора у архитекторов новой системы международных отношений было еще много дел: заключить договоры с союзниками Германии и заставить их выполнять, разобраться с проблемой репараций и неподконтрольностью России. Но главная угроза Версальской системе обнаружилась в стране, лидер которой претендовал на роль главного архитектора нового мирового здания.

Вильсона подвело убеждение, что «президент свободен по закону и по совести быть столь великим человеком, каким он только может. Президент выше Конгресса, ибо за ним, а не за Конгрессом, стоит нация»¹. Американская конституция устроена не столь авторитарно, и Вильсону пришлось натолкнуться на эту реальность.

12 августа сенатор Генри Кэбот Лодж возобновил кампанию против ратификации Версальского договора. Изменения в Уставе Лиги он считал недостаточными. Лодж устроил в сенате многомесячное обсуждение договора, систематически дискредитируя его. Сенаторы устроили унижительный допрос самому Вильсону, напомнив ему о месте президента в американской политической системе.

Вильсон был возмущен: «Если Сенат не ратифицирует договор, это будет означать, что война велась впустую, и мир будет брошен в хаос»².

Оспаривались прежде всего ст. 10 и 16 о противодействии агрессии. В них была самая суть системы международной безопасности — применение силы против агрессора. А большинство американского общества вовсе не желало разнимать дерущихся европейцев, проливая кровь своих солдат за мир в далеких краях.

По мнению В.В. Согрина, «лейтмотивом для главных оппонентов Вильсона — лидеров Республиканской партии во главе с сенатором Г.К. Лоджем — служила “real-politik”. Они были, в отличие от Вильсона, убеждены, что у США нет достаточных военно-политических ресурсов, чтобы играть главную роль в Лиге. Соединенным Штатам, по их убеждению, следовало сохранить “свободу рук”, чтобы адекватно защищать свои интересы на мировой арене»³.

¹ Цит. по: Яковлев Н.Н. Преступившие грань. М.: Международные отношения, 1971. С. 14.

² Цит. по: Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 302.

³ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 130.

Биограф Вильсона К. Швабе обращает внимание на то, что и в своей партии Вильсон теперь не имел полной поддержки: «Критика, направленная против Лиги Наций, была в своей основе националистической, но содержала дополнительную пищу для разочарованных сторонников Вильсона из сферы левых фракций, которые полностью отвергали Версальскую систему договоров как империалистическую». Опасение вызывало и то, что, опираясь на гарантийные обязательства США, президент может еще сильнее расширить свои полномочия — «подозрение особенно уместное по отношению к Вильсону, которому его противники в войне постоянно приписывали диктаторские приступы»¹. И небезосновательно, учитывая репрессивное законодательство периода войны, неуступчивый характер президента, который верил, что именно за ним, а не за конгрессом «стоит нация».

1 сентября Вильсон выехал в турне, рассчитывая изменить общественное мнение, расширить поддержку договора и таким образом надавить на сенаторов. За 22 дня Вильсон произнес 34 речи. Уже в Париже Вильсон с трудом выдерживал напряжение переговоров, и продолжение политического марафона и вовсе подорвало его здоровье.

25 сентября в Пуэбло Вильсон заболел, а 2 октября инсульт парализовал левую сторону его тела. Первый, но не последний раз в своей истории США получили президента, который передвигался в инвалидной коляске. Хотя в 1920 г. Вильсон и научился ходить с тростью, инвалидом он остался на всю жизнь. Но он не был признан недееспособным, и таким образом вице-президент Томас Маршалл не стал президентом. В решающий момент дебатов о судьбе Лиги Наций лагерь ее сторонников в США был дезорганизован. Первая леди ограничивала поступление информации к Вильсону, ориентируясь на состояние его здоровья. «Исходя из этого по-человечески понятного интереса, она решала, что можно говорить больному, а что нельзя. Никакая другая ситуация не могла быть более фатальной для защиты Версальского договора в США, чем эта»², — комментирует К. Швабе.

Республиканцы предложили 14 поправок к Версальскому договору. В случае их принятия возникли бы проблемы с другими подписантами, но в руководстве Великобритании и Франции было понимание возможности согласиться с особым статусом США в Лиге Наций, который ослаблял их роль, но не сводил ее на нет³. А вот Вильсон

¹ Швабе К. Вудро Вильсон (1913–1921): Крестовый поход за демократию // Американские президенты. 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 375.

² Швабе К. Вудро Вильсон (1913–1921): Крестовый поход за демократию. С. 377.

³ Архив полковника Хауза. С. 730.

«закусил удила» и продолжал настаивать на принятии договора во всей полноте.

В результате 19 ноября 1919 г. в сенате ратификация Версальского договора с поправками республиканских сенаторов была провалена со счетом 38 за и 55 против. Демократы по указанию Вильсона голосовали против вместе с непримиримыми республиканцами.

Провалив проект договора с поправками, Вильсон надеялся все же продавить ратификацию, но надежды на это похоронило голосование 19 марта 1920 г. — за голосовали 49 сенаторов и 35 против.

В августе 1921 г. США подписали мир с Германией, получив все права, вытекавшие из статуса победителя, и не взяв на себя обязательств.

Утешая себя, Вильсон в 1923 г. говорил: «Я не из тех, кто испытывает хоть малейшее беспокойство за судьбу моих принципов. Я видел, как в прошлом дураки сопротивлялись воле Провидения, и видел их гибель... Мы возобладаем, и это столь это очевидно, как существование Бога»¹. Мессианское чувство и долговременный исторический подход не подвели Вильсона. Через два десятилетия, во времена нового президента-демократа Франклина Делано Рузвельта США станут достаточно сильны, чтобы вернуться к программе Вильсона, и вскоре на место Лиги Наций придет ООН, по своей конструкции напоминающая Лигу. Впрочем, ООН не спасла мир от войн и революций, как об этом мечталось Вильсону.

Но в 1920 г. отказ США от участия в Лиге Наций «перекошил» конструкцию Версальской системы. Гарантии безопасности Франции фактически обнулялись (без США и Великобритании не обязана была вступаться за Францию в случае угрозы).

США также устранились от решения ближневосточных дел, что и там создавало опасный вакуум силы. Лига Наций из престижнейшего, почти обязательного международного клуба превратилась в почти региональную организацию.

* * *

Вскоре после подписания Версальского договора ведущие державы мира сменили декорации. Власть потеряли Клемансо и Орландо, Вильсон фактически прекратил активную политическую деятельность по состоянию здоровья. Эта ротация не сулила Версальской системе ничего хорошего. Дольше других членов Совета четырех держался Ллойд Джордж — до 1922 г.

¹ Цит. по: Яковлев Н.Н. Преступившие грань. С. 41.

В 1920–1922 гг. Ллойд Джордж стал главным архитектором в ходе достройки системы международных отношений в Европе в ходе серии конференций, которые стали продолжением завершившейся 21 января 1920 г. Парижской конференции. После вступления договора в силу, 10 января 1920 г., продолжали работать комиссии по репарациям, по контролю над вооружениями Германии, по ее оккупированным областям, Данцигская, Мемельская, по проведению плебисцитов, по навигации на ряде рек. Для общего регулирования работы комиссий собиралась конференция послов Великобритании, Италии и Японии во Франции под председательством французского дипломата. С информационными целями присутствовал посол США. Решения должны были приниматься единогласно.

19–26 апреля 1920 г. в Сан-Ремо работала конференция глав правительств «четверки» (Великобритания, Франция, Италия, Япония) с привлечением по ряду вопросов Бельгии и Греции. Конференция обсуждала раздел Османских владений и утвердила британский мандат на Палестину и Месопотамию (Ирак). Франция получила право на оккупацию Сирии. Был подготовлен предварительный вариант договора с Турцией.

24 апреля было подписано франко-британское соглашение о разделе нефтяной добычи, в том числе в Мосуле, где Франция получала право на более чем четверть добытой нефти. Это стало завершением острого спора. Еще в декабре 1918 г. Клемансо согласился отдать Мосул Великобритании, не понимая, что Мосул богат нефтью¹. Когда Клемансо понял свою ошибку, он чуть не подрался с Ллойд Джорджем. После дальнейших разменов Франция получила долю мосульской нефти. В итоге передела мира с 1914 до 1920 г. доля подконтрольных Британии запасов нефти выросла с 9 до 75 %².

5–16 июля 1920 г. работала конференция в Спа, которая обсуждала задержки выполнения договора Германией. Но внезапно участники конференции должны были переключиться на другую проблему — на Варшаву наступала Красная армия. На этом фоне Германия получила отсрочку при сокращении своей армии до начала 1921 г. А вот с задержкой выплаты репараций союзники ждать не хотели — Германия пока выплатила всего 8 млрд из причитающихся 20 млрд по первому этапу. Задерживались поставки угля. Германский «король угля и стали» Гуго Стиннес выступил на конференции с довольно дерзкой речью. Но поторговавшись, немцы согласились нарастить поставки угля. Победители договорились о долях распределения ре-

¹ Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. С. 252.

² Денни Л. Борьба за нефтяную монополию. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 48.

параций: Франция — 52 %, Великобритания — 22 %, Италия — 10 %, Япония — 0,75 %. Остальные страны — 6,5 %.

На Парижской конференции по репарациям 24–30 января 1921 г. была представлена схема платежей. Первые два года — по 2 млрд золотых марок в год, три года — по 3 млрд еще три года — по 4 млрд еще три года — по 5 млрд и затем по 6 млрд в год еще 31 год. Всего 226 млрд золотых марок. На следующей, Лондонской конференции 21 февраля — 14 марта германская сторона настаивала, что уже уплатила 20 млрд углем и другими товарами (союзники считали, что не получили и половины этой суммы), и готова была заплатить еще 30 млрд¹. На конференции союзники ссорились по турецкому вопросу, и немцы надеялись этим воспользоваться. Но 3 марта победители вручили германским представителям ультиматум с обвинениями в нарушении договора. Если Германия не согласится с решениями январской Парижской конференции до 7 марта, то союзники отрежут левый берег от Германии таможами и оккупируют Дюссельдорф и Рур. 8 марта эти угрозы вступили в силу, дестабилизируя внутрисполитическое положение в Германии и способствуя коммунистической мартовской акции.

Германия апеллировала к посредничеству США, но тщетно. От платежей Германии зависело и то, как союзники будут расплачиваться с американскими банками, которым они задолжали во время войны. К ноябрю 1922 г. задолженность союзников США составляла 11,6 млрд долларов (Великобритания — 4,7 млрд, Франция — 3,8 млрд, Италия — 1,9 млрд)².

24 апреля 1921 г. немцы попытались сторговаться на 50 млрд. Они были готовы взять на себя американские долги союзников, но вряд ли это бы устроило США, учитывая слабую платежеспособность Германии. В итоге усилия германской дипломатии и финансистов, а также угроза коммунистического переворота оказались не напрасными. Лондонская конференция 29 апреля — 5 мая 1921 г. снизила репарации до 132 млрд. Таким образом, срок уплаты сокращался. Если Германия не согласится, союзники займут Рур. 11 мая Германия приняла ультиматум. Угроза оккупации Рура действовала и в дальнейшем, если Германия будет отклоняться от графика платежей.

Кейнс считал, что Лондонское соглашение, определяющее эту сумму, лишь дает передышку — Германия с ней не справится³. В 1923 г. последовала новая оккупация Рура, которая способствовала

¹ История дипломатии. Т. 3. С. 98.

² Там же. С. 123.

³ Кейнс Дж. Пересмотр Версальского мирного договора (1921). С. 669.

новому революционному подъему в Германии и могла вылиться в новую франко-германскую войну с участием Бельгии, Польши и СССР (Великобритания и США в этом конфликте заняли выжидательную позицию). Лишь в 1924 г. был принят план Дауэса, который позволил Германии ритмично платить до 1929 г. Репарации стали важной составной частью мировой финансовой системы, что аукнется в 1929 г.

* * *

Пока союзники выколачивали платежи из поверженной Германии и делили Ближний Восток, престиж Лиги падал. Ведь важнейшие вопросы, где ведущие гаранты Версаля готовы были применить силу, решались помимо Лиги. Она стала проваливаться как механизм урегулирования споров.

3 марта 1921 г. Совет Лиги Наций отказался от проведения плебисцита в Виленской области, предложив Польше и Литве договориться при посредничестве Лиги. На переговорах, которые проходили в Брюсселе, председатель Лиги Поль Иманс выдвинул план создания федерации с участием Польши и Литвы. Сладкой конфеткой за потерю независимости для Литвы должен был стать Мемель (Клайпеда). Но Литва и так собиралась присоединить этот порт. При поддержке РСФСР Литва в декабре 1921 г. отклонила план унии с Польшей — несмотря на нажим Франции. 8 января 1922 г. в Виленском крае прошли выборы в сейм, в которых участвовали прежде всего поляки, а другие этнические группы бойкотировали голосование. 20 февраля этот непризнанный за пределами Польши и Вильно сейм провозгласил объединение с Польшей, и такое решение 24 марта утвердил польский сейм. Посредничество Лиги провалилось.

В ответ Литва активизировала усилия по присоединению Мемеля (Клайпеды), находившегося под контролем Лиги Наций. Препятствий на пути передачи Клайпеды Литве было два: во-первых, Литва еще не была признана и не могла войти в Лигу из-за ее споров с Польшей и теплых отношений с Советской Россией, во-вторых, творцы Версальского мира объявили Неман до самого Гродно экстерриториальной рекой, не спрося литовцев, по территории которых он протекает. Теперь нужно было заставить Литву согласиться с этим. Статус Немана стал условием признания Литвы де-юре (Франция признала Литву де-факто еще 11 мая 1920 г.). 18 ноября 1921 г. Литва признала интернационализацию Немана, и 14 декабря Конференция послов санкционировала признание Литвы де-юре.

Однако поощренная за послушное поведение Литва вскоре получила пощечину в виде аннексии Виленского края. И Клайпеду

(Мемель) ей передавать не торопились. Когда Версальский договор вступил в силу, 13–14 февраля 1920 г. в этом городе высадился французский десант в 360 человек, который взял его под контроль от имени Лиги Наций. В Литве опасались создания здесь государственного образования вроде Данцига, зависимого от Польши. 22 декабря 1922 г. местные литовцы создали Комитет спасения Малой Литвы, выступающий за присоединение к Литве Большой. Его популярность определялась тем, что в случае объединения с Литвой в город начались бы более обильные поставки продовольствия. 9 января 1923 г. комитет заявил о взятии власти в Клайпеде. В край вошли литовские добровольцы числом более тысячи человек, местное население дало комитету еще около 5 тысяч бойцов.

Литовцам повезло: 11 января Франция втянулась в конфликт с Германией. Несмотря на это, Франция направила в Клайпеду эскадру. 14–15 января литовцы с боем ворвались в город. С французами, которые не хотели воевать вдали от своей родины, договорились, что они могут свободно перемещаться только вокруг своих казарм. 19 января комитет собрал сход, который провозгласил воссоединение с Литвой (это решение было подтверждено и местным Государственным советом). 24 января сейм Литвы принял решение о том, что в составе Литвы регион будет автономным.

2 февраля Великобритания, Франция и Италия потребовали роспуска местных вооруженных формирований и передачи охраны правопорядка под контроль франко-литовской полиции. Это был очевидный шаг к передаче края Литве с сохранением лица Лиги Наций. Такие требования были выполнены, и 16 февраля Конференция послов приняла решение о передаче Клайпедского края Литве при условии автономии, свободного транзита для некоторых стран и выплаты компенсации Литвой. Однако за самоуправство Литва была наказана — Совет Лиги Наций признал переход Виленского края к Польше¹. Но в итоге этих событий стало ясно, что Лига Наций — это прежде всего дискуссионная площадка и в международных конфликтах ее заступничество весит меньше, чем дивизии на границах.

Болевые точки Европы

Уинстон Черчилль в 20-е гг. заключал, что Версальская система стала результатом «методического применения» принципа «самоопределения». Главным проводником этого «методического приме-

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. С. 229–237.

нения» был Вильсон, который утверждал, что «управлять народами теперь можно только с их согласия... Все ясно выраженные национальные стремления должны быть удовлетворены в той мере, в какой это только возможно...»¹ Таким образом, дизайнеры новых границ положили в основу своих трудов национализм, но оговорили возможность отходить от него, если это «невозможно», то есть если они сочтут это невыгодным. Основанием для таких отклонений могла быть экономика (например, необходимость выхода страны к морю) и военная география (наличие горных или речных рубежей). С учетом того, что в распавшихся империях население часто жило вперемешку, некоторые территориальные проблемы лидеры конференции решали на глазок. В итоге новая карта Европы получила множество спорных территорий, которые в силу уважения именно к националистическим принципам в европейской международной политике 20–30-х гг. стали очагами конфликтов, вошедших в 30-е гг. в активную фазу. Тогда и Черчилль смог понять, как он ошибался, утверждая, что «карта Европы была впервые составлена в полном согласии с желаниями народов»².

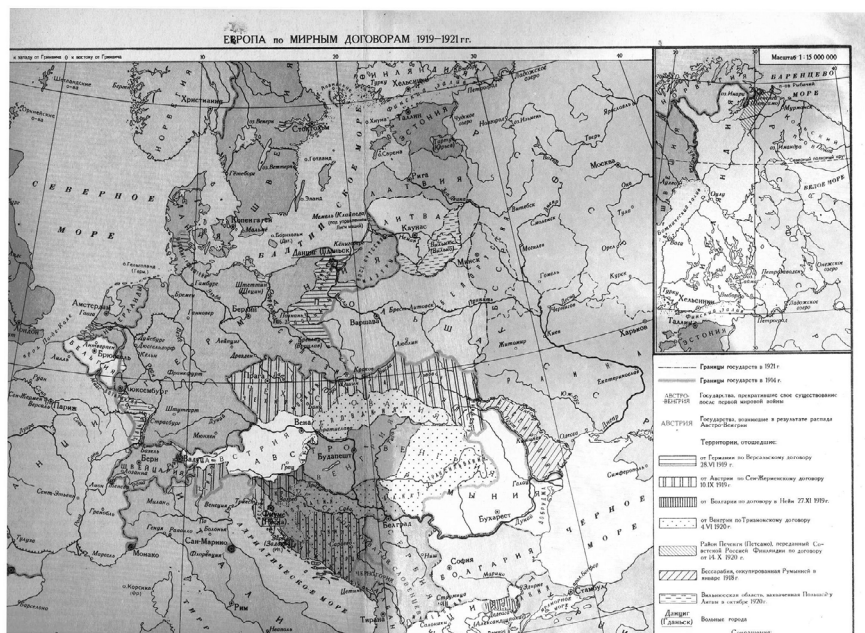
Еще в период работы Совета десяти перед ним, как перед верховным мировым судом, прошла череда представителей разных национальных движений, требования которых были плохо совместимы друг с другом.

29 января 1919 г. Клемансо предоставил слово представителю Польши Роману Дмовскому, который произнес большую речь с территориальными требованиями, которые затем были переданы председателю комиссии по польским вопросам Жюлю Камбону. Польша претендовала на Верхнюю и Тешинскую Силезию, Опольщину, территорию до Слупска (то есть на границу до разделов XVIII в.), Гданьск (Данциг) и др. Польские требования были встречены Францией благосклонно, но должны были корректироваться с учетом результатов референдумов. Ллойд Джордж, считая Польшу французским вассалом, стремился несколько умерить ее требования. Опираясь на хорошую информационную базу об этническом составе Данцига и окрестностей, Ллойд Джордж оспорил его будущую принадлежность Польше, согласившись лишь с необходимостью закрепления за ней экономических прав в этом важнейшем порту.

Версальский договор, как мы видели, был щедр к Польше за счет Германии. Но его участником не была Россия, и границу на востоке предстояло прочертить железом и кровью. Ее по итогам советско-польской войны определит Рижский мир 18 марта 1921 г. (см. гл. 7–9).

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 134.

² Там же. С. 136.

20 марта 1921 г. прошел референдум в Силезии, который дал преимущество немцам. После новых столкновений Лига Наций 12 октября 1921 г. разделила Верхнюю Силезию между Германией и Польшей, которой отошла меньшая часть.

Покончив с определением границ Германии, руководители конференции должны были заняться переделом территории распавшейся Австро-Венгерской империи. А тут было трудно разобраться, какие народы считать проигравшими, а кого причислить к победителям. Австрийцы мало на что претендовали, не держались за свой суверенитет, стремясь присоединиться к Германии. В территориальных спорах со славянами и венграми они вели себя покладисто, так как привыкли жить с ними бок о бок. Венгры, напротив, надеялись удержать как можно большую часть довоенной, восточной части двуединой монархии. Венгрию решено было считать проигравшей стороной и примерно наказать. Чехи и словаки, хотя и воевали на стороне Центрального блока, были поощрены за создание Чехословацкого корпуса и его участие в борьбе с большевиками под руководством Антанты. Хорваты и словенцы нашли убежище от мести победителей путем объединения с Сербией, страдания которой должны были получить на конференции достойное вознаграждение. Оказавшись под скипетром сербского короля, хорваты и словенцы сразу превращались из проигравших в победителей.

31 января и 18 февраля 1919 г. представители Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) предъявили Совету десяти свои территориальные претензии. Южнославянское государство претендовало на Банат, Бачку и Баранью, Триест, немецкоязычный Клагенфурт (из военных соображений), а также полосы территорий Венгрии и Болгарии (ради безопасности Белграда).

Румыния, хотя и заключила в марте 1918 г. сепаратный мир, все равно считалась государством-победителем. Теперь она использовалась в качестве жандарма против непокорной Венгрии и претендовала на населенную венграми и румынами Трансильванию. Румыния была также оплотом против большевизма на Балканах — тоже не бескорыстным. Залогом ее борьбы с Советской Россией была захваченная в 1918 г. Бессарабия (Молдавия).

Также Румыния заняла принадлежавшую раньше Австро-Венгрии Буковину, населенную румынами, молдаванами и украинцами, и претендовала на Банат, населенный румынами, сербами, венграми и немцами.

Венгрия попыталась избежать раздела, провозгласив Советскую власть и вступив в союз с Советской Россией (см. гл. 4). Но эта попытка закончилась поражением, после которого контрреволюционные власти Венгрии были готовы принять любые требования Антанты.

По договору, подписанному 4 июня 1920 г. в версальском Трианоне, Венгрия теряла Трансильванию и Восточный Банат в пользу Румынии, Хорватию, Бачку и Западный Банат в пользу КСХС, Словакию и Прикарпатье в пользу Чехословакии, Бургенланд в пользу Австрии. Венгрия также теряла право на порт Риека и вообще на выход к морю. Венгерская армия не могла превышать 35 тыс. человек. Репарации составили 200 млн крон. Население, даже без учета Хорватии, сокращалось с 18 до 7,6 млн, притом что 3 млн венгров теперь жили за пределами государства Венгрия — и примерно половина компактно¹. Это было довольно показательное нарушение национального принципа, которым собирались руководствоваться архитекторы Версальской системы.

Резкое сокращение территории Венгрии вкуче с консервативным режимом, установившимся после поражения революции, привело к экономическому и культурному упадку. Будапешт, который был центром огромного Восточно-Европейского региона, стал заштатной столицей одного из маленьких, преимущественно аграрных государств.

¹ Айфанетов А.Г. Комплекс Трианона // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. С. 148.

10 сентября 1920 г. был подписан Сен-Жерменский договор с Австрией. В ее составе остались только немецкоговорящие регионы, да и то не все — часть территории собственно Австрии пришлось уступить Италии. Австрии запрещалось объединение с Германией.

Дополнительная проблема, которая стала бомбой замедленного действия под версальской конструкцией, была связана с Судетами. Этот горный регион Богемии (Чехии) был населен немцами. Еще 29 октября 1918 г. в Вене собрались немецкие депутаты от Северо-Западной Богемии и решили создать там провинцию Дейчбемен в составе Австрии, которая, в свою очередь, стремилась в Германию. Центром Дейчбемена был Леберец. Чехословацкое правительство считало, что вся Богемия, независимо от ее этнического состава, должна войти в ЧСР. В Судеты были направлены войска. У немцев же не было там своих вооруженных сил. 21 ноября судетские немцы направили Вильсону протест против действий чехов. 30 ноября свое обращение направил и МИД Австрии. 13 декабря министр иностранных дел Австрии Отто Бауэр предложил провести плебисцит в немецкой Богемии¹. Однако Вильсон оказался глух к немецким воззваниям. ЧСР же считалась союзным государством. 16 декабря чехам удалось разогнать структуры Дейчбемена. В 1919 г. проблема обсуждалась на конференции, но после некоторых колебаний и дискуссий победители решили сделать ставку на Чехословакию и не делить Богемию. Вильсон писал госсекретарю Лансингу: «Этот район находится в пределах исторических границ Богемии и составляет неотъемлемую часть ее промышленной жизни... В таких обстоятельствах этнические границы не могут быть проведены без нанесения серьезного вреда»². Чехословацкое государство обязали лишь принять на себя гарантии прав национальных меньшинств.

27 ноября 1919 г. в Нёйи-сюр-Сен был подписан Нёйиский договор с Болгарией. Как и представители других проигравших государств, болгарские дипломаты пытались уверить победителей, что в войне участвовал прежний режим, а народ не несет ответственности за участие в войне «не на той стороне». Лидеры пришедшего к власти Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) попытались воспользоваться еще одной возможностью перейти из лагеря проигравших в лагерь победителей — войти в общее южнославянское государство вместе с победительницей Сербией. В апреле

---

¹ Зорин А.В. Позиция делегации США по проблеме «немецкой Богемии» на Парижской мирной конференции // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. С. 201.

² Цит. по: Там же. С. 206.

1919 г. лидер БЗНС выступил за Балканскую федерацию, и этот тезис был включен в программу БЗНС. Переговоры об этом велись болгарскими дипломатами с хорватской Чистой партией права (ЧПП) до октября 1919 г.¹ Но Болгария не собиралась входить в единое государство под скипетром сербской династии, и этот проект был скорее болгарско-хорватским. А в Хорватии возобладало стремление к объединению с Сербией (что позволяло выйти из состава проигравшей Венгрии и не разделять ответственность проигравших). В итоге Болгария сохранила независимость, но уступила территорию Западной Фракии с выходом к Эгейскому морю, которая перешла к Греции.

* * *

Исчезновение с политической карты Австро-Венгрии поставило в неприятное положение Италию. Мотивируя ее к вступлению в войну в 1915 г., представители Великобритании и Франции заключили с Италией секретный Лондонский договор, по которому обещали Триест, Истрию до Фиуме (Риеки), острова на востоке Адриатики, Влёру в Албании и протекторат надо всей Албанией. У Австро-Венгрии, проигравшей войну, отнять территории было бы легко. Но теперь по другую сторону Адриатики образовалось КСХС, которое тоже считалось победителем и включало в себя Хорватию, частью которой были обещанные Италии территории. Население здесь было славянским, так что этнический принцип действовал против Италии. Итальянские шовинисты чувствовали себя обманутыми. За что кровь проливали?

Итальянская делегация была возмущена тем, что в делегацию КСХС входили два хорвата и два словенца. Один из них недавно был даже австро-венгерским министром.

Черчилль писал о положении южных славян в итоге войны: «Два солдата служили в одном и том же полку, все время были неразлучны, вместе делили все опасности и трудности войны. Война кончилась, и они вернулись домой, каждый в свою деревню. Но между этими деревнями теперь проведена новая линия новой границы. И вот одному из этих солдат только по счастливой случайности удалось живым уйти от мести победителей, в то время как другой неожиданно для себя самого оказался в числе этих самых победителей»².

¹ Шкундин Г.Д. От Салоник до Нёйи: болгарские внешнеполитические концепции накауне и во время Парижской мирной конференции 1919 г. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписание послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. С. 160.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 149.

Итальянские политики понимали, что в новых условиях вряд ли можно претендовать на хорватские острова, но тогда можно обменять их на порт Фиуме (Риека).

Вильсон был готов уступить Италии часть австрийского Тироля до Бреннерского перевала, но присоединение Фиуме к Италии противоречило его принципам и к тому же создавало острый конфликт с южными славянами, которые на основе победоносной Сербии создали теперь свое государство с выходом в Адриатику.

23 апреля Вильсон выступил с публичным заявлением, в котором отвергал правомерность Лондонского договора 26 апреля 1915 г.: «С этого времени обстоятельства изменились. Много других держав, больших и малых, примкнуло к борьбе, ничего не зная об этом частном соглашении. Австро-Венгерская империя, бывшая тогда врагом Европы и за счет которой в случае победы должен был быть осуществлен Лондонский договор, распалась на части и перестала существовать»¹. Это был важный прецедент и по отношению к договоренностям о разделе владений Османской империи. Со времени тайных франко-британских договоров тоже много воды утекло и многое изменилось.

Премьер-министр Италии Орландо, как правило поддерживавший Вильсона и Ллойд Джорджа, теперь был оскорблен в лучших империалистических чувствах — Италии не досталось практически ничего. Не для этого она предала Тройственный союз в пользу Антанты!

Великобритания и Франция, которые подписывали с Италией тайные соглашения, чтобы втянуть ее в войну, были настроены к итальянским требованиям довольно благосклонно, но не знали, как заставить Белград отступить, тем более что за спиной сербов стоял Вильсон с его принципами мироустройства. Предельным компромиссом стало превращение Фиуме во второй Саар. Предлагалось отсрочить решение вопроса. Это не устраивало Орландо, который боялся вернуться в Рим из Парижа без солидных приобретений для Италии. Великобритания и Франция, в свою очередь, не желали ссориться по этому вопросу с США и Королевством сербов, хорватов и словенцев.

В итоге последовал упомянутый выше демарш Орландо, который, впрочем, не заставил «триумvirат» дрогнуть, а только ослабил позиции Италии на других направлениях, в частности в Турции.

Но итальянские радикалы готовили «триумvirату» неприятный сюрприз. Уже после подписания Версальского мира, но до завершения Парижской конференции они решили подтолкнуть решение спо-

¹ Цит. по: *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 71.

ра в пользу Италии. 12 сентября 1919 г. в Фиуме вошел отряд во главе с поэтом, военным летчиком графом Габриеле д'Аннунцио. Итальянское правительство не хотело из-за этого разрывать отношения с союзниками и формально объявило блокаду Фиуме. Но город продолжал управляться отрядом д'Аннунцио. Но на выборах в Италии 16 ноября 1919 г. правые провалились. Не получив поддержки итальянского правительства, д'Аннунцио 15 декабря 1919 г. провозгласил Фиуме независимой республикой.

Д'Аннунцио приобрел широкую популярность в радикальных кругах Италии. Для одних он был борцом за национальную честь, для других — организатором социального эксперимента, где смешались протофашистские и синдикалистские идеи. Соответственно, в руководство нового государства вошли и правые, и левые радикалы, а также такие деятели культуры, как музыкант Артуро Тосканини. Д'Аннунцио был творческим человеком и написал в стихах конституцию Итальянского государства (регенции) — Корнаро, которую торжественно принял 8 сентября 1920 г. Сам д'Аннунцио был объявлен регентом Фиуме.

Д'Аннунцио не признал Раппальский договор 12 ноября 1920 г., по которому Фиуме объявлялся вольным городом, и формально объявил войну Италии. Что же — на войне как на войне. К городу подошел итальянский флот и подверг его обстрелу. 30 декабря 1920 г. д'Аннунцио капитулировал и затем покинул свою «республику красоты».

Для фашистов, одним из лидеров которых стал д'Аннунцио, присоединение Фиуме к Италии стало делом принципа. В городе был спровоцирован мятеж и, под предлогом защиты мирных жителей, высажен итальянский десант. 27 января 1924 г. в Риме был подписан итало-югославский договор «О дружбе», по которому Фиуме отходил к Италии, а часть территории бывшего вольного города — к Югославии.

В 1920 г. стало ясно, что Италия не может «переварить» даже те территории, на которые не претендовали другие великие державы. Италия надеялась получить протекторат над Албанией (в крайнем случае, поделив эту страну с Грецией). Во время войны итальянские войска заняли район Влэры и Тепелены. Но в апреле 1920 г. албанские лидеры создали во Влэре Комитет национальной защиты, который 3 июня ультимативно потребовал вывода итальянских войск. Не дождавшись ответа, 5 июня комитет начал наступление на Влэру силами около 2000 плохо вооруженных добровольцев, собравшихся у горы Беуни. 10 июня повстанцы осадили Влэру, 21 июня взяли Тепелену. В итальянской Анконе произошло восстание солдат, не

желавших отправляться на войну в Албанию. В условиях революционного подъема в Италии правительство решило отложить колониальные авантюры. 2 августа 1920 г. был подписан итало-албанский протокол, по которому итальянские войска покидали территорию Албании за исключением острова Сазани у входа в бухту Влёры. В Албании сохранялась социально-политическая нестабильность, то и дело вспыхивали восстания. 9 ноября 1921 г. Конференция послов четырех держав определила границы Албании, сохранив за Италией права на вмешательство в дела Албании и защиту ее границ.

Версальская система создала множество очагов раздора, которые будут подрывать международную стабильность во второй половине 30-х гг. Важнейшими из них были Судеты, Данциг (Гданьск), разделявший Германию польский коридор, Тешинская область, Прикарпатье, Трансильвания, Виленский край, Клайпеда (Мемель).

Раздел бурлящего Востока

По мере ослабления Османской империи в XVIII–XIX вв. возник восточный вопрос, то есть проблема раздела ее обширных владений. Капитуляция Османской империи поставила этот вопрос ребром: следовало ее поделить, не забывая о демократических приличиях. Арабы, армяне, турки и курды могли принять участие в определении своей дальнейшей судьбы. Но только с совещательным голосом. Представители некоторых народов во время войны восстали против турок и надеялись теперь получить свое место среди победителей.

Еще в 1915 г., стремясь ослабить Османскую империю, британские представители вступили в контакт с шерифом (правителем) Мекки Хусейном аль-Хашими. Он был готов поднять восстание против турок, за что в переписке с Верховным комиссаром Великобритании в Египте Артуром Генри Макмагоном требовал признания независимости арабов во главе с халифом. Хусейн претендовал на обширные территории от Средиземного моря до Ирана и от киликийской Аданы до Адена (исключительно, так как он был занят британцами). Проконсультировавшись с британским правительством, 24 октября Макмагон ответил, что в планируемый халифат не должны включаться районы Мерсина, Александретты и приморская часть Сирии к западу от Дамаска, Хомса и Алеппо. «С этими поправками и без ущерба для наших существующих договоров с арабскими вождями мы принимаем эти границы»¹. Упоминание о вождях неслучайно — Хусейн контролировал только

¹ Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 46.

Хиджаз, а не всю Аравию. Так что его халифат должен был распространяться на те территории, которые предстояло завоевать у турок, а Неджд, Асир и Кувейт должны были сами решать, входить ли в халифат. Очевидно, что ваххабитский эмир Неджда Ибн Сауд не горел желанием подчиняться мекканскому правителю.

Хусейн настаивал на принадлежности Ливана к Сирии и будущему арабскому государству, что закладывало семена конфликта с Антантой.

10 июня 1916 г. Хусейн провозгласил независимость королевства Хиджаз, а его отряды во главе с принцем Фейсалом и британским офицером Томасом Лоуренсом атаковали турок.

Накануне восстания, в мае 1916 г., в дипломатической переписке между британскими и французскими дипломатами было достигнуто секретное соглашение Сайкса–Пико, которое грубо нарушало договоренности с Хиджазом. По этому соглашению в случае победы над Османской империей ее владения должны были разделяться следующим образом: Франция получала Ливан, побережье Сирии, Киликию, часть Анатолии с городом Сивас и часть Курдистана; Британия получала Южную и Центральную Месопотамию с Басрой и Багдадом. В зоне между этими территориями могли создаваться разные мусульманские государства, подконтрольные на севере Франции, а на юге — Британии. Палестина должна была перейти под международный контроль, а Британия имело право на постройку железной дороги через про-французские территории от Багдада до Хайфы. Под контролем Франции оказывались Мосул и Дамаск. Исследователь А.М. Фомин считает, что соглашение Сайкса–Пико «было не отрицанием программы, намеченной Макмагоном в письме к Хусейну, а, скорее, ее развитием»¹. Такое «развитие» исключало создание единого арабского государства и заранее отрезало от него большую часть Месопотамии.

Историк А.М. Васильев более категоричен: «Ни шериф, ни его окружение не могли предполагать, что практически все обещания Лондона были обманом и что уже шли переговоры о колониальном разделе арабских стран, которые завершились подписанием соглашения Сайкса–Пико. Оно было заключено за несколько недель до начала восстания и перечеркивало обязательства Макмагона»². Обвинять Макмагона в обмане было бы несправедливо — ведь соглашение Сайкса–Пико еще не было заключено и дипломаты могли учесть обязательства перед Хиджазом. Однако восстание арабов еще не на-

¹ Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 52.

² Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). М.: Классик плюс; Книжный дом газеты «Труд», 1999. С. 275.

чалось, и они не сочли нужным это делать. Обман состоялся в 1916 г., когда Хиджазу не сообщили об изменении правил игры. Хусейн узнал о том, что его кинули только после публикации большевиками тайных договоров Антанты. Он предпочел «поверить» заверениям англичан, что обманщиками являются не они, а большевики. Но Хусейн и Фейсал могли рассчитывать на силу свершившихся фактов — если арабские войска захватят важные города на территории Османской империи, выкурить их оттуда будет нелегко.

С учетом соглашений 1915 г. с Россией и 1917 г. с Италией, договоренности Сайкса–Пико обеспечивали полный раздел Османской империи. Россия должна была получить «Большую Армению» и проливы с Константинополем, а Италия — значительную часть Анатолии. На побережье Эгейского моря претендовала и вступившая в войну в 1917 г. Греция.

Черчилль ничтоже сумняшеся заявляет: «Оказалось, что эти тайные договоры по большей части вполне соответствуют принципам, провозглашенным в четырнадцати пунктах президента Вильсона: при окончательном разрешении вопросов, связанных с заключением мира, президент Вильсон изъявил согласие с большей частью этих договоров»¹. Это бесподобно! «14 пунктов» не предусматривали раздела арабского населения по нарисованной в кабинете линии. Не говоря уж о том, что даже Вильсон не согласился следовать тайным соглашениям с Италией по Адриатике. Но там, где Вильсон соглашался с логикой секретных договоров, это говорило не об их соответствии принципам, провозглашенным Вильсоном, а о его беспринципности.

* * *

Объектом всемирного внимания оставалась Палестина — сакральный центр трех мировых религий. Мировая война с ее шансами территориальных переключек активизировала Сионистское движение.

Видный химик Хаим Вейцман, пользовавшийся влиянием в британских военных и политических кругах, вел в них пропаганду в пользу создания «еврейского национального очага» в Палестине и еврейских национальных формирований в британской армии. В то время, когда ради победы была важна любая дополнительная сила, Антанта решила привлечь сионистские круги на свою сторону, чтобы этого не сделал противник.

Стремясь заручиться поддержкой еврейской диаспоры, Франция в закрытом документе секретаря МИД Жоржа Камбона 4 июня 1917 г. и Великобритания в так называемой декларации Бальфура 2 ноября

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 79.

1917 г. (это было письмо министра иностранных дел Великобритании лорду Уолтеру Ротшильду) поддержали создание того, что Артур Бальфур провозгласил «еврейским национальным очагом».

Османы скептически отнеслись к этой идее. На встрече с германским послом Джемаль-паша говорил, что, если евреи попытаются сделать в Палестине свой национальный очаг, «арабы просто перебьют их»¹.

В ходе военных действий британские войска заняли Палестину, а параллельно им шли арабские войска принца Хиджаза Фейсала. Это ставило под вопрос соглашение Сайкса–Пико: французы в регионе пока ничего не контролировали, а арабы могли потребовать обещанное. 16 июня 1918 г. в ответе британского руководства семи находившимся в Каире арабским лидерам говорилось, что арабское государство может существовать на территории, освобожденной самими арабами, а на других бывших османских территориях «будущее управление должно основываться на согласии управляемых». Возможность пересмотра соглашения рассматривалась и на «частной» встрече Марка Сайкса и Франсуа-Жоржа Пико в июле 1918 г., где Сайкс настаивал на пересмотре соглашения².

30 сентября было достигнуто франко-британское соглашение, по которому на бывших османских территориях, занятых войсками британского генерала Эдмунда Алленби, гражданскую администрацию и взаимодействие с арабскими правителями возглавлял его главный политический советник, назначенный Францией. В преддверии решающих сражений в Европе британская дипломатия уступила французам.

Но именно 30 сентября отряды Фейсала вступили в Дамаск, находившийся на территории, которая должна была перейти под французский контроль. А быть вассалом французов Фейсал не хотел. Он был готов находиться под опекой дружественных ему англичан, но как правитель единого арабского государства, расположенного на тех самых территориях, которые Франция и Великобритания договорились поделить. 19 октября было достигнуто соглашение о судьбе земель, занятых британской армией: Палестина управлялась британцами, Ливан и прибрежная Сирия — французами (хотя была оккупирована британской армией), а внутренние районы Сирии пока оставались под управлением Фейсала. 3 октября он торжественно въехал в Дамаск и вскоре подавил здесь профранцузскую оппозицию.

¹ Лакер В. История сионизма. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. С. 248.

² Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 61.

7 ноября была опубликована франко-британская декларация, в которой было обещано «полное и несомненное освобождение народов, так долго терпевших угнетение турок, и основание национальных правительств и администраций, авторитет которых опирается на инициативу и свободный выбор местных администраций»¹. После такого заявления национальные арабские лидеры могли вспылать радостью, но в заявлении были и тревожные для них нотки: предполагалось, что туземные администрации будут пока создаваться при помощи Великобритании и Франции, которые обеспечат здесь формирование судебной системы, прекращение распри и экономическое развитие. То есть речь шла о государственных функциях и протекторате. Такая противоречивость франко-британской декларации требовала от арабского национального движения действий, способных заставить «освободителей» в большей степени считаться с «инициативой и свободным выбором местного населения». А в условиях 1919–1920 гг. архитекторы мироустройства считались прежде всего с теми национальными чаяниями, которые были подкреплены силой оружия.

30 октября Османская империя подписала Мудросское перемирие, означавшее капитуляцию. 13 ноября победители вошли в Константинополь. Теперь они могли диктовать дальнейшие условия османскому правительству.

Но в конце 1918 г. мысли архитекторов нового мира занимали прежде всего побежденная Германия и неподконтрольная Россия, в сторону которой из Константинополя проследовали французские и британские военные корабли. В декабре марионеточное правительство в Константинополе согласилось на оккупацию не только арабских территорий, занятых союзниками во время войны, но и Киликии. Дальше оккупанты продвигаться не стали, так как и для удержания уже занятых районов едва хватало сил. А в это время в неподконтрольной им части Анатолии стало вызревать турецкое сопротивление.

27 ноября британский МИД представил американской стороне план раздела мандатов, предусматривал передачу Соединенным Штатам той части османского наследства, которая раньше предназначалась России: проливы с Константинополем и «Большая Армения». Кто-то из великих держав должен был контролировать эти важные территории. Без этого нельзя было бы достичь франко-британского равновесия. Американцам предлагалось установить контроль над той частью Сирии, которая, по соглашению Сайкса–Пико, должна была стать международной зоной. Лидеры Великобритании

---

¹ Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 67.

и Франции вовлекали Вильсона в политику разделов. Для начала нужно было включить Центральную Сирию в число территорий, которые должны были достаться какой-то одной державе. Британия пока претендовала лишь на Месопотамию. Характерно, что в этом раннем проекте раздела Форин-офис сопроводил указание на передачу Сирии Франции словами «возможно»¹.

Для Лондона Ближний Восток стратегически был важнее, чем для Парижа, ведь здесь проходили коммуникации в сторону Индии и было бы соблазнительно соединить Египет и Индию полосой подконтрольной территории. У Великобритании было множество козырей в борьбе за господствующие позиции на Ближнем Востоке: английские войска вдоль Средиземноморского побережья, Фейсал в Дамаске, марионеточное правительство в Константинополе, дружественное правительство в Греции и сионисты, вдохновленные декларацией Бальфура. У французов на руках было только соглашение Сайкса–Пико, но Клемансо был упрямым игроком.

Вильсон стремился играть в ближневосточных делах роль беспристрастного арбитра (заодно обменивая уступки на то, что было важно для него вне ближневосточных споров). Команда «Инквайри» рекомендовала президенту план раздела Османской империи на шесть территорий: проливы с Константинополем, Турция со столицей в Конье, Армения, Сирия, Месопотамия и Палестина. Дальнейшая борьба шла на этих шести площадках, часть которых в итоге пришлось дополнительно дробить и перетасовывать.

* * *

3 января 1919 г. принц Фейсал и Хаим Вейцман под влиянием британских властей договорились о разграничении интересов в Палестине. Но Фейсал подчеркнул, что эта договоренность действует только при условии, если будут удовлетворены территориальные претензии, о которых британцы в 1915 г. договорились с его отцом. Смысл этого соглашения затем по-разному понимался арабской и еврейской сторонами. Фейсал утверждал, что не обещал полностью отдать Палестину под еврейское государство, а лишь хотел сотрудничества двух народов в регионе. Могли сыграть свою роль и проблемы перевода (Лоуренс мог неточно передать слова собеседников друг другу). Вейцман своим занудством стал раздражать принца: «Что хочет этот человек? Я готов на все, лишь бы от него избавиться. Он меня изматал своими бесконечными речами»².

¹ Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 90.

² Лакер В. История сионизма. С. 330.

В январе арабская конференция в Палестине высказалась против еврейской иммиграции. 3 февраля Всемирная сионистская организация обратилась к участникам конференции с меморандумом о создании еврейского национального очага под британским мандатом.

Опираясь на Фейсала и сионистов, британская дипломатия отесняла разграничение сфер влияния Великобритании и Франции на север. Программой максимум было создание «Большой Сирии» во главе с Фейсалом — даже под формальным контролем Франции он оставался бы другом Великобритании. Но встреча Клемансо и Фейсала не привела к сближению их позиций. Клемансо стремился создать федерацию в Сирии, Фейсал мечтал о единой Сирии как основе более широкого государства. Формально признавая, что Сирия окажется под мандатом, Фейсал в переговорах с Клемансо употреблял слово «независимость»¹.

5 февраля 1919 г. Совет военных представителей союзников предложил такое распределение оккупационных зон: Британия — Ирак и Палестина; Франция — Сирия и Адана; Италия — Адалия и Кавказ; США — Армения и Курдистан. 6 февраля выступивший на конференции эмир Фейсал заявил, что он против раздела: «Мой принцип — арабское единство. Это именно то, за что боролись арабы!»² Вильсон в общем поддержал Фейсала и предложил дополнительно изучить эту проблему. Однако французы требовали от британцев освободить Сирию от своих войск на основании соглашения Сайкса–Пико 1916 г. В марте 1919 г. вопрос встал снова, и командующий оккупационной армией Алленби заметил Пишону, что замена британцев на французов может вызвать восстание сторонников арабского единства. Вильсон отказался признавать тайные договоры времен войны и настоял на том, чтобы направить на Ближний Восток комиссию для выяснения ситуации. Американские комиссии как раз убедились, что в Сирии не хотят видеть Францию в виде своего мандатария.

Фейсал так возмущался предстоящей французской оккупацией, что 17 апреля Клемансо даже обещал в дальнейшем предоставить Сирии независимость³.

Ллойд Джордж сначала не хотел выпускать из рук Сирию, которая была завоевана не французскими, а британскими войсками и их

¹ *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 124.

² *Шандра А.В.* Вопрос о статусе ближневосточных территорий на Парижской мирной конференции // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. С. 171.

³ Там же. С. 172.

арабскими союзниками¹. Но ведь вклад Франции в общую победу был преобладающим, и пересмотр договоренностей в Сирии мог привести к тому, что не будут учтены британские интересы в других регионах. Оставить под своим контролем Сирию Британия могла только ценой разменов с Францией. Клемансо согласился присоединить к британской Месопотамии Мосул. Что можно было дать Франции, если не Сирию?

25 апреля Ллойд Джордж сообщил об отказе от мандата на Сирию в пользу Франции. Вильсон согласился с этим. Это был удар по Фейсалу. Он не решился сопротивляться и 5 мая призвал членов Сирийского конгресса доверять решениям союзников, но 16 мая критиковал разделение арабских вилайетов².

Чтобы подкрепить свою позицию, Фейсал созвал Всеобщий сирийский конгресс, который 2 июля принял «Дамасскую программу» для Парижской конференции. Она требовала создания единого арабского государства от Евфрата до Средиземного моря и от Тавра до Аравии. Это неделимое между державами государство должно было стать федеративной монархией во главе с Фейсалом. С Месопотамией предполагалось создать таможенный союз³.

* * *

Панарабская идея стала терять британскую поддержку в связи с восстанием в Египте. Подъем антиколониального движения там также был спровоцирован прежде всего декларированием победившими союзниками своей освободительной миссии на Востоке. Египет до 1914 г. формально считался османским владением, хотя и был оккупирован британскими войсками. После вступления Османской империи в войну Египет был провозглашен султанатом под британским протекторатом. Сразу после завершения войны сторонники самостоятельности Египта стали претендовать на его участие в мирной конференции — ведь наступление на Палестину шло с египетской территории. Депутаты распущенного британцами Законодательного собрания во главе с Саадом Заглулом создали Египетскую делегацию (Хизб аль-Вафд), которая могла бы представлять султанат. 13 ноября вафдисты потребовали от британского верховного комиссара признать независимость Египта. Начался сбор подписей под составленной вафдистами Хартией национальных требований, которая

¹ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М.: Госполитиздат, 1945. С. 122.

² Шандра А.В. Вопрос о статусе ближневосточных территорий на Парижской мирной конференции. С. 173.

³ Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 148–149.

приобрела широкую популярность. За несколько недель было собрано несколько сот тысяч подписей. По всему Египту создавались комитеты Вафда, превращавшегося в политическую партию. В марте 1919 г. был создан его ЦК, куда вошли и гораздо более радикальные деятели, чем Заглул, в том числе Абд ар-Рахман Фахми, лидер нелегального «Общества мщения», следившего за теми египтянами, которые сотрудничали с британцами.

8 марта 1919 г. Заглул и трое его сподвижников были арестованы и сосланы на Мальту. На следующий день начались манифестации, которые переросли в восстание. В некоторых городах власть перешла к национальным комитетам и крестьянским организациям. В ходе карательных операций погибло от тысячи до трех тысяч человек, по официальным данным, было арестовано 3700 человек, 149 человек было казнено, 47 получили пожизненные сроки заключения, генеральный секретарь Вафд Абд ар-Рахман Фахми был приговорен к смерти, замененной 15 годами тюрьмы. В конце марта восстание было подавлено, но в апреле Египет парализовала всеобщая стачка. 27 марта после встречи с новым верховным комиссаром Алленби египетские общественные лидеры (включая вафдистов) призвали к законным методам борьбы. Заглул был освобожден и направился на Парижскую конференцию, где ему объяснили: Вильсон за Египет не заступится. Однако при торговле по поводу распределения мандантов британское руководство не хотело бы оформлять Египет как еще одно приобретение, которое тогда нужно на что-то разменивать с Францией. Это сыграло на руку египетскому национальному движению. Министр колоний Альфред Милнер по итогам работы комиссии в Египте рекомендовал признать независимость Египта на определенных условиях. Для Великобритании было принципиально важно сохранить силовой контроль над Суэцким каналом и побережьем Красного моря, то есть над путем из Европы в Индию.

В 1920–1921 гг. шли переговоры с представителями национального движения об условиях такой «независимости», которые не увенчались успехом. В ноябре–декабре 1921 г. снова вспыхнуло восстание, в районе Асуанской плотины шли ожесточенные бои. Вафд превратился в гонимую партию. Но 28 февраля 1922 г. все же была провозглашена «независимость» Египта, который «добровольно» предоставил Великобритании ряд прав, включая право на оборону Египта и на создание системы советников во главе с Верховным комиссаром. Это положение мало отличалось от протектората¹.

¹ Новейшая история арабских стран Африки. М.: Наука, 1990. С. 6–8; Голдобен А.М. Египетская революция 1919 г. Л.: Издательство государственного университета, 1958.

* * *

Когда стало ясно, что США скорее всего не ратифицируют Версальский договор, Великобритания пошла на дальнейшие уступки Франции, чтобы сохранить прочность Версальской системы. В это время британская армия стремительно сокращалась в ходе демобилизации: с 3 млн в январе до 2 млн в марте 1919 г. Летом подавляющее число британских солдат должны были вернуться домой. В декабре за пределами британской, подмандатной и египетской территории на Ближнем Востоке оставалось 13 тыс. британцев и 18 тыс. индийцев¹.

В сентябре 1919 г. Ллойд Джордж сообщил Клемансо о предстоящем выводе британских войск из Сирии и Киликии. После этого Франция нарастила свой контингент в Сирии с 7 тыс. до 50 тыс. солдат в мае 1920 г.

Когда Фейсал понял, что Британия не будет ссориться с Францией ради его королевства, он стал грозить Ллойд Джорджу общемусульманским восстанием. Но британское руководство уже шло по пути договора Сайкса–Пико, и в феврале 1920 г. франко-британские споры о Сирии прекращаются.

6 января 1920 г. Клемансо и Фейсал подписали секретное соглашение об условиях организации французского мандата в Сирии. Франция гарантировала «независимость» Сирии от внешних угроз, а Сирия должна была обращаться за советниками только к Франции. Франция могла управлять финансовыми и железными дорогами Сирии, контролировала ее силовые структуры, представляла ее интересы на международной арене. Если бы эти условия стали известны, Фейсал оказался бы предателем в глазах его сторонников — арабских националистов.

Принц колебался между спокойной роскошной жизнью марионеточного подмандатного правителя и полной риска судьбой основателя большого арабского государства. Давление националистической общественности, разбуженной авансами Вильсона и Ллойд Джорджа, оказалось сильнее. В марте в Дамаске собрались Сирийский и Иракский конгрессы. 8 марта они провозгласили независимое королевство Сирия во главе с Фейсалом и королевство Ирак во главе с его братом Абдаллой.

Фейсал, опасаясь этого давления снизу, распустил Народный совет национальной обороны, создававший ячейки на местах и превращавшийся в параллельную власть. Но без него удалось поставить под ружье только 8 тыс. сторонников независимости.

---

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 254.

14 июля французское командование предъявило Фейсалу ультиматум, включавший признание мандата, роспуск вооруженных формирований, предоставление контроля над железными дорогами и наказание виновных за нападения на французов. Хотя Фейсал, пусть и не сразу, согласился принять подобные условия, избежать столкновения не удалось. При этом, когда французы шли на Дамаск, толпа в столице стала требовать оружия, и брат Фейсала эмир Зейд не нашел ничего лучше, как отдать приказ открыть по ней пулеметный огонь. 24 июля сирийский министр обороны Юсуф аль-Азма с тысячей бойцов занял горный проход Майсалун. Но удержать эти «сирийские Фермопилы» арабские патриоты не смогли и были уничтожены там французами. Фейсал бежал, французы вошли в Дамаск. Но это было только начало проблем — антифранцузские восстания и нападения на оккупантов продолжались. В 1921 г. повстанческие отряды действовали на севере Сирии, в 1922 г. в Дамаске происходили баррикадные бои¹.

Сирия была разделена на несколько провинций под французским управлением. Аналогичный статус имел отдельный от Сирии Великий Ливан.

В Палестину, которая оказалась под британским мандатом с условием создания здесь «еврейского очага», усилилась иммиграция евреев, строивших здесь на коммунистических принципах свои опорные пункты — кибуцы. Еврейское агентство скупало земли для кибуцев и строительства еврейских городов. Это вызвало недовольство арабов, в 1920–1921 гг. произошла серия нападений на евреев в городах и атак против кибуцев. 1 марта 1920 г., обороняя поселение Тель-Хай, погиб один из организаторов еврейской самообороны революционер Иосиф Трумпельдор. Однако после 1921 г. ситуация успокоилась. Исследователь истории кибуцев Б.И. Дубсон пишет: «До 1936 г. взаимоотношения двух общин в целом были достаточно мирными, а во многих случаях даже дружественными. Обитатели соседних арабских деревень были дружественными гостями в кибуцах, а кибуцники, в свою очередь, без всякой опаски посещали своих арабских соседей»².

* * *

Гораздо больше проблем у британцев было в Месопотамии (Ираке). В принципе, британцы были готовы сохранить власть и привилегии местных шейхов, но при условии соблюдения ими дисциплины

¹ История Востока. Т. 5. М.: Восточная литература РАН, 2006. С. 146.

² Дубсон Б.И. Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. М.: Крафт+, 2008. С. 29.

и основных указаний британских властей. Но шейхи и исламское духовенство были недовольны установлением британской администрации вместо прежней, хоть и османской, но привычной, исламской. Несмотря на голод из-за разрушения ирригации в ходе войны, британцы повысили налоги. Это вызвало дополнительное недовольство.

Весной 1919 г. восставшие курды ненадолго захватили Сулейманию и провозгласили там независимость. Это выступление было подавлено британцами.

В Ираке действовало общество «Страж независимости» во главе с Джафаром Абу ат-Тимманом, Мухаммедом ас-Садром, Юсуфом ас-Сувейди и др., которое пришло к выводу о необходимости вооруженной борьбы. Шиитский аятолла Мухаммад Таки аль-Ширази объявил сотрудничество с британской администрации противоречащим шариату. В Багдаде в ходе майских манифестаций против превращения Ирака в британскую колонию были выбраны 15 представителей национальных сил для переговоров с англичанами о независимости.

В городах происходили манифестации в поддержку независимости. Но этого было недостаточно, чтобы заставить Великобританию услышать голос Ирака. Ситуация изменилась, когда британцы вступили в конфликт с шейхами.

В июне 1920 г. британцы арестовали шейха Шалана Абу аль-Джунна, но 30 июня отряд его родственников ворвался в Румайту, перебил британцев и освободил шейха. Возмущение феодалов соединилось с подготовкой восстания заговорщиками из «Стража независимости». Восстание охватило почти все междуречье Тигра и Евфрата. Его поддержал аль-Ширази. 24 июля британские войска были разгромлены у Рустами. Повстанцами были взяты Кербела и Кифри, но основные крупные города, включая Багдад и Басру, остались за британцами. Беспорядки сопровождались и межэтническими столкновениями.

Для подавления восстания пришлось сконцентрировать в Ираке группировку в 65 тыс. военных. Широко использовалась авиация.

После создания местной власти в октябре 1920 г. часть восставших отошла от движения. Британские войска взяли Кербелу и аль-Наджаф. Основные очаги восстания были подавлены к марту 1921 г. Британцы потеряли 887 человек убитыми, иракцы — почти в 10 раз больше¹.

Тогда на арену вышло общество «Иракский завет» во главе с Нури Саидом. В сотрудничестве с британским верховным комиссаром Перси Коксом они стали строить под протекторатом Великобритании Королевство Ирак, которое было провозглашено

---

¹ История Востока. Т. 5. С. 176–178.

11 июля 1921 г. Королем стал обретавшийся без места старый друг британцев Фейсал. Был создан Государственный Совет из представителей местной элиты, объявлена амнистия. Популярность хашимитов как борцов за арабское дело помогла стабилизировать ситуацию в Ираке.

Нашлось место и для Абдаллы, которого иракские патриоты прочили на трон в Багдаде. Абдалла со своим отрядом вышел из Хиджаза, но опоздал принять участие в борьбе против французов, а ссориться с британцами не хотел. В марте 1921 г. он занял Амман и затем договорился с Черчиллем о создании между Иорданом и Ираком нового эмирата Трансиордания под британским покровительством. Так родилась Иордания. В 1923 г. она была даже провозглашена независимым государством, но с соблюдением обязательств перед Великобританией — как Египет.

Трансиордания отрезалась от Сирии, чтобы соединить цепь британских протекторатов от Египта и Палестины до Месопотамии, Южного Ирана и далее Индии.

События 1920 г. стали, как оказалось, рубежом необратимости в арабском нациестроительстве. Возникли границы, которые существуют до сих пор, хотя Версальская система давно рухнула и колонизаторы ушли. На старте формирования нации определяются ее примерные рамки, и панарабский энтузиазм мог породить «Большую Сирию» как часть панарабского федеративного государства. Однако в 1920 г. этим планам не суждено было сбыться. После обретения независимости арабскими государствами в 40-е гг. панарабская идея обрела второе рождение, но более не смогла склеить разделенных границами арабов в единое государство — отдельные арабские государства, созданные в 20-е гг. европейцами, уже успели укорениться и стать основой национального самосознания населения.

* * *

После завершения подготовки договора с Германией активизировалось обсуждение судьбы собственно Турции. Над ней нависла угроза расчленения.

Италия претендовала на окончательное закрепление за ней островов Додеканес, на Албанию и часть Анатолии. Греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос мечтал о превращении Эгейского моря во внутреннее море Греции и, если повезет, о восстановлении великого греческого государства со столицей в Константинополе. Южная Албания также была предметом греческих вожделений. Это создавало почву для итало-греческого конфликта, где США, Великобритания и Франция становились арбитрами. Но при серьезных

противоречиях в регионе между Британией и Францией президент США оказывался в роли арбитра арбитров.

Поражение в войне дискредитировало националистическую турецкую партию «Единение и прогресс» («младотурки»). Султан Мехмед VI, который пришел к власти 3 июля 1918 г., надеялся доказать Антанте, что именно «младотурки» несут ответственность за участие в войне и этнические чистки. Тогда можно было бы надеяться на снисхождение для нового режима. Аналогичную иллюзию испытывали и лидеры Веймарской республики.

21 декабря 1918 г. был распущен парламент, где «Единение и прогресс» имела большинство. 8 января 1919 г. был учрежден Особый военный трибунал, уполномоченный рассматривать дела о военных преступлениях османских военных. Было возбуждено 130 дел и с помощью британцев арестовано около 200 человек. В 1919 г. прошло пять крупных процессов: в Йозгате 5 февраля — 7 апреля, в Трапезунде 26 марта — 17 мая, по делу лидеров «Иттихада» и «Особой организации» (28 апреля — 17 мая), по делу членов правительства (3–26 июня), по делу региональных партийных функционеров (21 июня 1919 г. — 21 января 1920 г.). Смертные приговоры были вынесены тем турецким деятелям, которые скрылись за границей — Талаат-паше, Энвер-паше, Джемал-паше, Назиму, и Бехаэддину Шакиру. Находившиеся на скамье подсудимых «младотурецкие» функционеры получили различные сроки заключения, несколько исполнителей убийств были казнены¹.

4 марта 1919 г. султан привел к власти либеральное англофильское правительство своего родственника Мехмеда Ферид-паши. Он усилил гонения на бывших членов партии «Единение и прогресс». Но в этой партии раньше состояла значительная часть офицерства, и разрушить старые карьерно-политические связи военных и националистических политиков было не легко.

В марте 1919 г. в Измире (Смирне) на конгрессе местных общественных деятелей было создано «Общество отказа от аннексии», которое угрожало вооруженной борьбой, если город займут греки (итальянцев боялись меньше, так как на западе Анатолии острыми были греко-турецкие противоречия). Махмуд Джеяль, один из региональных лидеров «младотурок», начал формировать здесь партизанские отряды.

¹ Котенев В.А. К вопросу о наказании турецких военных преступников в международных отношениях 1915–1923 гг. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Материалы международной научной конференции 11–12 ноября 2008 г. С. 311–312.

29 марта итальянцы, надеявшиеся получить себе под мандат часть Турции, высадились в малоазиатском городе Адалии и затем взяли под контроль Мармарис, Макри, Бодрум и Конью. Грекам нужно было отвечать — пока их контингент с грехом пополам защищал интересы Антанты под Одессой, малоазиатское побережье уходило у них из-под носа.

В этот момент «Большая четверка» ненадолго превратилась в «Большую тройку» — Орlando с возмущенным видом покинул Париж. Как пишет историк А.М. Фомин, «отъезд итальянцев из Парижа разрубал гордиев узел, препятствовавший удовлетворению территориальных стремлений Греции оставшимися лидерами Антанты, и вместе с тем развязывал руки самим итальянцам в Малой Азии»¹. Впрочем, когда Орlando вернулся, он санкционировал высадку греческих войск на западном побережье Малой Азии². Своих войск Италия явно не хватало.

Италия была слабым игроком на Ближнем Востоке, и для нее вопрос территориального расширения здесь был скорее вопросом престижа, чем принципа. А для греков объединение бассейна Эгейского моря было национальной мечтой. Тем более что греки жили по обе стороны моря и составляли значительную часть населения Константинополя. Сообщения о греко-турецких столкновениях в районе Смирны (Измира) трактовались лидерами конференции в антитурецком ключе: кто-то должен был защитить греков от коварных азиатов.

15 мая 1919 г. греческие войска с согласия четырех держав заняли Смирну. Когда греки вошли в город, кто-то выстрелил в колонну и убил знаменосца³. Тогда греки учинили избиение турецкого населения. Трагедия в Измире вызвала бурю возмущения патриотической общественности. В Константинополе прошел грандиозный митинг протеста против агрессии греков. В турецких регионах возникают «Общества защиты прав», объединяющие турецких патриотов. Разоружение османской армии, проходившее под контролем британцев, в центральных районах Анатолии было фактически остановлено⁴.

Итальянцы тоже не остановили своей экспансии (соглашение об итало-греческой демаркации было достигнуто лишь в июле). В этих условиях Ллойд Джордж отказался от планов раздела Турции и вме-

¹ Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 129.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 251.

³ Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002. С. 150.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 251.

сте с Вильсоном стал обсуждать некий мягкий мандат для всей этой страны. Но брать такой беспокойный мандат никто не хотел.

В любом случае турок сначала собирались оттеснить в Азию. Ллойд Джордж отмечал, что на межсоюзнической конференции в конце 1918 г. «ни один из присутствующих не предлагал вернуть древнюю столицу Византийской империи туркам»¹. Для начала здесь предполагалось создать небольшое квазигосударство под мандатом.

Широкие претензии на территорию восточной Анатолии выдвигали представители армянской диаспоры Погос Нубар-паша и Республики Армения Аветис Агаронян. В состав Армении должны были войти Трапезунд (Трабзон) на Черном море, Киликия на Средиземном и, конечно, вся Западная Армения с озером Ван. Эта территория со смешанным армянско-тюркско-курдским населением призвана была стать достойной компенсацией за геноцид 1915 г. Претензии Армении на Киликию, в принципе, поддерживались лидерами Великобритании и Франции².

Выводя войска из Закавказья, Ллойд Джордж надеялся заменить их другой силой, которая могла бы предотвратить насильственный хаос и вторжение коммунистов. Клемансо не исключал, что в случае успеха миссии в Киликии французские солдаты смогут подставить плечо Армении в этом регионе³.

24 июня османская делегация во главе с великим визирем Даматом Ферид-пашой выступила перед Советом четырех. Предлагалось сохранить Османскую империю, предоставив всем ее частям широкую автономию. Однако хозяева конференции намеревались окончательно решить восточный вопрос, поделив самую старую из оставшихся империй.

А пока великие державы делили османское наследство и готовили Турции еще более печальную участь, чем Германии, в глубине Анатолии, которая не была оккупирована, стал формироваться центр сопротивления во главе с генералом Мустафой Кемалем.

Этот популярный генерал, герой обороны Дарданелл и бывший «младотурок», был направлен в Северо-Восточную Анатолию в качестве инспектора 9-й армии, которую по условиям перемирия предстояло распустить. Выглядело так, что популярного и политически опасного генерала высылают в дальнюю провинцию.

Биограф Кемаля А.Г. Ушаков несколько патетически воспроизводит эмоции Кемаля, связанные с новым назначением: «Как призна-

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 131.

² Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство» 1918–1923. С. 117–119.

³ Там же. С. 158.

вался позже сам Кемаль, даже на Дарданеллах он не тратил столько нервной энергии, сколько потерял ее за эти несколько месяцев своего пребывания в снова не принявшей его столице...

Он решил отправиться в полыхающую огнем восстаний Анатолию без высочайшего на то соизволения! Но когда уже совсем отчаявшийся Кемаль принялся собирать чемоданы, случилось-то, что рано или поздно случалось в судьбах многих великих, и судьба дала ему тот самый шанс, который и делал Александра Великого Великим, а Наполеона Наполеоном! И, слушая военного министра, Кемаль не верил своим ушам. Рвавшемуся в Анатолию, ему предлагали место инспектора расквартированной там Девятой армии! Это казалось невероятным и тем не менее было правдой! Союзники потребовали от правительства навести порядок во все больше выходявшей из-под их контроля Анатолии, и министр внутренних дел предложил на роль усмирителя... Мустафу Кемалья! А что? Заслуженный и верный престолу генерал не раз заверял о своем страстном желании послужить отечеству, вот пусть теперь и служит»¹. В России это называется «пустить козла в огород».

Кемалья двусмысленно напутствовал султан: «Паша, вы много сделали для страны. Но все это уже история! Забудьте об этом, поскольку вам предстоит гораздо более важная точка и именно вы сейчас можете спасти страну!»²

19 мая Кемаль прибыл в Самсун на пароходе «Бандырма», который сыграл в турецкой истории роль «Мюирона» и «Гранмы» — правда, на совершенно других уровнях модернизации. Побережье контролировали британцы, и генерал переехал вглубь Анатолии, в Сивас. Здесь он развил кипучую деятельность, рассылая телеграммы военным руководителям и местным националистическим политикам.

17 июня, прибыв в Амасию, Кемаль выступил с речью, где заявил: «Султан и правительство оказались в плену у союзников»³. Здесь Кемаль и его окружение разработали «Амасийский протокол» — план создания альтернативного турецкого правительства в глубине Анатолии, где до него не доберется Антанта. Для этого нужно собрать конгресс представителей военных и политических сил. 22 июня этот протокол с приглашением на конгресс в Сивас стал рассылаться по стране.

Кемаль понимал, что он не может долго вести практически антиправительственную агитацию, находясь на военной службе. К немедленному восстанию против правительства он не был готов, и оставалось все еще неясно, как на это отреагирует офицерство. В 1919 г.

¹ Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. С. 147–148.

² Там же. С. 149.

³ Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 90.

даже кандидаты в диктаторы нуждались в том, чтобы опереться на авторитет съездов, представляющих активную часть общества.

8 июля 1919 г. Кемаль официально ушел в отставку. Он рассчитывал на свой личный авторитет, на то, что офицеры будут продолжать подчиняться ему как политическому лидеру. Но начальник штаба 9-й армии за Кемалем не последовал, а отбыл за новым назначением. Кемаль воскликнул: «Теперь я никто даже для еще вчера преданно служивших мне людей!»¹ Кемаль уже отождествлял служение государству со служением себе. Впрочем, это нормально для феодального сознания, когда твой сотрудник — это твой клиентела и его отъезд после твоей отставки — повод для уныния и обвинений в предательстве.

Зато Кемаль поддерживал генерал Кязым Карабекир, командующий 15-м армейским корпусом, противостоящим Армении.

23 июля — 7 августа 1919 г. Кемаль провел своего рода репетицию Сивасского конгресса, приняв участие в конгрессе «Общества защиты прав» северо-восточных вилайетов в Эрзеруме, проходившем под патронажем Карабекира. Кемаль был избран председателем конгресса. В своей речи он обличал армян за стремление создать свое государство на турецких землях, вдохновлял присутствующих примерами борьбы мусульман от Индии до Египта, призывал к созданию правительства в Анатолии, которое сможет возглавить сопротивление. Лозунги Кемаль в этот период были вполне монархическими: «Да защитит Аллах Родину, султана и халифа!»² Конгресс принял резолюцию в защиту независимости, против протектората над Турцией.

4–11 сентября прошел конгресс в Сивасе, который должен был представлять всю страну. В действительности на нем было 29–38 делегатов (против более 50 в Эрзеруме)³, представлявших центральные и восточные вилайеты Анатолии. В Сивас прибыл лидер тайной националистической организации «Каракол» Кара Васыф. Были делегаты из Константинополя, но они не могли претендовать на представительство всего турецкого населения столицы. Но Кемаль вел себя так, будто представляет всю турецкую нацию как Анатолии, так и балканской части Османской империи. Он добился того, что на конгрессе было отвергнуто коллективное руководство (соответственно, Кемаль стал единоличным лидером). Организованное на конгрессе «Общество защиты прав Анатолии и Румелии» обязывалось защищать от иностранных вторжений родину, границы которой должны были проходить по демаркационной линии на момент перемирия 1918 г. То есть Турция хотела сохранить не только Малую Азию

¹ Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. С. 163.

² Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 99.

³ Там же. С. 98, 106.

и Константинополь, но также Киликию и Мосул. Вместе с тем также подробно обсуждалась идея американского мандата как противоядия британскому и французскому империализму. У нее было немало сторонников на конгрессе, и кемалисты решили «замылить» этот вопрос, предложив для начала пригласить в Турцию делегацию американских сенаторов, чтобы обсудить эту проблему. Кемаль также торжественно поклялся не возрождать «Единение и прогресс», хотя на конгрессе заседало много бывших «младотурок». Это было, с одной стороны, рассчитано на внешнюю аудиторию, а с другой — предполагало создание новой организации, которая уже не будет связана с прежними «младотурецкими» вождями и отвечать за их просчеты. Хотя националисты пользовались в своих интересах структурами «Караккола», было решено, что теперь движение должно иметь одну организацию. Конгресс избрал Комитет представителей «Общества защиты прав Анатолии и Румелии», который возглавил Кемаль. В заключение делегаты приняли обращение к султану, в котором требовали от него поддержать национальное движение. Если же он откажется, то вся ответственность падет на него, а «мы тогда будем искать спасения собственными силами»¹.

Однако, как справедливо пишет биограф Кемалья А.Б. Жевахов, «крестьяне, уставшие от непрерывных войн и грабежей, не всегда с энтузиазмом встречали посланцев Кемалья. Мобилизовать крестьян на защиту родины или нации оказалось сложной задачей: родина, нация — эти понятия интеллектуалов Стамбула были далеки от повседневных проблем крестьян»². Кемалю пришлось пока опираться на остатки усталой армии и патриотически настроенных энтузиастов-горожан. Правда, продвижение греческих, британских, французских, итальянских и армянских военных вглубь Анатолии способствовало патриотическому подъему турецкого населения. Однако в октябре 1919 г. британские войска покинули Центральную Анатолию. Это был очередной шаг в общем курсе на отход с территорий, которые не попали под власть Великобритании в результате раздела мандатов. А вот французы в ноябре расширили зону оккупации в Киликии, заняв Мараш.

Что было особенно неприятно для политики Ллойд Джорджа и Венизелоса, к компромиссу с кемалистами стала склоняться Франция. Она получила свое в Сирии, и Киликию занимала как «прихожую» в свои новые владения. Однако в Киликии французы оказались под ударом турок, в то время как войска были необходимы для принужде-

¹ Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 106–110.

² Там же. С. 100.

ния к покорности сирийцев. Воевать за Армению французскому руководству было уже совсем не интересно. Кемаль встретился с видным французским дипломатом Франсуа Жорж-Пико и пытался убедить его, что не сможет сдерживать возмущенных турок, если собственно турецкие земли будут разделены или не сохранят независимость.

В декабре 1919 г. Великобритания и Франция (от которых после ухода США зависели основные решения) договорились, что Турция не станет чьим-либо мандатом, а превратится в относительно независимое государство — просто в сильно урезанном виде и под финансовым контролем государств — кредиторов Османской империи. На его западе должна была возникнуть греческая автономия. При этом британское руководство в альянсе с Грецией настаивало на отчленении от Турции зоны проливов с Константинополем. Здесь должно было возникнуть государство под международным контролем, где могла также располагаться резиденция халифа мусульман. Это в лучшем для турок случае. Как вспоминал Черчилль, «в декабре 1919 г. и в январе 1920 г. британский кабинет с большим вниманием обсуждал вопрос о том, можно ли оставить султана в Константинополе на положении халифа, обставив этот пост бесчисленными ограничениями, или же следует выгнать турок из Европы “со всеми их пожитками”. Второй вопрос заключался в том, следует или не следует превратить мечеть Святой Софии в христианскую церковь. Во время этих дискуссий лорд Кёрзон, заведовавший Министерством иностранных дел, всюду сражался с Эдвином Монтегю, которого поддерживало общественное мнение Индии, симпатия магометанского мира, туркофильские склонности консервативной партии и объемистые меморандумы Министерства по делам Индии... По вопросу о Константинополе Ллойд Джордж был полностью солидарен с лордом Кёрзоном. И мало того, он даже проявлял здесь главную инициативу. Но военное министерство, представленное фельдмаршалом Вильсоном и мною, заявляло, что у нас нет солдат, а без солдат мы не можем выгнать турок из Константинополя»¹. В итоге 9 января, как только стало ощущаться сопротивление со стороны турок, британский кабинет большинством голосов решил, что турки должны остаться в Константинополе.

Потеряв контроль над Анатолией, 4 октября 1919 г. Ферид ушел в отставку, а новый визирь Али Рыза-паша стал искать компромисс с кемалистами. Это позволило спокойно провести выборы в меджлис в октябре–ноябре. Массы турецких крестьян голосовали за местных лидеров, в Центральной и Восточной Анатолии — под контролем Ке-

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 255–256.

мая. Немусульмане в основном не стали принимать участие в этом референдуме. В Константинополе голосовало около 12% населения¹.

Кемаль опасался, что в Константинополе парламент может оказаться под контролем оккупантов (возможно, через посредство султана, смирившегося с поражением). «Но стоило ему только заговорить о своем желании видеть законодательное собрание в Анатолии, как он сразу же наткнулся на глухую стену непонимания! Ни у кого из вновь избранных в парламент не было желания менять роскошную столицу на глухую провинцию!»² — пишет А.Г. Ушаков. Но дело было не в роскоши Константинополя, а в его легитимности как столицы. Парламент, собравшийся в другом месте, мог потерять эту легитимность. Чтобы центр признанной турками власти переместился из привычной столицы вглубь страны, должно было еще что-то произойти. В этом Кемалю невольно поможет Антанта, но позднее.

12 января 1920 г. в Константинополе собрался новый меджлис Османской империи. Кемаль, который с 27 декабря базировался в Анкаре, не поехал в Константинополь, что на время ослабило его политические позиции, — националисты в столице стали действовать самостоятельно, их лидером стал Хусейн Рауф Орбай — бывший морской министр и «младотурок». Парламентарии не поддержали предложение избрать председателем меджлиса Кемалю. Парламент возглавил видный юрист и либерал Джелаллидин Ариф. 28 января меджлис принял «Декларацию независимости Турции» («Национальный обет»). Он устанавливал, что вопрос о судьбе частей Османской империи, населенных арабским большинством и находившихся ко времени заключения Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) под оккупацией вооруженных сил Антанты, должен быть решен в соответствии со свободным волеизъявлением населения, но «совокупность территорий, находящихся по эту сторону определенной перемирием линии и заселенных оттоманским мусульманским большинством, которое имеет полную общность происхождения, расы и религии и глубочайшим образом привязано к своим этническим и социальным правам, составляет юридически и фактически неделимое целое» (ст. 1). Изъявлялось согласие на «новый плебисцит» в трех восточных округах — Карс, Ардаган и Батум (ст. 2), которые в 1914 г. принадлежали Российской империи, а теперь контролировались Республикой Армения. Положение Западной Фракии предлагалось определить на основе свободного волеизъявления населения (ст. 3). Вопрос об открытии проливов Босфора и Дарданелл

¹ Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 121–122.

² Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. С. 169.

для мировой торговли и сообщений может быть разрешен по соглашению между Турцией и всеми заинтересованными государствами при условии, что будет гарантирована от всякого покушения безопасность Константинополя (Стамбула) и Мраморного моря (ст. 4). Будут «признаны и обеспечены» права национальных меньшинств в Турции при условии предоставления таких же прав мусульманскому населению в соседних с Турцией странах (ст. 5). Турция должна была оставаться независимым государством. «По этим причинам мы относимся враждебно к ограничениям, препятствующим нашему политическому, юридическому и финансовому развитию. Подлежащие определению условия уплаты наших долгов не должны противоречить этим принципам» (ст. 6)¹.

В январе 1920 г. развернулось восстание против оккупантов в районе Мараша в Киликии. Турок особенно возмущало присутствие во французских войсках армян. 10 февраля 1920 г. французское командование решило оставить Мараш, бросив оставшихся там армян на произвол судьбы. Отступление превратилось в катастрофу. Метель и нападение турецких отрядов привели к потерям более тысячи французских солдат. Погибли тысячи безоружных армян². Хотя Кемаль не руководил турками при Мараше, это поражение союзников заставило их вождей обратить свое высокое внимание на сгущавшуюся над Анатолией тучу.

Ллойд Джордж вспоминал: «Мы ничего не знали о деятельности Мустафы Кемаля в Малой Азии, где он занялся реорганизацией разбитых и истощенных турецких армий. Наша военная разведка еще никогда не была так плохо осведомлена. Мы впервые узнали о том, что Мустафе Кемалю удалось собрать грозные боевые силы, когда Совету в Лондоне стало известно о тяжелом поражении французов при Мараше в бою с тридцатитысячной регулярной армией турок»³. В действительности первые сведения об опасной активности Кемаля стали поступать в Лондон и к британским представителям в Константинополе уже в июне 1919 г.⁴ Но опасность была недооценена. Да и что союзники могли сделать — чтобы выкурить Кемаля из Анатолии, туда нужно было направлять крупные вооруженные силы. Но в то время они еще не высвободились в Европе. А в дальнейшем европейские армии демобилизовывались. Так что и в 1919-м, и в 1921 г. для решения «проблемы Кемаля» нужно было найти какую-то армию.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М.: Политиздат, 1958. С. 682–683.

² Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 135.

³ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 412.

⁴ Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 88–89.

На Лондонской конференции, открывшейся 12 февраля 1920 г., продолжилось обсуждение судьбы османского наследства. Здесь союзники пришли к выводу, что Константинополь, вероятно, стоит оставить частью Турции, чтобы ослабить напор национализма. При этом новый французский премьер-министр Мильеран все активнее брал Турцию под защиту — после поражения в Мараше Турцию нужно было либо завоевывать, либо договариваться с ней. Но если договариваться, то с позиции силы.

16 марта 1920 г. союзники захватили административные здания в Константинополе. В турецких министерствах были созданы контрольные комиссии союзников. Эта оккупация должна была продолжаться до подписания мирного договора. Были арестованы семь лидеров националистов, в том числе депутаты Хусейн Рауф и Кара Васыф, которых выслали на Мальту. 18 марта меджлис принял решение больше не собираться, пока Константинополь оккупирован. Вскоре правительство в Константинополе снова возглавил англофил Дамат Ферид-паша, который, впрочем, мало чем управлял.

Однако захват столицы привел к тому, что союзники окончательно утратили контроль над общетурецкой властью, ибо кемалисты создали в Анкаре другую власть, теперь уже признанную по всей Турции.

Акция союзников сразу решила все проблемы Кемалья. Он оказался прав, не направившись в столицу. В Константинополе националисты были разгромлены, и теперь очаг движения в Анатолии во главе с Кемалем снова становился главным центром сопротивления Антанте. 19 марта Кемаль объявил о войне с оккупантами и призвал депутатов, губернаторов провинций и командующих воинскими частями принять участие в формировании ассамблеи, которой будет передана полнота власти. В тех округах, чьи депутаты не явятся в Анкару, будут проведены довыборы (времени на полноценные выборы не было, и депутатов могли просто назначить или выдвинуть с помощью местных обществ защиты прав)¹.

23 апреля 1920 г. в Анкаре открылось Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). Кемаль был его истинным хозяином. Он выступил перед депутатами с четырехчасовой речью, в которой представил отчет о своей деятельности и поставил задачу борьбы за национальную независимость в этнических границах Турции. Длительность речи Кемалья позволила одному из депутатов пошутить: «Заставьте его замолчать, или он в конце концов убедит меня»². Со-

¹ Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 144.

² Там же.

брание избрало правительство (Исполнительный комитет) во главе с Кемалем. Он также был избран и председателем ВНСТ. Ариф, претендовавший на этот же пост как глава меджлиса, вынужден был довольствоваться должностью заместителя (в дальнейшем председательство в основном осуществлялось им, потому что у Кемаля было много других дел). Под одобрительные крики Кемаль провозгласил, что собрание созвано, «чтобы спасти султана-халифа»¹. Так закладывались основы будущей Турецкой Республики.

В мае—июне кемалисты разгромили выступления сторонников константинопольского правительства и созданную Фуадом «армию халифата». В июне турки атаковали даже британцев в районе Исмидского полуострова. Британцы легко отбили этот наскок с помощью стоявшего в Мраморном море флота. Но турецкая атака на запад стала поводом для активизации греков, которые 22 июня перешли в наступление и расширили фронт своего присутствия от Смирны до Бурсы у самого Мраморного моря. До вожденного Константинополя оставалось всего ничего, если союзники покинут зону проливов. Одновременно греческая армия в Европе заняла Адрианополь (Эдирне), придвинувшись к Константинополю с северо-запада.

Теперь перед Кемалем стояли две задачи — сопротивление давлению союзников, особенно греков, на западе и разгром изолированной от них Армении на востоке.

Вопрос о границах Турции и Армении обсуждался на конференции в Сан-Ремо 22–23 апреля 1920 г. Ллойд Джордж и итальянский премьер Франческо Нитти (сменивший в июне 1919 г. Орландо, не желавшего подписывать Версальский договор) сомневались, стоит ли отдавать Армении не только Трапезунд, но и Эрзерум. Кёрзон поддерживал проармянскую позицию. Главный вопрос заключался в том, кто будет завоевывать эти территории для Армении. Представители Армении утверждали, что армянская армия сама справится с задачей захвата Эрзерума².

Вопрос о границах Армении был передан на арбитраж Вильсона, что было хорошей новостью для армян. В марте 1920 г. позиция президента США была высказана категорично: «Вашингтонское правительство понимает убедительность оставления турок в Константинополе, но считает, что доводы против оставления гораздо сильнее и связаны с обстоятельствами, которые едва ли можно оставить без внимания. Союзники не раз выражали свое намерение покончить

¹ Жевахов А.Б. Кемаль Ататюрк. С. 145.

² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 435, 437.

с аномалией пребывания турок в Европе... Вашингтонское правительство с удовлетворением отмечает, что в Международном Совете, который предполагается учредить для управления Константинополем и Проливами, предусматривается представительство России». Фракию предполагалось разделить между Грецией и международной зоной, а Адрианополь отдать Болгарии. Армения должна была получить выход к морю через Трапезунд, тем более что «Венизелос, говоря от имени проживающих в этом районе греков, заявил, что они предпочитают скорее связь с Арменией, нежели с Турцией...»¹.

После завершения конференции в Сан-Ремо 26 апреля условия мира были вручены членам константинопольского кабинета министров 11 мая 1920 г. Представители марионеточного османского правительства подписали их 10 августа во французском Севре.

По условиям Севрского мирного договора Турецкое государство сокращалось до части континентальной Анатолии. Греция получала Восточную Фракию, Адрианополь, Галлиполийский полуостров, острова Эгейского моря (кроме архипелага Додеканес, передаваемого Италии). На западе Малой Азии с центром в Смирне создавалась греческая автономия, принадлежность которой должен был решить референдум через пять лет. Италия устанавливала протекторат над Албанией, к которой присоединялся Северный Эпир. Константинополь и проливы передавались под международное управление. Над финансами Турции устанавливался международный контроль. Турки должны были предоставить гарантии прав национальных меньшинств. Численность турецкой армии ограничивалась 50 тыс. солдат и офицеров.

22 ноября 1920 г. Вильсон предложил арбитражное решение, по которому Армения получала две трети вилайетов Ван и Битлис, почти весь вилайет Эрзурум, большую часть вилайета Трапезунд, включая этот важный порт. Однако в это время турки уже наступали вглубь Армении, игнорируя мнение США и Великобритании.

Севрский мир не принес мира, потому что Турция, в отличие от Германии, решила сопротивляться. Это был большой риск, на карте стояло само существование Турецкого государства. У Кемаля было мало оружия и боеприпасов, он бросил вызов сильнейшим державам мира. Но международная ситуация складывалась для него все благоприятнее. Франция, Италия и США выходили из игры. Правда, Великобритания оказывала всемерную поддержку Греции, перед которой забрезжила перспектива возрождения Византии. Но на стороне Турции в игру вступила новая сила — Советская Россия.

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 419–421.

Тихоокеанское урегулирование

Отказ США и Китая ратифицировать Версальский договор привел к тому, что Тихоокеанский бассейн остался без послевоенного урегулирования. А между тем до этого региона докатилась волна социальных и национальных потрясений.

Один из ключевых игроков в регионе — Япония — в это время испытывал серьезные социальные трудности. В 1914–1918 гг. японская промышленность сделала рывок вперед, занимая новые ниши на мировом рынке, дезорганизованном войной. Несмотря на то что Япония быстро победила Германию на Тихоокеанском театре военных действий, ее армия продолжала активно действовать за рубежом, оккупируя Шаньдун в Китае и Дальний Восток России. Военная нагрузка, а затем и экономическая перестройка после завершения войны были чреваты социально-экономическими сложностями, с которыми военно-аристократический режим пытался справиться не самым успешным образом. Когда из-за неурожая и перебоев с торговлей стали расти цены на рис, правительство маршала Тэраути Масатакэ не нашло ничего лучше, чем ввести пошлины на его импорт. Как и в России, политика монархического правительства была главным революционизирующим фактором. 3 августа 1918 г. вспыхнули рисовые бунты. Начало им положила драка голодных рыбаков с полицией в поселке Нисимидзухаши префектуры Тояма. Высушенная голодом и произволом властей социальная почва вспыхнула не хуже лесного пожара. Волнения распространились почти на всю страну. В 266 городах (включая 49 крупных) и 231 деревне толпы громили рисовые склады и магазины, промышленные предприятия, полицейские участки и другие государственные учреждения. В Осаке, Ногое и Кобе в столкновениях участвовали десятки тысяч людей. В шахтерских районах рабочие швырялись в войска динамитом. Всего в волнениях участвовало около миллиона людей, к тюремному заключению затем было приговорено 7813 человек¹.

Волнения продолжались до октября, и ни одна политическая сила не пыталась их возглавить. Социалистическое движение, обычно выдвигающее требования защиты социального положения работников и бедноты, в Японии еще не сформировалось. Либеральные партии относились к всплеску социальной ярости с испугом, не меньшим, чем страх господствующей аристократии и бюрократии. Волнения показали, что социальные процессы в Японии опередили развитие политической культуры. В ходе ускоренной модернизации

¹ История Японии. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 256–257.

быстро разрослись городские слои, что вызвало перекосы в снабжении продовольствием. А социально-политические институты для цивилизованного решения таких проблем еще не возникли — и произошел разрушительный социальный взрыв.

Японская элита не стала дожидаться, пока бунт перерастет в революцию. Тэраути принял на себя ответственность и 21 сентября ушел в отставку. К власти в Японии впервые в XX в. пришло парламентское правительство во главе с Хара Такаси, лидером партии Риккэн Сэйюкай. Началась политическая либерализация. Это почти революционное изменение в политической системе сопровождалось и глубокой социальной переменой — правительство решилось на действия, улучшавшие положение горожан, шахтеров и рыбаков в ущерб положению крестьян и землевладельцев: были отменены импортные пошлины и проведена распродажа риса с государственных складов. Цены на рис упали почти вдвое, что облегчило положение городской бедноты и стабилизировало ситуацию, зато подорвало положение аграрного сектора. Фактическая победа рисовых бунтов таким образом имела почти революционные последствия, хотя эти потрясения и не переросли в революцию. Теперь японское общество все больше ориентировалось на промышленные и урбанизационные приоритеты.

Рисовые бунты в Японии произошли накануне мировой революционной волны, одновременно с завершением мировой войны и революционными событиями в России. Но в них не было следа «Великого Октября». Вместе с тем нельзя сказать, что японские потрясения вообще никак не были связаны с другими сюжетными линиями мировой революционной волны — даже у самых разных волнений и восстаний в мире имелись пересекающиеся причины. В данном случае причины волнений в Японии и начала революции в России — неспособность старой социально-политической системы отвечать привычными средствами на новые социально-экономические вызовы. Но архаичность японской социально-политической системы была и резервом ее стабильности — даже небольшие изменения воспринимались как революционные перемены, вдохновляющие сторонников прогресса. Свою роль сыграл и тот фактор, что в Японии (в отличие от России до 1906 г.) уже существовала представительная ветвь власти. Так что либеральным силам не нужно было за нее бороться. Для получения поддержки либеральной общественности хватило создания партийного кабинета.

Половинчатые перемены не решают назревающие социальные проблемы, а лишь дают передышку. Аналогичная ситуация сложилась в России после революции 1905–1907 гг. Но господствующая элита Японии находилась в лучшем положении, так как успешно за-

вершила участие в войне. После бунтов и небольшой либерализации Япония искала пути улучшения уровня жизни населения на путях внешней экспансии и создания корпоративных институтов, которые вскоре станут называть тоталитарными.

* * *

А вот другая серьезная проблема, с которой столкнулось японское руководство одновременно с Парижской конференцией, во многом была вызвана именно импульсами, исходившими от ее лидеров. Так же как и на Ближнем Востоке, провозглашение принципов самоопределения народов спровоцировало массовое движение за независимость в Корее, которая была японской колонией. В современном российском корееведении до сих пор распространен взгляд, будто «идеи Октябрьской революции, сыграв роль основного международного катализатора в освободительной борьбе корейского народа, намного ускорили проникновение в страну социалистических и коммунистических доктрин, хотя, возможно, этому не всегда соответствовали социальная база и объективные условия»¹. Если вторая часть этой фразы (относительно роли победы большевизма в проникновение в Корею левых идей) не вызывает возражений, то первая (об основном катализаторе освободительной борьбы) весьма сомнительна. Хотя отчасти на эмигрантских лидеров корейского национального движения оказали влияние лозунги российской революции (причем еще до «Великого Октября»), чаще они апеллировали к Парижу, ибо в 1919 г. казалось, что от Вильсона судьба Кореи зависела сильнее, чем от Ленина. Как пишет историк Чан Джэён, «декларация президента В. Вильсона о самоопределении малых народов послужила как бы искрой, зажигавшей движение за независимость в Корее»². Однако при всем уважении к роли Вильсона следует иметь в виду, что вскоре после публикации его «14 пунктов» (как и после публикации ленинского Декрета о мире) никакой вспышки движения за независимость в Корее не произошло. Основным катализатором освободительной борьбы корейского народа в 1919 г. стало завершение мировой войны и обсуждение на мирной конференции права народов на самоопределение. К этому обсуждению апеллировали лидеры национального движения Кореи в 1919 г.

Российская революция играла в «пробуждении» Кореи свою роль, но нельзя сводить ее воздействие к «Великому Октябрю». Для таких идеологов корейской эмиграции, как Пак Ын Сик, российская

¹ История Кореи (новое прочтение). М.: РОССПЭН, 2003. С. 285.

² Чан Джэён. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 18.

революция была вдохновляющим примером отказа крупной державы от империалистической политики, но эти взгляды проявились у корейского лидера еще до «Великого Октября». Перебравшись на территорию России, Пак издал в июле 1917 г. (то есть до прихода к власти большевиков) «Декларацию народного единения», призывавшую создать в эмиграции республиканское правительство в изгнании. Создание деклараций стало методом борьбы, который в конце концов дал взрывной эффект.

По мере приближения Парижской конференции корейские эмигрантские круги активизировались. В ноябре 1918 г. группа 39 корейских эмигрантов в Маньчжурии приняла «Декларацию независимости», составленную Чжо Со Ангом. Документ призывал: «Вставайте! Все борцы за независимость! ... Смерть — это путь, который невозможно избежать ни одному человеку, зачем, уподобившись скотине, напрасно тратить человеческую жизнь?»¹

На начавшейся 1 декабря 1918 г. конференции корейцев США была избрана делегация на Парижский конгресс в составе Ли Сын Мана, Ан Чхан Хо и Чон Хан Гёна. Они должны были попытаться убедить лидеров держав-победительниц в необходимости освободить Корею от Японии. Подобного рода агитация могла помешать президенту Вильсону маневрировать между высокими либеральными принципами и необходимостью договориться с Японией как державой-победительницей. Так что делегатам просто не дали визу. До Парижа сумел добраться посланник шанхайской Молодежной партии новой Кореи Ким Гусик. Его тоже не пустили на порог конференции, но он активно вел антияпонскую пропаганду через прессу.

8 февраля 1919 г. в помещении корейской Христианской ассоциации молодежи в Токио собрались корейские студенты и приняли «Декларацию независимости», составленную членами Всеяпонской токийской корейской молодежной лиги независимости. В ней они благодарили Японию «за избавление от китайской зависимости и угрозы русской агрессии», но поскольку теперь эти угрозы устранены, «нет причин на то, чтобы оставаться в Японской империи»². Декларация трактовала согласие США и Великобритании на колониальное господство Японии в Корее как дипломатическую ошибку и приводила Россию в качестве положительного примера: «Россия отказалась сейчас от милитаристских устремлений и находится в процессе строительства нового государства, базирующегося на справедливости и свободе». Однако составители декларации апелли-

¹ История Кореи (новое прочтение). С. 286.

² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2. М.: Наталис, 2011. С. 91.

ровали не к Москве, а к Токио и Парижу. Предлагалось создать Конгресс корейской нации, признать независимость Кореи и направить полномочную корейскую делегацию на конференцию в Париж¹.

Это выступление не имело существенного резонанса, но документ был нелегально переправлен в Корею студентом Сон Ге Бекон и здесь заинтересовал лидеров религиозных организаций — наиболее мощных общественных структур, которые японские власти еще не выполнили в Корее. Идея провозглашения независимости увлекла одного из иерархов религии «Учение небесного пути» (Чхондогё) Чхве Рина, который, в свою очередь, «заразил» идеей лидера Чхондогё Сон Бён Хи. Чхондогисты привлекли к этой идее буддистов и влиятельного оппозиционного пастора Ли Сын Хуна. Несмотря на возражения некоторых влиятельных пасторов, 24 февраля Ли Сын Хун достиг соглашения с Чхондогё о плане совместных действий. Христиане взяли на себя задачу передать декларацию Вильсону и руководителям Антанты, а Чхондогё должно было передать ее властям Японии².

Текст «Декларации независимости» составил историк и поэт Чхве Нам Сон. Декларация апеллировала к праву наций на самоопределение и к начавшейся перестройке мира, итоги которой подведет Парижская конференция. «Мы провозглашаем, что Корея — суверенное государство, а корейцы — народ независимой страны... Это — воля неба, веление времени. И все человечество вместе с нами в едином строю»³. Если бы Япония восстановила независимость Кореи, она «тем исправила бы свои старые ошибки и устранила бы опасность для мира в Азии»⁴. По каналам трех религиозных организаций идея провозглашения независимости получила широкое распространение. У Чхондогё было 3 млн последователей, у протестантов — 1,5 млн. Текст декларации был отпечатан в типографии Чхондогё тиражом в 20 тыс. экземпляров и распространен по стране заранее⁵.

22 января в Корее скончался бывший корейский император Коджон, отстраненный японцами от власти в 1907 г. На его похороны со всей Кореи съезжались люди — хоронить историю своей независимости. Это скопление патриотически настроенных корейцев в Кёнсоне (будущем Сеуле) было решено использовать для начала движения за независимость. Похороны были назначены на 3 марта, провозглашение суверенитета — на 1 марта.

¹ История Кореи (новое прочтение). С. 286–287.

² Чан Джэён. Первоапрельское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. С. 165–166.

³ Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М.: Первое марта, 2000. С. 357.

⁴ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2. С. 93.

⁵ История Кореи (новое прочтение). С. 287.

В этот день в Сеуле (будем именовать город нынешним, привычным читателю названием) были распространены листовки о предстоящем событии, и многотысячная толпа патриотов, преимущественно студентов, собралась в парке «Пагода», ожидая 33 видных религиозных деятелей, подписавших декларацию (среди них 15 чхондогистов, 16 протестантов и два буддиста). Между тем 29 из всех подписантов собрались рядом в ресторане «Тхэхвагван». Здесь за прекрасным обедом, выпив для храбрости, отцы корейской независимости зачитали «Декларацию независимости». После этого они не вышли к народу в парк, а вызвали полицию и сообщили о своем поступке. Полиция, естественно, арестовала обедающих. Не явившись в парк и устроив такое камерное зачитание, подписанты спасли себя. Если бы они стали организаторами последующих волнений, им грозила бы смертная казнь. А так за свое деяние они получили по три года заключения.

В парк «Пагода» декларацию принес молодой учитель ЧонДжэён. После ее зачитания восторженные колонны корейских патриотов двинулись в разные районы города, разнося радостную весть о провозглашении независимости, выкрикивая «Мансе!» (пожелание долгих лет жизни независимой Корее). Демонстрантов разгоняла полиция при участии гражданских японцев. Но студенты уже разъезжались по всей стране, разнося весть о событиях в Сеуле. В столице и ее окрестностях началась политическая стачка.

Вскоре демонстрациями и стачками была охвачена вся страна. Во многих городах торжественно читали декларацию при большом скоплении народа. Десятки тысяч людей двигались по улицам городов. Их разгоняли полиция и войска. В ответ митингующие швыряли в полицию камни, громить полицейские участки и другие государственные учреждения. Это было похоже на прошлогодние рисовые бунты в Японии. Толпа убивала полицейских и местных администраторов. Полиция и войска открывали огонь. После убийства полицейского и поджогов в окрестностях Сувона полиция согнала христиан деревни Чеамни в церковь, перебила 30 человек и сожгла церковь вместе с убитыми и ранеными. Американский пастор Х. Андервуд предал этот случай гласности, что серьезно дискредитировало Японию¹. В конце марта движение достигло своего пика. В марте—мае при разгонах демонстраций и в тюрьмах погибло 8 тыс. корейцев, было арестовано 47 тыс.²

¹ Чан Джэён. Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. С. 169.

² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2. С. 95.

Массовая поддержка движения за независимость обусловилась тем, что за несколько лет своего господства японцы вызвали повсеместное недовольство: отбирая землю у крестьян для колонистов из Японии, регламентируя корейскую жизнь в соответствии с японскими традициями, ограничивая возможности корейского предпринимательства.

21 апреля в Сеуле было создано подпольное временное правительство Кореи. Оно установило связи с протестными центрами в разных провинциях страны, выработало временную конституцию, требовало от Японии вывести войска и призывало корейцев к неуплате налогов и бойкоту японской администрации и судов. В ходе массовых репрессий были арестованы 270 сотрудников правительства, и оно было разгромлено.

После волнений 1919 г. японские власти пошли на некоторое послабление полицейского режима, но это было несопоставимо с причинами движения. Идея независимости овладела корейскими массами.

Значительная часть корейцев жила за границей, не теряя связи с родиной, с родственниками, живущими в Корее. Уже в ходе движения 1919 г. стали создаваться правительства в эмиграции. В марте эмигранты попытались сформировать подобные правительства в таких городах, как Владивосток и Никольск-Уссурийский. Но российский Дальний Восток был оккупирован японцами, и эти центры быстро загнали в подполье. В разгар выступлений в Корее временное правительство возникло также в Шанхае (сформировалось 11 апреля при поддержке ведущих религиозных, студенческих и рабочих организаций Кореи). Оно позиционировалось как республиканское — идея восстановления Корейской империи была оставлена. На пост председателя был приглашен известный корейский интеллектуал Ли Сын Ман. В августе в ходе объединения его сторонников и общества Кунминхве было создано объединенное правительство. Ли Сын Ман стал президентом, а правительство возглавил военный министр Ли Дон Хви. В период Корейской империи он был офицером и протестантом, но теперь перешел на коммунистические позиции. Ли Дон Хви принялся создавать партизанские корейские формирования в Маньчжурии. Они нападали и на японские войска в Корее (успешные акции у Чхонсанри и Понодона в 1920 г.). Правительство обретало военную силу, руководимую коммунистом. Это создавало новые возможности для Коминтерна, чтобы начать беспокоить с тыла Японию, оккупировавшую Дальний Восток России. Корейская национальная борьба, разбуженная надеждами на Парижскую конференцию, становилась фактором мировой конфронтации Версальского и Советского проектов. Ли Сын Ман и другие члены правительства, такие как Ан Чхан Хо, не горели желанием помо-

гать Коминтерну и принимать от него помощь. В январе 1921 г. из-за вопроса о взаимоотношениях с Москвой правительство раскололось. Ли Дон Хви ушел, эмигрантское правительство стало ориентироваться на китайский Гоминьдан. Корея на время успокоилась, но корейские активисты продолжали играть свою роль в разрастающейся борьбе в Китае. Лидеры антияпонского движения пошли разными дорогами, но по иронии истории каждая из них вела к образованию самостоятельного корейского государства.

* * *

Выбор, который авторы Версальского мирного договора сделали в пользу Японии, унаследовавшей германские права в Китае, вызвал взрыв возмущения в этой гигантской стране. Но сначала лидеры великих держав не видели в этом большой беды. Начавшаяся в 1911 г. Великая китайская смута, о которой подробнее будет говориться в следующем томе, привела к фактическому распаду Китая. Центральное правительство не контролировало регионы. А значит, что и в Париже с ним можно было не считаться. Как и в случае с Россией, архитекторы Версальской системы слишком много внимания уделяли силе правительств и формальных институтов, недооценивая энергию возмущенных масс.

В 1911–1913 гг. в Китае произошла так называемая Синьхайская революция, в ходе которой была свергнута династия Цин. Но и демократическое правительство первого временного президента Китая Сунь Ятсена было вынуждено уйти в отставку под давлением консерваторов. Новый временный президент Юань Шикай готовил восстановление монархии, но против него в 1915–1916 гг. восстали военачальники провинций — дуцзюни (их также принято называть милитаристами или дубанями). В разгар этого восстания Юань Шикай умер. Китай распался на провинции, вся власть в которых принадлежала милитаристам. Правительство в Пекине не имело власти и занималось только внешней политикой. Между милитаристами, каждый из которых был связан с какой-нибудь иностранной державой, происходили кровавые и разрушительные военные столкновения. Китай был фактически разделен на сферы влияния империалистических государств. Но все же они вынуждены были считаться с тем, что Китай не являлся колонией. При всех своих противоречиях дуцзюни считали себя жителями одной страны и были недовольны ущемлением прав Китая.

Правительство в Пекине опиралось на автономных друг от друга дуцзюней Северного и Центрального Китая и не контролировало южные провинции, хотя и вело с ними переговоры. Представители юга Китая требовали более активного сопротивления против экспан-

сии Японии, а северяне были тесно связаны с ней и опасались японского вторжения в случае конфликта.

В январе 1915 г. Япония в секрете от общественности предъявила Китаю «21 требование», ограничивающее суверенитет этой огромной страны еще сильнее. Япония должна была получить германские права в Шаньдуне, расширить свои права в Маньчжурии, получить ряд экономических привилегий. Китаю запрещалось сдавать в аренду и отчуждать гавани и острова вдоль своего побережья, что было важно для безопасности Японии. Пятая группа требований помимо ряда культурно-религиозных прав для японцев предполагала приглашение японских советников центральным правительством Китая, что превращало его в протекторат Японии. Это было уже слишком и для других империалистических игроков на китайской сцене — США и Великобритании, у которых из-под носа мог уплыть такой жирный кусок. Когда о требованиях стало известно, разразился скандал. Несмотря на это, Япония нажала на слабое правительство в Пекине, которое без поддержки японцев могло пасть, и 7 мая добилось принятия всех требований, кроме самой жесткой пятой группы. США заявили о непризнании любых ограничений соглашения 1899 г. о политике «открытых дверей» в Китае. Таким образом, американо-японские отношения стали обостряться еще до вступления США в войну на стороне Антанты.

Пытаясь сохранить суверенитет над Шаньдуном и опереться на поддержку других государств Антанты, Китай заявил о вступлении в войну против Германии в августе 1917 г. На мирную конференцию в Париж отправилась делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Лу Чжэнсяном, известным уступками Японии, но в делегацию вошли энергичные китайские дипломаты Гу Вэйцзюнь, Ши Чжаоци и Ван Чжэнтин, ориентировавшиеся на США и Великобританию. Выступая на конференции, Гу Вэйцзюнь требовал полной отмены неравноправных договоров, прежде всего с Японией, поскольку они были заключены в условиях войны. Теперь наступил мир и нужно руководствоваться принципами равноправия.

Но на мирной конференции выбор между требованиями Японии и Китая был очевиден — Япония была одной из пяти главных держав-победительниц. И ее уход одновременно с уходом итальянцев мог разрушить всю конструкцию Версальского мира. В итоге 30 апреля 1919 г. «Большая тройка» признала японские права на Шаньдун, попирая тем самым только что провозглашенные принципы Лиги Наций. Китайские делегаты отказались подписывать мирный договор.

4 мая 1919 г. 3 тыс. студентов собрались на площади Тяньаньмэнь, требуя отказаться от подписания мира и от выполнения «21 требова-

ния» Японии. Демонстранты передали петицию американскому послу с просьбой к США поддержать требования Китая. Другая колонна демонстрантов подожгла дом подписанта «21 требования», а ныне министра путей сообщения Цао Жулия. Тогда демонстрация была разогнана, один студент погиб, 32 были арестованы. Студенты при поддержке ректоров забастовали, требуя освободить арестованных. Те были освобождены, а волнения продолжались. 6 мая был создан Объединенный союз учащихся высших и средних учебных заведений во главе с Дуань Сипэном. Забастовка продолжалась, теперь студенты требовали отказаться от подписания мира и прекратить репрессии против патриотической интеллигенции. Стали формироваться отряды защиты Шаньдуна, начался бойкот японских товаров. Под давлением Японии правительство 3–4 июня провело аресты тысячи активистов. Но в начале июня забастовали торговцы и рабочие Шанхая, выступая против договора и репрессий. Здесь движением руководил Объединенный союз студентов, торговцев, сотрудников печати и рабочих. Движение распространилось на 150 городов в 20 провинциях. Патриотическое движение поддержали не только южные, но и центральнокитайские дучжун¹. В результате Китай так и не подписал Версальский договор. 15 сентября китайский президент Сюй Шичан объявил о прекращении состояния войны с Германией — без всяких условий. Ведь Германия потеряла все свои Тихоокеанские владения. 10 сентября 1920 г. Китай подписал Сен-Жерменский договор с Австрией, содержащий Устав Лиги Наций, и таким образом получил право участвовать в ней, а вскоре — и место в Совете. 20 мая 1921 г. был подписан германско-китайский договор, по которому Германия отказалась от своих прав в Китае. Но проблема Шаньдуна урегулирована не была.

После движения 4 мая 1919 г. ситуация в Китае для ведущих держав-победительниц стала ухудшаться. Китай, который после Синьхайской революции тянулся к западной политической культуре, теперь был оскорблен в лучших национальных чувствах. Нарастали националистические антияпонские и антиевропейские настроения. Это несло угрозу бизнесу японцев и европейцев. Репутация американцев была лучше — они тоже не согласились с Версальским договором и менее заметно притесняли китайцев.

Ситуация с итогами войны в Китае оказалась неурегулированной. А после отказа США от ратификации Версальского договора

¹ Гафушиянь Ю.М. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М.: Институт международного движения, 1969; Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М.: Наука, 1969; Новейшая история Китая. 1917–1927. М.: Наука, 1983. С. 65–68; Очерки истории Китая в новейшее время. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 48.

стало ясно, что урегулирование в Тихоокеанском бассейне требует отдельной конференции.

Американских лидеров волновал еще один важный вопрос, обсуждавшийся в Париже, — сокращение морских вооружений (сухопутные вооружения беспокоили Штаты меньше, так как они были отделены Атлантикой от конфликтогенной Европы).

США не намеревались мириться с британской военно-морской гегемонией. Еще президент Вильсон поставил перед Ллойд Джорджем альтернативу — или ограничение британского военного судостроения, или наращивание американского.

Великобритания была финансово ослаблена войной и не могла содержать огромный флот, который помог ей одержать в ней победу. К 1926 г. британский линейный флот сократился в два раза по сравнению с 1913 г. Штаты, напротив, не жаловались на нехватку средств и наращивали океанский флот, сокращая отставание от Великобритании.

После прихода к власти в США нового президента-республиканца Уоррена Гардинга его администрация решила продемонстрировать неудачникам-демократам и всему миру, как нужно вести международные дела.

10 июля 1921 г. госсекретарь США Чарльз Хьюз заявил о созыве конференции, которая должна была доурегулировать итоги войны в связи с нератификацией США Версальского договора, а также обсудить ограничения вооружений на море. 12 ноября конференция торжественно открылась в Вашингтоне. В ней участвовали США, Япония, Великобритания, Франция, Италия, Китай, британские доминионы и Индия. В контрасте с Парижской конференцией организаторы-американцы демонстрировал максимальный демократизм мероприятия. Заседания были публичными, слово предоставлялось всем полномочным участникам, выступления публиковались. Гардинг перехватил у своего предшественника славу миротворца.

В конференции собирался принять участие и либеральный японский премьер-министр Хара Такаси, но 4 ноября 1921 г. он был убит противником «сдачи позиций Японии». Японские милитаристские круги, однако, не смогли в это время предотвратить ограничения морских вооружений. Япония опасалась изоляции перед лицом англо-американского сближения.

Великобритания была готова пойти на важные уступки ради дружбы с США — уйти из Вэйхайвэя (формально это делалось ради суверенитета Китая) и заменить японо-британский союз новым, более широким соглашением.

Попытка Британии обсудить сокращение не только морских, но и сухопутных вооружений не удалась — французы указывали на советскую угрозу и опасность германского реваншизма. США и Великобритания настаивали на ликвидации подводных лодок, но тоже безуспешно.

13 декабря 1921 г. был подписан договор четырех держав (США, Великобритании, Франции и Японии) о взаимном уважении владений в Тихом океане и мирном решении споров. С подписанием договора терял силу японо-британский союзный договор. США оговаривали, что не признают мандаты Лиги Наций, но готовы заключить двусторонние договоры о признании территорий с тремя державами. Дополнительные протоколы и заявления в феврале 1922 г. означали признание фактических владений, кроме оккупированного Японией Северного Сахалина и частично оккупированной Дальневосточной республики (ДВР). За свое участие в войне Япония получила ряд островов в Тихом океане.

США оказывали давление на Японию с целью вывода войск с территории России. Хьюз даже встретился с прибывшими в Вашингтон представителями непризнанной ДВР.

По Вашингтонскому договору пяти держав, подписанному 6 февраля 1922 г. представителями Великобритании, США, Японии, Франции и Италии, было ограничено количество, размеры и вооружение линейных кораблей, авианосцев и тяжелых крейсеров. Право иметь их максимальное число получили США и Великобритания, несколько меньше — Япония, еще меньше — Франция и Италия. Устанавливались пропорции, близкие к существующему положению, и определялось, сколько кораблей могло быть построено в ближайшие годы. Пропорции тоннажа линейных кораблей государств — участников соглашения должны были составлять 5:5:3:1,75:1,75. Регулировались стандарты водоизмещения кораблей и калибра орудий. Срок службы тяжелых кораблей устанавливался в 20 лет. Ограничивалось строительство новых авианосцев, укреплений и баз. Также было подписано соглашение о защите на море граждан невоюющих и нейтральных стран и о недопущении применения ядовитых газов в войне.

Достигнув сближения позиций, Великобритания и США официально закрепили свое военно-морское превосходство. Участники соглашения были избавлены от необходимости тратить огромные средства в страхе перед строительством новых кораблей потенциальным противником. Это была первая попытка ограничить гонку вооружений на море.

Соглашение имело прорехи — оно не ограничивало тоннаж крейсеров, которых теперь стали строить больше.

Вашингтонская конференция также урегулировала отношения с Китаем. Китайская делегация отстаивала суверенитет и территориальную целостность своей страны, обещая проводить политику «открытых дверей». Но реальные итоги вырабатывались в дискуссии представителей США и Японии.

Ведущие игроки на Вашингтонской конференции предпочли пойти навстречу китайским национальным чувствам, чтобы умиротворить Поднебесную. Япония, которая страдала от продолжающегося бойкота японских товаров, была готова к уступкам.

5 января 1922 г. комиссия конференции, обсуждавшая тарифные права Китая (пока нарушенные неравноправными договорами), согласилась повысить тарифные ставки в пользу Поднебесной, что было компромиссным решением. США настаивали, чтобы Китай согласился также на компромиссное решение проблемы Шаньдуна: Циндао и полуостров в течение нескольких месяцев возвращается Китаю, но за плату в 32 млн иен. Пока не будут выплачены эти средства, Япония сохраняла контроль над железными дорогами провинции. Там создавались совместные японо-китайские предприятия для освоения сырьевых богатств региона. Требование Китая о выводе японских войск из Южной Маньчжурии Япония отклонила.

6 февраля 1922 г. был подписан договор девяти держав о политике в Китае. Поднебесной возвращались Шаньдун и Циндао. Китай провозглашал принцип «открытых дверей», который отменял его раздел на сферы влияния. Но на деле это было бы возможно в случае ликвидации власти дучжуней в китайских провинциях. Конференция выступила за их разоружение, а это было легче провозгласить, чем сделать.

В главном Гардинг и его дипломаты могли торжествовать. Тихоокеанский регион был включен в систему международной безопасности без Лиги Наций, международное право восторжествовало, Япония проявила благоразумие, Великобритания — склонность к сближению с США, которые становились таким же арбитром на востоке Азии, каким Великобритания была в Европе.

Итогом Парижской и Вашингтонской конференций стало создание так называемой Версальско-Вашингтонской системы, которая регулировала отношения между сильнейшими державами мира вплоть до середины 1930-х гг.

Версальско-Вашингтонская система базировалась на трех основах, противоречия между которыми в итоге привели к ее краху. Во-первых, она положила в основу территориального разграничения национальный принцип, что поощряло националистические тенденции, казавшиеся наилучшим противовесом социальной борьбе. А национализм по мере своего развития нередко перерастает в шовини-

стические претензии к соседям. Во-вторых, Парижская и Вашингтонская конференции стремились укрепить международное право как альтернативу насилию, а это требовало коллективных силовых действий по поддержанию международных соглашений и институтов. Даже если это невыгодно части участников. В-третьих, архитекторы нового мира то и дело отходили от провозглашаемых принципов под влиянием империалистических интересов и логики «реал-политик», учета баланса сил. Это вносило в систему международных отношений множество двойных стандартов, которыми могли воспользоваться желающие пересмотреть итоги мировой войны — даже если для этого придется развязать новую. Германия была унижена и разорена, что создавало в стране благоприятные условия для прихода к власти политиков, стремящихся к *реваншу*. В этом плане с Германией сближались другие проигравшие страны, в частности Австрия, Венгрия и Болгария. Недовольны были и некоторые победители. Италия и Япония чувствовали себя обделенными, так как они получили меньше, чем им было обещано. Новые государства, границы которых еще не устоялись, тоже планировали передел Восточной Европы. Все это делало обстановку в Европе и Азии нестабильной. Советская Россия, а затем и СССР не признавали Версальско-Вашингтонскую систему, так как она создавалась без участия большевиков. В 20-е гг. Версальско-Вашингтонская система в основном справилась с вызовом мирового революционного подъема. Ее поддержал экономический подъем после кризиса начала 20-х гг. Экономика Запада перестроилась на мирный лад и двинулась вперед. Но к ее ногам была прикована гиря послевоенных долгов, лежавшая на неустойчивой подставке репараций, которые не могли быть уплачены. Так что системе международных отношений неизбежно грозил новый удар — в 1929 г. начнется мировой кризис капиталистической экономики, который вызовет множество разрушительных политических последствий. И тогда мир и его лидеры встанут перед альтернативой — политика коллективной безопасности или силовое столкновение сплоченных наций. Эта альтернатива была заложена уже в международных соглашениях 1919–1922 гг.

Глава 3. Саботаж

В 1917–1920 гг. капитализм и государственность по всему миру столкнулись с нарастающим саботажем широких масс работников. Понятие «саботаж» включает широкий круг действий и бездействий, направленных на срыв нормальной работы хозяйства и государственных структур — от забастовок до диверсий. В период мировой революционной волны саботаж проявил себя в спектре от индийского несотрудничества до террористических кампаний по обе стороны Атлантики. Но наиболее распространенным методом борьбы за социальные права в это время были стачки.

Время стачек

Стачка — самое сильное средство ненасильственной борьбы за социальные права в индустриальном обществе. Без сотрудничества между предпринимателями и рабочими производственный процесс невозможен. Митинги и полемика в прессе могут влиять на умы, но забастовка позволяет заставить имущественную элиту уступить силе без применения насилия. Тем не менее забастовка часто балансирует на грани насилия. Если рабочий просто уходит с производства в знак протеста — предприниматель может заменить его другим работником. Штрейкбрехерство и локаут вполне оправданы с либеральной точки зрения. А значит, для успеха стачки рабочие должны удерживать предприятие, не пускать туда штрейкбрехеров, что чревато физическим столкновением с ними и с полицией, защищающей священное право частной собственности и абсолютизм власти собственника на предприятии.

Если предприятие захвачено работниками и остановлено — это разрушение производства, что само по себе деструктивно. Возникает естественный вопрос, могут ли работники во время стачки продолжать производство без капиталиста? А если могут, то как это делать в свою пользу (иначе капиталист не испугается, ведь продукцией будут пополняться его склады)? Стачная волна 1919–1920 гг. показала, что последовательное развитие забастовочного движения ведет к экспроприации предприятия и его продукции забастовщиками, созданию параллельной экономики, ресурсы которой пойдут мимо капиталиста на пользу работников. А таким производством должен кто-то управлять. Значит, рабочие должны предварительно создать систему самоуправления на предприятии. Но те, кто станет распоря-

жаться продукцией вопреки воле капиталиста, по законам капиталистического общества будут виновны в краже. А значит, они могут этим заниматься, лишь если права капиталиста не сможет защитить полиция. То есть если рабочие будут вооружены и преградят полиции путь не только на предприятие, но и в его окрестности. А это уже означает грань революции и, весьма вероятно, гражданской войны.

Обычно забастовочное движение не заходит так далеко, и предприниматели имеют множество возможностей его обыграть. Отдельный предприниматель может уступить, считая, что требования работников не столь для него тяжелы, чтобы терпеть убытки от простоя предприятия и (или) найма нового штрейкбрехерского коллектива. Но предприниматель может переложить издержки на потребителя, заложить их в цену товара, и капитализм возьмет уступку назад — прибавку к зарплате съест инфляция. Тред-юнионистская борьба за зарплату в локальном масштабе — это затрата усилий рабочих ради побед, которые трудно закрепить в условиях капитализма. Те, кто наиболее активны в борьбе за свои социальные права, выигрывают первыми и проигрывают последними, но все равно их материальное положение следует за колебаниями рыночной конъюнктуры. Соответственно, в профсоюзном движении возникает стремление закрепить социальные права с помощью изменения структуры общества: либо путем прямого массового социального действия в масштабах страны, которое выбросит предпринимателя с предприятий вообще (синдикализм), либо путем социальных реформ, которые государство осуществляет под воздействием рабочего движения и его политических представителей (лейборизм). Кроме тред-юнионизма, синдикализма и лейборизма возможна еще одна форма организации работников — корпоративистская. Это — синдикализм наоборот, когда профсоюзы-корпорации подчиняются администрации, организуя работников на решение общенациональных и производственных задач, за что государство обеспечивает заботу о социальных правах работников. Обычно корпоративистские структуры выстраиваются авторитарными и тоталитарными режимами, но при плюралистичной системе предприниматели иногда создают подчиненные им «желтые» профсоюзы. Борьба против «желтых» профсоюзов сродни борьбе против штрейкбрехерства и локаутов — «свободы» элиты ставить работников в кабальное положение с помощью угрозы голода.

После завершения мировой войны эти модели рабочего движения вступили в острую конкуренцию между собой, иногда заключая тактические союзы против предпринимателей и политиков, защищающих их интересы. Ветер истории дул в спину организациям работников. После перестройки на мирные рельсы с весны 1919 г.

в странах Запада начался экономический подъем. Открылись новые рынки. За немецкий счет нужно было отстраивать север Франции. Уставшие от военных тягот жители и возвращавшиеся домой солдаты наращивали потребительский бум. Ему препятствовала разогнавшаяся в военные годы инфляция. Соответственно, в центре внимания рабочего движения стояла борьба за повышение зарплаты и против дороговизны. Кроме того, рабочие требовали 8-часового рабочего дня, различных гарантий, которые в дальнейшем вошли в стандартный набор социального государства (от обязательного страхования от несчастных случаев на производстве до оплачиваемого отпуска), свободы организации профсоюзов и признания их прав — ведь эта организация помогала обрести все остальное. Но были и более радикальные требования, выдвигавшиеся под влиянием синдикалистской идеи производственного самоуправления и примера Великой российской революции с ее Советами и национализацией.

В принципе, инфляция (если она не сваливалась в гиперинфляцию) создавала почву для компромисса между трудом и производственным капиталом. В условиях благоприятной экономической конъюнктуры, сохранявшейся до середины 1920 г., предприниматели боялись простоев из-за стачек, им было проще уступить, чем упустить выгоду. Рабочие в этих условиях добивались роста зарплаты, которая догоняла инфляцию. В целом такая инфляционная экономика стимулировала спрос и «повышательную» конъюнктуру рынка. Вот кто более серьезно страдал от инфляции — это финансовый капитал. Средства на счетах и долги обесценивались. Финансовые элиты стремились остановить инфляцию и даже перевести ее в дефляцию, даже если за это придется заплатить экономическим кризисом. Подобные планы удалось осуществить в середине 1920 г., что больно ударит и по экономике, и по борьбе за социальные права. А в 1919 г. мир охватила беспрецедентная стачечная волна.

* * *

Великобритания вышла из войны как победительница, отягощенная долгами. Ее государственный долг за 1914–1918 гг. вырос с 650 млн фунтов стерлингов до 7829 млн. Одним лишь США англичане задолжали 850 млн фунтов¹.

На волне победной эйфории Дэвид Ллойд Джордж объявил выборы. Предвыборная кампания велась им под шовинистическими лозунгами, что привело к перегруппировке политических сил, в дейст-

¹ Всемирная история. Т. VIII. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. С. 302.

вительности подорвавшей позиции партии Ллойд Джорджа. Премьер и его фракция национальных либералов пошли на выборы вместе с консерваторами. Их лидер Эндрю Бонар Лоу надеялся, что Ллойд Джордж даже перейдет в партию консерваторов, и был готов уступить ему свой пост¹. Лейбористская партия раскололась — националистическое крыло во главе с Ллойд Джорджем выступало вместе с консерваторами, а более пацифистское во главе с Гербертом Асквитом тяготело к лейбористам. Национальный блок Ллойд Джорджа выиграл, но его собственная либеральная партия проиграла.

В качестве премьер-министра в 1919–1920 гг. Ллойд Джордж продолжал свою социал-либеральную политику, добился увеличения пособия по безработице и налогов на наследство.

Начались волнения в армии. В январе 1919 г. они охватили 10 тыс. солдат в Фолкстоне, 2 тыс. в Дувре и около 60 тыс. в других военных лагерях. Солдаты отказывались отплывать во Францию. Зачем? Не для того ли, чтобы подавлять революцию в Германии? Важной составляющей пацифистской борьбы левых сил стало противодействие британской интервенции в России. Британцы навоевались, и новые военные предприятия за пределами империи вызывали возмущение.

9 августа парламентским комитетом конгресса тред-юнионов, исполнительным комитетом лейбористов и их парламентской фракцией был создан Национальный совет действия против интервенции в России. Советы действия создавались и на местах. Происходили стачки, направленные против интервенции и поставок белым, манифестации под лозунгом «Руки прочь от России!». Правительство срочно проводило демобилизацию, так что опасность военного восстания быстро отступила. В 1919 г. было демобилизовано почти 4 млн солдат². Зато демобилизованные ухудшали ситуацию на рынке труда. А ведь одновременно происходило и свертывание военной промышленности.

Во время войны профсоюзы тесно сотрудничали с правительством, куда входили лейбористы. Декабрьские выборы добавили им поддержки избирателей, но из-за мажоритарной системы лишь немного увеличилось представительство в парламенте. Выборы все больше разочаровывали рабочих как средство для улучшения их положения.

В это время руководство лейбористов значительно полевело, поскольку на него оказывали влияние левые теоретики. Так, доклад лидера лейбористов Артура Гендерсона на Национальной конференции предпринимателей и рабочих в феврале 1919 г. был подготовлен Джорджем Коулом — теоретиком гильдейского социализма (течения,

¹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 262.

² Всемирная история. Т. VIII. С. 304.

выступавшего за демократию на производстве). В докладе говорилось о необходимости участия рабочих в управлении предприятиями¹.

Набирало силу движение шоп-стюардов — выборных представителей рабочих коллективов независимо от профессии. Комитеты шоп-стюардов были аналогичны фабрично-заводским комитетам в России и других странах. Эта структура отличалась от профсоюзной, представители коллективов были более радикальны, чем профсоюзные функционеры.

В 1919 г. в стачечной борьбе в Великобритании участвовало более 2,5 млн человек. Из-за стачек терялось 100 тыс. рабочих дней в день. На подъеме стачечной волны укреплялось профсоюзное движение. В 1914 г. профсоюзами было охвачено 4143 тыс. человек, а в начале 1919 г. — уже 6533 тыс.²

27 января 1919 г. началась забастовка 100 тыс. судостроителей, металлургов, докеров и строителей в долине реки Клайд. Все они требовали сокращения рабочей недели. Одним из руководителей стачки был лидер фабричных старост (шоп-стюардов) Уильям Галлахер, который вскоре примет участие в создании Коммунистической партии Великобритании. В Глазго были введены танки, 31 января произошли серьезные столкновения рабочих с войсками. 12 февраля стачка была подавлена³.

14 января федерация шахтеров на конференции в Саутпорте постановила требовать увеличения заработной платы на 30%, введения 6-часового рабочего дня, национализации шахт и недр без выплаты компенсации хозяйствам, участия рабочих в управлении шахтами, полного обеспечения демобилизованных шахтеров. На 15 марта намечалась стачка, но 24 февраля для решения проблем отрасли была учреждена парламентская комиссия. Стачка была отложена⁴. Комиссия работала с 3 марта по 20 марта 1919 г. и представила доклад, из которого явствовало, что прибыли шахтовладельцев более чем в 3 раза превысили довоенные, а падение реальной заработной платы шахтеров составило 42%. Комиссия рекомендовала повышение заработной платы на 20% и сокращение рабочего дня до 7 часов. Правительство согласилось с этими предложениями. Комиссия сначала рекомендовала даже национализацию шахт, но в итоговый проект постановления подобное требование не вошло⁵. Эти решения стали основой для временного компромисса в отрасли, продержавшегося до 1921 г.

¹ Галкина Л.А. Гильдейский социализм (критический анализ). М.: Наука, 1988. С. 59.

² Всемирная история. Т. VIII. С. 305.

³ Новейшая история стран Европы и Америки. 1918–1945. М.: Высшая школа, 1986. С. 102.

⁴ Всемирная история. Т. VIII. С. 305.

⁵ Там же. С. 305–306.

27 сентября — 5 октября 1919 г. прошла забастовка железнодорожников. Всего повышения заработной платы в 1919 г. добились 6 млн рабочих, а сокращения рабочего дня — 6,5 млн¹. В Англии бытовало мнение, что остров находится на пороге революции². Но социально-политическая система этой страны, социал-либеральная политика правительства и склонность профсоюзов к социальному партнерству помогли избежать серьезных столкновений.

* * *

По замечанию историка А.А. Вершинина, «мало кто вспоминает, что массовые протестные выступления в 1919–1920 гг. в Париже по своему размаху и количеству участников не уступали событиям “Красного мая” 1968 г.»³. Отметим, однако, что события «Красного мая» охватили далеко не только Париж и сопровождались баррикадными столкновениями и захватом предприятий (последнее характерно для Италии 1920 г., а не Франции того времени). Но если не по радикальности, то по массовости выступлений в Париже и некоторых других городах (например, в Гавре) события 1919–1920 гг. действительно внушительнее 1968 г.

8 апреля 1919 г. Жорж Клемансо выступил за принятие 8-часового рабочего дня, за что французские профсоюзы боролись уже не одно десятилетие. Дебаты о законе сопровождались массовыми выступлениями рабочих за «английскую неделю» (44 часа работы в неделю, короткий день в субботу) и обязательность коллективных договоров.

1 мая 1919 г. во Франции состоялась всеобщая политическая забастовка с требованием демобилизации армии и мира без аннексий, против антисоветской интервенции и высоких налогов на заработную плату. В Париже прошла демонстрация нескольких тысяч человек, появились баррикады. Погиб рабочий, похороны которого 8 мая вылились в новую массовую манифестацию.

2 июня во Франции бастовало 100–150 тыс. рабочих. Происходили столкновения забастовщиков с полицией, в ходе которых погибло два человека и было ранено 700. В июне было достигнуто соглашение правительства с крупнейшим профцентром Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) о прекращении стачек⁴.

С октября 1919 г. в профсоюзах ВКТ стали выделяться революционно-синдикалистские комитеты (РСК). Их лидер Пьер Монатт

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 307.

² Галкина А.А. Гильдейский социализм. С. 70.

³ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. М.: Либроком, 2012. С. 5.

⁴ Там же. С. 44.

обвинял профбоссов ВКТ в нерешительности, которая привела к неудачам стачек 1919 г. В декабре 1921 — феврале 1922 г. РСК вышли из ВКТ и позднее создали Унитарную ВКТ (УВКТ), где доминировали анархо-синдикалисты.

23 февраля 1920 г. началась стачка французских железнодорожников на линии Париж—Лион—Средиземное море, в которой участвовало 250 тыс. человек. Бастовавшие выступали против несоблюдения 8-часового рабочего дня, требовали увеличения заработной платы, признания прав профсоюзов, национализации железных дорог. В те годы рабочие верили, что, если передать транспорт и тяжелую промышленность государству, они станут работать лучше, а зарплата повысится. Забастовка завершилась после того, как хозяева пошли на уступки в части заработной платы и признании прав профсоюзов. Однако 26 апреля 1920 г. на чрезвычайном съезде железнодорожников победили радикальные левые, которые возобновили забастовку за национализацию железных дорог. ВКТ начала стачку солидарности. В мае в забастовке участвовали 2 млн человек. Она совпала с наступлением Польши против Советской России, и среди требований оказалась борьба против вмешательства Франции в этот конфликт. В целом забастовка закончилась неудачей — начала меняться мировая экономическая конъюнктура¹. 20 тыс. работников было уволено, железные дороги подчинили военной дисциплине². После этого появилось даже судебное решение о роспуске ВКТ, но профсоюзы его проигнорировали, а у правительства не было достаточных сил, чтобы разогнать крупнейшее профобъединение. Неспособность власти обеспечить столь важное решение суда свидетельствовала о шаткости всей государственной системы.

В 1920 г. во Франции произошло 1943 забастовки, в которых участвовал миллион человек. Численность ВКТ выросла с 12 млн в 1919 г. до 2,4 млн в первые месяцы 1920 г.³

Массовость стачек не означала, что на стороне классовой борьбы рабочих было большинство французских граждан. Фаворитами выборов 16–30 ноября 1919 г. был правый Национальный блок, созданный на основе коалиции Республиканского демократического альянса и Республиканской федерации. Он выдвинул множество ветеранов войны, которые прошли в парламент и сделали эту палату «серо-голубой» (по цвету военной формы).

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 328–329.

² Вефшинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 80.

³ Новейшая история стран Европы и Америки. 1918–1945. С. 84–85.

В обстановке патриотического подъема и победной эйфории социалисты потерялись. Из-за острых внутренних противоречий левые выдвинули программу, которая, обходя «острые углы», звучала очень невнятно. Так что Национальный блок получил в палате депутатов две трети мест. Этому способствовало и изменение избирательного законодательства, которое стало более удобным для блоков. Выборы выглядели как политический триумф Клемансо, но в итоге привели к его падению.

Клемансо то отрицал свою готовность продолжить политическую деятельность в качестве президента, то соглашался, что это будет достойный венец его карьеры. Казалось, за его спиной стоит прочное большинство правого Национального блока. Но раньше Клемансо выступал скорее как левый политик (в связи со своей антиклерикальностью и резким республиканизмом). Теперь история пошла дальше, на первый план вышли социальные проблемы, и левые оказались оппонентами Клемансо, в то время как «добрые католики» по-прежнему считали его своим противником. Клемансо к тому же тревожил депутатов своими авторитарными замашками. Иметь такого лидера во время войны было полезно, но в годы мира депутаты стремились вернуться к системе гибкой исполнительной власти и президента как символической фигуры. Для этого лучше подходил не Клемансо, а его оппонент, председатель палаты Поль Дешанель. За спиной Дешанеля стоял опытный политический комбинатор Аристид Бриан. Клемансо знал об этом и угрожал: «Если я стану президентом, то Бриану придется семь лет тщетно дожидаться в приемной Елисейского дворца»¹. Такая угроза показывала, что Клемансо вовсе не собирается быть послушным парламенту президентом. Это пугало многих, и Бриану удалось создать широкую коалицию правых и левых депутатов против Клемансо.

На предварительном голосовании Дешанель получил 408 голосов, а Клемансо — 389. «Когда Тигр узнал об этом, он был потрясен: Дешанель, “ничтожество Дешанель”, побил его, “отца победы”!.. Клемансо категорически отказался участвовать в дальнейшем соревновании»², — пишет его биограф Д.П. Прицкер. 17 января 1920 г. президентом был избран Поль Дешанель. 18 января Жорж Клемансо ушел в отставку и в частную жизнь. 20 января правительство возглавил Александр Мильеран, бывший социал-демократ, теперь опиравшийся на правое большинство. Впрочем, ему вскоре пришлось сменить место работы — у президента выявилось психическое заболевание.

¹ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. С. 263.

² Там же.

В мае он в одной пижаме выпрыгнул на ходу из поезда, а в сентябре залез в грязный пруд. 21 сентября Дешанель добровольно покинул свой пост (Клемансо мог позлорадствовать). 23 сентября депутаты избрали президентом Мильерана. Политическая система Франции обрела стабильность. Постепенно стабилизировалась и социальная ситуация — быстрее, чем в других странах Европы: все-таки Франция была сильнейшей державой на континенте.

* * *

Первая мировая война способствовала модернизации промышленности среднеразвитых стран. Не стала исключением и Италия. Военное напряжение содействовало развитию тяжелой промышленности, особенно химической, а также машиностроения. Ценой участия в войне стал государственный долг, который в 1913–1920 гг. вырос с 19 до 103 млрд лир. Внешний долг Италии в 1920 г. составлял 1648 млн долларов США и 477 млн фунтов стерлингов. Цены в 1913–1919 гг. выросли в четыре раза, а уже в 1920 г. — более чем в 6 раз¹.

Завершение войны предполагало снятие ограничений на проведение стачек, что было актуально в условиях высокой инфляции. В 1919 г. в Италии была проведена 1871 экономическая стачка с участием 1554566 рабочих, причем 280 стачек с участием свыше полу-миллиона человек произошло в сельском хозяйстве. Количество стачек в 1919 г. было больше, чем в любом предвоенном году, за исключением 1907 г. В 1919 г. в пользу рабочих закончилось 25,7 % стачек, в основном в пользу рабочих — 37,9 %, а полностью в пользу предпринимателей только 10 %. Реальная зарплата по сравнению с 1913 г. составила в 1918 г. — 72,7 %, в 1919 г. — 69,5 %, а в 1920 г. рабочие сумели отыграть ситуацию до 87,3 %².

Успешность стачечной борьбы была связана с успешным развитием итальянских профсоюзов. Наиболее массовым профсоюзным объединением была связанная с Итальянской социалистической партией (ИСП) Всеобщая конфедерация труда (ВКТ). Более радикально настроенные рабочие входили в Итальянский синдикалистский союз (УСИ).

Помимо борьбы за повышение зарплаты в условиях инфляции в центре внимания работников находилось требование 8-часового рабочего дня. 4 февраля 1919 г. в Генуе было заключено соглашение союза металлистов и предпринимателей о подобном условии труда,

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). М.: Мысль, 1968. С. 11.

² Там же. С. 12, 58.

которое стало началом целой серии аналогичных соглашений. В течение марта выполнения этого требования добились химики, печатники и представители других союзов. Всего весной 1919 г. 8-часового рабочего дня добилось около 5 млн итальянских рабочих¹.

В 1919 г. металлисты занимали первое место по численности участников стачек, а текстильщики — по количеству стачек. В июне в Неаполе произошла всеобщая стачка солидарности с уволенными металлистами. В итоге уволенные рабочие были восстановлены, но рабочие выплачивали штраф за прогулы своих товарищей. 7 августа началась всеобщая забастовка металлистов в Ломбардии, Венето и Эмилии. В ней участвовало 200 тысяч человек. При посредничестве правительства предприниматели пошли на уступки. Зарплата была увеличена на 25 %, был признан 8-часовой рабочий день и фабрично-заводские комиссии. Центром протестной активности текстильщиков был город Бьелле. В мае–июне здесь происходила всеобщая стачка. Рабочие добились повышения зарплаты на 40 %, но предприниматели далеко не всегда соглашались с 8-часовым рабочим днем².

В ходе стачечного движения важную роль играли органы самоорганизации коллективов, существовавшие наряду с профсоюзами. В 1906 г. возникли фабрично-заводские комиссии. Они избирались вне предприятий членами профсоюза, а иногда и назначались профсоюзными комитетами, но их работа была посвящена ситуации на предприятии и нуждам коллектива.

В 1919 г., прежде всего по инициативе левых социалистов и синдикалистов, начались преобразования фабрично-заводских комиссий. Рабочие в цехах избирали своих уполномоченных, которые из своего состава формировали фабрично-заводские Советы (ФЗС). Эти органы зависели от коллектива, а не от профсоюзного руководства. В августе 1919 г. Совет был избран на крупнейшем заводе Турина «ФИАТ-Чентро». Благодаря агитации, входившей в ИСП левосоциалистической группы «Ордине нуово» опыт создания ФЗС получил в Турине широкое распространение. В октябре было избрано уже 15 Советов, представлявших 30 тыс. рабочих³. Таким образом, на предприятиях стала формироваться низовая, производственная демократия. ФЗС состояли из уполномоченных, избираемых в цехах — там, где люди хорошо знали друг друга и где не было возможности отрыва избираемого от избирателя. Идеологи «Ордине нуово» так описывали оптимальную структуру фабрично-заводских Сове-

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 57–58.

² Там же. С. 60–63.

³ Там же. С. 68.

тов: «Каждое предприятие подразделяется на цеха, и каждый цех — на бригады; каждая бригада выполняет определенную часть работы; рабочие каждой бригады избирают делегатов с императивным, обусловленным мандатом. Собрание делегатов всего предприятия образует фабрично-заводской совет, выделяющий из своего состава исполнительный комитет. Собрание политических секретарей исполнительных комитетов составляет центральный комитет фабрично-заводских советов, назначающий из своего состава общегородской комитет для организации дела пропаганды, составления планов работы, утверждения проектов и предложений отдельных фабрик и даже отдельных рабочих и, наконец, для повседневного руководства движением в целом»¹. Эта организационная идея делегирования была широко распространена в анархо-синдикалистских кругах, но поскольку идеолог «Ордине нуово» Антонио Грамши подчеркивал свой марксизм, он тщательно отмежевывался от синдикализма², считая ФЗС не синдикалистской, а советской структурой, связанной с опытом российской революции.

Программа цеховых уполномоченных, принятая их первым общегородским собранием 31 октября 1919 г., была составлена под влиянием группы «Ордине нуово». В документе говорилось: «Собрание уполномоченных всех туринских заводов и фабрик с уверенностью и гордостью утверждает, что их избрание и создание системы фабрично-заводских Советов представляет первый конкретный шаг на пути развития коммунистической революции в Италии»³.

Устав вполне соответствовал идее Грамши о том, как нужно формировать Советы с помощью делегирования⁴. ФЗС не должен замыкаться на делах предприятия, он должен стать элементом широкого социально-политического движения, подобного российским Советам: «В фабрично-заводском Совете уполномоченные представляют, таким образом, всех рабочих предприятия. Они избирают из своей среды исполнительный комитет предприятия, которому дают полномочия исполнительного органа на самом предприятии и представительного органа на собраниях представителей фабрично-заводских Советов»⁵. Уполномоченные должны были осуществлять не только профсоюзные функции защиты рабочих, но и функции рабочего контроля, включая недопущение изъятия капиталистами капитала,

¹ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. Т. 1. С. 239.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 254.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 256.

установление размера капитала, вложенного в данный цех, доходности цеха, реальных путей увеличения этой доходности¹. Уполномоченные должны были готовиться к тому, чтобы взять управление предприятием на себя.

1 ноября идея создания ФЗС победила на собрании туринских металлистов, а в декабре — на чрезвычайном съезде палат труда Турина. Инициатива туринцев имела общеоитальянское значение. Грамши называл Турин «Петроградом итальянской Пролетарской революции»². Революции пока не было, но Турин действительно был одним из важнейших промышленных центров Италии. По оценке «Ордине нуово», его полумиллионное население почти на три четверти состояло из рабочих. На первом месте стояла металлообрабатывающая промышленность, в которой было занято до 50 тыс. рабочих и 10 тыс. служащих инженерно-технического персонала. На заводах ФИАТ трудилось 35 тыс. человек³.

Группа «Ордине нуово» оптимистично сообщала Коминтерну: «Дело организации фабрично-заводских советов и внутренних комиссий настолько продвинулось вперед и их дееспособность настолько повысилась, что 5 минут оказалось достаточно для того, чтобы остановить работу 16-тысячной массы, разбросанной по 42 цехам предприятия ФИАТ. 3 декабря 1919 г. фабрично-заводские Советы дали наглядное доказательство своей способности управлять огромным по своим масштабам движением масс; по приказу социалистической секции, державшей в руках весь механизм управления движением рабочих масс, они без какой-либо предварительной подготовкой мобилизовали в течение часа 120 тысяч рабочих, организованных по фабрикам, и через час пролетарская армия разлилась лавиной по всему городу, до самого центра его, сметая с улиц и площадей националистических и милитаристских негодяев»⁴. Эта картина вдохновляла коммунистов Турина и Москвы тем, что мощное движение виделось приводным ремнем, выполняющим указания местной организации ИСП (в будущем — Компартии). Однако в дальнейшем выяснилось, что рабочие организации не столь уж жестко контролируются коммунистами и мощь их не является гарантией от усиления ультраправых сил в Италии.

Наряду с выступлениями рабочих в движение пришло и итальянское крестьянство. Весной хлебобобы и батраки от Вероны до Сицилии захватывали земли помещиков. 29 июля на съезде сельского

¹ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. С. 257.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 232.

⁴ Там же. С. 234.

зайственных рабочих в Риме было решено к августу начать захват необработанных земель и приступить к их разделу. Для этого создавались комитеты и Советы. В 1919 г. таким образом было присвоено 50 тыс. га. Газета «Аванти!» так описывала начало захвата помещичьей земли в Албано: «Мужчины и женщины нескончаемым потоком с орудиями труда организованно двинулись в различных направлениях, шествуя по улицам города, распевая... “Интернационал”. Впереди шел муниципальный духовой оркестр. Около тысячи крестьян направились на рассвете на поля Агро Романо, часть пешком, часть на повозках или на осликах. Во главе шествия шел знаменосец с красным флагом профсоюзной лиги»¹. Иногда захватом земли руководили социалисты, иногда католические политики и даже священники. Незаконные захваты сопровождались столкновениями с полицией и даже перестрелками.

В сентябре был издан декрет министра сельского хозяйства, который регулировал отчуждение необрабатываемых или плохо обработанных земель. Земля предоставлялась крестьянским кооперативам, в первую очередь состоящим из бывших фронтовиков на срок не более 4 лет при условии выплаты владельцам определенной компенсации и возвращения уже обработанной земли.

На севере Италии сельское хозяйство глубже, чем на юге, втянулось в капиталистические отношения, и важную роль здесь играли выступления батраков. В забастовке сельскохозяйственных рабочих в мае 1919 г. участвовало около 200 тыс. человек. Забастовка закончилась успехом, была повышена зарплата на 35 %, введен 8-часовой рабочий день, оплата сверхурочных, 1 мая было признано днем отдыха, заработная плата мужчин и женщин была уравнена на уровне мужской. Постепенно почти все работники в долине По получили 8-часовой рабочий день².

Ярким и жутковатым явлением социальной дестабилизации в городах Италии стала борьба против дороговизны летом 1919 г. По стране прокатилась волна погромов против продуктовых лавок. В некоторых городах торговцы согласились на снижение цен в два раза. Иногда профсоюзы реквизировали продукты и распределяли их среди населения или продавали по низким ценам. Выступления против дороговизны приняли наибольший размах в Специи 13 июня и 1 июля, в ряде городов Романьи 2 июля, в Анконе 2 июля, во Флоренции и Болонье 3 июля, в Турине 4 июля и в Милане 6 июля. Войска стреляли в возбужденные толпы голодных людей.

¹ Цит. по: *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 71.

² Там же. С. 75.

В Специи радикально настроенное население под руководством агитационного комитета, в который вошли представители ВКТ и УСИ, фактически установило контроль над городом. Происходили братания забастовщиков с солдатами. Под угрозой начала масштабных боевых действий забастовку пришлось прекратить. В Лигурии социалисты и анархисты создавали комитеты народной реквизиции, которые следили за состоянием цен, проверяя их снижение в два раза. В Форли после разгрома лавок население образовало Совет, который взял под контроль торговые точки и распределял продовольствие. Город оказался под контролем Совета. Были введены твердые цены. Когда конфискованные продукты закончились, Совет санкционировал возобновление торговли по твердым ценам. В результате продовольственных волнений центральные власти ввели таксу на многие товары.

Некоторые острые конфликты 1919–1920 гг. («красное двухлетие») возникали на почве произвола властей и под влиянием политических событий революционной волны. Всеобщая 24-часовая стачка была объявлена в Римской провинции 10 апреля в знак протеста против запрещения митинга солидарности с немецкими спартаковцами. В Милане, после гибели при разгоне митинга рабочего активиста, 13 апреля была объявлена всеобщая стачка протеста. Начались столкновения с полицией. 15 апреля она распространилась также на Турин, Болонью, Флоренцию и Неаполь. Стачка продолжалась до 18 апреля.

15 апреля в Милане произошли ожесточенные столкновения левых демонстрантов с фашистами. Последние разгромили редакцию газеты «Аванти!» и устроили в ней пожар. По этому поводу Грамши спорил с умеренным социалистом профессором Гаэтано Сальвемини, который считал, что социалисты «проглотили пилюлю». Грамши указывал на успехи социалистического движения, на рост его массовости, на то, что «рабочие Италии собрали около миллиона лир для своей газеты, то есть втрое или четверо больше, чем нужно, чтобы возместить причиненный ущерб»¹. Но исторически прав оказался Сальвемини, потому что, сколько бы социалисты и профсоюзы ни наращивали свою численность, они не сумели противопоставить ее фашистскому насилию в 1921–1922 гг.

Серьезный социально-политический конфликт начался 1 декабря 1919 г., когда при появлении короля на первом заседании нового парламента социалисты с криками «Да здравствует социализм!» вышли из зала. На улице левых депутатов атаковали разъяренные офицеры-

¹ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. С. 331.

монархисты. 3 декабря рабочие Мантуи, узнав о нападении, захватили город, освободили заключенных из тюрьмы, захватили оружие и вступили в перестрелку с жандармами. Борьба продолжалась до 7 декабря. Восстание в Мантуе стало частью политической стачки на севере Италии, начавшейся в знак протеста против нападения на депутатов.

Одновременно на юге Италии 2–3 декабря восстали батраки. Они захватили городок Андрию и вступили в вооруженное противостояние с полицией. Такова была Италия того времени. По всей стране шли сменявшие друг друга стачечные волны, время от времени вспыхивали локальные и непродолжительные восстания.

В 1920 г. произошло 2070 стачек с 2313685 участников. При этом 16 забастовок имели общенациональный характер. Всеобщие стачки проводили железнодорожники, почтово-телеграфные и государственные служащие. В 1920 г. забастовочное движение в Италии на душу населения было самым высоким в мире. Наибольшее число бастующих было среди металлистов, на втором месте стояли текстильщики, на третьем — строители. Количество забастовок с успешными результатами в 1920 г. составило 22 %. Основным требованием было приведение зарплаты в соответствие с уровнем цен¹.

Из этой ситуации разрушительных для производства забастовок ради гонки зарплаты за инфляцией существовало три принципиальных выхода: подавление рабочего движения, законодательство об индексации зарплат либо преодоление частной собственности. Значительная часть итальянских рабочих стала поддерживать последний из этих путей.

Еще в 1919 г. в городке Дальмине в механических мастерских «Франко-Григорини», производивших трубы, рабочие национал-синдикалистского профсоюза, примыкающего к Итальянскому союзу труда (в будущем фашистскому), захватили фабрику. Производство продолжалось под руководством фабрично-заводской комиссии. Префект Бергамо настоял на уступках со стороны предпринимателя, чтобы не обострять ситуацию².

В феврале 1920 г. по инициативе синдикалистов из УСИ рабочие захватили 15 фабрик в Сестри-Поненте, и затем предприятия в Дженовезато и Виареджо. Рабочие избрали Советы, которые выполняли решения собраний рабочих³.

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 111–112.

² Там же. С. 59.

³ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 76.

В январе 1920 г. в ответ на локаут рабочие нескольких фабрик «Маццонис» заняли их, создали красную гвардию для охраны и продолжили работать под руководством ФЗС. 7 марта при посредничестве государства было достигнуто соглашение, по которому были восстановлены уволенные и оплачена работа в период стачки. В феврале рабочие на короткое время захватывали металлообрабатывающие, сталелитейные и судостроительные предприятия в Лигурии. Лидирующую роль в захвате фабрик в этом регионе играли анархо-синдикалисты¹.

С февраля 1920 г. стачками лихорадило Неаполь. Происходили столкновения забастовщиков с войсками. 24 марта рабочие металлопредприятия «Миани и Сильвестри» захватили его. Рабочий кооператив обеспечивал стачечников питанием. Войска пытались выбить рабочих с предприятия, применяя артиллерию, так что предприниматели понесли большие убытки из-за нежелания договариваться с рабочими. 25 марта началась всеобщая забастовка в Неаполе в знак солидарности с металлистами. После освобождения части арестованных забастовка была завершена 28 марта.

О напряженности ситуации в Италии говорит восстание в Виареджо в Тоскане в мае 1920 г. Восстание началось с конфликта между футболистами и карабинерами, во время которого карабинеры нечаянно убили судью футбольного матча. Тогда толпа возмущенных болельщиков разгромила полицейский участок, овладела оружием и штурмовала морскую казарму. В город прибыли «красные поезда» с добровольцами. Однако 5 мая восстание было разгромлено.

5 апреля 1920 г. в селе Дечимо-де-Песиченто в 30 км от Болоньи карабинеры принялись разгонять митинг крестьян, так как офицеру не понравилась речь синдикалиста. В результате погибли 8 человек и 45 были ранены. В знак солидарности с крестьянами развернулась забастовка в Болонье, вскоре ставшая практически всеобщей. Даже хлеб в Болонье выдавался только по предъявлении профсоюзного билета. Протесты распространились на всю Эмилию, после чего перекинулись на Парму и Пьяченцу. Карабинеры снова стреляли по собравшимся. Руководство социалистической партии отказалось объявить всеобщую стачку².

Когда войска не дали крестьянам занять земли, пикетчики в провинции Болонья перестали пускать на них других батраков, в результате чего поля не обрабатывались. 20 октября помещики пошли на

---

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 115–118.

² Там же. С. 142–143.

соглашение. Сельскохозяйственные стачки происходили в других регионах страны¹.

В Апулии в апреле 1920 г. происходили настоящие бои между крестьянами и карабинерами. На юге и в центре Италии захваты земли особенно активно проходили летом и осенью того же года. В Сицилии, где захваты земли происходили при поддержке церкви, часть их была узаконена.

Своеобразное двоевластие, установившееся между фабрично-заводскими Советами и предпринимателями на предприятиях Турина, прежде всего на ФИАТ, разрешилось в марте 1920 г. стачкой, повод к которой казался незначительным: из-за перехода с летнего на зимнее время и обратно возникли споры, в какое время заводчане должны приходить на работу — на час раньше или час позже. ФЗС поддержал тех рабочих, которые приходили позднее, что стало поводом для увольнения 23 марта членов ФЗС завода «Индустрии металлурджике» фирмы ФИАТ. В ответ рабочие начали так называемую «белую забастовку», известную в России как «итальянская» (работали, соблюдая все инструкции так, чтобы работа фактически была парализована). Предприниматели не потерпели такого педантизма и провели локаут. Но рабочие отказались покинуть предприятие. 24 марта его атаковали королевская гвардия и карабинеры.

Тогда началась забастовка солидарности металлистов Турина, которая 27 марта охватила 44 предприятия города. К рабочим присоединились служащие. После многочисленных столкновений полиция сумела занять заводы. 4 апреля исполком туринской секции Союза металлистов обратился в ЦК профсоюза металлистов и в Исполком туринской палаты труда с призывом к солидарности. Но это предложение было отклонено.

Когда 1 апреля был объявлен локаут на крупных предприятиях Турина, забастовка расширилась. 8 апреля с компромиссным предложением выступил префект Турина. К 9 апреля среди металлистов Турина был проведен референдум по вопросу о продолжении стачки. Рабочие решили бастовать дальше.

13 апреля социалисты и синдикалисты призвали ко всеобщей забастовке в Пьемонте². Стачку поддержали сельскохозяйственные рабочие, она вышла за пределы Пьемонта и стала распространяться по северу Италии. Моряки Ливорно отказались перевозить войска в Турин. 19 апреля стачка распространилось на Геную, город был парализован.

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 144–145.

² Там же. С. 125–127.

Руководство ИСП не поддержало идею всеобщей стачки, считая, что конфликт на севере Италии прекратится в ближайшее время. Профсоюзы ВКТ взяли курс на сворачивание стачки, но анархо-синдикалисты УСИ продолжали ее. Лидер ВКТ Людовико Д'Арагона прибыл в Турин 22 апреля и заявил, что стачка является мертворожденным ребенком, то есть не имеет перспектив. Пленум профсоюзных организаций Турина 22 апреля решил прекратить стачку «при условии, что не последует никаких репрессий против бастующих»¹. Возможно, Д'Арагона, который держал в голове ситуацию в разных регионах Италии, и был прав, но его публичные претензии к пьемонтской забастовке были тактическими, а не принципиальными. Если все будет подготовлено как следует, то общенациональная стачка станет возможна. Момент истины наступил в августе 1920 г., когда от руководства ВКТ во многом зависел исход новой стачечной волны, связанной с захватом предприятий.

23 апреля решением большинства цеховых представителей стачка была прекращена в связи с недостатком солидарности. «Эта первая, но не последняя битва за коммунизм показала, что в наши дни пассивное сопротивление пролетариата бесполезно». Переговоры с предпринимателями возобновились под председательством туринского префекта и при участии Д'Арагона. К 24 апреля было подписано соглашение, которое сохраняло фабрично-заводские комиссии, но требовало, чтобы они действовали в нерабочее время. Но переговоры с предпринимателями могли происходить в рабочее время².

Антонио Грамши, выступавший одним из идейных лидеров стачки, негодовал: «500 тысяч рабочих и крестьян вовлечены в борьбу; против них выступили весь капиталистический класс и силы государственной власти. Энергичное вмешательство руководящих центров организованного рабочего движения могло бы уравновесить силы и если не обеспечить победу, то сохранить и упрочить завоевания, достигнутые путем терпеливой и настойчивой организаторской работы, путем сотен и тысяч мелких выступлений в цехах и на заводах. От кого зависит это вмешательство? От органа, избранного рабочими, постоянно контролируемого рабочими, члены которого могут быть отозваны в любой момент? Нет, от чиновников, пробравшихся на высокие посты бюрократическим путем, в силу приятельских отношений, от ограниченных чиновников, не видящих даже того, что подготавливают хозяева и государство, не знающих жизни пред-

¹ *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 133–134.

² Там же. С. 134.

приятия и нужд рабочих, “суеверных”, как протестантский пастор, и тщеславных, как министерский швейцар»¹. Грамши здесь самоцитирует октябрьскую статью «Ордине нуово»: «Рабочие чувствуют, что “их” организация превратилась постепенно в столь огромный громоздкий аппарат, что в конце концов стала повиноваться своим собственным законам, присущим ее внутренней структуре и ее сложным функциям, но чуждым массе, осознавшей свою историческую миссию революционного класса»². Грамши не знал, что эта тенденция бюрократизации присуща не только итальянскому профсоюзному движению, но и Советской России, на которую Грамши сделал ставку как коммунист.

Самым грозным для властей событием до августа 1920 г. было вооруженное восстание в Анконе, начавшееся 26 июня. Солдаты, которых должны были направить в Албанию, арестовали своих офицеров, захватили казарму и стали передавать оружие радикально настроенным горожанам. Вокруг казармы собралась толпа сочувствующих, а в городе началась забастовка. Восставшие солдаты захватили броневики и на них прорвались в рабочие кварталы, где получили поддержку. Оставшиеся в казармах бунтовщики капитулировали. Но повстанцы овладели большей частью города. В районе порта шли баррикадные бои. У повстанцев были пулеметы, они обстреливали гавань со стороны заставы Порто Пиа и здания профсоюзов. Правительственные силы понесли большие потери при высадке в порту. Город бомбардировали батареи цитадели и пять эсминцев.

Утром 27 июня в Анкону прибыл сильный отряд королевской гвардии. Баррикады были уничтожены огнем корабельных орудий. Повстанцы отступили в город и закрепились на окраине в районе Сан-Ладзаро, но ненадолго. Восстание было подавлено, а арестовано более 400 человек. Но и войска в Албанию отправлены не были. События в Анконе вызвали цепную реакцию волнений в войсках, в том числе в Бриндизи и Червиньяно в провинции Венеция³.

Историк В.П. Любин ставит проблему: «Была ли революционная ситуация в Италии в 1919–1920 гг. и почему, если она возникла, социалисты упустили момент для взятия власти?»⁴ «Революционная ситуация» — термин, удачно введенный Лениным, характеризует

¹ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. С. 153–154.

² Там же. С. 154.

³ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 155–160.

⁴ Любин В.П. Раскол итальянских левых и полемика с Коминтерном 1921–1922 гг. // Время Коминтерна. Материалы международных научных конференций к 100-летию Коммунистического интернационала. М.: ГПИБ, 2020. С. 190.

наличие предпосылок для начала революции¹. Если сравнить события в Италии 1919–1920 гг. с начальной фазой, скажем, революции в России 1905–1907 гг., то мы увидим здесь набор не просто таких же предпосылок, но и даже событий, которые в 1905 г. были частью революции, — аграрные волнения с захватами земли, сменяющие друг друга массовые стачки, образование Советов, местные восстания, в том числе военные. Уровень массовой социально-политической активности, выходящей за рамки легитимности, свидетельствует о наличии революционной ситуации в Италии, причем настолько выраженной, что некоторые события этого периода можно было воспринимать как начало революции. Однако для того, чтобы произошла революция, необходимы действия политических лидеров, которые приводят либо к обострению конфликтов и выходу ситуации из-под контроля властей — вплоть до свержения режима, либо к глубоким реформам, к «полезной» социальной работе, когда энергия массовых выступлений заставляет господствующие элиты идти на фундаментальные уступки. Выбор этих путей и результативность перемен во многом зависит от тех организаций, которые пользуются авторитетом у активных масс, и от их лидеров. В Италии 1919–1920 гг. это были прежде всего ВКТ, ИСП и УСС. Политические результаты социальных потрясений зависели прежде всего от ИСП.

* * *

На севере Европы тоже было неспокойно. В авангард скандинавского радикализма вышла Норвегия. Она была нейтральным государством, но мировые потрясения воздействовали на ее экономику, и здесь не было военного режима, который сдерживал социальные конфликты в воюющих западноевропейских странах. В условиях инфляции, вызванной мировой войной, подъем социальной борьбы в Норвегии начался в 1917 г. Центральное объединение профсоюзов Норвегии (ЦОПН), политически связанное с Норвежской рабочей партией (НРП), организовало 6 июня 1917 г. первую в истории страны всеобщую забастовку. Массовые забастовки, включая отраслевые, сменяя друг друга, продолжались до 1921 г. Правительство старалось идти на уступки, регулируя цены, насколько могло. Рабочие явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, создавали Советы рабочих депутатов по российскому образцу, требовали рабочего контроля, подозревая предпринимателей в том, что они наживаются на войне, оставляя на долю рабочих издержки дезорганизации мирового хозяй-

¹ О понятии «революционная ситуация» подробнее см.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина-МЕДИА, 2014. С. 17–22.

ства. Под давлением стачечников в Норвегии был введен 8-часовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя. Либеральное правительство сформировало комиссию по изучению проблем социализации.

Все более радикальной становилась НРП. «Такие радикалы, как Кюрре Грепп, Мартин Транмель и Олав Шефло, единственным способом взятия власти считали революцию. Теоретические и практические возражения заслуженных партийных лидеров Кристиана Кнудсена, Карла Еппесена и Олава Крингена совершенно не брались в расчет»¹, — пишет историк Д.В. Фомин-Нилов. Обстановка в стране и мире изменилась, и былые заслуги уже не могли определять авторитет политиков. В марте 1918 г. на XXIII съезде НРП ее возглавили радикальные лидеры. Съезд включил в программу положения о революционных непарламентских действиях и Советах рабочих и солдатских депутатов. Осенние выборы 1918 г. усилили антипарламентские настроения в НРП: получив около трети голосов, по мажоритарной системе она получала только 18 мест против 50 у консерваторов с их союзниками и 54 у либералов с их союзниками. Чрезвычайный съезд НРП 7–10 июня 1919 г. принял решение присоединиться к Коминтерну.

В 1918–1919 гг. число человекодней, потерянных из-за забастовок и локаутов, выросло в пять раз, а в 1920 г. — еще в два раза². Волна классового конфликта нарастала. Это вызывало раздражение за пределами рабочего класса и левой интеллигенции. В июле 1920 г. либералов у власти сменили консерваторы. Осенью по Норвегии ударил мировой экономический кризис, который ухудшил материальное положение рабочих.

В соседней Дании также росло число стачек — с 242 в 1918 г. до 504 в 1919 г. В результате в 1918–1919 гг. реальная зарплата увеличилась на 40 %. Наряду с Центральным объединением профсоюзов в стране действовало более радикальное синдикалистское Объединение профсоюзной оппозиции. 10 августа и 13 ноября 1918 г. (после известия о революции в Германии) синдикалисты провели массовые демонстрации, которые сопровождались беспорядками. Более осторожные социал-демократы, которые с 1916 г. входили в правительство, отреагировали на революционные известия с юга требованием реформ. И реформы последовали — в 1919 г. была конфискована часть церковных земель и аристократических родовых поместий. Государство сдавало эти земли в аренду безземельным крестьянам, смягчая социальную ситуацию на селе. Продолжилась инициированная во время войны социал-демократами законодательная дея-

¹ Фомин-Нилов Д.В. Норвежская рабочая партия: путь к власти (1887–1935). К 120-летию Норвежской рабочей партии. М.: Собрание, 2010. С. 72.

² История Норвегии. М.: Наука, 1980. С. 345.

тельность, направленная на расширение социальных прав и гарантий (о поддержке стариков и сирот, борьбе с бедностью, кассах взаимопомощи и больничных кассах и др.). Была проведена демократическая судебная реформа¹.

Король и консервативные круги попытались укрепить свои позиции, опираясь на шовинистические настроения. Версальская система предполагала расширение Дании за счет части Шлезвига (отторгнутого у нее в XIX в. Пруссией), но по результатам референдума. Голосование 10 февраля 1920 г. оказалось в пользу Дании в Северном Шлезвиге и в пользу Германии в Центральном. Датский премьер-министр Карл Цале (социал-либерал, лидер Радикальной партии) признал эти результаты, что вызвало возмущение датских шовинистов, которые желали возвращения если не всего Шлезвига, то хотя бы центрального для этого исторического региона города Фленсборга. Учитывая, что Германия в это время была фактически беззащитна в случае вторжения извне, возник соблазн «похода на Фленсбург», на что Цале не соглашался. Консерваторы и либералы требовали отставки правительства и немедленных выборов. Но предстояла Пасха, когда парламент не работал. 27 марта депутаты ушли на каникулы. Король не стал следовать положенной парламентской процедуре и 29–30 марта 1920 г. отправил правительство Цале в отставку, заменив его беспартийным, но послушным Отто Либе. Такое возвращение к абсолютизму во время праздников, известное как «пасхальный переворот», возмутило левых либералов и социал-демократов. Профсоюзы и социал-демократы назначили на 6 апреля всеобщую стачку с требованиями не только вернуться к парламентаризму, но и объявить политическую амнистию, провести демократизацию избирательного законодательства, запретить локауты и допустить рабочих к управлению предприятиями, создать Советы. 1 апреля часть предприятий начала бастовать, а 3 апреля толпа перед королевским дворцом скандировала «Республика!». 5 апреля Либе ушел в отставку, и в ходе переговоров стороны договорились о проведении выборов по новому, демократизированному закону. Дания отказалась от внешнеполитической авантюры. Парламентаризм устоял, и датский король больше никогда не выступал вразрез с парламентским большинством. Впрочем, выборы 1920 г. принесли победу правым партиям².

Соседняя Швеция также сохраняла нейтралитет, но пострадала от войны сильнее Дании и Норвегии. Морская война и блокада Гер-

¹ История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. С. 58–61.

² Там же. С. 64; Новейшая история стран Европы и Америки. 1918–1945. С. 303.

мании со стороны Антанты ударили и по Швеции, которая не могла получать нужные ей товары через Балтику. Пришлось нормировать хлеб, жиры, кофе, картофель и горох. Возник острый дефицит потребительских товаров. Правда, безработица повысилась незначительно — рабочие руки требовались на лесозаготовках¹. Однако перемещение из городов для рабочих тоже было испытанием.

Рабочие массы контролировались Центральным объединением профсоюзов Швеции (ЦОПШ) и Социал-демократической партией Швеции (СДПШ) во главе с Яльмаром Брантингом. Пока шла война, Брантинг и его товарищи удерживали рабочих от выступлений. Социал-демократы не были настроены революционно — их главной задачей было добиться завершения избирательной реформы, начатой еще в 1909 г. Они получили широкие возможности на выборах в нижнюю палату, но при выборах в коммунальные советы действовали цензы, которые ослабляли влияние рабочих организаций. А от состава местных представительных органов зависел состав верхней палаты, которая могла блокировать инициативы либералов и социал-демократов. 5 июня 1917 г. во время дебатов о реформе в рикстаге произошло столкновение демонстрантов и полиции. Перед Швецией замаячила перспектива демократической революции. На выборах 1917 г. социал-демократы получили в парламенте 97 мест, либералы 62, а правые 59. Социал-демократы были готовы поддерживать либералов во имя демократической избирательной реформы. В октябре 1917 г. к власти пришло либеральное правительство Нильса Эдена, которое поддерживали социал-демократы. Однако верхняя палата продолжала препятствовать введению всеобщего избирательного права на местных выборах, пока в Европе не разразилась серия революций. Начало мирового революционного подъема сдвинуло реформу в Швеции с мертвой точки. 22 ноября 1918 г. соответствующий проект был внесен в рикстаг, и здесь было достигнуто принципиальное соглашение основных политических сил о проведении реформы, которая не только вводила всеобщее и равное избирательное право в местные органы власти, но и предоставляла избирательное право женщинам. В 1919–1921 гг. реформа была проведена через все необходимые процедуры. Еще одной важной уступкой рабочим было введение 8-часового рабочего дня 29 сентября 1919 г.

Глядя на то, что происходит к югу и востоку от Балтики, шведская правящая элита в который раз пошла на уступки без революции — редкое свойство для европейских элит.

¹ *Андерсон И.* История Швеции. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. С. 389, 392.

* * *

Больших успехов социал-демократическая политика достигла в Австрии, которая после завершения войны и распада Австро-Венгрии оказалась в столь же бедственном положении, что и Германия. Однако левым силам удалось обойтись без столкновений между собой (хотя в апреле 1919 г. ситуация в Вене оказалась на грани столкновений, подобных берлинским).

16 февраля 1919 г. на выборах в Конституционное собрание социал-демократы получили 72 места против 69 у Христианско-социальной партии и 26 у пангерманистов. 15 марта было создано коалиционное правительство во главе с социал-демократом Карлом Реннером, в которое вошли социал-демократы и социал-христиане.

Социал-демократы попытались осуществить идею социализации. Но они очень приблизительно представляли себе, что это такое, поэтому создали комиссию по социализации во главе с Отто Бауэром. 24 апреля 1919 г. она внесла в парламент четыре закона: о производственных советах, об обобществленных предприятиях, об отчуждении предприятий, о переводе предприятий в собственность общин. Предполагалось создать несколько уровней общественного контроля за экономикой — регулирование сверху и производственное самоуправление на местах. 15 мая закон о производственных Советах был принят, но их полномочия практически дублировали профсоюзы (что в итоге сгубило их в Германии). Но в Австрии с 1 января 1920 г. Советы получили права на рабочий контроль, в том числе право ознакомления с документацией и включение двух представителей в административные советы акционерных обществ. Принятый 29 июля закон об общественных предприятиях устанавливал, что их создают государственные структуры, которые также могут принимать долевое участие в «предприятиях общественного характера». В общественных предприятиях должна была создаваться система управления парламентского типа: созываться общее собрание из представителей государства, производственных Советов, дирекции, кредитного института. Это собрание должно было назначать дирекцию, заключать долгосрочные договоры, утверждать итоговые финансовые документы и участвовать в распределении прибыли¹.

При такой системе от экономической демократии оставалось немного. Если бы так строилась политическая демократия, то в парламент следовало бы избирать только четверть депутатов, а остальных назначать.

---

¹ Кукушкина И.А. Австромарксизм в межвоенный период: теория и практика // Левые в Европе XX века. Люди и идеи. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 169.

Государство и организации потребителей совместно создали «Объединенные кожевенные и обувные предприятия», которые стали прибыльным проектом, как и общественное предприятие «Австрийские лекарства». Так что «общественный» сектор был невелик, но сравнительно эффективен.

Комиссия по социализации предложила и другие законы: об обществлении угольной и электронной промышленности, крупных лесных массивов, оптовой торговли лесом, сверхкрупных земельных владений. Эти законы были отвергнуты парламентом. Зато в 1923 г. пришедшие к власти в Вене социал-демократы запустили в городе программу широкомасштабного жилищного строительства¹, известную как «Красная Вена». Наследие десятилетия «Красной Вены» до сих пор заметно в архитектуре австрийской столицы и сыграло большую роль в решении социальных проблем в 20-е гг.

Историк И.А. Кукушкина не соглашается с теми авторами, которые считают, что задача дискуссии о социализации лишь смягчила требования рабочих, ничего не меняя в капиталистической структуре экономики страны. По ее мнению, социал-демократы отнеслись к этой задаче серьезно. Бауэр надеялся преобразовать бюрократический «военный социализм» сразу в демократический социализм². Да, отношение социал-демократов к социализации было серьезным, но им удалось лишь немного продвинуть Австрию по пути создания социального государства. Для этого требовались бюджетные ресурсы либо дополнительные стимулы для работника трудиться интенсивнее. Сложная система согласований, предложенная австрийскими социал-демократами в качестве «социализации», таких стимулов не давала. В октябре 1920 г. к руководству правительством пришла Христианско-социальная партия, а в 1922 г. пост канцлера занял ее представитель Игнац Зейпель, стремившийся к максимальной экономии бюджета.

* * *

Сила мировых послевоенных потрясений была столь велика, что она вызвала предынфарктное состояние в самом сердце мирового капитализма, каковым стали США. Северная Америка непосредственно не пострадала от разрушений войны, заплатив лишь счет кровью за победу над Германией. Президент США примерил на себя роль архитектора мироустройства. Штаты могли похвастаться относительно высоким уровнем жизни. Рост промышленной продукции за годы

¹ Кукушкина И.А. Австромарксизм в межвоенный период: теория и практика. С. 170–178.

² Там же. С. 170–171.

войны в США увеличился с 23,9 млрд до 62 млрд долларов¹. И тем не менее Штаты охватила стачечная волна, которая сопровождалась расовыми потрясениями и террористической активностью.

В связи с вступлением США в войну были приняты меры к ограничению гражданских прав, которые во многом сохранились и после войны. В 1917 г. был принят закон о шпионаже, а в 1918 г. — закон о подстрекательстве к мятежу, по которому приговоры суда получили более тысячи человек². Лидер социалистов Юджин Дебс, выступавший против участия в войне и призыва в вооруженные силы, провел в тюрьме около трех лет.

Завершение войны привело к размораживанию социальных конфликтов. В 1919 г. в США произошло 3630 стачек с участием 4 млн рабочих³. Забастовщики требовали 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, признания прав профсоюзов и заключения коллективных договоров. Несмотря на то что радикальный синдикалистский профсоюз Индустриальные рабочие мира (ИРМ) подвергся разрушительным репрессиям, профсоюзное движение в это время значительно радикализировалось под влиянием европейского революционного подъема. Американская федерация труда (АФТ) в июне 1918 г. поддержала программу с требованием участия профсоюзов в совещаниях при дирекции предприятий, в 1919 г. — план участия рабочих в управлении железными дорогами. Радикальные социальные требования пугали предпринимателей и помогали добиваться материальных уступок.

1 мая 1919 г. прошли массовые социалистические манифестации. В Бостоне демонстрация была разогнана, но манифестанты оказали сопротивление полиции. Столкновения с жертвами произошли в Кливленде.

С 21 января 1919 г. бастовали докеры Сиэтла. Забастовку организовали АФТ и ИРМ. 60 тыс. рабочих выступали за социализацию производства⁴. Масла в огонь подлила телеграмма директора государственной корпорации ремонта судов, который выступил категорически против повышения зарплат на верфи. Тогда профсоюзы Сиэтла объявили всеобщую забастовку. Был создан Всеобщий забастовочный комитет, наминавший Совет рабочих депутатов. Он взял под контроль социальную жизнь города и решал, какие работы могут в нем производиться, а какие — нет. Забастовщики получали в мага-

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 333.

² *Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015. С. 77.

³ Всемирная история. Т. VIII. С. 336.

⁴ История США. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 28–29.

зинах продукты по пониженным ценам. Производилась и бесплатная раздача продовольствия со складов, пока они не опустели.

Полиция воздерживалась от действий против забастовщиков. Порядок успешно поддерживала ветеранская организация. В городе велась просоветская и анархистская агитация. Большой резонанс получила статья социолога и сторонницы ИРМ (в дальнейшем — известной коммунистки) Анны Луизы Стронг в профсоюзной газете «Профсоюзные записки Сиэтла», где она доказывала, что лучшим выходом из положения будет переход промышленности под управление самих рабочих. Этот синдикалистский тезис был популярен среди забастовщиков.

8–11 февраля под давлением руководства АФТ всеобщая забастовка была постепенно прекращена, протесты же на верфи продолжались почти весь февраль.

Забастовка в Сиэтле показала, что массовые действия рабочих с требованиями революционных социальных преобразований могут проходить бескровно и не сопровождаться беспорядками. Но в этом случае власть, сохраняя выдержку и оказывая давление на профсоюзные структуры, может «перетерпеть» забастовку.

6–11 февраля 1919 г. бастовали докеры Нью-Йорка. Среди крупных забастовок 1919 г. можно назвать также стачки рабочих скотобоен, металлургов, шахтеров, работников общественного транспорта Нью-Джерси, табачных фабрик Нью-Йорка, железнодорожников штата Вашингтон и др.

В сентябре бастовали даже полицейские Бостона. Чтобы остановить подъем преступности, в город была введена национальная гвардия.

1 апреля 1919 г. началась стачка шахтеров, охватившая 600 тыс. человек. Она сопровождалась кровавыми столкновениями с полицией и войсками. Объединенный союз горняков выступил за национализацию шахт. Забастовка продолжалась до марта 1920 г., когда предприниматели согласились повысить заработную плату более чем на четверть.

Стачка сталелитейщиков охватила 10 штатов и 365 тыс. участников. В 1920 г. предприниматели пошли на уступки, сократив рабочий день и увеличив зарплату на десятую часть.

В июле проходила забастовка 100 тыс. рабочих Чикагского железнодорожного узла, которая распространилась и на другие узлы, а в августе переросла уже во всеобщую стачку железнодорожников. Бастующие выдвинули план, который предусматривал национализацию железных дорог путем выкупа государством и участие в управлении представителей профсоюзов. В сентябре началась забастовка в сталелитейной промышленности, в которой участвовало

365 тыс. человек. Одним из лидеров забастовки был Уильям Фостер, секретарь профсоюза рабочих сталелитейной промышленности, в будущем — лидер компартии США.

1 ноября началась забастовка горняков, в которой участвовало 500 тыс. человек. Забастовка была объявлена незаконной, и 11 ноября руководитель объединенного союза горняков Джон Ллевеллин Льюис объявил о ее прекращении и заявил: «Мы — американцы. Мы не должны бороться против нашего правительства»¹. Сталелитейщики продолжали сопротивляться до января 1920 г.

В 1920 г. в США бастовали 1,4 млн рабочих, в 1921 г. — 1,1 млн в 1922 г. — 1,6 млн².

Аналогичные процессы происходили в соседней Канаде, где в 1914–1916 гг. было зарегистрировано 244 забастовки, в 1918 г. — 230, а в 1919 г. — 336³. В июне 1919 г. прошла всеобщая забастовка в Виннипеге, которую 1 мая начали металлисты и строители. Они выступали за увеличение заработной платы, признание профсоюзов и введение 8-часового рабочего дня. 15 мая к металлистам присоединилось большинство рабочих города, и Виннипег оказался под контролем «Комитета 300», представлявшего профсоюзные организации. 21 июня в город вошли войска, происходили аресты профсоюзных лидеров. 26 июня забастовка была прекращена. Рабочим удалось добиться сокращения рабочей недели с 55 до 50 часов и признания прав цеховых комитетов⁴.

* * *

Американская имущественная элита всерьез опасалась, что революционная волна из Европы перекинется на США. Учитывая радикальные требования рабочего движения, эти опасения не были лишены оснований, но государственные деятели видели причины радикализации не в социальных проблемах, а в агитации экстремистов, которые готовят анархо-большевистский переворот. Страх перед ними перерос в настоящую истерию, известную как «Красная угроза».

Противники леворадикальных активистов могли опираться на иммиграционное законодательство, предусматривавшее высылку прибывших в страну сторонников анархистских взглядов. В 1919–1920 гг. на уровне штатов также принимались законы о наказании за оправдания насилия ради социальных изменений.

В условиях «Красной угрозы» в США еще сильнее попирались демократические нормы. Так, в 1919 г. в конгресс был избран социа-

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 336–337.

² Новейшая история стран Европы и Америки. 1918–1945. С. 138.

³ Всемирная история. Т. VIII. С. 313.

⁴ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 210.

лист Виктор Бергер, но в связи с его взглядами и немецким происхождением парламент лишил его мандата. Бергер пытался протестовать, но его приговорили к тюремному заключению за подстрекательство к мятежу.

В 1920 г. из нижней палаты законодательного собрания штата Нью-Йорк 140 голосами против шести были исключены пять избранных социалистов. Таким образом, обнулялись и голоса их избирателей, которым нравились левые лозунги и требования.

Хотя закон о подстрекательстве к мятежу должен был потерять силу после войны, некоторые штаты приняли аналогичные акты для мирного времени.

Если преследования анархистов были обычны со времен убийства анархистом Леоном Чолгошем президента Уильяма Мак-Кинли в 1901 г., то большевизм стал новым вызовом. 19 сентября 1918 г. начала работу сенатская комиссия во главе с сенатором-демократом Ли Слейтером Оверманом, которая собирала и обсуждала различные компроматы на большевиков, выясняла, как большевизм и германская агентура внедряются в США. В июне 1919 г. был опубликован отчет комиссии, который ожидаемо раскритиковал коммунистов и их практику в России и рекомендовал противостоять влиянию не только анархистов, но и коммунистов.

В апреле 1919 г. Америку потрясло дело о рассылке по почте бомб. Было разослано 36 взрывоопасных посылок. Объектами атак были верховный судья Оливер Уэнделл Холмс, генеральный прокурор Александр Митчелл Палмер, сенаторы, бизнесмены, включая Джона Рокфеллера, иммиграционные чиновники и многие другие. Большинство бомб должны были взорваться 1 мая. 29 апреля взрывное устройство сработало в доме сенатора Томаса Уильяма Хардвика, были ранены его жена и домработница. Началось расследование, которое обнаружило и другие посылки. Но отправителей найти не удалось. В рассылке бомб подозревались «галлеанисты».

В начале XX в. в анархистских кругах США приобрел популярность итальянец Луиджи Галлеани. Он открыто выступал за революционное насилие, в том числе убийства представителей государства и буржуазии с помощью бомб, схемы изготовления которых рассылал всем желающим. Из тех, кто был близок к кругу Галлеани, наибольшую известность впоследствии приобрели Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. «Галлеанисты» осуществляли теракты предположительно уже с 1914 г.¹

¹ См.: *Avrich P. Sacco and Vanzetti: The Anarchist Background*. Princeton; N.Y., 1991.

2 июня 1919 г. было произведено восемь взрывов крупных бомб в различных городах США. Целью были чиновники и судьи, участвовавшие в репрессиях против анархистов. Погибли две случайные жертвы и один из исполнителей. Серьезно пострадал дом генпрокурора Палмера.

В обстановке истерии были приняты меры, которые лишь помешали расследованию — попавшихся под руку подозреваемых во главе с их вождем просто выслали из США. Часть реальных и мнимых «галлеанистов» осталась в стране и находилась под пристальным вниманием полиции.

На месте взрыва были найдены листовки, призывавшие к классовой войне и разрушению тиранических учреждений. Расследование изготовления этих листовок в феврале 1920 г. привело к «галлеанистам» Андреа Сальседо и Роберто Элиа. После долгих допросов Сальседо 3 мая выпал из окна 14-го этажа здания департамента юстиции. Начался скандал. Полицию обвиняли в пытках и других нарушениях прав заключенного. Упустив лидера «галлеанистов», власти искали возможность на ком-нибудь отыграться. Одним из активных обличителей властей в связи с гибелью Сальседо был анархист Ванцетти. В начале мая он и его знакомый Сакко были арестованы по обвинению в бандитском нападении с убийством кассира и охранников. Доказательств было мало, но в обстановке «Красной угрозы» и антиитальянских ксенофобских настроений оба обвиняемых были приговорены к смерти. Неправосудность приговора вызвала мировой резонанс, но Сакко и Ванцетти все равно были казнены в 1927 г.¹

Репрессии против «галлеанистов» не остановили террористическую активность. Крупнейший теракт этого времени произошел 16 сентября 1920 г., когда во время серии взрывов на Уолл-стрит погибло более 30 человек и несколько сот было ранено.

7 ноября 1919 г. Палмер развернул кампанию массовых арестов иммигрантов, подозревавшихся в леворадикальных взглядах («рейды Палмера»). Происходили внезапные нападения на помещения профсоюзов, левых общественных организаций, квартиры активистов.

По подозрению в нарушении закона о шпионаже и закона о подстрекательстве было задержано около 10 тыс. человек, из которых 3500 было арестовано, около 600 человек было выслано. Так, в декабре 1919 г. агенты Палмера арестовали 249 человек, включая извест-

---

¹ См.: *Джаугин Г.А., Морган Э.М.* Наследие Сакко и Ванцетти. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.

ных анархистов Эмму Гольдман и Александра Беркмана. Их и еще почти 350 человек на пароходе «Бафорд» отправили в Советскую Россию. Там этот «советский ковчег» торжественно встретили, но по возвращении из «страны победившего пролетариата» Гольдман и Беркман опубликовали резкую критику порядков, установленных коммунистами.

Во время «рейдов Палмера» выдвинулся юный Эдгар Гувер, будущий многолетний директор ФБР. Гувер создал в составе Следственного бюро Министерства юстиции новое подразделение — отдел общей разведки, который собрал досье почти на 150 тыс. человек, на основании которых производились аресты.

Однако демократическая общественность и видные юристы, включая часть судей Верховного суда, обрушилась на Палмера с критикой за нарушение законодательства, в том числе конституции. Большинство арестованных пришлось отпустить. Палмер пытался запугать американское общество, утверждая, что на 1 мая 1920 г. планируется восстание радикалов. Но ничего не случилось. Уставшая от правой истерии либеральная пресса перешла в контрнаступление, издеваясь над паранойей Палмера. Но он понял, что не является национальным героем лишь тогда, когда проиграл праймериз Демократической партии. Руки его опустились, а с поражением демократов на выборах он ушел со службы. Идея «Красной угрозы» была дискредитирована и сошла на нет, но она сыграла свою роль в поправлении американского общества.

В политическом отношении «Красная угроза» была иллюзорной: массовые социально-политические силы в это время не выступали за сокрушение конституционной системы США, а радикальное требование социализации, которое приобрело массовую поддержку, носило социально-экономический характер. ИРМ ослаб, Коммунистическая партия Америки только создавалась и была малочисленна, хотя, судя по лозунгам забастовщиков, опыт Советской России был популярен.

Коммунистическая партия Америки (КПА) создавалась из двух источников. Джон Рид, синдикалист и журналист, вдохновленный Октябрьской революцией и написавший о ней апологетическую книгу «Десять дней, которые потрясли мир», надеялся на то, что в КПА уйдет левое крыло или большинство Социалистической партии Америки (СПА). Рид стремился выступить на съезде СПА и поставить там вопрос о преобразовании ее в КПА. Другой лидер американских коммунистов, Чарльз Рутенберг, базировавшийся в Кливленде, не считал нужным оглядываться на СПА, объединяя всех американских сторонников большевизма.

Сторонники Коминтерна получили большинство в исполкоме СПА, но старое руководство не признало этот «переворот» и провело чистку партии. 21 июня в Нью-Йорке собралась конференция левого крыла социалистов, на которой Рид призвал революционизировать СПА и дать бой правому крылу на предстоящем съезде. 1 сентября сторонники Рутенберга провозгласили КПА, а 2 сентября сторонники Рида, которых исключили из СПА и не пустили на съезд партии, провозгласили Коммунистическую рабочую партию Америки (КРПА)¹. «В рядах первой объединились главным образом социалисты-иммигранты, а второй — коренные американцы»². В КРПА было заметно влияние синдикализма. В мае 1920 г. под давлением Коминтерна обе партии слились в объединенную КПА.

Ответом на «Красную угрозу» стала консолидация правых охранительных сил. Весной 1919 г. был создан ветеранский «Американский легион», готовый сражаться с анархистами и коммунистами. Легионеры нападали на стачечников и левых демонстрантов, их состав пересекался и с участниками расистских акций. Росло и влияние восстановленного в 1915 г. Ку-клукс-клана, который снова стал массовой организацией.

Пока агенты Палмера охотились за красными, в США снова возникли проблемы с черными. Расовая проблема в США, начиная с гражданской войны, время от времени потрясала южные штаты, но в 1919 г. она впервые стала общенациональной бедой. И это было начало истории потрясений, которые продолжаются и век спустя.

Во время мировой войны положение чернокожего населения США изменилось. Кто-то стал ветераном войны, что было почетно, кто-то пришел на работу в промышленность, чтобы заменить ушедших на фронт. С одной стороны, росло гражданское достоинство чернокожих, с другой — их доля в городском населении северных штатов США, где не действовали южные законы о расовой сегрегации, но сама сегрегация на бытовом уровне тоже существовала. На севере тоже были сильны расовые предрассудки, но черные пытались их игнорировать. Да и на юге они тоже не готовы были терпеть расовый гнет, как прежде, а белые расисты отвечали на это расправами по «суду Линча».

В первый год после окончания войны прошло 70 линчеваний, в том числе погибли 14 ветеранов войны. К 1922 г. погибли 239 афроамериканцев. Но афроамериканцы не были бессловесными жертвами. Летом–осенью 1919 г. произошло не менее 25 кровопролитных

¹ Бессараб М. Страна моего сердца. Повесть о Джоне Риде. М.: Советский писатель, 1984. С. 202–203.

² Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 136.

столкновений на расовой почве¹. Крупные столкновения случились в Вашингтоне в июле 1919 г. Афроамериканцы дали отпор нападению белых и взяли под контроль несколько кварталов. Они применяли против полиции даже ручные гранаты. Против афроамериканских отрядов самообороны была брошена национальная гвардия².

27 июля — 9 августа в столкновениях в Чикаго погибли 15 белых и 23 черных, а ранены 178 и 342 человека соответственно. Белые обнаружили черную молодежь, нарушившую границу на озере Мичиган и заплывшую на пляжи, зарезервированные только для белых, несколько нарушителей были утоплены. После отказа полиции вмешаться начался бунт черной молодежи Чикаго, продолжавшийся 13 дней. К моменту окончания беспорядков погибли 23 черных и 15 белых, 537 человек ранены, разрушено более тысячи домов афроамериканских семей.

Соппротивление чернокожих режиму сегрегации возобновилось и на юге. В июле 1919 г. в Лонгвью (Техас) произошла перестрелка между белыми и черными в афроамериканской квартале.

В сентябре четырехтысячная толпа белых в Омахе (Небраска) потребовала от полиции выдать чернокожего Уилла Брауна, подозреваемого в изнасиловании белой женщины. Полицейские пытались остановить толпу, но их забросали камнями. Суд подожгли, подозреваемого выволокли из него и линчевали, а тело сожгли. Разгоряченные белые нападали на полицейских и чернокожих. Толпа чуть не линчевала мэра Эдварда Смита.

Крупнейшим по числу жертв стал инцидент в Талсе (Оклахома) 31 мая — 1 июня 1921 г., когда после перестрелки белые разгромили и сожгли процветающий квартал, населенный чернокожими. Белые действовали при попустительстве властей и даже бомбили черных с частных самолетов.

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения направила Вильсону протесты против действий расистов и произвола властей, требуя вмешаться и осудить расизм. Но президенту, увлеченному утверждением свобод и законности в мире, было не до этих домашних проблем.

Все же в этот период США сделали важный шаг в направлении расширения демократии: в результате долгой борьбы суфражисток и поддержавших их мужчин в 1918 г. конгресс одобрил 19-ю поправку к конституции о праве женщин голосовать. В 1919 г. ее принял сенат, а в 1920 г. поправка была ратифицирована, и женщины получили

¹ Черные американцы в истории США. Т. 2. 1917–1985. М.: Мысль, 1986. С. 19.

² Там же. С. 20.

право на голосование в США наравне с мужчинами. Их участие в выборах 1920 г. способствовало победе республиканцев.

Голосование оказалось эффективным средством нормализации жизни. 2 ноября кандидат республиканцев Уоррен Гардинг, выступавший под лозунгом «возвращение к нормальности», победил в 37 штатах, в то время как его конкурент демократ Джеймс Кокс — только в 11.

Одновременно происходили экономические события, которые изменили вектор социальной борьбы не только в США, но фактически и во всем мире капитализма. Американские элиты, обеспокоенные обесцениванием долгов в ходе инфляции, утечкой золота из США и опасностью отказа от золотого стандарта, гарантирующего финансовые отношения старого, консервативного типа, решились резко повысить учетную ставку. В первой половине 1920 г. она выросла более чем в полтора раза — до 7% в июне. «Впредь на всем протяжении XX века попыток введения столь жестких ограничений не наблюдалось. Дефляционный эффект был значительным... После того, как в первой половине 1920 года темп годового роста инфляции достиг 25%, во втором полугодии уровень цен в годовом исчислении снизился на 15%... В 1920 году снижение цен привело к резкому падению промышленного производства и скачку безработицы. К январю 1921 года, согласно оценке Совета национальной промышленной конференции, безработица в промышленности превышала 20%»¹, — комментирует экономист Адам Туз. Инвестиции падали, долги росли, надежды на социальные программы таяли. Спасая от инфляции финансовые ресурсы, верхи американской денежной олигархии пошли ва-банк, спровоцировав экономический кризис 1920–1922 гг. Учитывая «разгоряченность» масс, это было чревато новой революционной волной. Но американская элита уже уверовала в прочность социально-политического порядка в своей стране, и судьбы Европы ее мало интересовали. Аналогичным образом вели себя японские финансовые руководители, зажимая вентиль дефляции. Западноевропейские финансовые элиты поддерживали курс на дефляцию и кризис, понимая, что, если рабочие не восстанут, то падающая конъюнктура позволит удушить стачечное движение. Именно это и произошло. Теперь глобальная экономическая обстановка способствовала отливу революционной волны, хотя и не предопределяла ее. Рискованный дефляционный маневр мог привести к взрыву. Все зависело от исхода социальных боев в Европе в решающие месяцы середины 1920 г.

---

¹ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 434.

Ибероамериканский мир между анархизмом и каудилизмом

Пространство, где языками межнационального общения являются испанский и португальский, раскинулось по разные стороны Атлантики — Иберийский полуостров с одной стороны и гигантская Латинская Америка — с другой. Какие разные пространства, но в социальной психологии есть много общего. Это сказалось и в ответе на вызовы 1914–1923 гг. В революционных событиях этого времени на ибероамериканском пространстве сравнительно более весомую роль, чем в Европе, играют политизированные военные и анархисты. Конечно, и в Европе был анархистский очаг махновщины, но он локален даже для ситуации на Украине. И в Европе было множество политизированных военных, но они были преимущественно заняты усмирением революционной волны, а в Иberoамерике нередко случалось наоборот. Это любопытно и поучительно для понимания культурных особенностей регионов мира.

Для Иberoамерики начала XX в. революция — дело привычное. В предшествовавшем столетии пять испанских революций развели по разные стороны баррикад традицию и модернизацию. Португалию XIX в. сотрясало не менее двух революций, а в 1910 г. очередная революция свергла в ней монархию. Революции (или то, что ими называлось) в латиноамериканских странах в XIX в. случались чаще, чем в Европе. В 1910 г. в Мексике началась революция, рубежная для истории континента.

Экономические последствия мировой войны дестабилизировали хрупкую конструкцию испанской монархии. Хотя страна и была нейтральной, она оказалась на грани революции. Инфляция больно ударила по уровню жизни самых широких слоев общества. В 1917 г. начался серьезный социально-политический кризис, выразившийся в волнениях военных, выступлениях каталонских националистов и всеобщей стачке. Но тогда эти потоки протеста не объединились. После подавления всеобщей стачки в августе 1917 г. репрессии ослабили находившийся под контролем социалистов профцентр Всеобщий союз труда (ВСТ), но обстановка в стране продолжала накаляться. На авансцену вышли синдикалисты из Национальной конфедерации труда (НКТ). Прошедший 10–19 декабря 1919 г. конгресс НКТ объявил своей целью анархический коммунизм. Также было принято решение о временном присоединении к Коминтерну¹,

¹ Дамье В.В. Анархо-синдикализм и революционное движение в Испании (1919–1939). М.: Либроком, 2018. С. 17, 20.

пока не возник интернационал получше. Большинство делегатов не видели принципиальных различий большевистского и анархистского взглядов на коммунизм. На II конгресс Коминтерна летом 1920 г. в революционный Петроград отправился делегат НКТ Анхель Пестанья.

В феврале 1919 г. НКТ потребовала восстановить на работе нескольких уволенных рабочих. Когда предприниматели отказались, Барселона была парализована стачкой. Власти ввели осадное положение, но стачком запретил газетам публиковать официальные акты. Массовые аресты не помогли, и 24 марта требования забастовщиков были удовлетворены. И это была только одна забастовка такого рода. Кроме того, развернулась ожесточенная война между террористическими группами НКТ и террористами-«пистолерос», завербованными предпринимателями. На стороне последних действовала полиция, которая практиковала расстрелы профактивистов «при попытке к бегству». Гибли сотни людей. 8 марта 1921 г. анархисты убили премьер-министра Эдуардо Дато. Два года спустя от рук нанятых террористов погиб генеральный секретарь НКТ Сальвадор Сеги.

В 1922 г. возникла террористическая анархистская группа «Солидариос» («Солидарные»), в которую вошли Буэнавентура Дуррути, Франсиско Аскасо, Хуан Гарсиа Оливер, Рикардо Санс Гарсия и др. В 30-е гг. они станут влиятельными политическими лидерами. 4 июня 1923 г. в ответ на убийство Сеги «Солидариос» застрелили кардинала Хуана Сольдевиллу-и-Ромеро. Но синдикалистские лидеры НКТ, такие как Пестанья, выступали против террористической тактики.

Раскол в обществе нарастал до уровня полной непримиримости. Влиятельная правая газета «АВС» в 1919 г. писала, что «требуется уничтожить профсоюзное движение, поскольку оно способно сменить все, что окажется на его пути». Ведь «профсоюзные активисты пытаются совершить революцию как в России; и это означает погружение в хаос, отказ от цивилизованной жизни, посягательство на наш священный долг»¹.

Под давлением массового стачечного движения правительство пошло на уступки: в 1920 г. были введены 8-часовой рабочий день и страхование по инвалидности и старости. Был запрещен детский труд. Повысилась зарплата. В 1920 г. 74 % забастовок были выиграны или частично выиграны стачечниками². В 1920–1923 гг.

¹ Цит. по: Гранцева Е.О., Филатов Г.А., Володько А.В., Паисова А.А. Россия XX века на страницах испанской прессы и в свидетельствах дипломатов. М.: Весь Мир, 2018. С. 49–50.

² Гарсиа Х. Диктатура Примо де Ривера. М.: АН СССР, 1963. С. 58.

вступили в силу королевские указы об арбитраже при трудовых конфликтах¹.

Еще сильнее ситуацию в Испании дестабилизировал провал колониальной политики в Марокко. Северное Марокко было предоставлено Испании при разделе региона с Францией в 1912 г. Но одно дело — получить долю в колониальном разделе, а другое — установить над территорией реальный контроль. Берберские племена горного региона Риф не признавали над собой суверенитета ни Франции, ни Испании. В лидеры сопротивления выдвинулся Абд аль-Крим — бывший кади портового города Мелилья, хорошо говоривший по-испански.

Испанский иностранный легион, созданный в 1920 г., и другие войска базировались в старых владениях короны — Сеуте и Мелилье — и пытались установить контроль над побережьем между ними. В январе 1921 г. командующий гарнизоном Мелильи генерал Мануэль Фернандес Сильвестре двинулся на запад и в мае достиг города Аннуала в 60 км от Мелильи. Пытаясь удерживать коммуникации, испанцы распылили свои силы. 22 июля Абд аль-Крим атаковал и разгромил их в Аннуале. Погибло около двух с половиной тысяч испанских солдат во главе с самим генералом. Пока остатки испанской армии стягивались назад к Мелилье, они потеряли еще 10 тыс. человек². Шок от кровавого военного провала вызвал перманентный политический кризис. Политики и офицеры обвиняли друг друга в катастрофе.

13 сентября 1923 г. военные во главе с генералом Мигелем Примо де Ривера осуществили с согласия короля Альфонса XIII бескровный государственный переворот. Кортесы и партии были распущены, даже прежние урезанные гражданские гарантии отменены. Диктатор стал опорой монархии. Развернулись репрессии против анархистов, коммунистов и активистов национальных движений в Каталонии, Басконии, Галисии. Но загнанные вглубь социально-политические конфликты 10-х гг. с новой силой вспыхнут в Испании в 30-е гг.

* * *

Период Первой португальской республики 1910–1926 гг. имеет репутацию времени беспорядков и неустроенности, что служит аргументом для противников парламентаризма и политического плюрализма. Однако большую часть истории республики частая смена

¹ Cien Imágenes para un Centenario. CNT 1910–2010. Madrid: Fundacion de Estudios Libertarios Anselmo Lorenzo, 2010. P. 106.

² История Испании. Т. 2. М.: Индрик, 2014. С. 483–484.

правительств и министров мало сказывалась на жизни португальцев. Важное значение имела борьба властей с клерикализмом, а в остальном в 1910–1915 гг. жизнь мало изменилась по сравнению с временами монархии. В 1913 г. республиканскому правительству даже удалось сбалансировать бюджет, что для этой страны стало немалым достижением. Как и во всей Европе (вне зависимости от форм режимов), ситуацию изменила мировая война. В отличие от Испании Португалия втянулась в войну в 1916 г., следуя в фарватере Великобритании, от которой находилась в зависимости еще с XVIII в. Затраты на экспедиционный корпус во Фландрии, дестабилизация мировой торговли и финансов — все это ударило по бюджету Португалии, который уже не мог оправиться до 30-х гг.

Экономическая нестабильность влекла за собой политическую, у влиятельных политиков возник соблазн утвердить «сильную» власть на обломках парламентаризма. 8 декабря 1917 г. влиятельный республиканский политик Сидониу Паиш сверг президента Бернардину Машаду, объявив это революцией. Хотя конгресс сохранялся, Паиш в качестве нового президента сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Он примирился с католической церковью и благодаря ее поддержке 28 апреля 1918 г. на прямых выборах был избран президентом. В условиях высокой инфляции Национальный рабочий союз объявил всеобщую забастовку, которая была подавлена президентом.

14 декабря 1918 г. республиканец Жулиу Жозе да Кошта застрелил диктатора. На время власть перешла в свои руки военноморского министра Жуана ду Канту-и-Каштру. 17 января 1919 г. парламент утвердил его в должности президента. Офицеры — сторонники покойного Паиша требовали, чтобы «старая республика», существовавшая в 1910–1917 гг., не была восстановлена. Сторонники «старой республики» восстали в Лиссабоне, Ковильяне и Сантарене. 11 января республиканцы, закрепившиеся в Сантарене, потребовали от президента создания коалиционного правительства из сторонников «старой» (парламентской) и «новой» (президентской) республик. Но 15 января восстание было подавлено.

Зато в Порту бывший губернатор Анголы Энрике де Пайва Коусейру решил вернуть страну еще сильнее назад. 19 января он объявил монархию и пригласил домой изгнанного в 1910 г. короля Мануэла II. Под контроль монархистов перешел север страны. 22 января монархисты захватили форт Монсанту в Лиссабоне. К вечеру путч был подавлен.

Республиканское правительство было поддержано социалистами, которые направили в его состав своего представителя. В Лисса-

боне формировались рабочие батальоны для борьбы против монархистов. 13 февраля республиканские войска вошли в Порту. В армии была проведена чистка от монархистов.

Укреплению авторитета режима способствовало и участие Португалии в Парижской конференции в качестве одной из стран-победительниц.

6 августа 1919 г. в Португалии прошли президентские выборы, которые выиграл видный политик, «старой республики» Антониу Жозе де Алмейда. В октябре 1919 г. ду Канту-и-Каштру оставил свой пост и продолжил службу в качестве адмирала. Алмейда оставался у власти до конца президентского срока, что свидетельствовало о стабилизации политической ситуации (хотя в период его правления продолжались и политические убийства, и социальные волнения)¹.

Республика устояла, но финансовый кризис продолжал углубляться. В 1919–1924 гг. курс эскудо к фунту стерлингов упал с 7,5 до 127,4². Реальная оплата труда после войны по сравнению с довоенным периодом упала на 60 %³. В 1923 г. произошли волнения против роста цен. В 1919–1921 гг. страну потрясали отраслевые забастовки.

В 1919 г. на конгрессе в Коимбре профсоюзы объединились во Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), в которой большим влиянием пользовались анархо-синдикалисты.

Более радикальные анархисты и правые радикалы швырялись бомбами — в результате террористических актов 1920–1925 гг. в одном лишь Лиссабоне произошло 325 взрывов⁴.

События в Португалии эпохи послевоенной нестабильности продолжают конфликты XIX в. с его борьбой сторонников либерального республиканизма и консервативной монархии. Даже умеренный либеральный прогресс здесь пока был неуверенным и хрупким. Пиренеи оставались на периферии мировой революционной волны. Но уже следующая волна глобальных потрясений, связанная с мировым экономическим кризисом 30-х гг., поставит полуостров и особенно Испанию в центр европейской политики.

События в Португалии больше напоминают о политических традициях некоторых латиноамериканских стран, нежели Западной Европы. Популярность анархо-синдикализма и каудилизм также роднят Пиренеи и гигантское пространство от Мексики до Патаго-

¹ Presidência da República Portuguesa // URL: <https://www.presidencia.pt/?id-c=13&idi=33>

² Сапайва Ж. Э. История Португалии. М.: Весь Мир, 2007. С. 333.

³ Коломиец Г. Н. Очерки новейшей истории Португалии. М.: Мысль, 1965. С. 16.

⁴ Там же. С. 19.

нии. Впрочем, в близости ибероамериканских стран по обе стороны Атлантики нет ничего удивительного. Их объединяли и культурно-исторические традиции, и относительная отсталость в сравнении с другими странами Западной Европы и Америки.

* * *

Если для Европы мировые войны были важнейшими историческими рубежами, то Латинская Америка развивалась по собственным вехам. «Мировая» война была для Южной и Центральной Америки далеким и внешним явлением (даже если некоторые страны объявляли Германии войну, чтобы сделать приятное своим североамериканским и британским партнерам). Прежде всего, война и послевоенные потрясения в Европе оказали на страны Латинской Америки экономическое воздействие, причем довольно противоречивое. Дезорганизация всемирной торговли и инфляционный импульс, с одной стороны, значительно ухудшили положение городских низов, а с другой стороны, содействовали развитию экспортно ориентированной промышленности, получившей возможность компенсировать недостаток производства потребительской продукции в Европе.

Но страны Латинской Америки оставались преимущественно аграрными, темпы и уровень их модернизации были различными и резонировали с мировой революционной волной в нескольких очагах, в то время как большинство населения оставалось к этим потрясениям довольно равнодушным.

Влияние мировой революционной волны пришло в Латинскую Америку, когда там уже полыхала рубежная для ее истории Мексиканская революция, начавшаяся в 1910 г. и воспринимавшаяся одними как образец хаоса и кровавого ужаса, а другими — как пример для подражания. Как и в России, ключевыми вопросами Мексиканской революции были рабочий и аграрный, а также проблема организации власти. Национально-территориальный вопрос проявился несколько иначе, чем в России: в борьбе против империализма, за контроль над ресурсами страны, в автономизме штатов (без этнических приоритетов) и в аграрном вопросе (так как среди крестьян-общинников преобладали индейцы и метисы). Ниже мы кратко проследим, как в период мировой революционной волны решались эти основные вопросы, задачи революции.

В разгар мировой войны Мексиканская революция достигла своего пика¹. Конституция Мексики, принятая 31 января 1917 г. на греб-

¹ Дата завершения Мексиканской революции является дискуссионной. Некоторые авторы привязывают ее к 1917 г., т. е. к принятию конституции. Другие не согласны с такой датировкой. Принятие конституций не всегда приводит к стабилизации

не революции, определяла программу социальных преобразований на многие годы вперед. Аграрную проблему призвана была решить 27 статья Конституции, которая одновременно запрещала передачу недр в частную собственность. Землю сверх определенного предела у помещиков предполагалось изымать. Размеры максимального землевладения призваны были определять штаты. Излишки земли следовало выставлять на торги. Таким образом, Мексика должна была покончить с латифундизмом. Собственникам земли планировалось выплачивать компенсацию. Размер компенсации и порядок ее выплаты определяли не собственники, а государство. При этом помещики должны были вернуть захваченные у крестьян земли. Запрещалось церковное землевладение (конституция отделяла церковь от государства). Основной закон поддерживал общинное землевладение, которое ранее разрушалось. Пеоны (сельскохозяйственные рабочие) не получали прав на получение земли, но их труд подпадал под гарантии, установленные для рабочих.

Статья 123 Конституции гарантировала 8-часовой рабочий день, один выходной в неделю, минимальную заработную плату, участие рабочих в распределении прибыли предприятий, ограничение на труд в ночное время, защищала трудовые права женщин и запрещала труд детей до 12 лет. Она обязывала предпринимателей платить пособие работникам при несчастных случаях, предприниматели должны были представлять рабочим в аренду дешевые квартиры и нести другие социальные обязательства. Было гарантировано право на создание профсоюзов, а решение трудовых конфликтов должно было проходить с помощью арбитражных комиссий при участии государства. Аннулировались долги пеонов и ограничивалась возможность давать им займы в дальнейшем. Запрещались насильственные методы принуждения к труду¹.

Социальные положения конституции не имели прямого действия, а представляли собой скорее декларацию о намерениях. После принятия конституции мексиканский политик мог считаться тем более левым и прогрессивным, чем активнее он осуществлял социальные положения конституции. Однако Венустиано Карранса, который пришел к власти на волне революции в 1917 г. и был избран президен-

---

ситуации. Новую легитимность еще нужно отстоять. В Мексике и после 1917 г. продолжалась гражданская война, причем в разных частях страны. Социальные положения конституции сначала практически не выполнялись, политический режим оставался крайне нестабилен. Так что нам еще придется вернуться к проблеме датировки завершения Мексиканской революции.

¹ См.: Конституции государств американского континента. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. Т. 2. С. 372–377, 426–432.

том по новой конституции, предпочел пока действовать, как обычный латиноамериканский правитель.

Карранса принято считать первым в череде президентов «революционного каудилизма»¹, имея в виду, с одной стороны, преемственность их власти от революции, готовность с разной степенью энергичности осуществлять задачи, поставленные в революционной конституции, а с другой — популизм и наличие военных званий. Но в отличие от обычных каудильо (военных вождей, диктаторов) они были конституционно избранными правителями, так что термин «каудильо» к ним применим очень условно, прежде всего в смысле персонализма власти.

Аграрная реформа при Каррансе шла, но очень медленно. За 1916 г. на основании декрета 1915 г., предвосхитившего ст. 27 Конституции, было распределено 1246 га земли². За период правления Каррансы с весны 1917 г. по май 1920 г. — всего 132,6 тыс. га³. Это была капля в море. Карранса выступал против забастовок. В некоторых штатах были созданы предусмотренные конституцией арбитражные бюро, но по решению Верховного суда их решения не имели обязательной силы⁴.

Массы мексиканцев, сражавшиеся за революционные задачи несколько лет, имели все основания чувствовать себя обманутыми. Значительная часть Мексики была покрыта очагами повстанческих движений — от сторонников радикальных антиимпериалистов Эмилиано Сапаты и Панчо Вильи до консерваторов, мечтавших о возвращении времен диктатора Порфирио Диаса (вооруженную борьбу продолжал его племянник Феликс Диас).

В феврале 1918 г. Сапата писал: «Мы все, человечество и дело справедливости, сильно выиграем, если народы Америки и нации Европы поймут, что общим делом революций в Мексике и России является дело гуманизма, высшие интересы всех угнетенных людей... Обе эти революции направлены против того, что Лев Толстой описал как “великое преступление”: бесчестной узурпации земли... Неудивительно поэтому, что мировой пролетариат приветствует русскую революцию и восхищается ею, так же как он окажет полную поддержку мексиканской революции... когда осознает ее точные цели»⁵. Харак-

¹ Соколов А. А. Рабочее движение в Мексике (1917–1923). М.: Издательство Московского университета, 1978. С. 58–59.

² Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 419.

³ История Латинской Америки. 1918–1945. М.: Наука, 1999. С. 16.

⁴ Паркс Г. История Мексики. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. С. 315.

⁵ Цит. по: Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Т. 2. С. 66.

терно, что Сапата пишет о русской революции, а не о большевизме. Но Мексика не стала вторым революционным полюсом мира: Латинская Америка в это время не выдвинула образа будущего, который приобрел бы мировую популярность.

В ноябре 1918 г. войска правительственной армии во главе с Пабло Гонсалесом заняли такой важный оплот сапатистов, как штат Морелос. Ослабленные эпидемией «испанки» сапатисты не смогли оказать серьезного сопротивления правительственным войскам. В аналогичную ситуацию год спустя попадет армия Нестора Махно, но уже из-за эпидемии тифа. Однако и Сапата, и в дальнейшем Махно не собирались сдаваться, а просто перешли на нелегальное положение, распустив свои армии на отдых. Правительственные войска действовали так, чтобы оставить возможным соглашение с сапатистами: репрессий не последовало, отчасти сохранялось самоуправление сапатистов, а земли, полученные крестьянами при Сапате, не конфисковали. Была объявлена амнистия.

10 апреля 1919 г. Сапату под предлогом переговоров заманили в засаду и застрелили. Вероломное убийство лидера повстанцев привело к падению авторитета генерала Гонсалеса, который нес прямую ответственность за его гибель. Новым лидером сапатистов стал Гильдардо Маганья. В ноябре он договорился с Каррансой о прекращении войны в Морелосе.

Наряду с повстанцами за укрепление и расширение революционных завоеваний выступали профсоюзы. В ходе революции возникла сильная анархо-синдикалистская организация «Дом рабочих мира» (ДРМ), которая сформировала вооруженные отряды (рабочие батальоны), помогавшие в гражданской войне Каррансе (в том числе и против сил анархиста Сапаты). Воспользовавшись этой поддержкой, позже Карранса стал опасаться ДРМ, в котором состояло уже около 150 тыс. человек. Рабочие батальоны были распущены. После неудачной всеобщей стачки в июле–августе 1916 г. ДРМ в Мехико был закрыт, а чуть позже один из его лидеров, Луис Моронес, начал призывать к более умеренной тактике. Он и его сторонники организовали Социалистическую рабочую партию, считая, что рабочие не могут пока победить только методами прямого действия¹. На рабочем конгрессе в мае 1918 г. сторонники Моронеса создали Мексиканскую региональную рабочую конфедерацию (КРОМ). В 1920 г. численность КРОМ достигла 50 тыс. человек, она была крупнейшим профсоюзом в Мексике, хотя и не пользовалась широкой популярностью среди нефтяников и металлургов². Официально КРОМ

¹ Соколов А. А. Рабочее движение в Мексике (1917–1923). С. 29.

² Там же. С. 41.

выступала за социальную революцию, освобождение трудящихся от капиталистической тирании, призывала к выполнению ст. 27 и 123 Конституции, развитию рабочих кооперативов и передаче орудий труда тем, кто использует их на производстве¹. В июле 1921 г. представитель КРОМ участвовала в I конгрессе Профинтерна в Москве. Параллельно с этим КРОМ активно сотрудничала с Американской федерацией труда. 15 декабря 1919 г. КРОМ создала Рабочую партию Мексики (лабористы), которая стала политическим крылом профсоюза.

Левее лаборатористов в политическом спектре стояли социалисты. В сентябре–ноябре 1919 г. Социалистическая партия была преобразована в Коммунистическую.

Синдикалисты создали организацию, которая с 1919 г. называлась Коммунистическая федерация мексиканского пролетариата. В 1921 г. на созванной синдикалистами и коммунистами «красном» профсоюзном конгрессе была образована Всеобщая конфедерация трудящихся (ВКТ). Она имела большое влияние среди текстильных рабочих Мехико, трамвайщиков и железнодорожников и др. В ВКТ вошли ветераны ДРМ и Индустриальных рабочих мира (ИРМ) в Мексике. Численность ВКТ составляла от 40 до более 60 тыс. человек². ВКТ заявила о присоединении к Московскому интернационалу, но затем отошла от него. ВКТ была радикальнее КРОМ и, соответственно, больше конфликтовала с властями.

Главным завоеванием революции в вопросе о власти, ставшем реакцией на затянувшееся правление многократно «переизбиравшегося» президента-диктатора Диаса, был запрет на повторные выборы действующего президента (принцип «никаких перевыборов»). 15 января 1919 г. Карранса объявил избирательную кампанию преждевременной, что вызвало большое недовольство со стороны его политических конкурентов, прежде всего сторонников более радикального и не менее популярного военачальника Альваро Обрегона, который выступал с идеей «развивающейся мексиканской революции» и призывал «спасти революцию от гибели»³.

Карранса не решил переизбираться на новый срок, а надеялся обеспечить избрание своего сторонника Игнасио Бонильяса, долго жившего в США и малопопулярного. Его выдвинула пропрезидентская Национально-демократическая партия.

¹ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 173; Соколов А.А. Рабочее движение в Мексике (1917–1923). С. 40.

² Соколов А.А. Рабочее движение в Мексике (1917–1923). С. 65.

³ Там же. С. 53–54.

Обрегона поддерживала Либерально-конституционная партия. Он установил деловые контакты с лидером КРОМ Моронесом. Еще в 1915 г. Обрегон санкционировал создание рабочих батальонов. В августе 1919 г. Моронес и Обрегон договорились о взаимной поддержке. КРОМ должна была поддержать Обрегона на выборах, а в случае его избрания президентом тот соглашался на создание Министерства труда во главе с Моронесом. Обрегона также поддерживала Социалистическая партия Юкатана.

Обрегон опирался прежде всего на штат Сонора, губернаторами которого были его сторонники Плутарко Кальес и затем Адольфо де ла Уэрта. В этом штате конституция реализовывалась активнее, чем в соседних, здесь был введен 8-часовой рабочий день, распределялись земельные участки.

1 июня 1919 г. Обрегон начал свою избирательную кампанию. Он переезжал из города в город, выступая перед большими толпами мексиканцев. Силловые структуры Каррансы всячески препятствовали этой активности, арестовывая и избивая сторонников Обрегона. Президентская кампания проходила на фоне продолжавшихся локальных вооруженных столкновений.

В июне 1919 г. был взят в плен и после скорого суда казнен генерал Фелипе Анхелес, соратник продолжавшего партизанить революционного вождя Панчо Вильи. За приговоренным к расстрелу следовала целая процессия поклонников. Это убийство ухудшило репутацию Каррансы и вызвало у Обрегона опасение, что его может ждать аналогичная участь.

В апреле 1920 г. против Обрегона было выдвинуто обвинение в связях с мятежниками, и 12 апреля он бежал из Мехико. В штате Сонора, который был оплотом Обрегона, стали высаживаться правительственные войска. В ответ парламент штата предоставил губернатору де ла Уэрте, стороннику Обрегона, чрезвычайные полномочия. Обрегона поддерживали сапатисты и несколько губернаторов. Противники Каррансы провозгласили «План Агуа Приета», в котором говорилось о низложении президента. Временным президентом провозглашался де ла Уэрта, который после победы над Каррансой должен был сразу провести выборы. 7 мая Карранса со свитой выехал в Веракрус, где мог чувствовать себя более уверенно, чем в полуокруженном Мехико. 9 мая туда вошли отряды Обрегона (чуть ранее столицу заняли войска восставшего против Каррансы генерала Пабло Гонсалеса). 21 мая, пробиваясь в Веракрус, Карранса был убит в горах сопровождавшими его солдатами генерала Родольфо Эрреры.

Армия сапатистов была преобразована в дивизию федеральной армии. Гильгардо Маганья стал генералом. 13 июня сапатисты учре-

дили Национальную аграристскую партию, которую возглавил идеолог движения Диас Сото-и-Гама. Министром сельского хозяйства стал сапатист Антонио Вильяреаль. 23 июня 1920 г. был принят закон о необрабатываемых землях, который облегчал их распределение среди крестьян. А 28 декабря — закон о крестьянских общинах, который поощрял коллективное землевладение.

Н.Н. Платошкин обращает внимание на то, что значительная часть заслуг периода «после Каррансы» приходится на период временного президентства де ла Уэрты (май–ноябрь 1920 г.). За 5 лет правления Каррансы среди крестьян было распределено 167 963 га земли, а всего за несколько месяцев правления Уэрты — 165 974 га земли¹. Уэрта поощрял создание сельскохозяйственных колоний из бывших бойцов враждующих армий.

26 сентября 1920 г. демонстрация против инфляции, подготовленная КРОМ, закончилась беспорядками — манифестанты ворвались в президентский дворец. Но де ла Уэрта предпочел закончить дело компромиссом и использовал эти события для лоббирования нового трудового кодекса.

Итогом всплеска гражданской войны в 1920 г. стала активизация реформ и прекращение сопротивления последних повстанцев, которые теперь были готовы признать Обрегона президентом.

Обregon не хотел легализовать Вилью, которого считал обычным бандитом. Но Вилья активизировал свои повстанческие действия, и пришлось с ним договариваться. Повстанческая армия разоружалась, с Вильей оставалось несколько сот бойцов, которых поселили на асьенде, купленной для Вильи за счет правительства. «Одно время казалось, что Вилья не только с головой ушел в бизнес, но даже стала реакционером. Когда в 1921 году аграрная комиссия штата выделила окрестным крестьянам земли рядом с асиендой Вильи, то вооруженная охрана последнего не пустила их на поля. Это вызвало решительное осуждение крестьянской лиги штата. Но Обregon делал все, чтобы без нужды не злить бывшего кровного врага»², — рассказывает Н.Н. Платошкин. С точки зрения марксиста-ленинца, может быть и казалось, что Вилья принципиально менялся то в сторону контрреволюционера, то революционера. Но реальный человек Вилья, сражавшийся против мексиканских властей и американцев, был доволен тем, что получил за свою борьбу: поместье и роскошные автомобили. Обregon считал Вилью бандитом. Бандит мотивирован в большей степени личной материальной корыстью, чем идеологией. С идеями

¹ Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Т. 2. С. 120.

² Там же. С. 209.

у Вилья дело обстояло неважно (в отличие от Сапаты). Последними годами своей жизни Вилья подтверждал, что Обрегон был не так уж и неправ. Вилью купили, и теперь интересы его асьенды были для него важнее революционных принципов.

20 июля 1923 г. Вилья был убит. У него было много врагов в связи и с прошлыми жестокостями, и с текущими местными конфликтами, и с перспективой вмешательства в политическую борьбу в ходе выборов. В организации убийства признался офицер и политик из штата Дуранго Хесус Салас Барраса, хотя в обществе широко распространено мнение, что он действовал по наущению Обрегона и Кальеса.

Без труда победив на выборах 5 сентября 1920 г., 1 декабря Альваро Обрегон вступил в должность. «Обрегон предоставил свободу печати, терпимо относился к критике в конгрессе и не злоупотреблял своей властью, чтобы без суда убивать или изгонять личных врагов»¹, — пишет историк Г. Паркс об отличиях нового президента от предшественников. Президент принялся за восстановление транспортной инфраструктуры, проводил общественные работы, что к тому же помогало бороться с безработицей. При нем экономическое положение улучшилось, происходило восстановление промышленности².

Обрегон опирался прежде всего на штат Сонора, губернаторами которого были его сторонники Плутарко Кальес и затем Адольфо де ла Уэрта. В этом штате конституция реализовывалась активнее, чем в соседних, здесь был введен 8-часовой рабочий день, распределялись земельные участки. Увидим, что в конце президентства Обрегона ситуация была не столь благостной.

Благодаря деятельности либерального министра просвещения Хосе Васконселоса было построено около тысячи сельских школ, учителя которых стали противовесом влиянию церкви в сельской местности.

Обрегон добился соглашения об урегулировании долгов Мексики. В 1921 г. Верховный суд принял решение, что ст. 27 о принадлежности ресурсов Мексики мексиканскому народу не имеет обратной силы и отношения собственности, которые возникли до принятия конституции, сохраняются. 23 августа 1923 г. было достигнуто мексиканско-американское соглашение, которое подтверждало, что существующая иностранная собственность на территории Мексики сохраняется. В дальнейшем Обрегон отрицал, что удалось до конца договориться по этому вопросу (соглашение не было опубликовано),

¹ Паркс Г. История Мексики. С. 320.

² Соколов А.А. Рабочее движение в Мексике (1917–1923). С. 116.

но 31 августа 1923 г. дипломатические отношения между Мексикой и США были восстановлены.

Новый президент обложил нефтедобывающие компании высокими налогами, которые шли на уплату процентов по иностранным займам. Хотя это вызвало возмущение американских нефтедобывающих компаний, оно было уравновешено влиянием держателей мексиканских долгов.

Была активизирована аграрная реформа. За период президентства Обрегона 158 тыс. крестьян получили 971,6 тыс. га, причем почти 500 тыс. га — уже в 1921 г.¹ Это была примерно десятая часть помещичьих земель².

Историк Н.Н. Платошкин время от времени повторяет одну и ту же аналогию: «Обрегон, как уже упоминалось, придерживался столыпинского подхода — создания класса передовых фермеров. Общинное землевладение он считал отсталым, не способным дать стране значительные экспортные поступления, так как общинники («эхидатарии»), как правило, не выращивали технические культуры (сахарный тростник и хлопок), а производили бобы и кукурузу — основу пищи мексиканских крестьян на протяжении столетий»³. Хочется напомнить, что Петр Столыпин не просто считал фермеров более эффективными, а целенаправленно разрушал общины, в то время как при Обрегоне им передавалась земля. Также Столыпин защищал помещичье землевладение, и, по сути, его реформы должны были защитить латифундии от крестьянства. Обрегон же расчленил латифундии в пользу крестьян, то есть фактически проводил противоположную Столыпину политику. Он действительно отдавал предпочтение фермерским хозяйствам, но, в отличие от Столыпина, не собирался навязывать этот путь крестьянству, предоставляя широкие возможности и для развития общинного хозяйства. Кстати, идеолог сапатистов Сато-и-Гама тоже считал крепкие фермерские хозяйства в принципе более предпочтительными, чем общины⁴. Полностью отрицать, что при Обрегоне проводилась совсем не та политика, что при Петре Столыпине и других правых реформаторах, не может даже Н.Н. Платошкин, но он находит этому такое объяснение: «...Степень радикальности аграрной реформы в том или ином штате определялась только давлением снизу кре-

¹ История Латинской Америки. 1918–1945. М.: Наука, 1999. С. 20.

² Паркс Г. История Мексики. С. 322.

³ Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Т. 2. С. 176.

⁴ Шульговский А.Ф. Мексика на крутом повороте своей истории: освободительная и антиимпериалистическая борьба мексиканского народа в 30-е годы и проблема выбора Мексикой пути социального развития. М.: Просвещение, 1967. С. 34.

стьянских организаций и отношением к реформе того или иного губернатора, который либо подавлял движение безземельных крестьян, либо, наоборот, его поддерживал»¹. Можно подумать, что губернаторами в Мексике становились люди, совсем независимые от президента. Вот при Каррансе поддержку получали те губернаторы, которые подавляли крестьянское движение. При Обрегоне же стало практически наоборот. Если бы у власти в Мексике был политик вроде Столыпина, то его отношение к стремлению крестьян поделить помещичью землю определялась бы «только» количеством войск, высылаемым на их подавление.

Закон об общинах, принятый в 1921 г., предусматривал возвращение земель, отобранных у них при Диасе. Этим занимались аграрные комиссии. В 1922 г. в закон были внесены поправки, согласно которым такие возвращаемые земли должны были обрабатываться коллективно. Хороша «столыпинская реформа». Только 2 августа 1923 г. поправки к закону предоставили возможность наделения земель в индивидуальном порядке.

Национальная аграрная комиссия в циркуляре за октябрь 1922 г. ставила целью преобразование общин в кооперативы.

В апреле 1922 г. в Мексике был принят аграрный регламент, который предоставлял жителям возможность получить 3–5 га орошаемой земли, 4–6 га земли с нормальными осадками и 6–8 га сухой земли. Минимальная норма действовала около городов. Аграрный регламент защищал поместья меньше 150 га для орошаемых земель, 250 га для земель с нормальными осадками и 500 га для сухих земель, плантации сахарного тростника с заводами и другие промышленные сельские хозяйства². При этом администрация Обрегона противодействовала самозахватам. Получать землю следовало только в законном порядке.

2 августа 1923 г. был принят закон о праве граждан занимать пустующие участки земли до 25 га орошаемых земель, до 100 га с нормальными осадками и 500 га сухих земель. Все это — меры, принявшиеся именно на центральном уровне.

И после всего этого Н.Н. Платошкин утверждает, что в аграрной реформе «инициативы центрального правительства не просматриваются вовсе»³. Классический пример идеологической слепоты. Причина ее двояка. Во-первых, Н.Н. Платошкин известен как апологет советского опыта и просоветских коммунистических партий. Обрегон далек от марксизма-ленинизма и потому уже оказывается

¹ Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Т. 2. С. 176.

² Там же. С. 183–184.

³ Там же. С. 189.

у марксистов-ленинцев под подозрением в реакционности. Н.Н. Платошкин в мексиканской трагедии поддерживает Сапату, потому что он положительно высказывался о российской революции — значит, есть надежда, что мог бы перейти от анархизма к марксизму-ленинизму, когда познакомился бы с ним поближе. Во-вторых, среди мексиканских государственных деятелей 1920–1923 гг. Н.Н. Платошкин отдает предпочтение де ла Уэрте, в чем заключается известная оригинальность подхода коммунистического историка (в левой литературе де ла Уэрта обычно считается реакционным деятелем в связи с его лидерством в «мятеже» 1923 г.). Аргументы Н.Н. Платошкина достойны внимания, но не стоит их нехватку компенсировать искусственной компрометацией Обрегона, чтобы оттенить левизну де ла Уэрты мнимой реакционностью Обрегона.

Обрегон активно занимался «рабочим вопросом». Под контроль членов КРОМ были переданы специально созданный Департамент труда и социального обеспечения, дирекция государственных военных заводов (где были введены высокие стандарты социальных гарантий для работников). Генеральный секретарь КРОМ Селестино Гаска стал губернатором столичного округа. Преувеличивая степень влияния рабочего класса на политику мексиканского государства, Каутский благословлял участие его представителей во власти при условии постепенности социальных преобразований: «Мексиканский пролетариат тем вернее удержит в своих руках руководство государством, чем больше он будет остерегаться ставить перед собой такие задачи, которые превышают его теперешние силы и попытки решения которых повлекли бы за собой растрату этих сил»¹.

Действительно, рабочую политику КРОМ и Обрегона можно считать умеренно социал-демократической. Обрегон говорил: «Мы считаем ошибочным мнение (которое имеется у многих капиталистов), что, представляя трудящимся определенные права, они подвергают опасности свои интересы, так как математически доказано, что больше производит тот работник, который лучше питается и с которым лучше обращаются...»² Для Обрегона «рабочий вопрос» был лишь одним из направлений политики, он был политиком этатистского типа, который стремится не связывать себя с интересами отдельных классов (то, что бюрократия или этакратия в таких случаях тоже может быть классом, обычно при этом не принимается в расчет). Умеренная этакратическая политика заключается в том, чтобы поддерживать баланс между социальными силами (в частности, классами)

¹ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. С. 536–537.

² Цит. по: Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Т. 2. С. 169.

и содействовать индустриальной модернизации по мере финансовых и внешнеэкономических возможностей. За такую политику для «отстающих» стран выступал и Каутский, и Обрегон. К подобной политике классового баланса в 20-е гг. вынуждены были перейти даже большевики.

В Мексике в соответствии с идеями социал-демократии действовали арбитражные бюро, где решающий голос принадлежал представителям правительства. По ст. 123 Конституции забастовки считались законными, если они не сопровождаются насилием и если не нарушены заключенные ранее договоры. Как правило, арбитражные комиссии поддерживали забастовки КРОМ. Обрегон поощрял вовлечение в КРОМ рабочих.

Мировой экономический кризис 1920–1922 гг. вел к массовым увольнениям, урезанию зарплат и сопротивлению рабочих. В 1920 г. произошли 173 законные забастовки с 88,5 тыс. участников, в 1921 г. — 310 с 100,4 тыс., в 1922 г. — 197 с 71,4 тыс., в 1923 г. — 146 с 61,4 тыс., в 1924 г. — 136 с 24 тыс. Как мы видим, пик приходится на 1921 г. В феврале–марте 1921 г. проходила всеобщая стачка железнодорожников, в октябре 1922 г. — текстильщиков Федерального округа, в январе–феврале 1923 г. — трамвайщиков Мехико, в августе 1923 г. — рабочих Веракруса. Рабочие и безработные захватывали заброшенные рудники и вели их разработку под руководством выборных комитетов и Советов¹.

Стачки, признанные незаконными, особенно проводившиеся Всеобщей конфедерацией труда, иногда перерастали в столкновения с войсками. В 1922 г. войска стреляли в бастовавших текстильщиков в штате Пуэбла. В марте 1923 г. войска стреляли в манифестацию горняков Коауилы.

Во время первомайской демонстрации 1922 г. колонна ВКТ двинулась к американскому консульству, чтобы потребовать освобождения из американской тюрьмы революционеров Риккардо Флореса Магона и Либрадо Риверы. Демонстрация была обстреляна правыми радикалами, и вооруженные левые активисты взяли штурмом и разгромили штаб-квартиру правой организации «Рыцари Колумба»². В июне ВКТ организовала всеобщую стачку в Мехико, в которой приняли участие 35 тыс. работников. Произошли столкновения с войсками. Некоторые участники этих волнений были приговорены к тюремному заключению сроком от 5 до 9 лет³.

¹ Соколов А. А. Рабочее движение в Мексике (1917–1923). С. 67.

² Дамье В. В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 176.

³ Там же.

ВКТ участвовала и в других вооруженных столкновениях. Когда забастовка трамвайщиков переросла в вооруженные столкновения, 10 февраля 1923 г. войска штурмом взяли здание столичного отделения ВКТ.

В Веракрус анархисты во главе с Эрном Проалем создали Союз съемщиков жилья, который инициировал стачку в 1922 г. Для подавления стачки были вызваны войска. Союз вел борьбу за снижение цен также на продукты питания и одежду. 5 июля войска взяли штурмом штаб-квартиру союза. Это привело к человеческим жертвам, а Проаль был отправлен в ссылку¹. Таким образом, в условиях мировой революционной волны Мексику потрясли социальные конфликты, уже не связанные непосредственно с обстоятельствами Мексиканской революции, а по своим причинам и формам близкие аналогичным выступлениям по всему ибероамериканскому пространству. Как и в ряде других регионов Латинской Америки в 1918–1923 гг., социальные потрясения в Мексике способствовали формированию институтов социального государства, что со временем содействовало и относительной стабилизации положения в городах, и вступлению индустриального перехода в его финальную зрелую фазу. Таков был и один из итогов Мексиканской революции, определившей вектор развития страны в этом направлении.

Подведение итогов революции невозможно без решения «вопроса о власти». Обрегон опирался на местных военных командиров, аграристов и лабористов, активная часть которых была вооружена. Среди партнеров Обрегона имелись острые противоречия. Когда Обрегон в 1921 г. попытался провести через конгресс рабочее законодательство, против него проголосовала Либерально-конституционная партия и аграристы. Но социальное законодательство было введено о штатах Сонора, Веракрус и Юкатан. Либеральная конституционная партия, которая поддерживала президента, попыталась провести конституционную реформу, усилив роль парламента. Но Обрегон заблокировал эти предложения. В итоге партнерство Обрегона с либеральными конституционалистами распалось, и в 1922 г. президент на выборах конгресса сделал ставку на Национальную кооперативную партию, возникшую в 1918 г. При поддержке президента она добилась успеха на выборах.

Национал-кооперативная партия создала в конгрессе Социал-демократический блок, который затем преобразовался в Национально-революционную конфедерацию в составе кооперативистов, лабористов, аграристов и социалистов юго-востока. Кооперативи-

¹ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 177.

сты контролировали большинство мест в парламенте. Но Обрегон опасался влияния парламентских лидеров и в новом составе. Когда лидер кооперативистов Хорхе Прието Лауренс победил на выборах губернатора Сан-Луис-Потоси, Обрегон не утвердил его назначение из-за многочисленных нарушений и конфликтов на выборах, а главное — потому что ставил на другого кандидата. В штате возникло двоевластие. Это привело к конфликту президента и с конгрессом, и с де ла Уэртой, который отстаивал права штатов.

19 октября 1923 г. де ла Уэрта вступил в предвыборную кампанию за пост президента. Его поддерживали кооперативисты и ряд других левых организаций. В условиях преследований его сторонников де ла Уэрта отправился в провинцию. В декабре он оказался в Веракрусе. Обрегон в предстоящих президентских выборах ставил на Кальеса.

6 декабря 1923 г. в Веракрусе из повиновения Обрегону вышел генерал Гуадалупе Санчес. 7 декабря де ла Уэрта опубликовал «план Веракруса», в котором требовал честных выборов, обвинял Обрегона в коррупции, нарушении прав штатов, обещал развитие рабочего законодательства, продолжение аграрной реформы, оплату экспроприированных земель с помощью государственных облигаций, предоставление женщинам избирательных прав. Де ла Уэрту поддерживали некоторые сапатисты и другие левые военные.

В советской литературе выступление 1923–1924 гг. рассматривалось как реакционный мятеж¹. Современная литература обычно трактует его как имевшее «консервативный характер»². В опровержение этой распространенной точки зрения Н.Н. Платошкин приводит совсем не консервативную программу де ла Уэрты. По мнению Н.Н. Платошкина, «в целом беда де ла Уэрты и многих его прогрессивных сторонников была лишь в том, что выступившие против Обрегона генералы отказывались признавать и “план Веракруса”, и самого де ла Уэрту в качестве лидера движения... Поэтому термин “мятеж де ла Уэрты” вряд ли применим к тем событиям. Скорее его следует назвать “мятежом генералов” (восстание поддержали 8 из 35 командующих военными округами). Несмотря на то, что в начале декабря 1923 года против правительства восстало примерно 40% личного состава армии (примерно 23 тысячи военнослужащих), у мятежников не было ни единого командования, ни единой территории, ни согласованного плана действий»³. Но у них был лишь один политик об-

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 492.

² Например: *Шишков А.С.* Идейная борьба в политической элите Мексики в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 17.

³ *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Т. 2. С. 229.

щенационального масштаба, который в случае победы восстания мог затем стать избранным в соответствии с конституцией президентом, так что преуменьшать роль де ла Уэрты в этом восстании не стоит. Н.Н. Платошкин был бы прав, если бы де ла Уэрта отмежевался от этого восстания, но он поддержал его и был наиболее крупной политической фигурой, которая могла бы прийти к власти в случае успеха. Поэтому название «мятеж де ла Уэрты» вполне обоснованно, хотя нельзя отрицать противоречивого характера коалиции, выступившей против Обрегона и Кальеса.

Часть генералов развернула на местах террор против левых, рабочих и крестьянских активистов. «Уже первые действия мятежников в контролируемых ими районах: прекращение раздачи помещичьей земли крестьянам, погромы профсоюзов, аграрных лиг и левых партий, кровавые репрессии против трудящихся и их руководителей показали их истинное лицо»¹, — пишет историк А.А. Соколов.

В противостоянии военному выступлению Кальес стал вооружать рабочие и крестьянские организации. Были созданы рабочие батальоны. Против мятежа выступили не только КРОМ и аграристы, но и компартия.

24 января 1924 г. мятежники были разбиты у Эсперансы и отступили к Веракрусу, который оставили 5 февраля. 9 февраля Обрегон одержал победу в решающей битве при Окотлане. 11 февраля правительственные войска вошли в Веракрус. Де ла Уэрта бежал из страны. В марте основные очаги мятежа были подавлены (последний оплот пал в июне). 6 июля 1924 г. Кальес одержал победу на президентских выборах.

Эти события — важный рубеж в истории Мексики, и не только из-за военно-политических потрясений. А.А. Соколов подчеркивает: «События декабря 1923 — марта 1924 г. (время мятежа и его подавление) означали, что режиму “революционного каудилизма” удалось не только преодолеть самый серьезный за время его существования военно-политический кризис, но и утвердиться у власти и обеспечить ее мирный переход на выборах в июле 1924 года, на которых победил Кальес»².

Но нужно иметь в виду, что поражение мятежа означало провал как его консервативной составляющей, так и сторонников гражданского плюралистического управления с социал-демократической доминантой. Это определило вектор развития Мексики на многие десятилетия. События 1923–1924 гг. стали последним кри-

¹ История Латинской Америки. 1918–1945. С. 21.

² Там же.

тическим испытанием для революционного режима (в 1926–1931 гг. произошло восстание «кристерос», но оно не приняло таких масштабов, чтобы возникла угроза падения режима). Пришедшая к власти группировка Обрегона–Кальеса первоначально выглядела как каудилистская, в том смысле, что характер политики зависел от личности лидера, сохранялся персонализм власти. Но эта группировка искала опору в новой революционной легитимности, которая в 1928–1929 гг. институционализировалась в режим Национально-революционной партии (далее — Партия мексиканской революции и Институционально-революционная партия), оказавшийся со временем сильнее персоналий и основывавший свою легитимность именно на наследии революции, на необходимости и дальше проводить аграрную реформу, снижать остроту «рабочего вопроса» методами социального партнерства, бороться за государственный контроль над ресурсами страны.

После 1924 г. развитие социально-политической системы Мексики происходило преимущественно эволюционно в направлении, определившемся в 1917–1924 гг. Поэтому 1924 г. можно считать заключительной датой истории Мексиканской революции. В 20-е гг., когда революция стала основой для легитимности режима, президенты Мексики считали, что она продолжается. Однако продолжались реформы, которым революция дала старт.

* * *

Если в Мексике завершалась многолетняя революция, то в других странах Латинской Америки глобальный импульс послевоенных перемен столкнулся с относительно стабильными обществами. Но и на этом материке, как в Европе и Северной Америке, поднялась стачечная волна. С оглядкой на пример Европы и соседних стран, рабочие требовали 8-часового рабочего дня, права на создание профсоюзов и забастовку, пенсии по инвалидности и др.

Социальные выступления переплетались с политической нестабильностью. Стачки на рудниках Боливии в апреле 1918 — ноябре 1919 г. вписали в политическую повестку страны «рабочий вопрос». 12 июля 1920 г. «республиканская гвардия», созданная из городских низов Ла-Паса республиканцем (левым либералом) Баутистой Сааведрой, при поддержке офицерства захватила столицу. Олигархический режим либеральной партии пал. Переворот поддержали и правые республиканцы (консерваторы), которые давно добивались свержения либералов. Власть перешла к хунте во главе с Сааведрой. Он опирался на средние городские слои и «республиканскую гвардию», которая была вооружена и оплачивалась лучше

армии. Вновь избранный парламент избрал его президентом. Сааведра обратился к решению социальных проблем рабочего класса. Был введен государственный арбитраж при трудовых конфликтах и право на проведение забастовок. Правда, в 1923 г. забастовка на рудниках Унсии была подавлена войсками. Зато в январе 1924 г. были опубликованы законы о продолжительности рабочего дня, порядке увольнения и компенсациях при травмах и несчастных случаях на производстве¹.

Социальные реформы не всегда спасали от социальных взрывов, а иногда в силу своей непоследовательности даже провоцировали их. 26–27 декабря 1918 г. перуанский президент Хосе Пардо-и-Барреда провел через конгресс законодательство о воскресном дне отдыха и других выходных, об обязанностях предпринимателей обеспечивать рабочих жильем, медицинским обслуживанием и школами (но только вне городов); 25 ноября — закон о защите женского и детского труда. Как пишет историк И.И. Янчук, «закон, устанавливающий для женщин восьмичасовой рабочий день, привел к сбою в текстильной промышленности Лимы (а здесь было пять фабрик примерно с 3 тысячами рабочих), так как тканей, произведенных женщинами, не хватало для последующей их доработки мужчинами. Зарплата снизилась и у тех, и у других. Рабочие мужчины потребовали введения 8-часового рабочего дня для всех трудящихся с сохранением зарплаты»². 21 декабря 1918 г. персонал текстильной фабрики «Эль Инка» объявил забастовку с требованиями 8-часового рабочего дня и увеличения зарплаты на 50 %. За ним последовали все текстильные фабрики столицы, булочники, кожевники, моряки и другие рабочие, а также крестьяне. 8 января 1919 г. войска стреляли по бастовавшим горнякам в Касапалке, трое рабочих погибли. В стране было введено осадное положение. Профсоюзы, находившиеся под влиянием анархистов, начали стачку. В листовке Комитета за всеобщую забастовку говорилось: «Товарищи! Восстаньте! Наступил день пробуждения пролетариев, и мы должны показать тем, кто считают себя всесильными, ибо владеют капиталом, что мы, рабочие, не слабы, что мы непокорны, что мы выступаем против нашего нищенского положения рабов капитала и что мы как люди, как человеческие существа имеем право на жизнь»³. 13 января забастовка распространилась на всю Лиму и Кальяо. Митинги рабочих разгонялись. 14 января забастовщики напали на квартал,

¹ История Боливии с древнейших времен до XXI века. М.: Наука, 2015. С. 377–380.

² История Латинской Америки. 1918–1945. С. 298.

³ Там же. С. 299.

в котором находился арсенал¹. 15 января часть предпринимателей пошла на уступки, булочники и кожевники получили 8-часовой рабочий день. Но хозяева текстильных предприятий с этим не соглашались. 15 января президент встретился с представителями рабочих Карлосом Барбой, Николасом Гутаррой и Виктором Аяа де ла Торре (студентом, просветителем рабочих и в будущем — известным левым политиком континентального масштаба). После беседы с делегацией Пардо-и-Барреда подписал декрет о введении 8-часового рабочего дня. Арестованные забастовщики были освобождены². 8-часовой рабочий день не распространялся на горняков, которые получили его только в 1925 г. Аяа де ла Торре стал почетным председателем Федерации рабочих текстильщиков Перу. Федерация выступала за коммунизм как конечную цель, но пока сосредоточилась на контроле за соблюдением декрета о 8-часовом рабочем дне.

Оборотной стороной успехов рабочего класса в борьбе за свои права является инфляция — предприниматели перекладывают новые издержки на потребителей. А это, в свою очередь, бьет по рабочим и другим городским низам, сводит на нет успехи предыдущей борьбы. Анархо-синдикалисты занялись этой проблемой, создавая новые протестные организации. 13 апреля 1919 г. был создан Комитет борьбы за удешевление средств существования, который возглавили анархо-синдикалисты Барба и Гутарра, выдвинувшиеся уже во время январской стачки. Комитет требовал твердых цен на основные продукты питания и предметы первой необходимости, а также уменьшение платы за проезд. На 1 мая была назначена 24-часовая забастовка. В Лиме прошла демонстрация под лозунгами «Хлеба! Работы! Долой эксплуататоров!». Волнения не закончились в день праздника Международной солидарности трудящихся. 4 мая в Лиме происходили столкновения протестующих и военных. Голодные жители Лимы громили лавки, рынки, правительственные учреждения. 5 мая началась стачка ткачей в Санта-Каталина с требованием повышения зарплаты. 25 мая полиция разогнала женский митинг против голода и нищеты, применив оружие. Лидеры Комитета борьбы были арестованы. Но все равно началась всеобщая забастовка, которая продолжалась до 31 мая. Рабочие, вооруженные динамитом, захватили здание муниципалитета. В порту Лимы был высажен военный десант, происходили столкновения забастовщиков и военных моряков. Погибли около 100 человек. Было разгромлено более 200 торговых заведений³.

¹ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 188.

² История Латинской Америки. 1918–1945. С. 299.

³ Там же. С. 300–301.

4 июля 1919 г. в ходе военного переворота был свергнут президент Пардо-и-Барреда. Под давлением массовых выступлений участники майских столкновений были освобождены и 8 июля создали Региональную рабочую федерацию Перу.

В ноябре 1922 г. прошла всеобщая забастовка в эквадорском Гуаякиле, сопровождавшаяся массовыми арестами рабочих активистов и вооруженными столкновениями. Погибли сотни людей.

Забастовочная волна накрыла Чили. По окончании войны экспорт селитры в этой стране уменьшился в три раза, также сократился экспорт меди. Общая сумма экспорта в 1917–1919 гг. упала с 2,14 млн песо до 995 тыс. песо¹. В Чили начался голод.

В 1917 г. в Чили бастовало свыше 11 тыс. работников, в 1918 г. — вдвое больше, в 1920 г. — 50 439 человек². В феврале 1919 г. забастовка рабочих шерстепрядильных предприятий в Пуэрто-Наталес была подавлена с помощью армии. Погибли 15 человек и 28 получили ранения.

В провинции Антофагаста во время забастовки на селитряных копях Сан-Грегорио 3 февраля 1921 г. произошли вооруженные столкновения между рабочими и войсками. Армейский отряд был разгромлен бастующими. Когда прибыло подкрепление, солдаты расстреляли рабочих из пулеметов. Погибло несколько сот человек, включая убитых военными плененных рабочих. В 1921 г. в Сантьяго была расстреляна даже демонстрация безработных³.

В ноябре 1918 г. на базе Рабочей федерации Чили (ФОЧ) была создана Ассамблея национального обеспечения, которая выступала против роста цен. 29 августа 1919 г. она провела в Сантьяго стотысячную демонстрацию, которая привела к падению правительства. В сентябре 1919 г. ФОЧ организовала успешную всеобщую забастовку. Большинство чилийских забастовок было организовано ФОЧ и синдикалистской организацией Индустриальные рабочие мира (ИРМ).

Политическим ответом на обострение классовой конфронтации в Чили стало усиление социал-либерального реформизма, стремившегося сгладить противоречия с помощью формирования институтов социального государства. На выборах 1920 г. Либеральный альянс выдвинул Артуро Алессандри Пальму, который отстаивал социал-либеральную программу. После победы на выборах Алессандри развернул общественные работы, прежде всего железнодорожное строительство, но социальное законодательство было заблокировано парламентом. Президент требовал принятия рабочего кодекса и налоговой реформы, а ради этого — конституционной реформы.

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 483.

² История Латинской Америки. 1918–1945. С. 170.

³ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 185.

Социальные противоречия были «канализированы» в политические. Вопрос о реформе конституции стал ключевым в политической дестабилизации в Чили, которая начнется в 1924 г.

Аналогичным образом действовал и бразильский президент Элитасиу Песoa: стимулировал общественные работы, провел закон о несчастных случаях на производстве, способствовал сокращению рабочего дня в некоторых отраслях.

Бразилия оказалась среди лидеров индустриальной модернизации в Латинской Америке, которую подхлестнула мировая война. Из имевшихся в 1920 г. более 13 тыс. промышленных предприятий Бразилии во время войны возникло почти 6 тыс. Численность промышленного пролетариата увеличилась с 135 тыс. человек в 1909 г. до 275 тыс. в 1920 г.¹ Растущий рабочий класс, пользуясь конъюнктурой и страдая от инфляции, усиливал давление на предпринимателей. Сталкиваясь с неуступчивостью, рабочие, ведомые анархо-синдикалистами, были готовы на самые решительные действия. Забастовочная борьба в Бразилии нарастала с лета 1917 г. В 1918 г. в синдикалистской Всеобщей федерации трудящихся (ВКТ) в Рио-де-Жанейро состояло около 80 тыс. членов².

В октябре 1918 г. анархисты образовали центр по подготовке восстания. 18 ноября началась стачка на текстильных предприятиях Рио-де-Жанейро, Нитероя, Петрополиса и Маже. Рабочие требовали повышения заработной платы и права на создание профсоюзов. Забастовщики взяли под контроль текстильные фабрики, расположенные вокруг площади Сан-Кристоф, взорвали бомбой машину с солдатами, забросали динамитными шашками охрану и пошли на штурм военных складов. В баррикадных боях участвовали около 500 человек. Восставшие выпустили воззвание: «Существует только один патриотизм и одна дисциплина — бороться за освобождение класса обездоленных и униженных. Есть только один путь к этому — братское единение солдат и моряков с рабочими и создание комитетов солдат и рабочих, которые возьмут на себя руководство всеми общественными делами»³. Текстильщиков поддерживали металлисты, строительные рабочие, пекари, печатники и др. В итоге некоторые категории рабочих добились повышения зарплаты⁴.

В поселке Маже, где была провозглашена рабочая республика, шли трехдневные бои. 22 ноября 1918 г. правительство запретило

¹ Всемирная история. Т. VIII. С. 481.

² Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 167.

³ Цит. по: Там же. С. 168.

⁴ Очерки истории Бразилии. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. С. 262.

ВКТ, профсоюзы текстильщиков, металлургов и строительных рабочих, но протесты продолжались весь следующий год.

Так, в августе–сентябре 1919 г. снова произошли крупные стачки строителей, текстильщиков железнодорожников, причем строители фактически добились для себя 8-часового рабочего дня.

Ряд анархистов во главе с участником восстания 1918 г. Астрожилду Перейрой позднее ушел в Бразильскую коммунистическую партию.

В начале 20-х гг., по мере уступок властей, рабочее движение в Бразилии становилось все умереннее, значительное влияние приобрела кооперативистская теория Саранди Рапосо, автора книги «Теория и практика кооперации». В марте 1921 г. он возглавил крупный профсоюзный центр — Бразильскую профсоюзно-кооперативную конфедерацию. Синдикалистские профсоюзы также продолжали свою деятельность, но на полуподпольном положении. В 1922 г. Всеобщий союз трудящихся Ресифи провел всеобщую забастовку, но был разгромлен¹.

Рассматривая эпоху мировой революционной волны 1918–1923 гг., нужно иметь в виду, что часть потрясений этого периода не имеют к ней прямого отношения и, вытекая из местных обстоятельств, практически не были вызваны мировыми факторами. Так, в 1922–1923 гг. произошла гражданская война в Парагвае, которая возникла на почве конфликтов в парагвайской элите.

5 июля 1922 г. в Рио-де-Жанейро началось восстание, генезис которого в очень малой степени связан с мировыми процессами, но которое имело в бразильской истории значение, аналогичное восстанию декабристов для российского общественного движения. Так что на нем стоит остановиться подробнее. В ходе очередных выборов южнобразильские элиты конкурировали с северными и смогли натравить на политических противников общественно-активное офицерство, объединенное в легальном Военном клубе. Его возглавлял маршал Эрмес да Фонсека. В ходе избирательной кампании были опубликованы реальные или мнимые высказывания кандидата в президенты Артура Бернардеса, направленные против армии. Офицеры считали себя оскорбленными, хотя Бернардес отмежеввался от этой публикации. Фронду возглавил Военный клуб. Возмущенные военные стали готовить военный переворот на случай победы неприемлемого кандидата. 23 июня 1922 г. Бернардес победил на выборах. 30 июня 1922 г. в штате Пернамбуку начались вооруженные протесты против итогов выборов. Туда были направлены федеральные войска.

---

¹ Очерки истории Бразилии. С. 265.

29 июня маршал Фонсека от имени Военного клуба выступил против того, чтобы «ставить нашу славную армию в одиозное положение палача народа Пернамбуку». Военачальник считал, что «политические правители приходят и уходят, а армия остается»¹. Президент отправил маршала под домашний арест. Офицеры были возмущены, и планы переворота стали осуществляться, но крайне бестолково. Некоторые военные считали повод недостаточным и не приняли участие в действиях, на которые первоначально соглашались. 4 июля на улицу вышли около 500 курсантов, но, когда стало ясно, что большинство военных не поддерживали переворот, они вернулись назад в казармы и отдали себя на милость властей. Вторым очагом выступления стал форт Копакабана, где примерно 300 восставших возглавили лейтенант Антониу ди Сикейра Кампас и капитан Эуклидес Эрмес да Фонсека, сын маршала. Капитан вскоре был арестован во время переговоров. В ночь на 6 июля у маршала случился инфаркт, от последствий которого он скончался 9 сентября.

Войска блокировали восставшие форты Копакабана и Вижиа, первый из которых подвергся артиллерийскому обстрелу. Когда положение стало безнадежным, 28 участников путча во главе с Кампасом вышли на знаменитый пляж Копакабана, который сыграл роль бразильской Сенатской площади. Горстка инсургентов шла по нему навстречу войскам, которые не спешили действовать. Отряд Кампаса даже зашел в отель «Инглес», чтобы утолить жажду. Затем произошла вооруженная стычка, в которой со стороны повстанцев участвовали всего 12 человек, 10 из которых погибли (есть и другие данные о количестве погибших, которые отличаются незначительно). Сам Кампас выжил.

Наказание для заговорщиков оказалось весьма мягким — от 4 месяцев до 1 года заключения. 15 ноября 1922 г. президент Песоа, передавая власть Бернардесу, говорил о попытке переворота: «Все патриоты страны с ужасом представляют себе, чтобы было, если бы она удалась: воцарилась бы военная диктатура, свобода была бы задущена, начался бы разгул мести и алчности мятежников, страна потеряла бы свое уважение в мире, разгорелась бы братоубийственная война, произошел бы распад нации, а над ее обломками парила бы хищная птица большевизма»². Слова Песоа оказались по-своему пророческими. Восстание 1922 г. положило начало движению «тенентистов» (от португальского *tenente* — лейтенант), которое в середине 20-х гг. приведет к гражданской войне в Бразилии, а лидер

¹ Цит. по: Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М.: Наука, 2005. С. 31.

² Там же. С. 38.

«тенентистов» Луис Карлос Престес затем станет коммунистом. Если первое выступление «лейтенантов» было наивным и не имело социальной программы, то затем они стали действовать как выразители массового недовольства значительной части общества властью олигархии, которая в Бразилии (да и не только в Бразилии) называлась «демократией».

* * *

Мировая экономическая конъюнктура времен войны серьезно повлияла и на развитие Аргентины, которая, как и Бразилия, развивалась в рамках агроэкспортной экономической модели — ее экономика очень сильно зависела от мировой конъюнктуры. Как мы видели, многие (хотя далеко не все) волнения 1917–1923 гг. имели причиной дестабилизацию торговли и финансов во время войны и при послевоенной экономической перестройке. Это сильнее всего влияло на жителей местных порталов мировой экономики — таких как Буэнос-Айрес.

Особенностью Аргентины являлась урбанизация, которая сильно опережала уровень промышленного развития. В 1914 г. численность городских жителей превысила численность сельских, хотя производство оставалось преимущественно аграрным. Из 7,9 млн жителей Аргентины промышленных рабочих (включая занятых на кустарных фабриках) было более 400 тыс. человек. Население городов пополнялось в основном не за счет сельчан, а за счет иммиграции. А высокая иммиграция из Европы также была носителем революционного «вируса». Жизнь львиной доли горожан зависела от состояния мирового рынка, а не от местных условий.

Другой стороной агроэкспортной экономики стало отсутствие в Аргентине сельского перенаселения, характерного для таких стран, как Мексика и Россия. Сельская Аргентина выглядела открытым пространством, которое постепенно осваивалось на юг, и положение работников на этих просторах ничем не защищалось — в большинстве своем они были не фермерами, как на Диком Западе США, а лишь батраками. Даже ближе к Буэнос-Айресу более половины крестьян выступали временными арендаторами, получавшими землю на недолгий срок¹.

Таким образом, перемены экономической конъюнктуры воспламеняли то рабочих, то батраков, но ненадолго. Неустойчивость конъюнктуры была связана и с неустойчивостью самих революционных настроений.

¹ См.: Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. М.: Наука, 2008. С. 43–47.

Приход к власти в ноябре 1916 г. представителя Гражданского радикального союза Иполита Иригойена породил большие надежды среди рабочих на улучшение их положения. Иригойен прекратил использовать войска для подавления стачек и нередко высказывал свою солидарность с ними. Президент выступал за решение трудовых конфликтов путем государственного арбитража. Особенно охотно он сотрудничал с профобъединением ФОРА-IX, которое было синдикалистским в отличие от более радикальной анархистской ФОРА-V. Две Региональные рабочие федерации Аргентины (ФОРА) различались по номеру съезда, решения которого поддерживали.

В 1905 г. на своем V съезде ФОРА провозгласила целью анархический коммунизм. В 1915 г. на IX съезде от нее откололась организация чистых синдикалистов, которую стали называть ФОРА-IX. Идеино ФОРА-V (с 1920 г. она называлась Коммунистическая ФОРА) развивалась без оглядки на европейский синдикализм, ее организации именовались не синдикатами, а обществами сопротивления. Теоретики ФОРА-V считали, что бессмысленно планировать, как будет устроено общество будущего, призывали «дать жизнь чувствам, идеям, надеждам», а не «холодно рассчитанным планам»¹. Это неприятие планов выльется в спонтанные авантюрные действия в январе 1919 г.

В результате всеобщей стачки на железных дорогах при посредничестве правительства в 1917 г. железнодорожники получили 8-часовой рабочий день². В 1918 г. в Аргентине прошло 196 забастовок, охвативших 133 тыс. человек. В 1919 г. — 367 забастовок при участии 309 тыс. человек³.

Одна из таких акций поставила Аргентину на грань революции. 2 декабря 1918 г. анархо-синдикалистский профсоюз Объединенного общества сопротивления металлистов (SRMU) начал забастовку в машиностроительных мастерских фирмы «Васена» в Буэнос-Айресе. Рабочие требовали сократить рабочий день с 11 до 9 часов. Лидером движения был анархист Хуан Сапетини. Хозяин Альфредо Васена отказался иметь дело с профсоюзом. Администрация наняла штрейкбрехеров, которым стачечники мешали работать. Это было не так сложно сделать, так как склады предприятия находились далеко от мастерских и продукцию приходилось возить по городу. Штрейкбрехеров защищали охранники, да и сами они

¹ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 150.

² Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. С. 177.

³ Всемирная история. Т. VIII. С. 478.

вооружались с разрешения властей. Происходили драки, в которых все чаще использовалось холодное, а затем и огнестрельное оружие. 18 декабря один из владельцев фабрики, Эмилио Васена, выстрелом ранил угольщика, который находился у дверей своего дома. 30 декабря полицейским был убит рабочий анархист Доминго Кастро, а 1 января 1919 г. штрейкбрехер застрелил нападавшего на него Константино Отеро. После этого вооруженное насилие необратимо нарастало¹.

3 января полиция вступила в перестрелку с профактивистами у здания профсоюза. 4 января произошел баррикадный бой, в ходе которого погиб капрал Висенте Чавес. Полицейские на похоронах обещали отомстить за своего сослуживца. 7 января более ста полицейских и других противников забастовки атаковали здание профсоюза и окрестные жилища рабочих. Среди атакующих был один из владельцев компании Эмилио Васена. Погибли пятеро жителей, не имевших к забастовке никакого отношения².

После этих кровавых событий, шокировавших Буэнос-Айрес, власти пытались урегулировать ситуацию. По указанию министра внутренних дел Рамона Гомеса начальник полиции Мигель Денови и директор Департамента труда Алехандро Унсайн явились к Альфредо Васене и заставили его согласиться на уступки и по зарплате, и по продолжительности рабочего дня. Он согласился также вернуть на работу уволенных. Тогда представители профсоюза объявили о прекращении забастовки.

Но едва стало известно об убийствах 7 января, со следующего дня Буэнос-Айрес охватила забастовка множества предприятий. Теперь дело было уже не в частных уступках. Рабочие были возмущены кровопролитием и требовали справедливости. Похороны погибших превратились в грандиозную демонстрацию протеста, на которую рабочие съезжались даже из других городов.

9 января похоронная процессия двинулась от помещения профсоюза к кладбищу Ла-Чакарита. Во главе колонны шел отряд вооруженных анархистов. Многие участники шествия были настроены возбужденно и агрессивно. Когда процессия проходила мимо мастерских «Васены», часть демонстрантов атаковала охрану фабрики и произошла перестрелка. Толпа также напала на нового начальника полиции Эльпидио Гонсалеса и спалила его автомобиль. Затем демонстранты подожгли церковь и вступили в вооруженное столкновение с пожарными, которые ее тушили.

¹ *Silva H.R.* Días rojos, verano negro. Buenos Aires: Libros Anarres, 2011. P. 85–108.

² *Ibid.* P. 136.

Власти не нашли ничего лучше, как попытаться остановить и разогнать колонну у кладбища. Туда были переброшены войска, которые открыли по похоронной манифестации стрельбу. Погибли десятки людей, многие из которых не совершали ничего противозаконного.

Кровавые столкновения убедили президента, что пора перейти от поисков компромисса к жестким репрессиям. Для подавления волнений Иригойен привлек дружественного ему генерала Луиса Делепиане. В Буэнос-Айрес вошла 30-тысячная армейская группировка. Город был парализован всеобщей забастовкой и покрылся баррикадами. Стачку объявил и профсоюз железнодорожников; таким образом она распространилась по всей стране.

В ночь с 10 на 11 января силовики и «патриотические» боевики стали нападать на дома профсоюзных и левых активистов, избивая и убивая их. Правые радикалы устроили еврейский погром — единственный в истории Латинской Америки. Погибли более ста человек.

«С утра 10 января в столице начали действовать вооруженные группы забастовщиков, вступивших в борьбу с полицией. По мысли анархистов, эти группы “прямого действия” должны были посеять панику среди буржуазии и воодушевить рабочих на восстание. Анархисты не заботились о военной организации, полагая, что достаточно примера, чтобы рабочие стихийно поднялись на борьбу за “анархию”. В рабочих кварталах обсуждали эти события, но предпочитали выжидать и смотреть, “что выйдет”»¹, — пишет историк В.П. Казаков. В обстановке массового вооруженного насилия левых и правых экстремистов зашаталось и президентское кресло: «По городу ходили слухи о военном перевороте. Сам генерал признал, что накануне вступления войск в столицу его посетила группа отставных военных с предложением совершить переворот. От попытки военного переворота правительство Иригойена спасло то, что Делепиане являлся сторонником радикалов. Верность конституционному правительству не помешала армии оказать поддержку “Патриотической лиге”, снабжая ее оружием и инструкторами»². Иригойен правильно подбирал генералов для ответственных поручений, что и спасало его от переворотов, характерных для Латинской Америки.

Одновременно власти вели переговоры о прекращении стачки. Федеральный совет ФОРА-IX считал необходимым ограничить требования двумя пунктами: удовлетворение требований рабочих «Васены» и освобождение арестованных активистов. Железнодорожники, поддержавшие забастовку, требовали повышения заработной

¹ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. С. 180.

² Там же. С. 181.

платы. Профсоюз обувщиков выступал за 8-часовой рабочий день, отмену законов о месте жительства, удешевление стоимости жизни, освобождение арестованных рабочих¹. 11 января президент Иригойен лично добился от Васены принятия требований бастующих. ФОРА-IX объявила о прекращении забастовки. По мнению В.В. Дамье, «большинство рабочих продолжали борьбу по призыву ФОРА»² (имеется в виду ФОРА-V).

Армия приступила к подавлению оставшихся очагов забастовки, занимая профсоюзные здания и железнодорожные станции. 14 января были разгромлены анархистские издания (уже в июле они снова стали выходить). В тот же день Делепиане встретился с представителями обеих ФОРА и договорился с ними о принятии всех условий забастовщиков, включая восстановление права на митинги. Впрочем, условия этого соглашения некоторое время нарушались, войска нападали на митингующих, а анархисты продолжали обстреливать военных.

Рабочие завода вернулись к работе 20 января. В ходе завершившихся событий погибли от 600 до более чем 1000 человек и ранены 2000–4000³.

Январские события в Буэнос-Айресе, как и аналогичные события в Рио-де-Жанейро и Лиме, показали, что бедность рабочих Латинской Америки, обостренная инфляцией, может поставить столицу на грань революции, если столкнется с неуступчивостью предпринимателей. Но физической силы для свержения режима рабочим не хватало, революции от этого не начинались. Урегулированию способствовала и готовность властей заниматься «рабочим вопросом».

Трагизм событий в Буэнос-Айресе не остудил социальной борьбы в Аргентине. Весной 1919 г. происходили массовые выступления батраков в провинциях Буэнос-Айрес, Кордова и Санта-Фе. Благодаря забастовкам и другим акциям профсоюзов Кордобы в 1919–1920 гг. удалось сократить рабочий день с 12 до 8 часов. В мае 1920 г. бастовали моряки, металлисты, печатники, текстильщики, рабочие пищевой промышленности, батраки⁴.

В 1921 г. был создан Комитет единства профсоюзов Аргентины, куда вошли представители ФОРА-IX с 40 тыс. членов, ФОРА-V

¹ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. С. 179–180.

² Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 151.

³ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. С. 181–182; *Bilsky Edgardo J.* La Semana Trágica. Biblioteca Política Argentina, 1984. P. 237.

⁴ Всемирная история. Т. VIII. С. 480; Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 152–153.

с 20 тыс. членов и автономные профсоюзы с 50 тыс. членов. Первоначально в комитете лидировали преимущественно коммунисты, которые тянули его в Профинтерн¹. Но выполнить эту задачу им не удалось — в аргентинском профсоюзном движении были слишком сильны традиции синдикализма.

Финальной и тоже трагической точкой в развитии революционной волны в Аргентине стала забастовка в Патагонии в 1921–1922 гг. Она была организована Рабочей федерацией Рио-Гальегос, входившей в ФОРА-V. «Пеоны требовали предоставления нормальных жилищных условий и гигиены, выделение помещений под рабочие собрания, регулярной выплаты зарплаты в аргентинской валюте и т. д. Помещики братья Кларк, владевшие 20 тыс. га земли, согласились было удовлетворить требования рабочих, но союз землевладельцев (“Сельское общество”) отверг их»², — рассказывает историк В.В. Дамье.

В январе 1921 г. началась стачка. Бастующие захватывали в заложники полицейских, владельцев ранчо и их сотрудников. Особенно активно этим занимался анархистский отряд «Красный Совет» во главе с Альфредо Фонте по прозвищу «Эль Тоскано».

В район стачки прибыл эскадрон численностью в 260 кавалеристов под командованием подполковника Эктора Варелы. 15 февраля Варела и губернатор Анхель Игнасио Иза встретились с забастовщиками на ранчо Эль-Теро. Было заключено соглашение, по которому батраки освободили заложников и обещали разоружиться, а требования работников в основном были удовлетворены.

Конный отряд покинул провинцию. «Рабочие прекратили забастовку, но 3 тысячи бастовавших разбили лагеря, которые превратились в вооруженные коммуны со своими собственными законами; все решения принимались на народных ассамблеях»³. Иначе говоря, батраки не выполнили условий разоружения. «Красный Совет» продолжил нападать на поместья. В нарушение соглашения хозяева отказались выдать зарплату за март 1921 г. В начале октября Эль Тоскано встретился с профсоюзным лидером Антонио Сото и предложил начать новую забастовку и захватить регион, пользуясь слабостью сил охраны порядка. Сото с этим не согласился, но считал, что нужно бойкотировать тех хозяев, которые не выполняют условия соглашения. 8 октября Эль Тоскано был схвачен⁴. Почувствовав силу, 23 октября полиция арестовала и затем выслала активистов федерации.

¹ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. С. 188.

² Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 157–158.

³ Там же. С. 158.

⁴ Bayer O. La patagonia Rebelde. Т. II. Buenos Aires: Booket, 2004. P. 118–121.

Антонио Пэрис, генеральный секретарь федерации, был подвергнут пыткам. 1 ноября в ответ на репрессии в провинции Санта-Крус была объявлена всеобщая забастовка¹.

10 ноября в регион вернулся отряд Варелы численностью 200 всадников. Тем временем колонна из 400 забастовщиков отправилась в Пасо-Ибаньес, где проживали около 800 человек, и заняла город. Бунтари взяли в заложники полицейских, хозяев ранчо и управляющих. К городу подошел военный корабль, но моряки не смогли справиться с бунтарями. Они были готовы обменять заложников на арестованных товарищей. Варела потребовал безоговорочной капитуляции. Часть бунтовщиков сдалась, а лидеры бежали. Варела произвел выборочные расстрелы. Такая же судьба ждала и колонну во главе с Антонио Сото. Сам Сото не стал сдаваться войскам и ускорил в Чили².

В.В. Дамье пишет: «Не обнаружив взбунтовавшихся пеонов в населенных пунктах, войска стали охотиться на них в открытом поле, как на диких зверей. В Пунта-Альта они окружили бунтарей и расстреляли их издалека. В Анита потребовали, чтобы те сложили оружие, после чего расстреляли 250 человек, отказавшихся выдать “зачинщиков”. Других раздевали догола, привязывали на ночь колючей проволокой, а затем обливали горючим и сжигали живьем»³.

7 декабря 1921 г. стачечная комиссия сообщала полковнику Вареле: «В нашей власти находятся 80 пленных, 3000 лошадей, 450 единиц длинноствольного, 300 единиц короткоствольного оружия, 15 тысяч патронов для длинноствольного и 3 тысячи для короткоствольного оружия; все, что находится в нашем распоряжении, мы готовы передать армии в обмен на достаточную гарантию сохранения наших жизней»⁴. Варела гарантий не дал.

20 декабря Варела прибыл на станцию Техуэльчес, где произошла перестрелка с забастовщиками, погиб один солдат. Каратели отступили на станцию Харамильо. Тогда Варела обещал прощение сдавшимся. Забастовщики сдались, но Варела все равно расстрелял несколько десятков человек.

Кампания по подавлению выступления батраков закончилась 10 января 1922 г. В ходе стачки погибло 1500 рабочих, включая 600 чилийцев и 300 испанцев⁵. 25 января 1923 г. Варела был убит немецким анархистом Куртом Вилькенсом.

¹ Bayer O. La patagonia Rebelde. Т. II. P. 145.

² Ibid. P. 214–238, 310–311, 334–348.

³ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 158.

⁴ Цит. по: Там же. С. 159.

⁵ Там же.

Пока в Патагонии лилась кровь, реформистское руководство Аргентины предпринимало шаги к смягчению социальных проблем. Как и мексиканские революционеры, аргентинские радикалы выступали за изъятие у помещиков незаконно отчужденной земли. К 1921 г. было изъято у латифундистов 6 млн га и начато их распределение среди колонистов с целью развития фермерских хозяйств. В 1921 г. был принят закон об аренде, который регулировал отношения арендаторов и собственников земли¹.

В 1921 г. также вступил в силу закон о сдаче жилья внаем, который замораживал квартплату на уровне начала 1920 г., то есть фактически снижал ее. Предпринимались усилия по строительству дешевого жилья с помощью государства. В 1921 г. был ограничен труд женщин и подростков, введен минимум заработной платы. В 1922 г. Иригойен предложил проект создания национальной пенсионной системы, который был принят уже по истечении срока его правления².

Все эти меры способствовали тому, что многочисленные социальные конфликты в Аргентине, иногда принимавшие вооруженную форму, все же не переросли в революцию и гражданскую войну.

Государства, во второй половине XX в. ставшие символом революционности (Куба, Венесуэла, Колумбия, страны Центральной Америки), прошли период 1918–1923 гг. относительно спокойно. А вот Аргентина в этом столетии уже не подходила к грани революции так близко.

Особенность географии социальных потрясений в Латинской Америке 1918–1923 гг. может объясняться уровнями и темпами индустриально-урбанистической модернизации в разных странах. А это болезненное состояние с многочисленными социальными издержками. Мировые процессы в 1914–1923 гг. сначала ускорили развитие экспортных отраслей, а затем больно ударили по социальному положению их работников.

В целом в Латинской Америке мировая революционная волна 1918–1923 гг. способствовала аграрным реформам и образованию в ряде стран институтов социального государства благодаря мерам, направленным на решение «рабочего вопроса». Несмотря на кровавые потрясения, в Америке революционная волна не привела к новым революциям, но стала «убедительным намеком» господствующим элитам, что кровавый кнут следует сочетать с социальным пряником.

¹ Казаков В.П. Радикалы в истории Аргентины. Поиски модели национального развития. С. 195–198.

² Там же. С. 210–213.

«МЫ САМИ»

Это выражение переводится на гэльский (ирландский) язык как «Шинн фейн». Таков был лозунг борцов за независимость Ирландии и название возникшей в 1905 г. ирландской националистической партии. Борьба за широкое самоуправление Ирландии, которая энергично шла во второй половине XIX — начале XX в., в сентябре 1914 г. увенчалась принятием билля о гомруле (домашнем управлении, самоуправлении региона). Уже в это время Ирландия была расколота на протестантский, более развитый в промышленном отношении север, стремившийся к тому, чтобы остаться в составе Великобритании, и католический юг, где наметилось сильное стремление к самостоятельности. Обе стороны вооружались. На севере юнионисты сформировали «Ольстерский добровольческий корпус», на юге — вооруженную организацию «Ирландские волонтеры». Введение гомруля могло вызвать вооруженное сопротивление в Ольстере, где протестанты не хотели подчиняться католическому большинству и предпочитали британскую корону.

В связи с началом мировой войны введение гомруля было отложено до конца военных действий. Война затянулась, и радикальные национальные организации решили, что ждать ее конца не нужно. Напротив, пока британские войска на фронте, есть шанс начать вооруженную борьбу за независимость. 24 апреля 1916 г. началась «Красная Пасха» — восстание в Дублине.

Его возглавил один из лидеров Ирландского республиканского братства и «Ирландских волонтеров» литератор Патрик Пирс. Он был объявлен главнокомандующим и главой правительства. Присоединившийся к заговорщикам лидер социал-демократов Джеймс О'Конноли стал его заместителем и командиром восстания в Дублине. В здании почтамта, который стал штабом повстанцев, была провозглашена Ирландская республика.

Официальное руководство «Ирландских волонтеров» не поддержало восстания. Из 15–18 тыс. бойцов организации к инсургентам присоединилось немногим более тысячи¹. В боях погибло 64 повстанца, 130 британских военнослужащих и около 300 горожан². 30 апреля все было кончено.

Восстание оказалось авантюрой. Население его не поддержало. Пирс, его брат Уилли (вина которого была куда меньшей), раненый О'Конноли и другие лидеры повстанцев были казнены. Эта расправа

¹ История Ирландии. М.: Мысль, 1983. С. 279.

² Невилл П. Ирландия: История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. С. 218.

дорого стоила авторитету Британской империи в Ирландии. Казненные лидеры восстания стали мучениками идеи независимости, которая в итоге оказалась популярнее, чем до восстания.

Британские власти и пресса обвинили в организации восстания «Шинн фейн». Эта партия ко времени восстания почти распалась, но громкая слава главных заговорщиков привела к быстрому росту ее авторитета. Стал формироваться новый «Шинн фейн» — уже вполне республиканский. Со структурами «Шинн фейн» слилось Ирландское республиканское братство. В 1917 г. его сторонниками считали себя 250–300 тыс. человек¹. 25 октября 1917 г. на первом съезде нового «Шинн фейна» его президентом был избран один из немногих оставшихся в живых военных руководителей «Красной Пасхи» Имон де Валера. Его заместителями стали основатель партии Артур Гриффит и священник Майкл О’Флэнаган. В партии восходила звезда талантливого организатора Майкла Коллинза. «Шинн фейн» выступал за независимую республику, созыв учредительного собрания, строительство «явочным порядком» основ национальной экономики, системы образования, судебной системы, то есть параллельного государства. Социальная программа была довольно размытой, но упоминала достаточную для жизни заработную плату².

В 1918 г. была организована кампания бойкота британских товаров, развернулась борьба против распространения воинской повинности на Ирландию, которая закончилась успешно. Уинстон Черчилль комментировал эту ситуацию так: «В 1918 г. вопрос о принудительной воинской повинности в Ирландии был разрешен таким образом, что мы получили наихудшие результаты, — вызвали раздражение в населении против этой принудительной меры, не провели закона и не получили людей. Английское требование о введении в Ирландии обязательной воинской повинности вызвало недовольство во всем ирландском народе. На фронте служило 60 тыс. ирландских солдат, но зато 60 тыс. британских солдат несли гарнизонную службу в Ирландии, и таким образом наши военные ресурсы не увеличились»³.

Благодаря росту недовольства в Ирландии и организующей работе «Шинн фейн», новое рождение пережила организация «Ирландские волонтеры». Она была создана как добровольческая милиция в 1913 г. К 1916 г. 90% волонтеров вступили в британскую армию. В 1918 г. число волонтеров в Ирландии достигло 100 тыс. человек⁴.

¹ История Ирландии. С. 281.

² Там же. С. 283.

³ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 189.

⁴ История Ирландии. С. 285.

В конце 1917 г. президентом «Ирландских волонтеров» был избран Имон де Валера. Летом 1919 г. обновившиеся ирландские волонтеры стали называться Ирландской республиканской армией (ИРА).

Сторонники независимости приняли активное участие в парламентских выборах в Великобритании в декабре 1918 г. «Шинн фейн» получила 73 из 105 мест. К ней перешли голоса ветеранов борьбы за гомруль, которые получили только 6 мест вместо прежних 80. 26 мест получили сторонники единства с Великобританией (23 из них в Ольстере)¹. Депутаты от «Шинн фейна» не поехали в Лондон, а собрались в ратуше Дублина на заседание ирландского парламента — Дойла. 15 января 1919 г. Дойл провозгласил независимость Ирландии (причем с 1916 г.), а 21 января принял декларацию независимости, призыв к народам мира и демократическую программу. Дойл апеллировал к недавно начавшейся Парижской конференции.

Первоначальный набросок демократической программы составлял лидер лейбористов Томас Джонсон, однако затем его проект был подвергнут правке. Джонсон вписал в демократическую программу пункты о рабочем контроле, о национализации собственности противников Ирландии, но шинфейнеры все это вычеркнули². В программе говорилось о необходимости создания национальной экономики, праве народа на пользование национальными ресурсами и подчинении частной собственности интересам нации. В апреле Дойл принял решение о готовности вступить в Лигу Наций.

21 января 1919 г. близ населенного пункта Солохедбег волонтеры Шон Трэиси, Дэн Брин, Шеймас Робинсон и Шон Хоган убили двух полицейских, охранявших груз взрывчатки. С этого времени в Ирландии развернулась террористическая кампания, направленная против британских силовых структур, чиновников и тех ирландцев, которые сохраняли лояльность Британской империи.

В литературе эти события квалифицируются как «начало освободительной революции 1919–1923 гг.»³. Иногда даже говорится, что «английское правительство начало военные действия против Ирландской республики»⁴. «Английское» (в смысле британское) правительство, правда, ничего такого не заметило и никаких военных действий начинать не приказывало. Выступление Дойла было акцией депутатов, которые не явились в британский парламент, в который были избраны, а собрались отдельно для решения других задач. Сторонники независимости не контролировали какую-либо террито-

¹ Полякова Е. Ю. Ирландия в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 14.

² История Ирландии. С. 292.

³ Полякова Е. Ю. Ирландия в XX веке. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

рию. Террористическую кампанию начала ИРА. Британские власти оценили деятельность Дойла как преступный сепаратизм.

Британское правительство Ллойд Джорджа, чье внимание было сосредоточено на предстоящих мирных переговорах в Париже, не видело угрозы в предвыборной кампании сепаратистов, которые, участвуя в выборах, признавали британские правила игры и могли быть уравновешены парламентскими средствами. Внезапное провозглашение независимости и начало вооруженных акций под эгидой избранных депутатов резко повысило ставки. Депутаты, решившиеся на сепаратистскую акцию, получили широкую поддержку на юге. Британская империя была согласна на только на самоуправление Ирландии.

Между маем и декабрем 1919 г. было зафиксировано около 1500 политических преступлений, в том числе 18 убийств и 77 вооруженных атак¹. Черчилль пишет о том, почему с бойцами ИРА было так трудно справиться: «Убийцу видят дюжины людей, но он уходит, никем не преследуемый, и никто не выступает свидетелем против него»². Без широкой поддержки одной части населения и страха перед ней со стороны другой террористическая кампания ИРА была бы быстро подавлена.

Ирландская республиканская армия подразделялась на бригады, состоявшие из нескольких батальонов, которые, в свою очередь, включали в себя 10–15 территориальных рот. В роте числилось 50–100 человек, в батальоне — 500–800, в бригаде — несколько тысяч³. Всего в ИРА состояли около 15 тыс. человек, из которых активно действовали 3–5 тыс.⁴

В марте 1919 г. «Шинн фейн» приступила к созданию параллельного государства, которому должно было подчиняться население. 10 апреля Дойл призвал ирландцев к бойкоту британских властей. 12 сентября британские власти объявили Дойл вне закона.

В июне де Валера отправился в США с пропагандистским туром, оставив своим заместителем Гриффита. Там ирландский лидер находился до декабря 1920 г. и собрал 5 млн долларов на дело ирландской независимости⁵.

В руководстве ИРА быстро стало расти влияние подпольного министра финансов Коллинза, который собирал и распределял средства на террористические атаки, приговаривая: «Чем скорее будет

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 191.

² Там же.

³ История Ирландии. С. 285–286.

⁴ Нэвилл П. Ирландия: История страны. С. 230.

⁵ Там же. С. 235.

навязана война и чем больше беспорядка, тем лучше для страны»¹. По его мнению, путь к независимости лежал через дезорганизацию британского управления и эскалацию насилия, которое должно было вызвать у ирландцев ненависть к короне.

«Шинн фейн» стала учреждать арбитражные суды — промышленные и земельные, которые были призваны разрешать конфликты между ирландцами в обход британской судебной системы. Эти суды в 1920 г. вынесли более 400 решений, разрешающих земельные споры, в том числе между крестьянами и собственниками земли.

Весной 1920 г. британская полиция вынуждена была оставить позиции в сельской местности и сконцентрироваться в городах. В 1920 г. ИРА перешла к применению летучих колонн — хорошо подготовленных небольших групп, которые опирались на поддержку территориальных батальонов и бригад. Атаки ИРА, охватившие прежде всего юг и запад острова, были мелкомасштабными. Так, одна из самых крупных и резонансных акций — нападение отряда Тома Бэрри на британский мобильный отряд в Килмайкле 28 ноября 1920 г. — унесла жизни 18 сотрудников полиции.

По мнению Е.Ю. Поляковой, «ирландские революционеры стали родоначальниками новой военной тактики, которая в дальнейшем была использована национально-освободительными движениями в других странах»². Конечно, признать за ИРА приоритет в организации подобных террористических кампаний трудно (во время революции 1905–1907 гг. в России, например, тоже существовала сеть боевиков и летучие отряды, нападавшие на войска и чиновников). Партизанско-террористическая тактика такого рода еще в 1918 г. применялась на Украине, в частности, Нестором Махно. Но в XX в. такой метод борьбы действительно приобрел широкое распространение как среди революционных национальных движений (например, в Алжире), так и среди противников революционных перемен (Польша, страны Прибалтики). Сам по себе этот метод борьбы еще не свидетельствует, что в стране началась революция. Важно, каково отношение населения к террористическому подполью.

В 1920 г. «Шинн фейн» получила большинство на муниципальных выборах во всех крупных городах, включая даже североирландский Белфаст. Люди, голосовавшие за «Шинн фейн», поддерживали сторонников независимости, понимая, что они связаны с убийствами людей, лояльных Великобритании.

¹ *Нэвилл П.* Ирландия: История страны. С. 228.

² *Полякова Е.Ю.* Ирландия в XX веке. С. 17.

Численность британских сил в Ирландии составляла 40–60 тыс. человек. Также были созданы мобильные группы из элитной Вспомогательной дивизии королевской полиции («Огзи»). В составе полиции был создан специальный отряд в 7 тыс. человек¹, которых называли «черно-пегими» («черно-рыжими»), в связи с цветом формы и по аналогии с гончими собаками. «Черно-пегих» рекрутировали из демобилизованных солдат и других людей авантюрного склада. Они развернули «ответную» террористическую кампанию не только против ИРА, но и против ирландцев вообще, расширяя кровавый разлом среди жителей острова (и содействуя, таким образом, плану Коллинза). Реакция британских силовиков на действия ИРА оказалась такой, о которой республиканцы могли только мечтать — топорной и свирепой, быстро закрепившей среди ирландского населения враждебность к Британской империи.

С начала 1919 г. до 8 ноября британские силовики 11 тыс. раз вторгались в жилища ирландцев, а судьи вынесли около тысячи политических приговоров, из них треть — военными трибуналами². По британским данным, в 1919–1921 гг. со стороны ирландцев погибли 752 человека³. В марте 1920 г. люди, говорившие на английском диалекте, убили мэра Корка Томаса Маккертена.

21 ноября бойцы ИРА убили в Дублине 14 британских офицеров, некоторых — в присутствии их семей. В ответ «черно-пегие» расстреляли 12 ирландцев во время футбольного матча и затем еще троих задержанных. «Черно-пегие» поджигали ирландские кварталы и небольшие города. ИРА, впрочем, нападала не только на людей в форме. Так, ее жертвами становились и теннисисты или старуха, предупредившая власти о нападении⁴. 11 декабря 1920 г. «черно-пегие» сожгли центр Корка — причем они обстреливали даже пожарных, которые пытались тушить огонь.

«Солдаты, товарищи которых были убиты, громили лавки и квартиры лиц, проживавших поблизости от места совершения преступления, и полиция сплошь и рядом сама прибегала к репрессиям по отношению к подозрительным лицам», — признает Черчилль. Вместе с тем он отчасти извиняет жестокие действия карателей: «Если какой-нибудь из их товарищей, входивший в состав полицейских или военных отрядов, оказывался убитым, то они обыскивали квартиры тех, кто принадлежал к числу врагов, или тех, кого они подозревали во враждебных чувствах, и допрашивали подозреваемых, приставив

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 193.

² История Ирландии. С. 290–291.

³ Невилл П. Ирландия: История страны. С. 233.

⁴ Там же. С. 232.

револьвер к виску. Конечно, такое поведение нельзя извинить ничем, кроме тех нападений, ответом на которые оно являлось»¹. А раз нападения были, то Черчилль считает, что можно извинить. Хотя страдали не те, кто нападал. Такое вот представление о праве силовиков на произвол. «Обычные юридические методы были неприменимы там, где свидетели не давали показаний или, давая их, рисковали своей жизнью и где присяжные не желали выносить никаких обвинительных приговоров»². Точно так же оправдывался террор военных во время других войн — и в Алжире, и в Чечне.

Стратегия Коллинза сработала: британская сторона показала населению, что она ничем не лучше террористов, а правительству в Лондоне — что хаос будет продолжаться, пока Британия не пойдет на компромисс.

Черчилль вспоминает: «Между торийскими законниками и сторонниками военного положения, отрицавшими в сущности всякий закон, по каким-то совершенно неясным причинам состоялось соглашение, и в парламент было внесено предложение, чтобы допускались только “разрешенные репрессии”, вроде тех, какие применялись в военных зонах. Предложение это было принято. Всякие неразрешенные выступления со стороны полиции или специальных полицейских отрядов должны были сурово караться»³. Впрочем, «неразрешенного» теперь практически не осталось.

9 августа 1920 г. британский парламент принял закон о восстановлении порядка в Ирландии, который заменил суд присяжных военными трибуналами в областях, где вводилось военное положение, то есть почти во всей Южной и Западной Ирландии. Санкционировалось сожжение домов ирландцев в отместку за акции ИРА.

В связи с этим Черчилль с завистью пишет о широких возможностях красного террора в России: «Было бы очень легко прекратить эту преступную и постыдную форму борьбы, которую пускали в ход против нас и в которую нам самим приходилось все больше и больше втягиваться, если бы мы проявляли ту же беспощадность, которую проявляют русские коммунисты по отношению к своим соотечественникам»⁴. Черчиллю невдомек, что после объявления красного террора прошло еще несколько лет, прежде чем удалось справиться со всеми антибольшевистскими силами, во многом спровоцированными жестокостью коммунистов. Британский террор в Ирландии тоже не столько «лечил», сколько углублял проблему.

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 191–193.

² Там же. С. 194.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 195.

* * *

Хотя борьба за независимость вдохновлялась националистической идеей, она подпитывалась послевоенными социально-экономическими трудностями, вызывавшими недовольство и подспудное желание отгородиться от глобальных экономических неурядиц.

В Ирландии проживали около 100 тыс. безработных, что составляло пятую часть всего рабочего класса. Полмиллиона ирландцев голодало¹. Националисты обещали, что после обретения независимости жизнь наладится, но пока национальные и социальные задачи конкурировали.

11 апреля 1919 г. де Валера заявил: «Рабочий класс обязан ждать»². Рабочие ждать не хотели. В феврале 1919 г. в Белфасте произошла всеобщая стачка судо- и машиностроителей³. Но присоединяться к рабочим-католикам рабочие-протестанты не хотели. В декабре 1919 — феврале 1920 г. проходила общеирландская забастовка транспортников. Ольстер она не охватила.

Ирландские лейбористы действовали в союзе с шиннфейнерами, выдвигая вперед политические требования. 17 апреля 1920 г. Объединенный исполком Лейбористской партии и Ирландского конгресса тред-юнионов начал всеобщую забастовку с требованием освободить более 100 республиканских заключенных. Власти вынуждены были уступить.

Но общая дестабилизация ситуации на острове и расцвет социального радикализма в Европе способствовали всплескам радикального рабочего движения и в Ирландии.

В апреле 1919 г. рабочие организации в течение 14 дней удерживали в своих руках Лимерик и окрестности этого крупного города. Был создан Совет Лимерика, который успел выпустить собственные банкноты. В ходе забастовки в Килмаллоке рабочие приступили к распределению запасов продовольствия, руководили транспортом и обеспечили охрану порядка. Предприниматели пошли на уступки, и забастовка прекратилась. Анархо-синдикалисты, лидировавшие в этих стачках, после их завершения распустили созданные органы самоуправления.

В августе 1921 г. рабочие угольного месторождения Аригна захватили производство и осуществляли его самостоятельно. В сентябре рабочие Советы взяли под контроль сталелитейный завод в Дрозде, хлебозаводы в Брури⁴.

---

¹ История Ирландии. С. 305.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 306.

В апреле 1920 г. в городе Ноклонг и одноименном округе рабочие захватили маслобойни и организовали самостоятельное производство под контролем руководителей местного отделения профсоюза. 13 маслозаводов были провозглашены «советскими». После этого фирма «Кливз» пошла на уступки.

В марте развернулась аграрная забастовка в графстве Дублин, которая увенчалась успехом. В апреле в Голуэе батраки и крестьяне стали сгонять с пастбищ скот помещиков и разрушать изгороди. В мае это движение охватило Западную Ирландию, а затем перекинулось на юг¹.

В апреле под давлением профсоюзного движения было принято соглашение о продаже в Ирландии 30 % предназначенного к вывозу скота по согласованию с исполкомом лейбористов и тред-юнионов.

В августе 1920 г. на XXVI съезде Ирландского конгресса тред-юнионов и Лейбористской партии в Корке председатель объединенного исполкома Томас Фаррен отметил, что ирландские рабочие подошли к задаче ликвидации капитализма и замены его «кооперативным строем экономической свободы, основанным на рабочем контроле над промышленностью». Фаррен высказался в поддержку советского пути и предоставил возможность выступить на конгрессе представителю Коммунистической партии Великобритании. Однако лидер лейбористов Томас Джонсон раскритиковал пример Советской России, выступая за собственный путь ирландского рабочего класса. Съезд выступил скорее с национальных, чем с социальных позиций: за вывод британских войск и силовых структур из Ирландии, право страны самостоятельно решать свою судьбу, в поддержку национальной промышленности и кооперативных предприятий, включая рабочие кооперативы².

В апреле 1920 г. портовики Ливерпуля объявили забастовку в знак солидарности с Ирландией, поддержав требования ирландских забастовщиков. В мае 1920 г. в Британии была объявлена забастовка против ввоза вооружений в Ирландию. В июне в поддержку Ирландии выступили шотландские горняки, а с июля — Британский конгресс тред-юнионов.

* * *

Если на юге ИРА опиралась на подавляющее большинство населения, то на северо-востоке, в Ольстере, население было расколото и протестанты активно поддерживали британцев. Но и влияние сто-

¹ История Ирландии. С. 298–302.

² Там же. С. 302–303.

ронников независимости здесь было велико, и они побеждали на многих местных выборах в Ольстере. После избрания ирландца-католика мэром Дерри 18 июня 1920 г. протестанты напали на католические кварталы, завязались бои, которые прекратились только после ввода крупных вооруженных сил. Подобные столкновения продолжались и в дальнейшем, протестантские формирования вместе с британскими силами стремились вытравить ИРА и сторонников независимости с севера.

В июле 1920 г. протестантские рабочие напали на своих коллег-католиков, избивали их и выгоняли с мест на судоверфях. С июля 1920 г. по июль 1922 г. в межрелигиозных столкновениях в Белфасте было убито 455 и ранено более 2 тыс. человек.

В декабре 1920 г. был принят Акт об управлении Ирландией, заменивший акт о гомруле 1914 г. Он предусматривал создание двух парламентов в Дублине и в Белфасте для двух частей Ирландии. Оба они могли ведать только внутренними делами. Планировалось создание общего Ирландского совета из представителей севера и юга по 20 человек, который должен был стать основой общеирландского парламента, если между двумя частями страны будет достигнут компромисс.

Ирландия хотела отделиться от Великобритании, а протестантское большинство Северо-Восточной Ирландии — остаться в Британии, отделившись от католического большинства населения Ольстера. О протестантских лидерах Ольстера Черчилль писал: «Все доводы, приводимые в пользу принципа самоопределения, отныне могли выставляться ими»¹. Аналогичная проблема стояла перед многими народами, которые боролись за собственную независимость и пытались силой включить в состав своего государства регионы, большинство населения которых к этому не стремилось. Разделить любые территории компактного проживания всегда было очень сложно. После избрания своего парламента летом 1921 г. Северо-Восточная Ирландия стала автономной провинцией Северная Ирландия Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

В мае 1921 г. прошли выборы в северный парламент. Унионисты получили 40 мест, шиннфейнеры — 6, иные ирландские националисты — тоже 6. Оба меньшинства отказались от участия в работе парламента.

К лету 1921 г. численность ИРА достигла около 100 тыс. бойцов. Британское правительство тратило на войну в Ирландии 1,5 млн фун-

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 193.

тов стерлингов в неделю¹. Количество жертв росло все быстрее. Рос и масштаб операций ИРА. 19 марта 1921 г. отряд из ста бойцов под командованием Тома Бэрри устроил в Корке «засаду на перекрестке» и сражался с десятикратно превосходящими силами британцев, переброшенных к месту боя, после чего сумел вырваться из окружения.

25 мая 1921 г. несколько сот бойцов ИРА из дублинской бригады заняли и сожгли Дублинскую таможню. Подошедшие британские войска окружили и взяли в плен несколько десятков бойцов ИРА.

Черчилль и другие «ястребы» британской политики выступали за то, чтобы наводнить Ирландию войсками, разделить страну «кордоном укреплений и колючей проволокой» и установить тотальный контроль над перемещением населения. Но связанные с этим затраты и отсутствие гарантированного результата не устраивали Ллойд Джорджа². Британское правительство стало искать путь к переговорам с ирландскими республиканцами.

Еще в 1919 г. г. Ллойд Джордж говорил: «Республика у нашего порога немыслима»³. Британский премьер забывал, что у самого порога его острова находится Французская республика. Просто он привык относиться к Ирландии не как к порогу, а как к задворкам и не мог помыслить, что прислуга на задворках может позволить себе наглость бросить вызов барскому дому. Черчилль вспоминал: «В Ирландии слуги короны, верно исполнявшие свой долг, были безжалостно убиты, и эти убийства стали признанным методом войны. В пользу людей, ответственных за подобные действия, можно было только сказать, что они не руководствовались своекорыстными или грязными мотивами, что они были готовы пожертвовать своей собственной жизнью, и что они пользовались поддержкой большинства своих соотечественников. Принять лидеров таких людей на заседании совета и попытаться создать с помощью их правительство цивилизованного государства, значило проделать один из самых сомнительных и рискованных экспериментов, какие когда-либо проделывала великая полная сил империя»⁴. Лиха беда начало. В XX в. империям еще не раз придется проделывать такие «эксперименты».

В мае 1921 г. премьер-министр британской Северной Ирландии Джеймс Крейг с санкции Лондона встретился с де Валерой в его тайном убежище. Де Валера прочел Крейгу лекцию об английских притеснениях в Ирландии со времен Средневековья⁵.

¹ История Ирландии. С. 304.

² Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 196.

³ Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 356.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 199.

⁵ Там же. С. 197.

6 июня британцы сделали свой первый примирительный жест, отменив политику поджогов домов из мести.

22 июня 1921 г. король Георг V произнес в Белфасте написанную Смэтсом и одобренную Ллойд Джорджем речь, призывавшую к примирению ирландцев. 24 июня Ллойд Джордж пригласил Крейга и де Валеру на трехсторонние переговоры. 9 июля было подписано и 11 июля вступило в силу соглашение о перемирии. Начались мирные переговоры.

Вооруженная борьба на юге и западе Ирландии почти прекратилась. В Ольстере, где враждовали две общины местного населения, борьба фактически продолжилась с прежней силой.

Перемирие деморализовало пробританские силы в Ирландии, что затруднило бы возобновление военных действий со стороны империи в случае срыва переговорного процесса. Черчилль вспоминал: «Вооруженные повстанцы вышли из своих убежищ и разгуливали по улицам Дублина, разыгрывая из себя лидеров нации, столь же древней и столь же гордой, как наша собственная. Специальные отряды, полиция, “черно-рыжие”, которые еще вчера получали приказы полностью уничтожить шайку убийц, стояли теперь безоружные и смущенные, а переговоры шли полным ходом, причем и англичане, и ирландцы выступали в качестве равноправных сторон»¹.

* * *

14 июля де Валера посетил Даунинг-стрит. Ллойд Джордж обратился к нему с призывом: «Наша империя — величайшее братство наций. Вы видите в нем англичан, буров, французов в Канаде, даже маори... Де Валера, мы приглашаем вас сюда». Если же ирландские сепаратисты не захотят подчиниться, то английский премьер обещал им следующее: «Мы сможем перебросить войска из Месопотамии, Германии и других частей света. Мне страшно подумать об ужасах, если война возобновится в Ирландии»².

На переговорах Ллойд Джордж демонстрировал свое знание валлийского языка и апеллировал к валлийско-ирландскому кельтскому единству. В ходе обсуждения выяснилось, что в ирландском языке не было точного эквивалента слову «республика». Ллойд Джордж заметил: «Не следует ли сделать из этого вывода, что кельты никогда не были республиканцами и не имеют своего термина для обозначения подобного понятия?»³

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 200.

² Цит. по: Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. С. 359.

³ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 201.

Был предложен термин «свободное государство» («фри стейт»), который устраивал Лондон¹. Ирландская делегация не стала искать эквивалент слову «независимость», которое более точно определяло суть спора.

20 июля ирландская делегация получила условия британской стороны: самое полное самоуправление в статусе доминиона, но предоставление военно-морских баз, покровительственные пошлины во взаимной торговле и принятие Ирландией на себя доли общего долга Британской империи. Де Валера отверг эти условия.

Британское правительство запросило де Валеру о его готовности принять участие в конференции по ирландскому урегулированию 20 сентября в Инвернесе². 12 сентября де Валера принял приглашение, но с оговоркой: «Наша нация формально провозгласила свою независимость и признает себя суверенным государством. Лишь в качестве представителя этого государства и его избранных руководителей мы можем действовать от имени нашего народа»³. Эти условия оказались неприемлемыми для британской стороны, конференция сорвалась.

Однако де Валера был готов продолжить переговоры без предварительных условий. 21 сентября правительство пригласило ирландских представителей в Лондон на конференцию 11 октября «для выяснения вопроса о том, каким образом связь Ирландии с сообществом наций, известным под именем Британской империи, можно лучше всего примирить с национальными ирландскими стремлениями»⁴. Эта формулировка уже обходила вопрос, является ли Ирландия частью империи.

В переговорах приняли участие Ллойд Джордж, Черчилль и другие британские политики. Из видных шиннфейнеров в столицу Соединенного Королевства отправились только Гриффит и Коллинз. Де Валера на эту встречу не поехал.

Из-за затянувшихся ирландских переговоров правительство Великобритании в ноябре 1921 г. оказалось на грани отставки⁵.

5 декабря Ллойд Джордж выступил с ультиматумом, потребовав от ирландской стороны немедленно либо согласиться, либо отвергнуть условия. Гриффит заявил, что лично он готов принять требования Великобритании, но передаст их ирландской делегации. При этом он сказал, что подпишет условия, даже если большинство де-

¹ Нэвилл П. Ирландия: История страны. С. 235.

² Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 201.

³ Там же. С. 202.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 204.

легации будет против¹. Этот шаг сделал ситуацию необратимой — британские политики поняли, что найдут влиятельных шиннфейнеров для сделки, с помощью которых смогут расколоть национальный фронт и подавить неуступчивых республиканцев.

6 декабря выяснилось, что ирландская делегация, посовещавшись, готова ответить согласием, необходимо уточнить лишь несколько малозначительных деталей. После этого британская сторона уже с большим удовольствием шла на уступки. Когда соглашение было подписано, стороны впервые обменялись рукопожатиями².

Делегаты понимали, что дома их ждет холодный прием. Имон де Валера не уполномочивал их на подписание такого соглашения. В дальнейшем из пяти ирландских делегатов двое перешли на сторону де Валеры. 8 января Дойл проголосовал за договор большинством в 64 против 57. Гриффит был избран председателем Дойла 60 голосами против 58. Майкл Коллинз возглавил временное правительство.

Согласно договору 6 декабря 1921 г. Ирландия без шести северо-восточных графств становилась доминионом Ирландское свободное государство (ИСГ). Британскую корону представлял генерал-губернатор, а ирландские депутаты должны были приносить присягу королю. Текст присяги гласил: «Торжественно клянусь верно служить Конституции Ирландского свободного государства согласно установленному закону... буду верен его величеству Георгу V, его наследникам и преемникам по закону на основании общего гражданства Ирландии и Великобритании, а также ряда стран, образующих Британское Содружество наций»³. В трех ирландских портах сохранялись военно-морские базы Великобритании. Доминион должен был выплатить компенсацию за издержки Британии при «разводе».

16 февраля 1922 г. в британский парламент был внесен законопроект об Ирландском свободном государстве. Черчилль говорил в парламенте: «Если вы желаете, чтобы Ирландия погрузилась в бессмысленной хаос беззакония и ее дела пришли в полное расстройство, — отложите этот законопроект. Если вы желаете, чтобы на границах Ольстера усиливалось кровопролитие, — отложите этот законопроект. Если вы желаете, чтобы парламент нес на себе ответственность за мир и порядок в Южной Ирландии, не имея в то же время никаких средств обеспечить его, и если вы желаете поставить ирландское временное правительство в такое же безвыходное

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 206.

² Там же. С. 207.

³ Нэвилл П. Ирландия: История страны. С. 238.

положение, — отложите этот законопроект»¹. Результаты дебатов: «Законопроект собрал подавляющее большинство — 302 голоса против 60, — но большая часть депутатов, голосовавших за законопроект, чувствовала себя отвратительно, а меньшинство было доведено до ярости»².

Общее число убитых в вооруженной борьбе 1919–1921 гг. на территории нынешнего государства Ирландия, по некоторым подсчетам, составляет более 1400 человек (363 сотрудника полиции, 261 британский военнослужащий, около 550 бойцов ИРА (включая 24 казненных по приговорам) и около 200 гражданских лиц³.

* * *

Заключение декабрьского соглашения повлекло за собой новый виток военных действий. Разделение Ирландии привело к вооруженным столкновениям на новой границе, которую ИРА не признавала. В Белфасте также развернулись столкновения. Погибли 30 человек, были ранены 70. Ольстер оказался в блокаде со стороны Ирландии.

Англичане пока не привыкли признавать границы между Ольстером и ИСГ. В феврале их отряд прибыл в Клонз, находившийся на территории сепаратистов. Британцы подверглись нападению и разгрому: 4 солдата были убиты, 8 ранены, 7 взяты в плен⁴.

Летом 1922 г. ирландские отряды заняли Петтиго и Беллик на спорной территории. Ллойд Джордж сомневался в необходимости развязывания из-за этого пограничной войны, но на северной стороне были сосредоточены значительные силы британской армии, которые атаковали ИРА и без большого труда отбили Беллик⁵.

Урегулированию вооруженного насилия на границах Ольстера и остальной Ирландии должны были способствовать личные встречи Крейга и Коллинза, которые познакомились в кабинете министра колоний Черчилля 21 января 1922 г.⁶ Формально они договорились о прекращении вооруженных действий сторонников ИСГ в Ольстере и на границе с ним. Однако Коллинз не собирался отдавать ирландский север Великобритании и негласно продолжал оказывать там свою поддержку ИРА.

Еще важнее для судьбы Ирландии был нарастающий политический конфликт между недавними товарищами по борьбе за независи-

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 215.

² Там же. С. 217.

³ Hopkinson M. The Irish War of Independence. Dublin: Gill & Macmillan, 2002. P. 201–202; McConville S. Irish Political Prisoners 1848–1922. Routledge, 2005. P. 697.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 218.

⁵ Там же. С. 230–231.

⁶ Там же. С. 214.

мость — сохранившими верность этой идее и отошедшими от нее на условиях создания доминиона ИСГ. От словосочетания «фри стейт» их называли фристейтерами.

20 мая 1922 г. Коллинз и де Валера подписали соглашение, по которому на будущих выборах обе группировки выступят совместно, мандаты разделялись в пропорции 64 против 57 между республиканцами и фристейтерами (как в ходе голосования по ратификации договора), а после выборов будет образовано коалиционное правительство, состоящее из пяти министров, выступающих за договор, и четырех министров-республиканцев¹.

Республиканцы могли принять участие в подготовке Конституции ИСГ, чтобы в нем не упоминалась присяга на верность британской короне. Ллойд Джордж заявил, что, если договор не будет соблюдаться полностью, это приведет к новой войне. Жесткая позиция британского правительства привела к разрыву между республиканцами и фристейтерами.

В ночь на 13 апреля бойцы и видные командиры радикального крыла ИРА во главе с Рори О'Коннором, Пэдди О'Брайеном и Эрни О'Мэлли захватила здание суда в Дублине («Четыре двора») и объявила этот квартал неподконтрольным ИСГ. Отряд состоял из 180 бойцов при пяти автоматах, двух пулеметах и броневику. Они надеялись, что будут атакованы британцами и таким образом спровоцируют возобновление войны за независимость. Захватившие суд не верили, что их будут выкуривать из здания вчерашние товарищи по оружию. Британцы требовали немедленно раздавить этот очаг республиканизма, но Коллинз выжидал. Братоубийство в канун выборов могло стоить фристейтерам многих голосов.

В апреле 1922 г. съезд ИРА отказался подчиниться Дойлу, потребовал прекратить набор в новую армию и выступил против выборов в июне². Причем в это время ИРА сумела вооружиться за счет части британского оружия, передававшегося ей как будущей армии ИСГ. Оставалась ИРА и единственной полицейской силой на территории ИСГ. Так что, потеряв поддержку ИРА, фристейтеры оказались в тяжелом положении.

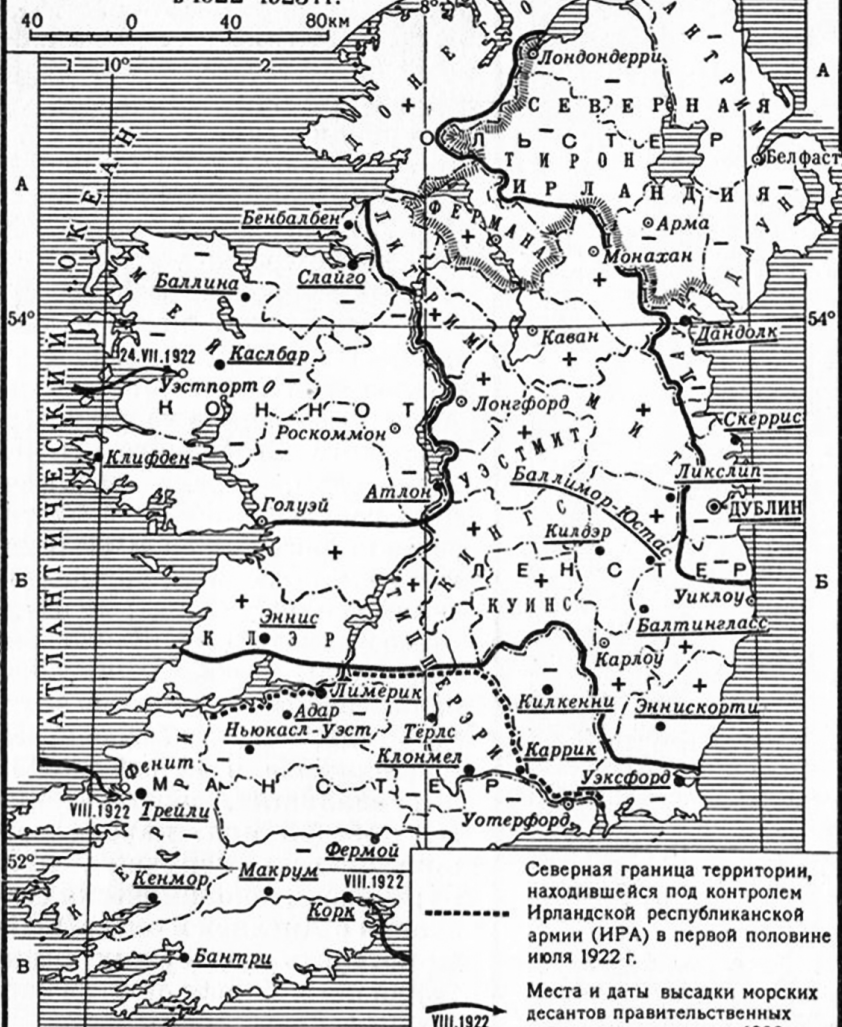
Сторонники доминиона опирались на центральноирландский регион Ленстер, а республиканцы на южноирландский Манстер. «Огромное значение имела позиция католической церкви. Но она выступила против республиканцев, заклеив их как богоотступников, и призвала поддержать договор и созданное на его основе

¹ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 225.

² Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. С. 25.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИРЛАНДИИ

в 1922-1923 гг.

Районы расположения дивизий ирландских вооруженных сил (по графствам на март 1922 г.):

- поддерживавших англо-ирландский договор 1921 г
- выступавших против англо-ирландского договора 1921 г

Северная граница территории, находившейся под контролем Ирландской республиканской армии (ИРА) в первой половине июля 1922 г.

Места и даты высадки морских десантов правительственных войск в июле-августе 1922 г.

 VIII.1922

Места крупнейших вооруженных столкновений между ИРА и правительственными войсками

Границы Ирландского свободного государства

----- провинций ----- графств

правительство»¹, — пишет историк Е.Ю. Полякова. Священники стремились избавиться от английской администрации с ее антикатолическими настроениями, но была готова поддержать католические власти, даже если они не были полностью суверенными.

16 июня был избран новый Доил: 58 фристейтеров, 36 республиканцев, 17 лейбористов, 7 фермеров, 6 независимых, 4 юниониста².

22 июня 1922 г. в Лондоне был застрелен фельдмаршал Генри Вильсон, бывший начальник Имперского генерального штаба, а ныне — депутат-юнионист от Северной Ирландии. Эту акцию приписывали радикальному республиканскому крылу ИРА, но позднее стало известно, что к нему был причастен сам Майкл Коллинз, для которого удар по Вильсону был продолжением его борьбы против юнионистов Северной Ирландии³. Если это так, Коллинз вовсе не был надежным партнером Великобритании по проведению в жизнь договора, а использовал его как средство вывести британцев из игры на большей части Ирландии, чтобы затем использовать ИСГ как плацдарм для наступления на север и объединения острова на своих условиях. После этого можно было уже продолжить путь Ирландии от статуса доминиона к независимости (после Второй мировой войны такой путь проделали все британские доминионы).

Перенос террористической кампании ИРА на территорию Англии мог стать казус белли для Великобритании в Ирландии. Британцы начали подготовку штурма «Четырех дворов», которые стали символом сопротивления договору. Фристейтеры колебались, а не сохранить ли нейтралитет. Но тут 26 июня радикалы ИРА похитили заместителя начальника штаба армии ИСГ Иеремию Джозефа О'Коннела. 27 июня Временное правительство потребовало от захватчиков здания «Четырех дворов» немедленно их освободить. О'Коннор и его товарищи не подчинились, и 28 июня фристейтеры пошли на штурм здания суда.

«Обе сражающиеся стороны любили и уважали друг друга, как собратьев по оружию; обе были готовы на смерть, раз этого нельзя было избежать, но все же предпочитали тратить не кровь, а амунизию. Стены здания подвергались оживленному оружейному обстрелу, прерываемому время от времени увещеваниями и апелляциями к лучшим человеческим чувствам»⁴. Британцы предоставили фристейтерам артиллерию, которая обеспечила их победу. Здание за-

¹ Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. С. 25.

² Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 232.

³ Hopkins M. Green Against Green: The Irish Civil War. Dublin: Gill and Macmillan, 1988. P. 112.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис: 1918–1925. С. 236.

горелось. При взрыве погибли старинные архивы Дублина. Радикалы сдались. Позднее фристейтеры без суда расстреляли О'Коннора и еще трех его товарищей.

29 июня несколько сот республиканцев начали атаки, чтобы отвлечь осаждавших здание суда. Бои в Дублине продолжались до 5 июля. В ходе этих столкновений погиб лидер республиканцев, военный министр первого ирландского правительства Кахал Бру.

Остатки республиканцев отошли на юг и присоединились к защищавшей Манстер первой дивизии ИРА генерала Лиамы Линча. Республиканцы контролировали линию от Лимерика до Уотерфорда и территорию юго-западнее ее. Де Валера воевал на стороне республиканцев в чине майора. Республиканские силы возглавлял исполком ИРА и генеральный штаб во главе с Линчем.

Крестьяне при поддержке отрядов ИРА возобновили нападения на помещиков. В Трипперэри возник «Манстерский совет», контролировавший производство масла в десятках населенных пунктов. Советы создавали железнодорожники Корка, газовщики Лимерика¹.

Старая ИРА раскололась в пропорции 12–13 тыс. бойцов, выступивших против условий ирландско-британского договора, и 8 тыс. на стороне ИСГ. К противникам договора ушли наиболее опытные командиры². Но у них был опыт довольно специфического свойства — диверсионно-террористический. Вести войну в открытом поле они не умели. Республиканцы располагали лишь 6780 винтовок без артиллерии³. А фристейтеры получали вооружение от британцев. В июне–сентябре 1922 г. Лондон поставил им более 27 тыс. винтовок, 250 пулеметов и восемь 18-фунтовых артиллерийских орудий⁴. Фристейтеры формировали свои силы из тех, кто прошел школу службы в британской армии и даже антитеррористической борьбы в Ирландии. Мобилизационную машину ИСГ поддерживала церковь. В августе–декабре 1922 г. армия ИСГ увеличилась с 14 до 38 тыс. человек и продолжала расти⁵.

Фристейтеры высадили десанты в графствах Корк, Керри и Мейо⁶. 20 июля республиканцы оставили Лимерик и Уотерфорд, а 10 августа — Корк. В ходе боев в районе Килмаллок с 23 июля по 3 августа республиканцы удерживали позиции, но затем вынуждены были отступить. 19 августа начальник генштаба ИРА Линч отдал

¹ История Ирландии. С. 313.

² *Hopkinson M. Green Against Green: The Irish Civil War.* P. 127.

³ *Cottrell P. The Irish Civil War, 1922–1923.* London: Osprey, 2008. P. 22.

⁴ *Hopkinson M. Green Against Green: The Irish Civil War.* P. 127.

⁵ *Ibid.* P. 136.

⁶ *Ibid.* P. 160–161.

приказ рассредоточиться. Партизанская война опиралась на горные районы западной части графств Корк и Керри, велась также в графствах Уэксфорд, Слайго и Мейо. Террористические действия продолжались и в Дублине. Члены правительства не ночевали дома, а когда выходили ночью на крышу подышать свежим воздухом, подвергались обстрелам¹.

В августе 1922 г. в ИСГ произошла смена лидеров. 13 августа Артур Гриффит умер от кровоизлияния в мозг, а 22 августа Майкл Коллинз был убит в Бел-на-Блат, недалеко от своего дома в графстве Корк. Руководство Дойлом и правительством перешло к Уильяму Косгрейву, армией командовал генерал Ричард Мулкахи. Он систематически защищал территорию ИСГ от ИРА, зная ее приемы и вождей лично. В октябре Косгрейв договорился о союзе с южными юнионистами, которые признали ИСГ и получили места в его структуре. Это расширило опору нового режима и сделало его более пробританским.

27 сентября правительство ИСГ запросило у Дойла чрезвычайные полномочия для борьбы с ИРА. Был принят «Билль об общественной безопасности», который позволил военным трибуналам приговаривать обвиняемых к пожизненному заключению и смертной казни за «пособничество или подстрекательство к нападениям» на силы ИСГ, хранение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ «без надлежащих полномочий» и «разграбление, уничтожение или поджог». 17 ноября начались расстрелы бойцов ИРА. 24 ноября был казнен участник переговоров по договору Эрскин Чайлдерс, после его подписания сохранивший верность республиканцам. Всего было казнено 81 человек². Но это только официальные казни.

7 декабря в отместку за убийство видного фристейтера Шона Хейлза были бессудно расстреляны взятые в плен в июне захватчики Дублинского суда Рори О'Коннор, Лиам Меллоуз, Ричард Барретт и Джо Маккелви. Убийства без суда происходили и в зоне военных действий. Общее число подобных расправ оценивается в 153³.

Накануне, 6 декабря 1922 г., Дойл одобрил Конституцию «Свободного государства».

Лиам Линч, лидер республиканцев, погиб в перестрелке в горах Нокмилдаун в графстве Типперэри 10 апреля 1923 г. Преемник Линча Фрэнк Айкен стал искать пути к прекращению войны.

¹ *Черчилль У.* Мировой кризис: 1918–1925. С. 237.

² *Murphy B.T.* The Government's Executions Policy during the Irish Civil War 1922–1923. Thesis for the Degree of ph.d. Department of History National University of Ireland. 2010 // URL: [http://mural.maynoothuniversity.ie/4069/1/The_Government's_Executions_Policy_During_the_Irish_Civil_War_1922_-_1923_\(Breen_Murphy_-_62129007\).pdf](http://mural.maynoothuniversity.ie/4069/1/The_Government's_Executions_Policy_During_the_Irish_Civil_War_1922_-_1923_(Breen_Murphy_-_62129007).pdf) P. 70–72, 299–300, 302–304

³ *Hopkinson M.* Green Against Green: The Irish Civil War. P. 191.

27 апреля премьер-министр подпольного правительства Ирландской республики (оно было сформировано в октябре 1922 г.) де Валера выступил с призывом прекратить вооруженное сопротивление до лучших времен. Он заявил: «Дальнейшее жертвы не оправданы, и продолжение вооруженной борьбы противоречит национальным интересам. Права наций необходимо отстаивать другими средствами»¹. 30 апреля ИРА прекратила огонь. Но ИСГ не согласилось на перемирие и примирение. 24 мая Айкен приказал бойцам ИРА спрятать оружие и вернуться к мирной жизни. 15 августа де Валера был арестован, как и тысячи других подпольщиков.

Противники договора продолжали действовать под названием партии «Шинн фейн». Фристейтеры создали партию «Общество гэлов» (Куманн на Гэдхал). На выборах 27 августа 1923 г. «Шинн фейн» получила 29 % голосов и 44 места, но отказалась участвовать в парламенте, где нужно было приносить присягу королю. 14 мест в парламенте получила Лейбористская партия, занимавшая позицию нейтралитета в гражданской войне.

В октябре тысячи заключенных республиканцев объявили голодовку, продолжавшуюся 41 день. Некоторые из них погибли. После этого власти освободили из заключения женщин.

Фристейтеры делали ставку на экономические связи с Великобританией. Эта политика не принесла большого успеха, так как Ирландия оставалась сырьевым придатком. Популярность фристейтерам принесла аграрная реформа 1923 г., которая предусматривала обязательный выкуп обрабатываемой крестьянами земли у помещиков и ликвидировала лендлордизм. Затраты на проведение реформы были компенсированы за счет выплат британскому правительству.

Кровопролитие в Ирландии происходило во имя национальных целей, которые подчинили себе социальные. Хотя классовые конфликты время от времени прорывались сквозь национализм в условиях военно-террористической нестабильности, ирландские лейбористы и контролируемые ими организации готовы были потерпеть до независимости. Но независимость не приходила еще долго — сил террористического подполья для этого не хватало. Такое подполье может создать большие трудности для империи, но чтобы победить, оно должно опираться либо на серьезную помощь извне, либо на популярную в народе социальную программу, ради которой гораздо более широкие массы готовы к активным действиям. Итогом национальных приоритетов борьбы стал компромисс с империей почти на тех же условиях, которые были обещаны Ирландии в 1914 г. и отло-

---

¹ Полякова Е. Ю. Ирландия в XX веке. С. 27.

жены в связи с мировой войной. Этого можно было бы добиться и без жестокого противостояния 1919–1921 гг. Но в 1914 г. камнем преткновения стало нежелание части населения Ольстера входить в католический доминион. Она готова была отстаивать свою позицию с оружием в руках, так что создание доминиона и в 1914 г. было чревато кровопролитием. Кровопролитие 1919–1921 гг. позволило Лондону разделить остров, предоставив широкое самоуправление той части, где доминирование католиков было очевидным. Лондон получил то, что хотел уже в 1914 г. — разделенную Ирландию с ограниченным суверенитетом и широким самоуправлением, которое не требует английского вмешательства во внутренние дела. Националисты проиграли войну за единую независимую Ирландию. Но Ирландская республиканская армия продолжит ее во второй половине XX в.

Индийский бунт, осмысленный и милосердный

Многие события, о которых говорится в этой книге, позволяют вспомнить выражение Пушкина о бунте «бессмысленном и беспощадном». В эпоху 1918–1923 гг. было не так много бессмысленных выступлений — им придавал смысл мировой контекст. Революционные и протестные движения проливали много крови, увеличивая тем цену перемен и ставя под сомнение их благотворность. Но иначе было в Индии.

После окончания Первой мировой войны англичане решили действовать в своей крупнейшей колонии методом кнута и пряника. В 1919 г. они приняли закон об управлении Индией, напоминавший конституцию, — учреждался двухпалатный законодательный орган. 33 члена верхней палаты избирались, а 27 назначались генерал-губернатором (вице-королем). 103 из 145 членов нижней палаты избирались по сложной куриальной системе с высоким цензом, остальные также назначались. Аналогичным образом формировались региональные законодательные структуры. В выборах центрального «парламента» участвовало менее миллиона человек из 305-миллионного населения Индии¹. Это был закон, рассчитанный не столько на реальную демократизацию, сколько на эксперимент — а как вообще можно привлекать индийские элиты к законодательству и власти в столь разнообразном субконтиненте. Вице-король имел право вето, а реальная власть была сосредоточена в назначенном им Исполнительном совете и в руках британского министра по делам

¹ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 84.

Индии. На местах финансами распоряжались губернаторы. Сохранялось и множество автономных княжеств, формально не считавшихся частью колонии.

Закон об управлении Индией был с возмущением встречен большинством Индийского национального конгресса (ИНК), старейшей политической организацией национального движения. Возмущение нарастало и в результате принятия в марте 1919 г. закона Роуллетта (назван по имени предложившего его судьи Сидни Роуллетта), который продлевал ограничения свобод военного времени на мирное время, предоставляя властям право ареста и высылки из региона без суда. Помимо репрессивной стороны у этого законодательства была и другая, также возмущавшая национально ориентированных индийцев, — закон ограничивал право жителей Индии перемещаться по субконтиненту, закрепляя ее раздробленность под эгидой Британии. Закон вызвал возмущение общественно активных индийцев. Как писал деятель ИНК Раджендра Прасад, «безоговорочная поддержка, оказанная делу англичан в войне, вознаграждалась репрессиями»¹.

Большой интерес у ИНК вызывала Парижская мирная конференция, ведь Индия участвовала в войне и, соответственно, должна была иметь право голоса на переговорах о судьбе мира (в реальности «представители» Индии назначались Лондоном). Другим важным фактором консолидации антиколониального движения в Индии стали притеснения халифа мусульман, то есть османского султана. В Индии набирало силу Халифатское движение, выступавшее за консолидацию сил мусульман против колонизаторов и спасение Турции от раздела. ИНК поддержал Халифатское движение и сотрудничал и с Всеиндийской мусульманской лигой.

Также новым фактором развития индийского общества стало создание общеиндийской профсоюзной организации — в октябре 1919 г. был создан Всеиндийский национальный конгресс. Помимо этих процессов, аналогичных тому, с чем мы уже встречались в других странах, события в Индии определялись субъективным фактором, личностью человека, который в это время стал лицом освободительного движения Индии.

Мохандас Карамчанд Ганди, прозванный Махатмой («великой душой»), стал ведущим лидером национального движения и в силу личных качеств, и потому, что выдвинул относительно новую популярную тактику борьбы за самоуправление Индии. Ганди родился в 1869 г. в купеческой семье, воспитывался в строгих индуистских

---

¹ *Прасад Р.* Автобиография. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 109.

традициях. Он работал юристом в Бомбее и в Южной Африке. Здесь Ганди стал известен как защитник прав индусов, угнетавшихся англичанами. Когда в 1899 г. началась Вторая англо-бурская война, Ганди возглавил на ней санитарный отряд и в ходе службы получил золотую медаль за храбрость. Но свой долг он видел не в помощи англичанам, а в облегчении страданий раненых. В 1904 г. Ганди создал общину «Феникс» под Дурбаном, жители которой вместе обрабатывали землю и выпускали известную по всей стране газету «Индийское мнение». Эта духовная община стала альтернативой как западному городскому образу жизни, так и серой обыденности сельской жизни стран Востока. В 1907 г. Ганди выдвинул идею политически мотивированного ненасильственного сопротивления — сатьяграхи (упорство в истине, прежде практиковавшееся в религиозной сфере) — неповиновения властям. Ганди выступал за то, чтобы борьба против британского колониализма велась безо всякого насилия, так как политическая философия Махатмы основывалась на принципе ахимсы-ненасилия. В 1908 г. под руководством Ганди в Южной Африке прошла кампания митингов, забастовок, бойкота британских товаров и учреждений. Ганди был арестован. Но к 1914 г. ему удалось добиться отмены наиболее оскорбительных для индийцев расистских правил.

В 1915 г. Ганди с триумфом вернулся в Индию. Здесь он по своему обыкновению основал духовную общину «Сатьяграха ашрам» и принял в него семью неприкасаемых, чем шокировал приверженцев системы кастового разделения. Ганди неутомимо доказывал, что кастовая рознь не вытекает из основ религии, что люди должны преодолевать барьеры между собой, вместе бороться за сварадж — самоуправление Индии на правах доминиона. В 1917 г. Ганди начал организовывать сатьяграхи в тех районах страны, где произвол британцев был наиболее возмутителен, в 1918 г. провел кампанию в сельской местности, что повысило его популярность среди крестьян. Также Ганди уделял большое внимание сближению индуистов и мусульман в борьбе против колониализма (он даже был избран президентом Халифатского комитета).

Ганди уже давно говорил о том, что индусы вполне могут обойтись без британской промышленности и тем самым решили бы множество своих социальных проблем. Необходимо переориентировать индийский рынок на индийскую же продукцию и бойкотировать иностранные товары (кампания свадеши). Это нанесет колонизаторам болезненный удар, но даст работу миллионам соотечественников. Начинается кампания за прядение тканей (кхади), в которые одеваются миллионы патриотически настроенных людей. Ганди считал, что

значительная часть потребительских товаров может производиться кустарно, без строительства крупных промышленных предприятий. В первой половине XX в., в эпоху всеобщего увлечения индустриализацией, эта мысль выглядела наивной. И только в наше время, когда потребительское общество вступило в прямой конфликт с природой, когда цивилизации грозит ресурсный кризис, скептицизм Ганди по поводу индустриализации становится более понятен. Ганди не был противником техники как таковой: «Никто не противостоит машинам. Мы выступаем против злоупотребления ими и их чрезмерного использования»¹. В Индии в то время миллионы людей подражали своему вождю, обматывая тела домотканым полотном. «Мы поставили себе целью одеваться лишь в ткани, сделанные собственными руками. Поэтому прежде всего мы перестали пользоваться фабричными тканями»², — вспоминал Ганди о решении, которое они приняли в своем ашраме, общине единомышленников. Пока что это был выбор небольшой группы людей. Но если бы он распространился на десятки миллионов индийцев, удар по британской торговле стал бы весьма ощутим. Ганди развернул широкую кампанию в поддержку кхади. Он призывал: «Для каждого патриота, влюбленного в свою страну, нет другого выхода из состояния своей полной бесполезности, кроме пропаганды кхади»³. Ганди настаивал на том, чтобы кхади ткал каждый член ИНК.

Ненасильственное сопротивление для Ганди стало не только методом достижения свободы страны, но и путем построения нового свободного общества, и критерием того, готовы ли люди к свободе. По его мнению, «власть государства вытекает единственно из его способности к наказанию. Те личности, которые изгнали из себя страх перед этим наказанием, без насильственного противодействия власти государства, действуют так, будто его нет, и всегда побеждают»⁴.

Взгляды Ганди развивались под влиянием индийских и христианских религиозных концепций, а также идеолога гражданского неповиновения и простой жизни Генри Торо. Большое влияние на социальную программу Ганди оказали взгляды христианского социалиста Джона Рёскина (соратника Уильяма Морриса) и Льва Толстого. Под их воздействием Махатма эволюционировал к умеренному анархизму и социализму. «Только ненасильственные, любящие истину и чистосердечные социалисты смогут установить социалистическое

¹ The Collected Works of Mahatma Gandhi. V. XXXVII. Ahmadabad: Ministry of Information and Broadcasting Government of India, 1970. P. 158.

² Ганди М. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 420.

³ The Collected Works of Mahatma Gandhi. V. XXXVII. P. 302.

⁴ Ibid. P. 190.

общество в Индии и во всем мире»¹, — писал он позднее. Ганди не разделял популярную в странах Третьего мира (а ныне и в России) уверенность в преимуществах именно национального капитала: «Глупо полагать, что индийский Рокфеллер будет лучше американского Рокфеллера»².

Ганди не боится бросить вызов западной цивилизации в целом. В отношении нее он, представитель древней индийской культуры — «варвар», который предсказывает гибель новому «Риму»: «Цивилизация стремится к увеличению комфорта для людей, но, к несчастью, она терпит позорную неудачу даже в этом... Эта цивилизация такова, что она разрушится сама собой, нужно только иметь терпение»³. Ганди видит и экономические основания приближающейся катастрофы: «Массовое производство без одновременного массового распределения может привести только к великой мировой трагедии»⁴.

Ганди является противником любого «насильственного государства»: «Государство представляет насилие в концентрированной и организованной форме. У отдельной личности есть душа, но так как государство — бездушная машина, его никогда не удастся отделить от насилия, которому оно обязано своим существованием». «Государство приносит величайший вред человечеству разрушением личности, являющейся основой всякого прогресса»⁵. Ганди мечтал о федерации духовных общин, о широчайшем самоуправлении как фундаменте общественного устройства. Такую систему, близкую программе анархистов, Ганди называл «ненасильственным государством».

24 января 1919 г. Ганди и его сторонники создали организацию «Собрание сатьяграхи», которое было готово развернуть кампанию ненасильственного протеста всеиндийского масштаба. Закон Роуллетта стал для этого достойным поводом — члены собрания заявили о готовности не подчиняться репрессивному закону, заполнить собой тюрьмы и сорвать либеральную маску с колониального режима.

6 апреля начался всеиндийский хартал — забастовка и массовые манифестации. Улицы индийских городов наполнились народом. Индусы и мусульмане вместе скандировали патриотические лозунги, демонстративно продавали запрещенные книги и выпаривали из моря соль без уплаты непопулярного соляного налога. Полиция из-

¹ Цит. по: *Марфишин О.В.* Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: Наука, 1970. С. 260.

² *Ганди М.* Моя жизнь. С. 449.

³ Там же. С. 443.

⁴ Цит. по: *Марфишин О.В.* Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. С. 140.

⁵ Там же. С. 200–201.

бывала людей, в некоторых местах стреляла в толпу. Наиболее резонансная трагедия произошла в Амритсаре.

В начале апреля большие массы индийцев собрались в Амритсаре в Пенджабе. С одной стороны, там происходил религиозный праздник, с другой — Амритсар был одним из центров кампании несотрудничества, митингов за *сварадж*. Митингующие требовали освобождения двух арестованных соратников Ганди — Сатью Пала и Сайфуддина Китчлу. 10 апреля полицейские стреляли в толпу, после чего десятки тысяч разъяренных людей стали громить банки и государственные учреждения. Погибло несколько британских служащих.

11 апреля пожилая английская миссионерка Марселла Шервуд направилась к школе, которой руководила. Когда она ехала по узкой улочке Куча Курричхан, на нее напала толпа агрессивных индийцев. Ее повалили на землю, изрядно помяли, но сочувствующие индийцы отбили ее и переправили в безопасное место¹. Этот случай возмутил британцев, пожалуй, даже больше, чем предыдущие убийства.

В дальнейшем генерал Реджинальд Дайер, исполняющий обязанности военного коменданта Амритсара, приказал, чтобы каждый индеец, который собирается пройти по этой улице, должен ползти по ней. Дайер объяснял свою идею: «Некоторые индийцы ползают лицом вниз перед своими богами. Я хотел, чтобы они знали, что британская женщина так же священна, как индуистский бог, и поэтому они должны ползать перед ней тоже»². Индийцев хватали у входа на эту улицу и заставляли ползти.

Но 13 апреля 10–20 тыс. человек собрались на заранее объявленный митинг на площади Джаллианвала Багх — в саду размером примерно 200 на 200 метров, со всех сторон окруженном трехметровыми стенами. В центре этой площади-сада находился колодец с водой. В сад можно было пройти только по тесным проходам.

Участники митинга никому не угрожали. Сюда пришли не только сторонники кампании за *сварадж*, но и просто любопытствующие с религиозного праздника и с закрытой властями ярмарки. Многие не знали о запрете собраний.

Когда образовалось заметное скопление людей, к Джаллианвала Багх прибыл британский отряд во главе с генералом Дайером. По собравшимся был открыт огонь без предупреждения. Деваться было некуда. Люди погибали под пулями, в давке и в колодце, куда прыгали, чтобы укрыться от огня.

¹ *Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World*. L.: Penguin Books, 2003. P. 326.

² Cit.: *Talbot S. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb*. Washington: Brookings Institution Press, 2004. P. 245.

События расследовались комиссией под руководством лорда Уильяма Хантера. В 1920 г. после прений в британском парламенте, где против Дайера выступили Уинстон Черчилль и министр по делам Индии Эдвин Монтегю, Дайер был осужден за ошибочное представление о своих служебных обязанностях. Ошибся человек, с кем не бывает.

Только по официальным данным, было убито 379 человек и 1200 ранено¹. Были произведены массовые аресты, происходили публичные телесные наказания и другие издевательства над индийцами.

Страна была шокирована, Ганди заявил о приостановке сатьяграхи. Он считал, что сатьяграха, объявленная без достаточной подготовки народа к ненасилию, — «ошибка, огромная как Гималаи»². Была создана комиссия ИНК для расследования обстоятельств трагедии в Амритсаре. А в Англии общественность, включая первого британского лауреата Нобелевской премии по литературе Редьярда Киплинга, собирала средства на чествование возвращавшегося в метрополию Дайера³. В Индии трагедия в Амритсаре дискредитировала империю даже в глазах таких ценителей английской культуры и ее влияния на индийцев, как другой лауреат Нобелевской премии, поэт Рабиндранат Тагор. Он отказался от пожалованного ему королем рыцарского звания.

Ганди, который с начала 1920 г. стал одним из лидеров ИНК, возобновил сатьяграху 1 августа. В этот день, после смерти Локамани Бал Гангадхара Тилака — первого идеолога индийской независимости — Махатма стал фигурой № 1 в освободительном движении.

Певоначально сатьяграха проводилась в знак протеста против расстрела в Амритсаре и в защиту халифата, но в сентябре 1920 г. на сессии в Калькутте ИНК поддержал ее уже на более широкой основе, с требованием свараджа. Ганди призывал добиться свараджа за один год.

На сессии в Нагпуре в декабре 1920 г., на которую собралось 14 тыс. делегатов, структура ИНК была реорганизована, отчего он приобрел черты хорошо выстроенной партии-движения. Всеиндийский комитет конгресса (ВИКК) стал формироваться из представителей регионов, не совпадавших с колониальным административным делением. Был создан Рабочий комитет и другие постоянные органы ИНК, ранее не существовавшие. Создавалась сеть филиалов ИНК на местах. Организация перестала быть элитарной. Но ее ряды косили репрессии — за год было арестовано более 40 тыс. активистов⁴.

¹ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. С. 99.

² Ганди М. Моя жизнь. С. 405.

³ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. С. 100.

⁴ Там же. С. 117.

Сессия в Нагпуре приняла программу несотрудничества, которая включала отказ от титулов и наград, пожалованных правительством, прекращение связей с субсидируемыми правительством колледжами и школами, неучастие в законодательных органах и колониальных судах. Позднее эту программу дополнили отказом состоять на государственной службе. В повестку дня встал вопрос о неуплате налогов¹. Ганди придавал большое значение и решениям конгресса о поддержке халифатского движения, о борьбе с институтом неприкасаемости и о поддержке изготовления кхади: «Члены Конгресса взяли на себя обязательство очистить индуизм от проклятия неприкасаемости, а при помощи кхади Конгресс установил живую связь со старой Индией. Принятие несотрудничества в интересах халифата само по себе уже являлось большим практическим шагом, предпринятым Конгрессом в целях достижения единства индусов и мусульман»². Участники кампании пикетировали магазины, где продавался алкоголь, занимались прядением кхади и отказывались носить одежду английского производства.

Ганди постоянно перемещался по стране и на поезде, и пешком, выступал на митингах, вел переговоры с британскими чиновниками, мусульманскими и индуистскими лидерами. В разных регионах Индии происходили забастовки, демонстрации, сожжения английских товаров. Махатма настаивал на исключительно ненасильственном характере борьбы, но в ходе массовых выступлений то и дело происходили столкновения со сторонниками сохранения колониальной системы. После стычек в Бомбее в ноябре 1921 г. Ганди объявил голодовку протеста не против властей, а против насилия. Его авторитет помог прекратить беспорядки.

В декабре 1921 г. на сессии ИНК в Ахмадабаде Ганди получил на время протестной кампании все права ВИКК и право назначать преемника. Маулана Хасрат Мохани, ставший президентом Всеиндийской мусульманской лиги, поднял вопрос о провозглашении курса на независимость. Но Ганди был против этого — движение для начала добивалось статуса доминиона. Были отвергнуты и предложения вступить в переговоры с правительством уже сейчас, пока не освобождены политзаключенные и не признано право свараджа в принципе.

В Индии, где подавляющее большинство общества оставалось аграрным, важным социальным фактором становились крестьянские организации (кисан сабхи). Их требования были умеренными — за-

¹ *Прасад Р.* Автобиография. С. 127.

² *Ганди М.* Моя жизнь. С. 429.

ставить помещиков-заминдаров ограничиться взиманием арендных платежей на прежнем уровне и отказаться от дополнительных поборов и сгона крестьян с земли. Но это был классовый конфликт, подрывавший единство индийцев перед лицом британцев, и лидеры ИНК относились к борьбе крестьян с настороженностью, пытались убедить их в том, что до обретения *сваджа* не стоит вести социальную борьбу. Это не всегда удавалось. Во время выступления одного из лидеров ИНК Джавахарлала Неру перед крестьянами о *свадже*, присутствующие стали расходиться¹. Конгрессистам пришлось глубже вникать в тематику социальных конфликтов в деревне: привлекать на свою сторону крестьян, оказывая давление на заминдаров, чтобы те пошли на уступки крестьянам в интересах единства индийцев и одновременно уговаривать крестьян отказаться от борьбы с заминдарами.

Параллельно с кампанией несотрудничества в августе 1921 г. в Малабаре началось восстание мусульманского народа *мопла* против помещиков-индусов и местных властей, защищавших частную собственность. В некоторых районах восставшие провозгласили «халифатские республики». Такой классовый раскол в этнорелигиозной форме не мог обрадовать лидеров ИНК. К концу года восстание было подавлено, погибло около 2 тыс. человек, 70 пленных умерли в муках, так как были оставлены британцами в товарном вагоне без воды на жаре. Хотя деятели ИНК отмежевались от восстания, они обличали британцев за подобные жестокости².

Британцы не уступали, и Ганди все труднее было удерживать возбужденные массы участников национального движения от перехода к насильственным средствам борьбы.

5 февраля 1922 г. в деревне Чаури-Чаура полиция открыла огонь по сторонникам ИНК, пикетировавшим рынок в знак протеста против высоких цен и продажи алкоголя. В ответ толпа сожгла полицейский участок с 22 блюстителями колониального порядка. За участие в беспорядках в Чаури-Чаура в дальнейшем 19 человек были приговорены к смертной казни, а 153 — к каторжным работам³.

Индия и лидеры ее национального движения встали перед выбором — или переход от ненасильственного сопротивления к вооруженному восстанию, или прекращение кампании. Ганди выбрал второе. Он заявил, что страна еще не готова к свободе, если индийцы способны на бунт. Кампания гражданского неповиновения была прекращена. Это решение было поддержано Рабочим комитетом

¹ Гопал С. Джавахарлал Неру. Биография. 1889–1947. М.: Прогресс, 1989. Т. 1. С. 45.

² Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. С. 114.

³ Там же. С. 119.

ИНК, но вызвало возмущение многих лидеров партии, в том числе находящихся в заключении за участие в кампании, которую теперь свернули из-за инцидента в Чаури-Чаура. Досталось Махатме и на февральской сессии ВИКК. Впрочем, сам этот инцидент был скорее ярким поводом, чем причиной прекращения кампании¹. Ганди не видел выхода из ситуации, в которой колонизаторы выдержали ненасильственное давление. Нужно было либо переходить к гражданской войне, что было неприемлемо для гандистов, либо искать новые методы воздействия на ситуацию ненасильственными методами. Хотя локальные волнения продолжались до лета 1922 г., после решения Махатмы кампания уже не могла возобновиться с прежней силой.

18 марта 1922 г. Ганди был приговорен к шести годам заключения, из которых отсидел менее двух лет. Часть видных деятелей конгресса (Мотилал Неру, Читтаранджан Дас и др.) решили отказаться от полного несотрудничества и принять участие в выборах. Они создали Партию свараджа Индийского национального конгресса («свараджисты»), которая стремилась политическими средствами добиваться статуса доминиона для Индии. Сторонники строгого несотрудничества, продолжения политики Ганди во главе с Чакраварти Раджагопалачария и Валлабхаи Пателем убеждали руководство ИНК отказаться от участия в выборах. В декабре 1922 г. было принято именно такое решение. Но в мае 1923 г. комитет конгресса Соединенных провинций Агры и Ауда, лидером которого был сын Мотилала Неру центрист Джавахарлал Неру, принял решение о моратории на бойкот выборов. Под давлением центристов из этой авторитетной организации ИНК его ВИКК в конце мая также одобрил такое решение. Агитация против выборов была запрещена, Мотилал и его сторонники могли баллотироваться на выборах. В ответ шесть членов Рабочего комитета ИНК, стоявшие на гандистских позициях, ушли в отставку. К власти в ИНК пришли центристы во главе с Джавахарлалом, которые фактически обеспечили свараджистам поддержку ИНК. Правда в июле гандисты стали все же протестовать против нарушения воли конгресса, попытались агитировать против участия в выборах, и Джавахарлал потребовал наказать их за это. На такой шаг ВИКК не пошел, после чего уже Джавахарлал покинул Рабочий комитет². Но в целом кампания против участия в выборах не приобрела большого размаха. Гандисты тоже опасались раскола ИНК. В ноябре свараджисты получили 45 из 101 выборного места, добившись также успеха и на региональных выборах.

¹ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. С. 119–120.

² Гопал С. Джавахарлал Неру. Биография. 1889–1947. С. 69–71.

Поражение кампании гражданского неповиновения 1919–1922 гг. не означало конца борьбы. Менялась лишь ее форма. Теперь движение вступило в фазу «конструктивной работы». Через несколько лет ИНК и Ганди снова пойдут в наступление на колониализм.

Индия, где в 1919–1922 гг. огромные массы людей шли на самопожертвование в своей борьбе против британцев, казалась своего рода бочкой с порохом, к которой достаточно поднести спичку, чтобы она взорвалась по-настоящему. 17 октября 1920 г. в Ташкенте была создана Коммунистическая партия Индии. Ее лидер Манабендра Рой декларативно поддерживал ИНК как «лидера нации», но, опираясь на ресурсы Коминтерна, готовил вооруженные акции против британцев в Азии. А что если бушующим толпам раздать оружие, организовав партизанские отряды? Перспектива восстания беспокоила и британцев. Ненасильственная стратегия Ганди казалась и коммунистам, и колонизаторам наивной. Только насилие могло сокрушить мощь британцев. Или не могло? У коммунистов не было рычагов для управления восстанием, которому они могли бы поспособствовать. В случае начала антиколониальной войны в Индии, грозившей неизбежно стать гражданской и межэтнической, Советская Россия, пожалуй, выиграла бы, нанеся серьезный ущерб своему врагу Великобритании. Но делу независимости Индии (и ее внутренней свободы в представлении Ганди) начало массового вооруженного насилия могло повредить. Великобритания располагала довольно эффективной военной машиной, которая позволила усмирить, например, Месопотамию. В Индии у колонизаторов было много союзников. Шансы восстания пока были невелики даже в случае появления на севере партизанских очагов, снабжаемых из Советской России через Афганистан. Но и ненасильственное сопротивление не смогло добиться успеха. Пока. Конкуренция двух путей к независимости продолжится еще на протяжении десятилетий.

* * *

Потрясения 1914–1923 гг., эпицентр которых располагался на относительно небольшом участке планеты между Парижем и Москвой, прокатились по планете от Сеула до Лимы. Степень воздействия этой глобальной волны на судьбы разных народов зависела от уровня и особенностей их индустриального перехода и этнокультурных традиций, которые могли резонировать с идеей советской самоорганизации и радикальной антикапиталистической социальной ломки. Но практически везде импульс, исходящий из эпицентра, проталкивал народы вперед по пути формирования социального государства и подрыва системы империализма. Большинство народов плане-

ты было скорее объектом, чем субъектом мировой революционной волны, они реагировали на вызовы, но их обратное воздействие было пока слабым. Даже Мексиканская революция не выдвинула образа будущего, который увлек бы массы не только в мировом масштабе, но даже континентальном. И все же именно в это время произошло пробуждение мировой «периферии», роль которой в глобальных процессах будет теперь необратимо расти. Однако построение картины мировой революционной волны не требует от нас скрупулезного анализа каждой из этих вспышек нестабильности. Нам важно оценить масштаб явления, его мировую географию.

По всему миру взоры, полные восхищения, гнева или сомнений, были обращены к Парижу и Москве. Настало время и нам подробнее рассмотреть ситуацию на востоке Европы, где располагался второй из этих центров.

Глава 4. Коммунары против версальцев

После Первой мировой войны в мировом масштабе развернулась борьба, которая на уровне сути и даже символов продолжала схватку, начатую парижскими коммунарами и версальцами в 1871 г. Теперь Версаль дал имя новому мировому порядку, и его сторонников можно назвать новыми «версальцами». Но этому порядку бросили вызов сторонники уже не только парижской, а мировой коммуны. Новые коммунары признавали родство с Парижской коммуной, которая, словно ген, включающий информацию о будущем организме, ждала своего часа, когда суждено будет влиять на судьбы всего мира. И этот час настал на излете мировой войны, дестабилизировавшей мировой капитализм.

Социальный и политический проект Парижской коммуны формулировали прежде всего умеренные анархисты (прудонисты), выступавшие за последовательную демократию, распространенную на все уровни от производственного самоуправления работников до территориальной федерации самоуправляющихся коммун в масштабах стран и даже мира. Таков был проект Коммуны, творение теоретиков. Но практика жестокой схватки за будущее требует людей другого склада — решительных и властных организаторов. Они тоже были в Парижской коммуне и даже возобладали политически, но по разным причинам не нашли пути к победе даже в масштабах Франции, породив бесконечную дискуссию об «ошибках Коммуны»¹. Теперь ее наследники снова бросили вызов капитализму и его государствам.

В эпицентре «мировой революции»

Великая российская революция оказалась в эпицентре мирового революционного подъема, вызванного глобальной дестабилизацией в результате Первой мировой войны. Поражение в войне и вызванное ею разорение привело к распаду Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй и серии национальных революций в Европе.

Провозглашение Советской власти в России предоставило модель революционного решения обострившихся социальных проблем, которая приобрела популярность за пределами бывшей царской Рос-

---

¹ Подробнее см.: Шубин А. В. Социализм: «золотой век» теории. С. 304–336.

сии. Революционный подъем привел к радикализации значительной части социал-демократов Франции, Италии, Испании, Норвегии, Венгрии и других стран. Стремясь к распространению опыта российского Октября на свои страны, они сохраняли приверженность демократическим традициям своих партий. Советская революция виделась им торжеством пролетарской самоорганизации, а не установлением бюрократического однопартийного режима. Авторитарные стороны коммунистической практики представлялись издержками ожесточенной Гражданской войны и результатом отсталости России. Казалось, что аналогичные действия в Западной Европе можно осуществить более цивилизованно, аккуратно и демократично.

Стратегия большевизма до 1923 г. была основана на ожидании скорейшей «мировой революции», понимаемой как разрушение капитализма или, во всяком случае, распространение Советской власти на Германию как ключевую позицию в Европе. Из этого исходили лидеры большевиков при захвате власти в преимущественно крестьянской стране (то есть не приспособленной к строительству социализма по Марксу). Советская революция в России нуждалась в поддержке радикальных социалистов (коммунистов) Европы и антиимпериалистических движений Азии. Сначала политические союзники российских коммунистов должны были ослабить интервенцию Антанты, затем — по мере своих побед — помочь строительству социализма в отсталой России.

Первая мировая война расколола социал-демократическое движение не только по линиям фронтов, но идеологически — на социал-шовинистов и интернационалистов. Она показала, что интеграция социал-демократов в структуру «буржуазной» власти ведет к забвению провозглашенных ими принципов и целей политической деятельности марксизма. Ради спасения существующего строя от внешней агрессии и послевоенных социальных потрясений правые социал-демократы были готовы сплотиться вокруг буржуазного государства, в их политике национально-государственные интересы возобладали над классовыми.

Правые и левые социалисты оказались по разные стороны баррикад и фронтов в 1918–1919 гг. в России и Германии. В этих условиях восстановление Второго интернационала в довоенном составе становилось невозможным. Одни социал-демократы несли ответственность за «бойню», другие не желали их за это прощать, одни стремились теперь стабилизировать капитализм, другие — разрушать его. Это размежевание вело к созданию нового, Третьего интернационала.

Большевики стремились возглавить создание нового Интернационала, а не просто присоединиться к нему. Он был нужен большеви-

кам как эффективный инструмент международной политики, а не дискуссионная площадка равноправных товарищей.

Еще до завершения мировой войны в Москве стал формироваться костяк будущей международной организации. 14 марта 1918 г. под эгидой Бюро по делам пленных при военном отделе ВЦИК прошла конференция оказавшихся в России иностранцев, поддержавших большевизм, которая провозгласила необходимость создания международной коммунистической партии. В мае была создана Федерация иностранных групп при РКП(б).

Революции в Германии и странах бывшей Австро-Венгрии, провозглашение Коммунистической партии Германии в декабре 1918 г. вновь поставили на повестку дня вопрос о создании объединения коммунистических партий — Коммунистического интернационала (Коминтерна). Но в Западной Европе Третий интернационал виделся как союз левосоциалистических интернационалистических партий.

Подготовку международного коммунистического конгресса ускорило и стремление социал-демократических партий восстановить Второй интернационал. Ленин надеялся поставить социал-демократическую конференцию перед фактом возникновения альтернативного интернационала. Но коммунисты не успели. Социал-демократическая конференция состоялась в Берне 3–10 февраля 1919 г., когда подготовка коммунистической конференции в Москве шла полным ходом. В Бернской конференции участвовали 102 делегата от 26 стран. У Коминтерна не было пока шансов собрать что-то подобное. Резолюции готовили такие звезды мировой социал-демократии, как Фридрих Адлер, Альбер Тома, Яльмар Брантинг, Пьер Ренодель, Жан Лонге и др. Поприветствовав революции в России, Германии и Австро-Венгрии, делегаты спорили о том, кто виноват в расколе Интернационала и что делать для его восстановления, с кем объединяться. Главный вопрос — объединяться ли с большевиками и как к ним относиться. Лидер правого крыла Французской секции Рабочего интернационала (СФИО) Пьер Ренодель нашел простое решение — в расколе обвинить «социалистов стран-агрессоров» (то есть проигравших войну), а большевиков осудить и объединяться без них. В полемику с ним вступил другой француз Марсель Кашен, который настаивал, что катастрофу 1914 г. вызвал мировой империализм, а победа большевиков в России стала «серьезным шагом на пути к освобождению рабочего класса»¹. Меньшевики требовали жесткого осуждения большевистской практики в России, такие делегаты,

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. М.: Либроком, 2012. С. 43.

как Адлер и Лонге выступали против решений, которые могли бы затруднить «в будущем объединение пролетариев всех стран». В итоге была принята осторожная резолюция по проекту Брантинга, в которой осуждалось установление «диктатуры, опирающейся только на часть пролетариата», что может привести к гражданской войне и реакции¹.

Большевики ревниво следили за ходом конференции в Берне. Когда Григорий Зиновьев, уже возглавивший Коминтерн, докладывал VIII съезду РКП(б) об образовании Третьего интернационала, львиную долю своего выступления он посвятил событиям в Берне. По словам Зиновьева, на социал-демократическом конгрессе «не было революционного рабочего класса» (можно подумать, что он был на конгрессе Коминтерна), Брантинг там приветствовал лидера мировой буржуазии Вильсона, а Каутский выступил за референдум в Эльзасе и Лотарингии под контролем Лиги Наций, а ведь это — буржуазная организация².

Но есть и свет надежды: 20 делегатов выступили против осуждения большевизма. Среди них французы Фернан Лорио, Луи-Оскар Фроссар, Рауль Верфей, Поль Фор. Особенно приятно, что это не старые вожди, а «люди, до сих пор малоизвестные, которых поднимающаяся волна только еще начинает выносить на своем гребне, простые рядовые участники французского рабочего движения»³. Большевики надеются привлечь к своему Интернационалу именно эту свежую кровь социализма, чтобы старые вожди не мешали обращать новичков в коммунистическую веру. Даже приличные ветераны социал-демократии склонны к грехопадению центризма, пытаются договариваться с прежними товарищами по борьбе, которые стали социал-шовинистами. Адлер отговаривал австрийцев от восстания, Лонге «хочет быть непременно с большинством» (вот какой беспринципный), но мечется, потому что не знает, с кем будет большинство его партии⁴. Мы увидим, что, когда произойдет раскол СФИО, Лонге ради своих принципов предпочтет остаться с меньшинством.

После Берна левые и правые социал-демократы встретились на социалистической конференции в Люцерне в августе 1919 г. Лидерам правого и левого крыла международной социал-демократии снова не удалось договориться. Но представители некоторых социал-демократических партий уже не поехали в Люцерн. Их манила Москва.

¹ Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. С. 50–51.

² Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 123–126.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 132.

* * *

24 декабря 1918 г. ЦК РКП(б) выступил с обращением, призвавшим коммунистов всего мира к размежеванию с социал-демократией. 24 января 1919 г. от имени восьми коммунистических организаций было опубликовано воззвание «К Первому съезду Коммунистического Интернационала» с изложением проекта его платформы. Над его текстом работали Лев Троцкий, Николай Бухарин, Владимир Ленин и Георгий Чичерин. Воззвание провозглашало: «Текущая эпоха есть эпоха разложения и краха всей мировой капиталистической системы, которые будут означать и крах европейской культуры вообще, если не будет уничтожен капитализм с его неразрешимыми противоречиями»¹. Воззвание содержало обычный для большевистских программных документов набор идей о захвате власти пролетариатом, уничтожении старого государственного аппарата, создании нового аппарата «пролетарской власти», экспроприации капитала, отмене частной собственности на средства производства и т. п.

Однако КПГ по инициативе Розы Люксембург выступила против немедленного провозглашения Коминтерна, так как компартии пока возникли только на территории бывшей Российской империи, в Германии и Венгрии. Сначала должны появиться партии, а потом — их международный союз, а не наоборот. Эту позицию от имени КПГ пытался отстаивать прибывший в Москву ее представитель Гуго Эберлейн.

Как отмечают историки К. Макдермот и Д. Агню, «публичные высказывания Эберлейна, однако, не передавали сути того беспокойства, которое испытывали германские коммунисты. Незадолго до своей смерти Роза Люксембург намекнула, что преждевременно созданный в Москве Интернационал неизбежно окажется под влиянием большевиков. Она предупредила руководство германской компартии, что такой Коминтерн будет “русской Kramerei” (лавочкой), с которой мы будем не способны справиться. Мы погибнем с ним»². Ленин был согласен с тем, что идеология Коминтерна должна формироваться на основе синтеза большевизма и спартакизма³. Однако германские коммунисты не смогли победить в Германии. Советская Россия превратилась в главный очаг и оплот коммунистического проекта. В дальнейшем западные коммунисты постепенно либо приняли и поддерживали большевизацию, то есть все более авторитарный режим в международном коммунистическом движении, соответствовавший российскому опыту, либо оказались за бортом Коминтерна.

¹ Коминтерн и идея мировой революции. М.: Наука, 1998. С. 84.

² Макдермот К., Агню Д. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. С. 28–29.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 227–228.

1 марта в ходе переговоров Ленина и Эберлейна был достигнут компромисс: не считать состоявшийся форум учредительным, а создать бюро, обсудить документы Коминтерна и призвать коммунистов к нему присоединяться. Но в ходе конгресса 2–6 марта 1919 г. в обстановке энтузиазма и большевистского уговаривания делегаты выступили за то, чтобы все же немедленно учредить Коммунистический интернационал. 4 марта голосами всех делегатов, кроме воздержавшегося Эберлейна, Коминтерн был провозглашен. Из тех, кто голосовал за его создание, были члены только двух уже возникших коммунистических партий — РКП(б) и компартии Венгрии. Однако это не значит, что у Коминтерна в начале его существования не было сторонников за пределами России, Германии и Венгрии. Приехать в Москву было затруднительно. Уже II конгресс Коминтерна покажет, что и в 1919 г. сторонники создания мирового союза партий, выступающих за социалистическую революцию, занимали весомое место в социалистическом движении. Первой ласточкой процесса расширения Коминтерна после его основания стало провозглашение Болгарской коммунистической партии на XXII съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов («тесняков») в мае 1919 г.

По мнению историка В. Хеделера, «Эберлейн был не единственным делегатом, требовавшим обстоятельного обсуждения принципов организационного объединения радикального крыла международного рабочего движения. Любую попытку развернуть подобную дискуссию (об этом свидетельствует и протокол Второго конгресса Коминтерна) представители РКП(б) сводили на нет, ссылаясь на необходимость “спешки”»¹. При этом В. Хеделер ссылается на отказ жившего в Кремле норвежца Эмиля Станга участвовать в конгрессе, не проконсультировавшись со своим ЦК. Это само по себе не значит, что Станг и Эберлейн хотели оспорить предлагаемые большевиками организационные принципы. Но большевики действительно сделали все, чтобы публичная дискуссия не задержала провозглашение Коминтерна. И Эберлейну, а затем и ЦК КПГ пришлось с этим смириться.

Зиновьев позже с гордостью говорил на VIII съезде РКП(б): «Люди, которые являются вожаками самой просвещенной, интеллигентной, организованной, самой самоотверженной части рабочего класса всего мира... с открытой душой признали, что идейное руководство происходящей на наших глазах мировой революции должно

¹ *Хеделер В.* Основатели Коммунистического Интернационала // *Время Коминтерна: материалы международных научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала.* М.: Государственная публичная библиотека, 2020. С. 16.

принадлежать Российской коммунистической партии»¹. Ну о какой отсталости России можно после этого говорить, если немецкий делегат подчинился идеям российского большевизма?

В I конгрессе Коминтерна участвовали 34 делегата с решающим голосом от 19 организаций и 18 с совещательным (всего были делегаты из 21 страны). Когда Коминтерн был провозглашен, до Москвы добрались делегаты с Балкан и из Швеции. Они редактировали учредительные документы в редакционных комиссиях². На пленуме документы были приняты без обсуждения.

Большинство делегатов конгресса составляли коммунисты стран бывшей Российской империи и члены Федерации иностранных групп — недавние военнопленные, оказавшиеся в России и теперь представлявшие не столько партии, сколько инициативные группы по их созданию.

Часть делегатов жила в РСФСР и работала в советском и партийном аппаратах (такие как Жак Садуль и Анри Гильбо из Франции, Фриц Платтен из Швейцарии). Восемь делегатов являлись сотрудниками НКВД³.

К 6 марта — последнему дню работы конгресса — в редакционной комиссии были доработаны и затем приняты делегатами Манифест, Платформа и Обращение к рабочим всех стран. Манифест Коминтерна, подписанный делегатами из 15 стран (а также еще двух от России — от немцев Поволжья и народов Востока России), призывал: «Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против монархии, против привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов классового и национального гнета — объединяйтесь!»

Под знаменем рабочих Советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁴

Интересно, что авторы Манифеста наряду с бравурными утверждениями о неизбежности победы пролетариата оговаривались и по поводу возможной альтернативы, которая действительно проявится в XX в.: «Вопрос стоит только в том, кто дальше будет носителем огосударствленного производства: империалистическое государство

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 136.

² Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 61.

³ Хеделер В. Основатели Коммунистического Интернационала. С. 19.

⁴ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партийное издательство, 1933. С. 60.

или государство победоносного пролетариата»¹. Если под последним понимать коммунистические режимы, то эта альтернатива действительно станет основой сюжета мировой истории в 30–80-е гг. XX в.

Платформа Коминтерна ставила задачи «социализации всего хозяйства», создания «централизованных органов управления производством» и осуществления «рабочего управления», «замены торговли правильным распределением продуктов»². Зиновьев назвал платформу Коминтерна новым «Коммунистическим манифестом»³. Такие тексты появляются не чаще чем раз в полвека.

Руководить работой нового интернационала между конгрессами должен был Исполком Коминтерна (ИККИ). Он должен был сформироваться из представителей партий и избирать более узкое бюро для организации текущей работы. Однако временные органы Коминтерна стали формироваться руководством РКП(б) сразу, еще до выборов представителей от компартий (которые в большинстве стран мира только предстояло создать). В середине марта в ЦК РКП(б) было решено, что Коминтерн возглавит Григорий Зиновьев. На VIII съезде РКП(б) он заявил, что его избрал Исполком (которого пока не было), но потом поправился, что избрание произвело временное бюро из представителей партий⁴. Текущую секретарскую работу вела Анжелика Балабанова, которая была и большевичкой, и видным деятелем Итальянской социалистической партии.

Из имевшихся в Москве иностранных коммунистов было сформировано временное бюро Коминтерна, которое стало проявлять самостоятельность и выступило против отправки за границу представителей ЦК РКП(б) без своего ведома⁵. В декабре 1919 г. стал собираться и Исполком.

На VIII съезде РКП(б) Зиновьев вдохновлял слушателей обещанием, что до полной победы дела Третьего интернационала пройдет не более пяти лет⁶. В реальности к 1924 г. стало ясно, что мировая революция не состоялась. Главной темой его доклада о возникновении Коминтерна стала критика социал-демократии. Зиновьев напоминал о ее шовинистическом грехопадении во время войны, которое переросло в поддержку передела мира на Парижской конференции. Как марксист, Зиновьев должен найти классовую причину этого перерождения: «В старые буржуазные партии влились десят-

¹ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 56.

² Там же. С. 64–65.

³ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 136.

⁴ Там же. С. 137, 142.

⁵ Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 67.

⁶ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 117.

ки тысяч представителей мелкой буржуазии...»¹ Берегись, Зиновьев: в РКП(б) «мелкобуржуазные», то есть не пролетарские массы шли широким потоком. Впрочем, когда он в 1924 г. в составе Политбюро принял решение о «ленинском призыве» рабочих в РКП(б), это тоже способствовало скорому падению большевистской «старой гвардии». Ибо «перерождение» было вызвано не нарушением классовой пролетарской чистоты, а изменением социальных задач большевистского руководства и размыванием большевизма массами, которым была чужда прежняя политическая культура большевизма.

Зиновьев словно оправдывается, что коммунисты решились провозгласить новый интернационал революционного пролетариата, хотя собственно пролетариев в мире за это высказалось пока что маловато: «Если бы даже на нашем совещании были только представители РКП и германские коммунисты, мы имели бы право сказать, что III Интернационал основан, потому что мы должны рассуждать как революционеры, а не как формалисты. Важно не то, сколько явилось в данный момент представителей, а важны действительные силы, которые борются на мировой арене»². Но чтобы потенциальная сила коммунистов превратилась в реальный политический фактор к западу от бывшей Российской империи, нужно было срочно перетянуть в Третий интернационал тех социал-демократов, которые оказались слишком левыми для Второго интернационала. У Советской власти везде должны быть свои люди, нужно было срочно покрыть Европу очагами советских революций. И первой из них стала Венгерская советская республика.

Советская Венгрия между национализмом и социализмом

Лучшим доказательством жизнеспособности и растущей силы Коминтерна стало установление Советской власти в Венгрии. И в Москве, и в Париже политикам показалось, что это может быть началом цепной реакции в Европе. Но провозглашение Венгерской советской республики было вызвано стечением специфических обстоятельств, которого не оказалось в других европейских странах.

Венгерская республика возникла 16 ноября 1918 г. в результате развала Австро-Венгрии. По итогам войны и оккупации войсками Антанты части довоенной территории Венгрии, экономические связи нарушились, а Будапешт, который был торгово-промышленным

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. С. 122.

² Там же. С. 134.

центром обширного пространства от Карпат до Адриатики, оказался в бедственном положении, что способствовало успеху радикальных левых.

5 января 1919 г. лидер Коммунистической партии Венгрии (КПВ) Бела Кун писал Ленину: «В общем, положение дел следующее: производство умерло, сырья нет. Вследствие оккупации промышленные центры отрезаны от угля и железа. Хлеб пока есть». Социальная почва была благоприятна для коммунистической агитации. Коммунисты действовали по принципу «на мировую революцию надейся, а сам не плошай»: «Мы очень хорошо понимаем, что судьбы наши решаются в Германии, но мы независимо от этого делаем все возможное, чтобы подготовить рабочих взять власть»¹, — продолжал Кун. Пока это звучало самоуверенно: влияние коммунистов в рабочей среде не было преобладающим, и вера в скорейшее взятие власти была плохой заменой политическому опыту.

В ноябре 1918 г. левые социалисты и группа бывших военнопленных, вернувшихся из России, создали Коммунистическую партию Венгрии (КПВ). Коммунисты поддерживали социальные выступления против правительства, и оно не намерено было долго терпеть эту «подрывную» деятельность: в феврале 1919 г., после того как организованная ими демонстрация переросла в столкновения с полицией, лидеры КПВ были арестованы. Казалось бы, у них не было шансов прийти к власти.

Но в ситуацию вмешались международные и национальные факторы, неожиданные с точки зрения большевистского опыта.

После поражения Австро-Венгрии в войне Венгрия считалась одной из проигравших стран и должна была отказаться от всех территорий, населенных славянами и румынами, включая и часть территорий со смешанным населением. 20 марта 1919 г. командование Антанты на Балканах потребовало отвода венгерских войск из Трансильвании, где венгры веками компактно проживали вместе с румынами, а также других территорий («нота Викса»).

Президент Венгрии Михай Каройи не хотел принимать таких условий и был готов на смелые политические комбинации. Он предложил сформировать правительство социал-демократам. Те, в свою очередь, решили опереться на помощь Советской России в противостоянии Антанте и для этого объединились с коммунистами в Венгерскую социалистическую партию (ВСП). 21 марта 1919 г. новое правительство провозгласило Советскую власть. Революционный правительственный совет (правительство) возглавил социал-демо-

---

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 79.

крат Шандор Гарбаи, наркомом иностранных дел стал коммунист Бела Кун. Каройи заявил: «Передаю власть пролетариату народов Венгрии»¹. Новая власть отказалась принять «ноту Вика».

22 марта вновь образованное правительство направило радиосигнал «Всем, всем, всем!». Оно объявляло: «Мы сообщаем рабочим всего мира, что Венгерская социал-демократическая партия и Коммунистическая партия соединились в одну социалистическую партию и от имени всех рабочих, солдат и крестьян провозгласили диктатуру пролетариата и без пролития единой капли крови взяли в свои руки государственную власть... Весь венгерский пролетариат объединился под знаменем своей диктатуры и мирной социальной революции и будет вести борьбу против империализма совместно с Российской Советской Республикой и всеми теми пролетариями, которые пришли к убеждению, что нет никакого другого пути для победы над силами международного империализма и для осуществления социализма, чем совместная борьба всех рабочих и крестьян. Венгерская пролетарская революция создана двумя силами: первая сила — движение рабочего и крестьянского пролетариата и солдат, а вторая — давление империализма держав Соглаasia (Антанта), которые стремились лишить Венгрию продовольственных средств и возможности существования, а также хотели ограбить ее территории», а кроме того, передать Венгрию «в руки румынской олигархии»². Упоминались и «чехословацкие завоеватели». Это воззвание было составлено так, чтобы понравиться и в Москве, и в Будапеште, и по всей Венгрии с ее неясными границами. С одной стороны, провозглашалась диктатура пролетариата и союз с Советской Россией против Антанты. С другой стороны, под пролетариатом понималось и крестьянство (по крайней мере, его беднейшие слои, но понятие «крестьянский пролетариат» можно было трактовать по-разному), а революция провозглашалась мирной. Главные угрозы виделись вовне страны.

Провозглашение Советской власти произошло по сценарию, который имел мало общего с приходом к власти большевиков. Модель власти с объединенной партией тоже была новой.

Владимир Ленин в беседе с прибывшим на конгресс Коминтерна Ласло Рудашем говорил о союзе двух партий: «Я считаю это объединение опасным. Лучше было бы создать блок, в котором обе партии сохранили бы свою самостоятельность. В таком случае коммунисты остались бы в глазах трудящихся масс самостоятельной партией, изо

¹ История Венгрии. Т. 3. М.: Наука, 1972. С. 93.

² Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику. 1919 год. Сборник документов. М.: Издательство политической литературы, 1972. С. 87–88.

дня в день наращивали бы силы и в нужный момент могли бы вовсе порвать с ними, если бы социал-демократы изменили бы делу революции»¹. Венгерская модель Советской власти кардинально расходилась с курсом Ленина на размежевание с социал-демократией.

Начавшись как политическое соглашение, провозглашение Советской власти все же не было чисто верхушечной комбинацией — социальная обстановка в Венгрии оставалась тяжелой из-за экономической блокады Антанты, рабочий класс и часть войск были готовы к переменам, на предприятиях действовали фабрично-заводские советы. Коммунисты без труда организовали массовые митинги поддержки нового режима, а 7 апреля провели и выборы в местные Советы — новая власть уже пустила свои корни.

Формировалась добровольческая Красная армия, бойцам которой выплачивалась солидная месячная плата в 450 крон плюс по 50 крон на члена семьи и другие выплаты. Ротные и более старшие командиры назначались народным комиссаром по военным делам, а нижестоящие командиры выбирались. Вводился институт выборных комиссаров для решения хозяйственных проблем². Лидеры ВСР надеялись создать армию, в которой энтузиазм пересилит депрессивные настроения после недавнего поражения.

Советская Венгрия «выпадала» из системы, которую формировала Антанта на конференции в Париже, и при благоприятных условиях могла получить поддержку «непредсказуемой» Советской России. Но оставалась надежда, что лидеры Антанты учтут эту угрозу и пойдут на уступки.

Первоначально этот расчет сработал. 4 апреля в Будапешт прибыл член британской делегации в Париже генерал Смэтс, который привез с собой более умеренные требования, чем значились в «ноте Вика». Венгерская дипломатия в ответ выдвинула предложения по расширению нейтральной зоны и механизма дальнейших переговоров. Но Ян Смэтс не собирался вдаваться в дальнейшие детали.

Когда стало ясно, что Советская власть в Венгрии — это не просто дипломатический трюк, Смэтс покинул Венгрию, а 16 апреля румынские войска начали боевые действия против венгерской Красной армии.

Ситуация складывалась угрожающе, но в Европе были и влиятельные политики, сочувствовавшие советскому эксперименту в Венгрии. Так, министр иностранных дел Австрии Отто Бауэр 16 июня писал Бела Куну: «Вы призвали нас последовать Вашему примеру. Мы

¹ Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику. 1919 год. Сборник документов. С. 221.

² Там же. С. 91–92.

охотно сделали бы это. Но, к сожалению, в настоящий момент мы не можем... Мы полностью зависим от Антанты... Мы всем сердцем на Вашей стороне...»¹ Бауэр и большинство австрийских социал-демократов не были сторонниками провозглашения власти Советов. Но они полностью сочувствовали антиантантовской борьбе Венгрии и понимали, что само провозглашение Советской власти может быть прикрытием этой борьбы и к тому же ведет к проведению социальной политики, общему направлению которой левые социал-демократы тоже сочувствовали.

Кстати, в венгерской Красной армии воевали австрийские добровольцы, которые составили ядро 26-го полка 80-й (интернациональной) бригады. Был в этой бригаде и русский батальон². 19 апреля произошли волнения полицейских — после того как им приказали идти на фронт. Выступление было подавлено с помощью полка интернационалистов, в том числе русских³ — ситуация была симметричной использованию венгерских бойцов для подавления антисоветских выступлений в России.

Созданное для решения национальной задачи, советское правительство «запустило» преобразования в духе «военного коммунизма». Фабрики с числом рабочих свыше 20 человек, банки и земельные владения свыше 57 га (около половины земель) были переданы государству. Управление экономикой было централизовано под руководством Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

По признанию его председателя Евгения Варги, «при начале пролетарской диктатуры неизбежно дальнейшее падение жизненного уровня городского пролетариата»⁴. Роскошь, которая производилась для буржуазии, пролетариям без надобности, а для перестройки экономики на новые потребительские продукты для трудящихся потребуется время. Но даже при такой перестройке можно было бы сохранить уровень жизни рабочих хотя бы прежним. Ан нет. Победа рабочих ведет к блокаде со стороны капиталистических держав и дополнительным военным издержкам. Но только ли во внешних обстоятельствах дело?

Варга признает, что пролетарская революция «принесла с собой дальнейшее ослабление трудовой дисциплины, дальнейшее падение

¹ Цит. по: Кукушкина И. А. Австромарксизм в межвоенный период: теория и практика // Левые в Европе XX века. Люди и идеи. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 172.

² Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику. 1919 год. Сборник документов. С. 14.

³ Там же. С. 113.

⁴ Варга Е. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. Пг.: Государственное издательство, 1922. С. 35.

производительности труда»¹. Старые методы поддержания дисциплины исчезли, а новые стимулы к труду пока не возникли. И коммунисты вообще плохо представляли себе, как их создать. Морально-агитационные стимулы позволяли поддерживать прежний уровень производительности труда на отдельных предприятиях, но это было исключением из правила.

Согласно декрету 26 марта 1919 г. на национализированных предприятиях создавался фабрично-заводской Совет, который получал право распределять работников по тарифным разрядам, поддерживать дисциплину, увольнять рабочих, контролировать комиссара по организации труда и совместно с ним определять условия работы². Такая модель социализации путем создания парламентско-президентской республики на производстве тогда была распространенной идеей в Европе, применялась она и в Советской России в начале 1918 г. Эта система создавала обратную связь между управляемыми и управляющими, что содействовало решению производственных задач, но в случае разногласий между комиссаром-назначенцем и выборным органом мог возникнуть паралич управления. А Варга как раз с одобрением пишет о том, что комиссар (директор) является «противовесом» ФЗС, члены которого склонны содействовать послаблениям производственной дисциплины и росту зарплаты во вред «общим» интересам, то есть госбюджету³. Что как раз естественно, ведь доход работников не зависит от интенсивности их труда. Комиссар, в свою очередь, должен и блюсти интересы «пролетарской» диктатуры и быть хорошим управленцем, компетентным в производстве и сбыте человеком. Но беда в том, что компетентные управленцы и специалисты как раз обычно были противниками политики диктатуры. В итоге рабочие часто требовали назначения на должность директоров прежних владельцев, с чем диктатура не соглашалась по политическим причинам. А когда соглашалась, рядом нужно было назначать комиссара над комиссаром, что вело к разбуханию управленческого аппарата⁴.

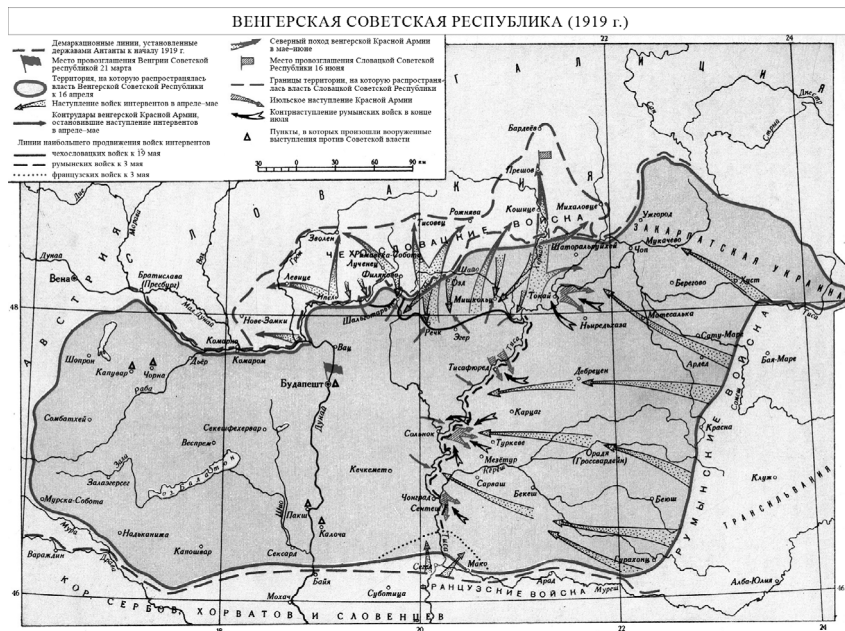
Формально выросла заработная плата — на 38–100 %. Но правительство вынуждено было печатать деньги на белой бумаге (так как прежде они печатались в Австрии), и «белые» деньги стоили лишь половину от старых — «синих». Затем стали выпускаться новые кроны, а старые были объявлены иностранным платежным средством и в обязательном порядке обменивались на новые.

¹ Варга Е. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. С. 71.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 49–50.

⁴ Там же. С. 50–51.

Была установлена трудовая повинность. В то же время провозглашался 8-часовой рабочий день, вводилось страхование рабочих и бесплатное образование детей. Жители городских трущоб переселялись во дворцы аристократии, доходные дома были национализированы, квартплата снижена. Обеспечивалось бесплатное медицинское обслуживание.

Аграрная политика Советской Венгрии серьезно отличалась от российской практики 1918 г., но в целом соответствовала курсу коммунистов на территориях, занятых во время наступления на запад в начале 1919 г.: поместья не были разделены между крестьянами (за некоторыми исключениями, где крестьяне сделали это, не дожидаясь декретов), а превращены в кооперативы (в действительности — государственные хозяйства). Они должны были стать основой государственного снабжения городов. В результате крестьянин хотя и не получил землю, но и не страдал от налогов или аналога советской продразверстки. Варга приводит слова венгерского крестьянина, характеризующие эту ситуацию: «Раньше я возил на базар уток, а сам питался картофелем; теперь я вожу на базар картофель, а жареных уток ем сам»¹. Однако лидеры Советской Венгрии не смогли зару-

¹ Варга Е. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. С. 38.

читься поддержкой крестьянства, которому ничего не дали. По утверждению Варги, повышение уровня жизни оценили сельские батраки, которые затем поддержали мобилизацию в Красную армию¹. Но арендаторы, которые временно могли не платить ренту, выжидали и не спешили везти продукты в город, что ухудшало там потребительскую ситуацию.

Разумеется, национальное единство, под флагом которого Венгрия отвергла требования Антанты, быстро стало размываться под давлением социальных противоречий. Как шутил один из лидеров коммунистов Тибор Самуэли, «на третий день после революции произошла революция в головах наших капиталистов и помещиков. Свершилось чудо. Наши капиталисты и помещики, столь ненавидевшие Францию и Румынию, вдруг в одно прекрасное утро офранцузились и обрумынились...»².

Революционеры действовали диктаторскими методами: служба безопасности («парни Ленина») производила аресты реальных и мнимых заговорщиков, часть которых расстреливалась. Кун был настроен довольно кровожадно и 22 апреля писал Ленину: «Контрреволюция уже приподнимает свою голову, но, прежде чем она ее поднимет окончательно, мы снесем эту голову с плеч»³. Однако присутствие социалистов в правительстве не позволило развернуть массовый красный террор по российскому образцу.

Радикальный социальный проект, способствовавший расколу национального единства, все еще действовал в пользу национальных задач, которые могли решаться прежде всего силой. Социальная мобилизация давала эту силу. Рабочие почувствовали себя хозяевами страны и были готовы идти на фронт. 3 мая было принято постановление о «всеобщей мобилизации пролетариата», которая дала 90 тыс. человек.

Командование было поручено наркому по военным делам Вильмошу Бёму. Начальником Генерального штаба был полковник Аурел Штротфельд. Они стали выстраивать фронт против румын перед Тиссой. По состоянию на 20 апреля в районе Ньиредьхазы была сосредоточена 1-я дивизия в составе 15 батальонов, в районе Дебрецена — 21 батальон, в районе Беретьюуйфалу — остатки 39-й бригады, усиленные двумя батальонами⁴. Однако дать серьезный бой на этом

¹ Варга Е. Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. С. 39.

² Цит. по: *Нежинский А.Н.* 133 дня 1919 года. Советская Россия и Венгерская советская республика. М.: Политиздат, 1989. С. 177.

³ Письма В.И. Ленину из-за рубежа. М.: Мысль, 1966. С. 112–113.

⁴ Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику. 1919 год. Сборник документов. С. 114.

рубеже не удалось. 27 апреля перешли в наступление чехословацкие войска, которые заняли Мишкольц и дошли до Эгера, сменяя фланг венгерских войск, противостоящих румынам. Красной армии пришлось отойти за Тису, где фронт к началу мая стабилизировался.

Венгерская Красная армия перенацелила свои основные силы на север — на Словакию. 30 октября 1918 г. во время распада Австро-Венгрии Словацкий национальный совет провозгласил независимость от Венгрии. Но чиновники ориентировались на Будапешт. Наряду со словацкими советами возникали венгерские. Значительных военных сил у Словацкого национального совета не было, зато они были у правительства в Праге, стремившегося к созданию Чехословакии. Словакия стала ареной борьбы между Чехией и Венгрией. В пражское Национальное собрание были кооптированы словацкие депутаты. 6 ноября на западе Словакии стала действовать временная чехословацкая администрация по делам Словакии. 7 декабря вступил в должность чехословацкий министр по делам Словакии Вавро Шробар с резиденцией в Жилине. 31 декабря чехословацкие войска вошли в Братиславу, и сюда переехал Шробар. Чехословацкая администрация распустила Словацкий национальный совет и связанные с ним местные структуры. В январе 1919 г. чехословацкая армия очистила Словакию от венгерских войск и разоружила неконтролируемые из Праги словацкие вооруженные отряды¹.

20 мая венгерская Красная армия нанесла удар по чехословацким войскам, отбила Мишкольц и двинулась в Словакию, рассекая фронт своих врагов. В Словакии красные заняли Левице, Кошице и Прешов, где 16 июня была провозглашена Словацкая советская республика. От Прешова открывалась дорога на Львов, который, в принципе, был достижим для Красной армии России и Украины. Ее командование в это время планировало нанести удар по румынским войскам в Бессарабии. Судьба Венгрии во многом зависела от этого удара. Но антибольшевистское восстание атамана Григорьева и наступление генерала Деникина не позволили Советской России оказать помощь венграм (см. гл. 6). Информация об этом запаздывала. Еще 13 мая Ленин писал Куну: «Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр»².

31 мая Самуэли, слетавший накануне в Москву, говорил на пленуме Будапештского центрального Совета рабочих и солдатских депутатов: «Могу вам сообщить, товарищи, что украинская Красная армия, перейдя Днестр, заняла город Бендеры и сейчас находится

¹ История Словакии. М.: Институт славяноведения, 2003. С. 298–299.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 310.

примерно в тринадцати километрах от Кишинева»¹. В это время денкинци прорвали Южный фронт красных, и в Москве стало совсем не до помощи Советской Венгрии.

Только в июне в Будапеште стало ясно, что помощи ждать не приходится. Хотя надежды на удар по Румынии с востока сохранялись до самого конца существования Венгерской советской республики.

Лидеры советской Венгрии не забывали о важности национального вопроса — собравшийся 14–23 июня I съезд Советов принял Конституцию Венгерской социалистической федеративной советской республики, в которую должны были войти Венгерская, Словацкая советские республики, Русская Краина и немецкоязычный Бургенланд. На съезде СПВ 13–14 июня партия была переименована в Венгерскую партию социалистических и коммунистических рабочих.

13 июня Клемансо от имени Антанты направил Венгрии ультиматум с требованием прекратить военные действия и вывести войска из Словакии, после чего Румыния выведет войска из восточной части Венгрии (это обещание не было выполнено). ВСР на такой размен согласилась.

18 июня Ленин писал Куну: «Вы, конечно, правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность для временного перемирия и мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу. Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и выигрывает время, чтобы лучше душить нас и вас»². Ленин считал, что время работает на коммунистов, и в этом случае тоже был за передышку. Но предсказав, что «Антанта надувает», он оказался прав.

19 июня условия Антанты были приняты. Это деморализовало ту часть венгерского общества, которая видела в Советской власти способ решения патриотических задач. Теперь коммунисты разочаровали их. Штрumpfельд ушел в отставку. Месячное перемирие не решило главных проблем Венгрии — она оставалась в блокаде, восточная часть страны продолжала пребывать в оккупации румынской армией, а Антанта была готова вести переговоры о мире с любым правительством, кроме советского.

24 июня произошла попытка антисоветского переворота в Будапеште, в которой участвовали курсанты и военные корабли на Дунае, обстрелявшие здание Совнаркома. Но путчисты не получили поддержки горожан, и выступление было быстро подавлено. Попытки

¹ Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику. 1919 год. Сборник документов. С. 135.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 354.

продолжить вооруженную борьбу против Советской власти к югу от Будапешта также были отбиты, а ряд схваченных участников этих выступлений казнен.

В этих условиях советские руководители решили сплотить венгерское общество, возобновив военные действия. Красная армия перешла Тису и ударила на Ньиредьхаза, Тисафюред и Туркеве. Но операция против румынской армии 20–27 июля за Тисой оказалась неудачной. Одержав победу, 29–30 июля румыны форсировали Тису и двинулись на Будапешт. 29 июля Кун радировал в Москву: «Авангард рабочих, вместе со мной, толкает дело налево, но все это не поможет, если Ленин не устроит наступления на Бессарабию ради нашего облегчения и именно так, чтобы это наступление означало серьезную опасность для румынских территорий»¹. Это был крик отчаяния. Помочь Венгрии Советская Россия в это время не могла.

Партнеры коммунистов начали призывать к отставке советского правительства и созданию умеренного профсоюзного кабинета, который сможет договориться с Антантой. 1 августа коммунисты согласились. Новое правительство не стало оказывать сопротивления противнику. 4 августа румыны вошли в Будапешт и к 6 августа обеспечили правый переворот, который привел к власти вице-адмирала Миклоша Хорти. Последний во время революции собирал контрреволюционный отряд на территории, контролируемой войсками Антанты. Новый режим развернул белый террор, выкорчевывая все, что создала Советская республика. В дальнейшем Венгрия заключила мир с Антантой на условиях последней.

Поражение Советской власти превратило Венгрию в островок распавшейся Австро-Венгрии, только более бедной, так как значительная часть ресурсов прежнего Венгерского королевства теперь оказалась на территории других государств. Откат в прошлое при Хорти, сопровождавшийся белым террором, стал важным уроком для людей левых взглядов. Большевизм при всех его недостатках казался для них не столь страшным, как контрреволюция.

Венгерский узел стал частью борьбы, которая приобрела евразийский размах. В 1918–1922 гг. происходила интервенция государств Антанты в Россию. В 1918 г. находившиеся под влиянием Антанты чехословацкие легионеры стали костяком антисоветского восстания на востоке России. На родине их соотечественники отбивались от натиска венгерской Красной армии, пытавшейся восстановить прежние границы Венгерского государства, включавшего Словакию, а сама Венгерская советская республика пала под ударами румын-

---

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 144.

ской армии, которая смогла осуществить свое наступление лишь потому, что коммунисты столкнулись с неудачами на Украине.

Венгерский опыт, воспринимавшийся в Москве как трагедия, еще сильнее убедил Ленина и его соратников в опасности союза с социал-демократами. Особенно радикальным противником союза с эсдеками стал Кун. Но и без социал-демократов Коминтерн пока не мог обойтись — они контролировали большинство рабочего актива. Кроме того, у них оставалось общественное влияние, которое могло помочь в борьбе с интервенцией.

Прежде чем объединяться, мы должны сначала размежеваться

Подзаголовок этого параграфа — сокращенный вариант известной фразы Ленина, сказанной им еще в конце XIX в., в сентябре 1900 г. Точно такой же была его политика в международном левом движении в 1920 г. Коминтерну нужен был многочисленный актив, но желательно без старых искушенных вождей социал-демократии, даже левых. Они могли превратить международную организацию действия в мировой дискуссионный клуб.

В 1919–1920 гг. Коминтерн быстро превратился в одного из крупнейших политических игроков Европы. Вопрос о присоединении к нему обсуждали Итальянская социалистическая партия (ИСП), СФИО (Французская секция Рабочего интернационала, то есть социалистическая партия Франции), НСДПГ, Национальная конфедерация труда Испании (синдикалистская организация численностью в несколько сотен тысяч человек), Норвежская рабочая партия (НРП), левые социал-демократы Швеции, болгарские «тесняки» и др. Советская Россия была популярна в международных левосоциалистических кругах, и они были готовы оказать ей помощь, тем более что это соответствовало массовым настроениям на прекращение многочисленных войн «после войны», в которые ввязались архитекторы Версальской системы. 20–21 июля 1919 г. социалисты многих стран Европы участвовали в организации забастовки солидарности с Россией, за прекращение интервенции. Эта акция стимулировала правительства Антанты ускорить вывод войск из России.

Создав Коминтерн, Москва стала выстраивать систему управления массовой международной партией. Осенью 1919 г. был создан Западноевропейский секретариат ИККИ во главе с Яковом Рейхом в Берлине. Его эмиссары посещали руководителей социалистических и коммунистических партий, пытаясь координировать активность

левых радикалов. Бюро Коминтерна из местных коммунистов было создано в Амстердаме. Но, как мы увидим, попытки нидерландских леваков координировать формирование западноевропейских компартий привела к быстрому упразднению этого бюро.

Эмиссары Коминтерна стали первыми советскими разведчиками, к которым затем присоединились и агенты государственных спецслужб, созданных в составе ВЧК и Штаба РККА. Был создан Конспиративный отдел (затем Отдел международных связей) ИККИ, координировавший поездки курьеров за пределами советских республик. Нелегальные сотрудники Коминтерна работали под прикрытием работников НКВД и Наркомвнешторга. Центры ОМС располагались в Вене, Стокгольме, Шанхае.

Первоначально Кремль широкими жестами расходовал средства на зарубежные левые организации. Лишь с апреля до 15 августа 1919 г. ИККИ получил от ЦК РКП(б) 6 140 000 рублей деньгами и 1 305 000 рублей ценностями. И это еще не все — в мае и первой половине августа были направлены «секретные суммы» ценностями западным товарищам на 3 423 500 рублей. Примерно по 300 тыс. во Францию, Италию, Германию, Австрию и Америку. Поменьше — в Венгрию и Нидерланды. Гораздо больше — в Великобританию на Балканы (500 тыс. и миллион соответственно)¹. Отдача оказалась разной. На Балканах сильную организацию удалось создать только в Болгарии. Скромными были успехи в Великобритании и США. Там драгоценный дождь падал на каменистую почву. Зато для французских, итальянских и германских левых социалистов, за которыми и так шли значительные массы, финансовая поддержка Москвы была важным мотивом для сотрудничества с Коминтерном. Российские ресурсы могли помочь нарастить организационную структуру.

Правда, вскоре выяснилось, что в некоторых случаях средства шли через руки проходимцев, к которым прилипли немалые суммы. В 1919 г. было не до налаживания строгого контроля — не ровен час, белые бы заняли Москву. И кому бы тогда достались эти ценности? А так хоть что-то достанется товарищам в Европе. В 1920–1921 гг. власть большевиков стабилизировалась, и началось наведение порядка. Ленин составил инструкцию, которая требовала строжайшей отчетности за расходование средств даже в условиях конспирации и определяла, кто и в каком порядке имел право санкционировать трату «каждой копейки». Иначе следовало обвинение в воровстве².

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 150–152.

² Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. М.: РОССПЭН, 2004. С. 98.

Заведующий ОМС Осип Пятницкий отправился в инспекционную поездку.

Противоречия внутри коммунистических партий иногда достигали уровня непримиримой враждебности. Самый яркий пример — расстрел руководителей Коммунистической партии Финляндии (КПФ) группой радикальных финских коммунистов 31 августа 1920 г. Руководство КПФ ориентировалось на указания ИККИ и не торопилось возобновлять «пролетарскую революцию» в Финляндии, с которой велись мирные переговоры (см. гл. 7). В партийных верхах разворачивался конфликт между бывшими финскими социал-демократами (Куллерво Маннер и др.) и российскими финнами-большевиками (братья Рахья и др). Верхи КПФ, которых обвиняли в «перерождении» и даже коррупции, недостаточно занимались проблемами живших в Петрограде и бедствовавших финских революционных беженцев, что вызывало раздражение коммунистических «низов». Жалобы финских коммунистов в вышестоящие инстанции не давали ожидаемого результата, а вели лишь к преследованиям жалобщиков. В марте 1920 г. ЦК КПФ распустил конференцию, где оппозиция достигла заметного преобладания. Радикальная оппозиционная группа (лидеры — Войто Элоранта, Акку Пааси) решила действовать террористическими средствами. Шестеро курсантов военной школы вошли в «Клуб Куусинена», где работал ЦК КПФ, и открыли огонь из револьверов. Было убито восемь человек и ранено 10. Среди убитых были члены ЦК КПФ Вяйно Йокинен и Юкка Рахья. Погибших торжественно похоронили на Марсовом поле как жертв белофиннов. Стрелявшие не скрывались, сдались властям, на следствии и процессе в 1922 г. доказывали свою правоту с точки зрения коммунистической морали. Идейный вдохновитель теракта, Элоранта, был расстрелян, остальным виновникам дали по несколько лет заключения, а вскоре освободили и отправили в ссылку в Сибирь¹. Этот теракт стал мрачным предзнаменованием кровавой вражды внутри коммунистического движения, которое с 30-х гг. станет совершенно типичным. Финские радикалы ударили по «переродившейся головке» снизу. Позднее Сталин научится поворачивать праведный гнев возмущенных партийных низов против тех деятелей партии, кем вождь сам был недоволен или кого он опасался.

---

¹ Измозик В.С. Дело «красных финнов» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 69–82; Лебедева Н.С. «Штаб мировой революции» и КПФ // Коминтерн и Финляндия. 1919–1943. М.: Наука, 2003. С. 9–11; Рунасов А., Семенов Н. О попытке внутрипартийного переворота в руководстве финской эмиграции (1920 г.) // Россия XXI. 1996. № 9/10. С. 155–160.

* * *

Важнейшее значение для Кремля имели европейские великие державы, в которых возникновение сильных компартий могло бы повлиять на политику властей. Наибольшие шансы на успех были во Франции и Италии, где социалистические партии стремительно левели и наращивали массовую поддержку и политическое влияние.

В 1914 г., после гибели своего харизматичного вождя Жана Жореса, Французская секция Рабочего интернационала (СФИО) поддерживала свое правительство в начавшейся войне. Однако по мере затягивания войны СФИО левела и постепенно переходила на циммервальдистские позиции борьбы за мир без аннексий и контрибуций. Несмотря на сохранение правого крыла, продолжавшего отстаивать национальное сплочение и борьбу за государственные интересы Франции, левое крыло партии во главе с Жаном Лонге в июле 1918 г. добилось принятия резолюции против мировой войны и интервенции в России. На съезде партии в октябре 1918 г. лонгетисты заняли ключевые позиции в партийном руководстве. Генеральным секретарем партии стал Луи-Оскар Фроссар, а редакцию партийной газеты «Юманите» возглавил Марсель Кашен¹. Лонгетисты выступали за кардинальное преобразование международного социалистического движения, создали Комитет за реконструкцию Интернационала.

Однако победа над Германией сделала интернационализм непопулярным. Ведь массы французов верили, что «боши заплатят за все». А большевики и связанные с ними германские спартаковцы могли «украсть победу».

В обстановке шовинистического угара был оправдан убийца Жореса Рауль Виллен, что вызвало возмущение социалистов и подорвало их доверие к судебной системе Французского государства.

На левом фланге французского социалистического движения действовал Комитет за восстановление международных связей, стремившийся содействовать реставрации интернационального единства рабочего и социалистического движения, разрушенного войной. Там сотрудничали синдикалисты и социалисты, в том числе член СФИО Фернан Лорио, чье влияние в комитете постепенно росло. Опираясь на Комитет, Лорио вел радикально-левую интернационалистическую пропаганду в СФИО. Естественно, что большевистские призывы к созданию Третьего интернационала встретили у Лорио и его товарищей категорическую поддержку. 7 мая Комитет был преобразован в Комитет Третьего интернационала. В ноябре 1919 г. в Париже

---

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 36–37.

было создано Бюро Коммунистического интернационала, в котором работали эмиссары из Москвы Александр Абрамович, Иван Степанов (Ванини, Минев) и предприниматель Александр Моисеев. Коминтерновские центры пока могли опираться на отдельных сторонников идеи Советов¹. Их число росло, в дело коммунистической пропаганды включились такие известные в будущем политики, как Борис Суварин, Альфред Росмер, Поль Вайян-Кутюрье и др. Но без присоединения к Коминтерну СФИО или ее левого крыла было невозможно создать во Франции массовое и влиятельное коммунистическое движение. А Москве срочно нужно было создать политическую силу «в тылу врага», да и французские левые искали в советском примере выход из политического тупика, в который партию привела старая политика.

«Осенью 1919 г. в Москве возобладали точка зрения, что коммунистическую партию во Франции необходимо создавать на основе блока левого крыла СФИО и революционно-синдикалистского элемента»², — пишет историк А.А. Вершинин. А это значит, что нужно было договариваться с центристами СФИО, такими как Лонге, Кашен и Фроссар.

Ленин надеялся опереться в этом деле на радикалов, стоявших в стороне от центристов. Даже сотрудничая еще с центристом Лонге, Ленин считал, что корреспонденцию и средства во Францию необходимо направлять не Лонге, а Раймону Перика из небольшой радикальной «Французской коммунистической партии — секции Московского интернационала»³. Это была группа, выделившаяся из Комитета за восстановление международных связей — очень радикальная и совсем малочисленная⁴. Разумеется, лидеры СФИО не хотели общаться с Коминтерном через такое посредничество. И правильно делали — Перика в начале 1920 г. скрылся в неизвестном направлении⁵.

В апреле 1919 г. на своем съезде СФИО обсуждала отношение к интернационалам. По определению она была членом Второго интернационала, который все никак не мог восстановиться. Лонге предложил присоединиться к Третьему интернационалу, но это предложение оказалось слишком неожиданным и не было поддержано. На деле Третий интернационал, только что провозглашенный, еще не сформировался. Было непонятно, что это такое.

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 55–57.

² Там же. С. 60.

³ В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. С. 296.

⁴ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 61–62.

⁵ Там же. С. 63.

После провала СФИО на ноябрьских выборах 1919 г. в партии вспыхнула борьба фракций, которая вела все объединение к расколу. Правое крыло стремилось сохранить довоенный курс партии, которая вписалась в государственно-политическую систему Французской республики, проводя умеренную социал-либеральную политику и одновременно провозглашая революционные и антикапиталистические лозунги. Левое крыло предлагало воплотить лозунги в жизнь, что означало разрушение капиталистической Французской республики.

XVII съезд СФИО 25–29 февраля 1920 г. поддержал резолюцию о выходе из Второго интернационала и подготовке объединения левосоциалистических и коммунистических партий. При этом за резолюцию голосовало и правое крыло СФИО, которое опасалось, что победит радикальная резолюция Комитета за Третий интернационал о немедленном присоединении к Коминтерну и исключении реформистов¹.

Идея центристов СФИО заключалась в том, чтобы сначала объединить центристов Европы, а потом уже единым фронтом вступить в переговоры с большевиками об объединении на условиях свободного союза левых партий, имеющих свои особенности при общности базовых принципов. Раз не удалось реконструировать Второй интернационал, Лонге и его товарищи надеялись реконструировать Коминтерн, сделав его более свободным сообществом и усилив в нем течение демократического социализма. Казалось бы, для этого были предпосылки: из Второго интернационала вышли Итальянская социалистическая партия (ИСП) и НСДПГ — обе с центристским большинством. Но эти партии уже приняли решение ехать на II конгресс Коминтерна, так что идея договориться предварительно и выставить большевикам условия провалилась. Причиной этого была не только субъективная организационная слабость центристов, но и острота социального кризиса в Европе. Радикальная часть рабочих масс уверовала в советский эксперимент и требовала от своих вождей совершить нечто подобное. Публично ставить условия большевикам было рискованно — это могло не понравиться значительной части членской базы социалистических партий.

На III чрезвычайном съезде НСДПГ 30 ноября — 6 декабря 1919 г. ее левое крыло (Эрнст Тельман, Вальтер Штокер и др.) перешло в наступление и настояло на резолюции о присоединении партии к Коминтерну. Предварительно НСДПГ должна была провести пе-

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 72–73.

реговоры с другими левосоциалистическими партиями, прежде всего с Социалистической партией Франции (СФИО). «Если партии других стран не захотят вступить в Московский интернационал вместе с нами, тогда независимая социалистическая партия сделает это самостоятельно»¹. Тельман объяснял товарищу свою тактику: «Следуй я велению сердца, я давно уже вступил бы в “Союз Спартака”. Но любое индивидуальное вступление сейчас было бы только вредно... Главное теперь заключается в том, чтобы превратить коммунистическую партию в массовую партию. Но это возможно сделать в кратчайший срок только в том случае, если большинство независимой социал-демократической партии присоединится к коммунистической партии»².

5 февраля 1920 г. ответ ИККИ независимцам был сформулирован в очень резком тоне, направленном против правого крыла партии. Германские левые социал-демократы попробовали выдвинуть свои принципиальные требования к Коминтерну, которые могли бы оправдать невступление в Коминтерн, если его лидеры сохраняют неуступчивость. Главные вопросы к Коминтерну продолжали линию покойной Розы Люксембург — нельзя подходить ко всем странам с большевистской меркой и применять одинаковые методы. Особенно неприемлем террор и подавление демократии³.

В 1917–1921 гг. среди участников испанского социалистического движения был крайне популярен опыт российской революции. 15 апреля 1920 г. лидеры Федерации социалистической молодежи провозгласили создание Коммунистической партии Испании (КПИ).

Идея присоединения к Коминтерну была популярна и в Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). На чрезвычайном съезде партии в декабре 1919 г. большинство делегатов осудило оппортунистическое грехопадение Второго интернационала и поддержало «принципы русской революции», о которых в Испании имелось достаточно смутное представление. Незначительным большинством было решено подождать с быстрым присоединением к Коминтерну, пока неясно, какие решения примет Женевская социал-демократическая конференция, намеченная на 1920 г. В случае, если на ней социал-демократия не пойдет революционным путем, делегаты заявят о готовности включить ИСРП в Третий интернационал. В июле 1920 г.

¹ Цит. по: *Науман Х.* Объединение революционного крыла независимой социал-демократической партии с КПГ // *Германское рабочее движение в новейшее время.* С. 81.

² Там же. С. 82.

³ *Ватлин А.Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М.: РОССПЭН, 2019. С. 39.

следующий съезд ИСРП принял решение обсудить условия вступления в Коминтерн. Лидеры Франсиско Ларго Кабальеро, Хулиан Бестейро и Фернандо де лос Риос выступали за присоединение к Коминтерну на условиях идейной и тактической автономии, а также за сближение между Коминтерном и левым крылом социал-демократии.

В Италии существовала влиятельная система левых организаций, включавшая взаимосвязанные и дружественные структуры: ИСП, Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ), Объединение потребительских товариществ, культурно-творческие сообщества. 29 сентября 1918 г. ИСП и ВКТ договорились о разделе ответственности при проведении стачек: решение об экономических принимали структуры ВКТ, а политических — ИСП, но с учетом мнения друг друга.

В отличие от многих партий Второго интернационала ИСП не поддержала вступление в войну и вела активную пацифистскую пропаганду. Многие ее лидеры, такие как Константино Ладзари, Джачинто Серрати и Никола Бомбаччи, оказались в заключении до конца войны. В партии шла острая полемика между фракциями, но фракционные различия помогали объединять в ИСП и под ее влиянием разные силы от левой интеллигенции до профсоюзного руководства ВКТ. ИСП оказалась авангардом борьбы за демократию, требуя немедленного восстановления гражданских свобод, отмененных в ходе войны, политической амнистии, демобилизации, прекращения военных операций в России, Турции и Албании. Если раньше ИСП выступала за парламентскую демократию, то под влиянием популярности советского опыта 9–11 декабря 1918 г. совещание руководства ИСП выступило за «установление социалистической республики и диктатуры пролетариата». Это вызвало протесты со стороны парламентской фракции и руководства ВКТ. Тогда 22–23 декабря было созвано более широкое совещание, где вопрос о новом курсе партии обсуждался с участием парламентариев, профлидеров, Лиги социалистических муниципалитетов — то есть всех секторов партийной элиты. Один из основателей партии и лидер ее умеренного крыла, Филиппо Турати, отстаивал концепцию постепенного завоевания власти и социальных реформ, доказывал, что попытка вооруженного захвата власти только отдалит «победу пролетариата»¹. Но большинство собравшихся не хотело ждать, настаивая на более решительном курсе партии. Договориться не удалось.

Популярность российского опыта росла, ибо он давал ясный пример быстрого решения всех социальных проблем наиболее радикаль-

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 31–32.

ным путем (так, по крайней мере, казалось из-за рубежа, если не вникать в детали). Когда в январе 1919 г. Турати читал очередную лекцию о социализме перед рабочими, с ним случился конфуз. Едва он заговорил о постепенности движения к социализму, как с места крикнули «Этого придется ждать слишком долго!». Турати не впервые встречался с таким возражением и знал, что ответить: «Покажите мне того, кто знает более короткий путь». Это был отработанный ход. Если бы радикал принялся говорить от себя, его можно было бы забросать аргументами. Если бы призвал на помощь анархистского теоретика вроде Бакунина или Кропоткина, можно было бы поговорить об их утопии и незнании практики. Но здесь в ответ зал загрохотал: «Россия! Россия! Да здравствует Ленин!»¹ И это не была акция, целенаправленно подготовленная Коммунистической партией, ибо таковой в Италии еще не существовало. Это была спонтанная реакция рабочих.

До самого съезда партии в 1919 г. между членами ИСП шли горячие споры по поводу российского опыта и его применимости в Италии. Это был не академический вопрос — положение рабочих становилось бедственным, и они требовали срочно принять меры. Российский пример вдохновлял пролетариев на скорые перемены и в то же время позволял пугать буржуазию, вырывая у нее уступки.

18 марта 1919 г. по предложению Эджидио Дженнари, Серрати и Бомбаччи совещание руководства ИСП приняло резолюцию за выход из Второго интернационала и вступление в Третий (Ладзари голосовал против — он верил в единство рабочего класса). Это было первое решение о присоединении к Третьему интернационалу со стороны западноевропейской социалистической партии.

В преддверии съезда партии фракции ИСП оформились в сложный спектр. Правый фланг занимала реформисты из фракции «социалистической концентрации» во главе с парламентским лидером Турати. Их изданием была «Критика Социале». Даже эта фракция выступала за «экспроприацию капиталистического общества и установление коллективной собственности», но только они должны происходить постепенно. Впрочем, на решающем этапе борьбы можно установить «диктатуру трудящихся классов»². Левые в ИСП назывались «максималистами» (так как они выдвигали максимальные по радикальности лозунги). Максималисты были представлены на любой вкус: «унитарии» (сторонники единства) во главе с Ладзари; организовавшиеся в июле 1919 г. «парламентаристы» (сторонники и Сове-

¹ Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892–2006. М.: Наука, 2007. С. 204.

² Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 102–103.

тов, и выборов в парламент, во всяком случае, до начала решающей борьбы за власть) во главе с Серрати и Дженнари (именно эту фракцию обычно называют просто «максималистами»); «бойкотисты» (отрицавшие, что сторонники Советов должны еще и заниматься выборами в существующие представительные органы власти) или коммунистическая фракция во главе с Амадео Бордигой (здесь упоминаются наиболее известные лидеры, официального вождя у фракций не было). Печатный орган этой фракции назывался «Совет». В Турине возникла группа «Ордине Нуово» («Новый порядок») — по названию еженедельника, выходившего с мая 1919 г. Ее лидерами были Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти и Умберто Террачини. Группа видела важнейшую организационную форму борьбы рабочего класса в фабричных Советах.

За какой фракцией пойдет партия, должен был решить XVI съезд ИСП в Болонье 5–8 октября 1919 г. С конца 1918 г. партия выросла с 23 765 до 87 589 членов¹ (численность определялась по уплачиваемым членским взносам), что казалось большим успехом. Но после этого ИСП на волне революционных настроений вырастет еще в несколько раз.

На съезде Серрати потребовал пересмотра старой программы 1892 г., принятой в Генуе, но выступал против раскола партии, все члены которой стремятся к общей цели, расходясь в методах. Когда Серрати от имени партийного большинства сообщил, что не хочет разъединения, Бордига с места крикнул: «Мы этого хотим!» Ладзари выступал за установление власти Советов, но при этом «мирным путем», «без применения насилия»². Когда Турати выступил против Советов, ему долго не давали говорить. Бордига и его товарищи требовали вступления в Коминтерн, принятия его программы и бойкота выборов: все равно с их помощью ничего добиться нельзя, нужно создавать Советы вместо парламентов.

Большинство делегатов (48 966 голосов против 14 935 у резолюции Ладзари и правых и 3359 у резолюции Бордиги) поддержали резолюцию Серрати, которая признавала необходимость насильственного захвата власти пролетариатом, создания Советов и требовала пересмотра программы 1892 г. Времена изменились. В резолюции декларировалось, что «русская революция — самое радостное событие во всей истории пролетариата»³, и содержалось положение о вступ-

¹ Любин В.П. Социалисты в истории Италии. С. 206.

² Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 105.

³ Любин В.П. Социалисты в истории Италии. С. 297.

лении в Третий интернационал. Затем Серрати предложил еще раз подтвердить это решение аплодисментами. Грянула овация¹.

Ладзари и Серрати считали, что даже реформисты в Италии не такие, как в Европе, — ведь они тоже выступали против войны, и их нельзя было обвинить в кровавом сотрудничестве с властями воюющих государств. Так что серьезных оснований для раскола партии не было. А Бордига и его товарищи были уверены, что нужен именно раскол, а повод найдется. Уже 10 ноября 1919 г. Бордига направил в Коминтерн письмо, где сообщал о своем стремлении образовать Коммунистическую партию путем раскола ИСП².

15 августа в Италии, в условиях массовых социальных выступлений и столкновений, было принято новое избирательное законодательство, расширявшее число голосующих и вводящее пропорциональную систему. Эта реформа была выгодна социалистам, так как впервые голосовал прежде всего их электорат. Но это была и разумная мера с точки зрения правительственных верхов — у широких обездоленных масс появилась надежда решить свои проблемы с помощью избирательного бюллетеня. Потом придет разочарование, но в 1919–1920 гг. власти получили относительную передышку, так как часть радикальных масс, прежде готовых идти сражаться с полицией, теперь ждали результатов политических дебатов.

16 ноября 1919 г. ИСП, выступавшая под революционными лозунгами, увеличила свое представительство более чем в три раза — до 156 мест. Она стала крупнейшей фракцией итальянского парламента. Следом за ней шли католики со 100 голосами. Но Италия была не парламентской республикой, а конституционной монархией, инициатива при формировании правительства находилась в руках короля и стоявших за ним аристократических элит.

8–9 мая 1920 г. по инициативе бойкотистов во Флоренции собралось совещание с участием левых максималистов (Дженнари и Франческо Мизиано) и «Ордине Нуово». Происходило формирование коммунистической фракции, достаточно сильной, чтобы либо захватить лидерство в ИСП, либо расколоть ее. Это с учетом, что и существующее руководство ИСП вело партию в Коминтерн. Но, как и лидеры СФИО, Серрати и его соратники надеялись сделать это, сохранив внутреннюю плюралистичную структуру партии. У собравшихся во Флоренции коммунистов были разные взгляды на тактику (так, Бордига не признавал фабрично-заводские Советы, а «Ордине Нуово» — бойкот парламента), но общим для них стало понимание,

¹ *Кобьялянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 108.

² Там же. С. 109.

что в итальянской секции Коминтерна не должно быть реформистов. Выглядело очевидным, что, по крайней мере сейчас, максималисты этого не допустят, поэтому курс был взят на создание партии без максималистского руководства ИСП, без Серрати. А если кто-то захочет присоединиться, это станет возможным уже по решению новых органов Компартии. Но для того чтобы Компартия состоялась, нужно было признание этого плана Коминтерном. А Коминтерн пока планировал переделать в компартии левосоциалистические партии, отколов от них правые, «оппортунистические» крылья.

Ленин понимал, что с центристами придется пойти на переговоры. Как можно было отказаться, когда они прямо говорили о желании присоединиться к Коминтерну? За их спиной стояли массы рабочих и левых активистов. Эти массы были остро необходимы Коминтерну, чтобы превратиться в реальную силу к западу от бывшей Российской империи. Но сотрудничать в одной организации с центристами Ленину совершенно не хотелось. С ними руководство Коминтерна превратится в то, что Ленину ненавистно — в «говорильню» вроде Учредительного собрания, где есть ораторы и посильнее Ленина, стремящиеся навязать большевикам демократические нормы. Получить союзников в Европе было жизненно необходимо, а вот оказаться под судом этих союзников за преследование социалистов внутри России, за подавление рабочих и крестьянских выступлений — недопустимо. Также для большевиков было отвратительно стремление центристов к компромиссам с правыми социалистами, преследовавшими коммунистов. Ленин хотел получить массы, но без вождей. Это настроение прорвалось в его «Заметках публициста»: «Вы хотите щадить себя и своих друзей, которые проповедовали “защиту отечества” вчера в Германии при Вильгельме или при Носке, в Англии и во Франции при власти буржуазии? Тогда пощадите III Интернационал! Осчастливьте его своим отсутствием!»¹ Но вот радикальные массы оставьте нам. И, пожалуйста, без своей идеологии демократического социализма — мы предложим им свою. Однако ожидать, что демократические социалисты просто уйдут со сцены, было утопией. Если нужны массы — нужно договариваться с теми, кто пока владеет их умами.

* * *

Важной задачей для Коминтерна становилось получить сильную партию в Великобритании — ведущей на тот момент капиталистической стране Европы. Идея создания Коммунистического интернацио-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 132.

нала на платформе Советской власти вдохновила несколько британских леворадикальных групп.

В составе Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ), которая по своей структуре была скорее движением, чем сплоченной политической организацией, действовали две более плотные левые партии — Независимая лейбористская партия (НЛП) и Британская социалистическая партия (БСП). В БСП состояло 6 тыс. членов. Вне ЛПВ действовала Социалистическая рабочая партия, идеология которой считалась марксистской, но скорее в трактовке синдикалиста Даниэля Де Леона. В этой партии состояло несколько сот человек, но ее активисты были влиятельны в движении шоп-стюардов. СРП критически относилась к ЛПВ и существовавшим в Великобритании профсоюзам.

Весной 1918 г. три партии вступили в переговоры о создании единой левосоциалистической партии. СРП с места в карьер потребовала от партнеров выхода из ЛПВ, что для них было неприемлемо — ведь они в рамках ЛПВ могли использовать для агитации возможности профсоюзов, лейбористской прессы и помощь депутатов. В случае предвыборной кампании левосоциалистическая партия вряд ли могла составить ЛПВ серьезную конкуренцию, что при мажоритарной системе означало невозможность создать влиятельную парламентскую фракцию. НЛП, в свою очередь, не могла согласиться ни с идеей Советской Британии, ни с синдикалистскими требованиями СРП. Лидер НЛП Филипп Сноуден заявил лидеру СРП Артуру Макманусу: «Вы требуете, чтобы мы отказались от всего, за что боролись тридцать лет», и в марте 1919 г. НРП прекратила участие в этих переговорах¹.

20–21 апреля 1919 г. конференция БСП постановила присоединиться к Третьему интернационалу. Это решение поддержал референдум местных организаций партии.

С 13 июня 1919 г. начались переговоры о создании Коммунистической партии Великобритании (КПВ), в которых помимо БСП и СРВ стали участвовать еще несколько небольших организаций. Рабочая социалистическая федерация (РСФ) еще недавно называлась Рабочей суфражистской федерацией, ее лидером была энергичная леворадикальная феминистка Сильвия Панкхерст, дочь лидера Женского социально-политического союза, авторитетнейшей Эммелин Панкхерст. Дочь разругалась с матерью по политическим мотивам и выступала против любых признаков оппортунизма,

¹ Ундасынов Н.И. Коммунисты и Лейбористская партия 1919–1923. М.: Наука, 1979. С. 28–29.

включая парламентскую деятельность и участие в существующих профсоюзах.

Южно-Уэльское социалистическое общество (ЮУСО) являлось федерацией пропагандистских клубов, которые вели синдикалистскую пропаганду среди шахтеров.

Большой интерес для коммунистического проекта представляло набиравшее силу Национальное движение шоп-стюардов и рабочих комитетов, где выделялись Артур Макманус и Уильям Галлахер. В январе 1920 г. конференция шоп-стюардов, представлявшая 72 тыс. рабочих, приняла решение о вступлении в Коминтерн.

Переговоры превратились в феерию дискуссий и взаимных обвинений в оппортунизме и доктринерстве. БСП и СРП выступали за участие в парламентской борьбе, а РСФ и ЮУСО — против. Представители СРП настаивали на запрете членства коммунистов в ЛПВ. В этом СРП предсказуемо поддерживали РСФ и ЮУСО. Впрочем, тут Панкхерст проявила некоторую уступчивость и согласилась, что вопрос об участии в парламентских выборах партия может решить в будущем. На том и договорились 21 июня¹. Но такой компромисс был опасен для всех участников переговоров, кроме БСП, потому что в ней было в несколько раз больше членов, чем в других организациях, вместе взятых. Так что исполком СРП не поддержал этот компромисс, а в январе 1920 г. по итогам референдума выставил условие: партия готова войти в КПВ, но при условии невхождения в ЛПВ. Дело застопорилось.

Лидеры левого крыла БСП не хотели разрывать с малочисленными, но активными леваками по двум причинам: чтобы не образовался конкурирующий коммунистический проект и чтобы в будущей КПВ был противовес правому крылу БСП.

За созданием КПВ следил Ленин, но вмешивался пока осторожно. 16 июля Панкхерст написала Ленину письмо, где жаловалась: «Рабочее движение в Англии на моих глазах разрушается парламентским и муниципальным политиканством. И вожди, и массы ждут с нетерпением только выборов и, готовясь к избирательной кампании, совершенно забывают о социалистической работе; мало того, они сознательно подавляют всякую социалистическую пропаганду для того, чтобы не оттолкнуть от себя избирателей». При этом «после выборов их представители, выбранные рабочими, обыкновенно забывают рабочих с их интересами»². А БСП и СРП продолжают настаивать на том, что и компартия должна будет заняться этой пар-

¹ Ундасынов Н.И. Коммунисты и Лейбористская партия 1919–1923. С. 40–41.

² Письма В.И. Ленину из-за границы. С. 116–117.

ламентской работой, которая ведет к «одурачиванию рабочих» и отталкивает от них рабочих активистов, настроенных на «непосредственное действие»¹.

В августе 1919 г. Ленин ответил Панкхерст: «Я лично убежден, что отказ от участия в выборах является ошибкой со стороны революционных рабочих Англии, но лучше пойти на эту ошибку, чем замедлить образование крупной рабочей коммунистической партии в Англии...»² Так Ленин реагировал на картину, нарисованную Панкхерст, где леваки выглядели гораздо влиятельнее, чем было в действительности. Вскоре выяснится, что большинство потенциальных членов КПВ стоит как раз за участие в выборах. Пока Ленина особенно интересует возможность вовлечь в КПВ движение шоп-стюардов, «которые, надо думать, близко связаны с массой»³.

Что касается отношений с ЛПВ, то структуры Коминтерна ориентировали коммунистов Европы на радикальный разрыв с центристами. В феврале 1920 г. Амстердамское бюро Коминтерна провело конференцию с участием нидерландских, бельгийских немецких, американских и британских коммунистов, где подчеркивалась необходимость разрыва с оппортунизмом.

Тогда представители БСП предложили новый компромисс: пусть вопрос об отношениях КПВ и ЛПВ решит Третий интернационал, а пока организации КПВ в избирательных округах могут быть самостоятельны в этом вопросе. Но британские «леваки», поддержанные в Амстердаме, теперь требовали решить все спорные вопросы до образования КПВ. Исполком СРП требовал, чтобы БСП сначала вышла из ЛПВ, а потом с ней можно будет создавать общую партию. Но группа лидеров СРП не хотела прерывать переговоры с БСП и создала для этого Группу коммунистического единства (Макманус, Том Белл и др.). В апреле их исключили из СРП.

С другой стороны, на конференции БСП 4–5 апреля около половины делегатов выступили за выход из ЛПВ. 24 апреля на переговорах о создании КПВ участники проголосовали против БСП за невхождение компартии в ЛПВ и против РСФ за участие в парламентской деятельности.

Вскоре произошло два события, поменявших соотношение сил среди британских коммунистов. ЮУСО распалось (19 июня сторонники участия в создании КПВ создали Коммунистический совет Южного Уэльса). 2 мая ИККИ распустил Амстердамское бюро, и «леваки», таким образом, потеряли важную опору. 9 мая участ-

¹ Письма В.И. Ленину из-за границы. С. 117–120.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 162.

³ Там же.

ники переговоров вернулись к идее отдать вопрос об участии в ЛПВ на усмотрение будущей КПВ. Съезд КПВ был назначен на 1 августа. Оказавшись в изоляции, Панкхерст решила не участвовать в объединительной конференции, а созвать свою, где 19 июня была провозглашена Коммунистическая партия — Британская секция Третьего интернационала «с чистой и не идущей на компромиссы доктриной и политикой»¹. Такое самоуправство не понравилось Москве — в Британии интересы Коминтерна должна представлять влиятельная, относительно многочисленная партия, а не отчаянные радикалы во главе с неуправляемой суфражисткой.

В дело вступила «тяжелая артиллерия». 8 июля к британским товарищам обратился Ленин: «Я считаю неправильной тактику товарища Сильвии Панкхерст (Pankhurst) и организации W. S. F. (Рабочая социалистическая федерация), которые отстраняются от объединения B. S. P., S. L. P. и др. в единую Коммунистическую партию. В частности я лично стою за участие в парламенте и за присоединение к “Рабочей партии” (Labour Party), при условии полной свободы и самостоятельности коммунистической работы, и буду защищать эту тактику на II конгрессе III Интернационала 15. VII. 1920 в Москве. Самое желательное, по-моему, есть быстрое образование единой Коммунистической партии, на основе всех решений III Интернационала, и наибольшее сближение этой партии с “Промышленными рабочими мира” (I. W. W.) и с “Фабрично-заводскими старостами” (Shop Stewards Committees) в целях полного слияния с ними в ближайшем будущем»².

В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин обратился к британским сюжетам, поддерживая ту линию, которую взяли организаторы съезда объединенной КПВ. Имея в виду парламентскую борьбу и другие легальные методы, Ленин писал: «Всякий согласится, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля»³.

Британская глава книги была опубликована в Великобритании накануне учредительного съезда КПВ, начавшего свою работу 31 июля 1920 г. В это время делегации обеих коммунистических партий уже находились в Москве на II конгрессе Коминтерна.

* * *

Лидеры Коминтерна пытались формировать управляемую из единого центра унифицированную политическую армию. Решающий

¹ Цит. по: *Ундасынов Н.И.* Коммунисты и Лейбористская партия. С. 50.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 157.

³ Там же. С. 81.

шаг в этом направлении был сделан на II конгрессе Коминтерна 19 июля — 7 августа 1920 г. В отличие от I конгресса, который был скорее учредительной конференцией, II конгресс оказался весьма представительным — 169 делегатов с решающим и 48 с совещательным голосом из 41 страны (67 организаций, из которых 27 коммунистических партий и 10 союзов молодежи)¹. В работе съезда участвовали представители таких солидных партий, как НСДПГ, ИСП, СФИО и НРП.

«Делегаты от РКП(б) составляли более трети участников Второго конгресса. Партия еще не утратила своей способности к дискуссиям, что показал ее девятый съезд в марте–апреле 1920 г., где оппозиционеры подвергли серьезной критике и единоначалие, и бюрократизм партийного аппарата. Перенесение подобных дебатов в Коминтерн было последним, чего хотели большевики»², — пишет историк А.Ю. Ватлин. Точнее — руководство РКП(б), потому что «анархо-синдикалистский уклон» в российской компартии и анархо-синдикалисты, участвовавшие во II конгрессе, с удовольствием нашли бы общий язык, если бы имели такую возможность — равно как и демократические социалисты и «децисты». В 1920–1923 гг. Ленину и его соратникам удалось предотвратить смычку между внутрипартийными и коминтерновскими диссидентами. Такая смычка образуется во время дискуссий 1923–1927 гг.

19 июля Конгресс торжественно открылся в Петрограде, потом работа продолжилась в Москве. 20 июля Зиновьев выступил с докладом о деятельности большевиков, из которого следует, что после завоевания власти задачи партии только растут, ведь она — «мозг Советов». Такая модель отношений партии и Советов вызвала недовольство синдикалистов, которые готовы были терпеть партию только как инструмент борьбы за свержение капитализма, а не как организатора безгосударственного коммунистического общества. Британский шоп-стюард Джек Таннер возражал, что опыт большевиков является специфическим, нельзя навязывать его всем странам. Такие же возражения звучали и от социал-демократов справа. Но Зиновьев настаивал, что Коминтерн должен быть единой мировой партией с отделениями в разных странах.

Принципиальные разногласия сказались и на организации конгресса. Представитель испанских анархо-синдикалистов Анхель Пестанья настоял, что члены комиссий назначаются не президиумом, а делегатами.

¹ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 89.

² Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 156.

21 июля, уже после начала конгресса, ИККИ обсуждал вопрос о допуске на конгресс представителей НСДПГ. На II конгресс Коминтерна была направлена делегация НСДПГ, в которую входили Вильгельм Дитман, Артур Криспин, Эрнст Деймиг и Вальтер Штокер. На независимцев посыпались упреки в оппортунизме. Предложение допустить представителей СФИО и НСДПГ в комиссию по вхождению в Коминтерн вызвало резкую оппозицию со стороны левого крыла конгресса. Нидерландский коммунист Давид Вейнкоп заявил, что «нам не о чем разговаривать» с НСДПГ, которая заседает в президиуме рейхстага, то есть является правительственной партией. Но большевики были бы не прочь, чтобы и коммунисты заседали в руководстве парламентов. А самый прямой путь к этому состоял в том, чтобы вовлечь в Коминтерн на своих условиях такие партии, как НСДПГ, СФИО и ИСП. Так что Радек вступился за право таких партий высказать свою точку зрения в комиссиях. Деймиг с возмущением пояснил, что НСДПГ не правительственная, а революционная партия, понесшая многочисленные жертвы в борьбе за революцию. А Радек назвал Вейнкопа сумасшедшим¹. Вообще стенограмма полна взаимных оскорблений, делегаты конгресса друг с другом не церемонились. В итоге НСДПГ и СФИО были допущены в комиссию.

Представители НСДПГ приняли активное участие в работе конгресса. Делегация раскололась пополам по вопросу о присоединении к Коминтерну и, следовательно, объединении с КПП. При этом Дитман опубликовал свои путевые впечатления, показывающие, что власть коммунистов привела к экономическому развалу. Левое крыло делегации находило объяснение экономических трудностей в гражданской войне и интервенции, а не в характере коммунистического режима. В Германии получится лучше.

Работа конгресса происходила в то время, когда Красная армия наступала на Варшаву. У одних делегатов успехи советского оружия вызывали эйфорию и надежду, что падение «панской Польши» вызовет дестабилизацию всей Европы. Другие были недовольны тем, что революция принимает форму военной агрессии, а конгресс мировой Коммунистической партии служит ей фасадом. «Осенью 1920 г. Радек говорил, что у девяти десятых делегатов наступление на Варшаву вызвало неподдельное удивление. Они были не только дезориентированы неожиданным поворотом в международной политике Советской России, но и оскорблены тем, что в Москве их держали

¹ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. М.: Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б), 1934. С. 90–93.

в полном неведении относительно этого поворота»¹. Решение о походе на Варшаву приняла одна из секций Коминтерна, которая не сочла нужным советоваться с другими. То есть это дозволено только РКП(б) или же все компартии могут действовать по собственному усмотрению?

Выступая на конгрессе с докладом, Ленин говорил: «Тезисы по вопросам об основных задачах Коммунистического Интернационала опубликованы на всех языках и (в особенности для русских товарищей) они не представляют из себя существенно нового, потому что в значительной мере распространяют некоторые основные черты нашего революционного опыта и уроки нашего революционного движения на целый ряд западных стран, на Западную Европу»². Представляя опыт большевизма в качестве универсального, Ленин начинал кампанию за большевизацию левосоциалистических партий Европы, с чем ветераны социал-демократического движения мириться не собирались. Для них Третий интернационал был восстановителем интернационалистических и революционных традиций социалистического движения, а не принятием большевистских новаций, пусть и подкрепленных практикой, но в очень специфических российских условиях.

Для Ленина II конгресс Коминтерна был не столько собранием единомышленников, сколько смотринами. Лидеру большевиков пока было важно придать Коминтерну вес и оторвать побольше сил от Второго интернационала, а потом уже отделять в полученной членской массе зерна от плевел.

«Выбор между строптивыми “левыми” и послушными “умеренными” в только что возникших компартиях оказался выбором между Сциллой и Харибдой, и вождь РКП(б) был готов бросить на чашу весов весь свой авторитет для того, чтобы привести и тех, и других к общему знаменателю»³, — реконструирует мотивы Ленина А.Ю. Ватлин. Однако отношение к правым и левым у Ленина не было равноудаленным.

Перед началом работы конгресса бурные дискуссии вызвал вопрос о предоставлении голоса анархо-синдикалистам, против чего категорически выступили представители КППГ и других партий. Делегаты КППГ также угрожали отъездом, если мандат с решающим голосом получит КРППГ⁴. Строптивость команды Пауля Леви мешала Ле-

¹ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 98.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 215.

³ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 24.

⁴ Там же. С. 71.

нину в его международных маневрах. Даже собственно коммунисты еще очень плохо управлялись.

28 апреля Политбюро РКП(б) решило пригласить на конгресс Коминтерна КРПГ, что означало нарушение принципа «одна страна — одна партия», которого Коминтерн будет придерживаться впоследствии. Как подметил историк А.Ю. Ватлин, Ленин, критикуя КРПГ, «обошелся без разгромных эпитетов, которые он нередко использовал в отношении умеренных социалистов»¹. В условиях, когда обозначилась возможность включения в КПГ всей или большей части НСДПГ, внутри будущей компартии нужен был ершистый левацкий противовес вождям независимцев.

Под давлением КПГ (более умеренной) было решено давать мандаты с решающими голосами именно уже имеющимся компартиям. Тогда делегация КРПГ (Отто Рюле и Август Мергес) уехала из Москвы, и КРПГ отозвала решение о вступлении в Коминтерн. «Последняя попытка Коминтерна добиться возвращения “блудного сына” в лице КРПГ пришлось уже на Третий конгресс и также завершилась безрезультатно»², — комментирует А.Ю. Ватлин. К III конгрессу и настроение Ленина, и ситуация в целом уже будут меняться. А пока Ленин не оставлял надежду втянуть в Коминтерн побольше «леваков».

Ленин настаивал на необходимости немедленного присоединения к Коминтерну синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира» и фабрично-заводских старост, так как это пролетарское движение, «которое в основе своей стоит фактически на почве коренных принципов Коммунистического Интернационала. В таких организациях ошибочные взгляды на участие в буржуазных парламентах объясняются не столько ролью выходцев из буржуазии, приносящих свои, в сущности мелкобуржуазные, взгляды, каковыми часто бывают взгляды анархистов, а политической неопытностью вполне революционных и связанных с массой пролетариев»³. Тут характерно, что Ленин боится привнесения в рабочую массу чуждых ему взглядов, потому что сам собирается привнести туда свои взгляды. Привлечение на сторону Коминтерна синдикалистских рабочих становится для Ленина приоритетом: «Конгресс указывает, что успешность работы действительно коммунистических партий должна измеряться, между прочим, тем, насколько им удалось при-

¹ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 24.

² Там же. С. 37–38.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 200.

влекь на свою сторону все не интеллигентские, не мелкобуржуазные, а массовые пролетарские элементы от анархизма»¹.

Среди синдикалистов, впрочем, был и такой большой друг Советской России, как Джон Рид². Его взгляды сдвигались от установок ИРМ, которым он был привержен раньше, к одобрению опыта РКП(б). Ленин надеялся, что аналогичным образом будут развиваться и другие «лучшие» представители синдикализма. Но на конгрессе и Рид, и ряд других делегатов бросили вызов большевикам по важному для них профсоюзному вопросу.

«Очевидно, что приглашение “леваков” и анархо-синдикалистов, на чем настаивало руководство РКП(б), имело своей тактической целью не допустить усиления в Коминтерне “правого крыла” в лице Серрати и Леви»³, — считает А.Ю. Ватлин. Впрочем, то же самое можно сформулировать и симметрично: приглашение социалистов, в том числе совершенно небольшевистских, могло уравновесить «леваков». Неслучайно именно против них была направлена написанная к Конгрессу книга Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме». Она была посвящена опыту победоносного большевизма, который Ленин предлагал в качестве образца для собравшихся делегатов. Название работы своей направленностью против левизны противоречит политике размежевания с правыми, которую проводил Ленин в это время. Но это помогает понять его линию на конгрессе. Те, кто был правее большевиков, воспринимались как меньшевики — опытные, изощренные противники, от которых пока нельзя избавиться в условиях борьбы за массы и необходимости оседлать волну сочувствия Советской России. А вот те, кто левее — это наивные, неопытные дети, которых следует обаять, обучить и воспитать по российскому учебнику. «Ничего удивительного поэтому, ничего нового, ничего страшного в “детской болезни” “левого коммунизма” у немцев нет. Эта болезнь проходит безопасно, и организм после нее становится даже крепче»⁴, — покровительственно сообщает Ленин тем, у кого видит «детские» болезни.

В своей книге Ленин излагает свое представление о коммунизме, увязывая его с казалось бы частным вопросом о профсоюзах, который скоро станет центральным в большевистских дискуссиях: «Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремес-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 201.

² Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 74.

³ Там же. С. 37.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.

ленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен идти и придет, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике»¹. Не торопитесь, товарищи, не пытайтесь получить все и сразу, к цели нужно идти поэтапно. Это ровно то, в чем социал-демократы раньше пытались убедить Ленина.

Владимир Ленин должен был объяснить, почему победа «пролетарской партии» не привела к явным успехам в создании нового общества. Конечно, можно кивать на интервенцию и сопротивление «помещиков и капиталистов». Но Ленин давно видит главную проблему не в открытом военном сопротивлении, а в другом: «При Советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию полезет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»². Так что пролетарии, даже с точки зрения Ленина, немногим лучше «буржуазно-интеллигентских выходцев». Ленин уже убедился, что пролетарии хороши как сплоченная армия для свержения прежнего режима. А вот при строительстве нового общества всех придется переделывать. Ленин пытается донести эту нерадостную мысль до товарищей, уверовавших в чудодейственные свойства пролетариата.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 33.

² Там же. С. 101.

Профсоюзы остаются для Ленина «школой коммунизма», которые готовят рабочих «для постепенного перехода в руки рабочего класса (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны»¹. То есть на этом этапе своей идейной эволюции Ленин разделял синдикалистскую идею о том, что управление хозяйством будет осуществляться через профсоюзы. Это не могло не нравиться участвовавшим в работе съезда синдикалистам. К «отеческому» высокомерию Ленина синдикалисты могли относиться не без иронии, так как их идейное течение было не моложе марксизма. Но у Ленина было важное преимущество — большевикам удалось начать создание некапиталистического общества.

Профсоюзный вопрос бурно дебатировался на конгрессе. Организаторы попытались утопить неизбежные разногласия с синдикалистами в комиссии, но от этого стало только хуже. «Доклад Радека вызвал вал критики со стороны синдикалистов, которые, не стесняясь в выражениях, рассказывали, как на заседаниях комиссии по данному вопросу им попросту не давали открыть рот, а альтернативный проект резолюции, внесенный Джоном Ридом, вообще не поставили на обсуждение»², — суммирует А.Ю. Ватлин. Галлахер убеждал делегатов: «Бессмысленно и смешно думать о завоевании старых тред-юнионов с их окостеневшим бюрократическим аппаратом... Мы убедились, что даже в тех случаях, когда удастся провести наших товарищей в аппарат союзов, то это приводит не к перемене профсоюзной тактики, а к коррупции наших товарищей... Говорить о завоевании профессиональных союзов изнутри такая же бессмыслица, как мечтать о завоевании капиталистического государства изнутри»³. Сама структура современных профсоюзов ведет к их бюрократизации, союзы работников должны быть преобразованы в самой своей основе, чтобы они никому не давали возможность управлять массами сверху.

Зиновьев с трудом свернул дискуссию, чтобы продать резолюцию комиссии (где синдикалистам не давали слова). Он критиковал англосаксонских синдикалистов: «Они считают, что социальная революция придет не сегодня-завтра; победа над буржуазией у них уже в кармане и т. д. Но, когда речь идет о профессиональных союзах, они обнаруживают вдруг глубочайший пессимизм по отношению к рабочему классу. Эти товарищи говорят: мы легко уберем

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 34.

² Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 110.

³ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 426–427.

Рокфеллеров, Морганов, покончим с капитализмом, но бюрократию профессиональных союзов мы никогда не устраним». Впрочем, тут же выясняется, что Зиновьев тоже полон оптимизма: «Но рабочий класс революционизируется не по дням, а по часам, он собирается опрокинуть весь капиталистический строй, и с уставами союзов он поступит так, как следует: вышвырнет их за окно. Никто не может отрицать, что союзы объединяют миллионы рабочих. Наш лозунг — “К массам!”». И больше всего этот лозунг относится к нашим английским и американским партиям»¹. Но суть спора была не в сроках победы над капитализмом, а в том, как должен быть организован рабочий класс, допустимо ли, если он будет управляться извне профсоюзной и партийной бюрократиями. 50 делегатов устали от дебатов или боялись их продолжения, 25 настаивали на продолжении обсуждения столь важного вопроса, а когда прения прекратили — синдикалистски настроенные испанцы, британцы, американцы, голландцы просто отказались от участия в голосовании².

Но в итоге дискуссии трактовка роли профсоюзов II конгрессом Коминтерна несла на себе заметные черты синдикализма. После победы пролетарской революции профсоюзы должны стать «главной опорой в новой организации хозяйственной жизни на социалистической основе. Профессиональные союзы, построенные как производственные союзы, опирающиеся на фабрично-заводские комитеты, как на свои фабричные ячейки, ознакомят рабочие массы с их производственными задачами, выдвинут наиболее опытных рабочих в качестве руководителей производства, возьмут под контроль технических специалистов и совместно с представителями рабочей власти будут разрабатывать и проводить в жизнь планы социалистической хозяйственной политики»³. Профсоюзы здесь — организация рабочих, которая непосредственно участвует в управлении хозяйством. Эта позиция могла сохраняться в силе еще несколько месяцев — до дискуссии о профсоюзах на X съезде РКП(б), когда синдикалистские идеи потерпели поражение.

Ленин убеждает левых «детей», что нужно работать в структурах буржуазного общества (профсоюзах и парламенте) ради тактического обеспечения будущей победы: «Английские коммунисты должны участвовать в парламентаризме, должны изнутри парламента помочь рабочей массе увидеть на деле результаты гендерсоновского и сноуденовского правительства, должны помочь Гендерсонам и Сноуде-

¹ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 427.

² Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 114.

³ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 125.

нам победить объединенных Ллойд Джорджа и Черчилля»¹. Таков опыт большевизма, отвергнувшего слишком радикальный большевизм («отзовизм») в 1911 г. Но, похоже, Ленин не договаривает. У него есть и внешнеполитические мотивы — получить влиятельную политическую силу в логове врагов Советской России. Ему нужно, чтобы британское правительство нормализовало отношения с Россией. А этому может содействовать победа лейбористов на выборах.

Прагматические рассуждения Ленина не убедили итальянца Бордигу: «В Западной Европе проблема революции требует прежде всего выхода из рамок буржуазной демократии. Нужно доказать всю ложность утверждений буржуазии, что якобы вся политическая борьба должна протекать в рамках парламентского механизма, доказать необходимость перенести борьбу на новую почву — на почву прямого революционного действия для завоевания власти»². В своих тезисах Амадео Бордига настаивал: «Коммунисты категорически отрицают возможность завоевания рабочим классом государственной власти посредством большинства парламентских мандатов; только вооруженная революционная борьба приведет их к этой цели»³. Парламентаризм уместен в условиях стабильности капитализма или во время буржуазных революций, но теперь-то другое дело — началась эпоха социалистической революции. Не до парламентаризма теперь, он только тормозит борьбу за Советскую власть и социализм.

Впрочем, лидер новых «отзовистов» подтвердил, что подчинится решению большинства. «Есть ли это вопрос принципа? Конечно, нет. В принципе мы ведь все антипарламентаристы, потому что мы отвергаем парламентаризм, как средство освобождения пролетариата и как политическую форму пролетарского государства»⁴. Но все же Бордига напоминает, как увлечение парламентской деятельностью способствовало перерождению социал-демократии.

Обсуждая тему парламентаризма, Галахер, выступая от имени шоп-стюардов, категорично заявил: «Мне с сожалением приходится констатировать, что III Интернационал собирается стать на путь оппортунизма»⁵. Синдикалисты, такие как немец Августин Сухи, поддержали Бордигу, повторив хорошо отработанную анархистскую критику парламентаризма. Сухи с удовольствием отметил, что противники парламентаризма теперь пошли на «уступку точке зрения анархизма, установившейся 40 лет назад». Да и докладчик Бухарин

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 69.

² Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 298.

³ Там же. С. 303.

⁴ Там же. С. 297.

⁵ Там же. С. 307.

говорит не искренне. Ведь и большевики считают, что «парламентаризм не есть средство, ведущее к коммунизму»¹.

Но в постановлении конгресса, поддержанного большинством, антипарламентаристские взгляды были объявлены ошибочными². В дальнейшем крупнейшие синдикалистские организации, такие как ИРМ и испанская Национальная конфедерация труда, откажутся от участия в Коминтерне и в Профинтерне.

* * *

Правых социалистов большевики критиковали острее, чем левых. В речи на конгрессе Ленин говорил: «Оппортунизм — наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения, это — социализм не пролетарский, а буржуазный»³. Ленин настроен решительно: «Раскол все же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту, созреванию партии и ее дружной, действительно организованной, действительно подготовляющей диктатуру пролетариата, практической работе»⁴.

Большевистские лидеры не были едины в своем отношении к левым социал-демократам. Радек настаивал на том, что нужно принимать в интернационал и «покаявшихся грешников» из бывших оппортунистов⁵. Радеку претило наивное левачество, он любил сложные политические игры, не лишённые цинизма. Ленин, однако, не без основания полагал, что не до конца раскаявшиеся «грешники» станут в таких играх большим препятствием, чем наивные «леваки». Просто потому, что социал-демократические политики тоже поднапорели в политических комбинациях.

Прибывшие для переговоров в Москву в преддверии II конгресса Коминтерна представители СФИО Марсель Кашен и Луи-Оскар Фроссар подверглись критике за оппортунизм. В пример им ставилась ИСП, которая, придерживаясь такой же примерно идеологии, уже решилась вступить в Коминтерн. Как бы французы ни восхваляли Октябрьскую революцию, Каменев и Бухарин припоминали им социал-предательское прошлое. И зачем приглашали тогда? После этих «злых следователей» Ленин выглядел уже конструктивно: он потребовал от гостей вступления СФИО в Коминтерн, принятия революционной программы и согласия на чистку рядов от рефор-

¹ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 317.

² Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 99.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 232.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 37–38.

мистов. Как бы Кашен и Фроссар ни хотели этого, они не имели полномочий заявить о вступлении партии в Третий интернационал. Но 19 июня они от своего имени согласились с Лениным. Отношение хозяев к гостям изменилось. Как пишет историк А.А. Вершинин, «к исходу первой недели пребывания французов от холодности в их общении с лидерами большевистской партии не осталось и следа»¹. Французским делегатам провели впечатляющую экскурсию по революционной России. По предложению Ленина Кашен и Фроссар запросили Париж о возможности принять приглашение участвовать в конгрессе с информационными целями, и Национальный совет СФИО согласился. Впрочем, на конгрессе были и другие делегаты от Франции — французские большевики Жак Садуль и Анри Гильбо, синдикалист Альфред Россмер, представитель левого крыла СФИО Раймон Лефевр. В Коминтерне еще не действовал принцип «одна страна — одна организация». Большевики устраивали смотрины и выбирали, на кого сделать ставку. Но попытка делегатов СФИО вести в рамках конгресса переговоры об условиях вступления снова столкнулась с непримиримой неуступчивостью. Швейцарский коммунист Жюль Эмбер-Дро обвинил Кашена и Фроссара в стремлении «развратить III Интернационал, развратить его изнутри»².

В дискуссии с социал-демократами, которые к тому же увидели разруху, царившую в революционной России, Ленин изложил шокировавший их подход, в соответствии с которым коммунисты могут бороться не за улучшение, а за ухудшение положения рабочих: «Криспин заговорил о высокой заработной плате. В Германии, мол, обстоятельства таковы, что рабочим в сравнении с русскими рабочими и вообще восточноевропейскими рабочими живется довольно хорошо. Революцию, по его словам, можно произвести лишь в том случае, если она “не слишком” ухудшит положение рабочих. Я спрашиваю, допустимо ли говорить в коммунистической партии в таком тоне? Это контрреволюционно. У нас в России жизненный уровень бесспорно ниже, чем в Германии, а когда мы установили диктатуру, то в результате этого рабочие стали голодать больше, и их жизненный уровень опустился еще ниже. Победа рабочих невозможна без жертв, без временного ухудшения их положения. Мы должны говорить рабочим противоположное тому, что высказал Криспин. Желая подготовить рабочих к диктатуре и говоря им о “не слишком” большом ухудшении, забывают главное. А именно: что рабочая аристократия как раз и возникла, помогая “своей” буржуазии завоевывать

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 84–86.

² Там же. С. 88.

империалистским путем и душить целый мир, чтобы тем обеспечить себе лучший заработок. Если же теперь немецкие рабочие хотят творить дело революции, то они должны приносить жертвы и не пугаться этого»¹. Справедливое мироустройство, за которое идет борьба, приведет к долгосрочному ухудшению положения значительной части рабочих развитых стран.

Ленин должен был понимать, что такой подход не может получить поддержку со стороны значительной части рабочего класса развитых стран. Размежевываясь с социал-демократией, он вместе с тем шел на раскол рабочего движения по линии высоко- и низкоквалифицированных рабочих. Если для социал-демократии переход к социализму представлялся как упорядочение экономики с опорой на наиболее квалифицированную, а значит, и лучше оплачиваемую часть рабочего класса, то Ленину нужен был таран для разрушения капитализма, для чего квалификация и воспоминания о хорошей зарплате даже мешали. Это не значит, что Ленин отказывался от идеи технологической модернизации экономики. Но этим предстоит заняться после разрушения капитализма и опять же за счет «жертв» со стороны рабочего класса. Кто боится потерять в уровне зарплаты — не коммунист.

Опыт Советской России выглядел грандиозно и неприглядно: он разделял социалистов, побывавших в России, вызывая у одних демократический ужас, а у других антикапиталистический восторг. Возвращаясь из России, Марсель Кашен писал: «Необходимо действовать в духе Москвы, так как именно она первой показала путь и уже выполнила половину задачи, причем половину наиболее сложную — разрушение режима господства денег»². Но разрушение — это как раз самое простое. Гораздо сложнее создать на месте разрушенного что-то более совершенное. Задача создания безденежной экономики окажется большевикам не по зубам. Но такие люди, как Кашен, продолжают верить, что подчинение экономики государству — это путь к счастливому эгалитарному обществу. Ради этого разрушения ненавистной им несправедливости, основанной на деньгах, европейские коммунисты были готовы пожертвовать демократической культурой и подчиниться дисциплине мировой иерархии, простить коммунистам террор, как прощали его якобинцам или даже мечтали о повторении сцен Великой Французской революции. Справедливое разрушение не боится крови. Ради великого разрыва с капитализмом можно пройти и через террор, бросив в его пучину этих самодовольных буржуа, как

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 250.

² Цит. по: Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 90.

когда-то дворян. Только вот как бы это не привело к перерождению революции, подобно якобинской диктатуре, подготавливавшей почву для термидора. Но ведь теперь революционеры будут руководствоваться научным марксистским учением, которого не было у якобинцев. Оно укажет верный путь. В России заметны отклонения от марксистских канонов — таков результат практики в неподготовленной для социализма стране. Западная Европа более подготовлена, здесь процесс пойдет легче. А Россия может послужить подспорьем, предоставляя ресурсы на политическую деятельность западных коммунистов. Помощь Коминтерна, в том числе финансовая, тоже была мотивом пойти на уступки требованиям Москвы. Она подставит плечо для того, чтобы вывести левое движение Запада из кризиса, и потому имеет право что-то требовать за свои инвестиции. Если она требует слишком многого — можно и не соблюдать эти требования, а только делать вид. Если бы Фроссар и Сerratи смогли с помощью радикальной политики достичь быстрого успеха в обстановке социальных волнений, этот кульбит увенчался бы успехом, и Москве пришлось бы смириться. Победителей не судят. Но пока левое движение оправлялось от расколов и перестраивало работу — момент был упущен. Да и перестроиться из парламентской «говорильни» в организационную машину революции французским и итальянским левым социалистам не удалось.

Сerratи говорил о разнородности и различном «весе» собравшихся на конгрессе: «Никогда, ни на одном конгрессе, не было такого различия — не говоря о языке и культуре съехавшихся, но в их влиянии. Что такое я по сравнению с т. Лениным? Он воплощает собой русскую революцию. А я представитель весьма небольшой социалистически-коммунистической партии... Но что же представляют собою другие, если наша Итальянская социалистическая партия одна из лучших? А между тем у вас, товарищи англичане, то же право голоса, что и у т. Ленина. Вейнкоп представляет собою весьма малую величину по сравнению с т. Лениным, значение которого неизмеримо. Если мы находимся в таком положении, очевидно, с этим нельзя не считаться»¹.

Это при том, что Сerratи вовсе не был адептом Ленина и вскоре стал вызывать у него личную неприязнь, раздражая вождя большевизма иронией и уклончивостью. Обсуждая вопрос об исключении наиболее видных реформистов, Сerratи, который не хотел рвать с Турати, говорил: «На Римском конгрессе 1918 г. т. Бомбаччи отзывался о Турати с большой похвалой, выступив против его исключе-

¹ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 241.

ния. Он совершенно правильно указывал на то, что Турати никогда не допустил бы стрелять в толпу. Что же касается меня, я не стану сводить здесь вопрос на личности, для меня это только вопрос целесообразности. Если Турати для нас полезен, мы оставим его, если он нам опасен, мы его удалим. Я ни к кому не питаю личных чувств». Ленин раздраженно перебил Серрати: «Пожалуйста, без сентиментов». Серрати продолжил, настаивая, чтобы ИСП получила права сама решать, когда ей нужно проводить обновление своих рядов: «Чистка произойдет, но дайте нам возможность сделать это таким образом, чтобы это было полезно для рабочих масс, для партии, для революции, которую мы готовим в Италии»¹.

Между своими Ленин вообще характеризовал его как «смесь мещанской тряпичности и политиканского жульничества»². В Серрати воплощалась политическая культура плюралистичной, многофракционной политики, которой Ленин противопоставлял единство партийной воли (отсутствовавшее пока даже в РКП(б)).

* * *

Главным документом, принятым II конгрессом Коминтерна, были условия приема в Третий интернационал. В первоначальном проекте было всего девять условий приема в Коминтерн, но в ходе обсуждения число выросло до 21³. Эти требования к партиям, желающим войти в Коминтерн, основывались на большевистском опыте и должны были превратить Коминтерн в мировую большевистскую партию, способную к единому действию на благо мировой революции и ее российского очага.

Пропаганда и агитация секций (партий) должны были соответствовать Программе и всем постановлениям Третьего интернационала. Все органы печати, находящиеся в руках партии, должны были редактироваться «надежными коммунистами» и подчиняться ЦК (условие 1). Партийные органы обязаны печатать решения ИККИ (условие 18).

Вновь принятую программу должны были утвердить органы Коминтерна (условие 15). Партии должны были переработать свои программы в соответствии с программой Коминтерна. Коммунисты должны были повсеместно «клеить не только буржуазию, но и ее помощников, реформистов всех оттенков» (условие 1), включая центристов (условие 7), и разоблачать пацифистские иллюзии (условие 6). Следовало систематически удалять реформистов с ответ-

¹ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 244–245.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 216.

³ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 100–104.

ственных постов партии, даже если для их замены нет достаточно опытных работников (условие 2).

Условие 4 определило необходимость вести пропаганду в войсках, а условие 5 — в деревне. Коммунисты должны были создавать нелегальные структуры на случай запрета и гражданской войны (условие 3). Обратной стороной нелегальной работы было столь же обязательное использование в интересах компартий легальных институтов — профсоюзов, кооперативов и т. п. (условие 9). В профсоюзах коммунисты должны были добиваться разрыва с Амстердамским интернационалом профсоюзов, то есть с реформистами и тред-юнионистами (условие 10).

Характерно, что не было выставлено требование обязательного участия в парламентских выборах. Говорилось лишь о том, что парламентские фракции должны были подчиняться ЦК и вести революционную агитацию (условие 11)¹.

Стремление большевиков разорвать с центристами было столь велико, что среди требований, определявших общие принципы организации партий, был дан конкретный список лиц, которых следовало исключить из партий, желающих войти в Коминтерн: «Коммунистический Интернационал не может мириться с тем, чтобы заведомые оппортунисты, как, например, Турати, Каутский, Гильфердинг, Хилквит, Лонге, Макдональд, Модильяни и др., имели право считаться членами III Интернационала»². Правда, в 20-м пункте все же записали оговорку: ИККИ мог сделать исключение и в отношении названных оппортунистов.

Провозглашая принцип «демократического централизма» как основу организационного устройства компартий, условие 12 заостряло внимание на централизме, на «железной дисциплине, граничащей с дисциплиной военной».

По условию 13 легальные партии должны были проводить периодические чистки (перерегистрации членов), дабы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов.

Условие 8 касалось колониального вопроса: «Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана беспощадно разоблачать проделки “своих” империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях...»³ Разумеется, это не касалось тех стран Азии, которые подчиняла Москве Красная армия.

¹ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 102.

² Там же.

³ Там же.

Компартии должны были «оказывать беззаветную поддержку» советским республикам, «вести неуклонную пропаганду за отказ рабочих перевозить предметы военного снаряжения, адресуемые врагам Советских республик, всеми средствами вести легально или нелегально пропаганду среди войск, посылаемых для удушения рабочих республик и т. д.» (условие 14)¹. В дальнейшем советские республики создавались только на территории бывшей Российской империи. В 1922 г. они создали СССР. Коминтерн, таким образом, стал организацией сторонников СССР и распространения советского опыта на весь мир.

Постановления съездов и Исполкома Коминтерна были обязательны для компартий (условие 16). Все партии Коминтерна должны были единообразно переименоваться в коммунистические (условие 17).

Условие 19 предписывало партиям, принадлежащим к Коминтерну или подавшим заявление о желании вступить в него не позже, чем через 4 месяца после II конгресса, созвать экстренный съезд своей партии и обсудить все эти условия.

20-й пункт требовал, чтобы $\frac{2}{3}$ ЦК состояло из тех товарищей, которые еще до II конгресса публично высказывались за вступление в Третий интернационал. Исключения были возможны, но с согласия ИККИ.

Последний, 21-й пункт указывал, что «члены партии, принципиально отвергающие условия и тезисы, выставленные Коммунистическим Интернационалом, должны исключаться из партии»². Впрочем, слово «принципиально» оставляло свободу для маневра. Если какой-то нужный Коминтерну левый социалист принимает это условие с оговорками, не отрицая их принципиально, с ним еще можно поработать.

Окончательный вариант условий был принят в финале работы съезда 6 августа 1920 г.

При обсуждении требований уже на конгрессе было высказано немало возражений и предложений учесть особенности работы партий в разных странах. Это предвещало бурные дискуссии на съездах партий. Так, представитель НРП Якоб Фриис просил принять в расчет «особую форму организации НРП. То обстоятельство, что к ней коллективно примыкают все рабочие союзы». В октябре 1920 г. на съезде НСДПГ в Галле Григорий Зиновьев встретился с лидерами НРП и убедил их постепенно отказаться от коллективного членства профсоюзов в партии³. Партия должна быть организацией комму-

¹ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 103.

² Там же. С. 104.

³ *Фомин-Нилов Д. В.* Норвежская рабочая партия: путь к власти (1887–1935). К 120-летию Норвежской рабочей партии. С. 76.

нистов, влияющих на профсоюзы, а не наоборот (в это время такая дилемма уже бурно обсуждалась в самой РКП(б)). Коллективное членство может размывать монолитную Коммунистическую партию, так как в ее руководство могут попадать активисты, опирающиеся на беспартийных рабочих. Такая демократия могла подчинить компартии не общим интересам глобальной борьбы за коммунизм, а материальным интересам рабочих конкретных стран. Но и сохранить рабочее массы в орбите партии было соблазнительно, и у Зиновьева пока не было идеи, чем заменить коллективное членство профсоюзов.

Под конец работы II конгресса обсуждалась организация Исполкома Коминтерна (ИККИ). Часть делегатов — как слева, так и справа — опасалась сосредоточения всей руководящей работы в Москве, отрыва центра от партий. Пауль Леви считал, что иностранные члены ИККИ могут работать в своих странах, лишь время от времени съезжаясь вместе для принятия важнейших решений. Большинство делегатов, которое еще оставалось в зале, поддержало Зиновьева, настаивавшего на создании не просто единой международной партии, но и централизованной с постоянно работающим в одном месте центром¹. В ИККИ должно было состоять 20 делегатов партий.

Партия, на территории которой находится ИККИ, по уставу вводила в ИККИ пять своих представителей, а остальные — по одному. ИККИ мог исключать из состава Коминтерна партии, группы и отдельных людей. Создавался и более узкий руководящий орган — бюро.

Уже 7 августа на первом заседании нового ИККИ Зиновьев был избран председателем, но во время выборов бюро ИККИ зарубежные делегаты выступили против предоставления большинства членам РКП(б). К тому же Леви, Серрати и Рид предложили избрать еще и генсека Коминтерна в лице Радека, что серьезно ослабило бы позиции Зиновьева. Но тот сумел предотвратить это разделение власти, сообщив, что Радек направляется в Польшу, на острие коммунистического наступления².

Зиновьев пытался доказать, что бюро (которое скромно называлось Малое бюро) будет лишь связывать ИККИ с РКП(б), занимаясь прежде всего вопросами финансирования. «Это было не более, чем военной хитростью — уже на следующий день бюро получило право самостоятельно назначать полномочных представителей Коминтерна в зарубежные партии»³, — пишет А.Ю. Ватлин.

¹ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 116.

² Там же. С. 139.

³ Там же. С. 140.

К концу работы конгресса 7 августа в ней принимало участие около трети первоначального числа делегатов¹. Некоторые, утомившись, отдыхали, некоторые принимали участие в пропагандистских мероприятиях Советской власти, некоторые были разочарованы и не собирались в дальнейшем участвовать в работе Коминтерна. Но главное было сделано — Коминтерн показал всему миру, что он является серьезным фактором мировой политики.

* * *

Первостепенное значение для Коминтерна имела борьба за принятие 21 условия социалистическими партиями Франции и Италии — влиятельными силами в ядре Антанты.

Споры об условиях раздробили социалистические партии в самый неподходящий для коммунистов и левых социалистов момент. Западная Европа переживала последний прилив стачечной волны, которая создала революционную ситуацию в Италии и подрывала позиции правых правительств Франции и Великобритании. Вместо того чтобы сосредоточиться на организации масс для решительной борьбы за идеалы социализма, левые партии разделились на группировки, которые обсуждали, кого и в какой последовательности исключать из своих рядов. А любое размежевание разрушало и партийные аппараты, налаженные связи, агитационную работу. Большевизируя левых социалистов, Ленин серьезно подорвал работу левых партий в критический момент революционного подъема в Европе.

Пока Кашен и Фроссар ехали из Москвы в Париж, конгресс Коминтерна включил лидера французских центристов Лонге в список лиц, подлежащих вычищению из партии, если она желает вступить в Коминтерн. Это вызвало возмущение центристов, которые в принципе желали вступления партии в Третий интернационал. 3 ноября ИККИ, воспользовавшись оговоркой 20-го пункта, отыграл назад, решив, что Лонге может оставаться в партии, если согласится с 21 условием. Но в этом-то и состояла проблема — центристы не собирались просто так соглашаться со всеми условиями, а требовали их корректировки, по крайней мере в отношении СФИО. Так что дело было не в персоне Лонге, который выражал взгляды широкого партийного течения². Но обострение борьбы в СФИО из-за 21 условия вполне устраивало лидеров Коминтерна — им бы хотелось,

¹ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 119.

² Вефшинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 94–95.

чтобы партия раскололась слева от Лонге, оставив за бортом таких людей, как он.

Но и в левом крыле СФИО сохранялась конкуренция между группировкой Кашена–Фроссара и Комитетом за Третий интернационал. Правое крыло СФИО во главе с Пьером Реноделем сплотилось в Комитет социалистического сопротивления.

25 декабря 1920 г. в Туре открылся XVIII съезд СФИО, главным вопросом которого стало вступление или невступление в Коминтерн. Сторонники Лонге были готовы присоединиться к Третьему интернационалу только при корректировке 21 условия. Особое возмущение вызывало то, что Москва диктует правила формирования руководства партии, требуя наполнить центральные структуры менее авторитетными и компетентными людьми только потому, что они поставили на Коминтерн раньше, чем вся партия. Навязывание тактики в отношении профсоюзов тоже выглядело оскорбительно: не большевикам учить французов, как им вести дела с профсоюзами во Франции. Но если Москва пойдет на частичные уступки, даже Лонге был готов вступить в Коминтерн. Для левых социалистов было важно не разделять, а объединять усилия для борьбы с капитализмом в Европе в этот критический момент.

Левые центристы Фроссар и Кашен пытались пройти между струями и примирить жесткие требования Москвы с сохранением партийного большинства на стороне Коминтерна. Выход был найден в центристском духе: принять условия, но трактовать их по-своему¹. Эта политическая хитрость принесла Фроссару и Кашену сиюминутный успех, но кризис отношений СФИО и Коминтерна был лишь отложен. Однако для Лонге и его товарищей такая беспринципность была недопустима — они требовали уступок от Коминтерна и честного признания права СФИО открыто не соблюдать те ограничения, которые Кашен и Фроссар собирались не соблюдать втихую. 30 декабря произошел раскол. 3252 голосами против 1082 съезд принял решение о вступлении в Коминтерн. Комитет социалистического сопротивления и лонгетисты голосовали против и ушли со съезда. Раскол в эмоциональной форме был спровоцирован телеграммой Зиновьева съезду, где он ультимативно требовал исключения из партии Реноделя и Лонге. Это вызвало бурю возмущения в зале и чуть не разрушило игру Фроссара и Кашена². Клара Цеткин, присутствовавшая на съезде, в письме к Ленину позже возмущалась «грубым барским вмешательством» Зиновьева, которое

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 100–102.

² Там же. С. 102–103.

«чуть было не свело на нет успех конгресса. В результате письма сентиментальных людей охватило сильное волнение, все они почувствовали себя задетыми и отброшенными на сторону Лонге»¹.

СФИО стала называться Французская социалистическая партия — секция Коммунистического интернационала (ФСП—СКИ). В нее вошло приблизительно 130 тыс. членов, то есть около $\frac{3}{4}$ прежней СФИО². За Компартией остался раскрученный центральный орган «Юманите».

Комментируя мысль правого социалиста Леона Блюма о переносе на французскую почву чуждой ей, выработанной в России политической организации, А.А. Вершинин пишет: «Однако можно ли в данном случае говорить о “злой воле” Москвы и заблуждении части французских социалистов, взявших на вооружение чуждые рецепты партийного строительства? Не стоит ли вести речь скорее об обратной реакции на далеко зашедший процесс деформации революционной идеологии под влиянием все более активного вращивания партии в либерально-демократическую систему в рамках “либерального консенсуса”? Начиная с 1914 г. французское социалистическое движение существовало в условиях серьезнейшего кризиса идейно-политической идентичности. Участие социалистов в военных правительствах “Священного согласия” похоронило компромисс 1905 г., то хрупкое согласие, которое почти десять лет примиряло реформистскую и революционную составляющую идеологии социалистической партии»³. Но из того, что компромисс социал-либералов и левых социалистов стал более невозможен, вовсе не следует, что левому крылу нужно было впихивать себя в рамки, начертанные в Москве. Правые социалисты продолжили идти путем постепенной реформации капитализма (который, впрочем, уже привел Мильерана, Бриана и других политиков от мечты о социализме к практике жесткой защиты устоев капиталистической республики). Ничто не мешало левым социалистам вернуться к дожоресовской традиции демократического социализма, продолжить борьбу за социальные и демократические ценности более радикально. Но этого было недостаточно таким людям, как Кашен. Раздробленное социалистическое движение было слабым, а хотелось влиять на события, хотелось уже сейчас увидеть результаты, разрушение капитализма.

Ленин и Зиновьев собирались распространить большевистские принципы на социал-демократическую субкультуру, кото-

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 236.

² Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 111.

³ Там же. С. 104.

рая привыкла к совсем иным правилам поведения. Ленину нужен был влиятельный и массовый инструмент, но он мог получить либо инструмент (но тогда не массовый и пока совсем не влиятельный, что-то вроде агентуры), либо массовую партию, привыкшую к партнерским отношениям и открытым дискуссиям по любому поводу, ориентированную на проведение выборов в парламентской республике. Тут нужно было выбирать. Ленин надеялся, что расхлябанную левосоциалистическую массу удастся «переварить», потому что на нее будет давить рабочий класс, которому, в соответствии с идеями Ленина, присущи именно те черты, которые пестовал Коминтерн — сплоченность, дисциплинированность, решительность. Но представление большевистских лидеров о рабочем классе как об источнике организованности и коллективизма было иллюзорно, и «переваривать» из Москвы столь крупный кусок, как большинство СФИО, можно было только путем «пережевывания», «откусывания» частей партии, после чего она становилась все меньше и все оторваннее от рабочих масс.

* * *

28 сентября — 1 октября 1920 г. в ЦК ИСП шла напряженная дискуссия о выполнении решений II конгресса Коминтерна и прежде всего — о чистке партии. Серрати не хотел сдавать большевикам учителя итальянских социалистов Турати. Однако незначительным большинством ЦК одобрил чистку реформистов. Тогда реформисты 10 октября собрались на совещание в Реджо-Эмилия и выступили за сохранение единства и против установления в Италии Советской власти по русскому образцу. Массы социалистов не хотели раскола, тем более — по указке Москвы, и лозунг единства был популярен в ИСП. 15 октября радикальные коммунистические фракции, которые в мае уже обсуждали возможность создания партии без реформистов, провозгласили свой «Манифест», бросив вызов максималистскому руководству. 20–21 ноября Серрати реорганизовал фракцию максималистов-парламентаристов во фракцию коммунистов-унитариев, то есть коммунистов, выступающих за единство партии.

В конце 1920 г. Ленин не мог скрыть своего разочарования в том, что ИСП не сумела воспользоваться революционной ситуацией в Италии. Причину неудачи он видел в саботаже правого крыла ИСП: «Коммунисты как раз указывали на то, что реформисты, оставаясь тем, что они есть, не могут не саботировать революцию, как они саботировали уже ее во время недавнего революционного движения итальянских рабочих, захватывавших фабрики. Ведь в этом весь гвоздь вопроса! Как же можно готовиться к революции, идти

навстречу решающим битвам, имея в партии людей, саботирующих революцию?»¹ Ничего — Ленин в свое время пошел на Октябрьский переворот, имея в тылу оппозицию правого крыла во главе с Каме-невым и Зиновьевым. И получилось. Турати не хотел социалистического переворота, но и не мог остановить его, если бы в атаку пошла ИСП. Готовность ИСП поддержать и распалять революционные потрясения зависела не от Турати, а от Серрати и его соратников.

Джачинто Серрати считал, что партия не готова к вооруженному штурму власти и тем более к ее удержанию без квалифицированных специалистов, от которой партию сейчас предлагалось очистить за их реформизм. Ленин приводил пример с правыми большевиками, чтобы убедить итальянских коммунистов в том, что не нужно бояться отхода колеблющихся вождей. Ничего, потом вернуться. В дальнейшем Серрати, на которого Ленин вылил немало желчи, оказался в КПИ, хотя и не смог привести туда большинство ИСП.

Ленин писал: «Серрати боится раскола, ослабляющего партию и в особенности профсоюзы, кооперативы, муниципалитеты. Не разрушить этих учреждений, необходимых для строительства социализма, — вот основная мысль Серрати. “Где возьмем мы, — говорит он (“Avanti!”, 2 октября 1920 г., миланское издание), — столько “коммунистов”, хотя бы и самых пламенных коммунистов вчерашнего дня, для того, чтобы занять все те ответственные посты, с которых мы прогоним людей по предложению Террачини?” И та же самая мысль в редактируемом товарищем Серрати журнале “Коммунизм” (№ 24, стр. 1627) в статье Серрати о II конгрессе III Интернационала: “Представьте себе миланскую коммуну (т. е. городское хозяйство Милана), управляемую некомпетентными людьми, новичками, выдающими себя со вчерашнего дня за пылких коммунистов!” Серрати боится разрушения профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов, неумелости и ошибок новичков. Коммунисты боятся саботирования революции реформистами»². Для Серрати важно, чтобы приход к власти коммунистов не обернулся разрухой, как в России. Реформисты не смогли бы остановить ИСП, если бы ее руководство решилось на захват власти. Но оно не решилось.

Серьезную роль в «саботировании революции» сыграло профсоюзное руководство, состоявшее в ИСП. Но исключение из партии Людовико Д’Арагоны и его соратников означало бы лишь разрыв связи ИСП с профсоюзами, что привело бы к еще большему ослаблению влияния партии, чем это случилось в 1920–1921 гг.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 414.

² Там же. С. 415.

15 января 1921 г. в Ливорно открылся XVII съезд ИСП. Партия к этому времени выросла до 216 327 членов. Их представляли 3 тыс. делегатов. Фракции Серрати и Ладзари действовали вместе — Серрати удалось добиться преобладания на съезде. Центристскую позицию поддерживало 98 088 голосов, правых — 14 685, а левых — 58 783. Серрати выступал за принятие 21 условия Коминтерна, но также за то, чтобы выполнять их с учетом национальных особенностей. Бордига и Террачини требовали безоговорочного принятия 21 условия и разрыва с реформистами. Они верили, что реформисты «искусственно преувеличивают трудности», и скоро «итальянская революция включится в мировую революцию, представляя переходную точку между Западом и Востоком»¹. Пока такой точкой была Москва, но итальянские радикалы, похоже, собирались после успеха своей революции перенести центр мирового революционного движения западнее. Позицию левого крыла энергично поддержал представитель ИККИ, болгарский коммунист, бывший социал-демократ-«тесняк» (то есть представитель течения, близкого большевизму) Христо Кабакчиев. Он, к возмущению большинства делегатов, критиковал Серрати, и его выступление вселило в левое крыло ИСП уверенность в поддержке со стороны Коминтерна.

Не получив поддержки большинства, делегаты коммунистической фракции ушли со съезда и 21 января провозгласили Коммунистическую партию Италии (КПИ). ИСП, таким образом, раскололась слева от центра. КПИ оказалась малочисленнее ИСП и имела меньшее влияние на рабочих. На выборах в мае 1921 г. КПИ получила 15 мест. С одной стороны, это объяснялось скептическим отношением лидеров КПИ к парламентской борьбе, но с другой — и в деле непарламентской борьбы, организации сопротивления наступлению фашизма, КПИ тоже не преуспела.

Клара Цеткин, которая присутствовала на съездах ФСП и ИСП, содействуя их расколу справа от центра, писала Ленину о съезде в Ливорно: «Несомненно, мы потерпели там тяжелое поражение... Неправильно и несправедливо считать ответственным за это поражение одного Серрати. Исполком своим бестактным поведением внес и свой вклад. Если бы мы преследовали цель отколоть от нас Серрати и большинство партии, вытолкнуть их из III Интернационала, то едва ли следовало действовать иначе, чем действовали... Большинство партии в принципе было за III Интернационал и не нуждалось в том, чтобы его сначала убедили и научили этому. В данной ситуа-

¹ Цит. по: *Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921)*. С. 181.

ции было не имеющей реального оправдания ошибкой то, что коммунисты конституировались как самостоятельная фракция, прежде чем конгресс принял решение. Тем самым они обособились от наших лучших собственных масс... Ошибка товарищей Бомбаччи-Бордиги произошла, конечно, в согласии с Исполк[омом]». Исполком «буквально пинками оттолкнул большинство, ведомое Серр[ати], от нас прямо к правым»¹. Туррати мог торжествовать. «Дорогой друг, революционные подлецы не так опасны, как революционные ослы»². Но Ленин думал иначе. С революционными осликами ему было легче работать.

Оставшиеся на съезде ИСП делегаты оставались приверженцами власти Советов, диктатуры пролетариата и насильственной революции. Турати пытался убедить их, что «диктатура пролетариата» обернется диктатурой отдельных лиц над пролетариатом или спровоцирует реакцию, но тщетно³. Социальное положение рабочих было тяжелым, они ждали от революции быстрого улучшения своего положения. Однако пока социалисты спорили, волна стачек и других социальных выступлений в Италии пошла на спад.

Раскол ИСП радикальными коммунистами в преддверии подъема фашизма порождает соблазн найти тут причинно-следственную связь: коммунисты раскололи ИСП, ослабили ее и тем расчистили дорогу фашизму. Историк В.П. Любин считает, что подрыв позиций ИСП «помог фашистам продвинуться к завоеванию власти, не встречая серьезного сопротивления»⁴. Такие обвинения высказывались давно. И на них пришлось отвечать послевоенному лидеру КПИ Пальмиро Тольятти: «Поверхностным и необоснованным является утверждение, что не надо было раскалывать старую (социалистическую) партию в момент, когда против трудящихся обрушилось наступление фашизма. Но чем помогло бы внешнее и формальное единство для отражения этого нападения, когда в старой партии больше не существовали условия для внутреннего единства, которые дали бы возможность проводить плодотворную политическую деятельность»⁵. То, что единство стало формальным и условий для совместной борьбы уже не было, Тольятти утверждает задним числом: в 1921–1923 гг. это выглядело далеко не очевидным, так как большинство ИСП тоже стремилось в Коминтерн и разделяло основные по-

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 238.

² Там же. С. 240.

³ Любин В.П. Социалисты в истории Италии. С. 219–220.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Цит. по: *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 183.

стулаты его платформы. Прав Тольятти в том, что если социалисты и коммунисты не могли остановить фашистов порознь, то и вместе многофракционная партия не смогла бы этого сделать. Она могла сделать другое — направить энергию масс в русло демократической революции, имевшей шанс нанести удар по монархическому государству, без которого Муссолини не мог бы прийти к власти в 1922 г. Победа революции советского типа в Италии была маловероятна (что не исключало создания Советов, как это было в Германии), но вот революционное движение за демократию, аграрные преобразования и социальные права рабочих уже фактически началось. Революционная ситуация назрела, а вот субъективного фактора — политической воли и организованности — не хватило. В решающий момент августа–сентября ИСП была поглощена совсем другим — жаркими спорами по поводу 21 условия. Это стало важной развилкой итальянской истории.

* * *

В Великобритании ситуация была иной. Здесь Компартия зародилась на съезде, открывшемся 31 июля 1920 г. Он представлял 56 организаций БСП, 22 организации Группы коммунистического единства, две организации НЛП, одну организацию СРВ, одну организацию шоп-стюардов и еще 20 коммунистических групп. Делегаты подискутировали о парламентаризме и одобрили участие в выборах. Гораздо труднее прошел вопрос об участии в ЛПВ, принципиальный для вхождения БСП в КПВ. После острых споров он был одобрен 100 делегатами против 85, то есть в основном голосами БСП¹. Правда, к этому времени стало известно о поддержке вхождения в ЛПВ Лениным.

Уже 10 августа ИККИ постановил объединить имеющиеся компартии Великобритании и более того — привлечь к объединительному съезду национальные коммунистические группы Ирландии и Шотландии, СРП и левое крыло НЛП. Но участники съезда должны быть представлены пропорционально их численности, что давало преимущество существующей КПВ.

Однако пока шел скорее процесс фрагментации коммунистического движения в Британии — организаторы КПВ так торопились провести съезд, что не привлекли к нему шотландских коммунистов, и 11 сентября те создали Коммунистическую рабочую партию Шотландии. Те члены ЮУСО, которые не вошли в КПВ, создали свою Компартию Южного Уэльса. А тут еще 11 сентября Исполком ЛПВ отказал КПВ в праве войти в лейбористскую партию, что означало

¹ Ундасынов И. Н. Коммунисты и Лейбористская партия 1919–1923. С. 65–66.

исключение из нее бывших членов БСП, ставших коммунистами. «Леваки» оказались правы.

Сильвия Панкхерст решила воспользоваться этой ситуацией, чтобы перехватить инициативу. 18–19 сентября была созвана конференция коммунистов-антипарламентаристов. Они согласились объединиться с имеющейся КПВ, но не приняли решений конгресса Коминтерна об участии в парламенте. Лидеры КПВ не горели желанием объединяться с такими партнерами. Ссылаясь на несогласие организации Панкхерст с одним из 21 условий, ее не пустили в Соединенный комитет, который готовил объединительный съезд. В начале декабря в отсутствие Панкхерст конференция РСФ решила принять условия Коминтерна. 11–12 декабря представители КПВ, КРП Шотландии, Национального движения шоп-стюардов и рабочих комитетов, Комитета левого крыла НАП договорились о созыве в конце января объединительного съезда. 29–30 января 1921 г. этот съезд объединил КПВ, РСФ и КРП. До марта 1921 г. споры о присоединении к Коминтерну велись в НАП. После того как конференция НАП со счетом 521 против 97 голосов отвергла это присоединение, несколько сот членов партии перешли в КПВ. Теперь у Коминтерна была партия в Великобритании числом в несколько тысяч членов со связями в рабочем движении¹. Но в 1921 г. в Европе уже наметился отлив волны этого движения.

* * *

В ноябре–декабре 1920 г. представители ИСРП провели в Москве переговоры с Исполкомом Коминтерна и консультации в его секретариате. 10 декабря Ленин объяснил испанцам, что они могут войти в Коминтерн только на основании 21 условия и решения съезда ИСРП неприемлемы. Таким был и официальный ответ Исполкома Коминтерна (ИККИ): Коминтерн — это не «клуб социалистов, которые желают жить, имея общий идеал»².

Делегаты ИСРП вернулись разочарованными не только в ответе Коминтерна, но и в результатах большевистского эксперимента, который де лос Риос подверг жесткой критике как бюрократическую диктатуру. В развернувшейся затем дискуссии сторонники присоединения ИСРП к Коминтерну проиграли.

9 апреля 1921 г. Чрезвычайный съезд ИСРП открылся для окончательного решения вопроса. Большинство отказалось присоединяться к Коминтерну. В ноябре 1921 г. они были объединены в Ком-

¹ Ундасынов И. Н. Коммунисты и Лейбористская партия 1919–1923. С. 80–90.

² Цит. по: Гарсия Х. Диктатура Примо де Ривера. М.: АН СССР, 1963. С. 80.

мунистическую партию Испании, но почти полтора десятилетия она оставалась небольшой и маловлиятельной.

В октябре 1920 г. IV и последний съезд НСДПГ обсуждал вопрос о Коминтерне. На съезд приехал Григорий Зиновьев, обрушивший на делегатов четырехчасовую речь. Оппонировать ему должен был один из лидеров меньшевиков Юлий Мартов, но из-за болезни его речь прочитал Александр Штейн. Мартов разоблачал подавление демократии и преследования социалистов большевиками. Большинство в 237 голоса против 156 съезд принял решение о вступлении в Коминтерн и объединение с КППГ. В декабре произошло объединение КППГ и НСДПГ под названием Объединенная КППГ (ОКППГ). Коммунистическая партия выросла с 79 000 до 448 500 членов¹. Правое крыло НСДПГ в 1922 г. вернулось в СДПГ.

В конце 1920 — начале 1921 г. до съезда, который должен был обсуждать 21 условие, из НРП вышло правое крыло во главе с Андерсом Буэном и Магнусом Нильсеном и основало Социал-демократическую партию Норвегии (НСДП). В марте 1921 г. XXV съезд НРП принял 21 условие с оговорками, согласованными с ИККИ.

Таким образом, к Коминтерну присоединились СФИО, ИСП, НСДПГ (ее большинство вошло в Объединенную КППГ), НРП, БСП, составившая основу КПВ, болгарские «тесняки» и др. Этот процесс расширения Коминтерна сопровождался размежеванием с правыми социал-демократами в каждом случае, когда за левыми шло большинство или меньшинство той или иной партии. Но левые социал-демократы в значительной своей массе не становились большевиками. Поэтому унификация рядов, организационных принципов и идеологии Коминтерна вела к дезорганизации структуры тех партий, которые «достались» Коминтерну. В перспективе это должно было сделать из секций Коминтерна инструмент единой мировой коммунистической политики. Но пока партии, вошедшие в Коминтерн, плохо годились на роль инструмента. Они были не инструментами, а союзниками Советской России. Стремясь как можно скорее получить инструмент, большевизм ослабил своего союзника в решающий момент мировой революционной волны.

Большой скачок на Восток

В середине апреля 1919 г. успехи сторонников Советской власти в Европе впечатляли. Красные стояли в Риге, Вильно и Киеве. Оча-

¹ Цафуски Ю. От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм». С. 116.

ги Советской власти образовались в Венгрии и Баварии. Бастовала и бунтовала Италия. Но затем все изменилось. Пали советские Вильно, Рига и Мюнхен, летом коммунистами была потеряна вся Украина, погибла Советская власть в Венгрии. Поход на Запад пока не удавался. Лидеров Коминтерна стала посещать мысль, а не зайти ли к противнику с тыла, через Восток, где кроются источники ресурсов империализма. В ноябре 1918 г. нарком по делам национальностей РСФСР Иосиф Сталин писал: «Там, на Западе, должны, прежде всего, разбиться цепи империализма, выкованные в Европе и душащие весь мир. Там, на Западе, прежде всего, должна забить ключом новая, социалистическая жизнь. В такой момент как-то “само собой” исчезает из поля зрения, забывается далекий Восток с его сотнями миллионов поработанного империализмом населения.

Между тем, забывать Восток нельзя ни на одну минуту, хотя бы потому, что он служит “неисчерпаемым” резервом и “надежнейшим” тылом мирового империализма... Задача коммунизма — разбить вековую спячку угнетенных народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом и лишить, таким образом, мировой империализм его “надежнейшего” тыла, его “неисчерпаемого” резерва.

Без этого нечего и думать об окончательном торжестве социализма, о полной победе над империализмом»¹.

Немалый опыт работы с мусульманским населением к этому времени у коммунистов накопился в ходе борьбы за советизацию Кавказа, Туркестана и Поволжья. Но вскоре активистов с противоречивым названием «коммунисты-мусульмане» стали нацеливать на решение международных задач. 4–12 ноября 1918 г. прошел I съезд коммунистов-мусульман. Приветствуя съезд от имени ЦК РКП(б), Сталин говорил: «В настоящий момент революционного пожара во всех странах, как на Западе, так и на Востоке... на вас, товарищи, как передовых борцов мусульманского народа, история возлагает величайшую исторической важности задачу. Вам верят, товарищи, и только вы можете послужить переводчиком между революционным Западом и поработанным Востоком, как мост, соединяющий все революции в единый революционный фронт против империализма... В этот величайший исторический момент на вас история возлагает высокой важности задачу — задачу проникновения в недра восточного народа социализма... ЦК не сомневается, что вы этот исторический долг переброски моста между социалистической западной и российской

¹ Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 4. С. 171–172.

революцией с одной стороны, и угнетенным Востоком — с другой, — вы этот долг исполните... В этих видах ЦК всероссийской партии коммунистов решил, что было бы целесообразно организовать коммунистические элементы Востока мусульманского мира в единую секцию всероссийской партии коммунистов»¹.

К тому же поддержка антиколониальных движений была и ответом на интервенцию. Так, уже в феврале 1919 г. НКВД оказывал финансовую помощь Корейскому национальному союзу и китайской «рабочей организации»², которые вели борьбу против Японии.

Внимание лидеров Коминтерна к Востоку привлекали и неприятности Британской империи. 20 февраля 1919 г. был убит афганский эмир Хабибулла. В борьбу за трон вступили его брат Насрулла и сын Аманулла, который 28 февраля был провозглашен эмиром в Кабуле. 3 марта Насрулла был арестован сторонниками Амануллы и в дальнейшем убит в тюрьме. Аманулла провозгласил полную независимость Афганистана от Великобритании. 3 мая афганские войска вторглись в Индию и взяли город Баг, который, впрочем, был быстро отбит британцами. Война продолжалась до 2 июня. 8 августа был заключен мир, признававший независимость Афганистана.

22 апреля 1919 г. прибывший в Москву посланник афганского эмира Маулана Баракатулла (он же — глава эмигрантского «временного правительства Индии») направил Ленину докладную записку, в которой предложил «оказать большевистскому правительству ценные услуги в борьбе с общим врагом большевизма и Ислама — Англией... В Афганистане удивительно счастливое стечение обстоятельств чрезвычайно благоприятствует развитию большевизма. Афганцы никогда не любили англичан, но последние путем щедрой денежной поддержки сохраняли свое влияние на правителей Афганистана. Последний эмир Хабибулла был англофилом, но, желая быть популярным в народе, играл двойственную роль. Новый эмир Аманулла-хан определенный англофоб. Он ни за что не вступил бы в сношения с англичанами, если бы можно было этого избежать. Он наш близкий и искренний друг, а это означает, что двери Индии широко открыты для русского правительства, если только оно сумеет немедленно использовать благоприятное стечение обстоятельств»³.

¹ Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва, 1918, 1919 годы. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 91.

² Коминтерн и идея мировой революции. С. 131.

³ Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 43–44.

7 мая состоялась беседа Ленина и Баракатуллы. Ленин не мог не понимать, что в Афганистане не может быть социальных причин для распространения большевизма. Однако лидеры большевизма считали, что антиимпериалистическое движение даже в таких архаичных странах способно стать стратегическим союзником большевиков.

22 ноября 1919 г. Ленин выступал на открытии II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока. Он по-прежнему делает ставку на революцию в странах Запада, уделяя Востоку вспомогательную, но важную роль: «Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит английский, французский и немецкий пролетариат, но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и, в первую голову, народов Востока»¹. По мнению М.А. Персица, «здесь очевидна огромная дистанция между этим утверждением Ленина и тем, о чем он заявлял в 1918 году, когда видел в западном пролетариате главную и, по сути, единственную опору мировой революции»². Как видно из высказывания Сталина годичной давности, эта мысль не была для большевиков новой. Ленин, впрочем, еще со времен работы «Пробуждение Азии» (1913) писал о важности союза пролетарского движения развитых стран и демократического движения азиатских стран. В 1919 г. Ленин пока ставит перед народами Востока задачу «борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»³. «Огромная дистанция» будет пройдена Лениным позднее, на II конгрессе Коминтерна.

Решительные практические шаги в этом направлении 5 августа 1919 г. предлагал Лев Троцкий. Он писал в ЦК РКП(б): «Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейских». То есть речь шла о военной акции, которая может «дать прямой толчок восстанию». Троцкий, ссылаясь на мнение «одного серьезного военного работника», предлагал сформировать для похода в Индию конный корпус в 30–40 тыс. всадников. Прямо мечта Павла I! Троцкий уверен: «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию», и «путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»⁴. Для решения этой

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 330.

² Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: Муравей Гайд, 1999. С. 24.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 329.

⁴ Коминтерн и идея мировой революции. С. 146–147.

задачи Троцкий предложил создать в Туркестане организационный центр, который «в ближайший период может оказаться гораздо более способнее Исполкома Третьего Интернационала»¹.

Историк М.А. Персиц комментирует этот документ: «Индийский вариант интервенции уже давно и преимущественно вынашивался в высших сферах Советского руководства, поэтому доклад Троцкого не стал для ЦК РКП (б) неожиданностью и, в принципе, безусловно, был им принят, хотя конкретного протокола заседания Политбюро ЦКРКП (б) по этому вопросу пока найти не удалось. Видимо, он все еще находится в особых папках недоступного для исследователей хранения. Но, в общем, это не столь важно, ибо существуют многие документы и факты, вполне подтверждающие высказанное утверждение»². Этот вывод слишком категоричен и приведенными документами как раз не подтверждается. А главное — военный удар по Индии не только не был нанесен, но даже не формировался для него и вышеупомянутый корпус. Так что о «безусловном принятии» плана Троцкого говорить не приходится.

20 сентября 1919 г. Троцкий снова обращается к теме действий на Востоке, но уже без привязки к Индии: «Мы должны перейти к политике решительности и стремительности на Востоке. Мы можем сейчас подорвать работу Англии по сплочению азиатских государств против нас, создав в Туркестане серьезную военную базу, для чего уже имеются достаточные элементы. Нужно немедленно же выбирать возможную линию удара и определить одно из цепи государств, которые Англия противопоставляет нам, поставить перед непосредственным ударом. Предъявить ультиматум о мире, подчинить своей воле, или нанести по нему удар»³. Очевидно, речь идет не об Индии, а о более близких целях, где еще Российская империя имела права на вмешательство: Иран, Бухара и Хива.

Троцкий предлагает назначить человека с широкими полномочиями, а также следующее: «Предписать Реввоенсовету республики сосредоточить в Туркестане материальные и персональные элементы для возможного с нашей стороны наступления из Туркестана на Юг»⁴.

М.А. Персиц так продолжает этот сюжет: «Человеком с исключительными полномочиями сначала был назначен член Реввоенсовета Туркфронта и председатель Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 147.

² Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. С. 21.

³ Цит. по: Там же. С. 22. Из цитаты убраны вставленные М.А. Персицем в квадратных скобках дописки, включая и Индию, упоминание которой здесь не обосновано.

⁴ Там же. С. 22–23.

РСФСР Ш.З. Элиава. Именно ему в Ташкент 16 октября направляет Ленин срочное директивное письмо. В нем, прямо продолжая мысль Троцкого, он требует «в Туркестане спешно создать, хотя маленькую, но самостоятельную [военно-промышленную] базу, [способную] делать патроны (станки посылаем), ремонтировать оружие и военное снаряжение, добывать уголь, нефть и железо»¹. Но это — совсем другая мысль — не об интервенции на юг, а о способности Туркестана и дальше держаться без поддержки извне.

Более того, Ленин не Индию собирается завоевывать, а через Индию и Персию устанавливать связи со сторонниками в странах Запада с целью закупки оружия для нужд Советской России. М.А. Персиц видит в этом «общность взглядов двух первых лиц Советского государства на задачи вооруженного экспорта революции в сопредельные с Россией страны Востока»². Хотя речь идет прямо об обратном — об импорте оружия для защиты РСФСР.

1 ноября 1919 г. в своей докладной записке «К афганскому вопросу» заведующий отделом Ближнего Востока НКВД, видный азербайджанский коммунист Нариман Нариманов писал Ленину: «Если б одна восьмая того, что до сих пор истрачено на Запад с целью пропаганды, истрачено была бы с этой же целью на Восток, [то] теперь Мусульманский Восток был бы под непосредственным нашим влиянием [...] Мы два года только заняты тем, что посредством радио “приготавливаем” общественное мнение на Западе, и это общественное мнение продолжает нас называть разбойниками, Восток же просит, умоляет нас о союзе, о помощи, а мы не только не обращаем вынимания, но даже в этом видим контрреволюцию под флагом “Панисламизма”...»³ Эти упреки также свидетельствуют о том, что в коммунистическом руководстве было пока далеко до восточных приоритетов.

Советская историография отрицала стремление Ленина прощупать штыком готовность народов Востока к революции. Российская историография занялась срыванием масок — иногда руками тех же историков. Так, М.А. Персиц в 1969 г. писал, что «В.И. Ленин решительно отвергал метод внесения революции [на Восток] военными средствами извне, отстаивая дело пропаганды и организации масс путем создания передовой революционной партии». И еще: «В.И. Ленин не раз указывал, что революцию нельзя экспортировать, что социальная революция возможна только после того, как она вполне созрела,

¹ Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. С. 23.

² Там же. С. 23–24.

³ Цит. по: Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. С. 50.

после того как пролетариат дифференцируется от своей буржуазии и будет подготовлен к тому, чтобы взять руководство борьбой [из рук буржуазии] в свои руки». 30 лет спустя он комментировал свою прежнюю позицию следующими словами: «Все так, если исходить из того, что было Лениным публично произнесено или опубликовано в открытой печати. Однако сказанное, написанное и содеянное им или с его санкции в сугубой тайне было принципиально иным. Об этом рассказано в новом издании: во-первых, и в основном, на примере событий вторжения Красной армии в Северо-Западную Персию под флагом помощи национально-освободительному движению Кучек-хана, во-вторых, на примере краткого изложения подготовки и осуществления вооруженного советского захвата Бухары и, в-третьих, еще короче — на фактах военного сотрудничества большевиков с мятежным феодалом Северо-Востока Персии Ходоу-ханом.

Все это, полагаю, позволило автору усилить аргументацию своего общего вывода, что ленинская теория национально-колониального вопроса в большой степени камуфлировала практическую восточную политику большевиков, сводившуюся к различным, по преимуществу вооруженным формам экспорта советской революции на Восток в целях ускорения создания азиатского фронта мировой социалистической революции»¹.

Изменив свои взгляды под влиянием новых архивных открытий, М.А. Персиц не изменил собственной категоричности, сильно «пересаливая» в оценках тех данных, которые стали ему известны. Мог ли он доказать, что политика коммунистов на Востоке в эти годы «сводилась» к экспорту революции? Или она, будучи более широким явлением, включала его — прежде всего в непосредственной близости от границ бывшей Российской империи, которые теперь служили плацдармом для действий против РСФСР? Эта политика была только экспортом революции, или сочетала его с «реальной политикой» в интересах нового российского государства? Все же следует различать стратегию большевизма в отношении Востока в целом (которая отражалась в том числе в публичных выступлениях Ленина) и силовых действиях в контексте противостояния интервенции, которые нарушали принципы этой стратегии, но в тех регионах, где вооруженная борьба развернулась в контексте гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Второе связано с первым, но первое не было просто камуфлированием планов вооруженного завоевания Востока, для которого как минимум не было достаточных вооруженных сил.

¹ Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. С. 9–10.

После первого приступа энтузиазма по поводу индийского похода эта идея была оставлена. Достаточно было переброски пропагандистской литературы и, по возможности, оружия пуштунским племенам, беспокоившим британцев в Индии. Для советского руководства отношения с Афганистаном являлись ресурсом, который можно было использовать не только для нападения, но и для примирения с Британией.

Советская Россия и независимый Афганистан признали друг друга. 21 августа 1919 г. в Кабул прибыло советское посольство во главе с дипломатом старой школы Николаем Бравиным, которого вскоре сменил большевик Яков Суриц. К этому времени эмир уже договорился с британцами о мире, и теперь Россия виделась не только союзником, но и угрозой.

В январе 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Георгий Чичерин писал председателю Турккомиссии ВЦИК Шалве Элиаве по поводу неосторожных высказываний туркестанских руководителей: «Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном, даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией. Он будет означать, что, если Англия нападет на Афганистан, мы должны будем объявить войну Англии. Между тем, заговорив о союзе, взять свои слова обратно — получается скандал. Вы нас поставили в крайне неприятное положение, надо исправить эту оплошность, вместо слова “союз” говорить — соглашение о взаимной помощи»¹.

С заключением советско-афганского договора нужно было спешить. Эмира и его окружение шокировало взятие Бухары Красной армией в сентябре (о котором речь пойдет в книге об «отливе» мировой революционной волны). А не стоит ли следующим на очереди Афганистан? Захватив Бухару и Хиву, осуществляя в Туркестане ускоренную модернизацию под коммунистическими лозунгами, Советская Россия приближалась к Афганистану и Индии, вызывая опасения уже не только у англичан, но и у афганской и других восточных элит. Захват Бухары ухудшил советско-афганские отношения, однако без него коммунисты не могли продвигаться к границам Британской Индии. А теперь коридор в Индию через Афганистан медленно закрывался.

Все же 13 сентября был подписан предварительный советско-афганский договор (ратифицирован в 1921 г.). Он не предусматривал союза, но провозглашал дружественные отношения, стороны признавали независимость друг друга и давали право транзита товаров.

¹ Цит. по: *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. С. 58.

Если раньше Афганистану за лояльность приплачивала Британия, то теперь Советская Россия согласилась оказать ему материальную помощь. Как пишет историк Ю.Н. Тихонов, «свержение бухарского эмира не сорвало подписание в сентябре 1920 г. первого советско-афганского договора, но “афганский коридор” для большевиков окончательно закрылся: в документе не было ничего сказано о ведении антибританской пропаганды; пункт о транзите оружия племенам “независимой” полосы Британской Индии был исключен. В дальнейшем при ратификации договора пришлось отказаться и от открытия советских консульств в Восточном Афганистане. Превратить Афганистан в плацдарм для подрывной работы среди приграничных племен Британской Индии на базе межправительственного договора большевикам не удалось».

Крах первоначальных планов и отказ Амануллы помогать Советской России в экспорте революции в Индию воспринимались многими в Москве и Ташкенте как временное поражение. Так, представитель НКВД в Средней Азии Давид Гопнер в октябре 1920 г. писал Чичерину: «Несмотря на враждебность, проявленную афганцами в связи со всеми последними событиями в Средней Азии, и вопреки потерянно-му нами в заключаемом договоре пункту о пропаганде, мы сумеем при известной настойчивости и предусмотрительной политике в Бухаре возродить себе фактическую возможность индусской работы в Афганистане». Действительно, как свидетельствуют архивные документы, возможность вести нелегальную антибританскую деятельность в Афганистане для Советской России по-прежнему сохранялась¹. Еще в марте 1921 г. бывший генерал-адъютант Алексей Брусилов докладывал Совету труда и обороны план похода на Индию². Но в это время уже началась нормализация советско-британских отношений.

Для Афганистана в отношениях с Советской Россией главным мотивом было военное сотрудничество: создание авиашколы, поставки самолетов и винтовок. Несмотря на требования Чичерина к руководству РККА, поставки задерживались, а Аманулла при этом терял стремление сдерживать басмачей. Возникал замкнутый круг — при активизации басмачей тормозились поставки советского оружия в Афганистан, чтобы оно не попало к басмачам.

* * *

Пока Советская власть боролась за выживание, используя Красную армию для советизации народов бывшей Российской империи

¹ Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. С. 62.

² Коминтерн и идея мировой революции. С. 149.

и сопредельных с ней территорий, не сбрасывались со счетов и амбициозные глобальные планы, в которых Красная армия физически не могла сыграть решающую роль.

Позицию Коминтерна в отношении революции на Востоке должен был сформулировать его II конгресс. К 5 июня Ленин подготовил проект тезисов по национальному и колониальному вопросам. Ленин опирается на советскую практику национально-административной реорганизации пространства бывшей Российской империи: «7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)»¹. Ленин считает, что федерация — переходная форма на пути к полному единству жителей мира, но она позволяет соединить вместе народы, находящиеся на разном уровне развития — от Азербайджана до Латвии. А это необходимо сделать, чтобы сохранить экономический комплекс, в котором для промышленности Москвы, Петрограда и Донбасса требовались ресурсы Азербайджана и Туркестана.

Более цинично при обсуждении ленинских тезисов вопрос поставил руководитель агитпропа ЦК РКП(б) Евгений Преображенский. Он писал, что для экономики нескольких социалистических стран, когда и если они образуются, потребуется «поступление сырья из колоний». Однако вполне возможно, что на Востоке к тому времени еще не победит коммунистически настроенное меньшинство, а национально-буржуазное руководство не захочет добровольно присоединиться к союзу социалистических стран. В этом случае, считает Преображенский, «необходимо подавление их силой и насильственное присоединение экономически важных районов [Востока] к союзу европейских [соц.] республик». Здесь Ленин с возмущением пишет на полях снизу страницы: «Через край хвачено, недоказуемо и неправильно сказать, что “неизбежно” “подавление силой”. В корне неверно»².

Ленин отсылает Преображенского к 12-му пункту своих тезисов, где написано: «Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистическими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угне-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 164.

² Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. С. 38.

тающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций». Из этого и из наличия национальных предрассудков, обусловленных отсталостью, следует «обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков»¹. На Востоке нужно действовать пока осторожно, убеждением, но это вопрос тактики, а не принципа.

Опыт борьбы за Туркестан, население которого было далеко от постановки социалистических задач, показал, что коммунисты не очень-то церемонились с национальными «предрассудками» там, где могли опираться на вооруженную силу Красной армии². Но и там это привело к ожесточенному сопротивлению в виде басмаческого движения. Так что 12-й пункт тезисов Ленина касается и уже советизированных территорий.

Однако перспективы продвижения Красной армии близки к пределам возможностей. Так что дальнейшее разрушение позиций империализма на Востоке — дело зарубежных коммунистов и их союзников. Для коммунистов, действующих за пределами бывшей Российской империи, Ленин ставит такие задачи: «11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду: во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях»³. Таким образом, Ленин тоже предполагает сохранение и укрепление связей метрополии и колоний, но на благородной и интернациональной основе, равноправного федерализма, а не покорения. Следовательно, система Советов должна быть распространена и на преимущественно аграрные страны. Это было естественным продолжением советского опыта — разумеется идеализированного.

Ленин предлагает приложить основные начала советского строя к странам с господством докапиталистических отношений путем создания «Советов трудящихся и т. п.». При этом коммунистические

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 167.

² См., например: Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. М.: Питер, 2017. С. 354–371.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 166.

организации не должны растворяться в национально-освободительном потоке: «Необходимость решительной борьбы с прекращением буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»¹. Это позволит позднее провести с «попутчиками» ту же операцию, что большевики проделали с другими революционными партиями после победы Октября.

Идея поддерживать национальные буржуазные движения подверглась критике. Преображенский считал, что победивший пролетариат передовой страны «должен поддерживать в отсталых странах не национально-революционную буржуазию, возглавлявшую национальное восстание» своего народа, «а только хотя бы самое ничтожное, но коммунистически настроенное меньшинство, и поддерживать его вплоть до захвата им власти против большинства, руководимого буржуазными националистами». Если коммунистически настроенного меньшинства вообще нет, нужно осуществить «разгром националистической верхушки». Ссылаясь на опыт басмачества, Преображенский вообще считает, что «неправильно преувеличивать революционное значение национальных восстаний в колониях»². Но Ленин понимает, что коммунисты на Востоке еще очень слабы, а Красная армия не может завоевать Восток. Значит, нужны союзники, и ничего иного, кроме национальных движений, не остается.

Авантюризму Преображенского противостоял не только Ленин, но и сторонники еще большей осторожности, в том числе Троцкий, который уже не рвался в Индию и при обсуждении ленинских тезисов ко II конгрессу Коминтерна писал: «Все данные о состоянии Хивы, Персии, Бухары, Афганистана свидетельствуют о том, что советский переворот в этих странах в данный момент причинил бы нам величайшие затруднения...», поскольку «до упрочения положения на Западе

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 167.

² Цит. по: Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. С. 40.

и улучшения нашего промышленного и транспортного состояния советская экспедиция на Востоке» может оказаться не менее опасной, чем война на Западе»¹. М.А. Персиц комментирует: «Троцкий явно имел в виду неудачи на польском фронте. Но Ленин не видит такой опасности и на полях вопрошает: “чем?”, т. е. в чем же опасность?»² Однако на польском фронте в это время дела как раз шли хорошо. Так что вопрос Ленина законен. За этим диалогом — разногласие между теми советскими лидерами, которые в сложившейся в 1920 г. ситуации были настроены оборонительно, на продолжение передышки (из этого исходил Троцкий), и теми, кто считал возможным прощупать штыками готовность соседних народов к революции. Это касается и Польши, и Ирана.

Троцкий, представляя в этом диалоге «голубей», считает: «Потенциально советская революция на Востоке для нас сейчас выгодна главным образом как важнейший предмет дипломатического товарообмена с Англией». Нужно «столковаться с Англией относительно Востока»³.

«Ленин же в такую возможность “столковаться” не верит и на полях пишет: “Красин [в переговорах с Ллойд Джорджем] это делает, но это безнадежно”. Таким образом, Ленин оставался сторонником военного воздействия на Восток и предложения Троцкого не принял. Интервенция в Персию продолжалась»⁴, — комментирует М.А. Персиц. Здесь нужно упомянуть, что советские действия на территории Ирана начались как продолжение борьбы с белыми, которые увели каспийские корабли в Энзели под крыло британцев. 18 мая 1920 г. Волжско-Каспийская флотилия красных захватила корабли и сам порт Энзели, что активизировало местных повстанцев, провозгласивших 5 июня Гилянскую советскую республику (в дальнейшем Персидскую). Летом 1920 г. эта советская интервенция еще только начиналась, и подробнее мы обратимся к судьбе «Советской Персии» в книге об отливе революционной волны.

В принципе, Ленин, как и Троцкий, был не прочь сторговаться с Великобританией. Но для этого нужны были козыри, в том числе — угроза английским позициям в Иране. К тому же в это время у Ленина возникли наступательные настроения в связи с успехами в советско-польской войне. В этих условиях Ленин отложил «размены» с Британией до лучших времен.

¹ Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. С. 36.

² Там же.

³ Цит. по: Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 36–37.

Выступая на конгрессе, Ленин объяснял: «Практическая работа русских коммунистов в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении. В этих странах почти нет промышленного пролетариата. Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять на себя роль руководителей»¹. Сказано откровенно. Но как организовать эту толщу отсталых народов? «Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю. И одна из важнейших наших задач теперь — подумать над тем, как положить первый камень организации советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими Советами или Советами трудящихся... Начало советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов»².

Эта идея вдохновляла коммунистов Востока — вот-вот они встанут вровень с Советской Россией, окажутся частью братской Советской федерации. Но смущало, что Ленин толкает их к союзу с буржуазными националистами, отмежевываясь от которых коммунисты обрели свою идентичность.

На II конгрессе Коминтерна ленинской идее союза с буржуазно-демократическим движением оппонировал индийский коммунист Манабendra Рой. В 1915 г. он покинул Индию как радикальный националист и антибританский заговорщик, в 1916–1917 гг. жил в США, где увлекся марксизмом, потом бежал в Мексику, где принял участие в создании Социалистической партии и сблизился с советским эмиссаром Михаилом Бородиным. Благодаря этому знакомству Рой отправился в Москву представлять Индию. Он был неофитом марксизма и отстаивал классовый подход ортодоксально. Союз с буржуазией был для него неприемлем.

Уже смягчив свою позицию после общения с Лениным, Рой продолжал настаивать на конгрессе: «До последнего времени в колониях имели место только национально-революционные движения буржуазии, единственная цель которой заключалась в том, чтобы вытеснить иноземных эксплуататоров и самой эксплуатировать трудящиеся массы»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 244.

² Там же. С. 234.

³ Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 105–106.

В докладе комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля Ленин говорил: «Мне хотелось бы особенно подчеркнуть вопрос о буржуазно-демократическом движении в отсталых странах. Именно этот вопрос вызвал некоторые разногласия. Мы спорили о том, будет ли принципиально и теоретически правильным заявить, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии должны поддерживать буржуазно-демократическое движение в отсталых странах, или нет; в результате этой дискуссии мы пришли к единогласному решению о том, чтобы вместо “буржуазно-демократического” движения говорить о национально-революционном движении. Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах. Но тут приводились возражения, что если мы будем говорить о буржуазно-демократическом движении, то сотрется всякое различие между реформистским и революционным движением»¹. Интерпретируя таким образом итог своей дискуссии с Роем и другими противниками сотрудничества с восточным буржуазным национализмом, Ленин остается ортодоксальным европейским марксистом, для которого крестьянство в любом случае буржуазно. А крестьянство может быть и добуржуазно, и внебуржуазно. Выступая на конгрессе, Ленин сам признавал это, говоря о Туркестане.

Рой, как неофит марксизма, не желает сотрудничать с буржуазными движениями, с самодовольной национальной элитой. Но как человек, знающий Восток, он понимает, что здесь ничего нельзя сделать без крестьянства. Ленин, которого продолжает интересовать и потенциал националистических элит, готов уступить в этом пункте коммунистам Востока.

«Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 243.

В комиссии это было неопровержимо доказано, и мы сочли единственно правильным принять во внимание это различие и почти всюду заменить выражение “буржуазно-демократический” выражением “национально-революционный”. Смысл этой замены тот, что мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет налицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против реформистской буржуазии, к которой принадлежат и герои II Интернационала. Реформистские партии уже существуют в колониальных странах, и иногда их представители называют себя социал-демократами и социалистами»¹.

На западном направлении у Ленина были основания опасаться, что левое крыло западной социал-демократии может «переварить» коммунистов в случае слишком тесного сближения — на стороне левой социал-демократии в общении с коммунистами был опыт и проработанная теоретическая база. На Востоке Ленин чувствовал себя более уверенно, здесь марксизм становился новым откровением для приобщавшихся к рациональному мышлению прогрессистов, а посланники с Севера могли выступать в роли гуру, несущих с собой самое передовое из передовых западных учений, к которым на пробуждающемся Востоке была большая тяга. Слишком сильно отмежевываться от национализма было неудобно. Вчерашний незрелый националист мог в одночасье превратиться в адепта коммунизма, как это произошло с Роем. К тому же Ленин очень рассчитывал на антиимпериалистические диверсии в тылу Антанты, которыми коммунисты могли бы если не управлять, то во всяком случае серьезно на них влиять. А при установке на размежевание с буржуазной демократией это было бы трудно. Но, как и с синдикалистами, Ленин решил поступать с восточными радикалами как мудрый учитель — для начала уступить, а потом постепенно переубедить на практике.

Итогом обсуждения в комиссии стали «Дополнительные тезисы», которые не покушались на структуру ленинских тезисов, но дополняли их. Компартии очень слабы, через них управлять взбудораженным человеческим морем Востока не удастся. Поэтому «Дополнительные тезисы» вводят понятие «революционных партий, которые работают в тесном контакте с рабочими массами» (и ничего, что и буржуазные националисты с ними тоже работают). «Коммунистическая партия

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. С. 244.

должна входить в контакт с революционным движением в колониях через посредство этих партий и групп, ибо они служат авангардом рабочего класса». Но действовать через посредство таких партий очень трудно без слияния с ними. Поэтому предполагается, что даже пока революция на Востоке еще ставит скромные реформистские буржуазные задачи, необходимо перехватывать инициативу у буржуазных демократов и создавать Советы¹.

Европейские левые социал-демократы отнеслись к этому восточному курсу скептически. Серрати сначала воздержался, не желая множить разногласия, а когда его буквально вытащили высказываться, заявил, что предпочел бы ограничиться такой резолюцией: «Конгресс шлет самый горячий братский привет народам, страдающим под гнетом империалистских держав. Он выражает угнетенным народностям то искреннее и действенное свое сочувствие, которое он питает ко всем эксплуатируемым в борьбе против их угнетателей, и заявляет, что, в своей борьбе с игом капитализма, рабочий класс имеет право использовать всякие национальные восстания, чтобы довести их до социальной революции». Комментируя эту сдержанную и не новаторскую позицию, Серрати говорил: «Моя мысль здесь совершенно ясна. Вместо того, чтобы сказать: “Коммунистическая партия и рабочий класс могут, в определенных случаях, при известных условиях и гарантиях, объединяться с мелкобуржуазными движениями”, я говорю: “Нет, рабочий класс может использовать революционное движение буржуазного характера, чтобы заставить его вылиться, в конечном счете, в социальную революцию. Но он никоим образом, в особенности в отсталых странах, не может поддерживать буржуазного класса под угрозой потери своей классовой позиции и своей классовой ориентации, тем более, что в отсталых странах, где у пролетариата нет еще твердого социального сознания, где он часто слепо следует за своими вождями, ему легче сбиться со своей классовой позиции, чем в странах передовых”»². На Востоке, согласно азам марксизма, еще рано бороться за социализм. Еще вопрос, насколько к нему готовы Россия и Италия. А в более отсталых странах нельзя позволять использовать едва нарождавшееся рабочее движение в интересах местной буржуазии.

Но Ленин, имея опыт победы в борьбе за власть, понимал, что «пролетарская» партия не может победить без союзников. Это, кстати, касалось и Италии. А в мировом масштабе нужно было либо отказаться от влияния на Востоке на века, либо вступать в тесный союз

¹ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 131–132.

² Второй конгресс Коминтерна, июль–август 1920 г. С. 159.

с теми национальными «буржуазными» силами, которые готовы равноправно сотрудничать с коммунистами. Это позволит быстро установить Советскую власть в странах Востока. А что дальше?

На конгрессе Ленин сообщал: «В комиссии велись довольно оживленные дебаты не только в связи с тезисами, подписанными мной, но еще более в связи с тезисами тов. Роя, которые он здесь будет защищать и к которым некоторые поправки были единогласно приняты. Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовывать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

В «Дополнительных тезисах» подчеркивалось, что буржуазно-демократическое националистическое движение и борьба рабочих и крестьян против эксплуатации уже удаляются «друг от друга с каждым днем». Поэтому после свержения империалистического господства в странах Востока не требуется переход к капитализму, а необходимо сразу создавать организацию рабочих и крестьян, которую вести к «основанию Советской республики». «Таким образом, в отсталых странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых стран»². Это был серьезный вызов ортодоксальному для того времени марксизму. Оказывается, к коммунизму можно идти не на основе развитого капиталистического общества, а хоть из Средне-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 245–246.

² Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 131.

вековья, где подавляющее большинство населения — не пролетарии, а крестьяне. Главное, чтобы коммунисты внесли правильное сознание в массы и подключили через Советы революционную страну к «пролетарскому» европейскому советскому центру. Правда, существующий советский центр тоже пока не пролетарский, а рабоче-крестьянский даже по названию, и коммунистический режим опирается на страну, где большинство населения — крестьянство.

Возникающая теория «некапиталистического развития», где место буржуазии занимают коммунистические организаторы, была продолжением ленинских поправок к марксизму 1905–1917 гг., с помощью которых можно было объяснить, каким образом Россия с не самым развитым капитализмом, осуществит скорейший переход к пролетарской революции и социалистическим задачам. Теперь, под давлением товарищей с Востока, был сделан следующий шаг: если пролетариат России (точнее — выступающая от его имени партия) может повести к коммунизму многомиллионные крестьянские массы, то почему бы пролетариату Европы (точнее — действующему от его имени Коминтерну) не повести туда же крестьянские массы Востока? А для начала — натравить их на империалистических хищников.

Таким образом, в обсуждении Ленина, Роя и других участников конгресса был сделан важный шаг от классического марксизма к народничеству. Крестьянство может быть революционно, и при этом бороться не за капиталистическое, а за посткапиталистическое общество. Возможно движение к социализму вообще в обход капитализма. Сколько копий сломали марксисты, включая самого Ленина, доказывая, что это невозможно. Конечно, Ленин выступал не за такой же социализм, что и народники — сторонники самоуправления и последовательного федерализма на всех уровнях организации общества. Но в вопросе о движении к социализму Коминтерн признал правоту их главного тезиса.

Джачинто Серрати не зря возражал против смешения коммунистического проекта с национально-освободительным движением. Российские коммунисты и без того шли к коммунизму слишком «по-азиатски», авторитарно, игнорируя некоторые основы марксизма и отбрасывая демократические традиции европейской социал-демократии в пользу деспотических традиций Азии. Каков же будет путь к коммунизму стран Востока, где с демократическими традициями и культурно-историческими предпосылками дело обстоит еще хуже? Уже сейчас большинство коммунистов — из России, а не из Западной Европы. А как будут приниматься решения в Коминтерне, если массовыми станут компартии Индии, Китая и других стран Востока? Какое место в Коминтерне после этого будет занимать левая демо-

кратическая традиция, которая пока развивалась преимущественно в Европе? Не говоря о резком противоречии между учением Маркса и идеей перескочить из феодализма в коммунизм через капитализм!

Но эта, казалось бы, утопическая постановка вопроса оказалась наиболее реалистичной и продуктивной в коммунистическом проекте, который способствовал индустриальной модернизации тех стран, где с этой задачей не справлялся капитализм. Большой скачок через капитализм в дальнейшем определил судьбы многих народов Евразии в XX в. Под словом «социализм» в России и на Востоке стали понимать не преодоление разделения на господствующие и трудящиеся классы, а преодоление западного капитализма и частной собственности в пользу господства государственной иерархии и государственной собственности. С известной степенью обобщения можно сказать, что разная степень этатизма, огосударствления отличала азиатские и западноевропейские страны на протяжении веков. В древности и Средневековье это было различием нескольких вариантов аграрного общества. Теперь коммунистический курс на большой скачок через капитализм на Востоке намечал принципиальное различие в путях индустриального перехода — капиталистическом и бюрократическом, этатистском. Второй путь, часто осуществлявшийся под красным знаменем коммунизма, игнорировал безгосударственный коммунистический идеал и выдвигал вперед ценности государственности. Коммунистический проект искал союзника в глобальном противостоянии западным империалистическим центрам, а нашел опору своего антикапитализма в восточных традициях огосударствления, которые серьезно повлияли на самую суть преобразований, проводившихся коммунистами в XX в. не только на Востоке, но и по всему миру — от Китая до Кубы.

Глава 5. Интервенты и их СОЮЗНИКИ

22 октября 1918 г. Ленин выступил с докладом на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и ФЗК. Он предложил слушателям парадокс: «Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, чем теперь»¹. Это сказано после Брестского мира, летне-осенних сражений Гражданской войны, после покушения на него лично. Что за угроза нависла над большевиками, когда они уже утвердились в центральных регионах России? Ленин не отвечает сразу, а обрушивает на слушателей множество оптимистических новостей: революция вспыхнула в Болгарии и Сербии. Австро-Венгрия распадается, и буржуазия там не удержится, потому что «везде стучится в двери рабочая революция». Немного торопя события, Ленин даже утверждает, что в Германии началась революция². И ведь действительно через две недели Ноябрьская революция свергнет монархию. Советскую республику приветствуют на социал-демократических и рабочих собраниях и в странах Антанты. «Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата!»³

Гром аплодисментов — слушатели уже забыли об угрозе, которую Ленин анонсировал в начале речи. Но «чем ближе мы подходили к мировой пролетарской революции, тем больше сплывалась контрреволюционная буржуазия»⁴. Это выглядит как упражнение в диалектике. Но Ленин делает из него практический и весьма реалистический вывод: следует ждать нападения англо-французских сил с юга, через Дарданеллы. Этот прогноз в ближайшее время осуществится. Ленин-прагматик понимает нечто, что не умещается в пропагандистскую схему. Конечно, Россия не является для империалистов главной головной болью. Но скоро вопрос о российской революции снова встанет в повестку дня Антанты, потому что закончится Первая мировая война. Империализм объединится, будет создаваться

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 111.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 117.

послевоенный мировой порядок, в котором Советской России не может быть места. Значит, предстоит полномасштабная интервенция Антанты и уже подчиненной ей Германии против инородного образования, которое не вписывается в мировой порядок. Раньше можно было играть на межимпериалистических противоречиях, а теперь они на время исчезнут. И это — огромная опасность.

Подобной опасности можно противопоставить только восстание, революцию. Но до революции в странах Антанты нужно еще продержаться, предстоят тяжелые бои. «Южный наш фронт не есть фронт единичный, — это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире, но мы его не боимся, так как знаем, что ему самому не удастся справиться со своим внутренним врагом... Рабочие созрели, чтобы знать эту правду. Мы должны победить не только белогвардейцев, но и всемирный империализм»¹.

Война Советской России и Антанты вступает в новую фазу. Сильнейшие державы мира могут навалиться на раздираемую Гражданской войной Россию. Что может помешать победить тем, кто победил саму Германию?

Ленивая интервенция

Термин «интервенция» имеет негативную коннотацию и потому его употребление может различаться в зависимости от идеологической позиции автора. Для одних выступление чехословацкого корпуса против Советской власти — это интервенция Франции и Чехословакии. А для других взятие Риги латышскими стрелками — российская интервенция в независимой Латвии.

Во избежание лишних пререканий, мы будем называть интервенцией в Гражданскую войну на территории бывшей Российской империи действия войск тех государств, столицы которых прежде не входили в состав этой империи и которые не находились с Россией в состоянии войны во время Первой мировой. При таком конкретном толковании термина «интервенция» — это вмешательство извне в события на пространстве распавшейся империи.

Ко времени Компьенского перемирия интервенция Антанты и ее союзников в России шла уже несколько месяцев. Она начиналась скромно и даже с согласия советского правительства в марте, а в июне–июле 1918 г. переросла в войну против коммунистического режима на севере и востоке России, где союзниками Антанты были

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 124–125.

российские правительства социалистов, социал-либеральных коалиций и белое движение, которое в 1919 г. уже возобладало в российском антисоветском лагере¹.

Белые были не просто союзниками Антанты, но младшими партнерами. Можно ли их считать сателлитами, действующими на территории России в интересах иностранных держав? Мы увидим, что для сателлитов белые лидеры были слишком строптивы. Но при всех разногласиях между Антантой и белым движением их связывало общее понимание основ социального устройства, базирующегося на частной собственности и включении России в сферу глобального капитализма. А в этой системе Россия как страна с периферийным капитализмом и незавершенной модернизацией была обречена на зависимость. Как были зависимы от Антанты белые правительства — при всей формальной государственной независимости и великодержавной гордости. Когда большевики продемонстрировали готовность тоже включиться в эту систему, лидеры Антанты, особенно Ллойд Джордж, стали охладевать к поддержке белого движения.

Но в конце 1918 — начале 1919 г. у Антанты ощущался избыток сил, высвободившихся после капитуляции Германии, а также горы оружия и боеприпасов. Почему бы не использовать эту силу для наведения порядка к востоку от Германии? Тем более что теперь можно было атаковать большевиков не только с севера и востока, но также и с юга и запада — со всех сторон. Правда, это приводило к распылению сил, но они были многочисленны.

По британским данным, к февралю 1919 г. силы интервентов в России превышали 200 000 солдат и офицеров, из них: 80 000 японцев, 44 600 британцев, 42 000 чехов и словаков, 13 700 американцев, 13 600 французов, 3 000 итальянцев, 3 000 греков, 2 500 сербов. Японский контингент иногда значительно превышал сто тысяч². В январе 1919 г. в Закавказье находилось 20 000 британских военнослужащих. Затем группировка выросла до 30 000³. В Сибири и на Дальнем Востоке в марте 1919 г. действовало помимо чехов и словаков 7 500 американцев, по 4 000 канадцев, сербов и румын, 2 000 итальянцев, 1 600 британцев и 760 французов⁴. В сентябре — 9 000 американцев, по

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2018.

² Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987. С. 53–55.

³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 228.

⁴ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: документы и материалы. Владивосток: Дальневосточное отделение РАН, 1995. С. 82.

1500 британцев и итальянцев и 1100 французов¹. В июле в интервенции на востоке России участвовало уже около 10 000 американцев, а всего в России побывало 13 000 американских солдат².

Учитывая, что войска этих держав прошли горнило мировой войны, эти цифры выглядят грозно. Но у командования Антанты было очень мало времени, ибо ее мощь таяла, как весенний снег. Война с Германией и ее союзниками, воспринимавшаяся во Франции и Англии как защита родины, закончилась. «Война после войны» была непопулярна. Миллионы солдат стремились к демобилизации. Военная прогулка с целью наведения порядка — это хорошо, но новая изнурительная война, да еще вдали от родины — невозможно.

Командир одного из двух британских батальонов в Сибири Джон Уорд возмущался, что американцы предпочитали не вести активных военных действий против партизан. В районе Сучана они заключали с партизанами соглашения о создании нейтральных зон. Под прикрытием этих зон партизаны могли нападать на белогвардейцев, японцев и даже самих американцев. Полковник Уорд возмущался: «Вместо того, чтобы с корнем вырвать это гнездо пиратов, некоторые указывали на необходимость более широкого и обязывающего соглашения между американцами и Красной гвардией для избежания таких достойных сожаления происшествий»³. Но другие интервенты тоже не смогли вырвать эти «гнезда», а в 1920 г. и японцы вынуждены были пойти на соглашение с партизанами. Батальон Уорда, впрочем, не воевал, а его командир проводил лекционные турне о преимуществах британской профсоюзной системы. Контингенты интервентов, как правило, не выдвигались к Восточному фронту Красной армии. Разве что под Уфой британские моряки с крейсера «Суффолк» во главе с капитаном Вульфом Мюрреем сражались против большевиков на бронепоездах вплоть до января 1919 г.⁴

В общей сложности США потеряли в этой войне 222 человека⁵. Расходы на интервенцию составили 11 млн долларов. Различным антибольшевистским властям американцы выплатили кредитов на сумму 179 млн⁶. К 15 сентября 1919 г. затраты Великобритании на интервен-

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 230.

² Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 343; Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь Мир, 2015. С. 125.

³ Уорд Дж. Записки начальника английского экспедиционного отряда в Сибири 1918–1919 гг. М.: Вече, 2018. С. 215–219.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. С. 125.

⁶ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. С. 369–370.

цию составили 100 млн фунтов, а Франции — 30–40 млн¹. Впрочем, как мы увидим, кое-что удалось компенсировать за счет ресурсов и золота бывшей Российской империи.

Историк Е.Ю. Сергеев пишет: «Целый ряд военных формирований британской армии общей численностью около 27 тыс. чел. (на 21 апреля 1919 г.) принимал участие в боях против частей РККА на севере и юге Европейской России (соответственно 10,7 и 4,8 тыс.), в Сибири и на Дальнем Востоке (1 тыс. и 4,5 тыс.), а также на Кавказе и в Туркестане (1 тыс. и 4,8 тыс. чел.)»². Это составляло около половины британского контингента, но эти войска действовали в целом крайне вяло, выделяя для активных боевых действий довольно незначительную часть войск.

Настроения французов и британцев в конце 1918 г. были связаны с двумя понятиями — усталость и ответственность. Они устали от затянувшейся тяжелой войны и эйфорически радовались наступившему миру, причем победному. Но оборотной стороной победы была ответственность за послевоенное мироустройство, где Франция, Великобритания и США сохраняют гегемонию, обезопасив Европу от нового кровопролития. Усталость препятствовала проведению новых военных операций, ответственность же на них настаивала. Только сделать это требовалось быстро — французы и британцы слишком устали от войны, чтобы вступать в новые длительные и напряженные боевые действия.

Интервенция могла быть успешной, если бы для свержения большевизма хватило только слабого толчка. Если из Парижа и Лондона большевизм мог казаться неустойчивым наносным явлением, то внимательный французский наблюдатель отмечал его глубокую укорененность в российскую традицию. Так, сотрудник французской военной миссии в России и добрый католик Пьер Паскаль, проникшийся симпатией к русской культуре и революции, писал в мае 1918 г.: «Пасхальная полуночная служба. Вместе с товарищами иду на удачу в Кремль... Мы прошли, не раскрывая рта, как, впрочем, и вся публика; миновали несколько постов охраны, и вот — Успенский собор... Это Россия. И солдатская масса, воины Красной армии со звездочками на фуражке, острижены по уставу, серьезные и суровые — даже вон тот, несомненно командир, поскольку при сабле, во френче с тесным, широко расстегнутым воротником — все это православная Россия в новой форме»³.

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 171.

² Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. С. 196.

³ Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург, 2014. С. 473–474.

Но это была и Россия красного террора, что стало аргументом за интервенцию даже для демократов и социалистов. А.А. Вершинин приводит такой эпизод из 1919 г.: «19 февраля с высокой трибуны заседания одной из парижских секций соцпартии Ренодель и Самба фактически оправдали интервенцию, возложив на большевиков ответственность за “ужасную бойню”, которая происходила на территории бывшей Российской империи, и прямо обвинив их в установлении диктатуры и организации террора. “Но у нас самих разве не было террора в [17]93 г.?” — послышался из зала вопрос с явным намеком на якобинский период Французской революции. “Никто не может сравнивать революцию, произошедшую более 100 лет назад, и те события, которые мы наблюдаем сейчас в России. Люди с тех пор изменились”»¹. Но изменились даже не все французы, и половина социалистов Франции смотрела теперь на Москву как на новую землю обетованную.

Революция стала зеркалом для французской политической культуры, на фундаментальном уровне которой находятся национальный праздник День взятия Бастилии 14 июля и гимн «Марсельеза». Воевать против революции, которая явно походила на французскую и даже сознательно куталась в ее словесные одежды (комиссары, трибуналы да и сам террор), — это значило бросать вызов собственным ценностям. И столетняя дистанция ничего не меняла, ведь Россия считалась страной отсталой, и она лишь сейчас созрела до того состояния, которое Франция переживала в конце XVIII в. А история свидетельствовала, что в те времена революционный народ одерживал победы над контрреволюционными армиями. И это было предупреждением против интервенции.

Таким образом, отношение к российской революции и интервенции раскалывало французскую общественность на фундаментальном уровне. Радикальные демократы и социалисты видели в позиции современной Франции возвращение к контрреволюционной традиции. Но и с прагматической стороны вторгаться в этот растревоженный муравейник было крайне рискованно — большевики уже показали, что не падут от слабого толчка. Зато опыт французской революции подсказывал, что они так или иначе вернутся на путь мировой цивилизации. Если правы демократы и российская революция аналогична французской, то наступит термидор. Если верны представления правых, то возьмет верх российская традиция, которая «переварит» большевизм, и он останется в российских пределах.

¹ Вершинин А.А. Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. С. 40.

Аналогичные соображения не были чужды и британцам, которые устали от войны, с одной стороны, и должны были теперь сражаться за сохранение империи на пространстве от Ирландии до Месопотамии — с другой. Не хватало тут еще и России. Величие Великобритании и Франции как гарантов нового порядка требовало скорее символического, чем полномасштабного вмешательства, а также поддержки «сил термидора» в случае, если эту роль смогут выполнить белые генералы. Не лишним было приобретение силовых позиций на территории распавшейся Российской империи, пока не были урегулированы вопросы, связанные с выплатой российского долга и послевоенным переделом. Но это не те цели, ради которых стоило проливать французскую и английскую кровь.

Уже по соглашению от 23 декабря 1917 г. Франция должна была действовать на Украине, а Великобритания — восточнее.

27 октября 1918 г., еще до победы в Первой мировой войне, Жорж Клемансо дал распоряжение главнокомандующему союзных армий на Ближнем Востоке генералу Луи Франше д'Эспере готовить операции на юге России. В штаб командующего французским контингентом в Румынии генерала Анри Бертело прибыл его старый знакомый, в прошлом фактический командующий Румынским фронтом, а теперь представитель главнокомандующего белой Добровольческой армией Антона Деникина генерал Дмитрий Щербачёв. Как он сам полагал, ему удалось договориться о скорейшем выдвижении войск Антанты в Киев, Харьков, Донбасс и на Кубань. Под прикрытием союзников на этой территории будет сформирована русская армия для наступления на Москву¹. Как говорится в секретном докладе «Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования», изданном Управлением генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), генерал Деникин считал, что для выполнения этой задачи достаточно 18 пехотных и четырех кавалерийских дивизий, которые «ни в каких активных действиях участвовать не будут и лишь обеспечат операции русских армий»². Правда, до мая 1919 г. армия Деникина так и не развернула серьезного наступления в сторону Украины и Москвы. Деникин ждал расширения интервенции, а интервенты не собирались участвовать в «активных действиях».

16–23 ноября 1918 г. в Яссах собрались российские политики, представлявшие сторонников Всероссийского временного правительства («Уфимской директории») и более правых группировок.

¹ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования // Архив русской революции. Т. 16. М.: Терра, 1993. С. 234.

² Там же. С. 236.

Они должны были выработать политическую формулу власти, которую может поддерживать интервенция. Ведь Антанта вводила войска в Россию во имя поддержки «законного правительства», а такового не существовало даже с точки зрения части антисоветских сил, которые Директорию не признавали. 18 ноября, в разгар дискуссии, относительно легитимная Директория пала жертвой государственного переворота в далекой Сибири, где была установлена диктатура адмирала Александра Колчака, претендовавшая на всероссийскую власть, но в этом качестве не признанная Деникиным. После ожесточенных споров в Яссах решено было бороться за единую и неделимую Россию и создать многопартийную делегацию, полномочную представлять Россию в отношениях с союзниками. Россиян выслушали находившиеся в Яссах представители Антанты, которые сочли, что Россия таким образом пригласила войска союзников в свои пределы.

23 ноября — 14 декабря союзники высадились в Новороссийске, Севастополе, Николаеве, Феодосии и Одессе. К французам присоединились греки, сербы и другие контингенты Антанты, а также польский легион. Центром французской интервенции стала Одесса. 7–10 декабря 1918 г. французский десант занял порт и часть Николаевской набережной с гостиницей «Лондонская». «Углубляться в город и способствовать сохранению в нем порядка и безопасности мирных граждан наши доблестные союзники не пожелали»¹, — сетует свидетель Владислав Маевский.

12 декабря город заняли силы Украинской народной республики (УНР), которым не оказали сопротивление контролировавшие его прежде австро-германские и гетманские войска. Пользуясь неразберихой, большевики при помощи бандитов Мишки Япончика и других группировок освободили заключенных городской тюрьмы². В дальнейшем они сотрудничали и в борьбе против интервентов. У Мишки можно было купить оружие по сходной цене³.

14 декабря прогерманский гетман Павло Скоропадский бежал, и Украина, куда еще не вступила Красная армия, оказалась в основном под контролем УНР. По мнению историка В.А. Савченко, таким образом «у французской армии исчез не только союзник, но и цель “экспедиции в Украину”»⁴.

¹ *Маевский В.* Осень 1918 г. на Украине // 1918 год на Украине. М.: Центрполиграф, 2001. С. 371, 374.

² *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие: Криминал и власть в годы гражданской войны в Одессе. М.: Крафт+, 2013. С. 44–47.

³ Там же. С. 60.

⁴ *Савченко В.А.* Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2005. С. 110.

Но цели интервенции никуда не исчезли, потому что она была направлена против большевизма. Зато теперь французским военным пришлось выбирать между популярным в странах Антанты принципом самоопределения наций и союзом с белым движением. Ведь если после поражения Германии Скоропадский уже не очень настаивал на независимости Украинской державы, то для УНР это было делом принципа.

Для начала было решено опираться на белое движение. Под прикрытием французского флота отряд генерала Алексея Гришина-Алмазова атаковал войска УНР в Одессе. Завязались бои. Французское командование потребовало от УНР очистить город, и под давлением военного руководителя Директории УНР Симона Петлюры они подчинились, заняв позиции в 40 км к северу от города. Директория УНР была заинтересована в сближении с Антантой, у которой надеялась получить если не немедленное признание независимости, то хотя бы помощь в предстоящей борьбе с большевиками.

Как пишет историк А. Рогачевский, возможно, «что бои между подразделениями Добровольческой армии под командованием будущего одесского военного губернатора генерала А.Н. Гришина-Алмазова и войсками Директории 18 декабря 1918 г. при занятии французами Одессы были не нужны, поскольку власть в городе перешла бы в руки французов безо всякого сопротивления, но добровольцы сами затеяли перестрелку, опасаясь заключения соглашения между французами и Директорией»¹. Действительно, первоначально командующий французским контингентом генерал А. Бориус надеялся просто «вступить в город с музыкой», но Гришин-Алмазов убедил его, что прежде необходимо очистить Одессу от украинских отрядов силой оружия².

Французский консул в Одессе Эмиль Энно поддерживал белое движение и способствовал назначению Гришина-Алмазова военным губернатором. Это создало сначала незаметную, но затем все более серьезную проблему. Армия генерала Деникина, претендовавшего на руководство всеми антисоветскими силами на Юге России, находилась в сфере влияния Великобритании. Пользуясь поддержкой британцев, Деникин считал себя вправе распространить свою власть и на сферу действия Франции, что в планы последней не входило. Формально соглашаясь с необходимостью единства действий антисоветских сил, французское руководство не собиралось отдавать

¹ Рогачевский А. Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам) // Всемирный клуб одесситов. Дерибасовская–Ришельевская: Одесский альманах: Сборник. Одесса: Печатный дом, 2007. Т. 28. С. 70.

² Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 236.

командование ими военно-политическому центру, находившемуся в английской сфере влияния. Историки В.В. Михайлов и А.С. Пученков пишут: «Установление в Одессе в декабре 1918 г. режима военной диктатуры генерала А.Н. Гришина-Алмазова стало для белого главнокомандующего А.И. Деникина сюрпризом сомнительного свойства. Присоединение Одессы хотя и соответствовало идее объединения Южной России, но, по признанию Деникина, “осложняло еще более тяжелое в то время положение Добровольческой армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбу большого города, обложенного неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное — города с крайне напряженной политической атмосферой”. Тем не менее трехцветный национальный флаг был поднят над Одессой, и Деникин утвердил назначение Гришина-Алмазова в качестве военного губернатора города, что было воспринято в Екатеринодаре неоднозначно. Личность военного губернатора была совершенно никому не известна, о его прошлом ходили самые противоречивые слухи... смущал Деникина и “революционный” способ назначения одесского диктатора. Особенно Антон Иванович опасался одесского сепаратизма, проявлявшегося в том, что местные общественные группы стремились образовать особое Южнорусское правительство»¹. Чувства Деникина и его окружения действительно были противоречивыми, но в мотивировке этих чувств заметна некоторая неискренность. Первоначально ответственность за Одессу была невелика — ее ведь прикрывала непобедимая французская армия. Зато через Одессу можно было получить огромные военные запасы и живую силу в результате мобилизации в Новороссии. Большевикам в случае успешного продвижения французов и белых мог быть нанесен удар с юго-запада, что существенно улучшало бы положение, в котором находилась Добровольческая армия. Но появление нового и не очень подконтрольного Деникину военного руководителя, который выдвинулся в 1918 г. в Сибири в сотрудничестве с «демократией», вызвало ревнивые чувства, вылившиеся в стремление управлять Одессой с Кубани. А это уже нарушало границы сферы влияния Франции, которую она намеревалась отстаивать, пока продолжается военная интервенция.

Недоброжелатель Гришина-Алмазова генерал Василий Гурко пишет о нем, отражая мнение части белых политических кругов, успешно «копавших» под губернатора: «Обладая несомненной энергией и некоторыми организационными способностями, он был аван-

---

¹ Михайлов В.В., Пученков А.С. Борьба политических направлений в Одессе в дни французской интервенции // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 93.

тюрист в душе и к сожалению отличался необузданными страстями. Этим страстям, попав в главенствующее положение в Одессе, он дал полную волю. Предался он совершенно недопустимым оргиям и тем утратил всякое обаяние, как в городе, так и перед французским командованием прибывших в Одессу союзных войск»¹.

К тому же «отношения главнокомандующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина с французским командованием в Одессе почти с самого начала были осложнены тем, что он настойчиво просил направить в различные населенные пункты войска, которых в распоряжении французов попросту не было»², — считает А. Рогачевский. Однако контингент Антанты в Северном Причерноморье был весьма значителен, а вот сдвигать его восточнее французское командование не собиралось. Его интересовала собственная зона контроля. По той же причине французский генерал Филипп д'Ансельм препятствовал стремлению Деникина перекинуть формирующиеся в Одессе подразделения восточнее³. Это не устраивало французов, надеявшихся, что в их зоне влияния возникнет боеспособная русская армия.

В целом в регионе высадилось около 60 тыс. интервентов (включая и гражданских лиц)⁴. В феврале 1919 г. в районе Одессы находилось около 25 тыс. французских и греческих военных при 22 танках. Части румынского корпуса числом в тысячу штыков прикрывали Одессу со стороны Днестра. Отдельная Одесская стрелковая бригада генерала Николая Тимановского составила еще 3300 штыков и 1600 сабель⁵. А на довольствии в штабе Одесского военного округа стояло около 10 тыс. человек⁶. Офицеры не торопились вступать в полевые части, предпочитая найти место в тылу.

Жителей и гостей Одессы смущало, что значительную часть французского контингента составляли африканцы, явно не приспособленные для ведения войны зимой в этих широтах (тем более что зима выдалась холодная и непривычно снежная для Новороссии).

Первоначально настроение французский войск было довольно оптимистичным. Владимир Майборода, назначенный граждан-

¹ Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Т. 15. М., 1993. С. 76.

² Рогачевский А. Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам). С. 69.

³ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 241.

⁴ Рогачевский А. Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам). С. 68.

⁵ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. С. 115.

⁶ Кефели Я. С генералом Шварцем в Одессе (осень 1918-го — весна 1919 года) // 1918 год на Украине. С. 361.

ским помощником к французскому офицеру, который командовал направленным к северу от Одессы подразделением, писал: «Командир Жэ — старый африканский служака, не дурак выпить, любитель поухаживать, очень внимателен по отношению к русским офицерам. Остальная компания офицеров в том же духе; кормят великолепно, пьют еще того лучше; все веселы и беззаботны. Очень довольны, что пришли в Россию, и думают двигаться дальше по направлению к Киеву. Одним словом, настроение очень бодрое, и все довольны, что на их долю выпало счастье быть первыми при восстановлении порядка в России»¹.

В начале января 1919 г. генерал Бертело выступил с воззванием, в котором заявил, что «войска союзников направляются к вам для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность»². Эти довольные размытые лозунги мало что объясняли.

С нового года группировку французских войск на Украине возглавил генерал д'Ансельм, который потребовал от украинских войск отойти за линию Тирасполь–Раздельная–Березовка–Николаев–Херсон. Командование УНР подчинилось.

Между тем Деникин продолжал натравливать Антанту на УНР, очевидно, рассчитывая на слабую осведомленность французского руководства о местных реалиях. 5 января Деникин писал Бертело: «Петлюровское движение выливается постепенно в форму определенного большевизма, в результате чего перед нами может возникнуть новый большевистский фронт, борьба против которого будет еще сложнее»³. Однако французы не поверили в отождествление УНР и большевизма. Начальник штаба д'Ансельма Анри Фрейденберг (Фредамбер) считал белых непопулярными реакционерами и не верил в их успех. Белые отвечали ему взаимностью и обвиняли Фрейденберга в коррупции (после эвакуации Одессы эти обвинения стали предметом официального расследования, но не получили подтверждения)⁴. Когда стало ясно, что французское руководство не соглашается с оценками Деникина, тот принялся критиковать французов за некомпетентность: «Опасение шовинизма со стороны Русского Командования по отношению к населению Украины и намерение укомплектовать формируемые части местными уроженцами лишний раз подчеркивает, насколько недостаточно Французское командование в Одессе ориентировано в обстановке. Русское офицерство,

¹ Майборода В. С французами // Архив русской революции. Т. 16. С. 102–103.

² Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 239.

³ Там же. С. 238.

⁴ Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. С. 81.

ясно отдавая себе отчет в происходящем, не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему русскому народу, с которым она составляет одно целое. Вместе с тем, в некоторых самостийных кругах, находящих поддержку в многочисленных австрийских и германских агентах, естественно стремление создания особых украинских войск, и, как ни странно, этот план, противный идее воссоздания Единой могущественной России, что казалось бы наиболее соответствует интересам Французского народа, находит сочувствие и поддержку у Французского командования»¹. После всплеска популярности украинской национальной идеи осенью 1918 г. (не говоря о более раннем периоде) такие откровения генерала вполне могли убедить французов в его великорусском шовинизме и оторванности от украинской реальности.

Впрочем, ориентируясь на позицию Клемансо, 7 февраля генерал д'Ансельм и его начальник штаба Фрейденберг провозгласили, что «Франция и ее союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элементам и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны»². Патриоты России — это не сторонники украинской государственности. Таким образом, интервенция проводилась под лозунгами восстановления порядка и территориальной целостности России, а не демократии и права народов на самоопределение. Такая идеология вмешательства была существенно правее даже позиции Вудро Вильсона и Дэвида Ллойд Джорджа.

Для лидеров УНР это был сильный политический удар, но они не отказались от переговоров с французским руководством, так как в январе 1919 г. Красная армия вошла на Украину, и выяснилось, что на определенных условиях французы готовы отойти от принципа «единой и неделимой».

Д'Ансельм и Фрейденберг настаивали на устранении представителей левых партий из Украинской директории, передаче Франции контроля над железными дорогами и финансами Украины, проведении аграрной реформы с выплатой компенсации собственнику. Директория отвергла это грубое вмешательство в дела непризнанного государства, но переговоры продолжила. От имени Директории их вел Сергей Остапенко.

---

¹ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 242.

² Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 313.

В условиях наступления Красной армии и развала фронта Антанта оставалась для лидеров УНР последней надеждой на спасение. 9 февраля социал-демократы отозвали своих представителей из Директории, надеясь таким образом облегчить достижение соглашения с Антантой. Глава Директории социал-демократ Владимир Винниченко вышел из нее и вскоре уехал за границу. Новую Директорию возглавил Петлюра, который вышел из УСДРП, чтобы не ассоциироваться с социализмом. 13 февраля поредевшая Директория назначила премьер-министром Остапенко. Теперь ему были и карты в руки, чтобы достичь соглашения с французами.

Продолжение переговоров само по себе означало частичное признание де-факто права УНР контролировать часть территории Украины, Малороссию, в то время как Западную Новороссию французское руководство надеялось контролировать само с помощью зависимых от него русских властей. «Французы разработали политический план, по которому Украина временно разделялась на две части: собственно Украина (управляемая Директорией) и Южно-русский край во главе с собственным правительством, при условии оккупации этого края французскими войсками. В Южно-русском крае французы предполагали создать смешанную армию из французско-русско-украинских частей и взять под свой контроль железные дороги и финансы»¹, — пишет историк В.А. Савченко. То есть тот план, который первоначально французские представители надеялись осуществить во всей Украине, теперь осуществлялся в Новороссии. С УНР происходил негласный раздел сфер влияния. Даже не соглашаясь формально с отделением Новороссии от Украины, представители УНР согласились на отвод своих войск на линию Тирасполь–Бирзула–Вознесенск–Херсон. Таким образом, раздел Украины осуществлялся де-факто, что создавало возможность для дальнейшего сотрудничества Франции и УНР. Однако такой компромисс не устраивал двух важных игроков — генерала Деникина и атамана Григорьева.

Французское командование планировало создать бригады из уроженцев Украины с французскими инструкторами. Эти бригады в командном отношении должны были формироваться на добровольной основе и подчиняться Добровольческой армии только в оперативном отношении. Эта идея категорически не устроила Деникина, и 8 февраля он запретил своему командующему в Одессе генералу Александру Санникову участвовать в этих «экспериментах». Помимо желания сохранить за собой командование белым движением на Юге России во всей полноте глава Добровольческой армии уже стал

¹ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. С. 112–113.

противником добровольного набора в армию, настаивая на принципе мобилизации.

Деникин предпринимал шаги к установлению более твердого контроля над Одессой. «Проглотив» назначение Гришина-Алмазова, 15 января 1919 г. Деникин урезал его полномочия, назначив главнокомандующим Юго-Западного края (Херсонской губернии) генерала Санникова.

Деятельность Гришина-Алмазова и Санникова вызывала недовольство французской администрации. Они подчинялись Деникину, заинтересованному в вербовке офицеров в свою армию, в переправке их из Одессы на Кубань и Дон. А у французов были другие планы. К тому же Гришин не мог справиться с проблемами перегруженного города.

Одесса стала тем местом, где на своем пути в эмиграцию задержались обломки старой российской элиты. В Одессе старая Россия пыталась регенерироваться под прикрытием интервентов, чтобы затем вернуться домой.

Одесса и прежде была специфическим социумом у моря, где международная торговля порождала смешение культур, синтез экономики и преступности, раскованность умов. Этот социум был трудносовместим с жесткой военной диктатурой, которую пытались насадить в Одессе белое движение.

Хотя 17 марта Одесса была объявлена на осадном положении, общественная жизнь била в ней ключом. Легально действовали антисоветские политические организации, прежде всего центристский (для антисоветского лагеря) Союз возрождения России и праволиберальные Совет государственного объединения России и Национальный центр.

Национальный центр поддерживал Деникина, другие организации надеялись на создание в Новороссии самостоятельного центра антисоветского движения. Городская дума имела социалистическое большинство. Таким образом, идея установления в Одессе власти Деникина и его ставленников не пользовалась в Одессе популярностью.

Администрация Гришина-Алмазова контролировала Одессу очень относительно — в городе действовали влиятельные банды, лидеры которых были склонны к политизации. Они грабили в основном стекавшихся в Одессу обладателей ценностей и мало трогали бедное население, вызывая тем его сочувствие¹. Наиболее известный одесский бандит Мишка Япончик после эвакуации интервентов запишет-

¹ См.: *Капчинский О.И.* Мишка Япончик и другие: Криминал и власть в годы гражданской войны в Одессе. С. 48.

ся в Красную армию. Бандами должна была заниматься русская администрация Гришина-Алмазова, который санкционировал бессудные расстрелы заподозренных в уголовных преступлениях. Впрочем, Япончика и его коллег он не извел.

Нелегально действовали сторонники советской власти — коммунисты, выпускавшие газету «Коммунист» на русском и французском языках (тираж только франкоязычной версии газеты доходил до 7 тыс. экземпляров), а также левые эсеры, максималисты и анархисты. Они пользовались любой возможностью, чтобы вести агитацию среди солдат интервентов, в том числе на французском языке. ВЧК перебросила в Одессу коммунистов, свободно владевших французским языком: Жанну Лябурб, Мойшу Штиливкера, Жоржа де Лафара и др. Также в Одессу прибыли агитаторы сербы, поляки и румыны. Лафар работал в штабе д'Ансельма. Для пропаганды среди иностранных солдат была создана Иностранная коллегия подпольного обкома РКП(б) во главе с Иваном Смирновым. 2 марта почти все члены иностранной коллегии были схвачены и расстреляны.

Прибывший в Одессу 20 марта генерал Франше д'Эспере остался недоволен ходом дел и руководством Гришина-Алмазова. У д'Ансельма, Фрейденберга и местных деятелей, особенно из Совета государственного объединения, возникла идея заменить Гришина-Алмазова на генерала Алексея фон Шварца, который будет формировать в Одессе белую армию, независимую от Деникина. Франше д'Эспере обещал ему передвинуть из Румынии (на самом деле Бессарабии) в район Бирзулы корпус Бертело, прислать в Одессу греческий корпус и девять батальонов «чернокожей пехоты»¹. Это означало бы существенное расширение интервенции, и такие решения генерал не мог принять без согласования с политиками в Париже. А обещать мог.

21 марта Гришин-Алмазов был заменен генералом фон Шварцем и выслан из Одессы вместе с Санниковым. Как писал Гурко, «командование Добровольческой армии признало тем не менее произведенную смену за открытый бунт и недопустимое умаление ее авторитета»². Французы проигнорировали это недовольство. Экс-диктатор Одессы отправился в Сибирь, к адмиралу Колчаку, но при плавании по Каспийскому морю его пароход был перехвачен советским эсминцем, и Гришин-Алмазов застрелился.

При д'Ансельме был создан Совет (Комитет) обороны, в который вошли такие общественные и политические деятели, как бывший гет-

¹ Кефели Я. С генералом Шварцем в Одессе (осень 1918-го — весна 1919 года). С. 361–362.

² Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. С. 77.

манский волынский губернатор Дмитрий Андро, правый социалист Петр Рутенберг, бывший одесский городской голова Михаил Брайкевич. Хотя высшая власть принадлежала командующему, они принялись руководить Одессой, пытаясь добыть продовольствие. В городе распространялись слухи о коррупции новой власти. Уже после эвакуации Рутенберг публично обвинял в коррупции Андро, служившего гражданским советником д'Ансельма¹.

Одесса страдала от типичного для этого времени продовольственного кризиса. Войска УНР, а затем красные блокировали подвоз продовольствия с севера, а город был перегружен, что создавало дороговизну и дефицит продуктов. Интервенты и белые пытались проводить реквизиции продовольствия в Одесском уезде, но 20 февраля 1919 г. это вызвало восстание крестьян, которые взяли Тирасполь и Овидиополь.

Как свидетельствует Владимир Майборода, «магазины были завалены товарами, как вновь привезенными из-за границы, так и вытасканными из укромных мест, куда они были припрятаны»². Но их нельзя было есть. Даже в сфере влияния интервентов крестьяне не давали хлеба за деньги, требуя товары, например сахар. В Николаеве и Херсоне сахар имелся, но за его запасы требовали нефть, которую при наличии товаров можно было получить в Батуме. Поставщиков нефти тоже интересовали не деньги, а товары³. Таким образом, белый режим в Одессе сталкивался с теми же проблемами бартеризации, что и Советская власть с ее нерыночной идеологией. Это говорит о том, что распад хозяйственных связей диктовал экономическое поведение во многом независимо от идеологии режима. Но положение Одессы могло облегчаться ее стратегическим значением. Пока Антанта была заинтересована в Одессе, она должна кормить этот город. Но лидеры Антанты не могли определиться, насколько Одесса им нужна.

Рутенберг в беседе с британским генеральным консулом Генри Куком обсуждал возможность закупить продовольствие в Курдистане, запустить фабрики, чтобы бороться с нехваткой рабочих мест. «Он подчеркнул важность решения проблемы с безработицей во имя поддержания порядка, а также ради производства товаров, с помощью которых можно получить зерно из Крыма, поскольку иначе кре-

¹ *Рогачевский А.* Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам). С. 71.

² *Майборода В.* С французами. С. 115.

³ *Рогачевский А.* Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам). С. 66.

стьяне не хотят расставаться с имеющимися у них запасами»¹. Однако для осуществления этих мер требовалось время и активная помощь интервентов — транспортом, деньгами и сырьем. Но Франция и ее союзники не спешили тратить на Одессу и скопившиеся в ней осколки старой России. Тем более что приезжие привезли с собой ценности, за которые их владельцы могли достать в Одессе все, что продавалось на берегах Черного моря.

Штабс-капитан Владислав Маевский писал: «И кого только не было в эти памятные дни в этом шикарном убежище?.. Укрывались в нем недавние царские министры и генералы, высшие сановники рухнувшей империи и известные артисты (Фигнер, Смирнов, Собинов), знаменитые писатели (Бунин, Чириков, Аверченко), оперные (Липковская) и кинематографические звезды (Вера Холодная), финансовые тузы (Манташев, Путилов, Лианозов) и прочие дельцы... А в глубине Одессы уже свободно неистовствовали разгульные банды...»²

Несмотря на тяжелые социальные условия, Одесса стала одним из центров российской кинематографии. Сюда прибыло киноателье Дмитрия Харитоновы со знаменитой актрисой Верой Холодной. В Ялте и Одессе они создали четыре фильма. Холодная давала благотворительные концерты и в то же время контактировала как с французским командованием, так и с агентами большевиков, которые пытались использовать ее знакомство с полковником Фрейденбергом³. 16 февраля Холодная умерла от «испанки», и ее похороны прошли при огромном скоплении народа. Эта трагедия хоть и вошла в историю мировой культуры, была одной из многих в неустроенной и эклектичной обстановке Одессы.

Генерал Гурко вспоминал: «В Одессе я застал приблизительно ту же картину, которую оставил там месяца за три перед тем, а именно ту же “Лондонскую” гостиницу, гудевшую с утра до позднего вечера бесчисленным множеством самых разнообразных обломков прежнего строя, стекшихся сюда из различных местностей России... Петроградский бомонд, гвардейское офицерство, множество южных землевладельцев, представители местного, искони космополитического общества, бывшие крупные и средние чиновники; спекулянты, банкиры, дамы полусвета — все здесь перемешалось и даже слилось. Здесь многие проводили за яствами и питием долгие часы; здесь изобретались, передавались и распространялись весьма противоречивые, но

¹ *Розачевский А.* Пинхас Рутенберг в Одессе (по британским архивным материалам). С. 66.

² *Маевский В.* Осень 1918 г. на Украине. С. 374.

³ *Катчинский О.* Агент из «Мирографа». Одна из первых секретных операций советской разведки // Родина. 2002. № 1. С. 74–75.

преимущественно оптимистического свойства разнообразные слухи, среди которых внезапно раздавались панические ноты.

Эти две крайности были типичной чертой беженской жизни, беженской психологии. Между “гром победы раздавайся” и “ратуйте” переходных степеней не было. В общем же жилось весело и беспечно. Деньги, казалось, утратили всякую ценность... Группа гурманов затеяла устройство особо тонких гастрономических обедов, оплачиваемых какой-то фантастической суммой. Шла безумная игра, даже принимая в расчет обесценение денежных знаков: проигрывались в одну ночь десятки тысяч украинских, да и сохранивших еще ценность романовских денег... На ролях крупье видны были офицеры, украшенные боевыми знаками отличия, на ролях соблазнительниц еще вчера безукоризненные женщины. Нищета разоренных, еще вчера состоятельных, а не то и богатых людей уже явственно проступала. На улицах встречались знакомые, которым “Лондонская” и ей подобные гостиницы уже были недоступны: они ютились чуть не по постоялым дворам и по снимаемым в частных квартирах отдельным комнатам¹.

Эта картина дополнялась разложением скучающих в Одессе французских войск: «Французские солдаты вели себя на улицах плохо, ходили небрежно одетыми, очень часто пьяные, на главных улицах приставали к прохожим женщинам среди бела дня»².

Во второй половине XX в. подобные города, собирающие осколки элит, которые бегут от тоталитарных движений, станут распространенным явлением. В 1940 г. нечто подобное испытают на себе сами французы, затем такая ситуация будет возникать в Китае и Индокитае. Но Одесса со всей своей спецификой стала в этом ряду первой.

Такой социум представлял собой неприглядное зрелище. В сознании интервентов, естественно, возникал вопрос: и это мы должны защищать? За эту Россию платить своими жизнями? Сам вид одесской действительности демотивировал иностранцев. Конечно, если бы армия быстро продвинулась вперед, деморализующий одесский социум остался бы в глубоком тылу, и там, может быть, даже начала бы налаживаться жизнь. Но продвигаться вперед армия интервентов не очень хотела и не очень могла.

* * *

В конце февраля интервенты довольно спокойно занимали «причитающуюся» им часть Украины. Однако в условиях наступления красных и разложения армии УНР на сторону Красной армии пере-

¹ Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. С. 75–76.

² Майборода В. С французами. С. 125.

шел атаман Никифор Григорьев. В декабре 1918 г. он контролировал почти всю Херсонщину, но порты Украины заняли силы Антанты, чем сильно раздосадовали Григорьева.

Атаманы УНР были автономны и становились всевластными хозяевами территории, которую контролировали их войска. Поэтому когда УНР стала сдавать Северное Причерноморье под контроль Антанты, это непосредственно ущемляло интересы Григорьева. Пока уступки касались Одессы, он сохранял спокойствие, так как в районе этого города действовал генерал УНР Александр Греков. Но 25 декабря при попытке Григорьева отнять у немцев Николаев его отряд был обстрелян артиллерией английского крейсера «Консарбери». 10 января 1919 г. григорьевцы отбили у белых Херсон.

Однако, по соглашению с представителями УНР, интервенты стали занимать побережье и прилегающие территории, что было необходимо, в частности, и для снабжения Одессы продовольствием. 25 января 1919 г. они высадились в Николаеве, 29–30 января — в Херсоне. Французы сохраняли здесь гражданскую власть городских дум (довольно левых) и структур Директории УНР. Но вот Григорьев в таких условиях терял этот «лакомый кусок». Григорьевцы оказали сопротивление и были выбиты из Николаева и Херсона. Командование УНР запретило нападать на союзников, что вызвало возмущение атамана. Тогда он объявил себя сторонником Советской власти и 2 февраля 1919 г. договорился с представителями красного комдива Павла Дыбенко о вступлении своего отряда в РККА — пока на правах бригады в составе 1-й Заднепровской дивизии. Бригада Григорьева составляла 6–10 тыс. бойцов, что казалось незначительной силой в сравнении с мощным контингентом Антанты. С переходом Григорьева на сторону Советской власти соприкосновение интервентов с войсками Директории было потеряно, и вместо демаркационной линии возник фронт.

Боевые действия велись в основном вдоль железных дорог. 20 февраля 1919 г. французские войска выбили григорьевцев из Вознесенска. Однако Григорьев его вскоре вернул. «Частям Антанты пришлось создавать протяженный фронт вдоль железной дороги Николаев–Херсон, выведя на позиции до 8 тысяч солдат, 20 пушек, 18 танков, 4 броневика, 5 самолетов. Против сил Антанты Григорьев мог выставить только около 6 тысяч плохо вооруженных крестьян-повстанцев с 8 пушками»¹.

Но готовность сражаться у бойцов Григорьева и солдат Антанты была совершенно разной. 2–10 марта Григорьев разгромил батальон

---

¹ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. С. 116.

греков и ворвался в Херсон. Прибывшие на помощь французские войска не хотели воевать, и Херсон пришлось оставить. В нем Григорьев захватил 6 орудий, около 100 пулеметов и 700 винтовок. «Греческие войска в боях за Херсон потеряли более 300 солдат и офицеров убитыми и пленными (каждого восьмого солдата), причем большинство пленных были расстреляны григорьевцами, хотя греческие солдаты и капитулировали на милость победителя», — рассказывает В.А. Савченко. Было убито около 70 пленных¹. Эта расправа породила ужас, который сказался на настроении греков в последующих боях.

12 марта Григорьев без боя вступил в Николаев, так как его по поручению союзного командования занимал немецкий гарнизон, который договорился с красными об эвакуации. Обескураженное неудачей французское командование 14 марта попыталось атаковать красных под Вознесенском, но потерпело неудачу. Интервенты отошли к Березовке в 53 км от Одессы.

Григорьев в это время получал всю возможную поддержку со стороны командующего Украинским фронтом Владимира Антонова-Овсеенко. 17 марта он докладывал в Реввоенсовет: «Силы Директории в разложении, “добровольцы” слабы, союзники в замешательстве. Энергичное наступление на запад и на Одессу крайне желательно, имеет сейчас все шансы на успех»². 29 марта Антонов-Овсеенко телеграфирует командующему группой войск Харьковского направления Анатолию Скачко: «Заставьте понять Дыбенко: Крым второстепенен. Нельзя разбрасываться, поддержите одесское направление. К западу положение требует скорейшей ликвидации Одессы»³.

Однако «ликвидировать Одессу» силами Григорьева было возможно только при условии ухода из нее интервентов, группировка которых в это время составляла 3500 французских и 15 000 греческих солдат. Сложилась патовая ситуация: интервенты не могли продвинуться вглубь Украины, а у красных не было достаточных сил, чтобы взять Одессу штурмом.

* * *

В английской зоне ответственности оказались Туркестан и Закавказье. Британское военное присутствие распространялось вокруг Каспия в два этапа — после начала антисоветского восстания в Закаспии в июле 1918 г., а затем после капитуляции Османской империи, когда англичанам досталось османское наследие на Кавказе.

¹ Савченко В.А. Двенадцать войн за Украину. С. 116–117.

² Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сборник документов: В 4 т. М., 1972. Т. 2. С. 185.

³ Там же. С. 193.

После свержения Советской власти в Ашхабаде был создан Исполком Закаспийской области во главе с эсером Федором Фунтиковым¹. Приход социалистов к власти в Закаспии имел смысл только в том случае, если бы они, подобно Комучу, проводили социальные преобразования, составив в этом конкуренцию большевизму. Но социалисты оказались совершенно неподготовленными к этой «профильной» для себя задаче. Они вошли в историю самым резонансным актом антисоветского террора — расстрелом 26 бакинских комиссаров.

Да и что могли сделать закаспийские социалисты специфически социалистического? Аграрный вопрос в Средней Азии имел совершенно иной характер, чем в России, и даже большевики не спешили с активным вмешательством в «туземные» аграрные отношения, пока лишь создавая сеть земельно-водных комитетов. Жизнь городского населения зависела от подвоза продовольствия, которое могло попасть в регион либо из России, либо от британцев, которые не спешили заниматься этой проблемой. Обладатели капиталов выжидали. В результате стало ясно, что социалисты у власти в Закаспийской области не нужны ни населению, ни элитам, ни Антанте. Антисоветское руководство быстро оказалось под контролем британского генерала Уилфрида Маллесона, который базировался в иранском Мешхеде. Ведь теперь Закаспий мог снабжаться только с юга, где господствовали британцы.

19 августа 1918 г. Маллесон и комиссар по иностранным делам Закаспийского правительства В. Дохов подписали соглашение о сотрудничестве ради «восстановления спокойствия и порядка в Закаспийском крае и русском Туркестане» и «оказания сопротивления турко-немецким планам военных захватов и политического господства в Закаспии и Туркестане»². Соглашение предусматривало ввод британских войск в закаспийские города и право вывезти запасы хлопка и другое ценное имущество в случае наступления германо-турецких войск.

Британское командование направило в Туркестан более 3000 солдат (на фронте действовало около 2000). 14 октября 1918 г. произошел бой между красными и британскими войсками, поддержанными антисоветскими отрядами, за станцию Душак. Красные были отброшены, но британцы не стали дальше продвигаться, чтобы не нести дальнейших потерь. Используя свои связи в Туркестане, они финансировали антисоветское подполье и некоторые отряды басмачей.

¹ См.: Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. С. 245–246.

² Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1963. Т. 1. С. 333–334.

Британская военная флотилия на Каспии составляла до 10 вооруженных пароходов, 12 торпедных катеров и гидросамолеты. Она вела морскую войну с флотилией красных. 21 мая 1919 г. британцы потопили 8 красных судов в Тюб-Караганском заливе.

После антибританских волнений 31 декабря 1918 г. Фунтиков по инициативе Маллесона был отстранен от власти и арестован по обвинению в растрате субсидий, выделенных британцами. 2 января 1919 г. был создан Комитет общественного спасения, большинство членов которого «должно быть русским по убеждениям»¹. Запрещались митинги, зато были проведены выборы в Ашхабадскую думу, не вызвавшие, впрочем, энтузиазма у населения. От местного самоуправления в жизни горожан мало что зависело.

Все решало то, как долго здесь останутся британцы. Но после завершения войны с Османской империей Великобритания стала терять интерес к прямому контролю за этим удаленным от Индии регионом.

С ноября 1918 г. британские войска стали занимать территории государств Закавказья, которые до этого находились под контролем Османской империи и Германии. 17 ноября 1918 г. они вернулись в Баку. Британский бронедивизион вступил в бои с красными в Дагестане. В декабре штаб британских войск в Закавказье разместился в Тифлисе. В январе 1919 г. британцы заняли Батум, разместили вдоль железной дороги Батум–Баку около 20 тыс. солдат и стали снабжать флот горючим из Баку².

Интервенция не была чисто затратным мероприятием. Из Грузии удалось вывезти 26 млн пудов марганца, из Баку — около 30 млн пудов нефти, из Абхазии — 700 тыс. пудов табака³.

После некоторых колебаний командующий силами Антанты в Закавказье генерал-майор Уильям Томсон сделал ставку на местные администрации непризнанных государств. Эти государства контролировали ядра своей территории, но вступали друг с другом в вооруженные конфликты. Армения и Азербайджан не поделили пространство Карабаха, Нахичевани и Зангезура со смешанным тюркско-армянским населением. За самостоятельность боролась возникшая 1 декабря 1918 г. в Карсе тюркская Юго-Западная Кавказская демократическая республика, впрочем, вскоре разогнанная. Карс предназначался Армении. В декабре также произошел армяно-грузинский вооруженный конфликт из-за спорных территорий Лори и Ахалкалаки.

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. С. 357.

² Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 337.

³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 229.

Английское командование не могло этого предотвратить и не очень вмешивалось. Оно ожидало определения Лондоном целей интервенции. По мнению историка Е.Ю. Сергеева, «среди главных задач британской внешней политики в 1919–1920 гг. умиротворение Кавказа и стабилизация ситуации в районе крупных месторождений нефти занимала одно из приоритетных мест»¹. Но как обеспечить это умиротворение? Лорд Кёрзон полагал, что нужно «предоставить им шанс стоять на своих ногах»². Такая позиция уже являлась скрытым обоснованием вывода войск — пусть сами разбираются. По итогам войны Великобритания и так получила доступ к огромным нефтяным богатствам, чтобы еще тратить финансы и войска для попытки контролировать взрывоопасный регион, который находился гораздо севернее британских протекторатов.

* * *

Еще в 1918 г. началась интервенция на севере европейской части России. Антисоветская власть в регионе, установленная под эгидой интервентов, эволюционировала (как и аналогичные режимы на востоке России) слева направо, от лидерства социалистических партий к господству военного командования, характерному для белых движений. Временное правительство Северной области (ВПСО) во главе с известным энесом, старым народником Николаем Чайковским пыталось решать те же проблемы, с которыми столкнулись все правительства Гражданской войны: необходимость снабжать армию и города так, чтобы не очень возмущались крестьяне, подавлять подготовку восстаний и переворотов. Стабилизирующим фактором антисоветского режима были интервенты с их вооруженными силами и поставками из-за моря. Но желания тратить на эту заморскую экспедицию возникало все меньше. Мурманск и Архангельск находились слишком далеко не только от центра России, но даже от Петрограда. Когда летом 1918 г. стало ясно, что высадившиеся в Архангельске интервенты не собираются стремительно двигаться на юг, коммунистическое руководство на этот счет успокоилось. Военное значение Северного фронта было невелико, он не нес серьезной угрозы коммунистическому режиму.

23 января 1919 г. Чайковский отправился на мирную конференцию в Париж, хотя не имел особых надежд, что к его правительству отнесутся на ней серьезно. Зато этот отъезд расчищал место для полновластия военных во главе с Евгением Миллером, который был назначен генерал-губернатором Северной области 15 января. Чайков-

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 332.

² Цит. по: Там же. С. 335.

ский пытался уравновесить фигуру Миллера своими сторонниками, но 10 июня 1919 г. адмирал Колчак назначил Миллера главнокомандующим на Севере, а 12 июля ему была передана вся полнота власти.

В 1919 г. стали сворачиваться социальные права, полученные рабочими при социалистах: отменены отпуска, введены обязательные сверхурочные работы с арестом в случае отказа. Это неизбежно делало рабочих податливее к коммунистической агитации. Весной 1919 г. в Архангельске была раскрыта большевистская организация численностью в две сотни активистов, 25 представителей которой были расстреляны. На местную каторгу отправились не только коммунисты, но и профактивисты из меньшевиков. Всего по приговорам военных судов и приказам отдельных офицеров было расстреляно несколько сот человек. В каторжной тюрьме под Мурманском из 1200 заключенных 23 были расстреляны, а 310 умерли¹.

Необходимость белой военной диктатуры обосновывалась потребностью в концентрации сил ради восстановления порядка. Но на Севере антисоветский порядок поддерживался преимущественно силами интервентов. Согласившись санкционировать установление военно-диктаторского режима в Архангельске, представители Антанты упустили возможность сохранить под своей эгидой в России относительно демократичный режим. Он мог послужить хотя бы витриной и моделью тех целей борьбы, которые было бы реально противопоставить большевикам. Но западную цивилизацию в России также представляли генералы, для которых демократические игры в варварской стране обычно представлялись излишеством.

В начале 1919 г. против РККА на Северном фронте действовали 6293 солдата Британской империи, 5203 американских, 1686 французских и 3717 русских солдат². Отношение белогвардейцев к своим союзникам было довольно критическим. Генерал Владимир Марушевский выразил его, утверждая, что «английские солдаты, унтер-офицеры и всевозможные тыловые офицеры до такой степени были грубы в отношении нашего крестьянина, что русскому человеку даже и смотреть на это претило»³. Но ведь британцы прибыли спасти этот отсталый край и не видели благодарности «дикого» населения, что тоже раздражало.

Был сформирован Славяно-британский легион, составленный главным образом из бывших красноармейцев — дезертиров и пере-

¹ *Прайсман А.Г.* 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 129, 133, 143–144.

² Там же. С. 245.

³ *Марушевский В.В.* Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. М.: Вече, 2019. С. 104.

бежчиков. Все командные должности занимали британские офицеры и сержанты. Французское командование также создало на Севере России свой иностранный легион¹.

По мнению историка А.Г. Прайсмана, «уровень командования 6-й красной армии был значительно выше как союзного, так и русского»². В январе три красные колонны общей численностью почти 3,5 тыс. бойцов двинулись на Шенкурск, занятый шотландским, американским и русским батальонами и другими подразделениями, включая канадских артиллеристов. Пройдя по глубокому снегу до 250 верст, они скоординированно напали на интервентов с разных сторон. 25 января под угрозой окружения Шенкурск был оставлен. По справедливому замечанию А.Г. Прайсмана, «падение второго по величине города Архангельской губернии произвело отрицательное впечатление на население и войска Северной области. Крестьянам оно показало, что Красная армия способна наносить поражения победителям в Первой мировой войне»³. «Падение Шенкурска в значительной мере понизило настроение населения и пошатнуло веру в успех борьбы. Скученное население Архангельска должно было принять и впитать в себя шенкурских беженцев, распространявших самые панические слухи»⁴. Боевые действия продолжались с переменным успехом.

В ходе наступления войск Колчака в марте 1919 г. у союзников возникла надежда улучшить снабжение колчаковцев, если удастся создать трассу к ним из Архангельска. Теоретически это могло улучшить логистику, если бы сибирским войскам удалось взять Котлас. Чтобы соединиться с интервентами, Колчак санкционировал отклонение одного из направлений наступления на север, ослабив этим натиск на запад. 25 марта в Усть-Кожве (ныне Печора) соединились белый батальон с севера и полк с востока. А.Г. Прайсман комментирует: «Соединение в далекой и пустынной Печоре не имело никакого стратегического смысла. На основные фронты по таяжскому краю невозможно было перебросить сколько-нибудь значительные части. Это лишний раз доказывало, что маниакальное стремление русских и английских штабов избрать основным направлением главного удара северное было стратегическим безумием»⁵. Усть-Кожва находилась значительно восточнее любых коммуникаций, пригодных в то время для транзита грузов. Стратеги Антанты и белого движения

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 254.

² Прайсман А.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 245.

³ Там же. С. 248.

⁴ Мафушевский В.В. Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. С. 105.

⁵ Прайсман А.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 254–255.

в данном случае руководствовались самыми общими представлениями о географии страны, судьбу которой пытались решать.

Тем временем Уинстон Черчилль перебрасывал на Русский Север дополнительные силы: две бригады добровольцев прибыли туда 25 мая — 5 июня. Это было последней попыткой усилить северный антисоветский плацдарм. Неумолимые обстоятельства толкали британское руководство к сворачиванию интервенции, на которую не было средств и в которой не желали участвовать сами британцы. К осени 1919 г. общие затраты Казначейства Великобритании на северную интервенцию превысили 23 млн фунтов стерлингов, что соответствовало примерно 23 % британских расходов на интервенцию в России¹.

С капитуляцией Германии новые возможности для действий Антанты открылись на Балтике. 20 ноября было принято решение направить туда эскадру в составе четырех крейсеров, девяти эсминцев и семи тральщиков. На Балтике началась советско-британская морская война, в ходе которой британцы потеряли один легкий крейсер, два миноносца, одну субмарину, два тральщика, восемь торпедных и три вспомогательных катера. 61 корабль получил различные повреждения².

В свою очередь, британский флот нанес красным ряд болезненных ударов. Гидропланы и торпедные катера в мае–июне 1919 г. атаковали Кронштадт и сумели потопить крейсер «Олег», который вышел с рейда для борьбы с восстанием на фортах «Красная горка» и «Серая лошадь».

18 августа под прикрытием воздушного налета на Кронштадт семь британских катеров, прорвавшихся через минные заграждения, сумели торпедировать броненосец «Андрей Первозванный» (оправиться от повреждения он уже не сможет) и потопить плавбазу «Память Азова». Британцы потеряли три катера. 31 октября 1919 г. еще три советских эсминца («Гавриил», «Константин» и «Свобода») подорвались на минах, поставленных британским флотом. Самолеты сторон и потом обменивались авиаударами — красные бомбили Бьёрке. 31 августа советская подлодка «Пантера» потопила британский миноносец «Виттория». Еще один эсминец наварлся на мину и затонул³. Эта морская война, как мы увидим, способствовала обо-

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 230.

² Там же. С. 263–265.

³ Мельников Р.М. Эскадренный броненосец «Андрей Первозванный»: Последние броненосцы российского флота. М.: Яуза, 2017; Пухов А. Балтийский флот в обороне Петрограда. 1919 год. М.; Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1939; Титушкин И.С. Морская война на Балтике. 1918–1919 гг. СПб.: Библиотека альманаха «Корабли и сражения», 2002.

роне Эстонской республики, но не сыграла принципиальной роли в наступлении белых войск в 1919 г. на Петроград.

Британский флот поддерживал экономическую блокаду Советской России. В ней участвовало 238 кораблей ВМФ Великобритании, включая 23 крейсера. Но в мае 1919 г. шведское судно «Эскильстуна-III» привезло в Петроград груз топоров, пил и кос, а назад увезло лен. В августе оно попыталось повторить рейс, но на обратном пути было захвачено британцами. Груз был конфискован.

29 сентября пять великих держав согласовали ноту 12 нейтральным государствам о запрете торговли с Советской Россией. Это прямо нарушало принцип свободы морей, за которые выступал Вудро Вильсон. Американский представитель не мог на это согласиться. Поэтому предупреждение о том, что суда будут задерживаться, не было включено в ноту. Но... оно сообщалось устно¹. Официально блокада Советской России Антантой была объявлена только 10 октября 1919 г.

* * *

30 августа 1919 г. «Известия» со ссылкой на шведскую прессу сообщили, будто британский военный министр Черчилль заявил, что организовал против Советской России поход 14 держав. С тех пор «поход 14 держав» стал ходячим выражением. Сколько государств действительно участвовало в интервенции и как она сказалась на ходе Гражданской войны?

Германия, Австро-Венгрия и Османская империя воспользовались Брестским миром для того, чтобы оккупировать часть Российской империи, но после поражения в мировой войне им пришлось эвакуировать свои войска, уступив место Антанте. Австро-Венгрия и Османская империя при этом распались. Таким образом, в «походе 14 держав» они участия не приняли.

После ухода австро-германских войск в черноморских портах высадились войска Франции и Греции. Небольшие контингенты послали Италия и Сербия. Румыния продолжала удерживать Бессарабию. В Закавказье турок заменили британцы, которые вошли также в Туркестан. Продолжалась интервенция на Дальнем Востоке, где ключевую роль играли Япония и США, но участвовали и другие государства Антанты, включая Китай, войска которого на несколько месяцев заняли Троицкосавск. Шла война Советской России с новыми государствами, образовавшимися на территории бывшей Российской империи — Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей.

¹ Антисоветская интервенция и ее крах. С. 97.

Но Эстония, Латвия и Литва оборонялись от красных войск, в составе которых сражались эстонцы, латыши и литовцы. Германские войска с санкции Антанты воевали в Латвии. Таким образом, в «походе держав» участвовало девять держав Антанты (Великобритания и ее доминионы, Франция, США, Япония, Греция, Италия, Сербия, Китай, Румыния), а также германские войска и солдаты пяти новых государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша). Так что в сумме получается 15. С натяжкой это число можно увеличить за счет Чехословакии, британских доминионов и тех государств, которые не смогли выжить в этой войне (например, Украинская народная республика). Но чехословацкий корпус не был отправлен в Россию каким-либо государством, а к началу чехословацкого выступления в мае 1918 г. Чехословакии еще не существовало. Также трудно признать державой УНР в августе 1919 г. — она просто не контролировала Украину. Закавказские государства в 1919 г. не вели войны против РСФСР. До апреля 1919 г. с РСФСР воевала Хива, но затем замирилась. Так что цифра 15 наиболее точно характеризует число государств, воевавших против советских республик или оккупировавших часть территории России в середине 1919 г.

Однако это не значит, что все 15 государств вели против большевиков полномасштабную войну. Все дело в том, что эти силы не собирались идти на Москву и Петроград. Каждый преследовал свои цели.

Ведущие державы Антанты надеялись, что в России возникнет зависимое либеральное правительство, сопредельные страны, от Румынии до Японии, рассчитывали отщипнуть кусок от распадающейся Российской империи, новые же государства отодвигали границу как можно дальше на восток, вступая в конфликты с другими претендентами на эти земли, включая белое движение.

При этом новые страны и германцы вели сложную войну между собой и с белыми формированиями. Так, основная борьба в Латвии в июне–ноябре 1919 г. развернулась между белой армией, опиравшейся на поддержку немцев, и союзом латышей и эстонцев. Красная армия в это время действовала на окраинах Латвии. Литва воевала с Польшей, которая, в свою очередь, воевала также с Западной Украиной и немцами.

В самих странах Антанты после завершения Первой мировой войны мало кто хотел воевать против каких-то большевиков в далекой России. Это наглядно подтвердил опыт действий интервентов на Украине в 1919 г. Как раз когда появилось выражение о походе 14 держав, государства Антанты выводили свои войска из Украины и России.

Миротворцы или расчленители?

Обсуждая возможность приглашения белого правительства на конференцию в Париж, чтобы оно могло занять кресло России среди победителей, Вильсон и французский министр иностранных дел Стефан Пишон решили, что белые не являются представителями России де-факто, так что приглашать их не следует¹.

Белое движение, на которое сделали ставку лидеры Антанты, все никак не могло справиться с большевиками. Несмотря на резко негативное отношение к большевикам со стороны держав «Сердечного согласия», их дипломатическое игнорирование могло привести к превращению России в «черную дыру» новой системы международных отношений.

Тогда премьер-министр Канады Роберт Борден предложил созвать конференцию всех российских правительств, которые контролируют часть территории распавшейся империи. 31 декабря 1918 г. эту идею поддержало заседание военного кабинета Британской империи с участием доминионов².

Ллойд Джордж склонялся к федерализации России по образцу Германии после Вестфальского мира 1648 г.³ Это не было стратегическое стремление закрепить распад России, а скорее — поиск наиболее экономного способа прекратить войну и уравновесить непредсказуемые российские военно-политические силы. Но раз уж Россия, которая часто была оппонентом Великобритании в международных вопросах, столкнулась с катастрофой, то Ллойд Джордж не считал нужным способствовать возрождению ее мощи.

16 января, обсуждая этот вопрос с партнерами по Совету десяти, британский премьер предложил пригласить представителей враждующих сторон в Париж и выслушать их от имени конференции. 21 января было решено, что приглашение последует от имени Вильсона, а сама встреча произойдет на острове Принкипо в Мраморном море⁴. По иронии судьбы в дальнейшем этот остров прославился тем, что там жил в ссылке Лев Троцкий, — все же он приехал туда, хоть и через десятилетие.

22 января лидеры Парижской конференции направили приглашение ко всем «русским политическим группам» принять участие во

¹ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 309.

² Сергеев Е.Ю. Россия и Версаль // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 2. Россия и союзники. М.: Международные отношения, 2020. С. 584.

³ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 214.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 108.

встрече на Принцевых островах (Принкипо) в Мраморном море для обсуждения текущей ситуации и формирования единой делегации для представительства на Парижском форуме¹.

4 февраля советское правительство ответило согласием, сопроводив его широкой программой уступок, включая признание долгов, предоставление концессий и возможность обсуждения территориальных претензий². Оно уже давно давало понять, что готово к переговорам. Еще 24 октября 1918 г. Советская Россия обратилась к Вильсону с предложением о перемирии, а затем до середины 1919 г. последовало более десяти обращений к союзникам с мирными предложениями. 4 декабря 1918 г. советский эмиссар Максим Литвинов заявил в Копенгагене, что в обмен на признание Советской власти та готова пойти на широкие уступки, включая переговоры о выплате долгов и компенсаций³. 14–16 декабря Литвинов переговорил с американским атташе в Дании Уильямом Баклером и наобещал ему с три короба: и выплату долгов, и защиту иностранной собственности, и концессии⁴.

Согласие большевиков на переговоры было обусловлено их опасениями по поводу предстоящего серьезного вмешательства Антанты в Гражданскую войну и верой в преимущества своей экономической системы. Как и во время Брестских переговоров, коммунисты надеялись, что, получив передышку, они быстро наладят хозяйство благодаря планированию и экономической централизации, их мощь возрастет и тогда уж они покажут себя в полную силу. В феврале 1919 г. под контролем большевиков находились и экономические центры России, и Донбасс, и большая часть Украины, Урала и Туркестана. А возвращением Сибири и Дальнего Востока можно будет заняться позднее.

Для хозяев Парижской конференции соблазнительно было бы включить Россию в систему новых международных отношений. Но на своих условиях, конечно. Вильсон заявил Черчиллю, что, если белые откажутся от встречи, он готов пойти на встречу с одними большевиками, но если она закончится неудачей, тогда уже в полную силу помогать антибольшевистским силам⁵.

Белые не хотели ехать на Принкипо. По воспоминаниям командующего британским контингентом в Сибири полковника Джона Уорда, Верховный правитель России Колчак заявил: «Мы можем го-

¹ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 214.

² Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 57–60.

³ *Сергеев Е.Ю.* Россия и Версаль. С. 587.

⁴ *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 310.

⁵ *Черчилль У.* Мировой кризис. 1918–1925. С. 109–110.

ворить и заключить соглашение с каждой партией и правительством из существующих в различных областях России, но пойти на компромисс с большевиками, пожать им руки, сесть с ними и вести переговоры как с равными, с людьми, которые оскорбляют и убивают русский народ, — никогда. Ни одно приличное союзное правительство, знакомое с фактами, не станет ожидать этого»¹. Если Колчак говорил именно так, то он лукавил. Вряд ли белые были готовы вести переговоры, скажем, с левыми эсерами. Колчак не был готов к соглашению и с правительствами новых государств. Он надеялся, что, когда Россия «укрепится», можно будет вернуться к теме статуса этих территорий, но в составе России. А если это не понравится лидерам национальных движений, «укрепившаяся» Россия сможет действовать с позиции силы. Мощь России будет больше, чем у национальных государств. Большевики страшны для белого движения не только их практикой и идеологией, но и тем, что это была единственная сила, которая могла говорить на равных со всем белым движением. Они были главными претендентами на то, чтобы оказаться во главе объединенной России.

По свидетельству Уорда, на позицию Колчака повлияли японская, французская и британская миссии, которые не рекомендовали ему принимать предложения Вильсона (британцы при этом явно действовали против политики своего премьера)².

Предложение о встрече поддержала Эстония, в это время как раз развивавшая наступление против большевиков, но опасавшаяся, что надолго сил не хватит. Позднее, но в том же году она первой заключит перемирие с Советской Россией.

Поскольку большевики согласились участвовать во встрече, а белые нет и она сорвалась, теперь Антанте нужно было обвинить в срыве встречи большевиков. Они были виноваты в том, что не прекратили военные действия (хотя этого, естественно, не сделали и их противники). Вильсон счел советский ответ «умышленно оскорбительным»³. Но там содержалось недвусмысленное согласие на встречу, в то время как белые отнеслись к инициативе лидеров союзников отрицательно, проявив строптивость (отчасти спровоцированную представителями союзников на местах). Президент уже не хотел встречаться с представителями большевиков, но все еще был готов «взять пример с Магомета и идти к ним»⁴, но не сам, а послав дипломата, чтобы выяснить настроения и намерения.

¹ Уорд Дж. Записки начальника английского экспедиционного отряда в Сибири 1918–1919 гг. М.: Вече, 2018. С. 139.

² Там же. С. 230.

³ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 312.

⁴ Там же. С. 315.

В Россию поехал заместитель государственного секретаря США Уильям Буллит. Формально миссия носила информационный характер. Буллит получил условия, по поводу которых нужно выяснить позицию большевиков. Большевики должны признать сохранение тех правительств, которые теперь существуют в России на занятых их войсками территориях, а также долги России, провести амнистию, гарантировать иностранную собственность. В ответ Советская Россия может получить инвестиции. В случае согласия военная помощь белому движению будет прекращена, а союзные войска покинут Россию.

22 февраля небольшая группа во главе с Буллитом выехала в РСФСР. 9 марта он вел переговоры в Петрограде, 10–14 марта — в Москве, встречался с Чичериным, Литвиновым и Лениным. 12 марта Буллит согласовал с советской стороной условия договоренности РСФСР и Антанты. Советская сторона была готова приостановить военные действия до предстоящей мирной конференции российских военно-политических сил. Оговаривалось, что «все фактически существующие на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительства сохраняют полную власть на территориях, занимаемых ими в момент вступления в силу перемирия», а дальнейшие изменения могут проходить уже в ходе конференции или позднее мирным путем. Все правительства от Финляндии до Афганистана «обязуются не делать никаких попыток к свержению силой фактически существующих правительств, образованных на территории бывшей Российской империи, а также остальных правительств, подписавших настоящее соглашение»¹. Последний пункт намекал на недопустимость подрывных революционных действий со стороны коммунистов. Предполагалась амнистия.

В случае согласия сторон на это «экономическая блокада России отменяется, и торговые сношения между Советской Россией и Союзными и Объединившимися странами возобновляются на условиях, обеспечивающих одинаковую доступность доставленных из Союзных и Объединившихся стран товаров всем классам русского народа». Советская Россия также получала права транзита, свободы передвижения².

Также предполагалось прекращение интервенции и военной помощи антисоветским правительствам. Оговаривалось сокращение вооруженных сил до уровня мирного времени при союзном контроле за демобилизацией. Советская Россия признавала долги Российской империи. «Подробности уплаты этих долгов должны быть выработаны на Конференции, причем будет принято во внимание настоя-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 92.

² Там же. С. 93.

щее финансовое положение России. Русское золото, захваченное чехословаками в Казани или вывезенное союзниками из Германии, должно быть рассматриваемо как частичная уплата Советскими Республиками России части долга, падающего на них»¹. На встрече 14 марта Ленин в принципе согласился с этими предложениями и готов был ждать результата до 10 апреля².

Вернувшись из России, Буллит составил меморандум с планом перемирия и мирной конференции по России. Буллит писал президенту, что в России нельзя создать какого-либо правительства, кроме социалистического, что большевики настроены уже достаточно умеренно, что белые произведут в случае своей победы еще более кровавый террор. Но победить им будет нелегко, ведь «Красная армия сражается с энтузиазмом крестоносцев». Сильное впечатление на Буллита произвел и сам Ленин: «Весьма поразительный человек — откровенный, прямой, но также и гениальный, с большим юмором и ясностью мысли»³. Как минимум откровенность Ленина Буллит явно переоценил.

Миссия считалась неофициальной и негласной, но о ней стала писать пресса, и Вильсон отмежевался от Буллита. Лидеры союзников не решились на продолжение сближения с большевизмом. По мнению историка Е.Ю. Сергеева, «главной причиной этого фиаско явилась неготовность правящих кругов и общественного мнения ведущих западных стран к официальному признанию большевистского режима на фоне сведений, поступавших в Париж и Лондон весной 1919 г. об успехах наступления белых армий, особенно Колчака, усиливавшемся недовольстве населения политикой “комиссаров” и ожидании скорого краха Советской России»⁴. К этому можно добавить и сопротивление правых элит признанию большевиков как таковому, что может легализовать революционную агитацию с опорой на советские представительства⁵.

Отказавшись воспользоваться договоренностью Буллита с большевистскими лидерами, Ллойд Джордж и Вильсон потеряли время и деньги, которые можно было сэкономить на обреченной интервенции и помощи белым. В 1920–1921 гг. Ллойд Джордж все равно вернет-ся за стол переговоров с большевиками.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 94.

² Листиков С.В. Миссия У. Буллита в Советскую Россию, 1919 г. // Американский ежегодник. М., 2013. С. 211–228; Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 319–321.

³ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 324.

⁴ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 218.

⁵ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 328.

Несмотря на то что британские лидеры были бы не против того, чтобы ослабить своего давнишнего конкурента Россию, это не являлось целью их политики в 1919 г. И без того Россия была достаточно ослаблена, от нее отпадали окраины, претендовавшие на независимость. Достаточно было поддержать этот процесс, но и тут в британской элите не было согласия, так как часть ее была привержена принципу легитимизма больше, чем эгоистическому прагматизму. К тому же нужно было оглядываться на Францию, для которой сильная Россия выступала историческим противовесом центральноевропейским угрозам. Так что гипотетические переговоры на Принкипо не могли привести к расчленению России. Там мог быть лишь установлен порядок восстановления ее целостности — вероятнее всего, через выборы. Однако его реальное осуществление выглядело сомнительно: ни белые, ни коммунисты не уважали демократических процедур. А уважавшие их эсеры были уже слишком ослаблены во всероссийском масштабе. Коммунисты хотели получить передышку и были готовы к последующему разгону любых учредительных собраний. Белогвардейцы не питали иллюзий о возможности их примирения с коммунистами.

В 1919 г. остановить гражданскую войну в России было не во власти Ллойд Джорджа и Вильсона, даже если бы белые согласились на переговоры. Платформы для соглашения Ленина с белым движением просто не существовало, и переговоры могли быть лишь передышкой, в тех условиях более выгодной большевикам, так как силы белых в это время возросли с помощью Антанты. В любом случае судьба России в 1919–1920 гг. могла быть решена лишь силой оружия, а не миротворческими усилиями архитекторов Версальской системы. У них не было шанса заморозить разделение России или замирить ее в состоянии конфедерации, так как стороны конфликта и стоявшие за ними массы ненавидели друг друга и вели борьбу на уничтожение. Поняв настроения в белом лагере, лидеры Парижской конференции перестали настаивать на своем миротворчестве и, вопреки слухам об их стремлении расчленить Россию, принялись еще активнее поддерживать сторонников «единой и неделимой» во главе с Колчаком и Деникиным.

Генеральное отступление

Перед союзниками возникла альтернатива: либо вывод войск, либо резкое наращивание интервенции. В условиях послевоенной военно-политической дестабилизации войска требовались во многих местах от Венгрии до Турции.

В британском руководстве шла дискуссия о том, продолжать ли вмешательство в русские дела. Лидером «ястребов», стремившихся к активной интервенции в России и даже объявлению войны большевикам, был военный министр Уинстон Черчилль, который считал, что «признание большевиков аналогично легализации содомии»¹. В XX в. произойдет и то и другое, причем признание большевиков — значительно быстрее. По инициативе Черчилля против красных на Севере и под Царицыном даже применялось химическое оружие². Другая группа видных британских деятелей, к которой относились Кёрзон, Милнер, О. Чемберлен и Сесил, считали, что косвенная финансовая и материальная поддержка национальных государств, возникших на окраинах России, больше отвечает целям Великобритании, население которой устало нести на своих плечах основное бремя военных расходов и людских жертв»³.

Ллойд Джордж в феврале 1919 г. считал, «что надо помочь России спастись в том случае, если она этого хочет; если же она не воспользуется представившимся для этого случаем, то это будет значить, что она или не хочет быть спасенной от большевизма, или теперь уже слишком поздно... мы нанесли бы оскорбление всем британским принципам свободы, если бы использовали иностранные армии для того, чтобы насильно организовать в России правительство, которого не желает русский народ»⁴.

12 февраля Черчилль поставил вопрос ребром: нужно либо вывести войска из России, либо существенно нарастить их и начать воевать по-настоящему⁵. Ллойд Джордж прокомментировал планы расширения интервенции в письме к Черчиллю: «Очень обеспокоен Вашей второй телеграммой о планах войны против большевиков. Кабинет никогда не утвердит подобное предложение. Он никогда не пойдет ни на что, кроме поставок оружия в антибольшевистские районы России и снаряжения, которое позволит им самостоятельно оказывать сопротивление, и то он пойдет на это лишь в случае провала всех попыток решения проблемы»⁶.

14–15 февраля 1919 г. участники Парижской конференции продолжили обсуждение «русского вопроса». Черчилля поддержал Фердинанд Фош. 17 февраля маршал на заседании Совета десяти (в отсутствие Ллойд Джорджа) представил план интервенции в под-

¹ Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 214.

² Там же. С. 230–231.

³ Там же. С. 198.

⁴ *Черчилль У.* Мировой кризис. 1918–1925. С. 112.

⁵ *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 314.

⁶ Цит. по: Там же. С. 317.

держку антибольшевистских сил за счет направления в Россию 2 млн свежих американских солдат. Эта «Армия свободы» с участием румын и поляков должна была вторгнуться в Советскую Россию из Польши¹. Однако США не горели желанием отправлять на восток столько своих людей.

24 февраля на заседании британского военного кабинета было принято принципиальное решение о выводе войск из России, как только позволят природные условия².

В начале марта правительство Великобритании приняло решение об эвакуации британских войск из Северной области, Кавказского региона и Туркестана. 16 апреля в программной речи в палате общин Ллойд Джордж сформулировал новую линию в отношении России: большевиков не признавать (и зачем тогда Буллита посылали?), поскольку они не контролируют всю территорию России и продолжают нападения на «друзей Антанты». Но и стремиться к оккупации российской территории не следует. Контролировать российскую территорию военной силой невозможно из-за ее обширности и колоссальных финансовых затрат на содержание огромной оккупационной армии. Россию нужно оставить в покое, продолжив блокаду советского режима³. В российской Гражданской войне ставка делалась на поддержку «друзей Антанты».

Британцы направили в Россию снаряжение для 200 тыс. солдат, 100 тыс. винтовок и около 2 тыс. пулеметов, 400 автомобилей, боеприпасы — всего около 200 тыс. тонн⁴. До октября 1919 г. во Владивосток пришло около 100 тыс. тонн военных грузов для армии Александра Колчака⁵. Только США отправили ему 450 тыс. винтовок — не считая тысяч пулеметов и сотен орудий⁶. В 1919 г. британцы направили адмиралу Колчаку и интервентам 79 транспортных судов с вооружением, боеприпасами и обмундированием, рассчитанные на 100-тысячную армию⁷. Было бы кому держать в руках все это оружие.

Вооруженные силы Юга России к середине февраля 1919 г. получили от Великобритании 175 тыс. винтовок, более 700 орудий, 400 млн патронов, более 2100 снарядов, 5 тыс. пулеметов, 12 танков, 124 аэроплана, более тысячи автомобилей, 250 тыс. комплектов об-

¹ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 215.

² *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 320.

³ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 220.

⁴ Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987. С. 53–55.

⁵ *Черчилль У.* Мировой кризис. 1918–1925. С. 164.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 230.

⁷ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 223.

мундирования. Затем число поставленных винтовок было доведено до 250 тыс., и еще 277 тыс. поставила Румыния с российских складов времен мировой войны. В армии Деникина действовало также около 2 тыс. британских советников¹.

18 сентября британский военный кабинет определил сумму помощи Деникину в 3 млн фунтов как «последний вклад британского правительства в его дело борьбы с большевиками»². В начале ноября Деникин был уведомлен о переходе на самообеспечение с апреля 1920 г. (этот месяц станет исторической датой отставки разгромленного к этому времени Деникина).

Несмотря на эвакуацию интервентов, война Антанты с Советской Россией продолжилась. В марте 1920 г. франко-британский флот обстреливал красных под Новороссийском, поддерживая эвакуацию своих белогвардейских союзников в Крым после краха ВСЮР.

* * *

Эвакуация интервентов требовала времени и подготовки, но ситуация подгоняла. На Севере России ненадежным оказался даже Славяно-британский легион, где русские служили под британским командованием по британскому уставу. 4 июля солдаты Дайеровского батальона легиона перебили офицеров. Командующий экспедиционными войсками Эдмунд Айронсайд писал: «Мятеж в Дайеровском батальоне стал для меня большим потрясением, чем я допускал даже в глубине души. Теперь я чувствовал настоящую необходимость как можно скорее вывести войска»³.

Впрочем, генерал скорее подыскивал аргументы для уже принятого решения о выводе войск, о котором он сообщил Миллеру еще 2 июля⁴, до мятежа.

Эвакуируясь, союзники уничтожали часть имущества, чтобы оно не досталось большевикам. Были вывезены почти все танки⁵. В способности белых сопротивляться самостоятельно имелись определенные сомнения. Да и сами они в большинстве своем считали, что нужно организованно эвакуироваться вместе с союзниками. Миллер выступал против этого. Оптимизма добавило последнее до ухода союзников наступление на красных, начатое 29 августа. В прорыве советского фронта участвовали австралийцы, действовавшие в стиле

¹ Антисоветская интервенция и ее крах. С. 56–57.

² Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. С. 362.

³ Прайсман А. Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 218.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Там же. С. 165.

«Данди, по прозвищу Крокодил»: «Воспитанные на охоте на диких зверей, смелые, стремительные, великолепно владеющие оружием, они бросались в атаку, имея обыкновенные ножи в зубах, чтобы в нужный момент пустить в ход это излюбленное их оружие, наводя на большевиков панику своим видом ковбоев, на которых они были похожи своими круглыми широкими шляпами»¹, — писал участник событий. 10 сентября красные ушли из Онеги. Союзники эвакуировались под гром этих боев. Наступление продолжали белые до 10 октября 1919 г. 27 сентября интервенты оставили Архангельск, а 12 октября — Мурманск.

Американцы потеряли на Севере 104 человека убитыми и 500 ранеными², британцы — 983 убитыми и ранеными³.

Красному командованию в это время было не до Севера — нужно было отбивать наступление Деникина и Юденича. Разгромив их, красные перебросили достаточные силы для ликвидации Северного фронта белых, где в ноябре РККА перешла в наступление.

В августе начался вывод британских войск из Закавказья. Под франко-британским контролем до 9 июля 1920 г. оставался Батум. После Энзелийской морской операции красных в Иране было решено оставить и его.

9 февраля 1919 г. правительство приняло решение о выводе миссии Маллесона из Закаспия. В марте Маллесон покинул Ашхабад, возвратившись в Мешхед, а 1 апреля британские колониальные войска численностью в 950 военнослужащих покинули территорию Закаспийской области, кроме Красноводска, который был оставлен накануне прихода РККА, 6 февраля 1920 г.⁴ Эвакуация оккупационных войск облегчила занятие Закаспия красными.

После поражения белых их каспийская флотилия в составе 29 судов отошла из Баку в иранский порт Энзели, контролировавшийся британцами. Это создавало угрозу набегов и десантов на советскую территорию на Каспии, и советское командование решило атаковать. Руководство операцией доверили Федору Раскольникову, которому нужно было реабилитироваться за провальные действия на Балтике, где его захватили в плен британцы.

17 мая советская флотилия в составе 14 судов с 2 тыс. десантников вышла из Баку. Подойдя к Энзели, красные ультимативно потребовали от небольшого британского гарнизона покинуть этот город.

¹ Цит. по: *Прайсман А.Г.* 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 260–261.

² Там же. С. 270.

³ *Черчилль У.* Мировой кризис. 1918–1925. С. 163.

⁴ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 342–343.

Не получив ответа, Раскольников высадил десант и начал осаду. Британцы и белогвардейцы решили с ним не связываться и отошли в сторону Решта. Корабли были уведены в Советскую Россию. Но советское руководство решило не сдавать плацдарм на южном берегу Каспийского моря. Так начиналась эпопея советского вмешательства в Иране.

* * *

Союзникам Великобритании тоже требовалось выбирать приоритеты. Грекам гораздо важнее было победить Кемалья в Турции, чем большевиков на Украине. Французы, призванные в армию во время мировой войны, уже вообще не желали воевать. Более решительными были профессиональные солдаты из Африки, но для них был тяжел местный климат.

Оценив итоги боев к северу от Одессы и результаты миссии Франше д'Эспере, 27 марта 1919 г. Совет четырех в Париже принял принципиальное решение об эвакуации французских войск из Одессы.

29 марта об уходе из России было объявлено публично. Палата депутатов проголосовала за прекращение финансирования французских военных операций в России.

Последние бои с атаманом Григорьевым происходили в условиях уже начавшейся эвакуации, что не способствовало стойкости войск Антанты. 3 апреля произошел бой у Березовки, где у союзников имелись укрепленные позиции с 2 тыс. солдат, 6 орудиями и 5 танками «Рено». По версии информаторов Добровольческой армии, когда в тылу их позиций «раздалась беспорядочная стрельба», «французы и греки дрогнули», а затем побежали. Эта версия получила распространение в литературе¹. В. Майборода, который во время боя находился в Березовке, рисует более сложную картину: «В это время под горой что-то зашумело. Оказывается, заработали танки. И, пустив в ход моторы, как какие-то гигантские черепахи, поползли на северо-восток от станции... При виде танков большевики бежали, и нападение их было приостановлено. В то же время на позициях, которые были приготовлены на севере от станции по обеим сторонам железной дороги, все время шла оживленная перестрелка... Под видом сопровождения раненых были просто ушедшие с позиций, особенно много было греков. На это обратили внимание, и, найдя какого-то офицера, Шантепи стал требовать от него, чтобы он отвел своих людей на прежние места. Шантепи

¹ Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и французского командования. С. 249; Шамбаров В. Белогвардейщина. М.: Эксмо-пресс, 2007. С. 244–246.

кричал и горячился, греческий офицер беспомощно развел руками, а в это время на перроне и вблизи станции солдат появлялось все больше и больше... Вдруг кто-то из русских офицеров-переводчиков, прибежав на станцию, крикнул: «Большевики занимают передние вагоны»... Сообщение прибежавшего офицера подтвердилось. Майор Жеро вызвал роту пулеметчиков и, расположив ее перед самой станцией, открыл огонь по вагонам. Ко мне подошел лейтенант Шантепи и сказал мне: не теряйте меня из виду, мы сейчас уходим... На перекрестке двух дорог мы встретились с батальоном греков... вся дорога их отступления была усеяна бросаемыми ими предметами снаряжения — валялись каски, одеяла, патронташи и т. д.»¹. То есть поражение интервентов стало результатом не внезапной паники, а упорного натиска красных и нежелания солдат Антанты, прежде всего греков, рисковать жизнью. Они неохотно сражались на непонятной им «войне после войны». А начавшаяся эвакуация подстегнула отступающих.

В свою очередь, поражение у Березовки стимулировало эвакуацию Одессы. Она была проведена не планомерно, а срочно, почти панически. Эвакуация была объявлена вечером 2 апреля. Власть перешла Совету рабочих депутатов, с которым французы договорились о возможности беспрепятственно эвакуироваться. Отплытие было затруднено забастовкой русских коммерческих моряков, которые оставили свои пароходы без команд. Массы беженцев прорывались на корабли и в некоторых случаях вынуждены были брать на себя работу матросов и механиков. В городе началось вооруженное выступление отрядов большевиков, левых эсеров и анархистов. 4 апреля они взяли под контроль ключевые пункты Одессы².

6 апреля Григорьев с триумфом вошел в Одессу. Там ему достались запасы снаряжения, часть которого он раздал населению, что еще сильнее подняло его популярность.

Подводя итоги операции, 17 апреля начальник штаба Украинского фронта Василий Глаголев писал начальнику полевого штаба Реввоенсовета: «Бывшие в Одессе французские части определенно не хотели драться, греческие не имели хорошего командования, румын почти не было, добровольцы были неорганизованны»³. Падение Одессы не воспринималось красным командованием как завершение войны с Антантой в этом регионе: «Фронт, естественно, может остановиться теперь только на Днестре, но уже включение в его состав

¹ Майбородов В. С французами. С. 130–132.

² Капчинский О.И. Мишка Япончик и другие: Криминал и власть в годы гражданской войны в Одессе. С. 81–82.

³ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 2. С. 194.

бессарабских повстанцев указывает на то, что составленный из повстанцев фронт может двинуться и дальше на запад»¹. Опыт формирования частей РККА из повстанцев был признан успешным и даже соблазнял новыми стратегическими прорывами. Впереди были Бессарабия и Румыния.

К 29 апреля интервентами были оставлены также Севастополь и другие города Северного Причерноморья. Сухопутные войска Антанты и ее белые союзники отошли за Днестр. Однако история интервенции в этом регионе не завершилась — ведь Бессарабия тоже входила в состав бывшей Российской империи, и ее аннексия Румынией не была признана в большевистской Москве.

Вскоре после эвакуации из Одессы, но еще до оставления Севастополя в истории французской интервенции произошел новый драматичный поворот — восстание на флоте.

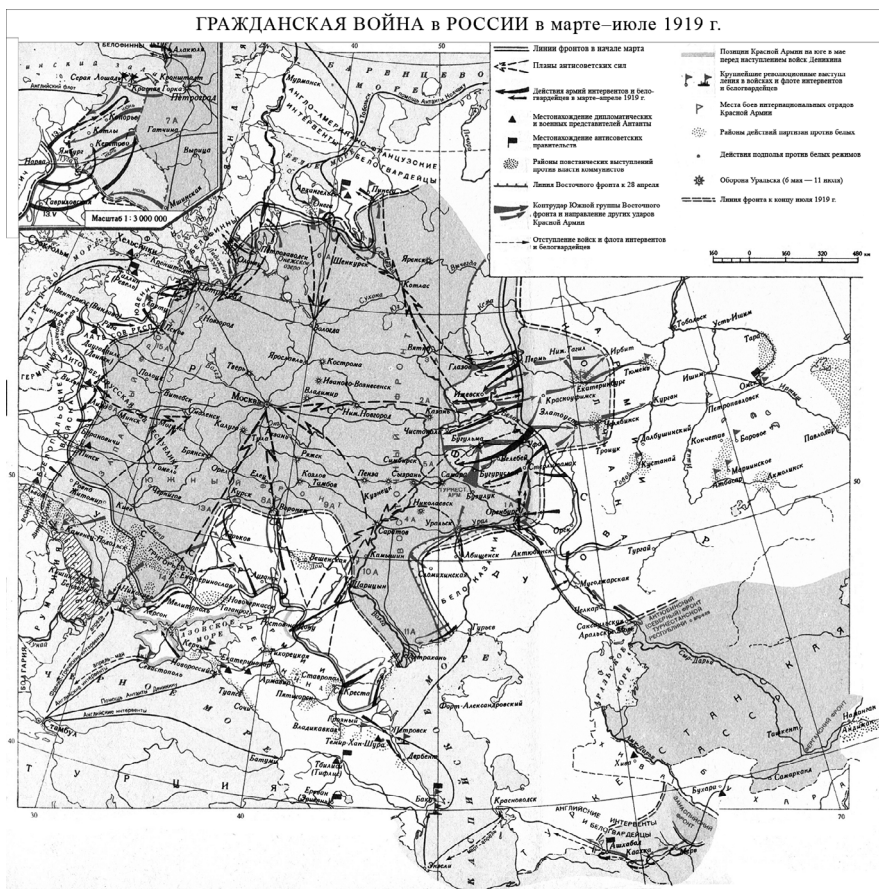
В апреле возник заговор во главе с инженером-механиком Андре Марти, будущим видным коммунистом, на миноносце «Проте», стоявшем в гавани румынского Галаца. Моряки-«леваки» планировали захватить корабль и перегнать его в Одессу, но заговор был раскрыт, и Марти арестован.

16 апреля начались волнения французских военных моряков, которые 19 апреля переросли в столкновения матросов и офицеров на линкорах «Жан Бар» и «Франс». Матросы высадились в Севастополе и провели совместную демонстрацию с революционно настроенным населением. Греческие войска открыли огонь по демонстрации. К восстанию присоединились броненосцы «Жюстис», «Мирабо», «Вольтер», крейсера «Дю Шела», «Вальдек-Руссо» и другие корабли, стоявшие у Севастополя и шедшие из Одессы. Восставшие выдвинули как социально-бытовые (улучшение питания и др.), так и политические требования (отправка домой). Волнения были окончательно подавлены только по возвращении во Францию в мае². Известный историк Э. Хобсбаум даже решил, что «во время гражданской войны в России 1918–1920 годов восстание на французских военных кораблях в Черном море явилось причиной прекращения французской военной интервенции против большевиков»³. Это очень поверхностный взгляд: мы видели, что решение о прекращении интервенции было принято до восстаний по более глубоким причинам.

¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 2. С. 195.

² *Марти А.* Красный флаг над Французским флотом (Черноморское восстание). М.; Л.: Московский рабочий, 1928; *Ле Рамей Ж., Вомтефо П.* Восставшие на Черном море. Воспоминания и документы. М.: Прогресс, 1976.

³ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004. С. 71.

После взятия Одессы Красная армия готовилась продолжить движение на Запад, нанести удар по Румынии, помогая Советской Венгрии. Румынии пришлось бы воевать на два фронта. Козырем Румынии в Бессарабии была разве что группировка французских войск под командованием генерала Бертело. Насколько французы были готовы защищать румынские интересы в Бессарабии?

Отголоском несостоявшегося удара на Днестре стало просоветское восстание в Бендерах, готовившееся в связи с более широкими планами, но все же состоявшееся, хотя из-за выступления атамана Григорьева сорвался удар Красной армии по Румынии (см. гл. 6).

Подпольному революционному комитету в Бендерах удалось установить контакты с французскими солдатами. Утром 27 мая 1919 г. просоветские рабочие-железнодорожники и пришедший из-за Днестра отряд красных уроженцев Бессарабии численностью

150 человек под общей командой Григория Старого (Борисова) атаковали гарнизон крепости и заняли ключевые объекты Бендер. На сторону восставших перешла часть солдат 4-го и 37-го французских полков, остальные же солдаты не вмешивались в события. Румынский гарнизон частично сдался, частично разбежался. Вечером к Бендерам подошли подкрепления румынской армии и алжирских зуавов, которые после артобстрела двинулись на город. Тогда французский гарнизон встал между восставшими и их противниками, обеспечив эвакуацию основных просоветских сил за Днестр¹.

Если даже небольшой отряд мог захватить важный стратегический пункт за Днестром при фактическом нейтралитете части французских войск, то серьезный удар Красной армии имел значительные шансы изменить стратегическую обстановку между Днестром и Тисой. Но восстание Григорьева сделало это наступление невозможным. 6 августа Венгерская советская республика пала.

С весны 1919 г. Франция постепенно уходила из Восточной Европы, теряя там влияние, несмотря на возможности, которые предоставили французам итоги Первой мировой войны. Война ослабила готовность Франции отстаивать силой позиции в Европе. Начавшись на Украине в 1919 г., стратегическое отступление Франции с востока Европы будет продолжаться два десятилетия.

* * *

Главным русским другом Антанты был Верховный правитель России (подконтрольной белым) адмирал Александр Колчак. Но с прибывшим в декабре в Омск командующим войсками Антанты в России генералом Морисом Жаненом у Колчака сложились натянутые отношения. Жанен претендовал и на командование российскими войсками, чего Колчак не допускал. В то же время Жанен становился на сторону чехословацких войск в их противоречиях с белым командованием.

После того как верховенство Колчака было 30 апреля признано Временным правительством Северной области, а 12 июня — Деникиным, «Российское государство» и его Верховный правитель контролировали территорию, которая пятнами обступала историческое ядро Российского государства, окрашенное теперь в красный цвет. Зато государство Колчака подчеркивало преемство со старой Россией. Колчак сохранял законодательство Российской империи и Временного правительства, которое дополнялось постановлениями правительства Петра Вологодского, а с 22 ноября — Виктора Пепеляева.

¹ Березняков Н.В., Копанский Я.М., Платон В.Н. Под красным знаменем революции. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1965; Зайцев А.В. Бендерское вооруженное... Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1971.

Полковник Уорд, увлеченный фигурой Колчака, всячески подчеркивал его патриотизм. Японцы собрались вывезти железо через Владивосток, и, по версии Уорда, Директория дала на это разрешение, а Колчак гордо уведомил японцев, что «перемена правительства означает также и перемену политики относительно продвижения японских войск и занятия ими железной дороги». Но вот конфуз — в июне 1919 г., когда Директории уже давно не было, Уорд обнаружил погрузку этого железа на японские суда¹.

Начавшееся 6 марта 1919 г. наступление войск Колчака в сторону Волги покончило с планами мирной конференции в Принкипо и качнуло настроения «Большой четверки» к поддержке диктатора «Российского государства». 24 мая 1919 г. она обсуждала ноту в его адрес, которая была отправлена 26 мая. В ноте говорилось: «Державы союзной коалиции всегда придерживались аксиомы: избегать всякого вмешательства во внутренние дела». Да неужели? А как же объяснить все эти союзные войска, ведущие боевые действия на территории России? Отвечаем: «Вначале союзная интервенция исключительно преследовала цель оказать помощь тем элементам в России, которые желали продолжать борьбу с германским самодержавием, освободить свою страну от власти немцев, и для того, чтобы избавить чехо-словаков от опасности быть уничтоженными немецкими войсками»².

Ну, предположим, что интервенция была вызвана необходимостью противостоять в России Германии и спасти чехословацкий корпус. Однако с ноября 1918 г. «немецкого самодержавия» не существовало, и чехам мало что угрожало, большевистское правительство не могло помешать их выезду из России. Теперь-то что заставляет нарушать «аксиому»? На этот вопрос авторы документа уже не отвечают, а рассказывают, как посылали оружие и продовольствие тем, «кто был с ними в союзе», и заботились о «водворении мира и порядка в России». Теперь эту помощь союзники готовы оказывать на определенных условиях: созыв Учредительного собрания и арбитраж Лиги Наций при определении новых границ Российского государства. С большевиками таких условий достичь не удастся, поэтому союзники готовы помогать Колчаку, если его правительство «будет преследовать ту же цель, которую преследуют державы союзной коалиции». А именно:

1. Как только войска Колчака войдут в Москву, будет создано свободно избранное Учредительное собрание, перед которым будет ответственно правительство. А если война еще будет продолжаться, то

¹ Уорд Дж. Записки начальника английского экспедиционного отряда в Сибири 1918–1919 гг. С. 224–226.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 116.

должно быть собрано то Учредительное собрание, которое было избрано в 1917 г., пока не будет возможности провести новые выборы.

2. Должны быть проведены свободные выборы в городское и земское самоуправление на подконтрольной Колчаку территории.

3. Правительство Колчака не должно стремиться «восстановить прежнюю земельную систему», привилегии классов и вообще «снова вернуть к жизни тот режим, который разрушила революция».

4. Россия должна признать независимость Финляндии и Польши, передать вопрос о границах с ними арбитражу Лиги Наций (если не удастся достичь полюбовного соглашения).

5. Необходимо также признать автономию государств Прибалтики и Кавказа, передать их судьбу на арбитраж Лиги Наций и признать правомерность их нынешних отношений с союзниками.

6. Также следует признать право конференции решить судьбу «румынской части Бессарабии» (здесь не очень понятно, идет ли речь о разделе Молдавии или превращении ее целиком в «румынскую часть»).

7. Демократическая Россия должна войти в Лигу Наций и принять участие в ее соглашениях о вооружениях.

8. Также Россия должна подтвердить признание долгов¹.

Колчак должен был дать такие обязательства, чтобы его режим мог выглядеть демократическим в перспективе, что облегчило бы его поддержку со стороны общественного мнения США, Великобритании и Франции. Пятый пункт должен был успокоить лидеров новых национальных государств, но в то же время не требовал от Колчака признавать независимость большинства из них, перенося этот вопрос в будущее. И последнее по порядку, но не по значению — Колчак должен был подтвердить признание огромного долгового бремени, которое пытались сбросить с России большевики (впрочем, как мы видели, и Ленин был готов обсудить их уплату).

3 июня Колчак подготовил ответ союзникам, в котором обещал: «Первой моей мыслью в момент окончательного поражения большевиков будет установить день выборов в Учредительное собрание». Передавать власть Учредительному собранию после занятия Москвы или Петрограда Колчак не собирался, так что диктатура сохранялась бы на время войны с остатками большевиков на окраинах (которая могла затянуться на много лет даже в случае взятия белыми столиц). Колчак считал себя «правомочным подтвердить независимость Польши, объявленную российским Временным правительством 1917 года, все заявления и обязательства которого мы на себя приняли» и даже «признать фактически существующее финляндское

¹ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 117–118.

правительство, обеспечив ему полную независимость во внутреннем устройстве и управлении Финляндией». Но «окончательное же решение вопроса о Финляндии принадлежит Учредительному собранию». Так что с признанием независимости Финляндии придется подождать. Остальные национальные образования могут претендовать на автономию, размеры которой будут определены после победы. Колчак подтверждал признание долгов и намерение следовать по пути демократии и прогрессивных реформ¹.

Это было не вполне то, что хотели от Колчака лидеры союзников, но они сочли ответ «удовлетворительным» и 12 июня признали, что он дает «достаточную гарантию свободы и самоуправления русского народа и его соседей. В силу этого они готовы были предоставить Колчаку и его союзникам всю ту помощь, о которой говорилось в письме»².

При этом Колчак не собирался признавать независимость не только Прибалтики, но и Финляндии. В узком кругу он рассуждал: «В наших интересах, чтобы все спорные вопросы были разрешены впоследствии, когда Россия снова окрепнет, теперь же разрешать нежелательно, что может воспрепятствовать освобождению Петрограда»³. Но как же так? Как раз разрешение спорных вопросов в пользу Финляндии могло помочь наступлению на Петроград. Однако Колчак имеет в виду только одно «разрешение» — такое, которое Финляндию не устроит и о котором сейчас говорить нельзя, ибо это вызовет не только воздержание Финляндии при походе на Петроград, а такие действия, которые могут ему «воспрепятствовать». То есть речь шла о непризнании независимости и стремлении вернуть Финляндию, как и другие новые государства, в состав России.

В марте–апреле 1919 г. войска Колчака численностью 148 тыс. человек развернули наступление к Волге в сторону Казани и Самары против войск Восточного фронта (командующий — Сергей Каменев, 5–29 мая — Александр Самойло) численностью менее 100 тыс. Сибирская армия, которой командовал чехословацкий генерал Радола Гайда, взяла Ижевск и Сарапул, Западная армия под началом генерала Михаила Ханжина — Уфу, Бугульму, Бугуруслан и Белибей, Оренбургская осадила Оренбург, а Уральская — Уральск. Белые наступали в расходящихся направлениях, плохо скоординировано, «враздробь». Сказались и недостатки организации белого движения, которое «ставило» на порядок и дисциплину, но не могло этого в достаточной степени добиться. Для противодействия этому наступле-

¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. I. С. 65–67.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925. С. 118.

³ Цит. по: Прайсман А.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 305.

нию была создана Южная группа РККА во главе с Михаилом Фрунзе, которой была придана 5-я армия Михаила Тухачевского и Северная группа Василия Шорина, куда вошли 2-я и 3-я армии. На пермском направлении 33 тыс. белых действовали против 37 тыс. красных; на самарском направлении у белых было 40 тыс. против 24 тыс. у красных. Это создавало угрозу центру красных, а для белых — опасность фланговых ударов со стороны РККА. Наступление белых осложнялось весенней распутицей, плохой организацией снабжения, отставанием тылов. Еще с 1918 г. белая армия в Сибири отличалась разбуханием тыловых служб, где оседала избыточная часть офицерства. Проблемы снабжения были связаны, в частности, и с плохой работой Транссибирской магистрали. Белое командование во главе с начальником штаба ставки Дмитрием Лебедевым не озаботилось достаточными резервами¹.

Фрунзе сосредоточил Туркестанскую и 1-ю армии против левого фланга Западной армии белых и нанес по нему удар в районе Бузулука. 22–25 апреля Южная группа белых была разбита. Это оголило левый фланг Западной армии. Несмотря на это, Ханжин продолжил наступление и 25 апреля занял Чистополь. 28 апреля красные перешли в контрнаступление и юго-восточнее Бугуруслана разбили белых. И после этого белый «бег к Волге» продолжился, 27 апреля они взяли Сергиевск, что стало их наибольшим продвижением на Самарском направлении. 4 мая 5-я армия взяла Бугуруслан. Только тогда под угрозой окружения белые 5 мая начали отходить и оставили Сергиевск. 13 мая красные заняли Бугульму. 17 мая фронт 5-й армии был развернут на север, во фланг основной группировке белых войск. 17 мая белые оставили Белебей и отошли за реку Белую. 30 мая 5-я армия форсировала Белую и 7 июня взяла Бирск. 8 июня части 25-й дивизии Василия Чапаева переправились через Белую у станции Красный Яр и с помощью введенных Фрунзе резервов 9 июня взяли Уфу. 16 июня 1919 г. Ханжин начал общий отход на восток. Это вызвало и отход Сибирской армии, что позволило Северной группе красных занять Сарапул и Воткинск². Красные вышли на Урал и двинулись в Северную Азию³.

¹ Ганин А. Враздобръ, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63–74.

² Ход военных действий излагается в основном по: *Спиринов А.М.* Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957; *Вацетис И.И., Какурин Н.Е.* Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002.

³ Проблема границы Азии является дискуссионной. Здесь граница Азии рассматривается не строго географически, как прямая линия между Белым и Азовским морями, а более традиционно — по Уралу.

Борьба за Северную Азию

Обширность Сибири, помощь белому движению со стороны союзников и присутствие здесь их воинских частей, легкость, с которой в этих краях была ликвидирована Советская власть в 1918 г., — все это, казалось, гарантировало, что большевики даже в случае военного успеха еще долго не смогут угрожать белой столице Омску. Но белое движение опиралось в морозной Сибири не на прочную ледяную глыбу, а на тонкий лед. То там, то здесь вспыхивали восстания, партизаны атаковывали Транссибирскую магистраль, которую охраняли чехословацкие войска.

20 августа красные форсировали Tobol. Но в это время на Москву наступали Вооруженные силы Юга России во главе с Деникиным, и РККА перебрасывала силы с Восточного фронта. В сентябре белые перешли в контрнаступление и отбросили красных за Tobol. Но после поражения Деникина советское командование смогло выделить достаточные силы для отвоевания Сибири. В октябре красные перешли в наступление и стремительно двинулись вглубь Сибири. 15 ноября Омск пал. Колчаковский режим стал распадаться.

17–19 ноября 1919 г. во Владивостоке против колчаковского режима выступили чехословацкие легионеры во главе с Гайдой. Это проэсеровское восстание было быстро подавлено, а Гайда и его чехословацкие соратники высланы из России. Но прошедшее выступление стало предвестием событий зимы 1919/1920 гг., которые поставят точку в истории колчаковского режима.

На восток двинулась масса беженцев, распухший тыл омского «Российского государства» погрузился в вагоны. Одновременно Жанен принял решение провести полную эвакуацию иностранных войск из Сибири — иностранцы не хотели гибнуть под лавиной наступающих красных. Огромная масса эшелонов забила Транссибирскую магистраль. По подсчетам Жанена, 25 ноября западнее Ново-Николаевска скопилось 300 эшелонов (только польская 5-я дивизия, шедшая в арьергарде, занимала 25 эшелонов). А новониколаевский мост через Обь мог пропускать лишь 3–5 эшелонов в сутки. Поезда стояли подолгу, заканчивалось продовольствие и топливо. А на улице уже в ноябре ударили сибирские морозы. Люди замерзали насмерть. Белые руководители в своих мемуарах обвиняли в этой трагедии чехословацкое командование, сортировавшее эшелоны на станции Тайга, пропуская вперед свои и отбирая паровозы у русских эшелонов. По праву силы легионеры обеспечивали себе возможность не только выбраться, но и вывезти

имущество¹. Справедливости ради отметим, что и русские военные, и беженцы вывозили свое имущество по мере возможности. Причины катастрофы заключались в попытке одномоментного бегства большой массы людей по нитке Транссиба, явно не предназначенной для таких объемов перевозок.

Красных морозы не останавливали, они наступали на хвост медленно ползущей эшелонной гусенице. Только 11 декабря удалось протолкнуть эшелоны через мост — и через три дня Ново-Николаевск взяли красные. 6 января 1920 г. они заняли Красноярск, только что оставленный поляками. Отойдя на 12 км восточнее, до станции Ключевенная, польские эшелоны уперлись в хвост чехословацкому эшелону. Далее пути были забиты. Польское командование во главе с Валерианом Чумой попросило чехословацкого командующего Яна Сыровы пропустить хотя бы эшелоны с гражданскими и ранеными, но получили отказ. Такая эшелонная рокировка вряд ли была возможна физически, а сам эпизод показывает, что не все чехословацкие эшелоны уехали в первую очередь. Не имея возможности ехать дальше и не желая сражаться, польская 5-я дивизия капитулировала. Около тысячи бойцов во главе с командиром дивизии Казимиром Румшей пошли на восток пешком, сумели выбраться в Забайкалье и затем, завершив кругосветное путешествие, успели принять участие в битве за Варшаву². Чехословацкие и белые эшелоны продолжали ползти к Иркутску, где их уже перехватывали повстанцы.

Параллельно Транссибу отступали белогвардейцы под командованием генерала Владимира Каппеля (он умер в этом походе, простудившись). В эшелонах ехали госпитали и часть командования. Основным силам пришлось идти пешком на подводах и конными, отбиваясь от наседавшей Красной армии и партизан. С 18 декабря Колчак ехал в вагоне интервентов с флагами пяти держав под охраной чехословацких солдат. Такая предосторожность была не лишней, так как под собственным штандартом Колчак представлял бы собой более соблазнительную цель для обступавших Транссиб красных. А под флагами союзников имелся шанс проскочить в Забайкалье — их красные стремились выдавить из России, а не уничтожить.

Партизанские отряды перешли в наступление. 12 декабря повстанцы Григория Рогова взяли Кузнецк, где устроил «чистку га-

¹ См., например: *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М.: Центрполиграф, 2018. С. 465.

² *Резмер В.* Поляки в России и Сибири в 1917–1922 годах: вооруженная борьба, мартирология, пути на родину // Поляки в Сибири в конце XIX — первой четверти XX века. Историографические традиции. Новые направления и перспективы исследований. СПб.: Алетей, 2021. С. 184, 192.

дам»: расстреливали офицеров, «буржуев» и чиновников — всего до 400 человек.

В декабре вспыхнули восстания в Томске и Иркутске. Коммунисты, анархисты и эсеры сражались плечом к плечу. Правда, в ожидании прихода РККА некоторые коммунистические командиры стали «втихаря» расстреливать анархистов, но пока это было скорее исключением.

4 января 1920 г. отряд анархиста Нестора Каландаришвили подошел к Иркутску, где уже шли бои повстанцев с белыми. 5 января власть в городе взял эсерово-меньшевистский Политцентр, который потребовал от союзников выдать Колчака. Чтобы беспрепятственно эвакуироваться дальше в Забайкалье, чехословацкое командование с санкции Жанена с этим согласилось, и 15 января Колчак был арестован.

Политцентр надеялся создать «буферное» государственно-политическое образование между Советской Россией и Японией, имел свою Народно-революционную армию (НРА) под командованием эсера Николая Калашникова. Большевики вошли в Политцентр. На Иркутск шли каппелевцы. 21 января, опираясь на партизан и красногвардейцев, власть в городе взял большевистско-левоэсеровский ревком. 7 февраля Колчак был расстрелян. Ревком вместе с отрядом Каландаришвили отбился от каппелевцев, которым нужен был не столько Иркутск, сколько возможность пробиться на восток. Красная армия заняла Сибирь. На рубеже Байкала она остановилась.

* * *

Иркутску не суждено было стать частью «буфера», но идея иркутского Политцентра продолжала обсуждаться. Вскоре начнется создание «буферной» Дальневосточной республики (ДВР). Решение об этом было принято Политбюро ЦКРКП(б) 18 февраля 1920 г.

31 января 1920 г. в результате вооруженного восстания власть колчаковцев была свергнута во Владивостоке. Край возглавила Приморская областная земская управа, которая 1 апреля преобразовалась в региональное Временное правительство во главе с председателем управы эсером Александром Медведевым. Однако у него за спиной стояли большевики Сергей Лазо, Петр Никифоров, Владимир Виленский-Сибиряков и др. Коммунисты возглавляли деловой исполнительный аппарат и финансово-экономический совет, а также продовольственный и транспортный комитеты. Коммунисты имели большинство в Военном совете, что давало им возможность в любой момент перейти к советизации.

Что остановило советское руководство от дальнейшего продвижения вглубь Северной Азии? Обычно указывают на опасность столкно-

вения с Японией, что стало официальным мотивом решения ЦК РКП(б) о создании формально независимой «буферной» Дальневосточной республики. Ленин на заседании фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов 21 декабря 1920 г. говорил: «Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»¹.

Но война с Японией весной 1920 г. не представляла для Советской России большой опасности. Очевидно, что при наличии сильного партизанского движения японцы не стали бы двигаться за Байкал в Сибирь. А если бы стали, то не продвинулись бы далеко в связи со все той же уязвимости коммуникаций. Так что настоящие причины решения Москвы о создании ДВР нужно искать не в угрозе японского наступления. Весной 1920 г. советское руководство стремилось к новой «передышке», которая позволит наладить промышленность на социалистической плановой основе и затем подчинить этому индустриальному центру аграрную периферию. Борьба за Дальний Восток совершенно не вписывалась в эти задачи. Важнее было продвигаться на юг, к бакинской нефти (о чем речь пойдет в книге об отливе мировой революционной волны).

Ситуация в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке была неблагоприятной для немедленного установления Советской власти. Секретная служба ДВР в ноябре 1920 г. сообщала, что многие жители Прибайкалья, даже те, кто не был против революционной власти, враждебно относились к большевикам². Чтобы советизировать это население, нужно было предварительно подготовиться.

В условиях сворачивания интервенции своих союзников японское руководство колебалось. Оно тоже стремилось сузить сферу ответственности собственных войск. Но, в отличие от союзников, у Японии был интерес к контролю над конкретной частью российской территории — Приморьем.

Японское командование поддерживало войска казачьих генералов Григория Семёнова (которому Колчак передал власть на востоке России) и Ивана Калмыкова. Оба атамана и их бойцы были известны своей свирепой жестокостью, выделявшейся даже на общем фоне Гражданской войны. Семёнов базировался в Чите, а Калмыков — в Хабаровске, пока в феврале 1920 г. его оттуда не выбили красные партизаны. Оказавшись в Китае, Калмыков был арестован за свои

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 93.

² Sablin I. Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924. Buddhism, socialism, and nationalism in state and autonomy building. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2016. P. 166.

бесчинства и затем был убит при попытке к бегству. Семёнов, тесно сотрудничавший с японцами, приобрел репутацию их марионетки.

Японское командование во главе с генералом Ои (Оой) Сигемото искало возможность сделать ситуацию в зоне оккупации более спокойной. Защищать Колчака, политика которого спровоцировала крестьянскую войну, японскому руководству все больше надоедало, и Ои искал возможности создания в регионе какого-то более приемлемого для местного населения режима¹. Главное, чтобы не коммунистического. Такой режим мог бы установить «особые» отношения с Японией — по образцу китайского Шаньдуна.

В сентябре 1919 г. Ои говорил командующему американским экспедиционным корпусом в Сибири Уильяму Грэйвсу, что у Японии по причине взрывного роста ее населения есть особые интересы в Сибири². Учитывая рост японской промышленности, ей также пригодилось бы сырье Дальнего Востока. Но об этом нужно было бы договориться с США. Или поставить их перед фактом. Но США не намерены были допускать аннексии Приморья Японией.

Пока Вудро Вильсон руководил американской внешней политикой, он колебался между отрицательным отношением к интервенции как таковой и нежеланием оставить японцам контроль на Дальнем Востоке России. После того как инсульт выбил президента из политического седла, американское руководство в конце 1919 г. приняло решение о выводе войск из России, и уже в феврале 1920 г. американский контингент стал сосредоточиваться у Владивостока. Эвакуация американских войск в основном завершилась к 1 апреля 1920 г. Еще 8 сентября и 1 ноября 1919 г. Владивосток покинули британские батальоны. Эвакуация союзников усилила позицию Японии. Теперь ее командование могло принимать решения о своей политике в Приморье, оглядываясь только на Токио, где продолжалась борьба более агрессивно-милитаристских и более либеральных политических группировок.

2 марта 1920 г. части Красной армии и партизанские отряды, действовавшие в Забайкалье, взяли Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). Там была установлена власть Верхнеудинской земской управы — Временной земской власти Прибайкалья (ВЗВП). В состав ВЗВП, подконтрольной коммунистам, вошли также меньшевики, эсеры и представители от профсоюзов и крестьянских комитетов Прибайкалья.

В обращении к населению ВЗВП заявила, что своей основной задачей она считает продолжение борьбы с реакционным режимом атамана Семёнова до полного его уничтожения. Из прежней про-

¹ *Саблин И.В.* Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 190.

² Там же. С. 191.

эсеровской НРА, партизанских отрядов и продвинувшихся за Байкал частей РККА 18 марта была создана Народно-революционная армия (НРА), формально независимая от советского командования. Но возглавил ее красный командарм Генрих Эйхе. По мере продвижения НРА в сторону Читы ВЗВП была преобразована во Временную земскую власть Забайкалья («Забайкальскую власть»), которая в апреле передала свои полномочия Временному правительству ДВР.

В Благовещенске установилась власть Амурского областного правительства во главе с Михаилом Трилиссером. Семёнов с войсками численностью 20–35 тыс. штыков и сабель оказался зажат в Чите между двумя просоветскими очагами, а для них играл роль «пробки» на Транссибе. Здесь находился и 5-тысячный японский контингент. В апреле–мае 1920 г. около 10 тыс. бойцов НРА пытались обойти белых и японцев с севера, через Яблоновый хребет (чтобы по возможности не сталкиваться с японцами), но эти атаки были отбиты.

В середине марта директива о создании ДВР обсуждалась на Дальневосточной краевой конференции РКП(б), причем против этого выступило большинство делегатов во главе с Лазо, который добивался провозглашения в регионе Советской власти. Но коммунисты должны были подчиняться партийной дисциплине, а Сибирское бюро ЦК РКП(б) постановило: «В Верхнеудинске образуется буферное правительство, при котором наш уполномоченный Краснощекоев. Все дальневосточные правительства должны соглашаться с действиями и складываться по типу забайкальского»¹. Приморские коммунисты были вынуждены с этим согласиться, но при условии, что центром ДВР станет Владивосток. А это было неприемлемо для центрального и сибирского руководства РКП(б), так как в этом случае центр ДВР оказался бы на территории, подконтрольной японцам. Лазо этого не боялся, так как рассчитывал сделать ДВР максимально подобной советской республике, где власть фактически будет формироваться ревкомом и Советами, подконтрольными партизанам. Созванный 2 апреля Дальневосточный съезд трудящихся все равно поддержал идею Советской власти, но без введения коммунизма. Во Владивостоке началось создание городского Совета, что вызвало недовольство японского командования².

Специфическим военно-политическим фактором, влиявшим на ситуацию на Дальнем Востоке, была Красная армия Нижнего Амура (КАНА). Некоторое время она называлась также Красной армией Николаевского фронта (КАНФ). Под новый год к Николаевску-на-

¹ Цит. по: *Саблин И.В.* Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 223.

² Там же. С. 223–225.

Амуре, административному центру российского Сахалина и Нижнего Амура, занятому белогвардейцами и японцами (около 500 военнослужащих), вышло более тысячи партизан под командованием анархиста Якова Тряпицына. В нескольких боях в январе 1920 г. партизаны побили японцев, обложили Николаевск и крепость Чныррах. Белые в ответ расстреляли 17 заключенных сторонников власти Советов¹. 19 января было провозглашено создание Красной армии Николаевского фронта (КАНФ) во главе с Тряпицыным. В ее комсоставе были коммунисты, анархисты и эсеры-максималисты.

27 января белые при попустительстве японцев казнили парламентариев Тряпицына. Бои закипели с новой силой. 6 февраля красный отряд под командованием Дмитрия Бузина взял Чныррах и стал оттуда обстреливать Николаевск из артиллерии. Положение оборонявшихся стало безнадежным, и японское командование заявило, что готово придерживаться нейтралитета.

28 февраля 1920 г. в результате переговоров между представителями КАНФ и командиром японского гарнизона майором Исикавой Масатадой, был заключен договор о передаче его партизанским отрядам.

Договор предусматривал полное разоружение белогвардейского отряда и выдачу всего его вооружения и амуниции войскам Красной армии. Соглашение называлось договором о мире и дружбе японцев и русских².

29 февраля красные вошли в Николаевск-на-Амуре. Здесь были установлены порядки, мало отличавшиеся от других городов, занятых красными. Тряпицын считал, что в зоне военных действий говорить об установлении анархии не приходится. Были реквизированы товары русских торговцев и введена карточная система. Китайскую и корейскую общины не тронули — среди жителей города и партизан было немало китайцев и корейцев³. Существенно, что японцы считали корейцев своими подданными. Строгий «военный коммунизм» продержался недолго — в марте исполком решил все же выпустить собственные деньги, чтобы вернуться к более привычной системе распределения⁴. Служащие должны были продолжать исполнять свои обязанности под присмотром комиссаров. Исполком Совета занялся организацией снабжения населения и... сбором экспонатов для краеведческого

¹ Днепрофский С. По долинам и взгорьям. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1956. С. 76.

² Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 754.

³ Жуковский-Жук И.И., Н. Лебедева и Я. Тряпицын (партизанское движение в низовьях Амура). Чита: Левое народничество, 1922. С. 31; Гутман А. Гибель Николаевска-на-Амуре. Берлин: Русский экономист, 1924. С. 120.

⁴ Кривенький В.В. Анархическое движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М.: РОССПЕН, 2018. С. 338.

музея. Был созван съезд Советов области. Его открытие планировалось на 12 марта. Власть в Николаевске была многопартийной: было создано Бюро левых советских партий, в которое входили большевики, анархисты и максималисты. 9 марта 1920 г. в Народном доме Николаевска произошло собрание представителей всех партий, на котором коммунистов насчитывалось 127 человек, эсеров-максималистов — 15, а анархистов — 7¹. Тряпицын был анархистом и сторонником Советов. Он пользовался популярностью среди бойцов, что подтвердили последующие конфликты в Николаевске. Его разногласия с коммунистами касались либо задач, которые придется решать после войны, либо тактических вопросов, прежде всего темы «буфера».

Была установлена твердая дисциплина, наказания за пьянство и мародерство — вплоть до расстрела. В своем равнодушии к человеческой жизни Тряпицын производил впечатление истинного сына своей эпохи. В Николаевске действовали ЧК и ревтрибунал, выносивший смертные приговоры. Были расстреляны белые, обвиненные в расстрелах парламентариев и службе в контрразведке². Производились аресты местных противников Советской власти. Был расстрелян председатель Сахалинской областной земской управы Андрей Шелковников³.

Японцы принялись протестовать против конфискации, арестов и расстрелов как нарушения условий соглашения. Тряпицын отвечал, что это — российское внутреннее дело, а японцам было бы правильно сделать то же самое у себя дома. По некоторым данным, Тряпицын требовал также разоружения японских войск⁴.

В то же время «японские офицеры запросто появлялись в штабе и, проявляя большую любознательность, знакомились с идеями социализма, все время уверяя красный штаб в своей искренности и хорошем расположении к красным партизанам. Японские солдаты, часто с красными бантами на груди, встречались с партизанами на улицах Николаевска, указывали на себя же пальцами, говоря: «Наша большевика»»⁵. Между тем 7 марта японский флот подошел к Сахалину.

В ночь на 12 марта японцы напали на армию Тряпицына, вероломно нарушив соглашение о нейтралитете. Штаб был окружен японцами, обстрелян и подожжен. Из-за применения зажигательных ракет в деревянном Николаевске возникли пожары. Прорываясь из пыла-

¹ *Кривенький В.В.* Анархическое движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. С. 341.

² *Жуковский-Жук И.И.* Н. Лебедева и Я. Тряпицын (партизанское движение в низовьях Амура). С. 30; *Днепровский С.* По долинам и взгорьям. С. 86.

³ *Саблин И.В.* Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 222.

⁴ *Гутман А.* Гибель Николаевска-на-Амуре. С. 38–39.

⁵ *Жуковский-Жук И.И.* Н. Лебедева и Я. Тряпицын (партизанское движение в низовьях Амура). С. 31.

ющего штаба, Тряпицын был дважды ранен в ногу¹. Японцы пытались захватить тюрьму, где можно было вооружить заключенных. В этой обстановке командир-анархист Яков Рогозин (он же Иван Лапта) ликвидировал узников². К 14 марта японцы были разбиты, их остатки окружены в консульстве, а 15 марта они сдались.

В плен попало более ста японцев, в том числе — обслуживающий персонал оккупационных сил, включая женщин из публичного дома.

16–28 марта в Николаевске прошел съезд Советов области, который в значительной степени состоял из представителей повстанческих отрядов и был настроен резко антияпонски. На съезде подверглась критике «буферная» политика, выдвигались проекты анархистов и максималистов о развитии региона, но делегаты их не поддерживали, больше интересуясь налаживанием связей с Хабаровском, Благовещенском и Приморьем, где можно было получить продовольствие.

Тряпицын, хоть и не был доволен «буферной» политикой, для начала надеялся разобраться, что в связи с этим хочет Москва, отправив такой запрос: «Москва Ленину, Омск исполком, Иркутск исполком. Николаевск, как один из передовых постов пролетарской Красной армии, обращается к Советской России за помощью руководящими указаниями и моральной поддержкой... Сообщите ваш взгляд на создание буферных государств на Дальнем Востоке. Съезд осудил сотрудничество с эсэро-меньшевистскими земствами»³.

После японского нападения на Николаевск Тряпицын начал выступать по радио против перемирия с японцами, предупреждая, что они могут в любой момент его нарушить и устроить резню. «Злопыхатели много времени спустя будут обвинять уже мертвого Тряпицына в подстрекательстве к войне с Японией. К сожалению, апрельские события подтвердили правоту Тряпицына и его штаба»⁴, — комментирует историк Г. Левкин. Предупреждения Тряпицына вызвали у лидеров коммунистов раздражение — ведь и в РКП(б) на Дальнем Востоке было немало противников как «буфера», так и переговоров с японцами, которые могли оказаться ловушкой. Агитация Тряпицына могла «сорвать игру». Тряпицын не убедил лидеров приморских

¹ Жуковский-Жук И.И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын (партизанское движение в низовьях Амура). С. 32.

² Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. С. 117.

³ Беликова А.И. К вопросу о партизанском движении в низовьях Амура (1919–1920 гг.) // Борьба коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909–1930 гг.). Калинин: Калининский государственный университет, 1978. С. 156.

⁴ Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. С. 118.

большевиков. Многим из них это будет стоить жизни. «Игру» сорвали японцы.

2 апреля 1920 г. генерал Ои Сигемото предъявил Приморской управе ультиматум с требованием обеспечить японские войска квартирами, продовольствием, путями сообщения, признать все прежние сделки, заключенные между японским командованием и русскими белогвардейскими властями, не стеснять свободы русских белогвардейцев, которые обслуживают японское командование, не допускать публикации статей, направленных «к скомпрометированию японских войск и японского государства»¹.

Приморская управа согласилась на переговоры по поводу этих требований. 4 апреля было подготовлено соглашение, а 5 апреля должно было состояться его подписание.

Однако в ночь с 4 на 5 апреля японцы внезапно напали на партизан и воинские части Приморской областной земской управы, расположенные во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Спасске и других городах Приморья. Оказывается, переговоры были лишь прикрытием для военной акции, которая должна была покончить с силовым преобладанием прокоммунистических военных формирований над белыми. Николаевск был только репетицией².

Приморская управа в своем меморандуме, направленном Межсоюзнической дипломатической конференции, так описывала действия японцев: «В ночь с 4 на 5 апреля с. г. без всякого повода, который был бы известен русским военным и гражданским властям, и без всякого предварительного с властями сношения японские войска, находящиеся во Владивостоке, насильственно разоружили и сняли русские охранные военные посты в зданиях правительственных учреждений г. Владивостока, заняли их своими постами, вывесив над зданиями японские флаги, произвели обстрел некоторых из этих учреждений, в том числе здания Временного Правительства — Приморской областной земской Управы — в результате чего последнее здание в части с угла Светланской и Алеутской улиц оказалось значительно поврежденным, произвели насильственное разоружение некоторых русских воинских частей владивостокского гарнизо-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 756.

² В литературе иногда поддерживается японская версия о том, что нападение 4–5 апреля было произведено «в ответ» на Николаевский инцидент (*Саблин И. В.* Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 206). Но, во-первых, Николаевский инцидент тоже был нападением японской стороны, а во-вторых, между этими событиями прошло полмесяца, наполненных вполне цивилизованными переговорами на Дальнем Востоке, в которых приморские левые вовсе не брали на себя ответственности за действия Тряпицына.

на, арестовали члена Временного Правительства А.А. Меньшикова и ряд военных и гражданских должностных лиц.

Изложенное выступление японских войск явилось для Временного Правительства — Приморской областной земской Управы — тем более неожиданным, что оно произведено во время ведущихся переговоров между японскими и русскими военными властями по вопросу об установлении наиболее дружелюбных взаимных отношений, причем во время этих переговоров со стороны русских военных властей, в согласии с указаниями Временного Правительства, была заявлена готовность разрешить все вопросы, возникающие в связи с пребыванием японских войск на русской территории, путем миролюбивого соглашения.

В декларации к населению командующего японскими войсками в Сибири генерала Оой и в сообщении, сделанном капитаном Наказова (имеется в виду Накагава. — А. Ш.), японское командование в объяснение своих действий, стоящих в противоречии с декларациями японского правительства к русскому народу и с межсоюзническими соглашениями, ссылается на то, что будто бы русскими воинскими частями был открыт огонь по японским патрулям в разных местах.

Временное Правительство с полной категоричностью опровергает это сообщение. Русским воинским частям давались строгие инструкции о полном уважении ко всем союзным воинским частям, находящимся во Владивостоке»¹.

4–5 апреля 1920 г. японскими войсками и их союзниками было убито и ранено более 5 тыс. человек². Японцами был схвачен лидер приморских партизан Сергей Лазо. Его вместе с другими арестованными коммунистами передали белым казакам, которые их расстреляли (по известной легенде Лазо сожгли в паровозной топке, однако вряд ли это было физически возможно).

Но разгромить партизан не удалось, многие отряды оказали сопротивление и вырвались из городов. Японцы потеряли убитыми 49 солдат³.

Консульский корпус во Владивостоке благосклонно отнесся к протесту Приморской управы и потребовал от японского командования восстановления ее власти. 7 апреля 1920 г. она возобновила свою деятельность. Но хотя японцам не удалось полностью разгромить партизан, прокоммунистические военные формирования были ослаблены и коммунисты потеряли силовой перевес в Приморье.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 441–442.

² Там же. С. 756.

³ Саблин И.В. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 226.

Получив удар в челюсть, Приморское правительство было вынуждено подставить другую щеку. 7 апреля оно направило японскому дипломатическому представителю в Сибири ноту, в которой заявило, что «теперь готово поставить в основу предстоящих переговоров с Японией принцип дружеской взаимовыгодной поддержки на почве экономической и политической»¹. 17 апреля возобновились переговоры, которые 29 апреля увенчались подписанием соглашения. По нему российские отряды должны были отойти на 30 км от расположения японских войск на Уссурийской железной дороге и далее вплоть до русско-китайско-корейской границы. Также российские отряды должны были отойти на 30 км от Сучанской железной дороги. «Отводимые за демаркационную линию русские вооруженные силы сохраняют имеющиеся при них по роду их оружия вооружение и снаряжение, боевые и другие припасы в количестве, соответствующем наличию сил ко дню обмена приказами», но «без права перемещения их в пределы Забайкальской и Сахалинской областей, в другие районы, за пределы демаркационной линии»². Условия поддержания порядка в зоне японской оккупации должно было определяться отдельно по соглашению двух командований. Вооружения, боеприпасы и военные объекты в зоне оккупации, кроме специально оговоренных, переходили под японский контроль³.

15 июня было подписано дополнительное соглашение о милиции в Приморской области, численность которой ограничивалась 4250 человек, из которых только треть была вооружена винтовками⁴. Таков был результат апрельского удара: японское командование обеспечило себе силовой контроль над Владивостоком и подступами к нему, сохраняя местную власть, приемлемую для внешнеполитических партнеров и российских политических сил.

Апрельский удар японцев по сторонникам Советской власти преследовал цель разрушить или по крайней мере ослабить повстанческую инфраструктуру. Когда стало ясно, что разрушить ее не удалось, японское командование сменило гнев на милость и вступило в переговоры о таких условиях пребывания японских войск на Дальнем Востоке, которые минимизировали бы издержки этой экспедиции для Японии, обеспечили бы ей широкие возможности для экономического освоения российского Дальнего Востока и в то же время предотвратили бы появление коммунистического режима на берегах

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 756.

² Там же. С. 496.

³ Там же. С. 497.

⁴ Там же. С. 759.

Тихого океана. Уступкам Японии содействовало и давление США, которые опасались, как бы это освоение не стало монопольным.

Сразу после удара 4–5 апреля произошло еще одно рубежное событие в истории региона — 6 апреля была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР). Это произошло на съезде трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске (то есть под контролем большевиков), который собрался до удара японцев по дальневосточным партизанам, но известия из Приморья не могли не оказать влияния на его ход. Японская угроза стала более осязаемой. На съезде преобладало влияние большевиков, он отказался вводить всеобщее избирательное право, после чего умеренные социалисты и представители земств отказались входить в созданный съездом орган власти — президиум во главе с известным коммунистом Александром Краснощёковым. Впрочем, разногласий в верхнеудинском руководстве хватало и без социалистов — многие сибирские коммунисты относились к Краснощёкову критически¹.

Провозглашение ДВР в Верхнеудинске являлось сначала декларацией о намерениях, которая демонстрировала японцам и антисоветским силам, что Советская Россия пока оставляет Дальний Восток в самостоятельном плавании. По мнению историка И.В. Саблина, «различные группы дальневосточных большевиков не имели консенсуса по поводу того, что является главной целью буферного государства — сохранение Дальнего Востока за Россией или экспорт революции в Восточную Азию... “Транснационалисты”, связанные с Иркутском и в конце лета 1920 года контролировавшие Верхнеудинск, не считали необходимым немедленное формирование единого дальневосточного правительства. Хотя Верхнеудинск продолжал переговоры с другими правительствами, настаивая, что именно он является центром дальневосточного государства, его приоритетом оставался экспорт революции через бурят-монгольских, корейских и китайских активистов»². Но одно совершенно не мешало другому. Помощь революционной борьбе в тылу Японии прекрасно сочеталась с задачей возвращения Дальнего Востока. И.В. Саблин вообще несколько преувеличивает фактор разделения коммунистов на «транснационалистов» (то есть интернационалистов) и «националистов» и в другом месте пишет, что «дальневосточные большевики сумели перехватить националистическую повестку, актуальную для населения»³. Так потому и перехватили, что победили в России с помощью социального радикализма. Теперь представителями России были они, и та часть

¹ Саблин И.В. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 230–231.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 276.

населения, которая хотела остаться с Россией, поддерживала коммунистов, даже с опаской относясь к перспективам их окончательной победы. А та часть населения, которая всерьез боялась социальных преобразований большевиков, с надеждой смотрела на японцев, даже провозглашая свой национализм и мечту воссоздания «единой и неделимой».

Для коммунистов того времени, во всяком случае русскоязычных, их социальная программа и ее осуществление в мировом масштабе оставалась приоритетом — разногласий по этому поводу у них не было. Могли возникать тактические разногласия, обусловленные также личными склонностями к тому или иному делу: чем заниматься сначала, а чем — потом. Пример подавал Ленин, нажимавший в Москве то на прагматический тормоз, то на военно-коммунистический газ — но не сворачивая с пути коммунистической стратегии. На Дальнем Востоке важно было избежать угрозы широкомасштабной японской агрессии и усиления антикоммунистических сил, укреплять позиции коммунистов и ослаблять интервентов и их союзников. Можно было спорить, как лучше дожидаться тех времен, когда у Советской России будет достаточно сил, чтобы вернуть Дальний Восток и поддержать революцию на всем Востоке.

«Регионализм» коммунистов в этих условиях определялся разным взглядом на ситуацию из Верхнеудинска и Владивостока на то, как лучше идти к общей цели. Владивостокские коммунисты считали, что смогут наращивать силы под носом у японцев под прикрытием коалиционных комбинаций и лучше выполняют задание Москвы — усыпить японскую агрессивность до лучших времен, не потеряв контроль над Приморьем. Неудивительно, что из Верхнеудинска, Благовещенска и Николаевска эта ситуация виделась иначе. Особенно после японского удара 4–5 апреля.

Позиция владивостокских коммунистов лучше всего сочеталась с интересами социалистических партий, которые еще со времен Политцентра надеялись восстановить свои силы под колпаком «буфера» — тоже, впрочем, в видах дальнейшей общероссийской борьбы.

6 мая Приморская управа заявила о своем намерении «объединить все территории Дальнего Востока, на которые не распространяется влияние Советской России»¹. 18 мая 1920 г. Приморская управа создала Совет управляющих ведомствами, большинство постов в котором занимали социалисты, да и само название отсылало к Комучу. Но в этот кабинет вошли и коммунисты. Командующим вооруженными силами Приморской областной земской управы был назначен бывший коман-

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 753.

дующий войсками Директории генерал Василий Болдырев. Такой состав успокаивал интервентов, но беспокоил Сибирское бюро РКП(б).

13 июня в Приморье прошли выборы в «предпарламент», Временное народное собрание Дальнего Востока. В городах проходило всеобщее голосование, а в сельской местности делегатов направляли органы местного самоуправления. В городах убедительно победил Социалистический блок (коммунисты, меньшевики, сибирские эсеры и энесы), а выдвиженцы деревни создали Крестьянскую фракцию, составившую большинство в 75 из 130 депутатов. Крупнейшей партийной фракцией являлись коммунисты (26 депутатов), но они находились и в крестьянской фракции¹. 25 июня расширенный Социалистический блок, куда вошли все фракции эсеров, а также фракция крестьян, заявили о временности отделения от России, с которой Дальний Восток воссоединится, как только это станет возможно. Историк И.В. Саблин считает эту позицию «национализмом». Но декларация большинства «предпарламента», на которое опиралось владивостокское правительство, содержала не только патриотические, но и социальные положения умеренно-социалистического толка. Так что здесь мы видим пока баланс национальных и социальных идей. Попытка либералов сдвинуть декларацию дальше вправо по пути национализма, в сторону всеобщего национального объединения с привлечением Григория Семёнова, не удалась².

Атаман Семёнов меж тем тоже заинтересовался идеей объединения различных территориально-политических сил Дальнего Востока. Его советником оказался Василий Завойко, который в 1917 г. прославился в качестве советника Лавра Корнилова. Представители Владивостока вступили в переговоры с Забайкальским народным собранием, созданным Семёновым, о передаче гражданской власти в Чите местному предпарламенту³.

7 июля 1920 г. был сформирован новый состав Совета управляющих ведомствами, в который вошли и кадеты, занявшие посты управляющих ведомствами иностранных дел, финансов, торговли и промышленности. Коммунисты возглавили два ведомства — труда и путей сообщения⁴. По характеристике И.В. Саблина, «Владивостокское государственное образование... стало единственным за всю историю Русской революции и Гражданской войны правительством, включавшим в себя как красных, так и белых»⁵. Японская угроза

¹ Саблин И.В. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 243.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 258.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 754.

⁵ Саблин И.В. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 207.

спровоцировала редкую для российской революции ситуацию, когда национальный фактор на короткое время оказался сильнее социального. Но воссоединение с Советской Россией означало бы политическую (если не физическую) гибель социалистов и кадетов. Осознание этого правой частью широкого антиимпериалистического фронта приведет к падению ДВР в Приморье в 1921 г., то есть до ухода японцев. Социальный фактор опять оказался сильнее национального.

* * *

22 апреля, выстраивая армию ДВР после апрельского удара японцев, главнокомандующий Генрих Эйхе назначил командующих фронтов — Приморского (Лазо, о гибели которого Эйхе не знал), Амурского (Дмитрий Шилов) и Охотского (Тряпицын). Японцы, заключив соглашение в владивостокскими властями, попытались разгромить партизан на Амуре. От Хабаровска они продвинулись на запад, а затем занялись армией Тряпицына. Был высажен десант в Де-Кастри, после чего японцы ударили по передовым отрядам КАНА, которыми командовали командиры Бузин (Бич) и Рогозин (Лапта). Одновременно японцы из Хабаровска направили десант к Софийску, в тыл Бузину и Рогозину. Партизаны с трудом вырвались из этих клещей и отступили в тайгу. Японцы развернули наступление на Николаевск с юга, рассчитывая прижать партизан к морю. Николаевск мог стать удобной базой для оккупации Нижнего Амура, прикрывающей также Сахалин.

Перед лицом японского наступления Сахалинский облисполком передал власть Революционному штабу (Яков Тряпицын, его начальник штаба и гражданская жена, максималистка Нина Лебедева, а также три большевика, в том числе председатели Николаевско-Амурского обкома Отто Ауссем и Сахалинского исполкома Федор Железин). Ревштаб нашел остроумное решение — отступать к реке Амгунь, впадающей в Амур. Таким образом, фронт красных проходил близ Николаевска, сковывая японцев. Тыл располагался в селе Керби — достаточно далеко от Николаевска и моря, что исключало его быстрый захват японцами. Но в случае поражения Охотского фронта все равно оставалась возможность отступать на занятый красными Благовещенск. Во всех отношениях удачная позиция, если бы речь шла только о войне с Японией.

Весной обострились конфликты среди партизан. За неповиновение боевым приказам был арестован партизанский командир Григорий Мизин. По обвинению в заговоре, которое выдвинул командир Биценко-Орлянковский (с точки зрения некоторых авторов — бывший белогвардеец или их сторонник), были арестованы комиссар горной промышленности Иван Будрин, председатель Николаевского

горсовета Борис Любатович и их «сообщники», обвинявшиеся в подготовке переворота. Свидетели событий выдвигали разные версии — от обычных разногласий, которых нельзя считать заговором¹, до действительной подготовки смещения Тряпицына заговорщиками на гарнизонном собрании, которая сорвалась из-за явного преимущества поддержки командарма бойцами².

5 мая арестованные были судимы трибуналом, который принял мягкое решение о высылке Будрина и его сторонников, оставив их пока под стражей³. Но перед эвакуацией все заключенные были расстреляны. Этот инцидент сыграл трагическую роль в судьбе самого Тряпицына — он считал, что разоблачил заговорщиков и с тыла ему ничего не угрожает. В то же время Тряпицын стал формировать корейские отряды, на которые мог опереться в случае конфликтов с другими командирами и политиками.

Чтобы не дать японцам возможности создать в Николаевске удобную базу, 1 июня Революционный штаб приказал сжечь город (погибло две трети строений), эвакуировав население в Керби. Такое поведение в стиле 1812 г. значительно снизило ценность Николаевска для японцев. Шокирующее воздействие на Японию произвело другое решение Тряпицына: перед уходом из города захваченные в плен подданные микадо были расстреляны. Северная экспедиция повернулась к Японии жутким лицом террора. Тряпицын поступил с японцами столь же бесчеловечно, как японцы периодически поступали с русским населением Дальнего Востока. Так, 22 марта 1919 г. они сожгли село Ивановка, убив 257 жителей⁴. И это лишь один из случаев. В дальнейшем японцы использовали факт расстрела своих сограждан в дипломатических целях. Отвечать на это было несложно — японцы действовали еще хуже.

Гражданское население отправилось в Керби на пароходах, а армия отходила по болотистой местности и измоталась. Обострялись конфликты. Так, Тряпицын расстрелял одного партизана за то, что тот съел неприкосновенный запас шоколада. Возмущенные такими мерами рассказывали, что Тряпицын сеет террор по Амгуни. В Керби находилось много недовольных Тряпицыным — эвакуированные жители не могли простить ему сгоревшего имущества, а бойцы отря-

¹ Емельянов К. Люди в аду. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004. С. 60.

² Жуковский-Жук И.И. Н. Лебедева и Я. Тряпицын (партизанское движение в низовьях Амура). С. 46.

³ Там же. С. 47.

⁴ Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920). Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1984. Кн. 2. С. 25.

да сахалинцев, среди которых встречалось много бывших каторжников, были недовольны наведением дисциплины.

В это же время командир Андреев не выполнил приказ об атаке против японцев. Иван Андреев был белым офицером, в феврале 1920 г. перешедшим к Тряпицыну во время штурма Николаевска — чтобы не погибнуть. Теперь Тряпицын приказал его арестовать за невыполнение боевого приказа и отправил для этого командира отряда сахалинцев Семена Бачеева. Но тот не стал арестовывать Андреева, а предложил ему вместе выступить против тряпицынского террора.

В это время Тряпицын находился в Керби, вдали от основных сил своей армии. Тут его 1 июля и настигли заговорщики. Тряпицын, Лебедева, а затем и другие командиры армии, находившиеся в Удинске и Керби, были арестованы. Но что делать дальше? Ведь командиров, арестовавших Тряпицына, могли обвинить в мятеже. Тогда и возник остроумный план имитировать судебную расправу над Тряпицыным и таким образом заручиться поддержкой красного командования, которое и так относилось к анархисту с недоверием.

«Суд» состоял из 103 членов, в том числе жителей Николаевска, эвакуированных в Керби, а также жителей этого села, которые судили о конфликте по слухам, и командиров-врагов Тряпицына. Защищать Тряпицына никто не решился — за это можно было присоединиться к «подсудимым». 9 июля этот «суд Линча»¹ приговорил к расстрелу Тряпицына, Лебедеву (ей не было предъявлено конкретных обвинений, не спасло ее и то, что она была беременна), Железина (коммуниста, к которому у партизан-сахалинцев было много претензий за стремление навести порядок в полууголовной вольнице) и еще два десятка командиров и других соратников Тряпицына, в большинстве своем большевиков.

В приговоре говорилось, что осужденные виновны в «беспричинных арестах и расстрелах», в давлении на органы Советской власти, уничтожении «около половины населения Сахалинской области». Последнее — явное преувеличение. Из «беспричинных» расстрелов конкретно удалось назвать несколько человек (а ведь в Керби присутствовали жители Николаевска, которые могли бы увеличить список, если бы Тряпицын действительно «лютовал»). Гибель Мизина, Будрина и их сторонников при отступлении из Николаевска — безусловная трагедия, но, увы, обычная в условиях Гражданской войны. Такие «ошибки» в других ситуациях не считались основанием для расстрела. Тряпицын настаивал, что в основном решения о расстрелах принимали коллективные органы (ревтрибунал, ревштаб), а не он

¹ Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. С. 107.

лично. Интересно, что входивший в Ревштаб Ауссем потом стал видным советским дипломатом.

Состав казенных опровергает миф о том, что в результате переворота власть «захватили коммунисты»¹. Это был раскол среди партизан, в результате которого пострадали и коммунисты, а среди победителей находились и белые (Андреев, возглавивший новый штаб армии, затем служил японцам, жил на Сахалине, и перед эвакуацией оккупантов эмигрировал в США)². Потом последовали новые расстрелы, для которых набирали новых «судей» — старые постепенно разбегались. Тем не менее большинство арестованных тряпицынцев пришлось распустить, и они позднее сражались на стороне красных.

Но когда расправа свершилась, конференция приморских коммунистов 11 июля поддержала ее. Это было сделано по дипломатическим соображениям — чтобы добиться компромисса с японцами, которых обидел Тряпицын. В дальнейшем дипломатия ДВР признавала, что Тряпицын поступил неправомерно, но ДВР за него ответственности не несет, и он был примерно наказан. Японцы, напротив, доказывали, что раз преступление имеет место, то нужна и компенсация — в виде концессий и других уступок. Только после ликвидации ДВР комедия закончилась, и СССР уже никаких претензий не признавал. Однако Тряпицын так и остался «преступником», казненным по закону. Ведь эта история стала компроматом на анархизм.

Казнь командующего вызвала замешательство и среди преданных Тряпицыну командиров. Анархист Рогозин двинулся мстить. Фронт был деморализован и разваливался. Дмитрий Бuzин колебался. Ему угрожали объявлением вне закона как сообщнику Тряпицына. Спасти последнего было нельзя. Поколебавшись, Бuzин встретил Рогозина и ликвидировал его, тем самым спасая себя. В дальнейшем Бuzин дослужился до уровня председателя областного исполкома, пока не сгинул в топке Большого террора, как и многие персонажи этой книги. Остатки развалившегося Охотского фронта разошлись по разным партизанским отрядам и полкам армии ДВР.

* * *

После разгрома партизан в Приморье и распада КАНА главной угрозой для японских оккупантов стала Народно-революционная армия ДВР, снабжаемая из России. Но воевать за Забайкалье вдали

¹ Циткин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. Хабаровск: РИО ДВГНБ, 1999. С. 142.

² Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд. С. 107–108.

от Приморья для японцев имело мало смысла. Белые показали свою слабость, коммуникации были уязвимы, «буферный» характер ДВР давал шанс, что коммунисты какое-то время не будут претендовать на Приморье. Японская интервенция подчинялась той же логике «генерального отступления», что и действия ее союзников, но с той поправкой, что даже в 1920 г. японское руководство надеялось получить по итогам своего вмешательства особые права в Приморье.

3 июля Япония объявила о выводе войск из Забайкалья, но при одновременной оккупации Северного Сахалина: «Впредь до организации законного правительства и благоприятного разрешения» вопроса об инциденте в Николаевске-на-Амуре, «те места Сахалинской области, которые рассматриваются как требующие оккупации, будут оккупированы». Обещая эвакуировать свои вооруженные силы из Забайкалья, японское правительство не собиралось пока прекращать интервенцию: «Во Владивостоке, однако, а также в его окрестностях существует не только угроза Корее и тенденция занять недружелюбную позицию, но в этих районах также проживает много японских подданных. Город Хабаровск является важным пунктом на пути в Сахалинскую область. Следовательно, войска вынуждены оставаться там в соответствующем количестве до того времени, пока не будет восстановлена устойчивая и мирная обстановка в вышеупомянутых местностях»¹. Под подданными Японии имелись в виду и корейцы, даже если они имели российское подданство. Раз уж они тут расселились, японское правительство считало, что имеет право контролировать эти территории.

17 июля 1920 г. на станции Гонгота был заключен договор о перемирии между западным руководством ДВР и командованием японских экспедиционных войск на Дальнем Востоке. Оно предусматривало прекращение военных действий на Забайкальском фронте, в районе Яблонового хребта и реки Шилки. «Ввиду того, что Верхнеудинское Правительство не является единственным правительством на территории русского Дальнего Востока, и ввиду того, что это Правительство не рассматривается Японским Правительством как главное правительство на территории русского Дальнего Востока, Японское Командование не может заключить соглашение с Верхнеудинским Правительством об окончании военных действий на всех фронтах русского Дальнего Востока»². На Забайкальском фронте была установлена демаркационная линия. Станция Гонгота объявлялась последним пунктом на железной дороге для поездов, при-

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 72.

² Там же. С. 45.

бывающих с запада, а станция Сохондо — последним пунктом для поездов, прибывающих с востока. Японцы говорили и от имени атамана Семёнова. Власти ДВР обязывались не допускать пребывания в пределах ДВР войск Советской России и не пропускать их через свою территорию. Гарантировалось неприкосновенность личности японских граждан, а японская сторона обещала не препятствовать созыву съезда для конституирования ДВР¹.

20 августа парламентская делегация из Владивостока подписала с Верхнеудинским президиумом ДВР Гонготское соглашение о создании ДВР без Семёнова. По настоянию нового председателя правительства ДВР Бориса Шумяцкого было решено, что центром ДВР станет Верхнеудинск. Но владивостокский предпарламент с этим не согласился. На обратном пути владивостокская делегация договорилась с Семёновым о том, что Чита присоединится к процессу образования ДВР с центром во Владивостоке. 28 августа атаман Семёнов собрал Читинское народное собрание и передал ему гражданскую власть².

Но для Москвы создание ДВР с центром во Владивостоке было неприемлемо. 13 августа Политбюро РКП(б) приняло решение поставить ДВР под контроль коммунистов при формальном парламентаризме и капитализме. Поэтому центр ДВР должен был находиться на ее западе, на территории, подконтрольной НРА, которая, в свою очередь, должна находиться под командованием красных командиров³.

С 25 июля Япония начала эвакуацию своих войск из Забайкалья. Когда она завершилась, НРА перешла в наступление на Читу. Чтобы не нарушать Гонготское соглашение, наступление шло не с запада, а с востока, от Нерчинска. 22 октября Чита была взята. Семёнов бежал в зону КВЖД. «Читинская пробка» была ликвидирована. 25 октября правительство ДВР переехало в Читу.

На конференции 28 октября — 11 ноября 1920 г. в Чите, куда, наконец, съехались представители и запада, и востока ДВР, эсеры и меньшевики, составлявшие большинство делегации Приморской управы, отказались войти в правительство ДВР, так как конференция отклонила их предложение о создании (до созыва Учредительного собрания) «предпарламента», который предлагалось сформировать на основе равного представительства от всех политических партий и общественных организаций. Но конференция проигнорировала эту позицию и провозгласила создание правительства ДВР в Чите⁴.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 665–666.

² Саблин И.В. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. С. 258–260.

³ Там же. С. 261.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 754.

5 декабря Народное собрание во Владивостоке большинством голосов одобрило решения Читинской конференции. 12 декабря Приморская областная земская управа сложила полномочия Временного правительства Дальнего Востока и передала их Центральному правительству ДВР в Чите.

Поскольку умеренные социалисты и кадеты не признали Читинское правительство, японцы тоже не признавали его, что неудивительно. Им нужно было такое правительство, которое будет находиться на территории, занятой японскими войсками. Формально-демократические и коалиционные комбинации в обстановке вооруженного противостояния прикрывали всем понятную реальность — ДВР может быть либо просоветской, либо прояпонской. И никакого «национального единства русских» в ДВР быть не может, потому что гарантировать частную собственность может только Япония, которая сама желает расширить присутствие здесь своего капитала и населения. А подконтрольная коммунистам «демократия» — это лишь передышка перед советизацией.

У Японии не было резонов торопиться. Она не могла аннексировать Приморье, а Советская Россия пока не могла сосредоточить здесь серьезные силы, так как вступила в решающие сражения на западе. Неизвестно, чем они закончатся и долго ли сможет продолжаться «военный коммунизм», испытывавший острый кризис, и когда Россия вернется к «нормальной» капиталистической жизни. Так что японская интервенция продолжалась уже тогда, когда Антанта и США отказались от этой политики. Но в 1921 г. выяснится, что время все же работает на Советскую Россию.

* * *

Слово «интервенция» отсылает нас к внутрироссийскому контексту ситуации, к вмешательству в дела России извне. Но если посмотреть на эту ситуацию шире, то мы увидим, что интервенция была частью «войны после войны», которая охватила в это время Европу от Ирландии до Тихого океана. С одной стороны, были войска Великобритании и ее доминионов, Франции, США, Японии и их союзников в Первой мировой войне, Чехословацкий корпус, белое движение и народная армия Комуча, германские фрайкоры и другие немецкие войска, армии новых государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, басмачи и некоторые другие антисоветские повстанцы. С другой стороны — красные армии советских республик бывшей Российской империи, Баварии и Венгрии, повстанцы Украины, Сибири, Дальнего Востока, Германии, Ирландии, Северной Африки, Месопотамии, Турция, а некоторое

время даже Афганистан. В каждом из этих лагерей также вспыхивали внутренние вооруженные конфликты, как между русско-немецкими и латвийско-эстонскими войсками или между Красной армией и махновцами. По своей логике происходила конфронтация в Латинской Америке и Китае. Компьенское перемирие прекратило мировую войну только формально. Она остановилась на линии фронта от Северного моря до Дуная. Но на более широком пространстве вооруженная борьба континентального масштаба продолжалась еще несколько лет. Это похоже на поездку за город: указатель сообщает, что вы миновали границу города, а собственные глаза сигнализируют, что это не так — еще много километров вокруг вас многоэтажная застройка, которая формально относится к пригородам мегаполиса. «Война после войны» стала фактическим продолжением мировой войны, которая длилась еще как минимум четыре года.

Глава 6. Украинские качели

Гражданская война на Украине была частью более общих процессов и Великой российской революции, и общей гражданской войны на территории бывшей Российской империи, и мировой революционной волны, охватившей территории за пределами Российской империи. Уже в 1917–1918 гг. события на Украине стали приобретать характер своеобразных «качелей», когда то национальный, то социальный фактор приобретал преобладающее значение для борьбы за регион. Потеря Украины по итогам Брестского мира стала тяжелым ударом по Советскому проекту. Но и «победившее» национально-демократическое и национально-социалистическое движение в лице Центральной рады быстро было разогнано с помощью германских войск. В рамках австро-германского мира Украине суждено было стать сырьевой базой рейха, управляемой оккупационной администрацией и марионеточным режимом Украинской державы во главе с гетманом Павло Скоропадским¹. Но его «говорящая фамилия» не предвещала авторитарному режиму ничего хорошего. На Украине тлело сопротивление оккупантам, а ситуация на фронтах мировой войны складывалась не в пользу Германии и Австро-Венгрии. Осенью 1918 г. стало ясно, что австро-германскому господству приходит конец.

В октябре 1918 г. Ленин заявил, что начать освобождение от австро-германской оккупации нужно с Украины, которая даже до начала мировой революции дестабилизирует Германию: «Наша главная задача — пропаганда в интересах украинского восстания»². Однако после начала революции в Германии и денонсации Брестского мира большевистское руководство медлило с действиями на Украине. Промедление с продвижением на Украину вызывало протесты лидера левого крыла Украинской коммунистической партии (большевиков) Георгия Пятакова, который с санкции Москвы уже формировал на территории России Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. 23 ноября Пятаков взывал из Курска Сталину: «Считаю Вашей обязанностью объяснить Ильичу всю недопустимость создавшегося положения. Перед всеми мы берем на себя колоссальные обязательства. Сил нам никаких не дают. Если считаете украинскую борьбу важной, надо сделать выводы. Нам не только не дают сил, бе-

---

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. 1918. Революция, кровью омытая. С. 98–107.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 121.

рут отсюда. Положение отчаянное. Нужно же действительно серьезно отнестись к делу. Скажите Вацетису, пусть даст сил, оружие, обмундирование, иначе катастрофа неизбежна»¹.

Но в полемике с Пятаковым и другими левыми коммунистами весной–летом 1918 г. Ленин проникся скепсисом в отношении повстанческого вспышкопускательства, если оно не подкреплено действиями хорошо организованной Красной армии². А части РККА для похода на Украину нужно было выделить с других направлений. Пока более важными были действия в Прибалтике и против Войска Донского.

Украинским коммунистам даже запретили публиковать манифест о провозглашении Советской власти на Украине³. Санкция на движение советских войск на Украину была получена только в самом конце 1918 г. Созданное 20–28 ноября Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Пятаковым расположилось в Судже.

Возрождение нации

Промедление коммунистов с действиями на Украине облегчило задачу другой силе — украинскому национальному движению, наследникам Центральной рады, объединившимся в Украинский национальный союз (УНС). Украинская общественность, недовольная австро-германской оккупацией и авторитаризмом прогерманского гетмана Павло Скоропадского, сплотилась преимущественно вокруг УНС. Левое крыло союза стало готовить восстание от имени УНС. Военной силой должен был стать корпус Сечевых стрельцов, а социальную поддержку готов был оказать профсоюз железнодорожников. План восстания поддерживали центристы Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) и Украинская социал-демократическая партия (УСДРП). Более умеренные социалисты-федералисты выжидали, но потом тоже примкнули к движению⁴.

24 октября по указанию гетмана Федор Лизогуб сформировал новое правительство Украинской державы, в которое вошли пять представителей УНС. Это должно было подчеркнуть «отдельность» Украины от России. Однако когда стало ясно, что Рах Германа ру-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 22. Л. 51.

² Подробнее см.: *Солдатенко В.Ф.* Георгий Пятаков: оппонент Ленина и соперник Сталина. М.: РОССПЭН, 2017. С. 204–238.

³ Там же. С. 250–255.

⁴ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). М.: Новый хронограф, 2012. С. 241.

шится, 14 ноября было создано русофильское правительство Сергея Гербея. Гетман заявил: «На иных началах, на началах федеративных, должно быть восстановлено прежнее величие и сила Всероссийской державы. В этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест...»¹ Теперь Скоропадский решил превратить Украину в «русский Пьемонт», из которого начнется освобождение России от большевиков. Такая модель должна была предоставить Скоропадскому, потерявшему опору в немцах, поддержку со стороны русского белого движения. Это соответствовало и его личным предпочтениям. Начальник штаба гетмана генерал Борис Стеллецкий вспоминал о Скоропадском: «Он совершенно искренне признавался, что в Петербурге ему была непонятна возможность отделения Украины (Малороссии) от России, и хотя он вне всякого сомнения природный малоросс, но ни его сердцу, ни его уму Малороссия ничего не говорила»².

Но планы Скоропадского не получили поддержки со стороны генерала Антона Деникина, который обвинял гетмана в политике, противоречащей идее единой и неделимой России. Для Деникина «сохранение русской государственности являлось символом веры... Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов». На фоне этой ортодоксальности даже Скоропадский казался Деникину аналогом гетмана Мазепы³. Для Деникина Скоропадский к тому же был и явным конкурентом в борьбе за лидерство, хуже донского атамана Петра Краснова, учитывая географическую удаленность и значительные ресурсы Украины, если бы они были направлены на благо белого движения. 12 ноября в Киеве был опубликован приказ Деникина о вступлении в командование всеми военными силами на территории Украины. Часть офицерских формирований перешла на сторону Деникина и собралась на Дон. Это вызвало возмущение Скоропадского. Представитель Деникина в Киеве генерал Петр Ломновский был на некоторое время арестован. Деникин дезавуировал приказ, но продолжил установление контроля над белыми формированиями на территории Украины.

Тем временем 13 ноября представители партий УНС на тайном собрании избрали Директорию Украинской народной республики (УНР) во главе с левым социал-демократом Владимиром Винниченко. В нее также вошли только что вышедший из заключения Симон

¹ Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М.: РОССПЭН, 2014. С. 36.

² Там же. С. 697.

³ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Заключение. Период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск: Харвест, 2002. С. 64–65.

Петлюра, Федор Шве́ц, Андрей Макаренко и Афанасий Андриевский. Правый социал-демократ Петлюра, который в свое время был военным министром Центральной рады, стал называться Главным атаманом, то есть командующим армией.

14 ноября Директория провозгласила восстание против «насильника и узурпатора» Скоропадского. С отдельным воззванием от своего имени выступил также Петлюра, что вызвало неудовольствие председателя Директории Винниченко: «“Петлюра идет на гетмана”, “Петлюра призывает против немцев”... Словом, этим сразу было внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения... Имя Петлюры стало маркой всего движения»¹.

Директория обещала восстановить все завоевания революции и созвать Учредительное собрание. Винниченко предложил перехватить у большевиков лозунг Советской власти, создать демократические Советы: «Будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере...»², — рассказывал Винниченко. Но большинство директоров не поддержало эту идею, так как она означала неизбежный конфликт с Антантой и в то же время не гарантировала дружельюбия большевиков. Петлюра утверждал, что советскую идею не поддержат и атаманы — вожди формирующихся частей национальной армии. В действительности их мнения разделятся, что трагически скажется на состоянии фронта — атаманы Волох и Григорьев перейдут на сторону Советской власти, а Болбочан и Оскилко окажутся врагами Петлюры справа. В итоге был выработан компромисс — наряду с парламентом предполагалось создать трудовые советы, обладающие только контрольными функциями, а также созвать конгресс трудового народа — аналог съезда Советов. Власть на местах пока должна была перейти к комендантам и комиссарам Директории.

15 ноября директора прибыли в Белую Церковь, где базировались сечевые стрельцы Евгения Коновальца, готовые выступить против Скоропадского. Восстание было поддержано многими украинскими военными частями и их командирами — атаманом Петром Болбочаном в Харькове, серожупанной дивизией на Черниговщине и др. Директория была популярна и среди крестьян: «Хлеб и всякие

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. С. 278–279.

² Там же. С. 282.

другие продукты привозили к нам возами»¹, — вспоминал Винниченко. В 1919 г. эта поддержка резко ослабнет, и солдаты Директории будут голодать.

17 ноября созданный немецкими солдатами Совет подписал с Директорией соглашение о нейтралитете. Немцев интересовало одно — скорейшая эвакуация на родину. Поэтому повстанцы должны были сохранять в целостности железные дороги и не торопиться с наступлением на Киев, чтобы дать немцам возможность спокойно выйти с Украины.

Теперь гетман Скоропадский надеялся на офицерские части, поскольку белое офицерство могло поддержать создание в Киеве оплота против большевиков. Однако силы этих формирований были невелики, энтузиазм украинских повстанцев заметно превосходил готовность офицеров умирать за гетмана. 18 ноября у Мотовиловки гетманские силы были разбиты и отошли к Киеву. Повстанцы, памятуя о немецком факторе, тоже пока не трогали столицу. Но постепенно на их сторону переходили гетманские войска. В итоге около 50 тыс. войск УНР противостояли 3-тысячной группировке гетмана.

Борьба против гетмана опиралась на широкую социальную поддержку. Хорошо организованную прежде всего сельскими национальными элитами. Как писал Стеллецкий, «священник, учитель и кооператив были тремя союзниками Петлюры»². Но такая консолидация была гарантирована УНР только до победы над режимом Скоропадского.

Из-под гетмана уходила последняя почва. 27 ноября офицеры 8-го корпуса гетманской армии во главе с генералом Игнатием Васильченко бросили Екатеринослав и двинулись на соединение с Добровольческой армией. 22 декабря они дошли до Крыма, где и закрепились. По мере эвакуации немцев приближался момент наступления гайдамаков на Киев. 14 декабря гетман отрекся от власти и бежал.

17 декабря 1918 г. гайдамаки заняли Киев. УНР была восстановлена. 26 декабря 1918 г. Директорией было создано правительство социал-демократа Владимира Чеховского.

Первоначально Директория заложила довольно левый курс. Декларацией Директории 26 декабря было восстановлено законодательство Центральной рады, должны были быть восстановлены демократически избранные органы местного самоуправления, создана «национально-персональная» (культурно-национальная) автономия для национальных меньшинств, возвращен 8-часовой рабочий день. Были обещаны рабочий контроль, государственное управление веду-

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 279.

² Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. С. 739.

щими отраслями промышленности и борьба со спекуляцией. «Впредь до полного разрешения вопроса о земельной реформе Директория УНР оповестила, что все мелкие крестьянские хозяйства и все трудовые хозяйства остаются в неприкосновенности в пользовании прежних их владельцев, остальная же земля переходит в пользование безземельных и малоземельных у крестьян, а в первую очередь тех, кто вступил в войска республики для борьбы с б. гетманом»¹. Здесь крестьян, наученных горьким опытом гетманата, не могли не смутить слова «впредь до полного разрешения...». То есть сейчас права на землю в УНР еще не гарантированы. Такое «учредительство» было уже достаточно скомпрометировано, и большевики, отдавшие землю крестьянам безо всяких отсылок к будущему парламенту, казались крестьянам предпочтительнее.

Декларация 26 декабря определяла, правда, очень нечетко, порядок выборов делегатов на конгресс трудового народа. Крестьяне должны были выбирать их на съездах в губернских городах, рабочие — от фабрик и мастерских. Правда, позднее за рабочими было зарезервировано менее пятой части мест. Интеллигенция могла участвовать в конгрессе только «трудовой» своей частью, к которой относились работники просвещения, лекарские помощники, работники кооперативов и служащие. В дальнейшем под давлением партий круг «допущенной к Конгрессу» интеллигенции был расширен. Конгресс должен был получить права верховной власти до созыва Учредительного собрания, которое намечалось на время после завершения войны.

На практике в Киеве и на местах власть перешла в руки атаманов, которые, по словам Винниченко, «решали не только военные дела, но и политические, социальные и национальные. Вся верховная, то есть реальная, действительная власть находилась в руках атамана, именно в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки. Они вводили осадное положение, они вводили цензуру, они запрещали собрания... Директория и кабинет министров играли только декоративную роль ширмы и громоотводов»².

Петлюра и его сторонники сделали ставку на быстрое формирование армии УНР на основе отрядов уже выдвинувшихся полевых командиров. А те устанавливали свою диктатуру на местах, не собираясь согласовывать свою политику с Директорией и соблюдать какие-то демократические принципы.

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 293.

² Там же. С. 297, 300–301.

24 ноября Петлюра и его штаб выпустили приказ, в котором определялся порядок формирования армии и первых действий ее командиров: «Команду над народным ополчением берут в свои руки в каждом уезде самые старшие по рангу военачальники украинской народности... Всем атаманам брать власть в свои руки, причем, во-первых: власть взять военную, административную, судебную, и последние две до тех пор, пока Директория не назначит соответствующих лиц; второе: всех предателей Украинского Народа арестовывать и поступать с ними по закону военному; третье: не допускать мятежа и предотвращать это немедленными военными расправами на месте; четвертое: Директория предоставляет полную власть во время боевых действий командирам отдельных частей, после боевых действий власть атамана земель такова: за главную измену украинскому государству, за военную измену, за невыполнение боевых приказов, за мародерство и грабежи исключительно к расстрелу после постановления военного Полевого суда»¹. Таким образом, военная власть в УНР должна была формироваться из этнических украинцев, получавших право на проведение политического террора. Директория, таким образом, оказывалась надстройкой над военно-террористической этнократией.

«Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики... Бороться против налетов было очень трудно, и случаев ареста налетчиков, насколько я помню, почти не было»², — вспоминал киевский юрист и общественный деятель Алексей Гольденвейзер. На новый виток в Киеве вышла украинизация, на этот раз сопровождавшаяся заменой вывесок на русском языке (иногда в них просто переправляли буквы). Украинский язык был объявлен обязательным для употребления в правительственных и общественных учреждениях и языком преподавания в школах. Осуществить эти меры не удалось, так как УНР не контролировала крупные города в течение достаточно длительного времени. Весной 1919 г. на Украине только десятая часть школ была украинской. Стране не хватало кадров учителей, способных преподавать на украинском языке. Украинские школы были распространены, прежде всего, в Волынской, Подольской и Полтавской губерниях.

¹ Цит. по: *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 286.

² Революция на Украине по мемуарам белых. С. 51.

В центре внимания Директории были все же не культурные, а военно-политические проблемы. И здесь «национально-освободительное движение» действовало весьма авторитарно. 21 декабря бойцы Коновальца разгромили резиденцию киевских профсоюзов. Петлюровские войска направлялись в города, где возникали Советы, для их разгона. Это дополнительно распыляло вооруженные силы Директории и множило очаги конфликтов вокруг Киева. Впрочем, если Советы стояли «на государственной точке зрения», правительство Директории указывало комиссарам их поддерживать.

На востоке Украины дело Директории оказалось в руках командования, продолжавшего, по сути, гетманскую политику. Перешедший на сторону УНР Болбочан разогнал харьковский Совет и профсоюзный съезд. Неудивительно, что здесь рабочие массы, и без того не склонные в большинстве своем к национализму, быстро развернулись против Директории.

Складывание режима «атаманщины» вызывало и вооруженное сопротивление на местах, направленное против режима Директории в целом, и политическую критику изнутри политического лагеря УНР.

В январе за власть Советов выступил Всеукраинский совет крестьянских депутатов. Национально-советская позиция Винниченко, отвергнутая Директорией, была поддержана на VI съезде УСДРП. В докладе о политическом положении на Украине министр внутренних дел Директории Анатолий Песоцкий предложил участвовать в мировой революции, создавать свою власть Советов и начать социализацию хозяйства. Председатель правительства Чеховский также поддержал переход к советской системе, но без большевистских диктаторских методов. То есть речь шла о введении действительно власти Советов, которая не существовала уже в РСФСР, замененная диктатурой партийно-правительственных органов. Власть Советов была популярным требованием и знаменем большевиков, перехватить которое было бы важно для сохранения популярности Директории. Против советских идей в пользу сохранения парламентаризма категорически выступило правое крыло партии во главе с Исааком Мазепой и др. Решения съезда УСДРП в этой ситуации во многом зависели от позиции Винниченко. Однако он не поддержал своих левых сторонников, скованный решениями Директории и не желая ее раскалывать. В итоге партия поддержала созыв парламента и Трудового конгресса, но от нее откололась левая группа независимых социал-демократов.

Значение Трудового конгресса повышалось еще и тем, что на нем предстояло провозгласить воссоединение украинского народа.

Завершение мировой войны открыло новые перспективы перед украинским национальным движением. «Украинская революция»,

которая в 1917 г. была одним из национальных потоков Великой российской революции, направленных на создание национальных государственных образований¹, теперь выплеснулась за пределы бывшей Российской империи.

18–19 октября собравшиеся во Львове украинские депутаты австро-венгерского парламента и представители украинских партий конституировались как Украинская народная рада и приняли постановление, по которому «этнографическая украинская область» образует «целостную украинскую территорию», а «эта национальная украинская территория конституируется, как украинская территория». Оговаривалось признание прав меньшинств, включая евреев². На этой территории со смешанным населением попытка создать моноэтничное или этнократическое государство неизбежно вела бы к кровавой резне. Впрочем, без вооруженной борьбы не обошлось, потому что не только украинские лидеры готовы были здесь гарантировать права «национальным меньшинствам» при условии включения их в свое государство. Польские лидеры считали эту территорию своей — тем более что Львов был скорее польско-еврейским городом, чем украинским.

Председатель Украинской народной рады национал-демократ Евгений Петрушевич считал, что пока нужно строить украинское государство в Галиции, но социал-демократы уже стремились к созданию соборной Украины, к объединению с Киевом — через свержение гетманата. Но пока сохранялась Австро-Венгрия и Украинская держава, Петрушевич отправился в Вену.

В ходе распада Австро-Венгрии на территории восточной Галиции 1 ноября украинские войска заняли учреждения Львова, сторонники Рады вывесили желто-голубые флаги. Было создано правительство (Державный секретариат) во главе с Константином Левицким (в кабинет вошел только один социал-демократ). 13 ноября была провозглашена Западно-Украинская народная республика (ЗУНР). За нее сражалась Украинская Галицийская армия (УГА). Однако поляки не собирались уступать ей Львов и вообще Галицию. Во Львове начались уличные бои. Со стороны Польши подходили подкрепления. 12 ноября поляки взяли Перемышль и перебросили войска к Львову, который 22 ноября оказался под польским контролем. Державный

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. С. 240–242; История Украины. М.: Алетей, 2015. С. 260–276.

² Цит. по: Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 274. В.Ф. Солдатенко считает, что документ логически несовершенен, так как «государством объявлялась территория, а не народ» (Там же). Однако этим как раз и подчеркивался полиэтнический характер нового государства, так как под словом «народ» мог пониматься именно украинский народ.

секретариат эвакуировался в Тернополь, затем Станиславов и Каме-нец. 3 ноября румынская армия оккупировала Буковину.

1 декабря 1918 г. было достигнуто соглашение об объединении ЗУНР и УНР. 22 января 1919 г., накануне созыва Трудового конгресса, Директория приняла Универсал, провозглашавший объединение. 23 января Трудовой конгресс утвердил его в торжественной обстановке. Правда, до Учредительного собрания правительство ЗУНР оставалось фактически самостоятельным.

«Однако этот шаг создавал для Директории вооруженного врага с запада»¹, — писал Винниченко. УНР вступила в войну с Польшей, что еще сильнее подрывало возможность опереться на поддержку Антанты. Украинское национальное движение вступило в борьбу за передел восточноевропейского пространства.

8 января, предвзяв волю Трудового конгресса, Директория приняла земельный закон. Он отменял частную собственность на землю. Земля передавалась во владение с правом наследования тем, кто ее обрабатывает. Вводился земельный максимум в 15 десятин с правом увеличения этой нормы земельными комитетами, если часть земли признавалась песчаной или болотистой. Также с согласия земельного комитета владелец мог передавать землю другому владельцу. Не должна была отчуждаться земля сахарных, винокуренных и других заводов. Излишки земли подлежали перераспределению, но прежде предстояло провести большую исследовательскую работу, чтобы понять, каковы эти излишки.

Уже это принятие важнейшего акта Директорией, предвзяющее решение Трудового конгресса, показало, что конгресс не рассматривается как верховный орган власти. Собравшиеся делегаты (более 400, 35 — с запада Украины) выслушивали речи и должны были выбирать между проектами решений, заранее подготовленными левыми и правыми социалистами. Большинство делегатов принадлежало к эсерам. Но еще в мае 1918 г. на IV съезде партия раскололась, когда на выборах в ЦК победили левые эсеры-боротьбисты (по названию газеты «Боротьба»). Правое крыло УПСР не стало подчиняться этому ЦК, и партия была дезорганизована. Боротьбисты формировали новую партию, выступавшую против Директории. Социал-демократы фактически лидировали на конгрессе (тем более что украинские социал-демократы были предельно близки по взглядам к эсерам, признавая, что для задач пролетарской революции время еще не пришло). В условиях, когда сторонники Советской власти вели войну с УНР, решения конгресса уже были далеки от идей сочетания совет-

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 290.

ских и парламентских принципов. 28 января конгресс призвал готовить выборы в парламент и сохранил полноту власти за Директорией.

Правда, заместитель министра иностранных дел УНР Арнольд Марголин, который в это время ехал с дипломатической миссией в Одессу, вспоминал: «Власть Директории уже ограничивалась Киевом и ближайшим районом. В Казатине была уже своя самочинная власть»¹. Атаманы правили по своему усмотрению, что выражалось, прежде всего, в произвольных арестах и досмотрах с грабежами.

Украинский историк В.Ф. Солдатенко считает, что «атаманщина в историческом смысле стала злым роком всей национальной государственной организации (даже самой национально-освободительной революции), поскольку сорвала планы строительства республики трудового народа, поддержанные ведущими украинскими партиями, т. е. большей частью украинского политикума, Трудовым конгрессом Украины (в некотором приближении — “изданием” Учредительного собрания — идеала украинства всей революционной эпохи)»². Это было бы верно, если бы полномочный конгресс и партийный «политикум» были свергнуты атамантиной еще в Киеве. В действительности партийные политики сами лишили власти Трудовой конгресс, опасаясь, что делегаты с мест могут отодвинуть от власти партийных лидеров. Лишившись таким образом корневой социальной поддержки, политики затем уже попали под власть военного крыла движения, к тому же более правого в рамках Директории — что привело к поражению левого крыла во главе с Винниченко. Это, в свою очередь, исключало возможность социальной трансформации УНР, создания опоры на самоуправление, на организованные массы. После этого эволюция УНР в сторону правой военной диктатуры с властью полковых командиров на местах была практически неизбежной. Никакого злого рока тут не было, только закономерность — по тому же пути пошло и белое движение в России.

Тем временем делегаты конгресса торопливо разъезжались из Киева, к которому подходила Красная армия. 2 февраля Директория обосновалась в Виннице.

* * *

Пока коммунисты медлили с борьбой за Украину, активизировались их левые конкуренты, потерпевшие поражение в России. 24 ноября партизанский отряд, которым руководили левые эсеры и максималист Антон Авилов, взяли Валуйки. После ранения Ави-

¹ Революция на Украине по мемуарам белых. С. 378.

² Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 285.

лова местными повстанцами командовал левый эсер Цветков. Здесь была создана Восточная повстанческая армия. В декабре 1918 г. из нейтральной зоны на Украину выступил отряд левого эсера Юрия Саблина, который занял Купянск и Волчанск. Был создан Центральный повстанческий штаб во главе с Саблиным, который не подчинялся коммунистам. 26–29 декабря левые эсеры стали формировать здесь власть, альтернативную центральной Советской власти. 27 декабря в этот район вошли войска РККА во главе с Павлом Дыбенко. Саблин со своим полком подчинился красному командованию. 11 января 1919 г. левые эсеры, отказавшиеся подчиниться, были разгромлены, а некоторые их командиры, включая Цветкова, расстреляны¹. Не получалось у левых эсеров создать «свой» район.

Более успешны были действия анархиста Нестора Махно. Бывший председатель гуляйпольского Совета вернулся на Украину в июле и с сентября начал партизанские действия в своем районе. После успешного боя с австро-германцами в Дибровках к Махно, получившему почетное прозвище «батько», присоединился отряд матроса Феодосия Шуся. Объединенный отряд Махно стал самым крупным и активным повстанческим формированием в Северном Приазовье.

Развал режима немецкой оккупации создал вакуум власти на южном Левобережье Днепра. Махно решил создать единую повстанческую зону с единым фронтом под началом своего штаба, в который кроме военных командиров вошли левый коммунист Херсонский, левый эсер Миргородский и анархист Горев (штаб возглавлял сначала сам Махно, а затем Алексей Чубенко).

27 ноября Махно занял Гуляйполе. Повстанцы довольно быстро вытеснили из своего района немцев, разгромили сопротивлявшиеся хутора и усадьбы и наладили связи с органами местного самоуправления. Махновский штаб установил контроль над обширным районом в Приазовье с неясными границами — на юге начались стычки с красновцами, на западе ощущалось давление со стороны УНР.

Махно вступил в переговоры с большевистским ревкомом Екатеринославской губернии о совместных действиях по захвату Екатеринослава. «Батько» был назначен ревкомом Главнокомандующим Советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района.

27–30 декабря отряды махновцев, коммунистов и левых эсеров отбили у войск УНР Екатеринослав. Власть в городе перешла к коа-

¹ См.: Леонтьев Я.В. Трижды исключавшийся, или вехи политической биографии Е.Ф. Муравьева // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 89–96.

лиционному ВРК, но ненадолго. Подошедшие под Новый год свежие части УНР прорвали фронт и одним ударом выбили махновцев из города¹. Неудачливым союзникам оставалось лишь обвинять друг друга в поражении и грабежах города (с которыми, впрочем, боролись и Махно, и коммунисты). Из Екатеринослава Махно сумел вывести лишь около 200 бойцов².

Отступив за Днепр, Махно не допустил гайдамаков на левый берег. Западная граница махновского района стабилизировалась, а на юго-востоке развернулись бои с белыми.

В это время Москва, наконец, дала добро наступлению на Украину. Две украинские советские повстанческие дивизии стали продвигаться на юг. 4 января 1919 г. был создан Украинский фронт во главе с Владимиром Антоновым-Овсеенко, который начал двигаться к Донбассу, чтобы вести там борьбу с белыми. Правобережную Украину пока занимать не планировалось³. Если бы Украинская республика была устойчива, большевики вели бы сражения с белыми, а Киев остался бы в стороне. Но волна восстаний против Директории отклонила ось наступления Украинского фронта далеко на запад.

30 декабря красные взяли пограничный городок Городню. 1–2 января у Казачьей Лопани 2-я украинская советская дивизия разбила силы Болбочана, а в Харькове развернулось восстание.

На III съезде Советов Украины 10 марта 1919 г. была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР). Еще в январе конфликтогенного Пятакова на посту председателя временного правительства и затем совнаркома Украины сменил Христиан Раковский. Его преимуществом было нейтральное отношение к группировкам украинских коммунистов. Но оборотной стороной это нейтральности был и крупный недостаток — Раковский прежде был мало связан с Украиной, хотя в 1918 г. и действовал там недолгое время. Всеукраинский ЦИК (ВУЦИК) Советов был сформирован на двухпартийной основе — на 90 большевиков приходилось 10 боротьбистов, которые также активно участвовали в организации восстаний за власть Советов. Летом боротьбисты вошли в СНК УССР в качестве наркомов просвещения и финансов.

В 1919 г. часть актива украинских социалистических партий идеологически сдвинулась влево, в сторону коммунистических взглядов.

¹ *Махно Н.* Махновщина и ее вчерашние союзники-большевики. Париж: Библиотека махновцев, 1928. С. 14.

² Подробнее см.: *Шубин А.В.* Махно и его время. О Великой революции и гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М.: URSS, 2013. С. 106–109.

³ *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918–1921 гг. М.: Полигон, 2002. С. 167.

В декабре 1918 г. часть социал-демократов образовали УСДРП (независимые), которая в январе 1920 г. преобразовалась в Украинскую коммунистическую партию (она просуществовала до 1925 г.). В марте 1919 г. УПСР (боротьбисты) стала называться УПСР (коммунисты). В январе 1919 г. из УСДРП (независимые) выделилась УСДРП (независимые левые), которая в августе 1919 г. объединилась с УПСР (коммунисты) в Украинскую коммунистическую партию (боротьбисты). Также за союз с коммунистами выступала возникшая в марте небольшая Украинская партия левых эсеров (борьбистов), выделившаяся из Украинской ПАСР в ходе раскола УПАСР (их антибольшевистские оппоненты назывались УПАСР (интернационалисты) или «активисты»). Эти организации имели свои вооруженные отряды, боровшиеся прежде всего против белых.

* * *

В условиях начавшегося советского наступления на Украине Директория 16 января объявила войну России. В тот же день Болбочан сдал Полтаву. Попытка Петлюры отбить город оказалась неудачной. Фронт УНР рушился из-за многочисленных восстаний, перехода атаманов на сторону Советской власти. Красные развернули наступление в сторону Киева и Одессы. 26 января красные взяли Екатеринослав.

В условиях советского натиска Директория отправила миссии одновременно в Советскую Россию (Семен Мазуренко) и к командованию войск Антанты в Одессе (генерал Александр Греков).

Переговоры с миссией Мазуренко начались 17 января. Советскую делегацию возглавлял известный большевик Дмитрий Мануильский. Мазуренко пытался снять с Директории ответственность за действия атаманы: «Происшедшие в последнее время убийства большевиков в Киеве — дело рук военных властей, и Директория не имеет к ним никакого отношения»¹. По существу, Мазуренко искал соглашения между левым крылом Директории и большевиками. Мануильский предложил «посредничество» РСФСР для достижения перемирия между Директорией и Советской Украиной при условии созыва на Украине съезда Советов на принципах, принятых в России, и участия войск УНР в войне против Антанты и белых (вскоре часть армии УНР и так перешла на сторону Советской власти). 1 февраля советская сторона несколько смягчила условия: «1. признание Директорией принципа власти Советов на Украине; 2. признание нейтралитета Украины с активной его защитой против всякого иностранного вмеша-

¹ Цит. по: Лихолат А.В. Разгром буржуазно-националистической Директории на Украине. М.: Госполитиздат, 1949. С. 91.

тельства, нарушающего этот нейтралитет; 3. совместная борьба против контрреволюции и 4. перемирие на время мирных переговоров»¹. Это позволяло более вольно трактовать принципы организации Советов и вести войну против Антанты и белых только на украинской территории. Мазуренко согласился на эти условия.

Директории стало известно об этом 9 февраля, Винниченко предложил трактовать это положение в том смысле, как он предлагал еще в ноябре–декабре — провозгласив свою Советскую власть. Однако в условиях советского наступления, краха фронта УНР Москва вряд ли могла бы принять такие условия. Однако пока директора дискутировали, фронт УНР рухнул.

6 февраля красные вошли в Киев. Не склонный к анархизму А. Гольденвейзер рассказывает о периоде киевской жизни после бегства гайдамаков и до прихода красных: «Период этот продолжался целую неделю. За это время все население убедилось в том, что отсутствие правительства тоже есть форма государственного строя, при том, пожалуй, не самая худшая государственная форма. Царило совершенное спокойствие, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ездили»².

УНР не могла сама остановить продвижение красных, но надежды Петлюры и правого крыла Директории были связаны с помощью Антанты. 15 декабря в Одессе высадились интервенты. Командующий французской дивизией генерал Филипп д'Ансельм потребовал от войск УНР очистить Одессу и прилегающие территории, что и было сделано. 7 февраля генерал д'Ансельм и его начальник штаба Анри Фрейденберг провозгласили, что «Франция и его союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элементам и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны»³. Патриоты России — это не украинские националисты. Антанта и не собиралась теперь поддерживать Директорию, делая ставку на белое движение.

Под прикрытием интервентов в Одессе была создана белая военная администрация во главе с генералом Алексеем Гришиным-Алмазовым. Здесь стала формироваться новая Южно-Русская армия под руководством генерала Алексея фон Шварца. Но дело продвигалось медленно, так как часть офицеров предпочитала уезжать в район действий Добровольческой армии.

¹ Лихолат А. В. Разгром буржуазно-националистической Директории на Украине. С. 93.

² Революция на Украине по мемуарам белых. С. 52.

³ Там же. С. 313.

Французы выставили политические условия на переговорах с представителями УНР: устранение представителей левых партий из Директории, передача контроля над железными дорогами и финансами Украины, проведение аграрной реформы только на принципах вознаграждения собственника. В начале февраля Директория отвергла это грубое вмешательство в дела непризнанного государства, но переговоры продолжила.

9 февраля УСДРП отозвала своих представителей из Директории, надеясь таким образом облегчить достижение соглашения с Антантой. Винниченко вышел из Директории и вскоре уехал за границу.

Новую Директорию возглавил Симон Петлюра, который вышел из УСДРП, чтобы не ассоциироваться с социализмом. Таким образом, Петлюра разорвал со своим социалистическим прошлым и занял лидирующую позицию в УНР, стремительно сокращавшейся в размерах. По решению своей партии из Директории вышел также эсер Федор Швец. В правительство согласились войти социалисты-федералисты (слово «социализм» в их названии было чистой условностью), социалисты-самостийники (их программа была довольно левой, но политическую позицию они обычно занимали правее центра УНР) и народные республиканцы. 13 февраля поредевшая Директория назначила премьер-министром Сергея Остапенко. Режим Директории стал умеренно правой национал-авторитарной политической силой. Правда, поиску внешней опоры это не помогло — Антанта предпочла поддерживать Колчака и Деникина, выступавших за единую и неделимую Россию.

Единственное, чего достигла украинская делегация в Одессе, — подписание 18 февраля соглашения о создании федерации с представителями Дона, Кубани и Белорусской народной республики. Но представители Антанты отвергли эту идею.

Тем временем в начале марта красные взяли Житомир, что поставило фронт УНР на грань распада. Повстанцы, выступавшие против немецкой оккупации и гетманата, и поддержавшие Директорию в конце 1918 г., теперь разворачивали фронт против нее, в поддержку советской идеи, отвергнутой Директорией несмотря на усилия Владимира Винниченко. Популярность идеи Советской власти и связанных с ней радикальных социальных преобразований обеспечила быстрое продвижение красных по Украине.

* * *

Повстанческие отряды вливались в Украинский фронт РККА, становясь основой для развертывания сначала бригад, а затем и дивизий. В 1-ю Заднепровскую дивизию Дыбенко вошли и формирова-

ния атамана Никифора Григорьева, прежде служившего и гетману, и Петлюре. В декабре 1918 г. этот атаман контролировал почти всю Херсонщину, но порты Украины заняли силы Антанты, сильно раздосадовав Григорьева. Григорьевцы продолжали нападать на французов и греков уже тогда, когда Директория добивалась признания со стороны Антанты. В то время как Директория эволюционировала вправо от социал-демократии, Григорьев стал симпатизировать украинским левым эсерам. Но главным для него оставался украинский национализм, который сочетался с антиимпериализмом — теперь антиантантовским.

Когда на Украину вошла Красная армия, Григорьев в январе 1919 г. объявил себя сторонником Советской власти. Бригада Григорьева быстро выросла до нескольких тысяч бойцов — смесь советской и национальной идей оказалась популярной на Правобережье.

10 марта Григорьев разгромил французов, греков и белогвардейцев и взял Херсон. Затем интервенты потеряли Никополь, Григорьев разбил их у Березовки и двинулся на Одессу. Надо признать, что антантовские солдаты сражались неохотно на этой непонятной «войне после войны». В Париже шли дебаты о скорейшем возвращении контингента домой, и удары советских войск очень способствовали победе партии мира. 8 апреля Григорьев с триумфом вошел в только что оставленную интервентами Одессу. Там ему достались огромные запасы снаряжения, часть которого он раздал крестьянам, что еще сильнее подняло его популярность. Григорьевская бригада была преобразована в дивизию.

На левом берегу Днепра севернее Азовского моря белых сдерживали махновцы. Но им не хватало оружия, и повстанцы были прижаты к Гуляйполю. Дыбенко 26 января договорился с махновцами о союзе и передал им оружие и патроны, позволившие уже 4 февраля перейти в наступление. 17 февраля махновцы вошли в Бахмут. В это время численность махновцев оценивалась уже в 7 тыс. бойцов¹.

Махновцы в качестве 3-й бригады вошли в состав 1-й Заднепровской дивизии под командованием Дыбенко. Полученное от большевиков оружие позволило вооружить ждавшее своего часа крестьянское пополнение. В результате 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии стала быстро расти, обгоняя по численности и дивизию, и 2-ю Украинскую армию, в составе которой 3-я бригада сражалась позднее. В конце апреля у Махно было 15–30 тыс. бойцов при 12,5 тыс. бричек и подвод². Бригада развернула наступление на юг и восток, ворвалась

¹ РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 19. Л. 83.

² Чон В. Нестор Иванович Махно. Запорожье: Тандем-У, 1998. С. 41.

в Волноваху и Бердянск. Западный бастион Деникина был ликвидирован.

Вооруженные силы Нестора Махно комплектовались следующим образом. Каждый населенный пункт должен был выставить полк (первоначально 80–300 человек), который избирает командование и выступает на фронт. Вместе сражались люди, которые давно знали друг друга и доверяли командиру. Деревня, выставившая полк, охотно снабжала его, ведь полк состоял из родственников крестьян. Бойцы, в свою очередь, знали, что отступить на сотню километров — значит поставить под удар собственные хаты. Махно оказался талантливым военачальником и организатором. Он поощрял инициативу бойцов и командиров, мог распустить свои войска в одном месте, чтобы они собрались в другом и тут же ударили по врагу.

* * *

Волна советских войск, продвигавшаяся по Украине, была рыхлой и разнородной, и к тому же плохо вооруженной. Часть сил приходилось отдавать Южному фронту для борьбы с деникинцами.

15 марта Петлюра перешел в наступление, взял Коростень и приблизился к Киеву на 50 км. Гайдамаки заняли Житомир, который удерживали до 12 апреля. Однако на других участках фронта красные продолжали наступать, и 18 марта 1-я Украинская дивизия Щорса вошла в Винницу, а 20 марта — в Жмеринку. 26 марта Петлюра был разбит на реке Тетерев и вынужден стремительно отступать. Красная армия дошла до реки Збруч. Дальше начиналась территория Западно-Украинской народной республики, сражавшейся с поляками. Командование РККА решило не облегчать им работу и не бить по Украинской галицийской армии (УГА), сосредоточивая усилия против войск Петлюры. Тем более что армия УНР разваливалась.

21 марта командование отрезанного красными Юго-Западного фронта УНР (атаманы Емельян Волох и др.) устами созданного с их согласия ревкома провозгласило переход на советскую платформу. Но они выдвигали требования равноправия с Советской Россией, что было неприемлемо. Из Волоха не получилось Махно и Григорьева, наступление красных продолжилось, и остатки Юго-Западного фронта ушли в Бессарабию.

22–28 марта в Каменце-Подольском под руководством Чеховского действовал Комитет охраны республики, который призвал Директорию прервать переговоры с Антантой и перейти на советскую платформу (правда, с условием одновременного вывода с Украины российских войск). Левое крыло лидеров УНР не оставляло надежд реализовать национал-советский проект Винниченко, но не смогло

заручиться поддержкой достаточной вооруженной силы. Комитет был разогнан петлюровцами.

После исхода интервентов из Одессы остатки Директории (Петлюра и Макаренко), уже отступившие в Ровно, 9 апреля назначили премьер-министром Бориса Мартоса, который сформировал более левое правительство. В распоряжении Директории осталось около 15 тыс. боеспособных солдат¹.

Однако члены Директории Андриевский и Петрушевич, опиравшиеся на ЗУНР, не признали правительство Мартоса, и де-факто УНР раскололась. Связанный с Андриевским генерал УНР Владимир Оскилко (они входили в Украинскую партию социалистов самостийников) 29 апреля поднял мятеж против Петлюры и Мартоса в Ровно, арестовал членов правительства и провозгласил себя головным атаманом. В президенты УНР он наметил Петрушевича. Оскилко использовал войска «втемную», утверждая, что Петлюра захвачен большевиками. Петлюра, Макаренко и Швец находились на станции Здолбунов недалеко от Ровно. Они стали устанавливать контакты с войсками и разбрасывать над Ровно с аэропланов листовки против Оскилко, который хочет восстановить гетманские порядки. Мятеж провалился, но и фронт УНР был окончательно развален².

Отставив Ровно, Директория продолжила кочевать на запад. Как шутили тогдашние острословы, «в вагоне Директория, а под вагоном ее территория». 9 мая председателем Директории избрали Петлюру, а 13 мая из ее состава вывели Андриевского, связанного с «оскилковщиной». 17 мая правительство Мартоса эвакуировалось в Галицию.

7 мая правительство приняло закон, регулирующий деятельность Директории (то есть Директория оказывалась органом, как минимум равноправным правительству): постановления Директории считались законными, если в заседании принимал участие головной атаман и если он и еще один член подписали постановление. Четверо членов Директории включая головного атамана могли исключить пятого³.

9 июня Петлюру попытался свергнуть Болбочан, но и эта попытка провалилась, а Болбочан был расстрелян.

Разложение режима Директории высвободило шовинистические инстинкты националистической военщины. В феврале–марте еврейские погромы охватили Балту, Проскуров и другие населенные пунк-

¹ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 283.

² См. там же. С. 292.

³ Там же. С. 287.

ты. В течение 1919 г. в погромах погибло приблизительно 120 тыс. человек. Украинские националисты непосредственно организовали около 300 еврейских погромов¹.

27 мая Директория приняла закон о создании Особой следственной комиссии по расследованию погромов. Но существенных последствий эта мера не имела, так как комиссия не могла арестовать петлюровских командиров, творивших произвол против евреев. Петлюре осталось только обвинять в провоцировании погромов «врагов нашего государства». Якобы «большевики расстреливали, насиловали женщин и детей, учиняли погромы еврейского населения, забирали последние материальные средства к жизни»². И теперь погромную агитацию ведут их провокаторы. А вот «рыцарское войско, которое несет всем нациям Украины братство, равенство и свободу, не должно спокойно слушать всяких пройдох и провокаторов, жаждущих человеческого мяса. Также оно не может быть причастно к тяжелой участи евреев»³.

Тылом УНР в борьбе с большевиками была ЗУНР. Но 14 мая польская армия под командованием Юзефа Халлера двинулась на Волинь. Силы УНР спасло от полного разгрома только то, что в конце мая поляки столкнулись у Радзивилова с красными. Директория уехала в ЗУНР, в Тернополь. Но 2 июня поляки заняли и Тернополь, так что Петлюре и его начальнику штаба Василию Тютюннику пришлось прорываться на Проскуров, в сторону красных. В этот момент вся территория УНР, включая ЗУНР, сократилась до полосы в 10–20 км в районе станций Богдановка и Волочиск на западном берегу реки Збруч. Если бы Директория с ее армией не смогла пробиться на восток за Збруч, то она оказалась бы во власти поляков на несколько месяцев раньше — уже в июне 1919 г. Но 3 июня петлюровцы все же вышли на восточный берег. Красные, ослабленные в условиях наступления Деникина, не удержали переправу через Збруч, оставили Проскуров, что позволило Директории вернуться 6 июня в Каменец-Подольский.

Поляков тоже отвлекли дела на западе, и 9 июня украинцы взяли Чертков, а 15 июня — Тернополь. Но дальнейшее наступление на Львов обернулось катастрофой. Юзеф Пилсудский разбил Украинскую галицийскую армию 28 июня, и 17 июля она покинула Галицию. Таким образом, проект создания независимого украинского национального государства снова потерпел неудачу, хотя и сохранил

¹ Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 299.

² Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М.; СПб.: Летний сад, 2008. С. 244.

³ Там же. С. 246.

вооруженное ядро, занимавшее минимальную территорию, на которой нельзя было создать государство.

На Правобережной Украине действовали повстанцы, ориентировавшиеся на идею УНР. В условиях крушения большевистского движения на Украине и конфликта с Польшей, за спиной которой стояла Антанта, Директория вынуждена была искать опору внутри Украины — то есть в повстанческом движении. А это предопределяло новый левый поворот ее политики.

Оставшиеся на советской территории организации УСДП, УСДП (независимых) и УПСР попытались создать свой политический центр, новую Раду взамен Директории, для борьбы с «оккупационным правительством Раковского». Но в итоге объединиться смогли только эсеры и независимцы, которые создали Всеукраинский революционный комитет, Главный военный совет и Главный повстанческий штаб во главе с независимцем Ю. Мазуренко. Ревкому подчинялись повстанческие командиры, которые установили контроль над несколькими уездами в Киевской губернии.

Часть отрядов ревкома прорвалась в районе Жмеринки на запад и вышли к Каменец-Подольску, где базировался Петлюра. 9 июня в Черном Острове представители Директории договорились с представителями Всеукраинского ревкома, что на местах будут создаваться трудовые советы (как и было решено в январе 1919 г.), но теперь — с полноценными властными полномочиями. Идея Советов без коммунистов была в это время популярна на Украине, разочаровавшейся в «коммунии», но не в первоначальных идеях Октября. При этом продолжали действовать и решения Директории о созыве парламента. Представители Всеукрревокома Дмитрий Одрин и Феофан Черкасский вошли в правительство Мартоса.

Новое полевение курса Директории вызвало протесты со стороны социалистов-федералистов и других правых партий, но за ними в условиях середины 1919 г. не было реальной силы. Зато вооруженная сила — Украинская галицийская армия — оставалась в подчинении более правых руководителей Западной области УНР (бывшей ЗУНР). 9 июня Евгений Петрушевич объявил себя ее диктатором. Этот акт не был признан Директорией и еще сильнее углубил раскол двух центров власти УНР. 4 июля Петрушевич был выведен из состава Директории, но признавался ею в качестве председателя галицкого правительства.

В условиях наступления генерала Деникина независимцы прекратили участие в повстанческой борьбе против Советской власти.

В июле Петлюра арестовал Мазуренко и его товарищей, а командир повстанческой дивизии украинский эсер Я. Дияченко был рас-

стрелян 18 июля. Разрыв с Всеукраревкомом был закономерен — Петлюра готов был идти с левыми социалистами только на тактические союзы. Но это ослабляло социальную базу УНР.

Советы, коммунисты и батьки

Установив контроль над большей частью территории Украины, советские лидеры должны были определиться со статусом УССР. Она была создана как автономная часть РСФСР (наряду с другими автономиями «окраин»). Но тогда получалось, что Красная армия подавила недавно обретенную независимость. В условиях ожидавшейся мировой революции коммунистическое руководство не считало формальную независимость препятствием для советизации. Возникла проблема — сохранять ли ее за бывшими «окраинами» Российской империи, или модель независимых государств с коммунистическими режимами касается только таких стран, как Германия. Вопрос не был праздным и для местных коммунистов, так как от его решения зависели границы их самостоятельности. Декларация Совнаркома УССР 28 января 1919 г. провозглашала грядущее «объединение Украинской Советской Республики с Советской Россией на началах Социалистической Федерации, формы которой будут установлены полномочными представителями на Всеукраинском съезде Советов»¹. То есть речь шла не об автономии Украины в составе Российской Федерации, а о будущем объединении двух субъектов в одну Советскую федерацию.

10 марта III съезд Советов УССР принял Конституцию, которая определяла: «Решительно порывая с прошлым, стремясь уничтожить вместе с делением общества на классы также национальный гнет и национальную рознь, Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей твердой решимости войти в состав единой международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для ее возникновения»². То есть создание Советской федерации переносилось на относительно отдаленное будущее. Причины такого изменения понятны. В условиях продвижения Красной армии на запад, создания Коминтерна и революции в Германии предполагалось создавать Советскую федерацию на основе не двух, а нескольких советских республик. Это была концепция, которая в итоге возобладает в 1922 г. Но пока международная Советская республика не была создана, УССР сохраняла

¹ Цит. по: Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. М.: Аква-терм, 2011. С. 541.

² Там же. С. 270.

формальную независимость. Если март 1919 г. был для коммунистов месяцем надежд (чего стоило одно провозглашение Венгерской советской республики), то в мае положение на фронтах мировой революции стало ухудшаться. Натиск РККА на запад был остановлен, не удалось удержать Ригу, коммунисты терпели неудачи в Германии. Перспективы расширения числа советских республик в ближайшее время становились призрачными. Надо было определяться с формой объединения тех республик, которые остались под контролем коммунистов. 18 мая по инициативе ЦК РКП(б) Всеукраинский ЦИК принял решение: «Вся вооруженная борьба с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках. Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик Центра. Исходя из этого, ЦИК поручает своему Президиуму обратиться к ЦИКах всех советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого органа революционной борьбы». «31 мая весьма схожее решение принял Совет обороны Литвы и Белоруссии. Он также предложил “установить всем советским республикам тесный военный союз с единым командованием и делением всех объединенных военных сил на армии по оперативным заданиям, а не по национально-государственному принципу”»¹, — комментирует историк Ю.Н. Жуков. В этой инициативе не было ничего существенно нового — армии советских Украины и Латвии фактически и раньше подчинялись общему РВСР (в названии этого органа военного руководства дипломатично отсутствовало упоминание России). Формальное военное объединение теперь позволяло решить некоторые организационные вопросы (единая нумерация частей, переброска их на фронт без привязки к определенной республике). Но военными вопросами объединение не ограничилось.

28 мая Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение «О военно-экономическом союзе с Украиной»: «1. Провести через ЦИКи постановление об объединении: а) военных комиссариатов и командования, б) ВСНХ, в) Наркомпути, г) Наркомзем и Наркомтруд. 2. Утвердить как директиву для ЦК КПУ, что наркомы РСФСР становятся союзными наркомками, а наркомы Украины — их областными уполномоченными»².

В другой директиве Политбюро конкретизировало: «Указанное объединение должно быть осуществлено в том виде, что соответствующие народные комиссары РСФСР являются и народными комис-

¹ Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. С. 316–318.

² Там же. С. 318–319.

сарами УССР. В украинском СНК будут заседать их уполномоченные со званием “нарком Украины”. «Такое решение... явилось развитием не прошедшего 4 мая предложения Ленина и Сталина — ведь теперь предполагалось объединить уже не два, а шесть Наркоматов, что фактически означало полное слияние РСФСР с УССР. Следовательно, Политбюро, наконец, осознало губительность игры в “право наций на самоопределение”, отказалось от этого лозунга»¹, — делает из этого неожиданный вывод Ю.Н. Жуков, хотя ни о каком отказе от права наций на самоопределение в этих документах речи не идет. Предполагалось добровольное объединение советских республик, как и обещали документы, принятые лидерами УССР в январе и марте 1919 г.

1 июня Советская Украина вошла в военно-политический союз советских республик с общими вооруженными силами и управлением экономикой. Но фактически промышленность Украины была еще раньше подчинена общероссийскому центру. На ее восстановление было направлено 125 млн рублей, но в условиях обесценивания денег и военных действий, в том числе в Донбассе, это не помогло поднять производство.

Главной задачей была заготовка хлеба и вывоз его в промышленные центры России. 13 апреля на Украине была введена продразверстка. Средняк обязан был сдавать 180 кг хлеба с десятины, а кулак (к которым отнесли крестьян с наделами свыше 10 десятин) — по 400 кг. Бедняки от продразверстки освобождались и привлекались к поискам спрятанного хлеба. Формально продовольствие крестьянам оплачивалось, но по ценам, которые были в 10–20 раз ниже, чем у частников-мешочников. Однако регионы, контролировавшиеся повстанческими командирами, выпадали из сферы действия продразверстки. Изъятие хлеба саботировали и некоторые Советы и даже коммунистические парторганизации.

В первом квартале 1919 г. с Украины было отправлено 300 тыс. пудов хлеба, а в обмен направлено из России 15 708 тыс. аршин тканей и другие товары. Однако к июлю удалось заготовить уже 8,5 млн пудов (правда, вместо 140 млн запланированных) и еще 4 млн пудов других продуктов. 2 млн пудов хлеба были отправлены в Москву и Петроград.

Крестьянство было разочаровано — коммунисты не только изымали хлеб, но и отказались передать селянам обширные земли сахарных заводов, которые были превращены в совхозы. Обострились и национальные противоречия, которые стали отражением со-

¹ Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. С. 319.

циальных. Новая бюрократия в большинстве своем формировалась из городских слоев, то есть прежде всего из русских и евреев. Крестьянские восстания весны 1919 г., как правило, были направлены не против Советской власти, а против коммунистов и часто носили антисемитский характер.

В апреле под Киевом восстал атаман Зеленый (Даниил Терпило), что было опасным сигналом: атаманы, перешедшие на сторону красных, на самом деле — лишь попутчики коммунистического режима. Зеленый собрал около 12 тыс. бойцов. Возникало еще несколько многотысячных повстанческих армий. Вскоре Киевская, Черниговская и Полтавская губернии были охвачены восстаниями, и коммунисты контролировали лишь города и в меньшей степени — железные дороги.

1 апреля восстали матросы Николаева. Эти события стали прообразом Кронштадтского восстания 1921 г. Митинг и совет избрали начальником гарнизона матроса Проскуренко, а комендантом — матроса-анархиста Евграфова. Восставшие выпустили газету «Свободное слово красного моряка», в которой утверждали: «Власти Советской, собственно говоря, нет, нет власти рабочих и крестьян... Если бы Советская власть была бы лучше, была бы настоящая, не было бы столько врагов у Советской России»¹. Восставшие требовали «действительной власти Советов, уничтожения комиссародержавия», всеобщих выборов в Советы в условиях восстановленных политических свобод, включая свободу агитации, признания всех партий, «стоящих на платформе Советской власти», ликвидации ЧК, сокращения числа чиновников, выборности ответственных работников, коренного изменения продовольственной политики². Эти требования были предельно близки к идеологии и практике махновского движения. С Николаевским восстанием не удавалось справиться вплоть до мая — до выступления Григорьева, которое вызвало раскол среди повстанцев. Одни ушли к Григорьеву, другие выступили против него, а затем присоединились к махновцам.

Большие опасения коммунистов вызывал район, занятый бригадой Махно. Гражданская власть здесь перешла к Советам, в которых большинство принадлежало не коммунистам, а анархистам, левым эсерам и местным крестьянам, симпатизировавшим анархизму Махно.

О большевистском режиме Нестор Махно высказывался весьма критически, хотя и находился с ним в союзе: «Комиссародержавцы хотят видеть в трудящихся только “человеческий материал”, как вы-

¹ Цит. по: *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб.: СПбГАК, 1997. С. 111–112.

² Там же. С. 112.

разился на съезде Троцкий, только пушечное мясо, которое можно бросать против кого угодно, но которому ни в коем случае нельзя дать право самим, без помощи коммунистов создать свою трудовую жизнь, свои порядки... Повстанческая армия борется за истинные Советы, а не за чрезвычайки и комиссародержавие»¹.

Махно выдвигал такую задачу: «Строительство истинного Советского строя, при котором Советы, избранные трудящимися, являлись бы слугами народа, исполнителями тех законов, тех порядков, которые напишут сами трудящиеся на всеукраинском трудовом съезде...»² «Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и свою волю, свои хозяйственные и иные планы и соображения, будет проводить через свои органы, которые она сама создает, но которые не наделяет никакой властью, а только лишь определенными поручениями»³, — писали Махно и его советник Петр Аршинов в мае 1919 г.

Резолюции махновских съездов Советов созвучны анархистским идеям: «2-й районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих теснее сплотиться вокруг своих местных вольных Советов крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков... Долой комиссародержавие и назначенцев! Долой чрезвычайки — современные охранки! Да здравствуют свободно избранные рабоче-крестьянские Советы! Долой однобокие большевистские Советы!»⁴ 12 февраля 1919 г. Махно был избран почетным председателем II Гуляйпольского районного съезда фронтовиков, Советов и подотделов. Выступая на съезде, он заявил: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: “Добро пожаловать, дорогие друзья!” Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину — мы скажем им: “Руки прочь!” Мы сами умеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь — где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей»⁵.

Политика РКП(б) подверглась резкой критике на II съезде Советов Гуляйполя. Резолюция съезда гласила: «Нами не избранные,

¹ Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 153. Л. 116.

² Там же. Л. 115.

³ Чего добиваются повстанцы-махновцы. Гуляйполе, 1919. С. 9, 10.

⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 87.

⁵ Там же. С. 80.

но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти... Прикрываясь лозунгом “диктатуры пролетариата”, коммунисты большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами... Мы призываем товарищей рабочих и крестьян не поручать освобождение трудящихся какой бы то ни было партии, какой бы то ни было центральной власти: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся»¹.

II съезд избирал в феврале постоянно действующий орган власти — Военно-революционный совет (ВРС). Партийный состав ВРС был левосоциалистическим: семь анархистов, три левых эсера, два большевика и один сочувствующий им. Таким образом, на территории, контролируемой войсками Махно, возникла самостоятельная система Советской власти, автономная от центральной власти УССР. Это вызывало взаимное недоверие Махно и красного командования.

Возникшая в махновском районе социально-политическая система позволила создать значительную по тем временам социально-культурную инфраструктуру. Командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал: «Налаживаются детские коммуны, школы, Гуляйполе — один из самых культурных центров Новороссии: здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто 10 госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделываются замки к орудиям»². Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами.

Коммунисты терпели откровенно антибольшевистский характер заявлений махновцев до тех пор, пока махновцы наступали. Но в апреле фронт стабилизировался. Большевиками был взят курс на ликвидацию особого положения махновского района. Тяжелые бои и перебои в снабжении все сильнее выматывали анархистов.

В апреле большевики стали готовить отстранение Махно от командования, развернули против него пропагандистскую кампанию. Созыв нового, III съезда вызвал острый конфликт между Махно и красными, который был урегулирован благодаря личному вме-

¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. С. 86–87.

² Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М.; Л.: Государственное военное издательство, 1933. Т. 4. С. 116.

шательству Антонова-Овсеенко. Махно предложил ему сохранить политическую автономию района Гуляйполе и создание широкого фронта левых сил против белых. Бригада была напрямую подчинена 2-й Украинской армии, составив ее костяк¹.

Первоначально положение в бригаде, а затем дивизии Григорьева казалось коммунистам более благополучным, нежели у Махно, где выдвигались опасные для режима политические требования. Советское командование предложило Григорьеву план вторжения в Румынию: войска должны были нанести удар в Бессарабии и в случае успеха соединиться с венгерской Красной армией, а затем войти с юга в раздираемую гражданской войной Германию. Эта перспектива и прельщала Григорьева, и вызывала его опасения, так как красное командование могло использовать его дивизию как пушечное мясо, оторвав ее от местной почвы.

Еще 21 марта главкома Иоакима Вацетиса смущало излишнее отклонение Красной армии от Донбасса, важного в экономическом отношении региона, где разворачивалось сражение с Деникиным. Но после провозглашения Венгерской советской республики 22 марта настроение командующего изменилось. 23 марта Вацетис уже запрашивал СНК о возможности установить общий фронт с Венгрией через Буковину².

На Румынию нацеливалась 3-я Украинская армия, в которую входила дивизия Григорьева и другие части, в том числе бессарабские по составу. Уже в первые дни наступления советское командование планировало занять Буковину, Кишинев и Яссы. На втором этапе советские войска (включая венгерские) должны были двинуться на Бухарест. Высказывалась надежда на соединение с болгарскими советскими войсками (откуда бы им взяться). 13 апреля 3-я армия получила уже конкретное указание готовиться «энергично наступать на Румынию»³. 18 апреля советские войска вышли к Днестру.

1 мая РСФСР и УССР ультимативно потребовали от Румынии выполнить советско-румынское соглашение 5 марта 1918 г. и очистить Бессарабию. Срок ультиматума истекал 4 мая⁴. Правда, в это время Вацетис стал настаивать, чтобы Антонов-Овсеенко перебрасывал силы в Донбасс, где ситуация становилась все более тревожной. Но и остановить уже запущенную и фактически публично объявленную кампанию против Румынии было нелегко.

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. С. 155–160.

² Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 77.

³ Там же. С. 79–81.

⁴ Там же. С. 87.

3 мая командарм 3-й армии Николай Худяков доложил Антонову-Овсеенко, что к наступлению все готово. По советским данным, более трех из пяти корпусов румынской армии были заняты на венгерском фронте. Первый удар советского наступления должны были нанести преимущественно бессарабские по составу части. 6-я дивизия Григорьева оставалась в резерве, но в случае успеха на начальном этапе наступления именно ей предстояло уйти в глубокий поход в Румынию, полностью оторвавшись от местной почвы. Антонов-Овсеенко опасался за надежность войск Григорьева и настаивал, что его лучше бросить в наступление в первую очередь, пока он лоялен. Начало наступления было назначено на 6 мая. 12 мая красным удалось форсировать Днестр южнее Тирасполя¹. 27 мая в связи с планами советизации Бессарабии произошло просоветское восстание в Бендерах, на котором мы подробнее остановимся в главе об интервенции.

Но в это время дальнейшее наступление стало невозможным.

Григорьев постепенно становился враждебным большевистской политике. Он видел бедствия крестьянства и злоупотребления большевистских комиссаров. Взгляды Григорьева были националистическими, и он считал, что во всем виноваты евреи, пробравшиеся в большевистское руководство. Настроения в григорьевском лагере были классическим вариантом явления, которое А. Грациози назвал «стихийным национал-социализмом»². Григорьев колебался.

С начала мая григорьевцы начали погромы евреев и комиссаров. Командование требовало от Григорьева немедленно «прекратить безобразия». Атаман встал перед тяжелым выбором: или продолжать идти вместе с большевиками, против которых уже пошла часть его армии, или сохранить единство армии, присоединившись к восстанию против большевиков, которым он тоже не сочувствовал. Преодолев колебания, он решил быть со своими солдатами. 8 мая был издан «Универсал» Григорьева. Он призывал к восстанию и созданию новой советской республики на Украине путем формирования нового правительства Всеукраинским съездом Советов и переизбрания всех Советов на основе системы национального представительства:

¹ Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). С. 89–93.

² Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М.: АИРО-XX, 1997. Справедливо подметив на Украине раннефашистские тенденции, А. Грациози увлекается, проводя прямые параллели с позднейшим нацизмом — прежде всего в жестокостях антисемитизма. Но антисемитизм не является сущностью нацизма и отличается не только это явление. Радикальный национализм и безо всякого «социализма» склонен к ксенофобии и этническим чисткам.

украинцам — 80 %, евреям — 5 %, остальным — 15 %¹. Но то теория, а на практике григорьевцы массами убивали евреев. Боротьбисты, которые до этого имели влияние на Григорьева и его окружение, теперь решительно отмежевались от выступления.

16 тыс. григорьевцев стали наступать по расходящимся направлениям, что распылило и без того небольшие силы, но расширило охват восстания почти на все Правобережье (севернее уже с апреля партизанили Зеленый и другие атаманы). Восставшие заняли Александрию, Кременчуг, Черкассы, Умань, Елисаветград, Екатеринослав, вплотную приблизившись к территории «Махновии».

Красным пришлось срочно перебрасывать силы на образовавшийся «григорьевский фронт». На их стороне действовали и анархисты — в частности, бронепоезд матроса Анатолия Железнякова. А вот часть войск, направленных против Григорьева, стала митинговать: не следует ли присоединиться к атаману?

13–15 мая красные перешли в контрнаступление от Киева, Одессы и Полтавы, громя распыленные силы Григорьева. Во второй половине мая от григорьевцев были очищены все взятые ими города. Можно согласиться с биографом Григорьева В.А. Савченко в том, что «Григорьев оказался бездарным фельдфебелем, не умевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий и к тому же постоянно находившимся в состоянии антисемитского ража»². Главная угроза григорьевского восстания заключалась в том, что к нему присоединялись состоявшие из украинцев красные части. Больше всего большевики в этот момент боялись, что от григорьевского восстания «детонирует» Махно. Но Махно выступил категорически против национализма Григорьева, хотя и возложил часть ответственности за его выступление на большевиков³.

Руководство советской Украины в этих условиях решило пойти на некоторые политические уступки. Было решено включить в правительство просоветские социалистические партии — боротьбистов и независимых социал-демократов. Часть земель Укрглавсахара было

¹ Савченко В. Авантюристы гражданской войны. М.: АСТ, 2000. С. 113. В.Ф. Солдатенко считал, что платформа Григорьева содержала «отрицание всякой государственности вообще», явно перепутав его с Махно. При этом историк доказывает эту мысль ссылкой на такие призывы: «Долой политических спекулянтов! Долой насилие справа! Долой насилие слева!» (Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине. С. 319). Получается, что В.Ф. Солдатенко отождествляет государственность вообще только с политическими спекуляциями и насилием. Однако не факт, что Григорьев думал так же. Из его универсала следует, что Григорьев выступал за национальное и независимое от Москвы Советское государство.

² Савченко В. Авантюристы гражданской войны. С. 119.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. С. 162–164.

срочно распределена между крестьянами. Были ликвидированы уездные ЧК, ставшие главным рассадником злоупотреблений властью на местах. Одновременно активизировалась подготовка к разгрому «махновщины».

22–23 мая прибывший на Украину Троцкий дал указание командованию Южного фронта переформировать 2-ю армию с помощью «двух хороших полков», «сместив негодный командный состав. Впредь до проведения этих мер впредь не признавать никакой дивизии Махно, считать ее бригадой и вести точную регистрацию всем нарушениям дисциплины со стороны Махно для обвинительного акта». Троцкий считал, что «разгром Григорьева создает сейчас благоприятный момент для ликвидации махновщины. Нужно ковать железо, пока горячо»¹. 25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Христиана Раковского обсуждался вопрос «Махновщина и ее ликвидация». Было решено «ликвидировать Махно» силами полка.

Узнав о намерениях командования, Махно 28 мая 1919 г. заявил, что готов сложить с себя полномочия, так как «никогда не стремился к высоким званиям» и «больше сделает в будущем в низах народа для революции». Но 29 мая 1919 г. штаб махновской дивизии постановил:

«1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, артиллерийскую бригаду и другие технические вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армией т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южфронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта»². В ответ на этот шаг РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно.

31 мая ВРС махновцев объявил о созыве IV съезда советов района. Центр расценил решение о созыве нового «несанкционированного» съезда как подготовку антисоветского восстания. 3 июня командующий Южным фронтом Владимир Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины».

6 июня 1919 г. Махно послал телеграмму Троцкому, Ленину, Каменеву и Ворошилову, в которой предложил «прислать хорошего

¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. С. 149.

² Антонов-Обсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. С. 307.

военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией»¹.

9 июня Махно отправил им же другое сообщение, в котором подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом: «Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста»².

* * *

Рискованные действия по «ликвидации махновщины» развернулись в условиях, когда Южный фронт Красной армии начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот что докладывал командир одного из ее полков: «Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дольше действовать не можем, потому что мы, во-первых, голодные, во-вторых, босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего. Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл»³. Угрозами дело не заканчивалось: «Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров»⁴.

Подчинив себе в январе–феврале Донскую армию, возглавив объединенные Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) и разгромив 11-ю красную армию на Кавказе, Антон Деникин начал свой бросок на Москву. Он еще не знал, что время для этого упущено. Дорога на центр России лежала через Поволжье и Левобережье. Ось белого наступления стала смещаться в сторону Украины.

24 мая белые совершили прорыв в центре Южного фронта на участке 9-й армии и ринулись навстречу казачьему восстанию с цент-

¹ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 77.

² Там же. Л. 81.

³ Цит. по: *Какуфин М.* Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. С. 153.

⁴ Там же. С. 238.

ром в станице Вешенской. Тыл красных, разьедаемый волнениями, дезертирством, враждебностью уставших от продразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

19 мая, в разгар конфликта между махновцами и коммунистами, белая кавалерия под командованием Андрея Шкуро прорвала фронт на стыке махновцев и красных. Казаки вторглись в район Гуляйполя. Некоторое время с небольшим отрядом Махно еще сражался бок о бок с красными частями, но, узнав 15 июня о приказе его арестовать, с небольшим отрядом покинул фронт и ушел на другую сторону Днепра. В ночь на 16 июня семь сотрудников махновского штаба (часть — левые эсеры) были расстреляны по приговору ревтрибунала Донбасса. Начальник штаба Яков Озеров продолжал воевать с белыми, но 2 августа по приговору ВУЧК был расстрелян. Казнь его товарищей сделала Махно не просто противником, но врагом Советской власти¹. Но по воспоминаниям прибывшего в его отряд анархо-синдикалиста Всеволода Волина, батько говорил: «Главный наш враг, товарищи крестьяне — Деникин. Коммунисты — все-таки революционеры». И добавлял: «С ними мы сумеем посчитаться потом»².

Красное командование уже смирилось с оставлением Украины и теперь боялось (как и летом 1918 г.) «заразить вольницей» Россию. При неясных обстоятельствах (в некоторых случаях, вероятно, от рук самих красных) погибли такие легендарные командиры, как Анатолий Железняков, Николай Щорс, Тимофей Черняк, Василий Боженко. Был арестован Филипп Миронов, но в условиях катастрофически менявшейся ситуации его пока предпочли помиловать. Миронова, как и другого легендарного кавалерийского полководца Бориса Думенко, критически относившегося к военной политике центра, расстреляют на другом этапе Гражданской войны.

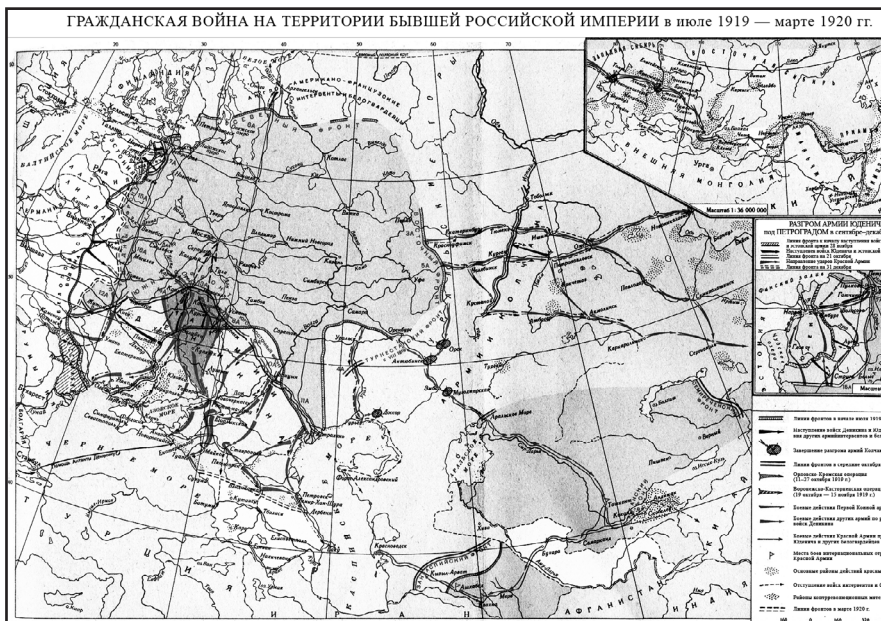
Махно начал против коммунистов партизанскую войну, но старался держаться подальше от фронтовых тылов, чтобы не содействовать успехам белых. Отряд Махно атаковал Елисаветград, затем объединился с отрядом националиста атамана Григорьева. Григорьев был объявлен командиром, а Махно — председателем Реввоенсовета Повстанческой армии. Между махновцами и григорьевцами возникли разногласия в связи с антисемитизмом Григорьева и его нежеланием бороться против белых. 27 июля Григорьев был убит махновцами³.

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. С. 168–170.

² ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 14.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. С. 168–172.

Откатившись за Днепр, 14-я красная армия (бывшая 2-я Украинская) под командованием Климента Ворошилова, казалось, могла чувствовать себя вполне уверенно, но Ворошилов оказался неважным полководцем. Он пропустил удар на Екатеринослав. Собственно, Деникин и не планировал такой дерзкой операции, как форсирование Днепра, но Шкуро «по собственной инициативе»¹ 29 июля прорвался через мост и взял город. Белые оказались на правом берегу Днепра. В результате 14-я армия была рассечена. Одна ее часть продолжила отход к Полтаве и дальше к Чернигову, а другая оказалась в окружении на Херсонщине. В полуокружении оказалась и занимавшая Одессу 12-я армия. Образовавшаяся здесь Южная группа красных численностью более 40 тыс. бойцов под командованием Ионы Якира с трудом прошла коридор между белыми и петлюровцами. Выйдя к Житомиру, Южная группа успела еще и атаковать 14 октября занятый белыми Киев.

18 июня белые высадились в Крыму и разгромили войска Дыбенко. 24 июня белые вошли в Харьков, 28 июня — в Екатеринослав, а 30 августа — в Киев и развернули наступление в центральные области России. На Украине были проведены мобилизации, которые

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск: Харвест, 2002. С. 52.

увеличили деникинскую армию более чем вдвое — с 64 до 150 тыс. 3 июля Деникин принял директиву о походе на Москву. Командующие Кавказской армией Петр Врангель и Донской армией Владимир Сидорин выразили сомнения, что ВСЮР готовы к такому походу. Врангель звал Деникина к походу на соединение с Колчаком, но командующий ВСЮР не был готов подчиняться адмиралу де-факто. Кто войдет в Москву, тот получит преимущество в борьбе за место диктатора будущей России. Жребий был брошен.

Белые, повстанцы и гайдамаки

12 августа Деникин выступил с обращением, которое не оставляло у украинских националистов никаких иллюзий по поводу его отношения к украинской идее: «Стремление отторгнуть от России малорусскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев — Петлюра и его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают теперь совершать свое злое дело создания самостоятельной Украинской державы и борьбы против возрождения единой России»¹. Украинский язык в государственных школах допускался только в начальных классах.

В указаниях Деникина Особому совещанию при главнокомандующем говорилось: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отметить, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать... Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, но и осуществлять их... Смертная казнь — наиболее соответственное наказание»². В условиях широко-го распространения таких «грехов», как лидерство в «анархических» (то есть левых) течениях, спекуляция (то есть торговля по «завышенным» ценам) и дезертирство — это программа массового террора.

Но и те слои населения, которые готовы были пожертвовать завоеваниями революции ради восстановления порядка и прекращения смуты, тоже быстро разочаровывались в белых. Действуя под лозунгами порядка и законности, белые занимались грабежами, творили произвол, пороли крестьян шомполами и расстреливали людей без особенных разбирательств.

Зверства творили солдаты всех сил Гражданской войны. Но для белых их зверства были приговором. Никто, кроме них, не ставил в центр своей агитации восстановление «законности». Та часть на-

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 108.

² Там же. С. 325.

селения, которая надеялась на белых, ждала от них именно законности, как от большевиков ждали земли и социальной справедливости, от Махно — воли и защиты крестьянских интересов. Явив вместо законности грабежи и зверства, белые показали населению, что от них нет никакой пользы, кроме вреда.

Порассуждав о бандитской сущности всех своих противников, даже Деникин признает: «Набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов»¹.

После того как флер «законности» слетал, социально-политическое лицо белых определялось стремлением к возвращению «законных» привилегий старой элиты. Для крестьян это означало, что у них отрежут землю в пользу помещиков или возьмут за нее выкуп. Такая перспектива делала крестьян потенциальными партизанами.

Характеризуя эволюцию белого движения, один из его идеологов, Василий Шульгин, пишет: «“Почти что святые” и начали это белое дело, но что же из него вышло? Боже мой!.. Начатое “почти святыми”, оно попало в руки “почти бандитов”... Деревне за убийство было приказано доставить к одиннадцати часам утра “контрибуцию” — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

— Мы, — как немцы, сказано, сделано... Огонь!..

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения... “бандитами”?..

Мы так же относимся к “жидам”, как они к “буржуям”. Они кричат: “Смерть буржуям”, а мы отвечаем: “Бей жидов”»².

14–15 октября красные на короткое время отбили Киев, но затем вынуждены были его оставить. Тогда при попустительстве белых властей на головы еврейского населения обрушился погром, проводившийся в виде систематического и организованного разграбления и убийств «подозрительных». Резня еврейского населения произошла в Фастове и других местах.

Деникин, сосредоточив превосходящие силы на направлении главного удара, упорно продвигался к Москве. 21 сентября в их руках был Курск. 13 октября белые ворвались в Орел, а 14 октября совершили однодневный набег на Мценск — это была крайняя точка их продвижения. Но для решающего удара Деникину не хватило сил — у него в тылу «второй фронт» открыла крестьянская армия Махно.

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 98.

² Шульгин В. Дни. 1920 г. М.: Новости, 1990. С. 291, 292, 295–296, 298.

Бывшие махновцы, в июне оказавшиеся под командованием большевиков, не хотели уходить в Россию и, отстранив в августе от командования коммунистов, присоединились к Махно. В результате махновского переворота в частях РККА, произошедшего в районе Нового Буга, к Махно перешли четыре бригады с артиллерией, кавалерией и бронепоездом. После их соединения с Махно в районе Добровеличковки 30 августа общая численность махновцев составила около 15 тыс. человек¹. Махно разделил свои силы на четыре пехотные бригады и три конных дивизиона².

1 сентября на собрании командиров в с. Добровеличковке Махно провозгласил создание «Революционной Повстанческой армии Украины». Был избран новый Военно-революционный совет во главе с бывшим левым эсером Лещенко³. Пост председателя ВРС занял Всеволод Волин.

Выбив красных из Помощной и Вознесенска, Махно получил от них предложение пойти на переговоры. Ответ был неутешительным для большевиков: «Вы обманули Украину, а главное — расстреляли моих товарищей в Гуляйполе, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности с ответственными работниками, поступлю так же, как вы с моими товарищами в Гуляйполе, а затем будем разговаривать о совместных действиях»⁴. Вопреки этим угрозам, Махно тогда не расстреливал попавших в его руки красных командиров, а агитировал их: «Вы узурпаторы, душители воли народной... Вы бежите от Деникина, я же разобью его в пух и прах...»⁵

Красные бойцы сотнями уходили к Махно, не желая покидать Украину. Командиры тоже колебались. Как вспоминал командующий Южной группой Иона Якир, «трудно было предположить в первую минуту, как поведут себя некоторые командиры-“вожаки”, если будет приказ двигаться на север»⁶. Что уж говорить о рядовых бойцах. Так что главной задачей коммунистов Южной группы было удерживать бойцов от контактов, даже боевых, с махновцами. Как вспоминал член РВС 12-й армии Владимир Затонский, на вопрос к команди-

¹ Аршинов П. История махновского движения (1918–1921 гг.). Берлин, 1923. С. 135.

² Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). К.: Стилос, 2012. С. 70.

³ Волковинский В.Н. Махно и его крах. М.: ВЗПИ, 1991. С. 125.

⁴ Нестор Иванович Махно. К., 1991. С. 68.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М.: Воениздат, 1962. С. 89.

рам, готовы ли они драться с Махно, те отвечали: «Ни, с Махно не буде, сами думают, как бы к Махно уйти»¹.

На этом дорогах Махно и РККА разошлись: Махно отступил на запад, большевики — на север. В начале сентября произошла последняя встреча с частями РККА — с выходящей из окружения группой Якира. Махновцы отсекли от нее небольшую часть и предложили ей объединиться. Большинство красноармейцев согласились, и махновская армия обогатилась коммунистическим «стальным» полком под командованием Михаила Полонского.

Превосходящие силы белых оттеснили махновцев под Умань. Здесь Махно заключил соглашение о перемирии с петлюровцами, которым передал свой обоз с ранеными. Но 26–27 сентября 1919 г. Махно нанес белым внезапный удар под Перегоновкой и вырвался на оперативный простор в тылы денikinцев. В районе Гуляйполя, Александровска и Екатеринослава возникла обширная повстанческая зона, оттянувшая на себя часть сил белых во время наступления Деникина на Москву.

Оправившись от первого удара махновцев, белые стали сосредоточивать силы вокруг Гуляйполя. Против махновцев к 12 октября были направлены Чеченская конная дивизия, две конные бригады из состава 1-й Терской казачьей дивизии и Донской армии и часть 9-й дивизии. Группировкой командовал генерал Александр Ревшин. Эти силы пополнялись и к 18 октября достигли под Волновахой — Мариуполем 3700 штыков и 2 тыс. сабель против примерно 5 тыс. штыков и 2 тыс. сабель у махновцев². Затем генерал Деникин направил в махновский район основные силы Терской дивизии.

Между тем 19 октября махновцы ненадолго захватили Мариуполь с имевшимися там запасами, а 21 октября — Синельниково, создав угрозу Екатеринославу.

26 октября Ревшин смог перейти в контрнаступление. 28 октября белые взяли Гуляйполе. Махновцы потеряли Синельниково и Бердянск. «Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая первое время почти неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т. п. Вообще же махновские “войска” отличаются от большевиков своей боеспособностью и стойкостью»³, — рассказывал начальник штаба 4-й дивизии слащевцев полковник Георгий Дубяго.

¹ Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. С. 177.

² Ковальчук М. Без перемоги: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). С. 114–115.

³ Цит. по: Волковинский В.Н. Махно и его крах. С. 133.

Белые стремились отбить у махновцев Александровск. Но в этот момент махновцы совершили невероятный по дерзости ход. «В Екатеринославе 25 октября был базарный день, — вспоминал один из членов Екатеринославского губкома РКП(б). — Со стороны степи в город вкатилось много подвод, нагруженных овощами и особенно капустой. Часа в 4 дня с верхнего базара начался оглушительный пулеметный бой, оказалось, что под капустой на подводах были пулеметы, а продавцы овощей составляли передовой отряд махновцев; за этим отрядом последовала целая армия, пришедшая со стороны степи, откуда деникинцы нападения не ждали»¹. Оказывается, махновцы прошли по правому берегу Днепра, что позволило им ударить в тыл деникинцам и взять крупный город.

По воспоминаниям Р. Кургана, «махновцы пробыли в городе 8 дней. За эту неделю население отдохнуло от постоянного страха и напряжения, в котором оно пребывало при добровольцах. Ни одного грабежа, ни одного убийства, кроме расстрелов захваченных офицеров, за это время в городе не было»².

Конечно, махновская армия не была застрахована от грабежей, что признается и в документах за подписью Махно. Но характерно, что эти документы посвящены борьбе с грабежами: «Революционным повстанцам вменить в обязанность прекратить всякую самочинную конфискацию лошадей, бричек и проч. предметов... Командиры и революционеры-повстанцы должны обратить серьезное внимание на грабежи и в корне пресечь таковые»³.

5 ноября белые взяли Александровск, но махновцы его отбили. 7 ноября бои за город развернулись с новой силой. Из рук в руки переходил и стратегически важный Кичкасский мост. Окрестности Александровска покрылись сотнями порубанных, пострелянных людей. И город, и мост остались за махновцами. Махно понимал, что если белые подтянут подкрепления, то он может оказаться здесь в ловушке. Его коньком была маневренная, а не позиционная война. Повстанцы оставили Александровск, переправились на правый берег, чтобы перенести свою главную базу в Екатеринослав — более крупный город.

¹ Пятая годовщина Октябрьской революции. 1917 — октябрь 1922. Екатеринослав: Екатеринославский губком КП(б)У, 1922. С. 227. По данным В. Белаша, это событие произошло 28 октября. Дата 25 октября подтверждается и источниками белых. См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 241. Историк М. Ковальчук пишет, что махновцы в это время были в Екатеринославе 26–27 октября и 29 октября — 6 ноября (*Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських війск генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.)*. С. 125).

² Нестор Иванович Махно. С. 68.

³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 252.

11 ноября махновцы выиграли встречный конный бой, и Екатеринослав на месяц (вплоть до 9 декабря) перешел в руки махновцев. 17 ноября начался обстрел города с белых бронепоездов. 19 ноября Чубенко взорвал мост через Днепр.

По свидетельству жителя Екатеринослава, «такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера»¹.

В конце октября — начале ноября махновцы вели бои в районе Екатеринослава, Александровска, Большого Токмака, Полог, Орехова, Гуляйполя и Бердянска². Хотя на сплошной фронт сил не было ни у одной из сторон, чтобы удерживать такой большой район в сердцевине деникинской территории, махновцам необходимы были значительные силы.

После возвращения в родной район армия махновцев начинает быстро расти за счет добровольной мобилизации. Махновская армия пополнялась и за счет отрядов, переходивших под анархистские знамена из-под желто-голубых — из бывших петлюровцев была сформирована «Вольно-Казачья Повстанческая группа Екатеринославщины» под командованием Трифона Гладченко. Обсуждался также вопрос о союзе с махновцами петлюровских отрядов, не сменивших идеологическую ориентацию, но здесь Махно был непреклонен. Начальник штаба армии Виктор Белаш вспоминал о словах командарма: «УНР — наш классовый враг. Ни одной винтовки я не позволю выпустить из армии для этого империалистического вассала»³. Под общим командованием Махно действовали самостоятельные отряды Шубы и Мятажа.

По данным начштаба Белаша, махновская армия в это время достигает численности от 40 до 110 тыс. человек⁴. Оценки численности махновцев белыми гораздо скромнее: 12 тыс. штыков, 4 тыс. сабель, 25–30 орудий и 250 пулеметов⁵.

«Махновия» воспринимала себя как часть мировой революции. Махно по каналам «Набата» направлял значительную часть золотого запаса армии на помощь анархистским организациям России, Украины, Польши, Грузии, Румынии, Австрии, Франции, Италии

¹ Кубанин М. Махновщина: крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. А.: Прибой, 1927. С. 186.

² Повстанец. 1919. 8 ноября.

³ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 274. Л. 67.

⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К.: Проза, 1993. С. 332–340.

⁵ Ковальчук М. Без перемоги: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). С. 157.

и Испании¹. Несмотря на то что часть средств терялась в руках недобросовестных лиц, примкнувших к анархистскому движению, эти деньги способствовали расширению анархистской прессы.

Перед махновцами встали две возможности: установление обычной для того времени военной диктатуры либо дополнение военной власти гражданскими органами, опирающимися на крестьянское самоуправление. Первый путь поддерживала военная группировка, состоявшая из большинства старых командиров, входивших в Союз анархистов. Она выступала даже за ликвидацию ВРС². Часть командиров, идейные анархисты во главе с Волиным и Иосифом, а также общественные организации района выступали за второй вариант. Между военной группировкой и ВРС сложились напряженные отношения, тем более что Волин (по крайней мере, по его словам) выступал против «антисемитских настроений, разгула и пьянства части комсостава»³. Однако Махно не собирался отказываться от своих политических идей под давлением военного крыла движения. Он поддержал идею созыва съезда крестьян, рабочих и повстанцев, который должен был укрепить обратную связь между махновским движением и населением.

На подконтрольной махновцам территории, в Александровске, 27 октября — 2 ноября был проведен съезд крестьян, рабочих и повстанцев. На нем была оглашена Декларация Военно-революционного совета армии, которую должен был принять более представительный съезд. По словам Махно, «проект декларации повстанцев-махновцев есть поспешный плод работы нашей Гуляйпольской группы анархо-коммунистов...». Текст был отредактирован Волиным⁴.

Руководители движения в этом манифесте обещают после победы «Третьей революции» оставить руководящие посты: «Мы... растворимся в миллионных рядах восставшего народа и приступим рука об руку с ним к свободному строительству истинно новой жизни»⁵. Но условием этого должна стать победа безвластия, ожидавшаяся в ближайшем будущем: «Решительное столкновение между идеей вольной безвластной организации... и идеей политической власти, таким образом, неизбежно»⁶.

Вслед за абстрактными декларациями следует конкретная программа насущных преобразований. В области сельского хозяйства: «Задача восстановления и необходимого быстрого усовершенствования

¹ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 274. Л. 85.

² Там же. Д. 330. Л. 16.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Дело труда. 1926. № 15. С. 14; ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 14.

⁵ Цит. по: *Тепер И. (Гордеев)*. Махно: от «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков, 1924. С. 14.

⁶ Там же.

ния нашего отсталого и разрушенного сельского хозяйства требует, чтобы способы и пути нового землеустройства были предоставлены совершенно свободному и естественному решению и движению всего трудового крестьянства»¹. Это предполагало передачу земельных излишков местному обществу, ликвидацию совхозов, отмену декрета о национализации земли. «Вся земля, по мере изъятия ее из рук частных собственников, должна поступать не во владение государства, а в ведение и распоряжение тех, кто на ней трудится»². Крестьяне на местах сами должны решить, как им распорядиться землей. Кулачество будет естественным путем втянуто в общую организацию сельского хозяйства, после изъятия от земельных излишков, разумеется.

Аналогичный подход виден и в решении рабочего вопроса: «Возможно лишь одно верное и справедливое разрешение рабочего вопроса: все средства, материалы и орудия труда, производства, транспорта и сношения... должны поступить в полное ведение и распоряжение не государства — этого нового хозяина и эксплуататора, пользующегося наемным трудом и угнетающего рабочих не меньше, чем отдельные предприниматели, — но свободных рабочих союзов и организаций, естественно и свободно же снизу объединяющихся между собою и с крестьянскими организациями при посредстве экономических советов»³. Далее следует идея координации самоуправляющихся предприятий и хозяйств, которая должна быстро привести к слиянию общества воедино: «Необходим один трудовой союз, одна рабоче-крестьянская семья»⁴. Эта анархо-коммунистическая идея сближает махновцев с современными им левыми политическими течениями — почти все они ожидают скорейшего воплощения своих идеалов. Идеалы эти были привлекательны, но практическое значение имели все же конкретные пути к свободе и справедливости, понимаемые так по-разному.

В своей Декларации махновский штаб не преминул обрушиться на те методы, которые избрала для достижения идеала коммунизма РКП(б). Первоначально предложенные партией большевиков «общие лозунги совпали с инстинктивными стремлениями трудящихся масс, которые и поддержали ее в решительный момент»⁵. Здесь имеется в виду близость программы большевиков до их прихода к власти к идеям анархо-

¹ *Тепер И. (Гордеев)*. Махно: от «единого анархизма» к стопам румынского короля. С. 58.

² Там же. С. 58–59.

³ *Колесников Б.* Профсоюзное движение и контрреволюция. Харьков: Государственное издательство Украины, 1923. С. 407.

⁴ *Кубанин М.* Махновщина: крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. С. 112.

⁵ Повстанец. 1919. 8 ноября.

коммунизма. «Но уже очень скоро начинает делаться ясным, что эта партия и эта власть, подобно всякой партии и всякой власти, будучи абсолютно бессильной в деле осуществления великих задач социальной революции, в то же время парализует свободную творческую деятельность самих трудовых масс... Прибирая к своим рукам (формально — к рукам государства) всю хозяйственную и общественную жизнь, неизбежно создавая новые политические и экономические привилегии, эта партия и эта власть убивают в корне социальную революцию»¹.

Обсуждение проекта Декларации началось уже в Александровске. Предложение закрепить в ней принцип вольных советов как суверенных органов самоуправления вызвало возражения со стороны части рабочей делегации и отдельных крестьян: «А как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами сломается мост, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять (странное предположение, если учесть, что вопросом ремонта мостов занималось местное самоуправление. — А. Ш.), а потому будет некому, то мы останемся без моста и не будем ездить в город»². Предположение о том, что крестьяне останутся без моста, будучи не в силах сами договориться о том, как его отремонтировать, видимо, не возымело действия на съезд. Большинство крестьянских и повстанческих делегатов высказывалось за идею вольных советов. В то же время в своей Декларации махновцы лишний раз подчеркнули, что речь идет не о ненужности какой бы то ни было координации, а лишь о перемещении власти вниз, ближе к людям: «В целях широкого объединения и взаимной связи все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно создают снизу вверх объединяющие их органы в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно-хозяйственной жизни в широком масштабе»³.

Единственная альтернатива советской системе была предложена меньшевистско-эсеровской частью рабочей делегации, выступившей за Учредительное собрание. Лозунг Учредительного собрания лежал в основе программ умеренных социалистических партий, но лозунг новых парламентских выборов был провозглашен и главным военным противником махновцев — Деникиным. Неожиданное проявление на съезде «деникинской пропаганды» вызвало чрезвычайно острую реакцию со стороны Махно. Выступая 30 октября, он произнес колоритную речь, все сильнее распаляясь: «Не скрываясь от вас, я смею

¹ Повстанец. 1919. 8 ноября.

² Кубанин М. Махновщина: крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. С. 94.

³ Там же. С. 95.

сказать, что здесь, на данном собрании, где собрались в первый раз крестьяне и рабочие, чтобы свободно высказаться и обменяться мнениями, а также решить судьбу свою и сказать в последний раз, что жить или умереть, что здесь ведется подпольная агитация со стороны меньшевиков, на которую я смею указать лично, что здесь не место политическим шарлатанам, которые сеют между крестьянами и рабочими недовольство друг к другу, натравливая одного на другого. И еще раз повторяю, что выйдите все подлые агитаторы и покажите себя свободному народу, который не желает всяких навязываний и диктатов! Скажите честно — не врете, и объявите, кто вы такие, не надо же быть двуличными и прикрываться. Вы скажите ясно, что вы — эсеры, вы навязываете народу власть и диктуете, как им жить. И скажите, что вы не боретесь за освобождение трудящихся, а только сеете свои нахальные диктаты. Что вы думаете — чтобы опять прикрываться за чужими спинами и выезжать на них? Я вас, шарлатанов, хорошо знаю. Так выйдите и не мешайте строить жизнь так, как хотят вольные крестьяне и рабочие. Вы — Поповы, Мухины, Крыловы-Мартыновы, а также прихвостни вашей партии: уйдите, уйдите же отсюда, не мешайте строить то, что подсказывает каждому трудящемуся сама жизнь. Проклятье вам, что вы подлецы и контрреволюционеры! Вы не смеете носить имя честного революционера, вы его недостойны!

...Крестьяне и рабочие, и вы, трудовая интеллигенция! Идите на защиту и подавление контрреволюции. Не давайте пощады всяким эксплуататорам и кровопийцам, политическим шарлатанам, которые не напились еще вашей крови. Гоните их вон, чтобы не было их в свободной стране, где люд хочет свободно жить, дышать и строить себе жизнь, как он хочет!»¹

В ответ делегат Боголюбова заявила, «что нанесенное оскорбление командующим армией для них больно, так как они — такие же рабочие, как и все, и присланы на съезд от рабочих, то смеют сказать, что они, рабочие, видят одно — что со стороны командующего армией подозрение падает на всех рабочих, что они вынуждены уйти из зала собрания и сказать своим, кто их делегировал, что этот съезд не для крестьян, рабочих и повстанцев, а только для крестьян и повстанцев»². После этого 18 из 30 делегатов от рабочих покинули съезд. Хотя в зал быстро доставили других рабочих и Махно объяснял, что заклеил вовсе не всех рабочих, а только «шарлатанов» из партий, было положено начало конфликту между махновцами и рабочими крупной промышленности, находившимися под влиянием социал-демократов.

¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 228–229.

² Там же. С. 229.

Военные вопросы повестки дня не вызвали у делегатов съезда серьезных возражений — необходимость обороны от деникинцев понимали все. Была принята резолюция о добровольной мобилизации: «Съезд, отрицая в принципе регулярную армию, построенную на началах принудительной мобилизации... в виду тяжелого положения на фронте... постановляет... провести на территории, освобожденной Повстанческой армией (махновцев), добровольную уравнительную мобилизацию за 30 лет, то есть от 19–48 лет... Формирование производится по территориальному признаку (по селам, волостям, уездам) с выборным командным составом, хозяйственно-судебными органами при частях, начиная от полков»¹. Для проведения мобилизации была создана агитационная комиссия.

Белаш вспоминал о том, как проходила мобилизация: «Аппарат отдела формирования собирает общество на “деловой” митинг, где рисует военную и политическую обстановку, призывая дать свое согласие на мобилизацию известных классов населения. Обыкновенно, население давало свое согласие и заносило его в протокол...»²

Предприятия были переданы в руки тех, кто на них работает. Для нуждающихся махновцы установили пособие. Военно-революционный совет возглавлял Всеволод Волин, который на этом этапе стал ведущим идеологом движения. Разрешалась деятельность левых партий. Действовала контрразведка, уполномоченная арестовывать агентов белых и заговорщиков. Она допускала произвол против мирных граждан. Самым громким делом контрразведки было разоблачение коммунистического заговора во главе с Полонским. Обвиняемые были расстреляны³.

В декабре 1919 г. махновская армия была дезорганизована эпидемией тифа. А тут еще на Екатеринослав обрушилась масса отступавших деникинцев, которым махновцы не давали обороняться от наседавшей с севера РККА. Деникин решил направить против них 4-ю дивизию генерала Якова Слащёва и Отдельную казачью бригаду генерала Николая Складорова, которые не вполне удачно воевали с махновцами минувшим летом. Силы белых, действовавшие против повстанцев, увеличились на 4200 штыков и 1000 сабель⁴.

16–23 ноября был разгромлен Крымский корпус махновцев под командованием Полонского. 8 декабря начались бои за Екатеринослав, который оборонял 1-й повстанческий корпус во главе с Алек-

¹ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 155–156.

² Там же. Л. 79.

³ Подробнее см.: Шубин А. В. Махно и его время. С. 198–225.

⁴ Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). С. 157.

сандром Калашниковым численностью более 4500 бойцов¹. Сюда стягивались резервы обеих армий. В уличных боях 9 декабря принимали участие и Слащев, и Махно.

3. Арбатов вспоминал об отступлении махновцев из Екатеринослава: «Пушки были сняты и галопом увезены, редкая цепь самых преданных Махно людей сдерживала натиск неизвестного противника, и когда силы ослабели, махновцы вскочили на поджидавших их коней и бешено умчались из города»². «Последним ушел Махно, и минут 10 спустя по той же самой Садовой, по которой, оставляя город, с трудом сдерживая горячего коня, спокойно проехал Махно, показались верховые с офицерскими погонами на плечах»³. До 21 декабря махновцы пытались контратаковать, но сил у них оставалось мало. Перевешав на деревьях оставленных махновцами тифозных больных и пограбив горожан, слащевцы оставили город. 30 декабря в Екатеринослав вошла Красная армия.

Отступив из Екатеринослава, Махно с основными силами армии отошел по правому берегу в сторону Никополя и Александровска. Волин покинул движение под предлогом необходимости вести агитацию в Криворожском районе. Он слег с тифом и попал в руки красных. Вскоре заболел и Махно.

Так завершился период существования махновского района в тылу Вооруженных сил Юга России. В этот период сохранялись основные черты режима и его политики, которые наблюдались уже в первой половине 1919 г. В силу военных обстоятельств махновцы получили дополнительные возможности для социального эксперимента в городах. В результате возник своеобразный «рыночный социализм», который удовлетворял интересам части рабочих и большинства крестьян. Социально-политические противоречия разрешались в рамках многопартийной системы, сдерживавшей неизбежное в условиях Гражданской войны нарастание авторитаризма. При всех недостатках, эта система обеспечила относительно эффективное решение военных и социальных проблем, насколько это было возможно в условиях войны и изоляции от других регионов страны.

Махно не без оснований считал, что во многом крушение белого движения — заслуга его Повстанческой армии: «Золотопогонники чуть было не вошли в Москву, и если бы не повстанцы, то над революционной Россией уже давно развевался бы трехцветный самодержав-

¹ Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських війск генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). С. 169.

² Архив русской революции. М.: Терра, 1993. Т. 12. С. 98.

³ Там же.

ный флаг»¹. Тыл ВСЮР разлагался не только благодаря махновцам. Происходили восстания мобилизованных. В сентябре коммунистам удалось создать небольшую Баштанскую республику в Николаевской области, а в октябре под Херсоном возникла Висунская республика во главе с боротьбистом Федором Юхименко. В ноябре они были разгромлены, остатки повстанцев продолжали действовать до подхода РККА. Под контролем коммунистов на Левобережье числилось более 11 тыс. партизан². Правда, результативность их действий не шла в сравнение с махновцами.

Но благодарности не было. 11 декабря 1919 г. Реввоенсовет республики издал приказ Южному фронту «О мерах преодоления партизанства». В нем говорилось: «Армии Южфронта все больше входят в область украинского партизанства. Практическая политика в отношении партизанства и добровольчества получает огромное значение: от нее зависит не только наша победа над Деникиным, но и вся дальнейшая судьба Советского режима на Украине. Необходимо немедленно же принять ряд мер, которые исключили бы возможность повторения всех явлений, которые погубили Советскую Украину в прошлый раз»³. Что же погубило Советскую Украину в 1919 г.? Неужели продразверстка, игнорирование национального фактора, произвол коммунистических чиновников и ВЧК, низкая боеспособность регулярных частей РККА? Нет, с точки зрения Льва Троцкого и Сергея Каменева, подписавших документ, всему виной заражение Красной армии партизанщиной, которое теперь следует предотвратить любой ценой. Легко написать, труднее сделать. Сложность — в самом украинском крестьянстве: «Ввиду того, что партизанские отряды в Украине легко возникают и исчезают, растворяясь в массе вооруженного крестьянского населения, основным условием успеха борьбы с партизанством является БЕЗУСЛОВНОЕ и ПОГОЛОВНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ». Разоружение нужно вести с помощью оплаты сданного оружия и штрафов за несданное, агитации и обысков, круговой поруки, заложничества и расстрела виновников⁴.

Мотивируя суровое отношение к партизанам в докладе VII съезду советов, Троцкий утверждал: «Исключительно быстрый темп наших неудач на Украине объясняется теми же причинами, что и темп наших успехов: крайней неустойчивостью украинской почвы... И если мы

¹ Цит. по: Волковинский В.Н. Махно и его крах. С. 149.

² Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 394–396.

³ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 5. Л. 3. В документе исправлены некоторые очевидные опечатки.

⁴ Там же. Л. 3–4.

позволим украинскому партизанству застояться в надежде, что из него сложится украинская армия, мы во второй раз погубим Советскую Украину — на этот раз надолго». Это касается не только украинского партизанства, но и партизан Северного Кавказа и Сибири. Но в первую очередь — махновцев, которые после поражения Деникина станут «смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства»¹.

6 января 1920 г. командарм Иероним Уборевич приказал Махно выдвигаться на польский фронт. Не дожидаясь ответа, Всеукраинский ревком 9 января 1920 г. объявил Махно вне закона. 22 января батька заявил о готовности «идти рука об руку» с РККА, сохраняя свою самостоятельность. В это время более двух дивизий красных атаковали, разоружали и частично расстреливали махновцев, в том числе больных. Махно на время болезни перешел на нелегальное положение².

* * *

В конце июня поляки снова побили галичан. 15 июля галицийская армия отступила к востоку от реки Збруч, оставив территорию ЗУНР. Двум «половинкам» УНР снова нужно было мириться. Причем примирение было достигнуто на условиях потерпевших военное поражение галичан — ведь Петлюра сочувствовал именно их правому курсу. 12 августа Директория приняла декларацию, в которой левая риторика уже отсутствовала, власть в УНР должна была опираться на весь народ и все слои общества, политическая программа основывалась на парламентаризме. Мартос ушел в отставку, и новое правительство 28 августа возглавил Исаак Мазепа, более совместимый с Петрушевичем. Коалицию по-прежнему составляли социалистические партии.

Объединенная украинская армия численностью около 80 тыс. бойцов двинулась на территории, которые оставались красными под напором белых. 26 июля армия УНР атаковала красных на проскуровском направлении, в августе заняла Жмеринку и Винницу и стала развивать успех на Киев и Одессу. В 20-х числах августа войска УНР стали входить в соприкосновение с белыми, которое пока обходилось без вооруженной конфронтации.

30 августа украинцы под командованием галицийца Антона Кравса взяли Киев, но ненадолго. К Киеву со стороны Полтавы подошли белогвардейцы Николая Бредова и стали переправляться через Днепр. Центр города заполнили демонстранты с российскими и украинскими знаменами. Первых было больше. Сначала белые согласились отойти за Днепр. Но в Киеве произошли столкновения

¹ Нестор Иванович Махно. Киев, 1991. С. 164–166.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. О Великой революции и гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. С. 238–239.

украинских войск и пророссийских демонстрантов. В ночь на 1 сентября генералы Кравс и Бредов договорились, что УГА оставит Киев, что и было сделано. УГА отошла к Бердичеву и Шепетовке. Сдача Киева была сильнейшим ударом по авторитету УНР. К тому же белые договаривались о перемирии только с УГА, считая ее солдат австро-венгерскими подданными, волею судеб оказавшимися в России. А петлюровцы считались русскоподданными и должны были просто разоружиться¹. Такой план Петлюре не понравился.

1 сентября УНР заключила перемирие с Польшей. В тот же день Главнокомандование ВСЮР сообщило штабу войск Новороссийской области: «Мы Украинской республики не признаем — воюем за единую Россию и никаких сил, кроме российских армий, на территории России не допускаем. Поэтому петлюровцы должны или разоружиться, или оставить пределы России»².

6 сентября Петлюра писал: «Прошу президента Петрушевича повлиять на галицийских тыловых командиров, которые неосмотрительно обсуждают не имеющую оснований тему контакта с Деникиным, тем самым разлагая общественность и армию. Безосновательность ее ярко подтверждает манифест Деникина населению “Малороссии”, в котором он называет нашу власть предательской и предрекает борьбу с нами под лозунгом единой и неделимой России»³.

24 сентября УНР объявила войну ВСЮР. В воззвании Директории и правительства говорилось: «Широкие просторы нашей плодородной земли забрал кацапский царский генерал Деникин», который «несет новое порабощение Украине»⁴. Впрочем, петлюровцы действовали нерешительно, а для деникинцев это направление борьбы было второстепенным.

В октябре при посредничестве швейцарского коммуниста Фридриха Платтена, волею судеб оказавшегося в Каменце, проходили переговоры о перемирии УНР с Москвой, причем Политбюро ЦК РКП(б) 11 октября признало соглашение желательным⁵.

28 октября петлюровцы отобрали у деникинцев Брацлав. 10 ноября белые взяли Жмеринку. К тому же украинские войска страдали от тифа, сократившись до 25 тыс. бойцов при 6 тыс. боевого состава⁶.

¹ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 372.

² Цит. по: Там же. С. 405.

³ *Петлюра С.* Главный атаман. В плену несбыточных надежд. С. 248.

⁴ Цит. по: *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 407.

⁵ Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. Ч. 1. С. 30–31.

⁶ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 417.

6 ноября командующий УГА генерал Мирон Тарнавский подписал с Деникиным соглашение о переходе украинских войск в подчинение белым. Петрушевич было отменил это соглашение и отдал Тарнавского под суд, но вскоре выяснилось, что его возмутила скорее форма, чем содержание этого документа. 17 ноября новый командующий УГА генерал Осип Микитка подтвердил договоренность с Деникиным. Петрушевич и руководство ЗО УНР эмигрировали. Армию УНР теперь составляли только «надднепрянские», то есть не галицийские войска. Оказывать сопротивление белым с такими силами стало практически невозможно.

Раскол украинского движения произошел по «матрице» XVII в. — на сторонников непримиримой борьбы с поляками и с Москвой. Но в этот раз западные украинцы были антипольскими, а восточные — антимосковскими. Ради борьбы с Москвой Петлюра и его сторонники были готовы пойти на союз в Польшей, что неизбежно означало предательство идеи украинского государства на западе Украины. А для руководства УГА не было задачи важнее, чем отвоевание у поляков Западной Украины со Львовом — пусть и в союзе с русскими. Причем окраска этих русских была тоже не так уж важна — сегодня с белыми, завтра с красными.

16 ноября поляки заняли Каменец-Подольский. Директория, опять оставшаяся почти без территории, переехала в Проскуров и здесь 15 ноября передала всю власть Петлюре. 22 ноября белые ворвались в Проскуров, и Петлюра вынужден был бежать в последний свой оплот — Староконстантинов. Его белые захватили 2 декабря.

Инструктируя главу чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Польше министра иностранных дел Андрея Ливицкого, 30 октября Петлюра писал: «Никогда не забывайте, что Великая Россия, да еще такая — черной масти, как деникинская, — для нас неприемлема, и мы должны искать союзников нашей позиции относительно Деникина. В связи с этим комбинация союза против России: Польша–Украина–Латвия–Литва–Эстония совершенно приемлема для нас. Когда с помощью Польши мы получим оружие, военная удача тогда перейдет на нашу сторону, а это приблизит возможность вступления в такой союз Кубани, Грузии и Азербайджана, реализуя таким образом систему коалиции Балтийско-Черноморских государств»¹. Поляки, правда, не торопились делиться оружием, их смущали антипольские восстания украинцев на Волыни.

¹ Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. С. 256.

Выступая на политическом совещании 26 ноября, по сути, с прощальной речью, Петлюра заявил: «Мы вступили на арену истории тогда, когда весь мир не знал, что такое Украина. Никто не хотел ее признавать как самостоятельное государство, никто не считал наш народ отдельной нацией. Только борьбой, упорной и бескомпромиссной, мы показали миру, что Украина есть, что ее народ живет и борется за свое право, за свою свободу и государственную независимость... Давайте признаем без гордости и без лишней скромности, что во время двухлетней нашей борьбы мы создали украинскую нацию, которая и далее будет активно бороться за свои права, за право самостоятельно и независимо от кого бы то ни было хозяйничать на своей земле»¹. Таким образом, с точки зрения лидера украинских националистов, украинская нация возникла лишь в огне революции и Гражданской войны.

2 декабря Левицким была подписана Варшавская декларация, по которой украинская делегация признавала границей Збруч и, таким образом, отказывалась в пользу Польши от Восточной Галиции. Более того, предполагалось, что отдельное соглашение защитит польских собственников от аграрной реформы на Украине. Декларацию осудил Украинский национальный совет. Петлюра оказался в изоляции на политической сцене УНР, но это было не важно, потому что сама эта сцена оказалась в эмиграции или на территории, контролируемой поляками.

2 декабря против головного атамана выступила часть командиров, армия распадалась. 5 декабря Петлюра выехал в Варшаву. Диктатор ЗУНР Петрушевич уехал в Вену, где 20 декабря 1919 г. официально денонсировал Акт соборности от 22 января 1919 г.

На территории, занятой поляками, Петлюру ждало разочарование. Украинцы были разоружены и частично интернированы в лагерь. В январе 1920 г. Петлюра жаловался Пилсудскому: «Даже горячие сторонники политики продолжения сближения Украины и Польши жалуются теперь на то, что отмеченная декларация (Варшавская декларация от 2 декабря 1919 г. — *А. Ш.*) остается мертвым словом в сравнении с суровой, далекой от этого слова действительности»². Несмотря на это, Петлюра продолжил сближение с Польшей, поглощавшей украинские территории и воспринимавшей украинского союзника только на условиях его полной марионеточности.

6 декабря остатки петлюровских войск числом приблизительно 10 тыс. (боевой состав около 2 тыс.) во главе с Михаилом Омеля-

¹ *Петлюра С.* Главный атаман. В плену несбыточных надежд. С. 258–259.

² Там же. С. 282.

новичем-Павленко начали партизанский рейд по тылам Деникина («Первый зимний поход»). Задача похода заключалась не столько в том, чтобы нанести ущерб противнику (как, скажем, во время рейдов Махно), сколько в самосохранении армии УНР, которая потеряла территорию.

Белые не очень держались за украинские города, откатываясь на юг. 31 декабря петлюровцы отбили у них Умань. Северная колонна похода действовала против красных, а южная — против белых, пока они не исчезли с горизонта. Вскоре тыл белых превратился в тыл красных, где петлюровцы рейдировали до 6 мая 1920 г., пока не соединились с поляками.

Историк В.Ф. Солдатенко, который симпатизирует в большей степени УНР, чем гуляйпольской вольнице, признает: «По сравнению с махновцами небольшая формация украинских воинов (вся она могла расположиться в окрестностях маленького провинциального Ананьева), ни разу не задержалась хотя бы на короткое время (неделю-две) в одном пункте, регионе», и ее действия «не были определяющими для общенациональных украинских процессов, для исхода Гражданской войны»¹.

А вот части УГА перешли на сторону красных. Под новый год в Виннице офицеры УГА договорились с коммунистами и боротбистами о союзе. Был образован Ревком УГА. Предполагалось, что УГА преобразуется в Красную (Червонную) УГА (ЧУГА), которая сохранит такую же автономию в составе Красной армии, как и в белой. Армия должна отдохнуть, подлечиться и двигаться на польский фронт с целью отвоевания Западной Украины. Политическое руководство ЧУГА должна была осуществлять новая Компартия Восточной Галиции. Однако на совещании с участием члена РВС 12-й армии Затонского выяснилось, что большевистское руководство будет настаивать на реорганизации галицийских войск.

Основные силы УГА продолжали отходить вместе с белыми, но ее руководство (Начальная команда) теряла контакт с войсками. Командование 1-го и 2-го корпусов вступило в контакт с красными в районе Балты. 7 февраля 1920 г. в Балте был образован ревком, которому подчинились эти силы. Балтский ревком установил контакт с Винницким. 21 февраля был создан объединенный ревком, считавшийся Начальной командой армии. Микитка стремился эвакуировать остатки УГА в Румынию, но 10 февраля был арестован своими бойцами и вместе с начальником штаба выдан большевикам и затем расстрелян. 3-й корпус, также перешедший на сторону красных, ата-

¹ Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 485.

ковал белых, уходящих в Румынию. Но боеспособность УГА-ЧУГА была невелика — на 18 тыс. боеспособных стрелцов приходилось около 55 тыс. больных¹.

Корпуса ЧУГА преобразовывались в бригады РККА под коммунистическим политическим руководством. Бойцам ЧУГА обещали отдых и затем участие в войне с Польшей.

Тем временем под ударами красных белые в первой половине декабря оставили Харьков и Полтаву. 14 декабря красные вошли в Киев. 4 апреля 1920 г. Деникин сдал командование остатками белой армии барону Врангелю, который отступил в Крым.

Возвращение коммунистического режима

На Украине возвращение продрозверстки и введение комбедов способствовали продолжению повстанческой борьбы уже против нового пришествия коммунистов. Не прекращающаяся повстанческая борьба делала очень условным состояние «мирной передышки» на территории Украины.

Началось восстановление предприятий Донбасса, разоренных войной, восстановление железнодорожной сети. На Украине была создана трудовая армия в 30 тыс. человек. Эта милитаризация труда остро критиковалась даже частью делегатов IV конференции КП(б)У в марте 1920 г. Впрочем, в ноябре 1920 г. V конференцию КП(б)У качнуло в другую сторону, и она выступила за коллективизацию сельского хозяйства.

Росло недовольство коммунистами и среди рабочих: весной выросло представительство меньшевиков в Советах, на рабочей конференции в Киеве в феврале 1920 г. прошла меньшевистская резолюция.

Политика игнорирования национальных особенностей Украины, проводившаяся в 1919 г., подвергалась критике со стороны украинских сторонников Советской власти — боротьбистов и части коммунистов, которые создали группу коммунистов-федералистов. Их лидеру Павлу Попову была предоставлена возможность сделать доклад на расширенном заседании Политбюро и Оргбюро по украинскому вопросу 20 ноября 1919 г. Этот «разбор полетов» в преддверии возвращения на Украину должен был обеспечить большую прочность позиций Советской власти в республике, чем это было в 1919 г. По тезисам Ленина, 29 ноября было принято постановление пленума ЦК РКП(б) «О Советской власти на Украине», которое предусматри-

¹ Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 501.

вало заботу о развитии украинской культуры и языка, обещало передать землю малоземельным и безземельным крестьянам.

2 декабря 1919 г. была опубликована резолюция ЦК РКП(б), утвержденная затем VIII конференцией партии, в которой говорилось: «Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории России должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс. Немедленно же должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке»¹.

Таким образом, советское руководство решило перехватить национальную волну и поставить национальные стремления на пользу коммунистического проекту в той части, в которой они ему не противоречат. Обучение и общение на национальных языках — да, неконтролируемые режимом политические силы — нет.

После принятия этих решений группа федералистов в РКП(б) была ликвидирована, упорствующий Попов ушел к боротьбистам.

Вслед за возвращением Советской власти были предприняты шаги по ликвидации многопартийности на территории Украины. Весной 1920 г. развернулись репрессии против эсеров, левых эсеров и меньшевиков. 20–23 марта над последними был проведен судебный процесс. Меньшевиков осудили за сотрудничество с деникинцами (ведь при белых они продолжали легальную профсоюзную работу и входили в сношения с администрацией белых). Украинские эсеры, несмотря на преследования, продолжали действовать легально до 1921 г. В марте 1920 г. конференция Украинской коммунистической

¹ Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. Протоколы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 189–190.

партии (боротьбистов), образовавшейся в августе 1919 г. в результате слияния боротьбистов и независимых левых социал-демократов, приняла решение о самороспуске и вхождении своих членов в КП(б)У. Это была существенная прибавка, ведь в 1919 г. в рядах боротьбистов было около 15 тыс. человек, из которых 4 тыс. вступили в КП(б)У. Правда, большинство из них к 1923 г. из КП(б)У вычистили. Подобное боротьбистскому решению в июле принял съезд боротьбистов — их меньшинство продолжило самостоятельное существование как ПЛСР (синдикалистов). Приток национал-коммунистов в КП(б)У оказался как нельзя кстати — начиналась советская украинизация.

Опыт борьбы за Украину в 1919 г. стал одним из важнейших мотивов принятия политики украинизации, которая затем переросла в политику «коренизации» в других регионах.

Украина продемонстрировала рекордное для мировой революционной волны 1918–1923 гг. разнообразие влиятельных политических сил, которые боролись за определение судьбы страны: националисты большой нации (российское белое движение), свои националисты разной степени радикальности в спектре от национал-авторитаризма до национал-коммунизма, коммунисты, равнодушные к национальной идее, беспрецедентное по мощи движение под анархистскими знаменами. В следующий раз такое различие возникнет только во время революции в Испании в 30-е гг.

Исход борьбы этих разнообразных стратегий зависел как от перипетий гражданской войны на территории бывшей Российской империи и вооруженной борьбы с поляками в Восточной Галиции, так и от внутриукраинских факторов — прежде всего от соотношения социальной и национальной мобилизации масс. Это соотношение на Украине действовало как своеобразные качели: то более успешной была мобилизация масс под национальными лозунгами (что придало силу Украинской народной республике в 1917 г.), то под социальными (сторонники Советской власти в начале 1918 г.), то снова под национальными с использованием и социальных (Директория в конце 1918 г.), то снова под социальными (сторонники УССР в первой половине 1919 г.), то под национальными в связи с недовольством социальной политикой (национальное антикоммунистическое повстанчество в середине 1919 г.). К концу гражданской войны и революции эти «качели» остановились на национал-коммунистическом компромиссе национального и коммунистического проектов, на «украинизации» Советской Украины.

Глава 7. Марш к Балтике

На северном фланге советского наступления на Запад находились балтийские страны, совсем недавно входившие в Российскую империю. Она распалась политически, но еще не вполне социально и ментально. Ведь миллионы людей здесь привыкли жить в большом общем евразийском пространстве, где теперь бушевала Гражданская война. И чем она кончится, было пока неизвестно. Эстонский историк К. Брюггеманн справедливо считает войну в Эстонии «важной частью российской гражданской войны»¹. Судьба Прибалтики в значительной степени зависела от внешних факторов. Но и здесь успехи оружия были недостаточны и должны были закрепляться на национальной и социальной почве. Местные жители могли поддерживать и национально-государственную независимость, и возвращение в Россию под триколором или под красным флагом.

В авангарде советского наступления на Эстляндию, Лифляндию и Курляндию, то есть Эстонию и Латвию, шли красные эстонцы и латыши. Вторые играли большую роль в общероссийских событиях в 1917–1918 гг. К декабрю 1918 г. дивизия латышских стрелков достигла численности 17000 бойцов², большинство которых являлись этническими латышами. Красные латыши соединяли воедино военную силу, латышскую идентичность и борьбу за советскую идею.

Крушение Германской империи и начало эвакуации из Прибалтики оккупационных войск создали вакуум, который могли заполнить силы, лояльные либо Антанте, либо Москве.

17 ноября Красная армия перешла демаркационную линию и начала продвижение вглубь территории, прежде оккупированной немцами. Историк М.И. Мельтюхов пишет: «Оказалось, что большинство магистральных путей было перешито немцами на европейскую колею, поэтому красноармейцам пришлось оставить эшелоны

---

¹ Брюггеманн К. Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918–1920 гг. // Поворотные моменты истории Эстонии. Дополнительные материалы для учителя. Таллин: Арго, 2008. С. 54.

² Общую информацию о Латышских советских стрелковых дивизиях см.: Драудин Т.Я. Боевой путь латышской стрелковой дивизии в дни Октября и годы гражданской войны (1917–1920). Рига: Академия наук Латвийской ССР, 1960; История Латышских стрелков (1915–1920). Рига: Зинатне, 1972; Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию. Воспоминания и документы. Рига: Академия наук Латвийской ССР, 1962; Томан Б.А. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М.: Политиздат, 1975; Революционные латышские стрелки (1917–1920). Рига: Зинатне, 1980.

и двинуться походом. Как правило, продвижению советских войск предшествовали соглашения с германскими солдатскими Советами. Хотя это не ускоряло продвижение, зато оно было мирным»¹. Но промедление было смерти подобно — на Западе укреплялись национальные правительства, которые с помощью Антанты формировали армии для отпора большевикам. К 10 декабря РККА заняла Полоцк, Жлобин, Новогрудок, Бобруйск, Двинск и Минск. Первое серьезное вооруженное столкновение с немцами произошло в Нарве.

От Эстляндии к Эстонии

11 ноября о взятии власти в Эстонии заявило Временное правительство, которое после освобождения немцами из заключения возглавил Константин Пятс². 14 ноября германское командование передало ему власть. Вооруженной силой Эстонии стало созданное немцами ополчение «Бюргевер», переименованное в «Кайтселийт». Ослабление германского контроля привело и к возобновлению работы Советов. 19 ноября ревельский Совет заявил о претензиях на власть. Происходили столкновения «Кайтселиита» со сторонниками власти Советов.

15 ноября в Петрограде был создан ВРК Эстляндии во главе с Яном Анвельтом. 22 ноября советская 6-я дивизия численностью более 7 тыс. бойцов атаковала немецкие позиции под Нарвой, чтобы заставить противника очистить город. Две трети красных войск в Эстонии составляли этнические эстонцы³. Против красных сражалось около 4 тыс. немцев и более тысячи эстонцев. Первая атака была отбита. Германский солдатский Совет протестовал: «Сегодня утром вы напали на наших сотоварищей. Мы усматриваем в этом преступление, достойное проклятия, так как желаем жить с вами в мире. Скоро мы покинем Эстляндию, до этого времени каждое нападение будет кровью отражено. Будьте благоразумны и подождите со вторжением в Эстляндию, пока мы не покинем страны»⁴. Но с каждым днем в Эстонии усиливались антисоветские силы, так что красное командование не собиралось ждать, рассчитывая, что под беспокоящими ударами немцы эвакуируются скорее.

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. С. 80.

² См.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 298.

³ Минник Т. Белый и красный террор во время освободительной войны в Эстонии // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М.: URSS, 2012. С. 67.

⁴ Цит. по: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 82.

Второе наступление на Нарву началось 26 ноября. Переправившись через реку Нарову, красные эстонцы подошли к городу с юга утром 28 ноября, но нарвались на шквальный огонь. Под Нарвой погиб член РВС красных эстонских полков и член ЦК эстонских секций РКП(б) Ян Сихвер. С Балтики Нарва была обстреляна красным флотом, в тылу обороняющихся был высажен десант. С востока красные заняли восточную часть Нарвы и ночью переправились через Нарову. Опасаясь окружения, немцы и отряд эстонской армии 29 ноября отошли.

29 ноября в Нарве была провозглашена Эстляндская трудовая коммуна (ЭТК), Совнарком которой возглавил Анвельт. 7 декабря она была формально признана Советской Россией. Манифест о провозглашении ЭТК имел репрессивную доминанту — в нем перечислялось, кто объявляется вне закона. Угрозы здесь причудливо переплетались с позитивом. В 6-м пункте вместе были объединены разные темы: «Принимаются срочные и беспощадные меры против спекуляции. Как только контрреволюционные банды в Эстляндии будут уничтожены и повсюду будут восстановлены советские власти, созовет коммунистическая власть съезд всех Советов трудящихся для предоставления отчета о своей деятельности и передачи ему всей власти в Эстляндии»¹.

Декретами ЭТК была проведена национализация крупных и средних предприятий, земли и даже лавок и хуторов, хозяева которых бежали. Зато была отменена арендная плата².

К 23 декабря Красная армия с боями дошла до станции Тапс. В начале января она находилась в 30–35 км от Ревеля (Таллина). 20 декабря в Юрьеве произошло просоветское восстание, и 22 декабря красные овладели этим городом. 23 декабря немцы покинули южную часть Эстонии.

9 декабря немцы эвакуировались из Ревеля, лишив правительство Пятса силовой поддержки. Ситуация в городе оставалась неопределенной. Появление британских кораблей на рейде Ревеля 12 декабря успокоило республиканских деятелей: в случае чего у них появился хотя бы шанс эвакуироваться. 17 декабря просоветская демонстрация под лозунгами «Англичане — вон!» и другими транспарантами, написанными преимущественно на русском языке, двинулась к правительственным учреждениям на Ратушной площади. Там по демонстрантам был открыт огонь, и толпа рассеялась³. 18 декабря ревельский Совет был разогнан.

¹ Поворотные моменты истории Эстонии. С. 164–165.

² История Эстонской ССР. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. С. 451.

³ Лаар М., Валк Х., Вахтсе Л. Очерки истории Эстонского народа. Таллин: Кооператив писателей Эстонии «Купар», 1992. С. 117.

«Обе стороны ввели на подконтрольных им территориях военное положение и в течение первой недели противостояния издали декреты, в которых угрожали противнику и его сторонникам жестокими репрессиями. Эстонские большевики издали такой декрет 29 ноября, а Временное правительство Эстонии — 5 декабря... 29 ноября большевистское руководство объявило находящимися вне закона, наряду со сторонниками эстонского национального правительства, также помещиков и священников»¹, — пишет историк Т. Минник. Все же не так сурово. В документе говорилось: «Временное правительство Эстляндии и его агентов и приверженцев, помещиков и пасторов, чьи руки обгарены кровью трудящихся Эстляндии, объявляем вне закона»². То есть не всех помещиков и пасторов, а тех, чьи руки обгарены. В итоге такими сочли немногим более двух десятков человек.

10 декабря ЭТК запретила находиться в Эстонии «контрреволюционерам, распространяющим лжеучение», то есть активным священникам³. Таким образом, религиозная деятельность была запрещена.

Начальник управления внутренних дел ЭТК Йоханес Кясперт развернул сеть комиссий по борьбе с контрреволюцией (КБК), арестовавших 2500 человек, из которых три четверти — по политическим мотивам. Около 600 человек было расстреляно. Причем десятая часть из них — за уголовные преступления (в том числе за кражи), 14 помещиков и 11 священников. Еще полсотни человек эстонские чекисты расстреляли в 1919 г. в Печорском крае⁴.

Со стороны Эстонской республики террор осуществляли военно-полевые суды и просто военные, убивавшие гражданских без суда. Их жертв было примерно поровну — по 300 человек. «Причем и сам так называемый военно-полевой суд представлял собой бюрократическую формальность»⁵, — констатирует историк Т. Минник. Еще 200 человек умерло в заключении. Арестовано было около 5 тыс. человек, 2 тыс. было отправлено в концлагеря, где также находились пленные красноармейцы⁶.

подавляя крамолу на пятачке земли, оставшемся под его контролем, правительство Пятса энергично формировало вооруженные силы. В его подчинение перешел и сформированный из местных немцев Балтийский полк.

¹ Минник Т. Белый и красный террор во время освободительной войны в Эстонии. С. 67–68.

² Поворотные моменты истории Эстонии. С. 164.

³ Минник Т. Белый и красный террор во время освободительной войны в Эстонии. С. 68.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 75.

26 ноября, воспользовавшись отступлением немцев, красные вывели из Пскова белый Отдельный псковский добровольческий корпус (под командованием полковника Генриха фон Нефа), который ушел в Эстонию и там преобразовался в Северный корпус. 6 декабря 1918 г. Северный корпус заключил соглашение с Временным правительством Эстонии, по которому он подчинялся эстонскому командованию и снабжался Эстонией. В январе—мае корпусом командовал полковник Антон Дзерожинский.

В распоряжении Эстонского правительства оказались большие запасы вооружений, оставленные немцами: 40 тыс. винтовок, 125 орудий, 226 минометов и бомбометов, 108 пулеметов, бронепоезда¹.

23 декабря эстонскую армию возглавил полковник Йохан Лайдонер. Мобилизация в нее шла туго: вместо ожидавшихся 25 тыс. к январю удалось мобилизовать только 12 тыс. Из 2500 новобранцев, прибывших на фронт под Нарвой, 2 тыс. разбежались².

30 апреля 1919 г. в речи на заседании Учредительного собрания Пятс вспоминал о ситуации конца 1918 г.: «Наша армия должна была воевать также против внутреннего врага, который окружал ее со всех сторон. Отовсюду нашей армии наносили вред... Вы бы послушали, что говорили наши гимназисты, когда они вернулись с фронта. Усталые, голодные, заходили они на хутора просить хлеба, но им ничего не давали. Когда же они говорили, что они красные, то сразу же им выносили и хлеб, и прочее»³.

16 февраля 1919 г., когда началась мобилизация на островах Сааремаа и Муху, там вспыхнуло восстание жителей против голода и отправки в действующую армию. Повстанцы во главе с А. Койтом, А. Сеппом и А. Охаком громили поместья, осадили Курессааре, куда сбежались сторонники республики и помещики. Прибывшие на острова войска 21 февраля разгромили повстанцев у деревень Упа и Вайвере. Столкновения продолжались до 25 февраля. После чего еще продолжалась расправа⁴. Восставшие убили 41 человека, а каратели — 122. Одного из пленных лично застрелил священник Бернхард Рахамяги, который потом стал епископом Эстонской евангелической лютеранской церкви. «Кровавые события, развернувшиеся на островах, вынудили эстонских политиков обращать больше внимания на внутренние дела, в том числе на болезненный аграрный вопрос, ко-

¹ История Эстонской ССР. С. 456.

² Брюггеманн К. Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918–1920 гг. С. 53.

³ Цит. по: История Эстонской ССР. С. 454.

⁴ Там же. С. 462.

торый все еще оставался не решенным»¹, — комментирует Т. Минник. Социал-демократы вышли из правительства и развернули агитацию против правительства Пятса, обвиняя его в разгуле террора и нежелании решать социальные проблемы. Эта критика возымела результат — военное судопроизводство было перенесено в Таллин, 25 марта обвиняемым было предоставлено право на защиту, которого раньше в военно-полевых судах не было².

20 декабря 1918 г. правительство пообещало солдатам землю в приоритетном порядке. Это помогло. Армия Эстонской республики быстро росла — с 13 тыс. в начале года до почти 24 тыс. к 24 января. 6 января на фронте было более 6 тыс. бойцов. С 30 декабря в Ревель стали прибывать финские добровольцы (под командованием генерал-майора Мартина Ветцера), а затем также датские и шведские — всего более 4 тыс. Белый Северный корпус прикрывал южное направление³. К 25 мая удалось нарастить численность армии до 74500 солдат, не считая 32 тыс. бойцов-кайтселийтовцев⁴.

Обороне Эстонской республики содействовала британская эскадра, базировавшаяся в Ревеле. 25–27 декабря 1918 г. она не только отбила рейд красной эскадры к эстонской столице, но и захватила два миноносца во главе с незадачливым красным флотоводцем Федором Раскольниковым. Корабли были переданы в эстонский флот, который в дальнейшем, при содействии британского, успешно действовал на фланге красных.

4–7 января 1919 г. войска Эстонской республики перешли в контрнаступление, активно используя бронепоезда и флот (в том числе британский). Они наступали так быстро, что советское командование не успело переориентировать в северном направлении латышских стрелков, хотя и собиралось это сделать⁵. 18–19 января эстонская армия взяла Нарву. Эстляндская коммуна потеряла свою столицу. Затем антисоветская эстонско-финско-латвийская армия принялась за отвоение у красных Лифляндии.

Стабилизация фронта позволила перейти к ограниченному применению демократических механизмов в Эстонии. На выборах в Учредительное собрание 5–7 апреля 1919 г. аграрная партия Пятса проиграла (4%, 8 мест), победу одержали Эстонская социал-демо-

¹ Минник Т. Белый и красный террор во время освободительной войны в Эстонии. С. 73–74.

² Там же. С. 74–75.

³ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 95, 97.

⁴ История Эстонской ССР. С. 472.

⁵ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 102.

кратическая рабочая партия (33,2 %, 41 место) и Партия труда (25 %, 30 мест). Еще 5,8 % (7 мест) получили эсеры. 25 мест из 120 получила Народная партия.

9 мая левоцентристское коалиционное правительство (социал-демократы, трудовики и народная партия) возглавил трудовик Отто Страндман. Коммунисты называли Эстонию «белой», но ее режим «порозовел». 12 мая он заявил, что готов к заключению мира с Советской Россией, но при условии, что это не изолирует Эстонию от ее союзников. Нужно было получить разрешение у Антанты, Финляндии и Латвии.

19 мая Учредительное собрание Эстонии провозгласило независимость. 5 июня было ликвидировано правительство Эстляндской трудовой коммуны — Советское государство взяло курс на признание Эстонии.

После победы левых на выборах уровень террора в республике существенно снизился, хотя отдельные его вспышки имели место и позднее, как, например, внесудебный расстрел 3 сентября в Изборске левых и профсоюзных активистов. Но это была инициатива не ревельских политиков, а военщины, о чем ниже.

10 октября 1919 г. был принят закон о земле, который носил народнический характер: все имения и вотчины переходили государству и затем в определенном порядке передавались в пользование крестьянам, горожанам, муниципалитетам, кооперативам и артелям по обработке земли. Руководить этим процессом должны были уездные управы. В первую очередь землю получали солдаты и семьи погибших, потом — арендаторы хуторов, которые и так пользовались этой землей¹. К 1924 г. было создано 19 828 новых крестьянских дворов. 46,6 % из них получили солдаты войны. Из 21 600 батраков землю получили 5504 человек².

Хотя после апрельских выборов обстановка в Эстонии стала более свободной, до полноты политического плюрализма и соблюдения гражданских прав было еще далеко. 30–31 августа 1919 г. I съезд профсоюзов, представлявший 40 тыс. рабочих, выступил за мир с Советской Россией. Это неудивительно — из 417 делегатов коммунистами были 379, а социал-демократы со съезда ушли. Тогда съезд был разогнан войсками, часть его делегатов арестована. По указанию министра внутренних дел более 100 левых и профсоюзных активистов были высланы в Россию через линию фронта с риском для жизни. При этом военные не довели до границы 25 человек и 3 сентября расстреляли их под Изборском. В том числе погибли предсе-

¹ Поворотные моменты истории Эстонии. С. 167.

² История Эстонской ССР. С. 490.

датель Центрального совета профсоюзов Александр Аннус и первый министр по делам социального обеспечения Эстонской республики социал-демократ Виллем Маасик¹.

Закрепленные к Конституции Эстонии демократические принципы практически не были введены в действие, так как сохранялось военное положение (в 1921 г. оно было снято лишь в нескольких регионах), а за коммунистическую пропаганду обвиняемым грозила смертная казнь. 4 мая 1922 г. был расстрелян лидер КПЭ Виктор Кингисепп.

Судьба Эстонии во многом зависела от находившихся на ее территории белых войск, командованию которых благоволила Антанта. Белое движение не признавало независимости Эстонии. Пока республика отбивалась от красных, белые были нужны как военное подспорье. Но когда угроза Ревелю от красных миновала, отцы эстонской независимости без восторга смотрели на перспективу белого похода на Петроград. Если победят красные, они могут вернуться в Эстонию на плечах разбитого противника, а если фортуна будет на стороне белых, то они смогут обратиться к восстановлению власти Российского государства на «окраинах».

Белое командование тоже тяготилось пребыванием на эстонской территории, где власти не очень сочувствовали белому делу, а установить свою диктатуру было нельзя.

В мае войска белого Северного корпуса атаковали Псков, Гдов и Ямбург, подошли к Гатчине и Ораниенбауму. 25 мая эстонские войска взяли Псков и затем передали его белому отряду ротмистра Станислава Булак-Балаховича (недавно изменившего красным).

19 июня Северный корпус вышел из состава эстонской армии, был переименован в Северную армию (с 1 июля — Северо-Западная армия). С 5 июня войска белых здесь возглавлял генерал Николай Юденич (фактически до конца июня корпусом и армией командовал генерал Александр Родзянко).

Потеряв контроль над белым Северным корпусом, эстонское руководство не печалилось. Эстонцы не хотели воевать в глубине России. У них были важные задачи ближе.

Латышские стрелки и грешный альянс

У сторонников Советской власти в Латвии было немало конкурентов. 17 ноября 1918 г. два национальных политических органа,

¹ Минник Т. Белый и красный террор во время освободительной войны в Эстонии. С. 75.

сформировавшиеся во время оккупации, — Латышский временный национальный совет и Демократический блок, договорились о создании временного парламента — Народного совета Латвии (НСЛ). Об объединении договорились восемь политических партий, но ключевую роль и влияние имели Латвийская социал-демократическая рабочая (АСДРП) и Латвийская крестьянская партии (ЛКП). В дальнейшем НСЛ пополнялся в том числе за счет представителей национальных меньшинств, его численность выросла с 39 до 183 человек¹.

18 ноября НСЛ провозгласил независимую Латвийскую демократическую республику, многопартийное правительство которой возглавил лидер ЛКП Карлис Улманис. НСЛ принял политическую платформу, предусматривающую гражданство независимо от национальности и неприкосновенность частной собственности.

1 декабря в Либаву прибыла британская эскадра. Но на суше она не могла защитить Латвийскую республику от советского натиска. Чтобы получить какую-то военную силу, Улманис пошел на союз с еще не ушедшими из Латвии германскими войсками. До революции имущественная элита этого региона была в значительной степени немецкой. 21 ноября германское командование стало формировать добровольческие части из солдат, готовых сражаться в Прибалтике против большевиков. Так возникла «Железная бригада», которая позднее будет преобразована в «Железную дивизию», нарастив свою численность с нескольких сот до 14 тыс. солдат в июне². Начальствовал над ней майор Йозеф Бишоф. Также германское командование формировало из местных немцев Балтийский ландесвер, которым командовал майор Альфред Флетчер.

7 декабря латвийское правительство согласилось признать немецкие формирования вооруженными силами Латвийской республики. Таким образом, легализовались те немецкие военные, которые готовы были остаться. Хотя предполагалось, что латыши будут составлять большинство этих вооруженных сил, набрать достаточное количество латышей, желающих служить новому государству, поначалу не удалось. Большинство «латвийской» армии составили немецкие военные.

29 декабря было подписано соглашение представителя Германии Августа Виннига и Улманиса, а также других членов правительства Латвии о предоставлении латвийского гражданства тем, кто прове-

¹ История Латвии. Рига: Jumava, 2005. С. 137.

² Бишоф Й. Последний фронт // Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 101.

дет в боях с большевиками не менее месяца¹. Это давало им право на получение земли. Они рассчитывали на 20 га. Землю обещали предоставить немецкие помещики, для которых это было шансом сохранить две трети своих владений². 30 декабря из правительства вышли социал-демократы, не желавшие сотрудничать с немцами на таких условиях.

«Грешный альянс» (так нередко в исторической литературе обозначают сотрудничество Временного правительства с немецкими оккупационными властями), который опирался на совпадение интересов обеих сторон, заметно снизил популярность кабинета Улманиса среди населения Латвии³, — пишет латвийский историк И. Фелдманис.

Зато росла популярность сторонников Советской власти, тем более что большевистская агитация в Латвии была одновременно и антинемецкой. Таким образом, в силу специфики Латвии национальные и социальные мотивы соединились под красным знаменем. В Лифляндии и Латгалии возникали Советы. Кстати, Советы создавали и германские солдаты, остававшиеся на территории бывшей Российской империи.

Князь Анатолий Ливен, командир русского отряда в Латвии (Либавский добровольческий стрелковый отряд), вспоминал, что в конце 1918 г. население было настроено «большевистски» и враждебно относилось к белым⁴.

17 декабря был опубликован Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Латвии во главе с Петром Стучкой об установлении Советской власти в Латвии. Красная армия вошла в Лифляндию (северная часть современной Латвии и южная часть современной Эстонии). На острие наступления 7-й армии шла дивизия латышских стрелков.

22 декабря вышел декрет Совнаркома РСФСР о признании независимости Советской Республики Латвии. 25 декабря ВЦИК признал независимость всех трех прибалтийских республик.

В действительности советская республика в Латвии будет создана через три недели — после взятия красными Риги. Признание «независимости» советских республик было тогда уже отработанной практикой: компромисс национальной формы и коммунистического содержания. Большевики демонстрировали готовность идти навстречу

¹ Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у истоков эстонской и латышской государственности. М.: ЛитРес, 2019. С. 154–155.

² *Плеве К. фон.* В боях с большевиками // Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе. С. 74.

³ История Латвии. XX век. С. 123.

⁴ *Ливен А.* Основание отряда // Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003. С. 13.

национальным чаяниям при условии, что «независимые страны» будут входить в единую систему советских республик, руководимых коммунистической партией. На территории бывшей Российской империи национальные компартии входили составными частями в РКП(б). Так что никаких иллюзий по поводу «независимости» советских Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии в Кремле не было — это была форма, а не содержание. Но форма имела значение — в рамках советской системы латышам, как и другим «титულным» народам советских республик, гарантировалось свободное развитие национальной культуры и вытеснение немецких собственников земли.

Как и в других «буферных» советских республиках, коммунисты Латвии пошли по пути национализации земли и создания государственных сельских хозяйств, а не раздачи земли крестьянам.

Заключив союз с латышскими националистами, германское командование не собиралось отдавать большевикам Латвию, особенно Курляндию. 23–24 декабря оно получило санкцию Антанты на сохранение войск в Прибалтике для борьбы с большевистской угрозой¹.

Но вступив в бои с германской «Железной бригадой», 23 декабря латышские стрелки взяли Вольмар и Венден (Цесис). Немцы попытались отстоять Ригу, зацепившись за старые окопы, но были сбиты с позиций красными латышами. Немцы оставили Ригу, которую начали брать под контроль дружины местных сторонников Советской власти². Войдя в город 3 января 1919 г., красные латыши встретили в Риге радужный прием: «Стрелки нашего полка спешно погрузились в подготовленный рабочими эшелон, стоявший на пригородной станции, и поехали к Центральному рижскому вокзалу. Там нас ожидали жители города. Многие искали среди стрелков своих родных. Совершенно чужие люди со слезами на глазах бросались к нам на шею и стремились сказать хоть несколько сердечных слов», — рассказывал стрелок А. Идерсал³.

9 января стрелки заняли Митаву (Елгаву), сделав положение Риги прочным. И это был не последний их успех.

Сторонники латвийской независимости лихорадочно формировали собственные войска, но явно запаздывали. 5 января был создан батальон, который 29 января контратаковал красных в Скрунде. Состоял он из балтийских немцев, русских и латышей. Латышские силы в Лифляндии (Северолатвийская бригада) подчинялись командованию Эстонии.

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 91.

² Рейнарт А.Ф. Поход на Ригу // Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию. Воспоминания и документы. С. 192.

³ Идерсал А.А. В боях за советскую Латвию // Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию. Воспоминания и документы. С. 268.

4 января 1919 г. группа советских войск в Латвии была реорганизована в Армию Советской Латвии (АСЛ), подчинявшуюся Главкому республики, каковым и в случае России, и в случае Латвии был Иоаким Вацетис. Такая личная уния позволял обойти вопрос о подчинении иностранному командующему армии «независимого» государства. Вацетис не мог заниматься делами только Латвии. Его помощником по АСЛ был назначен командир латышской дивизии (с июля 1918 г.) Петр Авен. Он фактически возглавлял армию, пока 10 марта командующим не был назначен Петр Славен. 19 февраля АСЛ вошла в состав Западного фронта. АСЛ была сформирована из прежней, 1-й латышской дивизии и новой — 2-й, которая создавалась из латвийского пополнения с помощью офицерских кадров прежней дивизии латышских стрелков.

М.И. Мельтюхов, ссылаясь на доклад инспектора АСЛ, считает, что 2-я дивизия представляла собой «группки вооруженных людей... без организации, без дисциплины, без малейшей боевой выдержки»¹. Но если так и было, то в самом начале, ведь инспектор составил доклад к 8 февраля. В дальнейшем, однако, 2-я дивизия тоже удерживала свои участки фронта.

1 марта АСЛ составляла 13 302 штыка, 996 сабель при 226 пулеметах и 102 орудиях. В армии было два бронепоезда, три броневика и 14 аэропланов. Для сравнения, в соседней 7-й армии было 34 837 штыков и 831 сабля при 226 пулеметах, 354 орудиях, четырех бронепоездах, двух броневиках и 16 аэропланах². К 10 апреля АСЛ выросла до 19 084 штыков и 923 сабель³. Тысячи жителей Латвии были готовы служить в войсках провозглашенной 13 января в Риге Латвийской Социалистической Советской Республики (АССР).

26 января красные форсировали Венту и подошли к Либаве на 70 км. 30 января они взяли Виндаву. Но с севера, в Лифляндии, 7 января перешли в наступление эстонские и финские части, а также латышский отряд полковника Йоргиса Земитанса общей численностью 18–24 тыс. солдат. 14 января красные потеряли Юрьев (Дерпт). 10-тысячная группировка под командованием финского генерала Ветцера ударила с севера по АСЛ.

30 января командир 1-й дивизии латышских стрелков Густав Мангул докладывал начальнику оперотдела АСЛ Карлсону: «Сегодня белые вели наступление по всему фронту. Части в группе комбрига Травинского бегут назад. В группе комбрига Лальбикса части

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 102.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 55 (Фонд РВСР).

³ Там же. Л. 295.

также подались назад и остановились в 6 верстах от Валка. Для того, чтобы восстановить прежнее положение и обеспечить Валк, мною выдвинут последний резерв, которому задача остановить бегущих, для чего применять оружие. Командарм тоже приказал применять оружие по бегущим»¹.

30–31 января в районе имения Паю шли ожесточенные бои. 1 февраля эстонско-финские взяли Валк, Верро и Печоры².

2 февраля Мангул жаловался: «Положение на фронте серьезное. Русские части ненадежны. Латышские устали, изнервничались и понесли большие потери. По этим причинам некоторые латышские части не вполне устойчивы»³. Комдив просил подкреплений, которые можно было снять только с Курляндского фронта. 18 февраля стало еще хуже: «Положение на фронте критическое. У противника силы не превышают наших, но наши части не исполняют боевых приказов и уходят без особого нажима. На правом фланге 9 Новгородский полк взбунтовался и ушел. Направление на Мариенбург открыто для противника»⁴. 22 февраля Мариенбург (Алуксне) пал.

В середине февраля «2 рота 9 Латполка при виде белых разбежалась... Начдив приказал устыдить 2 роту и вернуть ее на позицию для исполнения долга»⁵. Пришлось срочно перебрасывать на север части с Курляндского фронта — 4-й латполк, 1-й Усть-Двинский полк и 2-й латышский кавдивизион. Однако это не сразу помогло. Штаб дивизии докладывал: «Четвертый латполк совершенно небоеспособен и отходит»⁶.

22 февраля Вацетис возмущался: «Из поступающих донесений я усматриваю, что некоторые латышские полки стали малобоеспособны. В одном донесении указывается даже на позорное поведение 4-го латышского полка, который в бою разбежался, мне совершенно непонятно подобное отношение латышских полков к успехам нашего оружия в Латвии именно теперь, когда полки защищают то, что им дала революция»⁷. Вацетис и подписавшие телеграмму члены РВС Республики (которая в данном случае была чем-то большим, чем РСФСР) Алексей Окулов и Семен Аралов были не вполне справедливы — в большинстве своем латышские стрелки в это время сража-

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 1 (Фонд дивизии Латышских стрелков и Армии советской Латвии).

² *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 105–106.

³ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 213.

⁶ Там же. Д. 91. Л. 37.

⁷ Там же. Д. 26. Л. 91.

лись на совесть и на Курляндском фронте теснили немцев. Их боеспособность и на Лифляндском фронте была выше, чем у российских частей, действовавших рядом на псковском направлении. 28 февраля стрелки вернули Мариенбург, «противник в панике бежал»¹.

Историк М.И. Мельтюхов пытается объяснить неудачи латышских стрелков идеологически: «Вместе с тем следует отметить такую особенность Армии Советской Латвии как сохранение в ней выборного комитетского начала, уже изжитого в Красной армии. В этих условиях Исколастрел (выборный Исполнительный комитет латышских стрелков. — А. Ш.) претендовал на участие в управлении армией наряду с РВС армии и вел широкую агитацию в частях за углубление выборного начала». Это начало наряду с обычными для РККА органами, по мысли М.И. Мельтюхова, «создавало неблагоприятные предпосылки для нормальной организационной и оперативной работы в армии»².

Впрочем, сказано это о ситуации в январе, когда стрелки наступали в Курляндии и действовали в целом успешнее, чем те красные части на этом театре, которые были построены по обычному для РККА принципу казарменной дисциплины. Так что «ненормальность» не мешала латышским стрелкам одерживать победы, пока радикально не изменилось соотношение сил на театре военных действий. Опыт латышских стрелков, действовавших сравнительно успешно до мая, говорит как раз в пользу тезиса о благотворности сочетания командной власти офицеров с элементами самоуправления солдат при условии ясного разделения полномочий. Еще ярче это подтверждает опыт Махновского движения. Сам М.И. Мельтюхов неоднократно упоминает о неустойчивости войск, «изживших» элементы солдатской демократии³.

Главная проблема для АСЛ заключалась не в ее внутреннем устройстве, а в необходимости воевать на два фронта.

После февральских неудач большевиков бои в Лифляндии шли с переменным успехом. Красным здесь противостояла относительно небольшая группировка в 4–5 тыс. эстонских, финских и латышских солдат. Ядром ее были эстонцы. Как рассказывал красноармеец, бежавший из плена, «дисциплина у противника строгая, и указания выполняются, безусловно, немедленно. Называют стрелки офицеров товарищами и живут довольно дружно. В разговорах эстонцы указы-

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.

² Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 102.

³ Например: Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 123.

вают, что воюют не против красноармейцев, а против евреев начальников и коммунистов»¹.

25 февраля главнокомандующий Вацетис докладывал Ленину: «Задача, поставленная армии Латвии, — овладение Курляндией — выполнена в большей своей части, но развитие энергичных активных действий противником в районах Валка и Юрьева заставило красные латышские части на севере перейти к обороне с потерей важного железнодорожного узла Валк. Хотя в настоящее время нет определенных признаков, указывающих на подготовку крупного десанта противником в Риге, Виндаве или Либаве, но продолжающийся нажим противника из района Валка в юго-восточном направлении грозит перерывом железной дороги Псков — Двинск, что может поставить правый фланг Западной армии в трудное положение.

Ввиду этого для улучшения стратегического положения в Прибалтийском крае армии Латвии и 7-й армии, усиленной частями из резерва главнокомандующего, приказано перейти в наступление для восстановления положения на севере Латвии и в Эстляндии»².

Центр внимания командующего, таким образом, находился севернее Риги, на фронте 7-й армии, откуда исходила угроза Петрограду. В этих условиях не приходилось рассчитывать на получение свежих войск для АСЛ со стороны России.

А вот соотношение сил в Курляндии стало качественно меняться. В начале февраля правительство Улманиса ютилось на клочке латвийской земли вокруг Лиепай (Либавы). По словам германского генерала Рюдигера фон дер Гольца, оно держалось «лишь на немецких штыках и на своем самомнении», «в Курляндии можно рассчитывать на 60-процентную поддержку большевиков, а в Либаве она еще больше»³. В Германии опасались, что наступление советских войск может привести к успеху, при чем, по мнению фон дер Гольца, «победа русских большевиков на восточной германской границе привела бы к развязыванию и так угрожавшей ей (Германии. — А. III.) тогда второй революции»⁴.

Сторонники латвийской независимости лихорадочно формировали собственные войска, но явно запаздывали. 5 января был создан батальон, который 29 января контратаковал красных в Скрунде. Состоял он из балтийских немцев, русских и латышей. Латышские силы

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 467. Л. 129.

² Латышские стрелки в борьбе за советскую Латвию. Воспоминания и документы. С. 305.

³ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 134, 136.

⁴ Там же. С. 154.

в Лифляндии (Северолатвийская бригада) подчинялись командованию Эстонии. Однако собственно латышские антисоветские формирования были пока очень слабы.

Немецкие войска заняли Виндавскую линию, надеясь остановить здесь красных на подступах к Германии, которая также стояла на пороге гражданской войны. Но удержать Виндаву германская «Железная дивизия» не смогла.

Положение белых спасла переброска в регион германских войск. 1 февраля командовать 6-м резервным корпусом был назначен генерал-майор фон дер Гольц, уже справившийся год назад с революцией в Финляндии. Он получил в свое распоряжение 1-ю резервную дивизию. Гольц вспоминал: «Первоначально назначенный для обороны Восточной Пруссии, я стал все более связывать свою миссию с обеспечением более крупной задачи обеспечения будущего находящегося в большой опасности германства»¹. Германство (по мысли Гольца) должно было компенсировать горечь поражения на западе продвижением на восток — сначала в Прибалтику, а потом и дальше: «Почему должно быть запрещено прежде всего экономическое и политическое сближение с будущей Россией? С Россией, после того, как ее собственная интеллигенция была вырезана, испытывала острую потребность в немецких купцах, техниках, руководителях, чьи опустошенные, покинутые населением окраинные провинции требовали для своих плодородных почв усердного немецкого крестьянина?»² Какая идиллия: отдать землю немецким крестьянам, а управление — немецкой «интеллигенции». Правда, условием для этого является уничтожение российской и прибалтийской интеллигенции (вовсе еще «недорезанной») и изгнание с земли местных крестьян. Стремление Латвии к независимости Гольц считал «неестественным»³ и действовал соответственно. Аппетит немецкого офицерства распространялся и на Литву: «Мы говорили о том, что эти богатые, широкие просторы могли бы прокормить еще многих поселенцев и прокормят, если те захотят исполнить свой долг. Здесь не хватало усердного, аккуратного, опрятного немецкого крестьянина и прусского ландрата, строящего дороги и поддерживающего трудолюбие жителей государственными средствами»⁴.

Фон дер Гольц получил под свое командование 30–40 тыс. солдат⁵: 1-я резервная дивизия, «Железная дивизия» и ландесвер, а также русские белогвардейцы и латыши. Часть этих сил находилась в тылу.

¹ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 135.

² Там же.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 165.

Князь Ливен считает, что на фронте у белых было менее 10 тыс. солдат¹ (по другим данным, 13 500)². В целом в Курляндии и Северной Литве действовало более 7800 бойцов Красной армии³. Но на фронте в начале марта Курляндская группа АСЛ держала 1829 штыков, 285 сабель при 12 орудиях и 48 пулеметах⁴. Различия в оценках численности связаны с тем, что на фронте находилась только часть личного состава, обычно меньшая.

Германские дивизии и ландесвер перешли в наступление и 12 февраля взяли Кулдигу (Гольдинген) и 24 февраля Виндаву. «Белые» латыши в этих боях не участвовали⁵. Анатолий Ливен так описал бои за Виндаву: «Подпустив наступавших на версту к городу, красные открыли из предместья беспорядочную стрельбу из винтовок и пулеметов. Красные укрывались за заборами и в домах. При наступлении пришлось орудийным огнем и пулеметами очищать дом за домом, но красные, не имевшие в своем распоряжении артиллерии, защищаться долго не могли, и предпочли покинуть город в северном направлении, куда рота полковника Клейста еще не успела дойти. В полдень мы были уже в центре города, и началась очистка его по кварталам от спрятавшихся по домам большевиков... При ландесвере находилась особая полицейская команда, которая производила чистку города. Ей может быть сделан упрек, что она чрезмерно злоупотребляла расстрелами, что, однако, легко объяснимо глубоким возмущением, охватившим всех при раскрытии невероятных зверств большевиков»⁶. По официальным данным, красный террор в Латвии унес около тысячи жизней⁷.

Хотя красные контратаковали, в Курляндии наметился перелом. 3 марта немцы и белые перешли реку Виндаву и развернули наступление на Митау. Командир полка капитан Карл фон Плеве вспоминал: «Пленных не брали. Большевики, попавшие в наши руки, поплатились жизнью. Они по большей части были в гражданском...»⁸ То есть расстреливали и военнопленных, и показавшихся большевиками гражданских. Немцы устраивали «реквизиционные» налеты на местное население⁹.

¹ Ливен А. Основание отряда. С. 35.

² История Латышских стрелков (1915–1920). С. 367.

³ Там же. С. 402.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 64.

⁵ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 149.

⁶ Ливен А. Основание отряда. С. 25–26.

⁷ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 115, 117, 125.

⁸ Плеве К. фон. В боях с большевиками. С. 53.

⁹ Ливен А. Основание отряда. С. 34.

14 марта Авен сообщал, что складывается «очень серьезное» положение под Митавой¹. 15 марта противник взяли Туккум. 18 марта, обойдя фронт красных, немцы взяли Митаву, подойдя к Риге на расстоянии дневного броска. Здесь фронт остановился.

Попытка красных отбить Митаву 20 марта не удалась. Одновременно немцы взяли Шавли в Северной Литве. Ситуация была настолько критической, что 23 марта советское командование обсуждало меры на случай падения Риги². Но 24 марта красные отбили Туккумс.

Сравнивая противостоящие войска, командир «Железной дивизии» Бишоф писал, что противник «упорен и коварен», его «младшие командиры свое дело знают. Атаки, повторяющиеся раз за разом невзирая на неудачи, позволяли сделать вывод, что и высшее командование обладает сильной волей... Раз за разом по итогам боев мы убеждались, что в решающий момент нашей сильной стороной является превосходство в лице хорошо обученных офицеров и унтер-офицеров, это и приводит нас к победе... У противника тоже были обученные и опытные бойцы; они храбро сражались, на каком бы посту ни оказались. Однако если им приходилось сдавать позицию, то офицеров, которые могли бы их собрать на следующем рубеже, чтобы предотвратить развал, грозящий при любом отступлении, не хватало. Уже царская армия страдала от этого недостатка, а уж советские войска и того больше. Их фронты были похожи на стекло, которое порой может выдержать удар, однако тут же рушится на всем протяжении, если только где-нибудь пробили дыру. Германский же фронт, напротив, был как сталь, а она может прогнуться, но не ломается, ведь гибкости ей придавали самостоятельные действия офицеров»³.

«Стратегические способности генерал-майора фон дер Гольца намного превосходили революционный пыл председателя Реввоенсовета армии республики Латвии Юлия Данишевского»⁴, — пишет историк Ю.Н. Жуков. Вообще-то советской армией командовали Авен и Славен, Данишевский же осуществлял политическое руководство. Его достижения по части «революционного пыла» корректно сравнивать не со способностями фон дер Гольца, а с равнодушием латышей к делу латвийской независимости. Никаких особенных стратегических способностей в этой кампании фон дер Гольц не

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 106.

² Там же. Д. 150. Л. 39.

³ Бишоф И. Последний фронт. С. 173.

⁴ Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. С. 281.

проявил. Он, пользуясь превосходством в силах, медленно шел на Ригу по прямой. А вот от советского командования эти способности действительно требовались, потому что АСЛ попала в крайне невыгодную стратегическую ситуацию — она была зажата в клещи между группировками противника, атаковавшими Советскую Латвию с севера и юга. Над АСЛ все время висел дамоклов меч окружения.

Сложилась ситуация «тришкиного кафтана», когда нужно было делить резервы между севером и югом. Начштаба 2-й латдивизии Карлис Шведе сетовал: «Вообще положение на Лифляндском фронте, как и на Курляндском, весьма серьезно, а резервов и свежих сил нам не присылают»¹. Но рассчитывать на резервы из-за пределов Латвии не приходилось — Советская республика сражалась на множестве фронтов.

«Надо иметь в виду, что март явился для РСФСР началом крайнего напряжения всех ее живых и материальных сил, отданных ею для двух главных театров — Восточного и Южного. Как на том, так и на другом начались решительные бои, почему Главное командование было стеснено в удалении дальнейших сил и средств на усиление Западного фронта»², — характеризуют ситуацию авторы обобщающего труда о Гражданской войне, советские военачальники Николай Какурин и Иоаким Вацетис.

Можно согласиться с латвийским историком И. Фелдманисом в том, что «главная роль в военных действиях этого времени принадлежала регулярным немецким частям»³. Без них у малочисленных формирований латышских «белых» не было никакого шанса противостоять красным латышам и тем более получить Ригу.

Отношения между правительством Улманиса и германским командованием портились. Улманис ставил на Антанту, Гольц играл свою игру. Он приостановил мобилизацию латышей в ландесвер под предлогом их большевистских настроений (что само по себе говорит о популярности Советской Латвии за ее пределами), отказывался передать латышам даже полицейскую власть в Либаве, арестовал латышского коменданта Митавы⁴.

Немцы предпочитали иметь более контролируемое правительство, которое обеспечит немецкие интересы в регионе. 16 апреля они разоружили латышских солдат в Либаве, свергли правительство Улманиса (он бежал на пароходе «Саратов» под защиту фло-

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 113.

² Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 179.

³ История Латвии. XX век. С. 127.

⁴ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 163.

та Антанты) и заменили его марионеточным кабинетом Андриевса Ниедры. Переворот 16 апреля еще сильнее охладил латышей к участию в белом движении, и на этом этапе оно стало вполне немецким делом. Антисоветские силы в Курляндии насчитывали всего около 48 тыс. солдат и офицеров¹.

Красное дело было преимущественно латышским, хотя во 2-й дивизии латышских стрелков служили представители всех национальностей Латвии. В середине мая в АСЛ было 26 480 штыков и 1867 сабель, а всего — 45 317 военнослужащих (то есть штыки и сабли в АСЛ, как и в соседних армиях РККА, составляли немногим более половины военнослужащих)².

Уровень дезертирства был невелик. Так, из 1-го латполка к 15 мая дезертировало 10 стрелков³. Они пользовались случаем, чтобы посетить родню, раз уж судьба забросила их в родные края. За эти самовольные отлучки стрелков наказывали, но не строго. Так, например, за отлучку к родственникам из караула двух красноармейцев Ревтрибунал приговорил к двум годам условно⁴.

В приказе от 13 мая по 1-й латдивизии говорилось о бойцах 11-го латполка, арестовавших своего сослуживца Н. Никласа, который, «находясь на передовых позициях, уговаривал солдат-граждан... организовать массовый переход при полном вооружении на сторону белых»⁵.

Нарастали трудности в снабжении. Бесплатно обмундирование выдавалось только красноармейцам, но оно считалось казенным, и стрелки отвечали за его утерю и порчу. Комсостав и работники хозяйств получали обмундирование за плату⁶. При этом в приказе РВС Латвии от 4 мая говорилось: «В городе Двинске на базарах и толкучках происходит преступная продажа и покупка казенных обмундирования и вещей, как то: сапог, подметок, белья и т. д.». Приказы-валось разъяснить красноармейцам, что «впредь каждый красноармеец, замеченный в продаже казенных вещей, будет немедленно арестовываться и предаваться Революционному трибуналу, причем мера наказания к нему будет применена наивысшая — расстрел»⁷.

В АССР проводилась в целом типичная для коммунистов того времени политика «военного коммунизма», хотя и с некоторыми

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 125.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 343.

³ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 26. Л. 101.

⁴ Там же. Л. 99.

⁵ Там же. Л. 113.

⁶ Там же. Л. 105.

⁷ Там же. Л. 104.

особенностями. Важнейшей особенностью латвийской модели «военного коммунизма» была враждебность к немецкой элите. 25 апреля Стучка подписал Декрет «О лицах, принадлежащих к родам прибалтийского дворянства в Латвии», который предполагал высылку подавляющего большинства из них из страны после окончания военных действий¹. Это обещание преследовало задачу еще больше укрепить авторитет советского правительства среди латышей.

9 апреля 1919 г. был создан Совет снабжения во главе с Ото Карклинем. В декрете о создании Совета говорилось: «Все приказы и распоряжения Совета снабжения республики Латвия исполняются беспрекословно и без всякого промедления, и за малейший тормоз и замедление, с чьей бы это стороны ни было, виновные несут личную ответственность», — включая отстранение любых должностных лиц и предание их суду. Совет напрямую подчинялся правительству².

Хотя, как показали бои за Ригу, у Советской Латвии было немало внутренних противников, вероятность свержения режима изнутри была не слишком серьезной: в Латвии не проходило крупных анти-советских восстаний, столь характерных для истории Гражданской войны в других регионах. Правда, в тылу действовали отряды «зеленых» (по несколько десятков человек), но стрелки отбивались от них без большого труда³.

А с фронта поступали тревожные сигналы. Еще в феврале командир 4-го латполка жаловался: «Стрелки так измучены, что не в состоянии выполнять свои прямые обязанности». Они три недели находились в окопах без смены. Это приводило к взрывам неповиновения. Получив приказ о выходе на позиции, 9-я рота отказалась и «собиралась перестрелять командный состав и тех, которые пойдут с командирами... Теперь люди так обезумели, что не дают ни малейшего отчета своим поступкам». Потом, правда, стрелки успокоились и повиновились. Но саботаж приказов командования в полку продолжался⁴.

15 февраля 9-й латполк отказался выступить на указанный участок⁵. 5 мая 3-я рота 9-го латполка при обстреле ее позиций «целиком разбежалась, в роте осталось 15 человек. 4 рота того же полка отказалась стать на позиции и частью разбежалась. Дезертиры бродят по окрестным усадьбам, угрожая истребить комиссаров и комсостав»⁶.

¹ См.: Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. С. 280–281.

² РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 26. Л. 115.

³ Там же. Д. 130. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 150. Л. 7, 14, 17.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 139. Л. 52.

7-й полк был более надежен, но в мае во время боев под Залисбургом (Мазсалацей) его солдаты «неоднократно оставляли позиции и панически отступали без должного на то натиска противника»¹.

Особенно неустойчивы были новобранцы. Анализируя причины отступления 2-го батальона Рижского латполка, командир 2-й бригады докладывал: «Стрелки все очень молоды, от 16 до 19 лет. Физически большая их часть вовсе не подходит к службе на фронте. Обучены мало, внутренней спайки нет. Не усвоено понятие о дисциплине»².

Но армия остро нуждалась в пополнении. В честь 1 мая была объявлена амнистия осужденным представителям трудящихся классов с одновременным зачислением в армию освобожденных преступников призывных возрастов³.

Свежих частей не было, командование в отчаянии перебрасывало солдат с юга на север и обратно, не зная, где последует следующий удар. 14 мая последовал приказ отправить с Лифляндского фронта 11-й полк в Ригу, но затем руководство передумало и отправило его в Двинск⁴, где можно было ожидать наступления поляков. Возможно, если бы полк все же прибыл в Ригу, это помогло бы избежать катастрофы 22 мая, но тогда она могла наступить позднее на другом участке фронта.

К 15 мая на Лифляндском фронте у красных было 7497 штыков и 414 сабель, а на Курляндском фронте — 7073 штыка и 618 сабель⁵, но они были разбросаны от моря до Литвы.

22 мая 2-я латышская дивизия наступала на Бауск, то есть в южном направлении. Но затем по 10-му и 16-му полкам был нанесен сильный контрудар с применением бронепоезда и бронемашин. «Белые» прорвали фронт. Не выдержал и 3-й полк. «Во время боя по полученным сведениям две роты бросили оружие, подняли руки вверх, но были переколоты немцами»⁶. «Высланный из Риги для восстановления положения запасной батальон на станции Олаи разбежался»⁷. И это были последние резервы. Началась рижская катастрофа Армии Советской Латвии.

Для нового наступления германское командование сконцентрировало около 6 тыс. солдат и офицеров⁸. Ставилась задача разбить

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 150. Л. 89.

² Там же. Л. 90.

³ Там же. Д. 26. Л. 97.

⁴ Там же. Д. 150. Л. 102, 109.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 340–341.

⁶ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 173 об.

⁷ Там же. Д. 139. Л. 111 об.

⁸ Бишоф И. Последний фронт. С. 174.

красных до полосы болот, через которую можно было двигаться только по трем дорогам. В ночь на 22 мая завязался бой у Кальнецема, в центре фронта, прикрывавшего Ригу. Здесь у «белых» был плацдарм на северном берегу реки Курляндская Аа. Накануне, 19 мая, красные уже атаковали его, но «белый» латышско-русский отряд удержал плацдарм, после чего на нем сосредоточился немецкий ударный отряд барона Ганса Цеге-фон-Мантейфеля (того самого лейтенанта, что сверг Улманиса)¹. Другой плацдарм немцы имели перед Митавой. С них они начали свой бросок к Риге.

Пока основные силы возились с противостоящими им латышскими стрелками, вдоль южного берега озера Бабит группа ландесвера лейтенанта Цеге-фон-Мантейфеля прорвалась по гатям через болота, пройдя около 30 км к самой Даугаве, за которой располагалась Рига. В этой колонне находились два орудия и несколько кавалеристов. Захватив мост, они прорвались в Ригу в сторону Цитадели, распространяя панику. В Цитадели немцам удалось выпустить часть заключенных. Но небольшой отряд оказался под перекрестным обстрелом из домов, и барон Цеге-фон-Мантейфель был убит. Затем подоспела более крупная и мобильная германская группировка — на повозках с пулеметами и броневиках². Выбравшиеся из города стрелки докладывали о событиях этого дня: «Противник частями конницы и мотоциклистов по калнциемской дороге ворвался в город Ригу. На улицах идет бой. Высланный коммунистический отряд встретился с противником на мосту через Двину и был сбит»³.

«В Риге шел страшный бой на улицах, и наши отступающие части были обстреляны со всех сторон и с крыш домов, и из окон бросали бутылками, кирпичами и чем попало»⁴. «Организованными отрядами коммунистов и учениками военной школы распространение неприятеля задерживалось на Александровской и Ревельской улице. На улицах были вырыты окопы, устроены баррикады. Противнику помогали местные белогвардейцы, обстреливая и бросая из окон гранаты, кирпичи, чем навели панику на наступающие через город обозы и мелкие части. Части, дравшиеся на улицах Риги, тоже поддались панике и начали отходить»⁵.

Советская артиллерия подверглись авианалету, при котором погибло и разбежалось около 90 человек⁶. Одни солдаты бросали

¹ Дыдоров К.И. Освобождение Риги от большевиков 22 мая 1919 г. // Белая борьба на Северо-Западе России. С. 86.

² Бишоф Й. Последний фронт. С. 177–178.

³ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 139. Л. 111 об.

⁴ Там же. Д. 91. Л. 174 об.

⁵ Там же. Д. 139. Л. 136 об.

⁶ Там же. Д. 91. Л. 174.

оружие и артиллерию, другие подбирали их и вывозили из города. До прихода белых удалось вывезти уже загруженные эшелоны¹. Правительство Советской Латвии успело покинуть Ригу до падения города.

Отброшенные из Риги красные части попытались закрепить-ся под Икскюлем и в районе озера Кили. 22 мая частям 1-й дивизии в Лифляндии поступило указание искать возможности для «обратного занятия Риги»². Командование потребовало перебросить под Ригу имеющиеся резервы. Но достаточных резервов уже не было.

Красные могли лишь устраивать засады, чтобы сдерживать преследование, как 24 мая под Роденпойсом. Русские белогвардейцы, лишенные немецкой осмотрительности, бросились вслед за отходящими из Риги латышскими стрелками: «Мы были уверены, что поход превратится в веселую поездку да, пожалуй, в легкую перестрелку и ловлю бегущих красных»³, — вспоминал барон Николай Будберг. Но латышские стрелки, несмотря на поражение, не разучились воевать: «Красные открыли неожиданно по нашей колонне сильный пулеметный и ружейный огонь с близкой дистанции. Конница, неся потери, смешалась и отошла. Оба орудия, снявшись с передков и стоя друг другу в затылок, несмотря на невозможные для артиллерийской стрельбы условия и убийственный огонь противника, открыли по нему сильный огонь. Многие снаряды, задевая за толстые деревья, рвались у самых орудий или у нашей цепи. Противник начал нас обходить справа и слева... Огонь батарейного пулемета ликвидировал огонь справа. Огонь слева был ликвидирован огнем орудий... Красные, не зная наших сил, спешно переправились через Аа Лифляндскую и сожгли за собой мост... Отряд отошел на 1 км и занял позицию у имения Холленсгорф... На позиции батареи тяжело ранен начальник отряда светлейший князь Ливен и его адъютант Зайберлих и убит командир эскадрона ротмистр Родзевич»⁴. Этот успех красных не мог переломить ситуацию — вскоре подошли немцы и продолжили свое неторопливое продвижение на север.

Председатель РВС Латвии Юлий Данишевский взывал к советскому командованию в Лифляндии: «Передайте коммунистическим организациям, чтобы призвали под ружье всех коммунистов и рабочих, организовали отряды для охраны вашего тыла, и если будет воз-

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 174.

² Там же. Л. 160.

³ Будберг Н. Бой под Роденпойсом у Риги и ранение светлейшего князя Ливена (из памятной книжки участника) // Белая борьба на Северо-Западе России. С. 89.

⁴ Зауэр фон. Дневник военных действий 1-й батареи 5-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона // Белая борьба на Северо-Западе России. С. 82–83.

можность — отправились в Ригу на помощь рижским рабочим»¹. Но обстановка была уже не лучшей для новых мобилизаций.

Части Лифляндской и Курляндской групп при отступлении перемешались, штабы с трудом устанавливали связь со своими войсками и обнаруживали, что они изрядно поределели не столько от боевых потерь, сколько от дезертирства. Падение Риги обескуражило латышских стрелков, деморализовало их и для многих стало сигналом к прекращению борьбы. Как сообщал Шведе, 1-й латполк «сильно деморализован, продает оружие». В полку осталось 35 человек². Когда 1-й полк, отрезанный падением Риги, получил приказ переправиться на другой берег Даугавы, «часть стрелков этого полка переправиться отказалась и разошлась. Значительная часть переправившихся вброд стрелков побросала оружие и тоже разошлась по домам». В полку осталось 270 штыков³. В 10-м полку, отошедшему к Икскюлю, осталось 100 штыков⁴. Эти части были деморализованы.

После известия о падении Риги Лифляндский фронт тоже был деморализован и мог развалиться в любой момент. Как сообщал штаб дивизии, по состоянию на 24–25 мая «11 латполк отступает в беспорядке... 11 латполк, сильно деморализованный, без натиска со стороны противника отошел в район мызы Кейзен... На участке 3 бригады 11 латполк разбежался за исключением 200 красноармейцев и комсостава, обнажив таким образом правый фланг 9 латполку»⁵. Две роты 4-го полка «отчасти разбежались, отчасти перешли к белым»⁶. Это притом что на 15 мая в 11-м полку было 754 штыка и 30 сабель, а в 9 полку — 930 штыков и 42 сабли⁷.

1 июня комдив Антон Мартусевич докладывал Данишевскому: «Ряды в полках поределели наполовину, а в некоторых и больше. 11 латполк не существует как боевая единица, оставшихся стрелков к активным действиям считаем неспособными»⁸.

В начале июня на сторону белых перешел командир 2-го батальона и командиры двух рот из 4-го латполка со своими солдатами. «От указанных частей остались лишь обоз, пулеметная команда и несколько красноармейцев»⁹. А ведь в середине мая в 4-м полку было 1347 штыков¹⁰.

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 163.

² Там же. Л. 177.

³ Там же. Д. 139. Л. 137.

⁴ Там же. Л. 138.

⁵ Там же. Д. 128. Л. 29, 41.

⁶ Там же. Д. 91. Л. 202 об., 208.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 320.

⁸ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 202.

⁹ Там же. Д. 128. Л. 43.

¹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 340.

2 июня Карлис Шведе требовал от РВС Латвии «как неизбежность для сохранения того, что сегодня еще имеем, отвести части Лифляндско-Курляндской группы на линию южная оконечность озера Любань и Ливенгоф, что на правом берегу Западной Двины, чтобы потом не было поздно»¹. Штаб армии дал разрешение на отход, но с условием: «Имейте в виду, что эта линия последняя, больше отхода быть не может. Части армии должны прочно закрепиться на ней и дать отпор противнику до прибытия свежих резервов по приказу Революционного военного совета армии»². На этом рубеже линия фронта стабилизировалась и простояла до января 1920 г. Правительство Латвийской ССР переехало в Режицу (Резекне).

В приказе по войскам Армии Советской Латвии 3 июня 1919 г. говорилось: «Первое: всеми средствами и мерами восстановить порядок в отходящих частях и боеспособность их, произведя коренную чистку в частях и выделив негодный и будирующий массы элемент; второе: всем комгруппам принять меры к тому, чтобы отход частей был планомерен»³.

1 июня 1919 г. был принят Декрет ВЦИК «Об объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». 7 июня Армия Советской Латвии вошла в состав РККА под номером 15. Численность полков армии была частично восстановлена и в середине июня колебалась в промежутке 341–1400 штыков⁴. Часть бойцов, потерявшихся при отступлении, вернулась в строй. В Лифляндско-Курляндской группе (основные силы АСЛ) было 6522 штыка и 699 сабель, а всего — 14787 человек⁵.

Стрелки, отступившие на восток, могли надеяться на новый прилив мировой революции, который вернет их домой или вознесет на вершины нового красного мегагосударства — отчасти реинкарнации Российской империи, в которой они родились. Но падение Риги стало серьезным ударом по советскому наступлению на запад и знаменовало собой его окончание в 1919 г. Пока Рига была у красных, можно было бороться также за Ревель и Каунас, а там, глядишь, и прощупать штыком Германию, помогая спартаковцам. Помимо военной фортуны у этого стратегического поражения были объективные причины. Москве заметно становилось не до Запада. Силы нужно было бросать на внутрироссийские фронты. Советская Бавария

¹ РГВА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 91. Л. 197.

² Там же.

³ Там же. Д. 41. Л. 64.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 59. Л. 399–400.

⁵ Там же. Л. 401.

была подавлена, вскоре настанет черед и Советской Венгрии. Москва поворачивалась лицом к Востоку.

Национальные республики и белые армии

Серьезных сражений между латвийскими «красными» и «белыми» во второй половине 1919 г. не было. Обеим сторонам стало не до того. На Москву наступал Деникин, и часть латышских стрелков была переброшена на Южный фронт. А на территории Латвии развернулась война между победителями большевиков.

Конфликт с германским командованием для Улманиса и его коллег стал счастливой возможностью отмежеваться от «грешного альянса», который помог спастись в начале 1919 г., но скомпрометировал дело латвийской независимости. Теперь можно было с чистого листа начинать борьбу против германской агрессии. Сил по-прежнему было маловато, но, как раньше Улманис опирался на немецкие штыки, теперь можно было опереться на Антанту и эстонскую военную помощь.

А после первого успеха в этом деле Латвийская демократическая республика могла заручиться и поддержкой бывших латышских стрелков, которые в конце мая — начале июня воткнули штык в землю, но к осени успели отдохнуть и готовы были с новыми силами бороться против немецкой угрозы, за родину, которая будет теперь жить отдельно от России, но главное — чтобы без немецкого засилья.

Утвердившиеся в Риге немцы вели себя так, что, даже по признанию фон дер Гольца, «весьма сильно повредили репутации Железной дивизии в глазах Риги, да и всего мира». Назначенный губернатором Риги командующий ландесвером майор Флетчер развернул «судебные процессы над многочисленными большевистскими пленными», результаты которых из-за их жестокости «вызывали бессмысленную ненависть населения и комиссий Антанты...»¹.

Тем временем усиливались противоречия фон дер Гольца и Антанты. Ее представители настаивали на создании коалиционного правительства с участием сторонников Улманиса. Генерал это требование выполнять не собирался, и 4 мая Великобритания потребовала у Германии его отстранения от командования. Пока готовился штурм Риги, Гольц мог чувствовать себя уверенно, надеясь, что победителей не судят. Но именно победа над красными и приблизила его падение.

5 июня немецкие и эстонские войска вошли в соприкосновение под Венденом (Цесисом) и дали друг другу указание отойти. И, раз-

---

¹ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 201.

умеется, не подчинились. 5–8 июня между ними произошли вооруженные столкновения. Венден остался за немцами. 10 июня при посредничестве американского полковника Уорвика Грина было заключено перемирие.

Позиция Антанты заключалась в том, что вооруженные силы Германии должны покинуть Прибалтику сразу, как только исчезнет угроза вторжения в нее большевиков. Угроз исчезла — пора было уходить. В конце мая часть германских сил из Прибалтики была перебросена на запад против Польши¹. Антанта настаивала на отводе войск фон дер Гольца и обязательном отходе немцев из Северной Лифляндии. Однако ландесвер был объявлен частью латвийской армии, формально подчиненной Ниедре, а уже под его прикрытием действовали собственно германские силы. Гольц сосредоточил под Венденом 20-тысячную группировку против около 16 тыс. эстонцев и латышей, поддерживавших правительство Улманиса.

19–23 июня под Венденом и севернее реки Лифляндская Аа, куда прорвалась германская группировка Эвальда фон Клейста (будущего фельдмаршала), шло кровопролитное сражение, в котором победили эстонцы и латыши. Немцы попытались закрепиться под Ригой на линии старых окопов, но были выбиты и оттуда. 26 июня произошло вооруженное столкновение между латышскими и немецкими солдатами в Риге. Немцы одержали верх². 30 июня — 2 июля бои шли уже под Ригой. 3 июля было заключено соглашение, по которому немцы оставили Ригу. Еще раньше по требованию нового главы союзной миссии британского генерала Хьюберта Гофа немцы оставили Либаву и Виндаву.

В боях с немцами эстонцы потеряли убитыми и ранеными 1024 человека, а латыши — 129³.

Правительство Улманиса было восстановлено с приемом в его состав немецких представителей. 8 июля Улманис вернулся в Ригу. Ландесвер стал переходить под командование, назначенное правительством Улманиса и согласованное с Антантой. Эти войска нужны были для борьбы с Красной армией.

* * *

1 июля РККА перешла в контрнаступление под Петроградом и отбросила оттуда белых. 26 августа, после ухода эстонцев, красные взяли Псков.

¹ Плевел К. фон. В боях с большевиками. С. 59.

² Бишоф Й. Последний фронт. С. 186.

³ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 146.

Эстонцы отказывались от полномасштабного участия в военных действиях за пределами своей страны, во всяком случае, до того момента, как белое движение не признает независимость Эстонии. Юденич и тем более Колчак отказывались это делать. У заместителя начальника Военной миссии Великобритании генерала Фрэнка Марша возник план — создать местное белое русское правительство, которое сможет признать независимость Эстонии. 11 августа такое правительство было в аварийном порядке создано по требованию Марша. Обстоятельства создания нового «центра власти» выглядели как фарс.

10 августа Марш пригласил в британское консульство представителей союзных военных миссий и русских общественно-политических деятелей, действовавших в Ревеле, Пскове и Гельсингфорсе. Марш предложил собравшимся немедленно, «не выходя из этой комнаты», создать правительство Русской Северо-Западной области и тут же от его имени признать Эстонию, которая, в свою очередь, окажет поддержку в освобождении Петроградской, Псковской и Новгородской губерний. Если это предложение не будет принято, то союзники прекратят помощь белому движению в регионе.

Вскоре выяснилось, что у появившихся в консульстве эстонских представителей нет полномочий подписывать договор с новым Северо-Западным правительством. Русские политики воспользовались тайм-аутом, чтобы связаться с генералом Юденичем, находившимся на фронте. Юденич предложил без него ничего не предпринимать, но сам мог прибыть в Ревель только 12 августа. Однако Марш торопил и не собирался ждать Юденича. Изменился и текст документа, который предлагалось подписать новоиспеченному правительству. Теперь это был не договор с Эстонией (которая не готова была связывать себя такими договорами), а признание независимости Эстонии и просьба к ней о помощи. Те политики, которые согласились войти в правительство, подписали этот документ 11 августа. Видные деятели из окружения Юденича, Антон Карташев и Михаил Суворов, в правительство не вошли. Из заметных фигур посты заняли нефтепромышленник Степан Лианозов (председатель, министр финансов и иностранных дел), видный кадет Мануил Маргулиес (министр торговли, промышленности, снабжения и народного здоровья), бывший депутат Государственной думы Илья Евсеев (министр исповеданий и затем внутренних дел). В правительство вошли несколько местных неэстонских политиков, в том числе умеренные социалисты¹.

¹ Образование Северо-Западного правительства // Архив русской революции. Т. 1. М.: Терра, 1991; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Язус; Якорь, 2019. С. 769–770.

Сам генерал Юденич, хоть и считался военным министром, правительство «не жаловал», на его заседаниях был всего лишь дважды, ссылаясь на занятость на фронте. В своем первом заявлении от 11 августа 1919 г. правительство Северо-Западной области признало независимость Эстонии. В сентябре признали также Финляндию и Латвию. Но это никого не обмануло — было ясно, что в случае победы белых Верховный правитель не подтвердит решение этого эфемерного правительства.

* * *

Планируя поход на Петроград, Николай Юденич очень надеялся привлечь к нему Карла Густава Маннергейма — регента королевства Финляндия и победителя (правда, с решающей германской помощью) в Гражданской войне против «красных» в 1918 г.¹ Вторжение армии Финляндии стало бы для второй столицы большевиков серьезной военной проблемой и могло облегчить задачи Северо-Западной армии (СЗА), наступающей на Петроград по южному берегу Финского залива.

Уже выйдя в отставку, в октябре 1919 г. Маннергейм говорил: «Я стремился к созданию прочных основ для наших отношений с будущей Россией путем военных действий, имеющих целью освобождение столицы прежней России с территорией, достаточной для возможного восстановления прежнего единого Российского Правительства, дабы тем самым отеснить от нашей границы опасность большевизма и его неизбежного влияния»². Этот план, однако, натолкнулся на непреодолимое препятствие: «единое Российское Правительство» не собиралось признавать независимость Финляндии и таким образом оказывалось для этой независимости не меньшей опасностью, чем большевизм.

Маннергейм был регентом королевства, созданного немцами и потому доживавшего последние месяцы своего существования.

Выборы в парламент 1 марта 1919 г. оказались неудачными для правых сил: несмотря на поражение 1918 г., настроения населения оставались левыми, и поправевшие после поражения в Гражданской войне и бегства левого крыла социал-демократы получили 80 мест, что стало крупнейшей фракцией. Крупнейшая несоциалистическая фракция Аграрного союза насчитывала 42 депутата. В этой ситуации Маннергейм должен был сверять свои внешнеполитические планы с настроениями в стране.

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 290–296; Он же. 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2018. С. 107–110.

² Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920. Сборник документов. М.: НПК; РОССПЭН, 2017. С. 294.

После выборов 6 мая Финляндия получила признание Великобританией и США.

В ходе дебатов о конституции под давлением Маннергейма полномочия президента были расширены — он получил право распускать парламент. В этом отношении Маннергейм оказался политически более успешен, чем Юзеф Пилсудский. Однако по новой конституции президент не имел право самостоятельно объявлять войну. Историк А.Г. Прайсман сопровождает этот факт странным комментарием: «Предыдущая конституция Финляндии XVIII в. представляла ему такое право»¹. Непонятно, что имеется в виду под «конституцией Финляндии XVIII в.», но очевидно, что в этом веке в этой стране не было президента. Возможно, причиной недоразумения является неудачно переведенная фраза из известной биографии Маннергейма: «У него не будет права объявлять войну — права, которое он имел согласно конституции Густава III, принятой в 1780-м году»². Он — это глава государства не Финляндии, а Швеции, и не президент, а король. Может быть, прецедент шведского короля и мог определять стремления финляндского регента Маннергейма, но вряд ли он мог быть аргументом для создателей республиканской конституции.

Маннергейм был не против поучаствовать в наступлении на Петроград, но он понимал, что финны не согласятся на это просто так, из любви к Российской империи, которая может потом снова поглотить их государство. Нужно было предложить стране какую-то выгоду. Маннергейм давал понять Антанте, что Финляндия будет готова участвовать в войне против большевизма, если союзники окажут помощь средствами (10 млн фунтов стерлингов), современным вооружением (которое поможет модернизировать армию) и продовольствием для освобожденного Петрограда. Политические требования включали помимо безусловного признания независимости Финляндии референдум в Восточной Карелии о ее присоединении к Финляндии³.

В июне 1919 г. союзники сообщали Финляндии, что не против, если она будет вести военные действия. Но они не были готовы их финансировать, а без такой поддержки уже финляндская элита не желала ввязываться в рискованное столкновение с Россией, которое могло привести к фактическому аннулированию независимости.

Пока Верховный правитель России адмирал Александр Колчак не признавал политических требований, а Антанта не спешила с во-

¹ Прайсман А.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 298.

² Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 126.

³ Там же. С. 124.

енной помощью, Финляндия не вела войну с Советской Россией сама, но не отказывала в поддержке желающим прощупать большевиков штыком в Карелии, которую в случае успеха можно было бы «воссоединить» с Финляндией.

21 апреля на территорию Олонецкой губернии с территории Финляндии вторглась Олонецкая добровольческая армия. 22 апреля она заняла Олонец. 2 мая границу пересек отряд финляндских добровольцев. 6 мая красные вернули Олонец. Добровольцы закрепились к северу от города.

В ноте правительству Финляндии 9 мая (советское руководство делало вид, будто с Финляндией действуют дипломатические отношения) народный комиссар по иностранным делам Георгий Чичерин протестовал против расстрелов в Олонецкой губернии около 200 красноармейцев и мирных граждан белогвардейцами, вместе с которыми действуют финляндские войска. Вскоре Маннергейм заявил в сейме, что добровольцы направляются в Карелию с согласия правительства. Финны участвовали и в наступлении белых на Петроград в это время¹.

27 июня советские войска отбили у противника Видлицу, после чего образовалась линия фронта, примерно совпадающая с последующей советско-финляндской границей.

По мнению А.Г. Прайсмана, в 1918–1919 гг. «большинство карел продолжали ориентироваться на Финляндию»². Из чего это следует — непонятно. Референдум по этому поводу в регионе не проводился. Карелы были политически расколоты, как и жители других регионов распадающегося государства. И судьбу регионов и народов решала вооруженная сила и выступления активных массовых групп, которые сами по себе не составляли большинства жителей.

Командующий Северной армией белых генерал Евгений Миллер выразил неудовольствие по поводу наступления Олонецкой армии, считая его угрозой целостности России. Осенью Миллер сменил гнев на милость, понимая, что после эвакуации интервентов Финляндия остается в регионе единственным союзником против большевиков. Но Маннергейм объяснил представителю Миллера генералу Владимиру Марушевскому, что Финляндия не будет помогать белому движению, пока оно ясно не признает независимость Финляндии. А на это белые генералы идти не собирались. 23 июня Колчак призвал Маннергейма к походу на Петроград, но без упоминания независимости Финляндии³.

¹ Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920. Сборник документов. С. 286–287.

² Прайсман А.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. С. 303.

³ Там же. С. 303–304, 308.

Юденич обсуждал с Марушевским проект соглашения с Финляндией, который должен был заинтересовать Маннергейма в походе на Петроград, он включал: признание независимости Финляндии, уступку территории Печенги для выхода Финляндии к Северному Ледовитому океану, референдум о территориальной принадлежности в Карелии, свободное плавание в Финском заливе¹. В июне 1919 г. Марушевский обсуждал эти положения с Маннергеймом, но подчеркивал, что у него нет достаточных полномочий для их утверждения. Маннергейм отвечал, что для похода на Петроград он должен иметь какую-то компенсацию «в руках»². Суть этой игры заключалась в том, что Юденич и Марушевский пытались соблазнить Финляндию широкими обещаниями уступок, но не предоставлять их на практике до похода на Петроград. А после похода можно будет и забрать обещания назад. Адмирал Колчак как глава белой России утверждать эти уступки не собирался³. Принципиальная неуступчивость руководства белого движения делала бесперспективными попытки убедить большинство парламента Финляндии санкционировать поход на Петроград.

10 июля принятая парламентом конституция была представлена Маннергейму. Он взял тайм-аут и стал обсуждать выдвинутый правыми радикалами («активистами») план отказа одобренной парламентом конституции под предлогом войны (которую он еще пока мог начать как регент). Но Маннергейм не хотел идти на такую войну без поддержки Антанты. А союзники не желали помогать бывшему немецкому ставленнику, отстранившему от власти избранный парламент. Лидеры правых партий приняли участие в обсуждении и отклонили такую авантюру, чреватую расколом общества. После этого Маннергейм заявил: «Что ж, в таком случае я иду утверждать новую форму правления. Солдату без поддержки политической партии в политике делать нечего»⁴.

Правота этих слов подтвердится через десять дней. Конституция подписана 17 июля, а 26 июля 1919 г. Маннергейм проиграл выборы Карло Стольбергу, который ни с кем воевать не собирался. Стало ясно, что Финляндия берет курс на мир, но подождет, как будут развиваться бои вокруг Петрограда без ее участия.

¹ *Марушевский В.В.* Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. С. 208.

² Там же. С. 215–216.

³ Там же. С. 229.

⁴ *Мефи В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. С. 126–127; *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995. М.: Весь Мир, 1998. С. 138–139.

27 октября, накануне роспуска Северо-Западного правительства, его министр иностранных дел Маргулиес сообщал председателю Лиа-нозову о ходе переговоров с министром иностранных дел Финляндии Рудольфом Холсти и его коллегами, где они объясняли, что «не верят будущим диктаторам и предпочитают сохранить свои войска для того, чтобы отбиваться от будущих, неизбежных, по их мнению, посягательств на их свободу со стороны белых генералов»¹. 5 ноября финны официально отказали в помощи Юденичу, объясняя это, в частности, «отсутствием гарантии держав, что будущее Российское правительство признает независимость Финляндии и выполнит остальные поставленные ею условия»². Ленин был очень доволен и даже назвал позицию прибалтийских стран «дружественным нейтралитетом»³.

В октябре 20-тысячная Северо-Западная армия двинулась на Петроград и дошла до Пулковских высот. Петроград находился в пределах видимости. При известном везении можно было даже ворваться в столицу Российской империи. Но шансов взять и удержать огромный город такими силами не было. 22 октября красные перешли в контрнаступление.

Последовавшее затем крушение белого похода на Петроград привело к интернированию Северо-Западной армии в Эстонии, ее роспуску 22 января 1920 г. и поставило в повестку дня мирные переговоры Советской России и Эстонии.

* * *

После установления власти правительства Улманиса в Латвии Ниедра уже не мог быть прикрытием пребывания германских вооруженных сил в регионе. Положение немцев казалось пессимистичным — или возвращаться в Германию на расформирование, или оставаться с Латвии в качестве простых жителей с неопределенными перспективами гражданства. 5 августа уже Германия под давлением Антанты потребовала эвакуации войск фон дер Гольца.

Но тут для них забрезжила новая надежда. Прибывший 12 июня в Митаву полковник Павел Бермондт был германофилом. Он сформировал в Германии из российских военнопленных 3-тысячный «Партизанский отряд имени графа Келлера» и теперь готовился выступить на фронт против красных. Вскоре Бермондту предстояло обеспечить российскую «крышу» для немецкого присутствия.

¹ Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920. Сборник документов. С. 295.

² Там же. С. 297.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 397.

Бермондт, который именовался также Авалов или Бермондт-Авалов (он утверждал, что был усыновлен князем Михаилом Аваловым), был монархистом и солдафоном, любившим приговаривать, если ему что-то не нравилось: «Буду бить в морду, как в бубен»¹. Обычно Бермондт получает у историков крайне нелестные характеристики, например: «человек явно авантюристического склада, П.Р. Бермондт, выдвинувшийся благодаря своей политической беспринципности»². У Бермондта было множество недостатков, но, похоже, беспринципность к их числу не относилась. Ему даже мешало нежелание скрывать свой яркий монархизм, имперство и германофильство. Бермондт мечтал о союзе Германии и восстановленной Российской империи. Независимости стран Прибалтики он не признавал: «Все мы, солдаты и офицеры, высаживались здесь, в Латвии, как на родной земле, ибо каждый из нас видел, что раньше или позже все эти мелкие новообразовавшиеся “государства” будут воссоединены с великой Россией». Явившись к фон дер Гольцу, Бермондт заявил, «что “участие германских солдат” в моем отряде необходимо»³. Это сделало Бермондта фаворитом самой мощной военной силы в Курляндии. Его отряд благодаря немцам стал расти как на дрожжах.

Еще 17 мая на совещании в Берлине руководители белых формирований в Латвии согласились подчиниться полковнику Ливену как командующему Западным добровольческим корпусом, который затем формально вошел в состав Северо-Западной армии. После ранения князя Ливена отряды Бермондта и полковника Евгения Вырголича стали действовать вполне самостоятельно. 18 июля Юденич, надеясь усилить свою армию за счет белых формирований, находящихся в Латвии, собрать все силы в один кулак, приказал корпусу Ливена передислоцироваться в Эстляндию для наступления на Петроград. Отряд Ливена в 2 тыс. бойцов подчинился этому решению и на кораблях Антанты был переброшен в Эстонию. А Бермондт и Вырголич со своими почти 4 тыс. остались в Курляндии.

23 июля французский представитель обсуждал с Бермондтом перспективу переправки его сил в Эстонию. Он не отказывался, но требовал предоставить ему возможность пройти сухим путем⁴. Суть разногласия была проста: на корабли могли посадить только русских белогвардейцев, а по суше двинулась бы русско-германская армия, что

¹ *Бермондт-Авалов П.Р.* В борьбе с большевизмом. М.: Вече, 2017. С. 138, 170.

² *Чапенко А.А.* Русское антибольшевистское движение на территории Латвии в период Гражданской войны в России: 1918–1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Мурманск: МГПУ, 2002. С. 170.

³ *Бермондт-Авалов П.Р.* В борьбе с большевизмом. С. 140.

⁴ Там же. С. 147–148.

для латвийского и эстонского правительств было совершенно исключено. Выдвижение русско-германских войск на фронт против красных в Прибалтике означало бы, что тылы этой белой армии будут располагаться на территории государств, которые она не признает. Проход Бермондта через Ригу был для Улманиса и Пятса неприемлем. Чтобы как-то успокоить латышей, Бермондт выпустил воззвание, в котором говорилось: «Русские войска, собирающиеся в Латвии, находятся по дороге на Родину». Но «по дороге на Родину» русские войска собирались помочь «создать в Латвии порядок и спокойствие»¹. Это притом что после отступления из региона красных «спокойствию» установившихся здесь режимов угрожали как раз немцы.

Воевавшие против красных латышских стрелков и теперь не получившие земли немцы возмущались и 27 июля направили латвийскому правительству ходатайство о подтверждении обещания 29 декабря 1918 г. В ответе правительства 2 августа говорилось, что 29 декабря был подписан не договор, а лишь «ни к чему не обязывающее заявление Улманиса, которое он тогда готов был предложить латвийскому правительству». Но тут же в противоречии с предыдущей версией документ сообщает, что «даже если бы этот договор и был заключен, то он лишен силы подписанием Версальского мира, ведь согласно последнему все договоры германского правительства на Востоке признаются аннулированными». А после содействия свержению правительства Улманиса германские войска «потеряли всякое право на удовлетворение и учет их пожеланий»². Отдельно упоминалось, что немецкие помещики тоже не имеют право на землю, которая перешла в собственность государства.

Теперь получить «свое» бойцы германских формирований могли только силой оружия. 23 августа планировалась отправка первого эшелона эвакуированных в Германию, но майор Бишоф ее остановил. 24 августа он заявил: «Я, основываясь на пожеланиях войск, полагаю своим долгом выступить в защиту их прав... В связи с этим я запрещаю эвакуацию дивизии в Германию»³. Бишоф потребовал от германского правительства гарантий устройства своих солдат в Германии, а пока таких гарантий нет, планировал действовать в Прибалтике под прикрытием Бермондта. Солдаты устроили в Митаве вооруженное факельное шествие, а затем обыски в латвийской комендатуре и казарме, где разоружили солдат. Бермондт выступил перед этим шествием с приветственной речью⁴.

¹ *Бермондт-Авалов П.Р.* В борьбе с большевизмом. С. 152–153.

² Цит. по: *Плеве К. фон.* В боях с большевиками. С. 77.

³ Цит. по: *Бишоф Й.* Последний фронт. С. 288.

⁴ *Бермондт-Авалов П.Р.* В борьбе с большевизмом. С. 166–167.

21 августа Бермондт провозгласил, что принял на себя управление латвийской областью, что означало непризнание существования Латвийской республики. Эту его политику поддержал и командующий 2-го корпуса формируемой Западной добровольческой армии Вырголич. Бермондт переименовал свой отряд в «Западный добровольческий корпус имени графа Келлера», а Выголич свой отряд — во 2-й Западный корпус.

26 августа в Риге по инициативе миссии Антанты во главе с генералом Маршем состоялось совещание представителей всех антисоветских сил региона: Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Северо-Западной армии и формирующегося Западного корпуса Бермондта. На совещании согласовали маршруты предстоящего наступления против красных, которое должно было начаться 15 сентября. На севере, вдоль Балтики — эстонцы, южнее на Петроград — Северо-Западная армия Юденича. Предполагалось, что эстонцы могут дойти до Гатчины, но только они к этому не очень стремились. Ограниченные задачи ставили перед собой армии Латвии и Литвы — их интересовали Двинск и прилегающие территории, но в основном они ограничивались обороной¹. В этот период также остыл наступательный пыл польской армии, которая взяла Минск. Помогать белым просто так Пилсудский тоже не стремился. Так что со всей энергией наступление Юденича и Деникина мог поддержать только Бермондт, которому выделялся маршрут от Двинска далее на Великие Луки и Бологое — разрезая коммуникации между Петроградом и Москвой. Правда, выйти к Двинску можно было только через территорию Литвы. Союзники готовы были содействовать движению через Литву при условии устранения немцев из войск Бермондта².

Перед совещанием союзники передали Бермондту категорический приказ Юденича двигаться под Нарву, на что Бермондт ответил отказом³. Ведь с ним уже согласовывался поход через Двинск, суливший самостоятельность.

5 сентября, пытаясь сохранить управляемость подконтрольных Бермондту войск, Юденич назначил его командующим русскими силами на территории Курляндии и Литвы, которые Бермондт свел в Западную добровольческую армию (ЗДА). Юденич создание армии не признал и считал Бермондта командующим корпусом.

20 сентября Юденич через представителя союзников генерала Альфреда Берта снова прислал Бермондту приказ отказаться от продвижения на Двинск и с русской частью войск переправить-

¹ Бермондт-Авалов П.Р. В борьбе с большевизмом. С. 172.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 169.

ся в Нарву. Он мотивировал это тем, что германская граница перекрыта Антантой, поскольку есть угроза участия немцев в военных действиях¹. 26 сентября Юденич прибыл в Ригу, но Бермондт опасался явиться к нему, а Юденич опасался навестить Митаву и снова передал приказ о переправке в Нарву через офицера своего штаба полковника Плюсинга. На следующий день представитель ЗДА полковник Чесноков сделал доклад Юденичу, в котором обосновывал невозможность переброски под Нарву. По его утверждению, если исключить немцев «в составе 52 тысяч» и вернуть им вооружения и снаряжение, то армия фактически распадется². Фраза Чеснокова, цитируемая Бермондтом, звучит двусмысленно: 52 тыс. — это общая численность или число немцев в армии? Сам Бермондт оценивал общую численность в 55 тыс., то есть на русских оставалось 3 тыс. В другом месте своих мемуаров он оценивает численность русской части своей армии по-разному — то в 6–7 тыс.³ (то есть на долю немцев остается 48–49 тыс.), то при более подробной росписи 15 тыс. при боевом составе в 10 тыс. Численность «Железной дивизии» он оценивает в 18 тыс. (боевой состав 15 тыс.), Немецкого легиона — 12 тыс. (9 тыс. боевого состава), другие части — еще 6 тыс. Итого 51–52 тыс., из которых 40 тыс. немцев (то есть они служили не только в «Железной дивизии» и легионе)⁴. Историк А.А. Чапенко утверждает, что немцев в ЗДА было всего 25 тыс. при 7 тыс. русских, на фронте действовало всего 8600 бойцов⁵. Оценка этих цифр зависит от того, какую часть немецких сил считать входившей в ЗДА. В любом случае русская часть армии была фасадом немецкой группировки.

Аргументы представителя Бермондта не убедили Юденича, который прекрасно понимал, что Антанта не поддержит переход Латвии и части Литвы под контроль прогерманского военного формирования. 27 сентября Юденич издал приказ: «Сейчас же всем русским офицерам и солдатам выступить в Нарву под командою командующего корпусом и оправдать надежды нашей пострадавшей Родины»⁶. На это давалось 10 дней, то есть выполнение ожидалось 7 октября. Приказ был зачитан Плюсингом публично в Митаве.

Тем временем Вырголич устроил погром в Шяуляе (Шавли), разоружив 29 сентября литовский гарнизон. Западная армия по все-му не собиралась признавать существования новых независимых го-

¹ *Бермондт-Авалов П.Р.* В борьбе с большевизмом. С. 187.

² Там же. С. 188–190.

³ Там же. С. 195–196.

⁴ Там же. С. 223–225.

⁵ *Чапенко А.А.* История русского антибольшевистского движения на территории Латвии в 1918–1919. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 127–135.

⁶ *Бермондт-Авалов П.Р.* В борьбе с большевизмом. С. 192.

сударств и постепенно втягивалась в войну с ними, а не с красными. Противостояние с Литвой лишало Западную армию доступа к линии фронта с РСФСР.

По настоянию Антанты время от времени перекрывалась германская граница, что создавало трудности в снабжении группировки Бермондта. 26 сентября, подчиняясь решению Антанты, правительство Германии отозвало строптивного фон дер Гольца из Прибалтики, назначив командиром 6-го резервного корпуса генерал-лейтенанта Вальтера фон Эберхардта. 4 октября германское правительство отдало приказ германским войскам в Прибалтике немедленно приступить к эвакуации. Тогда фон дер Гольц передал с 6 октября командование над «Железной дивизией» и ландесвером Бермондту. Немцы теперь оказались как бы на русской службе.

5 октября командующий «Железной дивизией» Бишоф выпустил воззвание, в котором обрушился на Антанту и обещал помощь русским в освобождении от «подонков рода человеческого». Досталось и латышам с эстонцами, которых «англичане натравливают на нас»¹.

Получив в свое распоряжение (во всяком случае, ему так казалось) все эти войска, Бермондт ультимативно потребовал от латвийских властей пропустить его на фронт с красными, что означало превращение Риги в столицу его тыла. На это Улманис идти не собирался.

Силам ЗДА противостояли 39 тыс. бойцов латвийской армии, за спиной которой стояли победоносные эстонцы. Правда Латвия и Эстония еще не договорились о границе. Поэтому эстонцы пока в дело не вступали.

6 октября Бермондт создал Совет управления при командующем и провозгласил свою власть в Митаве и, соответственно, на всех территориях, занятых его армией. Майор Бишоф заявил: «Мы хотим, чтобы в краю, освобожденном нами, развивалось русское знамя»².

8 октября Бермондт двинул свои войска на Ригу, одновременно устанавливая контроль над Курляндией. Латыши учли ошибки большевиков и дали бой в болотах Тируль, которые хорошо знали. «Насквозь промокшим и продрогшим» атакующим войскам пришлось ночевать на холоде в болотах³. Но, как и в мае, пока шли бои в районе болот, одна из немецких колонн с юга вышла к левобережному пригороду Риги Торенсбергу. На этот раз с ходу прорываться в Ригу немцы не стали. Они были измотаны. К тому же Ригу было бы трудно удерживать, а так «белые» получили под свой контроль Курляндию, прикрывшись Даугавой (Западной Двиной).

¹ Бишоф Й. Последний фронт. С. 260–261.

² Бермондт-Авалов П.Р. В борьбе с большевизмом. С. 206.

³ Бишоф Й. Последний фронт. С. 264–265.

Узнав о выступлении Бермондта, 9 октября генерал Юденич объявил его изменником России.

Бермондт поднял мятеж против Версальской системы, открыто игнорируя указания представителей Антанты и лояльных им лидеров белого движения и новых прибалтийских государств. Теперь участие Бермондта в общей победе над большевиками было почти столь же опасно для создателей нового мирового порядка, как и успех большевиков. Ведь если в Москву и Петроград наряду с лояльными Версальской системе генералами войдет прогерманский имперец Бермондт, то с ним придется считаться и при определении будущего государственного строя России и ее политики. Ненавистная Германия получит в Москве и Петрограде влиятельного союзника.

Начав несанкционированный поход на Ригу, Бермондт не понимал, что уже обречен. Он был блокирован со стороны Германии, которая недавно подписала Версальский договор и не собиралась ссориться с Антантой из-за нескольких десятков тысяч прибалтийских немцев.

Латвийской армии пришлось перебрасывать войска с советского фронта. 14 октября они форсировали Даугаву в нижнем течении, но на следующий день были отбиты назад. Британская эскадра стала обстреливать войска Бермондта в Усть-Двинске. Получив поддержку боеприпасами и снаряжением от союзников, латвийская армия под прикрытием флота стала 20 октября обходить бермондтовцев по побережью. 10–11 ноября латыши отбросили противника от Риги. 11–12 ноября войска Бермондта отошли к Митаве.

Надеясь удержаться в Курляндии, германские войска под командованием Карла фон Плеве по приказу Бермондта 14 ноября начали штурм Либавы. Здесь немцы оказались под огнем британских кораблей. Когда немцы ворвались в город, британцы высадили десант, и здесь произошел последний на следующие 20 лет бой между германскими и британскими солдатами. Немцы не смогли овладеть городом¹.

17 ноября в Митаву прибыл Эберхард и принял командование Западной армией на себя — с единственной целью ее отвода. Авантюра Бермондта на этом закончилась. Но призыв к латышам остановить наступление остался проигнорированным. 22 ноября латвийская армия заняла Митаву. 1 декабря высшие чины армии попросили Бермондта принять чин генерал-майора. Растроганный экс-командарм принял этот подарок. 2 декабря при посредничестве представителей Антанты военные действия прекратились на условиях расформирования Западной армии. В начале декабря остатки русских войск были эвакуированы в Германию. Только 24 декабря Бермондт сложил с себя командование

---

¹ *Плеве К. фон.* В боях с большевиками. С. 87.

интернированными в Германии русскими частями. 16 декабря последние немецкие военнослужащие покинули территорию Прибалтики.

По мнению историка А.А. Чапенко, «эта борьба есть отражение стремления Германии восстановить свои позиции в регионе (и косвенным образом начать пересмотр итогов I мировой войны)... Слабость Германии перед лицом союзников, следствием чего стало прекращение снабжения войск Бермондта, и активная защита латышами суверенитета республики, обрекли этот замысел на неудачу... По-видимому, пример Латвии дает возможность утверждать, что российский большевизм не рассматривался в качестве главной угрозы ни для великих европейских держав, ни для государственных образований, формировавшихся на территории распавшейся империи. По сути, мы наблюдаем борьбу за контроль над обломками последней. Победившие в войне страны Антанты стремятся закрепить полученный успех, Германия делает первые шаги по ревизии ее итогов»¹.

Конфликт Бермондта с Латвийской республикой и ее союзниками, конечно, пошел на пользу большевикам. Появление немецко-русской группировки между фронтами Юденича и Деникина могло привести к крушению фронта Красной армии. Но еще опаснее положение Советской власти было бы в том случае, если бы не догма лидеров белого движения о недопустимости признания новых независимых государств. Большевики решительно признавали независимость, а затем по мере возможности восстанавливали контроль над ними с помощью установления национальных вариантов Советской власти. На этом фоне белое движение несло большую угрозу национальной идее, чем большевики, но большевики были большей угрозой социальным интересам имущественных и политических элит. Это различие заставляло национальные движения колебаться между двумя российскими угрозами и стремиться как можно скорее избавиться от обеих, не помогая окончательному разгрому Советской России.

* * *

3 января 1920 г. польско-латвийская группировка численностью более 28 тыс. бойцов нанесла поражение 9-тысячной 15-й армии (бывшей АСЛ) и взяла Двинск с окрестностями. 14 января было взято Пыталово, 21 января — Режица, 30 января — Зилупе. После этого у Латвии уже почти не было территориальных претензий к России (за исключением претензии на Дриссу).

¹ Чапенко А.А. Русское антибольшевистское движение на территории Латвии в период Гражданской войны в России: 1918–1919 гг. С. 172–174.

В августе НСЛ принял законы о выборах в Учредительное собрание и о гражданстве. Гражданство Латвии могли получить подданные Российской империи, проживавшие здесь в 1919 г. или до 1 августа 1914 г., и все, кто родился в Латвии. Это решение успокоительно подействовало на прибалтийских немцев. Латвийская республика создавалась как многоэтническое государство без национальных привилегий.

17–18 апреля 1920 г. на выборах в Учредительное собрание социал-демократы получили 38,7 %, Крестьянская партия 18 %, Крестьянская партия Латгалии — 11 %, около 10 % получили национальные меньшинства.

Учредительное собрание открылось 1 мая и работало под председательством Яниса Чаксте, который затем в 1922 г. стал первым президентом республики. Как и в двух других новых прибалтийских республиках, был выработан проект конституции, предусматривавший парламентскую республику. Если в Эстонии государство возглавлял председатель правительства (государственный старейшина), то в Латвии и Литве был предусмотрен пост президента, но с небольшими полномочиями — ключевую политическую роль играл парламент и создаваемые им коалиционные правительства.

Обсудив конструкцию государства, латвийские депутаты лишь 17 января 1922 г. приступили к обсуждению второй части конституции, где были записаны права граждан. Они были сформулированы широко, на высоком европейском уровне, что вызвало противодействие части депутатов, опасавшихся, что широкие свободы могут быть использованы врагами республики. Обсуждение затянулось, социал-демократы, которые и были главными авторами этого раздела, настаивали на принятии обеих частей вместе после одобрения второй части. Но правое крыло парламента смогло переманить на свою сторону трех социал-демократических депутатов, и 22 февраля 1922 г. конституция была принята без второй части, которую отправили в архив. Впрочем, в дальнейшем многие положения второй части были приняты в качестве законов. До 1934 г. Латвия была довольно плюралистичным государством. Но деятельность коммунистов, как и в других прибалтийских государствах, была запрещена. Коммунистических лидеров могли обменять в Россию, а могли и расстрелять (9 августа 1922 г. был расстрелян коммунист Пурин, отказавшийся подать прошение о помиловании)¹. На линии противостояния двух общественных устройств политический плюрализм и свобода дискуссий были ограничены очень жестко.

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). С. 215.

После мировой войны судьбы народов во многом зависели от внешних факторов. Однако сила и эффективность внешнего давления, в свою очередь, зависела от способности внутренних сил сопротивляться давлению, с одной стороны, и принимать помощь — с другой. В конечном итоге Советской Россией были признаны те национальные государства на территории бывшей Российской империи, которые имели достаточные ресурсы не только внешней, но и внутренней поддержки. На иностранный штык можно было опираться, но сидеть на нем долго было нельзя. Конечно, чтобы устоять в условиях мощных революционных и военных бурь, национальным лидерам требовалась известная доля везения (которого не оказалось у лидеров Украинской народной республики и закавказских государств). Но было важно и то, насколько местное население ждет «русских» или готово интегрироваться в качестве полупериферии в западный мир. Второе было характерно для Прибалтики и Польши в гораздо большей степени, чем для Украины и Закавказья. Сила советского похода на Запад иссякла у границ прибалтийских стран. По крайней мере на 20 лет.

Северный щит

В середине 1919 г. стало ясно, что западноевропейский пролетариат пока не готов восстать против буржуазии. А собственных сил советских республик на западном направлении едва хватило, чтобы занять Ригу и Вильно. Необходимость сражаться на нескольких фронтах Гражданской войны заставила командование Красной армии снимать войска с западного направления. Советская Россия не могла удержать всю территорию бывшей Российской империи, где (за исключением Польши) даже архитекторы Версальской системы признавали права России. В условиях, когда военных сил не хватало, большевики охотно прибегали к дипломатии. Установив границы с теми вновь образованными государствами, которые смогли удержаться под напором РККА, можно было разделаться с белым движением и враждебными военному коммунизму повстанцами. Стратегической задачей советской дипломатии стала нормализация формальных государственных отношений и возобновление торговли со странами «Сердечного согласия», что совершенно не исключало продолжения поддержки революционной активности в Европе. Контакты 1919 г. показали, что лидеры Антанты не готовы согласиться с такой моделью отношений. Но у новых независимых государств был важный мотив быть более отзывчивыми к миротворческим инициативам Москвы — ее готовность формально признать независимость.

То, что Красная армия пока проиграла борьбу за Прибалтику, стало ясно во второй половине 1919 г. Но зондирование Москвой возможности заключить сепаратным мир с Эстонией происходило еще в апреле 1919 г. 13 апреля ЦК РКП(б) решил обратиться к Эстонии с мирными предложениями, которые через Советскую Венгрию были переданы Эстонии, но Таллин не ответил. 5 июня самоликвидировался Совет Эстляндской трудовой коммуны. 31 августа Георгий Чичерин обратился к Эстонии по радио с предложением мира, признавая независимость «Эстляндского государства».

11 сентября Политбюро решило предложить мир всем четырем новым прибалтийским государствам. При этом постановили «обратиться к каждому правительству отдельно с деловым предложением; кроме того, Наркоминдел должен послать деловое радио, обращенное к международному пролетариату, объясняющее сделанное предложение». Присутствующие на заседании представители Компартии Латвии выступили за отсрочку обращения к правительству Улманиса, но Политбюро не пошло им навстречу¹.

Прибалтийские государства медлили с решением, надеясь выработать общие условия для предъявления их России. К тому же всем было интересно, чем закончится поход Юденича на Петроград. Пока генерал Юденич находился в Эстонии, переговоры с красными могли привести к попытке белых свергнуть миротворческое правительство. Также на позицию прибалтийских лидеров влияла и антисоветская позиция Антанты, ссориться с которой никто из них не хотел. Несмотря на все эти сложности, эстонское руководство решилось согласиться на переговоры в Пскове 4 сентября.

11–12 сентября представители Эстонии, Латвии и Литвы договорились в Риге о координации своих переговоров с Россией и информировании о них Антанты².

17 сентября в Пскове открылись советско-эстонские переговоры. Эстонская сторона выставила предварительное условие вести их со всеми четырьмя новыми прибалтийскими странами. Леонид Красин, возглавлявший советскую делегацию, был не против, но усомнился, что все они сразу на это согласятся. И что тогда делать? Эстонская делегация не имела на этот счет инструкций, зато ее правительство получило в это время окрик из Лондона в виде ноты против сепаратных переговоров с большевиками. Переговоры были отложены на неопределенный срок. Пока эстонские политики искали мира, военные еще были готовы повоевать, прикрывая Юденича на фланге.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 158–159.

² Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект пресс, 2016. С. 29.

25 сентября 1919 г. Ллойд Джордж дал согласие на переговоры прибалтийских стран с Советской Россией. Это раскалывало фронт Антанты, где Франция занимала более непримиримую позицию в отношении РСФСР; Ллойд Джордж искал пути урегулирования на востоке Европы даже в том случае, если белому движению так и не удастся победить. Переговоры Советской России с новыми государствами Прибалтики позволяли посмотреть, насколько и как с большевиками вообще можно договариваться. В случае успеха Россия отступала на восток, что с точки зрения интересов Великобритании тоже было неплохо.

29 сентября — 1 октября четыре государства в Тарту пытались договориться об общем дипломатическом фронте против Советской России, но оказалось, что это затруднительно. Литва требовала признания за ней Вильно, что было неприемлемо для Польши, с которой не хотели ссориться остальные государства.

4 октября Эстония, Латвия и Литва все же заявили о готовности вступить в переговоры 25 октября. Условием таких переговоров было предварительное признание сторон друг другом. Этот срок соблюсти не удалось из-за наступления Бермондта, Юденича и Деникина.

20 сентября возглавляемые Деникиным Вооруженные силы Юга России заняли Курск. 28 сентября Северо-Западная армия Юденича начала поход на Петроград. В ночь на 17 октября белые взяли Гатчину, а 21–22 октября бои шли на Пулковских высотах — ближайших подступах к Петрограду. Но это был предел возможностей СЗА. 26 октября Красная армия перешла в контрнаступление. 2 ноября Юденич оставил Гатчину. Его армия покатила назад.

Вскоре бои шли уже под Нарвой, в них все активнее принимали участие эстонские войска. Но стало ясно, что мир с Советской Россией — лучший путь к международно признанной независимости Эстонии. Тем более что потерпевшее поражение в этом регионе белое движение не собиралось признавать суверенитет новых прибалтийских государств.

В декабре Красная армия вышла к реке Нарова и создала плацдарм на ее западном берегу. Советское руководство не исключало, что в случае необходимости можно преподать эстонцам «урок»¹ на их территории.

10 ноября в Тарту опять собрались представители трех прибалтийских государств. Финляндия и Польша направили наблюдателей. Эстония стремилась немедленно начать мирные переговоры,

---

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 184.

к ее границам снова двигалась Красная армия. Эстонию поддержала Литва. А вот Латвия, еще воевавшая с Бермондтом, предпочитала подождать, опасаясь потерять поддержку Антанты. 17 ноября в Тарту прибыла советская делегация. 19 ноября в Тарту между РСФСР и тремя государствами был заключен договор об обмене пленными и заложниками. В этот день эстонское правительство Яана Тыниссона решило начать переговоры о мире, даже если другие государства к ним не присоединятся. Красная армия в любой момент могла ворваться в Эстонию на плечах белых.

5 декабря в Тарту начались советско-эстонские переговоры. Эстония опасалась, что от нее могут отвернуться соседи и Антанта. Председатель эстонской мирной делегации Яан Поска заявил: «Правительство Эстонской Республики никогда не преследовало никаких агрессивных целей против России, а вело только оборонительную войну, защищая свою государственную независимость. Так как по мнению Правительства Республики в одинаковом с Эстонией положении находятся другие соседние с нею новые государства, то по этой причине оно желало бы, чтобы мирные переговоры велись при участии всех этих государств»¹. Однако Финляндия и Латвия пока не считали целесообразным вести такие переговоры, предпочитая посмотреть, как пойдет дело у соседей.

Выступая в Тарту со вступительным словом, глава советской делегации Красин представлял дело так, что договор подписывается всерьез и надолго, «чтобы заключаемый с Советской Россией мир не превратился в передышку, которая может быть использована ее врагами для нового нападения на Советскую Республику»². Для советской стороны приоритетом была ликвидация СЗА, а для эстонской — признание независимой Эстонской республики. Стороны выдвинули довольно смелые территориальные претензии, но затем сторговались на линии восточнее реки Наровы, что укрепляло безопасность Эстонии, которая получила район Печор и Изборска. 31 декабря стороны договорились о перемирии с 3 января 1920 г.

Стало ясно, что белые войска вскоре должны будут покинуть территорию Эстонии. 22 января 1920 г. генерал Юденич подписал приказ о ликвидации СЗА. 28 января Булак-Балахович арестовал Юденича, требуя выдать деньги упраздненной армии. В этом споре против Юденича выступили и эстонские власти, которые добились передачи средств в ликвидационную комиссию по СЗА. Но их все

¹ Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 2. С. 304.

² Там же. С. 303.

равно не хватало на обеспечение жизни интернированных солдат, которых эстонские власти отправили самоокупаться на принудительный лесоповал. Часть бойцов Северо-Западной армии отправилась в Польшу, где еще можно было еще повоевать против большевиков. Эстонию покинул британский флот, а в РСФСР были ликвидированы эстонские национальные формирования РККА.

2 февраля 1920 г. в Тарту был подписан советско-эстонский мирный договор. Он оказался модельным для дальнейших мирных договоров, которые РСФСР подписывала с новыми несоветскими государствами. Стороны признавали правительства друг друга, определяли границу между государствами, обязывались ликвидировать на своей территории военные формирования, ведущие вооруженную борьбу против другой стороны, и запретить вербовку в них. Эстонская территория восточнее реки Наровы и южнее Псковского озера становилась демилитаризованной. Более того, запрещалось нахождение на территории Эстонии и России войск государств, находящихся в военном конфликте с другой стороной и любого другого государства, у которого нет военной конвенции с той страной, где размещаются войска. Очевидно, что это положение было продиктовано интересами безопасности России. Вплоть до 1940 г. СССР очень чутко относился к проблеме превращения Эстонии, Латвии и Финляндии в плацдарм для нападения на советскую территорию. Также нельзя было держать на своей территории организованные группы, стремящиеся к свержению правительства другой стороны, что создавало проблемы для эстонских коммунистов. Советская Россия обязывалась вернуть эвакуированные во время Первой мировой войны культурные ценности и выплатить 15 млн рублей в счет эстонской доли имущества Российской империи, национализированного и реквизируемого имущества эстонских граждан, эвакуированного хозяйственного имущества¹ (эти средства Эстония затем вкладывала в кредитование своей промышленности).

Владимир Ленин говорил о мире с Эстонией: «Этот мир — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада»². Л.Я. Томас считает, что Ленин переоценил значение мира в Тарту: «Явная переоценка значения соглашения легко объяснима, как вздох облегчения после преодоления критического положения, которое Чичерин несколько месяцев спустя характеризовал как “процесс постепенного замуровывания, изолирования России антантовской блокадой, так называемым окружением или

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 339–354.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 111.

санитарным кордоном»¹. Но окно в Европу действительно образовалось — теперь Советская Россия смогла проводить торговые сделки через Ревель даже в условиях сохранявшейся для нее морской блокады на Балтике. Стали возможны международные финансовые операции через эстонские институты. Конечно, пока эта деятельность должна была носить полуподпольный характер, но теперь облегчилась торговля и через Швецию, откуда товары могли поступать в Эстонию и затем в Россию. Эстония приоткрыла «окно в Европу», которое затем только расширилось.

Препятствием для заключения мира с Латвией было то обстоятельство, что восточная часть Латвии (Латгалия) находилась под контролем Красной армии. Советская сторона уже в ноябре 1919 г. давала понять, что готова уйти из Латгалии. Но латвийское руководство понимало, что за это потребуются уступки.

3 января 1920 г. началось польско-латвийское наступление. РККА потеряла Двинск (Даугавпилс), латвийские войска продвинулись до Пыталово.

11 января 1920 г. начались тайные советско-латвийские переговоры. 13 января заявило о самороспуске правительство Советской Латвии. 30 января — 1 февраля было заключено секретное перемирие. Советская сторона стремилась к публичности переговоров, но Латвия опасалась реакции Антанты. После того как 24 февраля Верховный Совет Антанты заявил, что не может советовать окраинным государствам продолжать войну, Латвия стала действовать более смело. 16 апреля в Москве началась мирная конференция.

11 августа 1920 г. в Риге был подписан мирный договор, по которому Россия отказывалась от прав на Латвию и признавала существующее правительство. Договор был в принципе подобен Тартускому. Латвия, включавшая Курляндию, южную часть Лифляндии и Латгалию, получила территорию, оставленную Красной армией, в том числе северо-западную часть Витебской губернии (Двинский, Люцинский, Режицкий уезды и часть Дриссенского уезда без Дриссы), а также часть Островского уезда Псковской губернии, включая Пыталово. Советская Россия выплатила Латвийской республике 4 млн рублей (3 тонны золота). Латвия также получала в России концессии, стороны договорились об экономическом транзите, что было важнее для России, учитывая важность Рижского порта².

Одним из последствий заключения договора стало расформирование 28 ноября дивизии латышских стрелков, игравших важную

¹ Томас А.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М.: Собрание, 2010. С. 119.

² Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 101–116.

роль в Гражданской войне на территории России и борьбе за Латвию. Одни из них вернулись домой, когда надежды на скорую мировую революцию иссякли, а Латвийское государство обещало не мстить за прошлое. Другие связали свою судьбу с СССР.

12 июля 1920 г. был заключен советско-литовский договор, который будет рассмотрен нами в контексте советско-польской войны.

По мере отступления белых на севере в феврале 1920 г. финляндские войска стали занимать территории, которые до этого были в руках архангельского правительства, и даже теснили его войска. Важное значение для Финляндии имела Печенга, занятие которой давало выход к морю. В марте 1920 г. в Ухте Временным правительством Беломорской Карелии (существовавшим при поддержке Финляндии) был созван съезд, который провозгласил независимость от России. Но 18 мая 1920 г. Красная армия заняла Ухту.

Белые оставили Архангельск 21 февраля, а Мурманск — 13 марта 1920 г. Часть белых отступила к занятым финляндскими войсками Реболе и Поросозеру, куда подошла преследовавшая их Красная армия. Могло возникнуть серьезное советско-финляндское столкновение. Но в нем теперь не были заинтересованы обе стороны.

26 марта Политбюро санкционировало начало переговоров с Финляндией, но вести их следовало не торопясь. 12–24 апреля в Райяоках прошли переговоры о перемирии. После его заключения гостеприимный Тарту открыл 12 июня мирные советско-финляндские переговоры.

Финляндия требовала доступ к Северному Ледовитому океану и самоопределения народа Карелии, у которого предлагалось спросить, хочет ли оно присоединиться к Финляндии. Советская сторона стремилась сохранить за собой Печенгу, что отрезало Финляндию от северных морей, а население Карелии считало уже самоопределившимся и получившим достаточную степень автономию.

23 июня Финляндия требовала сухопутной границы по линии расположения войск (то есть больше, чем в 1917 г.), а морскую — по состоянию на 1917 г. Ленин и Чичерин не хотели идти на территориальные уступки, Печенга была важна и в экономическом, и в военном отношении. Глава советской делегации Ян Берзин возражал, что мир с Финляндией даст гораздо больше — «получение открытого доступа в Балтийское море»¹.

При этом территориальные вопросы в советском руководстве решались с учетом таких обстоятельств, как потенциальная морская

---

¹ Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920. Сборник документов. С. 347.

блокада Великобритании и возможность в этих условиях торговать с Норвегией по суше или даже через небольшой залив¹.

Также советская сторона требовала отдать военное имущество, оставшееся в Финляндии в 1918 г., так как тогда войны с Россией у Финляндии не было (финляндская сторона считала, что была).

Около ста заседаний прошло неофициально, без протоколов, получив название «встреч с шоколадом»². Затем стороны разъехались. Главы делегаций Берзин и Юхо Паасикиви, наладив диалог между собой, давили на свои правительства с целью добиться соглашения.

23 июля Политбюро РКП(б) утвердило такой возможный компромисс: Печенгу сдать, но оговорить право на сухопутную транспортную связь с Норвегией. Оговорить, что стороны не должны ничего платить друг другу³. Но финнам об этом пока не сообщали.

28 июля после перерыва переговоры возобновились. 13 августа удалось наконец хотя бы заключить перемирие, что стало преддверием мира.

К 30 сентября спорные вопросы свелись к нюансам прохождения границы в районе Печенги, нейтрализации Гогланда под международной гарантией, освобождения финляндских товаров от пошлин на 6 лет⁴. Но 1 октября на 10-м пленарном заседании стороны снова констатировали кризис. Политбюро разрешило Берзину сделать еще некоторые уступки, и 5 октября договор был согласован.

Мир был подписан 14 октября и вступил в силу с 1 января 1921 г. Договор, как и другие договоры с прибалтийскими государствами, означал взаимное признание, прекращение войны (пришлось все-таки признать, что война была), проводил линию границы. Финляндия получала район Печенги (Петсамо) с частью острова Рыбачий и небольшими островами, но возвращала занятые ее войсками Ругозеро, Реболу и Поросозеро. Ограничивались права Финляндии держать вооружения в северной части страны и на некоторых островах Финского залива. Оговаривалась демилитаризация Ладожского озера. Россия получила право на свободный транзит в Норвегию. Оговаривались и другие хозяйственные права сторон, взаимное возвращение имущества и исторических ценностей, архивов и т. п.⁵

¹ Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920. Сборник документов. С. 408.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 363.

⁴ Там же. С. 406.

⁵ См. там же. С. 418–431.

Мир пока оставался неустойчивым. Москва была готова еще раз атаковать Финляндию в случае нового прилива мировой революции, а в Финляндии сохраняла популярность идея объединения с Карелией. В 1921–1922 гг. в связи с восстанием в Карелии финские добровольцы неоднократно вторгались на территорию Советской России.

До завершения мировой революционной волны договоры имели значение постольку, поскольку им соответствовал баланс сил между Версальской и Советской системами. Только после 1923 г. линии, прочерченные дипломатами, затвердеют на полтора десятилетия. СССР был вынужден вписаться в систему международной легитимности, созданной империалистами. И тогда выяснится, что Россия отступила почти к границам XVII в. Но в 1919 г. Москва контролировала примерно такую же территорию, как в XVI в. В 1920 г. линия границ вытекала из линии фронтов, из соотношения сил, а не дипломатической легитимности. Поэтому, как и в случае с Брестским миром, неправомерно упрекать советское руководство в том, что в ходе «второго Бреста» оно совершило «добровольный отказ от части территории страны»¹. Чтобы отказаться от чего-то, нужно этим фактически владеть. А завоевать Прибалтику Красная армия не смогла. Так что говорить об «отказе», да еще «добровольном» не приходится. Советское руководство окончательно отказалось от имперских прав на Прибалтику, которые потеряло уже в 1918 г. в результате поражения России в мировой войне. Антанта готова была с оговорками вернуть эти права только преемникам старой России, что в случае с Советской Россией означало такие политические уступки, на которые она не могла пойти без потери самой своей сути. Но советское руководство, соглашаясь на подписание договоров с прибалтийскими странами, не отказывалось от возможности советизировать их в будущем, после чего межгосударственные границы фактически станут административными.

В контексте 1920 г. серия договоров с государствами Балтийского региона сузила фронт Красной армии, позволив сконцентрировать силы на других фронтах. И для РСФСР это было сделано очень вовремя. Прикрывшись с севера щитом этих договоров, Красная армия скрестила мечи с противником южнее, где развернулись решающие сражения советско-польской войны, предоставившие Москве новый шанс для наступления на запад.

---

¹ Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. С. 336.

Глава 8. Возрождение Речи Посполитой и тень Великого княжества Литовского

Крушение четырех империй в результате мировой войны привело к грандиозным территориальным изменениям, возникновению множества государств, которые можно было бы назвать новыми, если бы они не воспринимали себя как восстановление старых. Погибли империи, которые делили восточноевропейское пространство в XVIII в., и тени позапрошлого века стали влиять на государственное строительство в начале века XX.

На пространстве между Германией и Центральной Россией было провозглашено несколько государственных образований с неясными границами. Каждое из них опиралось на этническое ядро, в котором значительная часть жителей еще не определилась, кто они: литовцы или поляки, русские или белорусы, немцы или латыши.

Исчезновение границ

Лучше других к этой ситуации были готовы лидеры польского национального движения, давно мечтавшие о восстановлении Речи Посполитой. И Германия, и Россия обещали в результате войны создать Польское государство. Российский император был бы рад видеть объединенную Польшу в качестве автономного государства под своим скипетром. У германского руководства была своя идея — создать марионеточное Польское государство, но урезать его границы.

Два варианта решения польского вопроса разделили и польское национальное движение. Национальные демократы во главе с Романом Дмовским сделали ставку на Антанту. До поры до времени это означало сохранение лояльности Российской империи. Но в 1917 г. можно было отряхнуть этот прах со своих ног и крепить отношения с Францией и ее союзниками.

Старый враг России, Юзеф Пилсудский, который еще во время революции 1905–1907 гг. вел вооруженную борьбу против империи, сделал ставку на Центральные державы. Ко времени начала войны Пилсудский возглавлял сеть боевиков революционной фракции

Польской социалистической партии (ППС). Опираясь на своих товарищей по подполью, Пилсудский приступил к формированию польских легионов, которые воевали против России на стороне Австро-Венгрии. Пилсудский видел в этих регионах костяк армии будущего Польского государства. Когда рота Пилсудского вступила на территорию Царства Польского, он провозгласил себя комендантом польских войск. Соратники называли его комендантом несколько лет, пока не преподнесли звание маршала.

Сражаясь на стороне Центральных держав, Пилсудский не был их марионеткой. Осенью 1914 г. по его инициативе была создана подпольная Польская военная организация (ПОВ), готовая выступить против всех империй, разделивших Польшу. Впрочем, на территории, оккупированной австро-германскими войсками, ПОВ действовала довольно открыто, ее члены вступали в польские легионы.

В 1914–1915 гг. вся территория этнической Польши оказалась в руках Германии и Австро-Венгрии. 5 ноября 1916 г. они заявили о намерении создать самостоятельное Польское королевство. Власть в Польше по-прежнему оставалась в руках оккупационных властей, но в ноябре 1916 г. был создан Регентский совет и даже польский вермахт. Признанные Германией органы национального представительства поляков и литовцев (возникшая в сентябре 1917 г. Тариба) приступили к созданию зависимых от Берлина монархий.

16(29) марта 1917 г. Временное правительство России заявило о готовности признать независимость Польши после обсуждения вопроса о границах и союзных отношениях двух стран. Однако проблема восточных границ Польши была далека от решения.

В августе 1917 г. в Париже был создан эмигрантский Польский национальный комитет (ПНК) во главе с Дмовским, пользовавшийся поддержкой Антанты. В комитете преобладали национал-демократы и более правые деятели. С варшавским Регентским советом конкурировать было несложно — он находился по другую сторону фронта. «Первой, уже 20 сентября 1917 года, Польский национальный комитет в качестве официальной политической организации признала Франция, 15 октября это сделала Великобритания, 30-го числа того же месяца — Италия, а 1 декабря — США. С просьбой о признании к Временному правительству России ПНК не обращался. Комитет не добивался для себя и статуса польского временного правительства, как это сделал на следующий год Чехословацкий национальный совет. Но и без этого он имел достаточно широкие полномочия в качестве официального представительства польского народа. В частности, ПНК выполнял некоторые дипломатические функции, включая выдачу дипломатических паспортов, осуществлял патронат над поляками

на Западе и формирующейся польской армией, с 1918 года участвовал в подготовке мирной конференции»¹, — пишет историк Г.Ф. Матвеев.

Роман Дмовский считал, что будущее Польское государство должно включать всю Галицию, Литву, Волинь, восток нынешней Германской империи и часть Верхней Силезии. «Дмовский был противником федеративного устройства страны и настаивал на жестком подчинении (инкорпорации) территорий со смешанным населением центру. Эту линию он проводил в будущем и на Парижской мирной конференции в 1919 году»². Пилсудский склонялся к популярной в социалистических кругах федеративной идее, когда Литва и Украина могут получить широкую автономию в составе Речи Посполитой, что позволило бы продвинуть ее границы еще дальше на восток. Впрочем, как мы увидим, такой подход не был для Пилсудского делом принципа.

Пилсудский надеялся возглавить вооруженные силы возрождающегося, но пока марионеточного польского государства под протекторатом Германии. При этом он выступал против присяги польских легионов Австро-Венгрии и Германии. Германские кураторы не были готовы подарить польский вермахт амбициозному и непредсказуемому революционеру. Политика Пилсудского зашла в тупик. Его биограф Г.Ф. Матвеев пишет об этом: «Он потерял должность в легионе, но не получил армию Польского королевства и теперь мог рассчитывать на Польскую военную организацию... Пилсудский растерялся, не очень хорошо представляя себе направление дальнейших действий. Неожиданным, но счастливым выходом из очередной кризисной ситуации стал для Пилсудского его арест немцами 22 июля 1917 г. и интернирование в Магдебургскую крепость на правах военнопленного высокого ранга»³. Легионы были распущены, POV ушла в подполье. Этот арест помог Пилсудскому, да и то не сразу, избавиться от имиджа австро-германской марионетки. Но подобная возможность оказывалась успехом только при условии краха Германии и Австро-Венгрии. До осени 1918 г. такая перспектива была совсем не очевидна.

* * *

В ноябре 1918 г. крах Раха Германа привел в действие противонаправленные силы. На земли, где сегодня расположены государства Литва, Беларусь и Украина, двинулись армии с востока и запада,

¹ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Матвеев Г.Ф. Польский вопрос и польские земли накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. М.: Международные отношения, 2020. С. 295.

сталкивались национальные проекты и советская идея мировой революции. На одних и тех же территориях провозглашались разные правительства.

Германия обеспечила инкубационный период независимости польского, литовского и украинского государств как своих сателлитов и вовремя ушла со сцены, что создало удачные условия для развития национально-государственных проектов.

Как только обозначилась перспектива капитуляции Австро-Венгрии и начался ее развал, 28 октября в Кракове во главе с лидером Польской народной партии (ПСА) — «Пяст» Винценцы Витосом была образована польская «ликвидационная» комиссия (то есть комиссия по передаче полномочий и имущества от прежней власти новым польским властям). 31 октября она взяла власть в Западной Галиции.

7 ноября в Люблине — центре польских территорий, оккупированных Австро-Венгрией, — социалисты и сторонники Пилсудского создали Временное народное правительство во главе с Игнацием Дашиньским. Оно заложило левый курс — выступило за национализацию ряда отраслей, участие рабочих в управлении предприятиями, отчуждение крупной и средней земельной собственности, провозгласило Польскую народную республику, предвосхитив историю на три десятилетия.

11 ноября активизировался польский Центральный гражданский комитет в Познани, который был создан в июле польскими депутатами германского рейхстага и прусского ландтага. 11–14 ноября он преобразовался в Главный народный совет. Его лидером был Войцех Корфанты. Но проблема поляков севера и запада Польши заключалась в том, что по Компьенскому перемирию войска Германии должны были отводиться с оккупированных территорий, к которым не относились те части Польши, которые были под властью рейха до 1914 г.

Во Львове власть попытался взять местный Польский национальный комитет. Возник также польский Тешинский национальный совет, стремившийся привести в Польшу Тешинскую Силезию.

В Люблине, Варшаве, Лодзи, Радоме и других городах возникли Советы. Большинство в них, как правило, имела Польская социалистическая партия (ППС).

Социал-демократия королевства Польского и Литвы, близкая идейно и организационно к большевикам, а также Левая польская социалистическая партия (ППС-левица) выступали за курс на социалистическую революцию и Советскую власть. 16 декабря они объединились в Коммунистическую рабочую партию Польши (КРПП).

Остальные влиятельные партии выступали за парламентскую республику.

* * *

10 ноября освобожденный немцами главный комендант ПОВ Пилсудский прибыл в Варшаву. На вокзале его встречали член Регентского совета князь Здзислав Любомирский и главный комендант ПОВ на оккупированной немцами территории Адам Коц. Так начинала оформляться передача власти именно Пилсудскому.

«Пилсудский при встрече на вокзале 10 ноября приказал Коцу приступить к разоружению немецких солдат. В отличие от австрийцев немцы в ряде случаев оказали сопротивление, в Варшаве были даже жертвы с обеих сторон, но развитие событий в городе все же удалось удержать под контролем»¹, — пишет Г.Ф. Матвеев.

Стремясь поскорее избавиться от имиджа немецкой марионетки, Пилсудский даже подумывал, чтобы уехать в Люблин из Варшавы, которая пока была оккупирована германскими войсками. Но 11 ноября ему удалось договориться с германским солдатским Советом об эвакуации оккупационных войск. Разумеется, эвакуироваться они должны были до прежней российско-германской границы — часть польских земель, по мысли Пилсудского, должна была временно оставаться в составе Германии, пока иное не решит Парижская мирная конференция. При этом Польский главный народный совет в Познани считал иначе и подчинялся не Пилсудскому, а ПНК.

14 ноября Регентский совет Польши передал власть Пилсудскому. Товарищ Пилсудского Станислав Буковецкий предложил Пилсудскому взять титул, который в XVIII в. носил лидер борьбы за независимость Тадеуш Костюшко — «Начальник государства»².

29 ноября националистическая толпа разгромила германское посольство в Варшаве. 15 декабря германский посол покинул этот город.

В германской части Польши польские силы тоже готовились взять власть. Главный народный совет организовал выборы 18 ноября 1918 г. поветовых народных советов и сейма, который собрался 3 декабря и заявил о необходимости объединения с остальной Польшей. Поляки организовали вооруженную «Народную стражу». 27 декабря ее отряд занял здание прусского полицей-президиума Познани. Так началось Великопольское восстание. Немцы сопротивлялись вяло. К Новому году «Народная стража» взяла под контроль

¹ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. С. 71.

² Суля В. Юзеф Пилсудский. М.: Летний сад, 2009. С. 216.

территории с преобладанием польского населения между Познанью и Данцигом. 6 января 1919 г. сдался германский гарнизон Познани. Власть в регионе перешла к сейму польских земель Пруссии.

16 февраля 1919 г. при продлении Компьенского перемирия Германия под давлением Антанты вынуждена была согласиться на перемирие с поляками.

Пилсудский имел своих людей в Великопольше и, по мнению его биографа В. Сулей, даже одобрял назначение царского генерала Иосифа (Юзефа) Довбор-Мусницкого командующим повстанческой армией¹. Это притом что Довбор не жаловал Пилсудского ни тогда, ни позднее. Но в любом случае, когда повстанцы решили выдвинуть Довбора на первые роли, Пилсудский не мог бы этому помешать. Так что даже если он и призвал своих сторонников подчиняться генералу, то лишь для того, чтобы не раскалывать общий фронт.

В бывшей «русской» и «австрийской» частях Польши 18 ноября правительство возглавил видный социал-демократ Енджей Морачевский. Министерство иностранных дел возглавил член ППС Леон Василевский, а Пилсудский числился военным министром. Одним из первых своих решений 21 ноября правительство ввело 8-часовой рабочий день.

22 ноября Пилсудский и Морачевский подписали декрет о высшей представительной власти, по которому Начальник государства получал высшую власть до созыва законодательного собрания.

Морачевский писал об ощущениях этого времени: «Невозможно передать упоение той безумной радостью, которая охватила в тот момент польское население. Спустя 120 лет исчезли границы, нет “их” (иностранцев. — *Прим. ред.*)! Свобода! Независимость! Объединение! Собственное государство! Навсегда!»² Это настроение единения и национального освобождения было сильным фактором сплочения поляков перед лицом как внешних сил, так и внутреннего социального разделения. Образовавшийся сильный национальный импульс гасил социальные и идеологические конфликты, хотя и не смог подавить их полностью.

Передавая верховную власть сейму 20 февраля 1919 г., Пилсудский так характеризовал свои политические цели, вставшие перед ним в конце 1918 г.: «В огромном хаосе и... напряженности, которые охватили после войны всю Центральную и Восточную Европу, я хотел сделать из Польши центр культуры, в котором правит и обязывает закон. Среди огромного хаоса, в котором миллионы людей ре-

¹ Сулей В. Юзеф Пилсудский. С. 226.

² Цит. по: *Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты.* М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 85.

шают вопросы лишь с помощью силы и насилия, я стремился к тому, чтобы именно на нашей Родине неизбежные общественные столкновения решались только демократическим путем: с помощью законов, принимаемых избранниками народа»¹. В последующем он нарушал и закон, и волю избранников народа, но в первый год независимости был вполне искренен, по крайней мере, в желании создать в Польше оплот национальной культуры и государственного порядка в центре охватившего восток Европы революционного тайфуна.

Биографы Пилсудского признают: «В сущности, он никогда не был столь уж большим почитателем парламента, как, казалось, свидетельствовали его собственные заявления. Он делал их, ибо так велела тактика, а не стратегия его действий»². Но выборы парламента были лучшим способом заложить прочный фундамент легитимности под новое государство. Популярность идеи демократии могла обеспечить подчинение разных политических сил общегосударственной дисциплине. Если Польша будет оплотом демократии в регионе, то объединение с ней может стать привлекательной перспективой для народов, когда-то входивших в Речь Посполитую, — литовцев, белорусов и украинцев.

Но для проведения выборов было важное препятствие: еще не вся Польша объединилась, Варшаве были лояльны российская и австрийская части, а германская — нет. Было решено проводить выборы сразу, а потом, по мере присоединения новых земель — довыборы.

Правые партии надеялись обойтись без выборов, просто собрав представителей политических сил — как это было сделано в то время во многих странах, где собрания партий и организаций объявляли себя парламентами³. Но недостаток этой системы: соотношение сил формируется искусственно, независимо от реального влияния партий, которое остается неизвестным. При такой модели легитимность новой власти была бы сомнительна, и в случае серьезного политического конфликта меньшинство имело все основания не признавать решения большинства. Германский опыт также подтверждал важность созыва парламента для стабилизации социально-политической ситуации. В начале правления Пилсудского у правых партий были на руках важные козыри — они контролировали «германскую» часть Польши и, что еще важнее — пользовались поддержкой Антанты.

¹ Цит. по: *Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты.* С. 89.

² Там же. С. 93.

³ *Слива М.* Польская демократия. Идеи—люди—события. М.: РОССПЭН, 2014. С. 148.

Приоритетом политики Пилсудского было создание боеспособной армии, что обеспечивало не только сохранение нового государства, но и расширение его границ. Но военной силы было недостаточно. Армию необходимо было снабжать. Снабжение из-за рубежа могло происходить только с санкции Верховного совета Антанты. Его недоверие к режиму Пилсудского могло иметь для польского дела катастрофические последствия. А у Антанты были все основания не доверять Пилсудскому — бывшему социалисту, воевавшему на стороне Центрального блока.

В ноябре 1918 г. Пилсудский уже не считал себя социалистом. Эта эволюция была выражена остроумной фразой о нем публициста Адольфа Новачиньского, которую затем приписывали самому Пилсудскому: «Он вышел из партийного поезда на остановке, которая называется Независимость»¹.

Во второй половине ноября Пилсудский направил в Париж своего соратника Станислава Гемпеля для того, чтобы попытаться договориться с Дмовским, а еще лучше — через его голову с Юзефом Халлером, чтобы получить под свое командование польскую армию во Франции.

5 декабря Пилсудский встретился с прибывшим в Варшаву представителем ПНК Станиславом Грабским. Начальник государства попытался рассеять сомнения по поводу своих немецких связей, заверил собеседника, что готов поставить свою армию под командование Фердинанда Фоша, а Грабскому доверить формирование правительства. В обмен он хотел пополнить ПНК «за счет назначенных представителей из Польши»², то есть своих представителей.

Вскоре Пилсудский прислал в Париж представительную делегацию (Казимеж Длуский, Антоний Суйковский и Михал Сокольниковский).

Стремясь избавиться от мешавшего ему реноме социалиста, Пилсудский говорил в то время: «Ах, как было бы хорошо, если бы большевики устроили бы какое-нибудь покушение на меня... Естественно, покушение не удалось бы, но какой эффект оно произвело бы за границей! Сразу же бы убедились, что все, что говорится о большевизме правительства Морачевского — глупость»³. В дальнейшем, стремясь договориться с правыми, Пилсудский так объяснял создание левого правительства: «Инъекция пастеровской вакцины, приводящая к серьезному, хотя и временному нарушению функционирования организма, ради защиты его от действительно серьезного

¹ Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. С. 95.

² Суля В. Юзеф Пилсудский. С. 221.

³ Цит. по: Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. С. 88.

заболевания»¹. Для Пилсудского это был способ успокоить массы, к глубоким социальным преобразованиям он не стремился.

Начальник готов был отказаться от левой политики в обмен на соглашение с Парижем. Ему нужна была переброска в Польшу войск Халлера и желательно — продовольственной помощи.

Компромисс с ПНК задержался, когда противники Пилсудского попытались свергнуть его. В ночь на 5 января 1919 г. сторонники правых сил во главе с Ежи Здзеховским, Евстафием Сапегой и Марианом Янушайтисом (контактировавшие с Грабским), арестовали премьер-министра и некоторых членов правительства и попытались схватить Пилсудского. Но он хорошо охранялся, а возможно и заранее знал о планах заговорщиков². Вскоре сами путчисты были арестованы. После этого Пилсудский приказал привести заговорщиков в свою резиденцию дворец Бельведер, обругал их там в присущей ему непечатной манере и отпустил. Ему нужен был не конфликт с правыми, а союз с национал-демократами (эндеками). Только так можно было получить поддержку Антанты. В дальнейшем заговорщики Янушайтис и Сапега сделали карьеру — первый был произведен из полковников в генералы, а второй был назначен послом в Лондон.

Пилсудский решил использовать путч для смены правительства, что стало еще одной демонстративной уступкой правым. Но передавать им власть он тоже не собирался. «Смена кабинета министров была для Пилсудского непростым делом. Ведь в нем главным образом были его горячие сторонники, обеспечивавшие ему полный контроль над внутренней политикой и армией»³, — считает Г.Ф. Матвеев. Нужна была политически нейтральная популярная фигура. Пилсудский предложил пост премьера известному музыканту и общественному деятелю Игнацию Падеревскому, который входил в ПНК, но не имел ярко выраженной позиции по внутриполитическим вопросам. Как известный деятель национальной культуры, Падеревский мог затмить Пилсудского, но у него не было интереса к военным вопросам.

Стало ясно, что у ПНК нет другой альтернативы, кроме как договориться с Пилсудским. По словам В. Сулеи, «на персональном уровне суть проблемы сводилась к признанию Пилсудского в Польше взамен на признание Дмовского за границей. В проекте условий, представленных 12 января лидерам Комитета делегатами Пилсудского, говорилось в том числе, что ПНК признает Пилсудского в качестве «Начальника государства до момента созыва законодатель-

¹ Цит. по: Сулея В. Юзеф Пилсудский. С. 220.

² Матвеев Г.Ф. Пилсудский. С. 73.

³ Там же. С. 72.

ного Сейма». Дополнительно оговаривалось, что командование над польской армией, формально подчиненной Фошу, также «находится в руках Юзефа Пилсудского». В ответ на это Варшавское правительство должно было быть «заменено правительством, состоящим из профессиональных сил, не ангажированных во внутривнутриполитическую борьбу, и целью которого является беспристрастное проведение выборов»¹. ПНК, пополненный представителями Пилсудского и правительства, признавался в качестве представительства Польского государства в отношениях с Антантой.

16 января 1919 г. было сформировано правительство Падеревского, который стал также главой МИД, что требовало присутствия в Париже.

Дмовский, который считал себя вполне способным возглавить правительство, признавал: «Если бы мы создали правительство, допустим, во главе со мной, мы бы Польшу могли погубить. 1) Не забывайте, что мы живем в революционную эпоху, которая какое-то время еще продлится. А мы не революционеры...» Революционные силы стали бы бороться против правого правительства энергичнее, чем против правительств, созданных Пилсудским².

21 января 1919 г. польское правительство признал Польский национальный комитет. Тогда 30 января Польшу признали США, 24–27 февраля — Франция, Великобритания и Италия. Дорога для помощи Польше со стороны Антанты была расчищена.

Военный парламентаризм в кольце конфликтов

28 ноября 1918 г. Пилсудский утвердил закон о выборах. По оценке историка М. Сливы, «декрет об избирательном законе предопределил состав и характер Учредительного собрания и демократическое направление развития государства. Поэтому он столкнулся с сильной реакцией со стороны национальных демократов, которые, не желая смириться с демократическим характером закона о выборах, критиковали его в ходе избирательной кампании, утверждая, что выборы не смогут пройти во всей стране и что принцип пропорциональности позволит евреям получить значительное число мандатов»³.

26 января прошли выборы на территории Царства Польского и Галиции. Было избрано 340 депутатов. Правый Народно-национальный союз (его ядром была Национально-демократическая пар-

¹ Суля В. Юзеф Пилсудский. С. 227.

² Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. С. 110.

³ Слива М. Польская демократия. Идеи—люди—события. С. 149.

тия, эндеки) получил 116 мест. В центре находились Польшская народная партия (ПСА) — «Пяст» с 44 местами, Национальный рабочий союз (НРС) и др. Эти партии также высоко ставили национальные ценности, но сочетали их с идеями социальных преобразований. Слева находились Польшская народная партия (ПСА) — «Вызволение» (58 мест) и ППС (32 места). Бывшие германские земли направили представителей своего сейма.

Ко времени созыва сейма стало ясно, что по части социального движения Польша заметно отстает не только от России, но и от Германии. Эйфория национального единения приглушала социальные конфликты. Варшавский совет предложил созвать съезд Советов, но эта идея не получила поддержки. В Советах преобладали ППС, НРС, Бунд и другие умеренные социалисты, хотя и коммунисты были солидно представлены. В марте из Советов вышли представители НРС, а в мае–июле ППС отозвала своих представителей из объединенных Советов и создали свои. После этого старые Советы, где остались коммунисты и их союзники, были разогнаны силой. С 1 апреля 1919 г. компартия находилась на нелегальном положении¹. А ППС в это время еще больше усилилась за счет вхождения в нее бывших прусских и австро-венгерских социалистов.

* * *

Сейм Польши открылся 10 февраля 1919 г. Его маршалом (председателем) был избран эндек Войцех Тромпчиньский, представлявший бывшую германскую часть Польши.

10 февраля Пилсудский открыл первое заседание Учредительного сейма. Через десять дней сейм поручил Пилсудскому и дальше исполнять обязанности Начальника государства, но уже в рамках временной («малой») конституции. Таким образом, для легитимации власти был использован тот же механизм, что и в Германии несколькими днями ранее.

Начальник становился ответственным перед сеймом и мог назначать правительство по согласованию с ним, и решения Начальника вступали в силу, если были подписаны также профильным министром. Только военный министр не мог ограничивать действия Пилсудского как командующего.

Ситуация для Пилсудского облегчалась тем, что ни одна из партий не имела в сейме большинства. Левые поддерживали Пилсудского по инерции как бывшего социалиста. По той же причине ему не

¹ Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1993. С. 249–250.

доверяли эндеки. Но по собственной воле Пилсудский содействовал правой политике, что давало ему поддержку правого центра.

Сейм обсуждал конституцию и важнейшие социальные законы. После ожесточенных дискуссий 3 июня — 10 июля большинством в один голос был принят аграрный проект ПСЛ-«Пяст», который устанавливал земельный максимум (в зависимости от условий — 60–400 га), принципы компенсации для земельных собственников и количество земли, которое нужно было распределять в год — 100 тыс. га. Более левая крестьянская партия ПСЛ-«Вызволение» при этом выступала против компенсации и за меньший максимум.

Обсуждение проекта конституции велось по основным направлениям, которые обычно выделяются в подобных случаях и которые мы видели на примере принятия Веймарской конституции: полномочия парламента и президента, в том числе относительно формирования правительства; положение национальных меньшинств, социальные реформы. Ситуация с территориальным устройством кардинально отличалась от германской — поляки были едины в стремлении стереть разделявшие их старые границы. Зато, как мы увидим, обсуждались разные варианты расширения Речи Посполитой за пределы польского этнического ядра.

Конституционная комиссия была создана правительством Паде-ревского в январе 1919 г. Ее главой был назначен известный консерватор профессор Михал Бобжиньский. Проект комиссии пытался совместить французскую парламентскую модель с американским принципом сильной президентской власти. «Пяст» поддерживал принцип прямых выборов президента¹.

Проекту комиссии левые народники из ПСЛ-«Вызволение» противопоставили более демократичный проект Влодзимежа Вакара. Суть проекта заключалась в сильном местном самоуправлении на уровне гмин (общин) и широких возможностях для социальных реформ.

Проект социалистов, подготовленный Мечиславом Недзялковским, предлагал парламентскую демократию и шел дальше всех по пути социальной демократии — подобно предложениям НСДПГ в Германии. Он предлагал создать Палату труда, закрепить в конституции права Советов. Палата труда, избираемая Советами трудящихся города и деревни, а также профсоюзами, должна была получить контрольные полномочия, чтобы предотвратить «диктатуру одной палаты над всей страной». Палата должна была опираться на Советы и фабзавкомы, которые вовлекли бы трудящихся в управле-

¹ Слива М. Польская демократия. Идеи—люди—события. С. 150.

ние предприятиями в условиях предстоящего по мысли социалистов обобществления экономики¹. Но как и в Германии, такой проект не мог получить поддержки большинства депутатов. В парламенте преобладали сторонники частной собственности с правом государства на ее отчуждение в особых случаях.

В итоге конституция получилась обычной для того времени, но парламентского типа — со слабым президентом, избираемым парламентом — как в III республике во Франции. Акт президента должен был подписываться также премьер-министром и профильным министром.

Особенностью польской конституции была трактовка религиозной проблематики: католическая церковь «занимает в государстве главное место среди равноправных вероисповеданий»². Конституция закрепляла набор гражданских и социальных прав, а также гарантировала права национальных меньшинств. Несмотря на то что предложения внести в государственное устройство элемент социальной демократии не прошел, левodemократическое влияние в окончательном тексте оказалось существенным, и Недзялковский тоже приветствовал конституцию, «как большой шаг вперед, как победу, по крайней мере частичную, демократии...»³.

Ситуация в Польше — классический пример национальной консолидации, противостоящей социальной конфронтации. Как мы видим, к тому были солидные предпосылки. Но предпосылки могут так и остаться основой для нереализованной альтернативы, если не получают воплощение в успешной политике, эффективном целедостижении. Ведь в Польше были предпосылки для внутренних социальных конфликтов, скажем — в случае прихода к власти режима с более правой социальной политикой, тех же эндеков, или, наоборот, более решительных и последовательных левых. В этом случае социальные конфликты могли по своему значению опередить задачи внутренней консолидации и внешней экспансии. Вполне вероятно была и Гражданская война, как это было и у соседей. Но и Пилсудскому, и его противникам справа, умеренным оппонентам слева удалось сохранить относительное национальное единство, вдохновлявшее массы жителей «возрожденной Родины». Это позволило удерживать политическую ситуацию в рамках полемики почти без перестрелки, создания плюралистичной, а не авторитарной политической системы. Впрочем, этот путь был связан с внешней экспансией, который вел польское государство по краю катастрофы.

¹ Слива М. Польская демократия. Идеи—люди—события. С. 154.

² Цит. по: Краткая история Польши. С. 251.

³ Цит. по: Слива М. Польская демократия. Идеи—люди—события. С. 155.

* * *

Оставив парламентариям возможность спорить в тылу, а правым политикам договариваться с Антантой, Пилсудский сосредоточился на войне. Причем внимание Пилсудского было приковано к востоку, хотя и на западе границы Польши были весьма спорными. «Его сердцу была более близка идея Польши ягеллонской, чем пястовской», как пишут биографы Пилсудского Д. и Т. Наленч, вспоминая о двух конфигурациях Польского государства в Средневековье. Внимания Начальника именно к востоку было продиктовано реалистичными мотивами: «За столом заседаний в Париже, где будет окончательно определена польско-германская граница, будет учитываться исключительно голос великих держав»¹. А вот в отношениях с Россией будет действовать право силы.

Чтобы создать армию, нужно было сплотить в единую военную машину разные военные организации, созданные во время мировой войны властями России, Германии, Австро-Венгрии и Франции, а также вышедшей из подполья ПОВ. «Большинство из этих комбатантов вообще не знало Пилсудского либо не испытывало к нему доверия»², — пишут Д. и Т. Наленч. Но командиры разнообразных формирований предпочли подчиниться Начальнику, получившему широкую политическую поддержку. Была объявлена мобилизация. В апреле в Польшу прибыла 70-тысячная армия Халлера.

Почти с самого своего возникновения новое Польское государство вступило в вооруженную борьбу на востоке и западе. Первой победой Пилсудского стало вытеснение украинских вооруженных формирований из Львова 22 ноября 1918 г. Но это было только начало польско-украинской войны (см. гл. 5).

В конце января 1919 г. чехословацкие войска вошли в спорные области в Тешинской Силезии. 29–31 января произошли бои, завершившиеся перемирием 3 февраля. Спорная территория в основном осталась за ЧСР.

После успеха Великопольского восстания было решено снова прощупать Германию. «В августе 1919-го поляки попробовали с помощью столь любимой Пилсудским политики “свершившихся фактов” решить в свою пользу вопрос о Верхней Силезии без плебисцита, в благоприятном исходе которого они не были уверены. Как в свое время в Великой Польше, это попытались сделать с помощью восстания. Но сил местной Польской военной организации (она стала создаваться в ноябре 1918 г.) и тайно переброшенных ей на по-

¹ Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. С. 97.

² Там же. С. 95.

мощь из Польши подкреплений оказалось недостаточно. Варшава не имела возможности открыто помочь первому силезскому восстанию. Немцы силой подавили путч, были жертвы, но вскоре под давлением Антанты они вынуждены были объявить повстанцам амнистию»¹, — рассказывает Г.Ф. Матвеев.

Тем временем Красная армия вошла на территории, до этого оккупированные Германией и Австро-Венгрией. Не встречая сопротивления, 10 декабря РККА вошла в Минск. 2 января 1919 г. она была в Мозыре, 6 января — в Гомеле, 13 января — в Слониме.

Это было столкновение двух сил, расширявших свое пространство навстречу друг другу в силовом вакууме, который образовался с крушением Германии. Еще 5 февраля по требованию Антанты германское командование договорилось с польским руководством о передаче польским войскам территории Гродненской губернии. Пройдя через еще занятые немцами территории, польские войска 10 февраля заняли Брест, а 12 февраля — Кобрин. К этому времени Красная армия вышла на линию Поневеж–Пинск–Сарны–Овруч².

14 февраля произошло столкновение польских войск с бойцами Западного фронта РККА в Березе-Картузской. Но и после этого в Москве надеялись избежать советско-польской войны, которая фактически уже шла.

5 февраля было подписано германо-польское соглашение о замене германских войск польскими на территории Белоруссии и Литвы. Это была плохая новость не только для советских лидеров, но и для правительства Литовской республики в Каунасе. Польские войска прошли через германские порядки и заняли Белосток. В это время еще происходили германо-польские столкновения в Великопольше, то есть на западе будущей территории Польского государства. Под давлением Франции 18 февраля в Познани было подписано германо-польское перемирие, что высвободило польские войска для борьбы на востоке. 2 марта польские войска отбили у красных Слоним, а 5 марта — Пинск. Западный фронт не мог получить помощи — РСФСР отбивалась от Колчака.

Советская Россия стремилась установить с Польшей дипломатические отношения. Первое предложение НКВД последовало 27 ноября. Нарком Чичерин сетовал, что экспансионистски настроенные местные советские лидеры, «узкие люди с приходскими интересами», «готовы нас втянуть в войну с Польшей». Представитель Москвы в Вильнюсе (Вильно) Адольф Иоффе брал их под защиту,

¹ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. С. 78.

² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов: В 4 т. М.: Аспект пресс, 2017. Т. 1. С. 28.

утверждая, что в отношении Польши местные коммунисты, особенно поляки, «требуют гораздо большей уступчивости, чем, по-моему, следует»¹. Эти мнения могли и не противоречить друг другу. Польские коммунисты хотели бы видеть Польшу размером пошире, но именно как Советскую Польшу.

Министр иностранных дел Польши Леон Василевский требовал от Москвы освобождения ранее арестованных представителей Регентского совета в России и других поляков.

Неофициальные контакты, в том числе и для выполнения этих предварительных условий, можно было бы поддерживать через миссию Российского Красного Креста в Варшаве во главе с Брониславом Весоловским. Но в декабре 1918 г. члены миссии были арестованы по обвинению в коммунистической пропаганде. Коммунисты собрали митинг в их защиту, который был разогнан с жертвами. Миссия была официально выслана из Польши, а на деле ее члены были расстреляны конвоирами в лесу у города Лапы. Это преступление сделало дипломатические контакты на некоторое время невозможными. Но проблема польских заключенных сохранялась, что давало аргументы сторонникам мирного урегулирования отношений с Россией в Польше.

7 февраля 1919 г. в Москву прибыл один из лидеров ПСП Александр Венцковский. Он получил директивы и от своей партийной организации, и от польского Министерства иностранных дел. Официально он должен был заниматься освобождением представителей Регентского совета и других поляков. Большевики быстро договорились об освобождении представителей уже отмершего регентства и перспективах обмена арестованными, которые предстояло конкретизировать через Красный Крест. После этого Венцковский согласился прозондировать политические вопросы, чем превысил полномочия, полученные от МИД. Венцковский считал, что на спорных территориях следует провести плебисцит, который решит вопрос об их принадлежности. Советское руководство было с этим вполне согласено, а вот польское правительство — нет. Но подобные консультации способствовали улучшению имиджа Советской России в польских левых кругах.

26 марта Чичерин сообщал Иоффе о переговорах: «Венцковский много расспрашивал о форме наших отношений к Литве. В Польше думают, что там 1) московское нашествие, московская оккупация, террор меньшинства, состоящего из московских коммунистов 2) устроенное нами самозванное польское правительство, претендую-

---

¹ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии держав. 1918–1921. М.: Центрполиграф, 2019. С. 104–105.

щее на то, чтобы быть правительством Польши... Нового нашествия москалей в Польше страшно бояться... Я объяснил, что это (Советская республика с центром в Вильно. — *А. Ш.*) самостоятельное государство, а федерация с нами есть резолюция, пока не осуществленная, у военных же тесное сотрудничество в виду общих врагов»¹. Ниже мы увидим, что представляло из себя это «самостоятельное государство».

По версии историка М.И. Мельтюхова, «Пилсудский не мог принять предложений Москвы о заключении мира, так как в этом случае пришлось бы демобилизовать армию, что лишь подстегнуло бы общее недовольство в стране»². Странное объяснение — ведь в марте 1921 г. мир все же был заключен, и это не вызвало недовольства в Польше из-за демобилизации армии. Позиция Пилсудского в 1919 г. во многом была ситуационной и определялась скорее внешними факторами, чем внутренними. Важно было, чтобы санкцию на замирение с красными дали государства Антанты. А такой санкции у Варшавы пока не было. Да и сам Пилсудский надеялся, что удастся отбросить россиян подальше от Варшавы силой оружия.

Литва Большая и Малая

Как только послышался треск стропил Германской империи, одна за другой повалились монархии, сконструированные для германских принцев на территории бывшей Российской империи. Местные национальные политики, вынужденно согласившиеся на лояльность монархии в обмен на формальную самостоятельность под германской эгидой, теперь решительно возвращались к республиканизму.

В Вильнюсе уже 2 ноября 1918 г. Литовский Совет (Тариба) провозгласил республику, отказавшись от монархии во главе с Миндаугасом II (он же германский принц Вильгельм фон Урах).

В своем обращении 11 ноября новое правительство Аугустинаса Вольдемараса поставило задачу созыва Учредительного собрания, которое примет Конституцию Литовской республики. Избавившись от германской опеки, Литве теперь предстояло защититься от российских и польских притязаний.

Польско-литовские отношения стали обостряться, так как были отягощены двумя проблемами: территориальным спором и федеративным проектом польских политических элит, нацеленным на поглощение литовского государства федерацией с центром в Варша-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 29.

² Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 27.

ве. Как пишут историки Д. Масюлис и Д. Сталюнас, «по мере того, как нарастала угроза большевистского вторжения, в декабре 1918 г. Варшава предложила Литовскому правительству защищать Вильнюс от большевиков совместно. Литва согласилась принять помощь при условии, что Польша признает независимость Литвы со столицей в Вильнюсе. Польша не собиралась признавать независимое Литовское государство, и вместо ответа Литовское правительство получило известия, что Варшава формирует администрации бывших Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний»¹.

Конфликты начинали разворачиваться на зыбкой этнической почве. В процессе индустриальной модернизации, незавершенного нациестроительства, национальная культура и ареал ее распространения еще пластичны.

Это касалось не только литовско-польско-белорусского пространства: «Профессор гигиены Тартуского университета Бернгард Кёрбер отмечал, что в переписи 1881 г. эстонцы были записаны как немцы, а в 1897 г., наоборот, немцы оказались эстонцами. В Виленской губернии значительное число литовцев признало своим родным языком польский. Говоря о группах, образованных на основе каких-то внешних признаков, мы в каждом отдельном случае не знаем, что было для человека важнее: его происхождение, сословие, религия, имущественное положение, или что-то совсем другое. Первичная лояльность личности и иерархии идентичностей не всегда совпадает с группой родного языка»², — пишет эстонский исследователь Т. Карьяхярм.

Аналогичная этническая чересполосица и неоформленность, серьезные различия в национальном составе городского и сельского населения были характерны и для других «национальных окраин», на которых теперь создавались национальные государства.

В тот период национальные границы и перспективы развития народов Восточной Европы зависели от исхода развернувшейся в этом регионе военно-политической борьбы, прежде всего — от советско-польской войны.

Границы Литвы были неясны, само это понятие могло пониматься как синоним территории бывшего Великого княжества Литовского от Балтики до Украины. Современная Литва составляла только северную часть такой «Большой Литвы». Историк Ч. Лауринавичюс пишет: «Ввиду многовекового существования польско-литовской

¹ *Maciulis D., Staliunas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1883–1940. Marburg, 2015. P. 66.*

² *Карьяхярм Т. Остзейцы и балтийцы: экскурс в терминологию // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М.: URSS, 2013. С. 21.*

унии литовская элита в основном полонизировалась и к началу двадцатого века уже составляла часть польской нации. А начавшие себя осознавать, как народ, литовцы в основном являлись крестьянами, причем тоже подвергавшимися ассимиляции, опять же — главным образом ополячиванию. Знаковой спецификой ареала этнографической Литвы являлось то обстоятельство, что в городах литовцы обычно не превышали и четверти жителей. А в Вильнюсе, по сведениям переписи 1897 г., литовцев было только около 2 % (евреев — более 40 %, русских — около 20 %, белорусов — около 4 %). Поляки составляли 30 %, но в культурном отношении именно они доминировали... Дело в том, что в этнографически очерченной Литве, в силу упомянутой социальной неразвитости литовского народа, наверное, только половина из там проживающих осознали бы себя литовцами, а согласившихся принять литовское гражданство — было бы и того меньше»¹.

Между Литвой, Польшей и РСФСР лежали белорусские земли с неясными границами и относительно слабым национальным движением. При прочих равных условиях у белорусского проекта не было шансов на успех, территория Белоруссии могла быть просто разделена, а населению со временем ассимилировано.

Во время оккупации Германия не признавала ни прав Белорусской рады, возникшей после разгона Белорусского съезда большевиками 18 декабря 1917 г., ни провозглашенной радой в марте 1918 г. Белорусской народной республики (БНР)². Поскольку Германия согласилась с созданием Литовского государства, Виленская белорусская рада (ВБР), возникшая в январе 1917 г. на оккупированной немцами территории, выступала за автономию белорусов в составе нового государства, которое рассматривалось как литовско-белорусское. Рада БНР считала себя органом, равноправным Литовской Тарибе. ВБР добивалась участия в Тарибе и 3 ноября заявила о необходимости создания литовско-белорусского государства. 15 ноября представители Тарибы и ВБР заключили соглашение о предоставлении белорусам шести мест в Тарибе, министерского поста и других кадровых позиций, праве для белорусов получения образования на своем языке. При этом выделение белорусских автономных территорий в составе большого литовского государства не предусматривалось. Были созданы министерства белорусских и еврейских дел. Это соглашение означало, по сути, раздел земель, населенных белоруса-

¹ Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2015. М.: Наука, 2015. 171–172.

² Подробнее см.: Шубин А. В. Старт Страны Советов. С. 326–327, 330–331.

ми, так как территориальные претензии Литовской республики распространялись на Виленскую и Гродненскую губернии, но не дальше на восток и юг. Премьер-министр Литвы Миколас Слезявичюс не разделял идею литовско-белорусского государства и искал пути к ассимиляции славянского населения в составе большого Литовского государства¹.

Реальный вес национально-политических формирований зависел от их способности заручиться военной силой. Белорусские лидеры, «поставившие» на Литву, стали формировать в Гродно белорусские полки. Но их оттуда выбили поляки. БНР не сумела создать вооруженные формирования, которые могли бы обеспечить ее заметное участие в военно-политической борьбе в регионе. Попытки строить государственность «против России» оказались в Белоруссии неудачными.

Зато вскоре началось строительство белорусской государственности вместе с Россией. Толчком к этому стали нужды коммунистического проекта.

Вынужденная сражаться на нескольких фронтах, Советская Россия пыталась оттянуть время столкновения с Польшей. Показалось, что в этом может помочь «буфер», создание государственных образований, исключавших общую границу России и Польши. Это также должно было помочь снять с коммунистической экспансии имидж великодержавной, имперской. В январе 1919 г. были созданы две «буферные» республики — Белорусская и Литовская.

* * *

В начале декабря большевики и левые социалисты создали Вильнюсскую Тарибу рабочих депутатов (Виленский Совет). При этом «вся инициатива при проведении выборов оказалась в руках бундовских союзов»², — сообщал позднее нарком внутренних дел советской Литвы Зигмас Ангаретис (Алекса). В Совете коммунисты были в меньшинстве, но в президиуме их было пять на трех бундовцев и одного социал-демократа-интернационалиста³. Более сплоченные и энергичные коммунисты настояли на радикальном курсе. Советы при поддержке массовых демонстраций объявили себя властью в Вильно (Вильнюсе), Ковно (Каунасе), Поневеже (Поневежисе), Шавлях (Шауляе). Но до ухода немцев это была лишь декларация.

¹ Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории Ober-Ost в годы Первой мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. Новый мир на развалинах империи. Вып. 8. М., 2017. С. 70–75.

² Lietuvos upatingasis archyvas (LYA). F. 77. I. 2. F. 29. L. 5.

³ Ibid. F. 29. L. 5об.

8 декабря было объявлено о создании Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы (ВРРКПЛ). 16 декабря оно провозгласило Литовскую ССР и заявило о роспуске конкурирующей Литовской Тарибы. Провозглашение независимой советской Литвы всецело было инициативой Москвы. Лидер литовских коммунистов Винцас Мицкявичюс (Капсукас) рассказывал: «Когда руководство работой перешло в наши руки, нам в голову не пришло говорить о независимости, но нас забрасывали письмами, от нас центр требовал объявления независимости и издания манифеста»¹. При этом проект манифеста правили в Москве. Как признавалось 18 декабря на первом заседании ВРРКПЛ, которое собралось не в Вильнюсе, а в контролируемом Красной армией Двинске (присутствовали три члена «кабинета» Мицкявичюс, Яшкевич и Кернович), работа правительства «в данное время должна сводиться к работе Военно-Революционных комитетов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и потому ограничиться военными, информационными и агитационными задачами. Гражданские отделы были созданы в правительстве только 28 декабря². ВРРКПЛ возглавил Мицкявичюс. 23 декабря Совнарком РСФСР признал Литовскую, Латвийскую и Эстонскую советские республики.

Продвижение Красной армии в Литву встречало здесь поддержку части местного населения, что позволило ВРРКПЛ уже 25 декабря принять решение: «Ввиду большого наплыва красноармейцев, желающих поступить в части, оперирующие в Литве, приступить к формированию Ковенского полка и санитарных отрядов»³.

Уже 26 декабря ВРРКПЛ обратился к вопросу о границах будущей советской Литвы, решив, что она должна проходить примерно по границе германской оккупации 1915 г.⁴

Литовская Тариба 26 декабря создала более левое правительство Миколаса Слежявичюса. Социал-демократам было легче конкурировать с большевиками в борьбе за симпатии масс. 29 декабря литовское правительство призвало граждан бороться с вторжением российских войск. Но независимой Литве угрожала не только Красная армия, ведь Вильнюс был тогда известен как Вильно, и пока литовцы разных идейно-политических направлений боролись за то, кто возглавит новую Литву, польские лидеры готовили превращение города в часть возрожденной Речи Посполитой.

¹ LYA. F. 2. L. 24.

² Ibid. F. 77. I. 1. F. 34. L. 1.

³ Ibid. F. 34. L. 4, 6.

⁴ Ibid. L. 506.

Отрядам Польского комитета в Вильно противостояла милиция местного Совета. 27 декабря председатель Совета Франц Эйдукевич говорил, отчитываясь о работе президиума, что тот сделал все возможное, чтобы власть перешла к Совету и «смело и решительно пошел по этому пути». Была создана милиция, которая взялась пресекать спекуляцию на железной дороге. Узнав о таком самоуправстве, немецкий комендант отдал приказ арестовать председателя и секретаря Совета, но этому воспротивился немецкий солдатский Совет¹.

В Вильно действовала «Самооборона крайова Литвы и Белоруссии» во главе с генералом Владиславом Вейтко, уполномоченным еще Регентским советом Польши. 8 декабря Пилсудский признал ее вооруженными формированиями польской армии. 29 декабря «Самооборона» была преобразована в регулярные части Войска Польского в Вильно².

К 31 декабря немцы должны были покинуть Вильнюс (в действительности небольшие силы оставались в январе, но старались не вмешиваться в дальнейшую борьбу за город). 1 января польские отряды заняли ключевые объекты города и затем окружили резиденцию Совета, Рабочий клуб, и захватили его после двухчасового боя³. 2 января город был в руках польской армии. Сторонники Совета ненадолго ушли в полуподполье. Литовской Тарибе и правительству Слежявичюса пришлось отступить в Каунас, контролировавшийся германскими войсками.

4 января, заняв Новую Вилейку, поляки столкнулись с войсками красной Псковской дивизии Западного фронта. После короткого боя поляки отступили⁴. 6 января 1919 г. Вильно был взят Красной армией. Туда прибыло правительство Мицкявичюса.

Лидер литовских коммунистов Мицкявичюс смотрел на Литовскую ССР как на плацдарм для дальнейшего советского похода в Польшу, в котором будут участвовать и красные поляки. На заседании ЦК КПЛ он предлагал перевести в Вильно польские советские части и открыть вербовку бойцов-поляков наряду с бойцами-литовцами. Предлагалось также создать Литовскую советскую армию на основе Псковского полка⁵. Впрочем, сформированный в Вильно полк

¹ LYA. F. 20. L. 1.

² Резмер В. Начало польско-советской войны 1919–1920: исследовательский вопрос // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений). Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.И. Державина, 2009. С. 273–274.

³ LYA. F. 77. I. 2. F. 29. L. 6.

⁴ Резмер В. Начало польско-советской войны 1919–1920: исследовательский вопрос. С. 277.

⁵ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 7.

оказался нестойким: «Виленский полк решил вернуться в Вильно, командный состав не на высоте своего положения, части бегут от нескольких выстрелов белых»¹, — сообщалось в ЦК КПЛ. Действия Красной армии сопровождались злоупотреблениями отдельных бойцов, с чем Советская власть принялась бороться: несколько красноармейцев были приговорены за злоупотребления к расстрелу. При этом ЦК КПЛ решил: «Смертный приговор красноармейцам опубликовать, но отменить в последний момент»².

Вообще же произвол «человека с ружьем» стал быстро подрывать авторитет Советской власти в регионе. 30 января Иоффе сообщал Троцкому: «В Слониме, только что освободившемся от немцев и братски встретившим нас, местный ревком ведет себя как в покоренной стране, налагает на город контрибуции в таких размерах, что если бы весь город заложил жен и детей, он и тогда не собрал бы, и в обеспечение этой контрибуции засаживается в тюрьмы полгорода». Иоффе требует от центральной власти проводить ревизию, чтобы «самым беспощадным образом расправиться с такими мерзавцами», но в отношении военных бесчинств местные Советские власти не считают себя вправе вмешиваться, если видят произвол³.

По мере отхода немцев Красная армия занимала территорию все дальше на запад, не встречая сильного сопротивления. 8 января в Поневежисе рабочий отряд разоружил сторонников Тарибы⁴. К концу января были заняты Шяуляй и Тельшяй.

Каунас немцы оставлять пока не планировали, но положение и здесь было шатким. Генерал Макс Гофман записал в дневнике: «У нас в Ковно все в порядке, но в прибалтийских странах далеко не все благополучно. Наши солдаты больше не хотят сражаться, и не оказывают большевикам никакого сопротивления»⁵. Очевидно, что и в Ковно предел терпения германских солдат был безграничен, у командования было мало времени для удержания дисциплины на должном уровне и передачи дел местным националистам, которым позднее предстояло самим выстраивать фронт перед лицом наступающего большевизма. 13 января 1919 г. оккупанты разогнали ковенский Совет. Германские войска заняли оборону по Неману. 8 февраля Красная армия атаковала и 13 февраля взяла Али-

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 47.

² Ibid. L. 70б.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.

⁴ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 93.

⁵ Гофман М. Записки и дневники. Л.: Красная газета, 1929. С. 261.

тус (Олиту), но к 16 февраля была отброшена¹. Весной германские войска свернули свое участие в войне с красными на территории Литвы. На стороне немцев сражался небольшой литовский отряд — формирование литовской армии только началось. В дальнейшем немцы прекратили действия на этом направлении, лишь прикрывая свой фронт в Латвии.

5 марта Тариба объявила мобилизацию. 7 мая литовскую армию возглавил генерал Сильвестр Жуковский, который стал Сильвестрасом Жукаускасом (до этого он был начальником штаба новой армии).

Литовские войска попытались наступать на Вильнюс 3–8 апреля, но неудачно. Ситуация на этом фронте стабилизировалась до мая.

После выхода в этом места польской армии литовцы стали действовать против Красной армии параллельно польскому наступлению — на северо-восток. Получился совместный натиск на Красную армию немецких, белогвардейских, латвийских и литовских войска. В мае–июне «тарибскими» войсками были взяты Укмерге, Паневежис, Утяну. Для красных в этом регионе «тарибская» угроза вскоре стала второстепенной — главные бои развернулись на советско-польском фронте.

Западный край или Белоруссия?

1 января 1919 г. в качестве «буфера» между Советской Россией и Польшей была создана Советская Белоруссия. Как ее называть, решили не сразу², в конституции, принятой I съездом Советов Белоруссии 4 февраля обычно употреблялось наименование Социалистическая Советская Республика Белоруссия (ССРБ), но упоминалась и Белорусская Социалистическая Советская Республика³.

Проект создания Советской Белоруссии был обсужден 24 декабря на заседании ЦК РКП(б). 25 декабря Сталин согласовал детали с руководством Белорусского комиссариата при Наркомнаце — Белнацкома. Решение провозгласить Белоруссию независимой республикой принималось «по причине современных международ-

¹ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 106.

² В Манифесте Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии 1 января говорилось о Белорусской Социалистической Советской Республике и тут же о Социалистической Советской Трудовой Республике Белоруссии (Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 4. С. 448).

³ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Т. 4. С. 458.

ных отношений и в целях укрепления и расширения завоеваний социалистической революции во всемирном масштабе»¹.

Приняв общее решение о создании «буферной» Белоруссии, коммунисты запустили процесс, имевший свою административную логику — основой нового государства должна была стать Северо-Западная (прежде Западная) область, которая была более обширна, чем территория преобладания белорусского населения. С 1917 г. область (когда она находилась под советским контролем), управлялась Областным исполнительным комитетом Западного фронта (Облиском-зап)². «Для руководителей Облискомзапа это решение стало неприятным сюрпризом»³, — пишет историк Д.А. Короткова о намерении создать Советскую Белоруссию.

Создание «буфера» заложило основу важного конфликта между «областниками», для которых Советская Белоруссия была внешнеполитической игрой, отвлекавшей от хозяйственного строительства, и белорусскими национал-коммунистами во главе с Дмитрием Жилуновичем. Он был лидером петроградской организации Белорусской социалистической громады (Язеп Дыла, Всеволод Фальский, Фабиан Шантыр и др.), которая в 1918 г. вошла в РКП(б). 21–23 декабря белорусские секции РКП(б) провели конференцию и создали Центральное бюро во главе с Жилуновичем, которое в своем обращении к народу Белоруссии называло ее частью «Великоруссии» и призывало белорусский народ встать на защиту РСФСР. Но финальный призыв предвосхищал провозглашение национальной республики: «Да здравствует свободная рабоче-крестьянская Советская Белоруссия в тесной федерации с Советской Россией!»⁴ По мысли национал-коммунистов, именно их национально окрашенная организация должна была стать ядром Компартии Белоруссии.

Но областники считали иначе. 27 декабря Сталин обсудил перспективу создания Советской Белоруссии с лидерами Облискомзапа, и было решено, что ЦК Северо-Западной области станет Центральным бюро (ЦБ) КП(б)Б⁵.

Выступая на II объединительном съезде КП Литвы и Белоруссии с докладом о работе, проделанной коммунистами Белоруссии, видный «областник», член ЦК КП(б)Б Вильгельм Кнорин признавал:

¹ Цит. по: Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999. С. 61.

² Подробнее см.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. С. 161–163.

³ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии держав. 1918–1921. М.: Центрполиграф, 2019. С. 86.

⁴ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Т. 4. С. 441–443.

⁵ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 89.

«Формально совершенно самостоятельные, мы на деле остались также зависимы от Ц.К. Р.К.П. и подчинялись всем его указаниям и решениям»¹. В области внешней политики они тем более «без Цека Р.К.П. никаких самостоятельных шагов не предпринимали. Независимость Белоруссии была принята по предписанию Цека Р.К.П.»².

Собравшаяся 30 декабря 1918 г. в Смоленске (а не в Минске) VI Северо-Западная конференция РКП(б) заслушала доклад председателя Облсикомзапа Александра Мясникова (Мясникяна), в котором сообщалось о создании нового государства. Конференция приняла решение о создании КП(б) Белоруссии, конституировавшись в ее I съезд. При этом президиум съезда сообщил в ЦК РКП(б): «Съезд подтверждает, что коммунисты Белоруссии и впредь всецело будут руководствоваться директивами ЦК РКП(б), считая его своим высшим парторганом»³. Было создано ЦБ КП(б)Б, в которое от ЦБ белорусских секций вошли Жилунович и Иосиф Лагун. Оказавшись в заведомом меньшинстве, Жилунович добивался паритетного объединения двух ЦБ, но неудачно. Сталин поддержал Мясникова как представителя ЦК в регионе⁴.

1 января было создано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии во главе с Жилуновичем, которое провозгласило власть Советов и распространило на республику декреты РСФСР «по обеспечению рабочего класса»⁵. 5 января оно переехало в Минск. 3 февраля I съезд Советов Белоруссии принял решение о начале переговоров с РСФСР «об установлении федеративной связи», которое обуславливалось созданием союза всех советских республик: «Только соединившись и сплотившись в одну трудовую семью, рабочие и крестьяне всех стран, где победила пролетарская революция, сумеют пронести социалистическое знамя через всю Европу и сольются в едином Советском Союзе с рабочими и крестьянами — тружениками всего мира»⁶. Мечта о Советском Союзе осуществится при более скромных обстоятельствах. Разумеется, ЦК РКП(б) мог в любой момент завершить «переговоры» РСФСР и других республик о федерации, но не для того «буферные» государства создавались. Декларация о переговорах позволяла бы потом объяс-

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 2. L. 5–6.

² Ibid. L. 29.

³ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 4. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1954. С. 444.

⁴ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 91.

⁵ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Т. 4. С. 449.

⁶ Там же. С. 461.

нить изменение их статуса, если необходимость в «буфере» отпадет. В экономическом отношении Белорусский СНХ подчинялся ВСНХ России¹.

Было решено включить в состав Белоруссии территории Витебской, Могилёвской, Минской, Гродненской и частично Смоленской, Виленской и Ковенской губерний. Таким образом, в новом государстве объединялись как русскоязычные регионы Западной области, так и соседние с ней территории, населенные преимущественно белорусами. Казалось, что это позволит и сохранить прежнюю территориально-экономическую структуру Западной области (что было важно для ее прежних Советских властей), и сформировать территориальное ядро для развития белорусской культуры. Это было приоритетом для белорусских национал-коммунистов. Они заняли важные посты во Временном революционном рабоче-крестьянском правительстве Белоруссии. Фальский стал наркомом иностранных дел, Шантыр — наркомом по делам национальностей, Дыла — наркомом труда. Правда, они находились под жестким контролем: «Большинство постов, включая ключевые (НКВД, национальных дел, земледелия, путей сообщения и финансов), заняли представители Западной области — фактически противники создания белорусской национальной государственности. Белнацкому оставили представительские функции и чисто декоративные в условиях войны и разрухи должности, например наркомат иностранных дел (Фальский). Даже должность председателя правительства (Жилунович) в таких условиях не обеспечивала преобладающих позиций — ведь полномочным представителем центра был А. Мясников, занимавший в белорусском правительстве пост наркома по военным делам»², — пишет историк Д.А. Короткова. Это в целом верное мнение нуждается в уточнении. Во-первых, должности наркома труда и иностранных дел вовсе не были чисто декоративными. Наркомат труда при советской власти отвечал за политику в отношении рабочего класса, считавшегося опорой новой власти. В условиях «буферной» политики большое значение имел и наркомат иностранных дел, которому по замыслу Ленина, Чичерина и Сталина предстояло перенимать на себя значительную часть отношений с Польшей. Во-вторых, наркомнац Шантыра никак нельзя считать областником и «противником создания белорусской национальной государственности» — это старый деятель белорусского национального социалистического движения.

¹ Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: Документы и материалы. М.: Восточная литература, 1996. С. 53.

² Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 91.

Национал-коммунисты отнеслись к «буферному» проекту вполне серьезно и надеялись на создание реального советского государства со специфически белорусской культурной политикой, которая должна сделать граждан (включая горожан и руководящие кадры) белорусскоговорящими. Но для коммунистов Смоленской, Могилёвской и Витебской губерний эта идея была чужда. И тогда сработал механизм советской демократии, который во время Гражданской войны еще мог транслировать наверх настроения советского актива — в начале января советские органы и съезды советов Смоленской, Могилёвской и Витебской губерний выступили против их передачи в новое государство.

16 января 1919 г. ЦК РКП(б) удовлетворил эту просьбу, оставив три губернии в РСФСР под предлогом того, что они не граничат с Польшей и потому не являются частью «буфера». В знак протеста против этого Дыла, Шантыр и Фальский вышли из Совнаркома. Подобный раздел вызывал недовольство не только у национал-коммунистов, но и у «областников» — местных руководителей, стремящихся к сохранению достаточно крупной территориальной единицы, аналогичной Западной области. Усеченная Белоруссия оказывалась настолько маленькой, что экономически была нежизнеспособна. Белорусские и западно-российские лидеры обсуждали альтернативу: «Или республика как есть, или область как была»¹.

Кнорин вспоминал об отношениях двух группировок в белорусском руководстве: «Некоторые лица, которые помимо нашей воли участвовали в создании Белорусской республики и вошедшие в правительство, чрезвычайно осложнили нам работу Ц.Б. Трудно было говорить с ними, внесшими совершенно новую струю, подчас далекую от коммунистического течения»². При этом обе группировки белорусских коммунистов считали отделение восточных областей не целесообразным, но подчинились ЦК РКП(б).

Одновременно возникли противоречия между лидерами советских Литвы и Белоруссии из-за принадлежности Гродненской губернии³. Эти конфликты вызывали большие опасения у эмиссара ЦК РКП(б) Адольфа Иоффе. Хотя он считал обе стороны настроенными «одинаково опасно»⁴, из контекста его критики видно, что больше всего его возмущает поведение белорусских национал-коммунистов: «Эта публика ведет себя возмутительно, среди своих они

¹ Короткова Д. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...». Лит-бел и его окрестности // Родина. 2012. № 3. С. 101–102.

² LYA. F. 77. I. 2. F. 2. L. 6.

³ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 98.

⁴ Там же. С. 99.

все время ведут какую-то закулисную клеветническую работу против литовских и польских товарищей и против меня лично и в интересах своего персонального господства создают враждебные отношения между двумя частями»¹. Это мнение было учтено Москвой при принятии дальнейших кадровых решений.

Под «двумя частями» имеются в виду две республики, которым предстояло стать одной. Под контролем Красной армии оказались две территории, занимавшие лишь часть нынешних Литвы и Белоруссии, слишком маленькие для того, чтобы выглядеть самостоятельными государствами и тем более вести полноценную хозяйственную деятельность. Да еще раздираемые территориальными спорами.

Советская версия Великого княжества Литовского

Решение проблемы было найдено неожиданное, но имевшее исторические прецеденты (если вспомнить о Великом княжестве Литовском) — объединение «урезанной» Белоруссии с советской половиной Литвы. В новую республику должны были войти Виленская, Минская, Ковенская и Гродненская губернии. Этим решением «убивалось» сразу несколько «зайцев». Новая республика обретала более солидную территорию, чем обе ее составляющие (правда, де-факто Красная армия не контролировала Ковенскую и Гродненскую губернии). Снимались территориальные споры в зоне смешанного населения. Белорусский и литовский народы одинаково противостояли польской экспансии, что вызывало здесь поддержку РККА со стороны местного населения по общим национальным причинам. К тому же, по мнению Иоффе, «если удастся устроить унию, то белорусский и литовский национализмы будут в значительной степени друг друга нейтрализовывать...». Литовские коммунисты приветствовали такой план².

ЦК РКП(б) принял соответствующее решение, и 29 января ЦК КПЛ уже обсуждал вопрос об объединении с Белоруссией. Уполномоченный Совнаркома РСФСР на Западном фронте, замнаркома по делам национальностей поляк Станислав Пестковский сделал доклад об этом, выдержанный в лестном для литовских коммунистов тоне: «Ввиду того, что административный аппарат Белорусского правительства плохо работает», Чичерин, Ленин, польские коммунисты и руководство Белоруссии поддерживают соединение Литвы с Минской губернией. Области эти экономически однородны, их объ-

¹ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 138.

² Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 100.

единение важно для общего фронта. Присоединение незначительно увеличит территорию, а передаст в распоряжение новой республики «значительные силы польских коммунистов»¹. Таким образом, литовцев ставят как организаторов выше белорусов (хотя белорусские коммунисты толком не успели развернуться, да и последующая административная деятельность Литбела, как мы увидим, не была безупречной). Дело было в том, что белорусских национал-коммунистов было решено вывести из игры. Их предстояло заменить многонациональным коллективом, в основе которого оказывались литовцы и поляки. Быстрый прорыв в Польшу не состоялся, и накопившиеся на Западном фронте польские коммунистические кадры нужно было куда-то пристроить. Многонациональная «Большая Литва» для этого подходила, белорусов должны были заменить поляки, и объединение двух республик даже трактовалось как соединение Литвы не с Белоруссией, а с Минской губернией, то есть в национальном отношении — как присоединение Минской губернии к Литве. Но новую советскую республику по дипломатическим соображениям нельзя было назвать Польско-Литовским государством, тем более что ему предстояло попытаться замирился с Польшей². Так что государствообразующим народом наряду с литовцами объявлялись белорусы, а на деле было решено строить республику с пятью официальными языками: литовским, белорусским, польским, идиш и русским.

30 января 1919 г., позднее, чем литовцам, председатель ВЦИК Яков Свердлов сообщил Жилуновичу о предстоящем слиянии. Свердлов прибыл в Минск, где 1 февраля собрал расширенное заседание ЦК КП(б)Б с участием представителей КП(б)Л и Компартии Польши, на котором вопрос объединения был обсужден практически. Государственный лидер Советской России принял участие в работе I съезда Советов Белоруссии, который только что принял Конституцию ССРБ и утвердил наконец ее название. Оглашенное Свердловым постановление президиума ВЦИК РСФСР о признании независимости Белорусской Социалистической Советской Республики (так в документе) не могло не удивить делегатов, которые не были посвящены в планы высшего руководства — новорожденной республике осталось жить недолго: Президиум ВЦИК «приветствует намечающееся объединение трудящихся масс Белоруссии с трудовым народом Литвы, тесно связанным с ними своим прошлым и экономическими условиями своего существования»³. Притом что ничего такого в повестке съезда

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 10.

² Ibid.

³ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Т. 4. С. 461.

не значилось. Впрочем, делегаты съезда привыкли подчиняться решениям партийных центров, и когда их соответствующим образом проинструктировали, 16 февраля приняли декларацию об объединении с Литвой. 17–21 февраля прошел I съезд Советов Литвы, который принял аналогичное решение. В постановлении съезда также выражалась мысль о том, что данное слияние — шаг к более широкой советской федерации: «Съезд усматривает в слиянии Советской Литвы и Советской Белоруссии только первый шаг на пути объединения всех советских республик в единый государственный организм», для чего следовало вступить с ними в переговоры¹. Слияние Литвы и Белоруссии Мицкявичюс считал началом «воссоединения Р.С.Ф.С.Р.»².

27 февраля объединенное заседание ЦИКов провозгласило Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (ЛБССР или Литбел) со столицей в Вильнюсе (Вильно). 13 марта Западная армия была переименована в Литовско-Белорусскую армию.

В Совет народных комиссаров ЛБССР вошли председатель Мицкявичюс, нарком внутренних дел Ангартис, нарком по военным делам Иосиф Уншлихт, наркомпрод Моисей Калманович, наркомфин Исаак Рейнгольд и другие деятели, не имевшие касательства к белорусскому национал-коммунизму. Объединенный ЦИК возглавил польский коммунист Казимир Циховский.

4–6 марта на объединительном съезде КП(б)Б и КП(б)Л была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КП(б) ЛиБ или КПЛБ). Председателем президиума ЦК стал Мицкявичюс, в его состав вошли Мясников, Кнорин, Ангартис, Калманович, Уншлихт, Циховский, председатель Минского ЧК Вацлав Богуцкий, председатель Минского горсовета Виктор Яркин и др.

Таким образом, в руководство Литбела вошли коммунисты с литовскими, еврейскими и польскими фамилиями. А вот команда Дмитрия Жилуновича и другие белорусские национал-коммунисты были отстранены от создания Литбела.

Правительство Литбела располагалось в Вильно, а Минск жил своей жизнью фактически самостоятельно от столицы³. Правительство имело слабую связь с местными властями, «во многих местах взял верх анархистски истолкованный лозунг “Власть на местах”»⁴, как с возмущением писал нарком внутренних дел Ангартис, и продолжал: «После некоторого ознакомления с уездами, где господст-

¹ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Т. 4. С. 463.

² LYA. F. 77. I. 2. F. 2. L. 25.

³ Ibid. F. 29. L. 10.

⁴ Ibid. L. 6 об.

вовала “власть на местах”, оказывалось, что в центре “власти на местах”, обыкновенно сидели какие-нибудь пройдохи, хорошо сжившиеся с некоторыми спецами из военных, чтобы в нужную минуту прибегнуть к их помощи (Ольшевский в Понеже, Дутко в Ошмянах и др.). В других местах во “власти на местах” были затесавшиеся белогвардейцы, примазавшиеся к коммунистам (Балтрушайтис в Уцянах)»¹. Некоторые местные руководители просто жили по-старому под флагом Советской власти, некоторые злоупотребляли положением.

В районе Вильно–Лида на почве произвола местных властей произошло крестьянское восстание против ревкома, председатель и военком были убиты. Карательный отряд разгромил бунтовщиков, провел аресты и реквизиции, после чего НКВД вмешался и прекратил расправу. Восстания произошли также в Ошмянском и Свенцянском уездах².

Но при дефиците кадров управлять ситуацией на местах из Вильно было практически невозможно. Отправляли инструкторов, но Ангартис признает: «Инструкторами большей частью были неопытные товарищи, которые часто сами требовали, чтобы их кто-нибудь еще проинструктировал»³. Понятно, что авторитета у таких посланников центра не было.

Чтобы как-то контролировать ситуацию на местах, Ангартис создал летучий коммунистический отряд для борьбы с контрреволюцией. Некоторые волостные Советы были разогнаны и заменены новыми, избранными местными рабочими и малоземельными крестьянами⁴.

В виленскую милицию «вошло много преступного элемента»⁵. Ангартис недоволен и тем, что в милиции служили контрреволюционеры, агенты спекулянтов и местные кулаки. Поскольку милиция должна была следить за порядком, в нее вступали и те, кто стремился к порядку независимо от характера власти, и карьеристы, и люди, желающие злоупотреблять властью, и лоббисты коммерческих интересов.

В Вильнюсе (Вильно) шла борьба с коррупцией. Так, в феврале был арестован член ЦИК Сливкин (Сокольников), который просил у родственников арестованных 15 тыс. рублей «для загладки дела», терроризировал обыскиваемых, приторговывал кокаином⁶.

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 29. L. 9.

² Ibid.

³ Ibid. L. 6 об.

⁴ Ibid. L. 8–8 об.

⁵ Ibid. L. 7.

⁶ Ibid. F. 5. L. 55.

Карьеристы приезжали также из России с мандатами разных Советов и требовали должностей. Ангаретис считал, что это были те, кто искал «более дешевого хлеба в Литве», а не стремился помочь советскому делу. Таких «понаехавших» иногда просто арестовывали¹.

Политические репрессии проводили Особый отдел при военном комиссариате, Особый отдел Следственной комиссии (затем Особый отдел НКВД), местные органы ЧК и революционные трибуналы, подчиненные Наркомюсту. Как говорил Ангаретис, «революционный трибунал рассматривает только дела политические. Это — не суд, а борьба и наказание. Суд народный рассматривает криминальные и гражданские дела»².

Лидеры республики не считали нужным проводить террор демонстративно. 14 апреля Президиум ЦИК постановил: «Поставить на вид Наркому юстиции, что расстрелы осужденных преступников, происходившие до настоящего времени днем и в местах, где живет население, должны производиться ночью, за городом, вдали от жилья»³.

При обсуждении вопроса о репрессиях в ЦК КПЛБ признавалось, что до сих пор «аресты носили случайный характер». И надо поставить дело более систематически, например: «У нас же имеются на месте факты: муж в белой армии, а жена живет спокойно в Вильне»⁴. Планировалось применение заложничества. Но на практике с этим опоздали. 6 апреля Мицкявичюс с сожалением говорил: «Был составлен список заложников, но многих из них не нашли в Вильне. Потому заложников от Польского общества всего несколько, ксендзов заложниками не решались брать до последнего дня. Литовские заложники намечены, и их можно взять, но решено выждать. Есть также список заложников из мира спекулянтов, около которых можно начать дело»⁵. Дамоклов меч, нависший над ксендзами, литовской интеллигенцией и теневыми торговцами, так и не упал. С одной стороны, Мицкявичюс опасался радикального разрыва с местными интеллектуальными элитами, а с другой — дезорганизации снабжения в случае удара по спекулянтам. Аресты поляков сдерживала надежда на мирные переговоры с Польшей. В то же время для ужесточения коммунистической репрессивной политики могло просто не хватить времени. Весной 1919 г. репрессивная политика Советской власти в целом была сдержанной, что сказалось и на ситуации в Литбеле. Но к ужесточению репрессий в Вильно были готовы. В апреле была

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 29. L. 8.

² Ibid. F. 5. L. 13.

³ Ibid. F. 25. L. 74.

⁴ Ibid. F. 5. L. 112.

⁵ Ibid. L. 115.

создана комиссия по заложникам ЦИК¹. После падения Вильно ЦК решил ужесточить репрессивную политику и расстреливать заложников из польских и литовских помещиков в ответ на расстрелы сторонников Советской власти в Вильно. Во время военного положения ЧК получила право расстрела без суда². Но теперь у Литбела были руки коротки, так как люди, «намечавшиеся в заложники», остались в Вильно.

Репрессивное законодательство Литбела было практически унифицировано с РСФСР. Местная ЧК подчинялась Всероссийской ЧК. В условиях военного положения коллегия ЧК имела право расстреливать без приговора революционных трибуналов — если обвиняемый застигнут на месте и есть вещественные доказательства преступления³.

В действительности коллегия ЧК Литбела была создана только в мае⁴, и лишь 4 июня Бюро ЦККПЛБ предложило ЧК выносить приговоры о расстреле коллегией и с утверждением комиссией в составе председателя ЧК Иосифа Тарашкевича и членов ЦК Уншлихта и Калмановича⁵.

Дефицит кадров заставлял вовлекать в систему власти некоммунистических политиков и деятелей культуры. Еще ЦБКП Белоруссии считало возможным привлечение социалистов к советской работе⁶. Под контролем коммунистов были созданы Еврейская коммунистическая партия и Еврейский коммунистический союз⁷. Эта инициатива вызвала критику со стороны Мицкявичюса и Ангаретиса, которые напомнили, что коммунистические партии не принимают принципа национально-культурной автономии в партийном строительстве. Но после дискуссии эти организации решено было сохранить — слишком важной для Вильно была задача расширить влияние коммунистов среди евреев с их обособленной жизнью. Было решено лишь, что еврейские коммунистические организации должны были подчеркнуть в своих уставах подчиненное положение в отношении КПЛБ⁸. Но и литовские коммунисты привлекли к работе в качестве наркома культуры социал-демократа Вацловаса Биржишку, к тому же — брата арестованного коммунистами литовского политика Виктораса Биржишки и министра просвещения в правительстве Слежявичюса Миколаса Биржишки. Вацловас сохранил свой пост

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 116.

² Ibid. L. 123, 138.

³ Ibid. F. 29. L. 10–11.

⁴ Ibid. F. 25. L. 47.

⁵ Ibid. F. 6. L. 22.

⁶ Ibid. F. 2. L. 7.

⁷ Ibid. L. 12.

⁸ Ibid. L. 96–97.

и в Литбеле до марта. Ниже мы увидим, что привлечение некоммунистических кадров к выработке и проведению культурной политики приобрело в Литбеле большие масштабы.

* * *

На примере «буферных» республик можно рассмотреть подробнее жизнь в национально окрашенных западных советских образованиях. В начале 1919 г. в Советской России утвердилась политика «военного коммунизма». Период раздела помещичьих земель между крестьянами завершился. Было решено не переносить практику раздела на территорию новых советских республик. Поместья становились государственными хозяйствами, поставляющими продовольствие в города «хлебными фабриками», как назвал их уже I съезд КП(б)Б¹. Это было бы проще, чем выколачивать хлеб по продразверстке. Земля была объявлена государственной собственностью. Такая политика вызывала разочарование крестьян, которые рассчитывали на раздел помещичьих земель, как в России в 1918 г. Мицкявичюс признавал, что из-за национализации земли среднее крестьянство настроено против власти, и приходится опираться только на сельский пролетариат².

Стали создаваться земельные отделы, которые должны были приступить к учету имений и крупных крестьянских усадеб. Поместья объявлялись советскими хозяйствами, работники должны были провести опись имущества и передать его в Наркомзем и затем в волостные Советы после их переизбрания³.

А вот наркомпрод Литбела действовал в соответствии с декретами Советской России мая 1918 г.⁴, была установлена продовольственная диктатура в отношении обладателей хлебных запасов. Деревенные товары предоставлялись «только на условиях социалистического товарообмена», то есть в обмен на поставки продовольствия по твердым ценам. Товары должны были распределяться «по системе классового снабжения»⁵, то есть раздаваться рабочим и бедноте. Но это можно было обеспечить только после создания «классовых» Советов на местах.

К делу заготовки продуктов и обработки огородов горожанами привлекались кооперативы. Наркомпрод создавал в городах (прежде всего в Вильно) сеть столовых для неимущих⁶.

¹ Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Т. 4. С. 446.

² LYA. F. 77. I. 2. F. 2. L. 24.

³ Ibid. F. 25. L. 79.

⁴ Ibid. L. 81.

⁵ Ibid. L. 81 об.

⁶ Ibid.

Происходили конфликты волостных Советов, взявших под контроль поместья, и сельских рабочих комитетов. «Сельские рабочие начали поговаривать, что раньше они были батраками у помещиков, а теперь становятся батраками у “мужиков”». Советы иногда распродавали имущество поместий, против чего выступал НКВД¹. Он потребовал за три недели сдать расхищенное имущество обновленным Советам².

7 апреля был принят декрет о провозе продуктов пассажирами (в разъяснение общего решения, принятого еще 22 января). Человек мог везти с собой не более 25 фунтов продовольствия, в том числе 10 фунтов хлеба, 2 фунтов мяса, 2 фунтов масла, 2 фунтов сала и жиров, 2 фунтов кондитерских изделий и сахара, 5 фунтов плодов, грибов, яиц и молочных продуктов. Внутри Литбела провоз продуктов практически не ограничивался³. Таким образом, Литбел стал не формальной, а вполне реальной для населения структурой.

11 апреля была создана комиссия СНК по торговле и товарообмену, без санкции которой «запрещается вывоз каких бы то ни было товаров из пределов республики»⁴.

В организованном порядке продовольствие с севера Литвы поставлялось в Советскую Латвию⁵. При этом 28 января ЦК КПЛ решил направить делегата «на Украину за продовольствием и оружием»⁶. Распределение ресурсов, и даже оружия на советской территории далеко не всегда было централизованным.

Большое значение Совнарком Литбела придавал борьбе с эпидемиями, накрывшими Европу: предусматривалось оборудование изолированных помещений, дезинфекционных камер и создание «летучих» санитарных отрядов. В Советах должны были создаваться медицинско-санитарные отделения. Планировалось взять на учет все имеющееся оборудование и обеспечивать задачу борьбы с тифом в приоритетном порядке⁷. Ставилась задача «очистки» ночлежек, постоянных дворов, гостиниц и станций от скопления населения. Под контролем медико-санитарных отделов беднейшее население должно было расселяться из трущоб в благоустроенные квартиры⁸. Таким образом, решение медицинской задачи увязывалось с важным направлением социальной политики Советской власти.

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 29. L. 8.

² Ibid. L. 14.

³ Ibid. F. 25. L. 70.

⁴ Ibid. L. 37.

⁵ Ibid. L. 73об.

⁶ Ibid. F. 5. L. 71.

⁷ Ibid. F. 25. L. 52.

⁸ Ibid.

Финансово Литбел находился в полной зависимости от России, но формально брал кредит. 2 апреля СНК РСФСР решил направить Литбелу 100 млн рублей¹.

* * *

Формально Литбел должен был стать бастионом национальной культурно-языковой политики, противостоящей польскому, литовскому и другим национализмам. У КПЛБ было четыре центральных органа: «Звезда», «Млот», «Коммунистас» и «Дер Штерн». Планировалось издание четырех-пяти популярных газет, в том числе «Бедняк», «Глос», «Работнице», «Тиеса»².

24 марта был принят декрет о реорганизации школьного дела, который гарантировал преподавание на одном из пяти языков (это право вытекало из декрета о правах национальностей от 21 марта)³. В развитие декрета была принята инструкция Наркомпроса о местных языках в школах. Выбор языка преподавания предоставлялся родителям и школьникам старше 13 лет. Языками преподавания были литовский, белорусский, польский, идиш и русский. Если набиралось 25 желающих обучаться на определенном языке — в школе формировалась такая группа. Если набиралось менее 20 желающих — отдел народного образования Совета специально должен был заняться решением этой проблемы. С третьего года обучения должен был изучаться еще один язык. Отделы народного образования должны были давать ответы на языке обращенного к ним запроса⁴.

Лидеры республики мечтали о развитии культурных программ. 12 марта был принят декрет о создании Народного университета с преподаванием на всех местных языках (на базе имевшегося Виленского университета). Университету выделили миллион рублей⁵. Планировалось учреждение Института социологии и экономики Литвы и Белоруссии и Социологической библиотеки⁶. Однако осуществление этих программ требовало большого количества высококультурных специалистов, поддерживающих Советскую власть. А с этим у коммунистов всегда были проблемы.

Мицкявичюс сумел сформировать относительно сильную команду для культурной работы, которой предстояло создавать национал-коммунистический синтез в Литбеле прежде всего на основе литов-

¹ Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: Документы и материалы. С. 58.

² LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 77.

³ Ibid. F. 25. L. 21, 78.

⁴ Ibid. L. 78.

⁵ Ibid. L. 4 об.

⁶ Ibid. L. 50.

ской культуры. Глава Совнаркома оправдывался, что из-за нехватки кадров «нам приходилось привлекать к работе даже некоммунистов»¹. Со структурами Литбела, прежде всего с Наркоматом просвещения, который до марта возглавлял социал-демократ Биржишка, сотрудничали Йонас Басанавичюс, Юозас Тумас (Вайжгантас), Йонас Яблонскис, Пранас Машиотас, Тадас Врублевскис и другие деятели литовской культуры. «В составе Комиссариата просвещения находим имена более чем 90 выдающихся литовских представителей науки, образования, искусства, музыки, театра. По составу Комиссариата в марте–апреле 1919 г. 71,5 % работников были литовской национальности»², — суммирует историк Р. Мотузас. Советская власть направила на культурные программы очень значительные средства. Как писал националист и добрый католик Тумас, «до сей поры еще ни одна власть не была столь щедрой, не скупящейся на культуру, образование, науку, искусство»³.

На сотрудничество с Мицкявичюсом пошли «звезды первой величины», которые верили, как считал Тумас, что для предсовнаркома «важна Литва, а не коммунисты»⁴. Как писал тот же Тумас, «в Вильнюсе коммунисты ведут себя по-человечески, пугают сильно, но крови не проливают»⁵. Это не соответствовало действительности, но Тумас, видимо, не заметил казней, потому что они не коснулись известных людей.

Многие сотрудничавшие с коммунистами в Вильнюсе крупные деятели культуры были далеки от коммунистических идей, но закладывали основы современной литовской культуры, формировали ее каноны и стандарты, которые в это время были еще относительно подвижны.

Формирование единой литературной нормы литовского языка на основе юго-западных аукштайтских говоров происходило с конца XIX в. и к 1918 г. еще не было завершено. Так, классические труды Йонаса Яблонскиса по грамматике литовского языка вышли в период 1901–1925 гг. Он придумывал слова, отличные от заимствованных, причем не все они удержались в языке. Даже в названии его «Грамматики литовского языка» написание слова «литовский» различается в изданиях 1901 и 1919 гг. («Lietuviškos» и «Lietuvių»)⁶. Конструкторы

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 2. L. 25.

² Мотузас Р. Особенности правления большевиков в Вильнюсе в январе–апреле 1919 года и литовская интеллигенция // Россия и Балтия. Новый мир на развалинах империи. Вып. 8. М., 2017. С. 86.

³ Цит. по: Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Дини П. Балтийские языки. М., 2002. С. 376–378.

литературного языка еще выбирали между националистическим пуризмом и славянизированными формами. И на этот выбор могла повлиять политическая ситуация.

В случае, если бы создателям культуры Литбела предстояло заниматься просвещением белорусских масс, эта задача могла осуществляться и путем некоторой адаптации формирующихся стандартов доминирующего литовского языка к славянским элементам (тем более что в рамках Российской империи и СССР происходила адаптация всех языков к русскому).

Пока белорусские национал-коммунистические деятели были отстранены от Литбела, а просто коммунистические занимались решением задач, общих для всех советских республик, литовская культурная команда действовала к созданию «Большой Литвы» в границах Литбела.

Историк Ч. Лауринавичюс пишет: «Однако слияние существенно не повлияло на одну особенность внутренней политики этой республики, а именно, на возможность развивать литовскую этническую культуру на ее территории, включая и саму столицу Вильнюс. Поэтому, хотя формально между национальным литовским государством и советской государственностью установилось военное противостояние, фактически между этими формами обозначился некий общий интерес — содействие литвинизации края»¹. Для литовцев приоритетной задачей была литвинизация Виленского края, но ценой этого было нахождение в одной республике с большими массами славянского населения.

«Поддерживая Советскую власть в Вильно, они, очевидно, противопоставляли себя не только Польше, но и собственно литовскому правительству в Ковно. “Оправданием” сотрудничества лидеров литовского Вильно с Советской властью служат два важнейших фактора. Во-первых, они поддерживали хоть и советское, но все же литовское государство со столицей — и это важно — в Вильно. Во-вторых, они использовали период Советской власти для расширения сети литовских образовательных учреждений и в целом — для литуанизации края»², — пишет историк М.С. Павлова. Причем сам этот край смещался от Литвы в современном понимании слова в сторону «Срединной Литвы» с преимущественно литовско-белорусским сельским населением. Здесь этническая чересполосица затрудняла создание национальных государственных образований.

¹ Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только. С. 174.

² Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект пресс, 2016. С. 24–25.

Идея «Большой Литвы», включающей большие массы славянского населения, не была результатом просто советских буферных комбинаций. Создание «Срединной Литвы» живо обсуждалось и по другую сторону фронта, где тоже была актуальна тема литовско-славянского синтеза, правда не литовско-белорусского, а польско-литовского. Очевидно, что советский проект Литбела был более выгоден для литовцев, которые занимали в новом образовании лидирующие позиции. В случае поражения советской стороны в советско-польской войне Литве предлагались менее выгодные комбинации.

Литбел жил в прифронтовой обстановке, а ситуация на фронте ухудшалась под натиском польских войск. 25 февраля ЦК КПЛ обсуждал ситуацию: «Поляки взяли Слоним, начинается паника, минчане не хотят ехать в Вильну и просят отложить заседание ЦИК»¹.

15 марта на ЦК обсуждалась возможность мобилизации, но от нее отказались, потому что и добровольцев не удалось обеспечить как следует, а учет призывников уже вызвал волнения².

Москва и Вильно предпочли бы мирные переговоры между Польшей и Литбелом, что означало бы и отказ Польши от претензий на создание объединенного польско-литовского государства. НКВД в Москве пытался подтолкнуть к этому Польшу. Во время переговоров Чичерина с представителем польского МИД Венцковским, последний «нащупывал почву для мирных переговоров. Тогда ему было заявлено, что для переговоров о мире он должен обращаться в Вильно, ибо Россия фактически с Польшей не воюет»³, — сообщалось в ЦК КПЛБ в начале апреля. 5 апреля, обсуждая эту ситуацию, чекисты выражали недовольство тем, что Москвой «вопросы, касающиеся прежде всего нас, решаются совершенно без нашего участия»⁴. Если НКВД хочет использовать независимый статус Литбела, он должен считаться с его руководством, хотя бы своевременно информировать о происходящих переговорах. Впрочем, это был тактический вопрос. Как говорил Иосиф Уншлихт, «интересы международного пролетариата выше национальных вопросов, и за мир с Антантой можно отдать Литву и Белоруссию»⁵.

Но эти регионы пришлось «отдать» в условиях концентрации сил красных для отпора адмиралу Колчаку. Красная литовско-белорус-

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 55.

² Ibid. L. 86–87.

³ Ibid. L. 108.

⁴ Ibid. L. 109.

⁵ Ibid. L. 110.

ская армия была ориентирована прежде всего на противостояние литовской армии, на Северо-Запад. Между тем главная угроза приближалась с Запада.

Польский натиск

В польском руководстве не было общего мнения относительно конфигурации и оптимальных границ возрождающейся Речи Посполитой. Роман Дмовский считал, что раз украинцы и белорусы не имели раньше государственной самостоятельности, то не должны получить независимость и после Первой мировой войны. Он планировал включить в состав Польши Ковенскую, Виленскую, Гродненскую губернии, а также часть Минской и Волыни.

После выступления Дмовского на Совете десяти в Париже 29 января была создана комиссия по польскому вопросу под руководством Жюля Камбона, которая занялась исследованием этнических границ Польши. Комиссия определила этническую границу Польши на востоке, которая была утверждена Верховным советом Антанты 8 декабря и потом получила название «линии Кёрзона», так как была подтверждена в ноте министра иностранных дел Великобритании Джорджа Кёрзона. Эта линия проходила от Гродно через Немиров, Брест, Дорогуск, к востоку от Грубешува и обрывалась на старой австро-российской границе, не пересекая Галиции. Таким образом, архитекторы послевоенного мира не признавали за Польшей прав на Белоруссию.

Однако это ограничение можно было бы обойти с помощью формально равноправной федерации, которая в зависимости от ситуации могла стать федеративным государством Речь Посполитая либо Союзом Речи Посполитой с полусамостоятельными республиками. Пилсудский надеялся вовлечь в федерацию даже Латвию¹.

Но отношение Пилсудского к проектам федеративной Речи Посполитой или инкорпорации восточных территорий в Польское государство было ситуативным: «На Востоке есть двери, которые открываются и закрываются, и все зависит от того, кто и как широко силой их откроет»². Если получится — можно создать большое федеративное государство с участием Литвы и Украины, если нет — государство с преобладанием польского населения, границы которого будут настолько далеко отодвинуты на восток, чтобы поляки не потеряли там большинства.

¹ Суля В. Юзеф Пилсудский. С. 239.

² Цит. по: Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 111–112.

16 апреля литовский представитель Юргис Шаулис прибыл в Варшаву и предложил признать независимую Литву, включающую Вильнюс, Гродно и Сувалки. Представлявший Польшу Вацлав Серошевский предложил восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г.¹

В апреле 1919 г. переговоры в Каунасе вел представитель Пилсудского Михал (Миколас) Рёмер, который в дальнейшем стал деятелем литовской культуры и жил в Каунасе. Рёмер предлагал создать в освобожденном от красных Вильно польско-литовское правительство как модель польско-литовской федерации. Пилсудский, направляя Рёмера в Каунас, предупредил его, что в случае неудачи его миссии он включит Вильно в состав польских земель. Литовские политики не пошли навстречу планам Рёмера. В то же время члены делегации Рёмера пытались создать в Каунасе польское лобби². Казалось бы, твердая позиция литовского руководства показала, что у планов создания польско-литовского государства нет перспектив. Но осенью выяснилось, что в Каунасе действует подпольная Польская военная организация, которая готовит переворот в пользу министра обороны Сильвестраса Жукаускаса³. Этническая самоидентификация была еще очень пластичной. Если бы еще в 1916 г. ковенскому дворянину Жуковскому кто-нибудь сказал, что он будет Жукаускасом, он бы очень удивился. Побыв Жукаускасом, генерал вполне мог вернуться к своей первоначальной фамилии уже в польском или польско-литовском подданстве. И не только он в Ковно-Каунасе менял фамилию в эти бурные годы, когда этнические потоки еще не застыли в твердые формы.

Юзеф Пилсудский вел в это время и «белорусскую игру». 29 апреля он обратился к жителям бывшего Великого княжества Литовского, но не на литовском или польском, а на белорусском языке. В своем обращении он обещал «право свободного, ничем не ограниченного обсуждения своих проблем» и возможность организации без давления со стороны Польши своих «внутренних, национальных и религиозных дел так, как вы сами захотите»⁴. Началось формирование литовско-белорусских вооруженных формирований в составе польской армии. 11 сентября Пилсудский прибыл в Минск, где тоже выступил с речью на белорусском языке.

Правда, 5 марта вышло распоряжение польского главного командования № 861, в котором говорилось: «На территориях, заня-

¹ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. С. 26.

² Там же. С. 26–27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953. Минск: Беларуская навука, 2014. Кн. 1. С. 113.

тых польскими войсками, официальным языком является польский... Правительственные распоряжения будут издаваться на польском языке, могут быть с переводами на языке местного населения»¹. Этот перевод был не просто необязательным, но и нежелательным. Так, в Белостоке, по сообщению свидетеля событий В. Родзяловского литовскому министру белорусских дел, «с приходом польских войск... в первую голову запретили печатание на белорусском, русском и немецком языках всяких брошюр, объявлений, афиш и проч., не решившись, однако, сразу закрыть старую газету “Голос Белостока”, выходявшую некоторое время после занятия города на русском языке. Теперь и эта газета закрыта»².

* * *

17 апреля польские войска под командованием Эдварда Рыдз-Смиглы взяли Лиду. «19 апреля по железной дороге из Лиды в Вильно был направлен польский отряд (200 штыков и 150 сабель при нескольких орудиях), переодетый в красноармейскую форму. Беспрепятственно проникнув в город и заняв стратегически важные пункты, поляки открыли огонь, что вызвало панику. В 13 часов они заняли Замковую гору. Захваченный вокзал и железная дорога позволяла полякам перебрасывать подкрепления. Тем не менее бои в городе, в которых с обеих сторон участвовали добровольцы из местных жителей, продолжались до 21 апреля, когда красные части покинули его»³, — пишет историк М.И. Мельтюхов. Контрнаступление красных 27–28 апреля было плохо скоординировано и закончилось неудачей.

После падения Вильнюса центральные структуры Литбела эвакуировались в Минск. Совнарком затем разместился в Бобруйске, который считался более безопасным. ЦИК взял на себя дела Минского губсовета, а ЦК — Минского губернского комитета партии⁴. Ведь теперь территория Литбела свелась практически к Минской губернии.

Наряду с ужесточением репрессивной политики, в условиях военной катастрофы предпринимались меры для расширения политической базы режима. Наркомом социального обеспечения был назначен бундовец Н. Вайнштейн, представители просоветских партий допускались в коллегии наркоматов⁵.

¹ Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953. С. 133.

² Там же. С. 139.

³ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939). С. 121.

⁴ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 129.

⁵ Ibid. L. 158.

Отступление привело к оттоку коммунистических кадров, вступивших в партию прежде всего по карьеристским соображениям. В ответ ЦК предпринимал суровые меры: «Дезертировавших коммунистов Вольфсона и Коробка передать в ЧК и предложить расстрелять, как членов партии, заявивших о выходе из партии после мобилизации»¹. Таким образом, расстрел грозил даже за выход из компартии.

1 июня Литбел стал одним из учредителей военно-экономического союза советских республик. После этого в Москве пришли к выводу, что «буферная игра» себя практически исчерпала. 15 июля Сталин предложил ликвидировать Литбел². Признавая, что аппарат Литбела уже ничем не управляет, и его дела можно передать минским Советским властям, ЦК КПЛБ в обращении 14 июля уговаривал центральное руководство не торопиться с формальной ликвидацией Литбела: «Что касается дальнейшего существования самой Республики Л. и Б., то, принимая во внимание, что ликвидация Республики Л. и Б. в данный момент вызовет дезорганизацию в широких кругах наших товарищей на Литве и Белоруссии, особенно по ту сторону фронта, что уничтожение Республики затрагивает работу КП в Литве и даст огромный козырь буржуазным партиям Польши и Литвы против Советской России, давая повод для обвинений в аннексионистских стремлениях Р.С.Ф.С.Р., что в виду возможности мирных переговоров с Польшей ликвидация Республики крайне невыгодна для Советской России и окончательных результатов этих переговоров, Ц. К. признает необходимым формальное существование в дальнейшем Республики Литвы и Белоруссии. Члены Совнаркома и ЦИК Литвы и Белоруссии должны выполнять всякую работу, которая в связи с переживаемым моментом на них возлагается, независимо от сохраненного за ними звания членов формально продолжающего свое существование Совнаркома Л. и Б. Одновременно ЦК поручает тов. Мицкявичу выступать, где это будет необходимо, от имени Совнаркома с соответствующими декларациями, постановлениями и т. п.»³. Эти аргументы были приняты Москвой. О ликвидации Литбела не сообщалось, хотя СНК Литбела передал дела Советским властям Минской губернии. Формально Литбел просуществовал еще год.

15 июля ЦК КПЛБ принял решение о переходе власти к подотчетному ему Минскому губревкому⁴. Но было очевидно, что Минск теперь будет подчиняться напрямую Москве и командованию Запад-

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 181.

² Ibid. L. 222.

³ Ibid. L. 214–215.

⁴ Ibid. L. 228.

ного фронта. ЦК КПЛБ надеялся сосредоточиться на организации подпольной работы на территории «тарибской оккупации»¹. Работа эта не дала политически значимых результатов. А 8 августа Минск был занят польскими войсками.

После падения Минска 16-я армия (бывшая Литовско-Белорусская) отошла к Березине, но поляки не оставили ее там в покое. 29 августа они взяли Бобруйск, а 10 сентября — Борисов. Линия фронта к зиме установилась по Березине, причем поляки обеспечили себя плацдармами на восточном берегу.

Тем временем развернулось наступление Деникина на Москву. Перспектива победы великодержавных белых генералов не радовала лидеров Польского государства, тем более что польская армия продвинулась на восток достаточно далеко. Большого и не требовалось.

В июле Венцковский и глава советской делегации Юлиан Мархлевский встретились в Беловеже и договорились о проведении конференции обществ Красного Креста для решения гуманитарных вопросов.

Она проходила на станции Микашевичи 10 октября — 13 декабря и оказалась удобной формой для контактов, ведь это не были межгосударственные переговоры о мире или перемирии. Антанта не могла по этому поводу предъявить претензии Польше.

2 ноября было подписано соглашение о заложниках, а 9 ноября — о гражданских пленных. Из «гражданских пленных» Мархлевский стремился добиться освобождения в Польше прежде всего коммунистов. В его списке было 65 человек. Польская сторона предлагала большое количество арестованных по разным причинам, вплоть до спекулянтов, но соглашались менять не «голову на голову, а гуртом»².

Но перед Мархлевским стояли и другие задачи. Направляя его в Микашевичи в качестве представителя российского Красного Креста, НКВД предоставил ему полномочия «вести переговоры с представителями польского правительства по всем вопросам, возникшим или имеющим возникнуть между Польской Республикой и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой...»³.

Уже 11 октября с Мархлевским переговорил прибывший из Варшавы эмиссар Бирнбаум, который был отрекомендован председателем польской миссии Михалом Коссаковским как человек, «осведомленный в политических умах». Бирнбаум подчеркнул, что полномочий вести официальные переговоры не имеет, но предварительно обсудил саму возможность переговоров по политическим вопросам.

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 5. L. 270.

² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 47.

³ Там же. С. 31.

Мархлевский сделал из этого вывод, что «следует ждать приезда лица, уполномоченного формально»¹.

И действительно, 16 октября в вагоне Мархлевского появился капитан Игнаций Бёрнер. Он, правда, тоже не имел официальных полномочий. Но зато демонстрировал осведомленность о мнении Пилсудского и вообще политических настроениях в Варшаве. Оказывается, там боялись не только «нашествия москалей», но и их сотрудничества с Германией: «Мы в Польше все верим, что большевики пойдут с немцами»². Поскольку конкретно Бёрнер говорил об угрозе со стороны фон дер Гольца, эта мысль показалась Мархлевскому чепухой. С Гольцем большевики подобных переговоров не вели. Но идея советско-германских военных действий против Польши в дальнейшем витала в воздухе и в начале 20-х, и до конца 30-х гг., пока не реализовалась на практике. Бёрнер пытался убедить Мархлевского, что прекращение польского наступления свидетельствует о том, что Пилсудский не хочет помогать Деникину, но не может заключить соглашение открыто. Впрочем, как сообщал замнаркома иностранных дел Лев Карахан, поляки в это время продолжали наступать на Мозырь и Новоград-Волынский³.

«Политическое щупанье», как называл такие беседы Юлиан Мархлевский, перешло в новую фазу 26 октября, когда съездивший в Варшаву Бёрнер сделал более определенное заявление: «Нам важно, чтобы вы победили Деникина, берите свои полки, посылайте их против Деникина или против Юденича, мы вас не тронем». Мархлевский резонно ответил, что войска нельзя убрать с фронта «на основании частных разговоров». Нужно, чтобы было заключено пусть и секретное, но соглашение с уполномоченным лицом⁴. Мархлевский соглашался, что это могут быть устные ручательства, если поляки боятся огласки, но все же уполномоченного официальными властями представителя. НКВД настаивал на соблюдении взаимности, например: «Наш представитель получает устные заверения от главы польского правительства, их уполномоченный от Ленина»⁵.

Также возникла идея заключить перемирие на стратегически важном участке фронта под видом необходимости провести там обмен пленными и заложниками.

В итоге консультаций Бёрнер озвучил такую позицию Начальника государства, которую Мархлевский в ноябре передал в Москву:

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 36–37.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 49.

«Пилсудский не желает с нами “торговаться”. Он не предлагает “соглашения”, а делает просто заявление, что он не даст приказа польским войскам переходить за определенную линию, которую он уже указал и определяет еще раз: Новгород-Волынский, Олевск, река Птич, Березина с прилюстовыми укреплениями... Березинский канал до Двины и Двина... Это не соглашение, а просто заявление». Можно верить или не верить, снимать войска с фронта или держать их там и дальше. Но во избежание случайных конфликтов Пилсудский рекомендовал красным отвести войска от этой линии на 10 верст. При этом Пилсудский выдвигал дополнительные требования — отказ от советской агитации в польских войсках и передача Латвии Двинска: «Если мы доходим до соглашения с латышами — хорошо; если нет, и если латыши попросят помощи Польши, чтобы взять Двинск, Польша обязана будет эту помощь дать»¹. Это и произойдет в январе 1920 г. Пилсудский также требовал не трогать Петлюру, когда с ним образуется у красных общий фронт, а Деникину Пилсудский желает гибели. В принципе, Пилсудский готов был послать к Ленину своего представителя, который мог повторить эти условия устно². Лев Троцкий отреагировал на это сообщение: «Заявление Пилсудского принимаем к сведению. Наступать не будем. Необходимые меры к устранению случайных наступлений примем»³.

3 января 1920 г. состоялась передача полякам первого эшелона с гражданским лицами в составе 481 человека⁴.

Разгром войск Деникина изменил отношение польского руководства к переговорам. Теперь угрозы со стороны белых генералов в регионе не было, а российская угроза по-прежнему исходила из Москвы. К тому же по мере отступления деникинцев польские войска получили возможность занимать территории, оставленные белыми, пока туда не пришла Красная армия.

В январе 1920 г., когда стало ясно, что белые генералы проигрывают, Пилсудский приказал возобновить боевые действия против Красной армии в районе Двинска, о котором предупреждалось советское руководство. 3 января польско-латвийские войска взяли Двинск.

28 ноября 1919 г. министр иностранных дел Польши Александр Скиншинский заявил в сейме о том, что Польша готова заключить мир с Россией, если та его предложит. 22 декабря НКВД РСФСР подтвердил готовности начать переговоры о мире с Польшей. 26 ян-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 61.

варя Великобритания сообщила польскому руководству, что не рекомендует Польше продолжать войну с Россией. 28 января НКВД снова призвал к переговорам. 24 февраля Совет Антанты даже рекомендовал Варшаве не выставлять слишком тяжелых требований на предстоящих переговорах. Правда, 8 марта польское правительство Леопольда Скульского потребовало от России отказаться ото всех территорий к западу от границы 1772 г. Но в Москве рассчитывали, что это — крайнее польское требование для дальнейшей дипломатической торговли. 27 марта польская сторона согласилась на ведение переговоров, но стороны пока не договорились о месте их проведения. Поляки предпочитали Борисов, что означало бы прекращение военных действий в этом районе при сохранении свободы рук у польской армии на других направлениях. Советскую сторону это не устраивало.

В Москве серьезно готовились к переговорам. 30 марта 1920 г. Чичерин сообщал Максиму Литвинову: «Предстоящие переговоры с Польшей ставят на очередь чрезвычайно сложные и щекотливые вопросы о форме самоопределения Белоруссии и т. п.»¹. Но у Пилсудского были другие планы: 25 апреля началось польское наступление на Киев.

---

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 71.

Глава 9. Красные в Европе

Старый спор славян между собою

«Оставьте: это спор славян между собою, / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою...» — писал Пушкин зарубежным «клеветникам России», рассуждавшим об очередной русско-польской войне. Действительно, спор был старый и в чем-то домашний: то поляки обосновались как дома в Москве в начале XVII в., то русские в Варшаве — с конца XVIII. Продолжение истории российско-польских войн наложилось на обстоятельства нациестроительства, социальных потрясений и ожидания мировой революции. Смелые государственные проекты привели в движение войска и подарили кровавой военной истории яркий пример переменчивой фортуны, когда линия фронта движется на сотни километров то в одну, то в другую сторону в течение полугода. Этот маятник раскачивался между Днестром и Вислой в апреле–октябре 1920 г., определяя судьбы народов Восточной Европы и влияя на ход революционной волны в Европе Западной.

Уже по свежим следам событий, в 20-е гг., участники на советско-польском фронте написали множество мемуаров, которые создали подробную, но противоречивую картину войны. В последующие десятилетия история сражений 1920 г. была проработана до мельчайших деталей. Это позволяет нам описывать ход военных действий в общих чертах, останавливаясь прежде всего на важных для нашей темы стратегических и политических аспектах¹.

Прежде всего возникает вопрос: зачем Пилсудский бросился в рискованное наступление весной 1920 г.? По мнению его биографа В. Сулеи, который пишет о ситуации после взятия Киева поляками, «Пилсудский не собирался защищать Киев. Ведь в его цели не входило ни обладание городом, ни удержание линии Днестра, его интересовал окончательный разгром противника»². Такая гипотеза представляет Пилсудского человеком неадекватным. Можно было нанести тяжелое поражение какой-то части Красной армии, но труд-

---

¹ Если не указано иное, ход военных действий советско-польской войны излагается по: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987; *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918–1921. М.: Полигон, 2002; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001.

² *Сулей В.* Юзеф Пилсудский. С. 270.

но себе представить, как под Киевом и Могилёвом поляки могли бы окончательно разгромить армию, которая только что победоносно завершила кампанию против достаточно сильной армии Деникина. Если принять версию В. Сулей, Пилсудский хотел выманить к Киеву и Могилёву основные силы Красной армии и там их полностью разгромить. Но тогда логичнее предположить, что и отступление к Варшаве было кутузовским планом заманивания Красной армии. Однако даже при серьезном поражении на одном из направлений у Красной армии оставалось еще немало сил на многих фронтах. Так что вряд ли Пилсудский был так наивен, что рассчитывал полностью разгромить красных. Скорее он стремился занять удобные рубежи для обороны Речи Посполитой, которая в таком случае должна была стать либо федерацией, либо гегемоном конфедеративного или союзного образования, в которое входит Украинская народная республика (УНР), занимающая Киев. Ведь Антанта вряд ли бы признала присоединение Киева к Польше.

Польша оказалась в точке напряжения европейских сил. Безопасное для нее устройство Восточной Европы предполагало поддержку Антанты, с одной стороны, и отодвигание российских рубежей подальше на восток — с другой. Удар по большевикам, как казалось в Варшаве, мог послужить решению обеих целей, так как после поражения белого движения у лидеров Антанты не оставалось под рукой другой крупной военной силы для давления на большевиков. Дождавшись разгрома Вооруженных сил Юга России, остатки которых в марте эвакуировались в Крым, Пилсудский решил продемонстрировать мощь своей армии и в случае успеха осуществить федералистский политический план, объединяющий ряд народов вокруг Варшавы.

Пилсудский разъяснял, что в Киеве мы «вечно сидеть не можем» и здесь будет создано украинское государство, которое «будет преградой между нами и Россией»¹. Но небольшая Правобережная Украина не могла бы сама противостоять России. Поэтому на правобережье Днепра ее бы защищала польская армия, что не исключало набегов на восток без пролития польской крови. Предполагалось, что на Москву дальше пойдет не польская армия, а «третья Россия» во главе с председателем Русского политического комитета Борисом Савиновым. Комитету была лояльна Русская народная добровольческая армия под командованием Станислава Булак-Балаховича, который позиционировал себя как носитель белорусской национальной идеи, и русский отряд, который позднее будет развернут в 3-ю Русскую армию под руководством генерала Бориса Пермикина.

¹ Цит. по: Сулей В. Юзеф Пилсудский. С. 261.

В марте войска генерала Владислава Сикорского захватили два важных железнодорожных узла — Калинковичи и Мозырь. Красное командование, соответственно, ожидало польские удары в Белоруссии.

Но 25 апреля польская армия начала операцию по захвату Киева и уже 26 апреля вошла в Житомир. Накануне нового похода на восток Пилсудский назначил себя маршалом (сейм утвердил это звание только в ноябре, когда Пилсудский действительно одержал достойную маршала победу). На оккупированной территории польские войска вели себя жестоко в отношении мирного населения и занимались грабежом¹. Это не прибавило популярности «освобождению от большевизма».

Союзником поляков в этом походе стали части УНР. В связи с подписанием украино-польского договора головной атаман УНР Симон Петлюра 19 апреля 1920 г. заявил: «Теперь украинская армия будет сражаться не одна, а вместе с армией дружественной нам Польской республики против красных империалистов, угрожающих также и свободной жизни польского народа... а после окончания борьбы с большевиками польские войска будут немедленно отведены в рубежи своей Республики»². Пилсудский также обещал, что, когда «на рубежах встанут отряды украинского народа, способные защитить эту страну от новой агрессии, — польский солдат вернется домой»³. Весь предыдущий опыт украино-польских отношений ставил эти обещания под сомнение. Во всяком случае, пока существовало сильное Российское государство, можно было сомневаться в способности украинцев самостоятельно противостоять ему. Тем более что, как пишет его биограф В. Суля, Пилсудский в 1920–1921 гг. «еще не отказывался от объединения в рамках федерации Польши, Украины и Белоруссии, а в случае благоприятных условий — Литвы»⁴. 21 апреля Петлюра подписал договор, признававший передачу Восточной Галиции Польше. Таким образом, Украина была разделена, и западная ее часть отходила к Польше с согласия лидера УНР. В 1921 г. Петлюра писал: «Когда я в апреле 1920 г. заключал соглашение с поляками, моей целью было начать значимым политическим актом упорную борьбу со склонностями и тенденциями в нашем обществе к политическим соглашениям и договорам с Москвой, которую я считаю историческим и вечным врагом нашим»⁵. К полякам у укра-

¹ См.: Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 39.

² Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. С. 284.

³ Суля В. Юзеф Пилсудский. С. 261.

⁴ Там же. С. 297.

⁵ Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. С. 321.

инцев тоже было много исторических претензий. Но тут Петлюра был куда как более гибок. Мол, поляки — неважные колонизаторы, и их попытка сделать своими Волинь и Полесье «не будет иметь никаких последствий»¹.

Говоря о национальных задачах украинского народа, Петлюра утверждал: «Наша национальная сокровищница содержит в себе такое множество непостижимого и еще неразвитого, что мы должны будем еще долгие века работать над развитием этих богатств»². Развитием богатств украинской культуры займется уже СССР.

Пилсудский в интервью «Дэйли Ньюс» назвал украинское правительство «экспериментом», а с коллегами он откровенно обсуждал, что нужно сделать правительство Петлюры зависимым «главным образом от нас» и «поскольку весь мир должен был бы считаться с Украиной как с нашим творением, то он добирался бы к этой Украине через Варшаву»³.

В армии УНР числилось около 20 тыс. украинских бойцов, из которых только на половину хватало снаряжения.

6 апреля 1-я Конная бригада Червоной украинской галицийской армии (ЧУГА) под командованием атамана Эдмунда Шепаровича, дислоцированная в Тирасполе, перешла на сторону УНР. Остальная ЧУГА его не поддержала, и бригада стала пробиваться к двигавшейся по красным тылам армии петлюровцев во главе с генералом Михаилом Омеляновичем-Павленко, с которым 25 апреля соединилась.

Бойцам ЧУГА тяжело было согласиться на союз с Петлюрой, который «продал Галицию полякам». Но 23 апреля две бригады ЧУГА атаковали красных под Винницей и 28 апреля взяли ее, посодействовав польскому наступлению. По мятежным галичанам ударила красная конная бригада Григория Котовского и нанесла им поражение. ЧУГА стала распадаться. Бригада сечевых стрельцов числом около 2 тыс. человек не поддержала это выступление и вступила в бой с поляками, но действовала неудачно. 1–3 мая войска УНР атаковали красных под Крыжополем, помогая полякам.

В это время на восточном фронте находилось 369 887 польских солдат⁴. Боевая численность этих войск составляла 148,4 тыс. при 894 орудиях, 392 минометах, 4157 пулеметах, 49 бронев автомобилях и 51 самолете. Это позволило при примерном паритете численности войск в Белоруссии создать перевес в пользу польско-украинских

¹ *Петлюра С.* Главный атаман. В плену несбыточных надежд. С. 321.

² Там же. С. 335.

³ Цит. по: *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 525.

⁴ *Пилсудский Ю.* 1920 год. Советско-польская война. М.: Вече, 2018. С. 227.

войск на Украине в личном составе 1:2,6, а по орудиям и минометам — 1:2,5¹.

6 мая, нанеся поражение 12-й красной армии, поляки вошли в Киев. Член Ревтрибунала Юго-Западного фронта А. Рыжков докладывал в РВС фронта, что причинами оставления Киева 12-й армией была ее малочисленность по сравнению с противником, а также выступление галичан в тылу. В начале операции в армии было 9 тыс. бойцов, из которых 5 тыс. галичан. Их переход на сторону противника прервал связь частей и сократил армию более чем вдвое. В результате поляки имели десятикратный перевес, и удержать Киев такими силами красные не могли².

1 мая к советскому руководству обратился авторитетный царский генерал Алексей Брусилов с предложением содействовать Советской России со стороны патриотического офицерства в войне с Польшей. С его точки зрения, она была уже не гражданской, а патриотической. 2 мая при главкоме РККА образовалось «особое совещание» во главе с Брусиловым, который призвал бывших офицеров под красные знамена, убеждая, что теперь это их патриотический долг. Часть офицерства откликнулась на призыв, но сторонники белого движения объявили Брусилова предателем. Однако к этому времени многим было ясно, что Гражданскую войну красные выигрывают, и для тех офицеров, которые до сих пор не вступили в РККА, выступление Брусилова стало еще одним аргументом, чтобы попытаться найти свое место в новой России.

Пилсудский посеял ветер, но пожал бурю. Его укол был болезненным для Москвы, но угрозы стратегического поражения не нес, зато давал отличный повод для нового похода на Запад.

26 мая Юго-Западный фронт РККА во главе с Александром Егоровым перешел в контрнаступление. 5 июня 17-тысячная 1-я Конная армия под командованием Семена Буденного прорвала фронт и 12 июня ворвалась в Житомир. Армия генерала Эдварда Рыдз-Смиглы оказалась под угрозой окружения. Не сумев парировать удар кавалерийских масс, поляки оставили Киев, и 12 июня туда вошла Красная армия.

Пилсудский в мемуарах обвинял своих генералов в нерасторопности и неточном выполнении его указаний. Это касалось прежде всего несвоевременного начала отступления Рыдз-Смиглы из Киева и его неумения отбивать удары 1-й Конной, пессимизма «окопника» Шептицкого после прорыва линии фронта красными в июле и т. п.

¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 32, 35.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 241. Л. 12.

Генералы, разумеется, настаивали, что точно выполняли указы главного, и нечего перекладывать с больной головы на здоровую. Аналогичная дискуссия об ответственности за поражение красных (но уже в августе) будет вестись потом в Советской России.

Впрочем, Пилсудский иногда бывал самокритичен. Так, он признавал, что, основываясь на опыте мировой войны, недооценивал роль крупных масс кавалерии в современности: «С развитием огневой мощи при накоплении огромных военных запасов в Европе роль кавалерии упала практически до нуля... Поэтому я себе не мог даже представить, чтобы более или менее вооруженная пехота при поддержке пулеметов и артиллерии не могла бы с помощью огня справиться с кавалерией»¹.

Крупные кавалерийские части Гражданской войны были прототипами мобильных частей уже Второй мировой войны. Да и сама Гражданская война показала, что военное искусство преимущественно позиционной Первой мировой войны начинает устаревать. Впрочем, военное искусство развивалось по спирали. В истории преобладали средства то наступления, то защиты. Доспехи побеждают копьё, доспех пробивает пуля, линейную тактику ломает массовая армия, ее порыв останавливают пулеметы и окопы.

По своим военным вкусам красные командиры — выдвиженцы революции — были ближе к Наполеону, чем к победителю немцев французскому маршалу Фошу. В этом отношении Тухачевский и Егоров демонстрировали «отсталость» военного искусства Гражданской войны в России от европейского военного искусства первой четверти века. Но игнорирование военного искусства позиционной Первой мировой войны иногда помогало им побеждать белых генералов.

В Западной Европе технические средства обороны были более развиты, чем средства наступления, что позволяло создавать прочные фронты, пробивание которых было невероятно тяжелой задачей. Отсюда «застойность» Первой мировой.

С эпохой моторов военное искусство маневренной войны, вырабатывавшееся в сражениях Гражданской войны в России, окажется более актуальным, чем военное искусство Первой мировой. Это покажет уже первый год Второй мировой войны. Советско-польская война продемонстрировала перевес средств наступления, который обернулся крахом наступательной стратегии, для полноценного осуществления которой еще не созрели достаточные предпосылки. Советские полководцы действовали на заре эпохи моторов. Но у них

¹ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 46–47.

недостаточного количества моторов было для осуществления своих смелых замыслов. А конная тяга не потянула. Но главное было в другом — советское командование и политическое руководство быстро впадало в головокружение от успехов.

Удару 1-й Конной армии предшествовало начавшееся 14 мая наступление Западного фронта РККА под командованием Михаила Тухачевского. Численность войск Западного фронта составляла более 80 тыс. бойцов. Им противостояли польские войска Северо-Восточного фронта под командованием генерала Станислава Шептицкого численностью более 57 тыс. Сначала наступление Тухачевского развивалось успешно. Первоначальный успех вызвал у бывшего подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка эйфорию. 18 мая он сообщал главкому Каменеву: «Освобождаемое население встречает восторженно, подъем громадный». Товарищ Корк, правда, запаздывает, «видимо не ожидал столь быстрого развития на самом деле». Но ничего, нагонит. «Я вообще ожидаю хороших результатов и хорошо бы толкнуть Литву на Вильно, а Минская губерния вся охвачена восстаниями, нами зарегистрировано до 8000 партизан. Сейчас получены сведения о новых 7 поездках, спущенных под откос. При хорошем преследовании польская армия севернее Припяти может быть вовсе уничтожена»¹. Каменев не жалеет в ответ похвал: «Корк — это моя гордость, как на каждом фронте всегда есть один из командармов, играющих первую скрипку, каковой скрипкой на Востфронте были Вы, так у нас Корк на Западном, а Уборевич на Юго-Западном»².

Майское наступление этой победной эйфорией предвосхищает завязку августовской битвы за Варшаву. Были и другие параллели, свидетельствовавшие о том, что красное командование не извлекло уроков из майско-июньской неудачи. Так, 15-я армия под началом Августа Корка наступала по расходящимся направлениям, и ее тылы отстали. Это в большем масштабе повторится в августе. Польский контрудар 31 мая — 8 июня привел к тяжелому поражению 15-й армии, пусть и не столь катастрофическому, как это случится с Западным фронтом в августе.

По словам историка В. Сулеи, «Тухачевский начал наступление, хотя еще не располагал всеми силами. Тем не менее, ему удалось сорвать польские планы до такой степени, что задуманный Маршалом (Пилсудским. — *Прим. ред.*) поход на Жлобин и Могилёв, целью которого был разгром готовящихся к атаке сил противника, пришлось

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 387. Л. 385.

² Там же. Л. 386.

отменить»¹. На север были переброшены дополнительные дивизии поляков. В начале июня войска Тухачевского были отброшены.

Но, как признавал Пилсудский, «в истории нашей войны эта операция сыграла свою выдающуюся роль. Прежде всего она перенесла большую часть наших польских сил (до четырех дивизий) на Северный фронт, что, естественно, отразилось на всем дальнейшем ходе войны. Затем, будучи как бы прелюдией к крупному июльскому наступлению Советов, она многому научила войска обеих сторон. Мне очень неприятно признаваться, но этот опыт наш противник использовал значительно более умело, чем мы»². Пилсудский не прав — Тухачевский тоже мало проникся опытом неудачного майского наступления. Победная эйфория, которая подвела Тухачевского в мае, вернулась к нему в августе с еще более фатальным эффектом.

В июне Западный фронт был пополнен. В его составе теперь находились не две, а четыре армии (3, 4, 15 и 16-я) и Мозырьская группа общей численностью более 90 тыс. бойцов. На Северо-Восточном фронте генерала Шептицкого действовали 1-я и 4-я армии, а также Полесская группа общей численностью 72 тыс. штыков и сабель.

4 июля Западный фронт перешел в наступление, охватывая противника с севера, и прорвал фронт. 6 июля Станислав Шептицкий отдал приказ об отходе, который вскоре стал стратегическим. После советского успеха под Лидой закончилось, по словам Пилсудского, «такое частое до сих пор топтание на месте советских войск, которые, робея перед прошлыми победами своего противника, не были уверены в своих победах»³. Пилсудский иронизирует над представлениями Тухачевского, который и после завершения кампании считал, что «разгромил» и «раздавил» польские армии на Виленщине⁴. А они просто ушли, оторвавшись от преследователя.

Этот кутузовский план не был «заманиванием» (Пилсудский пытался переходить в контрнаступление, но неудачно). Маршал и его генералы пока не научились вести мобильную войну, искали новую позицию, за которую можно было зацепиться. Удержаться на линии старых окопов не удалось, нанести контрудар от Бреста не вышло.

Пилсудский высоко оценивал продвижение Западного фронта РККА: «Значение этого марша огромное... Под впечатлением этой надвигающейся грозовой тучи качалось государство, ломались характеры, размягчались сердца солдат»⁵.

¹ Суля В. Юзеф Пилсудский. С. 268.

² Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 32.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 122.

Пока Пилсудский с большим или меньшим успехом отводил разбитые, но не разгромленные польские войска к Висле, с тыла его атаковали политическими средствами члены Национально-демократической партии (эндеки). 23 июня сейм поддержал создание правительства Владислава Грабского, который негативно относился к федералистской аванюре Пилсудского. 1 июля для руководства страной был создан Совет обороны государства в составе начальника государства, маршала сейма, председателя правительства, десяти депутатов и трех министров. Совет должен был контролировать Пилсудского, который своими действиями поставил Польшу на край обрыва.

19 июля, когда Красная армия взяла Гродно, Роман Дмовский и другие эндеки потребовали отставки Пилсудского как ответственного за поражение. Это решение не было поддержано Советом обороны, и эндеки покинули его.

За июль РККА прошла 600 км. 26 июля в районе Белостока РККА вступила на территорию этнической Польши. Несмотря на контрудары поляков, 1 августа красные вошли в Брест. Польской армии пришлось отходить дальше. По мнению биографа Пилсудского В. Сулей, «провал контрнаступления под Брестом сначала привел его в сильное замешательство»¹.

Одновременно по Украине продвигался Юго-Западный фронт РККА. 9 июля красные взяли Проскуров, а 12 июля — Каменец-Подольский. 22 июля главком сориентировал Юго-Западный фронт на Владимир-Волынский, через который дорога лежала на Львов. Оборонявшую его 6-ю польскую армию и войска УНР предстояло разгромить и оттеснить к границе Румынии. Львов был важнейшим перекрестком на путях мировой революции. Через него открывались пути на Румынию, Словакию и Венгрию. Москве виделась возможность реванша за гибель Венгерской советской республики в 1919 г. На северном фланге наступления Красной армии также открывались новые возможности в связи с польско-литовским конфликтом.

Единственный союзник

Важную роль в советско-польской войне играл литовский фактор. У Литвы были острые противоречия как с советскими республиками, так и с Польшей, что создавало возможности для маневра дипломатии большевиков.

После майско-июньского наступления литовских войск в 1919 г. советско-литовский фронт сузился, а в начале 1920 г., со взятием

¹ Сулей В. Юзеф Пилсудский. С. 284.

Двинска поляками, и вовсе исчез. В контексте стремления Москвы к замирению с прибалтийскими государствами еще 12 августа 1919 г. для мирных переговоров с Литовской республикой был направлен Юлиан Мархлевский. 26 августа литовские войска взяли город Эжеренай (Зарасай), который в Каунасе считали последним пунктом этнической Литвы. Эта атака на время затруднила переговоры, полномочия Мархлевского были временно отозваны. Но, обсудив вопрос 6 и 11 сентября, Политбюро решило добиваться мирных переговоров со всеми прибалтийскими государствами, включая Финляндию¹. 11 сентября наркоминдел Георгий Чичерин направил в Каунас ноту с предложением начать мирные переговоры.

24 сентября Великобритания признала Литву де-факто. 29 сентября — 1 октября в Тарту прошла конференция глав правительств уже четырех прибалтийских государств, на которой стало известно, что Лондон не возражает против их мирных переговоров с Россией².

К 22 октября литовское правительство выработало условия для перемирия — установление нейтральной зоны (тогда советско-литовская линия фронта еще существовала), отказ от большевистской пропаганды в Литве, отказ от территориальных претензий на край, возвращение военнопленных и заложников, материальная компенсация издержек войны и доли богатств Российской империи, запрет на увеличение численности войск в 100 км от демаркационной линии³. Переговоры об обмене пленными и заложниками прошли успешно, и 19 ноября был заключен соответствующий договор. Путь к мирным переговорам был открыт.

Москва предложила заключить перемирие и затем мир всем прибалтийским государствам, но формально с Литвой она не воевала, так как красные в Литве действовали под вывеской Литбела.

Совнарком Литбела был вовлечен в ход переговоров с Литвой об обмене арестованными (заложниками), которые вел Винцас Мицкявичюс. Чичерин настаивал на общем обмене, предсовнаркома Мицкявичюс с ним в принципе соглашался, но ссылался на неуступчивость «Тарибской Литвы». 13 октября на бланке СНК Литбела было направлено письмо Чичерину по вопросу обмена заложниками с правительством Литовской республики, где СНК Литбела настаивал на жестких условиях: 1 советского менять на 2,5 «белых». Также

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1976. С. 483, 495, 499; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 42, 383.

² Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. С. 30.

³ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. Вильнюс: Институт истории Литвы, 2020. С. 128–130.

категорически говорилось: «Обещать им не брать больше заложников мы не можем»¹. 19 ноября соглашение об общем обмене наконец было достигнуто, но технически дело затягивалось. Инструкция для обмена заложниками с Литвой от 3 апреля уже не требовала компенсации, если «Тарибская Литва» предложит на обмен уголовников и чуждых коммунистам элементов из тюрем. Их следовало либо возвращать назад, либо арестовывать после обмена². Однако в дальнейшем Мицкявичюс пытался тормозить обмен, ссылаясь то на готовящуюся амнистию, то на репрессии в Литве³. Окончательно обмен был завершён уже после заключения советско-литовского договора 12 июля 1920 г.⁴

В Литве за переговоры выступало левое правительство Миколаса Слежявичюса. Но более правые политики из партий прогрессистов и крестьянских демократов, составлявших большинство в Литовской Тарибе и связанных с президентом Антанасом Сметой, свалили правительство Слежявичюса в конце сентября 1919 г., критикуя его за курс на мирные переговоры с Советской Россией. Новое правительство Эрнестаса Галванаускаса, впрочем, тоже не исключало переговоров, но было настроено более осторожно, с оглядкой на Лондон и Париж. Причём, поскольку Париж стоял за спиной Варшавы, Каунас надеялся на заступничество Лондона, который в это время взял курс на мирное урегулирование конфликтов в Восточной Европе.

Литовская сторона выдвинула концепцию переговоров, в соответствии с которой Россия сначала должна признать независимость Литвы со столицей в Вильнюсе, а уже затем обсуждать границы и прочие проблемы. Предполагалось сразу признать Литву в «этнографических границах», но трактовались они очень широко. 31 марта литовское правительство направило ноту советскому, в которой говорилось: «Главным условием мира является признание полной независимости Литвы в ее этнографических границах, т. е. заключающей в себе в общих чертах бывшие Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей Вильно»⁵. Однако очевидное преобладание литовцы имели только в Ковенской и Сувалкской губерниях.

В ноте от 2 апреля правительство РСФСР соглашалось «применить этнографический принцип как основу для определения границ территории Литовского государства»⁶, но и само признание неза-

¹ LYA. F. 77. I. 2. F. 54. L. 11, 11 ap, 14–14 ap.

² Ibid. I. 3. F. 83. L. 13, 13 ap.

³ Ibid. L. 3, 7–8.

⁴ Ibid. L. 4–4 ap.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 438–439.

⁶ Там же. С. 438.

висимости (необходимость которого не ставилась под сомнение), и границы нового государства должно стать результатом дипломатической конференции двух стран.

4 апреля министр иностранных дел Литвы Аугустинас Вольдемарас пытался не дать партнерам уйти от ответа на территориальный вопрос: «Признаете ли Вы за Литвой города Вильно и Гродно?» Также Вольдемарас настаивал, что признание независимости является предварительным условием переговоров¹.

Но советская сторона не собиралась выпускать из рук такую аппетитную «морковку», как признание независимости. Если оно должно будет стать итогом переговоров, органической частью договора, то литовская сторона будет заинтересована в заключении этого договора в гораздо большей степени.

8 апреля Чичерин дополнительно разъяснял Вольдемарасу: «Все же мы принуждены различать принципиальное признание независимости Литвы от юридического акта, по которому на известной территории должна прекратиться суверенная власть Российского государства. Принципиальное признание независимости Литвы, будучи полным и окончательным, должно все же получить юридическое выражение в формальном акте, т. е. в договоре... Что касается вопроса о границах нового государства и, в частности, о принадлежности некоторых городов к Литве, то мы заявили, что Российское Советское Правительство принимает этнологический принцип как основу в решении этого вопроса. Литовское Правительство должно дать себе отчет в том, что лишь тогда, когда оно познакомит нас с этнологическими данными, касающимися этого вопроса, мы сможем вывести вытекающие из них заключения и предпринять соответствующие политические шаги, которые окажутся необходимыми»².

Таким образом, Москва отрицала предварительные условия начала переговоров, обещая, впрочем, самую любезную их атмосферу.

7 мая советско-литовские переговоры начались в Москве. Советскую делегацию возглавлял Адольф Иоффе, а литовскую — Томас Нарушявичюс (Норус).

Камнем преткновения первого этапа советско-литовских переговоров стал вопрос о предварительном признании независимости Литвы. Иоффе разъяснял, что Советская республика в абстрактной форме уже признала право на независимость всех народов бывшей Российской империи, но конкретно можно было признать Литву только в определенных границах. Ведь иначе получится, что Россия

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 450–451.

² Там же.

признает независимость Великого княжества Литовского в прежних границах, которые тоже были созданы в результате агрессивных войн литовских и польских феодалов. Нарушявичюс убеждал партнеров, что Литва не претендует на все земли Великого княжества. Обе стороны понимали, что Литве нужно признание независимости, чтобы потом претендовать на признание государствами Лиги Наций, а России как можно скорее нужен полноценный мир с ясными границами. Советская сторона опасалась, что, получив акт признания, литовская делегация сможет вообще отказаться от дальнейших переговоров, таким образом оставив большевиков ни с чем.

Нарушявичюс напоминал: «Литовское Государство было силою присоединено к России, и мы сейчас хотим, чтобы Российская Советская Республика, мотивируя признание суверенности литовского народа принципом самоопределения народа в то же время формально отказалась от того права сильного, которое Россия наложила на Литву, ибо юридическое право России на Литву было основано только на насилии. Мы хотим, чтобы юридическая наследница империалистической России, Советская Россия, формально отказалась от этого права»¹.

Иоффе напомнил о том, как расширялось Великое княжество Литовское в XIII–XIV вв., и поиронизировал над историческими экскурсами партнеров: «Несправедливость, совершенная в 18-м веке, является несправедливостью, тогда как несправедливость, совершенная в 13-м или 14-м веке, должна быть признана справедливой, и мы в XX веке должны исправлять несправедливость 18-го века, а несправедливость 13-го и 14-го века может остаться неисправленной»².

В итоге литовская делегация согласилась на требование советской стороны признать независимость Литвы в первом пункте мирного договора, лишь упомянув «империалистическую завоевательную политику царизма». Потом этот исторический экскурс, связывавший Российскую империю и Советскую Россию, в договор не вошел³.

Литовская делегация хотя и не претендовала на всю территорию «Большой Литвы», но видела границы этнической Литвы довольно широко. Нарушявичюс выдвинул претензии на «земли, которые в течение многих веков составляли территорию коренной Литвы и обнимали бывшие губернии России: Ковенскую, Виленскую, Сувалкскую и Гродненскую, Новогрудский уезд Минской губ., части Илукстского уезда Курляндской губернии»⁴.

¹ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 193.

² Там же. С. 190–193.

³ Там же. С. 197.

⁴ Там же. С. 188.

При обсуждении будущих границ Литвы советская делегация отвергала легитимизм, уходящий корнями в XVIII в., настаивая на волеизъявлении населения.

Этот демократизм Иоффе был оборотной стороной реал-политик: если Красная армия явится в этот регион, она может повлиять и на «волю населения». Единственный, но важный момент, где советская делегация принимала историческую аргументацию литовцев, — принадлежность Литве Вильнюса. Ведь Вильнюс был столицей и Литбела.

Советская делегация отказалась брать на себя ответственность за урегулирование территориальных споров Литвы с Германией, Польшей и Латвией, так что в Москве обсуждалась только восточная граница Литвы.

В ходе мирных переговоров литовская сторона претендовала на белорусские земли, апеллируя к соглашению с Белорусской радой и историческому праву, хотя основные причины были геополитическими — Литва боялась оказаться окруженной польской территорией в случае поражения РККА. Иоффе парировал, что из исторического права следует «необходимость присоединения Литвы к Польше или необходимость присоединения Литвы к России»¹.

Литовский делегат, министр по белорусским делам литовского правительства Доминик Семашко, настаивал: «Воля белорусского населения Гродненщины и Виленщины выражена вполне ярко и определено тем, что представители этого населения были делегированы в Литовскую Тарибу. Различные местные самоуправления в своих постановлениях также подтверждали желание белорусского народа находиться в составе литовского государства»². Иоффе ответил, что существуют различные политические организации, по-разному оценивающие будущее Белоруссии.

Действительно, даже деятели БНР во главе с председателем эмигрантского правительства Вацлавом Ластовским после переговоров с Семашко отказали ему в поддержке из-за нежелания Литовской республики признать автономию Белоруссии в составе Литвы и провести референдум на этих территориях. Советское руководство также вступило в контакт с представителями БНР, которые передали Чичерину меморандум с требованием признать независимость Белоруссии (в форме БНР)³. Советские аргументы убедили литовскую

¹ Цит. по: Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. С. 34–35.

² Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 203.

³ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. С. 145–146.

сторону, и Семашко даже не был привлечен к финальной фазе переговоров.

Исторические мотивы затем сохраняли некоторое значение в дискуссии, но их заметно потеснили этнографические и экономические — Литва стремилась установить контроль над всем течением Немана и присоединить важный в экономическом и транспортном отношении Белосток.

Обеими сторонами приводился научный материал по этнографии и экономике, и иногда дебаты напоминали научную конференцию, особенно на комиссиях. Основным дискуссанта с литовской стороны был Пятрас Климас, представивший обильный эмпирический материал и теоретические выкладки для обоснования литовских претензий на территории Виленской и Гродненской губерний¹.

Климас так объяснял требование литовской стороны относительно территорий, где литовцы не составляли большинства: «Литовский народ под влиянием русификаторской политики Царского Правительства и колонизаторского влияния польских ксендзов и помещиков — в значительной степени утратил свое национальное самосознание и бытовые особенности, главным образом на территориях Виленской и Гродненской губерний... Если наиболее развитыми в национальном отношении являются г. Сувалкская и Ковенская, то литовское население Гродненской и Виленской г. в большинстве своем еще не имеет достаточно выраженного национального самосознания»².

Советские представители ссылались на работы академиков Шахматова, Марра, Платонова и других ученых, включая литовских³. В итоге советский делегат Рафаил Расикас сделал вывод: «Больше половины требуемой Литовской Делегацией территории — этнографически является не литовской»⁴.

9 мая был подготовлен ответ российской мирной делегации по вопросу границ Литвы, в котором отрицались исторические аргументы о принадлежности земель Великому княжеству Литовскому, так как «значение имеет только воля народа или народов, в настоящее время населяющих данную территорию, а никак не этнографический состав данной территории в давно прошедшие века»⁵. Но плебисцит на спорных территориях не предполагался, «волю народов» предстояло определять по этнографическому составу 1920 г.

¹ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 227–243.

² Там же. С. 203–204.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Научно-дипломатические споры затянулись, и стало ясно, что их исход зависел не только от научных, но и от военно-политических факторов. Нарушявичусу дали понять, что если Литва хочет получить Виленщину и Гродненщину, то сначала нужно победить Польшу, а это удобнее делать совместно, воюя в союзе с Россией. А если Литва не вступит в советско-польскую войну — пусть пеняет на себя, когда Красная армия займет спорные территории.

Климас 26 мая писал в отчете о переговорах: «Положительное решение вопроса о границах было связано с тайной координацией военных действий против поляков. Тогда с их стороны был разработан проект тайного договора, обсужденный и тщательно исправленный вместе с военными экспертами с их и нашей стороны; и, так как у нас на это нет никаких полномочий, было решено в срочном порядке части делегации отбыть в Каунас и решить этот вопрос... Из проекта, который везет с собой председатель делегации, видно, что территориальный вопрос с Советской Россией может быть положительно решен после заключения тайного договора, который фактически не навешивает на Литву никакого груза, только помогает защитить свою территорию от поляков и на этом моменте заканчивается»¹. В тексте проекта тайного военного договора было записано, что союз носит временный характер, совместные боевые действия будут вестись до момента освобождения литовских территорий от поляков, обе стороны обязывались предоставлять друг другу железные дороги, подвижной состав для перемещения войск, предметы вооружения и снабжения, литовская армия должна была подчиняться российскому главному командованию².

Вопрос о заключении тайного военного соглашения в обмен на территориальные уступки был слишком серьезен, чтобы литовская делегация могла решить его самостоятельно. Было очевидно, что вступление Литвы в войну с Польшей на стороне России могло произвести самое неблагоприятное впечатление в Лондоне, не говоря уж о Париже.

Пока советско-польские сражения развивались в пользу Пилсудского, литовская сторона не торопилась вмешиваться в ход военных действий. В Каунасе решили взять тайм-аут.

22 мая по распоряжению министра иностранных дел Литвы Вольдемараса мирные переговоры были приостановлены, а часть делегации во главе с Нарушявичюсом была отозвана³.

---

¹ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 259.

² Там же. С. 245–247.

³ Там же. С. 226.

За время отсутствия части членов литовской делегации в Москве комиссии продолжали готовить варианты формулировок статей будущего договора. Литовцы требовали от России отказаться от своих прав на общегосударственное имущество, находящееся на территории Литвы, но при этом уплатить Литве пропорциональную часть золотого фонда, выделить пропорциональную часть военного и торгового флотов, денационализировать имущество литовских граждан в России, возместить убытки Литвы, причиненные ей мировой войной в 900 млн рублей золотом, реэвакуировать имущество, капиталы, вклады, снабдить полным вооружением и амуницией один армейский корпус, выделить пропорциональную часть капиталов и имуществ, принадлежащих России и находящихся за границей, выкупить имеющие хождение в Литве русские бумажные деньги. Такие смелые идеи для советской делегации были неприемлемы.

Благодаря прениям в комиссиях, в том числе и в отсутствие главы литовской делегации, стороны смогли лучше понять аргументы друг друга и подготовиться к подписанию договора, если на то будет политическая воля руководства Литвы.

13 июня Климас докладывал, что российские делегаты «отказываются рассчитываться с Литвой по каким бы то ни было имущественным делам. Единственно, что они признают — все, что осталось в Литве пусть и остается, а что досталось России — так и “капут”». Нечего, мол, тут счета сводить. Радуйтесь, что становитесь независимыми и что за это вам не нужно платить никакой контрибуции... А если Россия убедится, что Литовское государство является полностью дружественным России государством и что его существование выгодно для России, и, особенно, если Литва сможет помочь одолеть величайшего врага России “панскую Польшу” — тогда они могут еще, в виде исключения, предоставить Литве особые концессии и поддержать ее жизнь тем или иным способом (подарками золотом или по-другому)... Если бы мы встали на такую их позицию — заключить мир могли бы в течение двух часов»¹.

5 и 8 июня 1920 г. литовское правительство обсудило инструкции для своей делегации, где предусматривалось военное взаимодействие Литвы и России против Польши². Вольдемарас признавал: «Если мы ясно скажем, что готовы сидеть сложа руки и не делать ни одного шага для освобождения своих земель, то наивно надеяться, что большевики или кто-нибудь другой отберут у поляков эти территории и преподнесут нам их как презент»³. По предложению Слежявичуса

¹ Литва—Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 310.

² Там же. С. 291–300.

³ Там же. С. 294

была принята такая формулировка военного соглашения: «Литовские власти примут все доступные им меры, не исключая и использования военной силы, но выбрав средства, которыми поляков можно удалить из Литвы. Выбор момента для использования военной силы также принадлежит исключительно литовским властям»¹.

* * *

Ситуация в регионе драматически изменилась после того, как развернулись решающие сражения советско-польской войны. Пока договор не был заключен, РККА не допускала литовские войска на территорию, отбитую у поляков.

Опасаясь вмешательства Литвы в советско-польскую войну, Польша 4 июля признала Литву де-факто. Но 10 июля Красная армия развернула наступление на Вильнюс.

Командующий 4-й армией Евгений Сергеев вспоминал: «Фактически литовская граница еще точно определена не была, и левый фланг польских армий оперировал, в сущности, на литовской территории. Литовские части держались в 25–30 верстах западнее линии Варшавской ж. дороги, и если не были официально в состоянии войны с Польшей, то во всяком случае, держались по отношению к польским войскам довольно неприязненно»².

Одновременно велись польско-литовские переговоры, где литовские представители предлагали передать Вильнюс литовским войскам и тем предотвратить его занятие красными. Но поляки на это не согласились³.

В этих условиях литовское руководство направило Нарушавичюса в Москву подписывать договор.

10 июля Чичерин представил Ленину проект мирного договора с Литвой и сопроводительное письмо, в котором утверждалось, что «литовская делегация выразила полное согласие тому, чтобы мы оккупировали Вильню, пожелав только иметь свою гражданскую администрацию»⁴.

Первоначально Ленин выступил против заключения договора в этот момент⁵. Дискуссии продолжались еще два дня в условиях динамичных изменений на фронте. 11 июля была получена нота Кёрзона, требовавшая, в частности, остановить Красную армию у стен Вильню.

¹ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 296.

² Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. Смоленск: Военный редакционный совет Западного фронта, 1923. С. 55.

³ Мельтохов М.И. Советско-польские войны. С. 199.

⁴ The Unknown Lenin / Ed. R. Pipes. Yale University, 1996. P. 85–88.

⁵ Ibid. P. 88.

Заключение мира с Литвой оказалось связанным с планами в отношении Польши. Если Красная армия двинется вглубь этнической Польши, то мир с Литвой необходим, так как литовская армия остается в тылу похода на Варшаву. Литва в этих условиях должна быть дружественной, а не враждебной. Ленин выступал за то, чтобы перейти линию Кёрзона, и санкция на подписание мира была получена.

Советско-литовский договор был заключен в Москве 12 июля 1920 г. К Литве переходили обширные территории, включавшие Гродно, Лиду, Ошмяны, Сморгонь и, конечно, Вильнюс с основной частью Виленской губернии.

Советская Россия признавала независимость Литовской республики, выплачивала Литве 3 млн золотых рублей, возвращала эвакуированное во время Первой мировой войны имущество, компенсировала литовским гражданам вклады в государственные банки. Литва освобождалась от выплат по долгам Российской империи, а также получала концессии на вырубку леса в пограничных районах. Стороны обязались прекратить действие на своей территории враждебных друг другу политических сил.

РСФСР обязалась соблюдать нейтралитет Литвы. При этом советская делегация оговорила, что в силу оккупации части территории Литвы Войском Польским Красная армия должна пока иметь право на переход новой литовской границы и нейтралитет Литвы будет поддерживаться Москвой при условии участия «в выработке условий этого нейтралитета». Литовская делегация вынуждена была принять это заявление к сведению «с тем, однако, условием, чтобы, по миновании военно-стратегической надобности Российские войска были выведены из означенных территорий»¹.

* * *

Подписание советско-литовского договора решило судьбу проекта Литбела и открыло путь для восстановления советской Белорусской республики.

25 мая 1920 г. ЦК РКП(б) распорядился создать Минский губернский ревком без национальной окраски. Его возглавил Александр Червяков, бывший председатель Белорусского национального комитета Наркомнаца, соратник Дмитрия Жилуновича и нарком просвещения в Литбеле в последние месяцы его реального существования. Заместителем к нему были назначены равнодушные (если не сказать больше) к белорусской идее Вильгельм Кнорин и Мендель Хатаевич².

¹ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 359.

² Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 149.

Председателем ЦК КПЛБ был «избран» Ивар Смилга, прежде вообще не имевший к этому региону отношения. Просто он намечался в члены РВС Западного фронта: если удастся отвоевать часть территории для Литбела — ему и карты в руки по налаживанию власти.

В июле РККА перешла в успешное контрнаступление против Войска Польского. 7 июля был взят Минск. Минский ВРК был реорганизован. Председателем остался Червяков, состав же был многонациональным, включая словно подобранных по алфавиту литовца Иосифа Адамайтиса и белоруса Иосифа Адамовича. Помимо большевиков в ВРК вошли представители Бунда и Белорусской коммунистической организации, созданной в январе недавними эсерами. Был приглашен и представитель белорусских эсеров, участвовавших в налаживании антипольского подполья и партизанщины¹.

28 июля Красная армия взяла Белосток. 30 июля был образован ВРК Польши (Польревком). Дальше медлить с определением статуса Белоруссии было нельзя. С чем Советская Россия идет на запад: включать в свой состав территории распавшейся Российской империи — или и того больше? Или же создается сообщество равноправных народов, которых роднит Советская власть? В такое сообщество не грех войти и советской Польше, а там, может быть, и советской Германии. Стратегия Ленина заключалась именно во втором. Одновременно с Польревкомом 30 июля решено было создать и Белревком. На этот раз заместителем к Червякову был назначен Кнорин, Адамович остался, Адамайтис выбыл. Сохранился многопартийный состав. Правда, эсеры в ВРК не вошли, так как выдвинули слишком «независимые» условия: гарантии настоящей независимости от России, своя армия, коалиционное правительство, белорусский государственный язык и расширение территории.

31 июля на совместном заседании ЦК партий, вошедших в Ревком, и профсоюзов Минска и губернии была провозглашена независимая Социалистическая советская республика Белоруссия — в дальнейшем Белорусская советская социалистическая республика. Власть до съезда Советов переходила к ВРК Белоруссии. Вооруженные силы были общими с Россией (что предусматривалось еще союзом, в который 1 июня 1919 г. вошел Литбел). Территория Белоруссии пока распространялась на Минскую и Гродненскую губернии в той части, которая не отошла к Литве. Позднее предстояло уточнить польско-белорусскую и белорусско-украинскую границы². С этого момента белорусское государственное образование уже не прекращало сво-

¹ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 150.

² Там же. С. 151–152.

его существования. 10 сентября 1920 г. Временный революционный комитет БССР передал Советской России мандат на проведение мирных переговоров с Польшей преимущественно по проблеме определения границ Белоруссии¹.

Только 25 октября оргбюро ЦК РКП(б) постановило ликвидировать КПАБ и создать отдельные компартии Литвы и Белоруссии².

Решение о создании Советской Белоруссии, на тот момент продиктованное политическими мотивами, положило начало процессу, который привел к формированию в недрах СССР реальной государственности, выделившейся в 1991 г. в независимое государство Республика Беларусь. А ведь при другом финале военно-политической борьбы могла возникнуть не просто тень Великого княжества Литовского — но полноценное современное литовско-белорусское государство!

* * *

14 июля Красная армия взяла Вильно, снова ставший Вильнюсом. Теперь она пребывала здесь с согласия Литвы, что могло быть аргументом, успокаивавшим британцев, все еще надеявшихся остановить красных на линии Кёрзона. С севера в Вильнюс вошла литовская армия и после братания с красными двинулась преследовать поляков в полосе территории, которую договор передавал Литве. Действуя успешно, литовские войска заняли Новые Троки и станцию Ландварово³. Таким образом, Литва стала единственным неподконтрольным коммунистам государством, вступившим в фактический военный союз с Советской Россией против общего врага.

17 июля красные заняли Лиду, 19 июля — Гродно, а 23 июля — Пинск.

Большевики учреждали на территориях, которым предстояло отойти к Литве, в том числе и в Вильнюсе, свои ревкомы. Им, правда, было велено не призывать к революции, но они могли запрещать литературу некоммунистического характера.

Красноармейцы производили расстрелы. Литовская сторона протестовала, так как расстрелянные жители Вильнюса теперь были литовскими гражданами.

Командование РККА не соглашалось: «Расстреляны лица, избалованные в службе в польской армии, также выделившиеся особыми

¹ Тихомиров А. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство // Белорусский журнал международного права и международных отношений. Минск, 2003. № 3. С. 31.

² LYA. F. 77. I. 3. F. 1. L. 1.

³ Баканов Д. К. Советско-литовские отношения в 1920 году. ВКР, ГАУГН, 2021. С. 85.

действиями против крестьян или виновные в спекуляции валютой»¹. Но литовцы не принимали таких объяснений.

В телеграмме литовского дипломата Доваса Зауниуса к Иоффе от 22 июля говорилось: «Ситуация в Вильне становится невыносимой. Русские войска создают революционные комитеты и вводят систему своего правления и администрации. Запрещается публикация всех газет, кроме большевистских. Русские начинают реквизицию и национализацию»².

Революционная активность красного командования и литовских коммунистов во главе с Мицкевичюсом в Вильнюсе беспокоила Иоффе. 3 августа он отправил Чичерину телеграмму с просьбой ознакомить с ней Ленина и Троцкого: «Нам необходима Советская Литва, но не нужна вовсе немедленно. Не следует давать зарываться нашим головотяпам... Литовская политика должна идти в направлении советизации Литвы из Ковны без создания Советской Литвы... А указанное головотяпство, проводимое извне, только затрудняет советизацию и приводит к необходимости вооруженного выступления Литвы против нас»³.

Позицию Иоффе поддержал член РВС Западного фронта Смилга. Ленин согласился с предложением Смилги о начале эвакуации частей Красной армии из Литвы и передачи всей власти в руки Литовского правительства, прокомментировав так: «Мы считаем все это не отказом от советизации Литвы, а отсрочкой и видоизменением формы советизации»⁴.

6 августа член Реввоенсовета 4-й армии Иван Межлаук и министр обороны Литвы генерал Сильвестрас Жукаускас заключили конвенцию об эвакуации частей Красной армии с территории Литвы⁵. Красные должны были очистить Вильнюс 1 сентября. Начало эвакуации и прекращение большевизации Вильнюса сразу улучшили советско-литовские отношения. 9 августа Иоффе докладывал: «С Литвою отношения так налажены, что даже последние действительно недопустимые наши безобразия не омрачили их, и литовское правительство ведет себя вполне корректно и считает нас лучшей своей защитой»⁶.

Занимаемая Красной армией территория Литвы делилась на три зоны: северную с центром в городе Свенцяны (Швенчёнис), централь-

¹ Баканов Д. К. Советско-литовские отношения в 1920 году. С. 96.

² Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 382.

³ Там же. С. 392.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ LYA. F. 77. I. 3. F. 81. L. 1, 1 ap., 2, 2 ap.

⁶ Литва–Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов. С. 412.

ную с центром в Вильнюсе и южную с центром в Гродно. Эвакуация из северной зоны прошла быстро. После поражения Красной армии под Варшавой литовская сторона старалась ускорить эвакуацию частей РККА из Виленской зоны, и 25 августа литовская армия вошла в Вильнюс. Дело дошло до небольших столкновений. Красная армия покинула среднюю зону 27 августа. В районе Гродно шли ожесточенные бои, и большевики не могли передать его Литве под огнем поляков. К 1 октября под ударами польской армии части РККА окончательно покинули территорию Литвы.

Польская армия 30 августа заняла Августов, 1 сентября — Сувалки¹. Литовская армия с 8 сентября вела бои с поляками, но 24 сентября отступила с позиций на реке Неман². В директиве армиям фронта от 25 сентября Тухачевский сообщал: «Поведение Литовской армии становится подозрительным. Левофланговые ее части, видимо, без давления поляков отошли на линию Марцинканцы—Нача—Радунь»³. 28 сентября поляки заняли Лиду.

Как пишет М.С. Павлова, в это время «продолжалось активное военное сотрудничество (пропуск советских войск и провоз вооружения через литовские территории, сообщение литовским правительством советскому командованию сведений о дислокации польской армии, поставки продовольствия, амуниции и лошадей Западному фронту). Советское правительство также передало Литве 3 млн рублей золота раньше установленного мирным договором срока»⁴. Это произошло 16 октября после заключения советско-польского перемирия.

Польша обратилась за арбитражем своего конфликта с Литвой в Лигу Наций, однако вердикт Совета Лиги 20 сентября был неблагоприятным для Польши. Она обязывалась отвести войска на линию 8 декабря 1919 г. и не нарушать нейтралитета Литвы⁵. 8 октября 1920 г. была установлена демаркационная линия, которая еще не признавалась границей.

Но польское руководство не отказалось от борьбы за Вильнюс с оглядкой на Антанту, которая санкционировала передачу Вильнюса Литве. Тутгодились «федералистские» наработки уже после того, как реальный пропольский федерализм провалился. Раз нет реальных государств, которые готовы вступить в федерацию с Поль-

¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 202.

² Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 3: Апрель 1920 г. — 1922 г. М.: Воениздат, 1974. С. 112.

³ Там же. С. 114.

⁴ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. С. 39.

⁵ Там же. С. 43.

шей, Пилсудский решил создать марионеточное образование, которое обеспечит переход Вильно под польский контроль.

Командующий 1-й литовско-белорусской дивизией (своеобразный Литбел в польском военном строительстве) генерал Люциан Желиговский 9 октября формально вышел из подчинения Польше, занял Вильно и выступил с обращением к «Солдатам и жителям Срединной Литвы». «Желиговский объявил себя восставшим “историческим литовцем”, не связанным с польской армией и не согласным с тем, что древняя литовская столица остается за пособниками немцев и большевиков»¹, — пишет историк Ч. Лауринавичюс. Концепция «Срединной Литвы» возвращалась к пониманию Литвы как территории Великого княжества Литовского, в котором есть три части: северная (со столицей в Ковно), Срединная (Вильно) и южная (Минск). Такая Литва географически практически совпадала с Литбелом, но только имела бы не литовскую, а польскую культурную доминанту. Литва не собиралась мириться с нарушением своих прав на Вильнюс. Выступление Желиговского привело к военным действиям, когда литовские войска 19 ноября подошли к Вильнюсу, но не решились его штурмовать, опасаясь вмешательства Польши.

28 октября 1920 г. Совет Лиги Наций постановил, что спор между Литвой и Польшей будет решен с помощью плебисцита. «Такое решение означало, что Желиговский со своей Срединной Литвой, как третий независимый фактор, исключался. Войска Желиговского должны были быть удалены из спорной территории, а обеспечить проведение плебисцита должны были специально выделенные для этой цели войска стран Лиги Наций.

Литовские представители, очутившись в ситуации форс-мажора, дали формальное согласие на такое решение. Но вскоре пришло осознание, что практически нет шансов выиграть плебисцит. Поэтому в недрах литовской политики начался поиск предлогов отказаться от плебисцита»².

Литва и Польша так и не договорились, на какой территории проводить референдум. 3 марта 1921 г. Совет Лиги Наций признал, что в сложившихся условиях референдум невозможен, и поручил бельгийскому дипломату Полю Гимансу провести прямые переговоры сторон. Тот предложил проект превращения Литвы в федерацию двух равноправных кантонов (Виленский и Ковенский). В Виленском кантоне можно было обеспечить широкие права для поляков. Но обе стороны предложили к проекту взаимоисключающие поправки, и пе-

¹ Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только. С. 179.

² Там же. С. 179–180.

реговоры зашли в тупик. Литва формально согласилась со вторым проектом Гиманса, предполагавшим унию с Польшей, что позволило бы ей получить признание де-юре и Вильнюс. Польша была не против своего рода унии (скорее союза, возрождавшего федералистскую идею), но не ценой потери Вильно. Да и Литва, получив признание де-юре, 8 ноября заявила о неприемлемости плана Гиманса.

9 января 1922 г. Люциан Желиговский провел выборы в Виленский сейм, в которых участвовали в основном поляки, а другие этнические группы их бойкотировали. 20 февраля сейм предсказуемо проголосовал за включение Виленского края в состав Польши. 24 марта сейм Второй Речи Посполитой поддержал это решение. «Срединная Литва» оказалась таким же миражом, как Литбел. Но в революционную эпоху такие миражи могли обрести плоть. А вот к 1922 г. ситуация в регионе стабилизировалась, и польское руководство предпочло унифицировать свои приобретения.

Несмотря на трения июля–августа 1920 г., претензии Литвы на Вильнюс и Виленский край впредь продолжали поддерживаться Москвой. После 12 июля 1920 г. Литва стала наиболее дружественным для РСФСР государством региона. Это обстоятельство определялось как отсутствием общей границы (что не спасло Литву от поглощения СССР в дальнейшем), так и поддержкой претензий Литвы на Вильнюс со стороны СССР, реализовавшейся на практике только в 1939 г., в новой исторической обстановке.

Варшава между Москвой и Лондоном

Сражения советско-польской войны происходили на фоне попыток большевиков нормализовать отношения с Великобританией — одним из оплотов капиталистической Европы. Две эти задачи сочетались нелегко, но были взаимосвязаны. Советские лидеры заботились о безопасности своего государства, стремились к восстановлению экономики, а для этого нужен был мир и торговля с сильнейшими империалистическими странами. Но если где-то возникала возможность пошатнуть систему империализма — лидеры большевизма также надеялись ее не упустить. В сторону Польши и стоявшей за ней Франции был направлен меч, в сторону Великобритании — щит.

После разгрома ВСЮР осенью 1919 г. Ллойд Джордж стал искать контуры новой политики в отношении России взамен провалившейся ставки на белое движение. С 8 ноября он стал публично говорить, что невозможно свергнуть большевиков силой. В принципе, это была констатация факта. Накануне этих выступлений парламент под давлением Черчилля еще вотировал белым помощь в 15 млн фунтов —

в последний раз¹. Пока Франция продолжала придерживаться жесткой политики в отношении большевизма, в британском руководстве зрела готовность повернуть руль. Еще 12 сентября лорд Кёрзон писал Ллойд Джорджу: «Сазоновы, денкины и колчаки ничему не научились за два года, и в душе все они скрытые германофилы, а на поверхности — открытые русские империалисты»². Кёрзон продолжал считать, что оптимальным будет создание Соединенных Штатов России, но с этим он опоздал — устройство России теперь предстояло определять большевикам. Однако ее можно было сделать поменьше, поддерживая независимость новых стран на территории бывшей Российской империи. 24 ноября Ллойд Джордж согласовал с американским представителем на Парижской конференции Фрэнком Полком условия нормализации отношений с большевиками: признание ими внешних долгов и согласие на образование новых государств, включая независимую Сибирь (Колчак еще не был побежден). 25 сентября Великобритания санкционировала переговоры государств Прибалтики с Советской Россией. Чтобы не выглядеть слишком любезным к большевикам, британское правительство 10 октября объявило блокаду Советской России, которая и так давно осуществлялась на практике.

Большевики искали возможности обойти блокаду. Советский представитель в Берлине Виктор Копп писал Чичерину о ситуации в Германии: «Правительство желает торговых отношений Советской России. Но страх перед гневом Антанты и боязнь большевистской заразы парализует его волю. Оно находит, что сделало достаточно, разрешив частному предприятию отправить в Петроград пароход с товарами под шведским флагом и сняло — для финансирования этих предприятий — арест депозита, находящегося в банковской конторе Мендельсона»³.

Как и в случае с прибалтийскими странами, оселком, который позволял зацепить Великобританию и заставить ее пойти на дипломатические контакты с Советской Россией, стал вопрос об обмене арестованными и военнопленными. В ноябре–декабре 1919 г. консультации по этому вопросу в Копенгагене при посредничестве Красного Креста Дании вели представитель советского НКВД Максим Литвинов и представитель британского правительства лейборист Джеймс О’Грейди. В советских руках было не так много британцев, поэтому Форрин-офис потребовал обмена их всех на 100 человек, в возвращении которых заинтересован Кремль. Но Литвинов требовал гораздо

¹ *Сергеев Е.Ю.* Россия и Версаль. С. 599.

² *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 233.

³ *Томас А.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. С. 121.

большого — возвращения сотен пленных, захваченных в ходе интервенции, и участия советского представителя в решении судьбы российских пленных в Германии (это было важно, чтобы они как можно меньше пополняли белые армии). О'Грейди с таким подходом согласился, но МИД его отверг, что позволило Литвинову разоблачать британскую позицию в прессе¹.

Направляя на переговоры О'Грейди, 13 ноября Кёрзон инструктировал его: «Быть особенно осторожным, чтобы не поддержать любую попытку вести переговоры по иным вопросам, чем обмен пленными...»² Советская сторона, естественно, использовала эти консультации для продвижения идеи о переговорах о мире и торговле, но пока безуспешно.

Однако некоторые важные политические результаты были достигнуты на прибалтийском направлении. 22 декабря Литвинов докладывал: «Мне удалось через О'Грейди добиться официального заявления английского правительства, что оно не будет препятствовать Эстонии и другим Балтийским странам заключить с нами мир. О'Грейди обещал действовать и дальше в этом направлении и добиться непосредственного заявления в этом же духе Балтийцам дипломатическим путем»³.

16 ноября в Ревеле был проведен пробный обмен пленными, благодаря которому домой вернулся красный флотоводец Федор Раскольников. 8 января 1920 г. Литвинов докладывал Чичерину: «О'Грейди уверяет, что английское правительство окончательно решило снять блокаду и добиваться соответственного решения Верховного совета»⁴.

12 февраля в Копенгагене было подписано советско-британское соглашение об обмене и репатриации военнопленных. Литвинов надеялся, что О'Грейди пролоббирует продолжение советско-британских переговоров: «Я просил его сосредоточить все усилия на снятии блокады и прекращении поощрения пограничных с нами стран к нападению на нас. Я имел случай убедиться, что он в этом отношении работал и все свои обещания лояльно исполнил»⁵. О'Грейди убеждал Ллойд Джорджа и других британских лидеров в необходимости снятия блокады.

10 февраля 1920 г. Ллойд Джордж публично заявил: «Нам не удалось восстановить Россию с помощью силы. Я верю, что мы можем сделать это и спасти ее с помощью торговли. Коммерческие опера-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов: В 4 т. М.: Аспект пресс, 2017. Т. 1. С. 54–55.

² Цит. по: Антисоветская интервенция и ее крах. С. 103.

³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 54.

⁴ Документ внешней политики СССР. Т. 2. С. 320.

⁵ Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 244.

ции оказывают успокаивающее действие. Простые суммы сложения и вычитания, которые она подразумевает, скоро освободят от диких теорий...»¹ Критикуя Черчилля на заседании правительства, премьер заявил: «Уинстон поддерживал не только не ту лошадь, но и норовистую лошадь, а именно, Деникина»². 20 марта 1920 г. Форин-офис направил ноту правительству Деникина о прекращении помощи³.

По инициативе Ллойд Джорджа 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение разрешить «обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами»⁴. В реальности блокада была снята только осенью, и первое судно из Западной Европы открыто прибыло в Петроград 12 ноября 1920 г. — это был германский пароход «Рюген».

Формальная блокада продлилась недолго, но теперь нужно было определиться, кого считать представителем русского народа, с которым разрешалось торговать. Частные внешнеторговые операции в Советской России были запрещены, но без признания Советской власти капиталистические страны могли попытаться наладить торговлю с кооперацией, сохранявшейся в РСФСР. Верховный совет рекомендовал торговать именно с кооперативами⁵.

Идею торговать с Россией с помощью кооперации в обход советского правительства предложил глава заграничного и сибирского филиалов Центросоюза эсер Александр Беркенгейм. Кооперативная организация смогла бы стать посредником в экономическом обмене, пока в России нет признанного Западом правительства⁶.

Тогда 17–18 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) решило «разработать меры, обеспечивающие полное овладение нами кооперативным аппаратом»⁷. 26 января 1920 г. СНК взял под контроль правление Всероссийского центрального союза потребительских обществ (Центросоюза), председателем которого стал сначала Андрей Лежава, затем перемещенный на пост заместителя наркома внешней торговли, а после него Лев Хинчук — еще недавно видный меньшевик, а теперь член коллегии Наркомпрода. 27 апреля было принято постановление СНК об отстранении бывших руководителей правления Центросоюза. Некоммунистические кооператоры были выведены из руководства⁸. За старых кооператоров взялась ВЧК, которая быстро

¹ Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 247.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 247–248.

⁴ Цит. по: *Антисоветская интервенция и ее крах.* С. 106.

⁵ *Документы внешней политики СССР.* Т. 2. С. 748.

⁶ Там же. С. 749.

⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 53.

⁸ *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 246.

обнаружила среди них разветвленный антисоветский заговор¹, благо кооперативные деятели в основном по своим взглядам тяготели к социалистам, а коммунистов недолюбливали.

В конце марта уже вполне коммунистическая делегация Центросоюза во главе с Леонидом Красиным выехала в Копенгаген и в апреле начала переговоры с членами Постоянного комитета Верховного экономического совета Антанты. Находясь в Копенгагене, советская делегация наладила связи с датскими и шведскими фирмами.

25 апреля Верховный совет Антанты в Сан-Ремо постановил перенести переговоры с делегацией Центросоюза в Лондон. 31 мая Красин встретился с Ллойд Джорджем и членами английского правительства. Британские государственные мужи, конечно, понимали, что Красин представляет кооперацию чисто номинально и перед ними старый большевик, хоть и очень прагматичный. Участник переговоров Морис Хэнки делился своими впечатлениями о Красине: «Его руки постоянно нервно двигались, но голос был тверд и довольно приятен, и он изложил свою позицию мастерски. Как после встречи мне сказал Ллойд Джордж, “он первый русский, от которого мы услышали профессиональное изложение вопроса”»². Красин поставил вопрос о создании торгпредств, а через эту проблему — и о более широкой нормализации отношений: «Нормальная работа торговых представительств требует создания правовых основ торговли, таких, как признание одной стороной официальных документов, паспортов, соглашений и т. п. другой стороны, неприкосновенности ее товаров и депозитов и т. д.»³.

Что ж, Ллойд Джордж был не против поговорить и об этом. Подобное позволяло предъявить большевикам весь комплекс условий нормализации отношений. Кроме экономических Ллойд Джордж выдвигал и политические требования: возвращение всех британских военнопленных, отказ от поддержки антибританских выступлений в Азии и военных операций на Черном море до окончания переговоров с Петром Врангелем.

6 июня 1920 г. Чичерин, вероятно согласовав свое мнение с Лениным, вылил на Красина ушат холодной воды: «Нам совершенно ясно, что Ваше первое свидание с английским премьер-министром является попыткой Ллойд Джорджа, во-первых, усыпить нас видимостью переговоров, оказывая в действительности помощь Польше и Врангелю; во-вторых, убаюкивать собственных рабочих; в-третьих, выпытывать от нас наши намерения; в-четвертых, связывать нас

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 749–750.

² Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. С. 300.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 762.

заявлениями, ничего не давая взамен; в-пятых, парализовать нас на Востоке без компенсации. Это чистейшее жульничество»¹. Красина сковывало отсутствие у него политических полномочий, а британская сторона не могла их не затрагивать.

Но 9 июня 1920 г. Красин с участием прибывшего на переговоры видного советского деятеля Виктора Ногина зарегистрировал в Британии как частное юридическое лицо АРКОС — All Russian Cooperative Society (Всероссийское кооперативное общество). До января 1921 г. оно уже сумело закупить товаров на 2,8 млн фунтов, и Великобритания вышла на второе место в торговле с Советской Россией еще безо всякого признания².

30 июня Красин получил британские условия заключения торгового договора: взаимный отказ от враждебных действий и пропаганды, обмен всех военнопленных, выплата компенсации английским частным лицам за имущество и товары, национализированные в России. Срок рассмотрения этих условий определялся одной неделей. 2 июля Красин и Ногин на британском миноносце срочно отбыли через Копенгаген и Ревель в РСФСР, и уже 7 июля Чичерин сообщил Кёрзону о принципиальном согласии Москвы с этими условиями³.

6 июля 1920 г. Чичерин в связи с намечавшейся посылкой в Советскую Россию германской частной торговой комиссии писал Коппу: «Мы теперь переросли стадию неофициальных контрабандных миссий. Мы требуем, чтобы миссия была официальная, с полномочиями, связывающая те правительства, которые вступают с нами в сношения»⁴. Вдохновленные успехами в Лондоне, руководители советской дипломатии уже хотели вести солидный легальный бизнес. Но как раз в этот момент советско-британские контакты оказались под угрозой срыва из-за советско-польской войны.

* * *

6 июля Министерство иностранных дел Польши направило ноту с просьбой о помощи на конференцию государств Антанты в Спа. Но в тяжелых условиях советского наступления с востока польское руководство почувствовало холодок с запада. 6 июля на конференции Ллойд Джордж заявил польскому послу, что «Англия питает к Польше очень горячие чувства, и если она не всегда может согла-

¹ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 302.

² Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л.: Наука, 1969. С. 187.

³ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 303–304.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 763.

ситься с польской политикой, то лишь потому, что Польша живет в несогласии со своими соседями и дает повод думать, что проявляет в отношении к ним захватнические инстинкты»¹.

На конференцию прибыл польский премьер-министр Владислав Грабский, который молил о вмешательстве и посредничестве союзных держав. Красная армия вот-вот войдет в пределы этнической Польши. В глазах Ллойда Джорджа читалось «сами виноваты». Если бы Пилсудскому удалось удержать Киев — тогда другое дело. Но его авантюра провалилась, и вот поляки явились за заступничеством, создав Антанте проблемы.

Тем не менее были в этой ситуации и свои плюсы — открылись возможности для урегулирования при посредничестве архитекторов Версальского мира и таким образом достройки системы европейского мира на востоке. 10 июля Ллойд Джордж предложил себя в качестве посредника. Взамен он выдвинул условия, которые не могли понравиться польскому руководству: согласиться на линию Кёрзона в качестве восточной границы Речи Посполитой, передать литовцам Вильнюс, уступить чехам спорную часть Тешинской Силезии и пойти на уступки в вольном городе Данциге (Гданьске). Делать нечего — Грабский согласился на это.

Ллойд Джордж планировал созвать конференцию, которая «должна также рассмотреть все нерешенные еще вопросы между Россией и теми окраинными государствами, которые еще не подписали окончательного мира с Россией. После разрешения этих вопросов конференция может перейти к обсуждению спорных вопросов между Советской Россией и союзниками и восстановлению между ними нормальных отношений»².

11 июля 1920 г. Кёрзон от имени британского правительства и союзников направил ноту советскому руководству, в которой приглашал его представителей на конференцию в Лондон. В ультимативной форме Красной армии предлагалось остановиться к востоку от линии, рекомендованной Советом Антанты 8 декабря 1919 г.: Гродно–Валовка–Немиров–Брест-Литовск–Дорогоуск–Устилуг–Крылов — восточнее Перемышля и западнее Равы-Русской. В случае отклонения этих требований союзники грозили «помочь польской нации защищать свое существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»³.

В Москве развернулась дискуссия о том, стоит ли принимать эти условия. Согласие с британской нотой давало возможность получить

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 130.

² Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 64.

³ Там же. С. 54–55.

прямо сейчас выгодный мир и, вероятно, успешное завершение торговых переговоров. Но это вовсе не было гарантировано. Очевидно, что на конференции большевикам будут предъявлены более серьезные требования, и в случае их невыполнения война возобновится. А поляки к тому времени уже успеют перегруппировать свои силы. Если сейчас, как думали в Кремле, успехи Красной армии могут спровоцировать подъем рабочих выступлений в самой Польше и к западу от нее, то остановка советского наступления может разочаровать те силы, которые вот-вот должны протянуть руку поддержки Советской России с Запада.

14 июля главком Сергей Каменев также советовал председателю РВСР Льву Троцкому: «В военном отношении представляется невыгодным заключение перемирия, более желательным является приступ к мирным переговорам без прекращения военных действий»¹.

15 июля Ленин направил телеграмму члену Реввоенсовета Западного фронта Иосифу Уншлихту:

«Сообщите Вашу и других польских товарищей оценку такой тактики.

Мы заявляем очень торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Кёрзон и Антанта.

Мы напрягаем все силы, чтобы добить Пилсудского.

Мы входим в собственно Польшу лишь на кратчайший срок, чтобы вооружить рабочих, уходим оттуда тотчас.

Считаете ли Вы вероятным и как скоро советский переворот в Польше?»²

Уншлихт поддержал эти идеи. Тогда Ленин подготовил проект тезисов к пленуму ЦК РКП (б) 16 июля, в котором говорилось:

«1. Помочь пролетариату и трудящимся массам Польши и Литвы освободиться от буржуазии и помещиков.

2. Для этого — все силы напрячь для усиления и ускорения наступления.

3. Для этого же — мобилизовать поголовно всех польских коммунистов на Западный фронт.

Примеч. 1. Изъятия допускаются лишь в исключительных случаях Политбюро. Примеч. 2. Цека рекомендует помочь созданию советских властей в Польше и помощь им.

4. Торжественно и официально заявить польскому народу, что мы во всяком случае гарантируем ему как границу независимой поль-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 99.

² Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. С. 53.

ской республики более восточную, чем дают Кёрзон и Антанта, т. к. границы, намеченные Лигой наций в декабре прошлого года, установлены были в известной части под давлением контрреволюционных русских элементов, как уступка им (русским контрреволюционерам), например в Холмщине, где Лига наций явно пошла по следам царизма.

5. РСФСР пойдет в отношении условий мира тем шире навстречу всем интересам и потребностям Польши, чем скорее и решительнее трудящиеся массы Польши установят у себя такой строй, который освободит их от роли орудия французских, английских и других капиталистов и создаст основы для действительно братских отношений между Раб. — Крест. Польшей, Россией и Украиной¹. Этот план, соблазнявший польских трудящихся территориальными уступками в обмен на революцию, был принят пленумом. Большевики решили продолжить наступление вглубь Польши. Советский ответ на ноту Кёрзона требовал прямых переговоров с Польшей без посредничества третьих держав².

По свидетельству секретаря ЦК РКП(б) Евгения Преображенского, 16 июля на пленуме ЦК Ленин заявил, что «мы должны помочь польским рабочим добиться советизации Польши», отвергнуть посредничество Антанты и Лиги Наций, продолжать наступление. «Бухарчик давно уже подметил, что Ильич “готовит новую фазу” в мировой политике, и сегодня это обнаружилось вполне очевидно». При этом Троцкий «оценивал положение даже на Польском фронте не совсем оптимистически, указывая, что поляки не сдаются в плен, отступают в порядке, разложения у них большого не заметно». Ленин, Бухарин, Ян Рудзутак и Лев Каменев сошлись во мнении, что «надо прощупать красноармейским штыком, готова ли Польша к советской власти. Если нет, всегда сможем под тем или иным предлогом отступить назад». Зиновьев присоединился к ним, считая, что нет другого выхода, кроме наступления. Карл Радек настаивал, что Польша к советизации не готова. «Наше наступление вызовет лишь взрыв патриотизма и бросит пролетариат в сторону буржуазии». У Алексея Рыкова были внутривластные аргументы: «Хлеба не даем, а хотим, чтобы красноармейцы шли на Берлин. С таким тылом идти на Антанту недопустимо». Троцкий, Рыков, Радек, Калинин и Преображенский выступили за то, чтобы принять предложение о посредничестве Антанты. Но большинство собрал Ленин³.

¹ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. С. 53.

² Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 47–53.

³ Преображенский Е. А. Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006. С. 349–350.

После поражения похода на Варшаву Ленин вспоминал о своем настроении в июле: «У нас созрело убеждение, что военное наступление Антанты против нас закончено, оборонительная война с империализмом кончилась, мы ее выиграли. Польша была ставкой... Мы будем пробовать теперь... наступать на них, чтобы помочь советизации Польши... (в Польше хорошо развито пролетарское население и лучше воспитан сельский пролетариат)... Мы поможем советизации Литвы и Польши... Польша, как буфер между Россией и Германией... является опорой всего Версальского договора... Польша — такой могущественный элемент в этом Версальском мире, что, вырвав этот элемент, мы ломали весь Версальский мир»¹.

23 июля Ленин писал Сталину: «Зиновьев, Бухарин и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии, и мое личное мнение, что для этого нужно советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»².

Коминтерн стремился оказать хотя бы какую-то физическую поддержку России в советско-польской войне. Он убеждал своих сторонников в Европе, что «ни одно судно с жизненными припасами и оружием» не должно быть отправлено в Польшу. И действительно, кампания блокады Польши рабочими организациями Запада приобрела широкие масштабы. Коминтерн провозглашал, что «блокада Польши — прямая помощь освободительной борьбе польских рабочих», и «поражения польских белогвардейцев вызывают величайший восторг в сердцах польских рабочих»³. Меж тем польские рабочие в это время записывались в польскую армию.

А вот германских коммунистов наступление «русской» Красной армии на Польшу шокировало, что привело к охлаждению отношения Ленина к команде Пауля Леви. В сентябре 1920 г., уже после провала похода на Варшаву, Ленин говорил: «“Роте Фане” и многие другие не могут и мысли допустить, что мы своей рукой поможем советизации Польши. Люди эти считают себя коммунистами, но некоторые из них остаются националистами и пацифистами»⁴.

Ленин уверен, что теперь во всех международных кризисах коммунисты должны быть только на стороне России. Он негодовал: «Когда у меня была английская рабочая делегация, и я говорил с ней, что всякий порядочный английский рабочий должен желать поражения английского правительства, то они меня совершенно не поняли. Они состроили такие лица, которые, я думаю, не может схватить

¹ Исторический архив. 1992. № 1. С. 15–18.

² Коминтерн и идея мировой революции. С. 186.

³ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. С. 161–162.

⁴ Коминтерн и идея мировой революции. С. 198.

даже самая лучшая фотография»¹. Но левые интернационалисты могли заподозрить и Ленина в российской великодержавности, что было очень опасно для его глобальной игры.

Начиная вторжение в Польшу, Тухачевский приказывал: «В целях сближения Красной армии с трудовыми массами Польши и для внедрения в сознание этих масс понимания истинных задач Красной армии на территории этнографической Польши предписывается к неуклонному исполнению: 1) издавать все касающиеся населения приказы и объявления на польском языке; 2) снабжать по возможности все части знаменами со следующими лозунгами: “За нашу волю и вашу”, на них же “Польска Республика социалистична Рада”; 3) на митингах выпускать ораторов — русских товарищей лишь достаточно сознательных и по возможности ориентирующихся в польских делах, и обязательно совещаться о своих выступлениях с представителями Польского ревкома при армиях и частях; 4) отнюдь не задевать в выступлениях религиозных чувств населения, предоставив борьбу с религиозными предрассудками самим польским коммунистам; 5) отнюдь не заменять польских вывесок и надписей русскими и не вводить новых надписей на русском языке; 6) рекомендовать всем хорам и оркестрам музыки чаще всего петь и играть, кроме “Интернационала”, “Красное знамя” (“Слезам залит мир безбрежный”) и “Варшавянку”, мелодии которых весьма популярны среди польского пролетариата; 7) на агитационных плакатах русские надписи заменять польскими, путем наклейки последних»².

18 июля состоялось совещание во главе с Феликсом Дзержинским, на котором он сообщил о начале мобилизации коммунистов-поляков «ввиду возможного вступления Красной армии на территорию Польши»³. Из 18 тыс. поляков, состоявших в РКП(б), на работу в Польшу было мобилизовано 5700⁴. 19 июля Дзержинский был назначен председателем бюро ЦК РКП(б) на Западном фронте. 21 июля было создано Польское бюро ЦК, его руководители Дзержинский и Мархлевский выехали на фронт. Учитывая, сколько дел у Дзержинского было в России и на Украине, его отправка на фронт показывает, что Польша стала приоритетным направлением политики Кремля.

30 июля был создан Временный революционный комитет (Польревком) под председательством Юлиана Мархлевского. В него также вошли члены Польского бюро ЦК РКП(б): Дзержинский, Уншлихт,

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 199.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 268.

³ Там же. С. 163.

⁴ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М.: Издательство политической литературы, 1977. С. 243.

Феликс Кон, Эдвард Прухняк. Мархлевский и Дзержинский в это время находились в Вильно¹, но в силу особых отношений с Литвой было решено сделать резиденцией Польревкома занятый Красной армией 28 июля польский город Белосток. 2 августа в нем прошел митинг с участием Мархлевского, Тухачевского (у этнически русского командующего фронтом оказалась подходящая фамилия) и представителя ЦК РКП(б) при Польревкоме, известного большевика Ивана Скворцова-Степанова. Был принят написанный Мархлевским «Манифест к польским рабочим городов и деревень». В этом документе говорилось о национализации промышленности и помещичьих земель. Но в соответствии с аграрной политикой, которая проводилась на занятых красными территориях с 1919 г., раздел земли между крестьянами не предусматривался. Это еще с советских времен считается ошибкой, следствием «недооценки большинством членов Польревкома революционной роли крестьянства»². А такая недооценка вела к тому, что польские крестьяне не поддержали Красную армию. Однако такая позиция Польревкома была результатом не его частных «ошибок», а общего курса советского руководства этого времени, самой политики «военного коммунизма», столкнувшейся с сопротивлением получивших землю крестьян. Как мы видели, у политики сохранения крупных хозяйств были и свои преимущества. Жертвовать крупными хозяйствами ради химеры крестьянской поддержки смысла не было — судьба Польши решалась на фронте в краткосрочной перспективе, и не было никакой гарантии, что обещание поделить землю приведет к немедленному исчезновению патриотических (националистических) чувств у крестьян, которым и Польское государство обещало землю. Но Ленин, памятуя об успешном для большевиков опыте конца 1917 — начала 1918 г., считал, что в Польше нужно применить метод раздела помещичьих земель. 19–20 августа он писал Радеку: «Прошу Вас, раз Вы едете к Дзержинскому, настоять на беспощадном разгроме помещиков и кулаков побыстрее и познергичнее, равно на реальной помощи крестьянам панской земель и панским лесом». «Если в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать поместья, то абсолютно необходимо издать особое постановление Польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками»³. Польревкому уже было не до таких тонкостей — ему оставалось существовать всего два дня.

¹ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. С. 243.

² Там же. С. 244.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 264, 266.

Гораздо больше, чем поддержка крестьян, Дзержинского и Мархлевского интересовала поддержка рабочих. Прибыв в Белосток, Дзержинский писал в ВЦСПС и Наркомтруд: «Рабочих до 19 тысяч. Настроение встречи великолепное. Фабрики пока стоят из-за перемены власти и недостатка денежных знаков»¹. Председатель ВЧК также жаловался на нехватку продовольствия. Перебросив в Польшу деньги и провизию, лидеры Польревкома рассчитывали не только сохранить поддержку рабочих в Белостоке, но и получить ее в Варшаве. 15 августа Дзержинский торопил Наркомпрод Украины с отправкой 50 вагонов продовольствия для Варшавы². Радек тогда же писал Ленину, что они с Дзержинским на следующий день собираются в Варшаву, чтобы остановить возможные бесчинства красноармейцев после взятия польской столицы³.

Уже после провала похода на Варшаву Ворошилов в письме к Григорию Орджоникидзе от 4 сентября 1920 г. отмечал: «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к “русским”»⁴. Это — горькое послевкусие эйфории начала августа. Социальные интересы польских рабочих и крестьян растворились в национальном сплочении, которое обеспечило Польскому государству боеспособную армию. Но этого было еще недостаточно. Армией нужно было как следует распорядиться.

* * *

Отказавшись от посредничества Антанты, советская дипломатия продолжала с ней любезничать, обещая двусторонние переговоры с Польшей. 18 июля нарком по иностранным делам РСФСР Чичерин ответил на ультиматум Кёрзона: «Непосредственные переговоры с Польским Правительством вполне соответствуют желаниям Советского Правительства, и оно заявляет, что если Польское Правительство обратиться к нему с предложением о начатии переговоров о мире, то оно этого предложения не отвергнет и при этом в самом благожелательном духе рассмотрит и всякие побочные предложения о перемирии или о каких-либо других способах облегчения ведения мирных переговоров»⁵.

20 июля Кёрзон сообщил Чичерину, что планировавшиеся советско-британские переговоры и более широкая конференция с участи-

¹ Цит. по: Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. С. 146.

⁴ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М.: РОММПЭН, 1996. С. 156.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 51.

ем России и государств Лиги Наций не могут состояться до заключения советско-польского перемирия¹.

Министр иностранных дел Польши Евстафий Сапега направил Москве по радио предложение о немедленном перемирии. 23 июля Чичерин ответил, что советское командование получило директиву начать переговоры о перемирии². В тот же день была отправлена советская нота Кёрзону: «Российское Советское Правительство выражает свою готовность пойти навстречу пожеланию Британского Правительства, предложившего созвать конференцию с целью достижения окончательного соглашения между Россией и другими державами, участвующими в направленных против нее враждебных действиях или поддерживающих таковые, и полагает, что эта конференция должна состоять из представителей России и руководящих держав Антанты. Российское Советское Правительство выражает свое согласие на созыв такой конференции в Лондоне. В то же время оно извещает Британское Правительство о том, что военному командованию даны указания встретить польских парламентариев и начать с ними переговоры о перемирии и о мире»³.

Советское руководство надеялось совместить военное наступление на Польшу с дипломатическим наступлением в Лондоне: «Российское Советское Правительство не может не выразить удивления по поводу требования Британского Правительства о приостановлении торговых переговоров, после того как все его предложения, служившие предварительными условиями для начатия этих переговоров, были приняты Советским Правительством и ни в одном пункте не были им нарушены»⁴. В Москве не могли не понимать, что британское руководство не пойдет на соглашение, пока красные идут на Варшаву. Но и отказываться от советизации Польши ради грядущего потепления отношений с Западом большевики не собирались. Вскоре советско-польская война закончится, а пока нужно было тянуть время, чтобы с таким трудом налаженный в Лондоне контакт не сошелся.

Однако в Лондоне ситуацию рассматривали как шанс форсировать выяснение отношений с большевиками, в том числе и политических. 26 и 29 июля Кёрзон сообщил, что раз советская сторона согласна на переговоры с Польшей, то и запланированные переговоры с Великобританией и ее союзниками могут состояться. «Ввиду принятия Советским Правительством польского предложения о пере-

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 63.

² Там же. С. 61.

³ Там же.

⁴ Там же.

мирии и мирных переговоров, Правительство Его Величества готово принять русскую торговую делегацию. Британский военный корабль в Ревеле находится в ее распоряжении для следования в Лондон»¹.

Британская дипломатия не учла, что, пока будут вестись переговоры о перемирии, Красная армия останавливаться не собирается. Как и в истории с конференцией на Принкипо в 1919 г., прекращение войны было не в руках Ллойд Джорджа, и большевики не собирались отдавать в его руки судьбу Варшавы. В ближайшие дни она либо устоит под натиском Красной армии, либо станет советской. Великобритания больше не имела времени повлиять на этот исход. А потом уже можно обсуждать границы Польши, что для Ленина было не принципиально. Важны не размеры Польского государства, а какое это государство — наше или враждебное.

В своих маневрах Ллойд Джордж вынужден был учитывать, что французская позиция была более последовательно пропольской, чем британская. 25 июля в Варшаву прибыла французская военная миссия во главе с генералом Максимом Вейганом. В течение 1920 г. Франция направила в Польшу 1494 орудия, 291 самолет, 2600 пулеметов, 327 тыс. винтовок².

Германия и Чехословакия, настроенные в отношении Польши враждебно, закрыли свои границы для военных поставок. В этой ситуации оказывать помощь было возможно только через единственный балтийский порт — вольный город Данциг³.

Во время сражения за Варшаву Франция 11 августа де-факто признала Правительство Юга России в Крыму, чтобы дополнительно уязвить РСФСР. 8 сентября Пилсудский встретился с представителем Врангеля генералом Петром Махровым, но остался разочарован — генерал не имел политических полномочий. Соглашения не получилось.

1 августа польская делегация во главе с вице-премьером Владиславом Врублевским прибыла на переговоры о перемирии в Барановичи. Но переговоры не состоялись. Советская сторона увязала заключение перемирия с предварительным определением условий мира, что позволяло и дальше тянуть время в ожидании взятия Варшавы, которое изменит все. 2 августа польская делегация отбыла обратно за мандатом на переговоры о прелиминарном мире.

Одновременно с тем советская делегация 1 августа прибыла в Лондон. Вместе с Красиным в качестве главы делегации приехал член Политбюро ЦКРКП(б) Лев Каменев, что позволяло вести не

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 63.

² Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 225.

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 201.

только торговые, но и политические переговоры. 4 августа состоялась встреча на высшем уровне — с Дэвидом Ллойд Джорджем и членами британского кабинета. Ллойд Джордж сообщил советским представителям, что прежде Великобритания не была склонна помогать Польше в этой войне — до тех пор, пока поляки не отойдут к своей этнографической границе, сами не попросят перемирия и не отдадут на рассмотрение мирной конференции вопрос о Восточной Галиции. Но теперь, когда этнографическую границу Польши перешла Красная армия, Великобритания приняла решение о снабжении Польши оружием и намерена отправить флот к советским берегам на Балтике. «Настойчивость, с которой Советское правительство добивалось мира, оказалась совершенно ложной...»¹ — возмущался Ллойд Джордж. Каменев пытался утихомирить его, рассказывая о тех уступках, которые уже сделало советское правительство в отношении и Великобритании, и даже Польши в связи с щадящими предложениями советской стороны.

Советско-британские переговоры продолжились и в следующие дни, когда Ллойд Джордж пытался влиять на советские требования к Польше. При этом Каменеву 6 августа удалось добиться от Ллойда Джорджа обещания воздействовать на Мильтерана, чтобы на время перемирия Франция не снабжала войска Врангеля. Каменев вообще пытался увязать уступки в Польше с тем, что союзники «уберут Врангеля из Крыма»².

Ллойд Джордж предложил такой порядок действий: перемирие с 10 августа на 10 дней с оставлением войск на своих местах, с запретом переброски и оснащения войск и прекращением всякой военной помощи союзников Польше вплоть до заключения мира³.

Российские и польские представители обвиняли друг друга в затягивании начала переговоров. Эти оправдания были адресованы Лондону. Но армии готовились скрестить клинки в сражении, которое решит судьбу Польши.

5 августа Сапега направил ноту советскому руководству, в которой соглашался послать в Минск делегацию с полномочиями обсудить предварительные условия мира. Однако по техническим причинам эта нота 5–6 августа не была принята радиостанцией в Москве. А время пока работало именно на Москву.

7 августа согласие Варшавы было получено. 8 августа Каменев уведомил Ллойда Джорджа, что советско-польские переговоры вот-вот будут возобновлены в Минске.

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 109.

² Там же. С. 196.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 97.

Большевик посвятил британского премьера в подробности советских условий предварительного мира, которые будут предложены Польше: взаимное признание, сокращение Войска Польского до 50 тыс. человек, из которых командный состав — не более 10 тыс. от этой численности. Остальные войска должны быть демобилизованы за один месяц, а все излишнее оружие — передано советской стороне. Ликвидируется военная промышленность, запрещаются поставки оружия в Польшу извне. В распоряжение советской стороны должна перейти железнодорожная линия Волковиск–Белосток–Граево, необходимая для коммерческого транзита в сторону Балтики. Советское руководство не забыло и о польских ветеранах с их семьями, настаивая, чтобы им обязательно выдали землю (тут был прицел на приобретение авторитета внутри Польши). По мере демобилизации Войска Польского советская сторона соглашалась отводить свои войска, сократив их на границе до цифры, согласованной в ходе мирных переговоров. Польше предлагалась граница, совпадающая с «линией Кёрзона», но отступающая восточнее в районах Белостока и Холма. А пока демаркационную линию предлагалось определить по существующей линии фронта с отступлением полейков в тех местах, где они находятся западнее «линии Кёрзона». Затем полякам предлагалось отступить от демаркационной линии на 50 км¹.

Ллойд Джордж отметил, что «эти условия создают новую ситуацию» и «он предложит полякам принять их». Каменев сообщил в Москву, что эти условия «можно даже ужесточить»² (что на самом деле уже было сделано).

10 августа радио Речи Посполитой сообщило: «Польское Правительство не сможет обсуждать какого-либо условия, ущемляющего его суверенные права путем вмешательства во внутренние дела Польши»³. Но это публичное заявление так контрастировало с ситуацией на фронте, что в закулисных переговорах могло быть и пересмотрено.

Каменев сообщал в Москву, что отношение прессы к миру с Россией благоприятное, а встретившийся с ним итальянский премьер-министр Джованни Джолитти заявил, что даже если Британия установит блокаду, то союзная Италия не будет в ней участвовать⁴. По мнению Каменева, «Л. Джордж стремится так или иначе избежать войны»⁵. 10 августа Каменев и Красин присутствовали на заседании английского парламента в дипломатической ложе.

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 151.

² Там же. С. 199, 153.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 121.

⁴ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 192.

⁵ Там же. С. 197.

Условия, опубликованные в «Известиях» 12 августа, незначительно отличались от версии, которую Каменев предложил Ллойд Джорджу: польской армии разрешалось иметь численность даже не 50, а 59 тыс. солдат. Зато выдвигалось требование вооружения рабочих, состоящих в профсоюзах, под контролем профсоюзных комиссий как Польши, так и РСФСР, и Норвегии (то есть фактически под контролем Коминтерна). Красная армия на границах Польши сокращается до 200 тыс. (то есть будет иметь почти четырехкратное превосходство). Польша признается как независимое государство и сама признает РСФСР и СССР, которые к тому же получают право беспрепятственного транзита через ее территорию. Поляки возвращают все вывезенное с советской территории имущество. Также предусматривалась политическая и военная амнистия для польских граждан¹.

Когда стало известно о поражении Красной армии под Варшавой, Ллойд Джордж отказался от идеи политического давления на Советскую Россию. В начале августа у Советов еще можно было выменять спасение Польши — теперь же Польша спаслась сама. Как и до начала советского наступления в Польше, британский премьер предпочитал искать пути к налаживанию экономических отношений без дипломатического признания. А для этого политический представитель Москвы должен был уйти со сцены.

Повод выдворить Каменева нашелся благодаря его активной общественной деятельности в Лондоне. Он встречался с левыми лидерами Комитета действия, который боролся против войны с Советской Россией, и обсуждал с ними «особые меры, выходящие даже за рамки легальности»². Речь шла в том числе и о саботаже военных поставок в Польшу.

22 августа прошел День мира с Россией, сопровождавшийся массовыми манифестациями.

Но тремя днями ранее «Таймс» опубликовала тексты перехваченных и расшифрованных телеграмм Чичерина и Литвинова о субсидировании левой газеты «Дейли Геральд» за счет контрабандных драгоценностей на сумму около 75 тыс. фунтов. Редакция газеты отрицала факт финансирования. Социал-демократическая федерация Великобритании отказалась участвовать в манифестациях Комитета действия до выяснения вопроса о происхождении этих средств³.

Когда же ситуация на советско-польском фронте изменилась, Ллойд Джордж также воспользовался расхождениями в версии Каменева с действительными советскими требованиями, чтобы сменить

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 154–155.

² Там же. С. 201.

³ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. С. 307–313.

милость на гнев. 24 августа увидело свет правительственное коммюнике, резко критиковавшее советские условия перемирия с Польшей как «несовместимые с национальной независимостью» (ничего, что еще более жесткие условия были недавно навязаны союзниками Германии?). Каменев обвинялся в «грубом нарушении данного слова»¹. Большевики напрасно думали, что условия можно менять — здесь советская дипломатия что называется «подставилась». От требования вооружения рабочих отказались, да было поздно. Каменеву указали на дверь. 9 сентября он был вынужден согласиться на отъезд из Лондона. 10 сентября во время прощальной беседы Ллойд Джордж обвинил Каменева в финансировании газеты, враждебной правительству (похвалив при этом Красина за хорошее поведение)². Каменев, разумеется, все отрицал и доказывал, что газета, как следует из ее же публикации, получила средства от Коминтерна, в руководство которого не входят ни он, ни Красин. В закрытой переписке с Москвой советские представители в Лондоне также отрицали свою причастность, считая этот скандал заранее заготовленным компроматом против РСФСР, который был использован раньше времени — исключительно ради высылки Каменева³. В действительности «Дейли Геральд» финансировалась по линии НКВД, а не Коминтерна⁴. Но решение вступило в силу, и Каменеву было предписано покинуть Великобританию. Красин же мог продолжать переговоры. Такое различие в подходах показывало, что Лондон был готов к обсуждению экономических вопросов без политики.

* * *

11 августа была сформирована польская делегация во главе с заместителем министра иностранных дел, одним из лидеров партии «Пяст» Яном Домбским. В делегацию вошли представители правительства и основных фракций сейма, чтобы соглашение можно было быстро ратифицировать и тем остановить продвижение красных. 14 августа делегация выехала из Варшавы в Минск через линию фронта, которая уже находилась рядом с польской столицей.

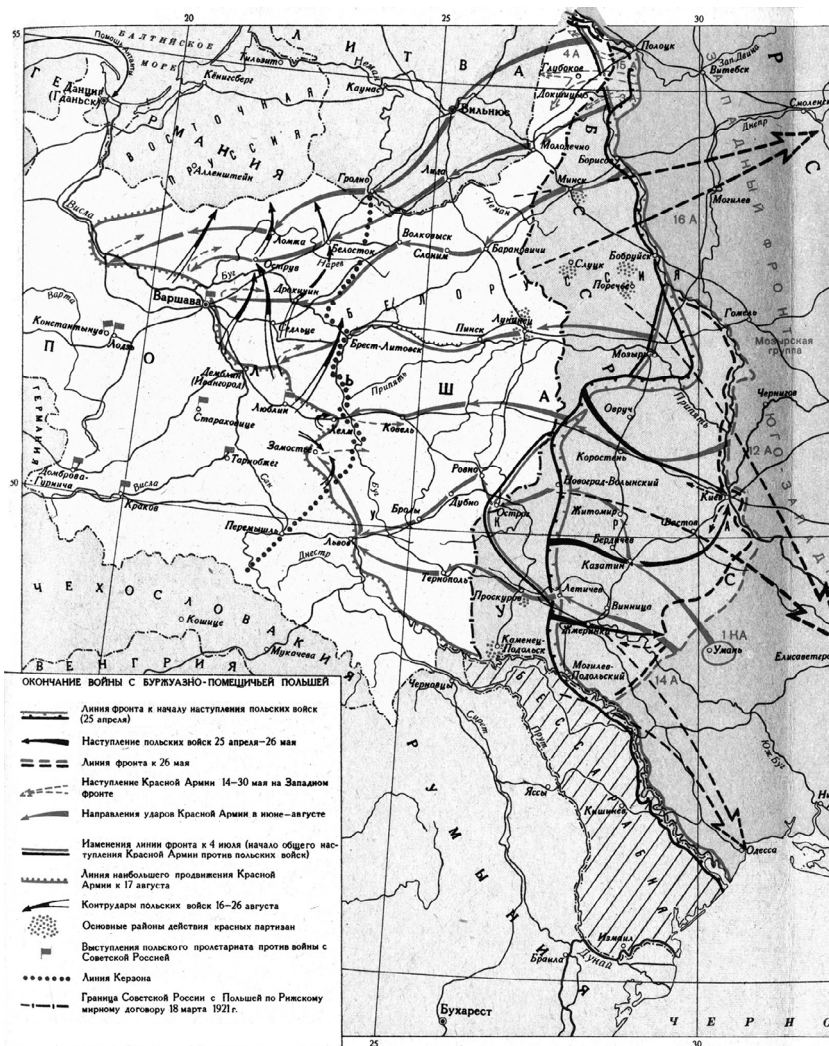
17 августа открылись советско-польские переговоры в Минске. Выступавший от имени советской делегации Данишевский заявил: «Российское Правительство идет навстречу — теперь, как и всегда, мы делаем, допуская разрешение спорных этнографических терри-

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 173–174.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 219, 225.

⁴ *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. С. 307.

ториальных вопросов в пользу Польского государства»¹. Польская делегация заявила, что стремится к прекращению «вековой польско-русской распри в истории», в которой виновата «захватническая политика царского правительства» (политика Речи Посполитой тут, конечно же, ни при чем). Причины разгоревшейся войны польские представители видели в том, что «советское правительство, заняв в 1918 году территории Литвы и Белоруссии и навязав им силой

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 161.

советский строй», направило войска к этнографическим границам Польши, чтобы «установить также в Польше против воли ее населения советский строй». Польша лишь хотела «отразить ничем не спровоцированное нападение со стороны Советского правительства»¹. Это при том что война началась восточнее «линии Кёрзона». А Литве вообще не о чем беспокоиться, ведь «Иосиф Пилсудский, вступив в Вильно, опубликовал воззвание, провозглашающее, что население бывшего княжества Литовского само решило свою судьбу»². Вот так и решило — в воззвании Пилсудского.

Оглашенные советской стороной условия в основном соответствовали опубликованным 12 августа. Если бы переговоры велись в этот день, польская делегация, может быть, и согласилась бы принять их за основу. Но теперь ситуация кардинально изменилась — Войско Польское прорвало фронт красных. Узнав об этом, польская делегация 25 августа заявила о неприемлемости советских условий. Поскольку к Минску приближался фронт, 2 сентября стороны договорились перенести переговоры в Ригу.

Коса перед Вислой

26 июля советские войска вступили на территории, считавшиеся этнически польскими. 28 июля был занят Белосток, а 1 августа — Брест. В июле — первой половине августа польская армия потеряла около 80 тыс. солдат, но компенсировала 60 тыс. благодаря притоку добровольцев³.

24 июля Грабского, дипломатическая миссия которого в Спа провалилась, на посту премьер-министра сменил лидер крестьянской партии «Пяст» Винценты Витос.

22 июля в Варшаву вернулся глава польской военной миссии во Франции генерал Тадеуш Розвадовский, имевший опыт руководства австро-венгерскими войсками во время мировой войны. Он был назначен начальником Генерального штаба и принялся приводить в порядок отступающее Войско Польское.

После серии поражений Пилсудский на некоторое время ушел на отдых, пока Розвадовский, Вейган и военный министр генерал Казимеж Соснковский обсуждали планы контрнаступления. Юзеф Пилсудский в своих мемуарах подчеркивает, что эти трое имели совершенно разные мнения, которые трудно было согласовать⁴. По версии

¹ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 165.

² Там же.

³ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 79.

⁴ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 140.

В. Сулей, который опирается на мнение Пилсудского, основная идея контрнаступления пришла в голову самому маршалу, когда он размышлял над ситуацией в ночь с 5 на 6 августа¹. В литературе преобладает мнение, что план был выработан все же в штабе. Но, как пишут по этому поводу биографы маршала Д. и Т. Наленч, «независимо от того, родилась ли концепция боя в уме верховного главнокомандующего или была ему предложена, не кто иной, как он, из разных вариантов выбрал и одобрил именно этот»². Сам Пилсудский рассказывает, что основная идея плана была разработана в беседе командующего с Розвадовским 6 августа. Пилсудский подчеркивает свою ведущую роль в этой беседе, хотя Розвадовский мог воспринимать ситуацию иначе. Пилсудский вспоминал: «Мы выбрали место, защищенное сравнительно широкой рекой Вепрж, с опорой левого фланга на Демблин»³.

Для Варшавской операции было выделено 107,9 тыс. солдат при 634 орудиях и 1834 пулеметах и более 70 танков. У Западного фронта было 101,3 тыс. бойцов. Если на Варшавском и Новогеоргиевском направлениях РККА имела численный перевес в 1,5 раза, то в районе контрнаступления поляков их армия имела более чем шестикратное преимущество⁴.

12 августа войска Западного фронта перешли в наступление на Варшаву. Центр тяжести красного натиска находился севернее нее, что давало возможность в случае успеха не только взять польскую столицу, но и выйти в Померанию, к германским рубежам. Зато такой замысел делал Западный фронт красных крайне уязвимым с юга, где сильных резервов у Тухачевского не было.

Отсюда польское командование и решило нанести контрудар подых Тухачевскому. Была создана ударная группа 4-й армии Войска Польского (командующий Леонард Скерский), которая сосредоточилась в районе Демблина. 12 августа Пилсудский покинул Варшаву и прибыл в Пулавы, где располагалась ставка Генштаба. Перед отъездом он передал премьеру Витосу свое прошение об отставке с постов Начальника государства и Главнокомандующего на случай поражения.

Материальное состояние польских частей не внушало большого оптимизма. Пилсудский вспоминал, что «в 21-й дивизии почти половина людей маршировала передо мной босиком»⁵.

¹ Сулей В. Юзеф Пилсудский. С. 285.

² Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. С. 105.

³ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 150–151.

⁴ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 81, 85.

⁵ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 157.

Ситуация была напряженной. 13 августа красные прорвали фронт под Радзымином в 23 км от Варшавы, 14 августа взяли этот город и двинулись в сторону столицы. Только в ночь на 15 августа этот прорыв с большим трудом удалось закрыть. Красные атаковали крепость Модлин к северо-западу от Варшавы. Зато контрудар польской кавалерии на Цеханув дезорганизовал штаб 4-й армии РККА.

Пилсудский планировал начать наступление 17 августа, но в любой момент могло поступить сообщение, что красные ворвались в пригороды Варшавы, а это могло дезорганизовать армию. Тогда он решил начать на сутки раньше. Польская ударная группировка выдвинулась от реки Вепш и смяла фланг 16-й красной армии. Западный фронт, упершийся в Вислу, был скошен, будто сноп косой. Польские войска в течение двух дней оказались в тылу основных сил красных, что вызвало катастрофу Западного фронта.

Польское командование в точности не представляло себе расположения советских войск. Контрудар казался авантюрой и мог быть отражен любым сильным резервом, если бы таковой у Тухачевского был. Пилсудский даже опасался, что ему уготована западня — настолько «пустым» оказалось пространство в тылу Западного фронта, куда прорвались польские войска¹.

15-я армия стала отступать только 19 августа. В это время поляки уже выбили войска 16-й армии из Бреста в глубоком тылу красных.

4-я, часть 15-й армии и 3-й кавалерийский корпус красных, прижатые к границе Восточной Пруссии, 24–26 августа перешли ее и были интернированы. 3-я армия отошла к Гродно, где продолжила сопротивление. Из-под польской «косы» сумели выскочить и остатки 16-й армии.

Успеху удара способствовало и то обстоятельство, что два фронта красных двигались по расходящимся направлениям, и Юго-Западный фронт не мог подстраховать Западный. Маршрут Юго-Западного фронта, как мы видели, определялся стратегическими соображениями. Считалось, что Тухачевский сам справится со взятием Варшавы, а Юго-Западный фронт, не отвлекаясь на такие мелочи, понесет пламя мировой революции в сторону Чехословакии, Венгрии и Румынии.

23–28 июля Юго-Западный фронт РККА силами 1-й Конной и 14-й армий (командарм Михаил Молкочанов) атаковал Львов. 29–30 июля польская 6-я армия нанесла удары по флангам красных, окружив их авангард у Бродов. Перегруппировавшись и подтянув резервы, командование Юго-Западного фронта (командующий Егоров, член РВС Сталин), готовились к новому наступлению на Львов.

¹ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 160.

10–11 августа было принято решение Главкома о перенаправлении 1-й Конной армии в помощь Западному фронту, для чего она должна была двигаться не на Львов, а в сторону Люблина. Этот приказ, сформулированный к тому же с просьбой командующему Юго-Западного фронта дать «срочное заключение по изложенному»¹ (из чего следовала предварительность директивы), был получен (со второго раза из-за ошибок в шифровании), когда 13 августа 1-я Конная снова пошла на штурм Львова. Формально командование Юго-Западного фронта подчинилось директиве и 14 августа передало 1-ю Конную в состав Западного фронта. Но вывести армию из сражения немедленно было нельзя, и первоконники продолжали выполнять более ранний приказ о штурме Львова². 14 августа красные взяли Броды, 16 августа форсировали Западный Буг. 17 августа они вплотную подошли ко Львову на расстояние нескольких километров, но взять город не смогли, так как конница не преодолела укрепления поляков. Несмотря на приказ Тухачевского 15 августа двигаться на Владимир-Волынский, 1-я Конная стала выходить из сражения за Львов только 20 августа. Было ли это пятидневное промедление критическим?

Отказ командования Юго-Западного фронта немедленно выполнить приказ о передаче 1-й Конной Западному фронту иногда рассматривается как главная причина поражения Западного фронта, что впоследствии вызвало горячую дискуссию об ответственности за поражение либо Сталина, либо Тухачевского. Однако 1-я Конная армия даже при условии немедленной переброски севернее не могла оказаться на позиции, с которой парировала бы основной удар 4-й польской армии. Как показал опыт, для перемещения под Замостье, где армия в реальности оказалась 30 августа, требовалось десять дней. То есть в случае немедленного выдвижения из-под Львова 15 августа первоконники подошли бы туда 25 августа, когда Западный фронт уже был разгромлен. 1-я Конная могла бы выйти на фланг 3-й польской армии, но та уже 19 августа выполнила задачу по взятию Бреста и с этого момента могла выделить достаточные силы для отражения контрудара первоконников. Так что промедление с переброской 1-й Конной армии в помощь Западному фронту не имело принципиального значения.

31 августа 1-я Конная потерпела поражение от польско-украинской группировки в районе Замостья и с трудом прорвалась на восток. Эти бои, как и роль кавалерии в сражении подо Львовом, пока-

¹ *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война 1918–1921. С. 494.

² *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. С. 79, 85, 89.

зывают, что советское командование преувеличивало стратегическое значение 1-й Конной армии. Она сыграла важную роль в наступлении, когда красные владели стратегической инициативой. Но в августе она уже была измотана, а когда инициатива перешла к полякам, 1-я Конная армия более не могла играть самостоятельную роль и тем паче предотвратить контрнаступление под Варшавой.

Пилсудский не разделяет версию об ответственности командования Юго-Западного фронта за поражение Западного. Тухачевский, стремясь взять Варшаву как можно скорее и самостоятельно, сам исключил помощь себе с юга: «Одно из двух: либо п. Тухачевскому в расчете на взаимодействие с южной группировкой следовало подождать ее, а может быть и помочь ей, либо не жаловаться и не сетовать потом, когда он отважился начать решающий “поход за Вислу” без какого-либо намека на возможность эффективной помощи с юга.

Тем временем п. Тухачевский в расчете на такое взаимодействие не только решается идти вперед, но своим приказом от 8 августа отводит свои войска значительно севернее, обходя главными силами (двумя армиями) даже Варшаву. Создается впечатление, что он избегает взаимодействия, на которое так надеется»¹. Наиболее сильная 15-я армия получила приказ форсировать Вислу севернее Варшавы между Плоцком и Модлином. Надежды Тухачевского справиться самому понятны: победа при Варшаве могла стать его величайшим к тому времени достижением, славу за которое не хотелось делить с Егоровым. Именно этот обход Варшавы с севера и удар по ней в лоб и создал предпосылки для польского удара, который подсек Западный фронт с юга.

В битве за Варшаву Войско Польское потеряло 4,5 тыс. убитыми, 10 тыс. пропавшими без вести и взяла 60 тыс. пленных². Погибли же около 25 тыс. красноармейцев. Всего в августе–октябре в плен попало около 76 тыс., а за всю войну — 157 тыс. красноармейцев³ (встречаются и другие цифры, но тех же порядков). Из них 25–28 тыс. умерло в плену от эпидемий и плохого обращения. Красноармейцы, которых убивали в прифронтовой полосе, в статистику не попали. Около 30 тыс. пленных вступили в белые формирования, после заключения мира более 70 тыс. вернулись домой, некоторые остались в Польском государстве⁴. В свою очередь, согласно подсчетам польской стороны, во время войны в советский плен попало около 45 тыс. солдат Вой-

¹ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. С. 134.

² Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. С. 92.

³ Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина-медиа, 2011. С. 43.

⁴ Там же. С. 159–160.

ска Польского. В России встречаются оценки до 60 тыс. Из плена не вернулись от 16 до 20 тыс. человек. Эти оценки не включают людей, убитых сразу после захвата на линии фронта, а также членов национально-освободительных организаций, особенно Польской военной организации, которых расстреливали в тылу. По расчетам российских историков, в советском плену погибли лишь около 2 тыс. польских военнопленных, а судьба еще около 2 тыс. остается неизвестной¹.

20 августа польские войска вышли на линию Брест-Литовск–Высоко-Литовск–Нарев и Западный Буг.

22 августа Польша покинул Белосток и прекратил свое существование.

25 августа фронт стабилизировался на линии Августов–Опалин. Южнее поляки 6 сентября заняли Владимир-Волынский, а 18 сентября — Ровно.

20 сентября началось сражение на Немане. 2-я армия Рыдз-Смиглы обошла РККА с севера, по литовской территории, а с юга ударила 4-я армия под командованием Скерского. После того как поляки взяли Гродно, а белорусский партизанский отряд Булак-Балаховича внезапным ударом занял Пинск, Тухачевский отступил, опасаясь попасть в мешок. К октябрю поляки заняли Слоним и Барановичи, а 12 октября вошли в Минск.

* * *

«Разбор полетов» поражения в Польше происходил на IX конференции РКП(б), открывшейся 22 сентября, и на проходившем в ее преддверии заседании ЦК.

Ленин на конференции успокаивал себя и соратников тем, что большевистское «продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил...

С приближением наших войск к Варшаве вся Германия закипела...

Если мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши (и в этом одна из главных причин нашего поражения), который за Вислой и в Варшаве, то мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту, на совершенно новую ступень революции. Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об этом английских рабочих. А эти рабочие, из вождей которых девять деся-

¹ Россия и Польша. Преодоление исторических стереотипов. 1918–1991 гг. М.: Весь Мир, 2019. С. 26.

тых — злостные меньшевики, ответили на это образованием “Комитета действия”»¹. Но это была хорошая мина при плохой игре: очевидно было, что «Комитет действия» во главе с английскими «меньшевиками» — плохая замена несостоявшейся красной Варшаве.

Анализируя решение не принимать линию Кёрзона и продолжать войну с Польшей, Ленин отмечал: «Перед нами стоял вопрос — принять ли это предложение, которое давало нам выгодные границы, и, таким образом, встать на позицию чисто оборонительную, или же, используя тот подъем в нашей армии и перевес, который был, чтобы помочь советизации Польши. Здесь стоял коренной вопрос об оборонительной и наступательной войне, и мы знали в ЦК, что это новый принципиальный вопрос, что мы стоим на переломном пункте новой политики Советской власти... Перед нами встала новая задача. Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной. Мы их победили, когда они на нас наступали. Мы будем пробовать теперь на них наступать, чтобы помочь советизации Польши. “Мы поможем советизации Литвы и Польши” — так говорилось в нашей резолюции... Как можно голосовать против помощи советизации?»²

Ленин бодрился, пытался доказать, что наступление на Варшаву показало всему миру силу Советской России, а заодно проговорился, что одновременно с подписанием советско-литовского договора при благоприятных условиях планировалась и советизация Литвы.

Ленин признавал: «Между собой мы говорили, что мы должны штыками проткнуть: не созрела ли почва для социальной революции пролетариата в Польше?»³ Прецеденты показывали, что это было не так глупо — военные поражения могут привести к революции. Вторжения революционной Франции в XVIII в. встречали поддержку части населения в Бельгии и Италии. Может быть, сейчас так случится в Польше?

Но Радек напомнил, что еще летом находились «товарищи, которые говорили, что решение неправильно политически, что незачем щупать, что и так ясно, что в Центральной Европе отношения еще не созрели». Радек иронизировал: «Теперь т. Ленин показывает новый метод собирания информации: не зная, что делается в данной стране, он посылает туда армию». Главнейшая задача — выяснить, когда революционная ситуация созреет в Берлине и Лондоне. Без революции в ядре Запада взятие Варшавы имело мало смысла — все равно

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 281–283.

² Коминтерн и идея мировой революции. С. 197.

³ Там же. С. 198.

реакция окопалась бы в Познани с опорой на буржуазную Германию¹. Но это при условии, что приближение Красной армии не спровоцирует в Германии новый подъем спартакизма. А даже если и не спровоцирует (что подтвердил Ленину товарищ Леви), то возникает сценарий создания советской Польши в границах 1914 г., восстановления раздела Польши, против которого так восставало польское национальное сознание, но который соответствует легитимизму международного права. Под Варшавой поляки из разных классов сражались не столько против социальных перемен, которые несли большевики, сколько против возвращения Российской империи под новым знаменем.

Карл Радек считал, что военный поход в Польшу возможен только при условии пролетарской революции в Германии. В своей брошюре «Штык и коммунизм. Заметки на полях о битве под Варшавой» он писал: «Не должна ли будет Советская Россия протянуть руку помощи немецким рабочим через труп Белой Польши?» Ленин, раздосадованный издевательствами Радека, резко потребовал «выкинуть» это положение. Публичные разговоры о такой перспективе представлялись ему нежелательными².

На конференции была принята предложенная ЦК резолюция о необходимости заключения мира с Польшей и концентрации всех сил для разгрома Врангеля³.

22 сентября ЦК РКП(б) выработал предварительные условия мира и за подписью Ленина послал их Иоффе, который вел переговоры с поляками: «Для нас вся суть в том, чтобы иметь в короткое время перемирие, и главное в том, чтобы иметь гарантию мира в 10-дневный срок»⁴. Ради этого можно отдавать территорию до реки Шара, Ясельда и Стырь, то есть запад Белоруссии и Восточную Галицию. 23 сентября было опубликовано постановление ВЦИК, в котором предлагались территориальные уступки Польше, включая Восточную Галицию, но с условием, что перемирие будет подписано в течение 10 дней.

24 сентября главком РККА Сергей Каменев поставил новую главную задачу войскам — скорейшую ликвидацию Врангеля.

13 сентября 1920 г. в Ригу прибыла советская мирная делегация во главе с Иоффе.

Первое пленарное заседание советско-польских переговоров состоялось 21 сентября в рижском дворце Черноголовых. Заседание

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 201–203.

² Там же. С. 208–209.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. С. 188.

⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 399.

имело формальный характер. Признание польской стороной полномочий российско-украинской делегации стало неожиданностью. Это показывает, что к тому времени федералистская концепция приказала долго жить, и в Варшаве уже не собирались поддерживать УНР, отдавая в советские руки игру в формально независимую Украину.

Адольф Иоффе полагал, что нужно начать с неуступчивой позиции, выяснить позицию польской делегации, попробовать ее расколоть, а уже потом идти на уступки¹. В польской делегации действительно выявились разногласия. Леон Василевский стремился отбросить Россию дальше на восток, в том числе и за счет создания буферной несоветской Белоруссии. К этой идее склонялся и Ян Домбский. Владислав Грабский и другие депутаты-эндеки считали этот проект опасным (ведь и большевики играли с идеей независимой Белоруссии, и неясно, кто в итоге окажется успешнее на этом поле). Поэтому Грабский считал, что необходимо отодвинуть границу Польши на запад — настолько, чтобы этнические меньшинства не начали составлять в Польском государстве большинства, и можно было бы впоследствии ассимилировать эти территории².

28 сентября в Риге Иоффе потребовал от Польши политических уступок (признание Литвы, Украины и Белоруссии и, что важно, сложившегося там политического строя), предложил включить ставшие уже стандартными положения о недопущении враждебной деятельности и гарантиях прав национальных меньшинств, но выдвинул скромное предложение по территориальным уступкам, а судьбу Восточной Галиции решить с помощью плебисцита³. По версии проекта 28 сентября граница должна была проходить через Брест и Владимир-Волынский, то есть близко к современной⁴. Демарш Иоффе вызвал недовольство Чичерина, который в соответствии с линией Ленина требовал как можно быстрее переходить к уступкам и не выдвигать условий, которые могли бы затормозить перемирие: «Важнее быстрота, надо поменьше торговли, можно хотя бы сразу дойти до указанного ЦК-ом предела»⁵.

Польская делегация разрешила внутренние противоречия с помощью оппонента. 1 октября секретарь польской делегации Алек-

¹ Матвеев Г.Ф. Тактика А.А.Иоффе на переговорах о прелиминарном мире в Риге 22 сентября — 12 октября 1920 г. // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2.

² Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 164.

³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 399–401.

⁴ Там же. С. 402–407.

⁵ Цит. по: Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 163.

сандр Ладось на совещании с Иоффе предложил на выбор два варианта: либо образование зависимой от Польши Белоруссии, либо выход польской границы к Латвии. 2 октября Иоффе выбрал первый вариант, так как Москва, конечно, не могла поступиться своей фактической монополией на белорусскую государственность¹.

2 октября польская делегация официально предложила свой проект линии границы, пролежавшей восточнее той, которую предложила советская сторона. Так, согласно польским представлениям, будущая граница должна была проходить по Западной Двине (что отрезало советские республики от Литвы), и далее на юг до реки Збруч.

Ленин считал, что нужно принимать польские условия ради того, чтобы заключить перемирие как можно скорее. Тогда появится возможность разделаться с Врангелем до зимы. Призрак еще одной военной зимы смешивал планы Ленина, который надеялся приступить к социалистическому строительству как можно скорее, не затрачивая ресурсы на фронтовую войну. Если с поляками не удастся договориться в ближайшем будущем, Ленин предлагал публично возложить на них ответственность за зимнюю кампанию². 4 октября Ленин написал проект решения Политбюро ЦК РКП(б) принять польские предложения по вопросу о границе и поручить Иоффе подписать прелиминарный мирный договор с Польшей в ближайшие 3–4 дня³.

5 октября советская делегация согласилась с польскими предложениями о границе, но выдвинула встречные условия: подписать прелиминарный мирный договор до 8 октября; признать право РСФСР на транзит через свою территорию в Литву и Германию; не требовать денежных выплат. На это польская делегация согласилась.

12 октября 1920 г. советско-польский договор о перемирии и прелиминарных условиях мира был подписан. Стороны признавали друг друга, включая «независимые» Украину и Белоруссию, территорию которых тут же и разделили.

Стороны отказывались от денежных выплат, договаривались об обмене военнопленными. Советская сторона соглашалась вернуть Польше культурные ценности, вывезенные из Польши в Россию царским правительством. Стороны согласились взять на себя взаимные обязательства об обеспечении транзита через свою территорию⁴. Эти положения лягут в основу Рижского мира, заключенного в марте 1921 г.

¹ Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. С. 165–166.

² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. С. 229.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 673–674.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 245–252.

По перемирию Польша получила территорию почти на 69 тыс. км² и почти на 4,5 млн населения меньше, чем то, что находилось под контролем польских войск к началу 1920 г.¹

Несмотря на то что соглашения о прекращении огня и предварительных условиях были подписаны, обстановка на советско-польском фронте была беспокойной. Силы УНР численностью около 5 тыс., находившиеся восточнее демаркационной линии за Збручем, попытались сопротивляться Красной армии, действуя вместе с 3-й Русской армией белых численностью около 2500 штыков и сабель. 10 ноября превосходящие силы РККА нанесли удар по этим группировкам и разгромили их. 18 ноября красные взяли Проскуров.

21 ноября остатки украинской армии отошли за Збруч и были интернированы поляками. «Так на территории Украины не осталось сколько-нибудь организованных вооруженных сил, способных и готовых продолжить Гражданскую войну»², — пишет В.Ф. Солдатенко. Украинскому автору невдомек, что в это время только начинался последний этап войны против большевиков со стороны махновской армии, не говоря о других повстанческих формированиях, продолжавших бороться против коммунистического режима на территории Украины.

10 ноября армия Станислава Булак-Балаховича численностью более 10 тыс. бойцов взяла Мозырь, пытаясь создать здесь центр Белорусской народной республики и плацдарм для савинковского похода в Россию. Этот поход сопровождался зверствами против мирного населения. 11 ноября балаховцы взяли Калинковичи, но 17 ноября потеряли их после поражения под Речицей. 20 ноября красные возвратили Мозырь, и 22 ноября балаховцы отошли назад в Польшу.

Советская сторона протестовала, а Иоффе даже угрожал возобновлением войны, раз уж на деле она фактически продолжается. 14 ноября в Риге Иоффе и Домбский подписали протокол, по которому польские войска должны были вернуться за линию, согласованную в Риге³, но польская сторона не торопилась выполнять эту договоренность до подписания мира.

* * *

Советско-польская война стала столкновением не только войск, но и принципов. До весны 1920 г. польские войска находились восточнее линии 12 октября 1920 г., и Советская Россия предлагала мир.

¹ Пилсудский Ю. 1920 год. Советско-польская война. Приложение. С. 414.

² Солдатенко В.Ф. Гражданская война на Украине (1917–1920 гг.). С. 574.

³ Там же. С. 502–503.

Зачем же понадобилось это разрушительное движение фронта до Киева, затем до Варшавы и затем до Минска? Был ли в нем смысл, если Кремль и так демонстрировал готовность на широкие территориальные уступки? Но Ленин и Пилсудский сходно смотрели на революционную обстановку в Европе, они понимали, что важна не столько линия границы, сколько баланс сил. Режим в Варшаве прочен, если Москва слаба. Режим в Москве прочен, если контролирует пространство даже большее, чем Российская империя, множество формально независимых стран, но советских и с коммунистическим руководством. Ленин был готов отдать Польше обширные территории на востоке, лишь бы это была Советская Польша. Пилсудский и Ленин стремились видеть на востоке Европы федерацию, но с центрами в своих столицах. К Варшаве тяготели сторонники УНР, к Москве — УССР, было расколото и белорусское национальное движение. Какой из центров возобладает, можно было решить только силой. Сила эта зависела от того, какая мобилизация окажется эффективнее: социальная или национальная.

Если в самой России идея национально-государственного сплочения, на которую сделало ставку белое движение, потерпела крах, то в Польше национальная консолидация оказалась куда успешнее. Но мы знаем об этом по итогам войны, а в июне–июле 1920 г. коммунистические лидеры видели в успехах РККА подтверждение силы идей классового конфликта, который вот-вот разложит и Польшу, и другие страны Европы. Красная армия воспринималась как хирургический инструмент, вскрывающий классовый нарыв и позволяющий затем трудящимся Европы исцелиться своими силами. В первой половине августа военная ситуация еще не была предопределена, и успехи польского оружия, которые затем подтвердили успех национальной мобилизации, зависели не только от объективных, но и от субъективных решений двух командований. Для Польского государства в августе армия была средством выживания, но еще за несколько месяцев до этого оно пыталось с помощью оружия не только отстаивать политическую независимость и основы социального строя, но и перекраивать границы далеко на восток от этнической Польши. Концепция Речи Посполитой как федерации народов или ядра конфедерации с польской гегемонией противостояла на полях сражений советской модели федерализма формально независимых государств, соединенных общим централизованным управлением Коминтерна. В результате войны идея федерации с центром в Варшаве была похоронена. Федерация с центром в Москве через два года превратится в Советский Союз. В августе–сентябре 1920 г. была подорвана и еще одна идея: уверенность в том, что натиск революци-

онных войск с востока будет поддержан выступлениями рабочих не-советских стран. И это стало все более очевидно благодаря не только польским рабочим, но и итальянским.

Захват по-итальянски

В июле 1920 г. мировая ситуация виделась из Москвы чрезвычайно оптимистично. Красная армия гнала «польских панов» в сторону Варшавы, где вот-вот восстанут польские рабочие. В Москве собрался II конгресс Коминтерна, на котором получили представительство несколько крупных европейских партий, стремившихся установить у себя дома Советскую власть. В отличие от весны 1919 г., когда советизация тоже далеко зашла на запад, теперь не существовало угрозы Москве со стороны белых и интервентов. Теперь инициатива всецело находилась на стороне коммунистов, нужно было ковать железо, пока горячо.

Здесь уместно повторить уже процитированную выше фразу Ленина в письме Сталину от 23 июля 1920 г.: «Следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии, и мое личное мнение, что для этого нужно советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»¹. Обычно эти наполеоновские планы ставятся в контекст эйфории от успехов военного наступления в Польше. Однако даже в случае взятия Варшавы до Будапешта и Праги было очень далеко, не говоря уже об Италии. Ленин теперь рассчитывает не на чудодейственный штык Красной армии, а на внутренние факторы этих стран, на сохранивших силу, как казалось, сторонников Советской власти в Венгрии, которые воспрянут духом от победы Советской власти в Польше. Если возродится Советская Венгрия, тут можно будет на более прочной основе вернуться к планам удара по Румынии, нажать с двух сторон на Чехословакию, вдохновить революционными успехами итальянских левых. На пути выполнения этого грандиозного плана располагалось множество подводных камней. За год на востоке Европы многое изменилось не в пользу советского проекта. В Венгрии не осталось влиятельных сил, готовых связать свою судьбу с советизацией. Но летом 1920 г. это было еще не очевидно. Только что был подписан возмущивший венгров Трианонский договор, по условиям которого страна лишилась выхода к морю, 72% территории и 64% населения. Если под ударами Красной армии станет рушиться Версальская система, почему бы и венграм не сбросить с себя ее оковы?

¹ Коминтерн и идея мировой революции. С. 186.

А вот Италия действительно стояла на пороге революции, и появление революционного очага на юге Европы могло изменить всю расстановку сил. Тут уж мировому империализму станет не до Польши.

События в Италии августа–сентября 1920 г. вошли в историю как оккупация предприятий — пик «красного двухлетия»¹.

20–25 мая состоялся чрезвычайный съезд Федерации рабочих металлургической промышленности (ФИОМ), который потребовал повышения зарплаты с учетом дороговизны на 7–20 %, увеличения оплаты сверхурочных работ, введения ежегодных оплачиваемых отпусков.

18 июня ФИОМ, а за ней и другие профсоюзы металлистов предъявили эти требования Федерации промышленников механической и металлургической промышленности. Предприниматели считали, что повышение зарплаты приведет к усугублению начавшегося кризиса отрасли. Представители рабочих указывали пальцем на прибыли военных лет. Накопили жир благодаря военным заказам — теперь делиться. 13 августа промышленники прервали переговоры.

16–17 августа в Милане состоялся новый съезд металлистов, который не исключал ради выполнения требований даже применение насилия. Делегаты говорили о необходимости введения государственного и рабочего контроля. В Специи собрались представители анархо-синдикалистского союза металлистов. 17 августа они решили начать «обструкцию» (итальянскую забастовку). Анархо-синдикалисты выступали за то, чтобы быстро перейти от обструкции к захвату предприятий, не дожидаясь локаута. Федерация металлистов, входящая в ВКТ, не разделяла такого радикализма, но итальянские предприниматели пинками подтолкнули к нему даже относительно умеренных профсоюзных активистов.

21 августа началась «забастовка по-итальянски». 30 августа администрация завода «Альфа Ромео» в Милане объявила локаут 2 тыс. рабочих. В ответ миланская секция ФИОМ призвала рабочих занять металлургические и машиностроительные предприятия Милана.

31 августа Федерация промышленников объявила общенациональный локаут металлистов. Рабочие ФИОМ и УСИ в ответ стали захватывать предприятия по всей Италии. С 1 по 4 сентября 1920 г. были заняты почти все металлургические, металлообрабатывающие и машиностроительные заводы Италии. В движении участвовало более 400 тыс. рабочих, а затем их число увеличилось до 500 тыс., когда оккупация распространилась на предприятия других отраслей. Основными очагами движения были Турин, Генуя, Рим, Неаполь,

¹ Фактическая сторона событий излагается по: *Spriano P. Tha Occupation of the Factories. Italy 1920. L.: Pluto Press, 1975; Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921).*

Венеция и Флоренция. Во Флоренции некоторые металлические заводы не были захвачены, так как их владельцы сразу согласились с условиями рабочих.

По словам историка К.В. Кобылянского, «за исключением немногих городов (к числу которых относится в первую очередь Неаполь и Генуя) правительство и власти на местах почти не оказали противодействия попыткам рабочих занять предприятия»¹. 2 сентября королевская гвардия и жандармы, опередившие рабочих и по инициативе местных властей занявшие верфь «Одеро», открыли огонь по пролетариям, которые пытались ворваться на предприятие. Погиб рабочий. Несколько жандармов и королевских гвардейцев, стрелявших в рабочих, были арестованы властями, но затем освобождены. В Неаполе полиция смогла силой отстоять некоторые предприятия от захвата рабочими.

Премьер-министр Джолитти заявил директору ФИАТ Джованни Аньелли, что правительство будет соблюдать нейтралитет. Во время встречи с Аньелли глава правительства сделал вид, что готов очистить предприятия ФИАТ от оккупировавших их рабочих, но в этом случае придется применить артиллерию. В ответ на предложение подвергнуть заводы бомбардировки Аньелли, конечно, запротестовал. Джолитти же ответил: «Но тогда что делать?»²

2 сентября Джолитти заявлял: «Я полагаю, что в вопросе металлистов целесообразно, чтобы деятельность правительства проявлялась как можно меньше»³. Позднее Джолитти так разъяснял свою позицию во время захватов предприятий: «Чтобы занять предприятия, мне пришлось бы использовать все силы, которыми я мог располагать. А кто стал бы наблюдать за 500 тыс. рабочих, оказавшихся вне заводов? Кто обеспечил бы общественный порядок в стране? Может быть, надо было бы мне после занятия фабрик рабочими их очистить, применяя вооруженную силу? Это привело бы к гражданской войне»⁴.

В дальнейшем Джолитти резюмировал свою политическую линию в отношении оккупации заводов следующим образом: «Я хотел, чтобы рабочие получили свой собственный опыт, чтобы они поняли, что это чистая мечта — работать в мастерских без вклада капитала, без технических специалистов и без банковских кредитов. Они испытывают, они увидят, что это сон, и это излечит их от опасных иллю-

¹ Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 191.

² Там же. С. 223.

³ Цит. по: Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 222.

зий»¹. Но, как мы увидим, Джолитти был не против участия работников в управлении предприятиями вместе с капиталистами.

7 сентября миланская секция ФИОМ выпустила инструкцию по захвату предприятий, которая предписывала не допускать на них посторонних, запрещала вносить алкогольные напитки. Было организовано питание рабочих, причем продукты заказывали у торговцев за счет средств профсоюзов. Также рабочим помогали кооперативы. В Неаполе такое бесплатное питание на предприятиях называлось коммунистическими кухнями. Были созданы отряды красной гвардии для охраны предприятий.

Занятые предприятия были увешаны революционными лозунгами, красными и черными флагами, защищены баррикадами, которые охранялись красногвардейцами. В следующий раз в таких масштабах подобную картину можно было увидеть только через 16 лет в революционной Каталонии времен гражданской войны, когда почти вся промышленность перешла в руки коллективов трудящихся.

Как и затем в Испании, итальянские рабочие решили показать, что они могут организовать производство без капиталистов. На предприятиях ФИАТ производство достигло 70% от обычного уровня. На предприятии Коррадини в Неаполе выпуск продукции увеличился на треть².

Захваченные предприятия управлялись фабрично-заводскими Советами, каждый из членов которого отвечал за то или иное направление работы. Планировалось и создание более целостной экономической системы, в Турине был организован межзаводской технический производственный комитет³.

Среди лидеров фабрично-заводских Советов влиянием пользовался Антонио Грамши и другие туринские коммунисты. Секретарем ФЗС «ФИАТ-Чентро» был сторонник «Ордине Нуово» Джованни Пароди. Туринская секция металлистов возглавлялась анархистом Пьетро Ферреро.

Впоследствии Грамши высоко оценивал способности рабочих организовать производство без капиталистов: «Как класс итальянские рабочие, занявшие фабрики, оказались на высоте своих обязанностей и функций. Все проблемы, которые ставило перед ними движение, были блестяще решены. Они не могли решить проблемы снабжения и связи, потому что железные дороги и флот не были оккупированы. Они не могли решить финансовые проблемы, потому что

¹ Biagi E. Storia del Fascismo. Firenze: Sadea Della Volpe Editori, 1964. P. 108.

² Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921).

³ Там же. С. 208.

кредитные учреждения и коммерческие компании не работали. Они не могли решить великих национальных и международных проблем, потому что не завоевали государственную власть»¹. Но в том-то и проблема, что производственная демократия не могла работать, не создав целостного сектора с собственными производственными цепочками, системой инвестирования и обмена ресурсами, которой не нужны капиталистические кредиты. Во время захвата предприятий, продлившегося менее месяца, рабочие могли лишь с большим или меньшим энтузиазмом продолжать делать то, к чему они привыкли при капитализме. Целостный сектор производственной демократии, некапиталистического производства самоуправляющихся коллективов, возникнет только во время революции в Испании в 1936 г.

ФЗС в Турине вели себя так, будто взяли власть на предприятии насовсем. Рабочим раздавалась в качестве оплаты готовая продукция. Профсоюзы стали выпускать боны, которые принимались в лавках туринского рабочего кооперативного альянса, а также некоторыми частными торговцами. Были вскрыты сейфы предприятия «ФИАТ-Чентро» и создан фонд для выдачи аванса наиболее нуждающимся рабочим.

На воротах завода Табанелли в Риме появилась вывеска с новым названием — «Римский коммунистический завод». Его Совет выпустил постановление: «Каждый товарищ, не выполняющий свои обязанности, будет отдаваться под суд дисциплинарного совета завода, будет предаваться суду также тот, кто будет вести пораженческую пропаганду и портить машины. Каждый рабочий, не явившийся к станку по сигналу или самовольно покинувший завод до установленного заводским расписанием часа, лишается платы за весь рабочий день»². Аналогичные правила были приняты на других предприятиях. За 10 дней рабочего управления на заводе Табанелли было выпущено четыре трамвайных вагона. Большинство служащих в Риме продолжали работать вместе с рабочими.

Рабочие Рима отчисляли по одной лире в Фонд солидарности с металлистами и к 7 сентября собрали 5 тыс. лир, а к 12 сентября — 20 тыс. лир.

На верфях в Лигурии рабочие за время забастовки построили несколько кораблей, один из которых был спущен на воду под именем «Ленин».

¹ Gramsci A. La costruzione del Partito comunista, 1923–1926. Torino: Einaudi, 1971. P. 347–348.

² Цит. по: Кобылянский К.В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 189.

4 сентября в Милане собралось расширенное совещание Совета ВКТ, руководства ИСП, союза металлистов и крупнейших палат труда страны (региональных профцентров). На совещании было принято решение: «В случае, если конфликт не будет разрешен в рамках союза металлистов, его разрешение ляжет на ВКТ и на руководство Социалистической партии, которые должны будут призвать весь пролетариат бороться против предпринимателей для достижения профсоюзного контроля»¹. Конфедерация должна призвать к занятию предприятий, «непосредственно снабжающих сырьем и материалами металлопромышленность»².

Рабочие предприятий-смежников — прежде всего химики и текстильщики — также начали занимать свои заводы. В Милане были захвачены шинные заводы «Пирелли» с 20 тыс. рабочих. Союз химиков постановил овладеть заводами, чтобы снабжать сырьем коллективы бастующих, но работающих металлистов. К 13 сентября в Милане было занято 200 химических фармацевтических и резиновых предприятий. На них организовывались фабрично-заводские Советы. В Турине рабочие захватили 200 швейных и текстильных предприятий. Всего в Турине оккупации подверглись 185 предприятий. На некоторых из них рабочие не управляли, а лишь контролировали управление.

В ряде случаев железнодорожники отгружали сырье и готовую продукцию по решениям фабрично-заводских Советов, так как эта продукция все равно предназначалась для данных предприятий. Железнодорожники обнаружили на складах оружие и раздали его красной гвардии в Турине.

На заводе ФИАТ был создан оружейный цех, который производил даже пулеметы. На других предприятиях было построено несколько броневиков. Рабочие готовились к боям.

В эйфории этих дней Грамши 5 сентября писал: «Вожди профсоюзов не могут больше руководить, они исчезают в лавине событий; проблемы, возникающие на предприятии, должна разрешить сама масса со своими средствами, при помощи своих людей»³. Как покажут дальнейшие события, Грамши выдавал желаемое за действительное. «Каждое предприятие стало нелегальным государством, пролетарской республикой, живущей со дня на день в ожидании развития событий»⁴, — писал Грамши. В Турине уже встала проблема

¹ *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 224–225.

² Там же. С. 225.

³ *Грамши А.* Избранные произведения. Т. 1. С. 216.

⁴ Там же.

создания городского Совета¹. Но это развитие зависело от решений политических и профсоюзных лидеров. А эти решения окажутся не такими, как хотелось бы Грамши.

10–11 сентября для решения судьбы движения была созвана конференция, в которой участвовали руководители ВКТ и ИСП, представители 100 палат труда и 50 отраслевых федераций профсоюзов, а также 225 делегатов от автономных профсоюзов — всего около 500 человек.

Видный социалист Эджидио Дженнари подготовил от имени ЦК ИСП проект резолюции совещания, которая утверждала, что «руководство ИСП при поддержке ВКТ берет на себя ответственность за движение и руководство, предлагая его распространить на всю страну и всю пролетарскую массу»². Но согласится ли руководство ВКТ на такую рокировку? Радикальное крыло ИСП ставило вопрос еще резче — Пальмиро Тольятти, например, говорил о переходе к повстанческому движению. Но руководство ИСП понимало, что без структуры ВКТ переходить к силовой борьбе за власть невозможно. Встретившись отдельно, представители ИСП признали, что судьбу движения должно решить собравшееся сейчас совещание ВКТ. Если ВКТ поддержит, лидеры ИСП готовы и к более радикальным действиям.

Генеральный секретарь ВКТ Людовико Д'Арагона подчеркнул, что вопрос о зарплате уже преодолен (имея в виду готовность предпринимателей пойти на уступки), и можно идти дальше: «Надо потребовать права контроля над предпринимателями не как самоцель, а с такой двойной задачей — подготовить рабочих к коллективному управлению и социализации»³. Лидер ВКТ не хотел переводить движение в политическую плоскость и, следовательно, передавать лидерство прокоммунистическому руководству ИСП. Дело было не просто в борьбе за власть, а в том, чем кончится это движение: либо гражданской войной, либо большими уступками со стороны предпринимателей и правительства, но без крушения государственной системы.

Дженнари, выступая от имени руководства ИСП, доказывал, что пора совершить революционное выступление, которое приведет к замене буржуазного строя «коммунистическим режимом пролетарской диктатуры». Движение уже перешло на политическую почву, поэтому руководство должно быть поручено ЦК ИСП при поддерж-

¹ Грамши А. Избранные произведения. Т. 1. С. 218.

² Цит. по: *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 227.

³ Цит. по: Там же. С. 228.

ке ВКТ. Д'Арагона с этим не соглашался и заявил, что у руководства ВКТ имеются разногласия с руководством партии в «оценке момента и сил, которыми они располагают... Руководство социалистической партии полагает, что движение уже созрело для революционного выступления до крайнего предела в борьбе за завоевание политической власти, за установление коммунистического общества диктатуры пролетариата. Мы же считаем, что нужный момент еще не наступил, в этом наши разногласия... Вы полагаете, что сейчас уже наступил момент для развертывания решающего революционного выступления; ну, что ж, возьмите на себя ответственность за него. А мы, не чувствующие себя в состоянии взять на себя такую ответственность и обрекать пролетариат на самоубийство, вам говорим: мы уходим в отставку, а вы возьмите на себя руководство всем движением. В данный момент мы не в состоянии сопротивляться силам буржуазии»¹.

Дженнари трактовал позицию Д'Арагоны как отказ передать руководство ИСП, но и Д'Арагона, и Джачинто Серрати категорически отрицали это, что вызвало перепалку на съезде партии в Ливорно в январе 1921 г., который закончился расколом. Газета «Корьере делла Сера» 17 января так описывала реакцию делегатов на выступление эмиссара Коминтерна Христо Кабакчиева: «Появляются обвинения в адрес Конфедерации труда Италии. По мнению автора выступления, ее вина состояла в том, что во время недавних волнений она отказалась передать управление ситуацией руководству соцпартии. На что Д'Арагона, сидящий в зале рядом с Турати, восклицает: “Это ложь!” Сам Серрати, находящийся в президиуме, громко удивляется: “Не было такого!” Тогда сидящий рядом с ним Дженнари тоже вскрикивает: “Нет, именно так все и было! И мы это докажем”. Между Серрати и Дженнари завязывается оживленная перепалка, к ним присоединяется группа делегатов, выступающих за раскол, их возглавляет инж. Бордига, активно выступают также депутат Бомбаччи, и учительница Рита Майеротти. Они кричат: “Дженнари прав!”»². Д'Арагона не хотел брать на себя ответственность за то, что ИСП не получила политическое руководство событиями в сентябре 1920 г. Ведь формально он предлагал социалистам передать им руководство, но сделал это в такой форме, чтобы стало ясно — профсоюзный актив, контролирующий организованный рабочий класс, в захвате власти социалистами участвовать не будет.

¹ *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 229–230.

² *Терехова Н.Г.* Болгарский «тесняк» Христо Кабакчиев и поражение в Ливорно (конец 1920 — начало 1921 г.). Рукопись готовится к публикации, цитируется с разрешения автора.

Лидер Федерации металлистов Бруно Буоцци на совещании выступил за «расширение движения в согласии между Конфедерацией и партией, чтобы установить социалистическую республику и обеспечить приход к власти социалистического правительства с такой программой: провести экономические и политические реформы, совместимые с нынешними условиями нашей страны»¹. Но настаивать на этой позиции против лидеров ВКТ металлисты не стали.

В итоге дискуссии прошла резолюция Д'Арагоны о том, что руководство движением сохраняется в руках ВКТ и целью движения остается признание предпринимателями принципа профсоюзного контроля над предприятиями, что должно открыть путь к социализации в будущем. Национальный совет ВКТ постановил, что металлисты пока еще не должны оставлять предприятия.

Альтернативную резолюцию, отражавшую позицию большинства ЦК ИСП, выдвинули представители более радикальных палат труда. Но Д'Арагона выиграл со счетом 591 245 голосов против 409 569 при 93 623 воздержавшихся. Часть делегатов металлистов воздержалась. Это голосование решило судьбу движения. Руководство им было передано от Агитационного комитета ЦК металлистов к Агитационному комитету, назначенному руководством ВКТ. Было решено потребовать от правительства создания паритетной комиссии для обсуждения закона о рабочем контроле.

15 сентября в Турин приехал Джолитти и встретился там с представителями ВКТ, Федерации металлистов и Конфедерации промышленников. Промышленники выступали против любых форм контроля. Джолитти заявил: «Учитывая эту историческую эпоху, которую мы переживаем, взаимоотношения труда и капитала должны быть коренным образом пересмотрены, так как уже стало невозможным, чтобы на крупном предприятии один человек командовал, а тысячи людей лишь повиновалась... Надо дать трудящимся право знать, учиться, развиваться и быть в общем поставленными в положение участника в управлении предприятием, который условился взять на себя долю ответственности за него»². Здесь Джолитти выступает как социалист.

Джолитти предложил ВКТ и Генеральной конфедерации промышленности заключить соглашение, после чего правительство готово принять такие меры: «Создается паритетная комиссия, состоящая из шести членов, назначенных Генеральной конфедерацией промышленности, и шести членов от Всеобщей конфедерации труда,

¹ Цит. по: *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 230.

² Цит. по: Там же. С. 234.

в том числе два техника или служащих, которая должна будет сформулировать предложения, чтобы помочь правительству выработать законопроект для организации промышленности на основе участия рабочих в техническом и финансовом контроле или в управлении предприятием.

Та же комиссия через восемь дней определит необходимые нормы для разрешения этих вопросов, которые могут возникнуть в деле соблюдения устава, а также найма и увольнения рабочей силы»¹. Но предприниматели отклонили это предложение.

18 сентября основатель концерна ФИАТ Джованни Аньелли даже выступил с инициативой превращения своего детища в кооператив: если рабочие хотят им управлять, пусть отвечают и за падение прибыли².

Ситуация вокруг предприятий оставалась напряженной, время от времени происходили кровавые эксцессы. В ночь на 13 сентября туринский промышленник убил в перестрелке двух пролетариев. 19 сентября еще один рабочий погиб в Турине при столкновении полиции с красногвардейцами.

В тот же день агитационная комиссия ВКТ выступила с ультиматумом к промышленникам и правительству, в котором говорилось, что если промышленники не согласятся восстановить на прежней работе всех участников движения и оплатить им дни оккупации фабрик, то агитационный комитет объявляет о расширении борьбы путем занятия всех заводов рабочими. Под давлением правительства промышленники согласились на новую встречу с профсоюзами, на которой 19 сентября было достигнуто соглашение. Джолитти издал декрет, которые утвердил его положения: увеличение зарплаты на 4 лиры в день к основному окладу, оплата за работу, выполненную во время забастовки, введение 6-дневного ежегодного отпуска, обещание внести законопроект о рабочем контроле на промышленном производстве ближайшее время, обязательство промышленников не прибегать к репрессированным мерам против рабочих за участие в забастовке и возвращение всех уволенных на работу.

19 сентября в день подписания соглашения произошли столкновения между забастовщиками и правыми радикалами, на стороне которых выступала полиция. 22 сентября в перестрелках погибли бригадир карабинеров, королевский гвардеец и случайный прохожий; 23 сентября были обнаружены трупы молодого националиста Марио Сонзини и тюремного надзирателя Константино Сцимула, которых

¹ *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 234.

² *Грамини А.* Избранные произведения. Т. 1. С. 226–227.

похитили и расстреляли туринские красногвардейцы. Это дело приобрело затем общетальянский резонанс.

Всего за время «красного двухлетия» левыми рабочими было убито 65 человек, 109 рабочих активистов погибли от рук полиции во время уличных столкновений, еще 22 были убиты гражданскими¹.

21 сентября съезд металлистов обсуждал соглашение 19 сентября. Секретарь Туринской секции союза металлистов анархо-синдикалист Ферреро внес резолюцию: «Движение металлистов приняло характер настоящего выступления за экспроприацию заводов. Это движение, начавшееся с борьбы по вопросам зарплаты, вселило в рабочих надежду на революцию». Но эти надежды были разрушены резолюцией Совета ВКТ «О сохранении всего конфликта в профсоюзных рамках»². Однако с этой оговоркой соглашение можно поддержать, только с дополнениями о полной оплате всего периода оккупации. Но большинством 148 740 против 42 140 соглашение было утверждено. 24 сентября среди металлистов был проведен референдум, который подтвердил этот же результат.

Грамши писал о голосовании металлистов: «Референдум проводился в сугубо “демократической”, антиреволюционной форме, он был рассчитан на то, чтобы выдвинуть на первый план неорганизованную массу населения и отодвинуть на задворки авангард, руководящий этими массами и несущий политическое сознание»³. Но почему же «авангард», который «руководит массами», не может убедить в своей правоте «неорганизованные массы»? Участники референдума числились членами профсоюза, то есть организованными массами, но они не поддержали радикализм левого крыла ИСП. Референдум растворил политический импульс, исходивший от радикалов. Грамши считал авангардом тех, кто уже в 1920 г. был готов разрушить капитализм в надежде, что на его развалинах быстро возникнет принципиально новое, коммунистическое общество, организованное Советами снизу доверху. Но даже в резолюции металлистов говорилось о необходимости проводить реформы, совместимые с нынешними условиями Италии. И это очень показательная оговорка.

1 октября было утверждено соглашение между предпринимателями, ВКТ и Федерацией металлистов. Они призвали к выходу на работу с 4 октября. УСИ выступил против соглашения.

¹ *Salvemini G.* La dittatura fascista in Italia, in *Scritti sul fascismo*. Milano: Feltrinelli, 1962. P. 17–31.

² Цит. по: *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). С. 236–237.

³ *Грамши А.* Избранные произведения. Т. 1. С. 222–223.

В ноябре премьер-министр Джолитти создал паритетную комиссию для разработки закона, но в ней возникли разногласия между ВКТ и предпринимателями, которые не были разрешены. Джолитти стремился вовлечь в работу комиссии по выработке закона о рабочем контроле все крупные профсоюзы, включая синдикалистов из УСИ. Но они отказались. В октябре члены генсовета УСИ были арестованы¹. «Теперь реально соотношение сил изменилось, совместная комиссия, созданная Джолитти, не смогла выдвинуть ни одного предложения; переговоры тянулись бесконечно. Сам Джолитти представил свой собственный план в феврале 1921 года, но палата никогда не обсуждала его»², — пишет историк П. Сприано. Джолитти сочувствовал идее участия работников в управлении, но не настолько, чтобы продавливать законопроект всей силой своего авторитета. Джолитти считал, что есть дела поважнее. Волна рабочего протеста схлынула, и этого премьеру было достаточно. Историк В.П. Любин пишет: «Джолитти удачно лавировал и добивался компромиссов, и так он смог снизить накал борьбы рабочих и добиться сведения его на нет»³. Но своими маневрами Джолитти снял остроту кризиса. Чтобы снять сам кризис, Джолитти должен был предложить решение проблем, его вызвавших, и приступить к соответствующим преобразованиям. Но он этого не сделал в надежде, что само рассосется. А проблемы остались, и их решение обернулось крахом либерального государства.

После захвата предприятий жизнь на некоторое время вернулась в привычное русло «красного двухлетия». ИСП продолжила свою деятельность в рамках существующей политической системы Итальянского королевства, успешно выступила на местных выборах в октябре–ноябре 1920 г. Но вскоре эти успехи будут обнулены наступлением фашизма. Правые социально-политические круги извлекли уроки из «красного двухлетия» и особенно из чреватого революцией кризиса августа–сентября 1920 г. Как пишет П. Сприано, «кризис конституционной власти преподал правящим классам, предпринимателям и политическому истеблишменту горький урок. Теперь все они были одержимы необходимостью не только создать антисоциалистический блок, но и создать новую защиту для системы, разработать новые методы, новый аппарат для оборонительных и контрнаступательных действий»⁴. Этой новой защитой станет фа-

¹ Дамье В.В. Забытый интернационал. Т. 1. С. 78.

² *Spriano P. The Occupation of the Factories. Italy, 1920. P. 127.*

³ Любин В.П. Раскол итальянских левых и полемика с Коминтерном 1921–1922 гг. С. 196.

⁴ *Spriano P. The Occupation of the Factories. P. 127.*

шизм, подъем которого при поддержке господствующих элит стал прямым продолжением «красного двухлетия».

Революционный кризис августа–сентября 1920 г. показал, что Италия уже не сможет быть прежней. Она должна была измениться в сторону либо социальной демократии, либо национал-тоталитаризма. Надежды Джолитти с помощью маневров сохранить элитарно-либеральную систему были обречены на неудачу остротой конфликтов.

«Суть главного противоречия “красного” и “черного” двухлетия сводится к тому, что руководство ИСП оказалось неспособным овладеть ситуацией»¹, — считают историки Дж. Галли и В.П. Любин. Но почему оно оказалось неспособным — вот в чем вопрос. Можно назвать две основные причины. Во-первых, в решающий период второй половины 1920 г. ИСП была дезорганизована размежеваниями, навязанными II конгрессом Коминтерна. Во-вторых, максималистское руководство ИСП понимало революцию сразу как пролетарскую, как «итальянский Октябрь». А такие радикальные перемены не пользовались поддержкой не только большинства трудящихся, но и большинства рабочего класса и его актива. Тем более что опыт России показывал: эти потрясения не укрепят демократию, зато наверняка ухудшат положение рабочих еще сильнее. В то время перед Италией объективно стояли задачи не «итальянского Октября», а «итальянского Февраля»: демократизации, противостоящей фашизации, решения аграрного вопроса и развития социального законодательства (в духе времени — с элементами самоуправления в форме ФЗС и Советов). Руководство ИСП смотрело вдаль поверх этих задач, упуская шанс создания широкого антимонархического фронта.

«Итальянский Февраль» в 1920 г. мог разрушить или хотя бы подорвать те монархические и аристократические структуры, которые обеспечили приход к власти фашизма в 1922 г. Он мог заставить социал-либеральных политиков пойти на более глубокие социальные преобразования и тем разрядить социальный кризис без потери политического плюрализма, а, напротив, с укреплением демократических структур на уровне самоуправления. Это не хранило Италию от срыва в тоталитаризм на следующем витке истории, но было альтернативой фашизации в начале 20-х гг.

В любом случае уклонение левых сил Италии от революционных действий в сентябре 1920 г. имело мировое значение сразу в двух отношениях. Во-первых, оно стало отправной точкой фашизации Италии, что ознаменовало начало фашизации десятков стран мира в 20–40-е гг.

¹ Любин В.П. Раскол итальянских левых и полемика с Коминтерном 1921–1922 гг. С. 197.

Во-вторых, готовность итальянского рабочего класса идти на компромисс с капитализмом после острого противостояния на грани социальной революции показательно продемонстрировала прочность капитализма. Устояв в Италии, капитализм показал способность устоять и по всей Европе к западу от бывшей Российской империи. Отказ рабочего движения Италии от перехода к социальной революции наряду с провалом похода Красной армии в Польшу и изменением мировой экономической конъюнктуры стали переломным моментом в развитии мировой революционной волны от прилива к отливу.

Красные, белые, черные, зеленые

Эта книга посвящена мировым процессам и лишь в самых общих чертах затрагивает внутрироссийскую ситуацию. Однако для понимания хода революционной волны важно коротко сказать о том, как менялось положение в России в 1919–1920 гг.

Мир начала XX в. был преимущественно крестьянским, в то время как импульсы перемен исходили преимущественно из городов. Россия как среднеразвитая страна выступала своего рода моделью мировых отношений города и деревни. Но коммунисты предложили путь радикальных изменений социальных отношений во всем мире, и были готовы опробовать его дома.

Капиталистическая промышленность России не выдержала нагрузки мировой войны. Падение капиталистического производства в 1917 г. сопровождалось ростом популярности социалистических идей, сторонники которых надеялись заменить капитализм более совершенным обществом, где экономические и социальные отношения рационально регулируются. На фоне других социалистов, говоривших о необходимости постепенного перехода от капитализма к социализму, выделялись большевики, призывавшие к решительному разрыву с капитализмом и быстрому переходу к такому обществу, которое будет работать по единому плану. Если капитализм — это множество конкурирующих индустриальных предприятий, то коммунизм — по сути, одно предприятие, где фабрики играют роль цехов. Владимир Ленин и его товарищи рассчитывали, что такое общество-предприятие позволит резко повысить эффективность производства, втянуть в отношения индустриально-городского характера крестьянскую массу и повысить уровень жизни всех трудящихся, которые станут рабочими фабричного типа. Этот сверхиндустриальный технократический проект должен был начать осуществляться за счет крестьян. Попытка большевиков остановить развал промышленности некапиталистическими методами в конце 1917 — начале 1918 г.

оказалась неудачной. Резкое падение промышленного производства сделало развал капиталистического рынка катастрофическим. В этих условиях ЦК РКП(б), следуя своей стратегии единого общества-фабрики, ввел нерыночный продуктообмен, управляемый централизованными государственными структурами. Большевистское руководство стало хозяином государства-фабрики, которая силой выкачивает ресурсы из крестьянства¹.

Политика ускоренной замены рыночных отношений государственным управлением и распределением получила название «военного коммунизма». Создавая его, большевики решали две задачи: формировали основы нового общества, которое должно было исключать эксплуатацию человека человеком, и концентрировали в своих руках все ресурсы, необходимые для ведения войны.

Соппротивление центральной власти жестоко подавлялось, остатки демократии планомерно ликвидировались. Власть Советов заменилась властью партийно-государственного центра. Местные Советы превратились в низовой актив по выполнению решений центральных партийных и государственных органов и их местных отделений.

Изъятие продовольствия у крестьян должно было кормить армию, бюрократию и рабочих. При этом большевистская власть была против того, чтобы горожане свободно покупали продовольствие у крестьян, ведь в этом случае преимущества получали прежние имущественные верхи, сохранившие накопления и имущество, которое можно было обменять на хлеб. Большевистская власть опиралась на наиболее обездоленные в прошлом слои населения, а также на массу красноармейцев, партийных активистов и новых чиновников. Преимущество при распределении продовольствия должны были иметь именно они. Торговля продовольствием запрещалась, вводилась система «пайков», при которой каждый человек мог получать продовольствие только от государства. 11 января 1919 г. на подконтрольной большевикам территории России был введен новый налог — продразверстка. Он превышал возможности крестьян, но с его помощью из них удавалось выколлотить больше хлеба.

Большинство читающих эти строки сегодня живет в городах. Наше мышление — городское, мы привыкли, что город должен быть обеспечен продовольствием. Но нужно понять и наших предков, которые в большинстве своем жили в деревне, пахали и сеяли и всю свою жизнь были «обязаны». Сначала помещикам и государю, а затем многочисленным городским властям, за которыми стояла масса горожан. Кре-

---

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция; *Он же*. 1918 год. Революция, кровью омытая.

стьяне с удовольствием предоставляли бы горожанам продовольствие, если бы те предоставляли им в ответ промышленные товары.

Но большевистский продуктообмен явно не был эквивалентным. Более того, промышленные товары, поступавшие в деревню, распределялись среди бедных слоев, а хлеб изымался у средних и зажиточных. Эта политика была продиктована стремлением большевиков расколоть деревню и создать себе опору именно среди бедноты. В итоге большинство крестьян не было заинтересовано не только в таком продуктообмене, но и в развитии производства вообще.

Система «военного коммунизма» вызвала массовое недовольство. Советское общество было расколото на радикальных сторонников и противников коммунистов. Сопровождавшие большевистскую революцию разрушения и общественные катаклизмы, отчаяние и невиданные прежде возможности социальной мобильности порождали иррациональные надежды на скорую победу коммунизма у значительной части городских слоев и у части крестьян, особенно молодежи, стремившейся к городской жизни. Но еще более широкие массы города и деревни саботировали указания коммунистов, а то и поднимались на вооруженную борьбу.

Часть участников крестьянских движений выступала за власть Советов, но против коммунистов и их новых порядков — «коммунии». Другая часть продолжала поддерживать эсеров, тем более что события доказали правоту их критики большевизма. Наиболее массовым было движение дезертиров. Большинство крестьян не желало воевать за «коммунию». Уклоняясь от мобилизации, крестьянские парни уходили в леса и партизанили против коммунистов, создавая отряды «зеленых». Они убивали советских работников, нападали на небольшие отряды Красной армии. Сотни тысяч «зеленых» партизанили в Московской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Владимирской, Тверской и других губерниях. В январе–июле 1919 г. восстания произошли в 124 уездах европейской части России¹.

Война «зеленых» и красных была жестокой: убийства совработников перемежались с расстрелами пойманных повстанцев. Но большинство пойманных «зеленых» отправляли на фронт — РККА остро нуждалась в новых бойцах.

Другим источником потрясений был произвол новой власти при изъятии хлеба и лошадей. Так, председатель Сенгилеевского уездного комитета РКП(б) по любому поводу отправлял крестьян в «холодную», избивал их, отнимал понравившиеся ему вещи. Его бойцы

---

¹ Подробнее см.: *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 301–305.

подражали руководству, и грабеж принимал нестерпимые масштабы. Бойцы продотряда, явившегося в уезд, не были трезвенниками, и, напившись, открывали пальбу на улице¹. «Гулянье» продотряда в селе Новодевичьем кончилось плачевно. 5 марта 1919 г. крестьяне ударили в набат, сбежались да скрутили коммунистов. Председателя Сengилеевской ЧК убили. Так началось одно из крупнейших в истории Гражданской войны восстаний, известное как «Чапанная война» (по названию крестьянской одежды). Она охватила Симбирскую, Пензенскую, Уральскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. Только в сengилеевском очаге восстания поднялось 25 тыс. крестьян. К ним присоединился запасной полк в Самаре, но он не сумел овладеть городом.

Потомки пугачевцев взяли Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти), блокировали Сызрань, угрожали Самаре. 11 марта красные перешли в контрнаступление и к 14 марта подавили основные очаги восстания.

В момент наивысшего подъема волжской жакерии в ней принимали участие 180 тыс. крестьян. Но создать устойчивую организацию повстанцы не смогли, волнение было подавлено. Погибло более 2 тыс. восставших и несколько сот коммунистов².

«Чапанная война» отличается от «махновщины» и «антоновщины» не только большими масштабами, но и скоротечностью. Внезапно начавшись, она столь быстро и прекратилась. Крестьяне показали коммунистам опасность своего гнева, четко выдвинули требование прекращения злоупотреблений. Но и содействовать белым «чапанные» не желали. Их больше устроило бы примирение воюющих сторон на какой-то срединной основе, сохраняющей завоевания Октября. Крестьяне говорили: «Нам надоела война. Почему коммунисты не примирятся с белогвардейцами? Мы желаем мира»³.

В наказах своим делегатам крестьяне писали, что были вынуждены «восстать не против Советской (власти), но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим», которые «ставят диктатуру», кооптируют в Советы своих приспешников и не считаются с нуждами крестьян, грабят и делают всевозможные «пакости». Они требовали «крестьянского самоуправления», выборов в Советы от крестьян, «но не только из одних рабочих и коммунистов»⁴.

¹ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 305.

² Там же. С. 305–307.

³ *Борисова З.А.* Чапанная война в тылу Восточного фронта // Краеведческие записки. Самара, 2000. Вып. IX. С. 129.

⁴ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 99.

Лишь меньшая часть крестьянского движения поддерживала белых. Прежде всего это касается казаков. В отличие от крестьянских войн прошлого, казаки к началу XX в. превратились в относительно консервативный социальный слой. В 1917 г. станичники в большинстве своем были относительно равнодушны к антибольшевистскому движению. Но в мае 1918 г. началось мощное восстание на Дону, ставшее очагом белого движения. После возвращения Советской власти большевики не доверяли казачеству, считая этот слой кулацким и реакционным. На Дону развернулась политика «расказачивания». Казаков лишили привилегий, права носить оружие. На их земли, которые они получили за военную службу, переселяли иногородних и кавказцев. Эта политика сопровождалась массовыми расстрелами «верхов казачества» и протестующих донцов, изъятием лошадей, хлеба и имущества. Ответом стали восстания. Стремясь с помощью «расказачивания» укрепить Советскую власть на Дону, большевики создали здесь прочный очаг антибольшевистской борьбы.

Весной 1919 г. Поволжье полыхало от Самары до Астрахани, Черноземье — от Курска до Тамбова, «дымилась» центральные губернии. На VIII съезде РКП(б) 18–23 марта Ленин заявил о курсе на союз с крестьянами и провозгласил лозунг «Не смей командовать!». Впрочем, при сохранении коммунистической диктатуры этот лозунг имел мало смысла и лишь выступал прототипом сталинской борьбы с «перегибами». Но на короткое время большевики в деревне стали вести себя осторожнее. До некоторой степени смягчилась политика в отношении социалистических партий. Бумажные уступки не помогли — восстания в Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерниях создали угрозу тылам Южного фронта.

В большинстве своем крестьяне не ждали Колчака и Деникина как освободителей и не желали помогать «помещикам». Наступление белых заставляло крестьян потерпеть со своими претензиями к большевикам, тем более что мобилизация и продразверстка вычерпала возможности села, и в коммунистическом наступлении на деревню наступила пауза. С конца лета 1919 г. крестьянская война на советской территории временно идет на спад.

Несмотря на то что некоторые крестьянские отряды переходили на сторону белогвардейцев, популярность крестьянского вождя могла сохраняться только при условии, если он отмежевывался от белых режимов. Крестьянская масса воспринимала реставрацию старой России как большее зло. Коммунисты отступили от идеалов революции, давшей крестьянам землю, но в крестьянстве было распространено представление о том, что большевистские безобразия —

явление временное, вызванное обстановкой войны и смуты. А вот если победят белые, то землю точно отберут. Не сразу, так потом. Коммунистические начальники — это выбившиеся в начальство «свои», люди, говорящие народным языком. Наиболее «вредных» из них нужно убивать, но в принципе начальники и должны быть «из наших». Белое командование — это прежняя царская элита, даже если она и выступает за республику. С победой белогвардейцев вернутся и помещики, и урядники, и вся унижительная система сословного неравенства, при которой жили испокон. Попробовав жить иначе, крестьянство уже не хотело возврата. Если с большевиками у крестьян возникли социальные противоречия, то с белыми помимо социального существовал и более глубокий социально-культурный конфликт. Это был раскол между народом и элитой, заложенный на уровне мировосприятия. Две культуры, существовавшие в России со времен Петра, к 1917 г. так и не срослись. Вся культура белого движения, будь то погоны офицеров или стиль газет — все сигнализировало: с победой белых вернутся прежние порядки, прежние опустылевшие иерархия и элита, прежняя эпоха. Впрочем, и социально-политическое лицо белых определялось стремлением к возвращению «законных» привилегий старой элиты. Для крестьян это означало, что у них отрежут землю в пользу помещиков или возьмут за нее выкуп. Такая перспектива делала крестьян потенциальными партизанами.

Однако это не значит, что у белого движения вообще не было шансов на успех. Большевистский режим имел некоторые социальные и стратегические преимущества в борьбе с белым движением, но в условиях продолжающейся революции и он стоял на зыбкой почве, когда внезапное восстание могло обрушить фронт или привести к разгрому государственного аппарата в том или ином населенном пункте. Мобилизационный потенциал белого движения был ниже, его лозунг восстановления «Единой и неделимой России» не консолидировал, а поляризовал противников большевизма. Но у белых были свои преимущества, в том числе поддержка Антанты. Созданная офицерством и чиновниками старого строя организационная машина была слабее большевистской, но все же ей удавалось создавать армии, сопоставимые с РККА на фронте по численности и боевым качествам, а нередко и превосходящие ее. При условии скоординированных действий армий Колчака и Деникина они могли лишить красное командование возможности перебрасывать силы с фронта на фронт. Но этой согласованности не было. Поход Вооруженных сил Юга России на Москву развернулся, когда армия адмирала Колчака уже потерпела поражение.

25 июня белые взяли Харьков, 31 августа вошли в Киев и развернули наступление в центральные области России. На Украине были проведены мобилизации, которые увеличили деникинскую армию более чем вдвое — с 64 до 150 тыс. штыков и сабель. 10 августа — 19 сентября по тылам красных пронесся 4-й Донской казачий корпус генерала Константина Мамантова, который прошел с боями через Тамбов, Козлов, Елец и Воронеж. 21 сентября войска Деникина взяли Курск и 13 октября — Орел. 14 октября Мценск стал крайней точкой деникинского наступления на Москву. Ворвавшись в город, белые похватали и расстреляли подвернувшихся им под руку красных, включая нескольких бывших генералов, служивших большевикам. Но это был лишь налет, и добровольцы ретировались в занятый ими более основательно Орел. 15 октября ударная группа красных взяла Кромы на фланге дроздовской дивизии. Наступление на Москву было остановлено.

13–19 октября под Воронежем конный корпус Семена Буденного, поддержанный тремя красными армиями, столкнулся с донской и кубанской кавалерией белых под командованием Мамантова и Шкуро. Красные конники оказались сильнее, и их победа стала началом конца сверхнапряженного деникинского фронта. Но кроме внешней причины этого развала была и внутренняя.

Как писали И.И. Вацетис и Н.Е. Какурин, «пока обе стороны в упорных боях оспаривали друг у друга каждую пядь пространства на орловском направлении, созрели и разрешились победой крупные события в Воронежском районе, а именно: 19 октября произошло первое столкновение Добровольческой донской конницы с конным корпусом Буденного, окончившееся в пользу Красной конницы. Противник пытался быстро совершить перегруппировку для нанесения решительного удара конному корпусу, но в это время сказались партизанские действия в глубоком тылу белых, что заставило их выделить часть сил для ликвидации этих отрядов, а тем временем наступил общий кризис генерального сражения, благоприятный для красного оружия»¹. Этими партизанскими действиями, способствовавшими перелому в сражениях под Орлом и Воронежем, были прежде всего бои махновцев в районе Александровска, Екатеринослава и Гуляйполя. Благодаря действиям махновцев деникинская территория превратилась в гнилой орех. Проломив его оболочку под Воронежем, Красная армия неудержимо устремилась на юг.

24 октября корпус Буденного и войска 8-й армии взяли Воронеж. 5–15 ноября в ходе ожесточенных боев красные овладели Касторной и вышли на оперативный простор во фланг основным соединени-

---

¹ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. С. 328.

ям ВСЮР, сражавшимся под Орлом. Добровольческая и Донская армии были рассеяны, красные хлынули на Ростов и Одессу. После ожесточенных боев под Ростовом в январе–феврале 1920 г. ВСЮР продолжили отступление к Новороссийску. Там ВСЮР, вернее, то, что от них осталось, 27–28 марта погрузились на корабли и отплыли в Крым.

4 апреля 1920 г. ушедшего в отставку главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Антона Деникина сменил генерал Петр Врангель. Первоначально положение белых в Крыму представлялось катастрофическим, обсуждалась возможность эвакуации с территории России. Британская дипломатия предпринимала шаги к безболезненному прекращению сопротивления.

В ноте лорда Кёрзона Совнаркому от 11 апреля говорилось: «Я немедленно решил обратиться к Вам и просить Вас как в интересах России, так и гуманности отдать приказ о прекращении военных действий и о даровании всеобщей амнистии на условии роспуска Добровольческой армии»¹. Советская сторона была не против такого решения, но белые не соглашались капитулировать.

В Крыму разбитые белые части приводили себя в порядок и отдыхали. Петр Врангель переименовал ВСЮР в Русскую армию. Врангелем как Правителем был создан Совет управляющих ведомствами, затем переименованный в правительство Юга России во главе с крупным государственным деятелем Российской империи, ближайшим соратником Столыпина Александром Кривошеиным. В апреле Врангель так определял свою стратегию: «Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»². Такая стратегия требовала двух условий: быстрого экономического расцвета Крыма и выдвижения новой, привлекательной для населения идеологии вместо тех лозунгов белого движения, которые не получили достаточно массовой поддержки. Первое требовало массовой помощи стран Антанты, а ее не было. Поиски второго вылились в умеренные реформы, выглядевшие как уступки народным настроениям.

25 мая Врангель принял «Приказ о земле», который был призван примирить белое движение с крестьянством. Врангель придавал большое значение задуманной им реформе, но вряд ли она порадовала большинство читавших приказ крестьян. Документ был выдержан в стиле реформ 1861–1906 гг. За крестьянами закреплялась земля,

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 132.

² Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М.: Терра, 1992. Ч. 2. С. 75.

перешедшая к ним от помещиков, но с рядом изъятий и главное — она должна была быть оплачена. Врангель подчеркивал: «Нет и мысли о даровой раздаче земли». Прежние собственники должны сохранить земли определенного размера (а определять его должны были местные земельные учреждения), высококультурные и промышленные хозяйства, отруба, хутора, церковные земли и др. Отдельно оговаривалось, что землю не должны получить «дезертиры» (то есть мужчины, подлежащие призыву, но не сражающиеся в белой армии), зато она должна сохраняться за теми, кто служит в белой армии (а там было немало помещиков). Крестьяне должны были выплатить стоимость земли прежним собственникам или государству, которое потом рассчитается с собственниками. Платежи должны были растянуться на целую эпоху: «Причитающееся в оплату отчуждаемых участков количество хлеба вносится новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая». Врангель подчеркивал, что его реформа аналогична реформе 1861 г.¹

Конечно, крестьянам не улыбалась перспектива этих новых выкупных платежей. Врангелевские администраторы надеялись, что это будет лучше советской продразверстки. Но крестьяне не хотели платить ни того ни другого. Кривошеинская аграрная реформа напоминала продналог, который в 1921 г. будет введен в Советской России, но с важным различием. Белые реформаторы с помощью этого налога надеялись рассчитаться с помещиками, а коммунисты — построить мощную промышленность.

Идеологические документы Врангеля апеллируют к тем ценностям, которые и раньше составляли лицо белого движения: русская нация, порядок, борьба против захвативших власть «бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь», борьба «за то, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина»². Демократические элементы праволиберальной идеологии, присущей лидерам белого движения, проявились в восстановлении земств.

Пока Крым был далек от такого оазиса процветания, который мог бы стать привлекательным примером для остальной России. Правительство и военные власти с трудом справлялись с социально-экономическим положением в Крыму, где ситуация была похожа на Одессу 1919 г., но только еще хуже. Ведь интервентов с их ресурсами уже не было, помощь Антанты иссякала, а экономическая база Крыма была несопоставима с массой скопившихся здесь белых войск и бе-

¹ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 2. С. 104–118.

² Там же. С. 132.

женцев. «Чиновники VII класса на май 1920 года получали 16 000 руб. жалованья в месяц, в сентябре оклады были удвоены, но инфляция стремительно съедала все прибавки, и денег не хватало даже на прожиточный минимум. В сентябре ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил уже 5–10 тысяч руб.»,¹ — пишет историк А.В. Ганин.

Союзники обсуждали поддержку белой армии боеприпасами и снаряжением, но кормить Крым бесплатно они не были готовы. Советник российского посольства во Франции Николай Базили писал представителю Врангеля в Константинополе Анатолию Нератову: «Иностранный рынок ждет хлеба, сырья. Готов дать [в] обмен нужные товары»². Хлеб и сырье находились севернее полуострова, в Северной Таврии и Донбассе.

Воспользовавшись тем, что основные силы красных были скованы в советско-польской войне, войска Врангеля 7 июня 1920 г. вырвались из Крыма. 15-я армия красных была отброшена и удерживала правый берег Днепра. Пока Врангель не собирался атаковать в этом направлении, что в начале июня могло оказать существенную поддержку полякам. Но содействовать наступлению поляков Врангель не очень хотел: «Перейдя Днепр, Главнокомандующий не может остаться на почве возможности чисто военного соглашения с Польшей. Он входит на территорию, которую поляки определили в качестве будущей Украины, не найдя нужным войти с нами по этому поводу в какие-либо предварительные объяснения и соглашения»³. Врангель просил о посредничестве в переговорах с поляками французов. Великобритания в это время относилась к белому делу все более прохладно, а после начала наступления в Северной Таврии заявила, что снимает с себя ответственность за судьбу белого движения.

Были и военные обстоятельства, которые затрудняли продвижение Русской армии за Днепр — с востока наседали красные. В Северной Таврии по белым ударила конная группа под командованием Дмитрия Жлобы, которая 27 июня попыталась зайти во фланг и тыл белых в махновских местах, откуда махновцы ушли в тыл к красным. Жлоба наносил удар на Мелитополь с востока. К 3 июля белые загнали кавалеристов Жлобы в мешок в районе немецких колоний Моргетан-Фриденсдорф. Махновцы нашли бы, куда уйти в родном для них краю. Но красные кавалеристы были разгромлены вчистую.

¹ История Крыма. М.: ОЛМА Медиа групп, 2015. С. 314–315.

² Крым в развитии России: История, политика, дипломатия. Документы архивов МИД России. Ижевск: МИД РФ, 2018. С. 535.

³ Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 2. С. 150.

Однако затем красные добились важного успеха — 7 августа они форсировали Днепр и создали укрепленный Каховский плацдарм, с которого при благоприятных обстоятельствах можно было бы выйти к Перекопу в глубоком тылу белых.

Понимая, что РККА может обложить Русскую армию в Северной Таврии плотной массой войск, Петр Врангель решил резко расширить линию фронта, распространив ее на Кубань. Оттуда поступали сведения об успешных действиях многотысячной Армии возрождения России во главе с генералом Михаилом Фостиковым, которая заняла Баталпашинский и часть Лабинского отдела.

14 августа десант под командованием генерала Сергея Улагая в несколько тысяч бойцов высадился севернее станицы Приморско-Ахтарской. Белые надеялись «поджечь» Кубань. На Кубань из Крыма переправилось несколько тысяч гражданских, которые в случае успеха надеялись заняться управлением краем.

Удар был внезапным. 18 августа белые взяли станицы Брюховецкую и Тимашевскую, знаменитые по сражениям 1918 г. Но это был предел успехов десанта.

Вдохновленный удачной высадкой десанта Улагая, барон Врангель направил другие десанты в районы Абрау-Дюрсо и Тамани.

21 августа командующий Кавказским фронтом РККА Владимир Гиттис сосредоточил против десанта более 18 тыс. бойцов. К 22 августа они отбили Брюховецкую и Тимашевскую. 30 августа советские войска разрезали группу Улагая надвое. 24 августа красный десант взял тыловые склады белых. Десанту пришлось отходить к Ново-Нижестеблиевской и дальше к Ачуеву, откуда 7 сентября десант был эвакуирован. Он вернулся с прибытком — к эвакуировавшимся присоединилось около 10 тыс. кубанцев. Удалось привезти и 6 тыс. лошадей¹.

Сообщения о десанте белых на Кубани приходили в Москву одновременно с новостями о поражении под Варшавой. Масштаб обеих катастроф был пока не ясен. Но в эти дни для Ленина стало очевидно, что поход на Запад не удался, а потому война с Польшей стала бесперспективной и для Советской России совершенно бессмысленной. Критически важных ресурсов для социалистического строительства в Западной Белоруссии и Западной Украине не было. А вот белое движение показало, что оно еще в силе, что может распространяться со скоростью степного пожара, как в 1918 г. Да еще Антанта стала пытаться посадить большевиков и врангелевцев за стол переговоров как равноправные стороны.

¹ Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

В сентябре Врангель стал склоняться к перенесению активности на правый берег: поляки снова наступали, и без взаимодействия с ними перспективы Русской армии были плохи. Готовясь к этому, белые расширяли зону своего контроля в Северной Таврии. 17 сентября белые заняли Гуляйполе, 19 сентября — Александровск, но красные удержали стратегически важную Кичкасскую переправу. 28 сентября в руках белых были Волноваха и Мариуполь. 30 сентября Русская армия захватила станцию Юзово (будущий Донецк) — это был Донбасс, сырьевая база советской промышленности. Правда, в это время белые не планировали захватывать Донецкий бассейн, а перенесли активность на противоположный край фронта, 9 октября запоздало переправившись через Днепр в поисках взаимодействия с поляками (те в это время уже вели переговоры о перемирии с красными).

Барон Врангель не имел сил, чтобы войти в Москву, но мог серьезно дезорганизовать жизнь на Украине и Северном Кавказе. И в Москве решили, что раз с Польшей не получилось, теперь нужно было сосредоточить все основные военные силы на другой, более актуальной задаче — разгроме белого движения в европейской части страны.

* * *

Белое движение не было единственной вооруженной силой, противостоящей коммунистическому режиму к северу от Черного моря.

На Украине возвращение продразверстки и введение комбедов способствовали возрождению повстанческого движения. После выздоровления атамана Нестора Махно от тифа с начала февраля 1920 г. анархисты возобновили боевые действия против красных.

29 мая 1920 г. в селе Александровке был создан Совет Революционных повстанцев Украины (махновцев), в который вошли Махно, начальник штаба Белаш и другие командиры. Этот СРПУ считался высшей властью в махновском движении.

В июне операции махновской армии против тылов Южного фронта развивались успешно. Разгрому подверглись несколько красных полков, тыл 13-й армии оказался в критическом положении. Красные были бессильны. Им оставалось только обстреливать махновские митинги из артиллерии. И вдруг Махно ушел из района.

Причиной стало весенне-летнее наступление генерала Врангеля. Махно увидел, что, разгромив тылы красных, он облегчил задачу белой армии.

17 июля махновцы заняли Изюм. Это было начало грандиозного рейда Махно по тылам Красной армии, перед которым меркнет даже знаменитый рейд белоказаков Мамантова в 1919 г. Махновцы с боя-

ми пройдут более 700 км и добьются того, что красные станут искать с ними мира.

Попутно махновцы раздавали крестьянам хлеб из продовольственных складов (своего рода продрозверстка наоборот), громили инфраструктуру «военного коммунизма». Авторитет Махно рос теперь уже не только в его родном районе.

Обогнув Полтаву с севера, 9 августа Махно занял Зеньков, 16 августа — Миргород и уже угрожал столице Советской Украины — Харькову. Пришлось срочно стягивать туда советские силы. Но Махно, погромив коммунистические учреждения и тыловые склады, а затем раздав запасы населению, нырнул в леса близ Славянска.

29 августа атаман был серьезно ранен в бою под Петровкой — ему раздробило ногу. 3 сентября махновцы взяли Старобельск, что было серьезной неприятностью для красных — здесь были сосредоточены крупные запасы продовольствия и оружия. Все это попало в руки батюшки, и его армия выросла до 5–6 тыс. (не считая отрядов, оставшихся в районе Гуляйполя). Армия продолжает двигаться на восток, на Дон, дальше от родных мест. 10–12 сентября разгорелось ожесточенное сражение под Миллерово, которое было взято махновцами.

Донцы встретили Махно прохладно. Наиболее активные противники Советской власти уже ушли к белым, казачество было обескровлено предыдущей борьбой. О Махно доносились лишь смутные слухи. Ну его — как пришел, так и уйдет. Казаки настороженно провожали взглядом махновскую армию. Как сообщала Донецкая губчека, «притока казаков к бандам Махно не наблюдалось»¹.

Махновцы развернулись на Старобельск. Их угнетала ситуация, при которой, приближаясь к красному фронту с тыла, они косвенно помогали белым. А белые наступали как раз на их район. В это время врангелевцы заняли Гуляйполе. Махно решил, что единственным способом освобождения его столицы может быть союз с красными против Врангеля.

27 сентября расположившиеся в Беловодске махновцы передали красным предложение о союзе. 28–29 сентября шли переговоры по прямому проводу между секретарем СРПУ Дмитрием Поповым, начштаба Виктором Белашем и председателем ЧК Украины Василием Манцевым. По предложению махновцев были приняты такие предварительные положения:

«а) Сохранение установленного ранее внутреннего строительства и распорядка в нашей армии, отказа в настаивании по проведению основ строительства, применяемых в регулярных частях Красной армии.

---

¹ Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. С. 143.

б) Немедленного отвода красных частей от указанного нами центра гор. Старобельска на указанное расстояние.

в) Освобождение арестованных махновцев и анархистов и в первую очередь т. Волина»¹.

Старобельск был нужен махновцам для того, чтобы разместить в больницах раненых и передохнуть.

29 сентября красным частям было приказано прекратить огонь. 1 октября Махно в обращении к действующим на Украине повстанцам призвал их прекратить боевые действия против большевиков. «Оставаясь безучастными зрителями, — говорилось в нем, — украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном»². На следующий день махновцы перебазировались в Старобельск.

2 октября в Харькове было заключено уже более весомое соглашение красных и махновцев. Его подписали командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе, члены РВС фронта Бела Кун, Сергей Гусев, с одной стороны, и уполномоченные РВС Повстанческой армии (махновцев) Василий Куриленко и Попов — с другой. Характерно, что СРПУ здесь назван по стандартам Красной армии — РВС. Политическую (первую) часть соглашения подписал представитель Украинского правительства Яков Яковлев. В соответствии с этой частью соглашения, состоявшей из трех пунктов, объявлялось «немедленное освобождение и прекращение преследования в дальнейшем на территории советских республик всех махновцев и анархистов за исключением вооруженно выступающих против Советского правительства». Они получали право на пропаганду своих идей «без всякого призыва к насильственному свержению Советского правительства с соблюдением военной цензуры», на участие в советах и в выборах на V съезд Советов Украины, намеченных на декабрь³. В соответствии с военной частью соглашения армия махновцев поступает в оперативное подчинение красного командования, но «сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной армии». Махновцы обязались не принимать дезертиров из РККА, но бывшие махновцы с территории, занятой белыми, могли вернуться в махновскую армию, даже если какое-то время служили у красных. Семьи махновцев приравнивались в льготах к красноармейцам. Стороны выпускали воззвания о заключенном соглашении⁴.

¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 478.

² ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 47.

³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 485.

⁴ Там же. С. 486.

Махновцы изложили свои предложения по дальнейшему сосуществованию с большевиками: «Ввиду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действия махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советской Республики»¹. Представители УССР Владимир Затонский и Яков Яковлев обсуждали с махновскими представителями приемлемую для них редакцию 4-го пункта², но не подписали его, сославшись на необходимость одобрения Москвы³. Переговоры по поводу нового пункта велись вплоть до нового разрыва отношений между махновцами и большевиками⁴.

16 октября соглашение было ратифицировано президиумом ЦИК УССР⁵. От командования Южного фронта махновцы получили 100 млн рублей⁶ — довольно скромную по тем временам сумму, которая воспринималась скорее как акт доброй воли, чем реальная помощь союзнику.

В воззвании СРПУ 10 октября, подписанном Махно и Поповым, говорилось: «Революционные повстанцы были и будут непримиримыми врагами Советской власти, где торжествуют бюрократизм, насилие, несправедливость и неравенство. Мы боролись с комиссародержавцами, бюрократизмом, спецями и с их всяким произволом и насилием над трудовым народом. Мы не признавали и не намерены признавать бюрократических Советов, которые являются бременем и тяжестью для трудового народа». Но все же «поход контрреволюционного барона Врангеля на Украину для нас, революционных повстанцев, является новым порабощением трудящихся масс». Поэтому махновцы пошли на союз с красным командованием и Советской властью «для совместной борьбы против контрреволюционной своры». Но они не отказываются от борьбы за достижение «намеченной цели, как то — проявления инициативы в строительстве народного хозяйства (вольных общин) с помощью вольных экономических союзов (Советов), которые без вмешательства какой-либо политической партии должны разрешить назревшие вопросы среди крестьян и рабочих»⁷.

¹ Нестор Иванович Махно. С. 177.

² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 591.

³ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 290.

⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 109. Л. 37.

⁵ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 268.

⁶ Там же. Д. 330. Л. 38.

⁷ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. С. 496.

Махно именовался теперь председателем Революционной Повстанческой армии, а ее командующим стал Семен Каретников¹. Таким образом, Махно не попал в формальное подчинение к красному командованию.

Анархисты были освобождены и развернули свою агитацию на Украине. В Харькове работало махновское представительство.

К 16 октября Махно собрал свои отряды в единый кулак, который теперь составлял 11 тыс. пехоты и 3500 кавалеристов с 900 пулеметными тачанками. 22 октября махновцы вместе с 23-й дивизией красных прорвали фронт белых и на следующий день взяли Александровск. Под контролем Махно оказался весь его район от Гуляйполя до Полог. 28 октября, сражаясь плечом к плечу с 42-й дивизией — своим прежним и будущим противником, махновцы взяли Большой Токмак. 29 октября крупные силы красных прорвали фронт белых в районе Каховского плацдарма и вышли в глубокие тылы Врангеля. Его армия спешно отступила в Крым.

Как только в районе Гуляйполя прекратились военные действия, там была установлена Советская власть махновского типа. Был создан волостной совет (именовался также Исполнительным комитетом) — временный делегированный советский орган, в который помимо анархистско-беспартийного большинства вошли 20 эсеров и пять коммунистов². В район прибыли около 100 анархистов, занявшихся культурно-просветительской работой³. Группа Каретникова и отряд пулеметчиков Фомы Кожина (2400 сабель, 1900 штыков, 450 пулеметов и 32 орудия)⁴ выдвинулись к Сивашу.

Южный фронт красных под командованием Фрунзе нанес удары по войскам Врангеля на Перекоп и через Сиваш и Литовский полуостров. Белые не смогли выдержать внезапного удара красных и махновцев со стороны Сиваша. Они не рассчитывали, что значительные силы противника смогут пройти через это ледяное болото. После ожесточенных боев 8–11 ноября на Литовском полуострове, в которых махновцы составляли ударную силу красных, оборона Врангеля рухнула. Красные и махновцы вышли к Юшуню, в тыл укреплений Перекопа, после чего началось спешное отступление остатков белых войск к портам, где по заранее утвержденному Врангелем плану была организована эвакуация.

13 ноября 2-я Конная армия под командованием Филиппа Миронова вошла в Симферополь. 15 ноября белогвардейцы оставили

¹ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 49.

² РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 51. Л. 32.

³ Там же. Оп. 20. Д. 328. Л. 45.

⁴ ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 140.

Севастополь, 16 ноября — Керчь. Русская армия уходила в Турцию и Болгарию. На 126 судах отплывали 145 693 человека (в том числе 50 тыс. солдат и офицеров, 6 тыс. раненых, 27 тыс. женщин и детей), не считая судовых команд. Им предстояла нелегкая жизнь в эмиграции. После разгрома белых в Крыму начался красный террор.

* * *

Широкомасштабная фаза Гражданской войны (война фронтов) закончилась победой большевиков. Они смогли сосредоточить на территории России и Украины наибольшие людские и военные ресурсы, эффективно их применили в борьбе против своих военно-политических противников.

Коммунистический режим, самой своей идеологией ориентированный на максимальную централизацию управления всеми ресурсами, показал большие способности к мобилизации сил. Ведь даже численное превосходство красных — результат организационной и агитационной работы большевиков. Их порыв в будущее увлекал деятельных людей всех слоев общества, но прежде всего из низов. Победа большевизма открывала невероятные возможности для тех, «кто был ничем».

Надежды на скорое улучшение жизни подкреплялись резким ростом социальной мобильности, возможностей карьеры, самореализации, приобщения к великому делу. Коммунисты вобрали в свои ряды миллионы активных людей, которые не могли реализовать себя в условиях Российской империи. То же самое можно сказать и о других партиях, но большевизм предложил наиболее последовательную и простую стратегию диктатуры бедноты, которая нашла наиболее массовую поддержку у городских низов. Правда, в результате притока бедноты культурный уровень членов Коммунистической партии был невысок, они привыкли к применению насильственных методов достижения целей, к разрушению. Это способствовало победе коммунистов в Гражданской войне, но создавало большие препятствия для дальнейшей созидательной работы по восстановлению хозяйства и созданию основ социалистического общества.

Лозунги коммунистов соответствовали революционным настроениям широких масс. Эти лозунги были по форме близки популярным в народе идеям эсеров, меньшевиков и анархистов, они были совместимы также с идеей национально-культурного возрождения многочисленных народов распавшейся империи. Но большевики казались более решительными сторонниками радикальных аграрных и социалистических преобразований, чем социалисты, потому что предлагали действовать быстрее, бескомпромиссно разрушать капитализм и феодальные пережитки. В действительности методы, применявшие-

ся большевиками, противоречили провозглашенным ими целям преодоления угнетения и эксплуатации. В условиях коммунистического режима угнетение сохранилось иногда в более тяжелых формах, чем до революции. Но широкие массы считали, что это вынужденные меры на время войны и после победы над белыми и интервентами большевики установят общество всеобщего братства и свободы. Коммунисты, таким образом, выиграли идеологическую войну против белогвардейцев, умеренных социалистов и националистов. Они смогли заручиться наиболее массовой поддержкой, создать хорошо организованную и многочисленную армию, по частям разбить уступавшие им по численности белые армии, националистов и разрозненные повстанческие движения. Однако повстанчество возрождалось вновь и вновь. С уходом со сцены белых оно лишь стало нарастать с новой силой. Ведь теперь коммунисты не могли ссылаться на угрозу белой реакции, отказываясь от выполнения своих революционных обещаний.

Обеспечив победу красных, распаленные борьбой трудящиеся массы потребовали у коммунистов «расплаты по векселям».

Быстрая победа над Врангелем приблизила новые испытания для махновского движения. Уже 17 ноября, на следующий день после ликвидации Южного фронта, Фрунзе отдал приказ: «Украинскую повстанческую армию передаю в оперативное подчинение командарма 4-й, которому иметь в виду предстоящую переброску армии совместно с 9-й стрелковой дивизией на Кавказ»¹. Переброска махновцев на Кавказ означала бы прекращение их существования как самостоятельной политической силы. 20 ноября Махно отклонил требование двигаться на Кавказ и предложил провести переговоры для улаживания противоречий.

25 ноября Каретников был «вызван в штаб», по дороге арестован и позднее расстрелян. Но с частями Каретникова все оказалось не так просто — они разбросали обступавшие их красные части и вышли на север, к Перекопу. Поскольку они не были похожи на белогвардейцев, 29 ноября их беспрепятственно пропустили. Группа вышла было на оперативный простор, но 1 декабря у Тимашевки наткнулась на крупные силы красных, после чего от нее осталось только 700 кавалеристов и 1500 штыков².

В Гуляйполе накануне вероломного нападения РККА имелось немало оснований для беспокойства. Днем 26 ноября стало известно об аресте махновского представительства в Харькове (его члены будут

¹ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. М.: Воениздат, 1941. С. 451.

² ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 146.

расстреляны в 1921 г.). В ночь с 25 на 26 ноября было еще арестовано около 350 анархистов, в том числе Всеволод Волин и зачинщики забастовок в столице УССР¹. Телефонные переговоры ситуацию не прояснили — власти утверждали, что это какое-то недоразумение. Но Махно сумел привести свои войска в боевую готовность, и начавшаяся поздно вечером атака красных не застала его врасплох. Однако основные силы повстанцев ушли на врангелевский фронт, и у Махно под рукой было только тысяча сабель и 2 тыс. штыков.

На Гуляйполе с трех сторон наступали части 42-й дивизии и двух кавалерийских бригад. Одна кавбригада вышла в тыл к махновцам. Постреляв по красным частям, наступавшим с юга, махновцы оставили Гуляйполе и ушли на восток. С севера в городок вошла кавалерийская интербригада. Ничего не подозревавшие красные части, наседавшие с юга, атаковали занявших Гуляйполе кавалеристов. Начался жаркий бой красных друг с другом, что позволило махновцам выйти из окружения и уйти на восток. Правда, 5 декабря повстанцы снова наведались в Гуляйполе, чтобы продемонстрировать свою силу.

7 декабря Махно соединился с кавалерийским отрядом Алексея Марченко, прорвавшимся из Крыма. Анархист Аршинов вспоминает о состоянии Махно: «Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его»². Все нужно было начинать сначала.

Отряд махновцев по пути обрастал потерявшими было связь друг с другом повстанческими частями. В начале декабря у Махно было 2,5 тыс. бойцов.

Но в это время Фрунзе разворачивал против Махно части трех армий (в том числе двух конных). Почти все силы Южного фронта обрушились на повстанцев, уничтожая по пути небольшие группы, не успевшие соединиться с атаманом³. Огромная масса красных создала вокруг повстанцев практически сплошную линию фронта, двумя концами упирающуюся в берег Азовского моря. Уже понимая, что дело плохо, Махно «не унимался» и, словно дразня красное командование, прямо у него под носом 11 декабря ворвался в Бердянск, где разгромил 3-й кавполк и пленил штаб 2-й запасной кавбригады во главе с комбригом.

14 декабря РККА силами четырех дивизий (из них две кавалерийские) сомкнула кольцо окружения в районе Андреевки, в 40 верстах северо-западнее Бердянска⁴. 15 декабря красное командование

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 109. Л. 10.

² Аршинов П. История махновского движения. С. 189.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2475. Л. 4–8.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 373. Л. 36.

докладывало в Совнарком: «Продолжая наше наступление с юга, запада и севера на Андреевку, наши части после боя овладели окраинами этого пункта, махновцы, сжатые со всех сторон, сгруппировались в центре селения и продолжают упорно обороняться»¹. Казалось, махновская эпопея подошла к концу.

Однако Фрунзе не учел совершенно уникальных возможностей махновской армии. Махно мог, объяснив задачу, распустить свою армию на все четыре стороны в полной уверенности, что она соберется в указанном пункте в тылу противника и ударит по нему. К тому же махновская армия была «моторизована» — она почти целиком могла передвигаться на конях и тачанках. Все это помогло махновцам 16 декабря выйти из приготовленной Фрунзе западни. 18 декабря Фрунзе докладывал о разгроме Махно Ленину². В это время, погрузившись на тачанки, ядро махновцев вышло на оперативный простор.

Отряд Махно двигался непредсказуемо, постоянно меняя направление и проделывая в среднем путь 45 верст в сутки. Хотя случались и переходы до 110 верст³: огромная воля и военное искусство командира выводили махновцев из безвыходных ситуаций.

Продолжение махновской эпопеи стало частью новой волны повстанческих движений, которые набирали силу в 1920 г.

В мае 1920 г. продразверстка распространилась на всю Сибирь. Коммунисты приступили к арестам партизанских командиров, подозреваемых в оппозиционных настроениях. Бывшие партизаны Федерации алтайских анархистов (ФАА) критиковали политику большевиков и за диктатуру «военного коммунизма», и за компромиссы с теми слоями, которые прежде служили Колчаку. Коммунисты создают новую правящую касту, и она должна быть разгромлена.

3 мая восстали бывшие участники армии Рогова, которыми командовал анархист Иван Новосёлов. Повстанцы взяли Тогул, Уксанай и контролировали обширный партизанский Причернский край между Барнаулом и Кузнецком. В армии Новосёлова появился и прославленный партизанский командир Григорий Рогов. Коммунисты называли восстание «роговщиной», хотя сам бывший красный партизан вел себя не особенно активно — то ли болел, то ли просто колебался. Но воззвания повстанцев выходили за подписью Рогова, Новосёлова и других командиров. 3 июля Рогов погиб, Новосёлов в августе–сентябре был разбит и отступил в тайгу.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 373. Л. 10.

² Нестор Махно. Крестьянская война на Украине. С. 560. Документ датирован 17 декабря, но в нем речь идет также о событиях 18 декабря.

³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 373. Л. 40.

Меж тем в июле 1920 г. против коммунистов в Сибири дрались более 20 тыс. партизан.

Особенно опасными для коммунистического режима становились связи между воинскими частями и возмущенной деревней. Оттуда в Красную армию шли письма о произволе продотрядовцев, о надвигающемся голоде, о жестокостях ЧК. Бойцы волновались, командиры мрачнели и о чем-то тихо переговаривались друг с другом поодаль от комиссаров и чекистов.

В июле 1920 г. командование попыталось снять с поста командира формирующейся в Саратовской губернии 2-й Туркестанской дивизии Александра Сапожкова, героя обороны Уральска в 1919 г. и бывшего левого эсера, известного заступничеством за крестьян. Красноармейцы встали на сторону своего командира, и 13 июля началось восстание. В своем воззвании сапожковцы провозгласили, что отстаивают завоевания революции от «засевших» в государственных органах буржуазных спецов, «золотопогонников» и «лжекоммунистов», которые эксплуатируют «крестьян-тружеников». Сапожковцы выступали также против продрозверстки за «вольную торговлю»¹. Сапожковская «1-я Красная армия Правды», заняла Бузулук и затем двинулась на Уральск и Новоузенск. При этом Сапожков выступал за Советскую власть и даже Коммунистический интернационал, но утверждал, что «власти тружеников-крестьян давно уже не существует»². Восстание Сапожкова не на шутку перепугало правительство: создав прочную базу на Южном Урале, он мог взаимодействовать с повстанцами и в Поволжье, и в Сибири. Крайне опасен был прецедент восстания в Красной армии под социалистическими лозунгами. В телеграмме Уральскому ревкому и Саратовскому губисполкому Ленин приказывал: «Пресекать в корне всякое проявление сочувствия и тем более содействия местного населения Сапожкову, используя всю полноту революционной власти; в тех случаях, где содействие имело место, потребовать выдачу виновных главварей; от селений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия»³. 6 сентября Сапожков погиб в бою, его армия распалась. Махновцы, новоселовцы, сапожковцы выступали против коммунистического режима слева, с радикальных уравнилельных позиций, против складывания нового эксплуататорского господствующего класса.

¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 520–522.

² *Осотова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 327.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 348.

19–25 августа 1920 г. вспыхнуло восстание крестьян Тамбовской губернии. Оно было поддержано отрядом партизанившего здесь эсера Александра Антонова. На Тамбовщине развернулась жестокая вендетта, известная как «антоновщина». Коммунисты расстреливали крестьян и разоряли деревни, повстанцы жестоко убивали всех, кто служил коммунистической власти.

Антоновцы предприняли наступление на Тамбов и были остановлены только в 15 км от него. Они громили станции железной дороги, парализуя отправку конфискованного у крестьян хлеба. Поступление хлеба из губернии практически прекратилось. Почти вся Тамбовщина, кроме городов, крупных станций и укрепленных совхозов, контролировалась повстанцами.

14 ноября 1920 г. на совещании повстанческих командиров было провозглашено создание единой Партизанской армии Тамбовского края во главе с Главным оперативным штабом, руководителем которого был избран Антонов. Командующим армией был назначен бывший поручик Петр Токмаков (в январе 1921 г. возглавил 2-ю армию повстанцев). По советским данным, в декабре 1920 г. наиболее крупной группировкой восставших в тысячу пеших и тысячу конных бойцов командовал сам Антонов. Отдельно действовал конный отряд Токмакова в 500 всадников. Существовало еще две крупные группировки по 1500 бойцов под командованием Александра Богуславского и Василия Селянского¹.

Политическим органом движения был Союз трудового крестьянства (СТК). Идея создания таких союзов была выдвинута партией эсеров еще в мае. Но эсеры не рассчитывали, что Союзы вступят в жестокую вооруженную борьбу с режимом — ПСР была временно легальна и призывала к ненасильственному давлению на власть. Лидеры ПСР рассчитывали, что в результате возникнет массовое общероссийское движение, способное позднее свергнуть большевиков. Но пока они выступали против «голой партизанщины».

Тамбовские эсеры приняли в восстании активное участие, убеждая делегатов общероссийской конференции ПСР поддержать их выступление². Однако партия не отказалась от решения прекратить вооруженную борьбу с коммунистическим режимом. В то же время конференция заявила о «неизбежности в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевиками»³. Это будущее так и не наступило.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 373. Л. 32.

² Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов: Государственное хозрасчетное предприятие «Редакционно-издательский отдел», 1994. С. 11–12.

³ Там же. С. 64.

Тамбовский губернский СТК выступал за свержение власти большевиков насильственным путем и созыв Учредительного собрания. До созыва собрания власть на местах должна была устанавливаться союзами и партиями, участвовавшими в борьбе. Эта власть должна была восстановить гражданские свободы, провести закон о социализации земли в редакции Учредительного собрания, устроить частичную денационализацию при сохранении государственного регулирования производства и цен, восстановить рабочий контроль¹. В СТК совместно действовали как члены ПСР, так и левые эсеры. Поэтому программным требованием некоторых местных организаций СТК помимо социализации земли было не Учредительное собрание, а созыв Всероссийских съездов трудящихся, которые могли бы определить форму государственного устройства².

Таким образом, разгром белого движения привел к вступлению Российской революции в новую фазу. Теперь исчезла угроза реставрации дореволюционного режима силами белого движения. Крестьяне больше не опасались, что белые отнимут у них землю. Рабочие активисты теперь не боялись массовых репрессий против участников революции со стороны контрреволюционеров. Исчезновение этой угрозы лишило оснований политику «военного коммунизма», которая формировалась в условиях мобилизации всех сил ради победы в Гражданской войне. Но большевики не собирались отказываться от «военного коммунизма», так как считали его прямой дорогой к новому коммунистическому обществу. Режим был сохранен во всей полноте. Социальная напряженность стала стремительно нарастать.

С точки зрения коммунистического руководства, победа над белыми была лишь новой передышкой. Кругом — кольцо врагов, и еще предстоят войны с белополяками, белофиннами, белонемцами и белофранцузами. Но раз так уж вышло, что марксистская партия первой победила в отсталой стране, а мировая коммунистическая революция запаздывает, нужно показать миру пример рациональной организации экономики и общества.

Лидеры большевиков считали, что сохранение в руках государства полного контроля над всей хозяйственной жизнью и всеми предприятиями страны позволит развивать хозяйство по единому плану, продиктованному из партийно-правительственного центра. Первым опытом такого плана стал ГОЭЛРО — Государственный план электрификации России, анонсированный Лениным на VIII съезде Сове-

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». С. 80.

² Там же. С. 63.

тов в декабре 1920 г. В соответствии с этим планом промышленность страны должна была быть переведена на электрическую энергию, что позволило бы значительно рационализировать производство, увеличить его мощность и обеспечить возможность управления всем хозяйством из единого центра. Перспектива электрического перевооружения производства, строительства мощных электростанций вдохновляла миллионы людей. Ленин придавал этому плану огромное значение и даже заявил, что «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»¹. Это значило, что лидер большевиков считал: электрификация обеспечит материально-техническую базу коммунизма так же, как установленный большевиками режим обеспечит социально-политическую опору новым коммунистическим отношениям. Крестьянское хозяйство тоже предстояло перестроить по промышленному образцу — вовлечь крестьянские хозяйства в плановую систему.

В условиях разорения страны войной и «военным коммунизмом» картина электрифицированного производства казалась фантастической. Встречавшийся с Лениным в это время выдающийся английский писатель-фантаст Герберт Уэллс назвал его великим мечтателем. Англичанин не понимал, где Ленин найдет средства на строительство десятков электростанций. Но Ленин и партия большевиков считали, что они могут мобилизовать массы рабочих и крестьян на строительство новых предприятий так же, как до этого на войну. Средства на строительство должно было снова дать крестьянство, которое по мере движения к социализму постепенно превратиться в рабочий класс. По сути, это была программа индустриальной модернизации, создания индустриального общества, иерархического по своей организации — ведь рабочие должны были подчиняться инженерам и управленцам. Если в XIX — начале XX в. сторонники социалистических и коммунистических идей были уверены, что после капитализма наступит общество равноправия, то теперь под флагом социализма и коммунизма строилось нечто совсем иное — с господствующей бюрократией и безвластными трудящимися.

Протесты против этого слышались со стороны не только левацких повстанцев, но и рядовых коммунистов. В партии большевиков обострились внутренние разногласия по поводу путей дальнейшего развития страны, которые приняли форму дискуссии о профсоюзах.

Великая российская революция вступала в свою последнюю фазу, которая воспринималась противниками большевизма, стремившимися свергнуть его революционным путем, как «Третья революция»,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 159.

которая будет успешнее Февральской и Октябрьской, выведет страну, наконец, на дорогу свободы и социальной справедливости.

Руководство коммунистического режима выступало в этом конфликте как контрреволюционная сила, со всей энергией действующая ради стабилизации положения и скорейшего завершения революции на достигнутом рубеже. Большевики теперь были укрепителями государства, иерархии и порядка, завоевателями и устроителями нового государственного пространства, в основном соответствовавшего по территории Российской империи, за исключением западной ее части. Большевикам становилось пока не до разжигания мировых революционных потрясений, тем более что с середины 1920 г. революционная волна перешла к отливу.

Одной из причин этого отлива как раз и стал поворот коммунистического руководства к государственному и хозяйственному обустройству, поискам нормализации отношений с архитекторами Версальской системы. Этот курс вписывался в начавшуюся с середины 1920 г. постепенную стабилизацию мировой капиталистической системы.

Заключение

Социальное, национальное, имперское

Когда на Западном фронте в Северной Франции было заключено перемирие, там наступила тишина. Но в десятках других регионов продолжалась стрельба и волнения. Народы ждали, что с кровотокающего разлома Северной Франции начнется заживление ран всего мира. Но планета переживала процесс перемен куда более глубоких, чем мировая война, ставшая лишь одной из сторон движения мира от традиционного аграрного общества к социально сбалансированному городскому индустриальному социуму. Однако решение социальных проблем пока было представлено в большей степени в политических программах, чем на практике, переход казался далек от завершения и влек за собой нарастание социальных бедствий. А теперь и географическая карта ждала перекройки, где имперские принципы были обречены на столкновение с национальными. Хотя на севере Франции было провозглашено завершение мировой войны, но мировая «война после войны» продолжалась, переплетаясь с этноконфликтами, социальными революциями и массовыми волнениями, столкновениями интересов, стратегий, насилия и неповиновения. Эту эпоху нестабильности можно назвать мировой революционной волной, у которой были свои приливы и отливы.

При всей разнородности событий этой волны она имеет свою целостность и логику. У нее было три источника: послевоенная социально-экономическая перестройка, создание национальных государств и революции в России и Германии. Эти процессы, которые подхлестывались массовыми ожиданиями перемен к лучшему, националистической и социалистической агитацией, накладывались на различные социально-культурные почвы и порождали разнообразные события, которым посвящена эта книга.

Мировой революционный подъем был глобальным явлением и потому приводил «к общему знаменателю» народы с разными этнокультурными традициями и находившиеся на разных стадиях развития. Народы были разными, но революционные механизмы, глобальная экономика и мировое движение идей до некоторой степени нивелировали различия. В центре этой нивелировки оказалась евроазиатская, среднеразвитая и генерирующая идеи Россия, с которой сравнивали себя и рабочие Германии, и кочевники Монголии. Этому полюсу противостоял другой, лицом которого была Лига Наций,

костяком — Версальско-Вашингтонская система, а сердцем — Нью-Йоркская биржа.

* * *

Революции облегчили выход человечества из войны. Империи не выдержали нагрузки, революции закрепили это обстоятельство. Если бы народ не поднялся, правители могли бы еще долго заталкивать в военную мясорубку пушечное мясо. Однако и без революций война закончилась бы — не в 1918 г., так несколько позднее. Нельзя сказать, что народы совершенно устали от войны. Некоторые потом воевали еще несколько лет. Люди устали именно от этой империалистической войны, которая подтвердила свою бессмысленность.

«Война после войны» охватила Евразию от Ирландии до Тихого океана. С одной стороны действовали войска Великобритании и ее доминионов, Франции, США, Японии и их союзников в Первой мировой войне, чехословацкий корпус, белое движение и народная армия Комуча, германские фрайкоры и прочие немецкие войска, армии новых государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, басмачи и некоторые другие антисоветские повстанцы. С другой стороны находились красные армии советских республик на территории бывшей Российской империи, Баварии и Венгрии, повстанцы Украины, Сибири, Дальнего Востока, Германии, Ирландии, Северной Африки, Месопотамии, Турция и Афганистана. В каждом из лагерей также вспыхивали внутренние вооруженные конфликты, как, например, между русско-немецкими и латвийско-эстонскими войсками или между Красной армией и махновцами. По собственной логике происходила конфронтация в Латинской Америке и Китае.

Потрясения 1914–1923 гг., эпицентр которых располагался на относительно небольшом участке планеты между Парижем и Москвой, прокатились по планете от Сеула до Лимы. Степень воздействия этой глобальной волны на судьбы разных народов зависела от уровня и особенностей их индустриального перехода и этнокультурных традиций, которые могли резонировать с идеей советской самоорганизации, радикальной антикапиталистической социальной ломки или «национального возрождения». Но практически везде импульс, исходящий из эпицентра, проталкивал народы вперед по пути формирования социального государства и подрыва системы империализма. Большинство народов планеты было скорее объектом, чем субъектом мировой революционной волны, они реагировали на вызовы, но их обратное воздействие было пока слабым. Даже Мексиканская революция не выдвинула образа будущего, который увлек бы массы не только в мировом масштабе, но даже в конти-

нентальном. И все же именно в это время произошло пробуждение мировой «периферии», роль которой в глобальных процессах будет теперь необратимо расти.

Начавшись в связи с войной, революции продолжили расчистку пути прогресса, начатую гораздо раньше. В XVIII–XIX вв. в Европе шла ожесточенная борьба за свержение господства аристократии, но ее влияние продолжало сохраняться. А после краха четырех империй в 1917–1918 гг. оно явно перестало быть преобладающим. Выпячивать аристократические права стало моветоном и поводом для возмущения общественного мнения. Господствующая элита, подобранная по принципу происхождения, сменялась теми, кто умеет манипулировать информацией — финансовыми потоками и словами. Власть генов сменилась властью слов и цифр.

Революции 1917–1923 гг. и сопутствующие им послевоенные мировые перемены выдвигали вперед те страны, где аристократический принцип был относительно слаб или максимально подорван, — США и СССР. Люди по всему миру произносили имена Вильсона и Ленина как лозунги. Затем в США победил изоляционизм, а мировая революция коммунистов не удалась. Но и то и другое было заявкой на роль, которую США и СССР будут играть после победы над фашизмом во Второй мировой войне. Однако в 20–30-е гг. принцип генов пытался взять реванш, опираясь на священное право частной собственности и крайний национализм в степени фашизма. Это было уже приспособление к новой эпохе «восстания масс», выражаясь словами испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета, пришедшего от нее в ужас.

Теперь простой человек имел право участвовать в принятии важнейших для страны решений. Но поскольку обычных людей много — они сильны, когда сливаются в массы. А массы должны быть организованы и вдохновлены понятными несложными смыслами. Человек, живущий в своем маленьком мирке и не утруждающий себя напряженной мыслительной деятельностью, все равно остается человеком, а не скотом. Человеческое начало в нем, даже если оно придавлено началом животным, бунтует и тоскует, требует креатива и понимания смысла существования. Конечно, настоящим выходом из положения может быть обращение к собственному творчеству, к работе над преобразованием своей жизни к лучшему (желательно не за счет окружающих, а вместе с ними). Но это требует больших затрат энергии, работы над самосовершенствованием. Это трудно. Более простой путь — отчуждение своего человеческого начала в пользу больших общностей: класса, нации, империи. А точнее — тех, кто от их имени сплавливает массы людей. Второй путь проще.

* * *

Той силой, которая сможет противостоять мировой эксплуатации и несправедливости, многим виделся рабочий класс, пролетариат. Его руками создавались материальные блага (вклад организационной и творческой деятельности был менее наглядным), его тяжелый труд оплачивался гораздо хуже, чем деятельность управленцев, не говоря о доходах собственников капитала, которые могли быть купающимися в роскоши дармоедами. Рабочие были относительно сплочены фабричной дисциплиной, сконцентрированы городскими условиями. Они были униженными и оскорбленными, и в то же время потенциально могущественными. Сторонники преобразования социальных отношений в борьбе за собственные идеалы и проекты пытались опереться на рабочих и уговаривали окружающих и самих себя, что действуют в интересах рабочего класса и шире — трудящихся.

Положение рабочих было неустойчивым, колебания экономической конъюнктуры легко могли ввергнуть рабочего в нищету, и по большому счету ему еще было нечего терять в борьбе против произвола хозяев. Поэтому послевоенные экономические потрясения не могли обойтись без массовых выступлений рабочих. Но к началу XX в. рабочее движение dorосло до нового качества выступлений, которые стали куда более массовыми и идеологизированными, чем прежде. Участники рабочих выступлений осознавали себя как часть мирового рабочего движения.

Рабочие отвечали на социально-экономические невзгоды массовыми стачками, пользуясь при этом как послевоенной политической «разморозкой», так и экономической конъюнктурой, заставлявшей предпринимателей идти на уступки. Но она могла вот-вот развернуться (что и произошло в середине 1920 г.), а сам метод борьбы в виде накатывающих друг на друга стачечных волн был разрушителен для экономики, бил по интересам самих трудящихся и создавал в обществе усталость от забастовочной неразберихи.

Из этой ситуации забастовок ради гонки зарплаты за инфляцией существовало три принципиальных выхода: подавление рабочего движения, законодательство об индексации зарплат либо преодоление частной собственности. Но подавление не могло опираться только на грубую силу, нужно было поставить массы рабочих под более жесткий контроль элит и стабилизировать социальное положение человека труда. Иначе любое подавление было лишь преддверием новых взрывов. В то же время хотя преодоление частной собственности снимало прежний способ эксплуатации, но не гарантировало от возникновения нового и уж тем более — от падения уровня жизни рабочих.

Социал-демократы и коммунисты строили свои расчеты на марксистском классовом анализе, надеясь на единодушную поддержку рабочего класса, и очень удивлялись и даже обижались, если не встречали такой поддержки. Не менее удивительно было и то, что на их призывы откликались «не те» слои — крестьяне, городские маргиналы или «буржуазные» элементы. Для одних политиков это был приятный сюрприз, а для других — повод для опасений, что «мы идем не туда». Дело же было в том, что поведение человека определяется не только его социально-экономическими интересами, но и социальной психологией.

По большому счету все люди распадаются на три наибольшие социально-психологические группы (можно применить и привычное слово «классы»): люди прошлого, люди настоящего и люди будущего. Первые — хранители традиций: культурных, религиозных, семейных, идейных. Аристократы и догматики отстаивают чистоту когда-то созданных форм перед вызовами современности и будущего. Люди настоящего отстаивают свой маленький мирок от больших проблем по принципу «от добра добра не ищут». Они боятся качественных перемен, но приветствуют количественные улучшения — повышение зарплаты, строительство новых дорог... Говоря иначе, их приоритет — накопление комфорта и защищенности своего маленького мирка. Эти маленькие мирки складываются в мощный мещанский социально-психологический класс, в который могут входить представители разных социально-экономических слоев. Это — опора политиков «прагматического» склада. Но политик не может ограничиваться маленьким мирком и частными проблемами. Он должен заимствовать идеи у людей прошлого или будущего, адаптируя их стратегии к интересам людей настоящего и блокируясь то с «реакцией», то с «прогрессом». Иногда, двигаясь по ветру истории, прагматичные политики так активно размахивают идейными знаменами, что становится незаметно их внутреннее качество: они борются не за осуществление стратегии перемен, а используют востребованный в обществе, модный лозунг о переменах.

Люди будущего — ядро того социального явления, которое иногда называют «креативным классом». В эпоху городского индустриального общества это — интеллигенция. Говоря об этом, нельзя забывать о различии социально-экономических и социально-психологических классов. Социально-экономический класс определяется функцией в общественном разделении деятельности и способом получения доходов. Социально-психологический класс определяется по социальным устремлениям, ценностям. Большинство людей, являющихся интеллигентами по профессии, занимаются не творчеством

(созданием чего-то нового, небывалого прежде), а воспроизводством шаблонов, созданных ранее другими людьми. Социально-психологический креативный класс лишь частично совпадает с профессиональными интеллектуалами, а в период кризисов социального устройства разрастается далеко за пределы профессиональной интеллигенции, вовлекая социальные низы и маргинальные (переходные) слои, стремящиеся к переменам.

Еще несколько лет назад эти массы имели вполне мещанское мышление — таков был уровень их культуры, привитые с детства ценности. Когда мировой кризис пошатнул привычный образ жизни, в людях проснулась креативность, хотя, как правило, неопытная и неконструктивная. Старая жизнь оказалась злом — значит, будем искать новую, пойдем с вождями, указующими путь в будущее. Вожди не учитывали, что креативность для людей настоящего является средством адаптации. Стоило ситуации стабилизироваться, как от радикализма большинства не осталось и следа. Стремление к будущему прививается постепенно, с творческой культурой, с любовью к творчеству как таковому, в том числе и социальному.

Советы виделись левым радикалам в качестве системы самоорганизации, которая закрепит постоянную активность трудящихся классов, вынося их волю на уровень принятия решений и там гармонизируя разные интересы с помощью федерализма и планирования. Гладко было на бумаге...

Те, кто вели за собой радикализированные ситуацией массы, были людьми очень разными, объединенными общим стремлением к новому строю, называемому социализмом или коммунизмом. Одни были сторонниками социального равноправия, последовательной (советской) демократии, более последовательной и глубокой, чем привычный для политических элит парламентаризм. Вторые меньше интересовались конструктивной моделью будущего, их больше волновала победа над старым образом жизни — миром денег и кричащего неравенства. Важно разорвать со старым, уйти от него. Первые объясняют, ради чего. Вторые сплачивают все силы и ресурсы ради победы над старым. И это сплочение может удушать демократию. Первые обличают вторых за измену принципам, настаивают, что маршрут революции пошел не туда, не к обещанной ультрадемократической цели. Вторые возражают, что это временно, и иначе просто нельзя победить. Первые отвечают, что нельзя прийти к цели, двигаясь в противоположном направлении. Вторые — что другие пути тем более к общей цели не ведут.

Победа коммунистов большевистского типа в России, как мы сегодня знаем, не привела к возникновению бесклассового общест-

ва — коммунизма. Она способствовала ускоренному завершению индустриально-урбанистического перехода, обычно несколько бес­содержательно называемого модернизацией (мы будем употреблять термины «модернизация», «индустриальный переход» и «переход к городскому индустриальному обществу» как синонимы). Корни поражения левых социалистов (в спектре от анархистов до германских независимцев) крылись в бесперспективности их победы до завершения индустриального перехода. Ведь они были ультрадемократами, стремились отдать будущее на суд большинства трудящихся. А это большинство было проникнуто вполне мещанским мышлением. Оно могло поддерживать простые разрушительные рецепты в борьбе с обидевшим их старым порядком. Но новый порядок должен выглядеть привычным, улучшенной формой старого. И эта инерция должна была возобладать, если бы власть действительно перешла к рабочим массам: через Советы или их сочетание с прямым голосованием. Власть рабочего класса (который марксистами считался сознательнее) и крестьянства (которое в действительности было даже лучше приучено к самоуправлению) все равно привела бы к такому порядку, где целью политики были не широкие свободы, добровольная самоорганизация и творчество, а повышение зарплаты, социальная защита, гарантированная патерналистским, заботливым социальным государством.

Прежде чем взять ответственность за свою жизнь и заняться истинно человеческим занятием — творчеством, люди должны были избавиться от голода, холода и отупляющего, скучного бескультурья, элементарной безграмотности. Ради этого многие из них были готовы пойти на отчуждение своих человеческих свойств в пользу высшей цели и терпеть голод, холод и утомительную, отупляющую муштру. Эта самоотверженность позволяла им ощущать свою причастность к большому делу и творить социальные чудеса. Но оборотной стороной подобной самоотверженности было то, что большинство трудящихся, которым предлагалось управлять собой, к этому нисколько не стремилось.

Миссия левых социалистов, обычно не осознаваемая ими, заключалась в том, чтобы создать заделы на будущее, опережающие задачи своего времени и способные раскрыться по завершении модернизации. Такое «забегание вперед» могло теоретически уравновесить авторитарные тенденции, укреплявшиеся при сочувственном отношении масс, уставших от войны и революционного беспорядка. Легитимизация Советов с ограниченными полномочиями в структуре парламентского государства воспринималась как подспорье при следующем витке борьбы за социализм. Но этот виток запаздывал,

и Советы оказывались либо выхолощенным фасадом партократии, как в СССР, либо «пятым колесом в телеге» парламентского государства, как в Германии.

Австрийские и венгерские левые пытались сделать то, что в 1918 г. не получилось у большевиков — сбалансировать различные уровни управления и самоуправления социализированным (некапиталистическим) промышленным производством. Но их построения были рассчитаны не на поощрение инициативы снизу, а на ее сдерживание различными противовесами бюрократического свойства. Выстраивались сложные конституции для производства, в которых работникам уделялось некоторое место наряду с другими представителями различных интересов. На практике эти представители были чиновниками со своими элитарными представлениями о том, что нужно трудящимся. Аналогичным образом строились проекты социализации в Германии и Италии, где в итоге у них оказалось еще меньше шансов на практическое воплощение. Но результат был общим для всех этих стран — поток инициативы трудящихся снизу удалось погасить, разочаровав их в практике социализации. Поворот экономической конъюнктуры в середине 1920 г. добил этот этап увлечения социализацией, так как теперь она означала еще и перекладывание издержек капитализма на тех работников, которые становились совладельцами своих предприятий или соучастниками управления ими. Если бы у работников оказалась вся полнота ответственности за предприятие раньше, в период подъема экономической активности, то было бы понятно, ради чего теперь рабочий должен терпеть издержки в ожидании нового подъема. А в условиях спада неполнота социализации оказывалась двойным обманом — господствующие элиты оставляли себе контроль, но делились издержками. Такая «социализация» рабочим не подходила.

Борьба за социальную демократию, опирающуюся на развитую сеть органов самоорганизации, в тех условиях не могла еще привести прямо к социализму в собственном смысле слова. Но она приучала широкие массы трудящихся к демократическим практикам и потому встречала противодействие со стороны элит, отождествлявших демократию с парламентаризмом и идейно-политическим плюрализмом, со свободным соревнованием элит. Социал-либеральные «демократические» политики не осознали, что парламентская система уже не справляется с напряженностью социальных конфликтов. И если ее не укоренить в социальную толщу, она будет сломана вырастающим из социальной толщи авторитаризмом, стремящимся к тоталитарности.

Правые социал-демократы и либералы, не говоря уже о консерваторах, столкнувшись с революционной волной, испугались «вос-

стания масс» и стали систематически подрывать и подавлять его. Этим они вернули элитам возможность бесконтрольно решать за миллионы людей, каковы их «настоящие» интересы. Также действовали и коммунисты в СССР от имени рабочего класса и крестьянства. Что же, 30-е гг. станут наглядным результатом того, к чему приводят решения господствующих группировок, которые считают себя вправе определять судьбы стран, классов и народов, навязывая свои решения силой: международный произвол, массированное насилие, превращение людей в «винтики» человеческой «машины». Без постоянной подпитки механизмов формальной демократии напором снизу иного и быть не могло. Заменив демократию периодическим голосованием за те или иные партийные элиты, правые социал-демократы и либералы подорвали почву народовластия, открыв тем дорогу авторитаризму и даже тоталитаризму, который в 30-е гг. предложил свой ответ на вызов Великой депрессии.

Окажись борьба независимцев и максималистов успешнее — не возникли бы политические предпосылки для победы фашизма в Италии и Германии.

Левые социалисты проигрывали закономерно, но боролись они не зря. Они создавали традицию, которая со временем воспринималась не как новая утопическая идея, а как естественная ценность, проверенная временем. Они создавали тот язык, на котором потом говорили «шестидесятники». Левые социалисты стали культурно-политическим мостом, который перевел идеи и практики самоуправления от их общинных истоков через тяжелую для народовластия пору 30–40-х гг. к грани постиндустриального общества, способного дать идеям самоуправления второе рождение.

Идеи никогда не проигрывают окончательно. Революционная волна изменила мир не так радикально, как хотелось бы людям будущего, но предопределила «пробуждение масс», их интерес к политике и требование пусть эволюционных, но перемен, обеспечивающих более равномерное распределение производимых в обществе благ. Еще за два года до завершения Первой мировой войны послевоенный мир многим виделся возвращением к довоенному состоянию с небольшими территориальными изменениями. После мировой революционной волны 1918–1923 гг. это стало невозможным — мир начал меняться в самих своих социальных основах. Но этот процесс оказался куда более постепенным, чем виделось в революционной горячке.

Проявив интерес к объединению с коммунистами в Коминтерне, левые социал-демократы в значительной своей массе не становились большевиками. Поэтому унификация рядов, организационных прин-

ципов и идеологии Коминтерна вела к дезорганизации структуры тех партий, которые ему «достались». В перспективе это должно было сделать из секций Коминтерна инструмент единой мировой коммунистической политики. Но пока партии, вступившие в Коминтерн, плохо годились на роль инструмента. Они были не инструментами, а союзниками Советской России. Стремясь как можно скорее получить инструмент, большевизм ослабил своего союзника в самый решающий момент мировой революционной волны.

Период 1917–1923 гг. прошел под знаком ожидания скорого наступления социализма и коммунизма — посткапиталистического общества. К 1924 г. выяснилось, что предпосылки создания такого общества не возникли пока что нигде. Но это не значит, что бурные процессы этого времени совсем не продвинули человечество вперед, оставив его в либеральном «конце истории». Вполне назрело выполнение «программы минимум» социалистических движений — создания регулируемой государством экономики и социального государства (системы гарантий социальных прав и перераспределения ресурсов для стабилизации городского общества). Это было условие успешного завершения модернизации. Началось соревнование моделей индустриально-этатистского общества в спектре от коммунистической государственной централизации до многосекторных экономик. Коммунистический проект превратился из посткапиталистического в прагматический — в способ ускоренной модернизации.

В первом случае он вызывал большой интерес в странах, расположенных к западу от бывшей Российской империи, во втором — к югу от ее границ. В первом варианте коммунистический проект был вполне совместим со стремлениями сторонников социальной свободы и самоуправления. Российская практика с диктатурой и террором могла показаться данью трудностям пока еще изолированной революции в отсталой стране и короткого момента наиболее напряженной борьбы с эксплуататорами, которые сами виноваты в обрушившихся на них преследованиях. Перед глазами рабочих и интеллигенции стоял пир во время чумы, устроенный буржуазией во время мировой войны, из которой она извлекала сверхприбыли. Капиталистов было не жалко. Беспокоило другое — не ухудшит ли переход от капитализма к новому обществу положение широких масс трудящихся? Ситуация в России показывала, что это весьма вероятно. Ленин считал подобное нормальным, но иностранным вождям рабочего движения такая перспектива совсем не нравилась. Скоро западным левым социалистам пришлось выбирать между демократическими традициями социалистического движения и стремлением железной рукой разрушить «мир денег», за которым стояла экономическая

и социальная разнородность. Но и отказ от разрыва с капитализмом под предлогом того, что все еще никак не созреют предпосылки для социализма, означал для социал-демократии печальную перспективу растворения в капиталистическом обществе. Не решившись всерьез бороться за глубокие социальные преобразования, социал-демократия продолжила эволюционировать от движения борцов за социализм к респектабельной политической силе, участвующей вместе с либералами, консерваторами и националистами в стабилизации капитализма с помощью частных улучшений по мере возможности.

Народы Востока в большинстве своем еще не имели таких демократических традиций, как на Западе. Их лидеры видели, что Запад сильно ушел вперед по пути модернизации, и стремились заполучить у него прежде всего технологии и соответствующую им организованность. Российский путь государственной модернизации манил своей ясностью и пугал непримиримостью к старым элитам, жестким разрывом с традицией, столь дорогой Востоку. Поворот внимания Москвы к Востоку начался уже в середине 1919 г., но имел блестящие перспективы в последующие десятилетия. Отказываться от борьбы за Запад коммунисты не могли в силу своей теории и европейского воспитания, но в итоге приобрели там группы влияния, а не перспективу победы коммунистического проекта в ближайшее время. На Востоке же глобальная игра Москвы продолжилась с нарастающей силой.

Утопическая постановка вопроса о перепрыгивании через капитализм на Востоке оказалась наиболее реалистичной и продуктивной в коммунистическом проекте, который способствовал индустриальной модернизации тех стран, где с этой задачей не справлялся капитализм. Большой скачок через капитализм в дальнейшем определил судьбы многих народов Евразии в XX в. Под словом «социализм» в России и на Востоке стали понимать не преодоление разделения на господствующие и трудящиеся классы, а преодоление западного капитализма и частной собственности в пользу господства государственной иерархии и государственной собственности. С известной степенью обобщения можно сказать, что разная степень этатизма, огосударствления отличала азиатские и западноевропейские страны на протяжении веков. В древности и Средневековье это было различием разных вариантов аграрного общества. Теперь коммунистический курс на большой скачок через капитализм на Востоке намечал принципиальное различие в путях индустриального перехода — капиталистическом и бюрократическом, этатистском. Второй путь, часто осуществлявшийся под красным знаменем коммунизма, игнорировал безгосударственный коммунистический идеал и выдвигал вперед ценности государственности. Коммунистический проект

искал себе союзника в своем глобальном противостоянии западным империалистическим центрам, а нашел опору своего антикапитализма в восточных традициях огосударствления, которые серьезно повлияли на саму суть преобразований, проводившихся коммунистами в XX в. по всему миру от Китая до Кубы.

* * *

Соотношение этнонациональных и социальных факторов в исторических событиях — важная научная проблема. Она стоит в центре дискуссии между сторонниками цивилизационного и стадийного подходов к объяснению исторических процессов. По существу, борьба между цивилизационным и формационным подходами в их чистых формах — это борьба между двумя крайностями. Отрицание стадийных различий — такая же крайность, как и отрицание этнокультурных особенностей. Между тем уже в марксистской историографии была сформулирована проблема «общего и особенного», которая дает возможность нащупать «золотую середину»: все страны проходят одни и те же стадии поступательного социального развития («прогресса»), но каждая проходит их по своей этнокультурной дороге. Это — «параллели» и «меридианы» исторической карты.

На перекрестье этих координат в условиях мировой революционной волны находилась глубокая взаимосвязь социальных революций и формирования наций, нациестроительства. Революции — явление стадийное, связанное с трудностями развития социумов от одной стадии модернизации к другой. Но и современная нация — продукт индустриальной модернизации с ее стремлением к стандартизации — в том числе стандартизации культуры, которую несет с собой образование нации.

Разные этносы в традиционном обществе могут занимать собственные социальные ниши и уживаться, таким образом, на одной территории. Но с формированием индустриального уклада, требующего стандартизации (в том числе и языковой) это создает проблемы. В индустриальной «человеческой машине» (включая сюда и современные управленческие системы) люди из разных социальных ниш должны четко понимать друг друга, чтобы заказы и указания соответствовали исполнению. Этнические культуры вступают в конкуренцию за то, какая из них станет культурным стандартом на данной территории. Встает вопрос о замене имперских объединений, унаследованной от Средневековья раздробленности национальными государствами с единой культурной средой. Это значит, что носители других культур должны быть вытеснены или как-то локализованы на данной территории.

Но этнические меньшинства отвечают на это «национальным возрождением» — формированием национальной культуры, языка и затем государственности (даже если национальных государств эти этносы прежде не имели).

Не успели еще оформиться национальные границы, а индустриальное общество пошло дальше, вовлекая народы в мировое хозяйство. Сильнейшие индустриальные экономики выплескивались за национальные границы, где становилось тесно. Это стимулировало шовинизм, империализм и глобальную конфронтацию. Мировая война поставила проблему создания этих сил с помощью мирового права, и его творцы решили сделать шаг назад, призвав в союзники национальный принцип, консолидацию общества в нацию.

Эта ставка архитекторов нового мирового порядка удачно сочеталась с их противостоянием социальным конфликтам. Сплочение наций должно было гасить классовую борьбу и революционные пожары. В действительности соотношение социальной революции и нациестроительства сложнее, нациестроители во время революции формулируют ее национальные задачи и могут содействовать революционному процессу.

Принципиально важным «маркером» различной реакции на ситуацию 1917–1923 гг. является соотношение социальных и национальных задач в глазах активной, революционизированной части населения. Если польским лидерам, например, удалось добиться национальной консолидации перед лицом идущей с Востока и Запада революционной волны, то, например, лидеры белорусского национального движения не смогли заручиться достаточной поддержкой собственного населения (в том числе не русскоязычного), которое было увлечено социальными задачами больше, чем национальными. Это два крайних случая, но история 1917–1922 гг. дает нам целую палитру иных типологически важных ситуаций.

Возможны разные варианты соотношения национального и социального факторов:

Открытое доминирование национальных задач, решение которых обеспечивает и сохранение позиций имущественной элиты (в таких странах, как Польша, Ирландия, Турция и др.).

Открытое доминирование социальных задач (Советская Россия: большевизм, готовый идти на уступки национальному строительству из равнодушия к тому, как будет устроено будущее национальное деление единого в социальном отношении организма «Коммуны»).

Использование социального проекта для решения национальных задач (Бакинская коммуна в 1918 г., Венгерская советская республи-

ка в 1919 г.); в Латвии в 1919 г. за острой борьбой социальных проектов проглядывает противостояние латышей немецкому влиянию.

Использование национального проекта для решения тактических задач проекта социального («буферные» республики), что может при благоприятных условиях привести к ускорению нациестроительства в рамках более широкого пространства аналогичным образом раздел арабского Востока на мандаты определил конфигурацию государств, существующих после ухода колонизаторов.

В этой системе координат некоторые страны демонстрируют интересные промежуточные варианты. Украина оказывается страной, в которой национальный и социальные факторы играют одинаково важную роль, притом что вперед выдвигается то один, то другой.

Соотношение определяющего фактора и определяемой формы в каждом конкретном случае тоже зависит от трех основных факторов:

Стадия развития, на которой народ застал начало революционной волны.

Макрополитические факторы — воздействие борьбы Версальского и коммунистического проектов.

Собственно этнокультурные особенности народа.

Впрочем, внешние формы и «подкладка» могут иметь самостоятельную инерцию. Так, например, революционеры, действовавшие в «дочерних» советских республиках, созданных либо ради «буфера», либо ради экспансии коммунистического проекта на национальной территории, могли искренне стремиться к созданию полноценной национальной части советской федерации, которая будет решать национально-культурные задачи ничуть не хуже, чем социальные. Если для Ленина национальное было вторичным и он был не против развития национальной культуры постольку, поскольку это не мешает реализации социального проекта, то для «национал-коммунистов» культурные задачи народа были важны настолько, что они готовы были ради них служить коммунистическим преобразованиям, даже если большевистский проект прежде вызывал у них сомнения (это касается, например, украинских и белорусских эсеров и меньшевиков, которые в ходе Гражданской войны вошли в партию большевиков и стали активными проводниками политики украинизации и белоруссизации).

Впрочем, и борьба за национальную независимость имела социальную подоплеку. Президенты Сметона, Улманис и Пятс боролись за то, чтобы жить в независимых государствах. Но эти прибалтийские государства в силу их относительной экономической и военной слабости не смогли быть полностью самостоятельными. Они должны были опираться на поддержку более сильных держав (сначала речь

шла о Германии, затем о государствах Антанты) и находиться в экономической зависимости от развитых капиталистических стран. Сторонники национальной независимости боролись за то, чтобы страны Прибалтики остались в западной системе политических и социально-экономических отношений. Они боролись за государственность, защищающую частную собственность. В этом отношении их стремление к развитию национальной культуры почти так же соотносилось с социальными задачами, как и аналогичное стремление коммунистов Мицкявичюса, Стучки и Анвельта.

Мировая революционная волна нанесла удар по имперским структурам, но крупнейшие империи — Британская и Французская — устояли и даже укрепились. Они стали гегемонами, подчинившими себе экономически и политически новые государства, независимость которых оставалась во многом ограниченной. Выяснилось также, что с падением монархических режимов имперские пространства не исчезают, так как они основаны на привычной для жителей социально-культурной инфраструктуре. Население от Риги до Владивостока привыкло существовать в одной стране и в большинстве своем воспринимало независимость как нечто временное. Единая государственность на пространстве Российской империи регенерировалась под красным знаменем злейших врагов этой империи. Давление «империалистических империй» и национальная консолидация их сателлитов позволили оттеснить красную империю нового типа на Восток и подчинить пространство павших центральных империй. Но в 20-х гг. устойчивость такого результата не казалась очевидной.

Идейно-политический полюс, противостоящий многомиллионному движению сторонников социальной революции и Советов, олицетворялся руководителями Парижской конференции, архитекторами нового миропорядка, апеллировавшими к либеральным и национальным ценностям, защищая при этом вполне империалистические интересы. Эта приверженность двойным стандартам делала лагерь «новых версальцев» не менее противоречивым, чем движение «новых коммунаров».

На вызов мировой революционной волны было найдено два ответа. Первый ответ — консолидация нации вокруг сильного государства, которое накормит свое население за счет других регионов. Этот выход использовали все оттенки политического коричневого цвета: от победоносных империалистических элит Антанты до реваншистов, мечтавших о тотальном сплочении нации ради внешних побед.

Второй ответ — постепенное осуществление задач, поставленных радикальной социальной утопией, которые становились своевременными по мере модернизации.

Архитекторы Версальско-Вашингтонской системы стремились ответить не столько большевикам, мотивы и намерения которых плохо понимали, сколько катастрофе мировой войны. «Сильные мира сего» стремились подправить покосившуюся мировую конструкцию, повернув ее к постепенному изживанию пороков агрессивного империализма, колониализма и социального неравенства. Как в XIX в. либеральные просветители с помощью конституции ограждали систему экономического плюрализма, где сочетались капиталистический и аристократически-помещичьи сектора, так теперь просвещенные и либеральные мироправители формировали конституцию, которая должна была сгладить конфликты в системе глобального соперничества империалистического типа. Мировой либерализм, коллективная безопасность плюс национализм постольку, поскольку он не противоречит интересам гарантов этой безопасности — такова формула Версальско-Вашингтонской системы. В 1919–1923 гг. это сочетание оказалось сильнее, чем советская формула — коммунистический режим с национальными особенностями. Но преимущество Версаля над Коммуной оказалось временным и на этот раз не закончилось гибелью очага коммунистического движения. Уже в 1920 г. стало ясно, что система коллективной безопасности перекосилась с уходом США из европейской политики, хотя США инициировали достройку системы в Вашингтоне. Но и это помогло ненадолго.

Проблема коллективной безопасности лежала глубже. Версаль недооценил важность социально-экономических проблем. На следующем повороте истории Великая депрессия ударила по конструкции коллективной безопасности волной национализма. Архитекторы Версальской системы пытались его приручить, но были непоследовательны, что наполнило систему международного права двойными стандартами и болевыми точками. Пока экономическое положение в середине 20-х гг. было благополучно, национализм дремал, а болевые точки не кровоточили. Но с началом Великой депрессии, охватившей мир, национализм, доведенный фашизмом (в широком смысле слова) до высокой степени радикализма и последовательности, стал альтернативой и Версалю, и Вашингтону, и Москве. Фашизм выдвинул свой проект будущего, которого у либералов не оказалось. Перед лицом наступления крайнего национализма коллективная безопасность могла устоять, только опираясь на сторонников социальных перемен. А для этого гаранты Версальско-Вашингтонской системы должны были найти общий язык с коммунистами и меняться сами, возобновить у себя дома путь глубоких социальных преобразований, выдвинуть свой вариант выхода из социального кризиса с сохранением либеральной политической системы.

На фоне революционных романтиков версальцы выглядят более разумными, рациональными. Но приговор истории суров: они тоже проиграли. Версальская система бесславно провалилась. Еще раньше провалилась Веймарская республика. Версальский договор сам по себе провоцировал реваншизм. Но пересмотр Версальских условий в 30-е гг. под давлением реваншизма не решил проблему, а обострил ее. Режим национал-тоталитаризма уже не считал нужным останавливаться на банальном восстановлении равновесия. Так что корни краха Версаля и Веймара лежали не только в несправедливости в отношении Германии. Они лежали куда глубже — в неустойчивости мировой иерархии, где финансовые и бюрократические элиты решают судьбы миллионов людей.

Эти миллионы, как правило, политически инертны. На этой инертности базируется функционирование капиталистических и бюрократических машин. Они провоцируют разрушительные кризисы и войны. Может быть, от них можно избавиться, преодолев инертность широких масс? Вовлечение в процесс социальных преобразований удаляет человека от филистерского равнодушия и приближает к большим темам, приучает его к активности, к защите своих социальных и гражданских прав. Мировая война разбудила миллионные массы, но это был только импульс.

В середине 1920 г. прилив мировой революционной волны достиг своего максимума и наметилась тенденция к ее отливу. Впрочем, и отлив, продолжавшийся до 1923 г., тоже был достаточно бурным процессом. Разбуженные в 1918–1919 гг. силы вступили в схватку за то, кто лучше других воспользуется шансами эпохи перемен, кто останется на поверхности истории после отлива. Об отливе мировой революционной волны мы поговорим в следующей книге.

Оглавление

Мир на войне (вместо введения)	5
Глава 1. Младшая сестра Великой российской революции (Германия в 1918–1920 гг.)	29
Сослагательное наклонение истории и сравнительно-исторические исследования	29
Германия — не Россия	33
Ноябрь как Февраль	42
Январь как июль	75
Конституция и революция.....	91
Скоротечная гражданская война и южная самостийность.....	110
Германская корниловщина и махновщина	132
Глава 2. Архитектура мира	147
От Бреста до Парижа.....	147
Принципы и силы.....	162
Конституция мира	173
Архитекторы.....	180
После Версаля: перекосы и достройка	200
Болевые точки Европы.....	206
Раздел бурлящего Востока.....	214
Тихоокеанское урегулирование.....	239
Глава 3. Саботаж.....	253
Время стачек	253
Ибероамериканский мир между анархизмом и каудилизмом.....	287
«Мы сами».....	322
Индийский бунт, осмысленный и милосердный.....	343
Глава 4. Коммунары против версальцев	355
В эпицентре «мировой революции»	355
Советская Венгрия между национализмом и социализмом.....	363
Прежде чем объединяться, мы должны сначала размежеваться	374
Большой скачок на Восток	416
Глава 5. Интервенты и их союзники	436
Ленивая интервенция	437
Миротворцы или расчленители?	465

Генеральное отступление	470
Борьба за Северную Азию.....	484
Глава 6. Украинские качели.....	507
Возрождение нации.....	508
Советы, коммунисты и батьки	528
Белые, повстанцы и гайдамаки	541
Возвращение коммунистического режима.....	559
Глава 7. Марш к Балтике	562
От Эстляндии к Эстонии.....	563
Латышские стрелки и грешный альянс.....	569
Национальные республики и белые армии.....	588
Северный щит	604
Глава 8. Возрождение Речи Посполитой и тень Великого княжества Литовского.....	613
Исчезновение границ	613
Военный парламентаризм в кольце конфликтов.....	622
Литва Большая и Малая.....	629
Западный край или Белоруссия?	636
Советская версия Великого княжества Литовского.....	641
Польский натиск	653
Глава 9. Красные в Европе	661
Старый спор славян между собою.....	661
Единственный союзник.....	669
Варшава между Москвой и Лондоном	685
Коса перед Вислой.....	705
Захват по-итальянски	717
Красные, белые, черные, зеленые	730
Заключение	755
Социальное, национальное, имперское	755

Научное издание

Шубин Александр Владленович

**Мировая революционная
волна (1918–1923). Прилив**

Редактор: Корякин В.Н.
Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Коновалова Т.Ю.
Коробов С.М.

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 48,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. AE51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11AE51
ООО «Профи-сертификат».

Фонд «Мир»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3.

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 499 322 3832

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
факс: +7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru

**По вопросам издания книг
обращаться в редакционный отдел:**
e-mail: redactor@aproject.ru

**Издательство
«Академический проект»
предлагает**

книги по философии,
психологии,
истории,
культурологии,
геополитике,
а также учебную
и справочную литературу
по гуманитарным дисциплинам
для вузов, лицеев, колледжей.

Вы можете приобрести книги:
купив их в нашем
интернет-магазине
www.academ-pro.ru,
заказав их по телефону
+7 495 305 3702,
по факсу
+7 495 305 6088
или по электронной почте
info@aproject.ru

Просим Вас быть внимательными и указывать
полный почтовый адрес и телефон /факс для обратной связи.
С каждым выполненным заказом Вы будете получать
информацию о новых книгах, выпущенных в свет
нашим издательством.

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАКАЗОВ!

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, Москва, ул. Мартеновская, 3,
телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
e-mail: info@aproject.ru

**Книги издательства
«Академический проект»**

**Шубин А.В.
1918 год. Революция кровью омытая
(598 с.)**

В своей новой книге историк А.В. Шубин предлагает читателю всестороннюю картину событий 1918 г., который стал временем начала широкомасштабной гражданской войны, расколовшей нашу страну на враждующие части. Подробно анализируя ситуацию весны 1918 г., автор выясняет причины возникновения этой войны. Читатель получит возможность познакомиться не только с ходом военных действий, но и с жизнью по разные стороны фронта, с драматичными событиями заговоров и восстаний, мотивами и обстоятельствами действий таких ярких личностей, как Ленин, Троцкий, Шаумян, Спиридонова, Чернов, Савинков, Деникин, Колчак и многие другие. События столетней давности, о которых рассказывает эта книга, оставили в наследство стране уроки, которые имеют непреходящее значение.